

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Н. Т. КРЕМЛЁВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Москва

2016

УДК 30
ББК 60.5
К79

Рецензенты:

д.соц.н. В.К. Левашов, д.филос.н. В.И. Староверов

Кремлёв Н.Т.
К79 Историческая социология. Вопросы теории общественного развития. М.: ЦСПиМ, 2016 — 654 с.

ISBN 978-5-906001-36-8

Историческая социология рассматривается в монографии в самом широком смысле как теория социальной истории. Прослеживая факты социальной истории с момента возникновения человечества до наших дней на примере различных обществ и стран, автор показывает единство всемирно-исторического прогресса человечества. Рассматривается ряд теоретических проблем, связанных с развитием экономики, формированием социальной структуры общества, его политической системы, консервативной и прогрессивной идеологии. Автор показывает роль культуры как фактора, определяющего сущность каждой сменяющей друг друга общественной формации и позволяющего представить общие черты грядущего постиндустриального общества. Попытка восстановления общесоциологической теории может способствовать возвращению социологии статуса науки, теряемого в результате отрицания общественного прогресса и отказа от теории развития общества.

Монография адресована профессиональным социологам, студентам и аспирантам, изучающим социологию, а также всем интересующимся социальной историей и поисками путей общественного прогресса.

УДК 30
ББК 60.5

ISBN 978-5-906001-36-8

© Кремлёв Н.Т., 2016
© Центр социального прогнозирования
и маркетинга, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ЧАСТЬ I. ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО	12
Глава 1. Как историческая социология изучает развитие общества	12
Что представляет собой историческая социология	12
Как изучалась социальная история	16
Методы исторической социологии	44
Некоторые методологические постулаты	72
Глава 2. Первобытное человеческое стадо	75
Предки человека	75
Чем человек отличается от других животных	78
Культура как социальный феномен	88
Образ жизни ближайших предков людей	90
Первые люди	92
Люди вне всякого сомнения	96
Глава 3. Первобытная родовая община	98
Люди переходного вида	98
Новый этап в развитии человечества	102
Глава 4. Первобытная производственная община	108
Материальная культура эпохи мезолита	108
Общественные отношения в эпоху мезолита	110
Мировоззрение и культура мезолитических людей	117
Специализированное собирательство	123
Исключение из правил	125
Глава 5. Начальная стадия неолитической революции	129
Переход к новому типу хозяйства	129
Начало изменения общественных отношений	136
Духовная культура людей эпохи неолита	139
Начало социального расслоения	142
ЧАСТЬ II. АГРАРНОЕ ОБЩЕСТВО	144
Глава 1. Завершающая стадия неолитической революции	144
Пути трансформации первобытного общества в аграрное	144
Ранние союзы племён	148
Первоначальные формы эксплуатации чужого труда	150
Протогосударства	156
Раннеклассовые общества	161
Исключение из правила?	174
Мировоззрение в раннеклассовый период	178
Глава 2. Раннее античное общество	180
Южная Америка в эпоху протогосударств	180
Хозяйство и культура Империи инков	182
Социальная и политическая системы, общественные отношения и идеология Империи инков	191
Место Империи инков в социальной истории	201

Глава 3. Античное государство со всеми институтами	203
Предыстория древнего Египта	203
Раннее царство	207
Древнее царство	210
Первый период междоцарствия	236
Среднее царство	237
Второй период междоцарствия	244
Новое царство	245
Поздний период	261
Глава 4. Классическое античное общество	271
Протогосударства Южной Европы	271
Раннеклассовые греческие общества	275
Ранний классический период	278
Самая классическая античность	286
Эпоха нестабильности	300
Распространение греческой культуры	306
Глава 5. Специфическое античное общество	317
Италия в доримский период	317
Царский Рим	320
Римская республика	325
Римская империя в начале эпохи расцвета	344
Римская империя в эпоху расцвета и стабилизации	357
Упадок и гибель Римской империи	367
Наука, культура и идеология в эпоху империи	381
Глава 6. Древность или средневековье?	393
Восточная архаика	393
Начало государственности	394
Начало не традиционной, а реальной истории	400
Установление государственной системы и возникновение государственной идеологии	406
Начало империи	411
Рождение этноса	415
Очередной распад страны	424
Возрождение империи	428
Империя в переменных границах	435
Под властью монголов	442
Возрождение империи и возникновение промышленности	445
Чужеземное владычество приводит к национальной ограниченности	450
Глава 7. В русле всеобщей истории	458
Дописьменная история восточных славян	458
Самая ранняя форма повинности покорённого народа	462
Раннегосударственное устройство русского общества	465
Русское общество в период монгольского ига	473
Возрождение Русского государства	476

Укрепление самодержавия	480
Смутное время	487
Переход от самодержавия к абсолютизму	488
Реформы революционные и консервативные	503
Расширение прав дворянства	509
Дворянская монархия в России	512
Положение народа и лицемерие власти	517
Последние годы аграрного общества	528
ЧАСТЬ III. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО	532
Введение. Первоначальное накопление капитала или производительных сил?	532
Глава 1. Буржуазные революции	534
Нидерландская революция	534
Английская буржуазная революция	537
Великая Французская буржуазная революция	542
Глава 2. Эпоха свободной конкуренции	549
Типичное развитие капитализма в недрах аграрного общества	549
Свободное развитие капитализма	553
Глава 3. Монополистический капитализм	555
Становление монополистического капитализма в Великобритании	555
Становление и развитие монополистического капитализма в разных странах	560
Глава 4. Государственный капитализм	566
Возрастание роли государственного сектора индустриального общества	566
Социальное бессилие госаппарата современного индустриального общества	572
Проблемы государственного капитализма	585
Условия преодоления пороков индустриализма	588
Супериндустриализм	593
ЧАСТЬ IV. ПРОГЛЯДЫВАЮТ ЧЕРТЫ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА	596
Глава 1. Новые явления, выходящие за рамки индустриального общества	596
Рост нового сектора экономики	596
Изменения социальной структуры	598
Глава 2. Концепции будущего общества	602
Теоретические концепции будущего	602
Концепции, вырастающие из социальной практики	607

Глава 3. Новые социальные движения	617
Левые теоретики будущего в США	617
Новые левые	618
Новые демократические движения	623
Глава 4. Наше будущее — общество интеллектуальное	634
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	641
ЛИТЕРАТУРА	643

ВВЕДЕНИЕ

Наука отличается от других областей знания тем, что, исследуя какую-либо сферу реальности, она стремится обнаружить тенденции, закономерности и законы строения, функционирования и развития изучаемых явлений. Эти законы и закономерности образуют теоретическую составляющую науки, без которой она перестает быть наукой. Все знают, что в естественных науках не может быть нескольких законов, объясняющих одно и то же явление именно потому, что истина, отражающая суть какого-нибудь процесса, всегда одна, а поэтому все другие объяснения ложны. Например, скорость движущегося тела прямо пропорциональна пройденному им пути и обратно пропорциональна времени, затраченному на прохождение этого пути. Таким образом, определяя скорость, приходится делить расстояние на время, а не перемножать, не складывать и не вычитать или, наоборот, делить время на расстояние. Более того, для определения скорости не требуется измерять массу тела, его вес или объем, что только увело бы от решения поставленной задачи: определения скорости, т.е. всякое иное решение не отразило бы истины.

Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что и общественные науки можно считать науками только тогда, когда они также обнаруживают тенденции, закономерности и законы в строении, функционировании и развитии общества или его частей. Археологи, раскапывая поселения, обнаруживают тенденции к развитию жилища от временного к постоянному. Этнографы прослеживают тенденции к росту объединений людей от рода к племени, далее к союзу племён и, наконец, к большому этносу. Юристы показывают как зарождается традиционное право, нормы которого постепенно формализуются в законах, а своды законов изменяются и совершенствуются с развитием общества. Экономисты не только пользуются законами и закономерностями функционирования экономики, но подобно физикам применяют формулы, например, при планировании хозяйства, когда подсчитываются необходимые расходы и предвосхищаются предполагаемые доходы. Химики пользуются периодической системой Д.И. Менделеева, где каждый элемент закономерно занимает определённую клетку. Только в современной социологии потеряны все ориентиры.

Советская социология пользовалась единой теорией, которая предлагала объяснение социальных процессов, исходя из исторического анализа материальной общественной жизни. Прививаемое бюрократической верхушкой единомыслие, сделало общую теорию советской социологической науки (названной по имени основного марксистского метода исследования общества «историческим материализмом») набором догм, вульгаризировав и извратив марксизм, превратив социальную теорию в средство оправдания бюрократического правления, не нуждавшегося в развитии, поскольку отход от догматизма мог бы показать преходящий характер государственного капитализма, выдававшегося за «развитой социализм». Косность и догматизм официальной теории общества, вызывая у обществоведов неудовлетворенность, а порой и отвращение, оттолкнули многих из них не только от марксизма, но от теории вообще.

«Плюрализм», пришедший с «перестройкой», вылился не только в плюрализм мнений, утверждающих существование бога, «космического разума» и «летающих тарелок», явлений «святых», сверхэнергий экстрасенсов и чудодейственных сил колдунов, способных исцелить и навредить, но также в плюрализм социальных «теорий», где одинаково научными были признаны и структурный функционализм, и бихевиоризм, и символический интеракционизм, и цивилизационный подход, утверждающий «уникальность» отдельных обществ, нередко известных авторам этих концепций настолько слабо, что их представления остановились на уровне описаний миссионеров и путешественников XVII-XIX веков (как правило, не понимавших мировоззрения людей первобытных и раннеклассовых обществ), а то и на уровне фантастических рассказов о дальних странах античных и средневековых писателей, записанных с рассказов людей, многие из которых не были в них сами. Стереотипы, сложившиеся у сторонников цивилизационного подхода, заставляют их забывать, что почти все люди давно уже живут в домах, а не в шалашах, ездят на автомобилях, а не на волах, едят мясную и растительную пищу, а не амброзию или манну небесную, что ни мировые, ни даже традиционные первобытные религии не изменяют главных общечеловеческих ценностей, что каждый человек мечтает о счастье, что все хотят быть любимыми и уважаемыми людьми, быть свободными и жить в достатке, пользуясь и транспортом, и телевизором, и компьютером, не отказываясь от любых бытовых удобств, предоставляемых достижениями науки и техники.

Конечно, одни и те же явления можно исследовать различными методами. К примеру, можно определить массу тела на рычажных весах, а можно опустить тело в воду и вычислить массу, исходя из объема вытесненной воды и удельного веса материала, из которого изготовлено измеряемое тело. Результаты будут близки, но во втором случае результат скорее всего будет неточен, а сам метод нерационален. Однако, если бы кто-то вздумал измерять массу тела рулеткой или амперметром, а его размер определять тахометром, то из таких исследований, как ранее выражались, вышел бы просто «конфуз». Почему же теоретические положения, выдвигаемые социологами на основании заключений, полученных разными методами в результате исследований, опирающихся на различные постулаты, надо рассматривать как равноценно научные? Может быть теперь любое количество суждений об одном и том же явлении должно считаться равноценно истинным? Если поднять над землей какое-нибудь тело, то все согласятся, что, если его отпустить, оно полетит вниз, а не вверх или в сторону, потому что существует закон всемирного тяготения. Точно также и общество развивается по присущим ему законам, а не по желанию мнящего себя социологом графомана и даже не по предписанию самодержавного правителя. Можно ограбить своих граждан, можно свергнуть страну в войну и грабить других, но такое состояние не может продолжаться вечно: агрессора ждет поражение, а грабителя — наказание. Ни Александр Македонский, ни Цезарь, ни Наполеон, ни Гитлер не завоевали весь мир, но автомобили и самолеты, средства массовых коммуникаций и информации распространились по

всему миру. И причина проста: нельзя отменить закона всемирного прогрессивного развития. Стремясь сделать более удобной, интересной и счастливой свою жизнь, люди перманентно стихийно осуществляют прогресс, приспосабливаясь к природной и социальной среде, для чего познают её и изменяют в своих интересах. И каждое изменение среды вызывает определённые предвиденные и непредвиденные последствия. Всё, что повышает производительные силы людей, — нужно и полезно для человечества, всё, что тормозит прогресс, неся разрушение культуры и гибель, рано или поздно неминуемо будет отвергнуто. Можно разрушить конкретную культуру и погубить конкретное общество, но то, что возможно в одной стране, то невозможно по отношению ко всему человечеству. Закон всемирного прогрессивного развития — объективный закон, который также не поддается отмене, как и закон всемирного тяготения. Этому учит нас история, которую, как полагает «академик» А.Т. Фоменко (намеренно подменяющий реальную историю историографией) можно «переписать», чему справедливо возражают учёные, знающие историю не по наслышке, а по историческим источникам [см. 8]. Действительно отменить исторические события нельзя, как бы не сомневался в них самый академический из академиков.

Точно также нельзя отменить законы, закономерности и тенденции общественного развития, и отрицание их теми, кто считает себя «социологом», но фактически отрицает и статус социологии как науки. Не стоит забывать о том, что только знакомство с социальной историей позволяет социологу обнаруживать тенденции в развитии обществ и всего человечества, выводить закономерности и даже открывать законы. Проследив закономерности на протяжении всей человеческой истории, можно построить жесткую схему, наглядно демонстрирующую последовательные этапы в развитии общественных систем, а внутри них строгую зависимость между подсистемами, социальными группами, социальными институтами и другими элементами общества, и, несмотря на локальные особенности развития, можно увидеть единство общественного прогресса, который укладывается почти в столь же строгую систему, как периодическая система элементов Д.И. Менделеева, позволяющую не только уточнять теоретические выводы, сделанные на основании изучения фактов социальной истории прошлого, но и предсказывать будущее устройство человеческого общества. Отрицание же законов общественного развития есть отрицание не только научного статуса социологии, но обскурантское отрицание закономерностей прошлого и отказ от возможности рационального общественного развития в будущем.

Итак, выявление фундаментальных тенденций, закономерностей и законов общественного развития требует построения последовательных цепочек социальных фактов, рассматриваемых на протяжении длительных периодов истории, и сравнительного рассмотрения развития отдельных обществ, что, в конечном счете, и позволяет обнаружить единство в развитии человеческого общества в целом. Исследования такого рода возможно провести лишь в рамках такой отрасли социологической науки как историческая социология.

«Но главная заслуга истории заключается в том, что она служит средством для умственного развития и притом многими способами. Прежде всего, применение исторического метода исследования, принципы которого намечены в настоящей работе, очень полезно для ума, потому что излечивает его от легковерия.»

Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобос.
Введение в Изучение истории.

ЧАСТЬ I

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО

Глава 1

КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ИЗУЧАЕТ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Что представляет собой историческая социология

В современной социологии на предмет исторической социологии существует множество точек зрения, но, как известно, лишь одна из них может быть истинной или приблизиться к истине более остальных. Рассмотрим несколько определений. «Историческая социология в первом приближении — дисциплина, связанная с обращением социологов к социальному материалу прошлого и соответствующим документам, источникам и методам при сохранении качественной специфики социологического знания» [197, с. 7] — писал в 1998 г. российский социолог Н.В. Романовский. Такого рода обращение к документам может означать как теоретическое исследование общества на всём протяжении человеческой истории, так и простое сопоставление проведенного небольшого анкетного социологического исследования с ранее проведенным исследованием по той же тематике и на том же объекте, что видно из дальнейшего текста той же статьи Романовского. Вряд ли такую простую эмпирику стоит относить к исторической социологии. Позднее в Социологической энциклопедии Романовский предпочел другое определение: «Социология историческая — изучение социологических данных, относящихся к историческому прошлому» [198, с. 527]. Но и с таким определением трудно согласиться. Почему для исторической социологии пригодны только «социологические» данные? А данные письменных исторических источников, прямо не являющиеся социологическими данными, археологические, этнографические, статистические и другие данные, взятые из исторического прошлого, не нужны исторической социологии? Разве не требуются и данные,

свидетельствующие о современном состоянии общественных явлений, для социально-исторического исследования, особенно для футурологических прогнозов? К тому же не следует путать социальные «данные» (то есть социальные факты) с «социологическими данными», под которыми обычно подразумеваются «данные», введенные в социологию как науку (в которой в теоретическом отношении далеко не всё верно), где часть «социологических данных», то есть интерпретированных и обобщённых социальных фактов, может быть искажена и поэтому недостоверна. Гораздо точнее другое определение, данное там же: «...историческая социология — это раздел социологии, обеспечивающий своими методами единство социологического анализа прошлого, настоящего и будущего, временной континуум социологического теоретизирования и эмпирических исследований путем включения исторического прошлого в анализ исследуемого объекта и тем самым определяющий его исторически и социально данные параметры» [198, с. 528]. Однако оно, будучи загромождено иностранными словами, не обладает достаточной чёткостью. Раздел социологии не «временной континуум», а сфера научного знания, имеющая свой предмет и объект исследования, который рассматривается во временном континууме; его задача не только анализ, но и синтез знаний, полученных после анализа конкретного материала; а историческое прошлое невозможно включить в «анализ» (то есть в расчленение объекта исследования на составные части), но можно лишь при исследовании фактического материала анализ его осуществить. Далее следует ещё более сомнительное утверждение: «Структура исторической социологии практически аналогична структуре социологического знания,...». Но, если так, то историческая социология должна быть тождественна всей социологической науке и включать, например, социологию знания, социологию массовых коммуникаций, социологию кино и многое другое, что не имеет к ней прямого отношения.

Чем больше Романовский вникал в историческую социологию, тем больше находил «специалистов» в данной области, развивающих ее с позиций и эволюционизма, и символического интеракционизма, не замечая простого факта, что не все методы ведут к верным результатам. Среди них оказался и Ш. Айзенштадт, для которого все социальные изменения совершаются по божьему замыслу, который, как известно, нам смертным не дано познать. Где уж тут взяться теории познания непознаваемого процесса исторического развития? А, если нет теории, то откуда взяться методологии? А без теории и методов исследования что же такое историческая социология? И Романовский приходит к выводу, что историческая социология не специальная социологическая дисциплина, не самостоятельная наука, и не часть социологии, но входит во многие (возможно, во все) специальные социологические дисциплины. Таким образом, наверное, можно считать, что историческая социология входит, например, в социальную статистику? Оказывается: «Структура самой исторической социологии практически аналогична структуре социологического знания, вне зависимости от способа его структурирова-

ния» [199, с. 127], т.е. выходит, что разницы между знаниями, полученными исторической социологией, и знаниями, полученными всеми остальными разделами социологической науки (например, той же социальной статистикой или эмпирической социологией) не существует. Позднее Романовский посвятил исторической социологии целую книгу, где повторил свое прежнее определение, снабдив его кратким дополнением, что «историческая социология — это временная, историческая компонента социологии» [3, с. 528; 200, с. 28], что, в общем-то, верно, хотя лучше было бы говорить о разделе социологии, а не о «компоненте», и это определение важнейшего качества (свойства) исторической социологии нельзя считать её определением. Непонимание предмета социологии привело и к беспомощности автора в иллюстрации применения методов историко-социологических исследований, что не позволяет согласиться с положительной рецензией на книгу со стороны социолога О.Н. Яницкого. Да, и вряд ли можно было ожидать верного подхода к исторической социологии от человека, считающего нереальным подход к фактам со стороны Э. Дюркгейма, утверждавшего, что «объяснить сколько-нибудь сложный факт можно, только проследив весь процесс его развития во всех социальных видах» [273, с. 143].

Столь же расплывчатое представление об исторической социологии можно найти и в статье О.С. Грязновой и Д.Г. Подвойского, которые справедливо утверждают, что, «если под исторической социологией понимать социологию исторического процесса, она превратится... в теорию социальной эволюции или общественного развития» [49, с. 113]. Очевидно, будучи неудовлетворены широкими перспективами исторической социологии, которая при таком определении, не содержала в себе, а лишь предполагала существование соответствующей социологической футурологии, они фактически отказываются от ее определения, заменяя его описанием содержания «трех основных тематических блоков» предмета исторической социологии, включающих: «рассмотрение комплекса методов анализа и техник исследования исторического развития общества; использование исторических данных для верификации или фальсификации теоретических построений (важным методом здесь является направленность на конкретные компаративные исследования разных обществ и разных культур); поиск закономерностей исторического развития, разработка социологических концепций, нацеленных на последующее использование в качестве объяснительной модели описания и анализа исторических явлений» [49, с. 120].

Можно ли предлагать методы, да ещё и техники исследования исторического развития общества, не будучи хорошо знакомым с предметом исследования? Разве не предмет исследования требует определенной методики? Здесь же предлагается методология сама по себе. А что значит «использование исторических данных для... фальсификации теоретических построений»? Ни что иное, как извращение чьих-то теоретических построений. Понимали ли любители иностранной «научности», что они пишут? Но посмотрим на «верификацию»? Эта операция заключается в нахождении подтверждений истинности некоего умозрительного поло-

жения, но можно ли сначала сочинять теорию, а потом подбирать факты для ее подтверждения? Не слишком ли «научный» метод? Наконец, «компаративные исследования» хороши лишь тогда, когда знаешь что и с чем сравниваешь. Иначе, сравнивать можно несопоставимые явления и сколь угодно долго. Сравнение исторических явлений будет успешным только тогда, когда они уже расположены в определенном порядке, отражающем их последовательное развитие, а потому для историко-социологического исследования на первом месте должен стоять исторический метод, который неплохо дополнить и сравнительным.

Гораздо более близкую к истине трактовку исторической социологии дал ещё в 1986 году В.В. Кудинов, обозначив ее как направление социологической науки, «целью которого является изучение исторического процесса развития обществ, социальных систем, институтов и явлений, а также разработка специальных социологических теорий исторического развития, социологических методов анализа исторических данных» [140, с. 128; 141, с. 123], хотя и эта версия не обладает достаточной четкостью.

Можно привести ещё ряд определений. Например, А.И. Черных полагает: «Можно предложить такое определение исторической социологии: это социально-научное исследование, которое служит цели, конструирует или иллюстрирует теорию, уделяя особое внимание культурным, географическим и локальным временным факторам», [263, с. 18; 264, с. 88], с чем можно согласиться только отчасти, потому что в соответствии с логикой сначала проводится исследование, потом делаются выводы, и только после этого строится теория. Поступать наоборот, иллюстрируя «теорию», значит подменять научную теорию умозрительной гипотезой, создавая иллюзию научности и теряя возможность самоконтроля — необходимого качества любого исследователя. Гораздо более точное определение приводит сама же Черных, давая его перевод из одного из американских социологических словарей: «Социология историческая — анализ исторических данных с целью получения социологических обобщений» [345, с. 403]. Однако такое определение неполно, поскольку любая наука помимо исследований включает ещё и знания, а исследование не сводимо лишь к анализу и обобщениям. В том же словаре далее справедливо утверждается: «Историческое исследование может включать в себя попытку открыть важные тенденции развития и изменения общества, или цивилизации, или оно может быть ограничено анализом определённой проблемы» [цит. по: 264, с. 87–88], но потом идет ошибочное утверждение: «В последнем случае историческое исследование может просто заключаться в попытке проверки определенных ограниченных гипотез социального поведения, используя данные прошлого», [цит. по: 264, с. 88] которое, видимо, и навело Черных на повторение ошибки.

«Целью исторического исследования, — пишет Л.М. Дробижева, также имея в виду историко-социологическое исследование, — является выяснение закономерностей, механизма и тенденций развития общества» [55, с. 7]. Конечно, здесь обращено внимание на важнейшую функцию исторической социологии, но не только развитие общества исследу-

ет историческая социология. То же ограничение предмета можно найти например и у английского социолога Денниса Смита, в книге которого историческая социология «представлена как дисциплина, которая пытается выявить смысл прошлого (и настоящего) путем исследования как общества функционируют и изменяются» [340, IX, с. 3], так как помимо главной цели историческая социология может ставить и менее значительные цели, например, выяснить как на протяжении какого-то отрезка исторического времени образовался или развивался тот или иной социальный институт, социальный класс или какое-нибудь мало понятное социальное явление. Ограничение предмета можно отметить и у одного из зачинателей отечественной исторической социологии этнографа Л.П. Лашука в утверждении, что «историческая социология изучает методом типологии и системных характеристик социально-деятельные структуры и механизмы функционирования систем общественной организации и этнической общности, социокультурную специфику бытового уклада и социально-группового поведения людей в различных общественно-политических средах» [146, с. 11], где в перечислении функций этой науки пропадает как социально-исторический прогресс, так и множество методов, включая и сам исторический метод. Ещё более расплывчатое определение дает социолог М.Я. Бобров, заявляя, что «истинным предметом исторической социологии являются субстанциональные и структурно-функциональные законы, а также такие категории как «организм», «рабочая сила», «средства труда»,...» [22, с. 105], и перечисляя 20 «категорий» не все из которых можно признать историко-социологическими. Отрадно отметить, что историческая социология как наука не остается здесь без законов, но законы — часть теории, но не часть предмета науки, а уж перечисление категорий просто относится не к предмету науки, а к её аппарату.

Как изучалась социальная история

Перечислять определения предмета исторической социологии можно долго, но, чтобы понять что из себя представляет эта наука, рациональнее обратиться к историко-социологическим исследованиям. «Отцом истории» обычно называют Геродота Галикарнасского, написавшего свою знаменитую «Историю» ещё в V в. до н.э., но вряд ли его сочинение можно отнести к историко-социологическим, хотя некоторые элементы социальных систем и отношений нашли там отражение, например, при описании персидского общества [40, с. 167–169].

Одним из первых периодизацию истории по состоянию общества дал Гесиод (VIII-VII вв. до н.э.) в поэме «Труды и дни», которая отчасти может служить также источником по социальному положению современного ему греческого крестьянства, но его периодизация — плод религиозной фантазии, где развитие человечества изложено в регрессивной перспективе: сначала боги сотворили поколение «золотых» людей, потом «серебряных», затем было создано «медное» поколение, после них

герои, и, наконец, настоящие «железные люди», которые подвержены выпущенным Пандорой болезням и бедам и должны в тяжёлых трудах добывать насущные блага. Надежду на лучшее Гесиод возлагал лишь на крестьянский труд, который к тяжёлым заботам добавит и блага, а также на Зевса и прочих богов, которые наказывают несправедливость и отзываются на дары и молитвы [41, с. 7, 12–15, 36].

Величайшим достижением своего времени (I в. до н.э.) явилось теоретическое изложение социальной истории древнеримским философом Титом Лукрецием Каром. Исходя из своей концепции вечного движения и развития во вселенной, охватывающего всю природу, он приходит и к идее прогресса и одним из первых отвергает идею акта творения, утверждая, что земля сначала поросла «травой и кустами, потом породила животных». Она же «создала поколения первых смертных» [152, с. 181]. Лукреций впервые довольно верно описал первобытных людей как более сильных и выносливых, чем его современники, которые скитались по земле «как дикие звери», ещё ничего не сажали и не жали, не умели обращаться с огнем, не знали мореходства, но жили охотой и били зверей «дубьём» и бросали в них камни. На следующем этапе люди научились использовать природный огонь, строить хижины и употреблять шкуры. «День ото дня улучшать и пищу и жизнь научали те, при посредстве всяческих нововведений, кто даровитее был и умом среди всех выделялся» [152, с. 189]. Таким образом, выдвигая идею прогресса Лукреций исключительно верно кладёт в основу ее нововведения. Прогресс происходил и в охоте, где люди «сначала огонь применяли и ямы,... чем псами травить научились и ставить тенёта» [152, с. 193], и во всём образе жизни, потому что, если у древних людей орудиями были руки, когти и зубы, дерево и огонь, то потом стали использовать медь, а позднее железо, заметив, что расплавленные металлы принимают любую форму и могут быть острыми, стали изготавливать орудия и оружие. Одежду люди сначала делали из шкур, потом научились изготавливать ткани. Видя падение ягод и желудей, люди начали сеять, заметили, что от ухода за почвой стали лучше плоды, и леса теперь заменяли пашнями. Нужда и разум научили обработке полей, судостроению, изготовлению одежды и породили все остальные удобства жизни, а также живопись, песни, ваяние и вызвали к жизни права и договоры, научили разговорному языку, а затем и письму. Даже богов придумали люди, ошибочно приписав им вращение неба и смену времён года [152, с. 185–198].

Уже значительно позднее с социально-исторических и вместе с тем умозрительных позиций к истории человечества подошел Джамбаттиста Вико в работе 1725 года «Основания новой науки об общей природе наций», где, рассмотрев древнюю историю, он выделил эпоху «звериного состояния» людей, начинающийся с религии «век богов», сменившийся аристократическим «веком героев» и, наконец, «человеческим веком» республик и господства разума, вслед за которым, как он предполагает, наступит упадок, а затем все повторится снова, но уже на более высоком витке исторического развития. «Новая наука» Вико это —

«История Человеческих Идей», «мыслей, относящихся к необходимости или пользе общественной жизни» [31, с. 117], но прежде всего она «должна быть Рациональной Гражданской Теологией Божественного Проведения» [31, с. 115, 472], откуда, по его же логике, должна была бы следовать предопределенность и непознаваемость хода истории, что совершенно непригодно с современной научной точки зрения.

Шарль Луи Монтескьё в труде «О духе законов» (1748 г.) подошел к истории человечества как единому и закономерному процессу. Придавая решающее значение влиянию на общество географической среды (местным природным условиям и климату), рассмотрев законодательство германских народов, французов и римлян, он утверждал, что у истории разных народов есть «общие начала», а «всякий частный закон» зависит от «более общего закона» [166, с. 159]. Несмотря на преувеличение влияния географической среды, его идеи о единстве и закономерности всеобщей истории оказали положительное влияние на развитие социальной мысли.

Немного позднее (в 1765 г.) в трактате «Философия истории» Франсуа Мари Вольтер, исходя, правда, из веры в движущее историей «Провидение», утверждал постоянство человеческой природы и клал в основу исторического развития «развитие человеческого разума» [35, с. 22, 40]. Он придавал большое значение изобретениям, торговле, рассматривал окружающую среду и общественные отношения, что оказало значительное влияние на последующих социальных философов.

Труд историка Адама Фергюсона «Опыт истории гражданского общества» явился важной вехой в истории социально-исторических исследований. Фергюсон впервые высказал мысль о прогрессивном развитии человечества как вида из «состояния животной чувственности к приобретению ума, пользованию языком и общественными навыками» [254, с. 36]. Рассмотрение истории позволило ему обнаружить, что люди прошли в своем развитии племенной период, когда они занимались охотой и рыболовством, а затем перешли к земледелию и оседлости. Ему удалось также показать, что первоначальное равенство сменилось имущественными и социальными различиями и привело к выделению слоя, соединяющего имущественное богатство и знатность происхождения, а погоня за богатством со стороны знати привела к грабежу и делению человечества на угнетённых и угнетателей [(254, с. 139, 159–165].

Гийом Рейналь на большом историческом материале предпринял исследование «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (1770 г.), доказывая, что процветание народов связано главным образом с торговлей, которая способствует развитию промышленности и науки, а торговля в свою очередь в значительной степени зависит от мореплавания, которое возникло, например, у финикийцев или у англичан под влиянием природных условий [см. 193, VIII]. Несмотря на надуманность концепции, не учитывавшей степени эксплуатации колоний и положения рядовых граждан внутри метрополий, работа Рейналя представляет собой пример раннего историко-социологического исследования.

Экономист Анн Робер Жан Тюрго определил, что всемирная история это — рассмотрение «последовательных успехов человеческого рода и подробное изучение вызвавших их причин» [251, с. 78], потому что видел в ней «прогресс человеческого разума» как развитие знаний, наук, логики, а также прогресс в области изящных искусств, живописи, поэзии и музыки [251, с. 102, 108–142]. Вместе с тем он наблюдал успехи и в материальной сфере, где отметил, как ему думалось, последовательный переход сначала от охоты и собирательства к скотоводству, а затем к земледелию. Ему удалось уточнить впервые предложенное в 1758 году Франсуа Кенэ деление общества на обладающие противоположными интересами основные социальные классы фермеров и батраков, предпринимателей и рабочих.

Родоначальник политической экономии Адам Смит, предпринимая (опубликованное в 1776 г.) «Исследование о природе и причинах богатства народов», одним из первых обратился к истории экономики средневековой Европы, рассмотрев ряд законов в сфере экономики, налоговые системы, изменение цен на серебро, сырьё, хлеб, мануфактурные товары и многое другое [215, с. 362–487], и пришел к выводу об общественном прогрессе, осуществляемом в промышленности и торговле благодаря участию конкретных исторических лиц. Он также показал экономическую роль основных классов современного ему общества: землевладельцев, капиталистов и рабочих.

Иоганн Готфрид Гердер, полагал, что «божественный рассудок» является прообразом человеческого рассудка, а потому и природа всех людей — одинакова. Ещё он утверждал, что весь род человеческий происходит из Азии и как часть природы также развивается по естественным законам. В развитии разума он видел прогресс и, рассмотрев историю культуры разных народов до XIV в., обнаружил в ней восхождение через несколько ступеней [38, с. 169, 265–269, 608].

Уже из заголовка труда Жана Антуана Кондорсэ «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» ясно, что он признавал прогресс и рассматривал его как прогресс интеллекта. В свою очередь прогресс разума, выделяя в нем 10 эпох, он выводит из развития человеческих способностей отдельных индивидов, которые, будучи объединены в общество, основываются на достижениях людей предшествующего периода и влияют на результаты в будущем. Прогресс, как полагал Кондорсэ, подчинен «общим законам» и связан с развитием культуры, хозяйства и политики. Как и Тюрго он ошибочно выводил земледелие из животноводства, неправомерно рассматривая животноводство как пастушество. Ему принадлежит также попытка выделения множества социальных классов [103, с. 2, 16–19, 24], начиная уже с эпохи земледелия.

В начале XIX в. идея прогресса в истории общества получила дальнейшее развитие в трудах Клода Анри де Рувруа де Сен-Симона, пытавшегося приложить к ней законы природы. В основу прогресса Сен-Симон также положил развитие мысли. Согласно его представлениям, первоначальное идолопоклонство людей привело к политеизму с присущим

ему рабством, затем прогресс привёл к христианско-монотеистическому мышлению, а рабовладельческие отношения сменились на феодальные, опирающиеся на сословную и религиозную государственную систему. Затем начался критический период, означавший смену религиозной стадии общественного развития на метафизическую с критикой религии и сословно-феодальной системы. После Великой французской революции наступила новая позитивная стадия общественного развития, когда на смену ошибочному мышлению пришло мышление светское и научное, которое несут ученые и промышленники. Сен-Симон пытался выделить социальные классы и, хотя принимал во внимание различные формы собственности, не понял разницы в положении рабочих и буржуазии, отнеся их вместе к индустриальному классу. Видя несовершенство современного ему французского общества, он выступил за рационализацию индустриальной системы, предлагая создавать для всех членов общества равные возможности для развития и использования способностей в братских ассоциациях с обязательной трудовой повинностью и распределением произведений труда по способностям. Однако, отдавая руководство в предлагаемом обществе с единым хозяйством и плановой экономикой не только учёным, но промышленной и даже финансовой буржуазии, Сен-Симон не осознал специфику её интересов и напрасно надеялся на то, что предлагаемое им новое христианство поможет людям осознать свое братское единство [см. 21].

Считающийся основателем социологии (очевидно, на том основании, что ввел сам термин «социология») Огюст Конт мало что внес в историко-социологические исследования по сравнению со своим учителем Сен-Симоном, а скорее изменил его учение не в лучшую сторону. Конт также обращался к истории, но только к истории европейских народов, считая их элитой среди других, рассмотрев лишь период с XIII до начала XIX века. Он также считал развитие преимущественно интеллектуальным процессом, хотя его «социальная динамика» наряду с интеллектуальными эволюционными процессами включала и социальные процессы. Его «законы» общественного развития, которые опирались на наблюдения за социальными явлениями, ещё не утратили умозрительный характер. Важнейший из них «закон трех стадий» разделил историю мышления на три этапа. На первом этапе «теологическое» мышление порождало фикции без каких-либо доказательств. Поклоняясь фетишам, множеству богов или одному богу, люди верили в богов и героев, а также в вождей (и аристократию), которые нередко вели от них свое происхождение. Отсюда и подчинение авторитарным военным и теологическим режимам с присущими им феодальными отношениями. На втором этапе возникло «метафизическое» мышление, которому свойственны умозрительные, а не опирающиеся на реальность идеи. Однако этим мыслительным абстракциям не соответствовала социальная действительность, поэтому метафизическое мышление якобы потребовало разрушения существующих порядков, что и завершилось во Франции революцией. После этого наступила «позитивная» стадия, на которой точные науки дают точную оценку реальности, позволяющую изменять в положительную сторону

и природу и общество. Это положительное, позитивное знание дало имя «позитивизму», новому направлению в общественных науках. На позитивном этапе общественного развития, по мнению Конта, возрастает не только роль науки (особенно помогающей прогрессу социологии, но и промышленности, культуры, повышается мораль, политика приобретает черты справедливости [см. 105; 106]. Тем не менее, увидев, что общественное развитие идет не так, как он предполагал, Конт решил, что для того, чтобы не только учёные, способные понять его доктрину, а и простые люди включились в преобразование общества, необходима новая позитивная религия, объединяющая людей. И в 40-х гг. он предложил культ «Великого существа», подразумевая под ним всё человечество как единое целое [см. 292]. Таким образом учение Конта, лишившись некоторых гуманистических черт учения Сен-Симона, явилось небольшим шагом назад по сравнению с идеями его учителя.

Герберт Спенсер, тоже признанный основатель социологии, также обращался к истории, где он обнаружил не только эволюцию и прогресс, но стремился выяснить причины возникновения исторических фактов и обнаружить законы общественного развития. Он разделил развитие общества на два этапа: «военное» и «промышленное» («индустриальное») общество. «Военное» общество характеризуется принудительным сотрудничеством, при котором господствующий военный класс с помощью силы и религии осуществляет «социальный контроль» над некогда побежденными рабами и крепостными. Прогрессивное «индустриальное» общество опирается на добровольное сотрудничество, где каждый человек стремится удовлетворить свои интересы и одновременно способствует реализации потребностей общества в социальном прогрессе. Спенсер опасался бюрократизации и милитаризации современного ему общества, но надеялся на появление нового человека, в котором общество успокоит агрессивные инстинкты и разовьет гуманность. В будущем он ожидал возникновения «федерации высших наций», которая запретит ведение войн и оградит мир от рецидивов дикости. Рассматривая эволюцию как нелинейный процесс, Спенсер допускал разнообразие в прогрессе и временные регрессивные отступления, поэтому «военное» и «индустриальное» общества у него не только этапы развития, но и сосуществующие типы обществ. При этом он полагал, что вмешательство человека в эволюционный процесс бесполезно, и утверждал, что социальные революции противоестественны. Проследивая процессы интеграции и дифференциации людей ещё с первобытного общества он утверждал, что постоянно происходило разделение труда, и чем дальше заходила дифференциация, тем более требовалась интеграция для координации действий и необходимость в управлении. В результате в обществе сложились три основных системы: поддерживающая жизнь, распределительная и регулятивная. Он также впервые рассмотрел социальные институты, выделив среди них домашние, ритуальные, политические, церковные, профессиональные и индустриальные [см. 220]. Спенсер провел и серию исторических исследований, рассмотрев развитие ряда социальных институтов. Например, он отмечал развитие

рабовладения от формы домашнего рабства к тотальному применению рабского труда в ремесле и сельском хозяйстве. Он занимался проблемами происхождения и развития религии, изучением быта первобытных народов, широко используя исторический и этнографический материал [см. 342], и его считают родоначальником эволюционной школы в этнографии.

Социально-исторические исследования в XIX в. вели уже не только социо-философы, но и историки нередко обращались к социальным проблемам. Немецкий историк Бартольд Георг Нибур, исследуя историю раннего Рима, уделил значительное внимание рассмотрению социальных отношений, в частности он сравнивал родовые отношения у римлян с родовыми пережитками современных ему народов [см. 329].

Историк права Карл Фридрих Айххорн исследовал немецкую государственную систему и историю права через рассмотрение длительного периода истории с римских времён до 1815 года, опираясь на письменные исторические источники. Значительное место он уделил исследованию такого социального института как община и такому социальному классу как аристократия [см. 300].

Другой историк права Фридрих Карл Савиньи рассмотрел историю институтов права в ряде стран средневековой Европы [см. 336].

Но самый значительный вклад в историческую социологию был внесён марксизмом. Написавшие значительное число работ в содружестве Карл Маркс и Фридрих Энгельс первоначально исходили из идеалистического подхода к социальной истории и к истории вообще, но обратившись к непосредственному исследованию положения современных им различных социальных слоев и классов и опираясь на исторические факты, они стали уделять основное внимание материальной жизни, перешли на материалистические позиции и разработали метод исторического исследования, получивший название: «исторического материализма». Они разработали понятие об «общественной формации» как об оригинальной форме социальных структур, которые отличаются одна от другой способами производства и последовательно сменяют друг друга на протяжении исторического развития общества. Они выделили три исторических, одну современную им и одну будущую формацию. Кроме того они создали учение о социальных классах, обладающих специфическими интересами, о движущих силах истории и многое другое. Некоторые положения марксизма требуют уточнений, другие были опровергнуты историей, но ценность марксистской теории общества заключается в том, что она дала реальную схему прохождения всех без исключения человеческих обществ от одной формации к другой, внутри которых все сферы человеческих отношений находятся в жёсткой детерминативной связи.

Во второй половине XIX века историки продолжали исследования, приносявшие социальные знания. Шарль Бемон и Габриель Моно в работе «История Европы в средние века (395–1270)» значительное место уделили рассмотрению социально-политического строя средневековых европейских государств и таким его аспектам как государствен-

ный аппарат, феодальные отношения, церковь [см., например: 18, с. 418–420].

Юлиус Липперт, рассматривая материальную и духовную культуру как общечеловеческую культуру, пришел к идее ее развития из материальной жизни общества. Выясняя развитие таких социальных институтов как семья, собственность, власть, религия и суд, рабство, крепостничество и т.п., он пришел к ряду и верных и ошибочных выводов. Тем не менее ему удалось показать как собственность на землю порождает такие социальные отношения как рабскую и феодальную зависимость [150, с. 119].

Карл Лампрехт изучая историю и хозяйство германских народов, пришел к заключению, что общество развивается эволюционным и закономерным путем, и главным в развитии является прогресс культуры [144, III]. Культуру он понимал широко, включая в нее экономические и социальные отношения, но неправомерно приписывал приоритет в ней национальному сознанию.

В 90-х годах XIX века вышла книга Шарля Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса, излагавшая методы исторического исследования. Главное, к чему призывали французские историки, это — исследование, опирающееся на подтвержденные документами факты, не исключая и наблюдения. Если не только их современники, но и большинство обществоведов XX века предлагало в качестве главного логического метода анализ, то Ланглуа и Сеньобос напомнили о необходимости последующего синтеза, который собственно и позволяет делать теоретические выводы. Более того, они показали, что в истории можно обнаружить причинные связи, вывести эмпирические законы и обнаружить эволюцию общества, хотя его прогресс вызывает у авторов сомнение, поскольку представляется не единым и не непрерывным и показывает лишь «частичные успехи» человечества [145, с. 169–184, 206–233].

В то время как историки разрабатывали социальные проблемы, исходя из исторического материала, социологи все менее и менее обращались к исследованию фактов в их хронологической последовательности. Эмиль Дюркгейм, опасаясь дробления социальных явлений на множество форм, что займет много времени, уже отвергал исторический метод в социологии, хотя и не отрицал возможности рассмотрения «рядов изменений» социальных явлений, например, при рассмотрении социального института, изменяющегося в процессе эволюции и под влиянием окружающей среды, для чего требуются «генетический» и «сравнительный метод», позволяющий, сравнивая ряды явлений, даже выводить законы [59, с. 511, 518–522].

Историк, этнограф и социолог Генрих Кунов, напротив, рассматривал развитие общества и отдельных общественных явлений в процессе эволюции, выступая за материалистическое понимание истории, обращая значительное внимание природным условиям и условиям производства [143, с. 3, 41–42].

Социолог Пауль Барт отождествлял современную ему социологию с философией истории [13, с. II, 11], а потому предметом исследования ему

служила история общества, где он обнаружил поступательное развитие от первобытной человеческой орды через разделение предобщества на сословие воинов и подчинённых им «мирных работников» с последующим созданием государства с сословным обществом. Далее Барт выделял период абсолютизма, сменяющийся конституционным государством и затем экономическим либерализмом, после чего он отмечал болезненное состояние общества и выражал надежду, что социалистическое рабочее движение приведёт к образованию нового общества, которому потребуются создание идеала, опирающегося на «сознание вечной ценности добра и красоты» [13, с. 420].

Первая половина XX века на Западе не отличилась большими успехами историко-социологических исследований. Английский этнограф Джеймз Джордж Фрэзер, рассмотрев на большом этнографическом и фольклорном материале развитие ряда религиозных представлений, пришел к выводу что мировоззрение людей развивается от магического через религиозное к научному. Однако он расценил и магию, и религию, и науку как «способы теоретического мышления» и высказал фантастическое представление о возможности смены науки «более совершенной гипотезой» [257, II, с. 451–453].

Американский социолог Фрэнклин Хэрри Гиддингз подошел к развитию общества с эволюционистских позиций. Он признал и прогресс, но приписал ему иррациональность, хотя и отметил, что он повышает возможности людей в борьбе за существование. В этой борьбе человечество исходит из принципа полезности, развивая потребительскую экономику, приводящую к созданию культуры. Культура в свою очередь делает экономику продуктивной. В ходе истории совершенствуется и человеческий интеллект, в развитии которого Гиддингз выделил три стадии: догадок, обнаружения аналогий и сопоставлений и логическую. К сожалению его обращенное в историю исследование мало опирается на исторический материал [см. 306].

Американские социологи Ховард Пол Беккер и Хэрри Элмер Барниз, как бы подводящие итоги развития социальной мысли перед Второй мировой войной, фактически отказались от идеи общественного развития, высказавшись за многолинейность и отклонения от прогресса в развитии знаний, хотя сами же выстроили историю развития социальных знаний от бытовых представлений до научных социологических знаний. В конце концов оказывается, что миссия социологии как части культуры заключается в том, чтобы, в соответствии с религиозным представлением о конце мира, обеспечить спасение [282, II–III, с. 1, 12, 176, 178].

В России социально-исторические исследования начались позднее, чем на Западе. Первые российские историки, как правило, мало интересовались социальными проблемами, хотя, в отличие от западных историков, более реалистично смотрели на развитие общества. Так, например, Василий Никитич Татищев (1686–1750) считал, что на протяжении истории происходило постепенное развитие ума и просвещения [см. 229]. Из социальных проблем его интересовало преимущественно развитие института власти.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) также рассматривал историю с позиций прогресса как борьбу разума и просвещения с заблуждением и невежеством [см. 81].

Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855) расценивал процесс исторического развития как прогрессивный и закономерный [см. 45].

Сергей Михайлович Соловьёв (1820–1879) считал историю процессом естественного развития общества [см. 94].

Но внимательное отношение к социальным проблемам началось, пожалуй, с Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), рассматривавшего развитие общества как многофакторный процесс, но особо выделявшего социально-экономические материальные отношения, которые он считал также основой классовых отношений. Важное место в его исследованиях занимало изучение социально-политического строя России, в частности, состояние важнейшего для её истории социального института — крепостного права. Большое значение Ключевский придавал классовым, групповым и личным интересам и потребностям личности и общества, предложив даже классификацию потребностей. Подчеркивая важность социологического подхода к историческим исследованиям, он писал: «Историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развитие и отправление их отдельных органов, — словом изучение свойств и действия сил, создающих и направляющих людское общежитие, составляют задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения под названием *исторической социологии*» [94, с.135]. Оставив в стороне критику научных взглядов Ключевского, можно сказать, что именно его, а не Макса Вебера или Карла Лампрехта [см. 198, с. 527] надо считать основателем исторической социологии.

Историк и социолог Николай Иванович Кареев разделил историю, социологию и философию истории, названную им впоследствии «историологией». История, по его мнению, должна заниматься единичными фактами, социология изучать социальные процессы, рассматривая социальные явления в их взаимодействии, обнаруживая тенденции развития и даже социальные законы, а историология построением теории исторического процесса. Согласно Карееву, исторический процесс является эволюционным (или «генетическим») процессом, в котором проявляется разносторонний умственный, культурный, нравственный, экономический, политический, правовой и т.п. прогресс (в котором можно выделить ступени развития), способствующий освобождению личности и увеличивающий власть человека над природой. Он полагал, что во взаимодействии индивидов важно выделить духовную составляющую и основное внимание надо уделять культурным группам, но все-таки главное влияние на исторические события оказывают критически мыслящие личности, духовные и светские вожди. Тем не менее он считал, что в истории можно найти причины событий и даже предсказать будущие события, хотя изменившиеся условия могут и помешать тому, чтобы они свершились. Можно также выявить законосообразность, и

обнаружить ее является задачей истории и социологии. Однако законы, действующие в ходе истории, не подобны законам природы, так как это — законы психологические и социологические, и какого-либо единого закона не существует [82, с. 17, 51–54, 181–182, 256–257].

Современник Кареева историк, этнограф и социолог Максим Максимович Ковалевский также фактически разрабатывал историческую социологию, тоже называя ее «социологией генетической». Вот его определение: «Генетической социологией называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право,...» [99, с. 272]. К перечислению социальных институтов, исследованных Ковалевским можно было бы добавить общину, власть, хозяйство и многое другое. Важно отметить, что он также был сторонником эволюции и прогресса, рассматривая последний главным образом как рост солидарности членов общества, приводящей к росту «замирённой» сферы, и так же как Кареев отмечал особую роль выдающихся личностей. Он признавал и закономерности общественного развития, утверждая возможность выведения законов из обобщений [99, с. 272, 285–286].

До сих пор двенадцатитомная работа Николая Александровича Рожкова «Русская история в сравнительно-историческом освещении» остается самым крупным трудом по исторической социологии (хотя этот термин не используется автором). Говоря о главном методе своего исследования, Рожков называет то сравнительно-исторический метод, то метод исторического материализма, но не выдерживает научной строгости ни того, ни другого, потому что ему свойственны отходы то в экономизм, то в психологизм, то в физикализм. Сначала он утверждает, что использует теорию экономического объяснения общественных явлений, затем, что он стоит за обоснование своей теории посредством «нового великого, всеобъемлющего принципа энергии, сводимой современным естествознанием к электричеству: как раз хозяйственная, экономическая жизнь и есть та сфера общественных отношений, в которой энергия природы превращается в энергию общественной жизни, в социальную энергию» [194, I, с10]. Для Рожкова развитие общества — «единый и цельный процесс, развёртывающийся с закономерной необходимостью из хозяйственных условий» [194, I, с. 13]. «Закономерность общественных явлений, по убеждению автора,... имеет такой же характер как и закономерность явлений природы: вопреки мнению Риккерта, между общественными явлениями и явлениями природы, между процессами, совершающимися в общественной жизни, и процессами, которые имеют место в жизни природы нет разниц. Явления и процессы общественной жизни только сложнее явлений и процессов жизни природы, и потому обобщающая работа, установление закономерности в обществознании труднее, чем в естествознании» [194, XII, с. 348]. Конкретная историческая наука, по мнению Рожкова, занимается изучением конкретных фактов и позволяет делать обобщения, в то время как абстрактная

социология на основании исторического знания изучает жизнь общества и стремится выявить законы развития общественных явлений. И эта работа, благодаря выявлению причинно-следственных зависимостей, приводит Рожкова к установлению более ста двадцати «законов». Обнаруживая в развитии отдельных стран и народов сходные явления и процессы, он приходит к убеждению, что у разных народов история повторяется, и, согласно его материалистическим взглядам, общества образуются и развиваются под влиянием хозяйственных условий и потребностей. Важнейшим фактором общественного развития он считает развитие производительных сил, а также классовые интересы и классовые отношения, хотя и предупреждает против стремления видеть во всем непосредственно классовый интерес. Кроме того, с точки зрения Рожкова, деятельность классов и групп с общими интересами обусловила сходство социально-психологических признаков внутри этих групп, и он стремится обнаружить закономерность в развитии психических типов, которые повторяются в истории разных стран и народов в одновременно везде протекающие периоды их развития, потому что «Психический тип — это то же в истории духовной культуры, что тип экономический в истории хозяйства, тип социальный в истории устройства общества, тип политический в истории государства...» [194, I, с. 11–12]. Признавая постепенный характер общественного развития, Рожков выделил следующие ступени: первобытное общество, общество дикарей, дофеодальное общество или общество варваров (оно же родовое и племенное общество), феодальную революцию, феодализм, дворянскую революцию, господство дворянства или старый порядок, буржуазную революцию и капитализм. У феодализма он «обнаружил» форму «муниципального феодализма», а на стадии капитализма он выделил период торгового капитализма и производственного, включающего аграрный и промышленный капитализм. Эта схема полна ошибок. Рожков справедливо определяет земледелие как главное условие возникновения феодальных отношений, неточно называя процесс феодализации «феодальной революцией», но фактически теряет возникающие одновременно с феодальными рабовладельческие отношения. Процесс централизации государств, сопровождающийся ликвидацией феодальной раздробленности, он также неточно называет «дворянской революцией», и эти теоретические ошибки приводят его к таким нелепостям как «обнаружение» «торгового капитализма» в древнем Риме в первые десятилетия I в. н.э. или «дворянской революции» в XVI в. до н.э. в древнем Египте [см. 194]. Тем не менее в целом труд Н.А. Рожкова явился первым фундаментальным трудом, написанным с позиций исторической социологии.

В русле исторической социологии, называя её генетической, работал также историк и социолог Константин Николаевич Тахтарев, который по этому поводу писал: «История человеческого общества и различных общественных форм составляет предмет той области знания, которая известна под названием генетической социологии. Генетическая социология есть наука, которая изучает различные формы жизни общества в процессе их возникновения и развития, пользуясь данными и выво-

дами многих других наук, как необходимыми предпосылками. В этом отношении для генетической социологии имеет особо важное значение как общая социология, изучающая самые различные явления общественной жизни, взятой в целом, устанавливающая и выясняющая ее закономерности, так и сравнительная история различных общественных учреждений, а также этнология, раскрывающая доисторическое прошлое человека. Необходимые для генетической социологии научные данные даются также и антропо-географией, археологией и историей культуры, историей хозяйства, историей религий и другими науками, которые дают нам возможность выяснить историю развития общественной жизни людей в условиях, как природной среды, окружающей человека, так и той искусственной среды, которую люди постепенно создают сами, своим совокупным творчеством, по мере развития своих производительных сил» [232, I, с. 83]. В этом громоздком, но в целом верном определении можно отметить, что Тахтарев рассматривал человеческое общество как единое целое, хотя он признавал особенности и разновидности отдельных обществ. Конечно, он стоял на эволюционистских позициях, но признавал и революционный путь развития, а также — прогресс и регресс. Изучая общественную жизнь в развитии, он находил в ней объективные соотношения и закономерности, придавал большое значение развитию производительных сил, отношениям в процессе труда, рассматривая разделение труда как фактор расслоения общества на социальные группы и классы. Любопытно разделение эксплуатируемых трудящихся на пролетариат города и деревни и «салаariat», то есть служащих, между которыми происходят столкновения и борьба, но есть сотрудничество и солидарность. Тахтарев широко использовал сравнительно-исторический, «соотносительный» метод для выявления связей и закономерностей и статистические методы, особенно количественный метод, и совершенно не мыслил исследования явлений общественной жизни без рассмотрения их эволюции в ходе общественного развития. В развитии общества он выделил 6 ступеней (или формаций): тотемическое общество (с охотой как главным видом хозяйства), родовое общество (с кочевничеством как основным образом жизни), территориально-общинную (или поземельно-общинную) организацию (с земледелием и оседлостью), феодальный строй (с натуральным хозяйством и сословной системой), свободную гражданскую общину (с городским образом жизни) и классовое национальное общество (с государственным строем). К этой периодизации истории общества необходимо добавить ещё и социализм и коммунизм как «последовательный» социализм [231, с. 24; 232, I, с. 83–88, II, с. 355, 363–365]. С такой периодизацией истории общества вряд ли стоит соглашаться. Хотя она и последовательна хронологически, но не имеет общего основания.

Экономист и социолог Николай Иванович Бухарин не проводил социально-исторических исследований, но был первым в нашей стране, кто последовательно изложил марксистскую теорию общественного развития с позиций исторического материализма, отчасти отразив свое специфическое понимание. Развитие общества он рассматривал как не-

прерывный процесс, где несмотря на любые скачки и «перерывы» сохраняется преемственность и связь с прошлым. Более того, он смотрел на развитие как на процесс нарушения и восстановления равновесия в общественной системе. Как и другие сторонники истмата Бухарин считал главным двигателем истории развитие производительных сил, а для современного ему момента рост производства средств производства, отдавая внутри производительных сил приоритет технике, которая преимущественно и ведет, по его мнению, к изменению отношений в обществе, полагая, например, что с распространением сельскохозяйственной техники, электрификации и т.п. крестьяне охотно пойдут на кооперацию. Вместе с тем, утверждая, что духовная культура зависит от уровня развития материальных производительных сил, он отмечал, что именно духовная культура материализуется и накапливается в вещных формах [29, с. 128–129, 306–309]. Как теоретик Бухарин занимался разработкой вопросов перехода от капиталистических общественных отношений к социалистическим: форме и роли государства, научного управления хозяйством, и кооперации крестьянства, ошибочно предлагая развивать товарно-денежные отношения.

К середине XX века историческая социология окончательно оформилась как самостоятельная наука. Во всяком случае выше упоминавшийся американский социолог и историк культуры Хэрри Элмер Барниз выпускает книгу именно с таким названием, где уже дал обзор наибольших вкладов в историческую социологию, а также поставил перед собой задачу обнаружить и сформулировать законы социального развития для стадий социальной эволюции и отдельных периодов и институтов. К сожалению, оказывается, что не исторический материал, а социологические и другие обществоведческие концепции составляют для Барниза основу для исследования в области исторической социологии. Сначала он утверждает, что современная тенденция рассмотрения культуры как сложного комплекса верований, достижений и институтов сближает социологию культуры и историческую социологию особенно в изучении институциональной эволюции, и даже заявляет, что историческая социология рассматривается им как эволюционная наука культуры, а потом уверяет, что концепции культурного и институционального развития — «главный базис для выявления законов, трендов и принципов институционального развития, которые являются главной задачей исторической социологии» [281, с. 76]. Вместе с тем, Барниз признает эволюцию и революцию, ведущую к становлению нового порядка, и даже общественный прогресс, у которого, с его точки зрения, много форм, то есть прогресс может быть интеллектуальным, эстетическим и материальным, поясняя, что прогресс это — «конкретные улучшения в благосостоянии человеческого общества. Он включает заметное продвижение в просвещении, процветании и безопасности человечества» [281, с. 171]. Сам он намечает 6 стадий экономического развития: экономика собирателей — естественные поиски продовольствия, охота и рыбная ловля; пасторальная экономика; земледельческая экономика; коммерческая экономика; индустриальная экономика и финансовая экономика, — и ещё более неточные (потому

что теряют единое основание) 4 стадии политической эволюции, включающие по несколько мелких ступенек [281, с. 3–5, 84, 171]. В целом историческую социологию Барниза трудно признать исторической, поскольку обращение к истории у него скорее служит для проверки умозрительных концепций, чем для серьёзного научного исследования.

В послевоенный (после Второй мировой войны) период всё большее и большее число социологов стало ощущать необходимость обращения к историческому материалу. В свою очередь многие историки почувствовали потребность в использовании результатов социологических исследований и, особенно, в применении социальной теории для понимания хода истории. Значительное внимание историко-социологическим исследованиям уделил уже в 1950-х годах известный американский социолог Баррингтон Мур младший. Мур утверждал, что история учит исследователя зреть в корень и заставляет выявлять возможности будущего развития общества. С его точки зрения, историк более гибок, чем социолог, потому что, имея дело со множеством фактов, относящихся к длительному периоду времени, может выдвигать различные предположения, проверять их и уточнять, в результате чего, накапливает способность проникать в сущность явлений. Социолог же исходит из множества данных и множества идей, среди которых встречаются и противоречивые теории, которые следует проверять, не пренебрегая и исключениями из правил. И тот и другой должны стремиться избегать ошибок и не проецировать механически современные проблемы на прошлое, но и не преувеличивать влияния прошлого на настоящее. Мур предупреждал против попыток искать универсальные закономерности общественного развития или закономерности, распространяющиеся на длительный период развития, тем более, что социальная эволюция — многолинейный процесс, ведущий к разнообразным последствиям, где разные общества, проходя определённые стадии развития (например, экономических структур, социальных институтов или технологий), могут пропускать некоторые из них, отставать друг от друга или внезапно опережать в развитии. Эволюция — направленный процесс, но в будущем возможны самые разнообразные пути развития, и обнаружившие их социологи увеличивают свободу выбора людьми желаемого будущего в свободных обществах [327, с. 132–138, 152–158].

В 1960-х годах делаются уже попытки наладить диалог между историками и социологами, чтобы обменяться методами, повышающими эффективность исследований. Примером такого рода обмена может служить сборник «Социология и история: методы», вышедший под редакцией известного американского социолога Сеймура Мартина Липсета и историка Ричарда Хофштедтера. В сборнике Хофштедтер писал, что многие молодые историки выступают за конвергенцию истории и социологии и даже используют социологические методы, например, количественные методы, контент-анализ и интересуются социологическими концепциями [341, с. 15].

В свою очередь Липсет (отметивший, что, если раньше историки игнорировали концепции и методы социологов, а социологи — исторические

данные), показал, что теперь у социологов проявился интерес к исторической социологии, и они обратились к проблемам социального развития, «модернизации», экономического развития, выявлению детерминант изменений в интеллектуальной жизни, рассмотрению эволюции национальных ценностей, изучению прошлых стадий электорального поведения, анализу изменений в религиозной жизни и т.п., а все это требует обращения к историческим свидетельствам. Например, социологу полезно было бы с помощью историка проверить генерализацию, относящуюся к изменениям в социальной структуре. В свою очередь историки стали проявлять интерес к строгой методологии и системной теории, используемым социологами, начали использовать количественные методы, и Липсет рекомендует им изучать социологические теории, чтобы иметь представление о социальных статусах и ролях, о системах ценностей, о структуре социального действия, пользоваться собранным социологами информационным материалом. Он советует также проверять концепции на историческом материале, используя специалистов разных общественных наук и альтернативные методологические подходы, и надеется, что новое поколение исторических социологов будет более методологически образованным, чем предыдущее поколение [341, с. 20–22, 51–53].

Американский историк Стивен Тернстром упрекает тех из своих коллег, которые не используют в своих исследованиях количественные методы и не пользуются компьютерами, которые помогают анализировать и систематизировать данные [341, с. 59, 75]. Сам он, например, исследуя социальную структуру Бостона с 1880 года, пользовался и историческими и современными социологическими данными и предлагал историкам шире применять количественные методы и брать у социологов экономическую статистику, данные, суммирующие характеристики социальных групп, данные голосования и другие материалы [340, с. 68].

Ряд других историков также выступает за сотрудничество социологов и историков и делится своим опытом социо-исторических исследований [341, с. 79–423].

Приблизительно в то же время известный американский социолог Роберт Низбет также выступил с призывом к социологам обратиться к истории. Признавая эволюцию, но сомневаясь в идее социального развития, он предлагает исследовать социальные изменения. Для этого, с его точки зрения, совершенно необходимо обратиться к конкретному эмпирическому материалу социальных исследований и, обязательно, к историческим фактам, и на основе генерализации данных уже строить социальную теорию [330, VII, с. 11, 303–304].

Немецкий социолог Ханс-Ульрих Велер в начале 70-х привлек к сборнику «История и социология» работы ряда известных социологов и историков. Указав на то, что ряд социологов уже давно говорит о необходимости истории для социологии и социологии для истории, он заметил: «У меня такое впечатление, что способность социологии к овладению истинной проблемой в решающей степени зависит от того, насколько она связана с историей... Потому что только из истории она может по-

лучить объяснительные модели для долгосрочных трендов, без которых все штудии прошедшего поверхностны, более того, остаются вводящими в заблуждение» [306, с. 12]. Отмечая, что история имеет дело с индивидуальными явлениями, а социология с обобщениями, Велер утверждал: «Следовательно, в области историко-критической науки, которая знает как связать обостренное теоретическое сознание с квалифицированным пониманием процессов развития, которые с течением времени укладываются в различные последовательности, кажется возможна конвергенция исторической науки и социологии». Указав на ряд сфер исследований, где возможна конвергенция наук, он поставил на первое место теорию, особо выделив выявление законов исторического развития [306, с. 11–13, 24–25].

Идею кооперации истории и социологии поддержал известный немецкий социолог Ханс Фрайер, отметив, что социология выделяет в социальной структуре «идеальные типы», которыми может пользоваться историческая наука, а история позволяет находить взаимосвязь социальных явлений во времени [306, с. 79–84].

Известный американский социолог Чарлз Райт Миллз заметил, что каждый раздел социологии должен быть историческим, потому что социология как наука нуждается в историческом материале для того, чтобы лучше понимать многообразие и исторические особенности в социальных структурах [306, с. 86–87, 95].

Упомянутый выше известный американский социолог Сеймур Мартин Липсет обратил внимание на то, что исторический анализ может придать социологическим исследованиям интернациональный характер, например, при рассмотрении множества разнообразных культур [306, с. 154].

Американские же социологи Вернер Канман и Элвин Босков наметили ряд проблем, связанных с социальным взаимодействием, которые можно было бы совместно разрабатывать социологам и историкам. Им исторические исследования фактически нужны главным образом для иллюстрации к социологическим концепциям или для проверки их на историческом материале, относящемся к длительным (историческим) периодам, как и для английского социолога Норберта Элиаза [306, с. 77, 170–174].

Напротив, немецкий социолог Петер Дритцель считал, что в послевоенное время, исходя из теории социального действия, и социологи и опирающиеся на исторические источники историки начинают приходить к идее прогресса, освобождающего человека от репрессивного воздействия как природной, так и социальной среды [306, с. 51].

Американский социолог Чарлз Тилли отметил, что социология занимается историческими проблемами со времён Конта, а исторический материал используется практически всеми социальными науками и стал совершенно необходим для объяснения структурных изменений в современном обществе, так что теперь социологи получили возможность объяснять исторические изменения [306, с. 97, 127–128].

Французский историк и социолог Фернан Бродель заявил, что для того, чтобы постичь социальный процесс в целом, со всеми закономер-

ностями общественного развития (а этого хотят фактически все гуманитарии), требуется объединение усилий всех гуманитарных наук, занимающихся прошлым и настоящим, и им нужна общая методология.

За последние 30–40 лет и в работах историков появились социальные аспекты, и социологи поняли, что исторический материал служит для познания не только прошлого, но и настоящей социальной жизни. Английский историк Эрик Хобсбаум также считал, что социологам нужно рассматривать настоящее через прошлое, а социальным историкам требуются для исторического анализа изучаемых общественных отношений социологические и экономические теории, и не следует забывать, что общество едино [306, с. 189–190, 338].

Американский историк Стюарт Хуиз, отметил, что историки имеют дело главным образом с индивидуальными явлениями, в то время как социологи их генерализируют, но и социология и история уже применяют общие методы исследования, такие как статистические, социально-экономические, психологические и исторические, и для того, чтобы историки могли вести теоретическую работу, они могли бы использовать существующие социологические теории, но должны применять их критически [306, с. 219, 227–235].

Английский историк Ада Бриггз была наиболее категорична в суждениях, заявив, что история — главная часть социологической науки, потому что теперь социолог может рассматривать долгосрочные социальные факторы исторически, а историк может критически подойти к предположениям социологов и проверить их на исторических фактах. Во всяком случае историки и социологи могли бы не соперничать, а сотрудничать и вместе устанавливать связь между прошлым, настоящим и будущим [306, с. 245–250].

Немецкий историк Теодор Шидлер назвал историю и социологию комплиментарными науками. Обе они имеют одно и то же поле и один и тот же объект исследований — социальную жизнь. Хотя социология больше имеет дело с настоящим, но может изучать и прошлое, а также делать прогнозы на будущее, в то время как история изучает только прошлое, но и старые тенденции могут вернуться в современную социальную практику. Социология берет у истории исторические методы исследования, заимствуя специальные методы также у таких наук как демография, этнология, структурная антропология и другие исторические науки. Социологи ищут движущие силы социальных изменений, но вынуждены выявлять формы и причины исторических изменений, и конечно социальные науки оказывают на историю теоретическое влияние. Именно из социологии историческая наука черпает законы социальных изменений, и историки продолжают поле исследования социологов во времени [306, с. 283–284, 302].

Немецкий историк Юрген Кока отметил тесную связь социальной истории и истории хозяйства с социологической наукой. С одной стороны, социальные и хозяйственные теории должны опираться на исследование фактов истории, с другой, теоретическая социально-экономическая интерпретация всеобщей истории ставит в связь социально-экономические

факторы, помогает выявить каузальные отношения между социальными, экономическими, политическими, идеологическими и культурными факторами. Например, можно использовать теоретическую периодизацию истории на социально-экономических основаниях, предлагаемых марксистской теорией общества, но выделение абстрактных ступеней общественного развития требует уточнения в каждом конкретном случае. Как конкретная национальная экономика позволяет контролировать экономическую теорию, так и исторические источники, относящиеся к конкретному месту и времени позволяют контролировать социальную теорию. Таким образом история становится историко-критической социальной наукой [306, с. 312–318, 326].

Американский историк Томас Кочран, исходя из того, что социальное поведение людей, исполняющих определенные социальные роли, развивается на протяжении исторического отрезка времени, показал, что исторические исследования помогают выяснять причины изменения поведения, а знакомство историков с теорией социальных ролей и структурой социального взаимодействия избавит их от ошибочных обобщений и выводов [306, с. 281–287].

Его соотечественник, историк Уильям Айделотт показал пользу заимствуемых в социологии квантитативных методов в исторических исследованиях при изучении социальных групп, для классификации исторических явлений, для обнаружения аномалий, требующих объяснения и т.п., а возникающие несоответствия измерений с теорией позволяют поставить вопрос об их пересмотре [306, с. 261–273].

К середине 1970-х годов историческая социология фактически выделилась в самостоятельную науку, в рамках которой работали как социологи, так и историки, и определить характер исследования (историческое или социологическое) стало довольно сложно. Например, американский социолог Перри Андерсон предпринял исследование развития общества в Европе, начиная с античности и кончая режимом абсолютизма. Рассматриваемый отрезок истории он разделил на три периода развития: античность, феодализм и абсолютизм. Как социолог основной упор он сделал на социальной структуре общества, социальных институтах, социальных классах и социальных группах, а также их развитии, но опирался на исторические факты и объяснял причины социальных изменений историческими событиями как историк [280, с. 24–27, 197–198, 261].

Немецко-американский историк Георг Иггерз напротив основное внимание уделяет в истории теоретическим (главным образом социологическим) интерпретациям истории. Он выступает за «критическую историческую науку», включающую и историзм, и марксизм, и структурализм, и использование концепции модернизации, и индивидуализацию истории отдельных регионов и стран, свойственную историкам из школы анналов. Рассматривая историю как развивающийся процесс, он отмечает в ней и общественные антагонизмы, и даже переломные моменты, однако оказывается, что «социальный историк» должен ставить теоретические вопросы и проверять их на историческом материале через

социальные, политические и цивилизационные изменения, но, главное, проверять гипотезы в широких дискуссиях представителей разных общественных наук, стоящих на разных теоретико-методологических позициях [313, с. 259–264], то есть подменяя научную методологию верификацией.

Английский социолог Теда Скокпол, работая в рамках исторической социологии, исследовала проблему социальной революции. Используя сравнительно-исторический метод и опираясь главным образом на марксистскую теорию революции, потому что марксизм более чем другие социальные теории основывается на исторических категориях, она пришла к заключению, что существующие теории революции недостаточны. В результате Скокпол объединила марксизм с концепцией социального конфликта. Она изучила историю Англии, Франции, России и Китая, исследовала на конкретном историческом материале революции в этих странах, проконсультировалась у многих ведущих социологов, рассмотрела, как эти революции трансформировали государственные аппараты, социальные структуры и господствующие идеологии внутри стран, а также как повлияли на соседние страны. В результате Скокпол раскритиковала предшествующие исследования революций, дала своё определение революции и предложила свои рекомендации по совершенствованию общественных систем на заключительном этапе социальных революций [339, XII–XVI, с. 34, 292–293].

Вышеупомянутый американский социолог Чарлз Тилли в 1981 году уже прямо выступил за историзацию социологии. Напомнив, что социология как дисциплина выросла из истории, он провозгласил, что социологи и историки должны создавать теории адекватные историческим основаниям. Тилли отметил, что исследования развития: демографического, урбанистического, экономического, социального, политического и образовательного значительно усилились после Второй мировой войны и ознаменовали начало эконометрической истории (или «клиометрики»), когда социологи, демографы, географы и другие представители социальных наук обратились к истории. Вместе с тем, и историки стали широко применять социологические, особенно количественные методы, а с 1970-х годов уже использовали компьютеры. Сам Тилли исследовал «политические потрясения» во Франции и Англии в XIX и XX веках, дал их классификацию и изучил участие в них социальных классов и групп, в связи с чем рассмотрел ещё и процесс пролетаризации различных социальных слоев. С его точки зрения, социология до некоторой степени подвела историю, потому что моделирование социологами крупномасштабных социальных процессов, таких как индустриализация, бюрократизация и т.п., не привязано к месту и времени и, следовательно, эти процессы лишены исторических оснований. Чтобы этого не происходило, создаваемые обществоведами социальные теории должны быть неотделимы от исторических фактов [346, с. 7, 63–66, 109–214]. «Я полагаю, — утверждал Тилли, — что здесь не должно быть дисциплинарного разделения труда: просто социологи и историки, описывая социальную историю, должны повысить интерес к ранним проблемам и возможностям путем

тренировки и опыта. Но если здесь должно быть разделение (труда), то пусть оно отделяет не теорию от факта, но типы теории один от другого; пусть социологи пытаются приложить и улучшить типы теорий, преобладающих среди их коллег социологов, и пусть историки делают тоже самое среди их товарищей историков» [346, с. 213–214].

Если верить «специалисту» по исторической социологии Н.В. Романовскому, то в последней трети XX века «классический труд по исторической социологии» издал Ш. Айзенштадт [198, с. 527]. Однако Айзенштадт сторонник цивилизационного подхода к истории, что само по себе заменяет общечеловеческую историю историей выделенных во времени и пространстве по воле автора «цивилизаций». Место развития у Айзенштадта занимают «динамика», «изменения», «преобразования». Исследуя радикальные движения и даже революцию, он не отрицает напряжений и столкновений, но переводит борьбу в столкновения элит и группировок, в которых якобы проявляется свойственная людям природная агрессия, выражающаяся во взрыве насилия. Оказывается, что и формы движений протеста зависят от символических ориентаций и кодов, содержащихся в сталкивающихся культурах и системах, а, если заглянуть вглубь явлений, то Айзенштадт демонстрирует «пропасть», «напряжение» и «столкновение» между «трансцендентальным» и «светским», «мирским порядком», подверженность событий «божьему закону» и возможность получить «трансцендентные представления» через «откровение» и даже «спасение» [273, с. 23–24, 389–390; 301, с. 11–13]. Куда уж нам, простым смертным постичь сей божественный порядок? Не проще ли оставаться в рамках науки, которая, как всем известно, с религией не совместима?

«К исторической стороне социологии» проявил «большое внимание», по утверждению Романовского, также П. Бурдьё [198, с. 527]. Действительно, по мнению Бурдьё, история является одной из привилегированных областей социальной философии, а «историческое рассмотрение» позволяет понять «генезис структур» (или «историю структур»), например, в системе образования. Однако «историческое рассмотрение», как он считает, помогает понять «изменения», «трансформацию», а не прогресс. Кроме того, «историческое рассмотрение» даже в том или ином социальном «поле» оказывается «чрезвычайно сложно» провести, потому что исторические документы могут иметь «пробелы», а «единичные мотивы» «агентов» социального действия, особенно в исторических источниках, «препятствуют построению реальности во всей её сложности» [27, с. 76]. Учитывая, что, с точки зрения Бурдьё, множество мнений социологов по одному вопросу означает продвижение «в сторону научности» [27, с. 65, 69–71], можно понять, что для него важно не столько обращение к историческим фактам, сколько построение субъективных концепций, основанных на рассмотрении социальных «полей», в которых сталкиваются «габитусы» социальных акторов, а не происходят реальные исторически обусловленные социальные процессы, которые для Бурдьё нечто второстепенное по отношению к идеальным явлениям.

Упомянувшийся выше английский социолог Деннис Смит в работе «Становление исторической социологии» показал длительный путь развития социально-исторических исследований, дал близкое к истине определение исторической социологии (см. выше), но оказалось, что историческая социология (как полагает и ряд вышеупомянутых социологов) нужна лишь для «уточнения» созданных без опоры на исторический материал социальных концепций [340, с. 3].

К концу XX века социально-исторические исследования стали привычным занятием для ряда западных социологов. Примером такого рода исследований может служить работа известного американского социолога Эрика Райта, в которой он рассматривал изменения в классовой структуре США, Швеции и Японии, включающей рабочий класс, «экспертов» и «менеджеров», исследуя их социальное положение и классовое сознание, на протяжении 30 лет [см. 353].

Обращение к историческому материалу стало нормой для некоторых видных социологов. Например, известный английский социолог Энтони Гидденз прямо призывал социологов заглядывать в прошлое, используя исторические источники, чтобы увидеть социальную жизнь групп и обществ людей в исторической перспективе [42, с. 559].

Признанием исторической социологии в США как важной самостоятельной научной дисциплины явилось создание в 1983 г. секции Исторической социологии в Американской социологической ассоциации.

Наконец, нельзя не отметить появления на Западе значительного числа журналов, публикующих как социально-исторические, так и историко-социологические исследования. В 1958 г. вышел в свет *Comparative Studies in Society and History*, в 1967 — *Journal of Social History*, в 1975 сразу — *Journal of Interdisciplinary History*, *Geschichte und Gesellschaft* и *Social History*, в 1988 — *Journal of Historical Sociology*. Кроме того, издается целый ряд других журналов, связанных, преимущественно, с исследованиями частных историко-социологических проблем.

В XXI век историческая социология вступила уже не только как оформившаяся, но достаточно развитая дисциплина, и многие социологи осознали необходимость исторического подхода к теоретическим социальным исследованиям. Так, например, датский социолог Я. Алстед не только ведёт историко-социологические исследования, но призывает других в исторической перспективе изучать социальные изменения, чтобы понять современные общества. Однако нельзя безоговорочно соглашаться с его социал-дарвинистским подходом к развитию социальных институтов, которые якобы подвергаются селекции со стороны людей. Люди сами создают социальные институты и сознательно или бессознательно (в силу объективных законов общественного развития) их совершенствуют или меняют, а не выбирают из двух или нескольких альтернатив [7, с. 122, 127–128]. Однако Алстед глубоко прав, веря в прогресс в социальном развитии человечества, утверждая, что «у нас будут организации, институты и общества, которые лучше удовлетворяют стремления людей к лучшей жизни, чем прежние» [7, с. 128].

В отечественной социологической науке приблизительно с начала 30-х и до середины 50-х годов XX века в силу неблагоприятной для неё политической обстановки возник временный перерыв. В это время социально-историческими исследованиями занимались главным образом историки, опираясь на марксистскую теорию общества, нередко слепо и догматически применяя к социально-историческому процессу устаревающую «пятичленку». Однако уже в 1957–1971 годах, когда состоялся второй этап дискуссии об «азиатском способе производства» (первый состоялся в 1925–1931 годах) ряд неудовлетворённых пятичленкой историков (Л.Б. Алаев, Л.С. Васильев, Ю.И. Семёнов и другие) решил добавить к ней «азиатский способ производства» как общественную формацию, следующую за первобытным обществом и предшествующую формации рабовладельческой или объединяющую черты первобытности, и слабо развитых рабовладения и феодализма [см. 179]. Некоторые (как, например, И.А. Стучевский) указывали на то, что в «рабовладельческих» государствах существуют и феодальные отношения [см. 225; 226], а Ю.М. Кобищанов уже в 1965 году прямо отверг существование рабовладельческого способа производства. Позднее он разработал концепцию «большой феодальной формации», в которой объединил «азиатский способ производства», рабовладение и феодализм. Разрабатывая другие теоретические проблемы, Кобищанов рассмотрел такую социальную общность как каста в масштабах почти всей Африки и убедительно доказал, что такой социальный институт как полудье был явлением всемирным [см. 95; 96; 97; 98].

Одним из первых соединить социологическую и историческую методику в историческом исследовании предложил философ (впоследствии известный социолог) Борис Андреевич Грушин. С его точки зрения, к историческому исследованию надо подходить двояко: с одной стороны, к историческому материалу нужно применять конкретно-исторический подход, с другой, — абстрактно-теоретическую логику исследования. Настаивая на необходимости построения теории исторического процесса, Грушин предложил рассматривать предмет исследования исторической науки фактически с социологических позиций как систему, в которой необходимо устанавливать связи, уметь обнаружить изменения, а в её развитии находить закономерности и законы перехода от одного исторического состояния к другому [48, с. 17–18, 170–174].

Уже в ранний период послевоенного возрождения социологии в СССР стали появляться труды, указывающие на необходимость тесной взаимосвязи социологии и истории. Примером такого труда может служить работа историка и этнографа (впоследствии также известного социолога) Леокадии Михайловны Дробижевой, утверждавшей, что «значительная, и притом центральная область» исторического знания «в поверхностных слоях совпадает с предметом исследования социологов» [55, с. 11]. Выступая «за историзм в социологических исследованиях», Дробижева утверждала: «Наиболее тесно взаимопроникают общая социологическая теория и изучение исторического процесса в целом и на отдельных его этапах. Общая социологическая теория определяет

и исторические исследования различных сторон общественной жизни, между тем как конкретные социологические исследования связаны главным образом со специальными отраслями исторического знания, изучающими отдельные стороны жизни общества, взаимодополняя и обобщая друг друга» [55, с. 21]. Вряд ли можно согласиться с идеей наложения теории на историю извне, потому что сама же Дробижева рассматривает факты как фундамент для научных выводов, хотя скорее для нее историческим источником являются материалы современных конкретно-социологических или социально-психологических исследований. Однако нельзя не согласиться с тем, что такие социологические методы как количественный метод, статистический анализ, системный анализ, классификация и типологизация должны широко использоваться и в исторических исследованиях [55, с. 85–137].

Первой послевоенной работой по исторической социологии стала работа этнографа Льва Павловича Лашука «Введение в историческую социологию», в которой он дал одно из первых в советской социологии описаний и определений исторической социологии (см. выше), а также рассмотрел с позиций исторической социологии социальную и этническую структуру первобытного и аграрного общества [см. 147].

Попытка комплексного подхода к историческому исследованию была сделана известными социальными философами В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзоном. Предложенный ими комплекс включал 3 подхода, свойственных скорее социологии, чем истории. «Объективно-системный подход позволяет понять, — утверждали они, — развитие общества как закономерный естественно-исторический процесс; субъективно-деятельностный — как процесс и результат человеческой деятельности, гуманистически-личностный — как выявление человеческого смысла истории» [90, с. 284]. Однако имеет ли смысл предлагать три разных подхода, один из которых лишь по названию заменяет историко-материалистический метод, а два других искусственно разрывают разумную человеческую деятельность на некий идеальный «смысл» и на лишенный его труд?

В 1980-х годах историки со своей стороны стали обращаться к социологии, перенимая её методы и применяя социологическую теорию. Повторяя широко известный на Западе тезис о том, что социология имеет дело с общими социальными проблемами, а история с единичными фактами, Б.Н. Миронов выступил за интеграцию обеих наук. Отсюда и его предложение применять два пути исторического исследования. Один путь это — переосмысление исторического материала, собранного и описанного на языке исторической науки в социологических понятиях и концепциях, другой — познание исторических явлений с помощью социологического инструментария. Позднее, показывая разницу между социальной историей и исторической социологией, он верно очерчивает круг задач социальной истории, но вскоре после этого берется за рассмотрение задач исторической социологии. Когда Миронов говорит: «Теоретические задачи исторической социологии — изучение социальных изменений и тенденций в развитии общества, выявление

закономерностей, развитие новой теории, способной обеспечить более убедительные и исчерпывающие объяснения исторических явлений и культур» [74, с. 49], то с ним можно согласиться. Но далее он утверждает: «Её (исторической социологии — Н.К.) задачи — проверка социологической теории и частных гипотез на исторических данных,...» [там же], что, с научной точки зрения, вызывает большие сомнения, поскольку настоящая научная теория не требует проверки, раз она строится «на исторических данных», а умозрительные псевдотеории просто не требуют проверки, потому что они строятся без знания «исторических данных». Сам Миронов исследует русское крестьянство XV — начала XX веков: его положение в общине, мобильность, грамотность и сознание. Однако несмотря на применение социологических методов, его выводы относительно типов сознания русских крестьян рассматриваемого периода явно не в ладу с элементарной логикой, поскольку логика Миронова приводит его, например, к выводу, что у крестьян феодальной эпохи не было абстрактного и обобщающего мышления [4, с. 145, 165; 166, 56].

По-видимому, желанием отказаться от неосвоенного историко-материалистического метода вызвано предложение И.Д. Ковальченко использовать несколько методов исторического исследования, в том числе и заимствованных в западной социологии. Среди них: аналитически-индуктивный историко-генетический метод, который, по мнению Ковальченко, последовательно раскрывает свойства, функции и изменения окружающей реальности и выявляет причинно-следственные связи, историко-сравнительный, позволяющий находить общее в истории разных стран и народов, историко-типологический, который главным образом выявляет единичное, присущее многообразию сочетаний индивидуального, то есть позволяет проводить типологизацию дедуктивным и дедуктивно-индуктивным подходом, историко-системный, включающий и функциональный анализ, дающий возможность восходить от абстрактного к конкретному, и методы диахронного анализа для изучения развития «общественно-исторической реальности» [101, с. 170–176, 183–194]. Такого рода методология вряд ли полезна кому-либо кроме самого Ковальченко, потому что своей эклектикой скорее дезориентирует исследователя, чем помогает ему. Например, разве историко-генетический метод не включает диахронного анализа? И уж, если он раскрывает функции, то зачем нужен отдельный функциональный анализ?

Среди историков, которые «делают шаги в направлении к исторической социологии на теоретическом» уровне Н.В. Романовский называет культуролога А.Я. Гуревича [197, с. 528]. Однако, как согласуется такой «теоретический вклад», как заявление Гуревича, что «какова была история «на самом деле», нам знать не дано,...» [50, с. 15]. Очевидно, что комментарии здесь излишни.

Агностицизм и растерянность — качества, присущие не только историкам, не способным самостоятельно строить на конкретных исторических фактах теорию. Русско-английский социолог А.В. Леденёва сначала утверждает, что самые интересные социальные теории возникают

из исторических или культурологических исследований, но потом оказывается, что социальные законы мало что объясняют в конкретных случаях, и роль социальной теории начинает терять свое практическое значение, а постмодернистская реальность не поддается рациональному объяснению [216, с. 4, 13–14]. Наконец, выясняется, что, с точки зрения Леденёвой, «социальной теории нет вообще. Её построение это — перспектива отдаленного будущего» [216, с. 11].

В 1980-х годах историк и философ В.П. Илюшечкин провёл сравнительное исследование ряда стран Европы, Азии и Северной Африки в древности и в средние века, которое привело его к отрицанию рабовладельческой и феодальной формаций. Справедливо обнаружив там единый способ производства, опиравшийся на производительные силы в земледелии, скотоводстве и ручном ремесле, он однако почему-то присвоил ему наименование: «потребительно-стоимостной» [см. 69; 70], что фактически путает этот способ производства со способом производства нового времени. Позднее илюшечкин, собрав ряд концепций стадийного развития общества, выказал себя сторонником теории общественных формаций, в основе которых лежат производительные силы и производственные отношения [см. 71].

Социолог А.И. Черных рассматривает историческую социологию как метод исследования становления ряда социальных институтов Советской России в 20-х годах XX столетия. Она с социологических позиций прослеживает изменения социальных структур, социальное действие и взаимодействие акторов на протяжении ряда лет [263, с. 8–9], но подбор фактов (а не рассмотрение их целостной совокупности) приводит ее, мягко говоря, к не совсем верным выводам.

Социолог М.Я. Бобров справедливо отмечает, что общие социологические законы являются также и историческими законами», но, видимо, прежние законы его не удовлетворяют, и он предлагает для исторической социологии новые «структурно-функциональные законы». «В социологии было установлено, — уверяет нас, не ссылаясь ни на кого, Бобров, — что в первичную структуру человека входит три элемента: организм, средства труда и предмет труда. На их основе возникают уже вторичные элементы и отношения между ними. Вот на основе первичных и вторичных элементов и всего только шести отношений (владения, пользования, распоряжения, распределения, присвоения и потребления) между ними можно объяснить не только происхождение жизни, но и многообразие малых и больших, первичных и вторичных групп» [22, с. 104]. Происхождение жизни из организма со средствами и предметами труда можно оставить на совести М.Я. Боброва, но элементарная логика требует не уподобляться барону Мюнхгаузену, рассказывающему о том, что на луне люди рождаются из орехов уже готовыми мастерами вместе с соответствующим профессии инструментом. Стремление то ли «развить», то ли «преодолеть» марксизм легко прослеживается у Боброва, но прежде чем что-либо развивать или преодолевать, его необходимо знать. Перечисляя формы принадлежности, нельзя забывать о главной среди них, о собственности, перечисляя элементы производ-

ственных отношений, нельзя выбрасывать из них обмен. «Открывая» «структурно-функциональные законы», Бобров обнаруживает среди них «рабовладельческий», «феодальный», «буржуазный», особую форму «структурно-функциональных законов» в колхозах и даже на акционерных предприятиях, где якобы система частного производства преобразуется в коллективное производство [22, с. 9, 105, 173], забывая о том, что частная форма присвоения не меняет коллективного и даже общественного характера капиталистического производства, и, очевидно, «нечаянно», забывая о контрольном пакете акций в любой акционерной компании. Позднее Бобров к «структурно-функциональным» законам добавляет ещё и «субстанциональные», а также «особые» законы для конкретных общественных систем [74, с. 44], суть которых он пока ещё достаточно не раскрыл на конкретном историческом материале.

Известный социолог Ж.Т. Тощенко утверждает, что «анализ общества в его поступательном развитии относится к компетенции исторических наук» [248, с. 32], однако сам предпринимает исследование в социально-историческом ключе [см. 247].

На рубеже веков философ, социолог и историк Л.Е. Гринин взялся разрабатывать проблемы развития государственности и движущих сил развития каждой формации общества. При этом, порой, обращаясь к неточно обобщённому историческому материалу (а не к фактам, почерпнутым из исторических источников), он допустил множество ошибок и произвольно затащил исторический материал в умозрительно построенные хронологические циклы. Заслуживают внимания его характеризующие переход от одной стадии развития общества к другой производственные революции. Первая — аграрная, происходившая в два этапа: сначала во время перехода к мотыжному земледелию, затем к ирригационному или плужному. Вторая — промышленный переворот с применением машин и энергии пара. Третья — научно-информационная революция, включающая применение электроники для связи, информации и в управлении, а также использование автоматизации, развитие энергетики и применение синтетических материалов на первом этапе 40-х–50-х годов XX века, а на втором (в наше время) — распространение и усовершенствование инноваций, на третьем (начиная с 30-х–40-х годов XXI века) — изменения биологической природы человека, позволяющей управление природой и производством [см. 47]. Несмотря на то, что Гринин не нашёл единого основания для выделения основных общественных систем и ряд неточностей, его производственные революции действительно отражают движущие силы социального развития.

В начале XXI века философ Н.С. Розов в ряде работ предложил методологию для решающей общесоциологической проблемы: исследования исторической макросоциологии, изложив, по сути дела, множество известных ему методологических и логических подходов и математических методов, используемых в социологии (и отчасти в истории), но не прибавив к предложенным как верным, так и ошибочным методам ничего нового [см., например: 195].

В целом социально-исторические исследования в России, несмотря на ошибки и недостатки, постепенно развиваются.

Институализацию исторической социологии как дисциплины в нашей стране можно считать законченной после появления фундаментальных учебников. Однако пока они заставляют желать лучшего. Например, С.А. Педан и В.Г. Павенков дают весьма расплывчатое определение «историческая социология — это дисциплина, синтезирующая достижения исторической и социологической наук» [184, с. 23], что не годится для учебника, но самое неприятное, что историзм у них тонет в «цикличности социального развития», в цивилизационном подходе и откровенно антиисторических методах: неофрейдизме, символическом интеракционизме, провиденционализме (Шпенглера, Тойнби), вплоть до утверждения «цикличности деятельности людей» под влиянием солнечной активности.

Появившаяся затем двухтомная хрестоматия по исторической социологии под редакцией историка С.В. Зубова, в которой изложены некоторые теории развития общества, антиисторический цивилизационный подход и другие антинаучные методологии (например, А.П. Чижевского), тоже желает лучшего, чтобы называться достижением отечественной исторической социологии [см. 75]. Рассматривая исторический и антиисторические методы как равноценные, такие учебники наносят вред образованию, выливая на голову бедных студентов ушаты доморощенных сведений, где крупницы истинных знаний тонут в помоях антинаучного бреда, и неискушенные в науках молодые люди не могут разобраться: что истинно, а что ложно. В результате, начиная научную деятельность, многие из них, будучи неспособными к критическим оценкам, фрагментарно и, как правило, необъективно изложенного материала, становятся приверженцами приглянувшихся концепций, распространение которых наносит ущерб не только науке, но и мировоззрению, вплоть до способствования возникновению психических отклонений.

Краткий обзор литературы по социально-историческим исследованиям показывает, что более полувека назад наметилось сближение социологических и исторических исследований. Социологи всё чаще стали опираться на исторический материал, а историки использовать социологические теории и методы. К сожалению, многие социологи так и остались в плену своих умозрительных концепций, для подтверждения которых они попросту подбирают исторические факты. Это особенно характерно для западных социологов, среди которых можно назвать Х.Э. Барниза, Х.П. Беккера, Э. Боскова, Г. Иггерза, В. Канмана, Д. Смита и ряда других. Что же касается Х.П. Беккера, Х.Э. Барниза и особенно Ш.Н. Айзенштадта, то их концепции, исходящие из религиозных представлений, как бы они ни опирались на исторический материал, крайне далеки от научности. Историки, все чаще использующие социологические методы исследования, и прежде всего методы статистические, как правило, мало знакомы с социальными теориями (Это особенно касается западных историков.), хотя интерес к ним постоянно растет.

Как видно из вышеизложенного, существует множество определений исторической социологии, но вряд ли какое-нибудь можно считать полностью удовлетворительным. Поэтому предлагается следующее: историческая социология это — теория социальной истории, т.е. наука, исследующая социальную историю для выявления строения и функционирования социальной структуры общества и её составляющих на разных этапах общественного развития, а также процесс развития общества или элементов его социальной структуры. Это означает, во-первых, что исходным материалом для социально-исторического исследования являются не умозрительные концепции (пусть они даже широко приняты), а исторические факты (включая и данные конкретных социальных исследований). Во-вторых, сопоставление пары или тройки конкретных социологических исследований, охватывающих неполную социальную совокупность (не все общество, не весь социальный класс, не всех людей одной профессии), проведенных на протяжении нескольких лет, в течение которых социальная структура или её составляющие не претерпели существенных изменений не может считаться социально-историческим исследованием. В-третьих, историческая социология отличается от социальной истории, целью которой является главным образом описание социальных фактов, тем, что она обязательно выходит не только на обобщения, но и на теоретический уровень, и, как справедливо заметил социолог Г.Е. Зборовский, историческая социология, обобщая исторический материал, позволяет увидеть процесс развития, преемственность и повторяемость в главном. В-четвёртых, историческая социология обязательно выявляет тенденции, закономерности и законы развития общества, его культуры, социальных структур, социальных общностей (включая этносы, классы, организации и группы), социальных институтов, общественных отношений. Но прежде всего историческая социология это — «социология исторических процессов» [74, с. 47–48].

Историческая социология может рассматривать частные вопросы. Например, социальные отношения в русской крестьянской общине с 1861 по 1917 год, изменение социальной структуры Лиона в результате Великой французской буржуазной революции и, вместе с тем, такие проблемы как развитие структуры общества и всех основных общественных отношений на протяжении всей истории человечества с прогнозом изменений структуры и отношений в будущем, чему и посвящена настоящая работа.

Методы исторической социологии

Историю общества можно рассматривать по-разному. Европейцы, все-рез занявшиеся изучением истории лишь в XVIII-XIX веках, заметив, что европейская культура в целом выше, чем на других континентах, как правило, мало интересовались историей неевропейских стран и, будучи плохо знакомыми с историей неевропейских стран и культурой за пределами Европы, часто рассматривали неевропейские общества как

нечто несопоставимое с Европой. Национализм и расизм в ещё бóльшей степени отрывал их приверженцев от остального мира, который казался им примитивным по культуре и даже сознанию, живущим исходя из других интересов и по другим законам общественного развития. Лишь только знание всемирной истории позволяет судить о развитии всего человечества.

Два общесоциологических, два мировоззренческих подхода господствуют сегодня в социологии. Они и являются той общей методологией, которая подобно верному или ошибочному способу измерения в физической лаборатории приводит исследователей либо к верным, либо к ошибочным выводам. Первый подход получил название цивилизационного. Согласно этому методу, каждая «цивилизация», под которой подразумеваются отдельные народы, страны, регионы, культуры или их группы, развивается независимо от других цивилизаций, начиная с зарождения и кончая гибелью в силу внутренних причин или разрушения извне другими цивилизациями.

Одним из первых цивилизационный подход использовал русский естествоиспытатель, религиозный публицист, патриот, националист и панславист Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) в опусе «Россия и Европа» (1869–1871). Априори, с расистской точки зрения, утверждая, что в мире есть страны очень способные, менее способные и вовсе не способные к развитию человеческих обществ, рассматривая многочисленные «племена» (под которыми подразумеваются многие народы, например, финские и тюркские) как «этнографический материал», входящий в состав исторических организмов — «культурно-исторических типов», он называл многие народы «отрицательными деятелями человечества» [52, с. 89]. Таким образом, с его точки зрения, «или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа, или разрушительная деятельность так называемых бичей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящиеся в агонии) цивилизации, или служащие чужим целям в качестве этнографического материала — вот три роли, которые могут выпасть на долю народа» [52, с. 90]. Более того, культурное влияние со стороны народов, которое, как правило, оказывает благотворное влияние на развитие собственной культуры, Данилевский рассматривал как сугубо отрицательное для народа, усваивающего что-либо из соседних культур. Он создал «культурно-исторические типы» как специфические формы макросоциальных общностей и, не отрицая общей для людей древней, средней, новой и новейшей истории, полагал общеисторическое развитие «подчиненным» по сравнению с выделением «культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных, своеобразных типов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [52, с. 86]. Данилевскому нельзя отказать в знании современной ему европейской истории, но все, что находится за пределами евразийского континента, для него *terra incognita*. Более того, выделяя «культурно-исторические типы» на глазок, он решительно игнорирует историю отдельных государств, группируя их, согласно своим, дале-

ко не научным историческим знаниям и представлениям, утверждая: «Как никто не думает об отдельной истории Афин или Спарты, так точно нечего бы говорить об отдельной истории Франции, Италии или Германии; такой истории, собственно говоря, на деле и нет вовсе, а есть только история Европы с французской, итальянской, английской или немецкой точки зрения, с обращением преимущественного внимания на события каждой из этих стран» [52, с. 105]. Группировку в «культурно-исторические типы» Данилевский проводит согласно следующим «законам»:

«Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, — для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, — составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает её для себя при большем или меньшем влиянии чужих, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплотным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [52, с. 91–92].

Исходя из этих «законов», Данилевский выделяет 10 культурно-исторических типов: «1) Египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или арабский, и 10) германо-романский, или европейский» [см. 52, с. 88] и добавляет к ним только развивающийся славянский тип. Согласно его представлениям, каждый хозяйственно-культурный тип проходил этнографическое состояние, затем государственное и лишь потом достигал уровня цивилизации, проходя такие периоды развития как зарождение, развитие, старость, дряхлость и смерть. Таким образом, не отрицая развития культурно-исторических типов, Данилевский подчиняет его «духовным законам», в основе ко-

торых лежит божественный «промысел», и отрицает и «ступени» общественного развития и законы общественного развития [52, с. 157–159, 508–509].

Может ли современная наука признать метод Данилевского научным. Ответ — однозначен: не может. Во-первых, вместо объективного подхода к социальным фактам Данилевский «находит» признаки проявления «провидения», а наука несовместима с религией. Во-вторых, выделение 11 культурно-исторических типов (и это хорошо будет видно при анализе утверждений других защитников цивилизационного подхода) является совершенно искусственным. В-третьих, Данилевский считает, что культурно-исторические типы являются относительно изолированными, и усвоение элементов других культур ему представляется маловероятным и даже вредным, хотя в действительности в культуре любой страны и любого народа гораздо больше заимствованного, чем созданного самостоятельно. В-четвёртых, в его концепции проявляется националистический и даже расистский подход, отрицающий за многими народами способность к «гражданскому развитию» или утверждающий их отрицательную роль в истории. Более того, в книге проявляется непрофессионализм Данилевского, путающего племена и народы, отвергающего дальневосточные и среднеазиатские цивилизации, умалчивающего об американских цивилизациях, очевидно просто не знакомого с африканскими и многими другими культурами. В дальнейшем элементарную историческую безграмотность можно будет увидеть и у других сторонников концепции, отрицающей единство человеческой истории.

Другой хорошо известный образчик цивилизационного подхода можно найти у немецкого философа Освальда Шпенглера (1880–1936), который не признавал «линейной всемирной истории» [271, I, с. 151], и даже утверждал: «Истории как таковой нет в природе» [271, II, с. 27], а существуют лишь субъективные представления о ней или выдумка по соглашению. В действительности же существуют отдельные культуры, которые рождаются, созревают, достигают расцвета и зрелости, а затем увядают, старятся и умирают, потому что «культуры суть организмы. Всемирная история — их общая биография» [271, I, с. 262]. В отличие от Данилевского Шпенглер упоминает уже не 10, а только 8 культур: египетскую, вавилонскую, китайскую, индийскую, античную (аполлоническую), арабскую (магическую), мексиканскую и западную (фаустовскую). Вскользь у него упоминается ещё и русская культура, которая, по-видимому, находится в стадии зарождения. Арабская культура понимается им, мягко говоря, крайне своеобразно, включая ранний «арамейский» период, в который входит история древних евреев, и древних персов, сирийцев и коптов, а также в более позднее время — византийская история. Современная же Шпенглеру земная цивилизация «есть неизбежная стадия одной западной культуры» [271, II, с. 39].

Согласно представлениям Шпенглера, культуры настолько отличаются одна от другой, что внутри каждой из них — своя специфическая жизнь, свое «мирочувствование» и «мироосознание», свои основные черты мышления, и люди, принадлежащие к одной культуре неспособ-

ны понять мира людей других культур. То, что истинно, с точки зрения человека, принадлежащего к одной культуре, то ложно для человека другой культуры, и наоборот. В каждой культуре задано даже мышление и методы научных исследований, а характер естествознания полностью соответствует характеру математики, религии и изобразительного искусства. Не существует единой физики для всех культур, например, основа античной физики — материя и форма, арабской — понятие о субстанциях, западной — сила и масса. Сила в западной физике — магическая величина, а у западной математики «иезуитский стиль». Более того, западной цивилизации грозит неизбежный конец, связанный с тем, что западная физика обнаружила энтропические процессы: диффузию, трение, эмиссию света, химические реакции и распад химических элементов, — которые означают проникновение в западную физику идеи конца мира и поворот самой западной физики к своему концу. Внутри культур существуют также отдельные духовные эпохи, эпохи искусства, политические эпохи, которые тоже характеризуются своим мировоззрением, своей философией. Разные взгляды существуют также у разных «сословий», характерных для определенных эпох внутри культур, например, у крестьян, горожан, духовенства, буржуазии, технических специалистов.

Культуры, проходят 4 стадии развития: весну — эпоху пробуждения, когда оформляется новый, свойственный данной культуре взгляд на мир и господствует «высокая схоластика»; лето — эпоху созревающей сознательности, в условиях гражданской и городской жизни, философского осмысления «мирочувствования», противопоставления идеалистических и реалистических систем и оскудения «религиозного начала»; осень — эпоху кульминации «умственного творчества» интеллигенции больших городов, верящей во всемогущество рассудка, и время создания «разумной религии»; зиму — эпоху возникновения «космополитических цивилизаций» и «угасания душевной творческой силы», материалистического мировоззрения с культом науки, пользы и счастья, общественных идеалов, скепсиса, «спада абстрактной мыслительности» до научной философии и «распространения последнего миронастроения» [271, I, с. 189–192].

Народ, отнесённый им «по стилю» к выделенной им культуре, Шпенглер называет «нацией», отмечая, что к античной нации человек принадлежит через права гражданства, к магической — через сакральный акт, к иудейской — через обрезание, к христианской — через определенный способ крещения, но характерных черт других наций не выделяет. Все нации — «градопострояющие народы», и все великие культуры — культуры городские, а «культура — это существование наций в государственной форме». Во всех высоких культурах Шпенглер выделяет составляющее расу крестьянство, «род производящий», к которому он причисляет собственно крестьян, пастухов, рыбаков, охотников и рудокопов, и общество, состоящее из группы классов и сословий. В то время как крестьянство «безлично», «внеисторично» и не оказывает влияния на общественную жизнь, «перед историей всякую нацию представляет меньшинство». Сначала ее представляет «высшее

крестьянство», то есть знать (аристократия), позднее — буржуазия. Теперь нации представляют собой либо династически-историческое, либо духовное единство. Общественную жизнь определяет аристократия. Например, по его мнению, все нации Запада — династического происхождения. Более того, Шпенглер полагает, что всегда сохраняется «рабство всего человечества» под властью небольшого числа сильных натур. Государственный деятель организует нацию, становится творцом новой жизни и даже имеет право требовать от нее жертв.

На последней стадии шпенглеровские культуры переходят в цивилизации. Например, древнегреческая античная культура сменяется древнеримской цивилизацией в VI веке, а западная культура сменяется цивилизацией в XIX веке. Цивилизация начинается тогда, когда культура обнаруживает «поворот к смерти». В цивилизации творческая жизнь пришла к концу, и духовное существование может поддерживаться только внешне, материально, потому что цивилизация иррелигиозна. Цивилизации создают уже не нации, а безличные расы. Подлинным сословием является только знать, но теперь место сословий занимают оформленные касты, а все остальные — бесформенная толпа, отрицающая культуру и порядок, и наступает эпоха «феллахства». Место аристократии занимает теперь буржуазия, которая делает историю, а капитал становится центром мышления и направляющей силой. Мир «феллахов» возвращает культуру в примитивное «естественное» состояние, а стремление к свободе, отрицающее сословия и традиции, оказывает на цивилизацию отрицательное влияние. Вообще, всякое желание изменить «общественный порядок» свидетельствует об окончательном распаде культуры. В отличие от аристократической культуры, цивилизация — демократична, но интеллигенция, вождь «феллахства» скудна и бесплодна, в истории она — ничтожество. Партии отрицают членение общества на сословия и разрушают его «понятием равенства». Благодаря прессе истина становится истиной горстки людей, и теперь уже деньги определяют истину. Западные люди хотят управлять миром по своему желанию, но они сами стали рабами своего творения, машины вытеснили их на тот путь, где невозможно остановиться [271, II, с. 535]. Мировой город приносит в жертву духу цивилизации своих создателей и уничтожает себя. Наконец наступает эпоха цезаризма, и сильные политики стремятся установить свою диктатуру. В результате цезаризм сокрушит диктатуру денег и ее политическое оружие — демократию. Он продлится на Западе с 2000 по 2200 год, приведёт к распаду наций, превращению их в бесформенное население, затем к обобщению его в империю, постепенно приобретающую примитивно деспотический характер, которая станет добычей юных народов или чужеземных завоевателей, что приведет после 2200 года к воцарению первобытных состояний.

Представление Шпенглера об общечеловеческой истории и об истории отдельных «культур» представляется довольно странным и малопонятным, если не обратиться к рассмотрению его мировоззрения. «Всемирная история — это наша картина мира, а не картина «человечества» — утверждает он [271, I, с. 143], и дело в том, что, во-первых,

всемирная история у Шпенглера распадается на историю культур, а, во-вторых, всемирную историю, согласно представлениям Шпенглера, нельзя познать из одной культуры, раз в каждой из них свои истины, а также потому, что истинной природой является всемогущий Бог, и его неизмеримая воля, распространяющаяся на весь мир и его историю и остающаяся для нас тайной. «Незримый Бог» находится за пределами всякого понимания, а все, лежащее по эту сторону, человек старается постичь как действие, творение и откровение божества. Божественный потусторонний («трансцендентный») мир, царство духа представляет собой макрокосмос, а наш мир — подобие макрокосмоса, результат творения и существует, получая из космоса импульсы. Посредником же между человеком и Богом является Логос. Всё земное — результат творения, и — непредсказуемо. Бог одухотворил человечество, и человеческие души происходят из внешнего мира.

По представлению Шпенглера, культуры также суть «живые существа», «организмы», а заложенные Богом в культуры «идеи» являются наделёнными специфическим «стилем», душами культур, и как живые организмы культуры имеют свои истории и свое врожденное (как свойство души) и приобретенное представление об истории. «История культуры» есть ее жизнь, обладающая «продолжительностью», «темпом развития», космическим «тактом существования», а завершение истории — её конец, ее смерть. И, конечно, у каждой культуры есть своя судьба, определённая Богом. И наш мир, и человечество имеют начало и конец. Всё задано из космоса. В основе нации также лежит идея, продолжительность жизни нации, поступь и такт её истории predeterminedены свыше, а «дух нации» — внеисторичен. Политика — это «жизненная энергия», «космический страстный порыв к самоутверждению и власти», а «политические формы — это живые формы, непреклонно изменяющиеся в определённом направлении». Цивилизация является последним этапом культуры, на котором душа мира угасает. «Люди культуры живут бессознательно, цивилизованные люди — сознательно». Сознательно подходя к общественной жизни, люди хотят устроить ее на научных началах, но «научные миры суть миры поверхностные, практичные бездушные,...» [271, I, с. 539]. С цивилизацией душа мира угасает, и остается только борьба за голую власть, за животное превосходство. Цивилизация как победа города лишается корней, умирает «для космического», а ещё и потому что мировой город приносит в жертву цивилизации кровь и душу своих создателей. Жизнь всякого человека «имеет цель». Ей задан «космический такт» и «направление». Однако не всякий человек влияет на историю. Например, крестьянство — «внеисторическая», «растительная раса», потому что, возделывая почву, составляющую часть материнского ландшафта культуры, земледелец пускает в неё корни и «превращается в растение». «Суверен и прасословия, весь ранний мир форм даны от Бога, и лишь в условиях их существования борются друг с другом органические меньшинства, фракции» [271, II, с. 476], но действовать творчески способна только «великая личность», потому что в ней раса и космическая сила.

Согласно Шпенглеру, образующий культуру народ это — единство души. Душа есть у ландшафта, у города, у дома. У каждой души есть религия, поэтому и сущность всякой культуры — религия; а, сущность всякой цивилизации — иррелигиозность. Поскольку экономическая жизнь — лишь выражение душевной жизни, то в экономике нет системы, а есть физиология, душа, космический такт. Потоки существования пребывают в экономической форме и в политической, и борются, но политическая форма оказывается сильнее, соотносясь с другими формами существования. На этапе, когда город улавливает «поток существования», деньги и дух захватывают историческое лидерство, но постепенно деньги уничтожают дух, и демократия уничтожает себя. Всемирная история, по мнению Шпенглера, это — всемирный суд, на котором она всегда принимала сторону жизни, то есть космического протекания в микрокосмической форме. Люди фаустовской культуры создали идею машины как «малого космоса». Этим поступком они вырывают у Бога тайны, чтобы самим стать Богом, но тем самым преступили границу молитвенного благочестия, за которой кроется грех, потому что идея машины — от дьявола. Завершается схватка цивилизации между «деньгами и кровью». Деньги празднуют победу, но приближается цезаризм как их наследник, потому что направление нашей воли и долга оказывается заданным, а у нас есть лишь свобода совершить необходимое, хотя каждый стремится к спасению своей души.

Шпенглер разводит «мир фактов» и «мир истин». История имеет дело с фактами, а «действительная истина» находится по другую сторону нашего мира, и ее нельзя внести в наш мир. Даже жизнь есть нечто, необъяснимое причинами, следствиями и истинами. И, тем не менее, Шпенглер полагает, что цель мышления — «истина». «Постоянное изменение того, что является истинным, познает лишь тот, кто физиогномически проглядывает последовательность установок» [271, II, с. 284]. «Морфология органического, истории и жизни, всего того, что несёт в себе направление и судьбу, называется физиогномикой» — разъясняет нам Шпенглер [271, I, с. 257], а так как «разработал» физиогномику он, то, очевидно, только ему подсилу познавать изменение истинного. Человек стремится «установить последние природные истины. То, что находится за пределами всяческого понимания, он называет Богом, всё же, лежащее по эту сторону, он старается постичь каузально — как действие, творение и откровение божества» [271, II, 26]. Вера и жизнь — противоположности. Религия всегда представляла потусторонний мир, а наука «выросла» из религии. Дело в том, что на человека может снизойти благодать, и он может получить откровение. Мудрец это — тот, кто находится посередине, между знанием и откровением. Знатоками истории рождаются, и косвенно из рассуждений Шпенглера следует, что он тоже «великий историк», а его «Закат Европы» — это «предварительное выражение новой картины мира» [271, I, с. 187], созданной в результате попытки исследования судьбы, стремления обнаружить «логику истории», создать «философию будущего». Ведь несмотря на запредельность истин, «понимающий» может приобрести опыт, узнать

тайну, теоретик может стать провидцем. Заповеди или законы познаются через заклинание божества, знание, обозначенное именем и числом, человек получает через веру или уверенность. Теория повернута в незримое, она «насквозь религиозна». Например, естественнонаучная теория это — исторически предшествовавший ей догмат в измененной форме. Кроме того знания зависят от принадлежности исследователя к определённой культуре, и научные результаты являются лишь элементами определённой духовной традиции, поэтому западная наука — это только группа теорий, которые являются замаскированным мифом нашего времени. Оказывается, что целью науки, согласно представлениям Шпенглера, является выработка «числовой трансцендентности». Однако могущественнейшая трансцендентность форм возможно никогда не будет раскрыта, к тому же, все практические результаты и открытия, по мнению Шпенглера, не могут служить доказательством «истинности» теории. В результате остаётся неясным до какой степени, по мнению Шпенглера, простирается свобода воли человека в истории, просто в повседневной жизни, а также его возможности в познании мира, истории и общественного развития.

Из приведенных ссылок на сочинение Шпенглера становится ясно, что он стоит на объективно-идеалистических позициях. Для него существует непознаваемый потусторонний мир во главе с творцом нашего мира — богом. Наша жизнь и историческое развитие заданы богом, и из потустороннего мира в наш мир изливается космический поток существования, поступают божественные импульсы, нашей жизни задается космический такт, и, конечно, всему живому предназначена судьба. Всё это более или менее соответствует представлениям других верующих, но в отличие от них Шпенглер почему-то приписывает души не только живым существам, но и «живому организму» — культуре, миру, городу, а экономике, политике, государству — некую предопределённость форм. Вместе с тем, в его мировоззрении прослеживаются черты и субъективно-идеалистического подхода к действительности, когда он заявляет, что природа мыслится как зеркало человека, что познание является выражением собственной души и внутренней достоверности. Помимо того, Шпенглер многократно утверждает, что наш мир, наша жизнь, также как и истина — непознаваемы. Одновременно он и противоречит себе, говоря о возможности связи с потусторонним миром через религию, лежащую в основании знания, а также о вероятности получения откровения. Кроме того оказывается, что истины все-таки постижимы, если их пытаются познать баловни судьбы, на которых снизошла благодать или они являются, например, «физиогномистами». В результате остается неясным: то ли человек свободен в своих поступках, то ли всё предопределено судьбой культуры и самого человека, то ли можно познавать историю, то ли предопределенная свыше история, также как и всякая истина, для которой, согласно определению Шпенглера, нет критерия, не будет когда-либо познана или «раскрыта»?

Такая непоследовательность и странность концепции Освальда Шпенглера может быть понята из рассмотрения особенностей его фи-

зического состояния, его психики и характера. Известно, что он имел врожденный порок сердца, нередко испытывал сильные головные боли, чувство одиночества, его часто посещали страхи и порой даже мысли о самоубийстве. Шпенглер ни к кому не испытывал чувства уважения, отчасти поэтому не смог ни на кого опереться при построении своей судьбы и, вообще, боялся жизни. Все эти качества и неудачи на жизненном пути оказали несомненное влияние на его взгляды, отражённые в его сочинениях (208, с. 25–38, 42). Сам Шпенглер в «Закате Европы» утверждает, что страх окружает человека с момента рождения. Это — страх перед могуществом жизни, страх перед пространством, страх чего-то незримого, которое Шпенглер воспринимает как нечто «демоническое». Видимо, свой страх одиночества он приписывает каждой культуре как «мировой страх и мировую тоску», каждому человеку как страх перед завершённостью прошлого, неизвестностью будущего и даже неясностью всего другого. Этот страх перед неведомым, по его мнению, вызывает творческое прачувство, желание познать чуждые силы, рождает культ предков и богов, мифы, теорию и технику, а также стремление к «спасению».

Таким образом субъективное восприятие мира Освальдом Шпенглером переносится им на объективную реальность. Например, он считает одновременно те факты, которые имеют «строго соответствующее значение» [271, I, с. 271]. Таким образом соответствующими оказываются те факты, которые располагаются на выделенных Шпенглером соответствующих этапах образованных им «культур». С его точки зрения, VI династия в Египте соответствует поздней готике, одновременно существовали ионический стиль древнегреческой архитектуры и барокко в Западной Европе, древнегреческий скульптор Поликлет и немецкий композитор Бах [271, I, с. 368]. «Своеобразно» восприятие Шпенглером времени и пространства: «Пространство — это понятие. Время есть слово,...» [271, I, 278]. Оказывается, что «судьба и каузальность относятся друг к другу как время и пространство» [271, I, с. 274]. Можно ли с точки зрения здравого смысла утверждать, что «есть стоицизм и социализм атомов» [271, I, с. 576], что «речь принадлежит замку, а язык собору» [271, II, 159], что язык механистичен, а речь жива [271, II, с. 146], что «печатная книга — символ временной бесконечности, пресса — бесконечности пространственной» [271, II, с. 499], что звук «и» в древнеегипетских понятиях связан со страданием [271, II, с. 144], что «подражание одушевляет и оживотворяет, орнамент чарует и убивает» [271, I, с. 359], что синий и зеленый цвета связаны с бесконечностью, золотой — цвет духовной субстанции, а коричневого цвета нет в радуге, значит он внеприродный, трансцендентный, отражает душу и направляет в будущее [271, I, с. 420–429], что рабочий класс избобрен теоретиками [271, II, с. 509]. Можно привести десятки примеров фантастических ассоциаций, родившихся в мозгу Шпенглера, а также произвольного приложения им к онтологическим и гносеологическим категориям совершенно неподходящих для них эпитетов. Всё это заставляет усомниться в том, что его философская концепция родилась в здравом уме.

Не лучше дело обстоит и с восприятием и пониманием Шпенглером исторических фактов. С его точки зрения, политическая история — горизонтальна, а социальная вертикальна [271, II, 385]. Такие «знания» позволяют Шпенглеру утверждать, что «Менелай и Елена были в лаконском государственном культе древесными божествами, и не более того» [271, II, с. 295], люди античной культуры по знаниям и способностям были равны и «безвольны», и у древних греков человек ещё не личность, а в «застывшей» античной культуре не было движения ни вперед, ни назад [271, I, с. 526], и античный человек не мог быть завоевателем [271, I, с. 522–523]. У древних египтян будто бы не было представления о бесконечности, в египетском искусстве не было орнамента и светской музыки, египетскую телесную душу «ка» он называет «духовной душой», а знаменитые египетские гробницы — пирамиды были, по его мнению, храмами [271, I, с. 370]. Оказывается, что принадлежащие цивилизации римские храмы — «иррелигиозны», а Рим в V веке был равен по населению деревне [271, I, с. 546]. И Шпенглер «открывает» нам ещё более потрясающие исторические «факты»: «парфяне были монгольским племенем...» [271, II, с. 172], «монголы иудейского исповедания проникли... в самый центр Германии...» [271, II, с. 270], «на протяжении всего периода китайской культуры императоров вообще не существовало» [271, II, с. 327], «с буржуазной революцией IV века полис гибнет как идея...» [271, II, с. 429], даже в раннем средневековье ещё не было денег (271, II, с. 510). От Шпенглера мы «узнаем» и интересные «факты» из русской истории, Например, что русскому искусству не свойственна вертикальность [271, I, с. 368], «никаких русских городов никогда не было» [271, II, с. 199], русский человек видит только горизонт, но не видит неба и отрицает его [271, II, с. 307]. Примеры искажения истории Шпенглером далеко не единичны. Даже переводчик последнего русского издания *Заката Европы* не смог удержаться от того, чтобы указать на ошибки Шпенглера [271, II, с. 103, 549–550]. Наконец, нельзя не заметить, что историко-философская позиция Шпенглера несёт и определённые черты расизма [см., например: 271, II, с. 127–134 и др.]. Так, например, он утверждает, что в Африке обитают «частью отсталые, частью малоценные, частью выродившиеся племена» (271, II, с. 35). Такое вольное обращение с историей отнюдь не способствует доверию к цивилизационному подходу к ней как к общей методологии.

Ещё одним видным представителем цивилизационного подхода, также оказавшим влияние на многих последователей, считается явно испытывавший влияние Шпенглера английский историк Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975). Его мировоззрение объединяет пантеизм с элементами различных религий, высшей формой которых он считает христианство [349, с. 298–300; 233, 523]. Согласно его представлениям, единый космос соединяет в себе сотворенную богом вселенную и «трансцендентный универсум» (или «Царство Божие»), воспринимаемый им как «абсолютная реальность», представляющая собой мистику для большинства человечества, но позволяющая проникать в неё озаренным благодатью пророкам, поэтам и ученым. Социальный прогресс для Тойнби заклю-

чается в прогрессе индивидуальных душ, озаренных светом «высших религий», на пути к богу, в то время как научно-технический прогресс может привести к потере нравственности. История же есть «божественное творение», движущееся от источника к цели согласно божественному «логосу» (то есть «Закону», замыслу Бога), и смысл творчества заключается в поиске действующего в истории Бога, чтобы человечество могло приблизиться к нему и в итоге слиться с «универсумом». Поиску помогает «философское мировосприятие», подсознание, интуиция и, особенно, религия. Следуя за избранными, человечество приближается к постижению божественных замыслов, накапливает исторический опыт и совершенствует свою жизнь.

Тойнби отрицает единство всемирно-исторического развития, причинно-следственные связи и необходимость, которым будто бы не подвластны духовные процессы, хотя рассматриваемые им отдельные «общества» (или «цивилизации») подвержены «космическим ритмам» [233, с. 39, 297–299]. Вместе с тем, он не отвергает «общих причин» аналогичных общественных процессов, пользуется сравнительно-историческим методом, и не исключает некоторых закономерностей исторического развития и взаимосвязи обществ (цивилизаций).

Число цивилизаций у Тойнби колеблется от 21 до 37 в зависимости от его умозрительной оценки на момент исследования, а его цивилизации не имеют ни временных, ни «пространственных координат», не совпадая с границами ни государств, ни расселения народов. Главным критерием для выделения цивилизаций служит единство (по мнению Тойнби) культуры, экономики и политики, в котором сущность цивилизации определяет культура, а в ней — религия. Каждую цивилизацию он наделяет специфическим мировоззрением и социальным «стилем», например, религиозным, эстетическим или индустриальным. Объединяя «родственные» цивилизации в последовательные группы, он иногда насчитывает в некоторых из них до 3 «поколений», где «материнские» «общества» оставляют по одному и более дочерних, но только 5 групп цивилизаций прошли, по его мнению, полный цикл развития. Цикличность проявляется и в развитии каждой цивилизации, которая у Тойнби проходит стадии «генезиса», роста, надлома, разложения и гибели, а также в чередовании «вызовов» и «ответов».

Каждое общество (цивилизация) постоянно получает от Бога «вызов», принимающий форму какого-либо явления, но человеческая воля свободна в выборе «ответа». Первоначально «вызов» принимает «творческое меньшинство» или даже «творческая личность», которая может совершить акт «ухода» из общества для соприкосновения с «Царством Божиим» и, возвратившись преобразованной воздействовать на «нетворческое большинство». И, если большинство поддастся духовному порыву, то общество сумеет дать адекватный «ответ» на «вызов» и достичь «самодетерминации», являющейся критерием роста. Если же «творческое меньшинство» теряет «самодетерминацию», то превращается в пассивное «правлящее меньшинство», пытающееся отвечать на «вызов» силой, чтобы сохранить и укрепить свою власть в борьбе с внеш-

ними и внутренними врагами. Тогда начинается распад общества на «доминирующее меньшинство» и на «внешний» и «внутренний пролетариат», ценности которых становятся несовместимыми. В обществе возникает диссонанс, в душах переживание «неконтролируемого потока жизни» и раскол, прекращается рост цивилизации, начинается её надлом и распад.

Распад цивилизации — длительный и не однолинейный процесс. И при распаде возможны временные удачи, которые, по мнению Тойнби, приводят в результате к более сокрушительному поражению. Ни желание возвратиться к старым отношениям, ни стремление сделать скачок вперед не могут увенчаться успехом, потому что лишают цивилизацию присущей ей идентификации. Единственным средством, временно задерживающим распад является лишь «универсальное государство», отмеченное ощущением духовного единства, идущего из «высшего мира». «Универсальное государство» — продукт запоздалого «ответа» «доминирующего меньшинства» на «вызов», которое создает его в результате борьбы с внешними и внутренними врагами. Пополняя государственный аппарат частью «внешнего и внутреннего пролетариата», «правлящее меньшинство» обогащает культуру, но способствует проникновению в нее чуждых элементов, и их синтез ведёт культуру цивилизации к утере «самоидентификации». Временное согласие в силу консервации общественных отношений выливается в «горизонтальный раскол» на состояющиеся классы и «вертикальный» на воюющие государства. В конце концов «универсальное государство» погибает в борьбе с внешними врагами.

Однако, как считает Тойнби, упадку светского общества соответствует духовный подъем, потому что в противовес философии строительства универсума, вырабатываемой «правлящим меньшинством», обездоленный пролетариат проявляет религиозную активность, высвобождая интеллектуальную и политическую энергию, и совершает «духовный подвиг», создавая «высшую религию», стремящуюся оформиться во «вселенскую» («универсальную») церковь: христианство, мусульманство, индуизм или махаяну. Именно в смутное время, когда погибает старая, но ещё не утвердилась новая цивилизация, души обращаются к Богу, особенно, когда помогает отделенная от государства церковь, в силу чего религия превращается «в предмет свободного личного выбора». В это время окончательно оформляются «высшие религии», и духовная энергия передается цивилизации третьего поколения.

«Западную цивилизацию» Тойнби относит к третьему поколению, включая в нее 60 — 70 государств и отмечая тенденцию распространения ее влияния на весь мир, подвергающийся под влиянием научно-технического прогресса унификации в экономике, политике и культуре. Однако материальный прогресс, согласно его мнению, находится в обратнотензорном отношении к духовному. Хотя ответ на вызов индустриализма взяла на себя «политическая демократия», она — порождение «творческого меньшинства», которому угрожает регресс, так как большинство, которое средства массовой информации стремятся

удержать на возможно низком уровне духовности, пребывает в косности, что ведет к духовному отставанию всего западного общества. В случае надлома и распада «западной цивилизации» (если бы она охватила весь мир) «высшие религии» обрели бы новый импульс. Пока же она оказывает влияние на другие общества, что может способствовать появлению новых родственных цивилизаций. Благодаря индустриализму и демократии возникла возможность превратить востернизованный мир в экуменическое общество. Такие разрушительные силы как гонка ядерных вооружений, истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и демографический взрыв могут привести и к уничтожению человечества, поэтому люди обязаны жить в мире, помогать друг другу. Выход Тойнби видит в создании «универсальной» мировой религии, не отрицая внутреннего многообразия культур, и предлагает отказаться от технического прогресса, уверовав в «святость природы».

Как видно из изложенного, Тойнби как и Шпенглер верит в бога, создавшего мир и управляющего миром, где всё происходит согласно божественному замыслу. Как и у Шпенглера у Тойнби историю делают и познают ее избранные. В отличие от большой фантазии Шпенглера воображение Тойнби не рисует ему убивающих орнаментов или потусторонних цветов. В отличие от Шпенглера Тойнби знает историю, особенно историю Европы с античности и до нашего времени, но «плавает» в истории других континентов и вольно обращается с интерпретацией фактов, а то и с самими фактами, в угоду своей концепции. Например, он отделяет вавилонскую цивилизацию от шумерской и уверяет, что они между собой не связаны, но предполагает, что шумерская цивилизация является материнской по отношению к некоей надуманной индской, которая в свою очередь дала начало (явно не имеющей никакого отношения к Шумеру — Н.К.) индийской цивилизации [233, с. 91, 724–725]. А вот примеры интерпретации исторических фактов, явно противоречащих ходу истории: рост технических достижений в развитии сельскохозяйственной техники «сопровождался упадком цивилизации» [см. 233, 231], империя Наполеона (которая несомненно должна быть отнесена к периоду новой истории — Н.К.) «была недоразвитым универсальным государством средневекового муниципального космоса...» [233, с. 501], мифический сюжет о борьбе «героя с чудовищем, похитившем у людей сокровища» «представляется» Тойнби «проекцией во внешний мир психологической борьбы, происходившей в душе варвара» [233, с. 552] (хотя уже в 40-х годах было доказано, что такого рода сюжеты восходят к обрядам инициации юношей ещё в первобытную эпоху охоты и собирательства и видоизменяются с развитием тайных мужских союзов в раннеземледельческий период в связи с началом столкновений между племенами и развитием представлений о «потустороннем» мире [189, с.198–258]). И уж никак нельзя согласиться с Тойнби, что «мерзость интеллектуализма овладела западным секулярным образованием» [233, 626]. Наконец можно сослаться на прямое искажение исторических фактов. Так, например, он уверяет, что

Мухаммед «принадлежал к среде аравийского внешнего пролетариата Римской империи» [233, с. 269], хотя несомненно знает, что Аравия никогда не входила в состав Римской империи и не подвергалась римскому влиянию; что «орды ариев» захватили во II тыс. до н.э. Северный Египет [233, с. 423], совершенно необоснованно причисляя к ариям гиксосов, говоривших не на санскрите, а на семитских и хурритских языках, и примеры таких «открытий» можно было бы и продолжить.

В целом цивилизационному подходу (даже если он не связан с религиозной интерпретацией исторических событий) свойственны умозрительные построения, где число цивилизаций соответствует субъективному восприятию автора. Обычно представление о специфике и резком отличии цивилизаций связано как с плохим знанием автором всемирной истории, когда отдаленные страны и народы представляются совершенно непохожими на ту страну, в которой обитает сам автор, с непониманием процесса культурного развития, который свидетельствует об охотном обмене общечеловеческими культурными ценностями между народами, и с незнанием разницы между культурой этноса, включающей весь комплекс элементов культуры, и этнической культурой, содержащей только специфические для данного конкретного этноса традиционные элементы культуры, сохраняющие для него реальное или мнимое значение. При рассмотрении взаимовлияния культур различных обществ очень полезен картографический метод, показывающий хронологическое перемещение отдельных элементов культуры от страны к стране. Что же касается цивилизационного подхода, то приходится признать, что он необъективен и поэтому непригоден для историко-социологического исследования.

Следовательно, остается эволюционный метод. Рассматривая общество в развитии, нельзя не выделить определенных этапов или ступеней этого развития, и здесь приходится обращаться к формационному методу. Но тогда возникает вопрос о достоверных критериях, позволяющих найти в истории общества подлинные ступени развития. Рассмотрим некоторые из предлагаемых исследователями критериев.

Одним из довольно примитивных подходов можно назвать подход американского историка экономики Уолта Уитмена Росту, который, обнаруживая слабое знание марксизма через искажение множества его положений, стремился создать альтернативу марксистской периодизации истории общества и предложил периодизацию, основанную на уровне развития экономики (хотя помимо производительности он учитывает развитие науки, техники и технологий, вклады в экономику, уровень доходов и потребление населения, специфику обществ), выдвинув концепцию 5 стадий. Его 1 стадия представлена «традиционным обществом», т.е. аграрным обществом с низким уровнем науки, примитивными технологиями сельскохозяйственного производства и иерархической социальной структурой. 2 стадия обеспечивает «предпосылки к взлету», когда в экономике начинают использовать плоды «современной» науки, возникают новые производства в сельском хозяйстве и промышленности, растет производительность, возникает централи-

зованное национальное государство. 3 стадия «взлета» характеризуется технологическим взлетом в промышленности и сельском хозяйстве, вкладом капиталов в производство и высоким устойчивым ростом доходов. 4 стадия — «стремление к зрелости» обеспечивает перманентный прогресс в науке, технологиях и промышленности, значительный рост вкладов в экономику, возникновение новых отраслей и устойчивый рост производства. 5 стадия — эпоха «высокого массового потребления», когда главными секторами экономики становятся сектора, обеспечивающие товары массового потребления и услуги, в результате чего обеспечивается всеобщее благосостояние и рост населения [335, с. 2–13, 146–159]. Принять периодизацию социальной истории, предложенную Росту, невозможно, потому что он не находит единого критерия для периодизации ни по этапам научного, ни по этапам технологического, ни по этапам экономического развития, выдвигая для каждого этапа разнородные наборы элементов.

Гораздо более удачную попытку периодизации истории общества предложил известный отечественный специалист по истории древней Месопотамии Игорь Михайлович Дьяконов, по мнению которого, марксистская теория общественного процесса «безнадёжно устарела», и он противопоставляет ей свою «теорию восьми фаз, различаемых по уровню развития технологии вообще и технологии оружия в особенности, по соответствующему ей строю производственных отношений и по социально-психологическим установкам, т.е. характеру идеологий — мифологической, этико-догматической или плюралистической», вызывающих смену ценностей. Отрицая общественный прогресс, который, якобы, противоречит «закону сохранения энергии», и, полагая, что «невозможно», чтобы прогресс и даже процесс «познания» был неограничен, Дьяконов, тем не менее, признает «технологический» прогресс и пытается в комплексе рассмотреть изменения социально-экономической структуры и производственных отношений в каждой фазе развития общества.

Согласно дьяконовской периодизации истории общества, его первой фазой является фаза «первобытная». Не показав никаких стадийальных рамок, Дьяконов ограничился поверхностным описанием первобытности, заняв всего 3 страницы [60, с. 15–17].

2-я фаза развития общества у него — «первобытнообщинная». Однако «первобытнообщинная» стадия у Дьяконова явно выходит за рамки первобытности, поскольку он включает в нее и раннеплеменные союзы дакота и ирокезов, и ранние полинезийские государства, и малоизвестное африканское государство Мономотапу. К «первобытнообщинной» стадии он относит, так называемые, «чифдомы». Иногда этот английский термин неудачно (хотя и дословно) переводится на русский язык как «вождество» и означает протогосударство, возникшее из племенного союза, во главе которого стоит правитель из числа вождей или старейшин племени-завоевателя. Сам же Дьяконов подтверждает существование в этот период далеко не первобытных отношений, указывая на земледелие и скотоводство как основу хозяйства, на веру в богов

и даже на наличие в обществе рабов, а утверждая, что только на этой стадии появляются общины [60, с. 19–25, 36], проявляет элементарное незнание первобытности.

3-й фазе он дает ничего не значащее наименование — «ранняя или общинная древность» [60, с.27], сваливая в кучу развитые древние государства, такие, например, как Египет, Митанни и т.п., мало изученные средневековые африканские государства, Китай XIV–III вв. до н.э., Японию IV в. н.э., скандинавские и славянские государства вплоть до XII в. и даже Северный Кавказ до присоединения к России. В обществе 3-й стадии Дьяконов отмечает существование правительственного и храмового хозяйства, класса свободных, состоящего из рядовых общинников — земледельцев или скотоводов, которые все, якобы, были воинами, получавшими землю от государства за службу или работу, и из знати («эксплуататорского класса», сформировавшегося из наследственных аристократов и управленцев), пользовавшейся трудом составлявших большую часть населения людей, близких по положению к спартанским илотам, и рабов, которыми владели также военачальники и квалифицированные ремесленники [21, с. 27–43, 358].

4-я фаза — «имперская древность» просто не может отражать этап общественного развития, поскольку не все древние государства превратились в империи. Вызывает недоумение и утверждение, что государства объединялись в империи из-за необходимости совмещения производства средств производства и предметов потребления. Неужели можно представить себе государства с развитой экономикой, способные производить железные изделия, но не способные самостоятельно производить плуги или, хотя бы, лопаты? Ведь именно благодаря выплавке железа, умению создавать средства производства и изготовлению оружия из стали, по мнению Дьяконова, такие государства как Новая Ассирия, Урарту, Новый Вавилон, Мидия, Персия при Ахеменидах, Китай в эпоху Цинь и Старой Хань и Ранний Рим достигли 4 фазы развития. В этих государствах, по его мнению, якобы, существовали независимые самоуправляющиеся (например, «полисы» в Риме) города — центры ремесла и торговли и произошло отделение научного познания от мифологического (хотя и не полное, потому что несмотря на то, что возникла собственно наука, научные открытия ещё не находили практического применения) и даже философия отделилась от религии. Однако ни имён столь выдающихся ученых, ни наименований независимых от империи имперских городов Дьяконов почему-то не называет, а ведь такие указания, наверное, были бы открытиями, если бы были. В 4-й фазе он справедливо указывает на существование государственной и частной собственности и на разную степень словесной разделённости свободных и тут же утверждает, что главным эксплуатируемым классом становятся не рабы (так как у рабства теперь остается лишь вспомогательная роль), а лаой (в эллинистическом Египте), шудры (в Индии), цзинь-линь (в Китае), колонь (в Риме) [60, с. 46–54, 63–64], не находя для этих социально зависимых категорий общего названия, не сумев и заметить, что всё это можно наблюдать и на его же 3 и даже 2 стадии развития.

5-ю фазу Дьяконов называет просто «средневековьем». Для этой фазы, по его мнению, характерно «магнатское» (крупной знати) землевладение, медленное развитие с незначительным прогрессом в изготовлении оружия, которым владел лишь господствующий класс, склонность к агрессии, никакого прогресса в уровне жизни и идеологический догматизм. Всё это в конечном итоге вело к нестабильности и дисконфорту, испытываемому землевладельцами. И далее Дьяконов повторяет распространенную ошибку, называя средневековье «тёмными веками» и утверждая, что в 5 фазе не было прогресса, но был регресс с ослаблением международной торговли и товарно-денежных отношений, что привело к всеобщему падению уровня жизни, даже у господствующего класса. Конечно, полагает он, не было прогресса и в идеологии, где вместо философии господствовала теология. Однако «средневековье» у Дьяконова в Европе существует почему-то в III — V вв., в Китае, начиная с I в., в Японии с IX. Оказывается также, что европейский феодализм не типичен для средневековья, потому что в европейских империях преобладали самоуправляющиеся полисы, и они подвергались набегам со стороны «чифдомов» германцев и славян, зато в Азии средневековье было типичным. По мнению Дьяконова, если в III в. население Римской империи делится на «почтенных» («хонесторез») и «скромных» («хумилиорез»), то с IV-V вв. устанавливается законодательное деление на: «сильных» («потенциорез») и «низших» («инфериорез»). Крупные землевладельцы, которых Дьяконов называет «магнатами», к этому времени якобы уже обладают собственной административной и судебной властью. Однако в этот период, по его мнению, возможности развития производительных сил в империи исчерпались, в силу чего возник социально-психологический комплекс «несправедливости», потребовалась перестройка производственных отношений и сверху, и снизу с опорой на новую технологию оружия. В результате империя пала. Согласно Дьяконову, феодализм для средневековья не характерен, поскольку в Европе он будто бы существовал только с VIII в., да и то лишь во Франкском королевстве, в то время как в Британии, Скандинавии и на Руси его не было (на Руси якобы до конца XVI или даже середины XVII в.), потому что несмотря на существование зависимых крестьян и даже рабов, большая часть крестьян оставалась свободной как во время «ранней древности», хотя далее однако оказывается, что феодальное владение всё-таки существовало в Византии в XI-XII вв. [60, с. 65–98, 151]. На территории Азии феодализм Дьяконовым признается. Само же включение в «средневековье» различных стран в различные периоды, не слишком разбираясь в социальных классах, слоях и самих системах, приводит к произвольному толкованию социальной истории, а неумение разобраться в социальных отношениях рассматриваемого периода привело и к непониманию сущности феодальных отношений, свойственных всему миру, а не только Европе.

6-ю фазу развития общества Дьяконов определяет как «стабильно-абсолютистское средневековье» или «абсолютистский предкапитализм», хотя к этой стадии он относит Нидерландскую, Швейцарскую

и Венецианскую республики. Их признаками он считает: возникновение стабильных (благодаря складыванию национального сознания с национальным характером) национальных государств, наделенных огнестрельным оружием (которое покончило с рыцарством), во главе с монархами, обладающими абсолютной властью, но допускающими возможность существования конкурирующих между собой альтернативных идейно-психологических течений. В этих государствах сохраняется господство и власть (особенно крупных) землевладельцев, живущих эксплуатацией крестьян (хотя крепостное право или отменено или сильно ослаблено), но возникают уже новые классы: буржуазии и наёмных рабочих. Не только угнетаемое крестьянство, но и новые классы испытывают дискомфорт: буржуазия из-за оторванности от власти (Отсюда её стремление во дворянство.) и незащищенности законом, а рабочие из-за жестокой эксплуатации. В Европе XVI-XVII века являются подготовительным (особенно в военно-технологическом отношении) периодом для наступления фазы, в которой в XVII-XVIII вв. уже находятся Франция, Германия и Великобритания, отчасти — Священная Римская империя и Италия, куда только входят Китай и Япония, в меньшей степени Польша, Балканы и Россия, и появляются намеки на вхождение Турции. Возникновение частной собственности на землю способствовало развитию овцеводства, дававшее шерсть для промышленности, что в свою очередь способствовало торговле, особенно сукном. В результате возник капиталистический экономический уклад. Однако сопровождающее товарное производство обезземеливание крестьян, жестокая эксплуатация рабочих (особенно в добывающих отраслях) и безвластие буржуазии вызывали чувство дискомфорта и требовали альтернативных идеологий. Возникновению новой идеологии способствовала Реформация. Новые отношения требовали: прекращения междоусобиц и мирных отношений внутри государств, стабильности денежной системы, отмены внутренних таможенных барьеров, развития транспорта и защиты национального рынка, законов, регулирующих новые отношения. Возникшая капиталистическая конкуренция вызвала войны для захвата производящих территорий, ценностей, рабочей силы. Войны, ограбление колоний и появление колониального золота способствовало росту цен, ухудшения положения крестьян и рабочих. Теперь уже и дворянство испытывало дискомфорт, наблюдая обогащение буржуазии. Положительным моментом стало развитие просвещения и наук, которые порою требовали гуманизации общественных отношений, и в США приняла Декларацию независимости, Конституцию, Билль о правах и ряд законов, способствовавших утверждению новых отношений. В результате войны за независимость США вступают уже в 7 фазу, окончательно утвердившись в ней после отмены рабства. Франция также вступает в 7 фазу после Великой Французской революции, принимая Декларацию прав человека и гражданина, утверждающую свободу, равенство, защиту от угнетения и право собственности. Войны революционной Франции оказывают влияние на Европу, где также появляется ряд республик. Вместе с тем, промышленный и менталь-

ный переворот превращают знания в важнейшую производительную силу, а науку — в важнейшую отрасль производства. В 20-х гг. XIX в. крепостное право было отменено в последнем германском государстве, в 1861 г. в России, затем в других странах, в 1832 г. буржуазия пришла к власти в Англии, в 1848 г. во Франции и т.д. Китай начал переходить к 6 фазе ранее Европы уже с 960 г. в эпоху империи Сун. Там развивались ремесла, мануфактуры, торговля и науки, единое национальное сознание. В XV в. появились пушки. Однако манчжуры, пришедшие к власти в XVII в. оградили страну от внешнего мира и задержали развитие. В Японии в XIV в. создаются торгово-ремесленные корпорации. В XVII в. создаётся централизованное государство с 4 сословиями: крестьян, торговцев, ремесленников и самураев. Нарождалась буржуазия и рабочие. Появилась артиллерия. Начало складываться национальное самосознание. В результате к концу XVII в. произошёл неполный переход к абсолютизму, который окончательно произошёл только в XIX в. [60, с. 152–207]. В целом 6 фаза более других отражает действительность, однако абсолютизм, как отмечает сам Дьяконов, существует не во всех относимых им к 6 фазе странах, поэтому его 6 фаза скорее соответствует периоду «первоначального накопления капитала», хотя частично и уходит в эпоху «свободной конкуренции» (как эти периоды определяются в марксизме).

7-я фаза у Дьяконова носит название «капиталистической» и, по его мнению, наступает в середине XIX в. лишь в Западной Европе и Северной Америке и отчасти в Японии. Для этой фазы характерно образование республик или очень ограниченных конституционных монархий, вооружённое соперничество капиталистических стран, с большими людскими потерями, создание колониальных империй, борьба за колонии и полный колониальный раздел мира, а также гражданские войны. В этот период, ускоряется технологический прогресс, естественные науки превращаются в производительную силу и их достижения внедряются в промышленное и сельскохозяйственное производство, происходит бурный рост вооружения и резко противостоят основные классы: буржуазия и наемные рабочие. Возникает также интеллигенция, а в крестьянской среде проявляется слабая тенденция к распаду, в результате которой часть крестьянства превращается в наёмных сельскохозяйственных и промышленных рабочих, а на периферии общества сохраняются остатки классов 6-й и 5-й фаз. В это время за счёт ослабления традиционных религий возрастает значение нерелигиозных идеологий, оправдывающих существующий ход исторического прогресса, а также идеологий, альтернативных официальным. Буржуазные революции, по мнению Дьяконова, ещё не привели к 7-й стадии, а лишь создали условия для перехода к ней. Английская революция XVII в. косвенно способствовала развитию наук и философии, но буржуазия пришла к власти в Англии лишь после парламентской реформы 1832 г., Французская революция уничтожила традиционные ценности и принесла новые, борьба Североамериканских штатов за независимость, давшая Декларацию независимости, Конституцию и Билль о правах в конце

XVIII в. также способствовали развитию буржуазных отношений, которые однако победили лишь после отмены рабства в 1862 г. Во Франции капитализм побеждает после революций 1830 и 1848 гг., в Германии после революции 1848 г., объединения в Северо-Германский союз в 1867 г. с принятием Конституции и выборами в Рейхстаг с довольно широким кругом избирателей, в Италии после 1870 г. в результате национально-освободительной войны, в России к концу 60-х гг. XIX в. после отмены крепостничества и ряда демократических реформ, прерванных убийством Александра II, прервавшим и работу над конституцией (хотя Россия так и осталась на грани 6 и 7 фаз), в Японии в результате революции Мэйдзи (1868 г.) и образования первого парламента в 1890 г. 7 фаза не лишена социально-психологического дискомфорта. Капиталисты испытывают дискомфорт из-за конкуренции внутри страны и на внешних рынках, рабочие и крестьяне — из-за с трудом ограничиваемой эксплуатации, всё население — от потерь в войнах. В конце-концов единственной альтернативной идеологией становится коммунизм [60, с. 189, 206–270]. Однако Дьяконов полагает, что переход к социализму возможен только с 8 фазы, поэтому он утверждает, что в СССР (как позднее в Китае и ряде других стран) воссоздался государственный капитализм с гигантским бюрократическим аппаратом или партаппаратом — «номенклатурой» как господствующим классом [60, с. 270]. Если с последним утверждением Дьяконова можно согласиться, то его ненависть к советскому строю продиктовала ему и ряд несправедливых утверждений: о предвзятости марксистского положения о неизбежности перехода от капитализма к более прогрессивному строю, о невозможности ликвидации капитализма в России после Великой Октябрьской социалистической революции, о жесточайшей форме тоталитаризма в СССР, который Дьяконов приписал не только СССР, но и всем другим странам, пытавшимся строить «социализм». Этим странам будто бы имманентны репрессии, приводившие людей в лагеря с числом заключенных, которое в разное время будто бы колебалось от 5 до 20 млн., что якобы вызвало соккрытие результатов переписи 1938 г., показавшей убыль населения и закончившейся расстрелом статистиков [60, с. 376]. В действительности перепись проводилась в 1939 г. и показала значительный рост населения (Автор лично работал с материалами этой переписи.), а её материалы помешала опубликовать война, и никаких репрессий против руководителей переписью не было. Кощунством перед жертвами войны против фашизма звучит сопоставление нацизма и «коммунизма» (за который выдается «реальный социализм») как «фундаментализма» и тупиковых путей развития. И уж конечно, откровенной ложью звучит утверждение о безразличии советских людей к трудовым обязанностям, в силу якобы независимости благосостояния от труда, и, особенно, о тенденции к понижению уровня жизни граждан СССР [60, с. 288, 381], поскольку тенденции к снижению цен и повышению зарплаты с постоянным расширением фондов общественного потребления говорят о противоположном. Что же касается самой 7 фазы, то её границы весьма неопределенны. Одним из главных критериев её возникновения

является приход буржуазии к власти, но в России, Японии и ряде других государств у власти оставались монархи. Ещё более неопределённая верхняя граница, поскольку капиталистические отношения продолжали господствовать и в 8 фазе, получившей у Дьяконова неопределённое название «посткапиталистической».

Первые зачатки движения к 8 фазе он относит к 30-м гг. XX в., когда разразился самый тяжёлый кризис перепроизводства. Однако, пережив кризис, капитализм нашёл дополнительные резервы для дальнейшего существования, развития и перерождения. Дело в том, что разработки Кейнза помогли экономике инвестициями и удержали инфляцию, что проявилось, прежде всего, в «новом курсе» Рузвельта. Позднее началась политика социального обеспечения нуждающихся граждан капиталистических стран, был осуществлён переход к 8 часовому рабочему дню, устранён дискомфорт женщин и «сексуальных меньшинств». Профсоюзы сначала перестали преследовать, а позднее включили в состав истеблишмента. Роль интеллигенции возросла чрезвычайно. Началось бурное развитие промышленности благодаря включению науки в производительные силы («Именно развитие наук сделало возможным переход человечества в посткапиталистическую фазу».) Капитал стал преимущественно акционерным, благодаря чему в управление экономикой включились обладающие теперь пакетами акций менеджеры, роль которых в производстве превзошла роль капиталистов, а купившие акции рабочие стали участвовать в прибыли и стали заинтересованными в увеличении производительности труда. Даже благотворительные организации, включая пенсионный фонд, приняли капиталистическую форму. Вместе с тем, антимонопольное и налоговое законодательство привело к снижению налогов на капитал в случае использования владельцами его части на благотворительные цели, но к налогу на сверхприбыли, на большие наследства и т.п., достигающем до 90%. В результате социальных изменений в наиболее развитых государствах значительно разрослась сфера обслуживания (в которую Дьяконов включает труд интеллигенции), а численность пролетариата (который он несомненно путает с рабочими) составляет будто бы не более 10%, а численность капиталистов якобы доходит до 25%. Произошла зелёная революция, позволившая фермерам вести хозяйство почти без наёмного труда. Улучшились природные условия в результате устранения ядовитых веществ и сохранению лесов. Разрыв в жизненном уровне граждан якобы стал выравниваться. Капитализм породил и альтернативную идеологию, ставшую при «посткапитализме» якобы господствующей. Это — учение о «правах личности», которое привело к минимизации дискомфорта личности. Наконец, атрибут новой фазы — ядерное и другие виды разрушительного оружия. Такова 8 фаза, сменившая капитализм. Она к 1990 г. установилась во всех странах Западной и Северной Европы, в США, Канаде, Израиле, Японии, Южной Корее, на Тайване, в Гонконге, Сингапуре, ЮАР, и, видимо, в Таиланде. Признаки 8 фазы проявились в СССР и Китае. В 8 фазе посткапиталистическая экономика требует международной кооперации,

и однациональный характер международных субъектов постепенно теряется [60, с.287, 338–351]. Однако 8 фаза оказывается несовершенной, поскольку угрожающе усиливается нагрузка на природную среду и её загрязнение, ощущается перенаселение, человечеству угрожают болезни, не исключена возможность всемирной катастрофы в атомной войне, особенно из-за угрозы со стороны стран, находящихся на 5-й — 7-й фазах, во главе которых стоят диктаторы. Спасение не является неизбежным, но возможен выход в 9-ю фазу благодаря достижениям науки и техники. Что будет представлять из себя 9-я фаза Дьяконов не поясняет и, по-видимому, не знает. Фактически его 8-я фаза отличается от 7-й лишь уровнем развития, но товарно-денежная суть господствующих общественных отношений практически не изменяется. Не даёт он выхода из угроз несовершенства социальных отношений и 8-й фазы.

В работе И.М. Дьяконова много интересных и верных отдельных наблюдений и выводов, но в целом его периодизация социальной истории ошибочна, потому что не построена на единых основаниях, его книга обнаруживает прекрасные знания определённых фактов и незнание других (например истории догосударственных обществ), а теоретические построения отличаются логическим несовершенством, проявляющимся в неумении вычленить главное, и в возможности перемешать множество разнопорядковых факторов, не всегда даже хронологически соответствующих рассматриваемым социальным системам. Кроме того в оценке некоторых структур чувствуется несомненная предвзятость.

Для эконо-социологов история выходит за рамки собственно человеческой истории и превращается в историю не только человечества, но и окружающей его среды. Известный идеолог «зелёных» Карл Амери в 1976 году, будучи председателем Союза немецких писателей, закончил книгу «Природа как политика», где фактически рассмотрел экологическую историю как историю взаимодействия человека с остальной природой, и в этом взаимодействии он обнаружил четыре этапа. На первом этапе люди каменного века, охотники и собиратели как правило не нарушали равновесия в природе (хотя охотники межледникового периода и истребили немало крупных животных), и мир человека с природой длился сотни тысяч лет [279, с. 63–69, 80].

На втором этапе возникло земледелие и скотоводство, и вместе с ними началась новая «вражда» людей с животными и растениями, потому что люди должны были уничтожать сорняки и бороться с хищниками, крадущими домашний скот. Тем не менее мир человека с природой ещё продолжался в течение столетий [279, с. 72, 80]. Однако для защиты своего поля от ограбления другими людьми крестьянину пришлось откупаться от грабителей и искать защиты у вооружённых людей, обладающих властью. Тогда, по мнению Амери, и возникают раннеисторические земледельческие государства для предотвращения ухудшения структуры земли, которые, правда, пришли к противоположному результату [279, с. 73–76, 81].

На третьем этапе взаимодействия человека с природой возникли города, которые, приспособлявая природу под нужды горожан, портили

почвы, сводили леса, а центральная власть, с одной стороны, защищала крестьян от грабителей, с другой, ликвидируя паразитов-грабителей, создала новых паразитов в лице центральной бюрократии и двора, отнимающих часть продукта у крестьян и дополнительно обременяющих природу [279, с. 81, 85–93].

Четвертый этап начался с развитием индустриализма и изобретением машин, эксплуатирующих природу и создающих ощутимые формы рабства для неживой материи [279, с. 94]. Вместо естественного обмена веществ между человеком и природой вместе с производством приходят «искусственный кругооборот богатств» и «искусственный промышленный кругооборот», эксплуатирующие природу и человека. Разрушается структура почвы, портятся водоёмы, уменьшается количество видов животных, в городах создается новая фауна с крысами, земля (особенно из-за тяжёлой промышленности) превращается в пустыню. И всё это из-за того, что «общее благо» определяется по потребностям паразитов: аристократии, буржуазии, бюрократии, разрушающих в своих интересах зелёные континенты [279, с. 194]. Такая экономика и политика отчуждает массы людей от управления, контроля за экологией, от общественной жизни, и образующаяся в результате неё пустыня мстит людям, превращая многих в физический, психический, социальный мусор, человеческие отходы, отбросы, утиль: преступников, безработных и прочих маргиналов, но люди сопротивляются, не желая стать отбросами [279, с. 94–118, 163–164, 191–197].

В целом экологический критерий взаимодействия человечества с окружающей средой не может быть признан пригодным для периодизации истории общества. У Карла Амери можно заметить не только далеко непрофессиональное знание истории, не только надежду на помощь в налаживании верной экологической политики на религию и церковь, поскольку сам он считает себя католиком [279, с. 210], но также весьма консервативный и поэтому нереалистический подход к экологическим проблемам (Такой консерватизм и религиозность несвойственны большинству эко-социологов [см. 137, с. 25–32; 120, с. 14–25]). Главное же возражение к такой периодизации истории состоит в том, что даже из изложения взглядов Амери видно, что не взаимоотношения людей с природой определяют ступени общественного развития, а степень общекультурного развития общества и характер общественных отношений влияют на отношение к ней человека, поэтому придётся поискать другие критерии периодизации.

Другого рода подход можно найти у анархистов. Для примера можно обратиться к работе открестившегося в конце жизни от анархизма леваческого теоретика Марри Букчина, который в противоположность Карлу Амери подходил к обществу и экологическим проблемам не с консервативных позиций, а с «либертарных», прямо утверждая, что «все экологические проблемы суть социальные проблемы» и, более того, они «продукт социальной организации, над которой люди не имеют контроля» [288, с. 24, 39]. Отметив, что ещё П.А. Кропоткин показал на обусловленность господства человека над природой господством че-

ловека над человеком, которое отражается и на бездумной эксплуатации природных богатств, Букчин указывает на чрезмерное возрастание эксплуатации природы при капитализме, постоянно использующем для этого всё новые и новые производственные технологии, и считает, что доминация человека над человеком привела людей к доминации над природой, а потому и гармонизация в природе невозможна без гармонизации социальных отношений между людьми и, прежде всего, без ликвидации социальной иерархии [288, с. 60]. Основной причиной не-свободы людей он полагает их подчинённое положение по сравнению с другими людьми. Отсюда и его деление истории общества на этапы по органичению свободы в результате неравенства.

В родо-племенном обществе Букчин отмечает деление людей на группы по полу и возрасту, определявшее характер выполнявшегося труда, дававшее определённые права и накладывающее определённые обязанности, но не приводившее к командованию и подчинению одних групп другими. Однако старики обоих полов как хранители опыта, навыков, знаний и традиций окружали себя квази-религиозной аурой, в результате чего возникла геронтократия с иерархией власти старших [288, с. 51–54].

Далее якобы начались «конфликты» между общинами, и тогда иерархия, начатая с геронтократии, постепенно стала расширяться: «большие люди» стали доминировать над «маленькими», потом воины над их приверженцами, вожди над общинниками и, наконец, знать над крестьянами и рабами. Когда геронты, шаманы и воины составили иерархию, прежнее домашнее общество заменилось «гражданским». Сначала патриархи и жречество составили высший слой, но группы воинов привели к верховенству монархов, началось господство одних людей над другими, возникли классы и государство. Войны и классовое господство привели к «цивилизованному» развитию, и цивилизация наталкивала производителей пищи, земледельцев на охотников, а пастухов на производителей пищи, стали возникать конфедерации для войны и захвата чужих земель. Ранние государства были «домашними хозяйствами» бюрократов и аристократов, а их население «слугами дворца», но вскоре появился государственный аппарат с администрацией из бюрократов, судебной системой, полицией, принуждение и подавление институализировались в профессиональной, систематической и организованной форме социального контроля, установилась жесткая иерархия [288, с. 52–80].

Третьим поворотным пунктом стало возникновение национального государства в древнем Вавилоне, Греции, Риме и в Европе (в XII веке), но оно вскоре уничтожилось властью не желающих ему подчиняться баронов и борющихся с ними городов, но национальное государство окончательно возобладало лишь в конце XVII века. Профессиональный государственный аппарат полностью формируется только в современных национальных государствах. Национальное государство как будто бы проводит политику прямой демократии с участием граждан в делах государства и несёт ответственность за коммунальное благополучие, но прямая демократия подвергается деградации и превращается в цен-

трализованную и «представительную», и граждане редуцируются до простых налогоплательщиков. Вслед за возникновением национального государства в нём, по мнению Букчина, возникает капитализм, и государственный аппарат и «полумонопольные экономические круги управляют страной как в бизнесе, заботясь лишь о возмещениях, доходах, росте и занятости [288, с. 70–88, 182].

Итак, Букчин рассматривает историю общества как развитие аппарата принуждения, не обращая внимания на производство, возникающее из необходимости удовлетворения жизненно важных потребностей и вытекающую из него нужду в организации производства и распределения производимых продуктов, требующих создания системы управления всей общественной жизнью. Он отрицает и существование объективных социальных законов, считая, что люди могут контролировать своё общественное развитие, направляя его в желаемую сторону. С точки зрения Букчина, природа обнаруживает тенденцию к самонаправленной эволюции, и жизнь начинает в ней участвовать. Эволюция благодаря живым существам и развитию у них нервных систем принимает характер «партиципаторной эволюции», развитие природы приобретает элемент сознательности, в развитии обнаруживается выбор, биоэволюция теперь уже содержит потенциал к свободе. Человек благодаря разуму свободен в формировании этой реальности, и перед ним лежат «бесчисленные пути» общественного развития. На основании таких взглядов Букчин недвусмысленно поясняет, что «анархистское видение мира, особенно либертарной утопии, подразумевает, что общество может всегда быть переделано» [288, с.120], а согласно его определению, утопия — это мир, который в противоположность реальному миру, развивающемуся под влиянием слепого неразумного взаимодействия несознательных сил, должен быть построен, согласно законам разума. Следовательно, история может быть переделана, согласно стоящим альтернативам, и в ней всегда существовали «невыполненные возможности». Анархистская традиция напоминает Букчину о возможности создания в прошлом сообществ, конфедераций, самоуправления в экономике, баланса между человеком и природой. Он совершенно искренне полагает, что, если бы сохранились «матрицентрические общины деревенских жителей», то они могли бы совершить более мягкий поворот в истории и придать человеческому обществу совершенно иной облик. Тогда бы эти общины занимались преимущественно собирательством, пользуясь простыми орудиями производства. У членов общин оставалось бы право пользования чужим имуществом, но сохранялся бы для каждого неприкасаемый минимум благ. Общинники оказывали бы больше взаимопомощи, получали бы больше заботы и лучшее воспитание. Техническое развитие общества пошло бы более медленно, но в более совершенных социальных формах, и культурная жизнь велась бы более осмотрительно. Более мягкое развитие могли бы дать и «патрицентрические пастухи», но всё равно не удалось бы избежать того развития, которое случилось, в том числе и нападения пастухов-кочевников на земледельцев [Достаточно вспомнить «мягкое развитие» монголов в XIII веке — Н.К.].

Альтернативы «патрицентрическому военному обществу», также предполагавшие более спокойное развитие, якобы появлялись и в древности во времена «века городов», до образования «национальных государств», когда были возможности создания конфедераций городов, высокого развития ремесленных технологий и установления экологического баланса между городом и деревней. Благодаря всегда существующим антиномиям, думает Букчин, в XIV-XVIII веках смешанная экономика Европы оставляла выбор между городом и нацией, содружеством и государством, между ремесленным и массовым производством. Отмечая, что в средние века итальянские и германские города нередко создавали конфедерации и государства с различными формами демократий и отстаивали многие гражданские права в борьбе с аристократией, монархами и во время иностранных вторжений, он полагает, что Европа могла бы идти к национальному государству не через абсолютные монархии, а через конфедерации городов, если бы, например, в начале XIV века города Кастилии, создавшие муниципальную конфедерацию, победили Карла V, поскольку Испания в те времена играла главную роль в европейской политике, тем более, что конфедерации городов сохранили свою независимость в Швейцарии, едва не создали конфедерацию фермеры Новой Англии после Американской революции, возникали соседские ассамблеи в Париже и ряде других городов во время Великой французской революции, и во время Парижской Коммуны, и, если бы им удалось победить, то мир двигался бы по пути прогресса, согласно другой форме капитализма, по более мягкому курсу (возможно более «кооперативно», демократично) или даже по пути «социалистической демократии». Возможность социально освободить западный докапиталистический мир анархическим путем существовала, по мнению Букчина, и во время демократических революций XVIII-XIX веков. Оказывается, что и капитализм не рождается в недрах европейского феодализма, а обязан перемещением торговых путей в Атлантику после падения Константинополя, и в его возникновении нет никакой неизбежности, потому что капиталистическому развитию и национальному государству было множество альтернатив. Букчину становится даже непонятно: почему капитализм не стал господствующим «социальным порядком» в древнем мире. Таким образом и разрыв традиционных родо-племенных связей под влиянием общественного развития, и возникновение национальных государств вместо конфедераций племен и городов, и победа капитализма, и даже технологические инновации не являлись неизбежными в процессе исторического развития [288, с. 77–91, 130–136, 201–203].

Другие реперные точки в истории общества Букчин обнаруживает в развитии идеи свободы и борьбе за свободу. При этом идеал свободы у него опережает борьбу за свободу, поскольку он считает, что сознание определяет бытие. В доисторические времена представления о свободе, по утверждению Букчина, связаны с представлением о жизни в гармонии с плодородной природой. В этих мифологических представлениях люди живут в богатстве, но лишены желаний, активности и воли, а

жизнь их — растительна и бесцельна. Эти представления — регрессивны. В историческое время мифы о золотом веке, который вернется, или рае на небесах, также уводили от действительности и содержали представление об иерархии, чем пользовались жрецы и правящие элиты. И у ранних христиан, и в средневековых еретических братствах отмечались элементы анархизма, но их свобода находилась под влиянием сверхъестественных представлений, заставлявших ждать освобождения через мессию или ниспосланных свыше вождей. Однако свобода в обществе может быть завоевана сознательным волевым действием, и лишь в эпоху Возрождения представление о свободе привязали к светскому реально существующему миру, дали представление об общественной структуре, обеспечивающей социальное равенство (хотя возникали и элитные утопии, предлагавшие паразитарное освобождение от тяжёлого труда за счёт труда других) и свободной от эксплуатации, показали, что осуществить свободу можно в труде, возложили надежду на общину как организатора совместного труда, опирающегося на порядок, образование и науку (хотя в эпоху Просвещения более ориентировались на индивида, чем на общину) и предложили распределение по потребностям. Радикальные теоретики Великой французской буржуазной революции дали более развернутые и более практические идеи освобождения, чем просветители, провозгласив свободу, равенство и братство, а, когда в XIX веке возник анархизм, то его идеалы свободы, освобождённые от теологии, мистики и метафизики, веры в сверхъестественное, авторитета обычаев, идеи господства и необходимости сохранения государства, уже более опирались на историю и были уже не только рациональными, но и этическими, как теоретически разработанными, так и эмоциональными. Классики анархизма в XIX — начале XX века выдвинули идеи децентрализации в пользу муниципализации, конфедерализма и ассоциаций, а также гармонизации отношений людей с природой. Анархизм добивался социальной справедливости, обращался к идеям децентрализации, выбирал между сообществом и индивидом, между нацией, общиной и коммуной, между государством, городом и региональной конфедерацией, между коммунальным снабжением ресурсами и частной собственностью, между ремесленным и мелким сельскохозяйственным производством и гигантскими поточными линиями с механизированными системами агробизнеса. Теоретики анархизма в противоположность идее предопределенности исторического развития выдвинули идею «выбора», то есть выбора пути общественного развития на основе рациональных и этических суждений. «Индивид действительно свободен и достигает истинной индивидуальности, когда он (или они) руководствуется рациональным, гуманным и высоко разумным понятием социального и коммунального добра» — считал и сам Букчин [288, с. 120]. Согласно анархистскому представлению о свободе выбора, акт революционного действия как выражение общей воли способен исполнить в обществе преобразующую роль, поэтому анархисты выбирают политику постоянного давления на общество в поисках области, а в ней слабой точки, в которой возможно революционное изменение [288, с. 101–104, 111–122, 173].

Подход Букчина, свойственный анархистам, также не может удовлетворить серьёзных исследователей общественного развития, и прежде всего потому, что развитие института власти, оторванное от развития социальных структур, не даёт представления не только о развитии самих социальных систем, но даже о связи различных форм власти с теми или иными социальными системами. Столь же, если не более, невразумительно выделение каких-либо этапов по развитию идеи освобождения, которое опять же не связывается с теми или иными формами социальных систем. Вместе с тем нельзя не заметить, что сама идея освобождения развивается и выглядит по-разному именно на разных этапах общественного развития в зависимости от религиозных представлений, основных форм экономической деятельности и видов политических институтов. Иногда Букчин связывает идею свободы с идеями социального равенства, социальной справедливости и братства, справедливо отмечая, что классовая идеология расценивает эти категории по-разному [288, с. 173]. Наконец, сама свобода в его рассуждениях выглядит как некая неопределённая идея. Можно догадаться, что разговор идет о всесторонней социальной, политической, духовной и экономической свободе каждого индивида, но Букчин нигде не определяет своё понимание свободы. Косвенно следует, что речь идет не об абсолютной свободе, поскольку он упоминает как социальные, так и экологические её ограничения. Ясно также, что имеется в виду свобода индивида, разного рода социальных общностей и даже человечества в целом. Однако каждый вид свободы должен получить свое определение в зависимости от формы субъекта свободы, социальных институтов, ограничивающих его свободу (которые являются элементами определённых преходящих общественных систем), и законов функционирования и развития общества. Но в том-то и дело, что Букчин отрицает социальный детерминизм и, следовательно, не понимает, что не только природа, но и сама общественная система не позволяет волюнтаристского подхода к выбору путей развития, заставляя платить за ошибки культурной и экономической отсталостью, а то и разрушением макросоциальной общности.

Некоторые методологические постулаты

Таким образом, приходится признать, что критерии, использованные для периодизации истории общества, не дают представления об этапах его развития. Требуются такие основания для выделения этапов развития общества, которые показали бы не только критерий отличия одного этапа от другого, но и сущность движущих сил общественного развития.

Что же движет прогрессом человечества? Несомненно это — стремление улучшить свою жизнь. Но как конкретно движется прогресс? Это — уже более сложная проблема. Очевидно, что ответ на этот вопрос содержится в самой истории. В одном случае это будет великое научное

открытие или воля отдельного человека, в другом — стремление влиятельной общественной группы, в третьем — потребности подавляющего числа членов общества. Тем не менее никогда нельзя свести причину тех или иных общественных изменений к какому-то одному единственному фактору. Разве мог бы Чингизхан создать огромную империю, если бы его не поддержала монгольская аристократия, если бы завоевания не были выгодны знати многочисленных покорённых монголами тюркоязычных народов, если бы рядовые воины его войска не возвращались с набега с добычей, если бы войско не было хорошо вооружено и организовано, если бы...? Разве стал бы Александр II отменять крепостное право, если бы не экономическое и военное отставание России от ведущих европейских стран, если бы не крестьянские волнения, если бы не давление со стороны купцов, передовых дворян и интеллигенции, если бы не понимание при дворе, что дольше так продолжаться не может, если бы...? Разве не перестроило всю жизнь человечества создание и развитие промышленности? Но разве была бы создана мощная индустрия без использования преобразованных сил природы? Но ведь изобретение первых машин, использующих силу пара связано с конкретными людьми, такими как Т. Ньюкомен, И.И. Ползунов, Б. Дж. Уатт. Каждый из них в свою очередь должен был получить необходимые знания в процессе официального обучения или на практике, что помимо личных способностей зависело от состояния культуры общества и его экономической системы. Но разве были бы внедрены паровые машины без потребности в них самой промышленности? Примеры дают представление о многофакторности социальных процессов, но в каждом из них можно найти нечто главное. Так, например, империя Чингизхана была результатом прежде всего становления монгольского государства (связанного с усилением монгольской аристократии, стремившейся к защите от внешних врагов и к расширению своей власти через завоевания), что совпало с появлением во главе государства талантливого полководца. Отмена крепостного права в России связана прежде всего с пониманием необходимости покончить с отсталостью. Возникновение индустрии — с потребностью общества (в облегчении изнурительного труда и увеличении объемов производства). Таким образом, среди множества факторов, влияющих на общественное развитие, всегда найдётся один или два, оказывающих наибольшее влияние. Метод исследования, позволяющий выделить наиболее действенные факторы из множества второстепенных можно назвать методом фундаментального редукционизма, что означает не фундаментальную редукцию факторов общественного развития, а редукцию, позволяющую свести многофакторность до одного, двух наиболее значительных, основных, фундаментальных факторов. Иначе говоря, для того, чтобы сделать теоретически верный вывод, надо иметь такое количество фактов, которые необходимы и которых достаточно, подобно тому как для решения математической задачи нужны в достаточном количестве необходимые данные. Выявление движущих сил исторического прогресса [см. 136], схематических моделей общественных структур, характерных для основных ступеней развития общества,

и главных причин их возникновения является целью данного исследования. Обнаружение важнейших этапов развития этих общественных структур [см. 134], характерных для главных ступеней развития общества также входит в задачи данного исследования.

Рассмотрение предшествующего материала показало также, что многие исследователи напрасно не признают социальный детерминизм. Например, Букчин, говоря о развитии идеи освобождения, связывает её в эпоху древнего мира и средних веков с религиозными представлениями об островах блаженных или о рае, но, будучи атеистом, забывает о том, что сама религия с представлениями такого рода родилась и бытует при определённом строе общества. То же можно сказать и о социально-экологических воззрениях, которые стали зарождаться в промышленных городах с критическими выбросами отходов в атмосферу, и об оформлении экологической социологии уже в период мирового экологического кризиса, угрожающего катастрофой всему человечеству. Тем не менее и Букчин и Амери (как и все зелёные) прекрасно понимают, что само существование живой материи обусловлено благоприятным для жизни состоянием окружающей среды. Но ведь это и есть экологический детерминизм. Помимо него легко прослеживается и другой природный детерминизм — географический, с которым человечество столкнулось уже в период своего становления, а предки людей уже в момент возникновения жизни. Однако наша жизнь обусловлена и чисто социальным детерминизмом, который в свою очередь выражается в различных формах, связанных с существованием общественных подсистем и других важнейших факторов сохранения и развития общества. С видами социального детерминизма придется столкнуться уже при рассмотрении ранних этапов общественного развития.

Одной из форм детерминизма является обусловленность одних общественных подсистем другими. Каждая из них в свою очередь нуждается в возникновении и существовании тех или иных социальных институтов. Выявление возникновения и функций ряда важнейших из них также входит в задачи настоящего исследования. Добросовестный научный подход не позволяет навязывать социальной истории ни сам детерминизм, ни, тем более, какие бы то ни было конкретные детерминантные связи. Они сами станут проявляться в процессе исследования.

Историко-социологическое исследование, целью которого является обнаружение движущих сил социально-исторического процесса и основных ступеней общественного развития, должно было бы опираться на факты всей социальной истории человечества, а также всех социальных систем, созданных разными народами (и их предшественниками) на всех континентах во все времена. Но это — совершенно невозможно. Во-первых, мы не знаем многих фактов социальной истории сравнительно недавнего прошлого. Это касается прежде всего дописменной истории, но и в истории письменных народов многое остается неясным. Достаточно сказать, например, что до сих пор не дешифрован мероитский «язык» (очевидно нубиизированный диалект впервые воспользовавшейся алфавитом египетской демотики, использовавшийся на территории

Напатско-Мероитского царства в VIII-IV вв. до н.э., к дешифровке которого автор приложил некоторые усилия [см. 164, с. 131] и ряд других. Что же касается «каменного века», то здесь материал почти целиком (за исключением незначительного этнографического материала) опирается на археологические и даже антропологические источники. Во-вторых, источники по истории общества настолько обширны, что исследовать их за человеческую жизнь не смогут и все гуманитарные институты мира. Наконец, даже знакомство с физической антропологией (вплоть до одонтологии, серологии и дерматоглифики), археологией разных периодов нескольких стран, этнографией всех континентов, социальной историей многих государств, со многими разделами социологической науки, с основами биологии, психологии и множества других необходимых и полезных для историко-социологического исследования наук не позволит ни одному учёному даже познакомиться с письменными источниками пары сотен современных и тысяч исчезнувших государств и народов в силу физической невозможности знания всех языков.

Таким образом, написание фундаментального труда по исторической социологии заняло бы множество громадных томов. Пока же вышеупомянутый наиболее обширный труд по этой проблематике, принадлежащий Н.А. Рожкову занял 12 томов. Вполне естественно, что он не смог охватить историю многих народов и стран, что в большинстве случаев он опирался не на источники, а на работы историков, что у Рожкова порою просвечивает слабое знание истории отдаленных от России государств, что его работа содержит ряд серьёзных ошибок, но спасибо ему и за то, что он сделал. Каков же выход из столь затруднительного положения? Очевидно всё в том же редукционизме. Нельзя привести все примеры, но можно выбрать из них наиболее репрезентативные, наиболее характерные и наиболее общие для того или иного периода социальной истории не одной, а множества стран, что по большей части указывает на универсальность (всеобщность) рассматриваемого социального явления. Будем надеяться, что этого хватит для скромного схематического изложения социальной истории в прошлом, в настоящем и позволит немного заглянуть в будущее.

Глава 2

ПЕРВОБЫТНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СТАДО

Предки человека

Прежде чем исследовать развитие человеческого общества необходимо обратиться к проблеме его образования, а эту проблему невозможно решить без рассмотрения процесса становления человечества как биологического вида. Однако и этот вопрос нельзя успешно решить без выяснения вопроса о сущности человека, а для того, чтобы понять, где обезьяна перестаёт быть обезьяной и становится человеком, нужно обратиться к фактам ещё биологической истории.

С точки зрения антропологии, современный человек относится к отряду приматов, подотряду обезьян (или антропоидов), инфраотряду (секции) узконосых обезьян, надсемейству гоминоидов (или человекообразных обезьян), семейству гоминид, роду человек, виду человек разумный [32, с. 14]. Первые приматы появились на рубеже мезозойской и кайнозойской геологических эр 65–54 млн. лет назад. У последующих приматов уже были руки с ногтями (а не когтями), приспособленные к захвату предметов [32, с. 21; 258, с.9]. Ещё причислявший человека к животным Джордано Бруно отмечал важность ума и руки для созидательной деятельности человека [25, с. 492]. Фридрих Энгельс назвал освобождение рук от ходьбы в результате прямохождения «решающим шагом для перехода от обезьяны к человеку» (274, с.486). Однако вряд ли прямохождение стало «решающим шагом».

Примерно 40 млн. лет назад в середине или начале эоцена (55–40 млн. лет назад) из приматов выделяются антропоиды (собственно обезьяны). Узконосые обезьяны (судя по ископаемым останкам) появляются за 35 или 31 млн. лет до нашего времени [11, с. 13; 32, с. 22–24]. Около 16–14 млн. лет назад возникли гоминоиды (човекообразные обезьяны) [258, с. 18]. Приводимые здесь даты подтверждаются генетическим сравнением молекул ДНК, подтверждающих близость ископаемых особей к современным людям, исходя из скорости мутаций, говорящих об удалении от общего предка, а также радиоуглеродным анализом, исходя из распада радиоактивного изотопа углерода C-14, дающего близкие результаты [32, с. 27]. Все виды гоминоидов ходили на четырех ногах, и если верить принятым датировкам 9–8 млн. лет назад, в конце миоцена в Европе среди них выделились ореопитеки (*Oreopithecus bamboli*), предпочитавшие передвигаться на двух ногах [32, с. 29–30], но они ещё не были людьми.

В позднем миоцене (за 8–7 млн. лет до нашего времени) сократилась площадь лесов в Восточной Африке, а вместе с ними и запасы пищи для обитавших там гоминоидов, которым пришлось осваивать нижний ярус леса и саванну, что, видимо, способствовало развитию прямохождения. Положение с пищей усугубилось в конце миоцена (около 6 млн. лет назад) и ещё более в конце плиоцена (примерно за 2,5 млн. лет до наших дней). Тогда, чуть более 6 млн. лет назад появились гоминиды, некоторые из которых несомненно были предками человека, а приблизительно 2,6–2,5 млн. лет назад — первые существа несомненно относимые к роду человека [32, с. 34, 36]. Как предполагают антропологи 8–4,5 млн. лет назад происходило разделение предков современных людей и предков различных видов современных человекообразных обезьян: сначала орангутана (9–8 млн. лет назад), затем гориллы (6,5–5,5 млн. лет) и последней шимпанзе (5,5–4,5 млн. лет) [32, с. 38; 98, с. 22–26].

Возможно, что к первым предкам человека (еще гоминоидам), которых некоторые исследователи называют «ранними австралопитеками», следует отнести живших за 6,2–5,2 млн. лет до нашего времени в Кении орпорина (*Orrorin tugenensis*) и в Эфиопии ардипитека (*Ardipithecus ramidus kadabba*), а сахельантроп (*Sachelanthropus tchadensis*) — самый

ранний антропоид, живший 7 — 6 млн. лет назад, очевидно, представлял собой отдельный род гоминоидов. Некоторые антропологи считают все эти виды ранними австралопитеками и относят их к гоминоидам периода позднего миоцена — раннего плиоцена, определяя их возраст в 7–3,9 млн. лет [32, с. 42–43; 56, с. 5–6, 12; 96, с. 12].

Во всяком случае около 4 млн. лет назад появились уже несомненные австралопитеки (Впервые австралопитек был открыт ещё в 1924 году в Тонго [Южная Африка] английским антропологом Раймондом Дартом.) или «грацильные австралопитеки» (Возможно они были потомками ардипитеков.), которых одни учёные считают предками человека, другие относят к боковой линии. Необходимо отметить, что отнесение ископаемых животных к тем или иным семействам или видам является предположительным и, следовательно, условным потому, что единственный достоверный критерий отнесения к виду — невозможность скрещивания, в результате которого получается плодовитое потомство, не поддаётся опытной проверке, так что в этом вопросе лучше придерживаться наиболее принятых точек зрения специалистов. Во всяком случае австралопитеки, жившие в эпоху плейстоцена и эоплейстоцена, имели уже небольшие клыки и ряд «антропоидных» черт и ходили на двух ногах, но могли ещё и лазать по деревьям. Это были небольшие гоминоиды весом 30–50 кг с объёмом мозга 400–500 см³ (как у шимпанзе, но менее, чем у горилл), а соотношение мозга и веса у них более, чем у современных человекообразных обезьян. Другие известные австралопитеки: афарский и бахрэльгазальский скорее представляют собой подвиды одного вида австралопитеков. Не исключено, что один из подвидов австралопитека является предком человека [4, с. 73,78; 32, с. 45–54; 96, с. 6, 13; 202, с. 29], но существуют и иные мнения.

Другие гоминоиды — парантропы, которых некоторые антропологи называют «массивными австралопитеками», были более крупными существами, имели более мощные челюсти и более крупные зубы и вместе с австралопитеками составили два подрода австралопитицинов. Возможно, что ещё пара из находок этого ископаемого гоминоида относится к третьему и четвёртому подкладам. «Массивные австралопитеки» в Восточной Африке сосуществовали некоторое время с человеком умелым, и даже с человеком прямоходящим. Самая поздняя находка парантропа, приближающегося по физическому строению к архантропу (древнейшему человеку), SK-3 в Сквартране в Южной Африке датируется временем в 900 тыс. лет до нашего времени, поэтому парантропов обычно не считают предками людей [32, с. 50–55; 56, с. 6–13, 105].

Все ранние, грацильные и массивные «австралопитеки» обнаружены в Восточной Африке. Несколько азиатских находок — фрагментарно, датируется поздним временем и схоже с человеком прямоходящим [56, с. 14], поэтому отнесение их к австралопитекам вызывает сомнения.

Строение рук у ранних австралопитеков (последние из которых дожили до 900 тыс. лет до наших дней) позволяет предполагать, что при ходьбе они опирались на средние фаланги пальцев как гориллы и шимпанзе, но позднее (по крайней мере 3 млн. лет назад) ходили прямо. Возможно, что

прямохождение получено ими от более ранних гоминид, но скорее уже первые австралопитеки лазали по деревьям в вертикальном положении, опираясь на ноги (подобно гиббонам), что и позволило им распрямиться при хождении по земле. Кисть руки позднего парантропа уже «была приспособлена для трудовых операций». Полуобезьяны-полулюди — австралопитеки собирали съедобные растения и охотились на мелких животных и делали это успешнее обезьян, благодаря более развитому интеллекту, зачаткам языка и начинающим складываться трудовым навыкам. Вместе с их останками находят разбитые черепа и трубчатые кости травоядных животных и павианов, а их примитивнейшие орудия составляли палки, очень грубо обработанные камни, слегка подправленные для остроты рога и кости [4, с. 98, 101; 32, с. 62–64; 56, с. 6, 14, 97–98; 258, с. 28].

Чем человек отличается от всех других животных

Человек, как показывает нам антропология, произошедший от обезьяны, по своей природе несомненно является животным. Более того, человек относится к животным общественным. Если низшие животные живут в одиночку, потому что не имеют пола и размножаются делением или с течением времени меняют свой пол и оставляют яйца, которые подобно семенам растений, содержат в себе (и являются средой, где возникают) зародыши будущих животных, а часть высокоорганизованных (особенно хищных) животных живёт парами, рождает детёнышей и пестует их до того момента, пока они не смогут жить самостоятельно и создавать свои парные семейства, то первобытным людям, как и их ближайшим сородичам шимпанзе и горилле (Лишь орангутаны до спаривания живут в одиночку.) и их обезьяньим предкам, от природы суждено жить в небольшом сообществе [258, с. 86], которое в антропологии и этнографии принято называть также, как и сообщество обезьян стадом, точнее «первобытным человеческим стадом». Ещё одно качество человека, которое отличает его от других животных, это — ум (или, употребляя латинский термин, «интеллект»). Однако исследования зоологов и психологов всё больше и больше убеждают нас в том, что и многие другие животные обладают определённым интеллектом, т.е. обладают представлениями, памятью, ставят перед собою цели и мыслят, изыскивая пути их достижения и т.п. Не будем останавливаться на психике разных разумных животных (Это — очень интересная тема, но не тема нашего исследования.), но обратимся к некоторым аспектам психики наиболее интеллектуально развитых обезьян: шимпанзе и гориллы, чтобы попытаться (если удастся) обнаружить различия в их психике и в психике людей.

С анатомической точки зрения, человек на 90–99% сходен с человекообразными обезьянами, если рассмотреть большой набор показателей, включающий белок и ДНК. Ещё в 1901 г. кровь человека была успешно перелита шимпанзе, а в 1931 году уже кровь шимпанзе — человеку. Но и строение мозга обезьян и человека настолько сходно, что даже

центры, управляющие органами речи: губами, ртом, языком и гортанью, — у не способных говорить обезьян занимают такое количество места в коре головного мозга, которое сопоставимо с таковым у человека. Мозг гориллы и шимпанзе обнаруживает большое сходство с мозгом современного человека не только по общему виду и расположению извилин, но и по системам проводящих нервных путей. Так называемая «ассоциативная кора», отвечающая за поведение, особенно, связанное с общественной жизнью, познавательными процессами и символическими абстракциями, у шимпанзе также не намного меньше, чем у человека. Существуют и другие примеры сходства в строении мозга обезьян и человека. Структура коры мозга человека от структуры коры мозга обезьян мало отличается вообще, и эти отличия заключаются главным образом в количественной разнице нервных клеток, которых больше у человека в лобных долях, ассоциативной коре, мозжечке и некоторых других отделах. Ещё Ч. Дарвин считал, что ум человекообразных обезьян отличается от человеческого ума не по качеству, а только количественно. «Получается, — пишет отечественный специалист в области медицинской приматологии Э.П. Фридман, — что нет «пропасти» между анатомией мозга человека и обезьяны, как нет и качественного отличия в строении мозга человека и антропоида. Остается сделать единственное заключение: отличие здесь только количественное, хотя функционирование, разумеется, во многом различно» [258, с. 159]. Разница между мозгом современного человека и мозгом человекообразной обезьяны заключается не в качестве белкового вещества, а, главным образом, в большей площади неокортекса (новой коры), определяющего более сложное поведение человека. Эта разница ещё менее значительна между современными человекообразными обезьянами и первыми людьми, и австралопитеки, по мнению антропологов и приматологов, анатомически и психически, мало отличались от шимпанзе [258, с. 20, 150, 158–164, 178–180, 214–220].

Весьма сходны и психические возможности человека и человекообразных обезьян, которые обладают любознательностью, долгосрочной памятью, ассоциативным мышлением, способностями к узнаванию и самопознанию, возможностью познавать, дифференцируя, анализируя, классифицируя предметы по их различным свойствам, обнаруживая их количественную разницу, устанавливая причинную взаимосвязь и решая сложные задачи, умением изготавливать орудия, и даже овладевать абстрактным символическим языком человека. По мнению разных ученых, по различным способностям психики самая близкая к человеку обезьяна — шимпанзе вполне сопоставима с человеческим ребенком 2–7 лет и также, как ребенок, она проходит 6 стадий умственного развития (согласно шкале системы известного швейцарского педагога Ж. Пиаже), хотя по числу поведенческих признаков она отстает от человека [258, с. 180, 185–186, 190, 214].

Шимпанзе листьями или травой очищают тело от природной грязи, остатков пищи, крови и т.п., а в опытах они тушили огонь водой, зачерпнутой из озера или взятой из водопровода. Шимпанзе по имени

Сара способна была различать число объектов до четырёх, четверть, половину или три четверти яблока или грейпфрута, в 86 случаев из 100 обнаруживала соответствие между диском с отсеченной четвертью и кувшином, недолитым на одну четверть подкрашенной водой. Другая четырёхлетняя самка шимпанзе в 90% случаев выбирала из четырёх внешне одинаковых сосудов с разной скрытой глубиной именно тот, в который у нее на глазах наливалось больше жидкости. Живущие вместе с другими орангутаны и шимпанзе легко узнают себя в зеркале, что говорит о существовании у них элементарных представлений о собственном «я». Более того, шимпанзе способны сопоставлять себя с человеком, включая представления об интеллектуальных способностях, и делать из этого выводы. Шимпанзе и орангутаны легко распознают предметы на фотографиях и слайдах. Из фотографий, где человек мыл пол шлангом, подключенным или не подключенным к водопроводу, или играл на включенном или не включенном в электросеть фонографе, Сара выбирала только те, где было изображено правильное действие. Человекообразные обезьяны с удовольствием смотрят телевизор, включая его и выбирая ту программу, которая больше нравится. Гориллы обычно не узнают себя в зеркале (хотя бывают и исключения), но нередко проявляют удивительные способности. Человекообразные обезьяны как и люди и другие животные могут проявлять как тупость, так и незаурядный ум и способности. Так, например, гориленок Бола из Сухумского питомника обезьян любил угощать понравившихся ему людей дольками апельсина и другими фруктами, жестами показывая, что их нужно есть, а не прятать в карман. Горилла Коко однажды показала условным знаком, что одеяло плохо пахнет, а в четыре с половиной года начала разыгрывать своих учителей. По просьбе учившей ее сотрудницы она правильно показывала посетителям лаборатории части лица, изображённого на фотографии, но однажды вместо лба показала на нос, а вместо ушей — на подбородок. Тогда раздосадованная учительница сделала знак: «плохая горилла», но Коко поправила её знаком: «смешная горилла» и рассмеялась своей шутке [258, с. 190–222].

Долго считалось, что только человек в отличие от обезьян способен использовать различные предметы в качестве орудий производства. Теперь чаще уточняют, утверждая, что только человек способен изготавливать орудия и при том делать это сознательно. Но многие (в особенности человекообразные) обезьяны не только используют предметы внешней среды, но и видоизменяют их, т.е. фактически создают примитивные орудия труда. Соотношение артефактов и естественных орудий у самых примитивных из живших на земле людей — тасманийцев 3 к 10, у шимпанзе 2 к 10. Сырьем для изготовления орудий были главным образом дерево (включая ветки, прутья и т.п.) и камни. Шимпанзе нередко кидаются палками и камнями, используя их как оружие (чаще самцы), например, при встрече с павианами или враждебно настроенными чужими шимпанзе или при добывании пищи (чаще самки). В неволе шимпанзе в соответствии с ситуацией «принимает наиболее адекватное обстановке решение: великолепно пользуется рычагом, ключом, отверт-

кой, палкой, камнем и другими предметами, ищет и находит их, если они не лежат под рукой». Не только шимпанзе, но и многие другие обезьяны используют очищенный от листьев прутик или большой лист, чтобы добывать термитов, кусающихся муравьев или мед из пчелиного гнезда, делают из жеванных листьев «губку», чтобы собирать дождевую воду для питья из дупла или углубления в развилке дерева. Если палка не лезет в трещину, ее подгрызают зубами до нужной толщины. Чтобы успешно доставать муравьев и не быть покусанной шимпанзе иногда устраивает помост на соседнем дереве и уже оттуда протягивает палочку в муравейник. Карликовый шимпанзе — бонобо в неволе делал из гибких длинных прутьев подобие бечёвки, перебрасывал ее через перекладину и соединял концы так, что мог висеть на них как на качелях. Он же перепрыгивал двухметровый водоем с помощью шеста. Однажды для того, чтобы добраться до наблюдателя, сидевшего в вышке и смотревшего за шимпанзе в вольере, обезьяны соорудили из находившихся в вольере шестов и веток лестницы, с помощью которых можно было бы достать человека. Живущие на воле в Гвинее шимпанзе для разбивания орехов используют один камень как молоток, а другой как наковальню, на которую кладут разбиваемый орех. Причем возле пальм, плодами которых регулярно пользуются эти обезьяны, образуются «рабочие площадки», где на расстоянии до 10 метров встречаются камни весом от 160 до 1580 г., главным образом, округлой формы, которые и служат «молотками». Иногда в качестве «молотков» шимпанзе используют и дубинки, хотя есть маловероятное предположение, что такого рода технология позаимствована обезьянами у местных жителей [202, с. 44–49, 55–61; 258, с. 24, 196–202, 213].

Особенно изощренно человекообразные обезьяны используют орудия, когда достижение цели требует цепи действий, которые, как правило, завершаются добычей лакомства. Шимпанзе, по имени Уильям, в закрытой на один верхний замок двери трейлера устроил зазор, вставив бамбуковую жердь между дверью и стенкой и потихоньку таскал из трейлера продукты. Во время опыта, для того, чтобы забраться в кормушку, дверь которой захлопывалась пружиной, находящийся на расстоянии от нее другой шимпанзе закидывал палку в щель между дверью и стенкой и, подбегая, открывал дверь и доставал фрукты (там же). Шимпанзе Тарас, для того, чтобы достать плоды на столике, стоящем посреди воды, сбегал за байдарочным веслом (которым уже пользовался ранее) и им достал приманку. Ещё И.В. Павлов отмечал, что постройку обезьяной вышки для доставания плода нельзя объяснить простым условным рефлексом, потому что здесь начинается образование знания, состоящее из обнаружения связи между вещами, установления причинности и т.п. Строя вышку из ящиков, чурбанов и других наличных предметов, чтобы дотянуться до лакомства, человекообразные обезьяны выстраивают цепь действий для достижения вожаемой цели. Весьма любопытен случай с шимпанзе, оставшимися на ночь в запертой клетке. Лаборант забыл ключи недалеко от нее, и обезьяны, чтобы открыть клетку, дотянулись до деревянного стола, отломили от него палку, до-

стали ей штору и с помощью шторы вытянули ключи, отпёрли замок и открыли дверь [258, с. 181–182, 192, 197]. Цепь действий здесь состоит по крайней мере из пяти звеньев.

Французский психолог и философ Анри Валлон, основываясь на опытах немецкого приматолога В. Келлера, проводившихся в начале XX века, отмечал, что даже шимпанзе воспринимает ситуацию в целом, не представляя себе изменения, которые могут со временем произойти с интересующим её предметом в результате даже её собственных действий, с трудом отвлекаясь от цели, и вслед за Келлером описывал лишь случаи двухступенчатого абстрагирования обезьян [30, с. 64, 80–87]. Действительно, любое травоядное животное, желая удовлетворить голод, стремится съесть подходящее растение прямо и непосредственно. Хищнику, как правило, приходится сначала догнать, схватить животное и уж после этого приняться за еду. На «Новой территории» Московского зоопарка такие животные как львы, медведи, тигры сидят в открытых вольерах, отделённые от посетителей нешироким рвом и низеньким барьером. Тигру, способному прыгнуть метров на 12, преодолеть ров не составило бы труда. Однако у выросшего в неволе тигра с детства выработался рефлекс, подсказывающий, что преодолеть ров он не в состоянии. Медведь со дна рва неспособен дотянуться до барьера и тоже не предпринимает попытки выбраться на волю, хотя однажды бурый медведь по кличке Борец воспользовался ящиком, который оставили в вольере, поставил его на дно рва и пытался ухватиться за край барьера, чтобы вылезти наружу. Служители сумели унести ящик, и Борец остался в клетке. Как правило, медведи бывают неспособны отвлечься от цели (в данном случае убежать из вольеры), но смекалистый Борец абстрагировался от нее и чуть не выбрался из вольеры. Близкие к медведям по интеллекту собаки также способны на одноступенчатое абстрагирование. Например, когда собака хочет перемахнуть через высокий забор, то сначала выискивает самую высокую точку: кучу мусора, ящиков и т. п., но как видно из вышеприведенного примера с добыванием ключей шимпанзе (которых во времена Келлера и Валлона ещё недостаточно исследовали), человекообразные обезьяны могут отвлекаться от цели неоднократно, хотя и не слишком много раз. Однако вышеупомянутые учёные в принципе правы: интеллект человека отличается от психики самых высших животных способностью к многократному абстрагированию. Чем выше ступень абстракции, тем выше способность к воображению, к построению плана действий, состоящего из цепи операций.

Другое вышеупомянутое качество человека — социальная жизнь также отличает его от человекообразных обезьян лишь степенью сложности. Не только человекообразные обезьяны, но даже живущие стадами павианы-гамадрилы живут в определённой социальной структуре. Во главе стада гамадрилов стоит вожак. Обычно это — наиболее сильный, смелый и неглупый самец, способный принимать жизненноважное решение: обороняться или убегать, куда направиться за едой или водой, где лучше остановиться на отдых, как предотвратить ссору, власть ко-

торого непререкаема. Вожаку достаётся лучшая еда, и только после его насыщения к еде могут приблизиться его любимицы. Вожак поддерживает дисциплину угрожающими жестами или взглядом, а временами с помощью силы: укусами и тумаками, что в редчайших случаях может окончиться смертью провинившегося. Если набравший силу молодой самец желает стать лидером, то ему приходится вступить с вожаком в жестокую схватку. Победённый обычно вынужден покинуть стадо. Среди других самцов существует строгая иерархия. Самка, любимая вожаком, обычно руководит другими самками, среди которых также устанавливается иерархия. Кроме того, создаются сплоченные группы из родственников (чаще по материнской линии) и симпатизирующих друг другу особей, которые иногда заступаются друг за друга. Новорождённых помимо матери нянчат ее родственницы и подруги. Самыми бесправными оказываются слабеющие престарелые (особенно среди самок) и подростки, но и их старательно оберегают от врагов и опасностей. Территория, занимаемая стадом, тщательно охраняется, и все (прежде всего самцы) встают на её защиту от постороннего посягательства. Подчинённость и покровительство, симпатии и антипатии, извинения и подхалимаж проявляются в позах, заискивающих интонациях и особенно через «груминг» (обыскивание), который не только освобождает от сора и паразитов, но доставляет удовольствие и вызывает любовь или уважение [258, с. 87–90].

Социальная жизнь человекообразных обезьян, например, шимпанзе уже сложнее. Они не только поедают растительную пищу, но порой охотятся на других животных, включая птиц и млекопитающих, вплоть до обезьян других видов и своего вида (например, детёнышей-самцов от пришлых самок), для добычи свежего мяса. Для добычи еды используются всевозможные орудия, включая дубинки, камни, «губки». Особенно сложными являются «молоты» и «наковальни» для раскалывания твердых плодов. В отличие от павианов самцы шимпанзе (включая и вожака) делятся с сородичами, одаривая кусочками мяса охотников-неудачников из числа друзей, любимых, просто нуждающихся и даже стариков: взаимопомощь у них значительно более развита. Помимо отношений соподчинения для шимпанзе большое значение имеет дружба между самцами, которые иногда помогают друзьям в борьбе за власть вожака над стадом. У более умных обезьян и более гуманные отношения. Теперь уже помимо силы и клыков в значительной степени для руководства стадом требуется интеллект. Например, среди стада шимпанзе, наблюдавшегося приматологами в Танзании в 1964–1968 годах, стоящий невысоко на социальной лестнице шимпанзе Майк стал вожаком благодаря тому, что воспользовавшись оставленными исследователями канистрами, производил такой шум, что запугал всё стадо, которое вынуждено было признать его власть [169, с. 39; 258, с. 143–144, 199, 212].

Как видно из изложенного, непреодолимой грани между интеллектом человека и человекообразных обезьян не существует. Более 130 лет назад Фридрих Энгельс отметил: «Сначала труд, а затем и вместе с ним

членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг» [274, с. 490]. Но разве человекообразные обезьяны не способны к труду? Из прежней школьной программы многим известно приблизительное определение труда как «разумной целенаправленной деятельности приносящей пользу обществу». В «Социологической энциклопедии» дано более полное, хотя и не совсем точное, определение: «Труд — деятельность человека, направленная на развитие и преобразование ресурсов природы в материальные, интеллектуальные и духовные блага, необходимые для удовлетворения его потребностей» [161, с. 2, 669]. Выдающийся советский экономист и социолог А.М. Румянцев даже разделил труд на животную и человеческую стадии, полагая, что только человеческому труду свойственна сознательная деятельность [202, с. 58]. Но вспомним, что человекообразные обезьяны совершают целенаправленные действия, добывая пищу, защищаясь от врагов, стремясь освободиться. Раскалывая орехи, добывая муравьев, они используют орудия труда, и иногда временно абстрагируясь от цели, совершают цепь действий, которые требуют и физических и умственных усилий. Но так ли велика разница между велеречивым человеком и неговорящей обезьяной? А. Валлон считал интеллект высших животных интеллектом «практическим», а интеллект человека «сознательным», «познавательным», «дискурсивным» [30, с. 34, 64]. Однако...

Приматолог Э.П. Фридман сообщает, что у шимпанзе: «Десятки разнообразных звуков, уханье, лай, хмыканье, визг, сопение — всё идет в ход, когда нужно передать актуальную информацию. И всё сопровождается жестами, мимикой и иной выразительной символикой» [258, с. 144]. Более того, шимпанзе способны обучать своему языку других обезьян своего вида [258, с. 33]. Фридман отмечает: «По-разному и раскалывают шимпанзе одни и те же плоды в твердой оболочке. Вот что означают для приматов различия в районах обитания, даже весьма сходных, складываются свои, особые традиции, способы кормления и, как видим, даже вкусы...» [258, с. 143]. Возможно ли создавать эти, пусть примитивные, традиции без языка общения? А традиция это — уже зачатки культуры. Несомненно, что шимпанзе, как и менее развитые животные, подражают друг другу, другим животным и человеку. Любопытно, например, сложное поведение шимпанзе Уильяма, который, подражая человеку, готовил кофе. Он взял две ложки кофе, четыре сахара, засыпал всё в чашечку, залил кипятком, а потом остудил водой и холодными камешками. Могут шимпанзе передавать и серьезные сообщения. В одном из опытов вожак группы видел спрятанные в разных местах двора лакомства. Когда его после этого отправляли в клетку к другим шимпанзе, а затем всех выпускали, то его подчинённые уже знали за чем вышли и сразу начинали искать спрятанные лакомства. Не произнося слов, человекообразные обезьяны используют «довербальный язык», оперируя «довербальными понятиями», «иначе говоря, не имея физической возможности произнести слово, шимпанзе может образовывать понятия, а ещё иначе — разговаривать? Шимпанзе в строго

соответствующей («релевантной») ситуации принимает наиболее адекватное обстановке решение: великолепно пользуется рычагом, ключом, отвёрткой, палкой, камнем, и другими предметами, ищет и находит их, если они не лежат под рукой, никак не обозначая (хочется сказать «словом») эти предметы, но прекрасно обобщая их существенные для данной задачи признаки (цвет, форму, величину), т.е. составляя и храня для себя о предметах самые настоящие понятия» [258, с. 192, 202, 212].

В апреле 1967 года в изучении приматов произошло знаменательное событие: детёныш-самка шимпанзе по имени Уошо, считавшая исследователей своими приёмными родителями, попросила их «дать вкусенького» [258, с. 202]. Дело в том, что американские психологи Аллан и Беатрис Гарднеры стали обучать Уошо языку глухонемых по американской системе. Сначала она научилась показывать на пальцах отдельные слова, затем стала выученные слова комбинировать, и в июне 1969 года оперировала уже 245 различными комбинациями из 3 и более знаков, так что «в типах семантических связей этих ранних комбинаций Уошо не уступала детям своего возраста» [258, с. 203]. Позднее она не только воспроизводила знаки, но стала изобретать новые. В возрасте 6 лет, когда у человекообразных обезьян зарегистрирована максимальная частота изобретательства, не только Уошо, но и другие обезьяны оказались способными придумывать по 6–9 новых слов в месяц. Когда Уошо научили просить «открой ящик», она самостоятельно стала употреблять слово «открой», требуя «открой кран», «дай ключ открыть калитку». Увидев на озере утку, она «сказала»: «Водяная птица». Свои короткие предложения она строила синтаксически правильно, прося «дай яблоко», а не «яблоко дай». Когда Уошо заболела, и у неё была температура и понос, то на вопрос «Что с тобой?», она показала на живот и сделала знак «болит». Среди придуманных Уошо слов известно, например, слово «нагрудник». Горилла Коко сочинила слова: «укусить», «очки», «стетоскоп». К пяти с половиной годам эта талантливая горилла знала 645 знаков, из которых 345 активно использовала. Когда воспитательница Коко Фрэнсина Паттерсон устно ответила гостю, что Коко не юношеского возраста, а еще «подросток», услышавшая ответ Коко, которой было четыре с половиной года, поправила: «Нет, горилла.» [258, с. 207], подразумевая, что она не подросток, а горилла, что говорит о понимании человекообразными обезьянами устной речи в той части, которая содержит знакомые слова, подобно пониманию разговора взрослых людей детьми. Особенно большие способности к овладению языком проявляют бонобо [258, с. 202–211]. «Два молодых карликовых шимпанзе начали спонтанно, без специальной тренировки, применять символы для общения с людьми — они только наблюдали за тем, как это делали другие. Ещё более поразительно, что эти антропоиды стали понимать разговорный английский язык» [258, с. 211].

Позднее стали обучать шимпанзе с помощью пластиковых жетонов, символизирующих слова, а также через компьютер, отражающий на экране, то что задает клавиатура. Детеныши шимпанзе Моджа и Пили в 3 месяца оказались уже способными показывать знаки, понятные лю-

дям, а в 6 месяцев запас слов каждого из них составлял уже 13 и 15 знаков. Два молодых бонобо безошибочно выдавали лексиграммы, соответствующие произнесённым английским словам, нажимая на нужную клавишу. Молодой самец бонобо Кензи научился воспроизводить английские слова на синтезаторе, нажимая на соответствующие клавиши. Кензи правильно выбирал из трех фруктов, именно тот, который просил, и последовательно нажимал клавиши, воспроизводя то слово, которое требовалось. «Он изобретал фразы, приглашал людей играть с ним, синтаксически правильно строя просьбу, просил человека погулять с ним в лесу. Однажды, когда он был наказан «домашним арестом» за неуёмное потребление диких грибов, Кензи в сердцах сделал жест: «Грибы не плохие». Э.П. Фридман утверждает, что бонобо более способны к овладению языком, чем обыкновенные шимпанзе [258, с. 204, 211], однако в одном из научно-популярных фильмов, показанных по телевизору можно было видеть как обыкновенный шимпанзе по имени Чарли синтаксически верно строил небольшие предложения из кубиков с английскими буквами, не забывая даже об артикле.

В одном из опытов простые шимпанзе получали от одного исследователя вопросы на языке глухонемых и отвечали другому (При этом исследователи не видели друг друга.). Число правильных ответов при сопоставлении с вопросами оказалось весьма высоким. Знаки, используемые в опыте означали абстрактные понятия: собака, означала любую собаку, а цветок — все виды цветов. И этот опыт, и многие другие, как отмечают ученые разных специальностей, доказывает, что человекообразные обезьяны способны использовать символы семантически, группировать сходные понятия и целенаправленно комбинировать понятия для выражения желаний. Более того, владеющие знаками языка глухонемых шимпанзе начинают обучать друг друга и говорить на нём. Например, Ушо обучила за месяц десятимесячного приёмного сына Луиса шестью знакам. В результате дальнейшего обучения Луис стал спонтанно комбинировать слова [258, с. 207–209, 222]. Таким образом выясняется, что мозг человекообразных обезьян подготовлен для речевого общения, не готов только речевой аппарат (рот, горло, язык), но это — дело времени. Эволюция продолжается. «Однако в целом современная наука пришла к выводу: рассуждения о каком-то изолированном органе речи неправомерны, можно говорить лишь о комплексном речевом аппарате — о сложной системе, состоящей из взаимно связанных компонентов, каждый из которых в отдельности может отличаться у шимпанзе и человека не столь уж кардинально. Но комплексность, системность развития касается не одной только речи...» [258, с. 215]. Речь и многие другие «отличительные признаки человека сами являются компонентами величественной единой функциональной системы» [258, с. 216–217].

Что же касается других отличий человека от наиболее интеллектуально развитых обезьян, то обычно указывают на способность человека в отличие от обезьяны производить одно орудие с помощью другого. Чаще всего указывается на каменные орудия, изготовленные с помощью других каменных орудий. Однако представление об орудии, изготов-

ленном с помощью другого орудия, как о каменном орудии является заблуждением, идущим от археологических находок, поскольку основной археологический материал, оставшийся от предков — именно камень в силу его наилучшей сохранности по сравнению с другими материалами: деревом, растительными волокнами, листьями и даже костью. Вероятно, наши предки первоначально с помощью орудий (может быть и не каменных) делали именно плохо сохраняющиеся в земле орудия. Редко, но исследователям удаётся наблюдать человекообразных обезьян подправляющих палку с помощью камня или с помощью палки сбивающих с дерева листья для изготовления «губки». Таким образом, и свойственное традиционной для отечественной науки утверждение, что «производство средств производства, и есть тот качественно новый род жизнедеятельности, который решающим образом отличает примитивные человеческие коллективы от любых даже самых развитых и совершенных животных сообществ; это — тот рубеж, та грань, которая отделяет животных от человека», не выдерживает серьезной критики. Вспомним ещё о гвинейских шимпанзе, которые раскалывают орехи с помощью каменного «молота» на каменной «наковальне». Почему бы им не воспользоваться осколками случайно разбитой «наковальни»? Вот и другая промежуточная ступень от использования орудия к изготовлению орудия с помощью другого орудия. Другой иногда встречающийся аргумент в пользу отличия орудий людей от орудий обезьян это — то, что обезьяны якобы не способны изготовить орудия, состоящие из скреплённых между собой двух компонентов (более чем одной «техноединицы») или более, чем двух компонентов [14, с. 70; 258, с. 198–199]. Но вспомним про «лестницу», сооружённую шимпанзе, где было несколько компонентов. О способности шимпанзе «пользоваться производством путём соединения» говорит и известный американский приматолог и антрополог Уильям МакГрю [258, с. 199].

Таким образом приходится констатировать, что между человеком и обезьяной нет принципиальной грани, и превращение обезьяны в человека происходило не вдруг под влиянием каких-то природных катаклизмов, а постепенно, эволюционным путём, поэтому резонно предположить, что и образ жизни сообщества первых людей мало отличался от образа жизни обезьяньего стада. Человек наделён большим интеллектом, чем все другие животные, но мы не можем определить какие именно стадийные изменения происходили в психике человека, даже найти интеллектуальную грань между обезьяной и человеком. Социальная организация людей значительно сложнее социальной организации обезьян, но на заре человечества она также мало отличалась от обезьяньей. Рассматривая её в отрыве от духовной (интеллектуальной) жизни, в отрыве от экономики (какого-либо производства), мы также не сможем обнаружить каких-либо существенных этапов. Даже в такой сфере деятельности как языковое общение найти нечто отличающее одну эпоху от другой кроме дописьменного и письменного периода почти невозможно. Известно также, что в раннегосударственный период одни народы пользовались письмом, а другие нет, так что и здесь невозможно

найти достоверных критериев периодизации общества. Однако людей отличает от самых продвинутых обезьян другой феномен — культура, который постепенно становится главным и определяющим атрибутом человеческого общества и который лишь только в зародыше есть у человекообразных. И именно культура является человеческим артефактом, и именно в культуре можно обнаружить четкие этапы развития, определяющие и главные этапы развития общества.

Культура как социальный феномен

Известны сотни определений культуры [см., например: 51]. Впервые к культуре как общечеловеческому феномену подошли К. Маркс и Ф. Энгельс, положившие в основу развития человеческого общества развитие производительных сил, выражающееся в прогрессивном восхождении человеческого общества в зависимости от способа производства материальных и духовных благ, удовлетворяющих потребности людей [см. 158]. Однако чаще всего под культурой (если иметь в виду культуру в самом широком смысле, не ограничиваясь лишь сферами этики и эстетики) подразумевается система ценностей: общечеловеческих, национальных, групповых, индивидуальных и т.п., и это абсолютно верное определение, но... возникают многочисленные вопросы. А что такое ценность? Есть ли ценности общечеловеческие? А почему то, что является ценностью для одного, оказывается ненужным или даже вредным другому? Очевидно ценностью является всё то, что способствует удовлетворению материальных и духовных потребностей, но... опять возникают вопросы, и, чтобы в них разобраться, надо вспомнить, что бывают ценности истинные и ложные, бывают ценности, полезные для определенных обществ, социальных групп, для отдельных людей, и бывают ценности вечные и ценности преходящие, пригодные только с точки зрения людей какой-то конкретной общественной эпохи. Так, например, жизнь, здоровье, любовь ближних и т.п., являются общечеловеческими ценностями на все времена. Однако, если для физика-исследователя наличие синхрофазотрона в том научно-исследовательском институте, где он работает, является несомненной ценностью, то для археолога он вряд ли представляет интерес. Наоборот, открытие археологом нового кургана с фрагментами керамики и ржавыми наконечниками стрел будет весьма важно для археолога и вряд ли вызовет интерес у физика. Если для нашего предка-дикаря какой-нибудь талисман, «обеспечивающий» ему безопасность от клыков и когтей хищников на охоте является несомненной реальной ценностью, потому что придает ему смелости и спокойствия, позволяющих точно направить копьё, то для лишенного предрассудков охотника XXI века талисман дикаря бесполезен. Таким образом определение культуры как системы ценностей становится к сожалению бесполезным.

Поэтому предлагается менее точное, но более инструментальное определение: культура суть материализованные производительные силы,

прямо или косвенно способствующие производству материальных и духовных благ, являющиеся социальной формой приспособления к среде [см. более подробно: 119, с. 263; 123]. Несомненно, что здесь имеется в виду не пассивная форма приспособления к среде, свойственная низшим животным, а человеческая интеллектуальная активная форма, изменяющая среду в соответствии с потребностями человечества, но не наносящая вреда живой или неживой природе. И окружающая среда здесь понимается так, как её понимают прогрессивные зелёные [см., например: 310], т.е. как среда, включающая как естественную природную среду, так и созданную человечеством общественную среду с культурой, производством, социальной структурой, политической системой и мировоззрением. Не следует путать материализацию с материальной формой культуры. Суть в том, что всякая культура состоит из двух составляющих: материальной культуры и культуры духовной, но, если индивидуальная духовная культура человека может пребывать внутри него в «идеальной» форме, то духовная культура общества может иметь только материальную форму. Иначе, чем через материализацию информации в устной или письменной речи (пусть даже в мимическом или жестовом выражении, как у предков) никакая идея не сможет быть передана другим и не сможет войти в культурный фонд общества или какой-либо социальной группы. Что же касается производительных сил, то под ними подразумеваются интеллектуальные и физические силы людей, средства производства и силы природы, используемые людьми в преобразовании окружающей (природной и социальной) среды для удовлетворения своих потребностей [см. более подробно: 124]. Поскольку под производством здесь понимается как производство материальных и духовных благ, так и производство самого человека, то и под производительными силами здесь подразумеваются не только знания и непосредственные средства труда, но и любые полезные предметы или внешние раздражители, даже косвенно способствующие производству полезных идей или вещей или воспроизводству самого человека как полезного члена общества, как то: красивая фотография, приятная мелодия, вкусный пряник, т.е. практически любое материальное или духовное благо является либо непосредственной, либо косвенно опосредованной производительной силой. Такое определение культуры позволяет исключить из социальных (общественных или групповых) культурных явлений ложные ценности, либо вредящие функционированию и развитию общества, либо ещё используемые по традиции, но уже вытесняемые более полезными новациями, поступающими в его культурный фонд.

Культура — объективный феномен. Общество не может отказаться от достижений культуры, потому что потеряет часть производительных сил и не сможет удовлетворять потребности в прежнем объёме. Наоборот, проявляя (свойственный, как видно из изложенного, даже высшим животным) интерес к познанию окружающей действительности, стремясь сделать жизнь более гуманной и комфортной, творческие личности создают материальные и духовные ценности, поступающие в форме инно-

ваний в культурный фонд, который постоянно пополняется и расширяется. Осваивая культуру, человечество благодаря интеллектуальным и физическим способностям развивает ее. Процессы развития интеллекта и культуры — взаимосвязанные прогрессивные процессы, и, если рассматривать культуру как производительные силы, то в их развитии, а, следовательно, и в развитии общества можно обнаружить определённые этапы [см. подробнее: 133].

Образ жизни ближайших предков людей

Образ жизни ранних гоминид 6–3 млн. лет до нашего времени мало отличался от образа жизни современных человекообразных обезьян, но 3–2,5 млн. лет назад климат Восточной Африки (где преимущественно находят древних гоминид) значительно изменился. Он стал холоднее и суше, количество лесов уменьшилось, в саванне возросло число крупных копытных и грызунов. Приспосабливаясь к новым условиям, предки человека всё более и более привыкали к наземному образу жизни. (В лесах более приспособленными оказались более примитивные формы приматов, живущих на деревьях.). Древнейшие находки орудий, возможно изготовленных австралопитеками, относятся ко времени 2,6–2,5 млн. лет до н.э. и, по-видимому, свидетельствуют о существовании материальной культуры. Но не следует полагать, что климатические, природные изменения, вообще, стали решающим фактором в превращении обезьяны в человека: не стоит сбрасывать со счетов приспособительные возможности самих гоминид. Во-первых, это — их психологические возможности, по которым они превосходили всех остальных животных. Во-вторых, это — способность приобретать, накапливать и передавать знания своим сородичам. Именно сочетание ряда факторов привело к появлению человеческого рода, а не один, как полагают ортодоксальные диалектики, понимающие переход от одного качественного состояния предмета к другому как некую революцию, а революцию как одномоментное явление. Гоминоидные обезьяны превращались в людей постепенно, эволюционным путем, и искать здесь внезапные факторы — совершенно несерьёзно. Например, в советской исторической науке 1950-х годов высказывалось одно из «предположений», согласно которому, человек появился в результате непонятно откуда взявшегося радиоактивного излучения, которое лишило обезьяну шерсти и хвоста и заставило слезть с дерева. Однако между обезьяной и человеком нет «мозгового Рубикона», как справедливо заметил отечественный антрополог Л.Б. Вишняцкий [32, с. 34, 68–75].

В Танзании в Лаэтоли в слоях, где обнаружены останки австралопитека (который свободно ходил на двух ногах, о чем говорят следы, оставленные им на вулканическом пепле, относящиеся ко времени 3,7–3,5 млн. лет до наших дней, найдены самые примитивные галечные орудия — оббитые с одной стороны, чтобы получить рубяще-режущий край, «чопперы» олдовайского типа. В Сан Валье (Франция) возмож-

но найдено каменное орудие, которому 2,5–2,3 млн., самое древнее в Европе [76, с. 50]. Есть и другие следы орудий (там же), но находки в пещере Шандалья I на полуострове Истрия в Хорватии (где 1,6 млн. лет назад жили знакомые с огнём люди) двух каменных орудий не вызывают сомнений. С этого времени начинается так называемый нижний «палеолит», т.е. древний каменный век. (Ко времени 1,7–1,4 млн. лет до н.э. относятся также находки костяных орудий, служивших для вылавливания термитов [56, с. 33–34, 107–109, 119–120; 169, с. 351].

Возможно (но крайне сомнительно), что каменные орудия, изготовленные человеком почти столь же рано, найдены и в нашей стране. Если верить автору сообщения о «древнейших» находках на стоянке древнейших людей Дириг-Юрях, расположенной у реки Лены, километрах в ста южнее Якутска, Ю.А. Мочанову, то сравнивая их с другими древнейшими орудиями из Восточной Африки по технике изготовления, им можно дать от 3,2 до 1,7 млн. лет. Однако по этому показателю автор предлагает разные датировки: 2,5–1,7 млн. лет и 3,2–1,8 млн. лет, по палеомагнитной шкале — 3,2–2,5 млн. лет по нижнему краю и 2,5–2,1 млн. лет по верхнему краю, и тут же усредняет датировку до 3,2–2,5 млн. лет, а также дает без объяснения датировку в 2,4–1,5 млн. лет. Есть также датировки по радиотермолюминисцентному анализу для самого нижнего, 6 слоя — $2,9 \pm 0,9$ млн. лет и по 4 слою — 1,8 млн. лет. Скорее всего наиболее точной является датировка по результатам комплексного исследования: 2,5–1,8 млн. лет [170, с. 16–31, 131]. На стоянке Дириг-Юрях, где в верхних слоях действительно найдены следы пребывания человека, в нижних слоях обнаружено лишь более 1300 коррозированных кварцитовых предметов [170, с. 16] на площади около 3 тыс. квадратных метров. Эти предметы, принятые за чопперы, вызывают у автора данных строк очень серьёзные сомнения. Дело в том, что на фотографиях и рисунках предметов не видно оббитого рубяще-режущего края, характерного для чопперов. Более того, рядом с предметами, принимаемыми за нуклеусы (заостренные ядра крупной гальки, от которой обиваются отщепы, чтобы нуклеусы можно было использовать как колющие, рубящие, пилящие и режущие орудия) находят и отщепы, и создается впечатление, что нуклеус и отщеп только что получились в результате естественного растрескивания возможно под влиянием резкого изменения температуры (например, сильного горения леса или костра в нескольких сантиметрах выше найденных «чопперов») или по какой-либо иной чисто природной причине [см. 170, 53, рис. 35, 56; рис. 38, 115; рис. 101, 116; рис. 102]. Наконец, бездоказательно ссылаясь на некоторые чужие мнения, Мочанов приходит к заключению о «внеисторическом» происхождении человека вообще [170, с. 132–172]. Учитывая, что сам Мочанов отмечает скептическое отношение на ряде научных конференций к его сообщениям о Дириге, и это «внеисторическое» заключение, то и находка «древних орудий» на стоянке Дириг скорее относится к вненаучным «открытиям».

Следы древнейшей материальной культуры, относящиеся ко времени от 2,6 до 1,7 млн. лет, несомненно обнаруживаются уже многократно

(например, в Афаре в долине реки Хадар в Центральной Эфиопии от времени в 2,5 млн. лет, возможно в ущелье Олдувай в Северной Танзании в возрасте 2,4 млн. лет, на берегу озера Натроп в 50 км. от Олдувая) [32, с. 65, 74; 56, с. 44, 100; 98, с. 31].

Первые люди

Ранний «человек умелый» (*Homo habilis*) (впервые найденный в 1960 г. выдающимся английским антропологом Л.С.Б. Лики в ущелье Олдувай в Северной Танзании, а позднее обнаруженный во многих местах Восточной и Южной Африки) уже постоянно пользовался грубыми орудиями из кремня, кусков лавы, кварцевых галек и т.п. приблизительно со времени своего возникновения в 2,5–2,3 млн. лет назад. Остаётся неясным статус человека рудольфского (*Homo rudolfensis*), в среднем более древнего, чем человек умелый (жившего 2,5–1,5 млн. лет назад), с объемом мозга в 750 куб. см., который, очевидно составляет самостоятельный вид внутри рода человека умелого или, по мнению некоторых ученых, был его предком (Во всяком случае он по физическим данным ближе к австралопитекам, чем к человеку умелому). Однако советский антрополог В.П. Алексеев относил его к питекантропам, т.е. к более позднему «виду» человека. Наоборот, останки людей, найденных в Южной Африке в Сварткрансе, и хронологически и морфологически ближе к архантропам (т.е. питекантропам), чем человек умелый. Классический человек умелый более походил на современного человека, чем австралопитек, хотя и оставался ближе к поздним австралопитекам, чем к последующему «виду» человека. У него меньше выступала челюсть и коренные зубы были меньше, чем у австралопитека, зато свод черепа был выше, темя шире и затылочная кость более округлая. Мозг человека умелого и абсолютно и относительно был больше, чем у австралопитека. У австралопитека он составлял лишь 400–500 куб. см., а у человека умелого 600–700 куб. см. Узор борозд головного мозга был близок к узору борозд человека разумного, и появились выпуклости там, где у современного человека расположены речевые центры. Мозг человека умелого требовал большего потребления энергии (чем мозг австралопитека), а значит и пищи, и он потреблял уже больше мяса, о чем говорят кости животных (найденные рядом с останками человека умелого), которые свидетельствуют о разделке их туш. Многие антропологи, отмечая сходство поздних австралопитеков с ранними людьми умелыми, а поздних людей умелых с архантропами, считают человека умелого промежуточным звеном в цепи эволюции между австралопитеками и архантропами. Однако приблизительно одновременное проживание в Африке австралопитеков из Штеркфонтейна в Южной Африке (живших 2,6–1,5 млн. лет назад и найденных в заключительный период в одном слое с людьми умелыми), поздних австралопитеков, парантропов бойсейских (2,5–1,1 млн. лет до н.э.), людей умелых (2,6–1,5 млн. лет до н.э.), людей рудольфских, также стоящих между австралопитеками и архантропами

(2,5–1,5 млн. лет до н.э.) и живших, по-видимому, на одной территории с австралопитеками, людей «вида» «человек трудящийся» (*Homo ergaster*), также, с антропологической точки зрения, располагающихся между австралопитеками и архантропами, но, очевидно ближе к архантропам (1,9–1,6 млн. лет до н.э.), скорее всего, говорит о многолинейности эволюции наших предков. Возможно, что человек рудольфский эволюционировал в человека трудящегося, но не исключено, что он не сумел преодолеть своей специализации и был вытеснен парантропом и человеком трудящимся [32, с. 73–82; 56, 121–125]. Дальнейшие находки упорядочат наши знания.

Находки человека умелого, по-видимому, пока ограничиваются Африкой. В Азии и Европе отнесение фрагментарных останков ископаемых людей к человеку умелому вызывает сомнение. Таковы находки: в Тель-Увейде в Израиле (которой предположительно 1, 4 млн. лет); в Дакау, Сангиран и Моджокерто (1,7 млн. лет), близкие к архантропам; в области Орш в Испании; в Шандале в Хорватии; Аунгино в провинции Сычуань в Китае (2–1,8 млн. лет), где найдены плохие фрагменты челюсти и второй резец ископаемого человека вместе с двумя каменными орудиями, выполненными в технике, близкой к технике Омо и раннего Олдувая [56, с. 127–130].

Человек умелый (живший в эпоху верхнего плейстоцена — нижнего эоплейстоцена 2,6–1,5 млн. лет назад), как и его обезьяньи предки, занимался преимущественно сбором съедобных растений, но в отличие от них ради мясной пищи стал больше охотиться на животных. Он стал изготавливать из гальки чопперы — грубые орудия с поперечным лезвием, оббитым с двух сторон, найденные (порой вместе с используемыми также отщепами), например, в Урахе на северо-западном берегу озера Ньяса в Малави и относящиеся ко времени 2,5–2,3 млн. лет до нашего времени, судя по стратиграфии и фауне; в долине реки Омо в Южной Эфиопии (2,36 млн. лет до н.э.); в Хадар в Центральной Эфиопии (2,33 млн. лет до н.э.); в Коби Форэ на восточном берегу озера Туркана в Эфиопии (2,5–2,3 млн. лет до н.э.) и других местах. Это отнюдь не значит, что чопперы были первыми и главными орудиями человека умелого. Уже обезьяны пользуются деревянными дубинами, поэтому несомненно, что и человек умелый использовал дерево, а благодаря изобретению чопперов, которые можно было использовать при изготовлении удобных ударных, колющих, метательных и т.п. деревянных орудий, их набор значительно увеличился. Другими ранними материалами для изготовления орудий были кость и рог, и с появлением чопперов контингент костяных и роговых орудий также расширился. Лишь после обработки мягкого дерева и не столь прочной как камень кости (которые сначала могли использоваться для добывания и приготовления пищи и лишь позднее для изготовления предметов быта) первые люди перешли к изготовлению каменных орудий, которые стали применяться сначала с той же целью, что дерево, рог и кость, и лишь позднее как средство для создания других орудий труда. Но несомненно, что самыми первыми орудиями людей были палки, камни, лианы, листья, трава и другие

естественные предметы, которыми пользуются и обезьяны. Все орудия человека умелого (из которых сохранились лишь каменные и, возможно, костяные) помогали ему в охоте (когда можно было заколоть или оглушить преследуемое животное), в добывании съедобных растений (которые стало легче выкопать, срезать), а также в приготовлении пищи (когда стало легче обрабатывать туши, чистить и резать плоды и корни и т.п.). Льюисом, Мери и Ричардом Лики вместе с человеком умелым были обнаружены расположенные в определённом порядке крупные валуны, что возможно свидетельствует о том, что они служили основанием или стенами примитивного наземного жилища [4, с. 77, 101; 24, с. 303; 56, с. 123–124, 131–134]. Таким образом создавалась первая человеческая материальная культура.

Вместе с тем, материальная культура не могла бы развиваться без культуры духовной. И такая культура несомненно уже была у человека умелого. Для того, чтобы изготавливать и правильно пользоваться орудиями труда, первые люди должны были обмениваться знаниями. Как это происходило? Несомненно, что одним из первых способов передачи знаний было подражание. Многие наблюдали, например, как домашние кошки учат котят ловить мышей. Котёнок внимательно следит за действиями матери и старается в точности их повторить. В таком подражании могут содержаться и рациональные и нерациональные моменты: ненужный в другой ситуации прыжок, устрашающий крик и т.п., которые в последующем устраняются. Подражание ещё более характерно для обезьян и для наших детей, которое нередко превращается в «обезьяничание». Из подражания у наших предков постепенно сложились первичные обряды [130, с. 333] и ритуалы как совокупность обрядов. Например, в обряде охоты первобытного человека на какое-либо конкретное животное содержатся главным образом рациональные действия, но могут присутствовать и связанные с подражанием нерациональные моменты, которые постепенно устраняются после неудачных попыток. Полученные через подражания знания человека умелого закреплялись и совершенствовались в совместно проживающей группе. Такой способ передачи знаний широко используется ещё и обезьянами. Другим способом передачи знаний у человека умелого был язык жестов. Свойственная ещё обезьянам мимика, угрожающие жесты и позы, мимика и жесты, выражающие довольство, огорчение, боль, испуг, не только показывали естественное состояние первых людей, но постепенно превратились в символические предупреждающие, одобряющие призывающие и т.п. знаки, приобретая жизненно важный смысл для данной группы и закрепляясь в групповом сознании. Наконец, наличие речевых центров прямо говорит не просто об инстинктивном употреблении первыми людьми звуков, отражающих чувства: страха, удовлетворения или боли, но о сложении у человека умелого примитивной звуковой устной речи, помогавшей закреплять приобретаемые в течении жизни знания в коллективном сознании группы и передавать их в форме информации. Но о том, как развивалась речь — ниже.

Несомненно, что у человека умелого уже была и примитивная социальная организация, которая получила в отечественной этнографии термин «первобытное человеческое стадо». Фрагментарные одиночные находки черепов, зубов и костей человека умелого или даже нескольких особей не дают представления о численности группы, в которой проживали первые люди. Однако, судя по их ближайшим родственникам шимпанзе, живущим небольшими стадами в 20–40 (реже более) особей, или по горным гориллам, живущим группами, состоящими из десятка (чуть менее или более) обезьян, можно предположить, что и человек умелый жил в небольшом стаде, то есть социальность была дана ему от природы, от предков. Эта общность жизни и позволила создать примитивную духовную культуру (но об этой общности тоже в своем месте).

По-видимому, как у обезьян, у людей умелых была довольно строгая иерархия, но в отличие от обезьян у людей, для занятия места вожака уже не столько требовалась сила, сколько ум и способности: знание местности, умение находить и добывать воду и пищу, успешно бороться с врагами и т.п. И, если уже у человекообразных обезьян (особенно у бонобо) проявляются родственные и дружеские симпатии, приводящие к созданию групп, и помогающие занять высокое место в социальной иерархии, то это тем более должно относиться к человеку умелому. Тем не менее, власть вожака первобытного человеческого стада, по-видимому, была почти беспрекословной. Он выбирал пути кочёвок по территории, занимаемой стадом, определял необходимость бегства, обороны или нападения на других перволудей или хищных животных, навел в стаде соответствующий его представлениям порядок и руководил всей остальной общественной жизнью. Вожак обладал правом жить со всеми женщинами стада, но, как правило, имел лишь одну любимую «жену». Следующий в иерархии мужчина, слегка уступающий вожаку в уме, опыте и силе, мог выбрать себе сожительницу из остальных женщин. Третий в иерархии человек выбирал уже из более узкого круга женщин и т.д. Иерархия существовала и у женщин, где любимая женщина вожака налаживала жизнь женской половины стада. Хуже всего приходилось старикам и детям. О детях, как правило, заботилось всё стадо, и помимо матери и отца все старшие в какой-то степени занимались их воспитанием. Однако в неблагоприятное время, когда нечего было есть, дети наряду с дряхлыми стариками могли просто превратиться в пищу для сильных и здоровых членов стада. Ранее, со времен И.Я. Бахофена (80-е гг. XIX в.) у историков первобытного общества преобладало ошибочное мнение о беспорядочности у первобытных людей общения между полами («неограниченный промискуитет»), но как показали последующие наблюдения приматологов даже у низших обезьян нет полового общения между разными поколениями родственников, и, более того, оказалось, что человекообразные обезьяны предпочитают половое общение с особями из соседних стад общению с особями из своего стада. Тем более это должно относиться и к нашим первопредкам [4, с. 27–28, 80–81; 202, с. 96].

Люди вне всякого сомнения

Если человек умелый был признан человеком только в конце XX века, то так называемые архантропы (древнейшие люди) или *Homo erectus* («человек прямоходящий»), которых ранее называли питекантропами и синантропами, были признаны людьми уже более сотни лет назад. Архантропы появились приблизительно за 1,6 млн. лет до нашего времени (хотя возможно, что к архантропам следует отнести более раннюю форму человека — «человека трудящегося» [*Homo ergaster*], с которым в Восточной Африке найдены каменные орудия, возраст которого составляет 1,9–1,6 млн. лет до н.э., а в Азии, по неточным данным, возможно, 2–1,9 млн. лет до н.э., примерно тогда же, когда (за 1,7 млн. лет до наших дней) начался плейстоцен (ледниковый период). Архантропы, очевидно, уже расселились из Африки на другие континенты, потому что их останки найдены в Грузии (1,7–1 млн. лет до н.э.), на Яве (около 1,2 млн. лет до н.э.), в Европе (800 тыс. до н.э., хотя встречаются каменные орудия более раннего периода), в Китае и, возможно, в Индонезии (2–1,5 млн. лет до н.э.). При сравнении ДНК архантропов и более поздних людей выясняется, что расстояние между архантропом и современным человеком в 3 раза больше, чем расстояние между расами или между современным человеком и неандертальцем. По строению скелета архантроп уже значительно ближе к современному человеку, чем к обезьянам. Средний объем его мозга — 1000 куб. см. (Возможно, что именно это обстоятельство привело к гибели менее интеллектуально и культурно развитых «людей умелых»). Судя по извилинам «в задней части височной доли и в пограничной височно-теменно-затылочной области и по строению челюсти и ротовой полости, у архантропов (по крайней мере у поздних) несомненно были уже зачатки речи [4, с. 106; 32, с. 82–92; 56, с. 124; 258, с. 33].

Каменные орудия, находимые вместе с архантропами, близки к орудиям человека умелого, но уже появляются ручные «рубила» и «колуны» ашельского типа и даже орудия эпохи мустье в возрасте 1,5 млн.–200 тыс. лет. Около 0,5 млн. лет назад череп палеоантропа стал более прогрессивным, и объем мозга увеличился до 1100, а в отдельных случаях до 1400 куб. см. и даже более. Изогнутость основания черепа свидетельствует о низкой гортани, приспособленной для речи. Следы многочисленных костров говорят о систематическом пользовании огнём. Архантропы этого периода иногда обладают специализированными неандертальскими признаками: архаично-низким черепом с толстыми стенками и очень массивными челюстями с большими зубами. Некоторые исследователи считают архантропов отдельной ветвью в эволюции человека, другие — даже тупиковой ветвью, и лишь найденного в количестве 6 особей в Испании «человека предшествующего» (*Homo antecessor*), возраст которого исчисляется в 800 тыс лет, — несомненным предком неандертальцев и современного человека [4, с. 106; 32, с. 90–99; 56, с. 7, 124].

По-видимому, в конце эпохи архантропов под влиянием разницы в природных условиях в относительно изолированных местах обитания

началось разделение людей на физические расы, которое стало более заметным в эпоху палеоантропов. В этот период у азиатских архантропов и палеоантропов стали проявляться [32, с. 119] некоторые монголоидные черты.

Архантропы жили и на открытой местности, и в пещерах и умели пользоваться огнём, о чем говорят остатки кострищ, обожжённого дерева, обгоревших костей и пепла. Известны их жилища, достигавшие до 15 м в длину и 5 м в ширину, крыши которых, сделанные из ветвей, опирались на центральный столб и были покрыты скорее всего прутьями и крупными листьями, но, возможно, и шкурами, а внутри располагалось по очагу. Строились и круглые временные (на сезонных стоянках) и постоянные жилища с опорными столбами, очагами и даже постелями из растительной подстилки и шкур. Охотились архантропы на оленей, газелей, диких лошадей, носорогов и других крупных животных. Нижнепалеолитические каменные аббевильские (или шелльские) и ашельские орудия (названные так по месту первоначальных находок) архантропов представляли собой довольно крупные яйцевидной формы ручные рубила, грубо оббитые с двух сторон, чтобы получить острый конец. Более поздние ашельские орудия отличаются большей остротой благодаря более мелким сколам. Кроме того в ашельский период помимо чопперов и ручных рубил явно прослеживается использование отщепов, а также деревянных копий, сделанных из обожжённого дерева. Несомненно, что архантропы использовали также дубины и даже рогатины (одна из которых датируется 500 тыс. лет до нашего времени). Питекантропы охотились на животных (в том числе и крупных), предположительно устраивая загоны [4, с. 106–113; 76, с. 53; 202, с. 65–66].

Вполне возможно, что в большом доме помещалось всё отдельно жившее сообщество. Постоянное жилище, по видимому, говорит об относительно оседлом образе жизни. Совместные предприятия типа загонной охоты в значительно большей степени сплачивали коллектив, чем стадо перволудей. Можно предположить, что у архантропов первобытное человеческое стадо уже превратилось (трудно сказать в какое именно время: в начале, середине или конце эпохи человека прямоходящего) в родовую общину [5; с. 116], т.е. в производственный коллектив, отчасти связанный узами родства, постоянного совместного проживания, совместной трудовой деятельностью и общим представлением о том, что все члены сообщества являются своими людьми в отличие от чужих соседей, которые живут в другом месте, объясняются по-другому, ведут себя по-другому и даже могут стать врагами.

Первобытное человеческое стадо (или более развитое сообщество), предположительно, занимало территорию в 200–250 кв. км., а между территориями различных стад была неопределенного размера нейтральная полоса [202, с. 75–77]. Характеризуя хозяйственную деятельность наших далеких предков этого периода в целом, справедливо будет сказать: «Первобытное общественное производство это — процесс приспособления первобытными людьми готовых продуктов природы к своим потребностям» [202, с. 74].

Глава 3

ПЕРВОБЫТНАЯ РОДОВАЯ ОБЩИНА

Люди переходного «вида»

Классические неандертальцы (*Homo neanderthalensis*) или палеоантропы (древние люди), среди которых встречаются не только неандертальцы, но и более антропологически развитые люди, бесспорно появились 150–130 тыс. лет назад в разных частях Старого света [90, с. 104], но некоторые считают неандертальцами людей, найденных в Англии и Испании, возраст которых достигает 400–300 тыс. лет. Возраст же последних из обнаруженных неандертальцев — 30 тыс. лет, а есть и более молодые находки. Местами происхождения неандертальцев считаются Европа, Западная Азия и Южная Сибирь, хотя их находили и в Европе (включая Крым и Северный Кавказ), и в Израиле, и в Иране, и в Узбекистане. Очевидно, палеоантропы формировались в приледниковой зоне, о чём говорят массивность их скелета, небольшая толщина трубчатых костей, укороченные конечности и более широкое носовое отверстие. Разница между ДНК неандертальцев и современных людей в три с лишним раза превышает разницу между ДНК современных людей, принадлежащих к разным расам. Более массивные, чем современный человек, палеоантропы имели мозг объемом в 1400–1500 куб. см., даже чуть больше, чем «человек разумный», но соотношение массы мозга к массе тела у них немного меньше, чем у современного человека. Судя по изогнутости основания черепа и подъязычной кости, палеоантроп был уже способен к членораздельной речи как и современный человек. У неандертальцев были ещё слабо развиты по сравнению с человеком современного вида лобные доли с центрами торможения и ассоциативными центрами, что, по мнению антропологов, говорит о менее развитом, чем у современных людей логическом мышлении [4, с. 116; 32, с. 99–132; 76, с. 58].

Антропологи до сих пор спорят по поводу места неандертальцев в цепи эволюции. Одни считают их предками человека современного «вида», другие боковой ветвью, потому что 5 или 10 тыс. лет они жили в Западной Европе бок о бок друг с другом. Нередки и находки людей со смешанными признаками палеоантропов и неантропов. Например, немало неантропов с Ближнего Востока, найденных со среднепалеолитическими орудиями, живших 100–70 тыс. лет тому назад, обладает рядом неандертальских признаков. Первоначально их признали «прогрессивными неандертальцами», но классические неандертальцы с Ближнего Востока датируются возрастом не более 70 тыс. лет, поэтому известные находки из пещер Мугарэт эс-Схул и Кафзех в Израиле — скорее люди современного «вида», чем прогрессивные неандертальцы. Теперь предполагается, что неантропы появились на Ближнем Востоке приблизительно за 100 тыс. лет до на-

шего времени, но были потеснены представлявшими тупиковую ветвь в развитии человечества неандертальцами, которые, вероятно, пришли с севера, скорее всего, из Европы (где жили на краю ледника), в эпоху резкого похолодания, и современные люди окончательно утвердились там около 40 тыс. лет назад, потому что неандертальцы не выдержали конкуренции с возможно более интеллектуально и культурно развитыми пришельцами. Правда, существует и мнение, что, возможно, прогрессивная группа неандертальцев, в частности проживавшая в районе современного Эрингсгоффа в Германии дала начало людям современного вида, и, наконец, предположение, что неандертальцев по антропологическим признакам и уровню культуры, позволившей им приспособиться к суровым условиям ледникового периода и примерно соответствовавшей уровню культуры того же времени человека разумного, можно отнести к неантропам [4, с. 117; 32, с. 104–105, 111–118, 133–134].

Трудно сказать, что из себя представлял язык древнейших людей, но, несомненно, что помимо жестов он включал в себя звуки, выражающие страх, угрозу, ярость и т.п. и «жизненные шумы», связанные с эмоциональным состоянием: удовлетворением от еды, недовольство недружелюбным отношением или плохим самочувствием, звуковую реакцию на боль или неудобство [4, с. 133]. Конечно, у неандертальцев должны были уже существовать такие части речи как междометия, а вслед за ними, очевидно, местоимения, дефиниции, включающие собственно определения и причастия и некоторые существительные, обозначающие жизненно важные предметы, такие, как виды съедобных растений, объекты охоты, орудия труда и т.п., а также отглагольные существительные, если судить по истории развития древнейшего на земле древнеегипетского языка.

Материальная культура неандертальцев, судя по каменным орудиям, относится к позднему ашелю и эпохе мустье (т. е. среднего палеолита). Как и питекантропы они изготавливали ручные рубила, но мустьерские рубильца были миниатюрнее (15–20 × 5–8 см.) и тщательно отделаны более мелкими сколами (ретушью). Кроме того стали широко использоваться, полученные путем скола от ядра всевозможные скрёбла с режущим краем с одной стороны для резания и пиления, остроконечники для прокалывания (возможно шкур, луба). В мустьерский период было известно уже 60 различных видов орудий, сделанных из отщепов. Некоторые орудия труда, например, шила делались также из кости. Прослеживаются и составные орудия, например, состоящие из кремневых пластинок, вставленных в прорези на кости (4, с. 122). Палеоантропы умели также прикреплять смолой наконечники пик к древку. 45–40 тыс. лет назад у неандертальцев появились верхнепалеолитические технологии изготовления орудий, такие же как и у неантропов [4, с. 122–131; 32, с. 129–131; 56, с. 7–8, 107–121; 202, с. 145].

Способ производства в хозяйстве неандертальцев (как и его прообраз у питекантропов и людей умелых) был присваивающим, то есть они добывали всё необходимое путем «преимущественно присвоения готовых продуктов природы» [275, с. 33]. Палеоантропы занимались охотой и

собираательством. Охота давала высококалорийную пищу. Охотились на бегемотов, тапиров, антилоп, зубров, буйволов, слонов, оленей, лошадей, кабанов, козлов, львов и пещерных медведей, разнообразных мелких грызунов, пресмыкающихся, земноводных и даже насекомых. В культурном слое вместе с неандертальцами иногда находят останки сотен и даже тысяч животных. Предполагается, что широко использовалась загонная охота, когда вся родовая община (или все племя) пугала стадо животных камнями, палками, шумом и огнем и гнала их к обрыву, где животные погибали, падая и давя друг друга [4, с. 123–129, 156]. Рыбная ловля, давно рассматриваемая в отечественной науке как специфический вид охоты, также несомненно использовалась неандертальцами. Промежуточное положение между охотой и собираательством занимал сбор морских и речных ракообразных, моллюсков, гусениц, личинок и тому подобных малоподвижных мелких животных. Собираательство съедобных растений давало менее калорийную, но постоянную пищу вне зависимости путей кочёвок крупных животных.

Жили неандертальцы в наземных жилищах, где стропилами служили жерди и иногда кости крупных животных (например, мамонтов), и, возможно, в неглубоких пещерах, которые, скорее, служили кухнями и столовыми, а не спальнями. Жилища покрывали растительными волокнами и может быть шкурами, из которых могли также шить одежду. Пещеры использовались по многу лет и даже в течение нескольких поколений, что говорит об оседлом образе жизни [4, с. 122–128].

Несомненно, что у палеоантропов уже были примитивные религиозные представления. Очевидно был фетишизм — ассоциативная вера в предметы, способные помочь в каком-либо начинании; магические представления, то есть представления о возможности воздействия на живые и неживые предметы и на то или иное предприятие с помощью соответствующих обрядов; и, возможно, тотемистические взгляды, то есть вера в союз или родство с определенными предметами, чаще всего с животными. Начавшаяся специализация охоты на немногих и иногда преимущественно на один вид животных [76, с. 61] могла способствовать избранию тотема, «помогающего» в охоте.

У неандертальцев, очевидно, уже возникло и представление о загробной жизни, потому что во Франции, Италии, Ираке, Израиле и в других местах в мустьерскую эпоху прослеживаются захоронения, нередко сопровождающиеся погребальным инвентарем. Погребения, как правило, неглубокие, иногда в полу на краю жилой пещеры. Покойники по большей части не строго ориентированы на восток и запад (что, возможно, связано с ориентировкой по ходу солнца), лежат обычно на боку нередко вместе с каменными орудиями, по видимому, необходимыми для загробной жизни. Могилы присыпаны сверху землёй и камнями. Вокруг могилы мальчика в Тешик-Таш (Памир) были расставлены попарно перекрещенные рога горных козлов [4, с. 129, 137; 32, с. 131–132; 76, с. 58], скорее всего для охраны покойного.

Во французских неандертальских пещерах встречаются лепные фигуры, напоминающие животных. Очевидно, там совершали произ-

водственный магический обряд, бросая в фигуры камни или (скорее) поражая их копьями, что должно было обеспечить удачную охоту. В Юго-Западной Франции в искусственном склепе в пещере Регурду, в альпийских пещерах Драхенлох и в Петерсхёлле в Швейцарии обнаружены черепа и кости конечностей медведей, что, скорее всего, говорит об остатках чучел этих животных, которые использовались либо в охотничьем магическом обряде, либо как изображения покровителей охоты, что могло быть связано и с тотемистическими представлениями, требующими обрядов сохранения и задабривания своих тотемов. Возможно, складывание черепов медведей в ниши и погребение их костей в определённых сооружениях [4, с. 139; 76, с. 58] говорит о тотемизме, хотя не исключены и зачатки веры в медведя как хозяина леса и обитающих в нём зверей.

На стоянке близ Тернополя (Украина) обнаружен кусок кости с силуэтом какого-то животного, что говорит о зачатках искусства у неандертальцев, если не окажется, что этот неточно датированный предмет относится к более позднему времени. В гроте Ла-Ферраси (Франция) найдена плита с чашеобразными углублениями, пятнами и полосами охры — бессистемно чередующимися сходными элементами, что, возможно, является свидетельством появления орнамента [4, с. 137, 200; 230, с. 58], но назначение предмета пока неясно.

Несомненно, что общины, которыми жили палеоантропы, представляли собой результат развития, роста и, возможно, деления (еще в эпоху архантропов) первобытного стада на две половины, в каждой из которых, предположительно, было по 20–30 человек, ведущих совместный образ жизни, вместе охотясь на крупных животных, вместе строя общее жилище, вместе обороняясь от врагов и т.п., что способствовало сплочению членов родовой общины в единый коллектив. Можно предположить, что у неандертальцев (развившись в результате длительного процесса) уже существовала экзогамия, т.е. запрет браков внутри своего рода и обязательный выбор супруга (или супруги) из дружественного рода. Деление рода на две половины, видимо, имело результатом его разделение на два брачных класса, когда все дети считались принадлежащими к роду их матери (при счете родства по материнской линии) или наоборот к роду отца (при счете родства по отцовской линии). В таком случае в одном роде оказывались мужчины только с племянниками и племянницами, т.е. детьми только сестер (при женском счете родства) или женщины только с племянниками и племянницами, т.е. детьми братьев (при мужском счете родства). Таким образом браки между братьями и сестрами, принадлежащими к одному роду исключались. Межродовые браки способствовали сохранению общности эндогамного племени, которое теперь составляли по крайней мере два рода, что помогало в обороне от врагов и в совместной хозяйственной деятельности [4, с. 127–129, 152–155], например, при загонной охоте. Семьи палеоантропов, очевидно, были парными, хотя у руководителя родовой общины или у сильного, удачливого и влиятельного охотника могло быть и несколько жен. Теперь вместо вожаков стада во главе родовых общин

стояли «старейшины», т.е. пожилые (но не старые) люди, обладавшие большим жизненным опытом, способные руководить общиной лучше других. Часть их могла быть потомками прежних вожаков, но главным теперь стало умение через успешное руководство обеспечить наиболее благоприятные условия выживания общины, а не держать её в узде благодаря грубой физической силе, тем более, что рядовые члены общины, постоянно объединяясь в совместном труде, легко могли противопоставить неуголному старейшине свою общую волю и заменить его на лучшего руководителя. Отсюда и возрастание роли всех взрослых членов общины, ставших принимать участие в принятии жизненно важных решений независимо от пола и возраста, хотя посильное половое и возрастное разделение труда накладывало отпечаток на заинтересованность в принятии тех или иных решений.

Новый этап в развитии человечества

Первоначально неантропов (новых людей) или людей современного «вида» *Homo sapiens* (человек разумный), ранее называвшихся также применительно только к ископаемым людям кроманьонцами (по месту обнаружения под скальным навесом Кро-Маньон во Франции), находили только в Европе, где наиболее ранний возраст находок датируется 37–36 тысячами лет (во всяком случае не ранее 40 тыс. лет) до наших дней. Однако последние открытия в Африке и на Ближнем Востоке позволяют отодвинуть эту дату на время по крайней мере за 100–80 тыс. лет до нашего времени. В Африке южнее Сахары новые люди появились более 100 тыс. лет назад. Находка неантропа из Омо 1 в формации Кибиш недалеко от северного побережья озера Туркана в Эфиопии, согласно торий-урановому методу датируется возрастом 130 тыс. лет, а находка трех черепов в Херто (также в Эфиопии) — даже в 160 тыс. лет. Также около 130 тыс. лет и находкам из пещеры Дирэ-Дауа в Эфиопии и в гроте Мумба в Танзании. На Юге Африки в пещере Бордер и в пещерах на реке Класнес останки неантропов найдены вместе с каменными орудиями, датируемыми возрастом 50–120 тыс. лет. Возможно, что ещё несколько найденных в разных частях Южной Африки зубов также принадлежит людям современного «вида». В Северной Африке находки ископаемых людей, датируемые в 50 тыс. лет, также отличаются от неандертальцев и приближаются к неантропам. На Яве архантропы (если судить по фауне и геоморфологии) ещё жили 55–25 тыс. лет назад, что говорит о возможности происхождения неантропов непосредственно от них. На большей части территории Азии обнаружения человека разумного относятся ко времени не ранее 40 тыс. лет до н.э.. Австралийская находка Мунго-3 датируется 43 тысячами лет до н.э. Единственная находка в Ханوفرсэнд в Германии, которой 32 тыс. лет, обладает рядом неандерталлоидных признаков, что возможно говорит о происхождении неантропов от неандертальцев, но скорее о смешении с ними. 150–130 тыс. лет назад в Европе появляются неан-

дертальцы, и только они одни из древних людей жили там до периода в 40–35 тыс. лет до нашего времени. Затем появляются неантропы, вместе с которыми палеоантропы жили ещё 5–10 тыс. лет и затем исчезли. До сих пор остается неясным: мешались ли кроманьонцы и неандертальцы. Исследования ДНК говорят, что наверно такого смешения не было. Данные антропологии скорее указывают на некоторое смешение черт. Не исключено также, что неантропы первоначально появились в Африке и на Ближнем Востоке, а позднее и в других местах, но вероятнее всего происходят из одного африканского центра. Значительное число находок в ЮАР, в Эфиопии, в Танзании, Судане, Кении, Замбии, относящихся ко времени в 500–100 тыс. лет до наших дней (но главным образом 300–130 тыс. лет), относится к промежуточным звеньям между архантропами и неантропами [32, с. 106–120], что говорит, может быть, о том, что неантропы произошли непосредственно от архантропов, а неандертальцы были побочной ветвью, частично смешавшейся с неантропами, но частично вымершей в результате конкуренции с людьми нового «вида» (Хотя существует и сомнительная концепция о появлении современного «вида» в результате интенсивного смешения различных типов неандертальцев.) [4, с. 142].

Возможно, люди современного «вида» в отличие от неандертальцев формировались в жарком климате, хотя происхождение их более современных антропологических признаков неясно. Интересно, что в конце последнего оледенения (24 — 10 тыс. лет назад), уже после исчезновения палеоантропов у европейских кроманьонцев опять обнаруживаются многие особенности скелета, свойственные неандертальцам. По некоторым утверждениям, ряд черт нескольких останков азиатских неантропов из Китая, Индии и Индонезии указывает на их родство с местными архантропами, но по многим признакам азиатские неантропы стоят ближе к африканским неантропам, чем к местным архантропам. Об африканском происхождении людей современного «вида» говорит так называемый эффект «бутылочного горлышка», заключающийся в близости строения ДНК митохондрий и ядерных клеток всех неантропов в силу их происхождения от малой популяции, особенно от женщин, от которых преимущественно передаются физические наследственные признаки [32, с. 120–122, 126].

Скорее всего человек разумный 60–50 тыс. лет назад по пока ещё неясным причинам, одной из которых мог послужить просто рост населения, начал переселение из Африки и Ближнего Востока в близкую по климатическим условиям Южную Азию и затем в Австралию (за 40 тыс. лет до нашего времени). В Европу он пришел через Балканы и Малую Азию за 40–35 тыс. лет до нашего времени, появившись 35–32 тыс. лет назад и на русской равнине, а на Пиринеях и в Крыму позднее, за 30–27 тыс. лет до наших дней. В Америке люди (очевидно, неантропы) оказались не позднее чем 15 тыс. лет назад, скорее даже за 25 тыс. лет до наших дней (хотя по непроверенным данным древнейшему человеку на американском континенте, найденному на границе штатов Гояс и Байя в Бразилии 43 тыс. лет, а заселение американского континента

началось, может быть, и 60–70 тыс. лет назад [209, с. 5]), предположительно через перешеек, который, как предполагается, соединял в районе Берингова пролива Чукотку и Аляску [4, с. 168; 32, с. 136–137; 209, с. 5].

Видимо, только на стадии человека разумного окончательно проявляются расовые различия, которые формируются под влиянием различных природных условий (а не только одного климата), относительной изоляции, возможно, даже в результате смешения с местными формами неандертальцев, а также появления не вполне ясных по своей природе сопряженных с одними других физических признаков. Три большие расы приблизительно совпадают с тремя частями Старого Света: в Европе обитают европеоиды, в Азии — монголоиды, в Африке — негроиды. Однако представители негроидной расы живут также на юге Азии, в Океании и Австралии. Согласно исследованиям одонтолога А.А. Зубова, первоначально человечество начало делиться на европеоидную и монголоидную расы (что подтверждается находками черепов с явными признаками монголоидности, например, в Северной Азии) и лишь в начале верхнепалеолитической эпохи африканские негроиды отделились от европеоидной расы, в то время как негроиды, живущие на юге и к югу от Азии, отпочковались от монголоидной расы. Таким образом, негроидная раса оказывается не единой, а состоящей из двух самостоятельных подрас. Естественный отбор, приведший к формированию современных людей и гибели ископаемых форм, очевидно, ещё не закончен. Кроманьонцы отличались от современных людей большей массивностью скелета, но с течением времени у человека разумного расширяется черепная коробка, стал более острым даже по сравнению с античной скульптурой угол лица, продолжается грацилизация костей, т.е. эволюция продолжается [4, с. 143, 165; 32, с. 138; 56, с. 8; 58; 67, с. 55–58; 107, с. 143–147]. Скорее всего не вполне закончено и формирование расовых признаков. Вместе с тем, благодаря интеллекту, культуре и совершенствованию созданных людьми социальных структур и быта, люди, приспосабливаясь к окружающей среде, постепенно изменяют и её, создавая более удобные для себя условия существования и развития.

Оставим антропологам окончательное решение вопроса о предках неантропов: питекантропы или неандертальцы? Несомненно лишь то, что каменные орудия кроманьонцев (и их современников неандертальцев), несомненно преобладавших над другими «видами» на территории ойкумены около 45 — 40 тыс. лет назад, относятся преимущественно ко второй половине позднего плейстоцена и верхнему палеолиту (хотя 100 тыс. лет до наших дней неантропы пользовались среднепалеолитическими изделиями). [4, с. 141; 32, с. 129–130]

В эпоху верхнего палеолита за 25–30 тыс. лет значительно (в 3–4 раза) расширился ассортимент и усовершенствовалась технология изготовления каменных орудий. Теперь стали широко использоваться откалываемые от нуклеуса по всей длине пластины. Для их обработки широко применялась боковая и концевая ретушь, научились пилить, сверлить

и шлифовать камень. В результате получались ножи, скребки, шила и даже иголки с ушками (Люди палеолита уже умели шить нитками из жил и растительных волокон.). Широко использовались дерево и кость, нередко как рукоятки для составных орудий, в разрез которых вставлялись каменные топоры, скребки, наконечники копий и т.п. Каменные изделия могли также привязываться жилами или верёвками, сплетёнными из растительных волокон. Для укрепления использовалась смола и другие затвердевающие соки растений. В охоте обычно употребляли копья и дротики с каменными наконечниками. Значительно шире стали использовать костяные изделия. Появились гарпуны (для морского зверобойного промысла) и крючки. Стали изготавливать ловушки и сети для ловли рыбы, делать лодки-долблёнки и лодки на каркасе, покрытом корой, шкурами. Время от времени на крупных стадных животных устраивали облавы, в которых участвовало всё племя, которое с огнём, с криками, стуком и всевозможными шумами гнало стадо к обрыву или специально вырытой ловчей яме, иногда утыканной острыми кольями [4, с. 155–166; 24, с. 46].

В целом хозяйство охотников и собирателей носило присваивающий характер. Люди пользовались лишь естественными средствами производства: солнечным светом и теплом, естественным плодородием почвы, водой, ростом и созреванием растений, плодовитостью животных, твёрдостью камней, податливостью дерева, гибкостью волокон. Их труд носил спорадический характер, вызванный необходимостью непосредственного удовлетворения сиюминутных потребностей.

В эпоху верхнего палеолита усилилось поло-возрастное разделение труда. Охотой, сооружением жилищ и другими тяжёлыми работами занимались взрослые мужчины. Им помогали подростки, а в случае загонной охоты всё племя. Собирательством занимались женщины и дети. Женщины также готовили пищу, плели сетки для переноса утвари. Старики изготавливали орудия труда. Тем не менее, по мере необходимости все участвовали в общем деле. Например, тасманийские женщины участвовали на охоте в облавах, австралийские мужчины нередко помогали собирать крабов, моллюсков и, особенно, плоды с кустов и деревьев [4, с. 156; 202, с. 98].

Верхнепалеолитические охотники и собиратели устраивали временные лагеря в месте обитания крупной дичи и долговременные стойбища, состоящие из нескольких (нередко 10–12) лёгких каркасных крытых жилищ. В холодном и прохладном климате порой они жили зимой в пещерах с сооружёнными очагами (но, чаще, постороенными под открытым небом), а летом поблизости от зимних убежищ в небольших лёгких семейных жилищах, очевидно, составляющих поселение всей родовой общины, реже — в больших домах, достигавших десятков и сотен квадратных метров [4, с. 149–150], которые, очевидно, составились из отдельных семейных жилищ. Лишь иногда в качестве жилища использовались пещеры с разветвленными ходами (4, с. 149–166; 76, с. 62).

Искусство этой эпохи отразило образ жизни и представления ранних неолитов. На стенах пещер часто встречаются фрески и контурные

изображения животных, людей, растений. Среди них есть изображения танцующих людей. О танцах и пении, по-видимому, свидетельствуют относящиеся к этому времени трубчатые кости и рога с просверленными отверстиями, скорее всего, — первые флейты. Возможно, некоторые из них являются бытовыми, но чаще всего они связаны с охотничьей магией. Дело в том, что религиозные представления верхнепалеолитических людей изменялись и развивались. На их стоянках неоднократно встречаются так называемые «палеолитические Венеры» — фигурки толстых женщин с нарочито подчеркнутыми половыми отличиями, как предполагают этнографы, это — изображения хозяек и хранительниц домашнего очага. Встречаются также фигурки животных. На рукоятках охотничьих орудий впервые появляются изображения голов животных, что, возможно, должно было способствовать удаче в охоте на вид изображенного животного [4, с. 150, 165, 200–201; 76, с. 64; 148, с. 189] или позволяло надеяться на его помощь в охоте.

Вообще же, восстановить религиозные представления верхнепалеолитических людей можно только предположительно по археологическим свидетельствам и аналогиям с религиями людей эпохи мезолита. Примитивные и ошибочные представления об окружающей среде, поддерживаемые благодаря устной традиции в коллективном сознании племени, несомненно вели к тому, что к относительно истинным знаниям примешивались и фантастические стереотипы. Плохо понимая последовательность в цепи событий, включающих в себя причины и следствия, нередко путая их местами или примешивая к числу причин предшествующие, но не связанные с результатом события [4, с. 204; 148, с. 59] и т.п., первобытные люди пытались симитировать хотя бы часть из реальных событий, в надежде получить желаемый результат. Из непонимания логики событий родилась такая форма полурелигии как фетишизм (от португальского *fetich* — амулет, оберег), при которой первобытный человек либо распространял на какой-либо казавшийся ему необыкновенным предмет — «фетиш» (оберег, амулет), действительно принёсший однажды пользу (например, дротик, поразивший много зверей), веру в его свойство постоянно приносить удачу, либо включая этот предмет, непосредственно (например, случайно оказавшийся в поясной сумке камешек) не связанный с событиями, которые некогда успешно завершились, в цепь этих событий, возлагая на него свою удачу или неудачу. Таким образом фетиш (камешек, палочку, раковину и т.п. предметы, находившиеся с хозяином во время удачно закончившегося начинания) считался помощником в каком-либо предприятии: охоте, обмене, путешествии, споре и т.д. Приписывая фетишу возможность оказать сверхъестественную помощь, люди ещё не считали его обладающим сверхъестественной силой и могли выбросить или «наказать», если, несмотря на ношение фетиша, им изменяла удача.

Из ритуала и традиции возникла, очевидно, другая из древнейших форм религии — магия, основанная на убеждении, что с помощью ритуальных магических действий можно воздействовать на тот или иной предмет или явление и получить нужный результат. Нередко случалось,

что ещё палеоантропы, поражая изображение животного копьем, надеялись, что им удастся также легко поразить реальное животное (того вида, который они изобразили на скале пещеры или на земле) на предстоящей охоте. Видя, как с покрывающих небо туч идет дождь, первобытные (и не только первобытные) люди брызгали воду на землю, для того, чтобы вызвать облака и напоить засыхающую растительную пищу. Так ошибочные представления древних людей закрепились сначала в полурелигиозной, а потом уже в религиозной вере в силу ритуального действия, которое представлялось им обладающим сверхъестественным (магическим) влиянием. Так возникла магия. Особенное распространение приобрела охотничья магия, что нашло отражение в сохранившихся до наших дней наскальных рисунках пронзенных оружием животных [76, с. 64].

Другим ошибочным представлением первых людей было уподобление себе субъектов и объектов неживой природы. Антропоморфизация (то есть очеловечивание живых и неживых предметов) легла в основу такой формы религии как тотемизм (Тотем на языке оджибве означает «его род».) — представление о родстве рода или фратрии (группы родственных экзогамных родов, которые были «первоначальными родами», от которых и отделились составляющие в данное время фратрию роды) с тем или иным природным субъектом или объектом, например, скалой, деревом или (чаще всего) животным. Члены рода или фратрии полагали, что некогда произошли от прародителя-тотема и принадлежат к одному роду с его потомками, поэтому между тотемными субъектами и людьми существует союз, со строгими взаимными обязательствами [см. 117]. Известны относящиеся к этому времени изображения тотемов, и ритуалы их поедания для приобретения их силы и свойств с последующим сохранением голов и костей тотемных животных [76, с. 64; 235, с. 165].

Со времён по крайней мере среднего палеолита сложилось представление о продолжении жизни человека после смерти. Возможно, оно появилось из встречи с образом покойного во сне (а сновидения, как отмечают исследователи реальных первобытных племён, находившихся к моменту их изучения на стадии мезолита, воспринимаются ими как реальные события [236, с. 233–234; 148, с. 46–49]), но во всяком случае вызвало отношение к умершему как к живому человеку. По этой причине в могилы к умершим ещё неандертальцы клали необходимые и полезные при жизни человеку вещи. Теперь в могилах стали оставлять пищу, орудия труда и оружие, украшения и т.п. [76, с. 64]. Было ли у верхнепалеолитических людей представление о помощи или вреде со стороны покойников — неизвестно, но если судить по последующему мезолиту, то было. Однако анимистические представления, т.е. представления о душах, вряд ли существовали. Во всяком случае даже в славянском фольклоре уже гораздо более позднего языческого периода, характерного для раннеклассовой эпохи, представления о душе ещё не прослеживаются.

В связи с изменением образа и условий жизни людей в эпоху верхнего палеолита несколько изменились и их общественные отношения. Теперь

во главе родовой общины стоял старейшина, власть которого подтверждалась всеми взрослыми членами общины. В случае неудовлетворительного руководства он мог быть смещён и заменён более способным членом общины. Помимо руководства жизнью общины старейшина часто выполнял ещё и функцию руководителя всевозможных обрядов как наиболее знающий традиции рода и уважаемый человек. Тем не менее, проведение обрядов могло быть задачей не старейшины, а другого пожилого члена общины, который не был столь опытен в производственной деятельности общины как старейшина, но лучше владел традиционными «знаниями». В рассматриваемый период возросла также роль взрослых мужчин и женщин, которые время от времени сообща решали жизненно важные проблемы.

Глава 4

ПЕРВОБЫТНАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ОБЩИНА

Материальная культура эпохи мезолита

Эпоха мезолита (среднекаменного века) дает исключительно достоверный материал, поскольку наиболее отсталые народы, встреченные европейцами при заселении новых земель, ещё находились на этой стадии развития. Возможно, исключения составляют лишь малоизученные тасманийцы, которые, по представлениям некоторых исследователей, остановились «на уровне позднего палеолита» [77, с. 66]. Около 10 тыс. лет до н.э. на Ближнем Востоке и около 8 тыс. лет до н.э. в Европе (когда закончился плейстоцен и начался голоцен) с наступлением мезолита произошли ещё более значительные изменения в арсенале орудий первобытного человека. В это время был изобретен и у многих племён появился лук со стрелами. Там, где не было лука, в охоте использовались духовые стрелометательные трубки (которые в Америке называли сumpитанами, а в Юго-Восточной Азии — сурбаранами), маленькие стрелки которых обычно смазывались ядами. В Австралии аборигены стали применять своеобразные метательные орудия — бумеранги, хотя египтяне изобрели бумеранг значительно ранее. Североамериканские индейцы стали использовать метательные топоры — томогавки. Многие научились делать болы и пращи. В мезолите придумали копьеметалку, позволяющую увеличить дальность полёта дротика. Другим достижением мезолита стало широкое использование микролитов, небольших (менее дюйма) каменных пластинок из кремния, обсидиана, агата, роговика и т.п., заостренных с одного конца или с одной стороны, которые служили наконечниками стрел или вкладышами для составных орудий (в прорези которых

они последовательно вставлялись и укреплялись смолой): пил, серпов и т.п., хотя сохранялись и макролиты: кельты, топоры, долота, ножи, скребки, шила и т.п. Продолжали пользоваться копьями и палицами. Стали больше использовать кость и раковины для наконечников стрел, ножей, скребков, шил, гарпунов и крючков [4, с. 155–174, 197–198; 114, с. 534].

К этому времени крупных животных на земле стало меньше: одни, как мамонты, вымерли сами, других усиленно истребляли изощренные охотники. Луки, сумпитаны, бумеранги и пращи более подходили для охоты на некрупных животных, включая грызунов, змей и ящериц, а охота на них требовала кочевков в места скопления этих животных и съедобных растений. Шире распространилась охота на морского зверя, а также рыболовство и сбор ракообразных, моллюсков, водорослей, личинок, насекомых, яиц, новых видов съедобных растений, что требовало оседлости. Помимо загонной охоты на крупных животных, в которой участвовала вся община, стали широко применять засадную охоту, использовали также незаметное подкрадывание, иногда пользуясь и подражанием голосам дичи. На охоте стали использовать ловушки, сети, петли, давилки и т.п. Рыбу били острой, ловили вёршами, сетями, на крючок. При рыбной ловле, охоте на морского зверя и для поисков новых земель широко пользовались лодками. Для перевозки грузов использовали волокуши. Собирали корни, клубни, грибы, ягоды, орехи, зёрна, яйца, мелких животных [4, с. 174; 3, с. 177; 234, с. 108–110], а также дикий мёд. Собирательство стало принимать постоянный, «специализированный» характер, о чём свидетельствуют землекопные орудия: палки-копалки и орудия, напоминающие мотыги, а также каменные ступы [3, с. 174–179; 4, с. 161–177; 76, с. 66–69; 114, с. 534; 234, с. 105–110].

В местах временных стоянок строили ветровые заслоны и шалаши, но имели и зимние посёлки из небольших домов и с большими постройками до 120 кв. м. в качестве общественных домов. Дома строили из стволов и ветвей, покрывали шкурами, корой, ветками, листьями, водорослями. Дома обогревали разводимым посредине огнём [4, с. 174]. Носили одежду: передники, набедренные повязки и юбочки из листьев, коры, луба и т.п. летом, плащи из шкур — зимой, наиболее продвинутые племена, например, индейцы монтанье, наскапи, атапаски, жившие в холодном климате шили из шкур длинные рубахи с капюшоном, носили меховые гамашы и кожаные мокасины. Скорее всего ещё в палеолите научились добывать огонь. В мезолите огонь добывали уже разными способами: трением, пилением, сверлением, выпаживанием. Огонь позволял варить в земляных ямах, бросая в воду с приготавливаемой едой раскалённые на костре камни, там же тушили мясо, которое также жарили и на вертеле. К концу мезолита опять наметилась тенденция к оседлости, связанная со специализированным собирательством. Теперь некоторые племена стали располагаться поблизости от мест скопления съедобных растений: злаков, ягод, плодов, корней. Для копки земли была изобретена землекопалка — короткое копьё с насаженным на

него кольцеобразным грузом. Люди мезолита научились молотить зерно. Некоторые корни, клубни и зерно научились растирать в муку на зернотёрках — двух плоских камнях, между которыми помещались растираемые предметы. Полученную муку месили, получая тесто, из которого иногда в золе пекли лепёшки [3, с. 181–187; 4, с. 170–174; 156, с. 534; 234, с. 111–112].

Оседлость способствовала привлечению к месту обитания человека животных. В это время происходило одомашнивание собаки, которая была источником пищи, но становилась и помощником в охоте [76, с. 67, 69].

Возможно с ростом имущества связано усиление межплеменных вооружённых столкновений, что нашло отражение в наскальных рисунках [76, с. 69].

Общественные отношения в эпоху мезолита

В эпоху мезолита стали складываться охотничье-собираТЕЛЬские производственные коллективы — общины. Они явились, по видимому, с одной стороны, результатом естественного роста рода благодаря увеличению возможности добывания пищи с помощью развившихся орудий и средств производства, лучшему знанию флоры и фауны, с другой, в силу необходимости налаживания рационального хозяйства, соответствующего природным ресурсам, способным прокормить то или иное количество людей, поэтому общины могли делиться или объединяться. Охота на мелкого и некрупного зверя теперь уже не требовала больших мужских коллективов, а небольшие участки съедобных растений (поскольку раньше, собирая всё съедобное подчистую, люди не оставляли ничего съедобного поблизости от стоянки) не позволяли прокормиться большой группе людей. В силу этих обстоятельств первобытные люди стали кочевать небольшими общинами — группами, состоящими из нескольких родственных семей (иногда включая свояков и друзей, и, собираясь на стационарных стоянках либо в силу сезонной необходимости, либо потребности общего решения проблем, либо по праздникам [3, с. 183–185; 4, с. 179, 190; 112, с. 194; 156, с. 535; 235, с. 194].

Подобно животным мезолитическое племя заселяло такую по размеру территорию, какая была способна его прокормить, составляя в своем биотопе биоценоз вместе со всеми другими биоорганизмами. К этому времени вся пригодная для жизни земля была заселена, ничейной земли просто не было кроме нейтральной полосы между территориями соседних племён, которая была тем шире, чем дальше отстояли друг от друга племена по происхождению, языку и культуре [168, с. 67]. Люди учились использовать силы природы: солнца для согревания и сушки, морских и речных течений для ускорения передвижения по воде, способность животных рожать себе подобных, а растений увеличивать в росте. Помимо примитивных знаний, перемешанных с ложными представлениями, и примитивных орудий производства, люди мезолита

пользовались естественными производительными силами: силой своего ума и тела, а главной среди природных производительных сил для них была территория, т.е. земля со всеми стратиграфическими объектами, с водными ресурсами, со всем, что на ней растет и по ней движется. И люди, как и их животные предки, берегли свою территорию и, подобно им как общественные животные совместно пользовались своей территорией со всеми её объектами.

Территория, занимаемая племенем, была его собственностью, и право на её принадлежность было закреплено способностью сопротивления захватчикам из другого племени. Хотя племя не имело возможности её отчуждать (как собственники последующих эпох), потому что территория племени была для него естественной средой обитания, вне которой жить просто невозможно, тем не менее, племя являлось пользователем принадлежащей ему территории и распорядителем всеми находящимися на ней естественными объектами. Некоторые природные, особенно культовые, объекты находились в коллективной собственности фратрии или рода. Фратрии и роды, как правило пользовались только принадлежащей им частью племенной территории, а производственные общины кочевали на своей части территории рода. Австралийская община («локальная группа») в 40 человек занимала территорию приблизительно в 160 кв. км. с радиусом в 7 км. Даже название общины обычно связывалось с принадлежащей ей территорией. Что же касается артефактов, то они находились обязательно в чьей-то собственности. Такие объекты собственности как загоны из загоронок для облавной коллективной охоты или запруды на речке или ручье для коллективной ловли рыбы находились в общественной собственности всего племени [4, с. 176; 168, с. 161; 202, с. 93; 235, с. 151]. Дом, в котором обитал род или производственная община, находился в коллективной собственности, соответственно, рода или общины. Лодки, в которых помещалось по несколько человек, являлись собственностью производственной общины.

И, если средства производства находились в общественной или коллективной собственности, то орудия труда находились в личной собственности отдельных людей, которая соблюдалась нестрого. Права собственности в племени были закреплены лишь обычаем, то есть рационально сложившимися отношениями распоряжения и пользования объектами собственности («обычное право»). Например, если часть рода занималась охотой на морского зверя, то естественно, что ей принадлежала лодка (лодки), а другая группа, охотившаяся на наземных животных, владела, например, заборами, ведущими к ловчей яме, в которую падали во время загона животные. Вполне естественно, что конкретным копьем, сделанным своими руками (пусть даже искусным «стариком»), пользовался один охотник (а после его смерти его наследник), хотя, если у него было два копья, или в определённый момент он занимался не охотой, а каким-то другим делом, то его копьем в силу необходимости (например, чтобы убить случайно оказавшееся поблизости животное) мог воспользоваться любой член общины. Точно также, лодкой для временного переселения на островок для сбора каких-то нужных

растений или для совместной экспедиции за тюленями могла воспользоваться и другая производственная община. Это означает, что строгого закрепления отношений собственности, владения, распоряжения, и пользования ещё не существовало. Эти отношения строились на основе сложившейся рациональности и рассматривались как естественные (Другое их название «естественное право»), но был и нерациональный момент в наследовании личного имущества умершего ближайшими родственниками из его рода в соответствии с материнским или отцовским счётом родства. Распределение пищи в силу общественной собственности на флору и фауну и участия всей общины в её добывании приобрело «равнообеспечивающий» характер [15, с. 13; 202, с. 137; 4, с. 177, 190]. Убитое животное или корзина плодов делились между всеми членами общины, согласуясь с полом, возрастом и потребностями едоков. При этом сильные охотники получали больше, чем старики или дети, но, по возможности, каждого стремились накормить досыта. Распределением еды занимались старейшины или те, кто её добыл или собрал. У некоторых австралийских племён существовал обычай, согласно которому, охотник, приносивший добычу, не делил её, а скромно дожидался, когда ему достанется последний и худший кусок.

Социальные отношения в мезолите претерпели некоторые изменения по сравнению с отношениями верхнего палеолита. Если ранее основной производственной ячейкой был род, то теперь почти все средства для жизни производила община, объединяющая группу семей, которые могли принадлежать как к одному роду, так и к разным родам. Во главе её стоял старейшина, выделявшийся среди других её членов своими знаниями, умениями и организаторскими способностями, которые вместе создавали ему наибольший авторитет. Несколько общин принадлежало одному племени, делившемуся на две экзогамные фратрии. Каждая фратрия, как правило, объединяла несколько родов. Не вызывает сомнения факт, что фратрии образовались в результате деления родов, что подтверждается сохранением за фратрией имени первоначального рода, а также восприятием членов всех родов, входящих во фратрию как родных братьев и сестер, а соплеменников из другой фратрии как двоюродных. Фратрии не обладали управленческими функциями, но помогали улаживать межродовые конфликты, отправляли некоторые общие культы и регулировали брачные отношения, позволяя вступать в браки с членами другой фратрии. Две фратрии составляли эндогамное племя. Размер племён колебался от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Обычно руководил общиной молчаливо признанный или (иногда) выборный старейшина. При необходимости собирался совет «стариков», наиболее опытных и уважаемых охотников. Наконец, общие дела общины решались всеми её взрослыми членами. На собрании главарей, «старейшин» или всех взрослых членов рода обсуждались общеродовые вопросы. Хотя главой рода считался наистарейший член рода, но большим влиянием пользовались наиболее авторитетные из предводителей общин. В случае нужды собирался совет или все члены одной из фратрий. Старейшины, а при необходимости общее собрание

всех взрослых членов племени (включая мужчин и женщин) решало общеплеменные проблемы. Как правило, всё решали «старики», послушание которым воспитывалось с детства и усиленно насаждалось во время обрядов посвящения в полноправные члены общины. Старейшины улаживали внутриобщинные споры и могли наложить наказание. Они же и наблюдали за исполнением карательных санкций, хотя, как правило, рядовые члены общины соблюдали обычаи, не нарушая запретов и традиционных норм поведения. Старейшины решали вопросы войны и мира и, нередко, руководили общими церемониями [3, с. 185; 4, с. 191–194; 168, с. 51–60; 235, с. 186–188].

Женщины также как и мужчины принимали участие в решении общих дел, обязательно участвовали во многих церемониях и празднествах, но функции их были различны. Принадлежа к другому роду и другой фратрии, у некоторых племен они могли располагаться на стоянке отдельно, отдельно питаться, совершать свои обряды или даже жить в своем роде и только встречаться с супругом, но как правило семьи были патрилокальными (по месту жизни отца) или матрилокальными (по месту жизни матери). Число всех известных патрилокальных и матрилокальных племён приблизительно одинаково. Что же касается матриархата как эпохи власти женщин в первобытную эпоху, то её никогда не существовало, поскольку эта гипотеза не подтверждается никакими материалами, и современная наука от неё отказалась. Роль мужчин в общественной жизни всегда была несколько выше из-за большей степени их участия в общественных делах благодаря природным качествам, в силу которых мужчинам приходилось воевать, ходить на дальние расстояния, строить дома и т. п., но и женщины участвовали в обсуждениях, в обрядах, были хранительницами древних обычаев, имели права на наследство личных вещей и т. п., а их роль в домашней жизни была значительнее роли мужчин. Наследственных или выборных вождей родов, фратрий и племён не существовало, но среди старейшин обычно выделялись отдельные наиболее авторитетные и уважаемые главы. В отличие от предыдущей эпохи, когда различного рода (включая и религиозные) церемонии проводил глава родовой общины, появились колдуны, которые совершали магические обряды [4, с. 182–194]. В эпоху мезолита они постепенно превращались в хранителей родовых, фратриальных и племенных традиций.

Члены племени обычно говорили на одном языке (хотя жизнь на значительном расстоянии могла привести к возникновению языковых различий, как и в обрядовых языках мужчин и женщин, державших некоторые обрядовые таинства в секрете), но иногда общий язык был у группы родственных племен, очевидно, некогда отделившихся от одного племени. Если части племени находились на большом расстоянии друг от друга, то у них, иногда, складывались значительные языковые отличия. Общение соседних племен укрепляло отношения, и, как правило, они понимали друг друга. Таким образом, складывалась непрерывная языковая цепочка [4, с. 182, 206] у австралийских аборигенов, американских индейцев и т.д. Однако отдалённые племена

говорили на совершенно разных языках, которые учёные до сих пор не могут объединить в достоверные языковые семьи и группы.

Для того, чтобы стать взрослыми и получить право на брак, юноши и девушки должны были пройти длительную подготовку к хозяйственной, общественной и идеологической жизни общины, рода и фратрии [4, с. 181], а потом пройти инициации — посвятельные обряды. Обучение подростков «стариками» перед прохождением и в процессе прохождения серии обрядов явилось первым общественным институтом социализации. Подготавливаемые к инициациям юноши познавали приёмы охоты, нормы поведения, обычаи, традиции, предания, религиозные представления, — всё, что требовалось мужчине для жизни, после чего проходили мучительные испытания. Девушки получали знания, необходимые для ведения хозяйства и семейной жизни, и также проходили испытания, но менее жестокие.

Каждая фратрия состояла из двух или четырех брачных классов, и каждый человек мог взять супруга (супругу) только из определённого брачного класса другой фратрии. Дети и их родители всегда принадлежали к разным брачным классам и браки между ними не разрешались. Дед по отцу и его внук находились в одном классе, также как бабушка по матери и ее внучка. Двоюродные, троюродные четвероюродные и более отдалённые братья также оказывались в одном брачном классе, а двоюродные, троюродные и прочие сестры — в другом, поэтому браки были преимущественно кросскузенными. Браки, как правило, были парными, но иногда допускалась полигамия в форме сорората (когда заключался брак с несколькими сестрами умершей жены), левирата (сожителства с вдовой брата) или полиандрии (сожителства с несколькими мужчинами). Браки заключали по симпатии или любви, но могли легко расторгнуть. Половые отношения до брака были свободными и даже приветствовались, потому что позволяли проверить способность девушки к деторождению. В ряде случаев допускались внебрачные ритуальные и даже бытовые связи, но несмотря на разрешение нарушать супружескую верность [3, с. 184; 4, с. 185–189, 224] адюльтер без согласия супруга (супруги) мог привести к серьёзному наказанию. Основным воспитателем мальчика был родной дядя по матери, воспитательницей девочки сестра отца (В последующую эпоху воспитанники оказывались наследниками своих воспитателей.), тем не менее в воспитании участвовали авторитетные охотники и собирательницы, а также хранители традиций.

Жизнь первобытного человека была строго регламентирована. Ему с детства объясняли разницу между старшими и младшими, между правами и обязанностями мужчин и женщин, объясняли кто является его родственником, а кто свояком, внушали, что все члены племени друзья, а люди из других племен могут оказаться врагами. Обычные нормы социального поведения внушались с детства, закреплялись через мифы и другие предания, освящались религиозными предписаниями. За нарушение социальных норм применялись разного рода санкции такие, как порицание, осмеяние, осуждение бранными словами и даже

расправа с побоями, порой кончающаяся увечьями. Иногда наказуемые подлежали смертной казни или изгнанию [4, с. 194–195], что тоже нередко заканчивалось смертью, если случайно не удавалось быть принятым в какое-то другое племя.

Отношения между племенами носили преимущественно мирный характер, а обмен между ними становился периодическим. Главной причиной обмена явилась разница природных условий. Обмену способствовали также различия в традиционных образах жизни, особенно производства. Ещё и ранее менялись дарами природы: камнем для изготовления орудий, красивым, твёрдым или мягким деревом для оружия и утвари, раковинами, перьями и иглами дикобраза для украшений, шкурами для одежды и утепления, естественными красителями, всем тем, чего нехатало на территории племени, но в эпоху мезолита широкое распространение получил обмен изделиями, считавшимися в округе наилучшими: лодками, тобогганами, лыжами, топорами, стрелами, плетеными изделиями, предметами одежды, украшениями и даже продуктами питания. Наметились определённые пути обмена по берегам рек или морей, по тропам, через оазисы. Начали возникать центры обмена. Временами менялись, предлагая соседям различные сложенные в кучу предметы, из которых те выбирали то, что считали нужным, и таким же путём предлагали свои вещи. Обмен мог приобретать и форму дарообмена, который сопровождался празднествами и пирами. Говоря языком экономистов, при обмене ориентировались на «потребительную ценность», то есть на полезность приобретаемой вещи. Никакого эквивалента обмениваемому предмету получать ещё не пытались, не существовало даже никаких оценочных критериев, кроме удовлетворения или неудовлетворения от обмена. Если дарители были неудовлетворены подарками, которые соседи предлагали им в ответ, то дожидались пока соседи не сделают желаемую добавку [4, с. 179; 112, с. 202–204; 202, с. 174–181; 235, с. 190–200]. Нередко обмен дарами приурочивался к другим событиям: заключению мирного договора, инициациям, проводимым в присутствии гостей из дружественного племени и т.п., и часто заканчивался совместным пиром.

Совместные празднества — другой вид мирных отношений между племенами. Они устраивались по поводу инициаций, ритуала в честь общего тотемного предка, но бывало, что и в случае урожая каких-то плодов или появления большого количества съедобных животных (рыбы, моллюсков, насекомых) живущая в данной местности община нередко приглашала соседей из других общин и даже других племен, и устраивалось грандиозное празднество, в котором могло участвовать несколько сот человек в течение многих дней, недель и даже месяцев [235, с. 194; 272, с. 281–282].

Сближению племен способствовали и межплеменные браки. Для заключения межплеменного брака требовалось, чтобы жених и невеста принадлежали к брачным классам, соответствующим тем брачным классам, из которых можно брать супруга (супругу) в своих родных племенах. Заключение таких браков считалось общеплеменным делом

и требовало согласия старейшин. И, если возникали сомнения в соответствии брачных классов одного племени брачным классам другого, соответствие выясняли старики. Межплеменные браки особенно способствовали установлению дружественных отношений между племенами, поскольку обязанности свояков по отношению друг к другу (особенно зятя по отношению к тестю и тётце) устанавливали тесные родственные отношения между ними [235, с. 172–173, 195].

Вместе с тем, живя в изоляции, отдельные племена, часто не понимавшие языка соседей, воспринимали соседей как потенциальных врагов и опасались неприятностей с их стороны, особенно вредоносного колдовства. Очевидно, издавна возникло противопоставление родных и своих чужим. Члены племени воспринимали свое единство, противопоставляя себя и все соседние племена, как противопоставляются «мы» и «они», и те, кто мыслился как «не мы», потому что не говорил как «мы» воспринимался как «немой», не относящийся к «нашему» роду и не говорящий на «нашем» языке, а для говорящих на славянских языках, как «немец». Такое отношение к иноплеменникам носило всемирный характер и до сих пор сохранилось во многих языках мира. Например, в восточно-финских языках слово «морт», переводящееся на русский как «человек» (который в первобытное время противопоставлялся другим народам как не людям) звучит в самоназваниях как «коми морт» (коми), «удморт» (удмурт), в русском этнониме «мордвин». Делавары, индейцы алгонкинской группы языков называют себя «лениленапе», то есть «настоящие люди», самоназвание ненцев «нэнэчэ» переводится также. Хорошо зная всех членов своей общины и рода, часто встречаясь с другими членами своей фратрии и своего племени, первобытный человек их не опасался, но незнакомые люди из других племен представлялись ему потенциально опасными. Особенно боялись чужих колдунов, поэтому многие неприятности, и прежде всего предполагаемое наведение «порчи», которая якобы привела к болезни, несчастному случаю или смерти, обычно приписывали колдунам и даже рядовым членам чужого племени. По таким поводам возникали межплеменные конфликты. Причина конфликта могла быть и иной, например, похищение женщины, убийство члена рода членом другого племени, спор из-за охотничьих угодий. В таких случаях против врагов выступал небольшой отряд мстителей. Иногда дело кончалось словесной перепалкой и компенсацией за причиненные неприятности и примирением, но чаще приводило к столкновению. Обычно перед столкновением велись переговоры, и часто мстители получали «виновных» для расправы, но случалось, что «враждебное» племя отказывалось от выдачи, тогда происходило вооруженное столкновение. Обычно оно превращалось в поединок истца и ответчика или в столкновение группы мстителей с предполагаемыми «преступниками». Чаще всего дело кончалось 2–3 ранеными, которых присутствующие при столкновении женщины защищали от добивания, или 2–3 убитыми. После этого конфликт считался исчерпанным, устраивалось примирение и, иногда, — пиршество. В случае серьезной обиды, что чаще случалось во время конфликта отдаленных племён, устраива-

лась многочисленная военная экспедиция, которая врасплох нападала на «враждебную» стоянку и поголовно вырезала всю общину. Но такие случаи были исключением, обычно всё кончалось малой кровью [21, с. 221; 230, с. 310; 235, с. 190–194; 236, с. 226–229].

Мировоззрение и культура мезолитических людей

Мировоззрение людей в эпоху мезолита развивалось медленно и постепенно. В голове первобытного человека перемешивались верные и неверные представления, рациональные и иррациональные знания. В мезолите уже умели пользоваться рычагом. Существовали и медицинские знания. Умели прижигать змеиные укусы, давать противоядия, делать припарки, холодные и горячие компрессы, кровопускание и с помощью разных средств останавливать кровь, делать массаж, перевязки, вправлять вывихи, удалять больные зубы, лечить переломы, применяя шины, делать такие сложные хирургические операции как ампутации и трепанации, зализывать раны, справляться с простудой, устраивая, например, паровую баню, избавляться от нарывов, лечить желудок, очищать кожу, дезинфицировать. В качестве лекарств использовали различные минералы, многочисленные лекарственные травы и средства животного происхождения: глину, речной ил, золу, касторку, смолу эвкалипта, луковицы орхидеи, жир игуаны, мочу и т.п. Лечением обычно занимались знахари, которые помимо лекарств широко использовали психотерапию [4, с. 197–198; 236, 229], сочетая рациональное лечение с заговорами.

Знания членов племени ограничивались преимущественно знакомством с территорией племени и ближайших соседей. Собственные ощущения, восприятия и представления человека переносились им на окружающий мир, включая неживые предметы, т.е. антропоморфизация природной среды продолжалась. Точно таким же образом живой и неживой природе приписывались отношения, существующие в настоящий момент в родном племени, фратрии, роде, общине. Знания об окружающем мире складывались главным образом из стереотипов, которые закреплялись в культурном фонде своей социальной общности. С детства воспитывалась вера в авторитет «стариков», и представления об окружающей среде, выработанные ими, превращались в коллективные стереотипы, которые закреплялись в процессе социализации через традицию в родительском воспитании, в подготовке к инициациям и во время самого обряда посвящения, закрепляемые через эмоционально-психическое «заражение», в вере в эрудицию и непогрешимость главарей и старших. Если у старейшин складывались ошибочные представления, то они также закреплялись в общественном сознании, а рядовые члены общины, принимали коллективные «знания» на веру, почти никогда не сомневаясь в их истинности. Как у современного ребенка может вызывать опасение и страх безобидная божья коровка, а у человека, незнакомого с пресмыкающимися — веретеница или уж, так

и первобытный человек опасался и боялся всего незнакомого и непонятного. Путаясь в цепи причинно-следственных связей, первобытный человек испытывал опасение и страх перед непонятым, и естественная причина события или связь между, возможно, и не связанными между собой событиями получала ошибочное, фантастическое и, иногда, сверхъестественное, мистическое объяснение [148, с. 28–32, 58–60, 85–89, 107, 140, 203]. Тогда необъяснимая причина реального явления или связь непонятых событий принимала форму таинственной сверхъестественной, мистической силы.

Представления первобытных людей отличались прекрасным знанием конкретики, требуемой суровой необходимостью обеспечить выживание. Они прекрасно знали географию территории своей общины и племени, хорошо ориентировались по небу, знали разные свойства многих минералов, весь окружающий животный и растительный мир, свойства растений и повадки животных. Отсюда мышлению первобытного охотника (которому было важно знать какого вида птица сидит на каком конкретном дереве, растущем в конкретной местности) была присуща конкретность, отразившаяся в языке как индивидуализация предметов и процессов, и неумение вырабатывать общие, абстрактные понятия: дерево, рыба, птица. Индивидуализация отражена практически в каждом современном языке. Так, например, если для довольно поздно позаимствованной у соседей козы в русском языке нет никаких иных слов кроме однокоренных «козел», «коза», «козочка», «козлёнок», то для давно одомашненной лошади существуют такие понятия как «лошадь», «конь», «рысак», «скакун», «тяжеловоз», «битюг», «кобыла», «жеребец», «выжлок», «мерин». Конкретное мышление порождало и конкретное счисление, специфические названия для чисел, при счёте предметов, различающихся по форме или другим качествам: для плоских и круглых, живых и неживых. Счёт ещё не отделился от предметов, и считали до двух, трёх, четырёх или пяти, складывая затем двойки или другие маленькие числа, но главным образом считали по пальцам (что придавало счёту периодичность), а если их не хватало, то по частям руки, груди. Часто исходили из числа пальцев на руках, что дало десятичный счет, а у кельтов исходили из числа пальцев на руках и ногах, что и отразилось в наименовании цифр во французском языке. Длину и ширину измеряли пальцами или ногтями, ступнями, локтями, расстояния — шагами, по полету стрелы, по дневному переходу. Возникли представления о времени по смене дня и ночи, по месяцу, по сезону, обеспечивающим обилие воды, растительной пищи и дичи, или приносящим засуху и голод [4, с. 196–199, 299; 148, с. 133, 153–161].

Язык неантропов по сравнению с языком неандертальцев несомненно далеко продвинулся в своём развитии. Трудно судить о языке палеолита, но языки мезолитических племён уже обладали примерно таким же грамматическим составом и строем как современные языки. В языках уже были имена существительные, местоимения, глаголы, наречия и начали возникать числительные. Указательно-усилительные частицы (как например частица «иу» в древнеегипетском языке, означающая

нечто подобное русским словам «вот», «смотри») или указательные местоимения (как «ке» у индейцев племени кламат) превращались во вспомогательные глаголы. Не только у вымерших в XIX веке тасманийцев, находившихся на стадии конца верхнего палеолита ещё не было прилагательных. Для того, чтобы сказать, что предмет твёрдый они говорили «как камень», вместо «высокий» — «длинноногий», вместо «круглый» — «как луна» или «как шар» и т.п. Даже находившиеся в конце эпохи сменившего мезолит неолита меланезийцы архипелага Бисмарка не знали обозначения чёрного цвета, поясняя, что чёрный предмет имеет вид (цвет) вороны. Тем не менее уже появились зачатки пиктографии, чаще всего изображающие последовательность сцен охоты, а также условные (абстрактные) изображения событий, понятные только после разъяснения посвящённым [4, с. 199; 148, с. 122, 135–136].

Искусство мезолита продолжало развиваться. Появился орнамент [4, с. 166], продолжалось изготовление костяных женских статуэток. Участилось изображение голов животных на рукоятках орудий охоты. Стало больше наскальных изображений со сценами охоты и религиозных церемоний, изображающих пляшущих в масках людей [4, с. 201–202]. У современных им мезолитических племен европейцы наблюдали танцы ритуальные и бытовые, военные, мужские и женские, слышали песни: ритуальные, военные, любовные, бытовые и т.п. К этому времени появился уже значительный набор музыкальных инструментов: ударных, состоящих из колотушек, дощечек, кожи, натянутой на раму, щипковых, ведущих происхождение от титевы лука, духовых, включающих разного рода флейты и трубы [4, с. 165, 169, 201–202].

Фольклор в мезолите достиг значительного развития. Прежде всего, это — мифы, священные предания, объясняющие происхождение людей, окружающего мира и знаний. Совершенствовались мифы о тотемных предках, представлявшихся то в виде людей с повадками животных, то в виде животных, ведущих себя как люди. Они ходят по земле, добывают пищу, общаются с себе подобными и превращаются в какие-то предметы в местах почитания тотемов. Действие мифов относится к неопределённо далёкому времени, и ссылка на события этого времени достаточна, чтобы обосновать необходимость веры в эти события и законность происходящих из этой эпохи обычаев и обрядов. Появились мифы, рассказывающие о небесных явлениях, в которых проявились одушевление, антропоморфизация и олицетворение природы. Например, в ряде мифов австралийских аборигенов небо представляется стоящим на деревянных «ногах», а на нём живет солнце — женщина, некогда обитавшая на земле, которая днем ходит по небу, а ночью спускается на землю, чтобы посетить родину, месяц — мужчина, по воле судьбы отправившийся на небо. Известны и другие мезолитические, например, космогонические мифы о происхождении звёзд, Млечного Пути, фаз луны, радуги и т.п., много мифов о происхождении животных и специфике их внешнего вида: форме хвостов, цвете перьев. Мифические небожители, взбираясь на небо и гуляя по нему, совершают эти и другие сверхъестественные

поступки, но они ещё живут в мире, подобном человеческому, а не в отдельном сверхъестественном мире. Часть традиционных рассказов о тотемических предках, представлявшихся в образе получеловека, в мезолите превратилась в мифы о «культурных героях», объясняющие происхождение природных явлений, людей, знаний и вещей. В них в качестве культурных героев выступают человек-ящерица, летучая мышь, белый и черный соколы и подобные им другие полуживотные-полулюди, явно происходящие от тотемных предков. В редких случаях ими бывают олицетворения природы. Культурные герои изображаются в мифах как необыкновенные существа, похитившие для людей огонь или научившие его добывать, установившие правила вступления в брак, инициации и т.п. Более того, в некоторых мифах они являются демигургами (творцами) людей. Для Австралии и Океании характерны мифы о «доделывании» культурными героями людей из кусков глины, дощечек, животных [228, с. 129–130; 236, 240–248; 240, с. 67, 71; 241, с. 540].

В конце мезолитической эпохи усиливается почитание отдельных старейшин, которые приобретают наибольший авторитет в своем племени, а, порой, и среди соседних племён, и эти события отражаются в мифах, где появляются культурные герои в виде живущих на небе великих существ, создавших часть мира, людей и научивших их многому полезному. У племён юго-восточного побережья Австралии существует представление о Дарамулуне, который изображается клинохвостым орлом, соколом, но, чаще, в человеческом образе. Ему приписываются многие полезные знания, а в некоторых мифах он — «создатель всех вещей». Считается, что он следит с неба за людьми и сердится, когда они нарушают данные им законы. Во время обрядов инициаций Дарамулуна изображают в виде человека. У группы других австралийских племен примерно ту же роль выполнял Байаме, некогда бывший колдуном и живший на земле. Подобные мифические образы были известны и другим племенам юго-востока Австралии [236, с. 242–243]. В образах Дарамулуна и Байаме слились черты тотемных предков, культурных героев, покровителя инициаций и устрашителя непосвящённых. Им ещё не поклоняются, от них не ждут помощи, но их бояться непосвящённые, и от них как от культурных героев до бога — один шаг. Не исключено, что в их культах сказалось влияние христианских миссионеров.

От мифов ещё не отделились сказки, в основе которых также лежали мифы, которые перестали безоговорочно приниматься на веру и стали обрастать интерпретациями и сочинениями сказителей. В последующую эпоху часть мифов стала превращаться в волшебные сказки о необыкновенных событиях и приключениях, а другая в бытовые сказки — назидательные рассказы. Многие (и, прежде всего, посвященные) обряды превратились в театрализованные представления, в которых разыгрывались мифологические события, сопровождаемые песнями и танцами [4, с. 202].

Первобытные формы религии достигли в мезолите расцвета. Возникнув из неверной интерпретации реальности, в которой непони-

мание естественных явлений и связей между ними вело к объяснению их сверхъестественными причинами, первобытная религия в мезолите уже соединила веру в сверхъестественные силы, веру в возможность воздействия на них с помощью особых ритуалов и веру в людей, способных направить сверхъестественные силы на пользу людям. Сохранялась вера в сверхъестественную силу фетишей. Австралийские аборигены, например, верили во вредоносную магическую силу. Теперь магией занимались преимущественно колдуны (хотя бытовые и производственные магические действия могли производить рядовые общинники), которых стали делить на «белых» колдунов — знахарей, занимающихся лечением и рациональными средствами и произнесением магических формул или проведением магических ритуалов, вызыванием дождя или другими действиями, которые должны были привести к полезному результату, и на «чёрных» колдунов или собственно колдунов, магические действия которых могли принести вред. Обычно один и тот же колдун, считался способным как принести пользу, так и нанести вред, хотя начиналась и их дифференциация. Обычно свои колдуны признавались хорошими, а иноплемённые — опасными. Например, автору, собиравшему этнографический материал в Архангельской области в 1964–1966 гг. не раз приходилось слышать от своих респондентов, что колдуны коми «сильнее» русских колдунов. Магические действия в эпоху мезолита стали настолько разнообразными, что существует несколько способов систематизации видов магии: по субъекту, совершающему магический обряд (бытовая или профессиональная), по назначению (промысловая, вредоносная, лечебно-предохранительная, любовная, погодная и т.п.), по способу воздействия (вербальная, контактная, инициальная, парциальная, имитативная) [4, с. 204, 206; 236, с. 229, 232; 241, с. 426–501]. Важнейшей среди видов магии была промысловая.

Тотемизм в мезолите достиг наивысшего развития. Теперь каждый человек верил, в родство или дружбу с тотемом: неодушевлённым предметом, растением или, чаще, животным. Чаще всего в то, что его род происходит от единого предка. В священном родовом тотемическом мифе (который время от времени, особенно в ходе инициаций, разыгрывался для членов тотемической группы) этот предок представлялся в виде тотемного животного (или неодушевлённого предмета), который вёл себя подобно человеку. Члены племени волка искренне считали себя волками, члены племени ворона — воронами. Считалось, что между родом и тотемом существует как бы договор, согласно которому люди рода тотема, например, кенгуру не должны убивать кенгуру, не причинять ему вред, не есть мяса тотема, а, наоборот, способствовать его размножению, для чего совершались специальные магические обряды. Тотем со своей стороны должен всячески помогать своему роду, прежде всего в охоте. С тотемом и его историей было связано некое священное место (в котором совершались церемонии тотемической группы), хранящиеся там имеющие к нему отношение священные предметы, а поскольку тотем являлся прародителем, то считалось, что в этом месте (а часто и во многих других связанных с тотемом местах) тотемный

предок оставлял «детские зародыши», которые входили в тело каждой проходящей рядом женщины рода данного тотема, в результате чего она забеременеет. Отчасти из веры в родство с тотемом (а отчасти из засадной охоты, когда охотник, приманивая животное, подражал его крику и прикрывался его шкурой, перьями) возникла вера в возможность тотема превращаться в человека и, наоборот, человека в тотема, потому члены рода, например, ворона во время священных обрядов надевали маски, изображающие голову ворона, украшали себя перьями, могли прилаживать хвосты, красить тело в чёрный цвет. Точно также члены рода волка надевали на себя волчью шкуру с волчьей головой. Обычно раз в году члены рода убивали животное, принадлежащее к виду их тотема, и с предосторожностями и извинениями поедали его мясо или какой-то внутренний орган для единения с тотемом, усвоения его качеств. Кроме родовых, верили ещё в общепатриархальных тотемов, поскольку фратрии некогда были родами. Существовали также половые тотемы, общие для всех мужчин племени и общие для всех женщин. Происхождение этого поверья пока не выяснено. В конце мезолита у некоторых людей (особенно у колдунов) появились личные тотемы [236, с. 223]. Наконец, у некоторых племен возникла вера, что у родового тотема есть косвенно связанные с ним «принадлежащие» ему тотемы («субтотемы»), которые также становились тотемами членов рода. Иногда все природные предметы, окружающее племя, делились между его фратриями и могли рассматриваться как субтотемы [236, с. 209–225].

Скорее всего незадолго до мезолита возник анимизм — вера в души и духов. Души, по представлениям верящих в них людей, пребывали в теле человека, по внешнему виду строго соответствовали его телу, но могли покидать его во время сна, обморока или болезни. Духи существовали вне человека и были связаны не только с человеком (например, дух умершего), но и с окружающей природой. Нередко души и духов путали и сами анимисты и их исследователи. Большая часть духов считалась вредной, но были и хорошие духи, борющиеся с вредными и помогавшие людям. По представлениям людей мезолита после смерти души покойников продолжали существовать. Они или находились в могиле и возле могилы, или отправлялись в далекую сторону (на остров, на небо, под землю), где они живут и радуются, потому, что там много еды, или перевоплощались вернувшись в «детский зародыш», войдя в тело женщины и потом в новорожденного [3, с. 193; 232–236].

В связи с представлением о душах и духах возникло множество способов захоронения: оставление, погребение, воздушное трупоположение, потопление, мумификация, частичное поедание, кремация и сочетание перечисленных способов. Похороны сочетали в себе четыре момента: один рациональный — избавиться от трупа и три иррациональных: уберечься от вреда с его стороны (для чего иногда связывали мертвецов или уродовали труп), задобрить дух покойного, и помочь ему в загробной жизни (С этой целью в могилу клали еду и вещи покойного.). Похоронные обряды заключались главным образом в выражении горя через оплакивание умершего и нанесение себе побоев или ран).

По-видимому, в мезолите повсеместно бывали случаи каннибализма, который никогда не был нормой жизни, а случался, преимущественно, лишь в случае смертельного голода. Однако у некоторых племён требовалось, чтобы родственники при похоронах съедали определённые части тела умершего. Случалось также, что воины после сражения поедали некоторые части тела убитых ими врагов (чаще всего сердце, костный мозг или почечный жир). Этого требовал магический ритуал, связанный с представлением, что такое поедание позволяет вместе с «едой» усвоить и лучшие качества умерщвленного: его силу, смелость, ум, знания, удачу [236, с. 234–239], также как и при поедании мяса тотема.

С верой в духов связано представление о духе-страшилище, убивающем или даже пожирающем мальчиков, а затем воскрешающим их в новом качестве во время инициаций. У австралийских аборигенов он представляется страшным человеком на одной ноге с другой, носимой им на плече, у ряда африканских племён — «получеловеком» на одной ноге, у которого есть только одна половина тела. Иногда в качестве страшилища выступает фантастический змей, «пожирающий» неофита, или иное чудовище. Иногда обряд поглощения сопровождался устрашающими звуками, приписываемыми злему духу, наводившими ужас на непосвященных. После обряда неофитам поясняли, что всё, что с ними происходило делали люди, а не духи, и жуткие звуки производили безобидные гуделки, но для непосвященных всё должно оставаться в тайне, и они должны верить в духа-убийцу [236, с. 208, 241]. Таким образом возникали представления о сверхъестественных силах, искусственно насаждаемые среди непосвященных, которые способствовали поддержанию власти колдунов и старейшин, но и посвящаемым иногда рассказывали мифы о культурных героях (которые скрывались от непосвященных), в которые посвященные должны были верить.

В конце мезолитической эпохи начали складываться культы хозяев стихий. У многих народов Сибири, части индейцев, у славян и т.д. возникло, например, представление о медведе как хозяине леса [3, с. 187, 192], в котором соединились тотемистические представления, вера в духов и отражение возрастающей власти отдельных старейшин.

Специализированное собирательство

В мезолите произошли серьёзные изменения в хозяйстве. Значительно расширились знания об окружающем мире, о своей территории, о произрастающих на ней деревьях, кустах и травах, о населяющих её животных. В это время (а, возможно, уже в конце верхнего палеолита) люди стали использовать в охоте собак. Охота становилась «специализированной». Охотники, возможно, уже в мустьерскую эпоху стали оставлять в живых молодняк и самок, о чем говорит сокращение на стоянках количества костей, принадлежащих детенышам и самкам промысловых животных. По-видимому, люди стали подкармливать и приручать животных, держа их поблизости от себя как живые

запасы мяса [4, с. 170–174; 202, с. 199–201, 210]. Таким же образом стали сохранять и часть диких съедобных растений. Австралийские аборигены знали, например, уже 240 видов растений, а аборигены Кливленда уже употребляли в пищу 69 видов растений и 35 видов использовали в качестве лекарств и ядов. Люди теперь уже знали время созревания и сбора плодов, догадались оставлять после сбора урожая часть семян для самосева. Из собранных колосьев научились вымалачивать зерно, просеивать его, перемалывать на ручных зернотерках, месить тесто, добавлять в него приправы и выпекать лепешки [202, с. 147, 192, 201].

Собирательство приобрело «специализированный» характер. Теперь общины стали переходить к оседлости в месте скопления большого количества съедобных растений, приносящих фрукты, орехи, корнеплоды, овощи, зерно. Люди начали патронировать участки, на которых располагалась их пища. Они отпугивали птиц и зверей, приходящих поедать охраняемые рощи, кустарник, поля, стали выливать на них испортившуюся воду, выбрасывать туда отходы пищи, экскременты, заметив, что всё это способствует лучшему росту и урожаю. Некоторые племена Западной Австралии в отличие от большинства аборигенов, которые оставались на стадии присваивающего хозяйства, даже подвели к местам сбора диких растений оросительные каналы, соорудив для этого искусственные плотины и водоемы [77, с. 61].

Типичным примером специализированного собирательства может служить основной тип хозяйства индейцев Калифорнии, занимавшихся преимущественно сбором желудей. Содержащие вредный в больших количествах для здоровья танин желудди толкли в каменных ящиках. Полученную муку ссыпали в ямки в песке и промывали от танина горячей водой. Затем муку сушили, потом месили тесто, которое завертывали в листья и пекли в золе лепёшки. Индейцы Большого бассейна примерно таким же образом обрабатывали сосновые семена-орешки (которые не содержали и не требовали удаления вредных веществ), выбивая их колотушками из шишек. Они использовали также зёрна дикого овса, ударяя по колосьям специальными плетеными колотушками и собирая их в корзины, а также семена травы вай, напоминающей рис. Настоящий дикий рис стали собирать индейские племена, жившие на востоке Канады [272, с. 272]. Коренные жители Никобарских островов специализировались на собирании кокосовых орехов.

Специализированное собирательство требовало оседлости, и постройки постоянных селений. Во главе посёлка, если он был большим, теперь стоял выборный старейшина (Многие исследователи, к сожалению, нередко старейшин ошибочно называют «вождями», хотя этот термин следует относить лишь к военным предводителям.). Власть его была ограничена стоявшим во главе общин советом старейшин, который мог сместить главу поселка. Специализированное собирательство, дающее временами небольшие запасы пищи, требовало их хранения, рационального распределения, организации хозяйства и т.п., что значительно повысило роль старейшин больших общин, власть которых приобрела тен-

денцию превращаться в наследственную [235, с. 188; 272 с. 279]. В связи с появлением постоянных жилищ возникла вера в духов-хранителей дома [272, с. 281]. Возросла роль колдунов, которые окончательно стали профессиональными колдунами. Усилилась забота о покойниках, которых теперь всегда стали сопровождать в загробную жизнь личные вещи [272, с. 278].

Исключение из правил?

Открытие конца XX века казалось бы переворачивает наши представления об общественном строе и религии мезолитических людей. В Гёбекли-Тепе в 15 км от города Шанлыурф (античная Эдесса) в юго-восточной Турции в регионе верховьев Тигра и Евфрата был обнаружен, как предположили некоторые исследователи, «храмовый комплекс», относящийся, судя по определенной радиоуглеродным методом дате, к середине 10 — началу 8 тысячелетий до н.э., после чего он был преднамеренно засыпан людьми или сползшим с горы селом. Комплекс состоит примерно из 20 аналогичных сооружений, 4 из которых раскопаны. Сооружения имеют округлую форму. В самом большом из них диаметром в 30 метров с внутренней стороны стены располагаются скамьи, ближе к центру расставлены по кругу каменные Т-образные колонны высотой в 3 метра, а внутри ещё круг из таких же колонн высотой в 5 метров. На территории комплекса обнаружены кости оленей, быков, овец, кабанов и птиц, которых, как думают учёные, там приносили в жертву. Изображения этих животных вырезаны на колоннах святилища (Кабаны, лисы и некоторые другие животные представлены также в виде скульптур.) наряду со львами, леопардами, газелями, ослами, лисами, змеями, стервятниками, журавлями, гусями, утками, скорпионами, пауками и тысячножками, которых, как предполагается, там приносили в жертву. Кроме того, на колоннах вырезаны пиктограммы, очевидно передающие ознакомленным с ними какие-то сведения. Судя по повторению знаков, в данном случае имеет место переход от пиктограммы к иероглифике. Найденные остатки растений и животных не позволяют говорить, что они уже окультурены.

Многие интерпретаторы предполагают нечто невероятное. Предположения о космических пришельцах, культе единого иудео-христианско-мусульманского бога и обсерватории просто не заслуживают критики. По менее фантастическим разъяснениям, «оказывается», что постройкой представляя собою храмы, предназначенные богам, связанным с культом плодородия, что предполагает наличие жречества. Тяжесть колонн (до 50 тонн) говорит о труде множества людей, число которых достигает якобы 500 и возможно более человек, собранных единым культом из разных племён; хотя, может быть, «необходимость» кормить строителей требует труда ещё многих сотен, а это будто бы указывает на «рабский» труд и, следовательно, на начатки государственности. Отсюда «несомненный» вывод о воздействии развитой религии

и социальной дифференциации в эпоху охоты и собирательства на переход к земледелию. Всё в точности наоборот по сравнению с прежними историческими фактами.

Однако открыватель комплекса и руководитель раскопок немецкий археолог Клаус Шмидт считает, что Гёбекли-Тепе — «ранненеолитическая площадка», а её строители возделывали растения и содержали животных. Он также указывает на находки орудий, которые можно использовать для сбора урожая зерновых культур, и большое количество каменных ступок для толчения зерна [269, с. 17, 242].

Следует отметить, что в 30 км от Гёбекли-Тепе в районе горы Каракадаг встречается тот вид дикой пшеницы, который был одомашнен в X тысячелетии до н.э. [см. 66]. К тому же земледелие и животноводство несомненно известны в данном регионе с 9 тысячелетия до н.э. В полутора сотнях километров от Гёбекли-Тепе в северной Сирии на левом берегу среднего Евфрата известно ранненеолитическое поселение Джерф-эль-Ахмар (9600 — 8500 гг. до н.э.) со складами, где, очевидно, хранилось и зерно. Там были найдены изображения лисы, змеи, зигзагообразные линии и круги очень похожие на изображения в Гёбекли-Тепе [см. 33; 54]. Примерно на таком же расстоянии, также в Сирии у гор Таурус, был обнаружен даже город Телль-Кварамель, относящийся ко второй половине 9 тысячелетия — 8 тысячелетию до н.э. и периоду раннего неолита с домами (снабжёнными канализацией), построенными из блоков из речного ила на каменных фундаментах, с башней диаметром в 7,5 м, высотой в 9 м и толщиной стен в 2 м (что явно указывает на ее оборонное назначение, и, следовательно, либо на эпоху «племенных союзов», либо даже протогосударственности). Там также были найдены каменные сосуды и похожие на знаки из Гёбекли-Тепе изображения змей и тысяченожек (см. 104).

Как мезолит, так и развитый неолит и даже начало медного века в рассматриваемом регионе представлены огромным, насчитывавшим (по разным оценкам от 5 до 20 тыс. человек) поселением Чатал-Хююк (прежде огласованным как Чатал-Гуюк), относящимся к 7500–5400 гг. до н.э. (а возможно и к более раннему времени) расположенным в долине реки Коньи в 50 км от города Коньи и в 11 км от города Гурма в Южной Анатолии. Здесь найдены как полудикие виды, так и явно окультуренные 3 вида пшеницы и несколько видов ячменя наряду с другими окультуренными растениями. Земледелию способствовал оросительный канал, прорытый к селению от реки Чаршамба. Жителям Чатал-Хююка было известно также и животноводство, представленное одомашненным крупным рогатым скотом и козами, а также полудикими овцами.

Для выяснения предназначения сооружений Гёбекли-Тепе чрезвычайно важно обратить внимание на находки в Невалы-Чори (Долине Чумы), расположенной недалеко от Гёбекли-Тепе на реке Евфрат у подножия гор Тавра в восточной Турции. Здесь раскопки обнаружили памятники времён раннего неолита второй половины 9 тыс. лет до н.э., включающие поселение и культовое сооружение, напоминающее комплекс Гёбекли-Тепе. В отличие от Гёбекли-Тепе культовое сооружение

Невалы-Чори имеет квадратную форму со столбами по стенам и два Т-образных столба посередине. Можно с уверенностью предположить, что оба сооружения предназначались для одной и той же цели. Клаус Шмидт [269, с. 77] и другие исследователи [см. 80; 68] приводят 2 рисунка (скорее всего, реконструирующие осуществлявшийся ритуал), на котором изображены столбы Невалы-Чори (а возможно и Гёбекли-Тепе), на которые по приставным лестницам лезут люди. На левом рисунке на столбе лежит человеческая голова, на другом на столб падает безголовое тело человека. На верху каждого столба по бокам от головы и от тела сидят стервятники, готовые клевать и тело и голову. Кроме того, следует отметить, что в Гёбекли-Тепе есть также изображения полулюдей-полугрифов [см. 68].

Любопытно, что и предшествующая Гёбекли-Тепе мезолитическая Натуфийская культура (открытая в Вади-эн-Натуф в Палестине, датируемая 12500–9500 годами до н.э.) уже знала поселения, мотыги, серпы для специализированного собирательства злаков и зернохранилища, каменные ступки и песты (для растирания зёрен), а также одомашненных собак. Для Натуфийской культуры характерны также нередко встречающиеся человеческие черепа, отделённые от погребённых тел. При этом черепа, украшенные раковинами, хранились отдельно [см. 80]. Учёные справедливо предполагают, что этот похоронный обряд связан с культом предков. Более поздней, чем Гёбекли-Тепе культуре Чатал-Хююка также свойственно нередко встречающееся отделение черепов умерших от тел, а также покрытие их алебастром с раскраской, изображающей лицо, и хранение их в специальных местах. Там же сохранилось и изображение грифов с человеческими ногами, терзающих обезглавленное тело человека [см. 261].

Восприятие комплекса Гёбекли-Тепе как храма возможно только благодаря незнанию теории развития общества, социальной истории и, особенно, истории религии. В религиозных представлениях людей не может отразиться ничего кроме их (пусть даже идеализированного и нафантазированного) бытия. Охотники и специализированные собиратели эпохи мезолита не знали никаких монархов и не могли создавать богов. Не было богов — не могло быть и жречества. Нельзя полагать, что в конце эпохи мезолита (или в начале эпохи неолита) было развитое земледелие, но нельзя считать, что собирали только дикие растения. Специализированное собирательство предполагает частые посещения мест обильного урожая съедобных растений, уход за ними и, следовательно, улучшение их качеств, поэтому в мезолите ещё нет окультуренных растений, но возделываемые растения уже и не дикорастущие. По этой причине переход от дикости к культурности не позволяет с точностью отнести растения ни к одной из этих категорий. Таким же образом, одомашниваемые животные — уже не дикие, но и не домашние. Однако можно недвусмысленно понять, что серпы, ступы и песты говорят, по крайней мере, о развитом специализированном собирательстве, а хранилища — о запасах продовольствия. Несомненно, что небольшие стычки домезолитических людей из-за дичи, мнимой «порчи», обмана при

обмене не могли приносить ощутимой добычи. С запасами еды и вещей грабежи стали приобретать смысл и учащаться. Нападение и оборона потребовали сосредоточения сил и более тесного объединения соплеменников. Это потребовало численного и территориального увеличения поселений. Несомненно, что объединение общин и родов способствовало распространению на них единых культов. Тем не менее, ни богов, ни жрецов, ни развитого культа плодородия не могло быть, хотя изображения женщин и мужчин с преувеличенными половыми признаками ещё как фетиши могли уже почитаться способствующими плодородию, хотя культа плодородия ещё не было. Однако культ предков продолжал развиваться.

Несомненно, что комплекс построек Гёбекли-Тепе не ограничивался использованием только камня. Т-образные столбы очень подходят для перекрытия их деревом: брёвнами, полубрёвнами, тонкими стволами, тёсом или досками. Неясно, имели ли круговые постройки крыши, но с большой долей вероятности можно предположить, что они имели концентрически расположенные помосты. Вспомним изображения обезглавленных человеческих тел, которых пожирают грифоны или иные стервятники. По-видимому, у протоиранских племён обычай отделять головы от тел и хранить их существовал ещё со времён Натуфийской культуры [см. 173]. Судя по упомянутому изображению [269, с. 72, 77; 80; 68], обезглавливание покойников и скармливание тел стервятникам продолжалось и после Гёбекли-Тепе в Чатал-Хююке [см. 161; 261]. Более того, зороастрийцы (иначе, маздаисты) с VII в до н.э. по VII в. н.э. (а иногда и в наше время) продолжали хоронить своих умерших на круглых башнях — «дакмах» («могилах»), состоящих из трёх концентрических кругов, куда укладывали на наружное кольцо мужчин, на промежуточное — женщин и на внутреннее — детей [240, с. 384; 269, с. 137]. В центре дакмы находился колодец, в который сбрасывали кости умерших. В Гёбекли-Тепе центры округлых сооружений не раскапывались. С течением времени похоронный обряд менялся с возникновением анимистических взглядов и изменением представлений о загробном мире, но оставление тела на растерзание падальщикам оставалось. Ещё палеолитические представления о помогающих и вредящих покойникам требовали, с одной стороны, их задабривать, для чего иногда и хранили их головы, с другой, далеко уносить, прятать, а, порой, расчленять тела (и иногда, как в нашем случае, даже уничтожать), чтобы покойники не могли принести живущим вреда. При этом грифы, возможно, фигурировали в верованиях, что они являются культурными героями, научившими людей правильно хоронить умерших. Отсюда свойственное культурным героям (которые позднее превратятся в богов) изображение полуживотных-полулюдей, происходящих от тотемных животных, но в силу антропоморфизации получивших человеческие способности и человеческий облик. Кроме того, можно вспомнить о запрете, согласно старинному «договору» не убивать и не есть тотемных «предков», но раз в году убить и всем родом съесть либо всё тотемное животное, либо его мозг, сердце или иное

«сосредоточие силы, сноровки и знаний», чтобы усвоить и приобрести эти замечательные качества. Не исключено, что и тотему надо было предоставить такую же возможность, чтобы связь его с людьми стала ещё более тесной.

Шмидт близок к истине, называя Гёбекли-Тепе «монументом культа мёртвых», и почти тут же отмечая: «Круглоплановые сооружения Гёбекли-Тепе стали идеальными *дакмахами* для зороастрийской традиции погребения» [269, с. 125,137], а Александр Иванов-Петров, не решающийся атрибутировать комплекс Гёбекли-Тепе, прямо пишет: «Изображения грифов связывают с особенностью местного культа; предполагается, что мёртвых не хоронили, а оставляли на съедение грифам (позже это было принято у огнепоклонников), а их головы отделяли от туловища и хранили как предмет культа предков (как в предшествующей Натуфийской культуре)» [см. 68]. Таким образом комплекс построек Гёбекли-Тепе, скорее всего, является местом совершения похоронного обряда, расположенным на расстоянии от жилищ, в связи с чем, там не найдено ни домов, ни запасов пищи [см. 136].

Глава 5

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Переход к новому типу хозяйства

Следующий за мезолитом неолит (новый каменный век) датируемый обычно концом X — началом IX веков до н.э. в Юго-Западной Азии и концом VII — началом VI веков до н.э. на Юго-Востоке Европы, принёс с собой не только и не стольк новую технику обработки камня (его шлифовку, полировку и сверление) и керамику [76, с. 70], сколько коренные изменения во всей жизни людей, явившиеся поистине революционными. Английский археолог Г.В. Чайлд так и назвал их «неолитической революцией» [260, с. 33]. Отечественный философ и этнограф В.М. Бахта чуть позже существенно уточнил, назвав её «земледельческой революцией» [15, с. 3] (хотя в соответствии с традицией в общественных науках удобнее называть её в латинских терминах «аграрной революцией»), потому что хозяйство первобытных людей, присваивающих естественные продукты природы, сменилось мелиоративным хозяйством первых земледельцев, которые ввели в хозяйственный оборот плодородную почву (землю) в качестве нового и главного средства производства, что в корне изменило не только экономическую жизнь земледельцев, но все отношения между ними, создав принципиально новую структуру общества. Возникшее хозяйство нового вида впервые

в отличие от охотничье-собирательского первобытного хозяйства просто присваивающего то, что «производит» природа, было не вполне точно определено В.М. Бахтой как «производящее хозяйство» [14, с. 73], и это определение вошло в отечественные социальные науки [см., например: 202, с. 20]. Он же одним из первых обратил внимание на характер обрабатываемой земли как на искусственно созданное средство производства, подчеркнув, что даже «у самых примитивных земледельцев почва как средство труда создана человеком с помощью орудий труда» [14, с. 68–69]. Однако почва прежде всего природная данность, и не только первобытные люди, но и животные издавна пользовались естественным плодородием почвы, потребляя произрастающую на ней растительную пищу, поэтому, учитывая двойственную сущность возделываемой человеком земли, вернее будет сказать, что в эпоху неолита люди создали «мелиоративное хозяйство», усиливающее производящую силу почвы, то есть улучшающее это её полезное для себя природное качество. Однако революция заключалась в том, что земля как естественное средство производства приобрела ещё и характер искусственного средства производства, обработанного, улучшенного людьми, постоянно используемого и ставшего основой нового вида хозяйства, носящего характер аграрного (земледельческого) производства.

Теперь спорадический труд охотников и собирателей сменился регулярным физическим трудом земледельцев и скотоводов, продукты которого не потреблялись немедленно, как у охотников-собираателей, но могли потребляться не столько сразу после создания, сколько через продолжительное время благодаря создаваемым запасам. В отличие от природных средств производства, используемых в охотничье-собирательном хозяйстве, возделываемая мелиорированная (улучшенная) земля (и, отчасти, скот) стала теперь главным средством производства, создавшим новую сельскохозяйственную сферу производства, потребовавшим коренного изменения общественных отношений, социальной структуры и всей жизни общества. «Так и должно быть: определенная форма материального производства, определенный уровень развития производительных сил (и в прошлом и в настоящем) должен вызывать к жизни определенную структуру общества и, прежде всего, определённые производственные отношения» [14, с. 66].

Не следует рассматривать аграрную революцию как некий одномоментный или бурный процесс. Её революционная сущность (как и суть любой социальной революции) заключается в переходе к качественно новой форме общественной жизни, связанной с принципиально новым типом хозяйства, поэтому бесполезно искать какого бы то ни было «изобретателя» земледелия. Изобретение земледелия — длительная цепь разновременных актов [77, с. 85]. Ещё в палеолите началось систематическое собирание растительной пищи и ее сложная обработка, мезолитические охотники, продолжавшие заниматься собирательством, превратили его в так называемое «специализированное собирательство». Оно заключалось в том, что первобытная община, собирая съедобные растения, начинала специализироваться на сборе одного или несколь-

ких определенных видов. Например, никобарцы употребляют в пищу главным образом кокосовые орехи, которые дают съедобную середину, используемую в сыром виде или переработанную в муку для выпечки лепёшек. Сок кокосовых орехов хорошо утоляет жажду, питателен, годится для приготовления вина. Никобарская община, как правило, и располагает лагерь вблизи кокосовой рощи, где постоянно собирает орехи и лишь по мере необходимости отправляет мужчин на охоту. Многие западноафриканские племена специализировались на собирании клубней ямса, который через культурный обмен распространился и на другие континенты [63, с. 38; 338, с. 494]. Собираение разного вида зерновых растений стало специализацией многих племён во всех частях света.

Собирая плоды, люди постепенно научились сохранять для себя сами растения, на которых созревали дополнительные плоды, съедобные листья, цветы, побеги и стебли, для чего потребовались некоторые заботы. У многих социально отсталых племён до сих пор можно наблюдать «патронирование» диких растений: риса, проса, садовых культур, заключающееся в охране их от птиц и зверей, разреживании, огораживании. Принося на стоянку плоды с семенами или съедобные семена, люди эпохи неолита теряли их и выбрасывали неподалёку. Порой эти семена давали всходы, и иногда было видно, как они прорастают, что в результате и навело на мысль о посеве. Было замечено также, что выплескивание жидкостей, выбрасывание пищевых отходов и всякого рода экскременты способствуют более быстрому росту и лучшему развитию случайно появившихся ростков. Первоначально бессознательные действия иногда подмечались, порой осознавались и закреплялись. Так постепенно, на протяжении многих лет собирательство превращалось в патронирование и, наконец, в посадку и пересадку. Таким образом, сам акт посадки или пересадки растений, знаменовавший возникновение земледельческого хозяйства, лишь завершил процесс перехода от собирательства к земледелию. Возможно, «изобретение земледелия» принадлежит женщинам, возможно, также помогавшим им и игравшим с плодами и семенами детям, но, поскольку оно не является одномоментным актом, можно предположить, что первоначальные вклады в этот длительный процесс принадлежат людям разных полов и возрастов. Длительность перехода от собирательства к земледелию говорит также о возникновении его не в одном центре, а у разных племен, живущих на разных континентах, что и видно на конкретном археологическом и этнографическом материале. Как бы то ни было, но переход к земледелию означал начало эпохи систематического воздействия на природу [4, с. 211; 77, с. 84–85], с одной стороны, обогащающего её через улучшение производящей силы земли благодаря её обработке, выведения урожайных сортов растений (а впоследствии и новых пород животных), с другой, — к её истощению в результате вырубки лесов, недостаточного возврата органики на поля.

Древнейшие культурные растения: пшеница, ячмень чечевица и некоторые другие, отличающиеся от диких размером плодов, урожай-

ностью, вкусовыми качествами и говорящие о развитом земледелии, сопровождающимся селекцией и использованием удобрений, известны уже в IX-VIII веках до н.э. Наиболее древнее поселение, датируемое 8 900 г. до н.э., с серпами и зернотерками, говорящими либо о начатках земледелия, либо о развитом специализированном собирательстве, обнаружено в местечке Зави-Чеми в Северном Ираке. Здесь же найдено большое количество костей овец, обнаруживающих признаки одомашнивания. Чуть более поздние очаги земледелия были найдены также в Северном и Западном Иране, в Юго-Восточной Турции, в Сирии и Палестине. В середине первого тысячелетия до н.э. земледелие было уже не только в Передней Азии, но и в Средней, на Кавказе, в Средиземноморье, в Северной Африке. В Южной и Восточной Азии возникли, по-видимому, самостоятельные центры. Во втором тысячелетии до н.э., а возможно и ранее, также самостоятельный центр появился в Южной Америке. К моменту первого соприкосновения с европейцами многие племена, стоявшие на ступени неолита или начала аграрного общества, уже использовали множество сортов культурных растений, выведенных в самостоятельных культурных центрах. Так, например, ирокезы выращивали 11 сортов маиса, а меланезийцы с острова Новая Ирландия выращивали 10 разновидностей ямса, 14 хлебного дерева, 52 разновидности банана, 220 таро. Относительно развитое земледелие у этих племён сопровождалось уже определёнными агротехническими приёмами. Например, ирокезы для повышения всхожести семян вымачивали их в отварах трав и корней, папуасы после сбора урожая пускали в огород свиней не только для того, чтобы они насытились невыкопанными клубнями, но и для того, чтобы свиньи удобрили огород навозом [4, с. 210, 238; 24, с. 84; 202, с. 185, 205], нубийцы, населявшие в неолитическую эпоху не только Нубию, но и Египет до прихода так называемых «ливийцев», после сбора урожая зерновых с той же целью выгоняли на поля крупный и мелкий рогатый скот.

Другими важнейшими новыми видами хозяйства неолита стали животноводство и скотоводство. На различие между животноводством и скотоводством автор обратил внимание в середине 1960-х гг. Ещё в свою бытность студентом. По крайней мере с 1972 г. он стал разъяснять это различие в дискуссиях с этнографами (например, с заместителем председателя Комитета по использованию исторических данных в народном хозяйстве, выдающимся советским географом и этнографом, доктором исторических наук Борисом Васильевичем Андриановым), а затем в докладах на ежегодных Мероитских конференциях. Позднее эта разница стала отмечаться и другими учёными [см., например: 270; 77, с. 60]. Тем не менее до сих пор в научной литературе эти виды содержания животных путаются и смешиваются, хотя они совершенно различны и по способу ведения и по происхождению. Не стоит путать также приручение животных, позволяющее контакты с диким животным, и одомашнивание, которое изменяет морфологию животного, развивая те его качества, которые отвечают интересам людей [202, с. 211].

Скотоводство ведёт своё происхождение от кочёвок людей с движущимся от пастбища к пастбищу диким скотом, охраной его и отловом отдельных особей по мере необходимости. Животноводство первоначально связано с приручением, а затем с одомашниванием животных, но, главное, что оно возникло благодаря земледелию и неразрывно связано с земледелием. Сами животные приходили к земледельцам, или их детёнышей приносили с охоты про запас не отказавшиеся ещё от охоты первоначальные земледельцы или специализированные собиратели, не столь уж существенная проблема. Важно другое, что держать при себе животных, доставляющих людям мясо, молоко и молочные продукты, шерсть, кожу, которых также можно использовать как транспорт или при пахоте как тягловую силу, стало возможно только благодаря земледелию, которое позволило подкармливать их сеном, соломой и незначительными потерями сельскохозяйственных культур на полях, оставшихся после сбора урожая, или даже его излишками. Несомненно также, что domestикация возможна только в стационарном поселении [4, 213; 202, с. 207–208].

Первоначально была приручена собака ещё в конце палеолита. Возможно человек позволил некогда собаке воспользоваться трофеями охоты, но факт в том, что останки древнейшего экземпляра одомашненной собаки известны со стоянки Оберкассель на левом берегу Рейна, относящейся к палеолитическому периоду. Следующими одомашненными животными стали овцы и козы, затем — коровы и свиньи и, наверное, позднее — птицы, однако плохая сохранность мелких костей не позволяет точно судить о времени их одомашнивания. Уже в неолитическую эпоху люди использовали селекцию для выведения более продуктивного скота, не только отбирая наилучших животных, но используя скрещивание. Например, ещё в 7 тыс до н.э. на Ближнем востоке появляются шерстистые овцы с мягким подшёрстком, неолитические папуасы и только что вышедшие из неолита меланезийцы отбирали боровов-производителей, а также скрещивали домашних свиней с дикими кабанами, а южноамериканские индейцы в результате одомашнивания гуанако вывели ламу и альпаку, отличавшихся от диких верблюдов значительно более качественной шерстью и т.д. Лошадь была одомашнена уже в позднем неолите на Ближнем Востоке, а в начале III тысячелетия использовалась земледельцами нижнего Дуная пока ещё только как пища, но не тягловое животное [4, с. 209–210, 238; 76, с. 87–92; 202, 270].

Превращение охотников и собирателей в земледельцев или скотоводов зависело в значительной степени от природных условий, в которых находилось то или иное племя. На склонах гор, если они не были крутыми, в долинах, на равнинах, особенно по берегам больших рек, там, где в результате сезонных разливов оставался плодородный ил, возникали сначала стоянки, а потом и поселения земледельцев. Горы, степи (включая полупустыни) более способствовали выпасу скота. Скотоводство первоначально не было связано ни с земледелием, ни с одомашниванием диких животных. Суть в том, что скотоводство началось не с приручения, а со следования за стадом животных, ведущих естественный образ жизни,

пасясь в степи. Следующая за стадом община была вынуждена вести кочевой образ жизни, только временами вступая с животными в контакт. Типичное животное скотоводов — лошадь, которая до сих пор не вполне одомашнена. Кочевники коневоды лишь время от времени отлавливают лошадей, чтобы их есть, доить (что несомненно научились делать позже, чем употреблять конину в пищу) или использовать для езды, для чего требуется сначала объездить лошадь и её приручить. И это, несомненно, стали делать позднее, чем есть и доить. Другие типично кочевые животные — верблюд и северный олень, но и такие одомашненные в других местах животные как буйволы или овцы тоже могут служить объектами скотоводства. Скотоводство, требовавшее кочёвок за переходящим от одного съеденного скотом пастбища к нетронутому другому, не позволяло заниматься ни земледелием, ни даже специализированным собирательством растительной пищи и, поэтому, могло сосуществовать только с развитым земледелием, при котором кочевники могли выменивать свои мясные и молочные продукты на растительное продовольствие земледельцев. Единственное исключение — северные оленеводы, вытесненные в холодную тундру более социально развитыми соседями и вынужденные бороться за выживание всеми доступными средствами. Иногда, когда у успешных земледельцев-животноводов разводится много скота, то они отправляют своих пастухов со стадами в степь. Так возникает отгонное полукочевое скотоводство, которое использовало, например, неолитическое население долины Нила. Вскоре и некоторые соседние неродственные племена заимствуют разведение скота и кочевой образ жизни. Во всяком случае, скотоводство возникает позже земледелия. Первые племена, специализирующиеся на выпасе скота появляются лишь в 4 тыс. до н.э. в Северной Африке и в 3 тыс. до н.э. на Евразийском континенте, преимущественно на Ближнем Востоке (4, с. 250, 259–260; 202, с. 272).

Однако важнейшим эпохальным изобретением человечества стало именно земледелие, которое в отличие от собирательства обычно давало возможность делать запасы продовольствия на длительный период, избавляя от периодического голода. В результате чего значительно сократилась детская смертность, увеличилась средняя продолжительность жизни неолитических людей и резко возросла общая численность человечества [4, с. 210–211, 221].

Неолит как новый каменный век первоначально характеризовался новой, более усовершенствованной техникой обработки камня. Во-первых стали применять отжимную ретушь, позволяющую делать более острые орудия, чем раньше. Во-вторых, широко распространилась появившаяся ещё в мезолите шлифовка (которую ранее считали наиболее характерной чертой неолита) и даже полировка. Люди научились пилить и сверлить камень. Отдельные племена, на территории которых залегал твёрдый камень: обсидиан, нефрит, начали изготавливать каменные орудия, особенно требующиеся для расчистки лесов (для полей) топоры и тёсла, иногда образуя целые «мастерские». Земледелие принесло и новые орудия: ручные рала (вместо палок-копалок), сделанные

из палки с заострённым сучком, мотыги с прилаженными к палкам-копалкам поперечными тёслами, серпы, переделанные из жатвенных ножей. К ручным зернотёркам прибавились ступки с пестами. Появились даже печи для сушки зерна, принадлежащие всей общине [4, с. 214–215; 76, с. 77].

В эпоху неолита охота (особенно там, где обработка полей ещё не давала высоких урожаев) ещё сохраняла значение. Совершенствовалась и её техника. Широкое распространение в охоте получили разного рода ловушки: капканы, силки, в рыболовстве: гарпуны, удочки с крючками, сети. Развивался транспорт. Повсеместно (по берегам) использовали лодки-долбленки. На суше применяли разного рода волокуши, сани и лыжи. Есть предположение, что было изобретено колесо [76, с. 79].

Уже специализированное собирательство потребовало сезонной оседлости. Земледелие усилило в ней потребность. Теперь жилища стали более основательными. Шалаши заменялись на землянки и полуземлянки, затем на прочные наземные жилища.

Одежда продолжала варьировать от набедренных повязок (в жарком поясе) до меховых комбинезонов (на крайнем севере), а в связи с изготовлением одежды началось прядение растительных волокон (позднее шерсти) и ткачество, о чём свидетельствуют находки пряслиц, веретён и даже примитивных вертикальных ткацких станков. Начинается специализация ремёсел: строительства, обработки дерева, ткачества, гончарства [4, с. 215–216; 76, с. 79–83].

Выкапывание съедобных растений привело, по мнению Б.В. Андрианова, к использованию глины. Очевидно, обмазывание глиной корзин, циновок или сеток (о чём говорят встречающиеся на керамике отпечатки, возможно, перешедшие потом в орнаменты) с последующим высыханием глины и, скорее всего, первоначально случайным обжигом ещё в мезолите привело к изготовлению керамики. Поскольку приготовлением пищи и изготовлением корзин и сумок для припасов занимались женщины, то очевидно они и были первыми изготовителями керамики. Первое время её делали методом налёпа, позднее спирально-жгутовым методом. Сначала керамику изготавливали только от руки, но вскоре был изобретен ручной гончарный круг [4, с. 216–217; 76, с. 83].

На Ближнем и Среднем Востоке в некоторых поселениях конца 7 — начала 6 тысячелетия до н.э. появляется уже не местная керамика, что говорит о регулярном обмене [202, с. 259]. Дело в том, что разница в природных условиях, в формах хозяйства и отчасти в традициях способствовала определённой, ещё временной, специализации людей разного пола и возраста, а также различных общин, родов и племён, что в свою очередь вело к более регулярному обмену между племенами. У социально отсталых неолитических племён, с которыми европейцы впервые познакомились в XV–XVIII веках, начинают появляться всеобщие товарные эквиваленты, на которые можно обменивать любые товары. В их роли выступают красивые раковины, перья. В конце 6 тысячелетия до н.э. на Ближнем Востоке устанавливается уже регулярный обмен минералами, металлами, зерном, тканями. В конце 6 — начале

3 тысячелетия до н.э. там впервые появляются товарные эквиваленты [4, с. 217–220; 76, с. 75; 202, с. 262–263]. Первым такого рода постоянным, не выходящим из употребления товаром становится удобный в обращении металл и, прежде всего, серебро, которое выступает уже в роли денег. Первоначальные деньги представляют собой куски серебра или простые изделия (например, ожерелья, браслеты, кольца) определенного веса, который приравнивается к стоимости ряда товаров. Таким образом обмен превращается в торговлю, но торговля уже выходит за рамки неолита в век металлов (первоначальная стадия которого получила название «энеолита» — меднокаменного века, по первому металлу, который научились выплавлять) и связана уже не с первобытно-общинными, а с классовыми и кастовыми отношениями.

Первоначальное неразвитое земледелие быстро истощало почву, поэтому господствовал перелог, т.е. периодическая смена обрабатываемых участков. У ранних земледельцев преобладало подсечно-огневое хозяйство, при котором вырубался, корчевался, сжигался и раскапывался участок леса. Несколько лет его засаживали или засевали, а по мере истощения почвы забрасывали на много лет до естественного восстановления почвенного слоя. Периодически меняя участки, лет через двадцать можно было возвратиться к первоначальному полю. В других регионах (прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке), там, где текли большие реки, оставляющие после разлива на берегу влагу и плодородный ил, уже в 5–4 тысячелетиях до н.э. возникли ирригационные системы с отводными каналами и запорными плотинами. В болотистой местности (как, например, на Новой Гвинее) мелиорацию осуществляли с помощью дренажа [202, с. 215, 248–249].

Начало изменения общественных отношений

Неразвитое земледелие при обработке земли требовало больших физических усилий. Особенно это относилось к расчистке, выжиганию и корчевке участков лесов (которые в эпоху неолита покрывали значительно большую территорию земли), для чего совершенно необходим был мужской труд. На территории, находящейся в собственности племени, появлялись поля, которыми владели целые роды или группы родственников, состоящие из одной большой в 3–4 поколения семьи (иногда в 200–300 человек) или нескольких больших семей, обычно составлявших поселок, поскольку любой участок земли (также как и некоторое бытовое имущество, которым, в отличие от личного, пользовались разные люди) рассматривался как родовое владение. Если у охотников и собирателей кочевая община состояла из нескольких малых семей, находящихся в разной степени родства, то земледельческая община состояла теперь из членов одного рода, потому что примитивный инвентарь (орудия труда) и примитивная агротехника требовали усилий всей родовой общины (рода или его части), а сама земля, согласно первобытным отношениям, требовала родовой принадлежности. Обработка поля начиналась с того,

что все мужчины палками-копалками вырывали глыбы земли. Затем женщины лопатками разбивали их на куски. Завершали работу дети, растирая землю руками [4, с. 291; 77, с. 71; 237, с. 394–395].

По мере того, как копалку сменила мотыга, а затем ручное рало, которое тащило несколько человек и, наконец, тяжёлые сохи и плуги, которые влекли домашние животные: быки, ослы, лошади, а землю научились поливать и удобрять, отдельные участки земли на полях, принадлежащих родовым общинам, стали закрепляться за большими семьями (носящими на разных языках названия: «патронимия», «матронимия», «линидж», «задруга»), состоящими из родственников 3–4 поколений, ведущими совместное хозяйство и, нередко, живущими в общем доме, и эти участки стали передаваться по наследству. В таком случае урожай (за вычетом части продуктов в общинный фонд) считался принадлежащим большесемейной группе. Скот и орудия обработки земли считались собственностью всей родовой группы, хотя, решающее слово при распоряжении ими принадлежало главе группы. Утварь, оружие, одежда и т.п. находились в личной собственности. Поскольку мужчины и женщины принадлежали к разным родам, то одни вещи (например, тяжелые орудия обработки земли и оружие принадлежали мужчинам, а кухонная утварь — женщинам, однако семейный дом находился в общей собственности. Иногда не земля, а лишь то, что росло на земле (например, кокосовая пальма), считалось собственностью того, кто его посадил, и урожай также принадлежал его собственникам. Например, у папуасов плодовые деревья принадлежат посадившим их мужчинам, а огородные культуры посадившим их женщинам. Сама земля могла принадлежать как мужчинам, если поселение было патрилокальным (в месте, занимаемом родом, с женами из разных других родов), так и женщинам, если поселение было матрилокальным. Собственником всей обрабатываемой земли была община, и она могла отобрать участок у большой семьи и заменить его другим, а в случае изобилия у одних групп и недостатка у других могла заняться перераспределением урожая между всеми семьями, входящими в общину. По этой причине и распределение оставалось уравнилельным, хотя более удачливые (лучшая земля, больше скота), более сильные, трудолюбивые или опытные семьи имели немного более продовольствия, чем другие. Что же касается угодий, то они всегда находились в собственности общины, а, иногда, даже фратрии или всего племени [4, с. 219–223, 249, 295; 76, с. 77]. В общине всегда сохранялась взаимопомощь как норма отношений.

Усилилось разделение людей по возрасту, фактически превращаясь в возрастные классы, состоящие из детей, подростков, проходящих инициации юношей и девушек, молодых мужчин, женщин (с детьми), «зрелых людей» и стариков и старух, приблизительно старше пятидесяти, и именно старики решали дела общины [4, с. 223] в то время как молодые обычно слушали и одобряли, лишь изредка высказывая свое мнение и участвуя в решении общих проблем. Возросло значение и разницы в поселении. Теперь в специальных домах жили не только подготавливаемые к инициациям юноши и девушки, но появились мужские

и женские дома со своими верованиями, преданиями, секретами и даже специальными «языками», включающими ряд слов непонятных людям другого пола.

Семья в неолитическую эпоху продолжала оставаться преимущественно парной. Однако, если земля принадлежала мужчине, то в семье могла быть полигиния (многоженство), если женщине — полиандрия. До брака разрешалась свобода половых сношений, при которой обнаруживалась способность девушки к деторождению, в семье же свобода допускалась в определенных пределах, причём большей свободой пользовался глава семейства из патрилокального или матрилокального рода владельца земли. Брак рассматривался как дело двух родов, в которые входили жених и невеста, поэтому перед браком необходим был сговор представителей обоих родов, в котором непременно участвовали главы рода или больших семей. Иногда старики (и мужчины и женщины) договаривались о браке не только взрослых, но и детей, и даже о браке между ещё не родившимися. Между будущими свояками происходил дарообмен, закрепляющий сделку. За уходящую в род мужа жену необходимо было внести в род возмещение. Сначала это были отработки жениха на поле рода жены, позднее — выкуп. Иногда, чтобы заполучить желаемую невесту или, чтобы избежать выкупа, жених её тайно или фиктивно (по сговору родов) похищал. Бывало, что род невесты похищал жениха (обычно, если поле принадлежало роду невесты). Поселение молодых было патрилокальным или матрилокальным в зависимости от традиционного счета родства [4, с. 224].

Увеличение населения, производства продуктов питания и вещей благодаря земледелию, животноводству и начинающейся специализации способствовало расширению обмена и связей между родами и племенами, что в свою очередь вело к установлению более тесных и дружественных отношений. Теперь меньше стало конфликтов с более знакомыми соседями из-за подозрений в колдовстве, хотя и возникали столкновения в результате соперничества в любви, неудовлетворенностью дарообменом. Гостеприимство, побратимство и даже адопция (принятие в род или семью) стали нормой жизни. Нередко группы из разных родов селились рядом, обрабатывали одно поле и составляли одну общину. Участились браки между членами разных племен. Тем не менее структура племени, состоявшего из двух фратрий, включающих несколько родов, сохранялась. Внутрисемейные дела решались собранием всех взрослых членов большой семьи, однако, проблемы, выходящие за рамки домохозяйства, решались преимущественно мужчинами, внутрихозяйственные проблемы — преимущественно женщинами, и, как правило, авторитет стариков и главы большой семьи имели решающее значение, так что многие вопросы решались стариками с молчаливого участия остальных. Род разбирал проступки членов рода, мог усыновить человека из другого рода или племени, должен был хоронить своих покойников на родовом кладбище, защищать своих, мстить за убийство члена рода (хотя уже появилась возможность прекращения кровной мести через откуп, путем дарения). Главы больших семей входили в совет

рода, который выбирал главу и решал внутриродовые вопросы. Каждый род имел свои традиции, некоторые религиозные культы, представления о внешнем мире. Главы родов входили в совет фратрии, которая самостоятельно проводила инициации, обладая своими посвятельными и религиозными обрядами. Главы родов и фратрий составляли теперь совет племени. На совете племени, а по мере необходимости и на общем собрании всех взрослых, избирался глава племени, решались проблемы отношений между племенами, включая совместные межплеменные хозяйственные предприятия, вопросы обмена, проступков членов племени в отношениях с представителями других племён, проблемы межплеменных конфликтов [4, с. 232–238]. Глава племени обладал наибольшим авторитетом и часто представлял наиболее многочисленный род и самую большую семью или избирался за личные заслуги перед соплеменниками. Помимо глав родов и племён значительным авторитетом пользовались также колдуны, руководящие теперь значительно усложнившимися религиозными церемониями.

Другим моментом, усиливающим престиж старейшин (больших семей, общин, родов и племён), явилось их отношение к общественной собственности. Дело в том, что земледелие, животноводство и скотоводство позволяли теперь создавать запасы продовольствия и вещей, и глава семьи, рода или племени превращался фактически во владельца запасов, нередко используя их по своему усмотрению без совета с другими, выдавая продукты живущим впроголодь, выделяя их на пиры, на обмен, встречу послов и гостей, наделяя подарками нуждающихся или нужных людей. В результате старейшины накапливают вещей больше, чем рядовые соплеменники. Например, в погребениях старых мужчин чаще встречаются ценные (редкие и престижные) вещи. Опыт хорошо руководивших своим сообществом старост легче передавался их сыновьям или племянникам (со стороны сестры), которых теперь стали нередко выбирать [4, с. 220, 235–236; 76, с. 77] вместо умерших или отошедших от дел отцов и воспитателей. Таким образом наметилась тенденция к наследственной передаче власти. Однако власть старейшин вскоре стала уступать место власти новых глав более крупных общественных структур, власти вождей (но об этом ниже).

Столкновения между племенами усиливаются. Очевидно, чтобы уберечься от нападений и грабежа, отдельные поселения окружаются укреплениями, появляется небольшое количество топоров, которые судя по форме можно считать боевыми [76, с. 78].

Духовная культура людей эпохи неолита

Несомненно, что для перехода к земледелию и скотоводству потребовалось расширение кругозора первобытного человека, сопровождающееся развитием его умственных и физических способностей. Теперь же благодаря земледелию в эпоху неолита знания людей об окружающем мире и возможности его познания значительно расширились. В связи

с необходимостью вовремя сеять, сажать и убирать урожай развивалось представление о времени. Если ранее в жизни человека практически существовало чёткое представление о настоящем и основанное на традиции и мало осознанное представление о прошлом, то земледельцам приходилось думать и о будущем. Теперь не только следили за явлениями, предвещающими благоприятную и неблагоприятную погоду, но стали сопоставлять сроки проведения земледельческих работ (подготовка земли, сев, орошение, выгон скота) с небесными явлениями: высотой солнцестояния, фазами луны, появлением в определенном участке неба звезд и планет, что привело к представлениям о периодах времени, прежде всего, о сезонах. Развивалось представление о расстояниях, не только измеряемых в днях пути в связи с обменом и прочими связями с соседями, но и в результате необходимости измерения земли во время расчистки леса под поля достаточного размера, раздела их на участки для отдельных семей и т.п., что способствовало также появлению начатков геометрии, которая была необходима также при постройке домов, рытье арыков. Расширились знания арифметики главным образом благодаря обмену. Теперь уже появлялись более абстрактные представления о числах, когда вещи, приготовленные на обмен или в качестве подарков, стали сопоставлять со связками веточек или соломы, нитками раковин, кучками камней. Определенной формы предметы стали обозначать определенное число вещей. Например, латинское *calculo* (считаю) происходит от слова *calculus* — камешек, потому что первоначально римляне использовали камешки для счета [4, с. 239–240, 299; 77, с. 84].

Развивался транспорт. Помимо долблёных лодок появились плоты и катамараны. С одомашниванием быков и лошадей волокуши приобрели колеса. Длительные путешествия потребовали географических и астрономических знаний [4, с. 300; 76, с. 79].

Увеличились медицинские знания о разного рода боли (стреляющей, колющей, режущей) и заболеваниях. Шире стала применяться хирургия. Расширились знания о целебных растениях и целебных средствах животного происхождения [4, с. 300].

Продолжали развиваться начатки письменности. Теперь к записям событий прибавилась передача текущей информации. Например, у индейского племени делаваров было хорошо развито пиктографическое письмо. Сохранилось их изложение истории своего племени «Валам Олум» («Красная запись») — надпись красной краской на древесной коре состоящая из 184 знаков, где каждый значок передает определённое событие или другую законченную мысль. Валам Олум отражает историю делаваров, начиная с мифического сотворения мира и мифической борьбы за жизнь людей. Она рассказывает об ознакомлении с выращиванием кукурузы, о войнах с другими племенами и кончается рассказом о приходе белых в страну делаваров. Каждая отдельная сценка в Валам Олум изображена пиктограммами, означающими отдельные фразы. Пиктографические записи знали также индейцы племени оджибве и группы племён дакота. Несомненно, что пиктографические тексты способствовали главным образом запоминанию той информации, кото-

рая передавалась устно при обучении пиктографическому письму. Для неолита характерна также стилизация петроглифов, где в кругах, спиралях, свастиках, крестах или полумесяцах [4, с. 240–241; 21, с. 221; 76, с. 84; 246, с. 51] распознать изображаемые предметы могли лишь посвящённые.

Некоторые из стилизованных петроглифов переключались на неолитическую керамику, которую стали украшать орнаментами с эстетическими и магическими целями (как оберег от злых духов). Орнамент наносился гребнем или сеточкой как штамп, иногда острой палочкой как рисунок. Применялась и цветная роспись минеральными и растительными красителями. Наряду со стилизацией пластических изображений лепные скульптурки, резные изделия из дерева, кости и других материалов достигают большей художественной ценности. В одежде и покрывалах часто применялась вышивка и аппликации [4, с. 241–242].

Развивалась музыка. Большое значение в песнях и музыке отдавалось ритмам. Широко использовались барабаны, флейты Пана, различные струнные инструменты с резонаторами. Появились новые танцы, связанные с земледелием, например, «бесстыдные танцы», изображающие оплодотворение земли. Произошло большее разделение на мужские и женские песни и танцы. Так, например, у ирокезского племени сенека отмечено более 30 основных танцев. Из них 11 мужских, 7 женских, 14 общих, 6 исполняемых в масках и т.д. В обрядах использовались театрализованные представления, сопровождаемые и музыкой, и песнями, и танцами [4, с. 242–243].

Религия людей эпохи неолита отражала их повседневную жизнь и их мировоззрение, в котором реальные представления мешались с фантастическими. Продолжалась антропоморфизация природы. Например, в одном из папуасских мифов солнце и месяц изображаются мужчинами. Наоборот, плодородная земля у многих земледельческих народов представляется женщиной. Увеличилось количество этиологических мифов, объясняющих, как и прежде, многие непонятные явления, культурные достижения и реальные события прошлого (например, происхождение звёзд из попавших на небо женщин) чаще всего деятельностью культурных героев, полулюдей-полутотемов, обладающих человеческими и сверхъестественными качествами. Например, в папуасских мифах такого рода существа — «демы» создают людей из бамбука. В другом мифе культурный герой создаёт моря и рыб, третий — острова. Ряд мифов рассказывает о сотворении или чудесном возникновении животных и растений. У папуасов, также как и у многих других народов, есть мифы о передаче людям огня культурными героями и, конечно, полезных знаний и навыков: хороших лодок, оружия. Однако новым моментом является то, что с началом земледелия в мифах отражаются и земледельческие работы. В связи с сезонными посевами и сбором урожая зарождается представление об умирающих и воскрешающих духах плодородия. Например, ирокезы почитали трёх сестёр-духов маиса, тыквы и бобов. Зависимость урожая от солнечного света и тепла приводит к почитанию солнца, а его видимое «путешествие по небу» и «опускание

под землю» наводит на мысль о пребывании солнца в подземном мире. Теперь появляется и представление об отдаленной стране мёртвых, которая располагается ещё в неопределённом месте: на земле, на небе или под землей. В стране мёртвых живут духи умерших, которые могут помогать или вредить живым. Умершие предки обычно представляются покровителями и помощниками, враги — злыми духами, покойные женщины — часто хозяйки, хранительницы дома и очага, духи плодородия [4, с. 244–246, 303–304; 21, с. 214; 137, с. 54–65; 168, с. 69; 214, с. 49–51, 55–75, 80–88]. Очень частыми становятся скульптурки женщин с подчёркнутыми половыми признаками и редко — мужчин с гениталиями. Усиливается представление о покровителях плодородия.

Начало социального расслоения

Расширение мировоззрения и увеличение знаний в свою очередь способствовало развитию материальной культуры и, прежде всего, культуры земледелия, а повышение культуры земледелия способствовало накоплению продовольственных запасов, хранимых до следующего урожая. Распоряжались ими главы больших семей, старейшины общин, главы родов и племен. Эти люди, наделявшие нуждающихся и одаривавшие гостей и друзей, при успешном руководстве приобретали большой престиж. Их сыновья и племянники получали опыт руководства, и в неолитическом роде при материнском счете родства «выбор, производившийся свободным голосованием взрослых мужчин и женщин, обычно падал на брата умершего» старейшины или на одного из сыновей его сестры. Власть приобрела тенденцию становиться наследственной. Осуществляя обмен между племенами, раздавая подарки, главы семей, родов и племён также получали в ответ дары, часто большей ценности. Постепенно они становились «большими людьми» авторитетными, материально обеспеченными, порой имеющими 2–3 жен. Хозяйство этих людей превращалось в «престижную экономику». С другой стороны, неравномерность качества земельных участков, разный трудовой вклад и многие другие факторы способствовали возникновению имущественной дифференциации семей внутри общины. По этой причине благополучные семьи стремились закрепить за собой хорошую землю и большее количество, чем у других, скота, вещей и продовольствия. Для того чтобы легче было управлять стадами и чтобы они не выедали всю растительность и не вытаптывали землю, скотоводы вынуждены были разбивать родовые стада и закреплять их за большими семьями [202, с. 284–285]. «Большие люди» у скотоводов обычно распоряжались пастбищами, водёями, руководили перекочёвками [4, с. 219–220, 235–236, 265; 139, с. 520; 141, с. 44; 202, с. 284–289; 238, с. 446].

Всё это могло бы привести к имущественному и социальному расслоению, если бы не отношения, свойственные присваивающему хозяйству, требующие взаимозащиты и взаимопомощи, социального и имущественного равенства внутри общины, рода и племени. Эти отно-

шения не позволяли семье выйти из общины, обязывали отдавать часть урожая в общий фонд, требовали защищать и заботиться о родственниках — членах своего рода, делиться скотом и прочим имуществом. У некоторых оленеводов Сибири, если отдельные семьи имели более 100 голов оленей, то излишки у них отбирали; живущие в Родезии бемба очень удачливого земледельца или бортника рассматривали как опасного колдуна; а папуасы даже заставили родственников убить одного разбогатевшего человека [4, с. 263–264]. Иногда отдельные семьи осваивали свободные земли за пределами общины [4, с. 265], но они не могли отколоться от рода, фратрии, племени. Для дальнейшего развития хозяйства, совершенствования общественной структуры и даже духовной культуры требовались другие отношения более подходящие для развивающегося аграрного общества.

ЧАСТЬ II

АГРАРНОЕ ОБЩЕСТВО

Глава 1

ЗАВЕРШАЮЩАЯ СТАДИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пути трансформации первобытного общества в аграрное

И новые отношения возникли внутри аграрного общества. Они были связаны прежде всего с возможностями развитого нового аграрного способа производства, дающего запасы продовольствия и новые возможности изготовления вещей. Хотя в обществах с примитивным ручным земледелием социальное развитие шло медленно, но и там происходил социально-экономический прогресс, ведущий к образованию сначала племенных союзов, а затем и протогосударств. В находившейся на этой стадии развития Меланезии уже были довольно развиты ремёсла, и, хотя профессиональных ремесленников ещё не было, уже наметилось разделение труда между общинами, связанное с разницей природных условий и различием в формах хозяйства. К тому же, отдельные семьи по традиции значительную часть времени занимались каким-то определённым ремеслом: строительством домов, изготовлением лодок, плетением циновок и другими ремёслами. Значительное увеличение видов производства привело к регулярности и возрастанию масштабов обмена, что, в свою очередь, вызвало стремление к его эквивалентности. В качестве такого рода эквивалентов в Меланезии стали использоваться наиболее ходовые предметы обмена. В этом качестве нашли применение собачьи зубы, перья попугаев и голубей, большие браслеты, но, особенно, циновки и раковины. Использовались раковины разных моллюсков, но чаще всего — мелкие. Их было удобнее нанизывать на шнурки. Теперь снизками раковин расплачивались, и каждый товар стоил снизку определённой длины [4, с. 287; 238, с. 442–444]. Появление такого рода всеобщих эквивалентов обмена (или денег) и связанной с ними торговли (в которую вылился обмен) вело к образованию богатств и имущественной дифференциации общества, но её было недостаточно для того, чтобы произошла социальная дифференциация и возникли новые социальные отношения.

Одним из путей трансформации первобытного общества в аграрное стала деятельность такого института первобытного общества как мужские союзы. Ещё у охотников и собирателей для мальчиков и девочек, подготавливаемых для обрядов инициаций, строились специальные дома, где старики сообщали им родовые предания и совершали специфические

обряды, которые держались в секрете от непосвящённых. Эти дома были мужскими и женскими. Особенно много тайн сохранялось в мужских домах. Например, распространялся слух о страшном духе-убийце, поедающем мальчиков во время посвящения в мужчины. Уверяли, что после ритуального поглощения мальчики воскресают мужчинами, но злой дух — смертельно опасен для детей и женщин. Впоследствии мужские и женские дома стали местами проведения специфических мужских и женских обрядов и для взрослых, и, поскольку обряды оставались тайнами для непосвященных, посещающие их люди фактически создавали тайные союзы. Особенно большое значение приобрели тайные мужские союзы в период разложения родового строя, действовавшие повсеместно. Известно, что они были у индейцев оджибве, у африканских йоруба, у древних греков, римлян, китайцев, германцев, народов Центральной Азии и т.д. [4, с. 274–275; 238, с. 451].

Члены тайных мужских союзов как всякие мужчины и раньше принимали участие в межплеменных конфликтах, иногда оканчивающихся смертью одного или нескольких человек. Случалось, что «мстители», например, за предполагаемое вредоносное колдовство, устраивали набег на стоянку «врагов» и убивали много невинных людей. Однако, как правило, воины не возвращались с трофеями, да и отнять у охотников и собирателей было нечего, поскольку всё продовольствие быстро поедалось, а личного имущества почти не было. С развитием же земледелия стали возникать запасы продовольствия, сырья, приготовленного на обмен (твёрдый камень, красители, раковины, шкуры, шерсть, растительная пряжа), появилось искусно изготовленное оружие и украшения и многие другие полезные и красивые предметы. Теперь можно было возвратиться из военного похода с ценными трофеями, которым могли позавидовать другие мужчины, не участвовавшие в походе [168, с. 70; 235, с. 192]. Всё чаще и чаще начали собираться дружины молодых воинов, которые под руководством избранных вождей стали совершать набеги на соседние племена с целью грабежа. Свое разбойничье ремесло они окружали тайной, старательно распространяя преувеличенные слухи о своих военных успехах и своих выдающихся воинских доблестях, запугивая соседей и требуя у соплеменников привилегий. Действительно, рядовые общинники, занимающиеся повседневным трудом и не принимающие участия в грабительских набегах молодёжных дружин, под угрозой нападения со стороны дружинников вынуждены были подтверждать, что вожди и их сподвижники обладают сверхъестественными способностями, и даже в эти сверхспособности верить.

Однако перманентные набеги дружин одних племён на другие так и остались бы набегами, если бы грабители не догадались, что гораздо важнее, чем захватывать вещи, захватить главное средство производства аграрного общества — землю. Присвоив себе часть земли ограбленных иноплеменников, грабители превращались в завоевателей. Теперь они могли оставшихся без земли заставить работать на присвоенных себе участках отнятой у завоёванных земли, ежегодно отбирая у них весь урожай (если у них оставалась часть земли на прокорм) или деля с ними

урожай (если земля покорённых иноплеменников, присвоенная завоевателями, отдавалась в распоряжение завоёванным), а для того чтобы заставить работать на завоевателя, можно стало и самого завоёванного подобно захваченной вещи превратить в собственность завоевателя.

Примером возникновения и развития институтов вождей и дружин может служить Меланезия, где европейцы впервые познакомились с верой в сверхъестественную силу под названием «мана». Впоследствии выяснилось, что не только меланезийцы, но все народы, достигшие стадии развития, на которой выделились вожди, имели может быть не столь яркие, но сходные представления. Например, индейцы центральной части Северной Америки верили в разлитую по всем природным предметам сверхъестественную силу, носящую у разных групп племён разные названия. Меланезийские вожди и их дружины старательно распространяли слухи о том, что они обладают сверхъестественной силой «мана», которая и сопутствует им в военных успехах. Вскоре и они сами и все остальные меланезийцы уверовали, что удача вообще невозможна без помощи маны. Не только военный, но всякий заметный успех: богатство, хороший урожай, плодovitость свиней, быстроходность лодки и т.п., — всё объяснялось наличием у хозяина палицы, поля, скота, дома, лодки и т.п. чудодейственной маны. Чем успешнее действует человек, тем сильнее его мана, и, конечно, сильнее всего она у старейшины или вождя. Даже сама их власть указывает на их ману. Мана может быть настолько мощна, что становится опасной для тех у кого нет или мало маны. Опасна же она потому, что она может оказать вредоносное воздействие, и эта ее способность по полинезийски называется «табу». Чем мощнее мана, тем сильнее её табу, и если, например, человек без маны или со слабой маной, соприкоснется с сильной маной её обладателя: человека, культурного героя или предмета, он может не только пострадать, но и погибнуть от её «табу». Постепенно представление о мане расширилось, и мана стала рассматриваться как сверхъестественная сила разлитая в мире и присущая в разной степени и людям, и природным объектам, и вещам. Вожди, дружинники и старейшины очень хорошо научились использовать веру в ману с присущей ей табу в свою пользу [1, с. 259; 4, с. 246; 118, с. 391; 146, с. 623; 148, с. 108–109; 238, с. 463–464; 243, с. 633], приписывая себе возбуждающие страх сверхъестественные способности и присваивая участки земли и понравившиеся вещи.

Понимание психологии древних людей для современного человека представляет значительную сложность. Не избежал этой участи и автор, попав под влияние чужого авторитета и неправоммерно сопоставив табу с понятием греха. Ещё хуже поступили редакторы при перепечатке его статьи, изъав из неё саму социологическую характеристику табу как средства узаконивания власти и богатства, способствовавшего социально-классовой дифференциации в раннеклассовых обществах, но оставив последующее ошибочное даже в научной литературе толкование табу как категорического запрета [см. 121; 145], хотя табу лишь сила, от которой древние люди стремились «оградиться путём запрета» [243, с. 623].

На второй стадии неолитической революции военные набеги на соседние племена стали нормой жизни для развитых земледельческих и скотоводческих племен. Л.Г. Морган применил для этой эпохи термин «военная демократия», широко принятый в отечественной обществоведческой литературе. С одной стороны, в начале этого периода родовые отношения препятствовали установлению личной власти, и ещё сохранялся такой демократический институт как собрание племени, в котором участвовали все взрослые мужчины и женщины, выбиравшие старейшин, или состоящий из старейшин совет племени, на котором имел право высказаться каждый взрослый, и даже в некоторых племенных союзах, которые ещё не вошли в эпоху перманентных войн, глав родов ещё выбирали или утверждали все взрослые члены рода. Особенно это относилось к племенам, вынужденным держать оборону от набегов. Однако по мере усиления военных действий авторитет и власть вождей становились более значительными, чем авторитет и власть старейшин: глав общин, родов и племен. Даже в тех обществах, где институт вождей был слабо развит, «вожди, возведённые в эту должность за личную храбрость, мудрость или красноречие в совете, составляли обыкновенно по своему положению высший класс» [168, с. 43]. Демократия всё больше и больше сокращалась в пользу власти глав родов, племён и военных вождей. Их положение ещё более возвысилось, когда их успехи стали приписываться якобы присущей им сверхъестественной силе. Теперь «отряды добровольцев» под руководством избранного ими вождя, не спрашивая разрешения у совета старейшин, обычно незаметно ночью внезапно нападали на «вражеские» селения [168, с. 44, 70, 86; 238, с. 456] и «производили страшные опустошения незначительными отрядами», когда они «предпринимали походы в отдалённые местности» [168, с. 70].

Теперь земледельческие общины составляли отдельные посёлки. Случалось, что в посёлок приходили большие семьи (изгнанные врагами со своей территории; истощившие землю; потерявшие возможность охотиться из-за того, что промысловые звери ушли далеко в поисках пищи), принадлежащие к другому роду, и их с течением времени начинали считать родственниками. Случалось, что и отдельных людей принимали в род путем адопции. Отдаленность походов была вызвана тем, что члены рода рассматривались как члены фратрии и братья, то есть как реальные ближайшие родственники, а члены племени из другой фратрии как двоюродные братья и сестры, поэтому нанести вред соплеменнику считалось тяжким проступком. Наоборот, взаимопомощь и защита членов рода считались не только нормой, но и обязанностью [101, с. 232; 168, с. 46–47, 56] и в эпоху неолитического земледелия.

Соседние же племена иногда рассматривались неолитическими людьми как дружественные (если имели единое происхождение или длительные связи по обмену, совместным экспедициям, случайному браку), но чаще — как враждебные из опасения вредоносного колдовства, неожиданного вторжения и просто из-за страха перед неизвестным. В силу этих обстоятельств напасть на недружественного соседа теперь

считалось доблестью. Более того, теперь для того, чтобы перейти из юношеского состояния во взрослое, стало нужно не только пройти обряд инициаций, но и проявить свою храбрость на войне. Во многих случаях для посвящения требовалось в доказательство храбрости возвратиться из набега с головой «врага». И, если с соседом из родственного племени можно было договориться на том же языке и поддерживать с ним взаимовыгодные связи, то неродственные племена теперь считались просто врагами, и с ними велись ожесточенные войны [168, с. 48, 65; 222, с. 349, 364; 238, с. 456].

В такой обстановке потребовалось более тесное объединение не только внутри племени, но и ряда племен, как для обороны от набегов, так и для успешного нападения на защищающегося «врага». Иногда высказываются мнения, что создание союзов племён требует необходимость осуществления совместных действий: ирригации для окультуривания возделываемых земель, создания мегалитических построек, обмена продуктами производства и т.п. [4, с. 298], что вызывает большие сомнения. Крупные ирригационные работы нельзя осуществить силами союза 2–6 племен, а факты говорят о проведении таких работ лишь в крупных государствах. Мегалитические постройки также под силу большому количеству людей. Над гигантскими пирамидами Египта, население которого составляло несколько миллионов, постоянно, на протяжении почти всего правления царя трудились десятки тысяч людей. Циклопические крепости инков тоже строили десятки тысяч людей, также живших в многомиллионном государстве. Пока же, в позднем неолите даже в огромных поселениях, насчитывающих несколько тысяч человек, сооружались лишь небольшие укрепления из частокола, земли, каменных блоков, или высокие башни, внутри которых могла укрыться главным образом лишь верхушка и часть вооружённого населения [76, с. 83; 233]. Что же касается обмена, то он успешно вёлся ещё в палеолите. Именно в результате оборонительно-наступательных объединений возникли союзы родственных неолитических племен, в результате завоеваний — протогосударственные общества. И, если ранее в советской исторической науке предпочитали утверждать, что государство вырастает из социальной дифференциации внутри племени, теперь становится ясно, что государство возникает лишь после войны в результате подчинения одного племени другому [303, с. 30]. И среди завоевателей, как и среди завоёванных, началась вертикальная социальная стратификация на касты и классы.

Ранние союзы племен

Социальная стратификация явилась результатом двух взаимосвязанных процессов. Внутри племени и даже внутри рода развивался процесс имущественной дифференциации. Помимо старейшин и вождей главы больших семей, распоряжавшиеся семейным имуществом, также сосредоточивали в своих руках определённые ценности. Разный размер

семей, неодинаковые природные условия большесемейных участков, возможность освоения дополнительных полей, расчищенных и распаханных силами семьи, и, особенно, приобретения в результате ограбления соседей приводили к имущественной дифференциации больших семей. И в обществе, переходном от первобытного к раннегосударственному, как, например, в Меланезии или Полинезии, ещё до момента европейского завоевания начала возникать своя богатая и влиятельная родовая аристократия, состоящая из племенных и родовых старейшин, военных вождей и глав больших семей, среди которых уже выделялась одна, чаще несколько, привилегированных семей, претендующих на главенство. Эти семьи для оправдания своих прав на замещение руководящих должностей в племени разрабатывали многопоколенные генеалогии, призванные подтвердить обоснованность их притязаний [238, с. 447; 242, с. 609].

Одновременно социальная дифференциация происходила и за пределами племени, внутри союза племён. Даже в том случае, когда союз создавался добровольно и из родственных племён (по-видимому, некогда отделившихся от одного племени, сохранивших языковую близость и мирные отношения) социальное равенство продолжало нарушаться. Например, в союзе ирокезов три племени: могауки, онондага и сенека считались по отношению друг к другу братьями, но отцами для онейда и кайюга. То же относилось и к главам этих племен. Позднее в союз было принято шестое племя тускарора, и их сахемам (старейшинам) было разрешено заседать в общем совете, но, «строго говоря, сахемы тускарора не входили в состав правящей группы» [141, с. 75]. Когда же племя эри отказалось войти в ирокезский союз, то оно было изгнано с занимаемой им территории. Ряд других, неродственных племен был просто завоеван ирокезами и находился у них в подчинении. Например, делаварам, относящимся к алгонкинской группе языков, они сохранили собственное управление, но обложили их данью. Неравноправные объединения племен зафиксированы не только у ирокезов, но у ряда народов банту, у туарегов, у скифов, у массагетов и т.д. [4, с. 298; 168, с. 75–88].

Таким образом начали складываться предгосударственные (как в случае союза ирокезов), а вскоре и более развитые протогосударственные образования, в которые входило несколько племен, составляющих равноправный или неравноправный союз или насильственное объединение. Так, например, родственные племена североамериканских индейцев кри создали конфедерацию из шести племён, племена из группы дакота — лигу из «семи огней совета», а другая группа родственных племён: оджибве, оттава и потаватоми для успешного сопротивления группе племен дакота ещё в XVII веке создала союз получивший название «Оттавской конфедерации». Образование объединений племен стало универсальным явлением. Можно вспомнить, что Спарта возникла в результате слияния трёх дорийских племён на Пелопоннесе, а Афинское государство явилось в результате союза четырёх ионических племён в Аттике [168, с. 40, 64, 72], древний Рим также возник в результате борьбы племён, закончившейся объединением латинян и сабинян,

которые далее распространили свою власть на соседние племена и народы, создавая неравноправные объединения [см. 252]. Между объединениями племен и их соседями, среди которых были и земледельцы, и скотоводы, и охотники-собиратели теперь шли почти непрерывные войны, которые сопровождались грабежом и истреблением людей. Однако новые прогрессивные по сравнению с первобытностью формы хозяйства подсказывали завоевателям новые формы общественных отношений по сравнению с первобытным истреблением «врагов».

Целиком зависимые от милостей природы первобытные охотники и собиратели жили одним днем, и большинство не знало, что оно будет есть завтра. Каждый человек, даже если это — ребёнок, мог оказаться лишним. Земледельцы и скотоводы большую часть времени (если благоприятствовала годовая погода) пользовались запасами, полученными в результате труда. Нередко запасов хватало до следующего урожая с избытком. Мелиоративное хозяйство позволило также развить новые занятия: гончарство, ткачество, обмен. Теперь каждый новый человек в племени мог принести пользу. Все известные социально слабо развитые народы, наиболее отсталые из которых к моменту встречи с цивилизованными европейцами жили по крайней мере в мезолите, после стычек с «врагами» обычно вынуждены были убивать взятых в плен, хотя иногда (особенно в случае значительного сокращения членов рода в результате войны, болезней, голода) они усыновляли пленников (чаще детей и женщин). Такая практика продолжалась и на начальном этапе возникновения племенных союзов [168, с. 48]. Однако открывшаяся возможность использования труда человека в земледелии, пастьбе скота, начавшем развиваться ремесле, обмене, начинающем превращаться в торговлю, и даже в военных набегах подсказали победителям, что теперь труд побежденных с успехом можно использовать в хозяйстве.

Первоначальные формы эксплуатации чужого труда

Ранее в мировой обществоведческой (особенно отечественной) литературе установилось ошибочное мнение, что первой формой принудительного использования труда явилось рабство и только в середине 1 тыс. н.э. возникают феодальные формы эксплуатации: барщина и оброк. Такая точка зрения исходила от К. Маркса и Ф. Энгельса, опиравшихся главным образом на работы современных им историков древней Греции и древнего Рима. Однако продвинувшиеся значительно дальше своих соседей в социальном развитии древние греки и римляне благодаря лучшему развитию военного дела имели возможность захватывать тысячи рабов, в результате чего в ярко проявившемся рабовладении терялись не только феодальные, но и значительно более значимые свободные общинные отношения. Особенно это относится к древнему Риму, где среди граждан громадной Римской империи лишь граждане Рима (число которых постепенно расширялось) не находились в чьей-либо

зависимости, и сотни тысяч рабов безжалостно эксплуатировались во всех сферах хозяйства.

В действительности всё было не так. Первыми фактическое несоответствие обнаружили востоковеды. Для того чтобы, описывая социальные отношения, не отойти от истины, они ухватились за ошибочное положение, содержащееся в ранних работах Маркса и Энгельса об «азиатском способе производства», который помещался между первобытным и рабовладельческими способами производства. Однако и Маркс и Энгельс, не критикуя идею «азиатского способа производства», фактически от него отказались, но от него не смогли отказаться догматики от марксизма, и «азиатский способ производства», соединявший в себе общинные, рабовладельческие и феодальные отношения стал удобен для исследователей социальной истории древнего и средневекового Востока, где все общественные отношения укладывались в эти три формы. Тем не менее, дискуссии об «азиатском способе производства» в СССР закончились правомерной критикой его сторонников, но торжеством догматической схемы: рабовладение — феодализм. Однако, несмотря ни на что, в отечественной литературе всё чаще и чаще стали появляться теоретические и историко-исследовательские работы, отказывающиеся от последовательности рабовладение — феодализм [см. 72, с. 96–104; 125; 126; 179]. Действительную картину развития социальных отношений аграрного общества можно проследить на историко-этнографическом материале. Особенно репрезентативен материал из Меланезии, где на глазах у европейцев в XVIII–XIX веках происходило становление протогосударственных образований.

Здесь на островах Адмиралтейства, на Новой Британии, на Фате и т.д. пленных приводили с собой. К пленным продолжали ещё относиться довольно гуманно, и иногда, например, породнившись с вождём пленный мог достичь высокого положения. Тем не менее пленных уже не усыновляли, а время от времени использовали по своему усмотрению. Случалось, что их убивали при исполнении какого-нибудь обряда. Например, на островах Фиджи обращённого в рабство военнопленного убивали при спуске на воду новой лодки или клали под столбы дома, чтобы он лучше держал дом правителя, и обязательно убивали десятки рабов при его похоронах [238, с. 445]. Однако чаще (правда, ещё не систематически) в Меланезии пленные использовались в качестве рабочей силы. Вождь или захвативший пленного дружинник мог использовать его в домашнем хозяйстве или на самых тяжёлых сельскохозяйственных работах. Таким образом военнопленный попадал теперь в рабскую зависимость как беспрекословный домашний работник. Началась даже торговля людьми. Предпочитали покупать детей, особенно девочек. Вмесе с тем, пленный подобно известным всем крепостным мог быть использован в работе на земле как барщинный крестьянин. Фактически на положении крепостных равнинных гуантуна находились живущие в горных областях полуострова Газель на Новой Британии байнинги. Ещё в прошлом веке у каждого гуантуна с побережья или близлежащих островов была одна или несколько семей живущих недалеко от побе-

режья семей «мирных» байнингов, которых он считал «своими». Эти байнинги должны были периодически поставлять своему хозяину дань в виде таро и бетеля, а к празднику приводить собак и свиней. Они обязаны были также помогать хозяину в работах на земле или при постройке дома, а также посылать своих сыновей на несколько лет на работы в доме хозяина. Таким образом, байнинги трудились как рабы в доме хозяина, работали как барщинники на его земле или на постройке или приносили дань подобно оброчным крепостным. Следует отметить, что здесь ещё нет полной эксплуатации как в развитом аграрном обществе, потому что и гуантуна иногда дарят своим байнингам рыбу, черепах, кокосовые орехи или разрешают брать заменяющую соль морскую воду и пережигать коралловую известь. Однако положение живших в глубине острова «диких» байнингов было ужасным. Гуантуна вместе с «мирными» байнингами устраивали набеги на их селения и захватывали в плен. Пленников частично поедали, а большую часть приводили домой и обращали в рабство. Рабу не разрешалось иметь семьи, и все им помыкали, включая детей хозяина, заставляя работать в поле, ловить черепах или выполнять другие приказы хозяина. Похожие отношения сложились на острове Бугенвиль и на островах Адмиралтейства, где живущее на побережье и мелких островах племя моанус подчинило себе живущие внутри острова Манус племена узиаи, которых или обращали в рабство или обкладывали данью [238, с. 444–445].

Примерно таким же было положение завоеванных племён в более социально развитой (чем Меланезия) Полинезии. Часть покорённых брали в плен и превращали в рабов вождей. Таких рабов (среди которых преобладали женщины) можно было использовать в домашнем хозяйстве, можно было кому-нибудь подарить, а можно было и предоставить кому-то на время для услуг, а потом вернуть обратно. Пленных могли также перевести на землю вождя и заставить её возделывать. Но можно было оставить завоеванных на своей земле, но заставить разводить для вождя свиней и собак, снабжать его пищей, одеждой и другими припасами [242, с. 610–611].

Таким образом на ранних этапах складывания государства мы сталкиваемся с тремя формами зависимости. Во-первых, завоеванные облагаются данью, снабжая завоевателей продуктами своего труда подобно феодально зависимым крестьянам-оброчникам. Во-вторых, покоренное население подобно барщинным крестьянам постоянно или время от времени использовалось для работ на земле хозяина. Наконец, часть военнопленных превращалась в рабов, живущих и работающих в домашнем хозяйстве победителя. Практически каждый покорённый был иноплеменником, так как поработить «родственника» не позволяла мораль. Действительно, на ранних стадиях возникновения рабовладения никогда не было отмечено случая обращения в рабство своего соплеменника [21, с. 212]. Напротив, плененный «враг» рассматривался как слуга победителя-хозяина и мог быть привлечен к любого рода повинностям: дани, отработкам или исполнению постоянных услуг своему хозяину. Отсюда вывод: рабская зависимость и феодальная (включающая бар-

щину и оброк) возникают одновременно с момента завоевания ранними земледельцами или скотоводами своих менее экономически и социально развитых соседей.

Действительно в «чисто рабовладельческих» древней Греции и древнем Риме также можно обнаружить формы раннефеодальной зависимости. Таковым было положение илотов в Спарте, кларотов на Крите и пенестов в Фессалии. Эти метаплемена, будучи автохтонным населением, были покорены дорийцами и феспронтами. Численно превосходящие спартиатов илоты считались собственностью всей Спарты, но земли илотов были поделены на участки, которые принадлежали отдельным спартиатам. Хозяева получали с илотов оброк, составлявший около половины урожая. Хозяева не могли ни убить своих илотов, ни продать. Однако илоты не имели никаких гражданских прав, подвергались жестокой эксплуатации и периодическим нападениям, во время которых спартиаты уничтожали наиболее опасных. Приблизительно таким же было положение кларотов и пенестов [см. 43; 93; 185].

В древнем Риме, который, фактически, составлял исключение среди государств аграрной эпохи, потому что нигде более не было столько завоеванных территорий и такого количества рабов, также существовали формы зависимости, напоминающие более поздние формы зависимости феодальной. И это относится не только к колонам (II в. до н.э. — V в. н.э.), которые должны были подобно оброчникам отдавать патрону от одной четверти до одной трети урожая, но подобно барщинникам периодически работать на его поле, но и к более ранним категориям зависимых людей. Например, ещё завоёвывая Италию римляне отбирали часть земли у родственных им плёмен италиков, а за землю, оставшуюся у местного населения собирали плату или натуральный налог. Участки вновь обрабатываемой италиками земли также облагались налогом в «одну десятую посева, одну пятую насаждений». Помимо того италики были обязаны платить и другие налоги, а также нести военную службу. В некоторых округах Италии они платили от одной седьмой до одной пятой части урожая или деньги в соответствии с оценкой пахотной земли и земельных угодий. Ещё большие налоги платили крестьяне в провинциях, например, египтяне и другие народы завоеванных неиталийских территорий. Кроме того провинциальные крестьяне должны были работать на государственной земле [142, с. 511; 259, с. 210–211, 439–447]. Следовательно, и в древнем Риме помимо рабского труда использовались и такие формы эксплуатации как оброк в форме денежного или натурального налога и барщина в форме работы на государственной земле.

Согласно тому же догматическому подходу, господствовавшему в отечественных гуманитарных науках, в средние века повсеместно должен был существовать только феодализм, потому что рабовладение якобы должно было исчезнуть и смениться феодализмом с падением Рима под ударами варваров в 476 г. или немного позже (в других странах). В действительности же на протяжении всей истории аграрного общества рабовладельческий и феодальный уклады сосуществуют (см. 125;

126). Во всяком случае рабовладение сопровождает аграрное общество до середины заключительного этапа и как пережиток тянется до некоторого времени в общество индустриальное. Окончательно в Саудовской Аравии его официально отменили лишь в 1962 году. Тем не менее в отечественной историографии до сих пор сохраняется мнение, что фактически со времени возникновения государства (по крайней мере с VI-VII вв.) в древней Руси существовали преимущественно феодальные отношения, а рабство было крайне незначительным.

Однако достаточно заглянуть хотя бы в такой источник древнерусского права как «Русская правда» (XI-XII вв.), который содержит сведения о многочисленных категориях рабов, упоминаемых во множестве статей, чтобы понять, что в Древней Руси рабство было отнюдь не незначительным пережитком. Если в Краткой правде (XI в.) «холоп» (наиболее распространённая категория рабов) упоминается в двух статьях 17 и 26, то в Пространной правде в 17 статьях: 16, 38, 56, 65, 66, 85, 89, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120 и 129. Помимо этого в 4 статьях Пространной правды: 61, 63, 64 и 110 упомянут «обельный» (круглый, полный) холоп. Кроме того есть 2 упоминания в Краткой (ст. 27 и 29) и 5 упоминаний в Пространной правде (ст. 16, 89, 98, 112 и 113) «раба» и «рабыни». Следующая категория рабов представлена «челядью» (скорее всего рабами, живущими непосредственно в доме рабовладельца), которая упоминается в статьях 11 и 16 Краткой Правды и в статье 99 Пространной правды. Но помимо этой категории и в Краткой правде в статьях 26 и 34 и в Пространной правде в статьях 16, 45, 78 и 90 упоминается «смерд» (в Польше 12 — 13 вв. княжеских смердов называли «сервами», то есть слугами [255, с. 76].), по всей видимости, «слуга», то есть в данном случае обрабатывающий землю феодально зависимый крестьянин, рассматриваемый как человек находящийся на положении «слуги», то есть раба своего хозяина. Недаром историки спорят по поводу этой категории, приписывая ей разную степень зависимости от феодалов, но соглашаясь, что категория эта относилась к сельскому населению и была весьма обширна [255, с. 75]. Помимо этих категорий людей, различающихся своим положением, но рассматриваемых как находящихся в рабской зависимости, Краткая правда в статье 25 упоминает «рядовичей», то есть людей добровольно по «ряду» (договору на определённый срок и на определенных оговоренных условиях) нанявшихся на выполнение работ (которые задаёт хозяин) фактически находящихся в «кабале» (временной рабской зависимости), а Пространная правда — «закупов» (ст. 56, 57, 58, 59, 61, 62, 64, 66), то есть людей, получивших «купу», денежную ссуду, которую они должны отработать займодавцу на кабальных условиях [160, с. 20–64]. Если холопы, рабы, челядины и смерды, скорее всего, были либо не восточными славянами, либо не славянами из господствующего на данной территории союза племен полян, кривичей, вятичей, то закупы и рядовичи были представителями господствующего племени (или союза племен), которых можно было как «своих» держать в полурабской зависимости только временно (но о формах зависимости «своих» ниже.).

Таким образом, можно констатировать, что в результате формирования аграрного общества повсеместно возникают два класса: аристократия, представленная рабовладельцами-феодалами, владеющими таким средством производства как пахотная земля или пастбища с запасами воды, и класс слуг, распадающийся на два подкласса: рабов, постоянно занятых в хозяйстве аристократа, и класс феодально зависимых крестьян, имеющих собственный земельный надел или небольшое стадо, но вынужденных либо уплачивать оброк (дань, налог), либо выполнять барщинные работы на земле аристократа или другие временные работы в его хозяйстве. Латинское *servus* (слуга, раб) наиболее подходит для основного зависимого класса аграрного общества. Это слово переключалось в английский язык в форме *serf* (слуга), и одинаково означает как раба так и крепостного. Во французском оно приняло формы *servant* и означает служащего (мужчину) и *servante* — служанку, прислугу, а слово *service* любую службу и обслуживание. Вместе с тем, происходящее от того же корня слово *servage* означает зависимость, в том числе и крепостную. Обычно и сами аристократы не различали своих слуг, используя их, то как крестьян, то как рабов. Даже в середине XIX века русские помещики могли любого своего крестьянина оторвать от земли и превратить в дворового, по сути своей раба, заставив его выполнять любую работу в помещичьем доме, а потом, может быть, опять вернуть в деревню. Также смотрели на крестьян аристократы и в других аграрных обществах. Весьма любопытно, что у полинезийцев на острове Пасхи население делилось на четыре касты: «ариков» — знать, «ивитатуа» — жрецов, «мататоа» — воинов и «кио», включавших зависимых от знати земледельцев и слуг, составленных из некогда побеждённых племён [176, с. 666]. Подобрать более подходящий термин, чем «слуга» для обозначения представителя основного зависимого класса аграрного общества не представляется возможным.

Однако не следует все аграрное общество сводить только к двум классам. Во-первых, в большинстве аграрных обществ классом, составлявшим большую часть населения, оставались свободные люди, не являющиеся ни слугами, ни аристократами. Во-вторых, аграрное общество делилось на несколько каст или сословий, занимающих различные позиции между слугами и аристократами и внутри этих двух классов. Для того, чтобы лучше понять как складывалась социальная система аграрного общества, необходимо обратиться к историческим реалиям, которые подскажут, как формировалась структура раннеклассового общества.

Уже в неолитическом предгосударственном обществе, как, например, в союзе ирокезов, своим влиянием и относительным богатством, если не сказать, достатком, начинают выделяться сахемы (старейшины, главы родов), а также военные вожди. Первые распоряжаются имуществом рода, вторые — награбленным. Во главе ряда племен также стоят сахемы. Среди военных вождей уже появляются верховные военные вожди всего племени, а в союзах индейских племен главнокомандующие, верховные военные вожди союзов племён [168, с. 70–71, 85].

Протогосударства

В протогосударственных объединениях, в которые входило уже несколько племён, часть из которых была завоёвана главенствующим племенем или союзом племён, правители государств (которых нередко неправомерно называют вождями) и военные предводители (реальные вожди) уже обладают огромной властью, скапливают значительные богатства и владеют многочисленными рабами. Например, главы союзов племён фиджийских меланезийцев, распоряжались общественной собственностью по своему усмотрению, иногда обладали судебной властью и собирали с виновных штрафы, давали займы и получали проценты или отработку долга и, конечно, владели десятками и сотнями рабов, которых ещё мало использовали на тяжёлых работах, но часто приносили в жертвы. Обладавший огромной маной правитель не должен был касаться земли, и, когда он умирал, его и нескольких убитых жён клали в могилу на десятки задушенных или живых рабов. Стремясь увеличить свою ману, многие вожди и правители поедали тела убитых на войне врагов (Поедать соплеменников не позволяла традиция.), чтобы добавить себе их силы, ума, храбрости, удачи. Если охотники-собиратели иногда были вынуждены поедать людей, чтобы не умереть с голоду, то в ранних классовых обществах каннибализм был связан преимущественно со стремлением приобрести способности умершего. По этой причине поедали сердца, печень или пили кровь, рассматривая их как средоточие маны, души (или духа) убитого. Стремление стать сильнее, умнее, уважаемое. заставляло некоторых поедать даже части тела умерших выдающихся соплеменников, особенно сородичей. Фиджийских правителей, например, рассматривали как священных особ, и, если они прикасались к каким-либо предметам, то передавали им свою ману, так что эти предметы становились для всех табу, и правители очень часто пользовались табуированием для присвоения приглянувшихся предметов. Конечно, правители стремились закрепить за своей семьёй и власть, и землю, и слуг, и богатства, и в Меланезии их власть почти повсеместно была наследственной [4, с.246; 238, с. 444–450, 457; 239, с. 462].

Однако власть правителей нередко оспаривалась как военными вождями, так и главарями тайных мужских союзов. На Новой Британии и островах Банкс в Меланезии мужские союзы «почти заменили» всех правителей «в качестве органов власти». Только заняв высокое положение в мужском союзе, глава племенного союза мог рассчитывать на реальную власть. Тайные мужские союзы европейцы застали в Меланезии почти повсеместно, но особенно велико их значение для накопления богатства и достижения в обществе влиятельного и господствующего положения было на архипелаге Бисмарка, на Новой Британии, на Новых Гебридах и островах Банкс. При вступлении в союз требовалось не только пройти длительные церемонии, но и внести значительный «денежный» взнос. Союзы либо делились на отдельные соподчинённые общества, либо делили своих членов на ранги. Чем выше ранг, тем боль-

ше требовался вступительный взнос. Члены тайных союзов не только совершали набеги на соседние племена, но всячески терроризировали собственное население. Некоторые из них использовали секретные виды колдовства или устраивали тайные суды и даже казни с применением яда. Вместе с тем члены союзов запугивали население, время от времени появляясь в деревнях облачёнными в страшные наряды и маски, изображающие духов умерших, чтобы выманивать «деньги» и вещи. Своё же имущество члены тайных мужских союзов старательно защищали. Например, члены союза Тамате (Мертвец, Привидение) на островах Банкс помечали свое имущество особыми значками, которые означали табу для всех членов союза. Особенно велика была власть «табуана» (вождя союза), которая обычно была наследственной, но иногда покупалась за «деньги». Вождь имел право по своему усмотрению наложить штраф на любого человека, в том числе, и за недостаточно почтительное отношение к себе или к союзу. Вождь как, например, табуан союза Дук-дук, действовавшего на архипелаге Бисмарка, мог также ставить метки, табуирующие посадки в садах и огородах, за что получал от их новых собственников вознаграждение. В ряде случаев власть табуана становилась выше власти правителей. Например, табуан меланезийцев гуантуна, живущих на полуострове Газель острова Новая Британия захватил руководство и все судебно-административные функции, отстранив правителя [4, с. 274–275; 238, с. 451–456].

Сильная мана приписывалась меланезийцами не только главарям. Многие богатые меланезийцы, главным образом, из старейшин и глав больших семей, обычно имевшие по несколько жён и эксплуатирующие их на полевых работах на своих обширных участках, старательно завоёвывали и поддерживали свой престиж демонстрацией богатства, устраивая пиры, раздавая свиней, выставляя напоказ украшения, раковины каури и циновки, которые служили деньгами в начавшей развиваться торговле. Нередко правители, старосты и богачи вносили выкуп за жену для молодого меланезийца, для того, чтобы поставить его в зависимое положение, раздавали «деньги» в кредит под проценты, которые иногда достигали 100%, или свиней, чтобы потом получить больше свиней или свиней лучшего качества. Случалось, что кредит навязывался принудительно, и должник, неспособный уплатить долг вовремя, обязан был предоставить кредитору свое имущество (плодовые деревья, свиней и т.п.) или работать на кредитора пока всё не выплатит («Оказание помощи» с неэквивалентным возвратом в пользу богачей с развитием классовых отношений стало характерным не только для Меланезии, но практически было присуще всем народам и странам.). В этот период главари, старейшины деревенских общин и богатые знатные люди, получая обработанную предками землю по наследству или в результате захватов, использовали труд жён, должников и слуг и становились собственниками обширных земель. Постепенно в руки аристократов (не только в Полинезии, но по всему миру) попадали лучшие пашни, удобные угодья, многочисленные стада, добротные и красивые вещи [4, с. 266,269; 238, с. 446–448].

Иногда военные вожди занимали второстепенные позиции по сравнению с правителями, но, если вести войну приходилось часто (а именно так жили многие племенные союзы), то они нередко становились во главе племенного союза и, как, например, предводитель на острове Кристобаль (да и на многих других островах Адмиралтейства), превращались в своего рода «царьков» [238, с. 449].

Вожди вели войны силами дружин, состоявших из воинов и личных слуг. Дружинники имели свою землю, семьи, дома, имущество, а также права и обязанности. Меланезийский дружинник, которого вождь рассматривал как своего слугу, должен был работать на вождя: возделывать его землю, строить ему дома, делать лодки, но, главное, отправляться с вождём на войну. Вождь же оставлял дружинникам часть добычи, помогал им при женитьбе, устраивал для них пиры [238, с. 449–450].

Еще одну привилегированную социальную группу составляли колдуны, которые уже начали специализироваться на врачевании или порче, на совершении магических обрядов, гаданиях, вызывали и изгоняли духов. В этот период некоторые колдуны уже превратились в шаманов, то есть в колдунов, камлающих (шаманящих) в результате потребления наркотиков или через введение себя в транс в результате нервного возбуждения, уверяя, что они общаются с духами. Более того, начало складываться нечто наподобие жречества, состоявшее при святилищах, хотя святилища ещё не представляли собой капищ с идолами, изображающих богов (Веры в богов тогда ещё не могло быть.), а были просто местами отправления магических обрядов. Происходило сращение колдунов и глав племенных союзов прото-государств. С одной стороны, некоторые колдуны состояли при правителях, сообщая народу волю духов, угодную себе и правителям [239, с. 460–462, 485], с другой, сами правители и вожди постепенно обрастали «святостью», позволяющей им считаться способными на сверхъестественные поступки.

Меланезийское протообщество уже делилось на несколько каст. Примером такого деления может служить «королевство» Мбау на восточном берегу самого большого острова Вити-Леву в архипелаге Фиджи. Здесь племя мбау с небольшого островка Мбау у восточного побережья Вити-Леву завоевало большую часть этого острова. Выше всех стояли правители и вожди. Члены родовых общин племени мбау составляли основную свободную касту. Ниже них располагалась каста из членов других племен, адаптированных родами мбау, пользовавшихся почти всеми правами. Ещё ниже — представители добровольно покорившихся племён, которые сохранили самоуправление и не платили дани, но должны были поставлять своих воинов «королю» Мбаи. Ещё более низкое положение занимали члены покорённых племён, которые должны были оставаться на своей земле, обрабатывать её и отдавать большую часть урожая своим господам из мбау. Самый низший слой составляли военнопленные, не входящие в какой-либо род, а также незаконнорожденные или исключённые из своих родов. В «королевстве» полагали, что все касты имеют разные степени «рождения»: от свято рождённых до все «не рождённых» представителей низшей касты [238, с. 458–459].

Ещё недавно считалось, что касты существуют только в Индии, но исследования второй половины XX века показали, что возникновение каст — универсальное явление, широко распространённое в Африке, в Азии, в государствах Америки и, очевидно, свойственное на стадии ранних государств всему миру [4, с. 274; подробнее см. 96]. Касты как и классы возникли как раз в период протогосударств, когда появились различные категории свободных: правители, жрецы, аристократы, рядовые ремесленники и земледельцы и т.д. — и слуги, состоящие в разной степени зависимости [129, с. 177]. Пережитком кастового деления могут служить, например, существовавшие в Российской империи вплоть до Октября 1917 года сословия: дворянство, духовенство, купцы, мещане и крестьяне.

Случалось, что меланезийская знать: и главы родов, и старейшины, и военные вожди, защищая свои классовые интересы, заключали между собой союз, обязуясь осуществлять кровную месть и взаимную поддержку. Консолидированная таким образом знать поддерживала в народе суеверный страх перед своей маной и, пользуясь им, одни завоёванные племена обкладывала данью [238, с. 450–451, 462], других заставляла работать на себя либо на своей земле, либо в домашнем хозяйстве.

Однако, несмотря на классовое и кастовое расслоение, свободные члены господствующего племени сохраняли общинные нормы и обычаи. Если в эпоху складывания племенных союзов земля, принадлежащая общине (которая представляла собой одновременно и род, построивший свой поселок), предоставлялась во владение домохозяйствам больших семей, то теперь общины превращались из родовых в территориальные. Ещё сохранялись связи с частями рода вне общины. Продолжалось выполнение родовых культов, сохранялось влияние родовых лидеров, оставалась родовая взаимопомощь и защита от чужеродных посягательств на жизнь и имущество, но родовая и соседская собственность на движимое и недвижимое имущество переплетались. Земли, расположенные около деревни, в которой жило несколько не обязательно родственных больших семей, также находились в собственности всей общины, но пахотная земля теперь делилась на участки, которыми по традиции владели отдельные большие семьи (такое деление в эпоху неолита прослеживается даже археологически, например, на Крите.). Обычно участок принадлежал той семье, которая его впервые обработала, но случалось, что у одного участка было несколько владельцев. В этом случае плодами с растущих там деревьев распоряжался и пользовался тот, кто их посадил или тот для кого их посадили (например, для ребёнка). Кроме того каждый член общины мог занять и обработать невозделанный участок, который становился его большесемейной собственностью. Естественно, что та семья, которая владела большим количеством земли, жила, как правило, богаче. Леса, луга и прочие угодья всегда были в общинной собственности, и ими пользовались коллективно, не разделяя на участки [4, с. 295; 202, с. 281; 238, с. 440, 458].

Таким образом, протогосударственное меланезийское аграрное общество вело свое мелиоративное хозяйство, используя в качестве основно-

го средства производства землю (плодородную почву). Обрабатываемая земля позволила меланезийцам в меньшей степени зависеть от капризов природы, чем присваивающее охотничье-собираческое хозяйство и обеспечила необходимыми продуктами питания, кормом для домашнего скота и некоторыми видами сырья для ремесленного производства. В результате у меланезийцев появились запасы еды и вещей, что вызывало зависть у соседних племен. Войны, начавшиеся ради грабежа, вскоре переросли в завоевательные войны ради присвоения основного средства производства — земли и ради основного производителя — человека. Итогом войн стало образование протогосударств во главе со старейшиной господствующего племени или с военным вождём, выдвинувшимся из членов тайного мужского союза или помимо него из добровольно собравшейся дружины. Протогосударства стали классовыми обществами, разделёнными на класс аристократов из вождей и удачливых воинов, старейшин (племен, родов и общин) и глав части больших семей из числа членов господствующего племени, а также на класс слуг, состоящий из представителей чужих завоёванных племён, подразделяющийся на подкласс рабов — военнопленных, занятых преимущественно в домашнем хозяйстве своего захватчика, и подкласс феодально зависимых крестьян, работающих на своей земле и выплачивающих дань или обязанных часть времени проработать на земле завоевателя. Помимо этих классов образовалось несколько каст (на которые разбилось всё общество), отражающих разные степени господства и подчинения. Промежуточное положение заняли рядовые члены господствующего племени, в той или иной степени зависимые от аристократии, но реально эксплуатирующие или потенциально способные эксплуатировать иноплеменников.

Не только в меланезийских обществах, но и в других протогосударственных объединениях в дополнение к институту власти правителей и вождей начинал складываться государственный аппарат с функциями управления: руководство экономической, политической и религиозной жизнью, судебные функции, — и удержания власти, включая подавление недовольных. Родственники правителей, вождей и жрецов превращались в наместников, командиров отрядов, советников и т.п. Зависимая от них аристократия составляла вооружённое войско, готовое захватывать чужие земли и поработать иноплеменников, брать пленников и обращать их в рабов, в случае необходимости, оберегая свои интересы, подавить любое сопротивление бедноты и слуг. Постепенно и обычное право первобытного общества, предписывающее равенство всех членов рода, стало меняться на право классового общества, закрепляющее социальное ранжирование и привилегии аристократов. Социальные нормы теперь охраняли власть правителей и вождей, собственность и интересы аристократов. Новые отношения санкционировались властью. Первобытная мораль перерастала в мораль угодную господствующему классу [4, с. 278–280].

Раннеклассовые общества

На чуть более высокой ступени общественного развития, чем меланезийцы к моменту завоевания европейцами стояли полинезийцы. Здесь тоже существовали общественные системы, относительно различающиеся степенью развития, но в целом их можно отнести к раннегосударственному периоду. У полинезийцев также как и у меланезийцев основной хозяйственной единицей стала большая семья, объединяющая 30–50 проживающих вместе человек, принадлежащих к 3 — 4 поколениям, но, в отличие от меланезийской, она составляла и производственную общину и являлась собственницей земли, которую могли обрабатывать все члены общины сообща, или делить на участки для использования малыми семьями. Под влиянием, с одной стороны, выделения семей, а, с другой, под влиянием новых территориальных связей между частями разных родов, родственных и иногда даже чужих племён (особенно в результате привода рабов), род почти распался. Совершенствование сельскохозяйственного производства и его рост уже позволяли обработку земли меньшими коллективами, что становилось более рациональным и вело к парцелляции общинных участков. На острове Таити земля уже передавалась в наследственное владение малым семьям и переходила по наследству, хотя её ещё нельзя было продавать и покупать. Старейшина распоряжался землей и сельскохозяйственными работами, но с согласия всех взрослых членов общины. В отличие от меланезийцев у полинезийцев практически уже утратились родовые связи, и 10–12, реже 15 большесемейных домашних общин обычно (как, например, на островах Самоа) составляло деревню и сельскую территориальную общину с населением в 300–500 человек. В сельской общине сохранялась взаимопомощь, но коллективные работы становились уже редкостью. Территориальная община управлялась советом, в который входили главы всех больших семей. В собраниях совета участвовали все взрослые общинники, но всё решали старейшины. В совете обсуждались проблемы, касающиеся всей общины или спорные вопросы, вплоть до разбора преступлений, и его решения необходимо было исполнять под страхом конфискации имущества и даже изгнания из общины. В случае необходимости собирался совет из всех соседних общин, но в нем участвовали только главари и представители каждой из общин. Несмотря на значительные реликты самоуправления, рядовые общинники были уже частично зависимы. Они делились на две категории, одна из которых владела землей, а другая её не имела. Владельцы земли должны были платить подать частью урожая главарям и старейшинам и иногда выполнять для них какие-либо работы, например, плести циновки. Безземельные кроме этого должны были исполнять определённые обязанности в пользу общин, на земле которых селились [4, с. 287, 297; 242, с. 608–616]. Очевидно это было связано с тем, что они не принадлежали к тому роду, членами которого были местные общинники.

По мере обособления малых семей (не только в Полинезии, но в раннеклассовых государствах по всему миру), которые иногда владели

отдельными участками земли, жили в отдельных комнатах или домах и уже обладали значительным личным вещным имуществом, скотом и запасами продуктов питания, нарастала тенденция к закреплению имущества за семьей и стремление передавать его по наследству. Поскольку тяжелую работу по обработке земли и по уходу за скотом (включая пастьбу при кочёвках) выполнял мужчина, роль мужчины в хозяйстве, общественной жизни (особенно в войне) и в семье возросла в большей степени, чем роль женщины, хотя роль женщины в домашнем хозяйстве продолжала оставаться более высокой. Мужчины как главы семей теперь распоряжались такими средствами производства как земля и скот и стремились передавать их и другое имущество по наследству, но не менее, чем в половине случаев это стремление наталкивалось на материнский счёт родства, требующий оставлять движимое и недвижимое имущество в роду матери. Сложные отношения родства сильно затрудняли даже отношения личной собственности. Например, поскольку земля принадлежала родовой общине, то мужчина должен был продукты своего труда не отдавать жене, а передавать сестре, принадлежащей к тому же роду, что и он, а его жена должна была получать пищу от брата [4, с. 228, 284]. Для облегчения передачи имущества от отца к сыну с течением времени «матрилокальные» (проживающие в роду матери) роды стали переходить к патрилокальности.

Нередким (если не главным и, возможно, единственным) способом перехода к патрилокальности было авункулокальное поселение новой семьи. Дело в том, что «авункул» (дядя по матери) принадлежал к другому роду, чем жених, и из этого рода, принадлежащего к другой фратрии, обычно и брали невест. Таким образом авункул, традиционный покровитель и воспитатель будущего жениха, оказывался покровителем и, как бы, главой семьи, а после его смерти его имущество переходило к воспитаннику. У ряда племён и народов, например, у многих меланезийских племён, у бантуязычных гереро в Южной Африке, у туарегов в Северной Африке и других народов было отмечено наследование собственности от сородичей по материнской линии, а добытого собственным трудом — по отцовской. Однако, чтобы оставить потомкам имущество, полученное не от дяди, а от отца требовалось племянника женить на дочери, чтобы имущество, перешедшее к племяннику перешло к его племяннику, уже внуку желающего передать наследство. Другим способом оставления наследства потомкам была передача его брату, который был наследником и по отцовской и по материнской линии. В этом случае при кросскузенном браке сына с дочерью брата наследство по женской линии переходило к сыну. Для передачи наследства от отца к сыну приходилось и другими способами обходить традиционное обычное право, например, через переход к билинейному счёту родства. Ещё одним способом передачи наследства по мужской линии при материнском счёте родства явился травестизм (имитация мужчинами или женщинами перемены пола с переодеванием и имитацией выполнения обязанностей изображаемого пола), известный у ряда индейских племён и у ряда народов Сибири. Передаче наследства

по мужской линии способствовал также обычай «кувада» (зафиксированный у ряда народов Старого и Нового Света, пережитки которого долго сохранялись, например, у басков, французов и англичан), заключающийся в симуляции мужчиной деторождения или в жалобах на слабость, свойственную беременным женщинам, или в соблюдении необходимой при беременности диеты [4, с. 226, 228, 289–290]. Таким образом мужчина, глава состоятельной семьи превращался в собственника семейного имущества даже в случае, когда требовалось преодолеть обычай материнского счёта родства.

Наоборот, жена при патрилокальном поселении у мужа фактически выпадала из общественной жизни общины, входящей в род из фратрии мужа. В семье, по большей части, у неё было подчинённое положение. Мужчина, обычно, имел больше прав на детей, во многих случаях имел право на супружескую измену, мог завести любовницу, а, если был очень богат и знатен, то привести в дом наложниц и даже иметь несколько жён. Неверность жены, во многих случаях, наказывалась изгнанием, реже членовредительством, и, иногда, продажей в рабство или смертью. Обычно муж, а не жена, имел право на расторжение брака. В этом случае жена забирала с собой выданное ей её родом приданое, но её род обязан был возместить мужу выкуп, отданный им в род жены в возмещение за оставление ею своего рода, который терял её как работницу. Даже включение жены в род мужа, как это произошло в последующие эпохи (например, в древнем Риме), не могло обеспечить ей той высокой роли, которую женщина выполняла в первобытном обществе [4, с. 285, 293]. Однако не следует полагать, что женщина при патрилокальном поселении становилась в семье бесправной. Её авторитет в семье до некоторой степени зависел от воли, ума и других природных качеств, но во многом от её имущественного положения и от авторитета и социального положения её рода и семьи, из которой она пришла. Случалось даже, что родственники жены расторгали брак или приходили и наказывали мужа (вплоть до смерти) за жестокое обращение с женой или за супружескую измену.

Раннегосударственное полинезийское общество было уже и классовым и кастовым, в котором были представлены практически все классы и многочисленные касты развитого аграрного общества. Жизнь общин у полинезийцев ещё продолжали руководить старейшины, но в полинезийских обществах уже возникла сложная иерархия власти. Ниже всех стоял «староста» (если применить принятый в отечественной общинной историографии термин) деревенской общины. Выше его находился глава небольшого острова или небольшого района на острове значительного размера. Ещё выше располагался руководитель значительного по размеру острова или обширного региона на большом острове. Наконец, были уже объединения ряда островов или округов под властью одного правителя или военного вождя. Помимо наследственных главарей из числа старейшин знать теперь включала их ближайших родственников: жен, детей и братьев, а также крупных землевладельцев из числа глав некоторых больших семей и богатых и влиятельных общинников. На

островах Тонга уже выделился слой «эги» (благородных), составлявших высший слой общества. За ними следовал также наследственный слой «матабуле», их советников и помощников. Старшие сыновья и младшие братья «матабуле» составляли слой «муа», а дети «муа» считались «туа» (простолюдными). После смерти отца старший сын мог подняться в более высокий слой и достичь ранга «муа» или «матабуле» [242, с. 612–613, 616].

Из института старейшин, свойственного первобытному обществу, выросла должность правителя государства, например, «туи-тонга» (владельца Тонга). Туи-тонга считался происходящим от богов и поэтому особой священной, настолько священной, что не мог вступать в брак, но выбирал себе наложниц из семей самых благородных глав округов, а его сын от самой знатной из наложниц наследовал его должность. Рождение, инициация и смерть туи-тонга обставлялись сложными церемониями. В его могилу клали задушенную наложницу. При жизни он мог наложить табу на любой предмет, а вступая с ним в разговор все должны были целовать его ноги. Однако старшая сестра туи-тонга пользовалась ещё большим почетом, а её дочь считалась самой высокой особой на всём архипелаге [242, с. 614–615].

Верховный правитель архипелага Таити также считался священной особой, и к нему относились как к богу, однако его жена была особой ещё более почитаемой. Они оба обладали столь сильной маной, что всё к чему они прикасались становилось смертельно опасным для окружающих табу. Если кто-то случайно коснулся священного правителя, на него упала священная тень или даже наступил на тень правителя, то был обречен на смерть. Из-за опасности погибнуть от табу пользоваться домом, в котором побывал правитель или земель, на которую он ступил, мог только сам правитель. Чтобы не лишать своих подданных земли и прочего имущества правитель и его жена не касались земли, и их носили на плечах специально предназначенные для этого слуги. Однако, когда что-то приглянулось священным особам, они с удовольствием пользовались табуацией. Тем не менее, после рождения сына женой правителя вся власть переходила к его законному наследнику. Отец становился лишь его опекуном, правившим от лица сына, и должен был целовать ноги и выполнять все церемонии по отношению к сыну как к священному правителю. Европейские путешественники сравнивали таитянских правителей с греческими базилиевсами времен «Илиады» и «Одиссеи». Однако власть верховного правителя Таити не была полной. Хотя правители округов, согласно соглашению между ним и каждым окружным правителем, платили ему дань различными ремесленными изделиями (включая циновки), ценными сортами дерева и продовольствием, и верховный правитель мог потребовать и насильно взять еще, он не имел права сместить неугодного местного руководителя. Случалось, что местный правитель возражал ему, отказывался подчиняться и даже начинал войну. Тем не менее, верховный правитель Таити имел обширные земельные владения, которые обрабатывали зависимые от него подданные [242, с. 617–618].

Все полинезийцы в той или иной степени зависели от правителей. На Тонга не только рядовые туа, но муа и даже матабуле были обязаны исполнять требуемые от них правителями работы, снабжать их циновками, съестными припасами и т.п., и, хотя размер дани был не установлен, дать мало значило навлечь на себя гнев правителя и, возможно, лишиться всего имущества. Что же касается туа, то они под страхом смертельного наказания не имели права покинуть свою землю и перейти к другому правителю [242, с. 614], то есть практически были закрепощены.

«Наследственная знать эксплуатировала простой народ, используя древние, первобытно-общинные родовые институты, видоизменяя их и приспособляя к своим корыстным целям» [242, с. 607]. Однако не следует полагать, что рядовые общинники только подвергались эксплуатации со стороны знати, ничего не получая взамен. Знать также несла определённые обязанности по отношению к своим клиентам, которые могли обратиться к ней с просьбой о помощи, да и сама знать время от времени ссужала деньги, устраивала пиры, раздавала подарки. Если обратиться не к полинезийской практике, а к истории других народов, стоявших приблизительно на том же социальном уровне, то можно вспомнить, например, что у ираноязычных ариев при достижении статуса взрослого мужчины молодой человек получал из стада правителя скот, который возвращался в стадо лишь после смерти владельца. Староста кафрского крааля, например, раздавал общинникам продукты, которые давала скотина, содержащаяся в краале, а вождь кафров раздавал соплеменникам скот, захваченный у врага после его разгрома [202, с. 238].

Тем не менее, институты нарождающегося общества оказались выше первобытных. Военные вожди, избиравшиеся из числа храбрейших воинов, нередко из дружин мужских союзов, приобретали всё больший и больший вес по сравнению с правителями из числа старейшин. Постепенно власть военного вождя оттеснила, например, туи-тонга, несмотря на его святость, на второе место. Почтительно относясь к туи-тонга, гоу (военный вождь, власть которого напоминала европейцам власть короля), не считаясь с мнением номинального правителя, сначала стал вести внешнюю, а затем и внутреннюю политику [242, с. 615, 621; 243, с. 623].

Помимо светской и военной в Полинезии постепенно вырастала и духовная власть. Усилилась власть колдунов, значительная часть которых превратилась в шаманов, приводящих себя в экстатическое состояние с помощью психологических приемов, но чаще через питье «кавы», специально приготовленного наркотического напитка из корня перечного растения. Впадая в экстаз они уверяли, что в них вселяется высший дух или происходит общение с богом и, издавая бредовые звуки, они выражают волю богов. Колдуны (включая шаманов) и, особенно, жрецы, пользовавшиеся суеверным страхом, нередко обладали реальной властью. Жрецы уже отделились от колдунов и представляли собой служителей святилищ и храмов, посвящённых определённым богам. На Гавайях и на Таити существовали святилища — «мараи». Мараи

были семейными, принадлежащими ремесленникам одной профессии и посвящённые отдельным богам. В этих мараях были жертвенники и изображения богов. В крупных мараях жили жрецы, в них же жрецов и хоронили. Жрецы не только обращались к богам и руководили религиозными церемониями, они располагали тайными знаниями и учили им, выступали церемониймейстерами и в светских ритуалах, знали астрономию, лечили людей и даже руководили сельскохозяйственными работами. Развитый институт жрецов был, например, на Таити, где жрецы составляли высокопоставленную наследственную касту, связанную родством с правителями. Обычно жрецы исполняли волю правителей и вождей, но иногда даже оспаривали их власть, а жрец на острове Нукухива из группы Маркизских островов фактически стоял выше глав племен, с которыми он был связан родственными узами. Действуя заодно с главарями, он регулировал всю общественную жизнь и широко пользовался возможностью налагать табу [242, с. 618, 621; 243, с. 624–625].

Обязанные служить правителям и вождям благородные полинезийцы также обладали немалой властью. Главы отдельных регионов и старосты деревень обычно (как, например, на Таити) составляли институт советников при правителе. Однако и таитянские «товае» («младшие братья» разного рода глав деревень и округов) составляли не только дружину правителя, но и его сподвижников. Экономической основой положения знати в обществе являлась земля — участки, отошедшие к большим семьям из общинных земель, захваченная на завоёванных территориях, вновь освоенная и полученная через браки. На Таити даже в руках средней и мелкой знати сосредоточились участки по 8–40 га, которые переходили ей по наследству. Свободные таитяне были разделены на три основных касты: «арии» — старейшины и знать, «раатира» — землевладельцы и «манахуне» — простой народ. Составлявшие основную часть знати «раатира» участвовали в совете правителей при принятии важных решений и обладали большим числом своих приверженцев и клиентов. Кроме того, разного рода благородные (например, на островах Тонга), как правило, имели при себе большую или меньшую дружину. Земля благородных и знатных обычно (как, например, на Таити) обрабатывалась зависимыми от них клиентами [242, с. 611–618].

Строгая кастовая структура была характерна для всей Полинезии, хотя имела свои местные особенности и охватывала не только благородных, но и простых людей. Весьма характерна для Полинезии кастовая система, существовавшая у маори в Новой Зеландии. Там все свободные делились на «ариков» — перворожденных, «рангатиру» — младших по рождению и «варе» — зависимых. Из числа высшей аристократии — ариков выходили старосты общин и главы племен, бывшие, обычно, и военными вождями. Рангатира отличалась от ариков, главным образом, меньшим размером имущества. Наиболее бедная часть выходцев из рангатиры, вынужденная обращаться за помощью к экономически более сильным рангатира или нарушившая нормы обычного права, считалась

теряющей часть маны и попадала в категорию зависимых от ариков и рангатиры варе. Кроме того у вождей, части ариков и у части рангатиры были рабы из числа захваченных в плен. Они выполняли тяжёлые работы, но отношение к ним было сравнительно мягким. Не стоит забывать, что наряду с рабами у ариков и рангатиры были данники из числа завоеванных племён. В Полинезии уже не только выделились ремесла, но появились своеобразные объединения ремесленников — прообразы средневековых гильдий. В целом ремесленники были уважаемыми людьми, однако отдельные профессии: плотников, строителей лодок, рыбаков и ряд других пользовались особым почётом. Другие профессии считались менее уважаемыми, а некоторые приравнивались к земледельцам. Таким образом, на многих островах люди каждой профессии составили специфические касты. Теперь принадлежность к крестьянству или той или иной ремесленной профессии становилось более значительной, чем принадлежность к определенному роду и племени. Нередко и низшая каста, к которой принадлежал простой народ была неоднородной. Так, например, таитянские простолюдины — манахуне включали людей, не имеющих права заниматься почётными ремёслами, безземельных крестьян, клиентов состоятельных земледельцев-раатира, фактически превратившихся в их слуг: крепостных и рабов. На островах Тонга вся земля находилась в собственности правителя и знати, и рядовые общинники должны были нести в их пользу всевозможные повинности, которые ещё не были строго определены (как, например, на Таити), и не имели права переходить к другим аристократам [4, с. 271; 242, с. 611–616; 245, с. 698–701].

Особенно велика и сложна была кастовая система обществ, выросших из мужских союзов. Весьма интересен в этом отношении союз «ареоев», распространившийся по всей Полинезии за исключением её западной части. Союз был посвящен богу Оро, и подобно монахам ареои не должны были иметь детей. В союз принимали и мужчин и женщин в пропорции 5:1, но если у них рождались дети, то детей следовало уничтожать. Стать ареоем мог каждый, но требовался значительный взнос. Вступление нового члена сопровождалось обрядом инициации. Но, если простолюдины при вступлении попадали в низшую касту и для того, чтобы добраться до высшей, должны были преодолеть все 7 ступеней, то эги или арии попадали прямо в высшую, седьмую касту. Деятельность ареоев заключалась в поездках по островам и устройению представлений. Во время представления они прославляли бога или какого-нибудь славного ареоя. Представления давали лишь представители низших каст, но в поездках принимали участие все. Члены союза из низших каст пели, плясали, боролись, иногда изображали реальные события или насмехались над людьми, включая и простолюдинов, и начальников, и жрецов. Посещение ареоев иногда кончалось полным разорением острова или района, потому что сотни ареоев кормились за счёт местного населения. Довольны были только властители и арии, сопровождавшие ареоев и также требующие, чтобы их кормили. Между знатью и ареоями существовала тесная связь, и так же как правители

ареои высших каст могли конфисковать любую понравившуюся вещь [242, с. 619–620].

На дне классовых полинезийских обществ находились рабы. Иногда в зависимость от богатых аристократов попадали бедняки из господствующего племени, но отработав долги они получали свободу. Гораздо хуже было положение завоёванных полинезийцев. Часть из них оставалась на своей земле и платила дань, других переводили на земли, присвоенные победителями или земли правителей. В этом случае они делали тяжёлые сельскохозяйственные работы, пасли чужих свиней и собак. Военнопленные, а иногда и преступники становились рабами. Рабы должны были снабжать хозяина пищей и одеждой, выполнять в его хозяйстве самые тяжёлые работы. В некоторых случаях их приносили в жертвы богам или убивали с другими ритуальными целями [242, с. 610–611, 614].

Социальные изменения в полизийских обществах нашли отражение в религии. Количество маны теперь соответствовало положению человека в обществе. Самая сильная мана была у правителя, но пока он обладал авторитетом, престижем и силой. Он старательно оберегал свою ману, например, заставлял соблюдать этикет, потому что оказанное ему непочтение умаляло его ману. Мощная мана была и у жреца, но и он мог потерять часть маны, особенно, если бы присел в части дома, в которой жили женщины. Сильная мана была и у благородных, а у ремесленников и земледельцев она была слабее. Ещё слабее она была у зависимых людей, а рабы считались лишенными маны. Особенно легко было потерять ману в бою, ведь покорённое племя теряло большую часть своей маны, и даже побеждённый вождь совсем оставался без маны [243, с. 623].

Обладающие огромной маной полинезийские правители и вожди сами превратились в объекты поклонения (Исключение составлял лишь военный вождь на островах Тонга, который властвовал на островах, но не считался святым, как правитель.). Мана их была так сильна, что прикосновение к ним или их собственности было смертельно опасным. Нельзя было даже произносить имя правителя и даже слова, созвучные его имени. Гробницы правителей и вождей также становились святыми местами, и большая часть святилищ обычно располагалась в местах их захоронений. Считалось, что души знатных людей, и прежде всего вождей, отправляются в загробный мир или на небеса, или в блаженную «Гавайки» («Авайки»), которая иногда мыслилась как счастливая прародина, или под землю, где будут вкушать все блага жизни. На разных островах были не идентичные представления. Например, тонганцы считали, что души наиболее знатных могли даже возвращаться на землю и вселяться в жрецов (чтобы их вдохновлять) или наказывать людей. Напротив, души простых людей или попадали в подводное царство, или под землю, или в мрачное «По», где нет уже радостей жизни, или даже погибают после смерти и, хуже того, поедаются богами [243, с. 623–627, 631].

Превращение правителей в сверхсуществ не могло не отразиться в религиозных воззрениях. Бывшие культурные герои, восходящие

к тотемам родов и фратрий (Таковы, например, герои космогонического мифа, записанного на островах Мангарева, в которых действуют два божественных близнеца, ещё полулюди-полуживотные.) становятся теперь уже всемогущими богами-демиургами и мироустроителями, живущими на небе или в неопределённом пространстве. Таков, например, самоанский Тангалоа, который находится где-то на небе, существовал всегда и пребывает вечно. Тангалоа создал землю и людей, как грозный бог разражается громом, но как культурный герой он научил людей строить дома и лодки. И, так же как прежде мифы о культурных героях, мифы о богах отражают полинезийские представления о мире и жизни, например, миф о сотворении мира. Разные боги носят разные имена, имена одних и тех же богов могут меняться в зависимости от места, но несколько имён встречается на многих островах. Помимо обладавшего разными функциями в разных частях Полинезии Тангароа (Тангалоа, Тагалоа, Таалоа, Каналоа) очень почитаемы были бог Тане — солнечный бог, бог творец и оплодотворитель, олицетворение мужского начала; бог Ронго — бог земледелия дождя и жатвы; и, конечно, появился бог войны по имени Ту. Своеобразное отражение социальной системы проявилось в религии тонганцев. Здесь представления о духах выстроились в многоступенчатую систему. На верхней ступеньке расположилось около трехсот богов. Имена всех не знал никто, но часть из них была известна только правителям и благородным, семьи которых считали одного из них своим покровителем. Покровителем верховных правителей и верховных вождей считался бог войны Тали-и-Тубо, покровителем рода туи-тонга — Хигулео. Знатные тонганцы поклонялись также богу ветра, дождя, растительности и жатвы, покровителю земледелия Ало-Ало. Бог Тангалоа, выудивший из моря острова Тонга, считался покровителем ремесленников и художников. Богам посвящались святилища. Например, Тангалоа служили жрецы из плотников. На следующей ступеньке расположились души умерших правителей, вождей и высшей знати. Они не имели святилищ, но их почитали на священных местах, обычно в месте захоронения. Ниже их располагались души покойных матабуле. Ещё ниже — прислужники богов. Мелкие и злые духи «хотау-поу», расположенные на следующей ступеньке, делали людям мелкие гадости, потому что несчастья могли приносить только боги. На самой нижней ступеньке находился лежащий под землей и держащий её великан Моуи, который был причиной землетрясений, когда он шевелился. На других островах системы духов были проще, но даже на Таити поклонялись не только небесным божествам: Тане, Оро и Таароа, к которым обращались по серьёзному случаю, но и к семейному духу-покровителю Ти, который служил ходатаем по семейным делам перед верховными богами [243, с. 627–632].

Религия полинезийцев развивалась фактически на глазах европейцев, которые отмечали, например, что таитянские жрецы стремились превратить Таароа в верховного бога, возвеличением которого почти низводили на нет роль других богов таитянского пантеона (146, 632), а также, что полинезийские жрецы не только создавали пантеоны, но и сочиняли мифы, угодные высшей знати. Предполагается, что основы обще-

полинезийской мифологии были выработаны жрецами острова Раиатеа (отождествляемого с легендарной прародиной полинезийцев «Гавайки») в архипелаге Таити. Авторитет полинезийских богов поддерживался молитвами в мараях, где им положено было приносить жертвы. Если на островах Тонга богу земледелия Ало-Ало приносили на празднике урожая ямс, то таитянскому богу войны Оро не только по поводу войны, но при сооружении мараев, по случаю болезни правителя или во время народных смут приносили человеческие жертвы. В жертву обычно приносили захваченных в бою рабов, но также и «преступников», совершивших какой-либо проступок по отношению к правителям, вождям или жрецам. Назначали жертвы именно эти господствующие категории знати, которые на тайном совете выбирали жертву и тайно убивали во время сна или напад врасплох где-нибудь в лесу. Семейство, из которого выбрали жертву считалось обречённым и на повторные жертвы, и таким семьям обычно приходилось убегать в отдалённые места (например, в горы), чтобы не быть полностью уничтоженными. Такие действия служили высшей аристократии средством избавления от опасных противников, устрашения народа и, в конечном итоге, поддержания своей власти. А в одном из самоанских мифов о творце мира и людей Тагалоа сказано, что простые люди возникли из червей, появившихся в результате гниения растений, которыми бог покрыл острова, но в противоположность им правители являются потомками самого Тагалоа, родившись от его связей с женскими духами [243, с. 630–633].

В целом, для протогосударств и раннеклассовых государств характерно складывание многобожия, в котором перемешиваются религиозные веры и культы объединённых племён. Выросшие из тотемических предков родовые, фратриальные и племенные культурные герои по мере превращения племенного союза в государство превращаются в богов. К племенным богам завоевателей, которые в союзе родственных племён, как правило, одни и те же с небольшой разницей в приписываемых им способностях совершать разные сверхъестественные поступки, присоединяются боги завоёванных племён. Подобно тому как во главе государства оказывается верховный вождь или верховный правитель, окружённый мелкими вождями и наместниками, возникают пантеоны богов во главе с верховным богом. Поскольку теперь вожди и их дружины находятся в состоянии перманентной войны, укрепляется вера в наличие у них самой большой маны, постольку и верховный бог обычно становится богом войны, мечущим во врагов молнии-копья, гремящим оружием-громом, гневающимся бурей. Не наблюдая никаких богов в реальной жизни, люди помещали их в дальние неведомые края, на высочайшие горы, за пределы земли на небо или под землю. На небе бывшие культурные герои начинают олицетворяться в виде небесных светил. Особенно большое значение у земледельцев приобретают солнечные боги. Наблюдая растительный цикл от посева до сбора урожая, люди создают образы мужских и женских богов растительности и плодородия, приписывая им свои многократно преувеличенные человеческие эротические способности или способности особенно сексуальных животных:

козлов, петухов. Богам для получения хорошего урожая, обеспечения благоприятной погоды, излечения от недугов и т.п. начинают приносить жертвы: плоды, животных и человеческие (главным образом богу войны) [4, с. 305]. Кроме того, с социальной структуры на природу переносятся представления о «хозяевах» лесов, полей, болот, домов. Именно в этот период появляются славянские лешие, водяные, русалки, кикиморы, домовые (вместе с такими разновидностями как банник, гуменник) и прочие хозяева. В славянской религии возникает и вера в хозяина лесных зверей — медведя, для защиты стада от которого до сих пор в глухих деревнях пастухи делают «обход». Точно также возникает представление о хозяевах птиц небесных и рыб речных. По мере разрастания и усиления государства их функции передаются богам. Медведь превращается в Велеса, сокол в Перуна, козел в Ярилу и т.д. Появляются и перевозчики душ в загробный мир. У славян — колпица (Жар-птица или Моголь-птица), у других аисты, утки и прочие крылатые.

Сами главы ранних государств (в исторической науке их обычно неточно называют «священными вождями») начинают рассматриваться как харизматические личности, и харизма правителя считается распространяющейся на всю страну. Люди верят, что, если правитель здоров и силен, то и все подданные будут жить благополучно. Мана правителя обеспечит не только военные успехи, но хороший урожай, значительный приплод скота, здоровье и материальный достаток. Однако, если правитель начинает стареть и слабеть, то он теряет ману, и благополучие подданных убывает. Чтобы этого не произошло, надо старого правителя заменить на бодрого и молодого с сильной маной. Поэтому старых правителей отстраняли и выбирали новых. Часто чтобы возвести во власть нового правителя старого убивали [4, с. 305]. Другой способ сохранения харизмы — назначение наследника (даже ребенка) соправителем. Вспомним, что правитель таити, оставаясь опекуном, формально передавал власть своему первенцу сразу после его рождения.

Отношение к правителю как к харизматической личности и к знати как людям, обладающим выдающимися качествами по сравнению с простыми людьми, характерно для всех народов. Это известно и из наблюдений европейцами в XVII–XX веках за социально отсталыми народами, переходящими к классовому обществу, и из письменных свидетельств античных авторов о протогосударственных образованиях у соседей, и из раскопок захоронений правителей ещё бесписьменных народов. Даже, испытывая влияние более высоких культур, люди рассматриваемой эпохи продолжали относиться к аристократии с суеверным почтением и при жизни и после смерти.

Так, например, достаточно характерно выглядят захоронения местных правителей и знати в Керме, городе, расположенном чуть южнее третьего порога в Верхней Нубии. Эти могилы относятся к XX–XVIII вв. до н.э. Четыре из них, по-видимому, представляют собой захоронения местных правителей (хотя, как ошибочно полагал их открыватель Дж.Э. Рейзнер, — наместников, правивших от имени царей Верхнего и Нижнего Египта) части Нубии, расположенной в районе Кермы, за-

селённой союзом нубийских племен донголави. Все эти правители и аристократы похоронены по нубийским обычаям. Как в древнениубийских могилах, характерных для язычников Напатско-Мероитского царства, покойники Кермы лежат не в гробу, а по большей части на ложе, что характерно именно для нубийских погребений, в позе спящего человека. Тела завернуты в льняные ткани или шкуры, преимущественно бычьи, что характерно для нубийских погребений, но не забинтованы и не мумифицированы как египтяне, обуты в сандалии, снабжены личными украшениями. У покойников на поясах вложенные в ножны кинжалы явно не египетской, но местной работы. Есть и другое оружие. Рядом с ложем располагается необходимое покойному в царстве мертвых его имущество: различные бытовые вещи. Эти предметы по большей части — явно местного происхождения, хотя есть и характерные для египетских погребений. Однако не стоит считать, что мы имеем дело с египетским похоронным обрядом, поскольку нубийцы в эпоху неолита заселяли весь верхний Египет, чем и объясняется сходство египетской и нубийской религии. В погребальные камеры при захоронении были помещены привязанные ремнем живые бараны. Здесь же в соседних камерах значительно меньшего размера или в отдельных погребениях чиновников захоронены также другие люди. Одни из этих дополнительных захоронений — семейные: захоронения жен и детей (среди которых есть и грудные младенцы) сделанны позднее, после смерти хозяев могил. Другие захоронения одновременны с покойным. Одни лежат ровными рядами, иные — беспорядочными группами. Позы тел говорят о смерти от удушья. Перед ложем крупных чиновников или на собственных ложах — тела молодых женщин, хорошо снабжённые всем необходимым для потусторонней жизни. В могилах чиновников средней руки похоронено дополнительно от 1 до 12 человек, в могилах правителей — десятки, а в одной из них 400 человек. Очевидно, что молодые женщины рядом с чиновником — наложницы, а многочисленные сопровождающие — слуги, среди которых телохранители, служители гарема и т.п. Могилы знати покрыты большими насыпями из гальки, окруженными рядом больших камней, предохраняющих от разрушения. Один из огромных курганов завершён конусом из белого кварцита, а полукругом вокруг него поставлено 100 бычьих черепов [87, с. 59, 122, 142, 271, 284–285, 300, 303; 334, с. 32, 39, 65–102, 190] для защиты покойного от нападения злых духов. Таким образом, здесь, в Керме, несмотря на своеобразие религиозных воззрений, четко проявляется характерное для раннеклассовых обществ социальное расслоение, наличие правителей и знати, владеющих классом слуг, культ правителей, которым уготовано удобное местечко в царстве мёртвых.

Следует отметить, что раннегосударственные образования выглядели везде приблизительно одинаково. Это относится не только к социально отсталым народам, наблюдавшимся в последние пять веков европейцами, но и народам, оставившим письменные свидетельства о ранних этапах своей истории и о соседних народах, и даже народы, о которых почти ничего неизвестно из древней историографии, оставили

нам археологические свидетельства. В конце эпохи неолита уже появляются погребения значительно различающиеся по составу вложений предметов в могилы [см., например: 202, с. 290]. Имущественная дифференциация особенно усиливается с изобретением выплавки металлов (в коротком «медном веке» и сменившем его «веке бронзы»). Особенно богатые погребения принадлежат вождям и правителям, в которых (например, в 3 тыс. до н.э. на Кавказе в Майкопском кургане) встречается множество изделий из драгоценных металлов, украшенных драгоценными камнями, захоронения домашних животных (позднее, особенно, лошадей) и жён, наложниц и рабов. Всё это должно было сопровождать знатного человека (вождя, правителя, жреца, старосту или удачливого дружинника) в потустороннее царство мёртвых [2, с. 262; 202, с. 291].

С образованием союзов племён и первых государств оседлое земледельческое население живет в поселках, составляющих общину. В общину теперь могут входить как семьи из одного, так и из нескольких родов. Более того, в поселке могут оказаться переселённые слуги, работающие на земле аристократа или в его домашнем хозяйстве. Родовое самосознание ещё сохраняется, но фратрии теряют экзогамию. Постепенно деление населения по родовому признаку уступает делению по признаку территориальному. В новых социальных общностях возникает необходимость в унификации языка. Под влиянием единства экономической, политической и идеологической жизни нивелируются племенные диалекты, среди неродственных племён распространяется либо язык завоевателей, либо язык наиболее многочисленного или наиболее культурного народа. Исчезает языковая непрерывность, свойственная порою целым континентам, когда соседние племена говорили на понятных друг другу языках. Некоторые языки фактически составляют языковые группы, а более отдалённые, содержащие те же по происхождению и смыслу отдельные слова и грамматические формы впоследствии учёные объединяют в языковые семьи. Единство политической, экономической и идеологической жизни благодаря единству языка способствовало осознанию этнического единства. Суть в том, что к этому моменту в союзах племён начинают складываться «этноты» [4, с. 278–279, 309–310] (Греческое слово «этнос» первоначально означало членов союза родственных племён, а в современной науке означает народ вообще, безотносительно к типу этнической общности.). Примером этноса, относящегося к рассмотренному периоду социальной истории, являются гуантануна с полуострова Газель на острове Новая Британия или маори Новой Зеландии, анты у восточных славян, бургунды у германцев. По мере возникновения и развития государств, состоящих из господствующего союза племён и подчинённых иноплеменников, социальное положение которых становится приблизительно одинаковым, возникает национальное самосознание, выражающееся в осознании себя единым народом (Этнографы и здесь применяют термин «этнос».), хотя и разделённым на аристократию из потомков завоевателей и части знати завоёванных племён; простого народа, состоящего из лично свободных потомков завоёванных, выплачивающих подати властителям; а также

находящихся в феодальной зависимости людей. Стоящие на краю общества рабы обычно продолжают рассматриваться как инородцы, принадлежащие к другому этносу, и лишь с течением длительного времени их потомки, остающиеся в рабской зависимости, когда забывается их происхождение, начинают причисляться к основному этносу.

Исключение из правила?

Как видно из изложенного, образование государств и классовых обществ связано с земледелием и скотоводством как основными видами хозяйства. Однако существует точка зрения, согласно которой, классовое образование возможно у высокоспециализированных охотников. Обычно ссылаются на индейцев северо-западного побережья Северной Америки, занимавшихся интенсивным рыболовством, и алеутов, промышлявших морского зверя [4, с. 250]. Действительно, у тех и других появились захваченные в столкновениях с соседними неродственными племенами или купленные «патриархальные рабы», которых заставляли работать. Однако дело в том, что и алеуты, и северо-западные индейцы жили не в изоляции от более развитых народов.

Слабо изученные алеуты, очевидно, пришли в Америку из Азии. Предположительно в состав праалеутов в XIII-XIV вв. влились племена тунгусской группы тунгусо-манчжурской (иначе монгольской) ветви алтайской семьи языков [249, с. 135, 136]. И эвенки (тунгусы) и монголы к этому времени уже перешли к кочевому скотоводству. Даже у социально менее развитых, чем монголы, эвенков в этот период возникали племенные союзы и классовые отношения. Что же касается родственных тунгусам манчжуров, то они не только перешли к земледелию ещё в начале н.э., но в VIII в. создали собственное государство Бохай, а XVII в. завоевали Монголию, Китай и Корею. Несомненно, что более развитые социальные отношения соседей или возможных предков оказали влияние и на алеутов.

Исследователи предполагают, что рабство у алеутов «было сравнительно новым институтом» [249, с. 145]. К тому же оно носило у них «патриархальный» характер. «Патриархальное рабство» ещё не было рабством в полном смысле этого слова. «Патриархальные рабы» всегда были иноплеменниками. Их брали в семью, но уже не усыновляли как раньше, и поэтому к ним относились как к чужакам, которые считались стоящими ниже, чем самые младшие члены семьи, и, конечно, они не пользовались теми правами, которыми обладали члены того племени, в котором они проживали. Они жили в чужой семье под одной крышей с членами семьи и выполняли ту же самую работу, что и полноправные члены семьи. Положение их ещё не было тяжелым, потому что с ними пока не обращались жестоко, и нередко «патриархальные рабы» получали свободу в случае браков со свободными, в случае усыновления их в семье проживания или за какие-либо заслуги, например, за подвиги на войне, так что «рабство» часто не продолжалось

всю жизнь, а дети «патриархальных рабов» обычно получали свободу [102, с. 814; 101, с. 268].

Ещё недавно в отечественной науке считалось, что раз в первобытном обществе существовала лишь «коллективная собственность» на территорию (Здесь пользование территорией путалось с собственностью на неё.) и на продукты охоты и собирательства, то должна была быть и коллективная собственность на «патриархальных рабов». Однако до сих пор коллективной собственности на рабов не зарегистрировано [4, с. 267], и современная наука от этого ошибочного мнения отказалась.

Малоизученное алеутское общество жило ещё преимущественно по законам первобытного общества. Главы территориальных объединений (предположительно, племён) и главы родов алеутов ещё не окончательно возвысились над соплеменниками, хотя уже обладали значительным имуществом от обмена и военной добычи, руководили хозяйственной жизнью и вершили суд (правда по согласованию с главами отдельных селений и со «стариками») и могли рассчитывать на почётное погребение после смерти. Они передавали свою власть по наследству, а их дети и племянники занимали более высокое положение, чем рядовые соплеменники. Тем не менее они имели право только на долю от хозяйственной деятельности равную со всеми и не пользовались особыми «экономическими преимуществами». Также как и у других первобытных племён «безродные» алеуты из числа переселенцев и отпущенных на волю «патриархальных рабов» не имели прав членов племени. Главы селений или территориальных объединений нередко набирали добровольцев и устраивали набеги на эскимосов, а иногда и на алеутов, живущих на других островах. Пленных убивали или брали в «рабство». «Рабов» можно было также выменять за байдарки, парки (меховые куртки) или за другие нужные вещи, и некоторые алеуты имели по двадцать «рабов» и более. Известен один случай закабаления в «рабство» сироты, но, очевидно, обращать соплеменников в «рабство» было можно только на время отработки долгов. Случалось, что «рабов» убивали и клали в погребения богатых и знатных алеутов. Обычно же «рабов» захвативший в плен или выменявший алеут использовал в домашней (преимущественно женской) работе, при изготовлении бытовых вещей. «Рабы» также наравне со всеми нередко участвовали в охоте, и их даже брали в военные походы. Однако, если «раб» на войне проявлял храбрость и оказывал ощутимую помощь, его могли отпустить на волю и сделать полноправным членом общества. Вообще, у алеутов «отпуск рабов на волю считался делом славным и достойным» [249, с. 144–149].

Индейцы северо-западного побережья Америки, относящиеся к разным языковым группам, жили по соседству с более социально-развитыми племенами, например, с алгонкинцами, которые уже были земледельцами, постоянно вели войны и начинали отходить от первобытного равенства. Южная группа, говорящая на языках селиш, просто родственна алгонкинцам и по языку и по происхождению. К тому же археологические раскопки в южной части северо-западного побережья на реке

Колумбия показывают, что здесь в конце XIX века была высокая культура, которая по неизвестным пока причинам к моменту прихода туда белых находилась уже в состоянии упадка. Любопытно, что индейцы северо-западного побережья почитали солнце, что характерно для земледельцев. По-видимому, и племена Северо-Запада испытали влияние соседей земледельцев, а, может быть, и отошли от земледелия в силу специализации в охоте благодаря обилию дичи (особенно рыбы). Устья рек и фиорды северо-западного побережья изобиловали рыбой, поэтому рыбная ловля была основным занятием здешних индейцев. Кроме того они занимались охотой на сухопутного и морского зверя. Обилие животного мира, особенно рыбы, позволяло иметь излишки пищи, шкур. Ко времени знакомства с русскими в середине XVIII века в племенах индейцев северо-западного побережья уже шла имущественная и социальная дифференциация. В это время они жили оседло в селениях, представлявших собой производственные общины, выделившиеся из рода. Входящие в общину домохозяйства представляли собой большие семьи, обычно включающие три поколения. Промысловые угодья находились в собственности рода, но отдельные участки находились во владении у семейных групп. Распоряжался ими глава семьи. Лучшие угодья он прибирал себе и вместе со своей властью передавал их в пользование своему наследнику [2, с. 151–158, 170].

Вместе с тем, имущественное и социальное неравенство противоречило первобытным отношениям, требующим относительного равенства всех членов племени, поэтому у индейцев северо-западного побережья возник своеобразный институт «потлач», который, с одной стороны, сдерживал имущественную дифференциацию, а, с другой, позволял её нарушить. Потлач заключался в устройении по подходящему поводу пира с плясками, на котором состоятельный индеец при участии родственников раздавал гостям свое имущество. Гостями обычно были сородичи жены, получавшие подарки из рода фратрии мужа. Свояки не обязаны были возмещать дары. Однако и разорившийся «богач» не оставался в накладе, потому что после потлача за ним закреплялись промысловые угодья, он повышал свой авторитет, и ему во время потлача, устраиваемого другими людьми, как почётному гостю дарили богатые подарки. В результате имущественной дифференциации в племенах северо-западного побережья возникла социальная стратификация, где высшую ступеньку занимали главы родов и больших семей, ниже — их жены и дети, ещё ниже их младшие братья, затем рядовые члены рода, а в самом низу освобождённые из рабства. Закреплению социальных слоев способствовало и участие в тайных мужских союзах, куда принимали только тех, кто способен устроить потлач. Участие в союзе повышало авторитет и давало поддержку его членов. В результате состоятельные главы семей приобретали возможность в определенной степени эксплуатировать сородичей. Однако гораздо большей эксплуатации подвергались «рабы». «Рабство» у индейцев северо-западного побережья было, конечно, «патриархальным». «Рабов» выменивали у других племен на изделия из меха, шерсти,

на рыбий жир, палтуса и тому подобные редкие продукты на острове Ванкувер, на крайнем севере или на крайнем юге северо-западного побережья. В состоятельных семьях было обычно по два-четыре «раба», и в целом они составляли 15–20% населения, а на севере у тлинкитов — около трети. «Рабами» распоряжались главы больших семей, передававшие их по наследству. «Рабов» использовали главным образом в рыбной ловле, а также в домашней работе, и, конечно, им доставалась тяжёлая работа, но нередко «рабов» отпускали на волю [2, с. 154–158, 167–169; 4, с. 264, 268].

«Патриархальное рабство» у охотников и собирателей не было ещё рабством в полном смысле. Рабы жили в первобытных семьях также, как и другие члены семьи. Они делали ту же работу, что и все, хотя отношение к ним было хуже, чем к самым непрестижным членам семьи. Такое положение легко объясняется их чужеродностью, не вхождением в состав рода. Тем не менее, известно, что такого рода рабов нередко отпускали на волю, но и тогда они, не будучи членами какого-либо рода, не становились и членами общества. Только в том случае, когда их принимали в род путем адопции, они получали полные права. Кстати, усыновление тоже не было редкостью. Главное, что в обществе охотников и собирателей труд иноплеменника не представлял большой ценности. «Патриархального раба» нельзя было использовать на той работе, которую не делали бы другие, даже главы семей и родов. Ещё не надо было корчевать лес и пахать землю, как приходилось земледельцам, не надо было гоняться за полудиким скотом как кочевникам, не было развитых домашних ремесел в личном хозяйстве старейшин, а домашнюю работу выполняли жёны, сёстры и дочери. Всё хозяйство охотников и собирателей почти не давало излишков, меняемые продукты труда ещё не превратились в товар, и рабский труд ещё не давал никакой прибыли и не представлял большой ценности, поэтому «патриархальных рабов» нередко отпускали. Скорее всего, алеуты и индейцы северо-западного побережья Америки приобретали рабов для престижа, возможно, под влиянием более развитых соседей земледельцев, скотоводов и европейских колонистов. Тем не менее «патриархальное рабство», по-видимому, стало ступенькой, которая вела на следующую ступень «домашнего рабства» в обществе, живущем за счёт мелиорационного хозяйства, которое создавало возможность расширения не только сельскохозяйственного, но и домашнего производства, нацеленного на обмен продуктов домашнего труда: гончарства, ткачества, которым должны были заниматься захваченные в плен чужаки-иноплеменники.

Само же по себе первобытное общество, ведущее присваивающее хозяйство, вряд ли могло превратиться в классовое общество, способное создать государство. Стремясь усовершенствовать свое бытие, люди охотно заимствуют у соседних племён и народов любые достижения культуры. Особенно легки хозяйственные контакты и заимствования, хотя охотно применяются заимствования и в политической системе [4, с. 316–317]. Обычно более социально развитые соседи смотрят на менее

развитых как на сферу завоевания и источник обогащения, и менее развитые племена и народы обычно подвергаются насилию и эксплуатации, но осваивая более высокую культуру соседей (в том числе и культуру завоевателей) они сами поднимаются на более высокую ступень общественного развития.

Мировоззрение в раннеклассовый период

Возникновение союзов племён и, особенно, раннегосударственных объединений способствовало более быстрому развитию культуры. Развитие земледелия привело к возникновению первых календарей, исходящих из лунного месяца в двадцать девять с половиной суток. Чтобы лунный календарь соответствовал реальному году, вводились дополнительные дни, что требовало уже серьезных арифметических знаний, и, действительно, айны, алеуты и полинезийцы умели считать до 10 тысяч и более. В связи с расширением площади пахотных земель, делением земли на участки, началом рытья каналов, постройкой домов появились геометрические знания. Развивался транспорт, особенно для плавания по морям. Появились не только плоты и долбленки, но катамараны и паруса. Участники обмена с дальними племенами и народами, особенно, мореплаватели, например, полинезийцы начали создавать первые карты, прочерченные на коре, составленные из палочек, стеблей, камешков, раковин, на которых отмечались направления путей, береговая линия, острова, направления ветров и течений. В связи с путешествиями расширились и астрономические знания: стали известны многие звезды и ближние планеты. Совершенствовалась пиктография, фиксирующая ритуалы и передающая разного рода информацию, включающую хозяйственную статистику, исторические и важнейшие события, в которой исторические знания мешались с мифологическими представлениями, и, может быть, стало уже появляться идеографическое письмо. Во всяком случае, на острове Пасхи были найдены дощечки с забытыми и пока не дешифрованными письменами, относящиеся скорее всего к иероглифическому письму, хотя, возможно, частично там изображены и идиораммы. Возник счёт исторического времени, который вёлся по поколениям. Например, полинезийцы таким образом отсчитывали время заселения островов из фольклорной Гавайки. От мифов отделились волшебные сказки, в которых героями стали не культурные герои и боги, а люди, и фантастические приключения представлялись как реальные события, происходившие в прошлом. В бытовых сказках в связи с несправедливостью властителей и богатей возникли мотивы воздаяния простому человеку за альтруизм и справедливость. Развивается и искусство, которое начинает делиться на элитарное и простонародное, выражающееся в украшениях общественных и жилых построек, в предметах быта, изготовленных талантливыми ремесленниками на заказ или сделанными в домашних условиях, но с желанием удовлетворить эстетические запросы [4, с. 299–307; 244, с. 669].

Культурные достижения раннеклассового общества в значительной степени стали возможны благодаря возникновению нового социального слоя — протоинтеллигенции (см. 128). Дело в том, что вождям, правителям и некоторым представителям высшей знати потребовались люди, которые подтверждали бы их право на власть и богатство. С другой стороны, среди свободных, материально обеспеченных людей иногда появлялись незаурядные личности, пытающиеся разобраться в окружающей действительности, облегчить свою жизнь и жизнь других с помощью усовершенствования артефактов. Среди спутников знати появились ораторы, красноречиво излагающие в собраниях их намерения и поступки. Такого рода людей Л.Г. Морган наблюдал уже у ирокезов. Нередко на пирах аристократов появлялись люди произносившие им панегирики, иногда и в стихотворной форме. В это же время в связи с войнами появляется и героический эпос, приписывающий вымышленным героям некоторые сверхъестественные способности, присущие мифическим культурным героям, но наделяющий героев эпоса преувеличенно патриотическими и гуманными качествами. Пирь знати и народные празднества теперь не обходятся без ораторов, сказителей, поэтов, музыкантов, танцоров [4, с. 303; 168, с. 82]. Появились ремесленники, мастерски изготавливающие украшения и предметы быта. Многие из этих людей всё больше и больше превращаются в обслуживающий персонал высшего слоя аристократии [4, с. 306]. Центрами культуры, отчасти, становятся капища и храмы, где жрецы и колдуны передают своим ученикам знания обычаев, событий, врачевания, перемешивая их с ложными мифологическими и религиозными представлениями и иррациональными действиями. Кроме того, появляются прообразы школ, развивающиеся из мужских и женских домов, предназначенных для инициаций. И в этот период школы уже делятся на две ступени. Школы низшей ступени предназначаются для всех. В них дают элементарные знания об окружающем мире и хозяйственные навыки. В школе высшей ступени после окончания низшей школы обучают детей аристократов, которые изучают историю, мифологию, религию и учатся совершать некоторые магические обряды [4, с. 301, 305]. Социальная дифференциация привела к выделению управленческого труда, который стал прерогативой знати. В раннеклассовых государствах появились вожди (наследственные полководцы), наследственные жрецы и колдуны, наследственные правители, наместники и старейшины [4, с. 305].

Глава 2

РАННЕЕ АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО

Южная Америка в эпоху неолита и протогосударств

У историков принято начинать античную (то есть древнюю) историю с истории древней Греции, хотя нередко античность начинают с истории древнего Египта или древнего Шумера, в зависимости от того, какое из этих государств автор считает более древним. Однако, с точки зрения социальной истории, для которой этапы социального развития важнее хронологии, логичнее было бы начинать историю античности с древнеамериканских государств: Ацтекского государства, городов-государств майя и Тауантинсуйу (Империи инков). Дело в том, что история древнеамериканских государств, описанная заставшими их европейцами и дополненная археологическими свидетельствами, известна лучше, чем известная только по археологическим данным история додинастического Египта и дошумерского Двуречья, поскольку в ту эпоху ещё не было изобретено письмо.

Возьмем для примера историю государства инков — Тауантинсуйу. Эта империя имела своих предшественников. Уже во 2 — начале 1 тыс. до н.э. в горной части современного Перу в верховьях реки Урубамбы существовала неолитическая культура Маркавалье. Создатели этой культуры пришли из района к северу от озера Титикака. Они занимались земледелием, животноводством и охотой, выращивали фасоль, наверное, кукурузу и, возможно, картофель, делали керамику. Земледельческие поселения культуры Маркавалье просуществовали примерно 500 лет [19, с. 254–255]. Носители этой культуры, по-видимому, были объединены в племенной союз.

Следующая по времени культура Чавин (XIII–VI вв. до н.э.), названная по местечку Чавин де Уантар на восточном склоне Кордильера-Бланка в Перу, оставила там культовый центр с монументальными постройками и резьбой по камню. Её влияние чувствуется и на последующих культурах [16, с. 799; 24, с. 279]. Очевидно, и эта культура, создавшая городские постройки, также была оставлена племенным союзом или протогосударством.

В долине рек Моче и Чикама, а также Санта и Непенья и на северном побережье Перу со второй половины 1 тыс. до н.э. до середины 1 тыс. н.э. развивалась культура Мочика. Для неё было характерно благодаря вырытым каналам уже поливное земледелие, хотя оно и сопровождалось рыболовством и охотой. Носители культуры Мочика строили дома из сырцового кирпича, прокладывали длинные дороги. В IV–V вв. н.э. появились уже большие мастерские, в которых женщины делали прекрасные ткани. Мужчины умели выплавлять металлы, создавая

различные сплавы из золота, серебра и меди. Знатных покойников, прежде чем похоронить в подземных камерах, мумифицировали [19, с. 261; 24, с. 165; 171, с. 753–754]. Несомненно, что носители культуры Мочика уже достигли протогосударственного развития.

На полуострове Паракас, где река Писко впадает в Тихий океан в V в. до н.э. возникла культура Паракас, тоже достигшая протогосударственного развития, для которой также характерно захоронение мумифицированных покойников в подземных камерах. Её носители были земледельцами и умели изготавливать прекрасные ткани из хлопка и шерсти. Кроме того, они умели отливать медные и золотые вещи. Культура постепенно исчезает в V в. н.э. [24, с. 154, 187; 217, с. 826]. Из культуры Паракас немного южнее неё развилась культура Наска с богатой керамикой, исчезнувшая в VII веке [24, с. 171].

Около 600 г. до н.э. культуру Маркавалье сменила культура Чанапата, которая просуществовала до первых веков н.э. К сожалению, о ней мало что известно [19, с. 255], но можно не сомневаться, что она была не ниже своей предшественницы.

Ко II в. до н.э. в горной части Перу формируются два новых культурных центра. Один из них у озера Титикака с городами Тиауанако и Пукара, захвативший и северо-запад Боливии. Другой, более ранний, у города Уари близ современного Аякучо в Перу. Цивилизация Уари сменила культуры Паракас, Мочика и Наска, но сама около 600 г. н.э. попала под влияние Тиауанако. В Тиауанако и в ближайших районах Анд почитался верховный бог и «творец богов» Виракоча, который создал и бога Солнце, впоследствии почитавшегося в Тауантинсуйу. К середине 1 тысячелетия н.э. в районе культуры Уари появился провинциальный центр — Пикильякта с большим количеством складов для продовольствия и ремесленных изделий, собранных с подчиненного населения [19, с. 255; 24, с. 202, 244, 254; 221, с. 55]. Приблизительно в VIII в. исчезает цивилизация Уари, немного позднее Тиауанако. Близкие этим культурам памятники встречаются и на севере, и на юге, и в центре Перу, как в горной части, так и на побережье и к востоку от Анд. Несомненно, что эти культуры оставили также протогосударства с достаточно развитыми социальными системами.

После упадка этих культур на перуанском побережье океана возвышается государство Чиму (иногда называемое также Чимор) со столицей Чан-Чан (около современного города Трухильо), занимавшее значительную территорию от Тумбеса на севере до Лимы на юге, протянувшись более, чем на тысячу километров, при ширине 50–70 км. и менее. Судя по количеству и размеру домов, население одной лишь столицы достигало 40–50 тыс. человек. Индейцы кечуа, создавшие цивилизацию Чиму, были земледельцами и рыболовами. Для полива засушливых земель они использовали ирригацию. Их каналы простирались на много километров, проходя через несколько долин. Орошались даже сады. В Чиму строились дома из сырцового кирпича, были хорошо укрепленные крепости, соединённые дорогами, тянувшимися на сотни километров, было прекрасно развито ремесло. Ремесленники делали вещи из золота и се-

ребра, украшая их чеканкой, продолжали традиции культур мочика и Паракас, производя роскошные хлопковые и шерстяные ткани. Жители Чиму были язычниками, а их верховным богом был бог Луны, в честь которого строились храмы. Государство Чиму, видимо, относилось к числу раннеклассовых государств, близких к тем, о которых шла речь в предыдущей главе, но более развитым в политико-экономическом отношении. Известно, например, что чиморская знать считала себя происходящей от предков, вылупившихся из посланных с неба золотых и серебряных яиц, а предков крестьян-простолудинов, видимо, не принадлежавших к племени или союзу завоевателей, появившимися из медных яиц [19, с. 260–262; 24, с. 282; 221, с. 92, 96, 206].

Согласно письменному свидетельству, в середине II тыс. н.э. в Перу было также государство Куисманку в долинах рек Чанкай, Чильон и Римак в центральной части тихоокеанского побережья. Однако археологи пока не обнаружили на этой территории городов этого периода [24, с. 127].

Хозяйство и культура Империи инков

Как бы то ни было, но небольшие государства Киту (Кито), располагавшееся в современном Эквадоре, и Кахамарка, занимавшее небольшую часть современного Перу, а около 1470 года и само Чиму были завоеваны инками. То же произошло и со всеми другими цивилизациями Южной Америки. Сами же инки сумели создать громадную империю, которую можно отнести уже к периоду ранней античности. В отличие от государства Чиму, известного главным образом по археологическим памятникам, империя инков известна не только благодаря археологии, но и по ряду письменных источников. Что же касается социальной и политической систем государства инков, то они, по мнению исследователей, во многом повторили структуру общества Чиму [19, с. 80, 93, 96, 260], но пошли и дальше.

Империя инков начала развиваться в результате завоеваний, начатых небольшим союзом племён аймара или кечуа (возможно основанным племенем тамбо), вышедшего из района к югу или северу от озера Титикака под руководством легендарного вождя Манко Капака. Преемник Манко Капака Синчи Рока вошел в союз с сильными соседями, женившись на дочери их вождя. По мере расширения государства расширялись и права завоёванных племён, без чего невозможно было бы защищать страну. При четвертом правителе, Майта Капаке отношение ко всем завоёванным стало как к равным, то есть как к одному народу, что видимо, послужило началом образованию инков как этноса. На протяжении более сотни лет, предположительно, 13 вождей и правителей в результате перманентных завоеваний создали государство, население которого во времена расцвета насчитывало 8, а, может быть, и 16 млн. человек, простиравшееся с юга на север на более чем 5 тыс. км. Столицей государства стал город Куско, расположенный на высоте более 3 тыс. м.

В Куско жил сам правитель Инка, его родственники и высшая знать, состоящая почти исключительно из рода правящего Инки и потомков прежних правителей [19, с. 256; 221, с. 34–35, 55–60].

Основой хозяйства Тауантинсуйу было земледелие. В прибрежных пустынных районах Тихого океана были сооружены мощные ирригационные системы, состоящие из многокилометровых каналов и водоемов. В горах инки устроили располагавшиеся ступеньками террасы. Системой земледелия и ирригации распоряжался значительный чиновничий аппарат. Земледельческие работы на «золотом поле» в Куско начинал сам Инка, втыкая в землю «чикатилью»; на общинной земле — чиновник. Чикатилья, которой инкские крестьяне обрабатывали землю, представляла собой длинную палку с бронзовым остриём. Работая в поле, мужчины и женщины пели ритмические гимны религиозного содержания. Нередко жрецами совершались и религиозные обряды для успеха в работе, особенно для получения хорошего урожая кукурузы. Основной сельскохозяйственной культурой была кукуруза, скорее всего, центральноамериканского происхождения. Инкам было известно около 20 её сортов, по-разному использовавшихся в пищу и для приготовления хмельного напитка — «чичи». На территории Тауантинсуйу был выведен картофель, которого здесь было около 250 сортов. Из картофеля делали «чуньо» (специально замороженный и высушенный картофель), хранившийся на складах. Из других клубневых был известен батат, ямс и «ока», которая могла расти очень высоко в горах. Инки знали также бобовые культуры, прежде всего фасоль, съедобный зерновой сорт лебеды — «киноа», множество сортов тыкв (использовавшихся в пищу и как сосуды), пепино (напоминавшее огурцы), красный перец, арахис, ананасы, чиримойю, папайю, гуайяву, гренадилью, какаоовое дерево, пряности. Они выращивали хлопчатник и агавы, использовавшиеся для изготовления волокон. Кроме того разводился высокий кустарник кока, листья которого, содержащие кокаин, тщательно собирались и использовались для жевания как наркотик. Однако жевать его разрешалось только знати. Тем не менее, занятых, согласно «мите» (государственной барщине), тяжёлым трудом на шахтах или на почтовой службе крестьянам позволялось употреблять немного коки. Коку, которая заглушала чувство жажды и голода, снимала усталость и боль и не давала замерзнуть в горах, использовали также в медицине, особенно в хирургии. Инки разводили и табак, но его только нюхали [221, с. 137–140].

Инки были также прекрасными животноводами. Уже к V тыс. до н.э. в Андах были одомашнены ламы. Возможно, что люди, создавшие культуру Мочика, использовали лам как ездовых животных, но инки на ламах не ездили. Однако стада лам в Тауантинсуйу были огромны. Они как и земля делились на стада Инки, стада Солнца и стада общины. Каждый «пурех» (крестьянин, член общины) держал в загоне поблизости от жилища несколько лам, но в целом на человека не должно было приходиться более десяти лам. Ламы использовались как перевозчики грузов. Их мясо шло в пищу. Подсоленное высушенное мясо наряду с чуньо использовалось как консервы. Разводились также альпаки, но

исключительно ради их мягкой шерсти. На диких предков лам и альпак гуанако и викуний индейцы охотились. Их стригли и частенько (особенно самок и сильных самцов для восполнения стад) отпускали на волю. Особенно ценилась шерсть викуньи, из которой делали ткани для Инки и его ближайших родственников. Разводились на мясо также морские свинки [221, с. 141–142, 207].

Ремесленники Тауантинсуйу были искусными ткачами, которые изготавливали мягкие и цветные ткани как из хлопка, так и из шерсти. Для Инки, его жены и членов его рода делались также одежды (как правило, туники) из птичьих перьев разных цветов. Несмотря на то, что инки не знали гончарного круга и делали керамику от руки, они были искусными гончарами. Кроме того они пользовались методом штамповки, помещая полужидкую глину в твёрдые формы. Их посуда была тщательно изготовлена и хорошо украшена разнообразным геометрическим орнаментом, часто в четыре цвета. Нередко на посуде появлялись изображения растений, бабочек, рыб, птиц и других животных. Встречались даже изделия в форме человеческих голов. Инки умели также делать деревянные сосуды, например, деревянные кубки, украшенные портретами Инки и других важных сановников. Особенных успехов они достигли в обработке меди, бронзы, серебра и золота, которое связывали с Солнцем и «сыновьями Солнца». Все рудники и, конечно, золото и серебро считались принадлежащими Инке. Платина также считалась «белым золотом». Только Инка и аристократы имели право пользоваться этими драгоценными металлами [221, с. 142–144, 237–238]. Платину добывали только в бассейне реки Эсмеральдас на северо-западе Эквадора, золото — из россыпей на склонах Анд, но в большей степени промыванием речного песка, серебро — в рудниках, олово и ртуть — в области Уанкавелика. За время правления Инков в столицу поступило предположительно от 50 до 100 тыс. тонн золота и около 25 млн. тонн серебра. Металл плавил в небольших печах, в которые вдували воздух через медные трубы. Обычно вещи делали путем отливки. Для этого изготавливали модель из твёрдой смолы. Затем модель обмазывали гончарной глиной. При обжиге глины смоле давали вытечь, и в полученную форму заливали металл. После остывания металла, форму разбивали. Таким образом делали вещи для самого Инки. Изделия из металлов инки умели закаливать. Они умели не только отливать, но ковать и паять. Некоторые вещи (например, из платины) отливали, другие (особенно золотые и серебряные предметы культа и художественные изделия) делались из тонких листов, которые было удобнее чеканить. Металлические вещи украшались также гравировкой или инкрустацией. Простые люди пользовались, главным образом, каменными и медными изделиями. Из меди делали инструмент, оружие и утварь. Бронза инков, обычно, включала 10% олова. Ртуть применяли при нанесении позолоты на бронзовые украшения. Инкам было известно и метеоритное железо, но им не пользовались.

Некоторые вещи, сделанные даже из драгоценных металлов, были огромны. Так, например, в храме Кориқанча находилось изображение

Луны из платины диаметром в 10 метров, которое весило более 900 килограммов. На Храме Инти — Кориқанче был помещён громадный золотой диск, символизирующий Солнце. В храме находились золотые статуи лам, золотые музыкальные инструменты и т.п. К храму примыкал Золотой сад, где поля с маисом, деревья и кусты, стада лам и пасущие их пастухи, птицы, сидящие на деревьях, змеи, бабочки и другие животные были выполнены из золота и серебра. По повелению одиннадцатого Инки Уайны Капака была изготовлена золотая цепь, предназначенная обрамлять центральную площадь столицы, длиной в 350 шагов (около четверти километра) и весом в несколько тонн. Во время торжеств в честь подвигов Инки горожане должны были танцевать, держа её в руках. Когда конкистадоры захватили в плен последнего Инку Атауальпу, то потребовали за его освобождение огромный выкуп драгоценными вещами, и инки присылали испанцам гигантский золотой фонтан из дворца императора и другой золотой фонтан, украшенный фигурами людей и птиц, много статуй лам в натуральную величину, золотые барабаны, золотые сосуды для кукурузы, серебряные сосуды в виде кондоров и других орлов. Все присланные в течение 60 дней золотые вещи заполнили камеру Атауальпы немалой площади и высотой в 294 см. Серебра было прислано вдвое больше [221, с. 13, 138–241, 244].

Инки построили большие города и, конечно, крепости для защиты от врагов. Города и крепости строились из каменных блоков или сырцового кирпича. В качестве строительного материала использовали гранит, андезит, порфир. Строительный камень в столицу доставляли с расстояния в 15 км. Камень обрабатывали каменным же долотом. Например, предназначенная для защиты жителей столицы Куско крепость Саксауаман построена из громадных шлифованных ничем не скреплённых каменных блоков, между которыми нельзя просунуть даже лезвия бритвы. В центре города вокруг площади располагались резиденция правителя или наместника, дома высшей знати, Храм Солнца и другие общественные здания. Жилой комплекс обычно строился из зданий, располагавшихся вокруг квадратного двора. Здания были одноэтажными или двухэтажными, и лишь в исключительных случаях строились в три этажа. Двери и окна имели форму трапеции. Трапециевидные ниши заменяли шкафы. Крыши покрывали соломой, реже деревом, хотя крыши дворцов Инки и храмов покрывали пластинами или проволокой из золота или серебра. Благодаря неограниченной власти над всеми подданными, Инки могли собрать на стройке крепостей, храмов, дворцов, резиденций, дорог и мостов десятки тысяч человек. Строительными работами руководили архитекторы, сверяясь с изготовленными из глины макетами. Они пользовались строительными и измерительными приборами, в том числе и изобретённым инками отвесом [221, с. 215–217].

Множество городов инков сохранилось до наших дней. Среди них большой город Писак, расположенный в горах на высоте более 3 тыс. метров над рекой Вильканотой. Город окружен мощными циклопическими стенами с самыми большими трапециевидными воротами. Недалеко расположен прорубленный в скале тоннель, назначение ко-

торого пока неизвестно. В центре Писака расположены Храм Инти, Храм Луны и Храм Радуги, резиденция Верховного жреца, а также высеченный в скалах пункт наблюдения за солнцем. У города расположено два кладбища. На одном из них размером 1000 x 40 м. располагаются десятки мавзолеев, ниш и других могил. Над рекой Урубамба (другое название Вильяконты) возвышается и город Ольянтайтамбо, названный в честь героя исторической драмы. В его центре находилось два жилых комплекса, состоящих из 18 домов. Над городом возвышается большая крепость, основная часть которой высечена в скале. На самом верху крепости поднимается 6 колонн из розового порфира высотой в 4 м., диаметром в 1,5 м. и весом в 50 т., доставленных из каменоломен на противоположном берегу реки. Возможно, они предназначались для недостроенного храма, возможно, — для отражения солнечных лучей. Некогда Инка Пачакути во время сильной засухи воздвиг на центральной площади Ольянтайтамбо 100 золотых статуй, чтобы благодаря присущей им чудодейственной силе вызвать не позднее чем в течение трех дней дождь, но дождь не пошел, и Инка приказал статуи обезглавить. Город знаменит также тем, что в нём хоронили сердца императоров и императриц. Плохо изучен расположенный на высоте 3,5 тыс. м. город Морай, построенный в виде четырех концентрических окружностей. Своеобразен и город Инти-Пата, поднимающийся над речной долиной террасами на несколько сотен метров. Город Рунку-Раккай интересен небольшим дворцом, построенном в плане в форме креста, с расположенным перед ним круглым двором. Город Чинчеро был излюбленным местом отдыха Инки Тупака Yupанки. Там сохранился ряд святилищ и жертвенников, вытесанных в скалах. Один из них — Тетекака интересен вырубленными лестницами, лавками и креслами. В скалах также высечены изображения змей и ягуаров. Севернее Куско в горах расположен город Мачу-Пикчу. Поднимающиеся в горы кварталы соединены лестницами, которых здесь более сотни. В центре его расположена крепость, внутри неё, в скале — солнечная обсерватория. На центральной площади — Храм Солнца, недалеко — построенный из огромных каменных блоков храм с тремя трапиевидными окнами (возможно посвящённый Кон-Тики-Виракоче), рядом с ним — дворец Верховного жреца. На другом участке, «Инкауаси» («Королевском квартале») на скале, где расположено множество маленьких жертвенников, построена полукруглой формы крепостная башня. Южнее башни находится дворец, принадлежавший, скорее всего, принцессе. Справа от главной городской лестницы располагался состоящий из двух зданий дворец, очевидно, принадлежавший её отцу, Инке. Жители города, занятые главным образом обслуживанием правителей, жрецов и аристократов, занимали большой квартал, образованный небольшими домишками. За ним вокруг большого двора построен квартал для ремесленников. За городом, южнее квартала ремесленников стоит большое здание, в котором жили судьи, тюремные надзиратели и палачи, а ниже располагается городская тюрьма со множеством камер с вырубленными в скале крюками, к которым приковывали узников. Недалеко от тюрьмы путь ведёт в подземные пещеры. Тут, в пещерах обнаружено несколько

мавзолеев с тщательно обработанными стенами, в которых, возможно, хоронили Инков. Городок Уайньяй-Уайна также обладает полукруглой крепостной башней, возвышающейся над большой площадью. Очевидно, город был местом какого-то религиозного обряда (возможно очищения), потому что знаменит десятком имеющих архитектурные формы бассейнов и источников [221, с. 220–236]. Инки построили и многие другие города, которые пока что менее известны.

Разные части империи инков соединялись развитой сетью дорог, самая длинная из которых протянулась с юга на север на 5200 км. Дороги были вымощены камнем или сырцовым кирпичом. Через реки, овраги и ущелья были перекинута мосты. Подвесные мосты делали из толстых тросов, сплетённых из волокон листьев агавы. Два боковых троса служили перилами, а на три нижних настилали доски. Эти мосты раскачивались при ходьбе, но могли выдержать целое стадо лам. Через реки сооружали понтонные и складные мосты, а также канатные дороги. В последнем случае на обоих берегах устанавливали по столбу. Между столбами натягивали толстый канат, к которому привязывали корзину, в которую садились люди и в ней перебирались на другой берег. На дорогах находились постоянные дворы — «тамбо», где можно было отдохнуть, поесть и переночевать. Рядом с тамбо всегда располагался продовольственный склад. Каждый мост, тамбо и участок дороги должна была строить и поддерживать община, на территории которой они находились. Кроме того она должна была постоянно пополнять склад. Хотя инки не знали колес и не пользовались повозками, дороги позволяли прогонять по ним гружёных лам, проводить войска и быстро пересылать сообщения [221, с. 168].

На дорогах приблизительно через каждые два километра располагались почтовые посты — «чуклы». Они находились либо при тамбо, либо отдельно. На каждом посту должны были постоянно пребывать два курьера — «часки» в возрасте 18 — 20 лет, которые отбывали повинность на основе миты. Один мог отдыхать, другой постоянно следить за дорогой. Как только дежурный часки замечал на дороге бегущего в белой налобной повязке из птичьих перьев, он должен был выбежать на дорогу и взять передаваемую вещь или выслушать сообщение, которое он должен был несколько раз повторить, чтобы запомнить, и далее бежать до следующего поста. Работа часки была тяжелой и продолжалась не 90, а только 30 дней в году, но была весьма эффективной. Например, расстояние от Куско до Киту, бывшего нередко резиденцией Инки, которое составляло приблизительно 2 тыс. километров, часки пробегали за 5 дней [221, с. 170–171].

Из водного транспорта инки использовали лодки, плетёные из тростника для плавания по малым рекам и озёрам. Они умели строить также снабжённые килем плоты из огромных стволов бальсовых деревьев, на которых даже выходили в океан. На плотях ставили парус, сооружали укрытие для команды и даже устраивали очаг [221, с. 169].

Инки носили одежду: мужчины — короткие (до колен) штаны и рубашку-безрукавку, женщины — длинную одевавшуюся через голову

рубашку. Все носили сделанные из шерсти лам сандалии, а в холодную погоду — длинные шерстяные плащи. Различие в одежде разных племён сохранилось лишь в головных уборах [221, с. 147], которые некогда вели происхождение от изображений голов родовых тотемов, но во времена инков давно утратили первоначальный вид.

Несмотря на развитое хозяйство в Тауантинсуйу не было денег. Продукты труда индейцы меняли. В городах и крупных деревнях каждые девять дней устраивались пункты обмена — «кату», на которых одни продукты менялись на другие. Например, жители гор меняли шерстяную пряжу на хлопчатую жителей равнин. На кату доставлялись красители, морские водоросли, перья попугаев, каучуковый латекс, хинин и другие лекарства. Шел обмен и с другими странами. Инки вывозили золотые и серебряные украшения, роскошные ткани, посуду и т.д., а ввозили некоторые раковины, жемчуг, изумруды и разные красивые вещи [221, с. 145–146].

Шестой Инка Рока основал в Куско «ячауаси» («дом знаний»), где сыновья Инки и другие аристократы могли бы в течение четырёх лет получить знания, необходимые для управления империей. Впоследствии в ячауаси изучали язык кечуа, историю, географию, математику, статистику и «узелковое письмо», астрономию и календарь и получали военную подготовку. В ячауаси учили также религию, включая мифы (в том числе и утверждающие исключительное происхождение «сыновей Солнца»), что вместе с историей должно было показать военные успехи инков и «обосновать» «законность» их завоеваний. Девятый Инка Пачакути пытался создать нечто вроде интеллигенции, собирая вокруг себя «амауту» («мудрых мужей»), «кипукамайоков» («мастеров кипу»), умеющих записывать числовые сведения о вещах с помощью специального «узелкового письма», и других специалистов. Самых выдающихся мудрецов он собрал в новом ячауаси недалеко от главного храма страны — Кориكانчи. Помимо амауту для того, чтобы сделать материал более понятным и приятным, к преподаванию привлекались также поэты и певцы, перелавившие на стихи и исполнявшие ученикам труднодоступные места в учебном материале. Пачакути сделал обучение сыновей аристократов — «курак» и сыновей сановников завоеванных народов обязательным. Именно по его указанию к изучаемым предметам добавились язык кечуа и история мира [221, с. 65, 83, 86, 205].

Для индейских девочек также существовали школы — «акльяуаси». «Аклья» на языке кечуа означает «отбирать», и, действительно, девочек для акльяуаси отбирали специально предназначенные для этого чиновники по всей стране. Девочек учили вести хозяйство: готовить пищу и напитки, особенно ткать. Их учили и другим ремёслам, музыке и пению. Когда им исполнялось 10 и 13 лет, их знания проверялись. Большую часть девушек после окончания учебы возвращали домой к родителям, другим же «избранным» продолжали давать более глубокие знания в ведении хозяйства и в ремеслах, а также по проведению обрядов культа Инти. После окончания учебы многих «избранниц» («аклья») Инка раздаривал вельможам, военачальникам, ученым и прочим отличившимся

специалистам. Они должны были быть наложницами и домашними работницами этих людей. Ещё меньшую часть отправляли служить в храмы Инти. «Невесты Солнца» должны были сохранять невинность, и, если девушка её теряла, то подлежала мучительной смертной казни вместе с согрешившим мужчиной. Уничтожалось даже родное селение такой грешницы. Тем не менее Инка как «сын Солнца» имел право провести ночь с любой из «невест» [221, с. 178–179, 204; 19, с. 260–261].

Судя по разделению школ на мужские и женские, по возрасту обучающихся в них детей, по испытаниям во время учебы и по изучаемым предметам, можно с уверенностью сказать, что они берут свое начало от мужских и женских домов, в которых ещё в первобытное время подростки готовились к взрослой жизни и проходили обряды инициаций.

Необходимость проведения сельскохозяйственных работ способствовала развитию астрономии. Астрономия инков была весьма своеобразна. Они наблюдали главным образом за Млечным путем и сгустками звезд, а не отдельными звездами и планетами. Инка Пачакути впервые построил нечто вроде обсерватории. Из обсерваторий (или из храмов) учёные вели наблюдение в сторону разновеликих каменных столбов, стоящих на западных гребнях гор. В Куско 8 (а, возможно, 12 или 16 столбов) располагалось как на западной так и на восточной окраине. В зависимости от высоты солнца жрецы и ученые делили небо на сегменты, связывая их конфигурацию и определённые звёзды и планеты, находящиеся в определённые дни в том или ином сегменте, с различными сельскохозяйственными работами. Их год состоял из 365 дней. Он делился на 12 месяцев, по 30 дней в каждом. После них было ещё 5 дополнительных дней, а в високосный год — 6. В каждом месяце предусматривался один или два праздника. В названиях месяцев отразились обряды и полевые работы. В районе Куско, например, в течение года выделялось 18 видов работ сроком от полутора-двух недель до двух с половиной месяцев. Инки делали также и солнечные часы, определяя время по тени от каменного столбика, расположенного посреди высеченной в скале пещеры [19, с. 264–265; 221, с. 84, 206–208].

Определённых успехов инки достигли и в медицине, которая как и ранее, в первобытные времена, включала как рациональные, так и магические действия. Например, в период весеннего равноденствия в Куско торжественно проводился праздник — «ситуа», который должен был оберегать здоровье всего народа и отвращать всяческие эпидемии от проникновения в страну. Перед праздником из столицы изгоняли всех собак, всех страдающих неизлечимыми болезнями и всех калек. Праздник начинался в новолуние с появления Инки и криков народа, изгоняющих болезни. После этого четыре члена царской семьи вручали четырём воинам четыре копья, украшенных золотом и перьями попугаев. Воины бежали, поражая копьями незримые болезни, в направлении четырёх сторон света. Преодолев некоторое расстояние воин передавал копье другому воину, тот третьему и так далее, до тех пор пока не достигал большой реки. Тогда он умывался в реке и чистил свое оружие. Народ также был должен искупаться, чтобы очиститься

от грехов, а потом с той же целью помазать специально приготовленной кукурузной кашей все колодцы и амбары. Эпидемии и прочие угрозы здоровью считались изгнанными до конца года. Причиной ряда заболеваний полагали приписываемый большому грех, поэтому в лечении часто принимали участие жрецы и колдуны. Инку и знать лечили также медики из числа амауту, а простой народ — низшее звено жрецов, колдуны и знахари. Однако инки умели лечить подагру, болезни желудка, почек, глазные болезни, малярию, специфические южно-американские болезни, распространяемые местными насекомыми. В лечении использовалось множество лекарственных растений. Среди них можно назвать, например, местное бальзамовое дерево и хинное дерево, из которого изготавливали хинин для лечения малярии, хинин для лечения аритмии сердца и ещё ряд лекарств. Принимали роды и лечили гинекологические болезни акушерки, эти занятия принадлежали исключительно женщинам. Высоко была развита хирургия. Инки умели делать кровопускание и останавливать кровь, вскрывать гнойники, вправлять вывихнутые суставы и многое другое. Известно несколько видов каменных и бронзовых долот и скальпелей. Для обезболивания или одурманивания применяли наркотики нескольких видов. До нас дошло множество изображений людей с ампутированными конечностями. Археологи обнаружили более 10 тыс. подвергшихся трепанации черепов со следами заживления. Иногда отверстия в черепах заделывались серебряными пластинами или коркой тыквы-горлянки [221, с. 209–214].

Инки не умели писать, но пользовались так называемым узелковым письмом — «кипу» для исчисления каких-либо вещей, особенно складских запасов. Их узелковое письмо напоминает современные счёты. Инки пользовались десятиричной системой исчисления. В зависимости от положения на шнуре узелок означал единицу, десяток, сотню, тысячу или десять тысяч. Количество расположенных вместе узелков означало цифру от 1 до 10. Шнуры, означающие цифры, соединялись основным шнуром, и количество и расположение узелков давало общую цифру. Кроме того цвет означал исчисляемые предметы: красный — войско, белый — серебро, желтый — золото. Иногда цвет шнура обозначал и абстрактные понятия: белый — мир, чёрный — болезнь или время и т.п. Однако, согласно легенде, Пачакути Юпанки поручил учёным написать «историю мира», которую они и нарисовали на больших полотнах в специальном помещении — Пукинканча (нечто вроде библиотеки или архива), расположенном на холме Пукин рядом с Храмом Солнца в Куско, которое имел право посещать только Инка и некоторые ученые. Более того, есть свидетельства, что посланцы отправляя Инкам рисованные донесения о посещаемых странах. Возможно, что сообщения инков изображались не только пиктографически, но и с помощью пока неизвестных нам иероглифов, но вопрос о существовании у инков зачатков письменности, несмотря на существование в языке кечуа до-европейского времени слов «писать» и «читать», остаётся открытым [221, с. 187–191].

Несмотря на то, что историческая наука пока не располагает образцами инкской письменности, сохранилось достаточно устных образцов инкской литературы, поэзии и даже одна драма. Народ создавал стихи и песни. Помимо эпической поэзии существовала и поэзия о труде крестьян и ремесленников, родной природе, чувствах и настроениях людей. Стихи и песни исполнялись хором, например, во время работы в поле. Рифмованные стихи создавали и профессиональные поэты. Были и шутливые стихи, наподобие басен, в которых фигурировали животные. Существовала любовная, лирическая и элегическая поэзия. Среди поэтических произведений было множество религиозных гимнов. Иногда стихотворные произведения читались «по ролям», что вело к зарождению драматургии. Декламация и пение нередко сопровождалось музыкой. Инки знали множество видов духовых инструментов, включая флейты, в том числе и флейту Пана, использовали барабаны. Хорошо было развито и танцевальное искусство. Среди танцев были крестьянские, пастушеские, военные и специальные для праздников. Танцы исполнялись с профессиональными предметами, в масках в соответствующих головных уборах и даже в специальных костюмах. Среди драматических произведений были комедии и трагедии. До наших дней дожила, например, драма «Апу-Ольянтай» о судьбе героя и о любви, а также «Трагедия о смерти Инки Атауальпы», драма «Утка Паукар» и ряд других пьес [221, с. 192–201].

***Социальная и политическая системы,
общественные отношения и идеология
Империи инков***

Во главе Тауантинсуйу стоял Инка, считавшийся и почитавшийся подданными как воплощение главного бога Солнца, как «сын солнца» — «Интип Чурин». Его титул — «Инка» происходил от имени бога солнца «Инти» (на языке кечуа). Инка считал себя предназначенным быть властелином всего мира. Народ империи отождествлял себя с Инкой и поэтому рассматривал и себя как «сыновей солнца», ставя себя выше всех окружающих народов и считая себя вправе владычествовать над другими народами и над всем миром [221, с. 59, 135]. Возможно, что первоначально Инку избирали или назначали последовательно из каждой фратрии господствующего племени, одного из четырёх союзных племён и т.п. Известно, например, что знаменитый завоеватель девятый Инка Куси Юпанки, более известный по имени, взятом после коронации Пачакути Юпанки, был избран на советании двух полководцев, верховного жреца и своих братьев — принцев. Однако власть последних правителей стала наследственной. Власть Инки была неограниченной. Он был полубогом, и правителем, и вождём. Первые Инки выполняли обязанности Верховного жреца Солнца, но потом Майта Капак, начавший усиленно насаждать культ Солнца, передал эти функции своему старшему сыну, а его преемник покинул дворец, который был одно-

временно и храмом [221, с. 62]. Жители Тауантинсуйу (подобно всем подданным «священных вождей») верили, что от воплощения Солнца зависит благополучие страны, и если Инка был здоров, то всё должно быть хорошо, если болен и слаб, то народ совершил прегрешения, и страну может постигнуть голод и другие несчастья. Для того, чтобы укрепить силы Инки, иногда ему также как и богу, например, при коронации, при похоронах, в случае большого праздника и, особенно, во время его болезни приносили в жертву детей, чтобы их кровь восполнила силы бога и правителя, хотя человеческие жертвы в Тауантинсуйу были редкостью. Магическая сила, исходящая от Инки (как и всякая «мана») была опасна для окружающих, поэтому предметы, которыми он пользовался и к которым прикасался, так же как и остатки пищи представляли собой для окружающих табу, и всё это вплоть до массивных золотых и серебряных блюд, уничтожал специально предназначенный для этого царедворец [221, с. 39–42, 55, 59, 74, 214, 239, 257].

Когда Инка умирал, его не хоронили, а бальзамировали и отправляли во дворец, где он продолжал сидеть на троне. Чтобы ему можно было жить как царю, вместе с ним должны были умереть многие из его жен, слуг и даже царедворцев, которые должны были покончить с собой, а если были не в силах это сделать, то их одурманивали наркотическим напитком из кавы — «чичей», а затем душили. Продолжая «жить» во дворце, мумия покойного Инки получала необходимое продовольствие, её одевали и развлекали, устраивая празднества, для чего покойному оставляли в собственность поля, которые возделывали принадлежащие ей крестьяне, и стада лам и альпак, которых пасли её пастухи, и множество слуг ухаживало за мумией и её дворцом [221, с. 44–45, 64].

Каждый Инка имел одну законную жену, которую в соответствии с религиозной традицией должен был выбрать из числа своих сестёр (возможно, из-за первоначального материнского счёта родства), хотя нередко нарушал этот обычай, и несколько побочных жён. Свадьба должна была состояться в момент вступления на трон, а после неё — коронация. Инка носил расшитую золотом рубашку и сандалии из чистого золота. Посуда во дворце также была сделана из золота. Стены дворца украшались золотыми пластинами. Первоначально Инки носили украшенные бахромой налобные повязки из красной шерсти, но Пачакути заменил их золотой диадемой. Из золота был сделан трон Инки (покрытый накидками из цветных перьев попугаев), а также носилки, потому что священная особа не должна была ступать по земле. Ещё при жизни Инка назначал себе премника. По обычаю, наследовать трон должен был первородный сын от официальной жены, но инка выбирал наследника из числа и законных и незаконных детей того, кого считал наиболее способным управлять армией и государством, и, если наследником был незаконный сын, то для легитимации его прав в матери наследнику «назначалась» официальная супруга Инки. Выбранный таким образом кронпринц сидел рядом с троном Инки при решении государственных дел, учась управлять, совершал с отцом поездки по стране, ходил в военные походы [221, с. 36–37, 47–49, 108, 239–240]. «Как и в египет-

ском Древнем царстве, у инков правитель считался собственником всех земель. Его персона обожествлялась, а разница между государством и хозяйством царя не осознавалась» [221, с. 259].

Жена Инки также считалась священной особой как его супруга и мать наследника. Ей поклонялись, а она заботилась «о несчастных» [221, с. 47].

Высок был авторитет Верховного жреца — Вильяка Уму, который назначался из членов семьи самого Инки: его сыновей, дядюшек, двоюродных братьев. Он служил в главном Храме Солнца в столице Тауантинсуйу Куско. В храмовом комплексе располагалась и его резиденция. Верховный жрец не только служил Инти, но короновал нового Инку и совершал обряд его бракосочетания. Сан Вильяка Уму был пожизненным. Ему полагалось безбрачие и воздержание. Кроме того он должен был вести аскетический образ жизни: не есть мяса, пить только воду, соблюдать многие посты и благочинное поведение. Ещё десять жрецов, происходивших из одного рода, составляли высшее духовенство, руководившее религиозной жизнью в десяти округах империи. Вслед за ними шли главные жрецы провинций и вновь завоёванных территорий, служившие в тамошних главных храмах Солнца. Вся эта верхушка жила за счёт доходов с «солнечной трети» земель империи и обладала множеством привилегий. Самая большая низшая часть жречества не только служила Солнцу, но выполняла различные доязыческие обряды, связанные с почитанием священных мест и предметов. Дело в том, что после религиозной реформы, проведенной Инкой Пачакути, культ Инти, предназначенный для простого народа, официально стал включать и доязыческие верования, связанные с поклонением обладающим чудодейственной силой священным предметам, располагавшимся в священных местах, некогда связанных с тотемными предками. Помимо них наравне со жрецами почитались колдуны, предсказывающие будущее по внутренностям приносимых в жертвы птиц и других животных, гадавшие на кукурузных зернах, умевшие разговаривать с мертвыми и т.д. [221, с. 35, 71, 87–88, 175–176].

В обязанность жрецов входило приношение жертв. Случалось, что в жертвы приносили людей во здравие императора, чтобы обеспечить успех в войне или изгнать из страны болезнь во время эпидемии. Жертвами обычно были красивые рослые мальчики и девочки в возрасте около десяти лет. Перед жертвоприношением их допьяна поили, чтобы они предстали перед Инти веселыми и счастливыми, после чего убивали каменным ножом, используя для обряда все другие предметы только из золота. Гораздо чаще (в Куско почти ежедневно) в жертву Инти приносили белых лам. Их тела сжигали на кострах, сложенных из украшенных резьбой поленьев. В жертву священным местам и предметам приносили листья коки, хмельную чичу или продукты питания, которые сжигали во время обряда. Бедняки, которые не могли принести даже этих даров, выражая покорность священным силам, просто бросали в восточном или западном направлении несколько своих ресниц. Индейцы верили, что согрешивший может искупить свой грех через ис-

поведь, поэтому Инка и аристократы исповедовались пред Инти. Иногда после исповеди они совершали омовения в горных реках, надеясь, что быстрое течение унесёт с собой их грехи. Простолюдины же могли исповедоваться у любого жреца [221, с. 176–177].

Простые люди, которых называли «хатунруна» («маленький человек») жили в территориальных общинах — «айлью», занимавших, как правило, одно селенье. Во главе общины в доинкскую эпоху стоял «ка-сик» — староста, а при Инках чиновник — «курака». В айлью входило несколько семей, во главе каждой из которых стоял «пурех» — взрослый крестьянин, отслуживший в армии и после этого получивший возможность создать семью. Пурех имел личную свободу, которая была однако строго регламентирована. Дело в том, что хатунруна мог в любое время быть отправлен на войну или на принудительные работы и даже без разрешения не мог жениться. Он должен был отдавать Инке продукты своего хозяйства. Помимо такого оброка он должен был исполнять ещё и барщину — «миту», работая на благо Инки, и участвовать в военных действиях по его приказу. Согласно мите хатунруну могли использовать в любом месте и на любой работе: на строительстве крепостей, дворцов, храмов, дорог, мостов, акведуков, складов оружия, одежды и провианта, на сборах листьев коки на государственных плантациях, на работах камня или в рудниках, но не более 90 дней в году. Во время исполнения миты хатунруна получал от государства необходимую еду и одежду. Иногда на общественные работы мобилизовали десятки тысяч простых людей. Именно благодаря их труду девятый Инка Пачакути Юпанки, собравший на перестройку столицы более 50 тыс. человек, не только обновил и расширил Куско, но построил в горах над ним из многотонных блоков на случай осады неприступную крепость Саксауаман [221, с. 33, 83, 133, 148, 152, 238].

Земля, считавшаяся собственностью Инки, обрабатывалась силами общин. Земля, находившаяся поблизости селения делилась на три части. Одна часть — «земли Инки» обрабатывалась общинниками, но урожаем с неё распоряжался сам Инка, либо его чиновники, решавшие куда пойдёт урожай. Вторую часть составляли «земли Солнца», и урожай с них шёл на нужды религии и жрецов. Третья часть находилась во владении общины. Каждая семья получала участок для собственных нужд. Общинная земля делилась на участки «тупу», размер которых варьировал в зависимости от общего размера площади земли, обрабатываемой общиной. Средний размер тупу, который получал на себя пурех, составлял приблизительно 30 аров. Его жена получала половину тупу [221, с. 136].

Сами простые люди делились на десять возрастных категорий. У мужчин первый класс составляли «грудные младенцы», второй — «грудные дети, начинающие ползать», третий — «играющие дети» (мальчики до 9 лет), которые уже начали помогать в домашних работах. Четвёртая группа состояла из «детей, охотящихся с силками» (от 9 до 12 лет), пятая — из подростков от 12 до 18 лет, которые в основном занимались охраной скота. Молодёжь в возрасте от 18 до 25 лет должна была служить в армии или курьером на почтовой службе. Седьмая категория

«пурехов» была главной. Именно они должны были жениться и работать на государство, олицетворенное Инкой. Мужчины в возрасте от 50 до 80 лет составляли восьмую группу, которые тоже должны были работать, но без тяжелых физических нагрузок и воспитывать детей своей айлью. Девятую группу составляли «глухие старики», старше 80 лет. Последнюю группу составляли вне возраста больные и немощные, хотя и их по возможности вынуждали работать. Например, безногие должны были ткать, вырезать и т.п. Этим калекам разрешалось заключать брак только с себе подобными. Таким образом слепой женился на слепой [221, с. 147–149].

Женщины также делились на десять возрастных классов. Первые два составляли младенцы. Девочки в возрасте от 5 до 9 лет уже должны были помогать в домашней работе и учиться каким-нибудь ремёслам. В возрасте от 9 до 12 лет девочки уже сами ткали, собирали травы, помогали в полевых работах. Девушки пятого класса (12–18 лет) обязаны были выполнять необходимую работу семьи и строго соблюдать невинность. Выйти замуж можно было только с переходом в шестую категорию с 18 лет, хотя разрешалось оставаться дево́й, которую могли сделать наложницей чиновника. Незамужние женщины от 30 до 50 лет, которых тоже можно было сделать наложницами или отправить в услужение в дом чиновника, составляли седьмую категорию. Восьмую категорию составляли женщины от 50 до 80 лет, девятую — старше 80 и десятую больные и калеки, которые также были обязаны по мере сил работать [221, с. 149–150].

Раннее античное общество инков несомненно ещё сохраняло элементы первобытных инициаций, знаменующих переход из одной возрастной группы в другую. Например, приблизительно через два года после рождения ребёнка над ним совершали обряд «руту́чико́й» («пострижение волос»). На обряд собирали всех родственников, пили чичу и танцевали до упаду. Затем старейший из дядёв ребёнка стриг ему ногти и отрезал локон волос. Остриженные волосы и ногти (очевидно, от возможного вредоносного колдовства) старательно прятали. После совершения обряда старший дядя давал ребёнку подарки и впервые нарекал его именем. Вне всякого сомнения, что в этом обряде отразилась ещё первобытная опека авункулом своего племянника, хотя обряд и совершался над детьми обоих полов. Следующая церемония проводилась с мальчиками и девочками при достижении половозрелости. Обряд «уарачикой» для знатных подростков, проводившийся в первый месяц календаря, начинался с двух посещений горы Уанакуари, на которой расположен священный камень, считавшийся окаменевшим легендарным основателем обряда. Подросток должен был испросить у камня разрешение на участие в обряде и при каждом посещении передавать обслуживающим камень жрецам жертвенную ламу и каждый раз получить на лице линию, начерченную кровью ламы, в знак согласия на обряд. После второго посещения святого места родственники должны были старательно пороть возвращающегося домой мальчика, а он показывать, что ему не больно. Поправившись после порки, подросток

должен был сходить на соседний с Уанакуари холм Анауарке и в третий раз принести в жертву ламу и опять подвергнуться порке. После этого группа подростков должна была бежать с горы по сильно пересечённой местности с перепадом в 700 метров вниз наперегонки, что нередко заканчивалось серьёзными травмами. На финише подростков встречали знатные девушки с чашами чичи. Затем совершалось четвёртое восхождение уже на холм Сауарауара после которого мальчики получали новую одежду. После пятого восхождения на холм Яира они получали новые сандалии. Во время шестого восхождения подростки посещали священный источник в Кальиспукике, а, вернувшись, получали оружие и, наконец, новое имя. Девочки проходили обряд «кикучикой» в момент начала первой менструации. Два дня они должны были не есть и не пить. На третий день разрешалось поесть немного кукурузы. На четвёртый день мать умывала и причесывала девочку, надевала на неё новую одежду, обувала в новые сандалии и выводила к остальным членам семьи. Устраивался праздник: пили чичу и весело танцевали. В заключение праздника главный дядя дарил девочке серебро, шерсть и давал новое имя [221, с. 202–207]. Не вызывают сомнения и эти обычаи, восходящие к первобытным инициациям с физическими испытаниями, оканчивающиеся присвоением нового имени.

В более выгодном положении, чем хатунруна оказывались «митимае» («переселенцы»). Митимае составляли колонии на вновь завоёванных территориях. Главной их обязанностью была военная служба: охрана границ, подавление восстаний и шпионаж. Кроме того митимае служили распространителями языка кечуа, прогрессивных приёмов земледелия, ремёсел и культа Солнца, обычаев и нравов инков среди местного населения. За это государство давало митимае средства на постройку жилища, в течение двух лет снабжало их продовольствием. Митимае разрешалось носить серьги и другие украшения как кураке, иногда — иметь несколько жен, а за особые заслуги они могли получить и слуг — «янаконов» [221, с. 135].

Помимо крестьян-общинников, в Тауантинсуйу были люди, не входящие в айлью и не имевшие никаких гражданских прав, которых называли «янаконы». Этот термин происходил от слова «янапай» («служить»), и янаконы действительно служили там, куда их посылал Инка. Янаконы иногда были ткачами, нередко пасли стада царских лам, собирали листья коки и часто работали в рудниках. Они появились в результате завоеваний, когда в рабство стали обращать оказывающих сопротивление или поднимавших восстание. Однако не только покорённые могли попасть в янаконы. Случалось, что кураки или управляющие более высокого ранга отправляли искусных в каком-нибудь ремесле, хороших танцоров или музыкантов из числа общинников в подарок Инке. В этом случае относительно свободный крестьянин терял связь с общиной и превращался в янакона. В свою очередь Инка вознаграждал янаконами доблестных офицеров или заслуженных чиновников из числа аристократов. В прислугу, по воле Инки, могли попасть и мужчины и женщины [221, с. 134, 178, 200–201].

Одним из принципов хозяйства Тауантинсуйу было самообеспечение. Конечно каждая семья пуреха вела натуральное хозяйство. Она обеспечивала себя продовольствием, ткала ткани из шерсти своих лам и т.п. Справедливости ради надо отметить, что не только зависимые от Инки и аристократии люди работали на своих господ, но и государственный аппарат обеспечивал простой народ необходимой пищей и одеждой, включая не только бедных, но старых, больных, калек, сирот и вдов. Особенно заботились о ветеранах войн. Говоря современным языком, в государстве инков появилась первоначальная система социального обеспечения. Например, в голодные годы народу раздавался чуньо, но и в повседневной жизни каждый нуждающийся имел жилище и получал всё необходимое для жизни: основные продукты питания, одежду и обувь. Для этого служили склады и амбары. Тем не менее, и неработающие и работающие жили относительно бедно [221, с. 45, 89, 138, 145, 151].

Для обеспечения жизнедеятельности империи и сохранения порядка в Тауантинсуйу был создан мощный государственный аппарат с чиновниками, судом, армией и религией, поддерживавшей нужную аристократам идеологию. Если человек совершил незначительный проступок, то его судили местные чиновники — «камайоки» и местные аристократы — «кураки». В случае серьёзного уголовного преступления его судили регулярно присылаемые в селения с целью инспекции чиновники, а преступления, грозящие безопасности государства, особенно совершаемые аристократами, судил в Куско сам Инка вместе с высшими судебскими чиновниками. Наказания варьировали от порицания до смертной казни, совершаемой самыми разнообразными, иногда очень жестокими способами. За проступок малолетнего наказывали отца. В том случае, если хатунруна совершал особо опасное преступление, могли наказать всех жителей села. Случалось, что их убивали вместе с преступником, а село разрушали и ровняли с землей [221, с. 153–155].

В случае войны в армию призывали всех мужчин пригодного к службе возраста как аристократов, так и простолюдинов, но и в мирное время все здоровые мужчины из числа хатунруна в возрасте от 18 до 25 лет должны были пройти военную подготовку. Они учились владеть оружием: пращей, топором, палицей, копьем, а некоторые народы учились стрелять из традиционных для них луков. Воинов обучали обороне и нападению, рукопашному бою, осаде и штурму крепостей, подаче дымовых сигналов. Лишь только после армейской службы простолюдин получал право жениться. Каждая деревня в случае войны должна была выставить десять человек. Из них собирались отряды в тысячу, две с половиной тысячи, в пять тысяч, в десять тысяч и в сорок тысяч человек. Последние набирались из всей провинции. Благодаря складам с оружием, одеждой и продуктами, среди которых были чуньо и сушеное мясо ламы, которые должны были быть в каждом округе, а также караванам лам, несущих всё это и водоносам, обеспечивающим воинов водой, а также мощёным дорогам, армия быстро передвигалась и всегда была боеготовна. Боевому духу войск способствовала также старательно насаждаемая идеология, утверждающая, что «сыновья Солнца» несут

завоевываемым народам самый лучший общественный порядок, самую высокую культуру и счастье. И многие искренне верили в это. К тому же военные подвиги и заслуги давали награды в виде металлических (вплоть до золотых) пластин, поднимали человека по лестнице военных чинов и даже могли превратить простолюдина в аристократа. Если правители и чиновники соседних стран и союзов племён соглашались подчиниться Инке, то им сохраняли их должности, хотя на их территориях и устанавливали порядки инков. Если же глава племени или народа отказывался подчиниться, то сопротивляющихся после покорения обычно наказывали смертью. Победа отмечалась грандиозным триумфом покорителей (и прежде всего Инки) и казнями вождей и военачальников, в то время как рядовых пленных воинов могли отпустить домой [221, с. 158–163].

Большой чиновничий аппарат следил за всеми работами и за обеспечением простых людей всем необходимым. В каждой общине над десятью главами семей возвышался «чунчакамойк», над пятьюдесятью — «пикамойк», над пикамойками возвышались «кураки» («большеухие», названные так за уши, растянутые тяжёлыми серьгами), обычно из числа аристократов, хотя эта должность и не была наследственной. Из числа курак назначали «пачакамайоков», руководивших сотней хатунруна. Над ними стояли «уаранкамайоки», надзиравшие за тысячей людей, а ещё выше находились «унукамайоки», руководившие десятью тысячами. Инки сохранили границы территорий прежних государств, рассматривая их как провинции. Во главе каждой провинции был «уамани», над унукамайоками стоял управитель — «тукуй рикок» («тот кто видит все»). Каждая провинция должна была выставять на войну отдельное войско, сформированное из хатунруна. Несколько провинций объединялось в одну из «четвертей империи». Во главе каждой четверти находился наместник «Апо» или «Суйуйок Арукуна», как правило, из числа родственников правящего Инки. Эти наместники вместе с другими сановниками составляли государственный совет при Инке, высказывая ему свои суждения и предложения. Однако решения принимал сам Инка. Кроме того существовали и другого рода чиновники, например, «тукуй рикоку», собиравшие продукты труда общинников сборщики налогов. В отличие от «хатунруна» аристократы не должны были что-либо поставлять и где-либо отрабатывать. Только аристократы имели право носить золото и жевать коку. Более того, чиновники имели право на определённое число наложниц. Тот, кто надзирал за 10 тысячами пурехов, — 20 наложниц, тот, кто надзирал над миллионом, — 30 [221, с. 33–35, 148–151].

Религия инков во многом ещё сохраняла традиции религии протогосударств и даже первобытные формы. Сохранялся культ предков. Верили инки и в «канопы» — духов, покровителей как отдельных людей, так и целых общин. Их олицетворением были «уаки» («братья»), маленькие напоминающие людей фигурки из камня, которых даже правители брали с собой во все путешествия. Отголоски тотемизма можно обнаружить в почитании священных мест (которые ранее, очевидно,

были связаны с тотемами): холмов, скал, пещер, камней, рек, родников, деревьев и т.п. как средоточий сверхъестественной силы, которые также назывались уаками, а также в легенде о происхождении Инков от Солнца. Это относится также и к культу Инки, продолжившим культ «священного вождя», и к мифам о культурных героях. Так, например, миф определяет легендарного основателя государства и династии Инков Манко Капака и его сестру и законную супругу Маму Окльо как детей божественного Солнца, которое отправляет их с неба на землю, чтобы принести живущим во тьме людям свет, знания, закон, порядок, взаимопонимание, дружбу и наказания за преступления: воровство и убийство. Эти знания включают возделывание полей (и прежде всего маиса), разведение скота, употребление кожи, ткачество, шитье одежды и ряд других ремесел, заботу о домашнем очаге и детях, а также некоторые обычаи, ведущие начало от инициаций [221, с. 51–54, 172–174].

Культ божественного Солнца — Инти был, очевидно, культом инкского союза племён, поэтому он и стал официальным государственным культом. Священными были и дети Инти — Инки, выполнявшие его волю на Земле, и даже установленный в стране порядок. Сам Инти изображался в виде диска с мужским лицом, сделанным из чистого золота как металла, принадлежащего Солнцу. Главный столичный храм Кориكانча также был украшен золотым солнечным диском, обращённым на восток, чтобы в нём отражались лучи восходящего Солнца. Большим почтением пользовался также бог Луна, изображение которого делалось из чистого серебра. Весьма почитался и бог Ильяпа — олицетворение грома и молнии. Ильяпа представлялся индейцам статным воином в золотых доспехах с пращей в одной руке и с палицей в другой. Ильяпа мог посылать на землю дождь, отводя его от Небесной реки (Млечного Пути). Крестьяне почитали также мать-Землю как богиню плодородия, Пачамаму, которую порой изображали обнажённой женщиной с пышными формами. Жители побережья почитали мать «Большого соленого озера» (океана) — Мамакочу (Там же). В ряде мест почитали Венеру, в других местах определённые созвездия и даже радуугу [19, с/ 261; 221, с. 172–175, 180]. Все эти объекты поклонения были местными божествами и сверхъестественными существами, восходящими к племенным культам.

Образование государства потребовало унификации религии, для чего Инка Пачакути (как ранее в Египте Аменхотеп IV) предпринял её реформу. Собрав в столице в главном храме страны теологический собор из всего высшего жречества, он провозгласил вместо Солнца-Инти верховным божеством Кон-Тики Виракочу, известного в Перу ещё в доинкскую эпоху, но бывшего ранее второстепенным богом. Виракоча был объявлен незримым извечным божеством, живущим в недоступной человечеству части вселенной, единоличным (без какой-либо супруги) творцом мира, людей и всего живого. Однако индейцы представляли его высоким солидным мужчиной с окладистой бородой. Согласно мифу он первоначально жил в огромной чёрной пустоте, которая ему не нравилась, поэтому Виракоча сотворил светлый день, затем землю,

населив её великанами. Однако великаны показались Виракоче слишком большими, неуклюжими, некрасивыми и не подчиняющимися его наказам, и он наслал на них потоп, продолжавшийся 60 дней. Выбрав местом жительства остров Титикака посреди одноимённого озера (по другой версии город Тиауанако на берегу озера Титикака), Виракоча сотворил Солнце, потом Луну, Венеру и другие планеты, звезды и созвездия. После этого он сотворил людей, разделив их на народы и племена и определив территории расселения. Прямыми потомками первых мужчин и женщин и стали люди, неселяющие первоначальную территорию, занимаемую инками в Перу. Виракоча остался доволен новыми людьми и тогда создал и расселил животных. Потом Виракоча определил людям правила жизни и указал, как надо его почитать. Затем он отправился по стране, населённой людьми, и стал учить их полезным занятиям. Удовлетворившись результатами своего труда Виракоча погрузился в волны океана, обещая, когда придёт время снова вернуться к своим людям. В интерпретации культа, предложенного Пачакути утверждалось, что именно от Виракочи на инков нисходит благословение, а, следовательно, здоровье, покой и благополучие. Для него был воздвигнут теперь уже главный храм — Кечуаканча. Считается, что сам Пачакути сочинил ряд гимнов и молитв в честь Виракочи. Возможно, что среди гимнов и молитв, дошедших до наших дней, есть и его сочинения. Культ Виракочи Пачакути предназначил лишь тем, кто способен его понять благодаря уму, знаниям, глубокому созерцанию и богатому воображению, поэтому он должен был стать культом сановников и ученых. И действительно культ Виракочи нашел почитателей лишь среди верхушки аристократии [221, с. 87–88, 180–182].

Многие легенды и мифы, в частности мифы о сотворении Солнца и других светил, а также людей связываются с доинкским городом Тиауанако, расположенным к югу от озера Титикака. На самом озере, которое считалось священным, особо почитался остров Солнца (на котором по одной из версий мифа Виракоча сотворил Солнце и Луну), который ранее также назывался Титикака. В переводе с аймара Титикака означает «скала Пумы». Эта скала, расположенная на северо-западе острова, была защищена от разрушения чехлом из тонкой викуньей шерсти. Внутри скалы находилась система связанных между собой пещер. Стены пещерных залов были облицованы золотыми пластинами. Входить в них имели право только аристократы из рода Инки. Здесь Инка приносил жертвы своему небесному отцу — Инти и совершал важнейшие обряды. Кроме скалы Пумы на острове Титикака находился Храм Солнца, дом «невест Солнца», дворец, построенный при десятом Инке Тапаке Юпанки и храм Интикойя, посвящённый жене (и сестре) бога Солнца. Другой остров — Коати («место койи», как называли жену Инки) посвящён Луне. Здесь, у пристани сохранились развалины построек, называвшихся «Врата очищения», где паломники перед посещением святынь на островах должны были совершить ритуальное очищение. Ещё на Коати располагался храм Интикойя, а также дом «избранниц Солнца», которые, в частности, должны были готовить для Инки чичу [221, с. 218–219].

Инки верили, что праведники попадут после смерти в рай, который находится на небе недалеко от Солнца. Там они будут пребывать в вечной радости и покое. Вся знать после смерти должна была очутиться в раю вне зависимости от образа жизни. Простые грешники, не исповедовавшиеся в тяжких грехах, после смерти неминуемо попадали в преисподнюю глубоко под землёй. Там они ели одни лишь камни и очень страдали [221, с. 177].

Место Империи инков в социальной истории

Империю Тауантинсуйу можно отнести к ранней стадии античных государств, общественные отношения в которых строго соответствовали степени развития их культуры, а её главным достижением стало сельское хозяйство с земледелием как основным занятием и возделываемой землёй как основным средством производства. Вторичная отрасль хозяйства — ремесло базировалось главным образом на продуктах земледелия и поддерживаемого им животноводства, таких как хлопок, шерсть или кожа. Даже такие ремёсла как гончарство или обработка металлов стали следствием обработки земли. Рациональный подход к возделыванию земли потребовал рационализации и земледельческих отношений, оказавших влияние и на все остальные отношения в обществе. В государстве инков, как и в любом другом античном аграрном обществе, земля рассматривалась принадлежащей всему государству, как некогда территория, занимаемая первобытным племенем, рассматривалась как его собственная и ничья другая территория, а поскольку главой государства был «сын Солнца» Инка, то и территория Тауантинсуйу и всё, что на ней находилось должно было принадлежать священному божественному Инке, и его распоряжения должны были беспрекословно выполняться как распоряжения священной персоны. Именно в силу своей божественной природы Инка получал священное право распоряжаться не только территорией, первоначально занимаемой союзом инкских племен, но и всей завоёванной территорией, поэтому все входящие в его империю племена, говорящие на наречиях кечуанского языка, не принадлежащие к союзу племён завоевателей, составивших аристократию инкского общества, оказались в одинаковом положении без земли и каких-либо средств к существованию. Получилось, что та общинная земля, которую они традиционно обрабатывали также, как и их предки, теперь принадлежала божественному Инке. Теперь они должны были обрабатывать её для самого Инки, включая его бюрократический аппарат и служащих ему аристократов, для жречества, служащего великим богам, от которых зависела жизнь всего населения государства, и лишь оставшуюся часть — для себя лично. Точно также они были обязаны всячески помогать божественному Инке и его людям и в войне, и в мирной жизни при постройке дорог, мостов, крепостей, дворцов и храмов, при разработке необходимого богам и знати золота, при передаче важных донесений и выполнении всяких прочих пору-

ченных сверху работ. Всё это, включая и обработку теперь уже чужой земли и принудительные работы с отрывом от своей общины, в средние века получило название «барщины», а необходимость поставки продуктов из своего хозяйства в государственные склады — «оброка». Другие, входящие в Тауантинсуйу племена и народы, говорящие на диалектах других не родственных языку инков языков, в ходе завоевания могли превратиться в рабов, оторванных от родных общин и отправленных на обслуживание Инки или, в соответствии с его волей, его сподвижников, но могли и получить (и в массе своей постепенно получали по мере расширения государства) те же права, что и остальные хатунруна. И хатунруна и янаконы были фактически двумя подклассами внутри одного класса слуг, потому что и янаконы и хатунруна одинаково могли быть отправлены на службу к Инке или одному из его чиновников. Однако и государство не только собирало налоги и заставляло на себя работать, но брало на себя обязанности по защите и обеспечению воспроизводства производительных сил своих граждан.

Огромная территория империи и необходимость сохранения государственного единства потребовали не только постройки крепостей для защиты от вторжений и храмов для получения от богов помощи в обеспечении благополучия в жизни, но и строительства дорог, развития транспорта, создания почтовой службы, развития астрономии, медицины, культуры и даже создания нового сословия — интеллигенции. Однако наиважнейшим социальным институтом стало государство как система управления страной и орган поддержания социальных норм, необходимых для сохранения установленных общественных отношений. Для этого же служила и насаждаемая в государстве официальная идеология, распространяющая ценности, наиболее удобные для власть предержащих. В соответствии с этой идеологией, Инка должен был почитаться как священная особа, наделённая божественной силой (обладающей страшным табу), от благополучия которой зависит благополучие всей страны. Религия с культом Инти и Виракочи должна была поддерживать веру в божественное происхождение Инки и установленного порядка. Божественное происхождение установившихся отношений подтверждали мифы. Для укрепления официальной религии создавался пантеон богов во главе с верховным богом, в утверждении авторитета которого принял участие сам Инка Пачакути, а, главное, в неё были включены все доязыческие народные верования. Но главным догматом, утверждающим существующий порядок, было представление о существовании после смерти, где Инке требовались для загробной жизни слуги и, следовательно, при захоронении — человеческие жертвы. Аристократы попадали прямо в рай, а простые люди для того, чтобы туда попасть, должны были вести праведный образ жизни, конечно, не нарушая установленных порядков, а то, что в Тауантинсуйу лучшие в мире общественные отношения, внушалось в ходе повседневной социализации. Этой же цели в значительной степени способствовало создание первых школ. В материальной жизни для поддержания существующих норм поведения существовали уже ярко выраженные атри-

буты государственного аппарата. Это — армия, не только завоевывавшая новые территории, но и подавлявшая периодически поднимаемые восстания, это — суд, находившийся в руках Инки и государственных чиновников, это — сам бюрократический аппарат, включающий гражданских чиновников (высшие категории которых составляли аристократы с родственниками Инки на вершине), армейских военачальников, поставленных почти исключительно из среды аристократов (опять же во главе с сыновьями, братьями или племянниками Инки), а также уже упомянутые жрецы с местными иерархами и верховным жрецом. Утвердившаяся социальная лестница почти не позволяла вертикальной социальной мобильности, хотя по мере расширения государства требовалось и расширение государственного аппарата. С этой целью за особые заслуги, послушных системе простых людей иногда включали в состав гражданских, военных или духовных чиновников, и они пополняли ряды аристократов, а также признавали в качестве общегосударственной аристократии часть аристократии завоёванных племён и народов, доказавшую верность Инке и его наместникам.

Глава 3

АНТИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО СО ВСЕМИ ИНСТИТУТАМИ

Предыстория древнего Египта

Древнеегипетское государство, со стороны исторической хронологии, было самым древним государством с полностью развитой общественной структурой, и, с социологической точки зрения, оно должно расположиться на чуть более высокой ступеньке, чем государство инков. В отличие от инков египтяне не заимствовали общественных отношений у каких-либо предшественников, а сами впервые развили их из отношений ещё первобытных. Предки египтян — чернокожие нубийцы (относящиеся к промежуточной расе между негроидной и европеоидной расами, говорящие на языке, входящем в хамитскую группу языков) и бродившие к северу от них европеоидные так называемые «ливийцы» (говорившие на языке, относившемся к семитской группе) в 10–7 тыс. до н.э. кочевали предположительно в степях к западу от Нила, занимаясь сначала охотой и собирательством, а в конце этого периода осваивая примитивное земледелие. В связи с иссушением климата и превращением степей в Ливийскую пустыню, ранним земледельцам пришлось в 6 тыс. до н.э. спуститься в начинающую просыхать от болот долину Нила. Ранее появились нубийцы, заселившие долину Нила приблизительно от места слияния Белого и Голубого Нила почти до Дельты, затем «ливийцы», занявшие дельту. В конце 6–5 тыс. до н.э. население долины

Нила занималось преимущественно земледелием, которое потребовало от них начать создание мелиоративных систем, позволяющих главным образом осушать тогда ещё болотистую долину Нила и начать осваивать земли вокруг Меридова озера (Биркет-эль-Карун) в Файюмском оазисе, питаемого рукавом Нила Бахр-Юсуф [205, с. 114; 204, с. 80].

В середине 5 тыс. до н.э. население долины Нила уже приручило пчел, разводило коз (по-видимому, приведённых из Передней Азии) и обладало значительным набором каменных орудий труда, включавших молоты, ударники, топоры, тёсла, наконечники кирок и мотыг, вкладыши деревянных имевших ещё прямую форму серпов, пилы, ножи, резцы, скрёбла, проколки, пряслица, ручные зернотёрки, в это время ещё использовало бумеранги. Неолитическое население уже строило каркасные дома. Среди орудий и утвари преобладало дерево разных, в том числе и очень твёрдых, а также привозимых из других краёв пород, и предки египтян самостоятельно разработали разнообразные методы его обработки [91, с. 141–146; 204, с. 53; 205, с. 89–90].

Очевидно позднее, в конце 5 тыс. до н.э., в долине Нила научились плавить медь из малахита, что знаменовало начало эпохи энеолита (медно-каменного века), обрабатывать твёрдые породы камня, из которого изготавливались каменные сосуды. Нильский ил превращается в строительный материал, и из него, обмазывая соломой, камыш или папирус, делали блоки и стены для держащихся на столбах круглых и овальных сводчатых или куполообразных жилищ. Дома выстраивали по обе стороны улочки. Такого рода строительные приёмы сохранялись на протяжении почти всей истории Древнего Египта. К этому времени люди научились строить дамбы и каналы для орошения и задержания ила. Сильно заболоченную Дельту удалось освоить немного позднее. Жители долины Нила выращивали ячмень и эммер, которые хранили в плетёных корзинах в глубоких ямах, очень рано стали содержать домашних коз, разводили крупный скот с рогами в виде лиры, свиней (главным образом в Дельте и Файюме) и ослов. Продолжались попытки приручения и одомашнивания. Например, в охоте на крупных животных уже использовали львов. Обычно охотились с луками и стрелами. Простой лук состоял из деревянной дуги, соединённой титевой. Сложный лук, имевший двойной изгиб, был мощнее и позволял охотиться на крупных животных. Однако стрелы ещё держали в руке, не зная колчанов. Короткое древко стрелы с прямоугольным вырезом под титеву вставлялось в тростник, с другой стороны которого вставлялся обычно каменный (редко медный) наконечник. Для охоты на крупных животных, живущих в воде, пользовались костяными, роговыми и т.п. гарпунами, привязанными к древку длиной почти в рост человека. Такое древко при погружении раненого животного плавало на воде, что позволяло не терять добычу. Первые медные украшения: булавки, бусы, а также свёрла и другие орудия ещё мало применялись. Землю, например, обрабатывали ещё деревянными мотыгами (состоящими из двух кусков, связанных продетой в отверстия верёвкой) с каменными наконечниками, а жали деревянными с кремневыми вкладышами

серпами уже изогнутой формы. Даже шила и наконечники свёрл для высверливания камня с помощью абразива оставались ещё деревянными. Дерево обычно использовалось в качестве рукояток разного рода орудий (хотя иногда встречались рукоятки, намотанные из лыка). Оно продолжало оставаться основным материалом для изготовления утвари: не только шкатулок, ложек, гребней, шпилек, палеток, бус, но, иногда, чаш и прочих сосудов [91, с. 141–145; 205, с. 74–98, 152].

В так называемый Додинастический период истории предки египтян «осушили долину Нила и очистили её почву от зарослей леса, тростника, папируса и других болотных растений». Количество медных изделий постепенно увеличивалось. В Первый додинастический (амратский) период (конец 5 — начало 4 тыс. до н.э.) появились небольшие медные долота, наконечники стрел и гарпунов, иглы, рыболовные крючки, щипцы, браслеты и кольца, изготовленные способом холоднойковки. Вместе с тем, вместо молотов ещё использовались камни и деревянные колотушки. Ещё ручная керамика стала разнообразной и аккуратной по форме и хорошо обжигалась. Стала применяться глазурь, а процарапанный орнамент иногда заливался белой пастой. В это время появляется фаянс, приготовленный из глазурованного толченого кварца. Из фаянса делали бусы, напоминающие лазурит и бирюзу, и амулеты. Появилось первое стекло, пока ещё непрозрачное, из которого делали бусы. Продолжалось плетение корзин и циновок, от которого перешли к ткачеству из льна. Научились использовать в охоте собак. Уже в это время, а по-видимому и ранее, велись войны. Это подтверждается вооружением людей не только копьями с древками и каменными (реже медными) наконечниками, луками, бумерангами, но и щитами, состоящими из деревянных рам, обтянутых звериными шкурами [91, с. 142–144; 203, с. 10; 204, с. 68, 80–82; 205, с. 90, 114–118, 124–126].

Во Втором додинастическом (герзейском) периоде (приблизительно 3600–3000 гг. до н.э.) предки египтян окончательно перешли к оседлому образу жизни. Они научились отливать медь в открытые формы, что позволило расширить набор инвентаря: тяжёлых топоров для вырубки лесов, долот и тёсел, ножей, кинжалов, наконечников копий, проволоки, тазов, кувшинов и мотыг, необходимых для полевых работ, что способствовало повышению производительности труда. Известно и несколько украшений из железа, по-видимому, добытого из руды, но как пока неизвестно. Тем не менее ещё редкие и дорогие медные изделия — малодоступны, и дерево остается самым распространенным материалом. Из дерева делали потолки погребальных камер и саркофаги, столбы в качестве опор для крыш жилищ. Даже для добывания огня путем сверления, по-видимому, ещё использовали деревянные стержни и дощечки. Керамика, изготавливаемая теперь на гончарном круге, становится более разнообразной по цвету и орнаментике. Наряду с геометрическим орнаментом появляются изображения животных, людей и лодок с деревьями вместо мачт, что возможно указывает на путешествие умершего в загробный мир. Интересно изображение на одной из чаш сцены охоты с собаками, которой придаёт динамику чередование холмов и деревьев

как фона. Развитие производительных сил позволило прорыть каналы, насыпать дамбы, плотины и земляные валы, осушить часть болот, создать систему бассейнового орошения; привело к изобретению сохи, значительно расширило площадь пахотных земель. Нильская вода, поступающая по каналам на поля во время разлива реки, несла с собой плодородный ил. Тогда же, по-видимому, была окультурена финиковая пальма. Наряду с одомашниванием скота предки египтян пытались приручить некоторых диких животных, например, антилоп, которых уже держали в специальных загонах. Теперь прямоугольные дома строили из соломы и тростника, обмазывая глиной. На противоположной от двери стене вверху устраивали маленькие окна. По Нилу уже плавали на легких вёсельных папирусных судёнышках и больших деревянных лодках. Суда обычно снабжались каютками, в которых можно было жить. В эту эпоху уже ведутся частые войны, что заставляет обносить стенами поселения и строить крепости из сырцового кирпича. Судя по гробнице в Иераконполе, стены которой разрисованы сценами охоты, единоборства воинов, изображениями культовых лодок и т.п., и по инвентарю, сопутствующему покойному, в ней похоронен вождь [91, с. 140–143; 201, с. 367–368; 204, с. 11–12, 57; 205, с. 46, 61, 66, 70–71, 90, 94, 96, 109, 116, 129, 152–153], что явно указывает на существование племенных союзов.

К этому времени климат Африки стал суше, что потребовало более искусной системы орошения, требующей единства действий земледельцев в период сезонных разливов с июня по октябрь для удержания главного источника влаги — паводка. Сама река как естественный путь сообщения и необходимость сооружения дамб и каналов способствовали объединению людей и племён в союзы, и в 4 тыс. до н.э. египтяне начали формироваться как народ, сохраняющий некоторые особенности (в антропологическом облике и диалектах Севера и Юга). В середине 4 тыс. до н.э. в долине Нила уже научились хранить зерно в глиняных кувшинах внутри ям, изготавливать самые разнообразные каменные и медные орудия и оружие, писать иероглифами и поклоняться местным богам, которые позднее войдут в общеегипетский пантеон, и в долине Нила уже сформировалось (скорее всего, из бывших союзов племен) 20 протогосударств в Дельте и в самом нижнем течении Нила на территории, получившей позднее название Нижнего Египта, и 22 протогосударства выше по течению на юг, вплоть до первого порога на территории, получившей тогда же название Верхнего Египта. Впоследствии они превратились в административные округа единой страны, названные греками номами (образованиями, владениями), и их количество незначительно менялось. В каждом номе был свой пантеон богов, скорее всего, во главе с богом, почитавшимся в его столице. В связи с сезонностью сельскохозяйственных работ, связанных с разливами Нила, возникает ещё несовершенный календарь, включавший 3 сезона, в каждом из которых было по 4 месяца. Эти периоды носили названия: «ахет» («половодье»), «перет» («выхождение»), «шему» («сухость»). Разлив Нила и новый год для египтян начинался в июле с восходом Сириуса (звезды Пса) и

заканчивался в октябре, после чего начиналось выхождение почвы из под воды, посев и прочие сельскохозяйственные работы. В сезон сухости в апреле или мае созревали зерновые и собирался урожай, после чего опять наступало половодье. В конце 4 тыс. до н.э. была изобретена соха, что значительно продвинуло вперед технику полеводства [88, с. 21–23; 107, с. 181; 204, с. 15, 26; 205, с. 48, 56, 66; 227, с. 265–266].

Еще во второй половине 4 тыс. до н.э. мелкие египетские государства слились в Северное и Южное царства, объединившие соответственно Нижний и Верхний Египет. В конце IV или начале III в. до н.э. египетский жрец Манефон написал историю Египта, разделив ее на 3 периода: Древнее, Среднее и Новое царства, в течение которых страной правили цари, объединённые им в 30 династий. Согласно традиции он (а позднее Геродот) приписал объединение страны в единое государство, произошедшее в конце 4 тыс. около 3000 г. до н.э., первому царю Менесу (Мену, Мину, Хор-Аха), хотя, возможно, оно произошло при царе Скорпионе (возможно, Нармере). Объединению предшествовала шедшая с переменным успехом длительная война Севера и Юга, в которой победили южане, и с тех пор каждый правитель Египта именовал себя царем Верхнего и Нижнего Египта и носил двойную корону, составленную из корон обоих царств. Недалеко от Дельты на завоёванной территории, очевидно, Менес построил крепость, ставшую вместо Иераконполя (на юге) и Буто (на севере) столицей объединённого государства, известной под греческим названием как Мемфис. В конце 4 тыс. до н.э. египетское войско вооруженное булавами, топорами, кинжалами, копьями, луками со стрелами и невозвратными бумерангами формировалось из отрядов, по-видимому, представлявших союзы племён (или номы). Каждый такой отряд имел свой штандарт с символическим изображением наиболее почитаемого им бога. Булава вождя, объединителя номов стала вотивным символом царской власти. В конце II династии с созданием единого хозяйства произошло окончательное объединение Египта [88, с. 22–23; 204, с. 14; 205, с. 130, 132].

Раннее царство

О периоде с 3000 по 2800 гг. до н.э., получившем название Раннего царства, в который правили цари первых двух династий, мы знаем сравнительно мало. Известно, что поселения и города обносятся стенами и строятся крепости из сырцового кирпича, достигающие в высоту 10–20 м. Сильно возросло количество орудий труда, изготовленных из меди, находимых в гробницах того времени. Среди них: наконечники мотыг, долота, тёсла, пилы, ножи, пробойники, шила, иглы, пластинки, сосуды. Найдено несколько украшений из железа, предположительно сделанных в результате выплавки из руды. В Восточной пустыне добывалось золото, из которого уже делались украшения. Известен даже золотой скипетр царя Хасехема. Керамику стали делать на гончарном круге. Производство каменных сосудов достигло расцвета. Египтяне

умели уже обрабатывать твёрдые породы камня: базальт, порфир, диорит, гранит, граувакку, серпентин, не говоря о более мягких брекчии, мраморе, гипсе, стеатите и туфе. В это время, очевидно, был изобретён горизонтальный ткацкий станок, что ускорило процесс тканья и повысило качество тканей [189, с. 95; 204, 80–88; 205, с. 90–96, 115, 126].

Тогда же в основном была сформирована единая система орошения. Несмотря на то, что уже появилась соха, землю ещё обрабатывали вручную деревянными мотыгами с каменными наконечниками. Землю наносили в корзинах и копали мотыгами. Очевидно, началось и осушение Файюмского оазиса. Осваивали новые культуры. Например, стали выращивать ююбу, плоды которой использовали для лекарства. В хозяйстве разводили домашних животных, а для охоты использовали даже ручных гепардов. В Египте ещё сохранялись сельские общины и местные первобытные традиции. В каждом номе уже были деревни с пашнями, садами и виноградниками, располагавшиеся на краю долины и степи, несколько городов и своя укреплённая столица со своим наиболее почитаемым богом, а также своя знать во главе с номархом — «рэпат хатиа» («наследным принцем», «князем»), хотя по мере укрепления власти номархов начинает назначать сам царь. В Файюмском оазисе тоже уже были значительные поселения и своя столица — Шедет [88, с. 23; 204, с. 43; 205, с. 45–49, 54, 71, 83]. Вместе с тем, всё более и более укреплялось единство страны, воплощённое в священной особе царя, рассматривавшегося как воплощение бога на земле, от здоровья которого (как и ранее от «священного вождя») зависело благополучие державы. Единству способствовала необходимость поддержания обороны от врагов и необходимость содержания в порядке системы орошения. Кроме того, цари с личной дружиной и ополченцами совершали походы на юг в Нубию, на запад в Ливию и на восток в Палестину, и иногда подавляли восстания, хотя об этих событиях мало что известно. Интересно отметить, что считающийся основателем Раннего царства Нармер изображен на палетке тех времен в традиционной одежде с бычьим хвостом (Хвосты животных иногда носили египетские воины в додинастические времена.), что говорит о сохранении каких-то тотемистических представлений, идущих от племенной эпохи [88, с. 23–25; 205, с. 164].

Если верить Диодору, то уже Менес издал первое законодательство, но обычное право, характерное для догосударственного общества, продолжало преобладать. Сложившиеся к этому времени мифы ещё отражали обычай самосуда, а также устройство судебных поединков, где победитель признавался правым и получал спорное имущество. Очевидно, в эту эпоху в мировоззрении и религии египтян начинают складываться общие представления. Это касается представлений о смерти и загробной жизни, легенд о деяниях богов, в которых реальные факты переплетаются с невероятными явлениями. Очевидно, воспоминания о борьбе между жителями долины Нила и кочевниками Ливийской пустыни (тогдашней степи) отразились в легенде о борьбе между богом Осирисом и его злым братом Сетом, побеждённым сыном Осириса богом Гором. Недаром в титулатуру египетских царей вошло имя Гора, который рас-

смаатривался как прообраз каждого властвующего царя. Согласно легенде, Осирис был погребён в городе Абидосе, но благодаря жене, богине Исиде воскрес и превратился в бога умирающей и воскрешающей природы и владыку потустороннего мира [107, с. 213; 110, с. 413; 190, с. 230; 192, с. 179, 281–282].

В этот период уже сложилась довольно высокая культура. Египтяне первыми изобрели письменность. Они писали иероглифами, упрощённо изображающими одушевлённые и неодушевлённые предметы. Первые египетские надписи представляют нечто среднее между пиктографами, идеограммами и фонограммами, что наглядно показывает нам их происхождение. В эпоху Раннего царства египетское иероглифическое письмо уже было звуковым. Иероглифы располагали вертикально, читая их сверху вниз или горизонтально. Тогда они читались слева направо, если иероглифы, изображающие людей и животных обращены взором вправо или справа налево, если они смотрят налево. Слово или его часть обычно образовывали квадрат, в котором слова читались по спирали. Каждый иероглиф-идеограмма обозначал слово, иероглиф-фонограмма — слог (состоящий из одних согласных), отдельный согласный или так называемый «полугласный» звук. Гласные звуки не обозначались, но подразумевались как сопровождающие согласную букву в слог. Каждое слово обычно заканчивалось иероглифом-детерминативом, означающим характер предмета или действия, которые обозначают данное слово. Один и тот же знак в зависимости от расположения мог служить или идеограммой, или фонограммой, или детерминативом. Иероглифы высекали на камне или старательно вырисовывали разными цветами на камне, на дереве. Египтяне изобрели также писчий материал, названный впоследствии греками по имени растения, из которого его изготавливали «папирусом». От этого слова происходит название бумаги во многих современных европейских языках. Первый неиспользованный свиток папируса был найден в гробнице вельможи, жившего ещё при первой династии, приблизительно на рубеже 4 и 3 тыс. до н.э. Стебли папируса разворачивали, разрезали на полосы и высушивали. Затем их склеивали в двуслойные листы, верхний из которых располагали вертикально, а нижний горизонтально. Самый длинный из известных нам папирусов достигает 45 м. На папирусе писали кисточками, сделанными из стебля одного из болотных растений, кончик которого разжевывался. Писали чёрными чернилами, сделанными из сажи и красными — из охры. Надписи на папирусах представляли собой несколько стилизованные иероглифы. Письменность была настолько развита, что появились рукописи, в частности медицинские трактаты. В одном из них, например, говорится о кровеносных сосудах и ревматизме, в другом — о приготовлении средства для рращения волос [108, с. 295–301; 113, с. 425; 227, с. 252–253].

Египетская письменность выросла из рисунка, который уже при первых династиях, как и, вообще, всё искусство и даже архитектура, приобрел канонические черты. Египетские каноны освящались религией и передавались из поколения в поколение, и древние произведения

искусства считались образцами для подражания. Человеческие фигуры на рисунках и барельефах обычно изображались так, что головы повернуты в профиль, плечи развернуты в фас, туловища — в три четверти, а ноги — опять в профиль, и обычно отстоят одна от другой на расстоянии шага. При этом царь всегда изображался больше всех остальных людей. Иногда вельможи бывают меньше царя, но больше простых людей, которые всегда рисуются меньше царя или знати. Скульптура всегда бывает фронтальной, голова смотрит вперед, руки, обычно, симметричны, ноги на расстоянии шага [201, с. 366–377].

Древнее царство

Последующая эпоха — Древнее царство продолжалась приблизительно с 2800 по 2250 гг. до н.э. В это время правили III–VI династии царей. Земледелие значительно продвинулось вперед. Относительно сухие земли Верхнего Египта использовались преимущественно под зерновые, особенно, под ячмень, хотя выращивали также овощи, разбивали сады и виноградники. В болотистом Нижнем Египте было больше лугов, садов и виноградников, а с конца Раннего царства стали высевать зерновые, особенно, влаголюбивый эммер (полбу-двузернянку). Централизованно по приказу царей сооружались большие каналы, позволявшие орошать земли, недоступные паводкам и создавать для садов искусственные пруды, что позволило расширить посевные площади за счет земель на краю высыхающей степи, а дренажные каналы позволили осушить приречные заболоченные земли. Местную ирригационную сеть должны были поддерживать крестьяне. На низких близких к реке землях располагались поля, на высоких на краю с полупустыней — сады, виноградники и огороды, которые поливали вручную из специально выкопанных прудов или глубоких колодцев, которые питались грунтовыми водами или водами Нила. На берегу пруда обычно высаживали влаголюбивые растения. В саду располагались и маленькие огородные грядки, огороженные невысокими глиняными валиками для задерживания воды, в которые поштучно сажали лук, чеснок, латук. Такая технология выращивания давала хорошие плоды. Например, латук достигал человеческого роста. Растения высаживали в определённые сроки. Плодовые деревья, среди которых преобладали дикие смоковницы и окультуренные (сикоморы), и кусты также высаживали в ямки с плодородной землей. В условиях летней жары каждый горожанин стремился приобрести садик хотя бы с парой деревьев и колодцем, поэтому сады были не только у вельмож, но и у простых горожан. После схода водой земли на полях разбивали мотыгами. После этого появившейся ещё в додинастический период сохой, запряжённой быками или коровами и направляемой мужчиной, делали в земле неглубокие борозды. Зерно сеяли вручную, выгоняя на поле овец или свиней, которые втапывали семена в землю. Лён женщины или мальчики засевали в лунку. Египтяне сажали ячмень и эммер, которые часто сеяли вместе для защиты пшеницы более устойчивым к

засухе ячменём, лён (как техническую и масличную культуру), кунжут (для получения масла), овощи (лук, порей, чеснок, латук на салат и на масло, огурцы, тыкву, арбуз, редьку, репу, петрушку, укроп), фрукты (финики, орехи дум-пальмы, наиболее распространённую ягоду — инжир, персеи, ююбу, напоминающий маслины балонит, высокий темно-пурпурный, почти чёрный виноград и низкий виноград другого сорта). Они выпекали из ячменя хлеб и приготавливали «пиво» (скорее некрепкую брагу из забродившего перетёртого хлеба, которую вынуждены были пить вместо грязной нильской воды), делавшееся также из пшеницы. Позднее в Египте получили распространение также чечевица, бобы и турецкий горох, которые способствовали обогащению почвы азотом. Урожай снимался раз в год, и пять-шесть месяцев земля находилась под паром и обогащалась илом [88, с. 25; 204, с. 20–23, 30, 42–53; 205, с. 48–72].

Когда созревали хлеба на полях, во главе с начальником появлялись чиновники, служащие знатному человеку, номарху или царю, измеряли длину и ширину пашни и записывали её размеры. Хлеба жали деревянными серпами с острыми кремневыми вкладышами, закреплёнными клеем и глиной, под музыку и пение под надзором надсмотрщиков. Каждый уборщик урожая имел определённый урок на день. Если урок не выполнялся, то неловкого работника надсмотрщик мог наказать бичём, а, если бы он вздумал убежать, то его настигли бы собаки надсмотрщика. По мере необходимости на помощь уборщикам урожая на поле номарха отправлялись «царские слуги». Сжатые снопы укладывали в мешки, грузили на ослов, перевозили на гумно и складывали в скирды, затем молотили на току ослы или овцы, быки, коровы с телятами. Потом женщины очищали зерно от мякины и провеивали лопаточками и через решето, мужчины сметали его в кучи. Готовое зерно измеряли и регистрировали писцы. За работой также следили надсмотрщики с собаками. Хранили зерно в глиняных сосудах в зернохранилищах. Виноград под ритм кастаньет в круглом каменном чане давили ногами мужчины. Оставшиеся выжимки отжимали в мешке выкручиванием. Сок сливали в сосуды и давали перебродить. Вино сливали в сосуды с горлышком, которое заливали гипсом. Во времена V–VI династий уже было известно несколько сортов вин. Египтяне любили цветы и сажали акацию, жасмин, олеандр, алтей, хризантему, составляли букеты из полевых васильков и водяных лотосов. Основную пищу египтян составляли ячменные и пшеничные хлебцы и «пиво». Обычно ели также пшеничную кашу, лук, лук-порей, чеснок, салат-латук, огурцы, сушёную рыбу. Зажиточные люди помимо этого употребляли в пищу больше разных видов овощей и фруктов, пироги, мясо домашних и диких животных, сыр, пили не только пиво, но молоко, вино, медовый и другие напитки [88, с. 70–74; 204, с. 33–43, 52, 77; 205, с. 64–66, 162–163].

В Египте содержали стада коров и быков, овец и баранов, коз, ослов. Скот египтяне использовали в земледелии как рабочий, как транспорт, держали на мясо и для молока. Скот содержали в хлевах и в загонах на пастбищах, когда пасли его на краю примыкающей к долине Нила полупустыне. В Дельте же ещё были луга с клевером, викой и люцер-

ной. Крупный рогатый скот состоял из животных разных мастей, но для Древнего царства характерна порода крупных быков с длинными лирообразными рогами, наряду с которыми существовали и другие породы. Крупный рогатый скот использовался при пахоте и молотьбе, при перевозке тяжестей, но охотно пили и надоенное молоко. Разводили и мелкий рогатый скот, использовавшийся для втаптывания семян при посеве. Козы, очевидно, были заимствованы. По-видимому, египтяне пользовались козьим молоком, поскольку уже делали сыр. Главными вьючными животными при перевозках и для сельскохозяйственных работ были ослы. Они возили снопы с поля на гумно и молотили зерно. Скот содержали в хлевах. Коров кормили травой, телятам готовили пойло. Пасли обычно виды скота отдельно на краю пустыни, отправляя по вечерам в загоны, чтобы уберечь от диких зверей. Бывало, что скот перегоняли из Верхнего Египта на богатые травой пастбища Дельты. Пастбой занимались мужчины и мальчики-подростки. Доеение входило в обязанность подростков. За скот взимался налог, а скот, принадлежащий чиновникам и вельможам, пасли зависимые от них пастухи. Содержанием царского и государственного скота управлял «Дом пастуха» [204, с. 54–63; 205, с. 75–79].

Разводили египтяне и домашнюю птицу на мясо и ради яиц. Нередко птиц разводили десятками и сотнями тысяч, а яйца собирали корзинами. Среди птиц — гуси шести разновидностей, утки — пяти, лебеди, пеликаны, голуби, журавли и страусы. Цари, храмы и вельможи содержали целые птицефермы, где были вольеры, пруды и хранилища зерна для птицы. В вольерах содержали и пойманных на охоте птиц, которых берегли, пытались приручить. Тут же располагались и жилища работников, которые должны были пасти птиц и кормить их. Птиц с подрезанными крыльями временами пасли на свободе. Интересно отметить, что страусов не только разводили для получения красивых перьев, но использовали для верховой езды и даже запрягали в упряжку [204, с. 63–67, 73; 205, с. 81–82].

Пчеловодство было достаточно развито. Египтяне уже умели делать улья из тростника, обмазанного илом. Когда надо было собрать мёд, в улья дули, изгоняя пчел, а затем сливали сотовый мёд в кувшин. Часть мёда заливали в определенного размера каменные кувшины, часть в большом сосуде смешивали с водой. Мёд и напиток опечатывали. Мёд употребляли только аристократы, но он использовался для приготовления сладкого напитка, пирогов, как антисептическое средство, в лекарствах и при бальзамировании [204, с. 53–54; 205, с. 74–75].

Помимо одомашненных животных египтяне Древнего царства знали множество ручных животных, которых они также хотели одомашнить. Вместе с домашним скотом иногда паслись оленьебыки, газели доркас и другие газели, антилопы коровьи (бубалы), сабельные (ориксы) и мендесские, нубийские козероги и даже гиены. Иногда их изображают в загонах и даже в хлевах у кормушек. Есть изображение и кормления гиены. На одной из росписей представлен в загоне жираф. Пойманных диких животных держали на убой, но упоминание в надписях и изобра-

жения молодняка свидетельствуют о начале одомашнивания. Есть даже изображение привязанных к кормушкам сабельной антилопы и газели в хлеву [205, с. 80; 204, с. 56–58].

Охота ещё сохраняла небольшое значение, но была уже скорее увлечением аристократии. Охотились на зубров, оленебыков, мендесских антилоп, бубалов и ориксов, два вида газелей, муфлонов, козерогов и козлов, жирафов, львов, леопардов, волков, гиен, шакалов, лис, ихневмонов, зайцев, ежей, гиппопотамов и крокодилов, журавлей, цапель, гусей, уток, ибисов, голубей, перепелов. В охоте помогали собаки, и египтяне даже вывели породу длинноногих быстрых, сильных и свирепых борзых собак. Помимо собак в охоте на крупных животных использовались ручные гепарды, пантеры и львы. Часто старались поймать животных в загоны. Большое количество водоплавающих птиц ловили ударной сетью, накрывающей сверху. Если целью охоты был азарт, то на опасных гиппопотамов охотились с гарпуном, на быстрых зверей и страусов — с луком и стрелами, с болой и с собаками, на птиц — с бумерангом, палками и собаками. На государственной службе были и профессиональные охотники, которыми управляли «руководители охотников» [205, с. 83–85; 204, с. 67–74].

Рыбная ловля сохраняла значительное хозяйственное значение, потому что дополняла запасы пищи, а простому народу в голодное время порой не оставалось почти ничего, кроме вяленой рыбы. Ловили африканских сомов, оксиринхов, нильских окуней и тилапий, кефаль. Рыбу ловили в Ниле, озёрах и прудах неводом, вёршами, били с папирусного челнока гарпуном (главным образом аристократы) и ловили на крючки, несколько которых рыболов привязывал к бечёвке. Рыбу чистили и разделывали, вынимая икру, которую складывали в горшки. Лучшую рыбу несли хозяину, остальную обычно вялили [88, с. 86–89; 204, с. 67, 74–77].

Дороги проходили по дамбам и насыпям. Для укрепления по бокам дорог высаживали кусты и деревья, что превращало долину Нила в громадный зеленый оазис. Дороги могли пропускать пешеходов, ослов с поклажей, стада. Иногда бурлаки, идя по дороге, тянули вверх по Нилу суда. Через каналы египтяне строили деревянные и даже каменные мосты. Первым дорожным транспортом были волокуши и сани, которые нередко тянули десятки людей. Единственным видом «пассажирского транспорта» был паланкин, предназначенный для состоятельной знати. Переносили его рабы [205, с. 50, 127–129].

Высокого развития достигло ремесло. На Синае и в Восточной пустыне открытым способом добывали медную руду с помощью каменных (реже медных) кирок, молотов и зубил. Руду плавил на месте в топившихся дровами сложенных из камней круглых горнах в тиглях, сделанных из глины, смешанной с кварцевым песком. Пламя раздували силой легких через трубочки. Из тиглей медь разливалась в формы. Такая медь содержала незначительные примеси сурьмы, мышьяка, железа, марганца, никеля, висмута, олова, что делало её более твердой, чем в чистом виде, а при холодной ковке изменялся кристаллический состав

и увеличивалась твердость металла, позволявшего обрабатывать даже гранит и базальт, для чего использовали твердый песок как абразив. Медь ковали ещё кусками камня на каменной наковальне, но вскоре появились щипцы, позволившие ковать медь в горячем состоянии. Из меди делали топоры, тёсла, долота, пилы, ножи, резцы, цилиндрические свёрла, гвозди, скобы, крюки для подъёма каменных блоков, медные листы, которыми, например, выкладывали водосточные жёлобы. Из меди отливали статуи и статуэтки. В рассматриваемую эпоху египтяне даже научились холодным способом соединять медь с серебром. В конце эпохи, обнаружив, что примеси других металлов увеличивают прочность меди, египтяне стали добавлять в неё при плавке олово, но из бронзовых изделий этого периода известно лишь несколько вещей. Из пирамиды царя Хуфу и поминального храма царя Менкаура дошли куски железа, однако датировка их неизвестна. Найдено также несколько железных украшений, часть которых, возможно изготовлена из метеоритного железа, но часть железа, по-видимому, рудного происхождения. В Красноморской пустыне добывали «белое золото» (электрон), в котором серебра больше, чем золота. Чистое серебро привозили из Азии и ценили выше, чем золото. Золото и другие металлы плавил так же как и медь, но, поскольку температура плавления золота выше, приходилось использовать больше воздуходувов [204, с. 83–85; 205, с. 91–94, 120–121]. Разливая металл, укрывали руки от ожогов щитками.

Ювелиры изготавливали самые разнообразные предметы из золота, серебра и свинца, нередко украшая их полудрагоценными и поделочными камнями: сердоликом, бирюзой, ляпис-лазурью, яшмой, малахитом, лазуритом (иногда сочетая их с цветным фаянсом или стеклянной пастой), соединяя золото со слоновой костью, деревом. Они делали золотые кольца, браслеты, обручи, диадемы, ожерелья, нагрудники, кувшины, кубки и другие сосуды, включая приборы для мытья, туалетные принадлежности. Широко использовалось листовое золото, которое накладывали на различные предметы мебели и саркофаги (хотя известны и чисто ювелирные изделия), обычно прикрепляя его способомковки или золотыми гвоздиками. Из редкого серебра делали главным образом кольца и браслеты. Из электрона также делали многие предметы, например, посуду. Нередко ювелирами были карлики, более способные к тонкой работе [205, с. 121–122; 201, с. 381; 204, с. 85–89].

В многочисленных сёлах и городах дома, даже дворцы и крепости продолжают складывать из сырцового кирпича, но храмы и гробницы делают уже из камня. Наряду с небольшими домишками бедняков строятся просторные двухэтажные дома и дворцы. Дома снабжаются террасами для хранения зерна. Двухэтажные строения обычно украшаются портиками с колоннадой, колонны — пилястрами. На второй этаж всегда ведет боковая лестница. В каждом доме — очаг. Дома знати делились на жилую и служебную половины. В служебной половине находился приёмный зал с колоннами и меньшие служебные комнаты. В другой половине в обе стороны от зала отходили прихожая, спальни и прочие

помещения. К такому дому всегда примыкал двор с хозяйственными постройками и сад с водоемом [201, с. 381–382; 205, с. 96, 153–155]. В богатых домах отводили помещения для «ванной» с душем (где вода текла через плетёное сито или корзину) и туалета. Всем известны построенные в это время огромные пирамиды.

В каменоломнях и на строительстве постоянно работали в разной степени зависимые от царя «мастера нагорья» вместе с пленными и преступниками, а в течение трёх месяцев (как в Тауантинсуйу) в качестве чернорабочих — мобилизованные простые египтяне. Все без исключения могли за хорошую работу с течением времени выбиться в десятники и более высокие начальники. Камнеломы получали от начальников инструмент, одежду и продовольствие. Благодаря использованию набухающих от воды деревянных клиньев удавалось выламывать блоки до 30 м в длину. Даже облицовочные плиты из твердого камня обрабатывали ещё в каменоломнях. Рабочий отряд насчитывал до 800–1000 человек, работавших в 4 смены. Судя по наименованию этих отрядов, они же составляли и команды грузовых судов. Ещё в каменоломнях на блоке отмечали место доставки блока, строительный объект и даже место, в котором он должен быть расположен. Многотонные каменные блоки во время сезона «половодья» доставляли на катках или деревянных санях к Нилу и везли на баржах к месту строительства. В половодье рабочим помогали земледельцы, вынужденные отбывать повинность на «дом царя». Для доставки гранита из каменоломен выше 1 порога прокладывали каналы. Число строителей больших пирамид во времена IV династии достигало несколько десятков тысяч человек (На строительной площадке в Гизе могло одновременно работать до 60 тыс. человек.), а иногда превышало и сто тысяч, учитывая сезонно мобилизованных крестьян. Самой высокой стала пирамида царя Хуфу высотой в 146,5 м, сооружённая из известняковых блоков весом по 2,5 т., а также базальта для пола и гранита и алебаstra для внутренней отделки. За 23 года её строительства было использовано 2,6 млн. куб. м. или 7 млн. т. материала. Только строительство дороги из каменоломен к Нилу заняло 10 лет. Для подъема каменных плит пользовались наклонной плоскостью из сырцового кирпича, лесами из коротких деревянных балок с платформами, канатами, рычагами и медными крюками. Каменные блоки соединялись с помощью выступа, образующего шип, и паза в соседнем блоке. Они были так тщательно отшлифованы и подогнаны, что между ними нельзя было протолкнуть нитку. Наиболее распространенные в Древнем царстве святилища богу солнца Ра представляли собой обнесённые стеной открытые дворы с обелиском, символизирующим солнечный луч и алтарем посередине. Многие города были окружены крепостными стенами, а некоторые крепости имели по два ряда толстых и высоких стен и бастионы [88, с. 26; 204, с. 98–103; 205, с. 99–101, 133–135].

Дома в эпоху древнего царства уже были снабжены мебелью. Египтяне спали на низких ложах с матрацами и поставленными на них деревянными подголовниками. Со времен Раннего царства известны невысокие

табуретки с ножками в виде бычьих или львиных ног, которые теперь приобретают спинки, а иногда и подлокотники. Стулья и кресла делаются как рамы, в которые вставляются сиденья и спинки. Для одежды и утвари использовались деревянные лари, украшенные иероглифами, означающими «жизнь» и «вечность» [205, с. 161–162].

В эпоху Древнего царства египтяне, как мужчины, так и женщины, часто из-за жары работали голыми. Одежда (особенно праздничная) делалась из белого полотна. Мужчины носили юбки до колен, женщины — рубашки до щиколоток на одной или двух лямках. В начале Древнего царства одежда вельмож и знатных женщин отличалась, главным образом, тонкостью полотна. Позднее юбки стали гофрировать, делать кайму. Ещё позже добавлять передники, часто из ткани в клеточку. Такие юбки юноши начинали носить только при достижении зрелости. Ритуальная одежда очень знатного человека включала также кусок шкуры гепарда или пантеры, обернутый вокруг туловища и закреплённый на плече. Знатные женщины поверх рубашек носили простые плащи из четырехугольного куска ткани, который придерживали рукой на груди. Иногда на рубашки надевали сетки из бус. На ногах порой носили сандалии, но даже вельможи обувались преимущественно в торжественных случаях. Мальчики и девочки носили «локон юности» — короткую косичку с локоном на конце. Достигшего зрелости юношу коротко стригли, оставляя перед ушами коротко подрезанные височные пряди. Сначала усы и бороду оставляли, но с конца Древнего царства стали сбрасывать. Однако царям теперь приходилось подвязывать искусственную бороду. Перед царем, во время религиозных церемоний, по праздникам и при исполнении служебных обязанностей вельможи должны были появляться в коротких или длинных париках. Женщины делали короткие или длинные прически, иногда волосы завивали, могли поверх волос надевать парики. Модницы старались носить парики густые и длинные. И женщины и мужчины любили украшать себя диадемами и венками из живых цветов. Даже простые пахари и пастухи втыкали в волосы или вешали на шею цветы лотоса [205, с. 164–174].

Египтяне любили украшения: диадемы, воротники, ожерелья, нагрудники, кольца, браслеты. Недорогие украшения носили и простые люди, а вельможи иногда раздавали украшения своим слугам. Некоторые украшения служили знаками отличия, многие являлись оберегами. Чиновники, писцы и жрецы, отправлявшие заупокойный культ, получали за особые заслуги на шейные воротники из золота, украшенные полудрагоценными камнями: бирюзой, гематитом, корнелианом, стеатитом, а также раковинами. Нередко к ним приделывались подвески как украшения и с магическими целями. Верховные жрецы Мемфиса носили на груди изображение бога Анубиса; жрицы богини Хатор подвешивали к широкому воротнику снизки бус; придворные, участвующие в праздновании Хеб-седа надевали подвязку в форме лица с рогами богини Бастет. На руках мужчины носили кольца (иногда по несколько на одном пальце) и браслеты. Женщины носили браслеты и на ногах [205, с. 171–173].

В условиях жаркого климата египтянам приходилось умащивать тело ароматными маслами, а веки и ресницы, уберегая от ожогов, красить женщинам и мужчинам. Ресницы и брови красили свинцовым блеском, малахитом красили особенно нижние веки, щеки румянили, ногти красили хной [205, с. 170–171].

В период Древнего царства существовали уже мастерские по производству сосудов из камня (алебастра, стеатита, яшмы, порфира, гранита, базальта). Камнерезы просверливали в камне отверстия сначала трубчатыми деревянными (с V династии и медными) свёрлами с головками из твёрдого камня, вращая руками изогнутую рукоятку, используя как абразив песок. Для полировки применяли твердые камни. С середины эпохи количество изделий из камня постепенно уменьшается, заменяясь сосудами из материалов, не требующих больших затрат труда [201, с. 381; 204, с. 97–98; 205, с. 95].

Скульпторы работали тем же инструментом: медными долотами, резцами и свёрлами, используя деревянные, каменные и медные молотки. При изготовлении гигантских статуй сооружали леса. Художники пользовались естественными минеральными красками, расписывая стены кисточками, сделанными из травы хальфа. Для украшения стены рельефами художники-писцы и скульпторы работали вместе. Сначала стену выравнивали, затем покрывали гипсом, потом художник-писец чертил на ней клетки и в них рисовал красной краской фигуры и писал иероглифы. Старший художник исправлял ошибки и, где надо, рисовал чёрной краской. Только потом скульптор начинал вырезать рельефы. Лишь с IV династии научились делать менее трудоёмкий и более долговечный врезанный рельеф [204, с. 105–107].

Гончары как и прежде месили глину ногами, формовали сосуды на ручном гончарном круге, сушили и обжигали. Ещё преобладала красная керамика, но формы и цвет стали разнообразными. Расширился ассортимент фаянсовых изделий, среди которых — сосуды, изразцы, скарабеи, ушебти. Использовалась глазурь синего или зелёного цвета от окиси меди. Появился фаянс, окрашенный благодаря окиси железа в красный цвет. Делали немного бус, браслетов и амулетов из непрозрачного стекла [204, с. 80–81; 205, с. 117–118].

Многие инструменты: молоты, колотушки, строительные мотыги, — оставались ещё деревянными. Из дерева изготавливали сохи, мотыги, упряжь, клетки для птиц. Египетские плотники и столяры достигли больших успехов. Из местных деревьев предпочитали твердую древесину акации и тамариска. Однако очень твердое эбеновое дерево доставляли из Нубии, а строевой лес из Сирии и Палестины. Деревья рубили медными топорами. Доски выпиливали медными пилами и строгаали медным тёслом. Пазы выдалбливали долотом. Дырки делали трубчатыми свёрлами. Гладкую поверхность получали после шлифовки камнями. Плотники и столяры сооружали из дерева суда, часовни и беседки, колонны для жилищ, делали полы и потолки, двери и мебель, лари, портшезы, саркофаги, статуи, ларцы, вёсла и мелкие вещи: подголовники, дверные петли. Они умели гнуть распаренные жерди, вдоль рас-

пиливать брёвна и даже делать многослойную фанеру из разных пород дерева, соединять деревянные детали различными шипами, деревянными гвоздями, ремнями. Нередко части мебели покрывали медными или золотыми листами. В Египте было несколько верфей, на которых строились парусно-вёсельные грузовые, пассажирские и боевые корабли не только из местной акации, но и из ливанского кедра [204, с. 89–94; 205, с. 102–105].

Египетские кожевники с успехом обрабатывали кожу, делая из неё мешки, бурдюки, кошель, чехлы, футляры для драгоценностей и свитков папируса, колчаны для стрел, сандалии, щиты, пергамент и разнообразные ремни. В кожевенных мастерских кожу мочили в масле, дубили стручками акации, содержащими танин, растягивали на козлах. Обработанная таким образом кожа отличалась мягкостью и эластичностью [204, с. 81–82; 205, с. 124].

Из льна изготавливали ткани, паруса, сиденья для стульев, ложа для кроватей, скручивали и свивали верёвки. Из них специальной деревянной иглой могли вязать сети. Появились ткацкие мастерские в царских и храмовых хозяйствах, где работали главным образом невольники, но в некоторых работали женщины за плату. Лён били деревянными колотушками, снимая оболочку и размягчая волокна, потом пряли. Из нитей ткали на ручных горизонтальных станках. Льняное полотно стало тонким. Появилось много его сортов. Его научились плескивать на особых досках и красить растительными красителями в красный, пурпурный, зелёный, коричневый, жёлтый и чёрный цвет [204, с. 82–83; 205, с. 126–127].

В Египте были профессиональные пекари. Рядовые работники и работницы пекарен были рабами. В пекарнях мужчины толкли зерно длинными пестами в больших ступах. Провейанное раздроблённое зерно женщины растирали в муку, затем просеивали её через сито, потом в больших квашнях месили тесто. В качестве закваски использовали старое тесто. Хлеб выпекался в разогретых глиняных формах. «Пивовары» также занимались выпечкой хлебцев, причем некоторые из них находились на государственной службе, работая под руководством специальных чиновников. «Пиво» делали из хлеба, выпеченного из ячменной муки грубого помола, плохо пропечённого в середине. Хлебцы клали в большие сосуды с водой, а потом перемешивали в большом чане, сдабривая соком фиников и пряностями. перебродившую смесь заливали в просмоленные внутри сосуды и закупоривали пробками [204, с. 77–80].

На базарах продукты труда ещё продолжали менять: чаще всего продукты сельского хозяйства (особенно, овощи) на изделия ремесленников, но появились уже товары, на которые можно было выменять всё. Это — зерно и медь [205, с. 178; 204, с. 46]. Следовательно, эти товары становились уже деньгами, что означало переход от обмена к торговле.

Нуждаясь в отсутствующих в стране товарах, Египет вёл торговлю с Восточным Средиземноморьем, ливийскими племенами на западе, с нубийцами и даже весьма отдалёнными народами на юге. Организуются

экспедиции на Синайский полуостров за медной рудой, в страну Куш (Нубию) за скотом и рабами, в отдалённую (возможно, на Сомали) страну Пунт за редкими видами дерева, экзотическими животными, пряностями и т.п. Чтобы эти вещи не иссякали, Египет завоевывает часть Нубии, ставя там свои крепости вдоль Нила, часть Палестины и часть Сирии, основывая колонию в Библе [88, с. 24–26].

Развитие внешней торговли потребовало строительства больших кораблей. Поскольку деревьев в Египте крайне мало, то дерево для них везли из азиатских стран (например, кедр из Ливана). Иногда суда строили там же, но были и свои верфи государственные и в усадьбах крупных вельмож. Суда строили без рёбер, соединяя доски бортов клиньями, шипами и верёвками. Некоторые грузовые суда достигали в длину 100 египетских локтей (52,3 м.). Суда были также военными, культовыми и прогулочными. Морские суда отличались от речных большими размерами. Они спокойно плавали по Красному морю и вдоль восточного побережья Средиземного моря. Большие корабли были вёсельными и снабжены парусами. У каждого борта размещалось по 8–10 и более гребцов и 3 матроса на корме направляли судно рулём — длинным веслом с большой лопастью. На судах могли быть также штурманы и лоцманы. На некоторых прогулочных судах было по 32 гребца. Для перевозки больших тяжестей сооружали большие баржи. Большие баржи-плоты достигали до 81 м в длину и до 27 м в ширину. Тащить такое судно иногда приходилось множеству прогулочных судов. Если приходилось плыть вверх по Нилу через пороги, приходилось суда перетаскивать по специально сооружённому вымощенному деревом волоку. Иногда проходы пробивали в скалах. Для плавания по Нилу и озерам египтяне пользовались также небольшими лодками, вмещавшими 2–3 человек, сделанными из папируса [108, с. 295; 204, с. 94–97; 205, с. 102, 110–114, 130].

Египетская армия была вооружена боевыми топорами с каменными лезвиями, клиновидными, сегментовидными и двухлезвийными кинжалами с кремневыми или медными клинками, двояковыгнутыми и простыми однодугими луками. Однако уже с Раннего царства использовали и составной лук, изготовленный из рогов антилопы. Тело защищали небольшие овальной формы или большие щиты, обтянутые толстой шкурой. Для удобства и отчасти для защиты тела воины одевались в короткие кожаные юбочки. Оружием для сокрушения стен была простая мотыга, хотя при штурме применяли как таран бревно. При штурмах крепостей использовали и лестницы.

Египетская религия была языческой. Единого пантеона у египтян ещё не было. В каждой местности почитали своего городского бога, а самым известным и почитаемым в стране богом становился главный бог того нома, главный город которого становился столицей Египта. Однако местный бог оставался для местных жителей самым важным, потому что именно от него зависела жизнь и благополучие или бедствия и смерть людей на подвластной ему территории. Иногда культ местного бога оттеснялся на задний план более распространённым в стране

культом другого бога. Например, в Фивах Амон стал более почитаем, чем местный бог Монту; в Абидосе бог мертвых Хентииментиу был вытеснен Осирисом, впитавшим и местный культ; традиционный для Гелиополя культ бога Атума отеснил культ солнечного бога Ра и т.д. «Пастух Запада», бог царства мертвых, Осирис был одним из наиболее почитаемых в Египте богов. Он считался пастырем египетского народа, научившим обрабатывать землю и выращивать хлеб. Одни и те же боги нередко почитались в разной местности, например, во многих городах почитался Амон; в ряде других — Гор; в Абидосе (помимо бога Собека) и Бусирисе — Осирис; в Ком-Омбо и в Шедете (Крокодилополе) в Файюме — Собек и т.д. Благодаря такой популярности фиванский Амон, гелиопольский Ра, мемфисский Птах, а также Тот, Осирис, Исида, Гор и некоторые другие боги стали общеегипетскими. Некоторые боги (возможно связанные с родо-племенными культами первых царских династий Верхнего и Нижнего Египта) становятся символами Верхнего и Нижнего Египта и включаются в титулатуру царей. Изображение богини Нехебт, почитавшейся в городе Нехебт, в облике белого коршуна стало эмблемой Верхнего Египта, а её имя вошло в титулатуру царей. Изображение богини Уто, чтимой в городе Буто, в облике змеи стало символом Нижнего Египта и также вошло в титулатуру царей [107, с. 181–186, 196; 204, с. 19, 24].

Многие боги ещё сохраняли зооморфные формы от тотемистических времён, например, многие боги, олицетворяющие небесные тела и стихии. Земля некогда представлялась гигантской змеей или львом, возможно (как считают некоторые ученые) потому, что вылезающий из логова лев казался выбирающимся из под земли. Бог твердой сухой земли Геб виделся египтянам как змея или змееголовый человек, другие боги земли Икер и Ахеру выглядели как львы. Богиня плодородия Хекет, связанная с влажной землей, им представлялась лягушкой. В Гермополе почитали «огдоаду» (восьмёрку) богов, четырёх из которых изображали змеями, а других — лягушками. Антропоморфный облик земные боги приобрели значительно позднее. Богиня неба Нут изображалась в виде коровы (порой с брюхом, усеянным звёздами), но иногда свиньей. Другая богиня неба — Хатор также иногда почиталась в виде коровы, а бог мудрости, письма и луны Тот изображался с головой ибиса или целиком павианом, а ибис и павиан считались его священными животными. Согласно одному из мифов, Хатор (которую в той же роли иногда заменяли Тефнут или Сохмет) рассматривалась как дочь бога Ра и как солнце, но изображалась львиноголовой или просто львицей. Исиду иногда связывали с соколом и изображали крылатой женщиной. Бог воздуха и света Шу, считавшийся сыном Ра, изображался человеком или львом. Помимо почитаемых богов были и боги, которые упоминались в космогонических мифах, но не являлись объектами культа. Таковы, например, бог земли Геб, богиня неба Нут, бог света Шу и некоторые другие. Очевидно, эти культурные герои на данной стадии приобрели статус богов, но не стали почитаться, потому что не обладали жизненно важными для людей способностями. С другой стороны, не имевшие ло-

кальных культов, но жизненно важные боги почитались по всей стране. Это — бог Нила Хапи, бог зерна Непри, покровительница родов богиня Тауэрт в облике самки бегемота (так же иногда выглядит и богиня Нут), бог Бес в образе карлика, защищавший от всякого вреда, и ряд других. Существовали и божества, олицетворявшие казалось бы абстрактные, но важные этические и культурные явления. Например, бог познания Сиа и богиня правды, справедливости, правосудия и порядка Маат. Определённым авторитетом пользовались и некоторые иноземные боги [107, с. 185–186; 190, с. 225–228, 237–239; 205, с. 78; 227, с. 251].

Почитались не только боги, но священные быки Апис (в Мемфисе) и Мневис (в Гелиополе). В других номах почитали «священную белую корову», «божественного телёнка», «чёрного быка», «забитого быка» и быка-борца как царское животное. Одни животные считались священными во всём Египте, другие — лишь в определённом месте. Среди них: павиан, лев, кошка, собака, ихневмон, бегемот, антилопа, газель, дикий бык, корова, баран, коза, свинья, сокол, коршун, ибис, гусь, змея (особенно кобра), лягушка, многие виды рыб, скарабей, скорпион, многоножка, а также такие растения, как сикомора, финиковая пальма, папирус, лотос, лук и многие другие животные и растения, бывшие, видимо, некогда родовыми тотемами. Сикамора и персея считались священными деревьями, а широко распространённый латук растением злого Сета. Различным предметам по аналогии приписывались положительные или отрицательные свойства. Лазурит считался священным камнем, потому что полагали, что из него были созданы волосы Ра. Малахит тоже считался священным из-за зелёного цвета жизни. Наоборот, желтоватый кварц сопоставлялся по цвету с пустыней, откуда нередко приходили враги и считался камнем Сета. В отдельных местах считалась нечистой свинья, в других — вся рыба. Однако некоторые животные были особенно почитаемыми, например, в Крокодилополе, его окрестностях и в Фивах приручали крокодила. Его украшали серьгами, на передние лапы надевали кольца, хорошо кормили, а после смерти бальзамировали и хоронили в гробнице. Чтили и бальзамировали кошку как священное животное богини Бастет и ибиса как священную птицу бога Тота. Если кто-то убил бы этих животных, мог бы поплатиться жизнью. Почитались также эмблемы царской власти: короны, скипетры и многое другое. Особое почтение (уже со времён I династии) оказывали быкам Аписам, которые считались воплощением богов Ра, Птаха и Харсиэси. Почитание змей и скарабеев, согласно одному из предположений, возникло из незнания способов их размножения, откуда египтяне полагали, что они имеют способность возникать из ничего, а поэтому — священные. По египетски скарабей звучит приблизительно как «хепер», что с натяжкой можно перевести как «возникновение». Однако бога восходящего солнца египтяне называли «Хепри» («являющийся»), а скарабея, скатывающего навозные шарики, воспринимали как спутника бога Хепри, потому что эти шарики считали символами солнца. Предметом почитания было также фантастическое животное — сфинкс, существо с телом льва и головой человека. Сохранившийся до

нашего времени огромный каменный сфинкс был, очевидно, создан для царя Хефрена и, как предполагают, лицо сфинкса является стилизованным портретом самого Хефрена. Очевидно, изображения царей в виде полулюдей-полульвов восходит к тотемистическим представлениям о животных предках, которые в первобытных мифах выглядят именно полулюдьми-полуживотными. Не вызывает удивления и попытка возведения царского рода к такому грозному зверю как лев. Наряду с этими святынями почитался и злой Сет — бог бури и владыка пустыни, насылающий песчаные вихри. Иногда его считали ещё и богом грома. Его воспринимали в образе фантастического животного немного напоминающего окапи, но иногда в образе свиньи, считавшейся нечистым животным. Согласно распространённому мифу, он считался убийцей своего брата Осириса, злым и опасным богом, но почитался в Аварисе [107, с. 186–190; 190, с. 225, 247; 201, с. 375; 205, с. 78].

С богами связывали не только животных, но и растения. Например, смоковница считалась деревом, посвящённым небесной богине Нут. Смоковницы высаживали на кладбищах, где они должны были давать прохладу и покой мертвым [204, с. 44].

Беспорядочное и противоречивое египетское язычество основывалось на массе местных мифов, противоречащих один другому. Поскольку мифы всех народов брали свое происхождение от тотемических преданий, постольку творцами вселенной и людей в них выступали и боги, и животные. Для египетских мифов о создании мира, пожалуй, общим моментом является представление о первичном хаосе, из которого те или иные боги по-разному творили мир. В разных мифах солнце то родилось из яйца, то — от небесной коровы, то выходило из лотоса. Возможно к Древнему царству восходит (дошедшая до нас по надписи начала VII в. до н.э.) Мемфисская теологическая система. Её миф утверждает, что бог Птах создал вселенную и Эннеаду (девятку) богов из водного хаоса Атума силой слова, рождённого в мыслях его сердца. То, что называл Птах, то сейчас же и возникало. Оказывается, что Птах способен создавать и богов, вылепив, например, самого Ра из глины на гончарном круге [107, с. 191–192; 190, с. 235, 243]. Как отмечают учёные, представление о магическом силе слова бога родилось из реальной жизни, где приказ господина приводил к немедленному его исполнению. Приказ же верховного бога представлялся религиозному египтянину чудодейственным. Действительно, надписи царей начинались обычно со слов: «Повелел я». Представления о создании мира через слово и о легке людей из глины нашли впоследствии отражение в «Ветхом завете» [113, с. 433; 190, с. 243].

Магии в жизни египтян придавалось весьма большое значение. Боясь вредоносной магии, они пользовались заклинаниями и магическими действиями, отвращающими зло. По некоторым представлениям, защитная магия имела божественное происхождение. Считалось, что с помощью магии можно воздействовать и на богов [107, с. 193].

По представлениям египтян, боги определяют срок жизни и судьбу человека, но он волен поступать по своему усмотрению, а руководству-

ясь повелениями богов, человек, ведущий праведную жизнь, может даже рассчитывать на её продление после смерти. В загробном мире душа должна исповедоваться перед его владыкой Осирисом в 42 грехах, сознаваясь в соблюдении или несоблюдении следующих заповедей: не входить в храм во грехе и с нечистым телом, не клеветать и не лгать, не изменять с чужой женой, не убивать и не грабить, не давать волю рукам и сдерживать сердце, запечатывать губы. Однако обеспечить благополучную жизнь после смерти можно было и с помощью магии. Для этого начали писать заупокойные тексты, которые должны были помочь вести хорошую жизнь и оградить умершего от грозящих ему в потустороннем мире опасностей. Жизнь и смерть, загробный мир и загробная жизнь в разных частях страны мыслились по-разному. Египтяне думали, что в теле человека содержится несколько (в разных местах — разное число) душ, но все сходились на том, что существуют душа «ка» и душа «ба». Невидимая душа «ка» (а у богов и царей — несколько «ка») является двойником (точной копией) тела, но его противоположностью, почему её часто изображали в контрастных телу цветах. Благодаря «ка» сохраняется жизнь тела. Душа «ба» представляет собой похожую на птицу двукрылую сущность, а ее изображение часто напоминает христианского серафима. Благодаря «ба» человек двигается и мыслит. Только сочетание тела, «ка» и «ба» позволяет человеку жить в нашем мире, смерть же означает нарушение взаимодействия между ними. Однако и после смерти надо сохранить тело, потому что оно является вместилищем «ка». Для этого и предназначалось бальзамирование тел умерших. Перед бальзамированием у покойного удаляли мозг и внутренности и складывали их в 4 «каноны» — сосуды со скульптурным изображением его головы на крышке. Тем не менее, египтяне понимали, что тело не вечно, но «ка» может войти и в изображение человека, для чего в гробницу помещались статуи и статуэтки, имеющие портретное сходство с покойным. Таким образом «ка» получала возможность жизни в гробнице, к которой относились как к дому покойного, где требуется вся домашняя обстановка, питьё и пища. Главная статуя, в которую должна была вселяться «ка», помещалась в нишу в западной стене гробницы. Перед ней обычно совершали погребальные обряды, ей нужно было приносить жертвы. Помимо душ для человека важно было сохранить его имя и тень, иначе воспользовавшиеся ими могут навредить человеку. Кроме того, в гробницу знатного человека ставили «ушебти» («ответчиков») — фигурки, похожие на умершего, которые должны были в потустороннем мире на него работать. Более того, гробница должна была быть расписана сценами из жизни покойника (полной изобилия и благополучия), на которого работает множество слуг, чтобы, оживши на том свете, они обеспечили ему комфортную жизнь и в потустороннем мире. Для жизни в гробнице и на том свете необходимо было снабдить покойного всеми необходимыми вещами: мебелью, посудой, украшениями (вплоть до развлекательных историй, которые он будет читать в новой жизни) — приносить на алтарь пиво, хлебы, гусей, ткани и прочие дары. Магические формулы, сопровождающие

рельефы, фрески и надписи на свитках папируса, положенных в саркофаг (что делалось скорее в более позднюю эпоху), должны были помочь покойному попасть в страну блаженных, использовать приношения, помощь ушебти и оживающих рисунков [84, с. 104; 107, с. 194–195, 206–215; 201, с. 372–381; 205, с. 179].

Загробный мир, по представлениям египтян, находился на западе, там, куда заходило солнце (Возможно, это воззрение связано со смутными воспоминаниями о первоначальной жизни предков египтян в Восточной пустыне, потому что и у многих других народов рай располагается на древней прародине.) [107, с. 213; 201, с. 372]. Умерший царь (а со времен Среднего царства каждый покойник) попадал в загробный мир, плывя по телу Нут в солнечной ладье бога Ра, а ночью плывя по подземному Нилу. Обеспечить благополучие умершего в загробном мире египтяне стремились не только в заботе о покойном, но и из страха перед возможной мстью с его стороны в случае недовольства обращением с ним окружавших его при жизни [107, с. 218].

Создание сильного египетского государства было бы невозможно, если бы египтяне не создали высочайшей для своего времени культуры. Имена многих архитекторов, скульпторов, художников, писателей, писцов, мастеров, многие из которых в веках почитались мудрецами, дошли до нашего времени. В эпоху Древнего царства уже сложился единый староегипетский язык, входящий в особую группу семито-хамитской семьи языков, хотя и сохранялись северный и южный диалекты и местные говоры. «Создание ирригационной системы в древнем Египте потребовало не только огромного труда и навыков в работе, но и большого развития знаний в области астрономии, математики, гидравлики и строительного дела» (205, с.56). В нескольких местах на реке были установлены ниломеры, показывавшие высоту паводка, чтобы подготовиться к сельхозработам и возможному наводнению. С незапамятных времён астрономы Мемфиса наблюдали 19 июля (по юлианскому календарю) за восходом «Пёсьей звезды» (Сириуса), который соответствовал началу половодья Нила, обусловленного тропическими дождями в верховьях Белого Нила и таянием снегов в горах, питающих Голубой Нил. С наступлением наводнения для египтян начинался новый год. Год состоял из 3 сезонов, включавших 4 месяца по 30 дней. Кроме того в году было 5 дополнительных дней, посвящённых Осирису, Исиде, Гору, Сету и Нефтиде. Первый астрономический новый год в Египте начался, по всей вероятности, в 2781 г. до н.э. В дальнейшем из-за того что египетский год был короче фактического приблизительно на четверть суток, он опережал астрономический год и только через 1460 лет с ним совпадал. Первые египтяне разделили сутки на 24 часа. За небом наблюдала специально обученная часть жрецов, поэтому их знания мешались с религиозными представлениями. Иногда небо им представлялось как море, подвешенное на четырех опорах, иногда как небесная корова, но чаще как женское божество Нут. По ее телу днем путешествует в ладье бог-солнце Ра, а ночью звезды — дети Нут, планеты и луна. На рассвете Нут пожирает детей, а после заката рождает опять. Египетские жрецы,

наверное, впервые сгруппировали звезды в созвездия, назвав их именами животных, контуры которых, как им казалось, составляли звёзды. Египетские созвездия Быка, Гиппопотама, Крокодила, Скорпиона и т.д. совершенно отличны от созвездий, утвердившихся в современной науке. Египтянам были известны планеты Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн, но носившие другие имена по принадлежности к наиболее почитаемым богам [108, с. 293–294; 109, с. 310–311, 322; 113, с. 431; 204, с. 17–18; 205, с. 56; 227, с. 266–270].

О школах в Египте известно мало. Обычно специалист передавал свои знания ученикам, называвшим его «отцом», а себя его «сыновьями». «Своеобразным центром духовной жизни» был так называемый «пер анх» («дом жизни»). В «домах жизни» собирались наиболее грамотные писцы, специалисты интеллектуальных профессий, слывшие мудрецами. Там, а также при храмах обучались, например, врачи. «В «домах жизни» постигали тайны культов, обрядов, читали и переписывали священные тексты, получали познания в области медицины, математики, астрономии, архитектуры, обучались рисованию, искусству ваяния» [227, с. 251]. В «домах жизни» создавались медицинские, астрономические и религиозные (включая магические) трактаты. «Дома жизни» исчезли только с распространением христианства, которому они усиленно сопротивлялись. Были найдены учебные рукописи времён Древнего царства с перечислением того, что позволяет познать всё то, «что освещает Ра», то есть множество неодушевлённых предметов, растений и животных. Иногда в этих списках указывается на места их происхождения. Очевидно, жрецам, офицерам, писцам и другим чиновникам каким-то образом передавались необходимые знания, а царевичей и детей из знатнейших семей, по-видимому, обучали при дворе. Обязательное обучение проходили будущие писцы, художники и скульпторы. Надо полагать, что чиновников учили этике: быть справедливыми и снисходительными, почитать вышестоящих. [109, с. 308, 314; 190, с. 247; 205, 176; 227, с. 251].

От времен Древнего царства сохранился ряд произведений художественной литературы, которая ещё не вполне отделилась от мифов, поскольку была ещё прочно связана с религиозным и мифологическим мышлением. Вместе с тем, и религиозная литература, например, гимны богам, нередко наделена многими художественными достоинствами. Однако уже началось выделение самых разнообразных жанров: песен, эпоса, легенд, волшебных и бытовых сказок (иногда связываемых с историческими событиями), поучений, повестей, басен, сатиры, политических памфлетов, любовной и философской лирики. Древнеегипетская литература уже использовала специальные стилистические приемы: ритм, игру слов, аллитерацию, сравнения, метафоры, параллелизмы, повторения [89, с. 315–318, 322]. Один из жанров составляют 4 дошедших до нас со времён Древнего царства поучения. Древнейшее из них, датированное примерно 2800 г. до н.э., приписывается строителю и врачу, мудрецу Имхотепу. Другое принадлежит жившему два века спустя мудрому царевичу Джедефгору, сыну царя Хуфу. Третье оставлено своему сыну Птахотепом, визирем фараона V династии Исеси. Близко

к ним примыкают некоторые надписи царей и вельмож, содержащие автобиографические сведения. Таков, например, отчет вельможи Ун-Амуна о его деятельности в Нубии. Наряду с обрядовыми песнями от времен VI династии сохранились: начало песни любовного содержания и песня, которую пели воины, возвращающиеся из похода (то есть песня, носящая совершенно светский характер). Предположительно в конце эпохи была создана сказка «Хуфу и чародеи» (хотя, дошедшая до нас версия была, очевидно, собрана и обработана уже в конце эпохи Среднего царства), повествующая о разных чудесах, совершённых различными чародеями во времена до правления Хуфу (Хеопса) и у него на глазах, а также о предсказании смены династии после правления внука Хуфу [84; 89, с. 113–114, 318–322, 335–337; 109, с. 313]. Здесь явно восходящие к первобытным и протогосударственным представлениям чудеса сопоставляются с реальными именами царей III–IV династий, но, несмотря на фантастический характер описываемых событий, пророчество о смене династий, звучащее из уст чародея Джеди, возможно предвещало, но скорее оправдывало законность воцарения новой, V династии. Интересно замечание Джеди, отказывающегося отрубить голову узнику для того, чтобы показать Хуфу способность оживлять разрубленного: «Не разрешается делать подобное со священной паствой богов» [89, с. 336]. Таким образом, в этой сказке, сохранившейся в списке конца эпохи Второго распада, звучит тема ценности жизни человека, который не заслуживает лишних страданий, и смелости в отстаивании справедливости, даже наперекор царю.

При храмах создавались архивы, с течением времени превращавшиеся в библиотеки, в которых хранились свитки папирусов, содержащих наряду с деловыми документами «книги» с магическими текстами, связанными с погребальным обрядом, сонники, астрологические и медицинские трактаты [109, с. 314].

В эпоху Древнего царства (а может быть и раньше) в Египте уже разыгрывались религиозные представления, ставшие предшественниками театра. Во время празднеств в честь богов и погребального ритуала жрецы разыгрывали мифы, в которых они представляли богов. Отрывок из дошедшего до нас сценария содержал части мифов о сотворении мира мемфисским богом Птахом, а также об Осирисе и его сыне Горе, в котором действовали и другие боги: Геб — бог земли, Сет — бог пустыни и другие [110, с. 412].

Для того, чтобы построить пирамидный комплекс с храмом, аллеей несомненно нужно было предварительно сделать план, составление которого требовало знания геометрии, астрономии и гидравлики, поскольку приходилось создавать систему канализации для отвода дождевой воды и грунтовых вод. До нас дошли имена ряда уважаемых архитекторов рассматриваемого времени. Наиболее известен зодчий Имхотеп, построивший первую (ступенчатую) пирамиду для царя III династии Джосера. Египтяне почитали его также как астронома и, особенно, врача. В конце-концов он был обожествлен [205, с. 101; 201, с. 374; 112, с. 103].

В эпоху Древнего царства египтяне уже пользовались рычажными весами, которые ещё приходилось держать в руках. На них взвешивали гири, например, драгоценные металлы и сделанные из них украшения. Результаты взвешивания записывали [205, с. 121; 204, с. 85].

Египтяне были хорошими математиками. Они использовали десятичную систему исчисления, выписывая специальными значками единицы, десятки, сотни, тысячи, десять тысяч, сто тысяч и миллион. Умножение они выполняли удвоением чисел. Однако им были известны дроби, но поскольку в их числителе всегда была единица, дроби приходилось выписывать соответствующее иному числителю число раз, хотя для наиболее употребительных дробей были свои особые значки. Мерой длины служил локоть — 52,3 см. В локте было 7 ладоней, в ладони 4 пальца. 20 тыс. локтей составляли «речную меру» — около 10,5 км. Основной мерой площади был «сечат» — 100 кв. локтей. Основной мерой веса — «дебен», около 91 г. «Хекат», равный 4,785 л., был мерой жидкостей и сыпучих тел [227, с. 261–262].

Египтяне оставили множество надписей. Благодаря надписям на стенах гробниц и храмов, на каменных плитах и обелисках и, конечно, на папирусах нам известны многие исторические факты. Цари любили описывать свои подвиги на войне и деяния в мирной жизни. О своих заслугах писали номархи, вельможи, военачальники и другие знатные люди. Эти записи дают представление о значительных событиях в жизни страны, о времени царствований, о жизни царского двора. Нечто, напоминающее летопись, отражено на дошедшем до нас неполностью так называемом Палернском камне. Здесь есть сведения о Додинастическом периоде, даны имена царей первых пяти династий и годы их правления, краткие сведения о важнейших событиях, включающих военные походы, строительство храмов и больших кораблей, высоту подъема Нила и обмер полей, подсчет золота [227, с. 275].

У египтян в результате общения с другими народами, особенно в связи с войнами, возникли зачатки этнографических знаний. На многочисленных рисунках иноземцы: ливийцы, хетты, нубийцы, представители средиземноморских народов и других, говорящих на иных языках, — изображены с характерными расовыми признаками: специфическим строением тела, цветом кожи и глаз, формой носа, губ, вплоть до одежды и причёсок [190, с. 248; 227, с. 278].

Египетских врачей окружающие народы считали самыми искусными. Конечно, рациональное лечение египетских медиков сочеталось с религиозными действиями. «Виновниками болезней считались злые боги, духи, демоны, проникающие в тело человека» [227, с. 251]. Чтобы избавиться от них требовалось обратиться к добрым богам: Тоту, Гору, Исиде или Нейт. Тот считался покровителем окулистов. Богиня Тауэрт покровительствовала роженицам. Врачи в целом рассматривались как жрецы богини Сохмет и как могущественные маги, знатоки заклинаний и заговоров. Богам приписывались и способы лечения болезней. Например, в одном из медицинских трактатов утверждается, что упомянутое там средство от головной боли придумано Исидой. В одном из

папирусов приведён 61 рецепт лечения болезней, лишь только 25 из них предлагается лечить рациональным путём, остальные — с помощью магии. Вместе с тем, в египетской медицине всегда присутствовал рациональный момент, а в ряде случаев египетским врачам удалось сделать значительные открытия. Например, они считали, что причинами «болезней являются вредные физиологические выделения организма». Они обнаружили также, что повреждения мозга вызывают болезненные состояния других органов тела. Впервые благодаря знакомству с мумификацией египтяне ознакомились с сердцем и системой кровеносных сосудов, что позволило их медикам установить зависимость болезней от изменения в сосудах. Придворные дантисты умели скреплять шатающийся зуб с соседним золотой проволокой, а в случае воспаления надкостницы, удаляли гной оперативным путём. В эпоху Древнего царства уже «существовали специальные медицинские тексты, служившие пособием для врачей в их повседневной практике». Хирурги уже умели делать сложные операции, используя хорошо отполированные бронзовые инструменты, включающие разного рода скальпели, иглы, щипцы и другие инструменты. При переломах использовали лубки: деревянные и мягкие из льняных бинтов, которые иногда пропитывали смолой [113, с. 431; 223, с. 12; 227, с. 251–253, 260].

Музыка и пение в Египте были уже хорошо развиты. Пели гимны богам, песни во время работы, любовные песни, пели на похоронах. Пение, как правило, сопровождалось музыкой. Певцами и музыкантами были как женщины, так и мужчины. Игре на музыкальных инструментах обучали, например, писцов, которые могли играть на свирели, флейте и инструменте «нехт». Египтяне не умели записывать музыкальные произведения, но пользовались хейрономией, то есть делали руками жесты, выражающие ритм и мелодию. Хейрономом для музыкантов был певец. Определёнными жестами, делаемыми руками и пальцами, он показывал им какой требуется тон, квинта и т.п. Предполагается, что древнеегипетский музыкальный строй был близок к строю шотландской или китайской гаммы, где интервалы составляли целый тон. Музыка и музыканты в рассматриваемую эпоху были в почёте. Сохранились даже гробницы с именами певцов и музыкантов [111, с. 416–418].

Высокого мастерства достигло изобразительное искусство. Скульптура, рельефы и рисунки следовали строгим канонам, начало которым было положено ещё в Раннем царстве и даже ранее. На рисунках голова, нижняя часть туловища и шагающие ноги человека изображались в профиль, плечи и глаз — в фас, а туловище — в три четверти, краски накладывались однотонным слоем, части тела должны были быть выдержаны в определённых пропорциях, но несмотря на это мастерам удавалось передавать портретное сходство. Царь изображался всегда бóльшим, чем все остальные, вельможи изображались меньше царя, старосты и надсмотрщики были ещё меньше, а простые люди всегда — меньше, чем все высокопоставленные особы. Каноны особенно строго соблюдались при изображении богов, царей и знати. При

воспроизведении работающих ремесленников и слуг небольшие отклонения допускались для большей выразительности труда, особенностей профессий и индивидов. Предметы изображались такими как их знали, а не такими как видятся, поэтому круги не вырисовывались овалами, при передаче работы внутри мастерской не изображали её стен и т.п., не задумывались о перспективе [201, с. 377–384; 204, с. 8–9, 107].

В рассматриваемую эпоху в Египте уже был хорошо развит спорт, в значительной степени связанный с религиозными культами. Богиня-кобра Уаджет, покровительница города Буто, считалась «владычицей плавания», бог Монт — покровителем стрельбы из лука, богиня письма и болот Сешат — покровительницей рыбной ловли и охоты на птицу. Спорт был, преимущественно, привилегией царя, знати и войска. Излюбленным видом спорта была борьба. Древнейшие изображения борцов из числа воинов относятся к XXV в. до н.э. Это была борьба вольного стиля с применением различных приемов (применяемых и в наше время). В состязаниях борцов принимал участие судья. Были и зрители. Воинов, конечно, обучали стрельбе из лука, но стрельба из лука была и видом спорта, в котором охотно принимали участие и рядовые воины и даже цари. Египтянам были известны и такие виды спорта как поднимание тяжестей, бег, прыжки в высоту и многие другие, а плавание, игра в мяч и разнообразные гимнастические упражнения, включая крайне сложные (похожие на более поздние упражнения индийских йогов), были распространены не только среди знати, но и среди простых людей. К видам спорта можно отнести охоту и рыбную ловлю. Охота была излюбленным развлечением царей, что нашло отражение уже на памятниках V династии (XXV–XXIV вв. до н.э.). Немного позже к охоте пристратилась и знать. Если рыбная ловля на удочку была скорее промыслом, вызывая лишь «спортивный» азарт, то охота с гарпуном, требующая силы и ловкости, несомненно носила спортивный характер. На мелких животных, водившихся в пустыне и, особенно, на водоплавающую птицу (особенно в Дельте) охотились с невозвратным бумерангом. Охота на крупных животных: диких быков, львов (известная ещё в додинастическую эпоху), бегемотов, носорогов и особенно слонов несомненно носила спортивный характер, требуя силы, сноровки и мужества [112, с. 419–424].

Царя продолжали считать «благим богом», обладающим двойной природой: и человеческой от царицы-матери, и божественной от бога-отца. Начиная с V династии (середина XXVI в. до н.э.) каждый царь именовал себя «сыном Ра». Не удивительно, что вся страна и её население считались его собственностью. Даже имущество всех храмов страны принадлежало царю, но распоряжение им зависело от соотношения сил царя и жречества. Царская власть наследовалась по женской линии, поэтому царям приходилось жениться на собственных сёстрах (Очевидно, «сестра» как архаический термин родства означал не только родную сестру, но и двоюродную.), и исключения из этого правила были редки. Однако царь имел целый гарем наложниц, которыми распоряжалась жена как своими служанками. Однако случалось, что цари передавали

власть не сыну от царицы, а от наложницы. Царь продолжал традицию священных правителей и вождей протогосударств, как и Инка, и считался особой, обладающей магической силой, поэтому к его одежде могли прикасаться лишь избранные [88, с. 25; 107, с. 186, 188, 200; 205, с. 164, 174–175].

В Египте существовал праздник под названием «Хеб-сед» — «юбилей» тридцатилетнего царствования. Любопытно, что цари во время праздника надевали на голову традиционный венец, напоминающий пастушеский колпак [205, с. 164], а в руки брали такие символы власти как скипетр и опахало (Российский египтолог А.А. Кролл, видимо, плохо разглядел предметы в руках царя, посчитав их «инсигнией», т.е. каким-то знаковым предметом и «футляром с документами, подтверждающими права на престол», которые ему подсказала фантазия [139, с. 95]). В письменную эпоху Хеб-сед превратился в праздник, но в додинастические времена правитель, властвовавший тридцать лет (и очутившийся у власти не в день рождения, а, скорее всего, в молодом, но зрелом возрасте) достигал к этому времени преклонного возраста, что говорило об истощении его магической силы и могло печально отразиться на его подданных. Тогда утратившего силу правителя убивали (как это было у всех народов), чтобы заменить на молодого и сильного, обладающего большой чудодейственной силой. Любопытно, что даже в эпоху Нового царства царь со знаками власти должен был обегать два непонятных сооружения, находящихся на расстоянии 55 м. Вполне возможно, что царю во время бега требовалось показать своё физическое здоровье и свою власть. Во всяком случае Хеб-сед повторялся каждые три года [87, с. 351; 139, с. 95–97].

Как бы то ни было, но убийства в письменную эпоху прекратились: возможно, что, когда старый царь назначал своего сына соправителем, утрата волшебной силы уже не пугала его подданных. Конечно, царь-бог должен был жить в грандиозном дворце, а после смерти в громадной гробнице. Смерть царя рассматривалась как смерть его человеческой сущности, но его божественная сущность продолжала жить также как жили и другие боги. Однако египтяне относились не только к царям как к божествам. Они сохранили воспоминание о зодчем и враче Имхотепе, служившем царю Джосеру, как о великом мудреце и впоследствии поклонялись ему как богу врачевания. Первому царю III династии, Джосеру ещё при его жизни Имхотеп строил огромную гробницу — ступенчатую пирамиду высотой в 60 м, а три царя IV династии воздвигают ещё более грандиозные пирамиды. Наибольшая из них, воздвигнутая царем Хуфу (греческое Хеопс), достигает 146 м. При каждой царской гробнице строился поминальный храм, в котором совершали погребальные обряды во время похорон царя, а потом делали ему жертвоприношения. В храме изображались сцены из жизни царя, главным образом прославляющие его величие и подвиги (особенно военные), сопровождаемые пояснительными надписями. Огромное кладбище — «ниут мэр» («город мертвых») превращалось не только в «город» некогда царствовавших и вельможных мертвецов, но в город реально

живущих при кладбище простых египтян, обязанных обслуживать храмы и гробницы, для чего их даже освобождали от налогов и повинностей. Тексты гробниц обычно предупреждают набожных египтян, что всякий, кто разорит гробницу или нанесёт ей какой-либо ущерб может быть осуждён перед владыкой царства мертвых Осирисом [88, с. 26–28; 107, с. 189, 210, 216; 201, с. 376, 380]. Тем не менее даже спрятанные под гробницами лабиринтами и тщательно замурованные погребальные камеры постоянно подвергались разграблению.

Браки обычно заключались по любви. Невеста, выходя замуж, получала от родителей приданое, которое могло быть движимым и недвижимым. Ставши женой, она продолжала распоряжаться своим приданым по своему усмотрению и могла передать его любым из детей по завещанию. Положение супругов в семье было равным, но нередко случалось, что знатные сановники, по примеру царя, заводили гаремы, куда брали танцовщиц, певиц, арфисток, большая часть которых была рабынями. Супруги владели имуществом раздельно, а брачный договор, составленный в письменной форме, защищал права супругов и предусматривал возможность развода, инициатором которого могли быть как муж, так и жена. «Если развод хотел получить супруг, он должен был вернуть жене её приданое и часть собственности, приобретённой за время их супружеской жизни. Если инициатором развода была жена, она получала только половину своего приданого». Даже несмотря на высокое положение, за измену мужу жену сжигали, а её прах выбрасывали в реку. Египтяне заботились о детях: брали на прогулки, учили вести хозяйство, дарили им игрушки: погремушки, волчки, куклы (младенцев в колыбельках, танцующих карликов), фигурки животных (львов, кошек, бегемотов с раскрытой пастью, крокодилов, лошадей, запряжённых в колесницы и т.п.). Появился целый жанр «Поучений», написанных детям с дидактической целью. Внушалось, что послушание родителям — первая добродетель. Наследником хозяйства обычно становился старший сын, а младшие должны были вместе с семьями служить ему, помогая в управлении хозяйством и в работе по хозяйству, хотя отцы и старались наделить имуществом всех детей. Выполнение заупокойных обрядов по умершему завещателю служило гарантией сохранения наследства [192, с. 288; 204, с. 108; 205, с. 174–179; 192, с. 286–287]. К началу эпохи Древнего царства высшие слои египетского общества уже жили малыми семьями. Родовых имен у египтян не было, но к собственному имени добавляли имя отца.

Египетская знать формировалась из родовой знати и громадного штата чиновников, управляющих страной, хозяйством царя и хозяйствами высшей знати. Скорее всего, родовых аристократов составляли потомки знати и воинов союза племен, установившего власть над Верхним и Нижним Египтом. Египтяне считали их «уру» («большими», «важными», «значительными» людьми) в отличие от остальных «неджесов» («маленьких», «незначительных», «ничтожных», «слабых»), то есть простых людей. Значение слова «неджес» — «слабый», очевидно, указывает на то, что когда-то предки неджесов проявили слабость, потеряв силу в борьбе с «уру», обладавшими «значительной» (подобной мане

полинезийцев) силой. Слово «сах», означавшее аристократа, происшедшего от очень знатного человека, нередко сопровождалось детерминативом, изображающим печать, что прямо указывало на владельца значительного наследственного имущества, которое он имел право помечать собственной печатью [203, с. 175; 305, с. 588]. Очевидно, менее знатные люди и чиновники одинаково называются «сэр», причем в детерминативе этого слова у человека в руках всегда посох, который присутствует и при детерминативах к словам, означающим самых разнообразных начальников [305, с. 591; 204, с. 70]. По-видимому, посох означал знатность потому, что первоначальная знать такого рода вела свое происхождение от старейшин, а посох служил показателем почтенного возраста.

В эпоху Древнего царства значительно расширился централизованный бюрократический аппарат. Высшие чины нередко получают дети и другие родственники царя или верные его приверженцы. Гражданскую часть бюрократического аппарата обычно возглавляет чиновник в ранге «чатиа», что приблизительно соответствует визирю средневекового периода. Царедворцы получают такие чины как «ими-ра пер» («смотритель дворца», «эмир»); «семер уат» («друг единственный», «наперсник»); «седжаути бити» («хранитель царской печати»), распорядитель царским складом, принимающий вещи и продовольствие и отпускающий содержания. Среди мелких чиновников можно назвать такую должность как «сэш» («писец»), составитель документов и учётчик, пишущий документы и письма неграмотным людям, или просто грамотный образованный человек. Несмотря на невысокое социальное положение писцы обладали значительной независимостью, непосредственно никому не подчиняясь, не платя подати и налоги и не подвергаясь какому-либо обложению обязанностями и выплатами. Чтобы стать писцом не требовалось знатного происхождения. Должность писца не переходила по наследству. Писцами становились только в силу личных способностей, и многие из них внесли свой вклад в египетскую культуру. Теперь номами управляли «репат хатиау» («наследные князья»), ранее бывшие независимыми местными правителями, а теперь назначаемые царём, а завоёванными областями — губернаторы, носящие титул «са несу» («царский сын»). По мере продвижения по бюрократической лестнице каждый сохраняет и прежние должностные титулы, которые выстраиваются в длинную цепочку, причем, чиновник (как, например, визирь фараона Исеси Птахотеф), обычно стремится передать хотя бы часть своих титулов детям, выпрашивая назначение их на свои прежние должности. В зависимости от должности каждый чиновник получал соответствующее ей содержание, всегда включавшее хлеб, «пиво», холст, а высокие чиновники и многие другие вещи (Отбывающие трудовые повинности вдали от дома простые египтяне также не оставались без содержания.). Номархи получали от царя за службу движимое и недвижимое имущество, иногда составлявшее громадные земельные наделы, и могли получить дополнительное имущество в награду. Нередко и другим, гораздо ниже стоящим на социальной лестнице знатым людям,

принадлежали целые поселения, которые должны были снабжать их всем необходимым, а по завещанию могли передаваться по наследству [88, с. 26–28, 175; 89, с. 319; 109, с. 305–310; 224, с. 186].

Египет, как и все соседние союзы племён и нарождающиеся государства, вёл многочисленные войны как для обороны, так и с целью захвата чужих богатств, территорий и работников. Во главе каждой «армии» — «меша» стоял «ими-ра меша» («начальник армии»), во главе объединённого войска — «ими-ра меша ур» (великий начальник армии), назначавшийся царём. Главнокомандующим считался сам царь. Войско составляли, очевидно, номовые отряды. Отдельными отрядами, набранными на подвластных им территориях, командовали местные чиновники и сановники. Египетское войско составлялось путём набора и включало несколько «армий». Новобранцев — «неферу» («молодцов», молодых воинов) обычно отправляли сначала служить в пограничные крепости. В египетской армии служили и наёмники, вербовавшиеся в Нубии и других сопредельных регионах. За службу они получали льготы на дававшихся им в пользование царских землях. Походы совершались главным образом по суше. В случае необходимости солдат перевозили на кораблях морем. Военный флот появился, по-видимому, во второй половине 3 тыс. до н.э. На боевых кораблях помимо команды моряков обычно находились «неферу» и «шемсу» («спутники», «свитские», подневольные гвардейцы) [205, с. 132–135].

В обязанности военных отрядов входила охрана и проведение различного рода царских строительных и прочих работ, например, сопровождение рабочих на рудники. За время службы или работы они получали государственное содержание [205, с. 134].

Многочисленная прислуга работала в домашнем хозяйстве аристократа, у которого обязательно должен был быть дворец или большой дом и сад с искусственным прудом или даже озером [205, с. 50, 176]. Среди прислуги полусвободные работники хозяйств вельмож составляли «мерет» (челядь), включавшую, по-видимому, разные категории зависимых людей, но, скорее всего, не рабов. Слуги-рабы назывались «хери пер» («при доме», «домашний»). Среди них были невольники («хему»), купленные рабы («исуу») и давнишние домашние рабы («баку»). Множество слуг готовило пищу семье аристократа, варя в горшках куски мяса, жаря на вертелах бычьи ноги или домашнюю птицу, заботливо сервировало стол, подавало на подносах овощи и фрукты, хлеба, пирожки, молоко, сладости. Даже занимаясь хозяйственными делами, вельможа предпочитал слушать арфистов, флейтистов и прочих музыкантов, делать утренний туалет с помощью слуг, ставящих перед ним таз, предлагающих ему нечто вроде мыла, поливающих его водой руки из кувшина, подающих полотенце, растирающих спину, делающих маникюр и педикюр, умащающих ноги, одевающих на него накидку из шкуры, подтверждающую его знатное происхождение, и соответствующий этикету и моде парик. Униженно преклоняющиеся перед царём, знатные египтяне стремились показать высоту своего социального статуса. Вельможа обычно покидал дом в паланкине, который несло множество (до 20) слуг в такт поющей

песни, под музыку и пляски танцовщиц. «Шемсу» (свита), состоящая из вооружённых людей и слуг без оружия, несла за ним сандалии, опахала, мухобойки и прочие вещи, которые могли понадобиться хозяину, а также вела его любимых животных. Если вельможа шел пешком, то всё равно за ним тащили носилки, кресло, ложе, подголовник и балдахин, а, когда он посещал свои владения, плывя по воде на парусно-гребном корабле, который иногда слугам приходилось тянуть бичевой, то его судно сопровождали папирусные челноки с провизией. Среди «шемсу» бывали как египтяне, так и нубийцы, пигмеи (носившие полезные хозяину вещи) и другие иноземные слуги. Процессии слуг (обязательно включая арфисток, певиц и танцовщиц) сопровождали хозяина также и в последний путь и должны были приносить заупокойные жертвы на кладбище. Весной, после сбора урожая вельможи подсчитывали доходы. Если зерна было собрано меньше, чем предполагалось, получен меньший приплод скота, то старост, управляющих дворами, пастухов и прочих нерадивых работников ожидало наказание. Их привязывали к столбам, бросали на землю, а надсмотрщики били их палками, и, чтобы вельможа не слышал стонов и вскриков, флейтисты и арфисты должны были громко играть [204, с. 7, 109–110; 204, с. 111–113; 205, с. 177–178; 305, с. 569, 582].

Помимо вельмож и разного рода чиновников значительную часть населения городов составляли «хемуу» — мастера-ремесленники: каменщики, кузнецы, ювелиры, к которым относили также и скульпторов и художников, хотя в мастерских и царей и вельмож они занимали более высокое положение, чем прочие ремесленники [204, с. 104].

Рядовые коренные жители Египта — «рехит» («народ») или «ремечет» («люди») рассматривались царем и аристократами (подобно русским крестьянам во времена наибольшей зависимости) как обязанная им служить некая масса подданных. Царь мог их пожаловать вельможе или подарить родственнику. При этом «людей» можно было передавать с землёй и скотом или без земли. Аристократы также имели право передавать их по наследству, дарить и даже продавать. «Люди» должны были нести многочисленные повинности. Каждые два года чиновники и писцы проводили учет скота, так как крестьяне платили налог скотом [205, с. 82]. Крестьяне должны были содержать чиновников, например, кормить чиновника за замер поля и поставлять им в подарок мелкий домашний скот. Крестьяне и рядовые горожане (по крайней мере с середины эпохи Древнего царства) привлекались к государственным «царским работам», работам «на дом царя» и «всяким работам нома», включавшим рытьё каналов, строительство и т.п. Работая на «дом царя», они, как правило, составляли отряды чернорабочих, трудившихся под руководством специалистов (как свободных, так рабов) и надзором надсмотрщиков. Крестьяне работали обычно только в сезон половодья (Постоянно трудились в каменоломнях, на доставке тяжестей и на тяжелых строительных работах осуждённые преступники.). Срок общественных работ составлял обычно 3 месяца. При этом отбывающие трудовые повинности вдали от дома простые египтяне всегда получали

содержание: ежедневно — хлеб и пиво, а по мере необходимости одежду и прочее довольствие. Если же надо было спешить при сборе урожая в хозяйстве царя, номарха или храма на помощь крестьянам присылали «царских рабов». Случалось, что человека, неспособного выплатить, полученную от аристократа ссуду, порабощали [89, с. 337; 203, с. 175–177; 203, с. 175; 204, с. 17, 20, 77, 204, 578; 205, с. 54, 65, 100–101], но было ли его рабство временным или постоянным неизвестно.

Главным источником рабов («хему») были войны. Многие слуги были иноземцами, например, из Нубии. Известны рабы-карлики (как предполагается, пигмеи). От рабов-пленников, отличали купленных рабов «исуу». Большое количество рабов принадлежало царю, немало их было у знати, иногда они доставались и рядовым воинам. Рабов («баку») использовали в домашнем хозяйстве и ремесле, не часто выходящем за рамки домашнего хозяйства, нередко посылали на общественные работы. Работа, даваемая баку, нередко была тяжёлой. Например, они часто носили за хозяином вещи, которые могли понадобиться ему во время выхода, носили в паланкине и самого хозяина. Даже сидеть слугам полагалось не в креслах и на стульях, а на циновках, на земле, на чурбаках, в лучшем случае на табуретах. Положение «мерет», которых рассматривали как челядь или и как слуг [189, с. 128; 203, с. 176–177; 204, с. 7, 15; 205, с. 161, 176; 305, с. 569], было значительно лучше, возможно, было близко к положению российских дворовых.

В эпоху Древнего царства уже существовали писанные законы, хотя неизвестно, когда они кодифицировались и перерабатывались, поскольку ни одного из сборников законов не дошло до нашего времени. Известно, что закон охранял земельные владения, и передвижка межи считалась преступлением. Сильно было ещё и обычное право. Например, отец мог лишить сына наследства и даже прогнать его из дома. Случалось также, что самосуд сочетался с судебным наказанием, особенно при разборе семейных дел. Суд, состоящий из высоких чиновников, нередко решал важные государственные дела. Известно, например, что во времена VI династии разбиралось дело жены царя. Сам же царь имел полное право как угодно карать или миловать и награждать своих подданных. В Египте со времён Древнего царства существовала полиция. Полицию набирали из иностранцев. Известно, что в ней служили нубийцы «нехесиу» [192, с. 279–287; 205, с. 134] и «маджай» (скорее всего, представители нубийского союза племён махас).

Египетское жречество было многочисленным, очень богатым и почитаемым. Жреческая иерархия была многоступенчатой от простого, начинающего жреца «уаба» («чистого»), до верховного жреца, носившего титул «хэм нечер» («слуга божий»). Заботясь о жизни после смерти, знатные люди жертвовали заупокойным жрецам, чтобы они совершали необходимые церемонии о благополучии покойного в загробной жизни, скот и земельные владения с целыми селениями людей [205, с. 178]. Скот и дары постоянно поступали и жрецам, возносящим молитвы, и приносящим жертвы богам, особенно, наиболее почитаемым в данном номе или во всем Египте.

Первый период междуцарствия

После смерти правившего почти сто лет последнего царя VI династии Египет распался на ряд самостоятельных государств, ведущих войны за главенство над возможно большей территорией. Войны принесли запустение и частичное разрушение ирригационной системы и упадок хозяйства. Власть царей VII-X династий, как правило, ограничивалась не слишком большой территорией к северу или югу от провозглашённой столицы. Поэтому период приблизительно между 2250 и 2050 годами до н.э. принято называть Первым периодом междуцарствия.

Несмотря на политический упадок производительные силы продолжали развиваться. Например, был изобретён станок для отжима винограда, закрепляющий мешок с выжимками, который закручивался специальными приспособлениями. По-видимому, в этот период появились школы [109, с. 308; 204, с. 53; 205, с. 70].

Развивались и религиозные представления. В это время, например, начинают распространяться магические «Тексты саркофагов», призванные обеспечить умершему вхождение в потустороннее царство. По крайней мере, в это время возникает представление о воздаянии за праведную жизнь после смерти в «полях Иалу», где царит вечное блаженство [89, с. 323], и, по-видимому, о наказании за грехи в ином месте. Вместе с тем в литературе появляются и сомнения в реальности загробной жизни [89, с. 324; 107, с. 213].

Развалу страны соответствуют и немногие литературные произведения, такие как «Песня арфиста из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед писцом с арфой» и диалог, условно названный: «Беседа разочарованного со своей душой», «Поучения», предназначенные гераклеопольскому царю X династии Ахтою III, проникнутые пессимистическими настроениями. В ином ключе создана бытовая «Сказка о красноречивом крестьянине», в которой отстаивается идея справедливости. Герой сказки, скорее охотник и собиратель, промысляющий ловлей птиц и зверей и собиранием трав, оказывается ограбленным служащим высокого сановника, но ему удаётся убедить царя в своей правоте и вернуть отнятое, потому что цветистые речи «крестьянина» нравятся царю, а также свидетельствуют о высокой образованности её сказителя [89, с. 323–327].

Необходимость опираться в борьбе за власть на зажиточных землевладельцев и торговцев (становящихся теперь мелкими рабовладельцами и чиновниками) — «неджесов» (малых) по сравнению со знатью — «уру» («большими людьми») привела к расширению аристократическо-бюрократического класса. Суды продолжали защищать интересы аристократии, нередко вынося решения не по справедливости, а в интересах знати, но окончательное решение оставалось за царём, потому что власть местных царей сохранялась достаточно сильной, чтобы карать подданных, прибегая к наказанию палками, отправкой в тюрьму и даже истреблению бунтовщиков [19, с. 283; 192, с. 284].

Среднее царство

В конце Первого периода междоусобицы опять разразилась борьба между Севером (который протянулся теперь далее на юг) и Югом, в которой опять победили правители Юга, основавшие XI династию [88, с. 28–29]. С их воцарением началась эпоха Среднего царства (около 2050 — около 1750 гг. до н.э.).

С укреплением царской власти началось восстановление ирригационной системы. Развернулись работы по осушению заболоченных земель вокруг Меридова озера в Файюмском оазисе, местами был расширен и углублен Бахр-Юсуф, была сооружена грандиозная дамба, позволившая осушить заболоченные земли. Озеро превратилось в надежное водохранилище, а площадь освоенных земель многократно увеличилась. Усовершенствовался сельскохозяйственный инвентарь. Для втаптывания зерна во время посева стали использовать все породы скота. Иногда после посева пользовались легкой деревянной сохой в качестве бороны. В соху впрягали быков или коров, которые утаптывали зерно перед ней. Случалось, что после сохи в поле выгоняли ещё и овец. Зерно хранили теперь в приподнятых над землёй амбарах, составляющих целый комплекс, обнесённый оградой. Для сбора инжира стали использовать прирученных обезьян [88, с. 29; 205, с. 49, 59–60, 67, 71].

В этот период появляются, очевидно, азиатские, тонкорунные овцы (от которых позднее произошли курдючные овцы с рогами, загнутыми почти по кругу). Продолжаются попытки одомашнивания саблерогих антилоп-ориксов [205, с. 78, 80].

С этого времени начала распространяться также бронза, что способствовало совершенствованию орудий и оружия. Получают распространение металлические наконечники на мотыгах. Золотые изделия достигают особого изящества. Особенно тонкой работой отличаются украшения: диадемы, кольца, нагрудники, отделанные полудрагоценными камнями: аметистами, бирюзой, гранатом и т.п. Произведения искусства создаются ещё главным образом в царских мастерских и в мастерских номархов. Расширяется ассортимент керамики, состоящей теперь из больших сосудов с остроконечным или закруглённым дном, горшков, мисок, чаш, кувшинов, кубков. Вместе с тем изготовление каменных ваз почти прекращается. В ткацких мастерских за горизонтальными ткацкими станками, в которых вместо челнока ещё использовался деревянный крючок, сидя на корточках, работали женщины. По крайней мере в это время ткани научились гофрировать с помощью специальных досок [201, с. 382; 88, с. 29; 205, с. 54, 93–95, 115, 122–127].

В развивающейся торговле начинают участвовать куски золота разного веса, на которые можно приобрести любые товары, то есть золото становится деньгами [205, с. 178].

В размерах одноэтажных, двухэтажных и трехэтажных домов отразилась социальная дифференциация. Особняки чиновников средней руки достигали 2400 кв. м., средние дома — 168 кв. м., маленькие дома — 95 кв. м. Дома ещё строили из сырцового кирпича, но они ста-

ли больше. Даже в одноэтажных небогатых домах было по несколько комнат. Комнаты располагались слева и справа от входа. Окна чаще находились в верхней части стены. В домах среднего достатка за портиком располагался зал, от которого в две или три стороны отходили комнаты, а спальни хозяев могли располагаться на втором этаже. Стены штукатурили и украшали красными полосами. Дома снабжали порталом со ступеньками и галереей с балюстрадой. На галерею вела лестница. На террасах хранили зерно в ларях. Портик поддерживали колонны. От солнца иногда делали навес над галереей и над водоемом. Дом теперь располагается в задней части двора, окруженного с трёх других сторон невысокими стенами. Во дворе устраивается водоём. В богатых особняках помимо комнат хозяина располагался гарем, служебные помещения, комнаты для служащих и хозяйственные помещения. Ванная нередко соединялась со спальней, а туалет располагался сзади. Дворцы царей и высших сановников устраивались на высоком месте (куда вели скверы и лестницы) и обносились стенами. Как дома, так и города обычно строились по плану. Фасады храмов приобрели пилоны — высокие массивные трапециевидные башни, между которыми оставляли узкую дверь. У пилонов располагали мачты с флагами, а перед ними обелиски и огромные статуи царя [107, с. 202]. Усовершенствовалась монументальная архитектура. Особенно красив поминальный храм с гробницей царя Ментухотепа I (2015 — 2007 гг. до н.э.), построенный скульптором Иритисеном в Дейр-эль-Бахари, на западном берегу, почти напротив Фив. Гробницы царей и знати, стремясь сохранить от разграбления, начинают высекать в скалах [107, с. 202; 201, с. 382–383; 205, с. 155–157].

Одежда знатных людей (и юбки, и плащи) в этот период удлиняется. Однако иногда носят короткую юбку с передником поверх юбки, а поверх короткую широкую рубаху с короткими широкими рукавами или без рукавов. Слуги обычно работают в набедренных повязках или коротких юбках-передниках, реже в коротких рубахах без рукавов [205, с. 167–168].

Появляется колесо и четырёхколёсные повозки, которые тянут быки. На них перевозят прежде всего покойных на кладбище. Повозки не получают распространения, по-видимому, потому, что тяжести портят непрочные дороги из ила, проложенные на дамбах [205, с. 128]. Развивается судостроение, увеличивается размер судов, появляются усовершенствования. Мачта перемещается в центр, становится поперечным расположенный теперь между реями парус, приподнимается нос. Флот становятся важной составляющей войск Египта [205, с. 110].

Возможно, армия теперь делилась по родам войск на лучников с однодугими или двудугими луками, согнутыми из одного куска акации, копейщиков с копьями с металлическими наконечниками и со среднего размера щитами, закруглёнными или заострёнными сверху, пращников, необходимых при штурме крепостей, и других бойцов. На вооружении также были секиры, колуны и длинные кинжалы, которые, очевидно, можно было использовать и как рубящее оружие. При штур-

ме крепостей стали использовать укрытия для группы наступающих воинов [205, с. 107, 137–139].

Для защиты страны на границах воздвигаются дополнительные крепости. Особенно много крепостей строится для защиты от воинственных нубийцев. Обычно крепости с бастиянами строятся по обоим берегам Нила [205, с. 139–140], что очевидно позволяет простреливать пространство во всю ширину реки.

С превращением Фив в столицу с воцарением XI династии в XXI в. до н.э. фиванский бог жизни Амон стал постепенно превращаться в наиболее почитаемое в стране божество, рассматривавшееся большей частью народа как верховный бог Египта [107, с. 181]. Более того, культ фиванского Амона слился с культом с широко чтимого гелиопольского бога Ра (который считался и отцом царей) в культ единого бога Амона-Ра, перенявшего функции обоих богов и ставшего творцом всех остальных богов. Однако и такое объединение не предел. В одном из гимнов Амон, Ра и Птах объявляются «всеми» богами, а Амон оказывается также Ра «с лица» и «телом» Птаха, а в одном из папирусов солнечный бог говорит: «Я — Хепра утром, я — Ра в полдень, я — Атум вечером». Таким образом в одном боге как бы сливаются три бога, и одновременно один из них приобретает три ипостаси (как христианская Троица). Египет приближается к монотеизму. Возможно, в это же время усиливается культ гелиопольского бога Ра, который представляется антропоморфным богом плывущим по небу в солнечной ладье. На пути на него нападают гигантские крокодилы и бегемоты, а Ра и его спутники поражают их копьями. Спустившись на западе в преисподнюю, Ра проходит через 12 ворот в течение 12 ночных часов. У каждых врат он борется с огнедышащими змеями, а в полночь с огромным змеем Апопом, который выпивает всю воду, чтобы остановить плавание бога, но Ра и его свита поражают его ножами и из змея извергается вода [107, с. 197–198; 190, с. 136].

В соответствии с мифом, жрецы объясняют, что для того, чтобы попасть в потусторонний мир, умерший должен войти в барку Ра, который на ней совершает ежедневные путешествия с востока на запад. Согласно другим взглядам, господствовавшим в Абидосе, умерший праведник сливался с Осирисом и получал бессмертие. Эти представления получили в Египте большее распространение. Тем не менее, чтобы попасть в страну мертвых, покойный должен оправдаться перед судом богов, доказав, что в жизни он не совершал дурных поступков. Однако несмотря на большую набожность египтян, проявляющуюся особенно в частых обращениях к богам и заботах о покойных, по крайней мере уже в эпоху Среднего царства возникают сомнения в существовании потустороннего мира [107, с. 213, 216, 219; 190, с. 249].

Забота об обеспечении покойных всем необходимым начиналась ещё при жизни царей и вельмож, которые строили себе пышные гробницы с поминальными храмами, в которых служили заупокойные жрецы, получающие от владельцев гробниц не только довольствие, но, нередко, землю, сады, скот и даже «людей», и всё это имущество в случае смерти

жреца передавалось одному из его сыновей по наследству [224, с. 181, 185–186].

В этот период уже существуют школы. Доподлинно известно, например, о школе в царской резиденции [109, с. 308]. Складывается единая письменность на среднеегипетском языке, претерпевшим по сравнению со староегипетским небольшие изменения в фонетике и грамматике. Широко распространяется упрощенное изображение иероглифов на папирусе (или остраконах), получившее у греков название «демотики» («народного» письма). На дереве чаще вырисовывают иероглифы. Их начертание зависит от умения и вкусов писца и разнится в надписях. Количество наиболее употребительных иероглифов в конце эпохи приближается к 700. Скорописное демотическое и «иератическое» письмо приобретает порой такие особенности, что читать его можно только имея значительные навыки. Каждый чиновник должен знать грамоту. Профессиональные писцы составляют документы, зачитывают их и пишут за неграмотных. Жрецы ещё более упрощают письмо, в котором иероглифы нередко сливаются. Такое письмо, получившее название «иератики» («священного» письма), становится непосвященным в него непонятным. Египетский язык распространяется за пределы Египта. На нем говорят египтяне живущие в азиатских колониях Египта (например, в Библе) и в завоеванной египтянами Нижней Нубии, где египетский язык, вероятно, начинает осваивать и нубийская знать. Во всяком случае египетские тексты встречаются уже в Нубии, Финикии и Палестине [108, с. 293, 294, 297]. Египетская письменность оказала влияние на письмо многих народов мира. На Синайском полуострове были найдены надписи от конца эпохи Среднего царства, составленные 32 алфавитными знаками, бесспорно, производными от египетских иероглифов. Скорее всего они написаны на близком к угаритскому ханаанском языке семитской группы. Позднейшие буквы финикийского алфавита по начертанию близки к таким знакам. Название самого финикийского языка «тафенаг» (как определил выдающийся египтолог Е.Н. Максимов) происходит от египетского «та Фенег» («земля Финикийская»). Знаки финикийского алфавита легли в основу древнегреческого, а от него пошли практически все алфавиты Европы и большей части других языков мира [108, с. 304; 113, с. 426–428; 223, с. 9].

Возможно, в это время появляются первые словники, дающие необходимые знания жрецам и чиновникам. От XVIII в. до н.э. до нас дошел словник, содержащий большой раздел с перечнем городов Верхнего Египта и крепостей Северной Нубии [227, с. 274].

К этому времени относится дошедшая до нас значительная литература: мифы, сказки, повести, поучения и даже научные тексты, например, математические, или медицинские советы по способам лечения болезней с описанием рецептов. В одном из папирусов описываются проблемы акушерства и женские болезни, а также способы лечения животных. К сожалению, поэтических произведений почти не сохранилось. Среди них можно отметить несколько гимнов, прославляющих Сенусерта III и несколько коротеньких песенок, распевавшихся во время работы (ко-

торые, возможно, восходят ещё к Древнему царству). В это время ещё создаются волшебные сказки. Одно из древнейших литературных произведений известно по списку, сделанному в начале правления XII династии (чуть позже 2000 г. до н.э.). Это — «Сказка о потерпевшем кораблекрушение», в которой повествуется о попадании героя на волшебный остров, где владычествует огромный змей, обладающий несметными богатствами, отпускающий героя домой с дарами. Змей называет себя «владыкой Пунта», реальной страны, располагавшейся к югу от Египта. Предметы, упомянутые как богатства волшебного острова, действительно ещё в эпоху Древнего царства вывозились египтянами из Пунта. Таким образом в этом произведении мифологическая фантастика смешивается с реальностью. Среди литературных произведений значительное место принадлежит «поучениям». С социологической точки зрения, интересны «Речения мудреца Неферти», созданные в период между 2000 и 1800 гг. до н.э. и написанные в форме пророчества мудреца, жреца богини Баст Неферти, который предсказывает царю Снофру (первый в IV династии) смуту в стране (случившуюся в период Первого междуцарствия) и восстановление и процветание Египта при современном «пророку» царе Аменемхете I, окончательно восстановившем единство страны. Таким образом, «Речение» оказывается пока первым из известных нам идеологических обоснований власти, созданных в литературной форме. Другим идеологическим сочинением, утверждающим власть уже сына Аменемхета I Сенусерта I, является «Поучение Аменемхета I», написанное, скорее всего, Хети (Ахтоем), сыном Дуауфа. В этом «поучении» дается основанная на личном опыте программа царствования, якобы завещаемая отцом, убитым заговорщиками, своему сыну, фактически обосновывающая политику Сенусерта I. Совершенно другого рода публицистическое произведение оставил гелиопольский жрец Хахеперрасенеб (по прозвищу Онху), живший в конце XIX в. до н.э., приблизительно за сто лет до падения XII династии. В диалоге с собственным сердцем он жалуется на бедствия в стране и угнетение со стороны сильных. В другом сочинении приблизительно того же времени высокопоставленный сановник описывает образ идеального царя, облечённого божественной властью и призывает аристократов к преданности ему и борьбе за него, а автор «Поучения человека своему сыну» обращается уже к народу, призывая к верности царю, потому что царь заботится о справедливости и достатке подданных, и только так можно достичь благополучия. К укреплению власти правящей династии призывают также многочисленные фрагменты и обрывки текстов этого времени. Очевидно, в самом конце эпохи или в начале Второго Периода распада Египта возникли «Речения Ипусера», описывающие бедствия страны в крайне мрачных тонах, когда «благородные — в горе, а простые людины — в радости», по-видимому, чтобы осудить восставший народ. В заключении Ипусер выражает надежду на восстановление порядка и будущее благоденствие. Вышеупомянутый Хети оставил поучение и собственному сыну Пиопи, где восхваляет профессию писца, сравнивая ее с другими занятиями и дает советы, как успешнее сделать карьеру.

Написанное образным языком и утверждающее достоинства профессии, наставление Хети много веков служило образцом для обучения письму в процессе его переписки и для составления других школьных поучений. Хети приписывают и гимн Хапи (Нилу), который в отличие от гимна другим богам (Нил египтянами обожествлялся.) удивляет искренне теплым отношением к реке, как к части природы, дающей жизнь Египту. Созданная примерно в это же время «История Синухета» относится уже к чисто литературным произведениям. Офицер Синухет (очевидно, реальная личность) — современник Аменемхета I и Сенусерта I, чтобы не погибнуть в борьбе претендентов на трон, бежит в Азию, где он попадает на службу к одному из местных князей и занимает высокое положение, но мечтает вернуться на родину, где его благосклонно принимает царь, обещая к удовлетворению Синухета после смерти похоронить его по египетскому обычаю [88, с. 30; 89, с. 328–342; 154, с. 148; 227, с. 253].

От рассматриваемой эпохи сохранился ряд отрывков, содержащих тексты мифов, разыгрывавшихся во время религиозных церемоний. Например, в храме Гора в Эдфу сохранились изображения и тексты мистерии, в которой царь должен был исполнять роль Гора (хотя его всегда заменял жрец высокого ранга). Представление разыгрывали на берегу храмового пруда, и в нём участвовали хор и музыканты. Известно также, что в царствование Сенусерта III (первая половина XIX в. до н.э.) в Абидосе ежегодно перед народом разыгрывалась мистерия о борьбе Осириса и Гора с Сетом, включавшая убийство и воскресение Осириса. Известно также, что роль Гора исполнял посланный царём для ревизии этой мистерии вельможа Ихернофрет. Празднества с представлениями устраивались не только в честь Осириса, но в честь самых разных богов и в Гелиополе, и в Саисе, и в Бубасте, и в Бусирисе. Однако религиозные действия, по-видимому, не всегда носили официальный характер. Даже в «Текстах саркофагов» и «Книге мертвых» сохранились отрывки, которые скорее выглядят не как мистерии, а как комедии. В одном из них главным действующим лицом является огромный змей Апоп — враг бога Ра и поглотитель грешников в подземном мире, а в другом — посланец бога Гора неоднократно попадает в комичные ситуации [110, с. 413–414].

Значительных успехов достигла и математика. В начале II тыс. до н.э. египтяне уже умели возводить числа в степень и извлекать квадратный корень, могли исчислять в геометрической прогрессии, решать задачи с неизвестным. Они знали, как вычислить площадь круга и поверхность шара, определить объём усечённой пирамиды. Сохранились и учебные тексты, где (правда ещё без математического анализа) показано, как вычислять площадь поля, объём корзины или амбара, как делить имущество между наследниками [223, с. 13; 227, 263–264].

Изобразительное искусство эпохи Среднего царства оставило многочисленные памятники, отражающие повседневную жизнь египетского общества. Здесь и окружающая природа, и сцены труда, войны, праздников, сбора налогов. Рисунки наносились на штукатурку, положенную на выровненную поверхность. Затем начиналась разметка площади на пояса, а далее расчерчивалась сетка. После этого наносился основной

фон, а на него уже — рисунок штрихами разного цвета. Разметка закрашивалась. Искусство живописцев позволяло создавать даже иллюзию прозрачности одежд. В скульптуре сохранялся канон, но передавалось и портретное сходство в большей степени, чем в более идеализированных изображениях людей времён Древнего царства. Статуи стали помещать не только в гробницы, но и в храмы, жертвуя их богам. Во многих храмах или просто на видных местах в городах, для того чтобы возвеличивать и прославлять царей, возводят царские статуи. Если статуям царей, номархов и прочей знати приданы приблизительно одни и те же позы, то статуэтки слуг поражают разнообразием поз и жестов. Однако оказывается, что ткачихи всегда сидят на корточках, носильщики всегда несут грузы на спине и поддерживают их двумя руками, в то время как служанки всегда несут корзины на головах, поддерживая их одной рукой, а пекари всегда месят тесто согнувшись над чаном, то есть отдельные каноны сохраняются даже для поз людей разных профессий [201, с. 383–386].

Развивался спорт и физкультура. Очевидно, уже существовали тренеры. Так, например, номарх Сиута Хети сообщал, что его учили плавать вместе с царскими детьми. Плавать умели многие египтяне, включая как мужчин, так и женщин. Спортивный стиль плавания был близок к современному кролю [200, с. 421].

Царь как собственник страны продолжал награждать служащих ему аристократов крестьянами. Складывается многоступенчатая зависимость, когда высокопоставленному аристократу обязаны служить чиновники меньшего ранга, а на них предписывается работать крестьянам. В эту эпоху представители знатных родов начинают составлять свои генеалогии [205, с. 174]. Крупные аристократы и бюрократы нередко совмещали ряд должностей. Например, «наследные князья» возглавляли не только светскую администрацию нома, но одновременно являлись и «начальниками» жрецов своего нома. Благодаря этому они распоряжались как своим номовым имением, так и хозяйством всех храмов, расположенных на территории нома. Однако значительная часть «людей», земли, садов и скота в номе принадлежала царю, в силу чего номарх был обязан поставлять царю подать, например, скот [см. 224]. Вместе с тем, усиливается роль неждесов — зажиточных земледельцев, торговцев и ремесленников, на которых опирались цари XII династии, укрепляя свою власть в борьбе с номархами и местной знатью [89, с. 338; 84, с. 113], что свидетельствует о расширении круга свободных от повинностей людей, включающих теперь не только потомственных аристократов.

Значительное имущество скапливалось у жрецов, которые не только получали за службу в храме довольствие из «божественных жертвоприношений», то есть податей, поступающих в храмовое хозяйство (например, с крестьянского поля, прямо предназначенного для поставок урожая в храм), а также поступления с полей номарха и полей «серов» и «неждесов», но сами владели землей, скотом и «людьми» [224, с. 183–184].

В эпоху Среднего царства комплектуется профессиональная армия, состоящая из рекрутов и наемников из числа иноплеменников. Одну

часть армии составляли городские (номовые) армии во главе с командующими «ими-ра-меша», состоящие из новобранцев «джаму» («молодежи») и из «менит» («крепких отцов», ветеранов). Другая часть войска, принадлежащая непосредственно царю, состояла из новобранцев — «неферу» («молодых»), «ахаути» (опытных «бойцов», «воинов») и «шемсу» (несвободных гвардейцев) во главе с командирами «шемсу эн хэка» («свиты для правителя», то есть царя). Все молодые воины должны были проходить обучение у своих командиров. Известно, что в эту эпоху «шемсу» начинают получать от царя за службу земельные наделы, скот и даже рабов. Таким образом начало феодам было положено не в средние века, а значительно раньше. Чуть позже, в середине XVIII в. до н.э. земельные наделы получают и вавилонские воины, согласно законам царя Хаммурапи. Кроме того вспомогательные отряды составляли нубийцы («нехесиу» и «маджаи»), «ливийцы» («чехену») и азиаты («сетиу») [88, с. 30; 205, с. 135–136; 223, с. 7–8].

Завоевательные походы приносят множество рабов, которые достаются не только знати, но и неджесам [88, 29]. Рабы продолжают служить своим хозяевам, составляя, например, большую часть персонала ткацких мастерских [205, с. 167].

Традиция приписывает учреждение новых законов легендарному царю Сесострису (прообразом которого послужили многие цари, начиная с Сенусерта I), которые он будто бы получил от самого бога мудрости Тота. Известно, что, по крайней мере, в конце эпохи Среднего царства в Египте существовала судебная палата. Суды, в которых заседали вельможи, решали как гражданские и уголовные, так и политические дела, например, дела о дезертирах и перебежчиках (которым грозила смертная казнь или увечье, сопряженные с конфискацией имущества), но окончательное решение о казни или помиловании оставалось за царём. Сохраняется ещё и обычное право, например, судебные поединки [192, с. 279–283].

Второй период междоцарствия

В конце XII династии наступает эпоха, получившая название Второго периода междоцарствия. Она продолжается приблизительно с 1750 по 1580 гг. до н.э. и заканчивается при последних царях XVII династии. В это время в Египте начинаются распри, голод и восстания, что позволяет около 1710 г. до н.э. восточному народу, известному от Манефона под именем «гиксосов», захватить Дельту и значительную часть страны южнее Дельты. Постоянные войны и восстания значительно ослабили страну и привели хозяйство в упадок. Хотя египтянам ещё в эпоху Древнего царства были известны лошади, но они не получили широкого распространения. Гиксосы вторглись в Египет на колесницах, в которые были впряжены лошади, и это достижение военной техники помогло им в завоевании. Распространение лошадей явилось единственным значительным достижением Второго периода междоцарствия. Господство

гиксосов в Египте продолжалось немногим более ста лет и закончилось в результате борьбы начатой (как и ранее) правившими на юге царями XVII династии и завершилось с воцарением XVIII династии около 1560 г. до н.э. [88, с. 30, 32; 204, с. 56]. От Второго периода междуцарствия осталось немного источников, например, «Сказка о гиксосском царе Апопи и фараоне Секененра», хотя не исключена возможность, что её создали лишь в конце эпохи Нового царства, когда Египту подобно гиксосам угрожали «морские народы». Однако, скорее, повествование в сказочной форме отражает реальную борьбу предпоследнего царя XVII династии Секененра, правившего на юге, с гиксосским царем, правившем в дельте [89, с. 335, 343–344].

Новое царство

Около 1580 г. до н.э. в истории Египта начинается новая эпоха — эпоха Нового царства, длившаяся приблизительно до 1085 г. до н.э. В этот период страна достигла наивысшего расцвета при царе XVIII династии Тутмосе III (1504–1450 гг. до н.э.), когда территория государства простиралась в длину на 3200 км., и его границы достигли на севере Кархемиша на Евфрате и четвёртого порога Нила на юге [88, с. 33, 35].

В это время удлиняется оросительная система и расширяются посевные площади. Совершенствуются сельскохозяйственные орудия. Мотыги приобретают бронзовые наконечники. Помимо них землю разбивают и деревянными молотами на длинных рукоятках. Землю обрабатывают и сохами, в которые запрягают завезённых (предположительно) быков зебу и мулов уже с помощью хомута. Для полива начинают применять шадуф. Наряду с кремнёвыми серпами применяются серпы с бронзовыми лезвиями. В результате повышается производительность труда. Вся земля подвергается строгому учёту со стороны государственных чиновников. Земли делятся на категории «низких», «высоких», и «старых». Их тщательно измеряют и ожидают соответствующий урожай в зависимости от категории и высоты паводка. С ростом урожая растут и зернохранилища, достигающие высоты в 5–9 метров, а комплексы хранилищ порой содержат до 19 сооружений. Широкое распространение получила финиковая пальма. Финики ели свежими, сушили, делали из них вино и добавляли к пиву. Из Азии завезли гранат, оливы и яблони. Однако оливки и яблоки в Египте в отличие от гранатов не получили широкого распространения. Столь же мало успешным оказалось разведение завезённых грецких орехов, миндаля, тутовника, персиков, вишни и смородины. Тем не менее и цари, и царедворцы охотно завозили в свои сады заморские деревья и кустарники, относясь к ним как к экзотике. Был усовершенствован и отжим винограда, который стали давить в чане под крышей, держась за спускающиеся сверху верёвки. В чане теперь помимо верхнего жёлоба, через который вытекал сок с кожурой, требующей дополнительного отжима, было нижнее отверстие с фильтром, через которое вытекал чистый сок. В эту эпоху стали употреблять дрожжи [88, с. 33; 204, с. 79; 205, с. 53–72].

Старая порода быков с лирообразными рогами вымерла и стала преобладать короткорогая, коротконогая порода, появились азиатские зебу и буйволы. Быков научились запрягать не только в соху, но и в сани при перевозке тяжестей. Свиньи из Дельты теперь распространились по всему Египту. Лошадей стали разводить лишь после победы над гиксосами, но применяли исключительно для колесничной упряжки. Двухколёсные колесницы, запряженные парой лошадей, использовались в бою, на охоте и для выездов царя, царицы и высшей знати. К домашним птицам теперь прибавились гуси, ибисы и завезённые из Азии куры. Продолжалось одомашнивание газелей и антилоп, которые начали уже разводиться в неволе [204, с. 55–57, 64; 205, с. 76–82, 128].

В стране широко распространялись бронзовые изделия. Для раздувания огня в плавильной печи стали использовать приводимые в движение руками и ногами кожаные мехи. Появились также закрытые глиняные формы для отливки. Ковать медь продолжали горячим способом с помощью щипцов каменным молотом или просто плоским камнем. Вместе с тем, остаётся ещё много медных изделий, а распространение металлов, ещё не окончательно вытесняет каменные, особенно кремнёвые, орудия. Используется и железо, которое ещё не получает распространения и применяется преимущественно для изготовления украшений. Известны только отдельные железные предметы: наконечники мотыг, долота, кинжалы, лезвия для инструмента, сосуды, кольца, амулет, подголовник (для сна), дошедшие до нас со времён XVII–XVIII династий. Учёные подчёркивают, что эти железные изделия — подарки иноземных царей или вывезены из Азии. Значительно увеличивается приток в страну драгоценных металлов, а вместе с ним и количество изготавливаемых из них роскошных ювелирных изделий: корон, диадем, воротников, коле, пекторалей, браслетов для рук и ног, колец, серёг и амулетов, украшенных полудрагоценными камнями и цветным стеклом. Теперь ювелиры научились тонкое листовое золото клеить к металлам. Возможно, в это время искусство изготовления каменных ваз начинает забываться, хотя прекрасные каменные сосуды из гипса ещё встречаются. Среди гончарных изделий появляется много расписной керамики. Здесь и геометрические орнаменты, и цветочные, и изображения деревьев, виноградных лоз, бегущих животных, птиц, пожирающих рыбу, и самых разнообразных сцен. Росписи делались после обжига. Распространяются вещи из стекла. Появляется много стеклянных сосудов. Много цветного стекла. Есть и полихромные вазы. Стекло обычно не пропускает свет, иногда просвечивает, прозрачным бывает редко. Возникает и начинается распространяться вертикальный ткацкий станок. Для уплотнения утка, стали использовать гребень. Таперь ткачами были в основном мужчины, в том числе и рабы. Усовершенствуется изготовление фанеры из тонкого шпона, которую теперь склеивают клеем, сваренным из костей, хрящей, сухожилий и кожи животных. Очень скоро и кожевники научились делать детали для колесниц и конскую сбрую. Совершенствовалась оснастка судов. Суда оставались плоскодонными с приподнятым носом и кормой. На носу

вырезались фигуры. Паруса, реи и даже мачту стало можно поднимать и укладывать, когда судно шло на вёслах, с помощью колеса-ворота. На мачте устраивали марс для смотрящего. Торговые суда теперь снабжались каютами, в которых фактически жили их владельцы. Баржи для перевозки грузов достигали таких размеров, что их везло множество судов. Баржи, на которых перевозили стелы царя Тутмоса I и царицы Хатшепсут потребовали каждая по 27 прогулочных судов. Удобнее стало взвешивать, потому что весы стало можно не держать в руках, а ставить на землю. В ряде ремесленных производств произошли изменения под влиянием изобретений. Возможно ножки некоторых стульев указывают на существование примитивного токарного станка [88, с. 33; 204, с. 86; 205, с. 93–95, 105–106, 113–130, 152].

Поселения Нового царства стали более тесными и более однообразными, но застраивались по плану, имели центральные улицы. В городе старались устроить общественный водоём и соблюдали чистоту. Дома и высоко располагавшиеся окна (особенно, зажиточных хозяев) располагались так, чтобы комнаты в течение дня освещались солнцем. Особняки знати обносили стеной, внутри которой было несколько дворов и садов. Дорожка от входа вела к дому. Через дверь можно было попасть в приёмный зал (или залы). Далее следовали кладовые, включая гардеробную. Апартаменты хозяев занимали несколько помещений, включая ванную и туалет. В одном из дворов находились зернохранилища, в другом месте — конюшня, хлев, псарня, в третьем — кухня, пекарня, домики для слуг, в которых нередко жили со скотом. Управляющие проживали в благоустроенных домах. На усадьбе устраивали колодец с питьевой водой. Знать обязательно разбивала в усадьбе сады и даже парки, засажённые фруктовыми деревьями, виноградными лозами, цветами. В садах обязательно рыли водоёмы для полива, но и в них росли водяные цветы, а в больших водоёмах помещали лодки. Под деревьями (обычно под сикоморами) на берегу для отдыха хозяина частенько устраивали беседку. На усадьбах бедноты в домах не было залов, не всегда были хозяйственные постройки, не было помещений для слуг, но каждый старался сделать сад и посадить хотя бы пару деревьев. Мебели в домах становится больше. Однако на сиденьях (за исключением тронов, где подлокотники оканчиваются львиными головами) исчезают подлокотники, хотя появляются подушки [205, с. 157–161].

Прямоугольный план стандартного храма (приписываемый Имхотепу) близок к плану жилого дома, поскольку он рассматривается как жилище бога. Храм окружала высокая массивная стена. Ко входу между пилонами вела дорога со статуями сфинксов или баранов Амона по сторонам. У пилонов — флаги на мачтах, обелиски и статуи царя. Вход выводил в обнесённый колоннадой светлый двор. В глубине открытого двора — портик. За ним большой колонный зал со статуями царя между ними, с окном под крышей центрального нефа и потолком, обычно расписанный под усеянное звёздами небо, с рельефами царей и богов на стенах, и ряд небольших залов с искусственным освещением. В конце храма — полутёмная молельня из одной или нескольких комнат, в ко-

торые могли входить только жрецы. В центральной молельне — статуя бога (или богини), которому посвящен храм. В других — статуи жены (или мужа) бога и их ребёнка, а, возможно, и других богов. Вокруг этих главных помещений находилась библиотека и прочие служебные комнаты [107, с. 202–203; 201, с. 388].

Наиболее знаменит храм Амона-Ра в Карнаке. Его начали строить в эпоху Среднего царства, но в конце XVI в. до н.э. при Тутмосе I архитектор Инени перестроил небольшой храм в грандиозное сооружение. Среди колонн он поместил колоссальные статуи Тутмоса. На стенах храма — огромные рельефы, посвящённые религиозной тематике, а каждый царь старался отразить в рельефах свои боевые подвиги с высеченным пояснительным текстом, пристраивая для этого новые помещения. Наибольшим изяществом отличается новый вестибюль и огромная колоннада храма, построенная зодчим Аменхотепом, сыном Хапу (который был позднее обожествлен) в XV в. до н.э. при Аменхотепе III. 779 каменных статуй и более 1700 статуэток было обнаружено только в одном тайнике карнакского храма. При Аменхотепе III, во второй половине XV в. до н.э. был построен также прекрасный храм в Луксоре (достроенный при Рамсесе II), созданный другим архитектором, также по имени Аменхотеп, отличающийся симметрией и огромной колоннадой [197, с. 388; 201, с. 389–390].

Поминальные храмы теперь могли строить далеко от гробниц. Среди них наиболее известен храм правившей царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари недалеко от храма Ментухотепа I, построенный зодчим Сенмутом. Расположенный не трёх террасах храм хорошо вписан в пейзаж со скалами, поражает прекрасным сочетанием горизонтальных и вертикальных линий, множеством рельефов, изображающих сцены из жизни царицы, и богатой внутренней отделкой чёрным деревом, бронзой, позолотой и посеребрением. В храме много статуй Хатшепсут, Осирисов и сфинксов с её лицом для прославления царицы [201, с. 391–392].

Знатные стали носить по две юбки, так что нижнюю полностью закрывала верхняя. Знатные женщины надевали узкую рубашку, оставляющую открытым правое плечо, а сверху гофрированную или уложенную складками накидку. Простые люди одевались по-прежнему, а служанки во время пиршеств обычно должны были выходить без одежды, но со множеством украшений. В моду вошли высокие парики со спускающимися на спину длинными прядями, надеваемые на очень коротко подстриженную голову. При XVIII династии на собственные длинные волосы начали надевать короткие парики. Позднее стриженую голову покрывали длинным париком, а поверх него коротким. Жрецы стали брить головы. Женщины поверх своих волос надевали пышные парики с длинными волосами, ниспадающими на грудь и на спину. Голову нередко покрывали платком. Знатные люди (и женщины, и мужчины) стали добавлять к причёске умахнённые ароматными маслами пучки волос и усиленно украшали себя диадемами, перьями и цветами. С эпохи Нового царства женщины стали носить в ушах серьги, позаимствовав этот обычай из Нубии [205, с. 168, 170, 173].

Расширяется натуральный обмен, но существует уже и торговля с использованием в качестве денег кусков серебра (реже золота) определённого веса. «Появляются профессиональные торговцы», хотя торговля развивается слабо, поскольку сильный Египет без большого труда грабит Куш, Палестину и другие сопредельные страны [88, с. 33; 205, с. 178]. С возникновением профессиональных торговцев их деньги пускаются в оборот и, принося доход, превращаются в капитал. Таким образом, с возникновением торгового капитала внутри аграрного общества впервые возникают капиталистические отношения, утверждающиеся пока только в сфере торговли.

В XVI в. до н.э. египтяне вывезли из Ханаана колесницы и вскоре научились делать свои боевые, охотничьи и для торжественных выездов знати. В XIV в. до н.э., усовершенствовав колесо и другие части, они изготовили колесницу, ставшую образцом для других народов. Армия теперь была вооружена колесницами. В колесницу запрягали пару лошадей, полученных из царских конюшен. Знатные воины, вооружённые составными луками с колчаном стрел, а с середины XIV в. до н.э. — дротиками, должны были сражаться на собственных колесницах. У каждого из них был возничий. Пехота делилась на молодых лучников с простыми однодугими и более сложными двояковыгнутыми луками, вооружённых также топорами или палицами, и ветеранов, вооружённых копьями и топорами, обязательно со щитом. Копейщики маршировали под музыку, исполнявшуюся идущим впереди трубачём, обращённым лицом к отряду. Оружие теперь изготовлялось из бронзы. Бывалые воины вооружались также мечами с бронзовыми серповидными клинками. Щитами теперь вооружали и пехотинцев, и колесничных бойцов. Щиты обычно были небольшими с прямым нижним краем, слегка расширяющиеся к закругленному верху с металлическим диском наверху для защиты лица. Новым было также появление панцирей, состоящих из длинных льняных или кожаных рубах с короткими рукавами и стоячим воротником, покрытых горизонтальными рядами из 450 продолговатых (с отверстием для крепления) бронзовых пластин с округлым верхом и заострённым нижним краем. Молодежь обучали сначала стрелять из простых луков и лишь затем она получала луки сложные. Для царя и военачальников в специальных мастерских делали сложные луки, составленные и склеенные из нескольких слоев дерева разных сортов и рога с титевой, сплетённой из сухожилий. Выстрел из такого лука отличался большой пробивной способностью. Среди пехотинцев значительный процент составляли иноземные наёмники, но основной массой были мобилизованные простые египтяне, которых могли использовать не только в военных походах, но на строительных и прочих принудительных работах. Простых египтян набирали в армию согласно воинской повинности: по одному из десяти юношей, не считая со времён Рамсеса III (конец XIII в. до н.э.) приписанных ко храмам. Необученных солдат называли «анху эн меша» («живущими [в городах] воинами»), а настоящими солдатами «уау» считали только профессионалов, с детства обучавшихся военному делу. У отдельных

отрядов (начиная с 5 воинов) была длинная бюрократическая лестница командиров из числа «уау». Высшее командование состояло из аристократов и сановников, назначавшихся царем. Офицерским знаком отличия был посох. Детерминативом к египетским словам, означающим офицеров (но не командующих) является человек, опирающийся на посох, ведущий своё происхождение от слова «сэр», переводимого как «аристократ», «чиновник», но ранее означавшего почтенного человека, а первоначально, очевидно, — старейшину. Помимо призывников по номинам оставалась и принадлежащая непосредственно царю профессиональная часть армии. Оставались и вспомогательные отряды, составленные из зарубежных наёмников, где теперь сражались помимо прежних иноземцев ещё и «шерданы» («народ моря»), то есть жители островов Средиземного моря, среди которых, по-видимому, преобладали критяне и другие предки греков, которые начиная с Рамса III становятся ядром армии. Они были вооружены длинными прямыми мечами и круглыми щитами с металлическими дисками. В команде военных судов появился вооружённый пращей наблюдатель. Морская битва выливалась в abordаж и рукопашную схватку с применением всех видов оружия [88, с. 33; 205, с. 107–108, 141–152].

Примерно в рассматриваемую эпоху (где-то раньше, где-то позже) культы богов начинают складываться в системы. Часть богов объединяют в семьи. Усилилась тенденция к антропоморфизации богов. В Абидосе почитали антропоморфную семью: умирающего и воскрешающего бога загробного мира Осириса с женой Исидой и сыном Гором. Это же семейство чтили на острове Филе и в Бусирисе. На острове Элефантина у первого порога главным богом был бог плодородия Хнум, изображавшийся с бараньей головой, а баран считался его священным животным. Его женой считалась богиня Сатис, а богиня Анукис их дочерью. Севернее, в современном Ком-Омбо чтили Гора Великого с головой сокола и крокодилового бога Собека. Считалось, что у каждого из них есть семья. Ещё севернее, в Эдфу поклонялись Гору Бехдетскому, женатому на богине Хатор и их сыну Гору-Объединителю Обеих Земель. В Фивах процветал культ антропоморфных Амона с женой Мут и их сыном, богом луны Хонсу. Ниже по течению, в Коптосе почитали антропоморфных бога плодородия Мина, с женой Исидой и сыном Гором. Ещё ниже, в Дендере главной богиней была богиня любви, веселья, музыки и танцев Хатор с тем же семейством, что и в Эдфу. Здесь её изображали антропоморфной, но иногда с коровьими ушами, и корова считалась её священным животным. В Мемфисе главным богом считался антропоморфный Пта, который имел антропоморфного же сына Нефертума, но львиноголовую супругу воительницу Сохмет. Саисская богиня неба Нейт оказалась матерью крокодилоподобного бога Собека. Очень интересно, что в одном из мифов она изображается ткачихой, которая создала вселенную. Богиня неба Нут превратилась в женщину, распростёртую над мужем, богом земли Гебом. Иногда между ними изображается поддерживающий свою мать Нут бог воздуха Шу. Причем, для Египта характерно, что небо всегда изображается женщиной, хотя богинями неба в разных местах

считались то Хатор, то Нейт, то Мут, то Исида [107, с. 183–186; 190, с. 228–229, 242].

Почитание священных быков Аписов, повидимому достигло расцвета. В Саккара обнаружено относящееся к данному времени большое кладбище быков — Серапеум, где мумии быков похоронены в саркофагах с почтительным указанием продолжительности жизни и дат смерти их «величеств». Вместе с тем, предметы веры с течением времени настолько изменялись, что свойства (функции) одного бога могли быть переданы другому, поделены на несколько ипостасей одного бога. Напротив, два бога могли слиться в одного. Несколько ипостасей появляется, например, у Гора: Гор-младенец, Гор-восходящий и т.п., появляются такие боги как Амон-Ра, а саккарский сфинкс с внешностью Хефрена воспринимается уже не как обожествлённый царь, а как бог Ра-Горахти [107, с. 190; 190, с. 235]. Однако несмотря на значительную набожность египтян иногда у отдельных образованных людей возникают некоторые сомнения в существовании богов [190, с. 249].

В эту эпоху особенно большое распространение получают магические заклинания на папирусах, известные под названием «Книги мёртвых». Собранные из разных погребений они составляют в целом 180 «глав». Обычно покойного сопровождали лишь отдельные главы, и иногда они дополнялись другими текстами, также предназначенными помочь войти и благополучно пребывать в потустороннем мире. В этих загробных текстах видно развитие представлений о жизни после смерти. По одной из версий, вечером барка бога Ра опускается в царство мёртвых (в котором правит бог Осирис, реже — бог Сокар), и его пребывание приносит покойным великое утешение, хотя согласно некоторым взглядам, и грешники и праведники попадают в преисподнюю, но там им воздаётся в соответствии с поступками, совершенными в жизни на земле, а по менее распространённым представлениям, умерший праведник попадает на поля Илау, где он живёт в спокойствии и блаженстве. Таким образом в период Нового царства, очевидно, впервые складывается представление о возможности воздаяния праведному покойнику прекрасной жизнью, которое в христианстве превратится в представление о рае. Однако прежде, чем попасть в страну праведников, умерший должен оправдаться перед богами во главе с Ра, затем перед Осирисом, а потом перед 12 судьями (каждый из которых ведаёт отдельным грехом), произнося оправдательные речи. То же самое он делает перед докладчиками, привратниками и дверями, покидая зал суда. Кроме того, бог Анубис взвешивает средоточие мыслей и поступков покойного — его сердце на одной чашке весов, где на другой чашке противовесом ему является правда. Душу осуждённого за грехи тут же могло сожрать чудовище, поглотить змей, его голову может сжечь огонь или он мог просто её лишиться [см. 312]. Магические формулы загробных текстов должны были оказать влияние на судей загробного мира, заставить сердце умершего не говорить о себе дурное, способствуя признанию его невиновности в грехах, но судьи все-таки могли осудить грешника на муки [84, с. 104; 89, с. 350; 107, с. 214–217].

Религиозные представления в жизни египтян значили очень много, поэтому обслуживающее религиозные культы жречество составляло многочисленную иерархию. Во главе культа какого-либо бога стоял верховный жрец — «хэм нечер» («слуга бога»), на которого во время избрания «указывал» сам бог (то есть его статуя). Существовали вторые, третьи, четвертые и множество жрецов низших рангов, среди которых низшим считался вновь посвящённый «уаб» («чистый»). Кроме них были служки и певицы. Женскую часть служительниц храмов возглавляла сама царица. Храмы посещались ежедневно, а по праздникам, обычно связанным с мифическими событиями, жрецы выносили к народу статую бога, которая «отправлялась» на «встречу» с «женой»-богиней или «сыном»-богом (изредка в другой город). Статуя несли в дорогом ковчеге и барке, по реке везли в специальной ладье. Шествия сопровождались молитвами и хоровым пением мужчин и женщин. Жертвы, приносимые богам, нередко были весьма щедры. Дары богу приносились не только в надежде на получение благ, но и в благодарность за всё уже «полученное» от бога. Простые египтяне приносили в жертву растительные плоды и животных (Человеческих жертв в историческую эпоху не было.), но набожные цари и состоятельные египтяне дарили богам и храмам (то есть храмовому клиру) золото и другие драгоценности, (иногда огромные) стада, (временами тысячи) пленных, земли, порой целые поселения, а, случалось, и города, и авторитетное и богатое жречество обладало большой властью и нередко оказывало огромное влияние на политику. Бывало, что жречество обладало большей властью, чем цари. Так, например, при последнем царе XIX династии Рамсесе XI югом страны фактически правил верховный жрец бога Амона Херихор [88, с. 34, 36, 39; 107, с. 203–205].

Один из царей XVIII династии приблизительно в 1367 г. до н.э., стремясь ослабить жречество и создать религию, единую для египтян и покорённых народов, но не слишком разбираясь в священном предании, в конце-концов провозгласил сначала верховным, а потом и единственным богом Атона (Так египтяне называли солнечный диск, принадлежащий весьма почитаемому ими богу солнца Ра.), изменив и собственное имя Аменхотеп («благой Амон») на Эхнатон («благословенный Атон»). Для укрепления новой веры Эхнатон (бывший Аменхотеп IV) перенёс и столицу из Фив во вновь созданную (на месте теперешнего города Тель-эль-Амарна), назвав ее Ахетатон («восход Атона»), где построили храмы, созданные в честь Атона, и стал уничтожать на старых храмах имена других богов, особенно Амона. Культ Атона в отличие от культов прежних богов был культом не «высшего существа», а важнейшего природного объекта, и как бог он не олицетворялся в каких-либо изображениях. В его вседоступных храмах были воздвигнуты лишь алтари для даров. Тем не менее в гимне, сочинённом, как предполагают, самим Эхнатоном, Атон объявлялся создателем людей и животных, давшим им жизнь, создателем разных стран и народов и их языков, а потому и богом для всех народов. Переход к единобожию с отказом от олицетворения неживой природы был несомненным шагом вперед в развитии сознания.

Выдвинутые царем (нередко из низов) новые придворные и чиновники стали поддерживать культ нового бога, однако народу было непонятно, почему надо поклоняться изображению солнца, а не антропоморфным или зооморфным богам, от которых зависит урожай, здоровье и благополучие, поэтому религиозная политика Эхнатона встретила сопротивление не только жрецов, но всех светских слоев населения, и в конце жизни он оказался в изоляции. При его преемниках столица вернулась в Фивы, культ Атона был ликвидирован, а его имя, как имя и надписи самого Эхнатона, стали уничтожаться [88, с. 36–37; 107, с. 198–201; 190, с. 246].

Культура во время Нового царства достигла особого развития. Представления о мире ещё носили характер домыслов, связанных с религиозными представлениями, которые сочетались и с позитивными знаниями. Известная египтянам часть африканского и евро-азиатского континентов мыслилась ими как четырехугольник, который со всех сторон омывает море. Европа же представлялась группой островов, находящихся сзади от Египта. Дело в том, что передней частью земли они считали юг, то место, где скрыта «голова» Нила. Запад (страна мёртвых) оказывался справа, Восток (страна бога Ра) — слева, а Север — сзади. От этого времени остались древнейшие карты, выполненные на папирусе, на которых изображены отдельные районы Египта, например, окрестности Файюмского оазиса. Особенно интересна раскрашенная в пять цветов карта, на которую нанесены местонахождения золотых рудников в Восточной пустыне. На ней показаны также ведущие к рудникам дороги, колодцы и некоторые постройки. В храмах, дворцах и гробницах сохранились также звёздные карты и звёздные таблицы (иногда с кругами, соответствующими 12 месяцам и сегментами для 24 часов), позволяющие определять время в ночную пору. Сохранился и один из астрономических папирусов с пояснениями к звездным картам. По положению звезд в определенной части неба разными способами определялось ночное время. Дневное время определяли по солнечным часам, где его отмечала тень от досочки, поставленной на доску с 12 делениями. Известны были египтянам и клепсидры (водяные часы), которые в XVI в. до н.э. были усовершенствованы Аменмесом, «хранителем печати» Аменхотепа I. Вода через дырочку вытекала из сосуда с делениями, обозначающими часы. При этом на зимнее время предлагалась шкала с поправкой. Возможно, были часы с делениями и в чаше, в которую стекала вода [190, с. 247–248; 205, с. 120; 227, с. 269–274].

Совершенствовалась письменность, росла грамотность. Знания ещё нередко передавались от одного специалиста его ученикам, но появилось множество школ. В одних только Фивах известно, по крайней мере, 3 школы. Во времена XIX–XX династий в заупокойном храме Рамсеса II в западной стороне Фив работала школа, в которой готовили жрецов для этого храма. В школе в Дейр-эль-Медине обучали художников и писцов для фиванского некрополя. В Карнаке в храме богини Мут в этот период также открылась школа. Сколько лет нужно было учиться неизвестно. Возраст учеников тоже неясен, но во всяком случае он пре-

вышал пять лет. Учителем был писец. Учитель внушал ученикам, что стать писцом — значит получить прекрасное положение в жизни, но, если не видел успехов в учении, то угрожал и порол нерадивых учеников. Известны имена нескольких грамотных женщин. По-видимому, знали грамоту и жрицы Амона [109, с. 308–309]. В эпоху Нового царства писцы сопровождали почти все виды экономической и политической жизни. Они помогали сборщикам налогов, работали в царской сокровищнице (казначействе), в оружейной палате и т.д. Теперь наряду с папирусом для письма иногда употребляли кожу, предшественницу пергамента. Язык египтян вошёл в стадию новоегипетского языка [108, с. 293, 296; 109, с. 305–306], отходящего от агглютинативности, но сохраняющего ещё флективность, хотя и приобретающего уже элементы аналитичности. Совершенствуются словари. От XII в. до н.э. дошел папирус, сочинённый писцом Аменемопе, сыном Аменемопе, который можно назвать протоэнциклопедией. В этом справочнике слова были сгруппированы по расположенным друг под другом следующим темам: небо, земля, растения, животные, напитки, пищевые продукты, люди, должности, профессии, чужеземные народы и племена. Каждая десятая строка — оцифрована [227, с. 274–275]. В эпоху Нового царства возникает критское письмо, многие знаки которого происходят от египетских иероглифов [108, с. 304].

Развитие письменности несомненно способствовало расцвету литературы, в которой несмотря на развитие светской литературы ещё чувствуется влияние мифов. Явно связан с представлениями о богах, превращениях и других чудесах цикл сказок о Сатни-Хемуасе. Эти полусказки-полумифы повествуют о реальных людях, приобретая волшебный и вместе с тем приземлённый характер рассказа о якобы реальных событиях. Религиозные воззрения на загробную жизнь отразились во фрагментарной «Сказке о призраке», который не может обрести покоя потому, что разорена его гробница и намеревается отблагодарить тех, кто собирается привести её в порядок. Представления о вреде и помощи из царства мёртвых весьма характерны для данного этапа религиозных взглядов. Ещё более приземлена «Сказка о двух братьях», где не только имена героев соответствуют именам богов, но переплетаются мотивы превращений, оживления, свойственные как волшебной сказке, так и её родоначальнику — мифу. Вместе с тем, действие происходит не на небесах или в неведомой стране, а в Египте (и, возможно, Ливане), встречаются и чисто сказочные мотивы: наговора, наказания и воздаяния, — характерные и для бытовой сказки. Также связана с религией и мифами сказка «Правда и Кривда», рассказывающая о суде двух братьев перед девяткой великих богов, где можно увидеть бытовые мотивы и свойственный бытовым сказкам мотив торжества справедливости. Особо следует отметить также отчасти восходящую к мифам сказку «Спор Гора и Сета», в которой рассказывается о суде Гора и Сета перед Эннеадой. Интересно, что сказка выглядит как пародия египетского судопроизводства, титулов и чинов и даже высших богов (наделённых наилучшими человеческими качествами: хитростью, бесстыдством, при-

страстием к взяткам), изображённых в сатирическом виде. Создаются и чисто бытовые сказки, в которых простые люди изображаются умнее и хитрее знати. Такова, например, сказка о царе Рампсините (возможно Рамсесе IV) и хитром воре, женищемся на его дочери. Незаконченную сказку «Обречённый сын фараона» можно назвать философской потому что, как предполагается, её целью является — показать возможность преодоления злой судьбы. Судя по единственной дошедшей до нас басне «Спор тела и головы» и по многочисленным сатирическим рисункам на черепках становится понятно, что басни, в которых действуют животные и растения были весьма распространены в период Нового царства. Интересно эпическое произведение, рассказывающее об осаде Иоппы (Яффы) войсками Джхути, полководца Тутмоса III. Любопытно, что для захвата города Джхути прибегает к хитрости. Он отправляет воинов под видом доставки продовольствия занести в город корзины с сидящими в них бойцами, которые и захватывают Иоппу, что очень похоже на исторически более поздний сюжет с троянским конём. В эпоху Нового царства создается и новый жанр, так называемая «царская новелла», повествующая о деяниях тех или иных царей и по сути прославляющая эти деяния. Повесть «Злоключения Ун-Амуна» рассказывает о реальной экспедиции во главе с Ун-Амуном, посланным Херихором, верховным жрецом Карнакского храма Амона, и правителем Нижнего египта Несубанебджедом в Сирию за кедром для священной барки бога, которая изобиловала множеством трудностей. Продолжают писаться традиционные поучения. Широко представлены поэтические произведения. Трудовые песни, предназначенные подбодрить работающих и поддержать ритм движений, обычно традиционно незамысловаты и говорят о характере труда и чувствах тружеников. Около 50 стихотворений и отрывков из любовной лирики сохранилось от второй половины Нового царства. Многие из них связаны как с чувствами влюблённых, испытывающих горести или счастливые минуты, так и с культовыми гимнами в честь богини Хатор, а также с предвкушением чувственных наслаждений в царских дворцах и домах знати. Многие из них говорят о высокой одарённости их авторов, имена которых, к сожалению, не сохранились. Среди них встречаются и стихотворения, авторство которых явно принадлежит женщине. Стихи, несомненно, имели размер, возможно, рифму, строфы обычно состояли из четырёх строк, отделяемых на письме красной точкой вверх. Используется уже множество стилистических приемов, украшающих лирику. Египтянам, например, принадлежит создание «параклауситирона», любовной песни, исполняющейся для любимой перед её закрытой дверью. Продолжают начинаться гимны богам (например, «Гимн Нилу» и «Гимн Атону», принадлежащий, возможно, самому Эхнатону), которые в отличие от гимнов прежних эпох, может быть, менее лиричны, но отличаются большей искренностью и приближенностью к реальной жизни. При этом небезынтересно отметить, что египетские писцы того времени уже понимали, что творения мудрецов не менее значимы, чем огромные пирамиды [89, с. 339–359; 113, с. 432].

Несомненно, что в эпоху Нового царства продолжали представлять религиозные мистерии, в которых принимали участие музыканты, танцовщицы и мимы. Только на заупокойной стеле Энхеба из Эдфу, жившего в XIV в. до н.э., сообщается, что он был бродячим актером и музыкантом, который участвовал в светских представлениях [89, с. 359; 110, с. 414].

От эпохи Нового царства дошли оставленные разными царями значительные исторические сведения, для которых характерны тенденциозность, апологетика, преувеличение значения деяний монарха и отсутствие критического отношения к каким-либо сведениям, использование традиционных образов и словесных формулировок. К такого рода записям относятся «Анналы Тутмоса III», оставленные на стенах Карнакского храма Амона в Фивах, где сообщается о сражениях во время азиатских походов, перечисляется военная добыча, воздаётся хвала Амону за победы и царю за его деяния. Вместе с тем, нельзя не отметить несомненных литературных достоинств этих анналов, составленных войсковым писцом Ченени. Такого же рода сведения дошли до нас от Аменхотепа II, Сети I, Рамсеса II (отличающиеся особой тенденциозностью), Мернепта и Рамсеса III [109, с. 313; 227, с. 276–277].

Развивалась медицина, хотя и продолжала сочетаться с заговорами, заклинаниями и молитвами. В это время некоторые священные места считались особенно способствующими исцелению от болезней. К ним относились, например, храм царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари или Серапеум в Мемфисе. Медицинские трактаты по-прежнему предписывали сочетать лечение с магией, предлагая советы для каждого конкретного случая. Предлагалось применять пилули, микстуры, полоскания, ингаляции, припарки, мази, пластыри. В состав лекарств рекомендовалось включать чеснок, лук, мак, тмин, укроп, салат, бобы, огурцы, дыни, виноград, гранаты, финики, клещевину, лён, лотос, папирус, молоко и кровь животных, соду, селитру, серу, железо, сурьму, свинец, глину, гипс, но наряду с ними — части тела, мочу и экскременты животных: коз, ослов, свиней, кротов, мышей, червей, тухлое мясо и жир, мышинный хвост, человеческий мозг. Многие лекарства употреблялись в виде настоев на молоке, мёде и «пиве» и включали множество компонентов (до 37). Полагали, что зловонные вещества изгоняют из тела больного болезни, а ароматические вещества привлекают добрых духов и богов. Наряду с этим настои и отвары трав издавна употреблявшихся в народной медицине вместе с солями и касторкой действительно оказывали целебное действие. В медицинских папирусах этого времени содержатся сведения о болезнях глаз, языка, дёсен, зубов, уха, носа, горла, о кашле, ангине, болезнях дыхательных путей, воспалении лёгких, болезнях сердца, аневризмах, кровотечениях, болезнях печени, желудочных заболеваниях, диабете, заболеваниях, вызываемых глистами, о непроходимости кишечника, дизентерии, грыже, импотенции, женских болезнях (возможно, в том числе и о раке матки), гонорее, отёках, водянке, роже, опухолях, цинге, лихорадках, нагноениях и язвах, ожогах, волдырях, и всевозможных ранениях (головы, включая повреждения

черепе и даже мозга, горла, позвоночника, грудной клетки, ключицы, предплечья), об определении фертильности и бесплодия, беременности и пола будущего ребенка, довольно верные описания болезней костей, рецепты лекарств, применявшихся при гинекологических заболеваниях и при утрате подвижности суставов. Рекомендации при лечении болезней горла не только предлагали состав лекарства, но и учитывали возраст пациента и время года. Были даже косметические рецепты усиления роста волос, избавления от морщин, улучшения цвета лица, удаления родинок, окраски бровей и волос. В это время египетская медицина была уже хорошо знакома с сердечной деятельностью и системой кровеносных сосудов, имея представление и о пульсе. Прежде чем исследовать больного рекомендовалось его опросить, затем внимательно осмотреть и измерить пульс. Появились и ветеринарные знания. Теперь ветеринары были приставлены к царским лошадям [205, с. 80; 227, с. 251–258].

В изобразительном искусстве Нового царства проявились новые моменты. Несмотря на продолжающуюся идеализацию черт скульптурных портретов в них ещё в большей степени отражаются индивидуализированные черты. На рельефах и в росписях гробниц продолжали изображать сцены из жизни, но чаще стали встречаться сцены пиров. Особенно много нового внесла эпоха Эхнатона, когда не только появились новые сюжеты с семейными сценами царя, которые приобрели большую выразительность, отходя от канонов, но многие рельефы приобрели черты гротеска и даже карикатурности, получив имя «амарнского стиля». Например, некоторые изображения членов семьи царя выглядят совершенно уродливо: у фигур вытянуты черепа и шеи, заужены плечи и ноги, расширены бедра. Вместе с тем сохранились скульптурные головы Эхнатона, его жены Нефертити и их дочерей и скульптура Нефертити во весь рост. В этих изображениях не только преодолен гротеск, но значительно более индивидуализированы черты каждого, порой достигая совершенства. Скульптору это удалось благодаря тому, что он снимал со своих натур гипсовые маски. К другим новым приемам этого периода можно отнести использование для скульптур разных пород камня: песчаника для головы, рук и ног и известняка для белых одежд, а также более детализированную прорисовку пейзажа в живописи, связанную с культом Атона как творца природы. После смерти Эхнатона египтяне вернулись к традиционной религии и традиционным образцам в искусстве. Объятый манией величия Рамсес II приказал воздвигнуть колоссальные сооружения. При нём архитектором Майа была сделана пристройка к Карнакскому храму с небывало громадными пилонами и крупнейший (5000 кв. м.) зал с огромными колоннами. В Луксоре перед храмом Аменхотепа III также соорудили грандиозные пилоны с 6 колоссами Рамсеса II, а за ними во дворе его статуи. Его поминальный храм — Рамессеум на западном берегу Нила также украшен многочисленными колоннами и рельефами с изображениями богов и подвигов царя. Знаменитый пещерный храм в Абу-Симбеле в Северной Нубии снабжён четырьмя сидящими колоссами Рамсеса II высотой в 20 м. Известные скульптуры, сохранившие индивидуальные черты облика этого царя,

изображают его как энергичного и властного человека. Образцами прикладного искусства могут служить вещи из гробницы царя Тутанхамона (начало XIV в. до н.э.), где дерево инкрустировалось слоновой костью, золотом и серебром, украшалось драгоценными камнями, самоцветами, фаянсом и стеклом, а неполное возвращение к традиционным канонам в изображении людей позволило придать им живость и непринуждённость [197, с. 394; 201, с. 392–406].

Значительные изменения произошли в музыке. В эпоху Нового царства египтяне наряду со старым музыкальным строем с интервалом в тон стали применять новый с интервалом в полутон. Разнообразился набор музыкальных инструментов, который составляли четыре группы: «идиофоны (систры, трещотки, колокольчики); мембранофоны (барабаны разных типов); духовые инструменты (флейты разных родов, гобои, серебряные и золотые трубы); струнные инструменты (арфы разных видов, лютни, лиры)» [111, с. 417–418].

Процветание страны в эпоху Нового царства отразилось и в процветании спорта. Любимым видом спорта оставалась борьба. В соревнованиях по борьбе участвовали не только египетские воины, но даже иностранцы. За состязаниями смотрел судья, в частности, следил чтобы не применяли запрещенных приёмов. Среди зрителей бывала знать, знатные иностранцы и сам царь. Случалось, что цари участвовали в соревнованиях. Особенно это относится к царям XVIII династии: Тутмосу III, Аменхотепу II и Тутмосу IV. Обладавший огромной физической силой Тутмос III, неоднократно сообщал об успехах в стрельбе из лука по мишеням, о большой выносливости в беге и т.п. Приблизительно то же писали о себе Аменхотеп III и Тутмос IV. Большое удовольствие египтяне получали от охоты и рыбной ловле в Западной Дельте и в Файюме. Охота на крупного зверя была развлечением и спортом для царей и знати. Так, например, Аменхотеп III лично убил 102 льва. Тутмос I и Тутмос III любили охотиться на слонов. Сохранилось изображение Тутмоса III, охотящегося в пустыне на носорога, а в одном из текстов сообщается, что он убил 120 слонов [112, с. 420–423].

Во времена Тутмоса III (1503–1491) существовал обычай извещать врага о времени и месте битвы, но на практике противники стремились застать врага врасплох или заманить в ловушку. Перед битвой египетский царь обращался к войску с ободряющей речью. Сам он тоже часто для устрашения врагов вступал в бой на колеснице в сопровождении боевого льва. Обычно война заканчивалась заключением мирного договора, составленного на обоих языках противников, устанавливающего новые границы, которые, как правило, не нарушались в течение длительного времени [205, с. 150]. Росла состоящая из иноземных наёмников полиция.

Царь Верхнего и Нижнего Египта оставался обожествлённым верховным собственником страны, от благополучия и воли которого зависело благосостояние и жизнь всех подданных, вплоть до визиря. От эпохи Нового царства дошли рельефы, фрески и надписи, показывающие и объясняющие, что бог (чаще всего Амон-Ра) в облике царя вступает

в интимную связь с царицей. Вполне естественно, что цари обращались за помощью непосредственно к своим божественным «отцам». Так, например, Рамсес II во время битвы с хеттами при Кадеше, попав в тяжелое положение, обращался за помощью к «отцу» Амону, который, как уверял царь, приходит к нему на помощь. После смерти брэнного тела божественная сущность царя продолжала вечную жизнь и требовала такого же поклонения как и другие боги. Особенно чтимыми оставались после смерти Сенусерт III и Аменхотеп I. Такого же почтения удостоился и визирь царя Аменхотепа III — Аменхотеп, сын Хапу [88, с. 34; 107, с. 188–189; 227, с. 277].

Наместники завоеванных стран, номархи и прочие администраторы, как и прежде, назначались по желанию царя, хотя, по-видимому, царь продолжал сохранять многие должности, например, номархов за местной знатью. Некоторые вельможи владели огромными поместьями, населёнными принадлежащими им крестьянами. Политика во времена Нового царства в зависимости от обстановки и личности царя подвергалась определённым изменениям, но в целом для нее характерно отстаивание интересов крупных землевладельцев при защите прав средних и мелких собственников, имущество которых от посягательства вельмож защищалось порой даже специальными распоряжениями царей и их декретами. Время от времени царская власть боролась и со взяточничеством. Известен, например, декрет царя Хoremхеба (середина XIV в. до н.э.), требовавший наказаний чиновников за хищения и взяточничество [88, с. 34, 37; 192, с. 280].

К сожалению, до нас не дошли своды законов от этого времени, однако известно, что судебная система была хорошо развита, и ряд документов даёт представление об уголовных и гражданских делах, разбиравшихся в судах по законам. Судебное разбирательство предусматривало рассмотрение документов с целью выяснения их законности, допрос свидетелей, произнесение клятв и (если судьи сочтут нужным) применение пыток. Наказание мог предложить обвинитель или истец. Известно, например, что, если бы раб совершил кражу по наущению хозяина, то рабу грозила бы ссылка в Куш. За рядовую кражу полагалось возмещение в двукратном или троекратном размере. Гораздо строже наказывались преступления против личности царя или его имущества, в случае ограбления храма или некрополя. За грабеж царских гробниц могли отрубить руку или посадить на кол. Специальные царские указы могли изменить предусмотренное законом наказание. Например, по указу Хoremхеба, воины, укравшие у крестьян кожи, должны были вернуть краденое, заплатить штраф, получить по 100 ударов палками и по 5 ран, а за ограбление храма Осириса в Наури требовалось возместить похищенное в стократном размере. В случае кражи храмового скота могли вору отрезать нос и уши, поработить его жену и детей или посадить вора на кол. Скупщик краденого обычно отделялся лишь возвращением купленного у преступников золота, серебра или быков, но мог и оставить краденое у себя, если бы доказал, что сделал покупку не ведая о том, что приобрел ворованое. Утрата же вещей, взятых на хранение,

наоборот, приводила к жестокому наказанию, вплоть до порабощения или ослепления. Суровое наказание предусматривалось и за лжесвидетельство. Чаще всего лжесвидетель получал то наказание, которое полагалось по тому делу, по которому он давал показания. Обычной карой для клеветника являлись 100 палочных ударов. Однако за ложную клятву могли потребовать возмещения имущества, сослать в Куш или отрезать нос и уши. Вместе с тем сохранялось и обычное право. Случалось, что судебные иски бедняков решались согласно указанию оракула бога, например, Амона-Ра. Однако семейные распри, особенно в знатных семьях должны разбираться в суде. Суд рассматривал также и дела государственной важности, например, дело о заговоре против Рамсеса IV [107, с. 205; 192, с. 282–289].

Очевидно, в этот период становится возможным завещать имущество посторонним лицам, хотя предпочтение отдаётся детям, которые могут оспорить завещание в суде. Во многих случаях гражданские дела, связанные с имуществом и прежде всего с землей, из-за бюрократических проволочек могли тянуться иногда множество лет. Один из таких процессов, связанный с наследием земельного надела, закончившийся при Хоремхебе, занял около двухсот лет. Справедливость судов была весьма относительной. Вельможа мог оказать влияние на решение суда в силу своего положения, а богатч с помощью взятки [192, с. 281–288].

Война была опасным, но в случае удачи, выгодным делом: можно было получить царскую награду — не только золотой орден «льва» или «мухи», но земельный участок и собственных рабов из числа военнопленных, а также награть добра во вражеском селении. Уже в начале эпохи Нового царства земельные наделы, получаемые некоторыми воинами за заслуги, очевидно, переходят по наследству, но за дарение земли полагается уплата налогов в казну. Войны приносили множество рабов, которые отдавались царю, знати, жрецам, а также некоторым воинам. Через покупку рабы доставались и богатым незнатным египтянам. Отношение к рабам немного улучшилось. Им, например, уже разрешалось сидеть на примитивных скамейках и на трёхногих табуретах. Рабы с семьями жили в небольших домиках в усадьбах своих хозяев, поскольку использовались главным образом в домашнем хозяйстве. Например, они служили садовниками, пчеловодами. Рабы сопровождали царей и высшую знать во время выездов на колесницах. Они должны были бежать впереди, предвеля торжественный выезд. «Сопровождающие» («шемсу») тащили за ними всё, что могло потребоваться господину. Рабов отправляли на общественные работы в качестве строителей, которые месили глину, формовали кирпичи, таскали их и носили воду. Много рабов было среди ткачей [88, с. 33; 144, с. 173; 192, с. 288; 205, с. 74, 98, 126, 128, 144, 159, 161, 173].

Простые египтяне должны были нести государственные повинности в форме «царских работ», «всяких работ нома» и т.п., привлекаясь к рытью каналов, строительству [205, с. 54].

Заботы царей о собственном благополучии (Знаменитый царь XIX династии Рамсес II старательно приписывал себе победы, одержанные его

полководцами, и ставил свое имя вместо выскобленных имен предшествующих царей на монументальных сооружениях.), обогащение жречества и эксплуатация крестьянства и рабов родовой и чиновной аристократией нередко вызывали сопротивление и даже восстания. Особенно крупным было восстание проходившее около 1200 г. до н.э. [88, с. 39].

Поздний период

Следующий этап истории Египта принято называть Поздним периодом. Он начинается с воцарением XXI династии около 1085 г. до н.э. и завершается завоеванием страны Александром Македонским в 332 г. до н.э. и наступлением эпохи эллинизма. В эту эпоху египетские цари неоднократно сменялись на троне чужеземцами. Около 950 г. до н.э. власть захватил военачальник из «ливийских» наёмников, положивший начало правлению двух «ливийских» династий, окончившемуся только в 730 г. до н.э. XXIV династия правила только в Дельте и только 15 лет, после чего воцарилась уже правившая на юге страны XXV «эфиопская» династия, представленная нубийскими царями из Напатского государства, располагавшегося к югу от Египта, доходя, возможно, до 6 порога. Нубийцы правили страной с 730 по 671 г. до н.э., а потом Египет был завоёван ассирийским царем Ассурбанипалом, который в 663 г. до н.э. дошел до Фив и разрушил этот крупнейший центр египетской цивилизации. Ассирийцы были изгнаны из страны в 655 г. до н.э. правителями дельты, основавшими XXVI династию. При царях этой династии в Египте появились греческие наёмники, а в Дельте Нила — греческие поселения, но даже союз с рядом греческих колоний не уберёт страну от разгрома персидским царем Камбизом. С 525 по 404 г. до н.э. Египет становится персидской сатрапией. В 404 г. до н.э. египтяне освобождаются от персидского ига, и в стране воцаряются 3 местные династии, но в 341 г. до н.э. не без пособничества греческих наёмников персам опять удаётся захватить Египет, и они правят там с небольшим перерывом 9 лет до завоевания страны Александром Македонским в 332 г. до н.э. [88, с. 40–44; 85, с. 459–462].

В это время продолжалось дальнейшее развитие сельского хозяйства. По-видимому, лишь в конце Позднего периода полив полей с помощью шадуфа дополнился сакиэ, водоподъёмным колесом, приводимым в движение ослами или быками. По крайней мере в VIII веке до н.э. появились мотыги с железными наконечниками [88, с. 40; 189, с. 54, 61, 63]. Хорошо известный ещё с додинастического времени верблюд, только теперь стал использоваться для перевозок и переездов [88, с. 40; 189, с. 54, 61, 63; 205, с. 79].

В Поздний период продолжали изготавливать вещи из бронзы, которые стали предметом торговли. Теперь, прежде, чем отлить вещь, лепили из воска ее модель, обмазывали её глиной, оставив отверстия для заливки и вытекания воска, затем заливали бронзу и после её остывания разбивали форму. Такой способ отливки позволял получать как сплошные, так и

полые модели. Оружие: кинжалы, наконечники копий и стрел, — оставались преимущественно бронзовыми. Тогда же в Египте, крайне бедном железными рудами и необходимым топливом из-за почти полного отсутствия дерева, все-таки распространялось железо. Железные изделия начинали изготавливать в VIII-VII вв. до н.э. и вскоре они стали преобладать. Впервые в 671 г. до н.э. в страну вторглись с железным оружием и временно завоёвывали её ассирийцы. Немного позднее на службе зависимых от Ассирии египетских царей появились греческие наёмники, также вооружённые железным оружием, которые в 655 г. до н.э. помогли прогнать ассирийцев. С тех пор в Египет начали привозить азиатских кузнецов, а по крайней мере с VI в. до н.э. стали выплавлять собственное железо. Усовершенствовали повозки, которые приобрели колёса с восемью спицами. На телегах с большими колёсами перевозили покойников. На повозках с черырьмя или шестью колёсами перевозили грузы, запрягая по шесть пар быков, но только при передвижении по караванным путям. Регулярными стали переправы через Нил паломников в религиозные центры: Фивы, Абидос, Мемфис. Некоторые ремесленные изделия возвратились к классической простоте Древнего царства. Расширилось изготовление фаянсовой посуды, которая также стала предметом сбыта. В X в. до н.э. появилась свинцовая глазурь зелёного цвета [88, с. 40; 205, с. 94–95, 117, 124, 128–130].

В Поздний период складывались пантеоны богов. В Гермополе помимо Тота почитали целую восьмёрку богов (Огдоаду). Позднее сложилось несколько богословских систем, связывающих мифы о сотворении мира и происхождении богов и самих богов в определённые пантеоны. В Гелиополе создали пантеон из девяти (Эннеады) богов и богинь. Возможно в эту эпоху сложилась Гелиопольская теологическая система. О сотворении мира и богов она рассказывает приблизительно следующее. Сначала был океан — бог Нун, в котором не было порядка, но из него появился твёрдый первобытный холм, он же — бог Ра (иногда Хепри или Атум), создавший себя сам. Уже из себя он создал бога света и воздуха Шу и его жену влажность — Тефнут, которая родила бога земли Геба и богиню неба Нут. От них произошли боги Осирис и Сет и богини Исида и Нефтида. Люди же — «ремеч» произошли от слез — «ремеч» бога солнца. Согласно одному варианту (возможно под влиянием мемфисских мифов) Атум первоначально создал бога Ху («изречение») и бога Сиа («познание»). Несмотря на то, что в религиозных текстах утверждается, что Ра является самозарождающимся богом, не имевшим ни отца и ни матери, там же говорится, что богиня Нут является его матерью. Оказывается, что он проникает в чрево своей внучки и рождается от нее вторично, и иногда поясняется, что он сам оплодотворил свою будущую мать [107, с. 185, 191–192; 190, с. 229, 233, 235, 241]. Такие, с точки зрения формальной логики, нелепости легко объясняются пережитками «дологического мышления». Для верующего египтянина распространяемые жрецами религиозные стереотипы являются непреложной истиной, не требующей сомнений и, уж тем более, какой-либо критики и каких-либо логических проверок.

Гермопольская система объясняет происхождение мира без всякого демиурга. Сначала существовал хаос, олицетворённый четырьмя парами богов: Нун и его жена Нунет — океан, Ху и Хахухет — пространственная бесконечность, Кук и Каукет — мрак, Амон и Аманет — невидимость. В этой Огдоаде (восьмёрке) боги выглядели лягушками, а богини — змеями. Из хаоса этих стихий сам по себе выступил холм. Позднее боги создали яйцо и положили его на этот холм, а люди основали там Гермополь. Интересно, что, согласно одному из египетских мифов, бог Хнум вылепил людей на гончарном круге из глины [107, с. 192–193; 190, с. 242].

Мифические представления о мире переплетались у египтян с реалистическими взглядами. Один из мифов, объясняющий происхождение праздника «виноградной лозы и полноты Нила», рассказывает, что дочь Ра Тефнут, поссорившись с отцом, удалилась в Куш. Гнев и уход богини сопровождаются засухой в Египте. Тоскующий Ра послал за дочерью богов Тота и Шу, которые уговорили её вернуться. Возвращение богини превращается в праздник. Брат Тефнут Шу вступает с ней в брак. Боги играют на музыкальных инструментах, богини пляшут, льётся вино. Действительно, наводнение Нила начинается потоками с юга. В другом мифе нильские наводнения объясняются плачем небесной богини Исиды, превращающимся в дождь. Сам же Нил представляется вытекающим из двух пещер [190, с. 230, 238–239]. И это фантастическое объяснение содержит определённую долю истины, потому что Голубой Нил берёт начало в горах, а Белый Нил разливается в результате тропических дождей.

В VIII в. до н.э. новоегипетский язык уже переходит в демотический [108, с. 293, 303], ещё более отходящий от флективности к аналитичности. В Поздний период он становится поистине народным письмом, на котором пишут не только писцы и отдельные чиновники, но и значительное число представителей низшей аристократии и ремесленников, в силу чего древнеегипетские тексты отходят от классических канонов, приобретая местные диалектальные особенности. Тем не менее, квалифицированные писцы «хорошо знали уже вышедший из разговорного употребления язык прошедших исторических эпох» [109, с. 309]. От этого времени сохранился ряд пособий по языку и письму. Однако писец должен был уметь не только читать и писать. Его учили математике, чтобы он мог исчислять количества и измерять площади. Ему давали некоторые сведения по географии соседних стран, знакомили с игрой на музыкальных инструментах, занимали спортом: плаванием, прыжками, даже военными играми. Дальнейшее развитие египетской письменности происходило в нубийском государстве Мероэ, где мероитская аристократия и писцы пользовались так называемым «мероитским языком» (представляющим собой варваризированную демотику) с алфавитом из 23 знаков, большая часть которых соответствует египетским иероглифам [113, с. 427].

Развивалась литература, хотя она в большей степени подражала творениям прошлого, чем развивала новые формы и стилистические приемы. Сохранился такой жанр как «Поучения». «Поучение» Анхшешонка (первая половина 1 тыс. до н.э.) адресует довольно банальные советы

преимущественно земледельцам. Более позднее «Поучение», автор которого неизвестен, состоит преимущественно из абстрактных наставлений, но некоторые из них достойны мудрецов. Широко распространяются эпические сказания о прошлом величии Египта, сохранившиеся главным образом в поздних пересказах греческих авторов. Среди них рассказы о походах Сесостриса (объединившего воспоминания о царях XII династии, многие из которых носили имя Сенусерт), которому приписываются многочисленные победы и завоевания вплоть до Скифии. Предсказание говорящего агнца о печальной участи царя является мотивом предания о Бокхорисе. Сказание о царе Сетосе повествует о его вешем сне, предрекающим отступление войска ассирийского царя Синахериба в 703 г. до н.э. от границ Египта. Сохранился цикл сказаний о Петубасте, царьке, реально правившем небольшой областью вокруг Таниса в Дельте во время XXV (эфиопской) династии, которому данная традиция приписывает власть надо всем Египтом. В одном из сказаний (возможно связанным с вторжением ассирийцев в Дельту в 670 г. до н.э.) говорится о борьбе за владения Амона Фиванского, которая завершается изгнанием азиатов из Египта. В другом сказании, где фигурирует Петубаст, рассказывается о борьбе и поединках правителей и богатырей за ставший магическим панцирь умершего гелиопольского царя Инара. Третье сказание повествует о сражении царя Петухоне, предпринявшего поход в Азию против воинственных женщин (напоминающих последующих амазонок) во главе с царицей. Сражение заканчивается тем, что противники влюбляются друг в друга. Подобный сюжет весьма распространён и встречается даже в русских народных сказках. Позднее героем сказок становится царь Яхмос II (Амасис), правивший в 569–525 гг. до н.э. В одной из них он выведен пьяницей, который с похмелья просит рассказать ему занимательную историю, и жрец рассказывает ему сказку. Наверное, впервые в этой сказке встречается широко известный прием включения одной сказки в другую. В другой, явно волшебной сказке о чародее Хихоре, спасшем жизнь двум птицам, повествуется как они помогают освободить Хихора из темницы, и здесь рамкой сказки является письмо к царю, в котором рассказывается история чародея. От времен Позднего периода сохранилось также несколько басен. Одна из них рассказывает о том, что ласточка вычерпывает море в наказание за то, что оно погубило её птенцов. Сюжет позднее известен также и у других народов. Ещё три басни о коршуне и кошке, о льве и мыши и о двух коршунах включены в известный ещё в древности миф о нежелании богини солнца Тефнут возвращаться из Куша в Египет. Лишь мудрому богу Тоту удастся вернуть богиню благодаря уговору и рассказам, среди которых и располагаются басни. От времен Дария I (512 г. до н.э.) сохранился папирус (который с натяжкой можно причислить к литературным произведениям), рассказывающий историю деда, отца и внука, носивших имя Петенсе и служивших жрецами в городе Теуджой в Среднем Египте, в связи с жалобой последнего Петенсе на притеснения и просьбой вернуть ему несправедливо отнятый сан и имущество [109, с. 313; 89, с. 360–364].

Религиозные мистерии на мифологические темы продолжали разыгрываться как и в предыдущие эпохи, но теперь они представляли не только мифологические сюжеты. Так, например, в одном из сценариев злой Сет выступает не просто врагом Осириса, но олицетворяет персидского захватчика, а его изгнание недвусмысленно намекает на изгнание персов из Египта [110, с. 414].

По-видимому, в это время уже накапливаются исторические сведения, хранившиеся в царских архивах и храмовых библиотеках, потому что уже в начале эллинистической эпохи на рубеже IV-III вв. до н.э. на основании такого рода материалов египетский жрец Манефон пишет первую известную историю Египта, к сожалению, сохранившуюся в пересказе позднейших авторов и лишь частично [227, с. 277–278].

Египетская медицина приобретает мировую славу. Растёт число врачей и происходит их специализация. Если верить Геродоту, в V в. до н.э. одни врачи лечат голову, другие — глаза, третьи — зубы, четвёртые — желудок, пятые — внутренние болезни, хотя рациональное лечение продолжает сочетаться с магическими действиями и молитвами. В VI в. до н.э. покровительницей врачей становится богиня Нейт [227, с. 250].

Памятники изобразительного искусства Позднего периода немногочисленны и мало оригинальны. По большей части их создатели стремились подчеркнуть преемственность с эпохой Нового царства, временем величия Египта. Например, царь «ливийского» происхождения — Шешонк I (950–929 гг. до н.э.) построил в храме Амона-Ра в Карнаке огромный двор с пилоном высотой в 43,5 м для празднования «Хеб-седа». В скульптуре этого периода чувствуется стремление к декоративности и пышности, свойственное второй половине эпохи Нового царства, появляется лишь чуть больше мягкости и плавности. Большое мастерство заметно главным образом в прикладном искусстве, особенно, в ювелирном. В эпоху XXV эфиопской династии (751–656 гг. до н.э.) видно стремление нубийских властителей обосновать свое право на египетский трон. Отсюда некоторая архаизация в искусстве. Однако столичные фиванские мастера создают скульптуру, отличающуюся прекрасной проработкой индивидуальных черт, что хорошо видно, например, в скульптурном портрете Хoremхеба, жреца Амона и в других работах. В Ливийско-Саискую эпоху (663–525 гг. до н.э.) опять в связи со стремлением оправдать претензии на египетский трон саисские цари поощряют архаизацию искусства. Саисская знать хоронит своих покойников в скалах Ассифа к югу от Фив, и, высекая гробницы, явно подражает местным образцам времен XVIII династии, но их сооружения порой превосходят по размерам даже царские гробницы. Вместе с тем в рельефах и скульптуре формы приобретают большую мягкость и округлость. Статуи нередко полируются. Одни из них возвращаются к идеализированным изображениям с присущей канону традиционной улыбкой, другие наоборот передают индивидуальность образа, делая портреты более реалистическими, чем прежде. Единство стиля в изобразительном искусстве постепенно исчезает [201, с. 407–410].

Многие ремесленники начинали работать непосредственно на внешний рынок. Их товары вывозились, главным образом, в страны Восточного Средиземноморья, и знать и жречество увеличили нормы эксплуатации в принадлежащих им мастерских [88, с. 40, 43].

Вместе с тем расширилась сфера применения оплачиваемого труда. За плату работали перевозчики через Нил [205, с. 129], за деньги начали отдавать в наём рабов [192, с. 288].

В рассматриваемый период завершился переход от натурального обмена к товарно-денежной торговле. В Ливийско-Саисский период предметом купли-продажи стали не только вещи, но и земля, которую стало можно завещать не только родственнику, но любому. Внутренняя торговля находилась по большей части в руках аристократии и жрецов, но появилось сословие людей занимающихся исключительно торговлей — купцов. С ослаблением Египта, получавшего ранее дань из Куша, Палестины и Сирии, усилилась торговля со странами Восточного и Северного Средиземноморья, а также с островными государствами. В поисках новых торговых путей царь Нехо (610–594 гг. до н.э.) отправил финикийских мореходов в трёхгодичное плавание вокруг Африки. Наряду с использованием в торговле финикийских и греческих кораблей Египет обзавёлся собственным мощным флотом, который участвовал также и в войнах [88, с. 40, 42, 43; 192, с. 287].

Совершенствовалось военное дело. Для защиты тела стали использовать не только пластинчатые панцири, но и прообразы шлемов — круглые льняные или кожаные шапки, иногда покрытые круглыми металлическими бляхами. В XI–VI вв. до н.э. египетская армия состояла в основном из иноземцев: наёмников и на вербованных из военнопленных. Среди них нубийцы, «ливийцы», греки и другие народы. В VII в. до н.э. армию вооружили железным оружием, воины стали профессионалами, но в столкновении с сильным противником наемники оказывались ненадёжными [205, с. 147, 152].

Возможно, что жреческие должности в Поздний период стали наследственными [196, с. 362]. Богатые аристократы и жрецы занялись ростовщичеством, ссужая обедневших крестьян зерном под высокие проценты [88, с. 40].

Теперь наряду с пленными, взятыми на войне (число которых с ослаблением Египта значительно упало), рабами становятся крестьяне и горожане, вынужденные отрабатывать долги или продавать себя в рабство. Наряду с расширением торговли вещами расширилась и торговля людьми. Однако царь Бокхорис (720–715 гг. до н.э.) отменил долговое рабство [88, с. 40; 192, с. 288].

Незавидным было положение и простых египтян, которых цари продолжали передавать знати или храмам целыми поселениями с землями и со всем имуществом [88, с. 41].

В лучшем положении оказалась армия. Например, во времена персидского господства все участвующие в войнах на стороне персов получали от них надел земли, который при условии продолжения службы переходил по наследству к их потомкам [88, с. 43].

В VIII в. до н.э., вероятно, усовершенствовались законодательство, изменения в котором традиция приписывает Бокхорису, и есть свидетельства, что при Яхмосе II (569–525 гг. до н.э.) существовал свод законов. Одним из законов Бокхориса ограничивалось ростовщичество, запрещением увеличивать долг более, чем вдвое. Законы Позднего периода, вероятно, уже регулировали куплю-продажу и отдачу рабов внаём. Рабовладелец нес ответственность за предоставленного раба, и, если раб болел, то плата его хозяину уменьшалась. В эту эпоху собственник имущества продолжал распоряжаться им по своему усмотрению, например, муж мог его полностью или частично передать жене, а мать любому из сыновей. В случае отсутствия распоряжения старший сын получал две трети наследства. В Поздний период сохранялись все виды наказаний от штрафов до смертной казни, которую, правда, отменяли в единственном случае: когда наказуемая преступница была беременна [192, с. 279–280, 287–289].

Древнеегипетское аграрное общество являло собой несомненный шаг вперед по сравнению с обществом государства инков. Благоприятные географические и климатические условия для выращивания продуктов сельского хозяйства, приручения животных и одомашнивания скота (чему немало способствовали успехи земледелия) позволили обеспечить население запасами пищи. Часть продуктов сельского хозяйства позволила при их дальнейшей обработке развивать различные отрасли ремесла. Наличие на окружающей территории медных руд и руд других металлов позволило изобрести выплавку меди, а потом и бронзы. Металлические изделия в свою очередь способствовали расширению ассортимента орудий труда, особенно для более успешного ведения сельского хозяйства, и предметов быта, что в свою очередь требовало развития ремёсел.

Успехи земледелия и животноводства в плодородной долине Нила и зачатки ремесел уже к концу 5 тыс. до н.э. позволили накапливать запасы продуктов питания и вещей, вызывавших зависть у менее удачливых соседей, что, по-видимому, уже в это время привело к набегам и войнам. Борьба между хамитоязычными нубийцами, населявшими долину Нила вплоть до Дельты, семитоязычными пришельцами из Азии, включая и наступавших с запада «ливийцев», располагавшихся главным образом в Дельте, приводила к оседанию в долине Нила и смешению рас и языков, что к середине 4 тыс. до н.э. способствовало окончательной оседлости населения, созданию единого языка и образованию устойчивых племенных союзов, превращающихся в небольшие государства (получившие позднее греческое наименование номов) во главе с правителями, располагавшимися в укрепленных политических и культовых центрах, объединявших окрестные небольшие городки и многочисленные сёла. Немного позже более европеоидное население Дельты и небольшой части долины к югу от неё объединилось в сильное государство Нижнего Египта. В свою очередь, сохранившее налёт негроидности население долины объединилось в мощное государство Верхнего Египта. Борьба между ними привела к победе южан и объединению Верхнего и Нижнего Египта в единую страну.

Стали ли во главе номов, двух частей Египта и всего государства правители из числа старейшин или вождей пока неизвестно, но скорее египетские номархи и цари происходили от вождей, поскольку многочисленные столкновения разных неродственных племён при заселении долины Нила требовали не столько управления повседневной жизнью, сколько военных способностей. Вместе с тем египетские номархи и цари наряду с военной и политической властью сохранили за собой и духовную власть. Также как и главы племенных союзов и правители самых ранних государственных образований, они рассматривались как священные особы, обладающие сверхъестественной силой и даже как земные боги, ведущие происхождение от потусторонних богов. Божественная природа египетского царя позволяла ему примерно также, как Инке в Тауантинсуйу, быть властелином всей страны и всех населяющих её подданных.

Египетская аристократия — «уру», представленная некогда дружиной и прочими сподвижниками царя, помогавшими ему в управлении, которая, возможно, обозначалась как «саху», и местными правителями, ведущими происхождение, скорее всего, от старейшин — «серу», вместе с многочисленными жрецами составила первоначальный правящий класс, у которого в наследственном владении были недавно данные царём или некогда пожалованные предкам земли и рядовые египтяне (некогда завоеванные царём и аристократами) а также многочисленные рабы, происходящие не из Египта.

Все «свободные» египтяне как принадлежащие царю, также как население Тауантинсуйу, обязаны были по призыву выполнять фактически барщинную государственную работу. Кроме того они должны были поставлять продукты своего труда фактически в качестве оброка в царские закрома и в храмы. Их положение мало чем отличалось от положения средневековых крепостных и прочих феодально зависимых крестьян. Составлявшие челядь аристократов и принадлежащие храмам египтяне мало отличались от «свободных» египтян, поскольку должны были выполнять на своих господ примерно те же обязанности. Таким образом, все рядовые египтяне были фактически слугами царя, жрецов и аристократов. Вместе с тем, положение египтян, как членов местных общин, некогда восходивших к родам, входивших в племена, составлявшие предков населения Египта, было значительно лучше положения рабов, не связанных кровными узами с населением Египта.

Многочисленные рабы, взятые в плен, пожалованные царём или знатным господином, купленные или рождённые в неволе, принадлежали к какому-либо другому народу и не входили ни в египетский род, ни в египетскую общину, поэтому до конца своих дней они оставались чужаками, на которых смотрели как на людей низшего сорта, проявивших слабость в борьбе, не умеющих говорить или плохо говорящих на египетском языке, не обладающих знаниями египтян и не знающих каким богам нужно поклоняться, а потому и предназначенных для работы на полноценных достойных людей.

Однако случалось, что сами египтяне попадали в сложные жизненные ситуации, доводившие до нищеты, и для того, чтобы поправить своё

материальное положение, они были вынуждены брать взаймы зерно, скот, инвентарь, а в Поздний период, когда появились даже ростовщики, и «деньги» (некоторое количество золота или серебра). В таком случае они попадали в кабалу от займодавца и у него отработывали свой заём. Тем не менее, египтянин, имевший родственников египтян и член какой-либо общины, в глазах сограждан не должен был быть рабом, поэтому положение его было легче, чем положение раба и не могло продолжаться вечно. Сначала кабала ограничивается сроками, а в Поздний период долговое рабство совсем отменяется.

Таким образом, древнеегипетское общество состояло из двух основных социальных классов. Класа аристократов, в который входили: потомки военных сподвижников вождей; потомки родовых старейшин и глав влиятельных больших семей; потомки жрецов высших степеней. Все эти аристократы, как правило, владели, собственными слугами, основную массу которых составляли разные категории рабов, а также обязанные служить аристократам рядовые египтяне-земледельцы, полученные по наследству или дарованные царём или вышестоящим аристократом.

Над всеми аристократами стоял царь, который считался собственником всей страны. Аристократия обязана была служить ему на военном, гражданском или религиозном поприще, и каждый за службу получал чины, которые в течение времени службы выстраивались в цепочку от низших к высшим. Следовательно, складывалась многоступенчатая бюрократическая лестница, на верху которой располагались вельможи, затем влиятельные чиновники и мелкие служащие снизу. Как собственник страны царь обеспечивал каждого чиновника за службу довольствием, размер которого соответствовал занимаемой должности, а помимо этого мог пожаловать в собственность вещи и, главное, во владение, земли, скот, рабов и рядовых своих подданных египтян. Владение обычно становилось наследственным, но царь как собственник мог и отнять любое движимое и недвижимое имущество, включая и людей.

Разделённое на классы аристократов и слуг древнеегипетское общество представляло собой полноценное государство с развитым государственным аппаратом. Во главе его стоял царь, который через огромный бюрократический аппарат регулировал всю общественную жизнь страны. Существующие порядки поддерживала армия, которая со времени Нового царства стала профессиональной. Полиция, набиравшаяся из иностранцев, уже в эпоху Древнего царства поддерживала повседневный порядок. По крайней мере с того же времени существовали суды, которые сначала руководствовались обычным правом. С какого времени стали судить по закону пока неизвестно, но в Новом царстве уже судили главным образом по закону, а от Позднего периода уже известны своды законов. Для преступников, среди которых были совершившие и уголовные преступления и проступки, нарушающие политические интересы царя и знати, существовали самые разнообразные наказания: штрафы, конфискации, телесные муки, включая членовредительство и смертную казнь, тюремное заключение и тяжёлые работы, во время которых появлялась возможность искупить вину хорошим трудом и даже выбиться в начальство.

Интересы правящего класса поддерживала и соответствующая социальным отношениям идеология. Принадлежность царей к богам, подтверждаемая тронными именами, включавшими имена богов: Ра, Амон..., — внушалась египтянам и жрецами, и чиновниками. Аристократы «уру» (великие) даже в рисунках изображались значительно больше слуг: простых египтян и рабов. Согласно распространяемым религиозным представлениям и в загробном мире цари и вельможи должны жить в роскоши и довольстве, пользуясь заступничеством молитв поминальных жрецов и плодами трудов, выполняемых за них многочисленными слугами, в то время как простым людям оставалось надеяться на свои силы.

Не следует забывать и того, что древнеегипетское общество, хотя и медленно, но эволюционировало. Оно осваивало новые земли, совершенствовало приёмы и технику земледелия, приручало и одомашнивало животных, выводило и улучшало породы скота, развивало ремесло, где не только постоянно совершенствовалась технология и качество изделий, но постепенно дифференцировались виды ремёсел и возникали новые их виды. Усложнение экономики и быта было бы невозможно, если бы оно не опиралось на новые сначала практические, а стечением времени, и теоретические знания. Знания в свою очередь развивались бы крайне медленно, если египтяне не учредили бы уже в эпоху Древнего царства школы, не учили бы детей в храмах и при дворце, не продолжали бы обучение в «домах жизни», но, главное, не создали бы самую раннюю в мире письменность, благодаря которой смогла сохраняться и развиваться высочайшая в тогдашнем мире культура. С полным правом можно сказать, что в Египте впервые в мире были сделаны многие изобретения и открытия и даже возникла наука, включавшая математические, физические, астрономические, медицинские и другие знания. Знания были ещё несовершенны. В них переплетались элементы научных знаний с бесполезными и порою вредными традиционными ритуальными действиями, а также с религиозными представлениями, берущими начало из мифов, некогда фантастически объяснявших непонятные природные явления.

Крайне несовершенное мировоззрение египтян, над которым довели стереотипы, распространявшиеся уважаемыми старейшинами, вызывающими уважение и страх аристократами и, прежде всего, жрецами, прогрессировало крайне медленно. Однако даже в религиозных представлениях можно заметить постепенный прогресс. На протяжении тысячелетий сонм богов стал сокращаться до небольших пантеонов во главе с наиболее почитаемым богом. Попытка однобокого введения единобожия окончилась неудачей, но тенденция к выделению всемогущего бога, творца людей и вселенной (например, Ра) осталась.

Постепенное раскрепощение мировоззрения от ложных стереотипов способствовало изменению и социальных представлений, на которые первостепенное влияние оказывало постоянное изменение жизненных ситуаций. Борьба за власть над страной в периоды нашествий врагов или ослабления царской власти нередко требовала поддержки царя,

наследника престола или рвущегося к власти объявившего себя царём номарха со стороны простого народа. Прежде всего, цари начали наделять землёй воинов, которым в награду от царя нередко доставались захваченные в плен рабы, а за большие заслуги и земли, населённые рядовыми египтянами. Известно также, что уже в Первый период междуцарствия «неджесы» нередко владели рабами и порой довольно высоко поднимались по бюрократической лестнице. Начало оплаты некоторых видов труда ещё в Древнем царстве и особенно возникновение товарно-денежных отношений в эпоху Среднего царства значительно усилило имущественную дифференциацию, что способствовало стремлению состоятельных людей изменить свой социальный статус. Верная служба царю и вельможам в любую эпоху (но особенно в более поздние эпохи) могла способствовать продвижению по бюрократической лестнице и изменению социального статуса любого египтянина. Известны случаи даже обожествления выдающихся мудрецов и ученых. Жизненная необходимость способствовала также изменению и положения некоторых категорий рабов. Борьба за власть над Египтом заставляла претендентов пользоваться помощью иностранных наёмников, и чтобы привлечь их на свою сторону порой приходилось раздавать им во владение землю и даже захваченных в плен рабов, а иногда и египтян. Более того, бывшие первоначально рабами «шемсу», составлявшие свиту царя и высоких сановников, также удостоивались разного рода пожалований. Положение и других категорий рабов несколько улучшилось уже в период Нового царства, когда они стали жить семьями в собственных жилищах, а в Поздний период, в середине 1 тыс. до н.э. хозяева стали отправлять своих рабов работать внаём, главным образом, к владельцам мастерских, где они получали плату, часть которой должны были отдавать хозяину, но, по видимому, подвергались меньшей эксплуатации, работая на людей, не имевших на них более прав, чем права предоставлявшиеся договором с хозяином, и оставляя себе хотя бы незначительную часть заработка. Таким образом небольшой прогресс можно было наблюдать и в социальных отношениях.

Глава 4

КЛАССИЧЕСКОЕ АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО

Протогосударства Южной Европы

Медь была хорошо известна в Малой Азии уже в 5–4 тыс. до н.э., а в Европе в начале 3 тысячелетия, когда из неё уже изготавливали медные топоры, но не выплавка металла послужила возникновению первых европейских государств. Уже в 5–3 тыс. до н.э. в Юго-Восточной Европе возникли протогосударства с небольшими укреплёнными кре-

постями. Во главе племенных союзов стояли вожди, поддерживаемые дружинами. Складывался класс аристократии и, несомненно, класс слуг. Погребальные обряды указывают и на значительную социальную и имущественную дифференциацию. Во время бронзового века в 3–2 тыс. до н.э. на Балканском, Апеннинском и Пиренейском полуостровах и на островах Средиземноморья интенсивно развивалось земледелие. В Лации выращивали карликовую пшеницу, ячмень, бобы и горох, содержали скот. Внутри полуострова растили каштаны, разводили свиней и других домашних животных. Жителям Пиренейского полуострова было известно уже несколько видов пшеницы и ячменя, бобовые культуры, маслины, виноград, фиги, рожковое дерево, лён. Ограждённые поселения во внутренних регионах Лация и Аbruции явно указывают на возникновение племенных союзов. В конце 3 тыс. до н.э. греки из Фессалии продвинулись на юг, вытеснив оттуда пеласгов (которые остались в Аркадии, Арголиде, Аттике и на некоторых островах) на запад, особенно в Эпир, где в городе Додоне они учредили святилище Зевса Пеласгского, почитаемого всеми эллинами: и пеласгами, и греками [76, с. 91, 104, 111, 118, 141].

Во 2 тысячелетии до н.э. не только Южная, но и более северная часть Западной, Средней и Восточной Европы вплоть до Южных областей Скандинавии была уже знакома с выплавкой металла. Оружие в могилах прямо указывает на войны, а погребения, особенно курганы, воздвигаемые над некоторыми могилами, — на богатство одних могил и бедность других и на социальную дифференциацию европейских протообществ. Разделение населения протогосударств и ранних государств на вождей, аристократов, ранжирование на страты свободных и слуг привело к возникновению веры в покровителей занятий, хозяев природных зон и пантеонов богов, среди которых особенно почитались связанные с земледелием боги и богини солнца, воды и плодородия [76, с. 119–122].

Наиболее ранней европейской государственной Критской культуре (3000–1200 лет до н.э.) было свойственно не только земледелие и животноводство, но и мореплавание, способствовавшее торговле со странами Северной Африки и Передней Азии. В 2400–2100 гг. до н.э. на Крите процветал городок Мохлос. В XIX–XVII вв. до н.э. на многих островах (особенно на Крите, Кеосе, Паросе и Меласе) продолжали строиться города преимущественно на берегах бухт, удобных для развития мореплавания и окружённых плодородными землями. Город Агия-Ирини (с крупным святилищем, возведённым около XXI в. до н.э.) ещё в середине 3 тыс. до н.э. был защищён каменными стенами с башнями. В XIX–XVIII вв. его укрепления были расширены. Его основное население составляли платившие натуральную подать царю свободные общинники, среди которых уже существовала знать, иногда владевшая дворцами, но чаще большими двухэтажными зданиями в 20–30 комнат, скотными дворами, амбарами, погребями и другими хозяйственными постройками, а также рабами из числа военнопленных [76, с. 121, 142–150; 239, с. 164]. Нередко знать владела винодельнями, маслобойнями и ремес-

ленными мастерскими, а производимые в её хозяйстве продукты шли на продажу.

Постепенно власть вождя трансформировалась в царскую власть. Около 2000 г. до н.э. на Крите возникло государство со столицей в Кноссе. Около 1900 г. до н.э. правители Кносса, Маллии и Феста предприняли реконструкцию местных акрополей, в центре которых располагались дома высшей знати, вокруг мастерские ремесленников и продуктовые кладовые. Мостовые, водопровод и канализация говорят о высоком уровне культуры строителей. Кносский дворец, простоявший приблизительно с 1750 по 1450 г. до н.э., представлял собой огромный четырёхэтажный комплекс из полутора тысяч комнат, занимающих 18 тыс. кв. м, включающих тронный зал, святилище, кладовые, мастерские, коридоры, лестницы, обслуживаемый многочисленными рабами. Например, каждые 9 лет критскому царю Миносу нескольких человек, которые должны были работать в кносском дворце, отсылали афиняне. В XX-XVIII вв. до н.э. одна дорога связывала Кносс с севером и несколько — с южным побережьем, в столице возникла гостиница для приезжих. Ставшие преобладающими индивидуальные захоронения, а также размер и этажность домов XIX-XVIII вв. до н.э. демонстрируют значительную имущественную дифференциацию критян особенно в плодородных областях центрального Крита. Очевидно его население по происхождению было близко к греческому. На Крите же впервые в Европе возникло сначала пиктографическое, затем иероглифическое (Многие иероглифы были заимствованы у египтян, но отражали кипрские понятия.), а около 1750 г. до н.э. пока не дешифрованное, предположительно, слоговое линейное «письмо А». Надписи на ритуальных предметах и обиходных вещах говорят о значительном распространении грамотности. Критяне пользовались арифметической системой, основанной на десятиричном счёте. Захоронения высшей знати осуществлялись в монументальных гробницах из каменных плит, менее значимых людей — в подземных склепах, вырубленных в скалах. На Крите, Мелосе, Фере и других островах росли города (а порой и сёла), окружённые стенами с башнями и часто с акроплями внутри. Улицы мостили, делая каменные водоотводы от дождя, богатые дома украшались фресками. В XVII-XV вв. до н.э. власть кносских правителей распространялась не только на значительную территорию на самом Крите, но на Киклады и некоторые земли Пелопоннеса. Очевидно местные правители, получив автономию, оставались на местах (о чём говорит хорошее состояние их дворцов), но сыновья критских царей и их чиновники управляли Кикладами. Шла интенсивная торговля с соседними регионами, с Кипром, особенно, с Микенским государством в материковой Греции и чужеземными государствами, например, с Ливией, царствами Сирии (с центрами в Угарите, Библе и другими) и Египтом. Из Египта заимствовали также многие культурные сведения, в том числе о далёких странах [76, с. 142–152, 168–171; 149, с. 164–165]. Сильнейшее землетрясение и извержение вулкана на Фере около 1450 г. до н.э. разрушило многие города Критского государства, и от этого стихийного бедствия оно уже не оправилось.

Во второй половине XV в. до н.э. ахейцы захватили и заселили Критское государство, линейное письмо А сменилось линейным письмом Б (включившим около половины знаков из письма А и пиктографов), несомненно являющимся уже одним из ранних диалектов греческой ахейской письменности. Тем не менее, ахейцы утвердили свою династию и возродили Критское государство, оставив множество предметов ахейской культуры. Новая династия усиленно развивала животноводство, особенно овцеводство, обложив налогом шерстью хозяев стад, обязанных содержать по 100 животных. Однако около 1400 г. до н.э. кносский дворец был уничтожен пожаром и уже не восстановился, хотя кносский акрополь между 1400 и 1330 гг. до н.э. оставался обитаемым. Возрождались и другие города. На юге острова порт Коммос торговал с Ливией, Египтом и Кипром, на западе расширился город Хания-Кастелли, продолжалась торговля с населением Сицилии, Италии, Моравии, Англии и прибалтийского побережья, однако значение Критского государства в эллинском мире значительно снизилось. Ахейский период продолжался до XII в. до н.э., когда произошло переселение дорийцев [76, с. 101–103, 147, 156, 160–161, 171; 230, с. 160].

В 3 тысячелетии до н.э. на населённом греками и близкими к ним пеласгами Юге Балканского полуострова, побережье Малой Азии и островах Средиземного моря было также хорошо развито земледелие. В XXX–XXVII веках до н.э. в хозяйстве уже широко применялись бронзовые орудия. В 2800–2400 гг. жители островов уже строили большие корабли, имевшие до 17 пар вёсел. В 2800–2200 гг. на островах уже существовали поселения городского типа. Например, городки Полиохни на Лемносе и Ферми на Лесбосе были окружены крепостными стенами. На Сиросе и Наксосе в XXVI в. помимо мощных стен были построены массивные башни. В могилах жителей Кикладских островов заметна имущественная дифференциация. Особенно выделялись предводители морских походов и их дружинники. Всё это указывает на эпоху племенных союзов во главе с правителями из числа вождей и старейшин. В материковой Греции наиболее успешно развивались прибрежные территории на Пелопоннесе, особенно в Арголиде. Там городок Лерна около 2600 г. до н.э. был окружён каменными стенами с башнями. За стенами находились многочисленные кладовые, а немного позднее в центре крепости возвели донжон, возможно, для семейства или рода вождя и его ближайших дружинников. В XXII в. для правителя был построен ещё больший дом, фактически дворец. По-видимому в XXV–XXIII вв. в Лерне был центр крупного племени, но, скорее, племенного союза во главе с «царём», а, точнее, верховным вождём. Между 2200 и 2150 гг. лернейский дворец был разрушен, и лернейская цивилизация пришла в упадок. В многочисленных сёлах материковой Греции в XIX–XVII вв. до н.э. продолжало развиваться сельское хозяйство. Однако и гончарство, и металлургия уже превратились в самостоятельные ремёсла. В XVII–XVI вв. до н.э. племенные центры постепенно превращаются в города. Например Дорион-IV на западе Мессении ещё около 1800 г. до н.э. окружили мощными оборонительными стенами. В это время разви-

вается царская власть и аристократия в Фессалии, Мессении, Арголиде и других областях. Дома аристократов и царей, как правило, были больше обычных и, иногда, представляли собой укрепления (например, царский дом XVI в. до н.э. в Перисиерии на территории Западной Мессении отличался от обычных домов лишь размером и расположением на высоте, и многими богатыми вещами, в том числе и происходящими из других стран), а жилище спартанского царя начала XV в. до н.э. было расположено на крутой горе. В период с 1650 до 1500 гг. в Микенах были открыты 2 царских усыпальницы, в первой из которых обнаружено 14 могил царей и цариц, отличающихся от других могил дорогими вещами, включающими художественную расписную керамику, дорогое оружие, изделия из хрусталя и слоновой кости, украшения из золота и драгоценных камней, а в одной из них на лицо царя была наложена маска из электрона, предназначенная увековечить его образ в загробном мире [76, с. 138–141, 153–156].

Раннеклассовые греческие общества

Во второй половине 2 тыс. до н.э. в Греции возникли уже многие раннеклассовые государства с центрами в Афинах, Гла, Иолке, Орхомене, Пилосе, Тиринфе, Фивах, на островах Кеос и Парос и других. Большая часть этих государств была создана ахейцами, и ахейская аристократия сохраняла родственные и союзнические связи между разными странами. В Арголиде, Аттике, Беотии, Коринфии, Мессении, Фессалии росли города: Микены, Тиринф, Иолк, Пилос, Гла и другие, — вокруг акрополей (со стенами в 5–8 м. толщиной, а в Тиринфе местами в 17 м.), внутри которых располагались царские дворцы, состоявшие из множества комнат, включая кладовые и помещения для экономов, распоряжавшихся царским хозяйством. Вокруг дворцов располагались и другие производственные помещения. В крупных городах, как, например, в Микенах и Пилосе заметна имущественная дифференциация, видная не только из богатства царских гробниц, но из размеров домов, некоторые из которых состояли из множества комнат, в том числе и кладовых с зерном, оливковым маслом, вином и т.п., явно предназначенными на продажу. Мощёные дороги в Микенском царстве обеспечивали торговые связи не только с городами Пелопоннеса, но также с Хеттским царством, Сирией и другими регионами Средиземноморья. Развивались и сёла, жители которых обычно составляли общину. Большая часть окружающих село земель принадлежала общине, хотя отдельные участки могли принадлежать отдельным лицам, а на территории некоторых крупных частных участков могли располагаться участки других «держателей». Община должна была уплачивать царю определённое количество натуральных продуктов в зависимости от качества земли. Таким образом, можно констатировать, что в XIV–XIII вв. до н.э. и в Греции существовали феодальные отношения. Конечно же, и во дворцах и в домашнем хозяйстве знати, а иногда и состоятельных горожан, например, в ма-

стерских ремесленников, трудились рабы и рабыни, которые работали в усадьбах и кладовых, носили воду, чесали шерсть, пряли и ткали, мололи зерно, стирали, что подтверждается документами из Пилоса и Кносса. Порабощали как правило иноземцев, но иногда и греков во время войн с соседними эллинскими государствами (например, между союзом аргосских царей и Фиванским царством между 1350 и 1250 гг. до н.э.) [76, с. 115, 149, 156–160, 164–165].

Воспользовавшись ослаблением Хеттского государства в начале XIV в. до н.э., ахейцы начали заселять западное побережье Малой Азии. Уже в том же веке город Милет со значительными постройками превратился в резиденцию местного ахейского царька, а после пожара (около 1300 г. до н.э.) был окружён мощной оборонительной стеной. Ахейские города Эфес, Колофон, Тарс, Иас, Галикарнас успешно росли. Развивалось ремесло (особенно гончарное) и торговля. Правитель малоазийских ахейских земель поддерживал дружеские отношения с царём хеттов, но в середине XIII в. отношения греков, продолжавших расширение своих владений в Малой Азии с хеттами ухудшились, так же как и с небольшим Троянским царством, что привело к успешной для греков войне с последним. Однако богатства Троянского царства вызывали зависть и у континентальных греков, где в XIII в. особенно сильным стало Микенское царство, обладавшее мощным флотом. В конце XIII в. до н.э. союз греческих государств под водительством микенского царя Агамемнона после длительной осады взял, разрушил и разграбил Трою [76, с. 163–165].

Расцвет раннеклассовой Микенской культуры пришёлся на XIV–XIII вв. до н.э. Экспериментальная практика эллинов способствовала накоплению технологических знаний и связанным с ним развитием множества ремёсел. Уже в XVII–XVI вв. до н.э. греки плавил свинец, олово, медь, серебро и золото. Умели выплавлять электрон и бронзу и делали из неё орудия труда, оружие и предметы быта, отличавшиеся высоким качеством, а также золотили бронзу и из самородного железа изготавливали, пока ещё, только украшения. Ещё в XXIII в. до н.э. грекам был известен гончарный круг. В начале 2 тыс. до н.э. они применяли колёсные повозки и боевые колесницы. Дерево они обрабатывали с помощью сверлильных и токарных станков. Умели не только наматывать нитки на пряслица, но и канаты на барабан. В строительном деле широко применяли катки и рычаги, точно стыковали каменные плиты. В XVI–XII вв. до н.э. строились многие водопроводы и создавались водосборники. Около 1250 г. до н.э. в крепостях Микен, Тиринфа и Афин уже были потайные системы водоснабжения, требующие хорошего знания принципов гидравлики. При строительстве домов и особенно дворцов применялись колонны и полуколонны, резьба по камню, особенно, по мрамору, росписи фресками стен. Уже с XX в. до н.э. начали расписывать вазы геометрическим орнаментом, потом спиральным, а в XIX–XV вв. до н.э. стали изображать растения, животных и людей (преимущественно воинов). На фресках появились пейзажи, города, сцены, в которых передавались индивидуальные черты и даже чувства

людей (например, печаль на глиняных гробах — ларнаках, сделанных в некрополе города Тарнагра между 1300 и 1200 гг. до н.э.) и движения, чего ещё не было в других современных античных культурах. Греческий фольклор включал мифы, сказки, песни, басни, к которым в середине 2 тысячелетия до н.э. прибавились сочинения профессиональных сказителей и поэтов, повествовавшие о важнейших исторических и современных событиях XVII-XII вв. до н.э. Сложился определённый стиль изложения эпоса в размере гекзаметра с постоянными эпитетами, сравнениями, мифическими мотивами с музыкальным сопровождением. Эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея» (отразившие события XIII до н.э.) известны всему миру. До нашего времени дошло значительное число надписей линейного письма Б, однако они по большей части связаны с хозяйственной деятельностью, что говорит о распространении грамотности главным образом среди чиновников, занятых в хозяйстве. Письменных литературных произведений этого времени пока не найдено. В целом греческая культура рассматриваемого периода отличается от предшествующих культур значительно большим гуманизмом: вниманием к человеку самых различных социальных слоёв с его индивидуальными интересами [76, с. 167–173].

Религиозные представления греков за период с XXX по XII вв. до н.э. претерпели значительные изменения. «Первоначально исключительным почитанием пользовались божества, олицетворявшие силы природы. Особо чтили Великую богиню, ведавшую плодородием растительного и животного мира. Её сопровождало мужское божество, за ними следовали второстепенные боги. Культовые обряды включали приношения жертв и даров, торжественные процессии и ритуальные танцы. Божества имели определённые атрибуты. Например, символом военных божеств у критян был двулезвийный топор, а у ахеев — восьмёркообразный щит. Образование раннеклассовых государств внесло значительные изменения в мировоззрение, в том числе и в религию. Отношения между богами стали представляться подобными отношениям между людьми в царских столицах, причём на богов были распространены разные человеческие качества, включая и слабости. Постепенно из местных племенных богов сложился пантеон. Их поместили ближе к небу на высочайшую гору Греции Олимп. Во главе стал бог Зевс — отец большинства богов и всех людей, владыка мира. Остальные подчинённые ему боги получили определённые общественные функции. Дочь Зевса, богиня Афина стала покровительницей мудрости и храбрых воинов, брат Зевса, бог морской стихии Посейдон был покровителем мореходов, бог Гефест покровительствовал ремёслам. Как и по всему миру, в Греции многочисленные родственники и знакомые отправляли покойников жить на тот свет вместе с орудиями труда, оружием, посудой, в дорогой одежде и с украшениями. Нередко с хозяином хоронили любимых собак и даже лошадей. Ульевидные царские гробницы должны были увековечить их обитателей и память о них. Самая большая из них — «Сокровищница Атрея» (возведённая около 1250 г. до н.э.) достигала 13,2 м в высоту, а вход в неё был закрыт блоком в 120 т. [76, с. 158, 168, 171–172].

В XII–XI вв. до н.э. объединяющиеся в племенные союзы жившие к северу от Греции на территории Эпира и Македонии пастухи прото-иллирийцы и протомакедонцы потеснили дорийцев в Средней Греции. Например, южнофессалийские дорийцы переместились в Беотию, а другие дорийцы захватили Пелопонесс. Микены, Тиринф, Пилос и многие другие города подверглись разрушению, и часть из них в должной мере не возродилась. В период примерно с 1125 по 1025 гг. до н.э. в дорийской Греции заметен упадок культуры. Грубая керамика, мало вещей из металла. Лишь в X в. до н.э. появляется керамика протогеометрического стиля и только в IX столетии до н.э. орнамент становится геометрическим. Керамика же становится художественной лишь в первой половине VIII в. до н.э. Особенно знамениты огромные амфоры из Дипилонского некрополя афинской знати, украшенные сценами похорон или изображениями вооружённых воинов на колесницах. Примитивные железные изделия появляются в XI в. до н.э., но в X в. до н.э. приобретают необходимое качество, и Греция становится одним из центров производства железа в Средиземноморье [76, с. 165–166, 221–223]. Меняется способ захоронения: вместо камерных гробниц — ящечные могилы или ямы. Инвентарь могил — крайне беден, нет оружия, разница между богатыми и бедными могилами — незначительна. Во второй половине XI в. до н.э. труположение сменяется кремацией с помещением праха в урны. Повсеместно, кроме Крита, прекращается посещение святилищ (нет приношений). Культ богини-Матери уходит на второй план, на передний выдвигаются новые боги во главе с Зевсом.

Предполагается, что давление северных варваров вызвало уход из микенских городов и эмиграцию на Кипр и в Малую Азию, получившую название ионийской. По берегам Эгейского моря и на его островах возникает множество греческих поселений. Дорийские греки, находившиеся ещё на стадии племенных союзов, практически покончили с царской властью в Греции, что приветствовалось и ахейскими земледельцами. Таким образом, после XII в. до н.э. в Греции почти повсеместно возродилась племенная демократия. Частичное разрушение ахейской культуры привело скорее к синтезу культур и созданию в середине 1 тыс. до н.э. греческой культуры, наиболее высокой во всём Средиземноморье. Лишь часть ахейцев, переселившаяся на Кипр, вплоть до IV в. до н.э. сохраняла там царскую власть. Смещение ахейцев, дорийцев и ионийцев с другими родственными племенами и народами привело к складыванию единого греческого этноса с единым языком «койне» (общим), сохранявшего ещё местные языки и диалекты [76, с. 166–167, 219–223].

Ранний классический период

На новом этапе развития, продолжавшемся с первой половины VIII в. до конца VI в. до н.э. разнообразие и богатство предметов быта чётко показывает деление греческого общества на аристократию, рядовое и зависимое население, состоявшее из должников, вынужденных отраба-

тивать ссуду у работодателя и рабов. Известны работорговля и рабыни, занятые в домашнем хозяйстве, а также рабы-пастухи, но очевидно, их число было ещё невелико, а положение не было ужасным, потому что трудолюбивый покорный раб мог рассчитывать на получение надела, дома и создание семьи. Рабы отнюдь не составляли главной производительной силы (как во все времена и во всём мире, за редчайшим исключением), и основные полевые работы выполнялись свободными общинниками, и только в крупных аристократических хозяйствах на тяжёлых работах использовался труд должников и подёнщиков. Существование наёмных сельскохозяйственных работников — подёнщиков указывает на то, что приблизительно в VII в. до н.э. в сельском хозяйстве Греции уже возникают очень слабые капиталистические отношения. Они заключаются как в свободной продаже обезземеленными или беднейшими крестьянами своей рабочей силы, так и в присвоении их нанимателем части созданного трудом подёнщика продукта, имеющего не только потребительную ценность («потребительную стоимость»), но и меновую стоимость, поскольку созданная в результате труда подёнщика и оставшаяся неоплаченной ему часть урожая вполне может быть реализована хозяином земли на рынке. Земельные участки — клеры к этому времени, возможно, были закреплены за отдельными семьями, хотя, очевидно, существовали и периодические переделы, и были даже безземельные свободные крестьяне. Хотя греческая аристократия ещё не отказывалась от обычной для рядового человека жизни и работы, для того чтобы утвердить свою власть обязательно вела своё происхождение от героев и порой даже настаивала на божественном происхождении. Кроме того, знать стремилась к приобретению богатства, а богачи стремились доказать своё аристократическое происхождение. Особенно велика была власть вождей — базилевсов. Базилевсам (которых в каждой области было по несколько человек и среди них выделялся верховный правитель) нередко приписывалось происхождение от самого Зевса. Во время главных праздников базилевс совершал жертвоприношение богам и молил их об обеспечении благополучия и процветании своих подданных (Вспомним роль священного вождя.), а народ за это должен был одаривать их отборным вином и мясом на пиру и лучшим наделом из общинной земли. Эти подношения и другие дары базилевсу ещё не превратились в повинность подобную феодальной повинности, но являлись одной из форм сбора дани, напоминающей сбор дани при полюдьё. Вера в сверхчеловечность аристократии обеспечивала ей и решающее значение в народном собрании, где аристократы преимущественно выступали, а народ преимущественно одобрял. Таким образом народное собрание обычно превращалось в орудие утверждения воли аристократов, хотя при разногласиях у аристократии народное собрание нередко становилось третейским судьёй между ними [76, с. 223–228].

С одной стороны, уплотнение населения в результате переселения на юг под давлением северных варваров, с другой, развитие греческих обществ потребовало расширения посевных площадей и развития торговли, что уже на рубеже IX-VIII вв. до н.э. выразилось в переселении

греков в другие страны. Среди переселенцев преобладали авантюристы из числа искателей лучшей жизни, безземельных, преступных. В это время греческие (главным образом торговые) поселения появились на побережье Сирии, Палестины и Киликии, где грекам закрепиться не удалось. В конце VII в. до н.э. в Канопском рукаве устья Нила малоазийские греки основали колонию Навкратис, которая торговала египетским хлебом, льняным полотном и папирусом, а также золотом, слоновой костью, благовониями и чёрными рабами, вывозимыми из внутренних областей Африки. В Ливии греки основали колонию Кирена, торгующую выращиваемым там хлебом и лекарственным растением сильфием. Значительно больших успехов во второй половине VIII-VII вв. греки достигли на Сицилии и в Италии, где были созданы колонии Халкида, Эретрия. Они обосновались также на острове Питекусса (Исихя), чтобы получать железо с расположенного к северу острова Эльба, на побережье Тирренского моря основали колонию Кумы, на восточном берегу Сицилии колонию Наксос (735 г.) и Сиракузы (734 г.), на северном — Занклу (позднее Мессану), на юге Италии — Регий. Затем на западном побережье Италии были основаны Метапонт, Сибарис и Кротон. Вскоре эти колонии помимо всего прочего стали поставщиками зерна в Грецию. После этого в Заливе Таранто был основан город Тарент. Вскоре даже разросшиеся колонии стали основывать дочерние колонии. Среди них — Неаполь, Акра, Касмена, Камарина (в Италии), Акрагант (на Сицилии). Позднее греки проникли в Галлию, где в устье реки Родан (Рона) обосновали колонию Массалия (теперь — Марсель). Они пытались закрепиться в Испании и заплывали за Геракловы столбы (Гибралтар), чтобы торговать с иберийским государством Тартесс с целью получения из него серебра. На востоке одними из первых в VIII-VII вв. до н.э. были основаны колонии в Македонии, на полуострове Халкидика и во Фракии, а также Халкедон и Византий на противоположных берегах Боспора. Во второй половине VII-VI вв. до н.э. началось освоение Понта Эвксинского (Чёрного моря). На южном морском побережье были основаны Гераклея Понтийская, Синопа и Трапезунт (Трабзон), на западном — Мессембрия, Калатис, Одесс, Аполлония, Томы, Истрин, на северном — Ольвия, Херсонесс Таврический, Пантикапей (Керчь), Феодосия, на восточном — Кепы, Гермонасса, Горгипия (Анапа), Питиунт (Пицунда), Диоскурия (Сухуми) и Фасис (Поти). Греки проникли и в Меотийское озеро (Азовское море), основав на Крымском побережье колонии: Нимфей, Мирмекий, Порфмий, — и Танасис в устье Дона [76, с. 229–237].

Главным богатством восточных колонистов стала плодородная земля, а главным предметом вывоза из колоний в метрополию стал хлеб. В свою очередь колонисты нуждались в вине и оливковом масле, в посуде и другой утвари, в тканях, оружии, украшениях. Эти предметы ввоза привлекали также и варваров, которые стали поставлять в обмен на них зерно, скот, металлы и рабов. Первоначально колонии поддерживали тесные связи с метрополиями и даже перед отплытием присягали в верности отечеству, но постепенно связи ослабевали. Основатели колонии делили между собой самые плодородные земли, последующим доста-

вались меньшие и худшие участки, поэтому главным образом только первые поселенцы и их потомки считались полноправными гражданами колонии. Обычно колонисты старались поддерживать мирные отношения с местным населением, но если это не удавалось, то в случае победы они поработали побеждённых варваров. Так поступили, например, колонисты Гераклеи Понтийской и Сиракуз. В ряде колоний, наоборот поселялись варвары, и происходило смешение населения [76, с. 238].

Смешению населения способствовал и отход от традиционного родоплеменного деления. В рассматриваемую эпоху существовавшие, например, в Афинах 4 филы были уже не племенами, а территориальными единицами. В каждую филу входило по три фратрии, которые уже не были эндогамными объединениями родов. Во главе каждой фратрии стоял знатный род, руководивший культовыми церемониями, и рядовые члены фратрии должны были подчиняться религиозному авторитету знати, которая главным образом направляла и политику, оказывая большое влияние на народ, направляя его поведение в нужное для себя русло.

Увеличение рынков сбыта стимулировало развитие ремесла в самой Греции, где стали отливать из бронзы крупные изделия: шлемы, панцири, кратеры, статуи, — стали строить большие триеры. Роль и социальное положение ремесленников, открывавших мастерские с определённым штатом, стала возрастать, теперь они нередко заселяли целые кварталы, например, квартал гончаров в Коринфе — Керамик (VII в. до н.э.).

В связи с колониальной торговлей началась и специализация сельского хозяйства на винограде, маслинах и т.п. В связи с торговлей появились заимствованные у лидийцев, а вскоре и свои монеты. Талант (26 или 37 кг серебра) состоял из 6000 драхм, драхме соответствовали 6 медных или бронзовых оболов. Деньги вошли в жизнь греческих обществ, всё больше и больше способствуя имущественному и социальному расслоению. Имущество всякого рода, включая землю, стало предметом купли и продажи.

Монетизация способствовала разложению общины и развитию частной собственности. Возникло ростовщичество, а вместе с ним батрачество и долговое рабство: в закладе оказывался должник, а нередко и его семья. Тем не менее, рабы по дешёвой цене поступали в основном из колоний, особенно из фракийских и скифских. Возможность купли рабов позволяла владеть рабами не только аристократам, но и купцам, богатым крестьянам и ремесленникам. Рабы стали использоваться и на общественных работах. Эллинов превращать в рабов (даже если они захвачены в плен) и убивать запрещалось, но можно было вернуть на родину за выкуп.

Первоначально города были такими же крестьянскими поселениями как и сёла, хотя и обладали функциями военных, административных и религиозных центров. В этом качестве центром города была агора — место народных собраний и, позднее, торговли. На агоре или поблизости располагались правительственные здания: булевтерий — место засе-

дания городского совета (буле); пританей — место заседания высших советников (пританов); дикастерий — здание суда. На агоре обнародовали распоряжения правительства и законы. Поблизости находились и храмы. В акрополе (кремле, верхнем городе) содержалась казна и располагался храм бога покровителя города. Например, покровительницей Афин была Афина Паллада (Могущественная) [76, с. 239–242].

Постепенно города заселяли представители неместных родов, фратрий и племён. Богачи, нажившиеся главным образом на заморской торговле, стремились войти в аристократию, что также вело к смешению разных по происхождению людей. Опасения и настороженность по отношению к иноплеменникам стали сменяться гуманными взглядами, согласно которым, на всех людей должна распространяться божественная справедливость. В рассматриваемый период возникли и первые сборники законов, приписываемые легендарным законодателям, которые первоначально фиксировали обычное право, и общие для всех законы изживали жестокие первобытные обычаи. Законы распространяли и на чужеземцев. Заключались и международные договоры, гарантирующие личную безопасность и неприкосновенность имущества граждан договаривающихся сторон, а также обязующие бороться с пиратством и разбоем. Интересы как стремящихся к власти богачей, так и беднейших ремесленников и крестьян приходили в столкновение с интересами знати [76, с. 242–245].

Иногда распри и бунты перерастали в восстания и гражданские войны, и к власти порой приходили единоличные правители — тираны, которые начинали репрессии против знати и прочих противников, казнили их, отправляли в изгнание и присваивали их имущество. Опираясь на поддержку крестьян из внутренних гористых районов Аттики, их вождь Писистрат в 560 г. до н.э. захватил власть над Афинами. Став тираном, он часть конфискованного имущества отдал народу, учредил дешёвый кредит для крестьян, ссужая их семенами, скотом, инвентарём, ввёл два всенародных праздника, справляя их с большой пышностью. Вместе с тем он не осуществил равенства, не отменил долгов, не провёл передела земли, но укрепил личную власть, набрав 300 телохранителей. Многие тираны главным образом для укрепления власти занимались благоустройством своих столиц: строили впечатляющие храмы, проводили водопровод и устраивали фонтаны, занимались меценатством, привлекая архитекторов, художников, музыкантов, поэтов. Нередко им удавалось вести успешную политику. Например, тиран острова Самос Поликрат подчинил себе значительную часть островных государств Эгейского моря. Заботясь преимущественно о своих интересах, тираны теряли опору в массах и в конце VI в. до н.э. власть тиранов была ликвидирована. В Малой Азии, Сицилии и Южной Италии тирания продержалась из-за необходимости отражения внешней угрозы немного дольше.

Неугодная народу тирания стала замещаться демократией, благодаря ряду реформ, проведённых высокими должностными лицами. В 594 г. до н.э. избранный первым архонтом (старейшиной, начальником — членом высшей коллегии) Солон, получив права законодателя, провёл

комплекс реформ для восстановления единства афинских граждан. Он объявил недействительными все долги вместе с процентами и запретил самозаклад при сделках. Солон установил также предел на размер земельных участков, но не провёл передела земли, о котором мечтали бедняки. Наоборот, он ввёл имущественный ценз, исходя из оценки получаемых от хозяйства продуктов, измеряемых в медимнах (52,6 литра), разделив афинских граждан на 4 класса. Первый класс пентакосиомедимнов включал людей, получавших годовой доход в 500 и более медимнов. Второй класс всадников включал владельцев 300 медимнов. Третий класс зевгитов (владельцев зевгоса — пахотной упряжки из двух быков) включал владельцев дохода не менее 200 медимнов. Четвёртый класс фетов (подёнщиков) получал доход менее 200 медимнов. Точно неизвестно, но предположительно, что безземельные граждане не были включены ни в один из классов. Всадники должны были составлять кавалерию, зевгиты — тяжеловооружённую пехоту, феты — лучников и пращников. Каждому классу предназначались разные политические права. Из пентакосиомедимнов выбирали архонтов — членов коллегии из 9 человек, правящей в государстве. Всадники и зевгиты получили доступ к должностям ниже и право выдвигать кандидатов в образованный Солоном «совет четырёхсот», предварительно рассматривавший все законопроекты, поступавшие для утверждения в народное собрание. Феты могли участвовать лишь в народном собрании. Реформы Солона допустили к власти помимо эвпатридов (знати) ещё и нуворишей из народа и позволили бедноте отстаивать свои интересы в народном собрании. Однако гражданский мир не наступил, и Солон вынужден был покинуть Афины. Лишь через 30 лет, опираясь на малоимущих крестьян, к власти пришёл тиран Писистрат, сумевший успокоить граждан, изгнав из Афин наиболее сопротивлявшихся противников. В конце VI в. до н.э. первый архонт Клизфен, выходец из знатного и богатого рода, продолжил реформирование Афинского государства. Он распределил всех афинских граждан по 10 филам и 100 демам (в прошлом — общинам), ставшим теперь просто территориальными единицами. Это деление распределило население так, что члены прежде единых родов оказались в разных территориальных единицах, что реально перемешивало всё население Аттики. Теперь афинский народ решал жизненно важные вопросы в экклесии (народном собрании). Он сам избирал архонтов и стратегов (воевод), буле — совет, состоящий из пятисот членов, который обсуждал и обрабатывал законы и вопросы, выносимые на решение в экклесии, а также гелиэю — суд присяжных, в котором можно было обжаловать даже несправедливые решения должностных лиц, что было почти невозможно в прежнем ареопаге — суде, где заседали аристократы. Основу органов государства составили преимущественно зевгиты — состоятельные крестьяне [76, с. 245–250].

В XI–X вв. до н.э. на территорию Лакедемона вторглись дорийцы. Они поработили местное преимущественно ахейское население. Добровольно признавшие власть дорийцев превратились в периэков (вокруг живущих), сохранивших свободу и получивших гражданские

права, но не допускавших к участию в делах государства в столице Спарте. Однако большая часть населения была порабощена и превратилась в жесточайше угнетаемых крепостных — илотов. Лакедемон (Спарта) управлялась двумя царями, герусией (советом старейшин) и апеллой (народным собранием). Роль народного собрания фактически сводилась к утверждению решений старейшин и царей, которые входили в совет старейшин. В военное время цари командовали войсками, в мирное руководили религией и судили. В VIII-VII вв. до н.э. Спарта вела войны с мессенцами, окончившиеся победой спартанцев, которые общинам жителей нескольких приморских городков даровали статус перизекских, остальных обратили в илотов, а всю их землю объявили собственностью спартанского государства. В конце VII или начале VI вв. в Спарте провели передел земли, разделив наиболее плодородные участки на 9000 приблизительно однородных по доходности наделов между спартанцами. Наделы должны были передаваться только по наследству, их нельзя было делить, продавать и дарить. Вместе с землёй поделили и посаженных на неё илотов. На каждый участок приходилось по несколько семей, которые выплачивали своему господину натуральный оброк ячменём, маслом, вином и другими продуктами. Доля оброка составляла примерно половину урожая, и спартанец по закону не имел права на большее. Если у илота оставались излишки, то он мог продать их на рынке. Илоты считались собственностью государства, и спартиат не имел права продавать прикреплённых к нему илотов и тем более — убивать. Илоты в несколько раз превосходили спартанцев в числе и представляли опасность для своих господ, поэтому спартанцы обучали военному делу юношей, отправляли их нападать из засады на илотов и убивать их для того, чтобы держать илотов в страхе и повиновении. Чтобы укрепить власть спартанцев легендарный законодатель Ликург провёл ряд законов. Важнейшие из них требовали отдавать семилетних детей в лагеря, где у них воспитывали выносливость, жестокость и хитрость, а также умение повиноваться и приказывать. Все взрослые спартанцы были обязаны воевать и посещать сисситии — совместные трапезы, ежемесячно отчисляя продукты на их проведение. Эти лагеря и трапезы помогали правителям контролировать поведение рядовых граждан. Все спартанцы, согласно законам Ликурга, объявлялись «равными». Все должны были носить одинаково простую одежду, использовать однообразную простую утварь, во время сисситий есть одну и ту же пищу. Ремесленники должны были изготавливать только простые орудия труда, утварь и оружие. Чтобы затруднить обогащение, золотые и серебряные монеты изъяли из обращения, заменив их тяжёлыми железными оболами. Различные виды сделок по продаже земли попали под запрет. Торговля и ремесло были объявлены позорными занятиями и разрешались лишь перизекам, но и на них накладывали ограничения. Ввозить в Спарту чужеземные изделия запрещалось. Драгоценностей, красивой мебели и утвари, ковров, картин, статуэток и т.п. в домах не должно было быть. Специальные надзиратели — эфоры, избираемые на апелле, составляли комитет из пяти человек и следили за исполнением

законов гражданами, включая и царей, которых они могли отстранить от власти и отправить в изгнание. В результате такого состояния общества спартанская армия стала самой сильной в Греции. В середине VI в. до н.э. Спарта подчинила такие государства как Коринф, Сикион, Мегары и создала Пелопонесский союз, самое сильное политическое объединение в Элладе. Несмотря на это, спартанская экономика и культура (не давшая греческой культуре почти никого кроме поэта Тиртея), которым не давали развиваться близкие к первобытным отношения спартанского общества (искусственно сохраняемые для поддержания единства, необходимого для удержания в неволе илотов), оставались на самом низком уровне в Элладе [76, с. 250–253].

Спартанская форма эксплуатации не была исключением в Греции. Пенесты (слуги-подёнщики) в Фессалии и мноиты (государственные слуги) на Крите подвергались примерно такой же форме эксплуатации как и илоты. В Сиракузах форма зависимости сначала также напоминала илотию. Наиболее частой формой классовой борьбы илотов были побеги, хотя случались и восстания [76, с. 265, 275, 277].

Греческая культура VIII — VI вв. до н.э. вышла на первое место тогдашнего мира. Слоговое письмо предыдущей эпохи сменилось алфавитным со знаками, заимствованными у финикийцев, но означающими отдельные звуки. Универсальность алфавитного письма позволила использовать его практически во всех сферах жизни и способствовала распространению грамотности среди населения. Очевидно, в VIII в. до н.э. были записаны «Илиада» и «Одиссея». Широко распространилась и многожанровая лирическая поэзия, иногда исполняемая отдельными людьми, иногда хором. Для греческой поэзии этого времени характерен гуманизм, с вниманием ко внутреннему миру человека, причём не абстрактного человека, а конкретной личности. Примером дидактического эпоса могут служить поэмы беотийского поэта Гесиода «Труды и дни» и «Теогония». Архилох, Алкей, Феогнид Мегарский — известные поэты данной эпохи. Оптимистична поэзия Анакреонта из Теоса. Тонко лиричны стихи поэтессы Сафо. Чувством патриотизма проникнута поэзия спартанского поэта Тиртея [76, с. 253–256].

Греческая чёрнофигурная вазопись приобрела разнообразие и жизненность благодаря частому изображению наряду с мифологическими сюжетами жанровых сцен, включающих не только изображения подвигов аристократов, но празднества и труд ремесленников, крестьян и даже рабов. Архитектура в рассматриваемый период достигла дальнейших успехов. В VI в. до н.э. был создан единый тип прямоугольного греческого храма, окружённого колоннадой. Тогда же был разработан отличавшийся строгой монументальностью дорический архитектурный ордер, согласно которому были построены храмы Аполлона в Коринфе, Афины и Геры в Посейдонии (Пестуме) на юге Италии и Геры в Селинунте на Сицилии. Другой ордер, ионический позволял возводить более стройные и декорированные храмы. В этом стиле были построены храм Геры на острове Самосе, Аполлона в Дидимах и Артемиды в Эфесе, признанный одним из 7 чудес света. В монументальной скульптуре были

выработаны 2 пока ещё идеализированных, лишенных ещё индивидуальных черт, но уже обладающих элементами динамики типа: куроса (решительности) — изображение обнажённого юноши и коры — девушки, одетой в облегающий тело длинный хитон [76, с. 258–259].

В VIII–VI вв. до н.э. ряд греческих философов был уже неудовлетворён существующей религией, религиозной картиной мира и религиозными представлениями о жизни и смерти людей. Согласно религиозно-философским учениям орфиков и пифагорейцев, человек обладает бессмертной душой, которая может переселяться после его смерти в тела других людей и животных. На пути таких превращений ей может удастся очиститься от земной скверны и достичь вечного блаженства. Представители ионийской натурфилософии Фалес, Анаксимандр и Анаксимен (все из Милета) считали вселенную не созданной ни людьми, ни богами, но гармонично саморазвивающейся и саморегулирующейся системой, а управляющие ею законы не мистическими, а вполне доступными человеческому пониманию. Первоосновой всего сущего они полагали 4 стихии: воздух, землю, огонь и воду. Фалес среди стихий отдавал первенство воде, Анаксимен — воздуху. Анаксимандр же основой всего сущего объявлял «апейрон» — вечную, находящуюся в постоянном движении и бесконечную субстанцию, из которой выделяются противоположные начала: тепло и холод, сухость и влага. Вступая во взаимодействие они порождают все явления живой и неживой природы. Натурфилософы не только размышляли над природой, но изучали её, проводя опытные исследования. Фалес доказал несколько геометрических теорем, предсказал солнечное затмение 585 г. до н.э., изобрёл угломер и циркуль. Анаксимандр представлял себе землю как висящий в воздухе цилиндр и создал первую карту земной поверхности, а также «небесной сферы», показывающей движение светил по небу и их расположение относительно друг друга [76, с. 256–258].

Самая классическая античность

От V в. до н.э. осталось значительное количество письменных источников по истории Афинского государства. Число сохранившихся от этого времени афинских источников преобладает над источниками всех других греческих государств, почему многие узко специализированные античники нередко судят по афинскому материалу обо всей Греции, и, если экономика, несмотря на природные различия различных областей, обнаруживает заметное сходство, то этого нельзя сказать о социально-политических системах.

Примером развития экономики в Греции V в. до н.э. может служить хозяйство Афинского государства в Аттике, где большая часть населения была занята в сельском хозяйстве. В это время Аттика была областью мелкого и среднего землевладения. Аренда земли не получила широкого распространения. Более всего здесь культивировались зерновые (пшеница и ячмень), маслины и виноград. Меньшее значение имели садовод-

ство и огородничество. Крупного рогатого скота было мало, так как он использовался только в качестве тягловой силы. Овец и коз разводили много для использования молочных продуктов, мяса и шерсти. Такого рода хозяйство привело к уничтожению горных лесов и кустарников и эрозии почвы. В течение столетия в сельском хозяйстве всё более и более стал использоваться труд рабов. В мелком крестьянском хозяйстве за рабами присматривал сам хозяин, в крупном управляющий из вольноотпущенников или рабов. Одновременно в сельском хозяйстве Греции шла региональная специализация. Аттика специализировалась на выращивании маслин и производстве оливкового масла, остров Хиос — на виноградарстве и виноделии. Увеличение товарности стало следствием как специализации, так и увеличения доли рабского труда.

Преобладающая натуральность хозяйства (то есть изготовление в собственном хозяйстве почти всего необходимого для жизни, включая не только продовольствие, но и простые предметы быта) при росте населения к V в. до н.э. привели к нехватке в Элладе хлеба. Хлеб стали ввозить в значительной мере с Сицилии и из Северного Причерноморья, потом из Египта. Помимо хлеба Греция нуждалась в строительном лесе, парусине, металлах. Ввозились также предметы роскоши и продукты, более качественные, чем производимые в Греции. Например из Кирены в Афины ввозили стебли сельфия и бычьей кожи, из Геллеспонта — скумбрию и солёную рыбу, из Италии — полбу и говядину, из Сиракуз — свиней и сыр, из Египта — паруса и папирус, из Сирии — ладан, с Крита — кипарис, из Ливии — слоновую кость, с Родоса — виноград и сушёный инжир, с Эвбеи — овец и груши, из Пафлагонии — каштаны и миндаль, из Финикии — крупчатку и финики, из Карфагена — ковры, из Фригии и Пагасов — рабов. Греция в свою очередь вывозила оливковое масло и вино, драгоценные металлы, афинскую керамику, коринфские изделия из бронзы. Торговля шла главным образом по морю, и значение портовых городов увеличивалось. Для обеспечения внешней торговли Афины, например, контролировали Боспор и Дарданеллы, Херсонес Фракийский, острова Лемнос, Имброс и Скирос, захватили Гестию на острове Эвбея [76, с. 277–279, 283–285].

Для обеспечения торговли необходимыми деньгами в это время в Афинах впервые появляются трапезы — меняльные лавки, которые начинают также давать купцам займы под проценты. Таким образом по крайней мере в V в. до н.э. в Греции возникает банковский капитал, который со временем охватит значительную часть общества, не живущую исключительно плодами натурального хозяйства. Развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли требовало развития и денежных отношений. Афины, Коринф, Эгина, Кизик, Фотей, Митилена и некоторые другие города стали чеканить монеты главным образом из электрона. В чеканке монеты греки опередили даже Египет. В том же V в. до н.э. финикийцы заимствовали чеканку собственных монет у греков [76, с. 283–286]. Товарно-денежные отношения распространялись и на внутренние рынки, где шла торговля зерном (рожью и ячменём), мукой, хлебом, овощами (включая лук и чеснок), инжиром, рыбой (сельдью,

сарделью, угрём, карпом), птицей (гусьями, утками, голубьями, перепелами), маслом, вином, мёдом, мятой и другими приправами, уксусом, одеждой, (хитонами, гиматиями, плащами), сандалиями, башмаками, коврами, керамикой, оружием, замками, венками, дровами, углём и даже рабами.

Необходимость ввоза хлеба и другой жизненно необходимой продукции подстёгивала развитие ремесла в самой Греции. Возможность колоний обеспечить себя собственными ремесленными изделиями требовала создания в метрополии более качественных изделий на экспорт, хотя для собственного потребления годилась повседневная продукция. Работавшие на экспорт ремесленные мастерские расширяли производство и нередко привлекали рабов и ремесленников высокой квалификации. Развитие торговли требовало увеличения флота и расширения портовых сооружений. Афины построили порт Пирей, расширилось строительство на афинском Акрополе. Для флота было нужно дерево, парусина, канаты, металл, в свою очередь потребовавший развития горного дела. Увеличение производства металла способствовало развитию производства оружия, которого требовали и военные действия. Таким образом, изменения в жизни Афинского государства потребовали расширения ремесленного производства. В эпоху Перикла в Аттике работали горняки, рудокопы, забойщики, откатчики, плавильщики, каменотёсы, строители дорог, плотники, кораблестроители, столяры, плужники, мотыжники, гончары, кузнецы, медники, ткачи, портные, кожевники, шорники, колёсники, изготовители светильников, верёвочники, крутильщики канатов, оружейники, изготовители копий и кинжалов, гравёры, размягчители слоновой кости, создатели и настройщики музыкальных инструментов. Разделение труда по операциям имело место даже внутри профессий. Например, у гончаров один человек работал на гончарном круге, другой дорабатывал сосуд, третий расписывал, четвёртый обжигал [149, с. 281].

В V в. до н.э. в Греции продолжилась тенденция как к добровольному, так и насильственному объединению небольших государств. Помимо Афинского морского союза объединение во главе с Сиракузами возникло на Сицилии, объединённые государства образовались в Фессалии и Беотии.

В первой половине V в. до н.э. Греции пришлось вести кровопролитную войну с Персией, успешно окончившуюся победой греков. Совместная борьба небольших греческих государств помогла укреплению эллинского патриотизма и единства. Несомненно, что победе способствовало демократическое устройство подавляющего числа греческих государств, что в свою очередь укрепляло греческую демократию. Наоборот в Пелопонесской войне (вторая половина V в. до н.э.) стремление Афин к подчинению соратников по Делосскому союзу и неспособность защитить крестьянское хозяйство от урона, наносимого ему врагами, вело к подрыву более развитой афинской демократии, что в конечном итоге привело к поражению Афин. Наоборот демократические шаги: обещание свободы рабам на острове Керкира способствовало военным успехам

афинян, а освобождение посаженных на суда рабов принесло афинянам временную победу при Аргинусских островах у острова Лесбоса [76, с. 260–271].

В V в. до н.э. рабовладение в Греции приняло классическую форму. В отличие от патриархальных рабов, обеспечивающих своим трудом себя и своих рабовладельцев, классические рабы производили ещё и на рынок. В результате степень эксплуатации значительно увеличилась. К тому же, в предвкушении дополнительного дохода свободные греки стремились к увеличению численности рабов. Рост товарно-денежных отношений и продолжающееся разделение труда в условиях развития частной собственности стали главными факторами усиления рабовладения [76, с. 272].

Наиболее развито рабовладение в это время было в Афинском государстве, где рабов захватывали во время военных действий, во время пиратских и разбойничьих набегов (которыми особенно славились фессалийцы и многие греческие города, соседствовавшие с варварским миром) или покупали. Наибольшей популярностью пользовались рынки рабов на островах Самосе и Хиосе. Источником рабства стало также рождение в неволе. Рождённых в рабстве особенно ценили. Основную массу греческих рабов составляли варвары из Скифии, Иллирии, Фракии, Пафлагонии, Лидии, Сирии, однако в результате войн между греческими государствами в рабство обращали и греков, но их обычно меняли, возвращали за выкуп или через некоторое время освобождали. К тому же, общественное мнение осуждало порабощение соплеменников, особенно после осознания эллинского единства в результате греко-персидских войн [76, с. 275]. Афинское государство располагало самым многочисленным флотом в Греции. Возможность захватывать рабов в войнах и пиратских экспедициях и покупать благодаря развитой торговле привела к тому что число рабов в Афинах значительно превосходило число рабов в других греческих государствах.

Некоторые авторы, судя по речам оратора Лисия и комедиям Аристофана, полагают, что число рабов в Афинах превосходило число граждан в несколько раз, утверждая при этом, что труд рабов широко использовался в сельском хозяйстве. Однако не следует забывать, что богатый метек (переселенец из чужой страны) Лисий, который сам владел многими рабами, и состоятельный Аристофан изображали себе подобных, а крестьяне слушавшие и смотревшие их в самих Афинах должны были иметь возможность оторваться от земледелия, что вряд ли возможно для крестьян не владевших рабами. Вряд ли можно верить и античному автору, сообщавшему о сотнях рабов у некоторых рабовладельцев. Рабы, значительно превосходящие числом свободных, представляли бы большую угрозу для рабовладельцев, и история оставила бы нам многочисленные свидетельства о восстаниях рабов, чего не произошло в Афинах. Все расчёты числа афинских рабов опираются лишь на отдельные источники и отличаются в несколько раз. Есть также и расчёты, утверждающие, что число рабов было меньше числа свободных. Известно, что во время нападения спартанцев на Аттику в 413 г. до н.э.

к ним перебежало 20 тысяч рабов, что значительно ослабило страну. Вряд ли число оставшихся рабов в десятки раз превосходило число сбежавших. Согласно реалистическим подсчётам доля рабов в населении Аттики составляла от 25 до 43% всех её жителей [76, с. 274–275].

В хозяйстве Аттики трудились и свободные граждане, и метеки, и рабы, и рабство отнюдь не составляло основы хозяйства, как некогда полагали основоположники марксизма. Предполагается, например, что самую многочисленную часть ремесленников составляли метеки. Вполне возможно, что в некоторых крупных крестьянских хозяйствах часть рабов использовалась на сельскохозяйственных работах. Известно, что большое число рабов работало в имении стратега Перикла, но нужно помнить, что аристократ Перикл был фактическим главой государства. Гораздо чаще, чем в сельском хозяйстве и весьма широко труд рабов применялся в ремесленных мастерских, на тяжёлых работах, например, в серебряных рудниках [76, с. 274, 282], в лавках, но чаще всего в домашнем хозяйстве. Рабы были привратниками, носильщиками, лакеями, хлебопёками, уборщиками, ткачами, присматривали за детьми. Раб философ Анаксагор, например, стал воспитателем Перикла. Известно, что рабыни были кормилицами, танцовщицами, музыкантами и т.п. Образованные рабы могли быть учётиками, секретарями, врачами, воспитателями. Были и государственные рабы. Например, полицейскими часто служили скифы. Иногда рабов отпускали на оброк, и они жили вне дома господина, периодически выплачивая ему определённую сумму. Таким рабам иногда удавалось скопить деньги на выкуп из неволи, что очевидно, случалось редко.

В советское время многие историки древней Греции, подходя к материалу с позиций крайне вульгаризированного марксизма, уверяли, что рабов в Греции жестоко эксплуатировали и, стремясь к максимальной выгоде, не останавливались перед доведением раба до смерти от истощения. В действительности хозяева были заинтересованы в сохранении дорогих рабов и их рабочих сил. Согласно закону, свободный, укравший раба, приравнивался к поработавшему свободному, за что карался смертью. Однако к несвободным и бесправным рабам гораздо чаще, чем по отношению к свободным наёмникам применялось жестокое обращение. Беглых рабов клеймили. Хозяин имел право налагать на раба любые наказания. Права же господ на рабов охранялись государством. Поскольку основную массу афинских рабов составляли варвары, то афиняне начинают отождествлять понятия «раб» и «варвар». Более того (правда, уже в IV в. до н.э.) греческие расисты разрабатывают теорию «естественного рабства» [76, с. 275–276]. Источники по истории греческих государств V в. до н.э. немногочисленны, но можно предполагать, что рабство подобное афинскому было распространено на островах Хиосе и Эгине, Сицилии, в Коринфе и Южной Италии.

Реформы Клисфена в Афинах были важным шагом на пути к демократии, подорвав власть соперничающих аристократических родов Писистратидов и Алкмеонидов и позволив возвыситься слоям афинского общества, разбогатевшим на ремесле и торговле. Строй времён

Клисфена обычно неправомерно называют «исономией» («равноправием»). Ремесленники и, особенно, торговцы были очень заинтересованы в морской торговле. Вождём этой политически активной группировки был Фемистокл, выступавший за строительство военного флота. Получившие равноправие крестьяне также были заинтересованы в расширении рынка и переориентировке своих хозяйств на рынок, но больше стремились к стабильности и миру. Традиционная зависимость крестьян от аристократии почти исчезла, и аристократия ослабела. Во время Греко-Персидских войн возросла роль служивших во флоте фетов. Вместе с тем, во время войны возросла и роль ареопага, а вместе с ним и роль аристократии, вождём которой стал Кимон. Аристократия и крестьянство предпочитали политической активности стабильность, и их союз символизировался союзом Кимона и Аристида.

Однако в 462 г. до н.э. демократические противники аристократов во главе с Эфиальтом провели реформу, согласно которой народное собрание лишило ареопаг власти, и он превратился в суд над умышленными убийцами и святотатцами. Политическая власть осталась у совета 500 и гелиеи.

После убийства Эфиальта его место занял его сподвижник, очень популярный политик Перикл, 15 лет выбиравшийся стратегом. При Перикле имущественный ценз фактически перестал действовать при выборах на должности. Почти всех магистратов стали избирать по жребию. Теперь выбирались только коллегии стратегов и некоторые финансовые коллегии, требующие специальных знаний. Небольшая оплата ряда должностей магистратов стала привлекательной для бедняков. Моряки также стали получать плату. Развёрнутое в Афинах строительство позволило иметь заработок и беднякам. Афинским беднякам предлагалось при сохранении гражданских прав выселяться в клерухии — колонии, где их наделяли участками земли. Клерухии были созданы на островах Андрос, Наксос, Эвбея, в Херсонесе Фракийском. Число клерухов достигло 10 тысяч, что позволяло поддерживать спокойствие в Афинах и контролировать союзников. В политической жизни Афин стало преобладать среднее крестьянство. Афинскую аристократию и крестьян сближала ориентировка на рынок, их единство требовалось и перед лицом волнений рабов. Образованность и свободное время позволяли аристократии больше других заниматься политикой и нередко руководить народом [76, с. 288–289].

После реформ Перикла роль экклесии (народного собрания), заседания которой иногда проводились до 40 раз в год и где любой гражданин, достигший двадцатилетнего возраста, мог выступить и поставить на обсуждение любой вопрос, возросла. «Буле» — «совет» 500 избирался по жребию на год. Совет готовил вопросы для обсуждения на экклесии и следил за деятельностью магистратов. Каждую десятую часть года работала одна десятая часть буле — «притания» («правление»), поочерёдно представлявшая одну из 10 фил Аттики. В чрезвычайных обстоятельствах заседал весь буле. Важным демократическим органом был суд — «гелиея» («собрание», судебное собрание), состоявший из

6 тысяч членов, избравшихся по жребию. Гелиея состояла из комиссий по 500 человек, которые могли объединять в зависимости от важности рассматриваемого дела две, три и более комиссий, вплоть до собрания всей гелиеи. Помимо судебных дел гелиея рассматривала принятые экклесией законы на соответствие принципам государственного устройства. Существовало ещё значительное число финансовых, юридических и иных магистратур, через которые множество граждан участвовало в системе управления. Каждый чиновник по истечении срока деятельности должен был отчитаться перед специальной комиссией, советом или народным собранием. При этом каждый гражданин мог поставить вопрос о деятельности любого чиновника в экклесии, которая могла сместить любого. Кроме общегосударственных магистратур существовали ещё органы управления на местах: в филах, фратриях и общинах. Во время праздников устраивались шествия, жертвоприношения, общие трапезы и соревнования, в которых участвовало большинство, что способствовало сближению граждан.

Афинские граждане должны были ещё исполнять «литургии» («службы», «обязанности»): участвовать в политической и общественной жизни, нести военную службу, а состоятельные граждане — оснащать военные суда и готовить театральные представления. Несмотря на большое количество демократических институтов демократия не была полной даже для граждан. Не все граждане могли присутствовать на частых собраниях в силу разного рода занятости, отдалённости от места собрания, особенно небогатые крестьяне, и обычно даже при решении очень важных проблем кворум состоял из четверти граждан или менее. Кроме того, для того чтобы убедить собрание в своей правоте требовалось красноречие, которое в значительной степени зависело от образования и знаний, которыми обладала преимущественно аристократия, давшая большую часть ораторов и вождей. Самая передовая для своего времени демократия была демократией для меньшинства. Политическими правами не пользовались женщины, прибывшие из других государств «метеки» («переселенцы») и, конечно, рабы. Демократия граждан, фактических и потенциальных рабовладельцев сама по себе была удобной для них формой противостояния рабам [76, с. 286–292].

Демократическое устройство было свойственно и ряду других греческих государств. Потерпев жестокое поражение от спартанцев в битве при Сепии в 494 г. до н.э., аргосцы были вынуждены возместить гражданские потери через дарование гражданства части неравноправных. Увеличение числа граждан даже потребовало учреждения новой четвёртой филы. Последующая череда демократических реформ приблизила демократию Аргоса к афинской демократии. Борьба Сиракуз за господство на Сицилии и войны с Карфагеном потребовали также создания демократического строя сопоставимого с афинским [76, с. 292–293].

Спартанское общество, обеспечивавшее равенство всех граждан, сохраняло по отношению к ним несомненно демократический характер. Что же касается зависимых от Спарты автономных периэских государств и огромной массы ахейцев, превращённой в илотов, то вместе

с ними Спарта представляла собой олигархическое государство [76, с. 293].

Вместе с тем во многих греческих государствах существовал олигархический строй. Он установился в Коринфе, Локрах, Кротоне, Регии, Акраганте. Там везде, кроме Коринфа сельское население преобладало над городским [76, с. 293].

В Греции существовали и надгосударственные организации — союзы. Вокруг особо почитаемых божеств создавались — «амфиктионии» («соседства» окружающих место культа жителей) и «симполии» («согражданства») — федеративные союзы мелких государств, в которых члены федерации передавали часть своих прерогатив верховному органу управления. Особенно часто создавались военные союзы — «симмахии». Одним из мощнейших военных союзов был Пелопоннеский союз (VI в. до н.э.) во главе со Спартой. В Фессалии был создан «койнон (общность, союз) фессалийцев», который направлял общую политику всех четырёх входящих в него государств, а внутренняя политика определялась внутри каждого члена федерации. В городах койнона преобладало демократическое правление, внешнюю политику стремилась направлять земледельческая аристократия, а бесправные пенесты хотели освобождения. В Беотии образовался союз из 11 мелких государств с общими органами управления, которые избирались от 11 «мер» — («частей», «долей»), регионов на которые была разделена вся Беотия. Фивы, Платеи, Феспии и Орхомен включали по 2 меры, Тангра — 1 меру, все остальные мелкие союзники составляли 2 меры. Общее собрание включало по 60 представителей от каждой меры, а орган исполнительной власти состоял из 11 беотархов, по одному от каждой меры. Каждая мера должна была поставить в армию по тысяче гоплитов и по сто всадников. Внутри же прочих государств господствовала умеренная олигархия [76, с. 293–296].

Делосская симмахия (477 г. до н.э.) должна была уберечь небольшие греческие государства от персов. Поскольку военное руководство в нём перешло к сильнейшим среди них Афинам, то этот союз приобрёл характер гегемонистского союза с контролем над союзниками со стороны Афин. Постепенно крупнейшие государства, участвовавшие в войне с Персией: на островах Самос, Лесбос и Хиос приобрели статус «союзников», мелкие государства получили статус «подчинённых». Последние были разделены на пять округов: Ионийский, Геллеспонтский, Фракийский, Карийский, Островной. Во главе каждого из них стоял уполномоченный из Афин, наблюдавший за округом. Другие афинские уполномоченные следили за выплатой «фороса» — взноса, выплачиваемого каждым союзником. Афины старались создать в союзных государствах демократические режимы, на которые можно было бы опереться, связать их единой торговлей и поставить её под контроль. Важнейший предмет экспорта — зерно должен был поступать в Афины и оттуда распределяться среди союзников. Предпринимались попытки превратить Афины в единый религиозный и культурный центр, ввести в союзную торговлю афинскую монету, общие единицы мер и весов, что сделать не

удалось. Судебные процессы должны были вестись только в афинских судах. В 454 г. до н.э. союзную казну перенесли с Делоса в Афины, которые старались превратить союз в свою империю. Такая политика способствовала подъёму благосостояния союзников. Однако натуральное крестьянское хозяйство сопротивлялось объединению, местные олигархи не хотели демократии, никто не хотел терять суверенитет. В некоторых союзных государствах размещались афинские гарнизоны, командиры которых также контролировали союзников, и если начинались восстания против Афин, то часть земли отнималась и передавалась афинским «клерухам», обязанным за полученный участок воевать за интересы Афин. Использование союзной казны на строительство в Афинах вызвало особое недовольство. Увеличение фороса, самодержавная политика и поражение Афин в Пелопонесской войне привели к развалу Делосского союза [76, с. 293–295].

Как все религиозные люди, греки полагали, что боги помогают им в трудные моменты жизни. Вера в помощь богов значительно укрепилась в результате успехов в греко-персидских войнах. Зевс всё более и более воспринимался как самый сильный среди богов и гарант справедливости. Политические системы греческих государств с иерархической социальной системой в сочетании с демократией в разных пропорциях при сближении и объединении эллинов в моменты внешней опасности способствовали созданию пантеона богов, ссорящихся и мирящихся как люди, но в целом соблюдающих установленный близкий к демократическому порядок. Паломников продолжали привлекать общегреческие святилища в Дельфах и Олимпии. Выросшие из культурных героев (научивших полезным делам людей) в божества, боги покровительствовали теперь в отдельных сферах жизнедеятельности, и каждая профессия находила теперь своего покровителя. Нередко даже боги получали эпитеты, указывающие на их специфические свойства. Ремесленники (особенно работницы) поклонялись Афине Эргане (Работнице), воины и моряки — Афине Промехос (Воительнице). Афина покровительствовала также интеллектуальному труду, разведению маслин. Виноградарству и виноделию покровительствовал Дионис. Тяжёлые бедствия, обрушившиеся на большую часть Греции в период Пелопонесской войны вызвали у греческой интеллигенции сомнения во всемогуществе богов, не отвечающих на молитвы. Авторитет олимпийских богов падал, и в литературе и театральных представлениях насмешки над богами становятся нередкими. Одновременно возрастал авторитет старых, иноземных и второстепенных богов, например, бога-лекаря Асклепия [76, с. 296–298].

В философии всё чаще проявлялись сомнения в традиционных религиозных представлениях, особенно у софистов. Тем не менее ведущим направлением оставалась натурфилософия, стремящаяся создать общую картину всего сущего. Гераклит Эфесский утверждал, что первичным элементом, из которого возник мир, был огонь, и полагал, что развитие материального мира происходит от диалектического единства и борьбы противоположностей, а диалектика порождает гармонию мира и его

постоянное изменение. Согласно представлениям Анаксагора, первоначальный неподвижный мир состоял из мельчайших частиц, а движение ему придал «нус» (ум). Эмпедокл, как и его предшественники, видел основу мира в четырёх неизменяемых элементах: огне, воздухе, земле и воде, из которых состоят все предметы, в которых элементы содержатся в разных сочетаниях. В первоначальном хаосе разум вызвал развитие и привёл мир к современному состоянию. Согласно теории познания Эмпедокла, «истечения», исходящие от материальных предметов попадают в «поры» органов чувств, что позволяет познавать мир. Философ Левкипп из Милета утверждал, что всё состоит из неделимых материальных частиц — атомов и пустоты. Мировоззрение его ученика, философа Демокрита из Абдер опиралось на его опыт естествоиспытателя. Ему приписывают 70 сочинений по математике, физике, медицине, поэзии, теории музыки. Демокрит также считал, что мир состоит из бесконечно малых частиц — атомов, различных по размеру и форме, но качественно однородных и неизменяемых. Атомы непрерывно движутся в пустоте и, различным образом соединяясь, образуют материальный мир. У живого в отличие от неживого есть материальная душа, которая состоит из подвижных сферических атомов. Когда умирает живое тело, атомы души рассеиваются в пространстве. Согласно Демокриту, мир — познаваем. Хотя потоки атомов истекают от чувственно воспринимаемых предметов, познать их можно только благодаря мышлению. Ум — движущая сила и общественного развития, благодаря которой люди из дикого состояния пришли к цивилизованности и культуре, исходя из нужды и полезности. Возникновение религиозных представлений Демокрит усматривал в страхе и невежестве. В соответствии с его социальными представлениями, демократия — наилучшая форма государственного устройства, лучшая добродетель — созерцательная мудрость [76, с. 298–299].

Открытия греческих естествоиспытателей нередко не согласовывались с умозрительными учениями натурфилософов. Однако политикам и хозяйственникам требовались знания и умение убеждать в своей правоте большие аудитории. Возникла потребность в учителях, способных обогатить мировоззрение, помочь разобраться в текущей политике и экономике, научить красноречию. Эту роль взяли на себя готовые обучать за плату странствующие «мудрецы» — «софисты». Видя разнообразие и несовершенство философских концепций, софисты смотрели на мир и людей скептически, подходили к ним с релятивистских или даже агностических позиций, сомневаясь в возможности установления истины и объективности ценностей. Одним из знаменитых софистов был Протагор из Абдер, выдвинувший идеи об относительности как наших восприятий мира, так и всего сущего вообще из-за субъективности человеческого восприятия и, в частности, утверждал, что не знает существуют ли боги. Протагор стал также зачинателем состязаний в дискуссиях, где в логических построениях использовались подмены понятий и утверждений (получившие название «софизмов») помогающие создавать впечатление правоты и выигрывать состязания. Софист

Сократ полагал, что истина существует и может быть выявлена в споре, что противоречило взглядам софистов. Участвуя в спорах, он запутывал противника вопросами и с помощью логики и софизмов доказывал верность своей позиции. С идеалистических позиций Сократ полагал, что объективно существует дух, понять который могут лишь мудрецы, и ратовал за необходимость знаний для всякой профессиональной деятельности, включая политическую. Следующий отсюда вывод, что политикой должны заниматься лишь образованные аристократы, пришёл к конфронтации с демократически настроенным народом, который и осудил его на смерть [76, с. 299–300, 340].

Значительных успехов в Греции V в. до н.э. достигли естественные науки. Медик Гиппократ «изучал влияние на организм человека климата, питания, симптомы болезней. Он пришёл к убеждению, что все болезни вызываются естественными причинами, но каждое заболевание определяется особенностями больного и средой, которая его окружает. Отсюда его требование индивидуального подхода к каждому пациенту. Гиппократ разработал методы лечения повреждений черепа и костей. В математике был разработан индуктивный метод, успехов достигли в арифметике, планиметрии и стереометрии. Развивалась и астрономия. Философ Анаксагор объяснил причины солнечного и лунного затмений [76, с. 300–301, 656].

В рассматриваемое время в Греции возникла историография. Первым историком стал Геродот из Галикарнаса (481 — 425 гг. до н.э.). Его «История» [см. 39], посвящённая преимущественно греко-персидским войнам, интересна и как историческое сочинение, и как географическое и этнографическое описание окружающих стран и народов, в которых побывал сам Геродот или слышал о них от очевидцев. Достоверные описания в его труде ещё перемежаются с преувеличениями и даже фантазией, но любовь к родной стране и уважительное отношение к описываемым народам ставят его в ряд с выдающимися трудами других греческих учёных. В отличие от Геродота афинянин Фукидид (460–400 гг. до н.э.) стал первым историком, который в стремлении к достоверности описываемых событий, применял анализ исторических источников. Его незаконченная «История», дающая краткий очерк истории Греции до современных ему событий посвящена Пелопоннесской войне, в которой он принимал непосредственное участие. Глядя на войну изнутри и со стороны, анализируя сообщения её участников, тексты договоров, сообщения других историков, Фукидид стремился к беспристрастности и объективности изложения событий. Более того, он стремился найти поводы и объективные причины военных событий. В ходе событий он выявлял политические интересы групп людей, но несколько преувеличивал способность отдельных политических деятелей направлять исторические события или вносить в них деструктивные элементы, отмечая и воздействие на события стихийных моментов [76, с. 301–302].

Греческая поэзия V в. до н.э. была прославлена именами преимущественно аристократических поэтов. Афинянин Симонид Кеосский воспел борьбу за независимость против персов, прославив общеэллини-

ский патриотизм и оставив ряд эпиграмм, также связанных с греко-персидскими войнами. Начав с прославления героев-аристократов, Пиндар поднялся до воспевания всего эллинского народа. Фиванский аристократ Пиндар сочинял «эпиникии» — песни в честь победителей, воспев их «благородную» доблесть, в силу происхождения от богов. Отсюда торжественность его поэзии и богатство изысканных эпитетов, свойственных фольклорному эпосу. Наоборот Вакхилид, сочиняя эпиникии и дифирамбы, воспевал доблесть героев, исходя из их личных качеств [230, с. 302–303].

В условиях греческой демократии наиболее любимым стало наиболее демократичное театральное искусство. Театральные представления проводились в честь бога Диониса. Трагедии (песни козлов) возникли из хоров, которые пели дифирамбы Дионису одетые козлами спутники бога, но постепенно трагедии начинают превращаться в спектакли. Первая трагическая пьеса была поставлена в 534 г. до н.э. поэтом Феспидом. На рубеже VI и V веков до н.э. трагедия превратилась в драматическое произведение, показывающее героическую борьбу героя с врагами за Родину или справедливость, воспитывая в зрителях любовь к Родине, стремление смело противостоять судьбе, даже если несправедливость исходит от высших сил, не исключая и богов. Сначала трагедии ставились на мифологические сюжеты, потом на исторические темы. Тогда авторы старались донести до зрителей свои современные представления, а актёры мастерски их донести. В Афинах представления устраивали первоначально раз в год, позднее — два. Организация представлений считалась почётной литургией. Спектакли шли с утра и до вечера в течении трёх дней. Со времён Перикла беднейшим гражданам выдавались деньги на билеты. Авторы пьес старались довести до зрителей свои идеи, но поскольку ставились пьесы разных авторов, то постановки спектаклей превращались в состязания, и жюри, избранное по жребию из числа граждан, определяло победителя [76, с. 303].

Участник сражений с персами афинянин Эсхил (525–456 гг. до н.э.) впервые ввёл вместо одного двух актёров, что способствовало превращению трагедии в драму. В трагедии «Персы» он противопоставил свободолюбие греков рабству, приписанному персам. В «Орестее» Эсхил поставил идею ответственности за совершённое преступление, противопоставил воле богов, не сумевших очистить Ореста, сознательную волю человека и ареопага, освобождающего его от вины за непредумышленное убийство, а в «Освобождённом Прометее» он фактически прославил борьбу Прометея с богами во имя людей. Реформирование театра продолжил афинянин Софокл (497–406 гг. до н.э.), который ввёл третьего актёра. Его герои действуют уже сознательно как обычные люди. Софокл также ставил нравственные проблемы, например, ответственности за свои поступки перед другими людьми. В трагедии «Царь Эдип» он показал мужество человека добровольно страдающего за свои ошибки. Находившийся под влиянием софистов сторонник умеренной афинской демократии Еврипид (480–406 гг. до н.э.), прославлявший крестьянский труд, свободу и равенство и осуждавший спартанцев, усилил роль

актёров, которые в его трагедиях стали доказывать правоту своих героев, обыкновенных людей, и выражать в монологах их стремления и переживания, охватывающие их страсти и душевную борьбу. Внимание к реальным нравственным проблемам афинского общества, отражение роли женщины в семье, «сомнение в нравственной правоте богов» [76, с. 306] и возможность нравственного превосходства рабов над хозяевами подняли пьесы Еврипида на уровень высоких трагедий. Рождение греческой комедии связано с Сицилией, где комедиограф Эпихарм (V в. до н.э.) впервые мифологические сюжеты и бытовую тематику стал изображать в пародийном стиле. Аттическая комедия почти целиком отражала бытовую тематику. Более того, в гротескном и карикатурном виде часто изображались конкретные лица. Например, Евполид изобразил в карикатурном духе Перикла как сумасбродного тирана. Наиболее прославился афинский комедиограф Аристофан (427–288 гг. до н.э.), отразивший в своих комедиях чаяния афинского крестьянства, сторонника умеренной демократии и противника нововведений и военных действий. Его комедиям свойственны остроты, живой юмор и переходящий порой в непристойности гротеск [76, с. 304–307].

Эллинская демократия оказала влияние и на градостроительство, потребовавшее регулярности. Впервые Гипподам Милетский стал создавать планы городов, где улицы стали пересекаться под прямыми углами, и появились зоны, имеющие специальное назначение: общественный центр, торговый район, жилые кварталы. По принципам Гипподама в конце века был перестроен Родос. Во второй половине V в. до н.э. Афины в эпоху правления Перикла превратились в главный культурный центр Греции. Афинский порт Пирей также перестроили по принципам Гипподама. Монументальность, соразмерность и творческое своеобразие каждого сооружения характерны для греческих храмов периода высокой классики. В Афинах построили Одеон и храмы Гефеста и Диониса. При Перикле же была предпринята перестройка Акрополя под руководством Фидия. В 447–437 гг. архитекторы Иктин и Калликрат возвели Парфенон, соединив каноны дорического и ионийского ордеров. «Снаружи Парфенон представляет типичный дорический периптер, но украшает его характерный для ионийского ордера сплошной скульптурный фриз» [76, с. 309–310]. Те же ордеры использованы в 437–432 гг. Мнесиклом при постройке Пропилей. В 427–424 гг. до н.э. около них был создан храм Афины-Ники. В 421–405 гг. построен Эрехтейон — «единственный в греческой архитектуре храм с абсолютно асимметричным планом. Оригинально и решение одного из его портиков, где колонны заменены шестью фигурами» кариатид [76, с. 310]. На Западе Греции и в Акраганте (греческой колонии на Сицилии) было построено несколько храмов. Самый выдающийся среди них — храм Конкордии (Геры Аргейи) [76, с. 309–310].

Изобразительное искусство и архитектура V в. до н.э. делится на искусство строгого стиля периода ранней классики и на искусство развитой, высокой классики. В ранний период первое место в искусстве принадлежало Северному Пелопоннесу, Афинам и западной части Греции.

В этот период борьбы с персами изобразительное искусство подчёркивало героические образы свободных граждан. Стилизованные фигуры курсов и кор уступают место разнообразным по стилю скульптурам, стремящимся передать черты личности и различные движения человеческих тел. Среди лучших архитектурных сооружений данного периода — сокровищница афинян в Дельфах, храм Зевса в Олимпии, храм Афины Афайи на острове Эгина, «храм Е» в Селинунте. На фризях сокровищницы в Дельфах в изображениях подвигов Геракла и Тесея, особенно в образе Афины, уже чувствуется попытка передачи движений. Храм Афины Афайи на Эгине по стилю приближается к классическому храму с соотношением числа колонн. На фронтонах храма видно, как более поздние фигуры приобретают черты подвижности. Период высокой классики, когда благо отечества воспринималось как высшее благо, и жертвенность в борьбе за него рассматривалась как высшая доблесть, ознаменовался творчеством и выдающихся скульпторов. Фидий прославился изображениями богов. В созданном им считающимся одним из чудес света сидящим на троне Зевсе Олимпийском, который держит в правой руке богиню Нику (Победу), в левой — скипетр, скульптору удалось передать не только величие, но справедливость и милость бога. Руководивший скульптурным оформлением Парфенона Фидий поместил во внутреннем святилище храма стоящую в торжественной позе статую Афины-Партенос (Девы), которая выглядит не только воинственной победительницей, но и мудрой покровительницей Афинского государства. Созданные под его руководством и с его участием композиции фронтонов храма интересны не столько фигурами Афины, Зевса и Посейдона, сколько сценами битв богов и гигантов, лапифов и кентавров, греков и троянцев. Везде боги, лапифы и греки выражают силы добра, мудрости, мужества и культуры, по сравнению с их врагами, выражающими дикость и зло. Каждая из фигур схвачена в момент движения и не повторяет других. У современников эти сцены ассоциировались с недавними битвами эллинов с персами.

Скульптура, не связанная с архитектурой, также приобрела в рассматриваемый период более человеческие черты. В ней ещё сохранились черты эстетической обобщённости героизма и величия, как, например, у бронзовой скульптуры Посейдона, застывшего в готовности метнуть трезубец во врага. Вместе с тем, бронзовый возничий, изображающий победителя в беге колесниц, несомненно — уже реальный человек, хотя и сохраняющий черты обобщённой человеческой красоты. Во второй четверти V в. до н.э. художник Полигнот стремился изображать фигуры в пространстве, для чего фигуры заднего плана располагал над передними [230, с. 307–308]. Мирону удалось показать в скульптуре переход от одного движения к другому. Его знаменитый дискобол застыл в момент перед полётом диска. Изображение Дорифора (Копьеносца), юноши, победителя соревнований по метанию копья, изваянного Поликлетом из Аргоса греки считали образцом воплощения человека, совершенного физически и духовно. Динамика движения хорошо отразилась в скульптуре Ники, созданной Пеонием. Динамизм характерен и в изображе-

ниях рельефных фигур на балюстраде храма Ники-Аптерос (Бескрылой) на афинском Акрополе. На надгробных памятниках, изображающих обычно умерших в кругу семьи, как, например, на надгробии Гегесо, дочери Проксена, скульпторам нередко удаётся изобразить естественные чувства людей [76, с. 307–311].

О греческих художниках того времени (произведения которых неизвестны) можно судить лишь по сведениям, полученным от современников. Вероятно Аполлодор Афинский открыл в конце V в. до н.э. эффект светотени, а Паррасию удалось средствами живописи изобразить душевные движения его героев [76, с. 311].

Керамика в V в. до н.э. также приобрела новые черты. Теперь при росписи фигуры сохраняли естественный красный цвет сосудов, а фон стали заполнять чёрным лаком [76, с. 308–309].

Эпоха нестабильности

Победив в войне с Афинами, спартанцы поставили во всех союзных с Афинами государствах своих наместников, которые вмешивались во внутренние дела покорённых государств, включая и политику, и экономику. Насаждение олигархических режимов вызвало недовольство даже среди союзников. Вскоре вся Греция оказалась состоящей из мелких государств, то сотрудничающих, то враждующих друг с другом. Слабость греческих государств приводила к использованию наёмников, презираемых за космополитизм и жажду наживы. Стремление к всеобщему миру стало преобладающим в психологии греков. Возникла идея панэллинизма, вылившаяся в форму стремления к совместному походу против персов. Её высказывали многие ораторы V-IV в. до н.э., вдохновлённые жаждой захвата богатств, расистской идеей о бескультурии и рабской природе персов как варваров и оправдывающие свои призывы освобождением малоазийских греков, поскольку справедливость и особенно свобода считались величайшей ценностью. Однако война в Малой Азии за персидское престолонаследие и отвоевание греческих государств окончилась отказом от греческих территорий в Малой Азии. Дело в том, что объединения греков не пошли далее небольших союзов, которые носили различный характер. Амфиктионии (соседства) группировались вокруг популярного культа и храма, например, вокруг храма Аполлона в Дельфах. Симполитии (совместные гражданства) объединяли обычно близкие этнические группы. Среди них известны Беотийская, Фокидская, Аркадская и Халкидская симполитии. Наиболее же значительными были симмахии (совместные военные действия, военные союзы): демократизированный в интересах союзников Афинский морской союз, Пелопонесский союз и им подобные. В IV в. до н.э. в Греции уже сложились правовые нормы экономических и особенно политических связей между греческими государствами, ставшие впоследствии основами международной правовой системы, особенно принципов договоров между государствами. Однако наиболее сильное государство в союзе стремилось к гегемонизму, ссылаясь на несправедливость противников, на

исторические факты и свои большие заслуги, присваивая себе право на руководство в союзе и усиливая вмешательство в дела союзников, что вело к центробежным тенденциям, а иногда даже к предательству через переход на сторону врага [76, с. 311–323].

В экономике Греции IV в. до н.э. продолжало преобладать сельское хозяйство. Доподлинно известно состояние сельского хозяйства лишь в Аттике, да и то малочисленные источники не дают целостной картины. Земля, по-видимому, распределялась между гражданами достаточно равномерно. Землю как фактор стабильности получали и стремились сохранить даже ремесленники и торговцы, и продажа земли осуждалась. Наследственные и приобретённые участки располагались в разных местах Аттики, и поэтому не могли составить крупного хозяйства. Их разбросанность приводила к сдаче отдалённых участков в аренду. Социальный состав арендаторов не ясен. Ими могли быть и свободные, и метеки, и вольноотпущенники. Нередко собственники земли и домов закладывали их за деньги. Социальный состав кредиторов не ясен, но большинство из них было состоятельными людьми.

Ремесленные мастерские показывали тенденцию к укрупнению, однако производство мало расширялось: доход шёл на накопление или деньги отдавались в рост. Трапезиты (банкиры), как, например, Пасион, хранили чужие вклады, служили посредниками при денежных сделках, давали займы, пуская в оборот деньги свои и вкладчиков, хотя масштабы их деятельности не позволяли обеспечивать заморскую торговлю. Развитию торговли способствовало использование бронзовой монеты. Сосредоточение денег в Спарте, и лично у наварха (флотоводца) Лисандра, в результате победы в Пелопоннесской войне способствовало подключению к товарно-денежным операциям даже экономически отсталой Спарты. В нуждающейся в хлебе Аттике торговля хлебом регламентировалась законами, но спекулянты хлебом нередко пользовались моментом для ограбления нуждающихся в нём. Афинская казна пополнялась за счёт серебряных рудников Лавриона, но в IV в. до н.э. их стали сдавать в аренду частным лицам, что обогащало арендаторов, но уменьшило доходы государства. Доходы государства составлялись также из литургий, постоянных налогов на граждан, которые постепенно росли. Эйсфору (взнос, налог, взимаемый в тяжёлых военных и политических ситуациях) в IV в. до н.э. приходилось взимать всё чаще и чаще [76, с. 323–325].

По мере роста Второго Афинского морского союза и в силу необходимости укрепления государства для ведения военных действий в течение IV в. до н.э. значительно возросло количество свободных неграждан: метеков, вольноотпущенников или откупившихся от рабства, — занятых в ремесле, торговле, ростовщичестве и даже в земледелии. Бывшие рабы, не имея возможности получить землю, брали её в аренду или нанимались батраками. Случалось, что и рабам хозяева давали возможность самостоятельно заниматься ремеслом, торговлей и т.д. Некоторые из неграждан получили гражданские права. В начале IV в. до н.э. сиракузский тиран Дионисий Старший не только освободил рабов погибших

заговорщиков против его власти, но даровал им гражданство, превратив их в «неополитов» (новых граждан). Рост числа ремесленников, торговцев, арендаторов и ростовщиков из числа неграждан и их конкуренция с полноправными иногда приводила к унижению последних и превращению их части в люмпен-пролетариев, хотя их число оставалось незначительным. Основное деление на свободных и рабов сохранялось, но теперь из-за войн с другими эллинскими государствами появились рабы-греки. Тем не менее рабство греков часто заканчивалось с их выкупом на родину или с отпуском на свободу по истечении некоторого времени, потому что общественное мнение подразумевало, что эллины должны быть свободны по своей природе. Благополучие населения Греции практически не ухудшилось, но нестабильность политической обстановки и бесконечные конфликты и войны приводили к неустроенности и вызывали пессимизм, раздражение и порою озлобление и жестокость. Около 370 г. до н.э. бедняки Аргоса забили палками 1200 богатых граждан и разделили их имущество между собой [76, с. 325–327, 330].

Чувство патриотизма в результате катаклизмов нередко ослабевало: некоторые, особенно богатые люди стали считать отечеством то место, где лучше и богаче жилось. Аполитизм особенно распространялся среди наёмников. Особенно свойствен он стал некоторым полководцам, опирающимся на войско. Типичными фигурами беспринципных политиков были афинский стратег Алкивиад и спартанский полководец Лисандр. При подвернувшейся возможности политики такого рода порой (обычно в период опасности и на короткий срок) устанавливали в греческих государствах свою единоличную власть, которая получила название «младшей тирании». Таков был фессалиец Ясон, который, опираясь на шеститысячное наёмное войско, захватил власть в Ферах, стал выборным военачальником Фессалийского союза, расширил границы Фессалии и собирался возглавить общегреческий поход в Азию, но был в 370 г. до н.э. убит заговорщиками. В Фокиде Филомел в 356 г. до н.э. установил тиранию также опираясь на наёмников, которым он заплатил деньгами из разграбленной ими сокровищницы Дельфийского храма. При этом грабёж святилища не смутил не только тирана, но наёмников и других греков, желающих поступить на службу к грабителю. Попытки установления тираний весьма характерны для беспокойной Греции IV в. до н.э., где требовалась твёрдая власть для отражения внешней и внутренней опасности. Традиционно общественное мнение осуждало тиранию, но в IV в. до н.э. Всё чаще и чаще проскальзывают идеи о пользе сильной власти для поддержания справедливости и социального мира в интересах добропорядочных граждан [76, с. 328–332].

Культура Греции в IV в. до н.э. поднялась на новую ступень. Особых успехов достигла философия, включая социал-философию. Обширную философскую систему создал афинский аристократ Платон (427–347 гг. до н.э.). Его интересы были весьма разносторонни и включали теорию познания, политику, религию, этику и искусство. Будучи учеником Сократа Платон оставил сведения о софистах, о религиозных представлениях современников, некоторые исторические данные и даже со-

общение о благополучном и счастливом государстве — «Атлантиде». Реальным миром он считал мир идей, которые способен созерцать только разум, а окружающий нас реальный мир — лишь приблизительное отражение истинного мира идей. Его социальная концепция предлагала иерархизированное сословное государство правителей, воинов и земледельцев, во главе с философами и контролем аристократии над народом. Семью Платон предлагал упразднить, а детей в отроческом возрасте отбирать у родителей и воспитывать их государством, чтобы вырастить нужных граждан. Демократию он осуждал как допускающую к управлению людей, неспособных управлять по своей природе. Платон создал собственную школу, названную Академией, где прошли обучение многие известные философы, включая Аристотеля.

Ещё более прославился энциклопедически образованный философ Аристотель (384–322 гг. до н.э.), воспитывавший при дворе Филиппа II 13–17-летнего Александра Македонского. Он занимался научными исследованиями и преподавал в гимнасии Ликее, будучи не только педагогом и теоретиком красноречия, но историком, создателем политического и эстетического учения, высоко ценившим поэзию. В отличие от учителя Аристотель полагал, что, хотя в основе создания вселенной был перводвижателем верховный разум, первичным является материальный мир, а мир идей вторичен. В процессе получения достоверных знаний из предположений он пользовался диалектикой. Природу он рассматривал как самодвижущееся явление. Изучая животный мир, Аристотель впервые стал исследовать «условия зарождения и развития живых организмов» [76, с. 339, 661]. Наиболее обширный труд Аристотеля — «Политика», где он исследовал государственную организацию, рабство и общественные отношения, стал универсальным сводом экономических, социальных, политических и правовых взглядов его современников. Отношения, сложившиеся в природе, он распространял на общество, а основой его считал данную от природы семью, которая (особенно воспитание детей) однако должна контролироваться специальными государственными надзирателями. Природной необходимостью повелевать и подчиняться он оправдывал рабство. Наилучшей формой правления Аристотель считал «политию» (умеренную цензовую демократию в сочетании с аристократическими принципами) и выступал за некоторое ограничение демократии в Афинах, полагая, что её целью должно быть достижение общественного блага. Среди «перипатетиков» (от «перипатос» — галерея, в которой учил Аристотель) — философ, историк и географ Дикеарх, психолог и ботаник Теофраст. Учение Аристотеля широко изучалось в последующие времена, и его прогрессивные стороны были восприняты учёными эпохи Возрождения.

В IV в. до н.э. были заложены основы учения киников философами Антисфеном (450–360 гг. до н.э.) и Диогеном Синопским (ум. ок. 330–320 гг. до н.э.), проповедовавшими простой образ жизни с ограничением потребностей, предлагая учиться нетребовательности у животных.

Значительно чаще философы предлагали проекты идеальных государств. Например, Фалей Халкедонский надеялся на создание го-

сударства, в котором все граждане обладали бы равной земельной собственностью. Некоторые пытались найти достойное подражание общественное устройство либо у варваров, либо в древней истории, и многие историки, описывая прошлое, стремились найти в нём идеальные системы общества и представляли своих читателей, иногда находя в истории «золотой век».

Комедиограф Аристофан, понимая, что искать идеалы общественного устройства в древности бесполезно, наоборот высмеивал такие попытки. В комедии «Птицы» (414 г. до н.э.) он изобразил созданный птицами между небом и землёй город Тучекукуевск, жители которого решили превзойти и людей и богов в обеспечении беззаботной и счастливой жизни. В пьесе «Женщины в народном собрании» он показал, что заменившие управляющих государством мужчин женщины потерпели полную неудачу.

Крупнейшим историком IV в. до н.э. был богатый афинский аристократ, ученик Сократа, Ксенофонт (428–354 гг. до н.э.), в произведениях которого прослеживается симпатия к олигархии и устройству спартанского общества. Ксенофонт нередко уходил от объективности, замалчивая или кратко изображая важные события и делая акцент на второстепенных. В сочинении «Анабасис» он рассказал о мужественном отступлении с целью возвращения на родину 10 тыс. спартанских наёмников персидского царя Кира Младшего после его гибели, а в романе «Киропедия» он идеализировал Кира Младшего, описав также идеальный способ воспитания и организации государства. В главном же сочинении «Греческая история», охватывающим период с конца Пелопоннесской войны до битвы при Мантинее, где в 362 г. до н.э. фиванцы разбили спартанцев, основанном на личных наблюдениях Ксенофонта как участника ряда описываемых событий, он откровенно симпатизирует спартанцам. Ксенофонт оставил также военные мемуары, экономические работы, трактаты о Сократе.

Сохранились также «Оксиринхская история», описывающая события 90-х гг. IV в. до н.э., «История Персии» и «Описание Индии» врача Ктесия (который неплохо писал о Персии и извратил описание Индии), фрагменты сочинения Филлиста о правлении Дионисиев в Сицилии, фрагменты также «Всеобщей истории» Феопомпа, где помимо истории Греции есть описания многих других стран и народов. Известно, что родившийся в 378 г. до н.э. Феопомп оставил крайне тенденциозные «Историю Греции» и «Историю Филиппа Македонского», где причины событий объясняются поступками политиков.

Ораторское искусство в IV в. до н.э. достигло высокого развития. Пользовались большим авторитетом уже в середине века Антифонт, Андокид, Горгий, который в «Олимпийской речи» убеждал греков прекратить междуусобицы и обратить оружие против Персии. Исократ (436–338 гг. до н.э.) руководил школой ораторов и составил множество речей, признанных образцами аттического красноречия, полными литературных достоинств, но сам никогда не выступал, считая себя не обладающим качествами, импонирующими слушателям. В речи

«Ареопагитик» он высказался по поводу правильного устройства государства, отметив, что главным условием его благополучия является единодушие его граждан, а его успех зависит от правильности выполнения ролей, предписанных каждому социальному слою, для чего и воспитание должно быть сословным, и долгом граждан является восстанавливать мнимые прежние порядки, при которых Афины якобы благоденствовали и процветали. Сочинения Исократы отразили беспокойство за охрану имущества и жизни состоятельных граждан. Нередко он выступал как сторонник панэллинизма, а в речи «Филипп», например, призывал македонского царя стать гегемоном похода греков на Персию. Сторонник афинской демократии Демосфен (384–322 гг. до н.э.) в своих «филиппиках» наоборот выступал как патриот и противник македонской гегемонии, с позиций панэллинизма призывая греков забыть обиды и пред лицом врага объединиться. Соратниками Демосфена стали Гиперид (389–322 гг. до н.э.), бывший не менее прекрасным оратором, чем Демосфен, и трагически погибший в результате поражения антимакедонского восстания в Афинах, и Ликург (390–325 гг. до н.э.) управлявший афинскими финансами. Противником Демосфена и сторонником Македонии был также отличный оратор Динарх (род. в 396 г. до н.э.), прославившийся пасквилями против Демосфена. Другой противник — Эсхин (397–322 гг. до н.э.) был не только талантливым оратором и актёром, речи которого оказывали на слушателей большое эмоциональное воздействие, но отошёл от политики и стал преподавать риторику на Родосе. Нередко для убедительности ораторы обращались к вольно интерпретируемым ими историческим событиям, выискивая материал, который подтверждал бы их правоту в данной конкретной речи, их призывы к изменению общественного строя в соответствии с идеализированным прошлым, их обоснования права своей Родины на гегемонию в Элладе или Греции в остальном мире. Были ораторы, и не вмешивающиеся в политику. Например, метек Лисий (459–380 гг. до н.э.) помог выиграть почти все дела в судах, где он выступал с речами, отличавшимися живостью, изяществом, знанием законов и приверженностью к афинской демократии, а Исей (420–350 гг. до н.э.) не гнушался никакими средствами, чтобы выиграть судебное дело.

Театральное искусство IV в. до н.э. от глобальных проблем обратилось преимущественно к реальной частной жизни. Трагедия утратила популярность, зато процветала комедия. Хотя пьесы этого периода до нас не дошли, известно несколько имён комедиографов.

От произведений лирической поэзии сохранились лишь отрывки сочинений Тимофея Милетского.

Центры архитектуры переместились из Аттики в Пелопоннес и Малую Азию. В Аркадии в Тегее Скопасом был построен и украшен взамен сгоревшего новый храм Афины Алеи. Однако больше, чем храмов стали строить театров, зданий собраний, гимнасиев. В 360–330 гг. до н.э. Поликлет Младший создал в Эпидавре в Арголиде прекрасно вписанный в пейзаж целый архитектурный ансамбль в честь ставшего популярным бога врачевания Асклепия, включивший храм, театр

с прекрасной акустикой, дом для актёров, певцов и музыкантов, стадион, гимнасий и дом для приезжающих. Ансамбль сам по себе действовал на больших как успокаивающее средство.

Продолжали создавать скульптуры победителей в различного рода состязаниях. Теперь уже вместо изображения телесных и душевных порывов некоего абстрактного идеализированного человека стали стремиться к изображению конкретной личности. Скопас с острова Пароса любил изображать богов и людей в момент аффекта. Знаменита его «Менада», спутница Диониса, схваченная в момент неистовой пляски. Пракситель напротив стремился к изображению гармонии, тонкого душевного настроения опозитизированных героев. Ещё при его жизни пользовалась популярностью «Афродита Книдская». Одухотворённость отразилась также в его фигурах Артемиды и Гермеса с Дионисом. К изображению разнообразных характеров стремился Лисипп. Таковы его Апоксиомен, атлет, счищающий с себя стригелем масло и грязь после соревнований, «Геракл, борющийся со львом» и «Эрот с луком». Впоследствии Апоксиомен стал придворным скульптором Александра Македонского, сделав несколько его портретов. Афинянин Леохар оставил миру знаменитого «Аполлона Бельведерского», считающегося эталоном классической красоты, и «Ганимеда, похищаемого орлом». Малые скульптурные формы поднялись на высоту, особенно терракоты из Танагры в Беотии.

В живописи были достигнуты успехи благодаря ряду художников, например, основателю сикионской школы Евмолпу, а его ученик Памфил даже создал руководство о художественном мастерстве. Творение Никия «Персей и Андромеда» осталось в копии на одной из фресок в Помпеях. Работа Аристиды Старшего, изображавшая погибающую на поле битвы мать, к груди которой тянется младенец, вызывала восхищение современников. К сожалению вазовая роспись этого периода переживала упадок, так как излишне пышным стал декор, а композиции слишком усложнились, что вело к неаккуратности рисунка [76, с. 336–347].

Распространение греческой культуры

Между тем к северу от Греции крепла Македония, включавшая греческие, иллирийские и фракийские компоненты. В VIII–VI вв. до н.э. на территории Македонии существовали союзы племён, а в V в. до н.э. укрепились царская власть. Цари ещё до Александра стали насаждать греческую культуру и даже вести своё происхождение от Геракла. Став царём Филипп II (359–336 гг. до н.э.) в 338 г. до н.э. подчинил всю Грецию. По решению общегреческого Коринфского конгресса греческие государства создали суверенный Панэллинский союз, объявивший священную войну Персии. Союз был формально свободен, но вступил в коалицию с Македонией, и командующим объединёнными силами становился македонский царь. Таким образом Греция фактически стала частью Македонии [76, с. 332–336].

В 334 г. до н.э. Александр Македонский начал войну против Персии, победил, решил объединить Македонское и Персидское государства и создать всеобщее братство, перемешав разные народы. В стратегически важных пунктах и на пересечении торговых путей Александр основывал города, некоторые из которых стали позднее крупными административно-торговыми центрами. [76, с. 402]

После смерти Александра Македонского, в 323 г. до н.э. созданное им государство включало Балканский полуостров, Малую Азию, острова Эгейского моря и Восточное Средиземноморье, Египет, часть Центральной Азии, в том числе нижнее течение Инда и юг Средней Азии. Держава Александра Македонского и последующие эллинистические государства диадохов (преемников Александра), на которые распалась огромная держава, способствовали экономическому, политическому и этническому сближению греков по обеим сторонам Эгейского моря. Политические и торговые связи, расширившиеся до областей Южной Европы к северу от Балканского полуострова, глубинных районов Центральной Азии и Северной Африки способствовали и определённого изменению мировоззрения греков. Правда продолжается деятельность философов с традиционными взглядами. Эпикур в Афинах в 306 г. открывает свою философскую школу, а в 301 г. до н.э. основывает школу стоиков Зенон [76, с. 403, 411].

В непрекращающуюся между диадохами борьбу были втянуты и греческие государства, стремящиеся освободиться от власти македонцев и диадохов и нередко вынужденные бороться между собой. В 324 г. до н.э. предложение оказывать божеские почести Александру Македонскому было воспринято в Афинах иронически, но в 307 г. до н.э. афиняне объявляют богами диадохов Антигона и Деметрия, устанавливают их статуи, сооружают алтарь и учреждают в их честь ежегодные праздники и две новые филы для того, чтобы навсегда освободить Аттику от македонской власти. С этих пор обожествление властвующих благодетелей вошло в практику греческих государств [76, с. 411].

В результате войн и разорения к середине III в. до н.э. число полноправных спартанских граждан резко сократилось и (если верить весьма сомнительным сведениям Плутарха) составило около 700 человек. Видя плачевное состояние страны, молодой спартанский царь Агис IV (245–241 гг. до н.э.) захотел восстановить «ликургов строй», предложил аннулировать долги граждан, произвести передел земли и даже предоставил своё семейное имущество и земли для передела. Его реформа была поддержана бедняками, но провалена аристократами и эфорами. Однако в 20-х гг. III в. до н.э. царь Клеомен III уничтожил эфоров и провёл через апеллу упразднение эфората, изгнал из Спарты 80 наиболее богатых граждан, после чего провёл кассацию долгов и передел объявленной государственной собственностью земли, поделив её на 4 тыс. клеров по числу граждан, которыми стала и часть периэков. Во время последовавшей войны Спарты с Ахейским союзом Клеомен IV за выкуп в 5 мин освободил 6 тыс. илотов и 2 тыс. из них включил в спартанскую армию. Тем не менее объединённые силы Ахейского союза и Македонии разбили

спартанцев и отменили реформы Клеомена IV. Позднее попытки возобновить реформы осуществлялись ещё пару раз, пока во главе Спарты не стал тиран Набис и не продолжил освобождение илотов и наделение их и перизков землёй, конфискуя её у наиболее богатых граждан [76, с. 426–427].

Население Беотийского союза также было разорено, и его руководители отсрочили долги и стали устраивать общественные обеды и раздачу вещей [76, с. 427].

В результате II Македонской войны, закончившейся победой Рима, Македония потеряла все греческие владения, а в 196 г. до н.э. на Истмийских играх римская сенатская комиссия под руководством Тита Фламиния торжественно провозгласила «свободу» греческих государств, хотя Рим разместил в Греции несколько гарнизонов и фактически руководил её политикой, поскольку римский сенат рассматривал взаимоотношения между греческими государствами. В 146 г. до н.э. Рим, вмешавшись в междоусобицы в Ахейском союзе, по сути дела, развалил его. Ахеяне возмутились, и Рим направил против них войска. Тогда ахеяне отпустили на волю и взяли в армию 12 тыс. рабов. Тем не менее Коринф был взят римлянами, сожжён и разрушен, как был разрушен и ряд других городов. Многие греки были вывезены в Рим в качестве рабов. В 192 г. до н.э. временно утратила независимость и Спарта, потерпев поражение от ахейцев и Рима, а в 146 г. до н.э. окончательно потеряла независимость. Во время войны Антиоха III с Римом в 90-х гг. II в. до н.э. территории Северной и Средней Греции подверглись разграблению. В 168 г. до н.э. после сражения с римлянами при Пидне прекратило существование Македонское царство. Македонию разделили на 4 округа, жители которых имели право вступать в брак только в своём округе и только там приобретать недвижимость. Теперь только римляне могли разрабатывать македонские серебряные рудники, вывозить македонский лес и ввозить в Македонию соль. Поскольку часть эпиротов выступила в III Македонской войне на стороне Македонии, постольку 150 тыс. эпиротов (хотя эти цифры античные авторы скорее всего преувеличивают) было продано римлянами в рабство. В середине II в. до н.э. после разгрома Ахейского союза Римом все греческие союзы были распущены, власть во всех греческих государствах была передана олигархам, и вся Греция была подчинена властям римской провинции Македония. В войне с Римом в 89–85 гг. до н.э. понтийский царь Митридат к 88 г. до н.э. занял почти всю Грецию. Чтобы укрепить там свою власть Митридат отменил долги, раздал нуждающимся часть земель, предоставил гражданство части метеков и рабов. В результате бедная часть стала его поддерживать, а богачи возненавидели. Митридат потерпел поражение и отказался от Греции. Вместе с тем, смешение населения: не только греков из разных регионов, но греков и македонцев способствовало изменению мировоззрения, осознанию всеэллинского единства и распространению всегреческого языка «койнэ» («общего»), официального для эллинистических государств и даже для большей части литературы [76, с. 428–432, 445].

Эпоха эллинизма, несмотря на многие беды, способствовала дальнейшему развитию производительных сил. Были расширены и усовершенствованы ирригационные системы, увеличены площади посевов, более интенсивно разрабатывались рудники, прогрессировало ремесло, особенно строительное и производящее предметы роскоши, интенсифицировались мореходство и торговля, в пределах отдельных регионов стали унифицироваться монетные системы, возникли новые города и центры культуры, например, Александрия [76, с. 444–445].

Культура эпохи эллинизма (323–30 гг. до н.э.) не была единой. Все народы государств, образовавшихся на месте державы Александра Македонского, внесли в неё несомненный творческий вклад, но так или иначе на всех из них оказала, благодаря резко возросшей подвижности населения, влияние греческая культура. Строилось множество храмов греческим и местным богам. Впечатляющ построенный Пармениском в III в. до н. э. Серапеум в Александрии; знаменит храм Аполлона, построенный после 300 г. до н.э. в Дидиме около Милета; известен и храм Артемиды, созданный Гермоденом в начале II в. в Магнесии на Меандре; грандиозен храм Зевса, возведённый по плану Коссутия после 170 г. до н.э. в Афинах. По местным традициям, но с греческим влиянием, прослеживающимся в отдельных деталях, в Египте строится Храм Гора в Эдфу, богини Хатхор в Дендере, Хнума в Эсне, Исиды на острове Филе. В Вавилонии создаётся храм Эсагила в Вавилоне, храм Набу, сына Мардука в Борсиппе и Уруке. Впервые появился Мусейон (храм муз) в Александрии. При строительстве больше внимания стало уделяться гражданской архитектуре, постройке булевтериев, гимнасиев, театров, дворцов. Оформление зданий стало разнообразнее и изящнее. Строили больше портиков и колонн ионического и коринфского ордера. Портики и колонны стали украшать не только здания, но и главные улицы, например, в Александрии и на Делосе. Одним из чудес света считается Фаросский маяк, построенный в Александрии Состратом из Книды в 285–280 гг. до н.э. Маяк был высотой в 120 м со статуей Посейдона наверху. Металлические зеркала в верхней части маяка отражали горевший внутри огонь. В нижней части, возможно, располагался гарнизон. В Афинах была построена Башня ветров с флюгером в виде тритона. Снаружи башни находились солнечные часы, а внутри — водяные [76, с. 433–434].

В эллинистический период не только философы и учёные, но многие политические деятели начали понимать пользу научных достижений. При дворах эллинистических царей становится престижным содержать группы учёных, поэтов, музыкантов и т.п. Примером послужили Академия Платона, где его ученики посещали в саду святилище муз и видели статуи муз, покровительниц «искусств», там была и галерея для прогулок в дождливые дни и даже хижины учеников, а также Ликей Аристотеля, который позднее возглавил Феофраст, где тоже в саду было святилище с алтарём и статуи муз. Ученикам Академии и Ликейя предписывалось жить и владеть всем сообща, пользуясь средствами руководителей, учеников и пожертвованиями «благотворителей». В столицах:

Александрии, Пергаме, Антиохии, — появились первые библиотеки. Частью дворцовых сооружений Александрии был Мусейон, состоящий из храма муз и дома, где были: «экседра» (крытая галерея) с сиденьями для занятий, место для прогулок, столовая для учёных и крупнейшая в древности библиотека. Пергамская библиотека располагалась в центре акрополя на площади храма Афины. В библиотеке, насчитывавшей более полумиллиона рукописей, были и читальный зал и 4 хранилища для книг [76, с. 434–437].

Усложнение общественной жизни и накопление знаний ко времени эпохи эллинизма уже не позволяли даже выдающимся философам быть универсальными учёными. Началось выделение таких наук как математика, астрономия, медицина, география, ботаника, филология. Выдающийся математик Евклид в работе «Элементы» изложил геометрические постулаты и аксиомы и, применив дедуктивный метод, доказал ряд теорем, заложив основы геометрии. Труды Аполлония из Перги о сечениях цилиндров и конусов легли в основы тригонометрии. Выдающимся математиком, физиком и конструктором стал Архимед Сиракузский (287 — 212 гг. до н.э.). Он начал исчислять бесконечно малые и большие величины, открыл ряд законов механики и гидростатики, сделал ряд технических изобретений. Он сконструировал метательные машины (которые помогли Сиракузам продержаться два года, обороняясь от римлян), грузоподъёмные механизмы, водоподъёмные машины. Архимедов винт стал широко использоваться в водопроводах и для откачивания воды в рудниках. Сочинения вавилонских астрономов и астрологов оказали влияние на греческих учёных. Аристарх из Самоса (310–230гг. до н.э.) впервые высказал и обосновал гелиоцентрическую теорию строения солнечной системы, утверждая, что земля и другие планеты вращаются вокруг солнца, а Селевк Вавилонский попытался доказать эту гипотезу. Однако Гиппарх из Никеи (около 190 — около 120 гг. до н.э.) заметив, что наблюдаемое движение планет выглядит иначе, выступил с утверждением геоцентрической системы, утверждению которой у греков способствовал его астрономический авторитет, так как Гиппарх составил каталог 805 звёзд, определив их координаты и разделив их на три класса по яркости, установил продолжительность месяца по фазам луны, обнаружил явление прецессии равноденствий. В математике он впервые составил таблицу хорд.

Походы Александра Македонского значительно расширили географические представления эллинов. Используя новые сведения, около 300 г. до н.э. Дикеарх составил наиболее полную для своего времени карту мира и вычислил высоту многих гор в Греции. Одно время возглавлявший Александрийскую библиотеку Эратосфен из Кирены (275–200 гг. до н.э.), считая землю шаром, определил её окружность в 252 000 стадий, что довольно близко к действительной окружности. Он полагал, что все моря составляют океан, и, если плыть из Испании или вокруг Африки можно приплыть в Индию. Его гипотезу поддержал Посидоний из Апамеи, который выдвинул идею пяти климатических поясов земли, изучал вулканическую деятельность и полёт метеори-

тов. Во II в. до н.э. Гиппал обнаружил муссоны, а Евдокс из Кизика, пользуясь муссоном, проплыл через открытое море в Индию, доказав их существование и пользу. Выдающийся географ Страбон, пользуясь трудами современников, закончил в 7 г. н.э. обширный труд «География в 17 книгах», где оставил описание всех известных ему стран, сопровождая его этнографическими сведениями. Ученик Аристотеля в его школе перипатетиков Феофраст в начале III в. до н.э. по примеру «Истории животных» своего учителя написал «Историю растений», где систематизировал накопленные к этому времени знания в области ботаники. Знания Феофраста и других ботаников способствовали применению лекарственных растений в медицине. Врач Гераклит Тарентский изучал главным образом лекарства. В это время помимо умозрительного лечения болезней, связанного с наблюдением за здоровьем человека, развивается и эмпирическая медицина. Герофил Халкедонский, работавший в III в. до н.э. в Александрии, имевший возможность познакомиться с египетской медициной, делал операции и, очевидно, имел возможность анатомировать трупы. Во всяком случае, он обнаружил, что в организме человека есть нервы, связанные с мозгом, и высказал гипотезу, что с ним связаны мыслительные способности. Изучая вены и артерии он также открыл кровообращение. Также делавший операции в III в. до н.э. Эрасистрат с острова Кеоса установил, что есть чувствительные и двигательные нервы, и внёс вклад в изучение анатомии сердца [76, с. 435–436, 659–660].

В литературе эпохи эллинизма наряду с традиционными жанрами: эпосом, лирикой, трагедией, комедией, исторической и риторической прозой, — появились филологические исследования, например, Зенодота Эфесского о подлинном тексте поэм Гомера; словари, например, первый греческий лексикон Филета Косского (около 300 г. до н.э.); биографии; эпистолография и даже стихотворные переложения научных трудов. Наряду с разнообразием в литературе стало господствовать мелкотемье: сюжеты ограничивались преимущественно интересами социальных групп, к которым принадлежал автор. При дворах преобладали гимны, идиллии и эпическая поэзия, лишённая прежней гражданственности и искренних чувств. Тематика эпиграмм наоборот расширилась, отражая характеристики конкретных лиц и событий, а также чувства и мысли, создающих их поэтов. Феокрит из Сиракуз (родился в 305 г. до н.э.) прославился как автор буколических идиллий. Бесконечные войны, перевороты и вызванные ими всевозможные бедствия вызывали у средних слоёв желание уйти от общественной деятельности, окунуться в быт и замкнуться в семейном кругу. Такого рода настроениям хорошо соответствовала «новая комедия» или «комедия нравов». Наибольший интерес среди других комедиографов вызывал Меандр (342–291 гг. до н.э.), в пьесах которого не только верно подмечены характеры современников, но выразилось гуманное отношение к людям независимо от их социального статуса, в том числе и к рабам. Весьма популярными стали мимы, изображающие забавное поведение самых разнообразных людей. Иногда актёры импровизировали с помощью мимики, жестов

и голоса, но сохранились и тексты для мимических сценок. Особенно колоритными были мимы Герода [76, с. 437–438].

Умножается грандиозная монументальная скульптура для храмов, общественных зданий, площадей. Великолепен Родосский колосс — бронзовая статуя Гелиоса высотой в 35 м, изваянная Харесом из Линда в III в. до н.э. Очень выразительно и драматично изображение битвы богов и гигантов на фризе длиной в 120 м алтаря Зевса в Пергаме (II в. до н.э.). В Пергаме и на Родосе сложились школы скульпторов. Статуя богини Тюхе (Судьбы), покровительницы Антиохии, созданная Евтихидом с Родоса, Афродита (Венера Милосская), изваянная Александром из Антиохии, Ника Самофракийская, Афродита, созданная Андиоменом из Кирены, «Умиравший галл» считаются шедеврами скульптуры. Известна динамичная группа «Лаокон», созданная родосскими скульпторами Агесандром, Афинодором и Полидором, «Дирка» Аполлония и Тавриска с Родоса. Портретная скульптура достигает сходства и нередко становится мастерской работой. Таковы бюст Александра Македонского работы Лисиппа и статуя Демосфена работы Полиевкта. Живописные портреты также достигают мастерства, например, файюмские портреты. Высокого уровня достигает и терракота, реалистически, а иногда с юмором, изображающая простых людей и бытовые сценки. Развивается мозаика и роспись стен домов [76, с. 438–439].

Эпоха эллинизма дала множество историков. Крупнейшим из них стал Полибий (198–117 гг. до н.э.), написавший в традиционном стиле «Всемирную историю» в 40 книгах, охватив период от 221 до 147 г. до н.э., времени подчинения Риму Греции и Македонии. Будучи заложником, отправленным в Рим, Полибий сблизился с римскими политиками и полководцами и попал под впечатление могущества Рима, и идеализировал его общественный строй. Отмечая роль выдающихся личностей на события, он полагал, что владычество Рима и подчинение Греции явились волею Судьбы. Всемирную историю описывали также Посидоний из Апамеи, Николай Дамасский, Агатархид Книдский, Диодор Сицилийский. Писались также истории отдельных стран. Египетский жрец из Гелиополя, Манефон составил на греческом языке историю Египта на протяжении царствования 30 династий. Берос (также на греческом) написал историю Вавилона. Грек Аполлодор из Артемиды описал историю парфян. Появлялись и местные истории. Например, была написана «Книга Маккавеев» о восстании иудеев против Селевкидов. Огромное впечатление на современников оказали походы Александра Македонского, которые изложил сам Птолемей I после 301 г. до н.э. В середине III в. до н.э. Гиероним из Кардии написал историю борьбы диадохов. Наряду с традиционным описанием событий, появились книги, в которых авторы стремятся эмоционально воздействовать на читателя. Такими приёмами пользовались в конце IV в. Каллисфен и в середине III в. Клитарх Александрийский, излагавшие историю Александра Македонского, Тимей из Тавромения, описавший в середине III в. историю греков в Западном Средиземноморье, и Филарх в конце III в. написавший историю Греции с 280 по 219 гг. [76, с. 439–440].

В эллинистическую эпоху — эпоху переворотов, войн и утери независимости греки нередко теряли гражданские ориентиры, стремились уйти от политики и сосредоточиться на личных проблемах. Более всех других им импонировали учения киников и стоиков, возникшее на рубеже IV–III вв. до н.э. Школу стоиков основал в 302 г. в Афинах Зенон (около 336–264 гг. до н.э.) из кипрского города Кития, ставший советником македонского царя Антигона II. Среди стоиков, учеников Зенона наиболее известны Хрисипп из Сол (III в. до н.э.), Панетий Родосский (II в. до н.э.), Посидоний из Апамеи (I в. до н.э.). Неуверенность людей в жизни стоики объясняли зависимостью от высшей силы (бога, природы, логоса). Для достижения благополучия и счастья они предлагали познавать закономерности событий, предопределённых высшей силой, стать добродетельным (познав, что есть добро и зло), справедливым, бесстрастным, деятельным, мужественным, упорным, решительным и общительным, стремиться к благу, которое должно быть прекрасным и полезным. Стоицизм в различных вариантах: с элементами материализма, мистики, астрологии и т.п. подходил разным социальным слоям и стал популярен. Наиболее знаменитым философом рассматриваемой эпохи стал Эпикур (341–270 гг. до н.э.). Он развил атомистическую теорию Демокрита, полагая, что мир не создан, а материален и возник из атомов. Спонтанное отклонение атомов от прямолинейного движения привело, по его мнению, к их скоплению, в котором возник мир. Мир он считал познаваемым, а задачей мыслящего человека — познание его законов. Душа, по мнению Эпикура, также состоит из тонких атомов. Она замкнута в теле, и когда оно разрушается, душевные атомы рассеиваются. Душа является причиной ощущений, с её рассеянием исчезают и ощущения, поэтому смерти не нужно бояться. Эпикур полагал также, что боги не вмешиваются в жизнь природы и человека, поэтому надо мыслить о богах благочестиво, но не бояться несуществующей судьбы и смерти. Для счастья не нужно вмешиваться в политику или нищенствовать и воздерживаться от активной деятельности вообще, но стремиться к «наслаждению», т.е. самоусовершенствоваться и обрести спокойствие и «атараксию» (невозмутимость).

Другое направление в философии составляли скептики. Они также отождествляли счастье с атараксией, которую связывали с невозможностью познания мира, что и обуславливает уход от действительности. Скептики постепенно сближались с последователями платоновской уже Средней Академии. Учения стоиков, скептиков и Эпикура больше соответствовали настроениям образованных слоёв.

Простому народу более импонировали киники, критиковавшие существующие порядки и призывающие к бедности. Киник Кратет из Фив (около 365–285 гг. до н.э.), происходивший из богатой семьи, даже раздал имущество, отпустил рабов и подобно Диогену стал вести нищенский образ жизни, проповедуя космополитизм и отказ от богатства. Бийон Борисфенит (III в. до н.э.), попавший в рабство, после смерти хозяина получил свободу и наследство, переехал в Афины, где стал киником. Здесь он проводил беседы, в ходе которых произносил речи, обличающие общепринятые взгляды. Он, как и другие киники, проповедовал счастье

в отказе от желаний, противопоставляя нищего философа правителям, богачам и «неразумной толпе» [76, с. 440–442, 661].

Неблагополучная жизнь в постоянных войнах, переворотах и конфликтах породила поиски лучшего устройства общества: возникли социальные утопии. Евгемер (конец IV — начало III в. до н.э.) сочинил идеальное общество на затерянном в Индийском океане острове Панхее, где люди живут по заветам Урана, Кроноса и Зевса, которые были некогда мудрецами, строителями праведной жизни, но потом объявили себя богами и учредили свой культ. На острове нет частной собственности на землю, нет рабов, но все счастливо трудятся согласно делению по роду занятий. Одни являются жрецами, другие заняты умственным трудом, третьи — воины, четвёртые земледельцы, пятые пастухи. Ямбул (III в. до н.э.) описал, как на островах Солнца среди пышной природы живут счастливые люди. У них нет ни царей, ни жрецов, ни рабов, ни собственности, но они трудятся совместно и попеременно выполняют общественные работы [76, с. 442].

Включение в державу Александра Македонского стран Востока привело к почитанию в Греции восточных божеств, таких как египетская Исида, финикийская Кибела и других. Происходило и слияние богов разных народов, в котором греческие боги приобретали функции восточных богов, а восточные — греческих. Одним из главных богов становится Зевс Гипсист (Высший), которого в других странах отождествляли с финикийским Ваалом, египетским Амоном, вавилонским Белом, иудейским Яхве и многими другими верховными божеествами. Он получил множество эпитетов: Пантократор (Всемогущий), Сотер (Спаситель) и т.д., указывающих на расширение его могущества. Широко распространился культ Диониса, сопровождавшийся мистериями как и культы египетского Осириса или малоазийских Сабазия и Адониса. Из богинь наиболее почитаемой почти по всему эллинистическому миру стала египетская Исида. Широко распространился также культ малоазийской Матери богов. Известны и искусственные попытки объединения и даже создания единого культа. Так, например, Птолемей I вместе со жрецом из Элевсина, афинянином Тимофеем и гелиопольским жрецом Манефоном для объединения разноязычного общества птолемеевской державы решили объединить культ греческих Зевса, Гадеса и Асклепия с культом египетского Осириса с его почитаемым спутником, быком Аписом. Так возник культ Сераписа, изображение которого в виде статуи бородатого молодого человека было торжественно перенесено из Синопы в Александрию. Вскоре культ Сераписа вышел за рамки Египта и распространился в ряде других эллинистических государств [76, с. 442–443].

Наблюдая царские культы в странах Азии, и Александр Македонский, и греческие правители эллинистических государств увидели возможность упрочить свою власть путём насаждения своего возвеличения и даже обожествления. Культ царской власти способствовал единству эллинистических государств и был унаследован в Римской империи [230, с. 443].

Упадок эллинистических государств и римская агрессия вызывали обнищание населения и порабощение непокорных, способствовали распространению пессимизма, отражённого, например, в библейском «Экклезиасте» (конец III в. до н.э.). Распространяются мистические культы, с помощью которых люди надеются повлиять на высшие силы, чтобы изменить тяжёлую судьбу. Иудейская секта ессеев или терапевтов в Египте создавала добровольные общины с коллективной собственностью на имущество, со строго регламентированными религиозными обрядами, с подчинением младших старшим и с совместным трудом, производящим только необходимое. Ессеи (II-I вв. до н.э.) отвергали рабство, надеялись на вечную жизнь души и противопоставляли себя остальному миру зла, явились предшественниками христиан [76, с. 443–444].

Греческие общества состояли из трёх основных классов.

1. Аристократия, пользующаяся полными гражданскими правами, как правило, занимающая высокие должности в народном собрании и большую часть мест в совете. Аристократам принадлежали зависимые от них несвободные люди.

2. Слуги, делившиеся на два класса: рабов и крепостных.

Рабы никогда численно не преобладали над свободными. По-видимому, больше всего рабов было в Афинском государстве, имевшем самый многочисленный флот в Греции и более других нападавшем на соседние страны для захвата пленных. Пленные, не входящие в род, члены которого их пленили, как и у всех других народов, воспринимались как чужаки и враги, и по этой причине, попадая в греческий дом, становились бесправными работниками — рабами. Первоначально рабами отчасти были и греки из соседних греческих государств, но довольно быстро пришло (особенно после обороны греческих государств от вторжений негреков) осознание греческого единства. Большую часть рабов всегда составляли негреки. Как люди чуждые грекам они воспринимались ими как варвары (произносящие какое-то непонятное «бар-бар» и неспособные говорить по-гречески, а посему — дикие люди). Впоследствии идеологи панэллинизма даже придумали расистскую концепцию о низшем положении варваров по сравнению с греками, оправдывающую рабство варваров. Положение рабов было неравнозначным. Одни из них подвергались жестокому обращению, положение других приближалось к положению младших членов семьи. В IV-III вв. до н.э. рабов стали отдавать в аренду или для отработки долга их хозяина другому человеку для работы в ремесленной мастерской, в поле или на рудниках. В таком случае раб мог работать за деньги и выплачивать часть заработка хозяину или заимодавцу хозяина. Обычно, если рабы отдавались в наём владельцу мастерской, то треть заработка отдавалась хозяину рабов, треть забирали хозяин мастерской, треть отдавалась рабам. Отдача рабов в наём возросла в эллинистическую эпоху и стала обычным делом, потому что плата, получаемая рабом не отличалась от платы, получаемой свободным. При этом отдаваемые в наём рабы, выплачивающие деньги хозяину, работали относительно свободно [286, с. 92, 95, 96]. Некоторых рабов отпускали

на волю: чаще за выкуп, редко за заслуги или из гуманных побуждений. Иногда отпуск рабов был вынужденной мерой из-за необходимости обеспечить победу над врагом.

Из-за незначительного количества источников по истории греческих государств (исключая Афины) трудно судить о социально-классовой структуре большей части Греции. Достоверно известно, что завоёванное дорийцами в Лакедемонe местное ахейское (или пеласгское) население было превращено в илотов, которые считались собственностью государства, но закреплялись за участками земли, отданными семьям спартиатов. Прикреплённые к этим участкам илоты должны были около половины полученных в течение года продуктов сельского хозяйства отдавать спартиатам. Опасаясь более многочисленных илотов, чем сами, спартиаты периодически устраивали набеги на илотов, уничтожая некоторых из них для устрашения и тренировки своих бойцов. В Фессалии местное ахейское (возможно, пеласгское) население также было завоёвано более многочисленными фессалами и превращено в пенестов (работников), которые подобно илотам со своих земельных участков снабжали фессалов всем необходимым, отдавая им часть урожая и приплода домашних животных. Часть пенестов заставляли работать на дому у фессалов, а во время войны нередко мобилизовали в войска. На Крите местное население было обращено в прикреплённых к земельным наделам дорийцев в кларотов, зависимых от государства крестьян, также обязанных отдавать дорийцам часть своих доходов. Ещё менее тяжёлым (приближающимся к положению римских клиентов) было положение пелатов, обязанных служить состоятельным грекам за подённую плату батраками, слугами, телохранителями и т.п. Адольф Каеги прямо переводит термины «пенест» и «пелат» как «крепостной» [285, с. 613, 615]. Конечно, искать полного соответствия между средневековыми русскими крепостными и илотами, пенестами, кларотами и пелатами нет смысла, но все они несомненно гораздо ближе к крепостным, чем к рабам. Таким образом, необходимо констатировать, что в Греции существовали не только рабовладельческие, но и феодальные отношения, которые преобладали над рабскими.

3. Свободные — самая большая категория среди греческого населения. Полными правами обладали лишь местные уроженцы того греческого государства, в котором они проживали. Полные права получали и приглашённые на жительство из других греческих государств. Метеки (переселенцы) не имели гражданских прав, но были лично свободны. Отпущенные на свободу рабы также причислялись к метекам. Гражданскими правами не пользовались также перизки (живущие вокруг) — часть населения Аргоса, Спарты, Элиды, Фессалии и других государств. Перизки были потомками местного, завоёванного дорийцами населения, оттеснённого на окраины государств. Они жили общинами с ограниченным самоуправлением, занимались преимущественно ремеслом и торговлей и обязаны были служить в качестве гоплитов.

Глава 5

СПЕЦИФИЧЕСКОЕ АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО

Италия в доримский период

В XVI-XII вв. до н.э. в Средней и Южной Италии господствовала Апеннинская культура. Её носители занимались главным образом отгонной (на пастбища Апеннинских гор) пастьбой молочного скота, изготавливали орудия труда из дерева, кости, рога и камня и лишь изредка из бронзы, знали разнообразную ручную чёрнолощёную керамику. Мёртвых погребали в мегалитических сооружениях, каменных кругах или искусственных пещерках. Могилы имитировали хижины. Приблизительно ко времени появления железа в Италии на рубеже X-IX вв. до н.э. погребальный обряд сменяется кремацией, хотя у венетов и сабинов и позднее сохранялось трупоположение. В это время появляются оборонительные стены и башни, что говорит по крайней мере о существовании племенных союзов [76, с. 174; 174, с. 648].

В Северной Италии господствовала культура Террамар: доплужных земледельцев, животноводов и охотников. Носители этой культуры в середине 2 тыс. до н.э. переселились из дунайского региона. Они изготавливали ручную тёмнолощёную керамику, каменные и высококачественные бронзовые орудия (например, обоюдоострые бритвы), выращивали лён и ткали из него одежду, покойников сжигали и прах хоронили в урнах, сами жили в небольших укреплённых посёлках [24, с. 243; 76, с. 174; 175, с. 198], что указывает на эпоху племенных союзов.

В конце 2 тыс. до н.э. на Апеннинский полуостров, где уже жили племена, говорившие на неизвестных не индоевропейских языках, в центре которого уже обитал пришедший с Балкан индоевропейский народ — пеласги, на севере — переселившиеся с востока иллирийцы, говорившие на индоевропейских языках (включая и романские), как предполагают, с востока и юга морем переселилось множество романоязычных италиков, включая латинян. В конце 2 тыс. и особенно в VIII-VI вв. до н.э. на Сицилии, Сардинии Эолийских островах, в Южной и Средней Италии возникли греческие колонии: Вивара, Палатин, Кумы, Сиракузы, Сибарис, Кротон, Тарент, Неаполь, Нола, Посейдония, Камарин, Регия и многие другие. В середине 1 тыс. до н.э. в Северную Италию пришли кельты. С конца IX и особенно в VIII в. до н.э. на Сардинии и Сицилии появляются финикийцы. В VI в. до н.э. на Сицилии, Сардинии и Корсике возникают поселения Карфагенян. В начале 1 тыс. до н.э. в Средней Италии от правого берега Тибра на север обитали этруски. Язык этрусков, несмотря на алфавитное письмо до сих пор не дешифрован из-за фрагментарности текстов. Тем не менее большинство исследователей соглашается с тем, что этруски сформировались из разных народов на автохтонной основе. Во всяком случае в VIII в. до н.э. они

уже постоянно жили к северу от будущего Рима. В начале 1 тыс. до н.э. расселение народов на Апеннинском полуострове в основном завершилось. Территории, занятые различными народами получили названия по населяющим их этносам: Этрурия, Лаций, Лигурия, Умбрия и т.п., большая часть которых сохранила эти наименования до наших дней. Большую часть населения составляли италики и близкие к ним иллирийцы. Значительно отличались от них лишь греки и, возможно, этруски [76, с. 174–179].

В основе хозяйства италиков начала 1 тыс. до н.э. было земледелие. Культивировали пшеницу и виноград, у греков научились выращивать оливки, содержали лошадей, быков, овец и свиней. Ремесленники изготавливали железные орудия труда и оружие, посуду составляла керамика и бронза. Этруские, греческие и даже финикийские торговцы доставляли украшения и многие бытовые предметы. Охота ещё не утратила значение, а вместе с нею сохранялись и тотемистические представления, а некоторые родовые тотемы превращались в родоначальников племён и даже союзов племён [76, с. 179].

Объединение в союзы, связанное с началом набегов и обороны, потребовало построения городов, которые сближались и объединялись. Возникли Латинская федерация городов, а также Кампанская, Самнитская, Луканская и Япитская. Центры союзов появились в Пицене и Умбрии. В первой половине 1 тыс. до н.э. наибольшего расцвета достигла Этрурия. В наиболее развитом районе нижнего течения Тибра возникли города: Тарквинии, Цере, Вейи. Этруски создали лигу городов во главе с выборным зилахом (которого римляне называли претором). Этруские колонии VII-VI вв. до н.э. в Кампании создали города, которые вместе с местными объединились в союз, в который вошли Капуя, Нола, Ацерры, Помпеи и другие, а в Паданской области в VI в. до н.э. создали союз из 12 городов: Фельзины, Мантуи, Мисны, Мельпа и других. Союзы эти носили скорее религиозный, чем политический характер и были непрочны [76, с. 179–180].

У этрусков были небольшие государства с центрами в больших городах, которым подчинялись мелкие (среди которых нередко встречались портовые) и сельские местности. Города обычно строили на холмах и обносили мощными стенами, сложенными из больших каменных глыб. Города имели регулярную планировку. Храмы, возведённые на каменных фундаментах, украшались скульптурами и терракотовыми рельефами, часто раскрашенными. На каменных фундаментах строились и жилые деревянные покрытые глинянной облицовкой дома с печками для отопления и с черепичными крышами. Земли по необходимости обводняли с помощью каналов и выращивали зерновые, плодовые и лён. Этруски обладали значительным флотом, состоявшим из кораблей, снабжённых вёслами и парусами: и небольших двадцативёсельных быстроходных, и больших пятидесятивёсельных грузовых, и боевых судов. Этрусская расписанная декором чёрная керамика — «буккерио» в форме птиц и зверей пользовалась спросом не только в Италии, но в Греции, Сирии и Ливане. Бронзовые зеркала, светильники и скульп-

птуры, железные треножники, цисты и котлы с красивыми ручками, оружие и орудия труда также находили сбыт в других странах. В свою очередь в Этрурию завозились вазы и украшения из драгоценных металлов из Коринфа, изделия из слоновой кости и скарабеи из Египта, художественные изделия с Кипра и из Финикии. Во главе ранних финикийских государств стояли цари-жрецы. Атрибутами их власти были: трон (украшенное слоновой костью переносное кресло), богато расшитая тога, золотая корона в виде венка из дубовых листьев, скипетр и фасции (пучок розг с воткнутой в середину секирой — символом власти). Дружинники и сподвижники царя составляли знать — «этера». В этруском обществе были и зависимые люди, среди которых были и рабы. Скорее всего рабство уже не было патриархальным, как предполагают некоторые учёные [76, с. 181]. Несмотря на незнание этруского языка, можно считать, что этруски оставили значительную литературу, например, религиозного содержания (регламентирующую гадания по внутренностям жертвенных животных или по молниям) или юридическую (регламентирующую нормы межевания полей, основания городов, освящения храмов и другие нормы, которые вскоре заимствовали римляне), а также историческую литературу и даже драматургию. У этрусков были и музыканты, и им уже в древности приписывалось изобретение трубы. Автором книг считался бог Таг. Главными в пантеоне богов были Тин, Уни и Мэнерва (с которыми связано происхождение римских Юпитера Юноны и Минервы), но были и менее значительные боги — «лазы», «ведавшие» отдельными явлениями природы и сторонами человеческой деятельности. С религией связывались зрелища и спортивные состязания всадников, колесничих, кулачных бойцов. В VI в. до н.э. царскую власть заменили выборной властью. Гробницы обычно вырубались в скалах. Их содержимое значительно разнилось по богатству. Богатые погребальные камеры украшались фресками, рельефами и декором, надгробья скульптурами умерших. Погребальный обряд включал поединки гладиаторов [76, с. 176–182].

В Лации на левом берегу Тибра, где вырос Рим селились ещё неандертальцы, изготавливавшие ашельские орудия. Территория окружённая семью лесистыми холмами с лугами для выпаса скота и с достаточно плодородной почвой издавна была пригодна для земледелия, и здесь, как и на большей части Лация и Тосканы, выращивали ячмень, пшеницу, огородные культуры, горох, бобы, виноград и лён. По крайней мере в конце 2 тыс. до н.э. земледелие стало пашенным. В эпоху бронзового века здесь была распространена Апеннинская культура. Керамику — килевидные чаши и прочие сосуды с ручками с украшениями наподобие рожек сверху делали из грубой глины от руки. Жилищами служили немного углублённые округлые и овальные хижины. В культуре заметно влияние этрусков и греков. При захоронениях использовали трупоположение. В железном веке с IX в. до н.э. в некрополях, расположенных в низине между семью римскими холмами и на самих холмах, встречаются разные виды погребений. По крайней мере на трёх холмах уже существовали поселения. Латинские предметы этого времени

обнаруживают сходство с южноэтрускими. Ранние латинские глиняные сосуды снабжены ручками в виде восьмёрок, погребальные урны изготавливались в виде хижин, бронзовые фибулы имели змеевидную дужку. Найдены ещё бритвы и жаровни. Позднее появляются также биконические урны, янтарные бусы и костяные подвески, веретёна и далее — оружие. В конце VII-VI вв. до н.э. в поселениях появляются здания на каменных фундаментах, с терракотовыми украшениями, водостоки на мостовых, греческая керамика и надписи на твёрдых предметах. Найденные кости животных говорят об одомашнивании. Латины разводили лошадей и ослов, крупный и мелкий рогатый скот и свиней. 21 апреля считалось днём основания Рима. В этот день римляне праздновали Палилии, посвященные богу Палес, покровителю скота и пастухов, и своих предков считали пастухами. На протяжении VIII-VI вв. до н.э. бурно развивалось ремесло. Керамика стала разнообразной тонкой и изящной, изготавливались заимствованные у этрусков чёрные, часто затейливой формы с выпуклым орнаментом, сосуды «боккеры». Много бронзовых фибул, бритв, лопаточек. В могилах часто — оружие. Легендарному основателю Рима, первому царю Ромулу приписывается основание объединений ювелиров, медников, гончаров, плотников, сапожников, красильщиков, дубильщиков. Первоначально Рим состоял из нескольких поселений с круглыми хижинами, стены которых плели из ивовых прутьев и обмазывали глиной. Погребальные урны VIII в. до н.э. повторяли форму таких жилищ. Окна и двери домов обрамляли круглые или веретёнообразные колонны. Жилища обводили канавками для стока воды. Некоторые посёлки окружали земляными валами. Для защиты строили также башни. В посёлках располагались святилища с алтарями и очагами. Поблизости от посёлков располагались кладбища, сельскохозяйственные угодья, участки леса. [76, с. 182–184]

Царский Рим

Согласно традиции, пятнадцать поколений царей героического (греческого и троянского), а также божественного происхождения, жили в Лации до основания Рима в середине VIII в. до н.э. Шестнадцатым царём был Ромул. В IX в. до н.э., как предполагают, римский холм Палатин заселили пришедшие туда из Альбы Лонги латины, а позднее холмы Квиринал, Виминал и частично Эсквилин заселили сабины. По-видимому, на территории Рима побывали многие народы: лигуры, сикулы, италийцы (включая сабинов и латинов, которые численно преобладали в регионе), иллирийцы, троянцы. Все они понемногу внесли вклад и в римское язычество. Неясно селились ли в районе Рима пеласги, но ахейцы оставили следы и в культуре и в языке латинян (особенно слова, связанные с земледелием). Скорее всего греки же принесли и алфавитную письменность. Согласно традиции первоначально произошло объединение латинов и сабинов, но имена указывают также на сикульское и иллирийское происхождение первоначальных римлян.

К этому времени римляне жили большими семьями. Семья во главе с отцом получала от своего рода на семью землю для ведения самостоятельного хозяйства. Мужчины рода составляли военную единицу и, случалось, что на свой страх и риск вели войну с соседним народом. При чрезмерном разрастании большой семьи, некоторые её члены вынуждены были переселяться в другой район или искать покровительства у главы семьи своего или другого рода. В последнем случае глава семьи становился патроном, а получающий от него помощь — клиентом. «Клиенты включались в род патрона, получали от него землю и его имя и были обязаны ему службой в войске, работой в хозяйстве и материальной помощью в случае необходимости» [230, с. 188]. Зависимость клиентов была близка к последующей феодальной зависимости. Помимо этого в раннем Риме были и рабы. Таким образом, в раннем Римском царстве уже существовала классовая дифференциация, а наличие зависимых социальных групп способствовало разложению родовых и семейных общин и возникновению общин территориальных. Может быть уже во второй половине VIII в. до н.э., а возможно лишь в VII в. до н.э. в Риме было три «трибы», т.е. три племени: сабинов, латинов и этрусков. Помимо этого было 30 «курий» — «мужских союзов» [230, с. 187–190], которые существовали во всех других раннеклассовых государствах. Об их власти говорит тот факт, что они наделяли землёй все роды, оставляя часть земель для общих дел: для совместных трапез и, прежде всего для размещения святинь. Создание 3-х триб и 30 курий традиция приписывает Ромулу, и можно предположить, что это число было создано уже искусственно для поддержания прочности государства, потому что трибы и курии ещё много лет должны были выставлять на войну 300 всадников и 3000 легионеров пехотинцев. Число родов в курии к рассматриваемому времени было уже неравномерным. Одни роды становились богатыми и знатными, другие беднели и слабели. Лишь 6–7 родов занимали высокие должности в управлении государством, однако вне зависимости от знатности и богатства члены всех родов, входивших в 3 трибы и 30 курий считались патрициями, т.е. потомками отцов, входивших в эти трибы и курии. Патриции участвовали в «комициях», т.е. народных собраниях, а главы больших семей составляли «сенат», т.е. совет старейшин. Религия римлян этого времени знала многобожие. Во время праздника рыболовства богу Вулкану приносили в жертву живых рыбок, хотя ранее возможно приносили в жертву людей (рабов). Во время празднования Компиталий (празднеств в честь ларов, покровителей перекупов) на перекрёстках вывешивались чучела, изображающие мужчин и женщин, в количестве соответствующем числу рабов и детей, чтобы подземные боги, взяли их вместо живых. Отказ от человеческих жертв, согласно традиции, принадлежит Ромулу или следующему легендарному царю, Нуме Помпилию. Помимо веры в богов римляне верили в гадания, часто пользуясь гаданиями по внутренностям жертвенных животных, проводимыми этрусскими жрецами. Влияние этрусков на римскую культуру было велико, но этруски не составляли большинства населения Рима.

Традиция приписывает Ромулу царствование в Риме с 753 по 717 гг. до н.э., хотя скорее Ромул лишь легендарная, а не реальная личность. Тем не менее в указанное время Рим уже вёл войны с соседними латинскими и сабейскими городами, во главе которых тоже стояли царьки. Войны закончились победой римлян, которые присоединили завоёванные земли, переселили их жителей в Рим, распределив их по куриям, а в завоёванные земли вывели колонистов. Затем римляне воевали с этрусским государством с центром в городе Вейи, победили и захватили часть этрусской земли и соляные варницы. Захваченные земли были объявлены римскими. Большая их часть была по жребию разделена поровну между 30 куриями, часть досталась царю и часть оставлена в резерве. Царь наделил воинов и безземельных участками в 2 югера (0,5 га), которые в городе использовались под сады и огороды, а за городом как полевые участки. Главы родов могли получить и большие участки до 25 югеров. Когда же царь решил учредить царский суд и набрал по куриям 300 собственных телохранителей, которые казнили осуждённых, верхушка патрициев восприняла расширение царской власти как нарушение родовых установлений, и родовые старейшины убили царя [149, с. 190].

По-видимому к данной эпохе относится окончание юбилеев. Дело в том, что первоначально римский царь (rex) был одновременно правителем и жрецом. Как всякий священный правитель он рассматривался как особа, наделённая чудесной силой (Вспомним ману.), от которой зависит благополучие его страны и его подданных. С возрастом, по мере старения правителя, его физические силы ослаблялись, и он не мог уже обеспечивать процветания своей стране и своему народу. Тогда его следовало заменить на более молодого и сильного. В раннем Риме предельным возрастом, до которого мог править царь считалось пятидесятилетие. В день наступления пятидесятилетия царя убивали. По случаю его смерти женщины должны были вопить, громко плакать. По латыни громко вопить звучит как *jubilare*. Одновременно со смертью старого царя в комициях выбирался новый, и теперь должны были раздаваться ликующие вопли, и устраиваться праздник. Отсюда день смерти старого царя и выборов нового получил название *jubilaеus* (юбилей). Возможно, убийство Ромула стало последним убийством царя и юбилей превратился из оплакивания в праздник. Однако слово юбилей вошло во многие языки мира как термин означающий праздник по случаю пятидесятилетия, хотя самодовольные невежды предпочитают называть юбилеем любую круглую дату.

Лишь через год после смерти Ромула сенат созвал комиции, где царём был избран сабин Нума Помпилий (личность историческая). Он создал ремесленные и жреческие коллегии. Коллегию из пяти понтификов (мостостроителей, смотревших за мостом через Тибр, а также ведавших религиозным календарём и через это контролировавших всех родовых и куриальных жрецов) он возглавил сам. На Форуме Нума (уже в VII в. до н.э.) построил общеримский храм Весты и обожествил Ромула, отождествив его с сабинским богом Квирином «Копьеносным»,

(Впоследствии — эпитет бога войны Марса.), что способствовало сплочению латинов и сабинов в единый римский народ. Нума также установил твёрдые границы римских владений и даже учредил празднества в честь бога границ Термина. При следующих двух царях (673–641 гг. и 641–616 гг. до н.э.) была создана коллегия жрецов, оформлявшая процедуру объявления войны, и Рим провёл успешную войну, завоевав Альбу Лонгу, а когда воины Альбы Лонги не пришли римлянам на помощь в борьбе с этрусскими Веями и сабинскими Фиденами, казнили альбанского вождя и переселили альбанцев в Рим, распределив их по куриям. Увеличенное войско успешно воевало с сабинами и вольсками, и владения Рима опять были расширены. В территорию Рима вошли холмы Авентин и Яникул на правом берегу Тибра, соединённые теперь мостом. Рим завладел соляными варницами и основал в устье Тибра порт Остию. На склоне Капитолия была построена тюрьма (последний атрибут государства). Опять произошло переселение завоёванных латинов в Рим, однако лишь часть из них (которую можно было обеспечить землёй) была включена в трибы и стала патрициями. Более значительная часть новых римлян не попала в трибы и курии и получила название городского «плебса» (толпы, многолюдья), сохраняя свои роды, которые не вошли в состав римского народа. Латины, оставшиеся в сёлах, составили сельский плебс. Царь и сенат стремились приобрести больше власти, чем коммисии и распоряжаться землёй по своему усмотрению, что способствовало постепенному разложению родового строя [76, с. 190–193].

Римляне VII в. до н.э. верили во множество богов — «нуменов», заведовавших различными сферами природы и жизни. Земля почиталась как бог Теллус, посевом ведал Инситор, а жатвой Мессор. Павор был богом страха. Пастушеским богом и богиней (Римляне часто путали пол богов.) считался Палес. Супружеская пара Либер и Либера покровительствовали виноградарству и виноделию. Матер, Юнона и другие богини считались богинями-матерями. Постепенно главными богами становились Юпитер, Юнона и Минерва. В честь Юпитера Лациарского на Альбанской горе (на которой располагалась столица латинского союза Альба Лонга) приносили в жертву быка и устраивали празднество с совместной трапезой из мяса, сыра и молока. В Лавинии находилось святилище Юноны [76, с. 192, 350].

Благодаря захвату соляных копей, от которых через Рим шла Соляная дорога до Адриатики, что способствовало развитию торговли, Рим стал привлекателен для латинов, сабинов и этрусков (составивших значительную часть городских ремесленников), которые постоянно пополняли состав римского плебса [76, с. 193].

В конце VII в. до н.э. римским царём был избран этруск Луций Тарквиний (Лукумон из этрусского города Тарквиний). Сенат его не утвердил, и, чтобы изменить соотношение сил в сенате, Тарквиний ввёл в него сто новых глав больших семей. Эти новые сенаторы, происходящие из плебеев, получили наименование патрициев «младших родов». Теперь в сенате стало представлено 300 родов. Тарквинию удалось вдвое

увеличить и число всадников, доведя их количество до 6 центурий (сотен). Захватнические войны с латинами и сабинами были продолжены и к Риму присоединили прилегающую сабинскую область.

В результате неясных событий Луций Тарквиний был убит и захватил власть другой этруск, принявший имя Сервия Туллия. Сервий Туллий построил на Бычьем форуме храм Матер Матута, а на Авентине храм Дианы, окружил Рим каменной стеной и вёл войну с этрусками, ещё расширив за их счёт римские владения. При Сервии на медной колонне в Риме были записаны законы, регулирующие деятельность союза латинских городов. Он разделил всю территорию римского государства на округа, назвав их трибами. Позднее в городе оказалось 4 трибы и сначала 16, потом и 17 триб за городом. Общественные земли он вопреки воле сенаторов разделил между бедными. Ему приписывают цензовую реформу, разделившую всех римлян (и патрициев и плебеев) по имуществу (то ли по земле, то ли по деньгам) на классы. Сколько тогда было классов неясно, но в IV в. до н.э. их стало 6. Бедняки, не имевшие имущества и способные только оставлять потомство — «пролес», поддерживающее силу Рима, составили низший разряд «пролетариев». 1 разряд должен был поставлять в войско теперь уже 18 центурий всадников, а не 6 как прежде, и 80 центурий тяжеловооружённой пехоты. 2 разряд поставлял 20 центурий пехотинцев, также тяжело вооружённых, 3 разряд — 20, 4-й — 20, 5-й — 30 центурий, вооружённых последовательно соответственно легче, чем воины более высокого разряда. Помимо этого набирались 4 центурии из ремесленников и музыкантов. Неимущих включили в особую центурию. Необходимость считаться с армией, вызвала создание центуриатных комиций, где каждая центурия получала один голос. Таким образом решающий голос достался высшему разряду. Однако значительное число плебеев, занимавшихся торговлей и ремеслом стало обогащаться. Часть плебеев, входящая в войско, теперь смогла отстаивать своё мнение в центуриатных собраниях. Территориальный и цензовый принципы социальной дифференциации, по-новому группируя людей, противоречили родовым принципам. Тем не менее патриции, опирающиеся на роды и семьи, обеспечивались ими землёй и через сенат и комиции активно участвовали в решении государственных дел, особенно религиозных и судебных. Плебс, получающий землю от царя, имел доступ лишь к центуриатным комициям, но такая возможность была лишь у богатых плебеев. Правда Сервию Туллию приписывалось включение в число римлян освобождённых рабов и устройство празднеств Сатурналий, во время которых устраивались пиры, где господа должны были прислуживать рабам и все могли веселиться на равных, но реально ли легенда, остается неизвестным. При Сервии Туллии на Авентине построили храм Дианы, который предполагалось сделать общелатинским религиозным центром [76, с. 194–197, 350].

Последним римским царём был Тарквиний Гордый, который, возможно, пришёл к власти через убийство предшественника. Тарквиний правил самовластно, пренебрегая сенатом и народным собранием, опираясь на телохранителей. Создав ближний круг из родственников и дру-

зей, он нередко изгонял и даже истреблял знатных римлян, ведя против них судебные процессы и конфискуя их имущество, которое раздавал своим приспешникам. Он прибирал и общественные земли, и забирал значительную часть военной добычи. В результате число патрициев сократилось, а число сторонников царя росло, благодаря раздаче земель простому народу (включая, прежде всего плебеев) и колонизации земель латинов и вольсков, присоединяемых в результате завоеваний. Громя одних и заключая союзы с другими (особенно с этрусками), Тарквиний добился для Рима благоприятного международного положения и расширения торговли через захват прибрежных латинских городов и через связи с этрусскими и карфагенскими купцами. Тарквиний расширил сеть осушительных каналов в Риме, создал подземную канализационную трубу. Разрушив святилища скромных божеств на Капитолии, он построил храм Юпитера, в котором устроили три святилища: Юпитера, Юноны и Минервы (покровительствовавшей войне), заказав вейетскому этрусскому скульптору Вульке украшение храма изображением бога на запряжённой четвёркой колеснице. На строительные работы принудительно сгоняли римских плебеев, обеспечиваемых хлебом из царских закромов, что фактически ставило плебеев в положение близкое к положению государственных крепостных [76, с. 197–198]. Это вызвало определённое недовольство простолюдинов, но более всего бесчинствами царя, его сына и прочих приближённых были возмущены патриции, которым в 510 г. до н.э. удалось изгнать Тарквиния, и царская эпоха завершилась. В конце VII в. до н.э. в Риме появилась своя письменность, в основе которой лежал переработанный греческий алфавит, хотя ещё пользовались и этрусским письмом (скорее всего этруски).

Римская республика

Изгнавшие в 510 г. до н.э. Тарквиния патриции упразднили царскую власть и объявили управление страной «общенародным делом» (*res publica*), подразумевая под народом всех граждан: и патрициев, и плебеев. Однако власть царя сменилась властью не народа, а аристократии, создавшей мощный бюрократический государственный аппарат. Пришедшие к власти аристократы пополнили сенат до 300 человек, учредили должности преторов, которых, сначала стали избирать в куриатных комициях, но чуть позже в центуриатных, сроком на один год и только из числа патрициев. Вскоре во главе Рима оказались два «магистрата» (начальника, руководителя), с равной властью, за которыми утвердилось название «консулы», потому что им предписывалось консультироваться, т.е. совещаться по всем вопросам. Консулы обладали высшей гражданской и военной властью, возглавляли суд и отправляли культы. В помощь им стали избирать «квесторов» (следователей, казначеев) из числа патрициев [76, с. 348–349]. Вся дальнейшая внутренняя политика Римской республики заключалась в стремлении патрициев удержать власть, в желании плебеев получить те же права, что и па-

триции, в намерении не обладающего правами населения превратиться в римских граждан и в попытках зависимого населения избавиться от крепостной и рабской зависимости.

«Римский гражданин Ранней республики был земледельцем и воином» [76, с. 350]. Плебеи и в городе, и на селе получали в частную собственность надел в 2 югера, который им «давали» или «ассигновали». Можно было получить ещё участок из общественной земли во «владение». Земля отчуждалась из общины, и община контролировала её использование, следя за тем, чтобы она обрабатывалась. В ранний республиканский период основой экономики римских граждан оставалось сельское хозяйство. Плебеи на своих мелких участках занимались земледелием и огородничеством. Животноводство было доступно только патрициям, обладавшим большими площадями земли. В самом Риме развивалось ремесло: изготовление металлических орудий труда и оружия, одежды, посуды, украшений и т.д. Во внутренней торговле с V в. до н.э. в качестве денег обращались «ассы» (медные слитки) с изображениями животных, во внешней торговле — этрусские и греческие монеты. Лишь во второй половине IV в. до н.э. появились собственные римские круглые монеты с изображением Януса весом в «либру» (римский фунт, равный 272 граммам, который к концу IV в. до н.э. стал легче) [76, с. 351, 353, 361].

Нередко беднякам приходилось брать деньги у ростовщиков. Если должник вовремя не отдавал долг, то кредитор мог держать его два месяца в заточении, а затем убить или продать в рабство. Однако римская знать в V в. до н.э. обладала немалыми богатствами и огромным количеством клиентов (крепостных) и рабов. Например, род Клавдиев насчитывал 5 тысяч родичей и клиентов, а у Аппия Гердония было по разным подсчётам от 2,5 тыс. до 4 тыс. клиентов и рабов. Фактически в эпоху Ранней республики членами общин были патриции, использовавшие труд клиентов на больших участках земли, плебеям же приходилось довольствоваться своим трудом или проситься в клиенты. Фактически полноправными членами общин были лишь патриции, плебеи были неполноправны. Не входя в центуриатные комиции, в которые были включены лишь богатые плебеи, остальной плебс собирался по трибам, где обсуждал наболевшие вопросы. В 494 г. до н.э., когда нависла угроза нападения со стороны эквов, плебеи удалились из Рима на Священную гору в трёх милях от города, что ослабило римское войско. Патриции вынуждены были пойти на уступки и учредили должности народных трибунов, получивших в соответствии с принятым «священным законом», неприкосновенность личности и власти («Нарушитель священного закона должен был быть посвящён богам, т.е. безнаказанно убит» [76, с. 352].), которых в количестве 4 или 5 человек избирали в комициях только из числа плебеев. Трибуны должны были защищать плебеев от злоупотреблений магистратов-патрициев. Впоследствии трибуны получили право «вето», запрета на любое решение любого магистрата и даже сената, если оно противоречило интересам плебеев. В помощь трибунам была учреждена должность «эдилов», смотрителей за плебейскими хра-

мами, и теперь Авентин стал центром объединения плебеев и их борьбы за права с патрициями, в результате которой в V — IV вв. до н.э. плебеи добились не только допуска к магистратурам и жреческим коллегиям, но облегчения положения должников и решения земельного вопроса [76, с. 48–353].

Подобно всем другим простым «свободным» людям государство использовало плебеев на общественных работах, прежде всего на строительстве. Плебеи были обязаны также платить «трибут» (налог на военные нужды) за свой счёт экипироваться, нести военную службу. Уже в первой половине V в. до н.э. завоевания привели к увеличению римских владений, где были образованы две трибы (два новых сельских округа): Крустумина и Стеллатина. Однако земля и богатство доставались преимущественно патрициям, что вызывало со стороны плебеев требования земли или отказ воевать. Чтобы успокоить плебеев для них были созданы римские колонии: Норбеа, Велитры и Анций, где часть земли завоёванных италиков (обычно около одной трети) была отдана поселившимся плебеям. Тем не менее плебеи хотели пользоваться общественной землёй (*ager publicus*), которой фактически почти безраздельно владел патрициат или выкупившие участки у бедных плебеев немногочисленные богатые плебеи, но лишь в 456 г. до н.э. плебеи получили участки на Авентине и то лишь свободные, а участки, захваченные незаконно, можно было выкупить, что было под силу только богатым. Хотя плебеи могли собираться лишь по трибам, с их решениями — «плебисцитами» патрициям иногда приходилось считаться, а народные трибуны получили возможность привлекать патрицианских магистратов к суду. В 471 г. до н.э. прошёл плебисцит, перенёсший выборы трибунов из центуриатных комиций в собрания плебеев. В 462 г. до н.э. число трибунов увеличили до 10. Позднее после ознакомления с греческими законами было избрано 10 патрициев («децемвиров») для публикации усовершенствованных законов, потом их сменили новые децемвиры из 5 патрициев и 5 плебеев, пожелавших превратить свою власть в тираническую. Тогда после убийства бывшего народного трибуна и невесты другого вспыхнуло восстание плебеев. В результате на 12 таблицах были записаны нормы, закрепляющие патронат и клиентелу, рабство, частную собственность, ростовщичество. Хотя неравноправие плебеев оставалось (им, например, запрещалось вступать в браки с патрициями), положение плебса облегчилось. Само по себе обнародование законов ставило под контроль судебную деятельность консулов. Частная собственность стала возможной и для плебеев, были восстановлены права плебейских трибунов на неприкосновенность, плебисциты теперь стали обязательны для всех граждан, но законы теперь входили в силу при одобрении их сенатом без ратификации комициями. Возрастала роль плебейских трибутных комиций, функции которых позволяли принимать законы, в то время как центуриатные комиции выбирали высших магистратов. В 445 г. до н.э. был снят запрет на браки между плебеями и патрициями. Напротив патрициям удалось в 443 г. до н.э. создать 2 новых должности «цензоров» («оценщиков»), избирав-

шихся на 5 лет из числа самых почётных аристократов в центуриатных комициях, для переписи граждан, и распределения их в зависимости от размера имущества по центуриям. Для этого на Форум приходили главы семей и родов и под присягой перечисляли членов семей с указанием возраста, а также — рабов, сообщали о количестве земли, скота, денег и т.п. Все сведения в течение полутора лет заносились в списки, после чего устраивались очистительные жертвоприношения. Однако патрициям удавалось в течение нескольких лет занимать все должности консулярных трибунов [76, с. 353–357].

В первой трети IV в. до н.э. плебейская верхушка добилась, что вместо консулов стали выбирать консулярных трибунов. Патриций Марк Манлий Капитолийский, спасший Рим от захвата галлами, продал большую часть своей наследственной земли и на вырученные деньги выкупил ряд должников, спасая их от кабалы. Однако, когда его стали поддерживать многие бедняки, Манлия обвинили в стремлении к царской власти и казнили, но и другие дальновидные патриции стали поддерживать некоторые требования плебса. По одному из принятых в 367 г. до н.э. закону проценты, уплаченные должниками стали засчитывать в счёт долга, а остаток можно было уплачивать равными частями в течение трёх лет. Другой закон запрещал владеть более чем 500 югерами земли, что, возможно, позволяло получать участки общественной земли и плебеям. Третий закон предоставлял плебеям должности консулов по случаю отмены консулярных трибунов, что ещё раз способствовало сближению положения патрициев и трибунов. В середине IV в. до н.э. патрициям удалось отнять у консулов судебные функции, оставив им высшую военную власть и право «ауспий» — гаданий, без которых не начиналось ни одно важное предприятие. Была создана должность преторов-судей, на которую избирали только патрициев, а в противовес плебейским эдилам — должность куруальных эдилов, занимавшаяся также только патрициями [76, с. 360–361].

Римляне постоянно ввязывались в войны, обычно ссылаясь на необходимость помощи союзникам. В случае победы римские полководцы награждали командиров и всадников пленником, храбрейших — двумя. Остальных пленных продавали в рабство. Солдатам давали возможность грабить завоёванных. Война позволяла римлянам не только грабить и захватывать рабов, но и решать земельный вопрос путём наделения землёй римских граждан, распространять «власть римского народа» на эксплуатируемые территории и удовлетворять честолюбие знати, стремящейся в магистраты. Война в римской республике III–I вв. до н.э. стала важным элементом экономики. Например, Первая Пуническая война (264–241 гг. до н.э.), разразившаяся из-за стремлений и Рима и Карфагена захватить Сицилию, окончилась победой Рима, который получил от Карфагена огромную контрибуцию. В 30-х гг. III в. до н.э. римляне захватили Сардинию и Корсику. В 225–223 гг. до н.э. Рим завоевал Предальпийскую Галлию со столицей в Медиолане, в 220–219 гг. до н.э. — Иллирию. Стремление Рима и Карфагена захватить плодородную и богатую металлами (в том числе и благородными) Испанию вызвало

II Пуническую войну (218–201 гг. до н.э.), окончившуюся поражением Карфагена и огромной контрибуцией, выплачиваемой 50 лет в пользу Рима. После победы над Ахейским союзом в 146 г. до н.э. римляне разрушили Коринф. В результате войны часть земель побеждённых поступала в общественную землю римских граждан. Её можно было отдавать колониям граждан, наделять ею отдельных граждан, отдавать за небольшую плату в аренду и даже продавать. К середине II в. до н.э. земельные участки стали, видимо, обычным предметом продажи и куп-ли [76, с. 446–454].

В многочисленных войнах, не раз грозивших захватом Рима, сформировалась патриотическая идеология, опирающаяся на реальных граждан, жертвовавших собой ради свободы Рима. Военные действия считались достойным трудом воина, а знать считала войну с грабежом занятием наиболее достойным. С течением времени войны даже приобрели сезонный характер и осенью стали отмечать праздник «очищения оружия». Усиление Рима в середине IV в. до н.э. позволило ему вести успешные войны, захватывая земли эквов и вольсков, в которые выселялись римляне и другие латины, что привело к латинизации эквов и вольсков и включению колонизованных земель в Лаций. Часть пахотной земли была включена в земли Рима, а в Лации были образованы ещё 2 сельские трибы. В конце IV в. до н.э. римляне забрали часть вольских и кампанских земель, образовав ещё 4 сельские трибы, основали ещё 11 колоний. Число римских триб достигло 31. В конце республиканского правления консулы, используя свою власть, распоряжались уже и государственной землёй. Так, например, в 59 г. до н.э. консул Гай Юлий Цезарь провёл закон о наделении землёй солдат Гнея Помпея из свободных государственных земель в Италии и из земель купленных у частных лиц [76, с. 360–364, 477].

Плебейские трибуны постоянно добивались раздела общественной земли на вновь завоёванных территориях (чтобы основать там колонии, выделив часть земли колонистам), а иногда и всей *ager publicum*, но в V в. до н.э. удалось заселить колонистами лишь приведённую к покорности колонию Фидены и покорённые города Ардею и Лабик. Лишь после захвата Вей колонистам на территории этого небольшого государства каждому свободному мужчине из числа плебеев выдали надел в 7 югеров из объявленной общественной земли, но к основной общественной земле плебс не допустили. В 390 или 387 г. до н.э. римляне пытались помочь этрускам от нападения галлов, но сами потерпели поражение и выплатили контрибуцию. Однако после войны римляне организовали в Этрурии 4 римские трибы, а на территорию Лация вывели 6 колоний. Это вызвало недовольство ряда народов, в том числе и латинов, в результате чего латинский союз распался. Только Тускул оставался верен Риму, за что тускуланцам дали неполное римское гражданство без права голосовать в комициях. Однако через браки с римлянами и переселение в Рим там оказались многие семьи знатных тускуланцев [76, с. 357–360]. В 314 г. до н.э. римляне основали колонию Луцерия в Апулии. Римских колоний во II в. до н.э. было основано немного (у разрушенного

Карфагена, Нарбон в будущей Южной Франции, Италика и Кордуба в Испании), но участки, предоставляемые там римским гражданам достигали иногда до 200 югеров. Обычно колонистами становились отслужившие солдаты, которым военачальники выделяли землю. В 100 г. до н.э. трибун Апулей Сатурнин провёл закон, наделивший ветеранов консула Гая Мария землёй в провинциях. Нередко ветераны сами оседали в знакомых им местах, приобретая землю, а порой и захватывая её. Когда они вступали в браки с местными женщинами, которые принадлежали к общинам, не связанным с Римом договором, предусматривающим «право брака», их браки не считались законными, а их дети не получали римского гражданства и приравнивались к отпущенникам. Правда в 170 г. до н.э. для лиц такого происхождения была основана колония Картея, дававшая латинское право. Римское гражданство выборочно давалось некоторым лицам из правящей верхушки побеждённых, а иногда римское гражданство получали целые сообщества. В результате внутри Римской республики появлялись островки римского права, включающие города и другие территориальные сообщества. Колонии создавались и на давно включённых в состав Рима территориях. Например, при диктаторе Сулле (89–84 гг. до н.э.) были созданы колонии на землях, отобранных у враждебных италийских городов, которые заселили солдатами, сохранявшими полное вооружение [76, с. 364, 461–462, 468, 474].

Вместе с тем, чтобы закрепиться на захваченных территориях римлянам было необходимо увеличить свои военные силы, создать гарнизоны, администрацию и т.п., что в свою очередь потребовало расширения прав местного населения. В 354 г. до н.э. жители Цере получили римское гражданство без права участия в комициях. В результате латинской войны 340–338 гг. до н.э. латинские города Ланувий, Ариция, Номент, Пед получили права римского гражданства. Права гражданства также получили капуанские всадники и знать. Жители Фунд и Формий получили неполные гражданские права. В это время возникло латинское право, позволявшее пользующимся им обладать в разной степени неполным римским гражданством, но без права занимать магистратуры. Члены латинских общин при соблюдении некоторых условий, например, после занятия местных магистратур, смогли переселиться в Рим и получить там римское гражданство в соответствии со своей сословной принадлежностью. У Тибура, Пренесте, Капуи и ряда других городов отняли часть земли в римскую собственность. Римские плебеи приобрели во вновь присоединённых землях чуть менее или чуть более трёх югеров. Многие бывшие противники стали союзниками Рима, сохраняя самоуправление, но теряя право вести внешнюю политику, и должны были оказывать Риму военную помощь, составляя союзнические когорты. У Рима в Италии были союзники, связанные в разной степени неравными договорами. В конце IV в. до н.э. после войны с этрусками и умбрами лишь города Камерия и Окрикул получили статус союзников, остальная территория была завоёвана [76, с.364].

Реформа перераспределения общественной земли, предложенная Тиберием и Гаєм Гракхами (бывшими трибунами в 133–121 гг. до н.э.)

для увеличения числа граждан, и их предложение дать гражданство всем италикам не удалось провести, хотя около 80 тыс. человек получили в Италии и Карфагене землю, а в 111 г. до н.э. был принят закон, объявлявший эту землю частной. Однако случалось, что несмотря на увеличение числа граждан и союзников бойцов не хватало. После поражения в битве при Каннах (216 г. до н.э.) в Риме был объявлен набор в войска всех способных носить оружие в самом Риме, среди латинян и союзников. Рабам было предложено добровольно идти на войну, за что государство выкупало их у хозяев. Добровольцев среди рабов было набрано 8 тысяч. Пожелавшим вступить в армию 6-ти тысячам заключённых дали свободу. Богатства храмов и частных лиц, выданные добровольно или под обязательство возместить, также были израсходованы на военные нужды. В 209 г. до н.э. Публий Сципион захватил у карфагенян в Испании Новый Карфаген. Неполноправные жители города, которые были использованы им для военных нужд, были им обращены в государственных рабов, но им было обещано, что после окончания войны с Карфагеном они будут освобождены, если «докажут свою любовь к римлянам и усердие» [76, с. 454]. Югуртинская война (111–104 гг.) потребовала укрепления армии, и консул Гай Марий в 107 г. до н.э. набрал в войска всех желающих (около 5 тыс.) без учёта ценза, главным образом неимущих. Позднее в армию были взяты откликнувшиеся на призыв рабы [230, с. 468, 472]. Во время Союзнической войны (90–88 гг. до н.э.) римляне вынуждены были набрать в войско отпущенников, позднее (в 90 и 89 гг. до н.э.) им пришлось принять ряд законов, предоставляющих римское гражданство сначала италикам — союзникам Рима, затем всем, кто сложит оружие, направленное против Рима, в течение двух месяцев. Новых граждан приписали только к нескольким трибам, чтобы они не имели большинства в народном собрании. Лишь во время I Митридатовой войны (89–84 гг. до н.э.) прошли законы, распределившие новых граждан и отпущенников по всем трибам. Ряд городов получил римское гражданство [76, с. 463–466, 471–472].

Практически бесправными оставались жители завоёванных Римом стран на территориях, получивших статус колоний. В 241 г. до н.э. в результате победы над Карфагеном в I Пунической войне римляне сделали Сицилию своей первой колонией. В 205 г. до н.э. был избран консулом и получил в управление провинцию Сицилию Публий Корнелий Сципион Африканский. В результате Пунической войны Рим присоединил 2 провинции: Южную и Юго-Восточную Испанию. Во II в. до н.э. на завоёванной территории была создана провинция Иллирик. После Второй македонской войны в 196 г. до н.э. во время Истмийских игр Тит Квинкий Фламиний объявил о свободе греческих государств. После поражения от Рима в III Македонской войне и восстания Андриска в 148 г. до н.э. была превращена в римскую провинцию Македония. В 146 г. до н.э. после победы над Ахейским союзом (несмотря на то, что ахейцы включили в войска 12 тыс. освобожденных рабов, родившихся в Греции) Грецию сделали римской провинцией Ахайей. Вся Греция была подчинена контролю римского наместника, лишь Спарта и Афины остались

союзниками Рима [76, с. 447–452]. В результате побед Помпея в войне с Понтом и Арменией были созданы в 74 г. до н.э. провинции Вифиния и Понт, позже — Сирия. В середине I в. до н.э. города Картея и Кордуба в Испании стали римскими колониями [76, с. 447–452, 461, 477].

Во главе провинции стоял консул или претор (позднее «лицо с консульской или преторской властью», вручаемой сенатом после консулата или претуры). Наместник обладал административной, судебной и военной властью, позволяющей вести войну на подопечной территории. Ему помогала преторская когорта: легаты (заместители), которым мог поручаться суд, «друзья», квестор (казначей), ликторы (носители магистерских регалий, его телохранители, исполнители наказаний), порученцы, писцы, переводчики, посыльные, глашатай и другие непостоянные помощники. В когорту могли входить близкие наместнику люди, лично зависимые от него и даже его рабы. В финансовую деятельность включались также откупщики государственных доходов. Местные системы управления завоёванных стран также использовались римлянами, если они не противоречили римским законам. Часть земель провинции обращалась в римское общественное поле, а города за редким исключением облагались налогом [76, с. 448]. Тем не менее римлянам приходилось для удержания местных администраторов поощрять присвоением тех или иных прав. Нередко случалось, что на завоёванных территориях верные Риму отдельные граждане и даже фамилии получали римское гражданство. Так, например, в Гадесе глава семьи Бальбов получил гражданство при Помпее, а после того как поддержал Цезаря стал сенатором. Сенатором стал и его сын. Право римского гражданства получил город Сагунт в Испании. В правление Цезаря всё население Предальпийской Галлии и города Гадес в Испании получило права римского гражданства. В то время население Гадеса насчитывало 50 тыс., и 500 человек из них было римскими всадниками [76, с. 534, 546].

В IV в. до н.э. в Римской республике в основном была сформирована государственная система. Во главе Римского государства был сенат из 300 членов, комплектовавшийся из бывших магистратов. Сенаторы делились на консуляриев, преториев и квесториев. Тот, кто стоял в списке сенаторов первым, назывался принцепсом и имел право при опросе мнений высказываться первым. Сенат руководил внешней политикой и распоряжался казной. Формально сенат не обладал законодательной инициативой, но его мнение до 287 г. до н.э. значительно влияло на деятельность магистратов и на принятие законов. Несмотря на включение в сенат плебеев (а с 304 г. до н.э. даже потомков вольноотпущенников) им продолжали руководить преимущественно патриции. Исполнительная власть принадлежала магистратам. Все чиновники должны были включаться ординарные магистратуры. Во время мятежей, войн, стихийных бедствий выбирали экстраординарных магистратов: диктатора (которому должны были подчиняться все магистраты), назначаемого на срок, необходимый для решения стоящей перед Римом проблемы, но не более 6 месяцев, и его помощника — начальника конницы. И старших магистратов: консулов, преторов и цензоров, — и младших: эдилов и квесто-

ров избирали в центуриатных комициях. Консулы и преторы обладали неограниченной властью. Консулы, преторы и курульные (из плебеев) эдилы торжественно восседали на креслах, украшенных слоновой кожей. Члены жреческих коллегий также были магистратами, избираемыми народом. Главная законодательная роль в Риме принадлежала народным собраниям. Выборы высших должностных лиц происходили на Марсовом поле в центуриатных комициях. В течение IV в. до н.э. роль куриатных комиций сократилась до регулирования внутрисемейных и внутрисемейных проблем. Зато возросла роль собиравшихся на Форуме плебейских трибутных комиций, где не учитывался имущественный ценз собравшихся. Каждая триба обладала одним голосом. В 312 г. до н.э. в сельские трибы было разрешено записываться торговцам и ремесленникам, а в 304 г. до н.э. запрещалось освящать (а, следовательно, было бессмысленно и строить) дома и алтари без разрешения трибы. Теперь «плебисциты» (решения плебса в трибах) приобрели ещё больший вес. В 339 г. до н.э. был повторен закон 449 г. до н.э., согласно которому плебисциты являются законами, обязательными для всех граждан при одобрении их сенатом, но теперь плебисцит одобрялся сенаторами, среди которых были уже сенаторы из плебеев, а с 287 г. до н.э. плебисциты уже не требовалось утверждать в сенате [76, с. 370–371].

Вместе с тем, постоянно происходила дифференциация плебеев. Из их среды, с одной стороны, выделялась знать, с другой — пролетариат. При этом даже в конце республиканской эпохи часть плебса еле сводила концы с концами. Уже в конце II в. до н.э. был принят закон, по которому городскому плебсу стали продавать хлеб по цене ниже рыночной, а в 100 г. до н.э. трибун Апулей Сатурнин провёл закон ещё более снижающий цену на хлеб. Тем не менее, уже в течение IV в. до н.э. плебеи добились допуска ко всем магистратурам. В 351 г. до н.э. плебеям разрешили занимать должность цензора, по закону Генуция 341 г. до н.э. оба консула могли быть плебеями, с 337 г. до н.э. плебеям разрешалось быть преторами, с 331 г. до н.э. плебеи добились, что назначавшихся консулами военных трибунов стали избирать. В 367 г. до н.э. плебеи получили право входить в коллегию жрецов, хранителей и толкователей Сивиллиных книг, а также сборника прорицаний, и 5 жрецов из 10 было выбрано из плебеев, а в 300 г. до н.э. число коллегий авгуров и жрецов, в которые допускали плебеев увеличилось. В результате подобных мероприятий плебеи фактически были уравнены в правах с патрициями. Народные трибуны стали теперь старшими магистратами. При этом народных трибунов и плебейских эдилов можно было избрать только из плебеев. Случалось, что патриции, желая стать трибунами, переходили из патрицианского рода в плебейский. Борьба плебеев с патрициями за равноправие привела к тому что слова *populus* и *plebs* стали означать одно и то же — «простой народ», отличный от аристократов. Гражданином Римской республики теперь был тот, кто считался римским подданным, происходил из римского рода и был свободен. Он имел право участвовать в комициях и быть избранным на какую-либо должность, владеть имуществом и быть под охраной рим-

ских законов. Поскольку все чиновничьи должности в Риме не оплачивались, то избираться на должности могли позволить себе лишь богатые люди. Таким образом Римская республика осталась по своей сущности аристократической, хотя римская знать и пополнилась за счёт плебеев [76, с. 368–371].

Клиентела помогала патрициям получать голоса на выборах в магистратуру, поэтому бывало, что часть рабов стали отпускать на свободу, чтобы увеличить клиентелу. В 357 г. до н.э. был принят Манлиев закон, по которому выходящий на волю раб должен был выплачивать казне налог в 1/20 выкупной цены. Обезземеленные плебеи нередко обращались за займом к богачам. По закону 12 таблиц, ежегодный процент не должен был превышать 8 и 1/3%, но фактически обычно превышался. Попавшие в кабалу граждане не могли принимать участие в войнах, что значительно ослабляло римскую армию. В связи с выступлениями бедноты и необходимостью усиления войск в 352 г. до н.э. долги были погашены за счёт казны. В 347 г. до н.э. заимодавцев обязали снизить процент в два раза, а уплату долга отсрочили на 3 года, в течение которых долг можно было уплатить равными долями. В 332 г. до н.э. эдилы привлекли к суду ростовщиков и добились их осуждения за нарушение правил предоставления кредита, а подобный процесс в начале III в. привёл жадных ростовщиков к конфискации имущества. В 104 г. до н.э., когда выяснилось, что многие «заморские» союзники Рима вывезены публиканами в качестве рабов, сенат постановил, что ни один свободнорождённый из народов, союзных Риму не может оставаться в рабстве. Успели освободить только 800 человек, потому что местные власти прекратили расследование незаконного обращения в рабство, которое вызвало восстание рабов [76, с. 366–369].

Возделывание земли считалось трудом, достойным свободного человека. Занятие ремеслом, наоборот, не вызывало уважения. Дело в том, что ремесленники получали за свою работу плату, но зависимость от оплаты (любой заработок) рассматривалась как личная зависимость, подобная рабской. Особенно ценилась земля, передаваемая по наследству, а её продажа осуждалась. Труд на земле осуществляла родовая община — «фамилия», которая включала группу родственников, рабов, рабочий скот и землю. Главой фамилии и распорядителем работ был отец фамилии. Его дети и внуки были у него в подчинении. Рабы, не будучи членами рода, становились бесправными членами фамилии [76, с. 454, 458]. Уже в конце IV в. до н.э. в патрицианской среде к этому времени земли, принадлежавшие родовым общинам превратились в частную собственность глав фамилий.

В последней трети IV в. до н.э. в Римском государстве было уже столько рабов из числа иноплеменников, что кабальный труд значительно обесценился. Наконец, в 326 г. до н.э., по закону Петелия, должник отвечал перед кредитором только имуществом, закабалить было уже нельзя. Не всех пленных обращали в рабов: кого-то только наказывали, кого-то выкупали, но многочисленные войны поставляли тысячи рабов: и воинов, и часть мирного населения, включая женщин

и детей. Некоторые рабы становились государственными и помогали магистратам и жрецам. Владельцами рабов могли быть и патриции, и знатные дамы, и чиновники, и даже весталки. Некоторых рабов хозяева приближали к себе, даже воспитывали вместе с детьми. Одна из рабынь в 331 г. до н.э. донесла на матрон, отравивших ядами много людей, за что её освободили. Многие рабы выполняли роль прислуги, но крупные землевладельцы нередко использовали их труд в сельском хозяйстве. В IV в. до н.э. раб обычно ещё «сохранял черты человеческой личности. Рабы могли выступать в делах в качестве поручителей, нести жреческие функции при культе домашних Ларов, прибегать к убежищам и пользоваться защитой плебейских трибунов в случае особой жестокости к ним со стороны господ». «Работорговля производилась тогда преимущественно от имени государства, и вырученные деньги поступали в казну» [76, с. 369].

В конце республиканской эпохи отношения в римском обществе приобрели относительную стабильность. Крупный землевладелец-хозяин обычно посещал своё имение для инспекции и улучшений. В его отсутствие хозяйством управлял вилик (управляющий), обычно раб. Ему помогала вилика, часто его жена (хотя браки рабов не признавались), которая была ещё и ключницей. Кроме того в рабском хозяйстве использовались надсмотрщики и сторожи, среди которых могли служить и свободные. Рабыни ухаживали за домашними животными, работали в огородах. Другие рабыни трудились в домашнем хозяйстве, готовили еду, занимались домашними ремёслами: пряли, ткали. Рабы были также пастухами, отгонявшими стада на отдалённые пастбища. Во главе стоянки на пастбище был старший пастух, обычно раб. Он был обучен грамоте, чтобы мог составлять отчёты. На стоянках с пастухами жили женщины-рабыни, готовившие им обед. Часть рабов получала во владение «пекулий» (имущество), находящееся в собственности господина: участок земли, стоянку на пастбище, мастерскую, лавку. Раб мог даже совершать сделки по приказанию или с разрешения господина, «пользуясь правом господина». Рабу было выгоднее благодаря пекулию вести самостоятельное хозяйство, отдавая господину часть дохода, чем довольствоваться тем, что даёт хозяин. Раб мог иметь в своём пекулии других рабов — «викариев» (заместителей). Некоторые рабы-ремесленники работали за денежную плату. Пекулий позволял рабу копить деньги на выкуп, чтобы обрести свободу, и его работа становилась более производительной и выгодной и рабу, и хозяину. Отпуск раба на волю обычно был выгоден его господину. Отпущенник часто должен был господину отработать какую-то сумму, и, если выплатил долги, то становился клиентом своего бывшего хозяина-патрона. Хотя вольноотпущенник становился римским гражданином (правда с неполными правами), патрон мог использовать его в любом качестве: как владельца предприятия, управляющего, агента или просто работника. Патрону было выгодно также ссужать своего вольноотпущенного клиента деньгами, зная, что это надёжно и получая за это долю прибыли. Однако отпущенник был теперь юридически ответственным лицом, а его сын считался уже свобод-

норождённым и обладал всеми правами. В крупных мастерских обычно работал мастер (которым мог быть и свободный и раб), его помощники и разнорабочие. В некоторых мастерских, особенно выпускающих товары массового спроса, собиралось до сотни работников. Такие мастерские могли распадаться на мелкие или быть сданы по частям в аренду. Чаще встречались мелкие мастерские, где работал мастер и несколько рабов. Нередко бывало, что свободный мастер сдавал рабу мастерскую или отделившуюся от неё часть и отпускал такого раба на волю, что случалось гораздо чаще, чем в сельском хозяйстве. Крупное основанное на рабском труде хозяйство: будь то большая вила или ремесленная мастерская становились низкорентабельными, потому что контролировать труд там было затруднительно, а незаинтересованность рабов в труде сопровождалась низкой производительностью. Кроме того, всегда существовало опасение, что большое хозяйство может оказаться нерентабельным, и обладать несколькими хозяйствами представлялось более надёжным [76, с. 455–460].

В первых веках до н.э. появляются книги с рекомендациями по сельскому хозяйству. Примером такого опуса может служить книга «Земледелие» Марка Порция Катона Старшего (II в. до н.э.), где предлагались бережливость и расчётливость. Советовалось использовать средние хозяйства. Предлагалась покупка нужного инвентаря и его продажа, когда в нём отпадала необходимость. То же относилось и к рабам, которых надо кормить так, чтобы они могли успешно работать, и продавать, если они постарели или заболели. Рекомендовалось возделывать лишь приносящие хороший доход культуры: оливки, виноград. Для продуктов рекомендовалось хранилище, чтобы можно было выждать наиболее выгодного момента для наивысшего дохода от продажи. Поскольку земледелие для римлянина было связано с домоводством, постольку Катон предлагает тексты молитв о благополучии, рецепты блюд и т.п. Рекомендации по хозяйству содержатся, например, и в сочинении Варрона «Сельское хозяйство» (I в. до н.э.), где множество рекомендаций по отгонному скотоводству и животноводству, ориентированным на шерсть [76, с. 455–456].

Отношение к рабам как к имуществу, особенно свойственное крупным латифундистам подобным Катону, издевательства и наказания, даже постоянные чувства несвободы и несправедливости вызывали стремление к освобождению, которое порой приводило к восстаниям. Нередко наряду с рабами восставало бесправное, неполноправное и обманутое население. Стремление рабов к свободе вылилось, например, в участие их в восстании воинов в Кампании в 342 г. до н.э. Во II в. до н.э. кризисные явления в Римской республике нарастали. В это время римский сенат принял ряд постановлений затруднявших латинам достижение римского гражданства. Недовольство подданных Римской республики, не имеющих гражданства, постоянно росло. Во II в. неоднократно восставали народы на территории Испании и Португалии. Со 154 по 139 гг. до н.э. продолжалось восстание под руководством Вириата. Затем центром восстания до 133 г. до н.э. был город Нуманция. В 137–132 г.

до н.э. на Сицилии происходило восстание рабов, собравшее до 200 тыс. инсургентов. В 104–101 гг. до н.э. произошло второе восстание сицилийских рабов. После того как сенат не пропустил закон, дающий римское гражданство италикам, в Италии вспыхнуло восстание, превратившееся в Союзническую войну (90–88 гг. до н.э.). В течение этой войны римляне приняли ряд законов, дающих право римского гражданства союзникам, оставшимся верными Риму, затем тем, кто в течение двух месяцев сложил оружие. В 88–82 гг. до н.э. в Римской республике произошла гражданская война. В 88 г. до н.э. консул Луций Корнелий Сулла с шестью легионами захватил Рим. В 73–71 гг. до н.э. разразилось восстание Спартака, который собрал армию в 70 тыс. После поражения восставших 6 тыс. пленных рабов было распято вдоль дороги от Рима до Капуи [76, с. 367–371, 452, 462–475].

Римляне выпасали скот на зимних равнинных и летних горных пастбищах, которые принадлежали к «общественному полю». Пастбища сдавались откупщикам, которые собирали с хозяев стад плату и вносили её большую часть в государственную казну. Овец и мулов пасли на летних и зимних пастбищах, коров и свиней — в лесах, коз в скалистых местах. В пригородах выращивали ранние овощи, дорогие фрукты, цветы, разводили птиц, среди которых славились редкие и дорогие, например, павлины, «африканские куры» [76, с. 456–457].

Сельское хозяйство было напрямую связано с городским ремеслом, от которого оно получало сельскохозяйственные орудия, телеги, прессы, бочки, чаны, корзины, вёдра, кувшины, посуду, утварь, одеяла, одежду, обувь. Некоторые вещи делались ремесленниками на заказ. Некоторые изделия, например, прессы, привозились, монтировались мастерами, которые приглашались и для отлаживания других сложных изделий. Ремесленников (как рабов, так и свободных) можно было подрядить или нанять. Развивались традиционные ремёсла: плотничье, гончарное, суконное, но наряду с ними возникали и новые, например, хлебное (Ранее хлеб выпекали в своих хозяйствах.), множились ремёсла, производящие различные предметы роскоши. Приток рабов, среди которых встречались высококвалифицированные ремесленники способствовал развитию и дифференциации ремёсел. Очень рано началось объединение ремесленников в коллегии по профессиям [76, с. 458–459].

Внешняя торговля была рискованным предприятием: штормы, нападения пиратов требовали крупномасштабной торговли, умения извлекать выгоду из колебаний цен, использовать выгодные ситуации. Обычно торговцы спекулировали заранее закупленными запасами товаров (например хлеба), продаваемых по завышенной цене, когда в них возникла нужда. Рабы широко использовались не только на торговом флоте в качестве гребцов и шкиперов, но бывали при торговых операциях счетоводами, казначеями, агентами, действовавшими, используя «право господина», в его интересах. Хозяева доверяли руководить их отдельными предприятиями отпущенникам, иногда делая их подставными лицами на случай обнаружения, что их операции нарушают закон [76, с. 460].

Вместе с торговлей процветало ростовщичество, которое у населения не вызывало симпатий. Тем не менее ростовщический капитал паразитировал и на нуждах отдельных граждан, и в торговле, и при организации сбора государственных доходов. Особой жадностью отличались «публиканы» — откупщики государственных доходов: налогов, пошлин, поступлений от эксплуатации рудников и т.п., — в провинциях. Их «товарищества» нередко оставались в Риме, а на места посылались управляющие с аппаратом помощников, главным образом из рабов. Занимаясь ростовщичеством, публиканы частенько вывозили своих должников в Рим в качестве рабов. Нередко между наместниками и публиканами устанавливалось полное согласие, и источники порой сообщают об «опустошённых» ими провинциях. Правители провинций, как правило, не стеснялись извлекать выгоду из своих должностей, используя все способы лихоимства. Наделённые военными полномочиями они с удовольствием подавляли восстания, собирая военную добычу. Более того, порой они сами провоцировали восстания и военные столкновения, чтобы иметь возможность для грабежа. Узаконенным ограблением местного населения провинций занимались и частные лица: ростовщики, богатые купцы, владельцы крупных земельных участков, стад скота, подрядчики разного рода, например, сдававшие своих рабов в наём для работы в рудниках. Среди этих предпринимателей были римские граждане из разных сословий и италики, которые часто даже не покидали родных мест, а отправляли вести дела рабов или отпущенников, которые, получив гражданство, но не имея корней в Италии, проявляли наибольшую мобильность. Римляне и италики, чтобы легче было захватить ключевые позиции в политической жизни и в экономике провинциальных городов, объединялись в «конвенты» (собрания, сообщества), поддерживавшие друг друга [76, с. 460–461].

Создание самой сильной среди окружающих стран державы, постоянно выходящей победительницей в борьбе с соседями, породило у римлян представление о великом предназначении Рима, пользующегося покровительством богов, и исключительности его судьбы, обеспечивающей ему власть над миром и величие, об истории как истории героев и героических подвигов. История идеализировалась, а воинская доблесть предков вызывала восхищение у римлян и стремление к подражанию, желание проявить свою воинскую доблесть, чтобы достичь общественного признания, почестей, заслуг и славы. Слава предков оберегалась родом и фамилией, которая становилась знатной, хранила изображения предков и обязывала потомков блюсти славу и стараться её превзойти. Соблюдение традиций стало важной составляющей римской культуры. Вместе с тем, римской культуре был свойствен и динамизм, связанный с раннеисторическими контактами с культурами других народов. Несомненно, что более высокая этруская культура вызывала желание ассимилировать всё лучшее, чего не было в культуре латинов. Экспансия III–II вв. до н.э. вывела римлян на контакты с более высокими культурами Греции, Передней Азии, Северной Африки, и римляне не только грабили эти страны, вывозя в Рим статуи богов, библиотеки,

но и рабов-мастеров и рабов-учёных, у которых можно было многому научиться. Ассимиляция культурных достижений других народов — другая характерная черта римской культуры [76, с. 481–482].

Гордясь своим величием римляне полагали также, что социально-политическое устройство их государства является наилучшим и справедливым, и сложившиеся отношения стремились закрепить в законах. Римские правовые нормы должны были, прежде всего, утвердить право патера фамилии на принадлежащую ему собственность, в том числе и на рабов, отразить его интересы, обеспечить права, обрисовать его компетенцию, его обязанности и ответственность и, вместе с тем, удовлетворить интересы или хотя бы сохранить в состоянии относительного спокойствия всех полноправных, неполноправных и бесправных членов общества. Римляне рассматривали основой права Законы XII таблиц, содержащие общие нормы, по которым можно было регулировать типические отношения. В 304 г. до н.э. был опубликован судебный календарь и исковые формулы, но и этого было недостаточно на все случаи жизни. Необходимо было толковать обычное и писанное право и новые прецеденты, чем сначала и занимались верховные жрецы, несмотря на уже произошедшее разделение сакрального и гражданского права. Буквальное воспроизведение правовых норм требовалось во всяком разбирательстве, но надо было суметь каждый конкретный случай подвести под нормативную формулировку, чем стали заниматься юристы, перетолковывая нормы в чьих-то интересах. В начале II в. до н.э. юрист Секст Элий Пет Кат (бывший в 198 г. до н.э. консулом) опубликовал накопившиеся к этому времени законы, их толкования и формулы ведения судебных дел, но и эта публикация не позволяла обходиться без толкователей. Во второй половине II в. до н.э. начала складываться ещё другая система права, берущая начало от эдиктов, изданных магистратами, обладавшими судебной властью — преторское право, введённое в помощь гражданскому. Преторское право помогало приравнивать разбираемые ситуации к тем, которые соответствовали гражданскому праву. Теперь юристы получили возможность перетолковывать законы, исходя из смысла и цели, «по справедливости». Решения стали приниматься не только по букве закона, но и по аналогии. Всё это стало позволять судье или магистрату выбирать решение. Первый краткий комментарий к преторскому эдикту (предписанию претору, согласно которому, должен действовать претор) составил в начале I в. до н.э. Сервий Сульпиций Руф (124–88 гг. до н.э.) [76, с. 491–492].

По мере развития римского общества развивалась и его культура. Среди богов Юпитер становился всё более и более почитаемым. Например, в 439 г. до н.э. в храм Юпитера Ферретрийского были пожертвованы снятые с убитого царя Вей Ларта Тулумния пышные доспехи [230, с. 358]. В пантеон включается Меркурий, покровитель путешественников и торговцев, которому в 495 г. до н.э. у Колоссеума (Большого цирка) воздвигается храм. Вместе с тем, почитается и ряд абстрактных понятий: Сводода, Доблесть, Согласие, Здоровье. У подножия Капитолия Согласию даже воздвигается храм.

Определённым своеобразием отличался римский похоронный обряд. На Форум на колеснице везли тело выдающегося покойного. Его сопровождали «знаменитые предки» — люди по фигуре похожие на предков, надевшие раскрашенные маски, снятые с лиц покойных предков, и одетые в одежду, соответствующую должностям предков. Покойника ставили в кресла из слоновой кости. Сын или другой родственник произносил перед присутствующими на похоронах похвальную речь о деяниях умершего, чтобы скорбь родных вылилась в общенародную печаль. Затем ораторы, начиная со старшего предка, рассказывали о подвигах всех других предков. Таким образом увековечивалась память о заслугах выдающихся людей, а молодёжи оставались примеры для подражания. От этрусских погребальных обрядов с человеческими жертвоприношениями вели происхождение гладиаторские бои. Сначала они также сопровождали в Риме погребальный обряд, но с середины III в. до н.э. превратились в публичное зрелище, устраиваемое на Форуме. В 174 г. до н.э. Фламинин на похоронах отца устроил трёхдневные игры, в которых приняло участие 74 гладиатора, а в 160 г. до н.э. на погребальные игры в память Луция Эмилия Павла сбежались даже зрители с представления «Свекрови» Теренция. В конце II в. до н.э. гладиаторские игры стали давать магистраты, что объединяло толпу зрителей, вызывая у неё психическое заражение единым чувством, и способствовало популярности устроителя, и этим могло помочь ему на выборах. Осознавая жестокость гладиаторских боёв, римляне полагали, что такое зрелище помогает воспитывать мужество, преодолевая страх боли и смерти. С начала II в. до н.э. в Большом цирке стали травить зверей. Сначала на них устраивали нечто похожее на охоту, потом стали сраживать между собой и наконец заставляли драться с вооружёнными людьми [76, с. 488–490].

С ростом экономической и политической жизни росла и культура. Появились знаменитые ораторы, стала усовершенствоваться письменность. Вместе с тем, продвинутые граждане (преимущественно из знати), видевшие высокий уровень соседней этрусской культуры стремились научиться этрусскому языку, особенно, чтобы знать этрусскую литературу и мантику, нашедшую множество приверженцев в Риме. Очевидно, в подражание этрускам в Риме распространились праздники Фесценнины по случаю урожая, триумфов, свадеб, во время которых люди шутили, вели остроумные диалоги, исполняли весёлые песни. Из Этрурии пришли и спектакли, когда по совету этрусков во время моровой язвы 364 г. в Рим были приглашены актёры, исполнявшие пантомиму и танцевавшие под флейту. Римляне добавили к этим номерам куплеты и диалоги. Актёрами, которых называли этруским словом «гистрионы» стали либо люди низкого происхождения (потому что актёрская профессия считалась низкой), либо иностранцы. Одноактную комедию масок римляне позаимствовали из Кампании у осков. При строительстве римляне также пользовались опытом этрусков, создавая города и строя дома по плану. Шкатулки и шкафы также пришли из Этрурии. Подобно этрускам, римляне использовали ларарии для хране-

ния масок умерших предков, откуда позднее появились реалистические скульптурные портреты. В начале IV в. до н.э. после пожара во время нашествия галлов вокруг Рима была построена мощная оборонительная стена. В конце IV — начале III вв. до н.э. по инициативе консула Аппия Клавдия Цека был возведён шестнадцатикилометровый акведук, способный снабжать Рим водой даже во время осады, и построена мощёная Аппиева дорога, соединившая Рим с Капуей, прошедшая через понтийские болота, через которые был прорыт канал. В IV в. до н.э. достроили общегородскую канализацию – Великую клоаку [76, с. 481–492].

По-видимому, первыми формами речевой культуры были надгробные надписи, заклинания, молитвы, гимны богам, формулы обычного, а позже юридического, права. С середины III в. до н.э. известны надгробные надписи в стихах. Первым римским поэтом стал грек-раб из Тарента Андроник Ливий (около 280–204 гг. до н.э.). Андроник учил детей сенатора из рода Ливия греческому, а также латинскому языку по своей впервые разработанной методике обучения. Основой обучения стали поэмы Гомера, для чего Андроник перевёл «Одиссею» на латинский язык сатурнинским стихом (стихом римской народной поэзии) и в результате перевода стал известен. Должностные лица стали заказывать ему трагедии и комедии для Римских игр. Андроник их переводил, переделывал и сочинял, исходя из греческих образцов и сам в них играл. В 207 г. до н.э. он получил заказ на молебный гимн Юноне [76, с. 482–483].

Тит Лукреций Кар (между 99–95–55 гг. до н.э.) вошёл в историю как поэт и философ. В поэме «О природе вещей» он не только в стихах изложил атомистическую теорию, но впервые близко к действительности описал подлинный прогресс человеческого общества, отмечая между прочим, что вера в богов придумана людьми, и призвал к познанию мира. Гай Валерий Катулл (около 87 — около 54 гг. до н.э.) в своих стихотворениях уходил в мир друзей и любви. Для его стиля характерны то брань, то тонкая лирика, сочетающаяся порой с рассудочностью, а чаще с эмоциональной напряжённостью, иногда становящейся трагической [76, с.488].

Религиозные празднества издревле сопровождались зрелищами. Почти каждый праздник устраивали конские бега в расположенном между холмами Авентином и Палатином Большом цирке, в которых охотно участвовали одни граждане, а другие отправляли коней с наездниками-рабами. Хозяина победившей упряжки награждали венком, что считалось очень почётной наградой. Высшим признанием заслуг служил триумф — торжество по случаю победы, устраиваемое в честь победителя. Победивший полководец в запряжённой четвернёй колеснице, украшенной атрибутами Юпитера, в расшитой золотом одежде направлялся через весь город к храму Юпитера Капитолийского. Перед ним везли добычу, изображения и надписи названий покорённых городов, стран и народов. Далее вели захваченных в плен царей или полководцев, которых потом отправляли в тюрьму и затем часто убивали. Перед колесницей шли ликторы со знаками власти. За триумфатором шло с песнями войско. В завершение устраивался пир для народа [76, с. 488].

Сначала спектакли устраивались раз в год на Римских играх, но с рубежа III-II вв. до н.э. сценические представления стали давать ежегодно ещё три раза. Вскоре представления начали устраивать по поводу триумфов, погребальных игр. Сначала спектакли разыгрывали на широкой, но невысокой сцене на деревянных подмостках. На заднике вешали рисованную декорацию, обычно изображавшую городскую площадь с домами с вырезанными дверями и окнами. Зрители стояли толпой, и лишь в 194 г. до н.э. отгородили места для сенаторов. Около 154 г. до н.э. сенаторы разрушили первый строившийся театр, признав его безнравственным. Лишь в 50 г. до н.э. было построено первое здание театра [76, с. 489–490]. О спектаклях, игравшихся в первой половине дня объявляли глашатаи. Эдил или претор отвечал за представление. Театральные труппы, как правило, возглавлял отпущенник. Труппу обычно составляли его рабы и другие отпущенники. Актёры играли без масок, но у каждого сценического типа был свой костюм, хотя один актёр мог появиться в двух-трёх ролях. Играя женскую роль, мужчина белил руки. Женщины стали играть только после возникновения мима в I в. до н.э. Музыкальные номера и пение были обычными для спектакля.

Вскоре переводы и переделки греческих комедий прижились и составили особый жанр — «паллиату» (комедию плаща, который носили её герои). Младший современник Андроника поэт Гней Невий обратился уже к римской истории, создавая, исходя из легенд и фактов, эпос и трагедии на римские сюжеты. Невий написал сатурнинским стихом поэму о I Пунической войне и ряд паллиат, в которых порой намекал на знатных современников. Крупнейшим римским поэтом стал уроженец города Рудий в Апулии, жители которого говорили по-оскски и по-гречески, Квинт Энний. В свои эпические произведения он ввел латинский стих в размере гекзаметра. Его эпическая поэма «Анналы» («Летопись») изложила мифическую и реальную историю римлян. Энний переводил также греческие трагедии Еврипида и других авторов и сам писал трагедии из римской истории, комедии и сатиры. Он также изложил в стихах учение греческого философа Евгемера, объяснявшего мифологию как обожествление живших в прошлом людей. Находясь под влиянием Евгемера, Энний утверждал, что боги не вмешиваются в жизнь людей, но жрецы — суеверны, а ворожеи — невежественны, хотя готовы предсказывать людям богатства, чтобы собрать с них деньги [76, с. 483–484].

Марк Порций Катон (234–148 гг. до н.э.), уроженец Тускула, живший в юности в Сабинской области, всю жизнь писал работу «Начала», рассматривая историю Римской республики как историю Италии. Хотя Катон исходил из великодержавной позиции, он сухо описывал события, излагая историю войн, а не полководцев, фамилии которых даже не называл. Сухим деловым языком написан и целиком дошедший до нас его трактат «О земледелии». Книга написана в форме рекомендаций для успешного ведения хозяйства. В трактате перечисляется необходимый сельскохозяйственный инвентарь, рекомендации мест выгодных поку-

пок и продаж, рационы питания для работников, рецепты для домашнего лечения, тексты молитв и многие другие советы. В «Повести о нравах» экономный Катон выразил протест против привозимой в страну роскоши, которая ведёт к лени и развращает граждан. Сохранились также его «Наставления к сыну» и письма к нему [76, с. 484].

Тит Макций Плавт (250–184 гг. до н.э.) прославился как комедиограф. Написанные прекрасным литературным языком паллиаты Плавта включали отрывки из греческих пьес, из итальянских народных комедий, грубые шуточные народные песенки, объединённые яркой буффонадой. Во время представлений актёры часто обращались к публике, вовлекая её в игру. Действие пьес происходило в Греции, герои носили греческие имена, но поминались римские улицы, римские чиновничьи должности (например, сенаторов), римские законы, и зрители узнавали римскую жизнь с хитрыми рабами, рвущимися к управлению и на свободу, с молодёжью, обманывающей стариков и т.д. Вскоре Публий Теренций Афр (около 190–159 гг. до н.э.), по происхождению раб из Африки, стал писать паллиаты, сверяясь со стилем лучших греческих комедий. Для него характерна тщательная разработка сюжета, тонкая психология поступков героев, прекрасный язык, но без искромётного народного юмора и темпераментного действия [76, с. 484–485].

В рассматриваемый период эпическая героика сменилась скороспелыми поэмами по случаю побед полководцев, покровительствующих авторам. Широкое распространение получили сатиры, отражающие отношение автора к происходящему вокруг. Основоположником сатир можно считать Гая Луцилия, который отказался от политической деятельности ради критики общественных нравов и традиционной державной морали. Сатиры Луцилия в поэтической форме хронологически последовательно описывали наблюдаемые автором события и, невзирая на лица, обличали нравы известных политиков [76, с. 485].

Паллиаты вскоре сменили «тогаты», написанные уже на римские темы, где психологизм сочетался с народным юмором, нередко обращённым к женским характерам. На рубеже II–I вв. до н.э. комедии несмотря на поэтические тексты превратились в фарсы с грубоватыми сюжетами и грубым юмором. К середине I в. до н.э. утвердился мим, восходящий к фольклорному фарсу. Сюжеты мима как правило — анекдотические, часто сопровождаемые непристойностями. Нередко в миме обыгрывались человеческие уродства, недостатки, применялось передразнивание дефектов речи, интонаций, жестов, но использовалась импровизация [76, с. 485–486].

Великодержавный подход к истории Рима требовал, чтобы историю писали почтенные магистраты. Такого рода историком стал сенатор Фабий Пиктор, писавший в период II Пунической войны. Его сочинение носило пропагандистский характер, для чего было написано на греческом языке. Обычно же писали на латыни. Традиционно исторические сочинения начинались от основания Рима, но описывались и события близкие к современности. Традиционному подходу была чужда история других стран, которой обычно не касались, полагая, что главное — ве-

личие Рима. Стремление привести язык в соответствие с принципами риторики часто вело к высокопарности, приукрашиванию и искажению событий. Вольтацилий Пилут, бывший раб-привратник у Гнея Помпея Страбона, потом был отпущен и воспитывал его сына, Гнея Помпея Великого. В I в. до н.э. он взялся писать историческое сочинение, изложив историю отца и сына Помпеев. В середине I в. до н.э. Гай Саллюстий Крисп писал исторические сочинения сжатым стилем в традиционном духе возвеличения Рима с психологическим подходом в драматических тонах, противопоставляя героические традиции критикуемой им за безнравственность современной ему знати [76, с. 486]. Немного в стороне от исторической традиции стоят «Записки» Гая Юлия Цезаря, в сухой форме рассказывающие о его деятельности, одновременно обосновывающие её и прославляющие его как выдающегося политика и полководца.

Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) считается лучшим римским оратором. Ему принадлежит несколько трактатов, в которых не только изложена история римского ораторского искусства, но и методика красноречия, где Цицерон давал советы как убеждать точными доводами и специальными ораторскими приёмами, психологически воздействуя на слушателей, применяясь к обстановке. Цицерону принадлежит и ряд философских трудов, в которых он изложил преимущественно греческие философские учения для ознакомления римлян и применения их на практике, не становясь ни на чью точку зрения. Значительное число писем, относящихся к 63–43 гг. до н.э. даёт представление о Цицероне как человеке и политическом деятеле, а также о политиках той эпохи [76, с. 487].

От масок покойников ведёт происхождение реалистический скульптурный портрет [76, с. 489].

Гордые героикой и славой римляне стремились, чтобы и город получил славный облик. Строились храмы, посвящённые победам, воздвигались колонны в честь полководцев, ставились статуи знаменитых римлян. Во II в. до н.э. появились специфически римские торжественно-памятные сооружения — триумфальные арки. К этому времени римские строители научились использовать бетон, что позволило создавать своды и арки. Аркады стали главным несущим элементом акведука (надземного водопровода). Первым стал Марциев акведук 40-х гг. II в. до н.э. Колонны также использовались при строительстве, например, закрытого театра Помпея на 1700 мест (50-е гг. до н.э.). До нашего времени сохранились храм Фортуны (I в. до н.э.) с ионическими колоннами и полуколоннами на Бычьем рынке и неподалёку небольшой круглый храм Геркулеса (тоже I в. до н.э.) с коринфскими колоннами [76, с. 489].

Римская империя в начале эпохи расцвета

В 48 г. до н.э. разгромивший войска своих соперников диктатор Гай Юлий Цезарь был провозглашён императором (повелителем), но был убит республиканцами в 44 г. до н.э.. После его смерти в Римской

республике началась борьба за власть, сопровождавшаяся казнями, высылками и конфискациями. Например, триумвират Антония, Лепида и Октавиана (43 г. до н.э.) издал проскрипции о подлежащих казни 300 сенаторов и 2 тыс. всадников, а их имущества и деньги пошли на вознаграждения солдатам. В 42 г. до н.э. противников Октавиана в Италии выселяли и на отобранных у них землях селили ветеранов. В 39 г. до н.э. 30 тысяч захваченных в войне рабов вернули господам для наказания. Некоторых из них распял сам Октавиан. Усыновлённый Цезарем внучатый племянник Гай Юлий Цезарь Октавиан, победив своих противников, прибыл в Рим и установил в стране долгожданный мир, традиционный порядок и даже «простил» недоимки по налогам, и римляне, и свободные жители итальянских муниципалитетов и провинций были довольны установлением мира и утверждением их прав на землю и рабов. В 27 г. до н.э. Октавиан объявил о сложении с себя чрезвычайных полномочий и о возвращении власти сенату и народу, но вскоре был призван к правлению сенатом, присвоившим ему титул императора, который был главнокомандующим всеми войсками. 9 раз подряд, затем ещё 7 раз Октавиан избирался консулом, с 30-х гг он пожизненно получил должность народного трибуна, обладающего правом вето на любые распоряжения магистратов. На него также было распространено положение, согласно которому, римский народ «перенёс свою власть и величие» на императора. В этом качестве он стал высшим судьёй, обладающим правом помилования. Наконец, сенатом Октавиану был дрован титул Августа (Священного, Величественного). К тому же, он унаследовал от Цезаря титул сына божия, что утверждало сакральность его власти. В 12 г. до н.э. Октавиан Август получил также должность великого понтифика (верховного жреца), благодаря чему приобрёл высший контроль за исполнением религиозных культов. Во 2 г. до н.э. от имени сената и народа ему присвоили титул «отца отечества», что предписывало всем подданным не только повиноваться, но и оказывать почтение, и подкрепляло данную ему ранее присягу на верность римских граждан, которая требовала от подданных ставить его благополучие выше благополучия собственных детей. Было решено, что на императора свою власть и величие перенёс сам римский народ, и, следовательно, непочтение императору является оскорблением римского народа и равноценно измене родине. Августу были даны полномочия, которые потом стали передаваться всем последующим императорам. Среди них право делать по своему усмотрению всё «из дел божеских и человеческих» (общественных и частных), которые он сочтёт необходимыми для блага республики, при этом не нести ответственность за свои действия (что было установлено законами и плебисцитами), созывать сенат, ставить на голосование предложенные им законы, вносить любые предложения и отзываться их, предлагать кандидатов в магистраты, которых должны избирать в первую очередь и вне очереди, поручать магистратам любое дело, заключать любые союзы по своему усмотрению, расширять границы городов. Всё предписанное императором должно считаться таким же законным как совершённое по заказу народа или

плебса. Если же кто-либо, действуя по указанию императора, нарушит что-либо предписанное прежними законами, плебисцитами, постановлениями или разъяснениями сената, то не несёт ответственности [76, с. 479–481, 539–540, 545–546].

Постоянно демонстрируя, что сенат якобы является высшим органом власти, Август создал совет принцепсов, в который вошли его верные сторонники: Агриппа, Меценат, пасынки Друз и Тиберий и другие, которые фактически всё и решали. Получив права римского народа, Август и другие императоры стали верховными собственниками всей земли и получили контроль за распределением и обработкой земель, принадлежавших и римским гражданам, и италикам, и жителям провинций. Согласно новому закону, главное средство производства — земля была переведена из владения (*possessio*), подразумевавшего необходимость выполнять за пользование ею определённых обязанностей (платить налог, отбывать военную службу, выполнять общественные работы), но, главное, возможность лишиться её по решению властей, общины или в результате захвата богачём и аристократом, и перешла в собственность (*dominium*) её прежних владельцев, что означало её уже полную, безусловную принадлежность её хозяевам [76, с. 543], и отобрать её мог лишь император.

В качестве верховного главнокомандующего Август взял в управление провинции, в которых были размещены войска. Он назначил туда наместников, которые должны были командовать легионами. Видя опору в армии, в 5 г. н.э. он ввёл налог в 1/20 на наследство и в 1% на продажу рабов и отпуск их на волю, чтобы из этих поступлений ветераны могли получить 1200 сестерциев, положенных им при отставке. Примерно тогда же он разделил государственную казну на эрарий (медный фонд), остававшийся в ведении сената, который мог чеканить медную монету, и на императорский фиск (корзину с деньгами, кассу, куда поступали налоги с провинций и налоги на армию), который чеканил золотую и серебряную монеты. Египет стал личной собственностью императора, пополняя его казну, и сенаторам доступ в него был запрещён. Въезд сенаторов в провинции ограничили. Назначаемым сенатом наместникам Август оставил замирённые, романизированные провинции. Если Август считал необходимым, он брал на себя временные функции, 3 раза проводил переписи римских граждан, последовательно показавшие их численность в 4063, 4233 и 4937 тыс. человек. Когда потребовалось, он руководил обеспечением Рима зерном, осуществлял цензуру. При нём была составлена карта империи, начато составление кадастра земель в провинциях и определение ценза, согласно которому, отдельные жители и сообщества должны были платить подати [76, с. 539–541, 544, 559].

Политика Августа опиралась на соответствующую идеологию. Утверждая, что он восстановил «республику» Август не кривил душой. Восстановление «республики», т.е. «благосостояния граждан», «государственного порядка», законности действительно произошло. Август восстановил старые культы, жреческие коллегии и храмы, подчёркивал свою приверженность к традициям, восстановлению благочестия,

добрых нравов, охраняемых новыми законами, укрепляющими власть мужа и отца, дающими привилегии многодетным семьям, направленными против безбрачия и прелюбодеяний [76, с. 548–549].

Частью идеологии Августа и руководимой им империи стал культ императора. До некоторой степени его культ несомненно опирался на перенятые на Востоке традиции поклонения царям и высшим аристократам, но не следует забывать, что культ царей, ведущий своё происхождение от вождей, был хорошо известен в Риме в царскую эпоху, когда существовали юбилеи с убийствами старых ослабевших царей и выборами новых молодых и сильных для сохранения чудесной силы монарха, распространяемой на всех подданных. Сам Август старательно поощрял свой культ, а его ближайшие сподвижники продвигали, и многие подданные верили в его сверхъестественную благостную силу. Его Гений (дух) воспринимался как Гений отца всего Отечества. Культ Гения Августа был добавлен к культу Ларов (духов хранителей домашнего очага и покровителей конкретных людей), и отправлялся не только на римских перекрёстках, но и во многих итальянских городах. Даже многие поэты полагали, что Август, как и Цезарь, после смерти станет богом. В 14 г. н.э., когда Август умер, он действительно был причислен к богам, его культ получил широкое распространение, и этот культ обслуживали коллегии жрецов-августалов. Среди дворцового персонала Августа сложилась «Большая коллегия императорских Ларов и Изображений» (возможно, изображений предков, хранившихся в домах, особенно домах знати). Филиалы этой коллегии распространились во многих городах среди простого народа, вольноотпущенников и рабов. В календаре из Кум от 4 г. н.э. указывалось на знаменательные даты из жизни Августа, которые надо было отмечать. Среди них — его первое избрание в консулы; дни рождения его самого, а также его пасынков Друза и Тиберия и сына Друза Германика; день присвоения титула Августа; день посвящения алтаря Миру, когда надо было молиться «Империиу Августа, хранителя римских граждан и земного круга» [76, с. 557]; день провозглашения Императором «моления Счастью империи»; день избрания великим понтификом и т.д. Многие городские власти по всей империи просили разрешения воздвигать храмы в честь Августа (например, город Тарракона в 15 г. н.э.). В Лугдуне Друзом был воздвигнут алтарь Рима и Августа. Такой же алтарь существовал в центре германского союза племён убиев [76, с. 556–558]. Жители Нарбона в 12/13 г. н.э. обязались почитать «нумен» (чудодейственную силу) Августа, как они просили, «на благо Августа, его семьи, рода, сената, римского народа» [76, с. 557]. Как видно из последнего примера, вера в чудодейственную силу императора, распространяющего благость на всех подданных, сохранилась с эпохи возникновения племенных союзов. В Римской империи, когда император приобрёл огромнейшую власть, его нумен, чудодейственная сила священного вождя (подобная мане полинезийских вождей и аристократов) соответственно увеличилась до силы бога (подобной силе царя Верхнего и Нижнего Египта). Несомненно, что тут не может быть полной аналогии ни с Меланезией,

ни с Египтом, хотя бы потому, что к вере в нумен примешивалась вера в Гения и в Ларов, а также поклонение Изображениям (Невредно вспомнить египетскую душу Ка, дублирующую тело, и культы предков, способных быть покровителями или злодеями.), но суть остаётся прежней: великий человек обладает чудодейственной силой, которая может быть и полезной и вредной.

Хотя ещё в 27 г. до н.э. вернувшись в Рим Октавиан удалил из сената оппозицию, оставив из тысячи сенаторов 600 человек, во времена его правления значительно расширился бюрократический аппарат Римской империи. Из сенаторов выбирали префекта Рима, который был обязан прежде всего подавлять «мятежную чернь» и рабов с помощью выполнявших роль полицейских 3 городских когорт стражи. Из всадников выбирали префекта преторианцев, которому подчинялось 9 когорт (по 1000 солдат в каждой) императорской гвардии. 3 когорты преторианцев стояли в Риме, остальные в италийских городах. Легионеры служили 20–25 лет, преторианцы — 16 лет и получали жалование почти втрое большее, чем у легионеров. Было создано 4 судейские декурии по 1000 человек в каждой, выбиравшихся из сенаторов, всадников и плебеев, платящих ценз в 200 тыс. сестерциев. Для конкретного процесса судью из декурий назначали по жребию, а судящиеся имели права отвести любого из них [76, с. 539–542].

Опиравшийся на армию Август после демобилизации оставил 25 легионов (150 тыс. солдат) и какое-то количество вспомогательных войск, набиравшихся из peregrini пеших когорт и конных ал (отрядов в 300 человек). Легионы были размещены преимущественно в пограничных областях: основная масса на Рейне, на севере Испании, на Дунае. Легионер получал 225 денариев в год, центурион — 3750. Иногда воины получали подарки, а при отставке — землю. Октавиан ввёл строгую дисциплину. Когда не надо было воевать, солдаты обязаны были строить укрепления, армейские лагеря, прокладывать дороги. Солдат не имел право вступать в законный брак (хотя нередко вступал в связь со своей отпущенницей), не мог иметь собственности там, где служил, но получал от Августа право на «лагерный пекулий», т.е. собственность на всё, что он сам (а не его отец, как «патер фамилии») приобрёл за службу. В начале правления Август демобилизовал 300 тыс. ветеранов, потратив, по его уверению, 600 млн. сестерциев на покупку для них земли в Италии и 260 млн. — в провинциях, выведя для них 70 колоний: 28 в Италии, остальные — в Нарбонской Галлии, Африке, Сицилии, Македонии и в восточных провинциях [76, с. 542].

Высшим сословием в Риме времён Августа оставались сенаторы, из которых назначались наместники провинций, легаты и трибуны легионов и префекты Рима. Сенаторы, имущественный ценз которых составлял 1 млн. сестерциев, были крупнейшими землевладельцами. Например, семья Статилиев, давшая нескольких консулов, владела сотнями рабов и имела собственную стражу из германцев. Семья Волузиев также дала консулов и имела сотни рабов. Всадники, ценз которых составлял 400 тыс. сестерциев, могли занять должности префекта прето-

рианской гвардии или префекта Египта, но обычно составляли средний командный состав или гражданскую административную должность. До всадника можно было дослужиться, дважды заняв должность старшего центуриона. Многие должности прямо или косвенно покупались. Так, например, некий Гней Сатрий Руф из города Игувия заплатил 6000 сестерциев за звание декуриона, 3450 сестерциев пожертвовал на продовольствие легионов, 6200 — на ремонт храма Дианы, 7750 на игры в честь победы Августа [76, с. 544–545, 567]. В романизованных областях империи аристократия была, как правило, менее знатной и победнее. Плебс там состоял из обеспеченных и небогатых торговцев, ремесленников, мелких ростовщиков, наёмных работников и составляющих большинство населения разного достатка крестьян. В отдалённых областях, где у местного населения сохранялся традиционный уклад, сохранялись и старые противоречия между вождями, племенной знатью и зависимыми от них земледельцами. Стремясь приблизиться к римской знати, местная знать нередко усиливала эксплуатацию местных жителей.

В эпоху расцвета Римская империя успешно развивалась. Всё её свободное население делилось на римских граждан, пользовавшихся всеми свободами и привилегиями (не позволяющими поработать и подвергать телесным наказаниям, но дающими право апелляции к народу в случае вынесения смертного приговора); на латинских граждан в ряде городов латинского права, которые имели почти те же права, а, если в своих городах становились магистратами, то получали и римское гражданство; и на peregrini (чужаков), составлявших большую часть населения провинций. Peregrini жили по законам тех городов и провинций, в которых они проживали, и не могли вступать в законный брак с римскими гражданами и наследовать их имущество. Ниже peregrini стояли «dedicati» (сдавшиеся), сельские жители провинций, которые не были приписаны к какому-либо городу и не имели никаких прав, даже права составить завещание. Ниже них находились лишь рабы, не имеющие ни прав, ни свободы. Разный статус имели и провинциальные города. Выше других был статус римских колоний; затем шли приближающиеся к ним муниципии; далее города, наделённые свободой и иммунитетом; потом — только свободой; ниже них — союзные города, наконец, — многочисленные «stipendiarii» (дань платящие) города. Рим, который населяло 700–800 тыс. человек, превратился в столицу огромной державы. Богатая знать, поставлявшая большую часть сенаторов и всадников, жила в обширных окружённых садами особняках с водопроводом, паровым отоплением, баней. Богачей обслуживали сотни рабов, ремесленники, воспитатели детей, библиотекарки и т.д. Небольшое число плебеев, занимаясь ростовщичеством, торговлей, а порой ремеслом или земледелием с наёмным трудом, достигло достатка или даже богатства. Обычно же на рынках, в трактирах и на площадях собирались ремесленники и мелкие торговцы из плебеев (теснившихся обычно в комнатухах 4–5-этажных домов), отпущенников и рабов. Бедняки из плебса ждали раздачи хлеба и нередко выражали

недовольство, хотя и утратили роль политической силы. Рабы напротив оставались грозной силой и порой не только бежали, но нападали на господ или даже поднимали восстания [76, с. 538].

Плебеев стремились уберечь от нищеты. Большое строительство обеспечивало заработком немало людей. С разрешения правительства плебеи могли создавать культовые и соседские коллегии, получающие некоторые льготы. Магистратов и судей, бравших взятки, и расхитителей общественных средств, предназначенных, например, на раздачу, на культы или зрелища, ждали суровые наказания по закону. Беднейшим плебеям, которых в Риме было 150–200 тыс., продолжали бесплатно раздавать зерно. Иногда раздавали деньги. Август сообщал, что согласно завещанию Цезаря, он раздал по 300 сестерциев каждому плебею, затем от себя три раза по 400 денариев из военной добычи и дважды по 60 денариев [76, с. 545].

Закон о передаче имущества (повторивший закон Петелия) требовал в случае, если должник передавал своё имущество кредитору, заявив под присягой, что другого имущества не имеет, не забирать должника в кабалу и всё нажитое впоследствии сохранить за ним [76, с. 543].

Чтобы укрепить власть рабовладельцев и замирить рабов, Август проводил законы в защиту и господ, и их рабов. Например, он выступил с инициативой, по которой издали устрашающий рабов Силанианский сенатус-консульт, согласно которому все рабы, которые могли бы помочь господину, которого убивали, но не пришли на помощь, должны были подвергнуться пытке и казни. Вместе с тем, в специальном эдикте Август постановил, что пытать рабов можно лишь в крайнем случае, и он привлекал к ответственности «превысивших меру» в допросе рабов под пыткой. Он также писал, что тех рабов, которые, ища защиты у государства от жестокостей хозяев, приходят просить, чтобы их продали более человечным хозяевам, нельзя считать беглыми. Когда же рабы убили жестокого и скаредного Гостия Квадра, Август счёл их наказывать ненужным. В противовес древнему закону Аквиллия, гласившему, что раб во всём должен слушаться господина, было указано, что раб не должен убивать или воровать по приказу хозяина [76, с. 545–546].

Действовавшие при Августе законы регулировали отпуск рабов на волю в зависимости от численности фамилии. Возраст отпускающего должен был быть более 20 лет, а отпускаемого — более 30 лет. Показывая пример, в своих имениях Август, Ливия, Тиберий, а затем и приближённые Августа стали создавать коллегии рабов и отпущенников с выборными жрецами, старшинами и помощниками. Возвращать в рабство отпущенных рабов запрещалось. Отпущенники должны были отработать отпуск на волю, но, если имели более двух детей, их отработки сокращались, к тому же патронам запрещалось требовать с отпущенников отработок и платежей. Если патрон не кормил бедного отпущенника, то лишался всего заработанного ему отпущенником. Вместе с тем, не только рабам, но и отпущенникам не позволялась служба в армии, хотя, когда из-за опасности возникла необходимость призвать отпущенников, из них формировали особые части. Обычно же из от-

пущенников набирались лишь матросы и когорты городской стражи, несшие полицейскую службу и обязанные тушить пожары. Особенное опасение вызывали отпущенники, которые ранее будучи рабами были заклеены хозяином за какую-либо провинность. Они приравнялись к покорённым подданным и им запрещалось проживать в Риме или там, где находился император. Собственным отпущенникам Август давал возможность продвигаться по службе, а образованных отпущенников принимал по-дружески. Наиболее богатым и известным отпущенникам он даже давал «право кольца», т.е. носить золотое кольцо, служившее отличием всадников, которое избавляло от обязанностей по отношению к патрону, кроме необходимости завещать тому установленную часть наследства. Дочерям отпущенников Август позволил становиться весталками [76, с. 546].

Северная Италия до реки По была заселена 300 тыс. ветеранов. Там возникали мелкие и средние виллы, города, заселённые землевладельцами, ремесленниками и торговцами. Богатыми колониями стали города: Аквилея, Ком, Мутина, Медиолан, Парма, Верона. Местное население местами продолжало жить общинами, которых больше сохранилось в Транспаданской области, в значительной степени населённой кельтами и лигурами [76, с. 537–538].

Порядки в римских колониях (позднее и в муниципиях и даже в обществах, не имевших статуса муниципиев) фактически копировали порядки в самом Риме. Типичной колонией, выведенной для римских плебеев в Испанию, была Юлия Генетива. Границы города очерчивала проведённая плугом борозда. Часть территории, принадлежащая городу, находилась за этой чертой. Часть земли была передана колонистам, часть оставалась у исконных жителей города. Колонисты из отведённой им земли получали наделы, а неподелённой землёй пользовались сообща как пастбищами и лесами и могли сдавать в аренду на 5 лет для пополнения городской казны. Колонией управлял совет декурионов, обычно состоявший из 100 человек. Выбирали магистратов с помощниками: счётчиками, писцами, курьерами. Все они получали жалование и, если не было мятежей в Италии или Галлии, не призывались в армию. Декурионы и магистраты должны были обладать недвижимостью и значительными средствами, достаточными для обслуживания культов богов, устройства игр и других общественных мероприятий. Таким образом, осуществлялся цензовый принцип, требовавший от состоятельных граждан нести большие обязанности в пользу сограждан. Основатель колонии назначал понтификов и авгуров, которых позднее кооптировали. Они также должны были иметь недвижимость. Один из дуумвиров был председателем совета, другой — суда. Последний имел право в случае необходимости набрать и вывести из города вооружённый отряд из колонистов и приписанных к городу поселенцев. Колонисты и поселенцы были обязаны 5 дней в году работать на постройке укреплений. Суд имел право за разного рода провинности брать с населения штрафы [76, с. 534–535].

Например, ещё во времена Цезаря в Испании колониями стали города: Гадеса, Аста Регия, Гиспалис, Укуби, Урсо, во времена Августа

в Нарбонской Галлии были колонии: Нарбон, Форум Юлия, Арелата, Бетерра, Араузион, Валетия, Вьенна, Немаус, Толоза. Другие города: Аквы Секстиевы, Авенион, Апта Юлия, Антиполис были наделены латинским правом. Местная аристократия, на которую опиралась римская знать, также принимала участие в эксплуатации местного населения. Сын лигурийского царя Донна М. Юлий Коттий получил римское гражданство и 14 местных общин в управление. Например, Немаусу принадлежало 24 «пага» (сельских общин). Земля на территории, которую занимала колония, межевалась и часть её выдавалась ветеранам, освобождённым от уплаты податей, другая часть составляла общественную землю колонии, третья часть оставалась местному населению, четвёртая часть оставалась незанятой и использовалась под пастбища или присваивалась отдельными землевладельцами. Общественная земля колонии могла использоваться разными способами, включая луга, пастбища, участки, сданные в аренду частным лицам, местным общинам и т.д. Земли враждебной римлянам местной власти конфисковывались и отдавались колонистам или делились между местными земледельцами, которые считались поселенцами. По просьбе и в виде особой милости императоры иногда разрешали привлекать приписанных к колонии поселенцев к работе в магистратуре или других муниципальных службах, в результате чего они получали римское гражданство [76, с. 534, 546–547].

Отношение императора к жителям провинций было неодинаково. Легче всего жилось тем, кто во время гражданских войн поддерживал Цезаря или Октавиана. Ему принесли присягу Галлия, Испания, Африка, Сицилия, Сардиния. Его избрали патроном многие города и некоторые союзы племён. Провинции переорганизовали. В Испании стало три провинции: Бетика, Лузитания и Тарракона. В Галлии были образованы Лугдунская Галлия (В Лугдуне был сооружён алтарь Рима и Августа, где служил жрец из местных и ежегодно собиралась знать из трёх Галлий для приношений.), Аквитания и Бельгика. Провинции делились на сообщества, в которые входил один союз местных племён или несколько мелких союзов с центром в городе. Здесь же были устроены колонии для трикассиев и тарбеллов. Во внутренних областях, например, в Испании, ещё оставались места, где богатая местная родоплеменная знать господствовала над соплеменниками, и районы, где земледельцы и животноводы жили самостоятельно, подчиняясь лишь своим родовым и общинным старейшинам. Простые люди жили небольшими деревнями или хуторами с приусадебными участками у домов, а пахотная земля и пастбища, очевидно, принадлежали общине. На территории огромной Галлии Цезарь уничтожил соподчинение племён. Однако это не ликвидировало власть правителей, живших со своими сподвижниками в городах, укреплённых валами и рвами. При Августе часть этих центров племенных союзов была заменена столицами местных сообществ, построенных по римским образцам. У союза племён эдуев была столица Бибракте (При Августе центром стал Августодун.), у битуригов — Аварик (Заменена на Битуригу.), в Аквитании — Бурдигала. Высшая местная

знать получала римские права и должности в соответствии с римским городским устройством, обычно сохраняя и старые. Часть вождей галльских племенных союзов, поддерживавших Цезаря, служила в римской армии и получила имя Юлиев и римское гражданство. Множество римских колоний было основано в Испании и Нарбонской Галлии. Например, город Лугдун в 43 г. до н.э. стал римской колонией. В провинциях проводили дороги, связывавшие с Италией и центрами провинций. Развитию экономики провинций способствовало единое налогообложение. Галлия, например, теперь платила 1/40 от своих доходов, не считая того, что платили арендаторы. Однако проведение ценза, согласно которому платили налог, вызывало недовольство. Налоги, поборы, долги и угнетение вызывали многочисленные мятежи. Стремясь обеспечить мир в своих провинциях, римляне даже враждебных пограничных (например, германских) вождей и высших аристократов наделяли римским гражданством и привлекали в армию в качестве командиров вспомогательных частей, сформированных из их подданных [76, с. 534–538, 546–548].

Завоевание провинций способствовало процветанию Рима и приобщало их жителей к римской культуре. В 30 г. до н.э. после захвата Египта Октавианом, культурно и экономически высокоразвитый Египет был объявлен римской провинцией. После тяжёлой войны (26–19 гг. до н.э.) была завоёвана вся Испания. На территории Испании у Нового Карфагена разрабатывались рудники: серебра, золота, железа и других металлов. Часть из них сдавалась на откуп компаниям, часть принадлежала частным лицам. В Новом Карфагене существовало судостроение, а через его порт вывозились продукты земледелия и скотоводства. Торговлю со странами Средиземноморья и даже Атлантического побережья осуществлял Гадес. В Испании процветало рыболовство. В городах: Кастуло, Обулько, Бело, Малака и ряде других изготавливали рыбные соленья и консервы. Многие из испанских городов становились центрами культуры. В них строились храмы, театры, цирки, на форумах воздвигались статуи по греческим и римским образцам. Появление римских вилл приводило к освоению в данной местности новых сельскохозяйственных культур, например, виноградарства, а также новых земель, где производились дренажные и мелиоративные работы. Шла постепенная романизация территорий подвластных Риму [252, с. 76].

Римская культура эпохи Августа, с одной стороны, продолжала исторические традиции, с другой, впитывала достижения других культур, прежде всего, греческой культуры. Превращение Рима из маленького поселения в большую столицу огромной империи убеждало римлян в вере в судьбу и богов, предначертавших Риму и римлянам власть над всем миром, а также в доблесть и героизм своих предков. Принёсший мир и величие «непобедимый» Август, благодать которого распространяется на вечный Рим и всё его население, представлялся происходящим от Анхиза и Венеры [76, с. 549–550].

Если ранее поэзия была делом преимущественно чужаков: рабов и отпущенников, то теперь поэзией увлеклись представители всех социальных слоёв, и даже сам Август пытался написать трагедию. Мecenат,

Поллион, Мессаала собирали вокруг себя кружки из талантливых поэтов. По мнению современников и потомков величайшим поэтом Рима стал мантуанец Вергилий (70–21 гг. до н.э.). Его первый сборник «Эклоги» воспевал идиллическую природу, сельскую жизнь и любовь пастухов и пастушек. В 37 г. до н.э. он вошёл в кружок Мецената и по его совету к 30 г. до н.э. написал поэму «Георгики», в которой наряду с рекомендациями по земледелию есть прекрасные описания природы Италии и восхищение крестьянским трудом и счастьем простой жизни. Наиболее выдающееся произведение Вергилия — поэма «Энеида», где автор, излагая и свои философские воззрения (утверждая, например, что существует мировой дух, от которого отделяются искры, которые проникая в тела, становятся душами людей, способными переходить из одного тела в другое), использует латинские, итальянские и греческие мифы, придающие ей героизм и колорит. Вергилий посвятил поэму странствиям, бедам, трудам и подвигам троянского героя Энея, который у него оказывается предком основателей Рима. Спустившись в загробный мир Эней видит страдания душ предателей родины, мятежников, нечестивцев и души прошлых и будущих героев Рима и самого великого из них, Августа в полях блаженных. Герои Вергилия служат Риму и тем самым всему человечеству, познавая космические тайны. Популярность «Энеиды» была огромной, её не только читали, но по ней даже гадали.

Вторым после Вергилия современники почитали Горация (65–8 гг. до н.э.), который писал на различные темы, прославляя Рим и великого Августа, но более всего в стихах Горация заметна эпикурейская философия, призывающая довольствоваться простыми радостями жизни среди сельской природы и среди друзей. Счастье для него и в любви, и в дружбе, но больше в мудрой добродетели. С одной стороны, он призывал вернуться к традициям и старинной простоте, с другой, видел необходимость пусть даже и малодобродетельного, но прогресса. Когда в 17 г. до н.э. Август решил торжественно отметить секулярные игры «на благо Августа и народа» с обильными жертвоприношениями Юпитеру и Юноне, хтоническим богам и покровителям Августа Аполлону и Диане, для очищения римского народа и отвращения от него зла, с играми на Марсовом поле, с торжественными процессиями юношей и девушек, Гораций написал для праздника «Секулярный гимн». Гимн, в котором Гораций молил богов об обеспечении мира, скромности, доблести, чести и величия Рима и утверждения власти Августа над всеми народами, отразил идущие от юбилея обряды очищения, плодородия и обновления для обеспечения блага римского народа. В «Искусстве поэзии» он высоко оценил роль поэта, полагая, что эстетика поэзии, требующая таланта и культуры, должна сочетаться с этическими призывами выполнять предназначенный долг перед Родиной, семьёй, друзьями. Вместе с тем поэт обязан знать жизнь и изображать её и людей такими, как они есть реалистически и психологически верно. В «Сатирах» Гораций изобразил многих современников, не стесняясь изображать их смешными, а иногда и душевно низкими.

Овидий (43 г. до н.э. — 18 г. н.э.) писал главным образом на любовную тематику. В «Искусстве любви» он в форме наставлений описывал как найти любовницу, как изменить мужу, как утешиться в случае измены. В «Героидах» и «Метаморфозах» он писал на мифические темы, но акцентировал внимание на любовных сценах. Фривольные стихи Овидия показались Августу издевательством над его брачным законодательством, и поэт был отправлен в ссылку. Не помогли восхваления Цезаря и Августа, ни мольбы о прощении в грустных посланиях к Августу в «Тристиях»: поэт умер в изгнании. В неоконченной поэме «Фасты», посвящённой праздникам римского календаря, Овидий также обратился к религии, сопоставляя римских и греческих богов и найдя в них много общего, хотя не удержался от изображения любовных сцен с богами и нимфами. Вместе с тем в «Метаморфозах» встречаются и философские экскурсы, например, изложение философии Пифагора, а в «Небесных явлениях» встречаются как астрономические, так и астрологические толкования [76, с. 550–555].

Успехи строительства обобщил в десятитомном труде по архитектуре, посвящённом Августу, Витрувий, где он прославил и призвал развивать прогресс, который был достигнут благодаря разуму и науке. В работе он разъяснил как правильно распланировать город, чтобы улицы пересекались под прямым углом, чтобы в центре находился форум, где и каким богам построить храмы, где расположить рынки, как замостить дороги, провести акведуки, как правильно подобрать строительные материалы для строительства общественных зданий и для городских и сельских частных домов. Он также описал технику для переноски тяжестей, строительную технику и инструменты, прессы, насосы и другие сельскохозяйственные орудия, военные машины, водяные часы и многое другое [76, с. 556].

Умение делать стены из бетона позволяло римлянам иметь надёжную несущую конструкцию для арок, сводов, куполов и любой другой кровли. Заимствованные у греков колонны и антаблемент украшали многоэтажные здания. На первом этаже использовали тяжёлые колонны дорического или тосканского ордера, на втором — более лёгкие ионического или коринфского, что создавало впечатление лёгкости дома. На ровных стенах изображали колонны, вазы, гирлянды, оружие. Любили рисовать фрески, изображающие мифологические и бытовые сюжеты, сельские пейзажи, сады, любовные сценки [76, с. 554].

Август очень заботился о красоте и величии столицы. По его инициативе отреставрировали 82 храма, на Палатине построили комплекс, включивший дворец, храм Аполлона, при котором создали первую библиотеку для книг и выступлений ораторов, писателей и поэтов, святилище Весты, где хранились Сивиллины книги и главные святыни. К форуму Цезаря пристроили форум Августа, окружённый стеной в 30 м высоты, в нишах которого поместили статуи римских героев с надписями об их подвигах. Внутри форума соорудили храм Марса Ультора (Мстителя). Члены семьи Августа также обустраивали столицу. Марцелл построил театр, Агриппа — огромный Пантеон (храм

всех богов), театр, термы (бани), водопровод, ведущий воду к фонтанам и домам богачей. В 9 г. до н.э. сенат посвятил Августу алтарь мира, на который приносили ежегодные жертвы жрецы, весталки, магистраты. В верхней части алтаря показали торжественное шествие. На передней стенке была изображена сидящая Мать Земля с двумя детьми, быком и овцой как символами изобилия. На боковых стенках изображены Рома (богиня Рима), Ромул, Рем и Эней, приносящие жертвы, и другие мифологические фигуры [76, с. 553–554].

Большое строительство шло в разных областях империи с использованием римских планировок и конструкций, а также греческого прикладного искусства. Например, в Немаусе (современный Ним) Агриппа построил акведук. В Арлеате (Арль), Араузионе (Оранж), Вьенне построены театры и оборудованы форумы. Многочисленные дороги и мосты соединяли части империи. Богатая знать строила огромные особняки с котлами в подвалах, отапливающие дома паром. Помимо просторных господских комнат, в особняках располагались кухни, бани, комнаты для слуг и ремесленные мастерские. Особняки располагались в парках, украшавшихся садовниками, «занимавшими высокое место в рабской иерархии» [76, с. 554].

Греческое влияние заметно и в греческой скульптуре, но в отличие от греков римляне традиционно стремились к реалистическому изображению оригинала с характерными жестами, чертами лица, не пытаясь ничего приукрасить. Некоторое исключение составили статуи Августа. Его статуя в Примапорта напоминала «Копьеносца» Поликлета, но на панцире императора была изображена сцена возвращения парфянами отобранных у Красса знамён, ещё покорение Иллирика и Германии, а также Аполлон, Диана и богиня земли с рогом изобилия. Некоторые аристократы заказывали статуи, похожие на эту, например Марк Голконий Руф в Помпеях [76, с. 554–555].

Под впечатлением величия Рима находились многие историки. Типичный представитель этого направления родившийся в Патавиуме (современной Падуе) — Тит Ливий (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.). Его состоящая из 142 книг «Римская история от основания города» доказывала, что величие Рима достигнуто благодаря доблести и благочестию героев прошлого и добродетелям римского народа, и удостоилась одобрения Августа. Написанная прекрасным стилем работа Ливия нередко повествует о чудесных знамениях, насыщена сомнительными подробностями и даже речами героев, которые явно не произносились, но вместе с тем содержит немало и достоверных сведений. Дионисий Галикарнасский, переехав в Рим в 30 г. до н.э., написал на греческом «Римские древности», охватывающие период с мифических времён до Первой Пунической войны. Мало заботясь о достоверности материала Дионисий стремился к сближению греков и римлян, показав грекам, что римляне не варвары, а достойные люди (стараясь сделать тем самым для них более терпимым подчинение Риму), а римлянам, что греки родственный им народ. Рим оказывался в центре истории о чём бы ни писали авторы «Всемирной истории» (Помпей Трог, Николай

Дамасский, Диодор Сицилийский), начиная с македонского Филиппа II или даже истории древневосточных царств. Представители новой профессии — филологии также предпринимали попытки описывать историю этрусков, итальянских городв, разъяснять древние религиозные представления и т.п., хотя уже писали о значении латинских слов [76, с. 555].

В рассматриваемое время астрономия у римлян уже вызывала интерес. Сын Друза, пасынка Августа, Германик перевёл сочинения Арата. 5 книг под названием «Астрономика» написал гекзаметром Манилий. Он кратко изложил историю астрономии, переплетая их с астрологией, но восхваляя человеческий разум, который вывел людей из дикости и вознёс к познанию небесных тайн (позволив, например, понять, что молния с огнём происходит из туч), символически похитив её у Юпитера. Научные географические знания сочетались с практикой. Серьёзный обобщающий труд «Географика» в 17 книгах написал уроженец Амасии в Малой Азии грек Страбон (64/63 гг. до н.э. — 23/24 гг. н.э.). В этой работе он описал всю известную часть ойкумены, основываясь на географических и исторических сочинениях, дополняя географические сведения об окружающих странах описаниями живущих там народов и небольшими историческими экскурсами. Труд Страбона с точными указаниями расположения стран имел практическое значение для путешественников, торговцев и чиновников. Утилитарные цели преследовала и карта Римской империи, составленная Агриппой, который вместе с комментариями выставил её на всеобщее обозрение на Марсовом поле. Высокого уровня математических знаний требовало измерение и учёт земельных площадей. Приходилось составлять кадастры земель, чтобы знать какую землю дать колонистам, а какую оставить местному населению, что отдать в частную собственность, а что оставить в собственности общественной. Методы измерения пахотной земли описывались в специальных трудах «громатиков» (землемеров) [76, с. 555–556].

Римская империя в эпоху расцвета и стабилизации

Если во время правления Августа римская империя достигла расцвета, то в последующие два века она достигла стабилизации и некоторого развития. Экономика в I в. н.э. продолжала постепенно развиваться. Городские дома состоятельных людей обычно имели 2 — 3 этажа. На нижних этажах жили господа, на верхних — рабы. При ряде домов имелись мастерские, лавки и даже трактиры, которыми или управляли приказчики из рабов, или они сдавались в аренду [76, с. 567]. Многочисленные объявления и рекламы на стенах домов показывали широкое распространение грамотности. Выборы магистратов теперь превращались в целые кампании. На стенах писались призывы ремесленных и соседских коллегий и частных лиц голосовать за того или иного кандидата, объявления об играх иногда с участием гладиаторов,

устраиваемых каким-либо кандидатом. Другие надписи часто сообщали о пожертвованиях магистратов и богачей городу на строительство общественных зданий, рынков, дорог, водопроводов, на игрища, совместные трапезы [76, с. 566–567].

Ремесло в Риме специализировалось на определённом виде продукции. Кожевники изготавливали обувь, бурдюки, седла, сбруи; чеканщики — бронзовые и серебряные сосуды. Были мастерские, сосредоточенные на изготовлении вещей из одного вида металла. Другие ориентировались на изготовление одного вида орудий труда, инструмента или оружия. Встречались такие узкие мастера как изготовители осей для колёс, глаз для статуй, даже — варщики клея для изделий из слоновой кости. В связи со специализацией кварталы и площади Рима стали получать названия по специальностям селившихся там ремесленников или торговцев, например, кварталы плотников, кузнецов, медников, стекольщиков, сандальщиков, парфюмеров, площади торговцев статуэтками, бобами, вином, булочников, свиноторговцев. В других городах ювелирные и шерстоткацкие мастерские, сукновальни, красильни, хлебопекарни работали на заказ и на продажу на рынке или в собственных лавках. Преобладали небольшие мастерские, принадлежавшие свободнорождённым или отпущенникам, которым в работе помогала пара учеников или рабов. Иногда, особенно в Риме, встречались крупные мастерские. Например, в мастерских по изготовлению художественной керамики порой работало по 100–150 рабов. Большие мастерские по изготовлению кирпичей располагались в окрестностях Рима, где на земле крупного землевладельца было много глины, которую рабы добывали, формовали и обжигали. Бывало, что хозяин выделял мастерскую с инвентарём рабу в качестве пекулия, давая ему в помощь других рабов, которые становились рабами раба, владельца мастерской. Часть доходов отходила хозяину, часть рабу-управляющему. Рабов-мастеров, особенно умеющих изготавливать предметы роскоши, обычно покупали в Греции и Малой Азии или специально обучали. Таких рабов высоко ценили, но нередко отпускали на волю, делая их своими компаньонами или давая возможность завести собственное дело. По утверждению Ювенала, один отпущенник, привезённый с берегов Евфрата получал доход в 400 тыс. сестерциев (доход, равный цензу всадника). Специализация происходила и в торговле. Хозяева стали отправлять рабов торговать в разнос [76, с. 566–567].

Окружавшие город виллы производили все необходимые продукты для горожан, особенно вино и масло. Продолжалась аренда земли и мастерских, торговли, финансовых операций и т.п., которые часто осуществляли через рабов. В I в. н.э. земля давала доход приблизительно в 6%, что соответствовало установленному законом ростовщическому проценту, но добиться такого дохода не всегда удавалось. С одной стороны, истощались земли, с другой, работавшие на земле рабы (иногда закованные в кандалы) работали из под палки. Более рационально было бы иметь небольшие имения, возделываемые семьёй хозяина и небольшим количеством рабов, но, несмотря на просьбы Плиния Старшего и других

специалистов сельского хозяйства, правивший после Августа в 14–37 гг. император Тиберий отказался издавать закон, ограничивающий владение большим количеством рабов. К этому времени в сельском хозяйстве насчитывалось более 40 разных специальностей рабов. Хорошо обученный раб-виноградарь стоил 8 тыс. сестерциев, т.е. в 2–4 раза дороже простого слуги, но заставить раба выполнять требующую большого внимания и напряжения работу, например, разбирать виноградные лозы по сортам, было практически невозможно. Увеличивать количество надсмотрщиков становилось нерациональным. К тому же, грамотный, имеющий знания и умения раб готов был не только отлынивать от работы, но и обманывать хозяина, что также хозяину становилось невыгодно. Наиболее рациональными оказывались небольшие виллы (как например, имение Ювенала), работавшие не на рынок, а на собственное потребление, где норма эксплуатации была ниже, а рабам позволялось жить в собственной хижине с семьёй и иметь несколько голов скота. Понимая пользу фактора заинтересованности, некоторые хозяева сдавали вилликам виллу или другим управителям — часть виллы, собирая с них арендную плату и оставляя этим арендаторам часть дохода [76, с. 566–569].

Исходя скорее из соображений рациональности, чем гуманности, хозяева старались поощрять рабов, лучше кормить, обслуживать, расширять домашний штат, создавать коллегии рабов для обслуживания культов Гения и Ларов. Вместе с тем, хозяева, сохраняя власть над рабом нередко прибегали к жестоким наказаниям: порке, клеймлению, распятию на кресте, убийству. Побег рабов в отдалённые провинции и за пределы империи учащались. Месть хозяину и убийство стали нередким явлением. Некоторые мыслители, типа Сенеки, стали предлагать стремиться улучшить отношения между рабами и хозяевами по принципу отношений между патронами и клиентами. Подобные мероприятия однако не могли поднять сельского хозяйства, особенно в районах Лация и остальной Италии. Наоборот, Цезальпийская Галлия процветала. Там не применяли труд закованных рабов, а землю в имениях обычно арендовали крестьяне. Рабы нередко наблюдали за работой колонов (земледельцев, обычно отпущенных на волю рабов, но зависимых от бывших хозяев) или привлекались для сезонных работ, например, для сбора винограда. Положение рабов тут было менее тяжёлым, чем в центральных регионах. Отпущенники чаще становились служителями культов, иногда богатели. Их дети были уже полностью свободны и порой становились десятниками или магистратами. Здесь гораздо чаще отпускали на волю. Например Плиний Младший отпустил на волю 100 рабов, выделив им 866 660 сестерциев, так, чтобы каждый получал по 1120 сестерциев в год (возможно, оставаясь колоном Плиния). Количество колонов в Цезальпийской и Нарбонской Галлии значительно возросло. Такой переход облегчался тем, что местные формы зависимости были ближе к колонату, чем к рабству. Колонат стал распространяться по всей империи, где перемешивались различные формы зависимости, но благодаря официальному утверждению римские формы пока преобладали [76, с. 569–571].

При преемниках Августа продолжал действовать закон, разрешавший занимать необработанные и заброшенные земли и приобретать на них право собственности при хорошей обработке, поскольку право на имущество требовало извлекать из него доход. Случалось, что забрасывались даже оказывавшиеся нерентабельными большие латифундии, и тогда их конфисковывали (особенно у императорских оппозиционеров) и раздавали мелким землевладельцам, вольноотпущенникам и другим мелким арендаторам [76, с. 560].

Император Тиберий, правивший в 14–37 гг., продолжал политику совершенствования империи. Он провёл дорогу из Италии до Лугдуна, а затем от Лугдуна до Бурдигалы и дальше на запад [230, с. 563]. Опасаясь заговоров Тиберий перевёл преторианцев в Рим. При Тиберии исчезло даже формальное участие народного собрания в выборе магистратов. Теперь утверждение предложенных императором кандидатов осуществляли центурии сенаторов и всадников. Однако, из-за опасения заговоров, Тиберию пришлось перевести преторианцев в Рим [76, с. 560–561].

Император Клавдий (41–54 гг.) фактически создал государственный аппарат, учредив несколько ведомств, которые разрабатывали императорские законы и распоряжения и толковали их, принимали прошения к императору и отвечали на них, вели императорскую переписку, занимались архивом, наблюдали за императорской казной и имуществом. Среди них теперь постоянно работали видные юристы. Очевидно при нём же были установлены твёрдые подати с провинциальных земель, составлявшие от 1/10 до 1/5 урожая или вносимые деньгами. При Клавдии владельцам кораблей, привозивших в Рим зерно дали привилегии, расширили и усовершенствовали ближайшую к Риму гавань в Остии, наблюдать за которой был назначен специальный прокуратор. Во главе основных ведомств стояли отпущенники Клавдия: Нарцисс, Полибий, Паллант, Каллист, вызывавшие ненависть аристократии из-за влияния и богатства, поскольку некоторые из императорских отпущенников владели состояниями в 300–400 млн. сестерциев [76, с. 561, 566].

Клавдий установил новый порядок службы для всадников, которые должны были начинать службу трибунами вспомогательной когорты, затем служили трибунами легиона и, наконец, префектами алы. Члены руководства муниципия, пройдя тот же путь, в результате становились магистратами и фламинами (жрецами) своих городов [76, с. 562]. Уроженцам Великой Галлии Клавдий открыл доступ в сенат [76, с. 563].

В завоёванной части Британии крестьяне продолжали жить общинами, подчиняясь своим вождям и исповедовать свою религию. Жадность римских ростовщиков в Британии (среди которых был и философ Сенека), продававших в рабство за долги целые племена, во времена Клавдия привела к восстанию [76, с. 563–564].

Император Веспасиан, правивший в 69–79 гг., даровал городам Испании латинское право, что позволяло тамошним магистратам становиться римскими гражданами вместе с семьями. Разница между ко-

лониями и муниципиями там постепенно стиралась. В результате при Веспасиане, который сам был из города Реты, значительно изменился состав сената, который стал пополняться как видными гражданами италийских городов, так и из провинций. Во время его правления в провинциях крупные собственники нередко захватывали земли и пастбища, принадлежащие городам, и тогда Веспасиан издал распоряжение о возврате захваченных земель [76, с. 565–566].

Императоры Тит, сотявший у власти в 79–81 гг., и Домициан, властвовавший в 81–96 гг., освободили ветеранов, их родителей и детей от всех налогов и пошлин. Перегринам, служившим во вспомогательных частях после отставки давали землю и римское гражданство, которое теперь получали их сожительницы (с которыми разрешалось узаконить брак) и дети, что подтверждалось выдаваемым отслужившим перегринам дипломом (удостоверением) [76, с. 562].

Тит Флавий Домициан, правивший в 81–96 гг., повысил жалование солдатам и центурионам [76, с. 562]. В 83 г. он присоединил к империи Декуматные поля на правом берегу Рейна, отгороженные от свободных германцев рядом кастеллей (небольших крепостей). Ещё ранее в это место, населённое германцами охотно переселялись галлы. Население перемешивалось и перенимало римские методы ведения хозяйства, и вскоре там появились виллы типа италийских. Смешению населения очень способствовала рассылка легионов, набираемых из римских граждан, и вспомогательных войск, набираемых из местного населения, в другие районы [76, с. 564–566].

Понимая необходимость сохранения социального мира, императоры старались обеспечить своих подданных самым необходимым. Для этого нередко устраивалась раздача хлеба и денег, празднества со зрелищами и т.п. Например, покорив в 106 г. Дакию и получив огромную добычу, правивший в 98–117 гг. император Траян часть добычи раздал народу и устроил трёхмесячный праздник [76, с. 571].

При династии Флавиев ряд испанских городов получил статус муниципия (230, с. 565). «За время правления Флавиев с 68 по 96 г. число италиков в сенате с 83% снизилось до 76%, а число провинциалов поднялось с 16,8% до 23%, причём из них 85% были уроженцами западных провинций и 15% — восточных» [76, с. 566].

При преемниках Августа из семей Юлиев, Клавдиев и Флавиев, находившихся у власти в 14–96 гг. н.э., время от времени из Рима высылали фанатичных приверженцев египетской или иудейской религии, но в целом свобода веры не нарушалась. Например, Калигула, правивший в 37–41 гг., почитал Исиду, а Клавдий утвердил культ Кибелы и установил трёхдневные празднества в честь смерти и воскресения Аттиса. В провинциях продолжалось почитание местных богов, например, богов Артахе и Илуна Андусса и богини Ибоите в Нарбонской Галлии. Под влиянием римской религии, почитавшей гениев (покровителей человека) местные боги иногда становились покровителями местных аристократов. Артахе, например, стал гением, а, возможно, даже превратился в божественного предка богатого римского всадника Помпея Паулина,

галла из Арелаты в Нарбонской Галлии. В Ирландии также случалось, что божества солнца и плодородия превращались в предков знатных родов [76, с. 559, 570].

Наука в I в. также продолжала развиваться. Педаний Diosкорид (около 40 — около 90 гг.) греческий и римский натуралист, врач и фармаколог исследовал около 600 лекарственных растений, и охарактеризовал их свойства и описал около 1000 препаратов растительного, животного и минерального происхождения. Продолжала развиваться математика. Менелай Александрийский (I-II вв.) занимался вычислением хорд и впервые определил сферический треугольник [76, с. 659–660].

В Римской империи в эпоху Антонинов (96–192 гг.) продолжало совершенствоваться образование. Многие, особенно греческие, рабы были воспитателями детей в знатных семействах, передавая им свои знания. Продолжали работать не только в Риме, но и в провинциальных городах философские школы, но теперь в школах учили не только философии. «В знаменитых школах Августодуна получала утончённое образование знатная молодёжь. Из Галлии происходил друг Марка Аврелия философ Фаворин, появилась своя интеллигенция: художники, скульпторы, архитекторы, врачи и т.п.» [76, с. 577]. Врач Клавдий Гален (130–200 гг.) доказал, что в артериях людей течёт кровь, а не содержится воздух, как думали до него. Он ставил опыты на животных, например, обнаружил связь чувствительности разных органов и движений с отделами спинного мозга обезьян. Клавдий Птолемей (около 100 — около 170 гг.) астроном, астролог, математик, механик, оптик, географ, теоретик музыки, пользуясь астролябией, параллактическим инструментом, квадрантом и своими математическими знаниями, создал свою геоцентрическую модель не со сложным движением планет, описал 48 созвездий, рассчитал солнечные и лунные затмения, продолжительность самого короткого и самого длинного дня на различных широтах, разделил круг на градусы, минуты и секунды [76, с. 658–659].

Основой экономики оставалось земледелие. В Галлии расширялась площадь возделываемых земель за счёт расчистки лесов и осушения болот. Повышалось качество обработки земли. Сохранялись мелкие виллы, были и крупные. Например, в погребах одной виллы в Наварре хранилось масло в амфорах, содержавших 150 тыс. гектолитров. В Ахайе основой сельского хозяйства оставались виноградарство, разведение маслин на экспорт и животноводство [76, с. 573–574, 584].

Во II в. продолжалась концентрация земли в руках немногих. Сельские земли скупались или приобретались богачами всеми возможными способами. Нерентабельные имения нередко закладывались, а потом переходили к богачам: из сенаторских фамилий, к императору лично или к членам императорской фамилии. Императоры становились чрезвычайно богатыми ещё и благодаря обычаю завещать им часть имущества, например, особенно богатыми отпущенниками и состоятельными рабами. Всё чаще и чаще земля сдавалась в аренду. В аренду стали сдавать и части стад, принадлежащих императору. Участки земли, принадлежащие городу, всё чаще отходили императорам, особо заслуженным

лицам и теперь всем сенаторам и их потомкам. На этих участках стали устраивать ярмарки, подрывавшие городскую торговлю. Крестьяне на отобранных у города участках переставали платить налоги городам, а их владельцы также переставали тратиться на нужды горожан. Император Марк Аврелий, властвовавший в 161–180 гг., сократил расходы на гладиаторские бои, даваемые магистратами и жрецами, но это не принесло городской казне значительной помощи [76, с. 586–588].

Большой доход давала добыча металлов. Многие рудники Испании принадлежали императорам и находились под контролем их администрации. В рудниках Бетики ежегодно одного только серебра добывали на 255–400 тыс. денариев в год. Кроме этого там добывали свинец, сурик и киноварь. В рудниках на севере Испании добывали за год по 20 тыс. фунтов золота. Из того же района поступали серебро, олово и свинец. В Далмации в районе города Дамавия в императорских рудниках добывали серебро и золото. На рудниках работали рабы, значительную часть рудников, разделённых на мелкие участки, брали в аренду свободнорождённые, а управляли рудниками прокураторы [76, с. 573, 578].

Развитие товарно-денежных отношений способствовало развитию специализированного ремесла. В Италии и Галлии (Лугдуне, Арлеате, Немаусе и других крупных городах) возникло множество ремесленных коллегий, получавших определённые привилегии. Даже богатые землевладельцы старались устраивать при виллах ремесленные мастерские, открывали трактиры, строили бани. Рабов старались обучить и отправить на заработки. Среди ремесленников были рабы, отпущенники и свободнорождённые. В Италии, Нарбоннской и Лугдунской Галлии, Южной Бельгике, Испании и других регионах империи работали шлифовщики драгоценных камней, мастера золотых дел и других предметов роскоши, художники, создававшие произведения искусства (например, статуи, керамические статуэтки, саркофаги, украшенные рельефами), гончары, стекольщики и стеклодувы (делавшие сосуды для вина и ароматов в форме животных и плодов), изготовители покрытых ртутью зеркал, кожевники, сандальщики, красильщики тканей пурпуром, изготовители плащей, золотошвеи, специалисты по металлам, строители, каменотёсы, мраморщики, изготовители водяных органов, плотники, столяры, гвоздари. В некоторых мастерских работало по 100–150 рабочих. Объёмы производства постоянно росли. Например в Грофесенке в год выпускали до 300 тыс. сосудов. Владельцы глиниц стали не применять труд рабов в кирпичных мастерских, а сдавать их в аренду свободным. В Испании всё чаще сдавались в аренду участки рудников, бани, сапожные мастерские [76, с. 573–575, 587].

Шла специализация во всех видах производства. Например, основой экономики части жителей Нижней Мёзии была ловля рыбы в Дунае и Певке и её засолка [76, с. 619].

Велась интенсивная морская торговля. В многочисленных гаванях Италии, Далмации, Испании было множество причалов, оборудованных погрузочными машинами. Лодки и плоты могли доставить товар со стоящих на рейде кораблей на берег или по рекам до места назна-

чения. Товары привозили на берег на склады. Поблизости находилось здание администрации порта, помещения для портовых работников (перевозчиков, грузчиков, весовщиков, механиков, кораблестроителей, ремонтников, мастеров, шивших паруса, конопативших корабли и натиравших их воском) и для коллегий торговцев, базилики для заключения сделок, гостиницы и трактиры. Большие корабли с тремя мачтами могли взять на борт до 500 тонн груза и до 600 пассажиров. Суда имели либо корабельщики (наиболее богатые из которых могли иметь десятки и сотни судов, торговать сами и занимать чиновные должности), либо крупные землевладельцы, продававшие свою продукцию. Были крупные торговцы — «негоцианты» и мелкие — «меркаторы». Например, среди крупнейших экспортёров масла известны фамилии Цецилиев и Бебиев. Вывозилось также вино, оливки и оливковое масло, фрукты, лён, племенной скот, испанский дрок, шедший на изготовление парусов. Во всех приморских городах в специальных ваннах солили рыбу. Особенно ценился испанский рыбный соус гарум. Купцы посылали на корабль своего раба (и, если надо, помощников ему) для заключения сделок и совершения торговых операций. На случай кораблекрушения или нападения пиратов брали заём у ростовщиков, процент под который не ограничивался законом. Греческие города Западного Понта поддерживали торговые связи с греческими городами всего Причерноморья, а также с Александрией, Палестиной, Финикией и греческими городами западного побережья Малой Азии. Римские власти назначали в эти города «логистов» (контролёров финансов) и ставили там военные гарнизоны [76, с. 573–577, 620–621].

Расширялась не только морская, но и сухопутная торговля. Были уже оптовые торговцы, скупавшие урожай на корню. Возникло много торговых корпораций. Среди них были местные, например, трансальпийских и цезальпийских купцов. Кроме того, торговля специализировалась. Были коллегии виноторговцев, например из Аримина, коллегии торговцев маслом из Бетики, коллегии торговцев зерном и маслом из Африки, коллегии торговцев вазами. Строящиеся дороги учитывали необходимость торговли и снабжались поселками с гостиницами и трактирами. Сухопутная торговля велась не только с соседними странами, например, с Германией, но с Индией, куда вывозили вино и некоторые ремесленные изделия, а ввозили драгоценные камни, шёлк и другие предметы роскоши, и даже с Дальним Востоком. Туда шли караваны, охраняемые от разбойников на вербованными воинами, через Палестину и Аравию. На пути, например в Пальмире, специально строились караван-сарай. Союз греческих городов Правобережного Понта в Нижней Мёзии торговал не только с внутренними регионами Мёзии и других римских провинций, но через города северного Причерноморья имел торговые связи с Арменией и Малой Азией. Другая дорога вела в Византию [76, с. 572–573, 620].

В эпоху Антонинов (96–192 гг.), когда Римская империя достигла наивысшего расцвета, установилось определённое согласие между императорами, армией и сенатом. Все императоры этой династии, за ис-

ключением Коммода, правившего в 180–192 гг., усыновлялись своими предшественниками с одобрения армии и сената [76, с. 571]. Во второй половине II–III вв. в дунайскую армию, как в легионы, так и в преторианскую гвардию стали набирать сельских жителей, которые при вступлении в легион получали римское гражданство. После отставки стали получать гражданство и отслужившие во вспомогательных частях [76, с. 581]. Уже при Адриане, находившемся у власти в 117–138 гг., в Италии и западных провинциях почти не осталось свободных крестьян для набора в армию, и он приступил к набору войск из сельских общин приграничных районов. В армию тогда стали брать сыновей ветеранов от незаконных браков с местными женщинами. Чтобы пополнить армию детям солдат вспомогательных войск перестали давать римское гражданство, и они были вынуждены зарабатывать его военной службой. В результате участились случаи дезертирства. Боеспособность армии стала падать, и императоры стали отказываться от некоторых завоёванных территорий. Адриан отказался от завоеваний Траяна на Востоке. Адриану, а вслед за ним и Антонину Пийу, пришлось также строить крепостцы, валы, частоколы и рвы в Британии, на Рейне и на Дунае [76, с. 587–588].

В эпоху Антонинов италики в сенате составляли 56–58%, остальные были испанцами, галлами, ахейцами, африканцами, жителями Востока. Сами императоры избирались уже не только из римлян. Траян (98–113 гг.) и Адриан (117–138 гг.) родились в городе Италике в Испании, Антонин Пий (138–161 гг.) происходил из города Немауса в Галлии. Были эти императоры по происхождению римлянами или нет — неизвестно. Изменились и сами императоры. Адриан был образованным человеком, покровительствовавшим наукам и философии (Руководителям главных философских школ в Афинах он назначил жалование.), любившим искусство, заботившимся о городах и провинциях, утвердившим дисциплину в армии, и очень простым в обращении. Антонина считали высоконравственным и дали ему прозвище Пий (Благочестивый). Марк Аврелий был известен как философ-стоик [76, с. 571–572].

С ростом императорского имущества росла и администрация, контролировавшая его и управляющая им. Главой ведомства по управлению стал префект претория (глава совета). Возглавлять совет могли лишь всадники, получавшие теперь жалование в 60–300 тыс. сестерциев в год. В совет принцепса входили теперь представители администрации и юристы. Сложилась многоступенчатая чиновная лестница. Число прокураторов (заведующих отдельными имениями императора), большая часть которых была императорскими отпущенниками, возросло во II в. с 62 до 109. Для управления землями, унаследованными Антонином Пийем от Валериев Вегетиев в Испании, был назначен специальный прокуратор, а также префект для надзора за производством и продажей оливкового масла. Специальный прокуратор управлял наследствами, полученными императором и разрабатывал уставы для императорских имений, регулирующих права желающих возделывать пустующие участки на императорских землях. Специальный же прокуратор заве-

довал там императорским фиском, составляемым из сумм, вносимых за освобождение от рабства, и из пекулий рабов [76, с. 588].

Даже в период относительного благополучия Римской империи в I-II вв. отношения, господствовавшие в недрах римского общества вели к тому, что производительные силы не только не развивались, но уже тормозились. Несмотря на рост знаний, развитие ремесла и совершенствование аграрной технологии стремление аристократии к власти и богатству не позволяло должным образом использовать потенциал свободных и уж тем более — рабов.

Уже в I в. в Италии, а во II в. и в провинциях стало заметно, что производительность рабского труда перестала соответствовать запросам аристократии и чиновничества [76, с. 584–585]. Опасаясь восстаний рабов и не желая их бегства, начиная с Августа, императоры ограничивали власть господ, постепенно превращая рабов в подданных государства. Теперь ни господин, ни даже магистрат не мог приговорить раба к смертной казни, каторжной тюрьме, к ссылке в рудники, к постоянным оковам, к сдаче в гладиаторы. К таким наказаниям мог приговорить только суд. Любой раб, часто испытывающий жестокости господина, измученный чрезмерным трудом, постоянно страдающий от плохого обращения, мог подойти к императорской статуе и потребовать, чтобы его продали другому хозяину. За рабами оставлялось право на пекулий. Господин не мог расплачиваться с долгами за счёт пекулия. Долг господина рабу считался действительным, но если раб был должен хозяину, то господин не имел права отобрать пекулий, а только право получать долг первым среди всех заимодавцев раба. Раб не считался юридическим собственником своего владения, но мог «держат» его по обычному праву и даже передавать его. Браки рабов также не считались законными, но семейные связи рабов принимались во внимание, и продавать рабов разрешалось только всей семьёй. Нельзя было отнимать даже приданое рабыни, принесённое мужу-рабу. Отпуск рабов теперь поощрялся, и если возникали сомнения в статусе человека, то в сомнительных случаях предписывалось признавать его свободным. Даже, если раб был освобождён по завещанию, признанному недействительным, то отнять свободу, если она дана пусть даже и неправильно, не позволялось [76, с. 585].

Со II в. социальная система римского общества претерпевала значительные изменения. С одной стороны, часть рабов становилась владельцами средств производства: земли, ремесленных мастерских, торговых лавок, а также собственных рабов. С другой, часть бедного и небогатого населения по своему положению приближалась к рабам или даже превращалась в рабов. Нерентабельность крупного сельскохозяйственного производства, основанного на рабском труде, привела к тому, что виллы чаще стали сдавать в аренду вилкам и другим управляющим, или к разукрупнению больших поместий на мелкие участки, сдаваемые свободным арендаторам-колонам, рабам в качестве пекулий за обязанность вносить ренту или рабам, вновь прикреплённым к земле. Рента вместо разоряющей колонов денежной стала издольной, к кото-

рой начали прибавлять отработки, что фактически прикрепило к земле, потому что колон не имел права уйти из имения, не расплатившись с долгами. Отпущенников также стали сажать на землю, образуя из них что-то наподобие общины, землю которой не позволялось отчуждать. Все сельские общины и в Италии, и в провинциях теперь получили патронов. Разного рода арендаторы всё более и более стали попадать в зависимость от собственников арендуемых средств производства и переставали быть самостоятельными хозяевами, которые только и могли быть гражданами, согласно римской традиции. Закон ещё во времена Адриана позволил самопродажу взрослого свободного гражданина 25 лет (а потом и 20 лет) в рабство, а при Антонине Пийе население империи, включая римских граждан, было поделено на «благородных», включивших сенаторов, всадников и декурионов (членов римских муниципальных и колониальных советов), и «простонародье», потерявшее множество гражданских привилегий. Простолюдина стало возможным подобно рабу подвергать телесным наказаниям и ссылать в рудники [76, с. 587]. Оплата управителей императорского хозяйства и помощь городам требовали денег, и налоги на провинциальных крестьян возрастали. Антонины уже не знали кого поддерживать: крупных землевладельцев, городские власти или простых горожан [76, с. 588].

Упадок и гибель Римской империи

После процветания при Антонинах в Римской империи всё больше и больше стали проявляться негативные явления, которые постепенно нарастали как во внутренней жизни, так и во внешнеполитическом положении страны. Почти каждый император стремился по мере возможностей проводить внутреннюю и внешнюю политику в интересах своего государства, но достигались лишь временные успехи, и негативные тенденции в течении III-V вв. перманентно усиливались. В конце II в. началась бесконечная борьба за императорскую власть, в которой активно участвовали сенат, опиравшийся на крупных землевладельцев, и армия, состоящая преимущественно из горожан, переходящая в гражданские войны. Гражданские войны и набеги варваров вели к опустошению северных районов империи. Основные продукты сельского хозяйства производила уже преимущественно Африка. Запустение земель и порча монеты привели к инфляции и натурализации хозяйства. Даже жалование императорским чиновникам стали выдавать натурой. Многие мелкие и средние виллы в западных провинциях подверглись разрушению. Города стали окружать стенами, но бедные горожане оставались вне стен. Сократились масштабы торговли [76, с. 630–631].

В результате гражданской войны после смерти императора Коммода в 192 г. императором стал Септимий Север (правивший с 193 по 211 гг.), победив конкурентов в борьбе, опираясь на армию. При нём армия достигала приблизительно 600 тыс. Север увеличил воинское жалование. Солдаты получали 500 денариев в год, центурионы 6250. При

его сыне и преемнике Каракалле, который властвовал с 211 по 217 гг., соответственно 750 и 12 500 денариев. При этих императорах солдат, преторианцев и новые (размещаемые в Риме) отборные части всадников стали набирать преимущественно из местного населения западных и дунайских провинций и Фракии. Все сословные ограничения для продвижения по военной службе были сняты, так, что впоследствии из солдат выходили даже императоры. Солдаты теперь получили право вступать в законный брак и работать на своей земле, если их не вызывали в лагерь на учения. Ветеранов приравнивали к сословию декурионов (местных советников) и при отставке они получали земли в городах и сёлах, превращаясь в хозяев мелких и средних вилл, на которых работали рабы. Младшие командиры получили право организовать кассу взаимопомощи, из которой при отставке получали известную сумму. Из младших командиров назначались начальники постов, расположенных главным образом на дорогах, чтобы бороться с беглыми рабами и усилившимся разбоем. Из них же назначались чиновники канцелярий наместников и самого императора. Придя к власти Септимий Север казнил многих своих противников и конфисковал их земли, поселив на них ветеранов рейнских легионов. В Бетике, например, в императорском хозяйстве оказалась большая часть производства и продажи масла и вина, а в арендованных свободными императорскими мастерскими производились амфоры и кирпичи [76, с. 632–633].

Септимий Север и Каракалла старались поддерживать города, где к этому времени обедневшие граждане потеряли возможность владеть землёй, и многие города при этих императорах получили статус колоний и муниципиев. За поступлением налогов с города и выполнением обязательств должниками теперь следили кураторы, избиравшиеся из самых богатых декурионов. Власть в городах, как, например, в Ахайе стала переходить в руки немногих богатых семей. Нередко богачи владели землёй в разных городах и считались их гражданами. Один римлянин, например писал, что он является гражданином Карфагена, Лакедемона, Аргоса, Бастии и Конкордии [76, с. 633].

Юристы, занявшие к этому времени высокое положение в городах, детально разработали положение о почётных должностях и повинностях. На горожан налагались патримониальные и личные повинности. К почётным патримониальным повинностям относились обеспечение города водой, хлебом, сдача городского имущества в аренду, содержание постояльцев, обеспечение игр и т.п. Патримониальные повинности были обязательными, и по указу Каракаллы от них не освобождался никто: ни врачи и не учителя, имевшие ранее иммунитет, ни даже ветераны, — правда можно было поставить за себя заместителя, согласного выполнять эти повинности. С той же целью обеспечения исполнения патримониальных повинностей Каракалла облегчил возвращение в сословие декурионов, если они ранее были выведены из городского совета за какую-либо вину. От обязанностей участвовать в управлении не освобождались теперь ни люди старше 50 лет, ни отцы пятерых сыновей. Даже сын свободной и раба, если у него было соответствующее

щее состояние, мог теперь быть привлечён к исполнению чиновничьей должности. Тем не менее горожане беднели, и члены городских советов стремились избежать почётных должностей, связанных с расходами. Если магистраты бежали из города или становились колонами, их насильно возвращали и заставляли нести повинности. Если сын всё же избежал почётной должности, то отец отвечал за него своим имуществом. От личных трудовых повинностей имели иммунитет лишь корпорации ремесленников, судовладельцев, торговцев (в которые не принимали не трудящихся богачей), которые «работали на общую пользу», а также бедняки, которых опять привлекали к исполнению обязанностей, если их состояние увеличивалось [76, с. 634].

В начале III в. на города запретили налагать новые подати. Когда возникала необходимость в помощи, с городов слагали недоимки и помогали им продовольствием. Стало нельзя заставлять городских советников продавать городам зерно по цене менее установленной. Септимий Север распорядился возвращать городам проданные земли после смерти их покупателя. Ещё во времена Адриана, если кто-то захватывал чужое имение, его ссылали на острова, а теперь конфисковывали треть имущества. Ряд законов предписывал отпущенникам оказывать помощь и отрабатывать долги обедневшим патронам, а, если у отпущенников было отобрано имущество по закону «об оскорблении имущества», то их отработки и другие обязанности по отношению к обедневшим патронам переходили на их детей. Вместе с тем, отпущенников защищали от чрезмерной эксплуатации. Был усилен закон, ликвидирующий сделку, которую заключили под угрозой порабощения. Септимий Север даже предписал наместникам провинций наблюдать за тем, чтобы обладающие властью и богатством не чинили обид *humiliores* (маленьким, простым) людям [76, с. 633–634].

При Септимии Севере и Каракалле сёла получили квазимуниципальное устройство с народным собранием и выборными магистратами. В сёлах стали строить общественные здания, селиться ветераны, развиваться ремёсла. При Каракалле после раздела общинной земли совладельцам запретили продавать свой участок без согласия соседей. [76, с. 633].

В 212 г. Каракалла провёл невиданную реформу, даровавшую право римского гражданства всем жителям империи кроме лишенных всех прав крестьян-общинников из числа народов некогда сопротивлявшихся римскому завоеванию. Эта вынужденная реформа позволила увеличить число платильщиков налогов и людей, которых можно было привлечь для службы в регулярной армии [230, с. 634].

Император Александр Север, правивший в 222–235 гг., фактически доверил управление префекту претория (высшему магистрату) юристу Ульпиану, проводившему политику в интересах богачей и чиновников. Ульпиан стал размещать солдат и ветеранов на пограничных землях, лишив их ряда иммунитетов, например, запретив им образовывать коллегии. Он увеличил число нерегулярных пограничных частей, набираемых из приграничных сёл, которые после отставки получали привилегии только от своих сёл, не пользуясь привилегиями ветеранов

легионов. Он раздавал земли, скот, сельхозинвентарь и всевозможные субсидии «почётным людям». Им же было выгодно то, что была снижена плата за аренду земель императора, что захваченные ими городские земли теперь не отбирались, а лишь облагались налогом, и появилась возможность продавать свой урожай в городах через крупных торговцев, побеждающих в конкуренции владельцев мелких и средних вилл. Теперь разрешалось держать в оковах выкупленных у врагов пленных до отработки ими долга. Крупным собственникам было выгодно и причисление к их фамилии наёмных служащих и включение получивших от крупного владельца земли в аренду участки колонов и «инквилинов» (колонов не местного происхождения), вместе с их инвентарём в ценз имения. Ульпиан освободил от муниципальных повинностей откупщиков налогов и колонов на императорских землях. Императорские рабы получили право продавать и покупать за свой счёт землю и движимое имущество, что привело к побегам частных рабов в императорские имения [76, с. 634–635]. Результатом такой политики стало то, что солдаты поднимали мятежи, во время которых были убиты Ульпиан (в 222 г.) и Александр Север с матерью (в 235 г.).

Другим результатом политики во время правления династии Северов (193–235 гг.) стало то, что в империи резко возросло число разбойников из беглых рабов и сельской бедноты, которые грабили богатых. В середине III в. усилились набеги варваров и пиратов из саксов, фризов и франков, проникавших по рекам в провинции Римской империи. Рабы и колоны часто поддерживали варваров. В последней трети III в. в Галлии и Северной Испании произошло восстание крестьян, называвших себя «багаудами» (борцами), длившееся с перерывами до середины V в. [76, с. 235–236, 633, 636].

В 235 г. солдатами был провозглашён императором бывший фракийский пастух Максимин (235–238 гг.), который попытался облегчить положение народа и навести порядок. Он освободил от городских повинностей жителей приписанных к городу сёл, что облегчило их положение и положение ветеранов, получавших сельские земли. Однако Максимин был убит в результате восстания, инициированного крупными землевладельцами [76, с. 635].

В 253 г. также при поддержке армии к власти пришёл Галлиен, находившийся у власти в 253–268 гг. Он запретил сенаторам служить в армии и создал несколько больших частей конницы для борьбы с конницей варваров. Галлиен способствовал оживлению экономики городов, поощряя создание коллегий, а также наказывал распустившихся сборщиков налогов и не позволял чрезмерной эксплуатации колонов [76, с. 636].

Императоры Аврелиан, правивший с 270 по 275 гг., и Проб, властвовавший с 275 по 282 гг., стремились наладить хозяйство страны и уберечь её от набегов варваров. Они отдавали земли, опустошённые варварами, городам и состоятельным землевладельцам (для того, чтобы эти земли возделывали, используя солдат для их мелиорации или освоения нови), надеясь впоследствии наделить ими ветеранов. На опустошённых

землях помещали также пленных, делая их колонами и военнообязанными [76, с. 637].

Во время правления Диоклетиана (в 284–305 гг.), Константина (в 306–337) и их преемников власть императора окончательно стала властью *dominus* (господина). Власть императора, его распоряжения и всё, что с ним связано стало считаться священным. Перед императором в пурпурной шитой золотом одежде с диадемой с лучами все должны были падать ниц, что уподобляло власть императора власти восточных царей. Возвеличивая власть, Диоклетиан утверждал своё родство с Юпитером, Максимиан — с Гераклом [76, с. 640, 644].

До немыслимых размеров вырос и штат императорского дворца. Одних цирюльников была тысяча. Бюрократический аппарат имперского управления достиг огромных размеров, включая префектов, викариев, наместников, канцеляристов. Громадным стало количество управляющих императорским имуществом, включавшим земли, рудники, а теперь мастерские, изготавливавшие оружие, одежду и другие вещи для армии, чиновников и двора. Работников приклепляли к мастерским и клеймили, чтобы они не могли убежать. Чиновники получали определённый ранг, а после отставки титул. Имевшие высокий ранг после отставки входили в сословие сенаторов. Чиновники меньшего ранга получали титул *honoratus* («почтенный») и, по возвращении в родной город, обладали высоким престижем. Озабоченное карьерой чиновничество стремилось приблизиться к императору, чтобы влиять на государственную политику и обирать подчинённых. Процветала коррупция, интриги, доносы. Чиновники стремились закрепить свои должности за собой и потомками. Должности превращались в титулы (из которых в средние века составила «феодалная лестница»). Сенаторы, состоявшие теперь преимущественно из крупных землевладельцев и вышедших в отставку крупных чиновников, не были обязаны присутствовать на всех заседаниях сената, но должны были вносить в казну золото, количество которого зависело от размера имения, а по случаю торжеств в пользу императоров делать дополнительные выплаты [76, с. 640, 642].

В правление Диоклетиана и его соправителей: Максимиана, Галерия и Констанция Хлора удалось разгромить всех повстанцев, часть которых казнили, а часть обратили в рабов без права освобождения. Пленных варваров расселили на государственных и на частных землях. Часть варваров пришла в империю с просьбой предоставить им землю, за что они обязались служить в армии. Другая часть расселилась на значительных территориях империи на правах федератов с условием защищать провинцию под командой своих вождей [76, с. 639].

Стремясь навести порядок, обеспечить сбор налогов и охрану территорий, власти неоднократно делили карту империи на регионы, которые то объединяли, то делили. В правление Диоклетиана и его соправителей империя была разделена на 4 части. При Константине эти части стали называться префектурами. Префектуры делились на диоцезы, во главе которых стояли «викарии» (заместители, помощники). Число провин-

ций, входящих в диоцезы и обложенных однородными податями, значительно увеличилось за счёт деления на части провинций, число которых колебалось от 100 до 120. Провинции иногда делились на округа. Для защиты от варваров были образованы военные округа во главе с дуками (вождями), которые не совпадали с провинциями, чтобы наместники провинций не могли использовать войска против центральной власти. Все города были уравнены статусом и превратились в *civitates* (гражданские сообщества). Городами стали и небольшие центры союзов племён, на которые разделились некоторые части провинций, некогда имевшие свои центры [76, с. 641].

Мелкие города, где преобладало бедное население, всё больше беднели. Лишь ряд больших городов Запада, где жили крупные магнаты и сохранялись императорские мастерские, сохранял значение хозяйственных и культурных центров. В Германии это были Трир и Кёльн, в Галлии — Арль, Бордо, Амьен, Бурж. В Испании — Мерида, Барселона, Кордова, Тарракона, Сарагоса. Здесь, возрождая местные традиции, даже в сёлах продолжали производить ткани, керамику, статуэтки, стекло, оружие, украшения, основными потребителями которых были местная знать и богачи. Крупнейшим городом оставался Рим, в котором собирался сенат, состоящий из 2 000 сенаторов и многочисленные магистраты, как прежде устраивавшие зрелища для плебса и раздававшие ему хлеб [76, с. 643–644].

При Диоклетиане и Константине (306–337 гг.) был проведён ряд важнейших реформ. Налог с землевладельцев стали взимать, исходя из количества капутов (подушного налога с каждого работника на земле с учётом определённой площади, качества земли, и возделываемых культур). Оценка капутов производилась каждые 15 лет. У каждой провинции было своё количество капутов. За сбор налогов с государственных земель отвечали куриалы (члены местных советов), с местных земель — их владельцы. Сельский и городской плебс платил разные налоги [76, с. 639]. Несмотря на реформы хозяйство приходило в упадок.

Во второй половине II в. в Римской империи начинает намечаться и политический кризис. При Марке Аврелии с трудом удалось изгнать напавших на Бетику и опустошивших её мавров и вторгшихся из района Карпат и опустошивших Ахайю костобоков. Позднее в Британии при Коммоде из-за частых нападений местных кельтов пришлось отодвинуть границу к югу. Германские народы с правого берега Нижнего Рейна продолжали вторгаться в обе германские провинции и в Бельгику. Войны с парфянами и маркоманами, чума и голод разоряли и опустошали различные регионы империи. В 186–187 гг. беглый воин Матерн, собрав дезертиров, рабов и обедневших крестьян севера Италии, Галлии и Испании поднял восстание, грабя виллы и чуть не убил императора Коммода, но был пойман, казнён и восстание подавлено, но недвусмысленно обнаружило ослабление империи [76, с. 588–589]. В результате попыток отделения аристократии западных римских провинций, вторжений варваров и восстаний колонов и крестьян прекратилась, напри-

мер, разработка испанских рудников и вывоз в Рим испанского масла [76, с. 636–637].

Приблизительно с 260 г. римские провинции перманентно подвергались нападениям варваров [76, с. 647–651]. В середине IV в. варвары вторглись в Галлию, но были изгнаны. В 70-х гг. вновь вспыхнувшее в Галлии и Испании движение багаудов не удалось подавить. Тогда же восстали во Фракии притесняемые чиновниками вестготы. К ним присоединились рабы, колонны и рабочие местных золотых приисков. Восстание подавили лишь через 5 лет. Даже после подавления пришлось вождям готов дать высокие армейские и придворные чины в Константинополе, а другим предоставить земли, зерно и скот во Фракии, Фригии и Лидии, сохранив управление тамошних вождей и позволив «варварам» жить по традиционным обычаям [76, с. 645–646].

В 80-х гг. в разных частях страны опять провозглашались императоры. Лишь Феodosию (379–395 гг.) удалось на время объединить распадающуюся империю, но в 395 г. она окончательно разделилась на Восточную и Западную. В Западной половине империи постоянно сменялись варварские узурпаторы власти, главным образом из германцев. Рабы, колонны и крестьяне частенько бежали к германцам, менее эксплуатирующим их, чем римские господа [76, с. 646]. На рубеже IV–V вв. вандалы и аланы заняли Испанию. В 418 г. готы получили от римского правительства Аквитанию со столицей в Толозе. В 410 г. готы под водительством короля Алариха временно взяли и разграбили Рим, ворота в который ему открыли рабы. Бургунды в это время заселили Рейн, саксы захватили Британию. В середине V в. между Сеной и Луарой возникло франкское княжество. Империя шла к гибели.

Слабеющая императорская власть в III в. стремилась себя всячески упрочить. Императоры стали изображаться в диадеме с солнечными лучами, со скипетром и державой в руках. Подобно восточным монархам они подчёркивали свое родство с богами, особенно с солнечными. Культы Юпитера Долихена и Митры всячески поощрялись. Семьи императоров тоже объявлялись божественными [76, с. 637].

Если ранее каждый гражданин был землевладельцем, получая в наследственное владение городскую собственность, то в III–IV вв. возникла цепочка прав собственности и владения. Верховным собственником теперь был император. Сенаторы были собственниками или владельцами земли. От них получали землю во владение колонны. Общинники получали землю в пользование из общинного владения. Общинный способ владения существовал как у сельских, так и у городских жителей. Прежнее непосредственное присвоение прибавочного продукта хозяином, отбираемого у раба дополнялось присвоением его в форме ренты, получаемой от колона. Кроме того, существовавший во многих провинциях доримский экономический уклад не только сохранился, но был стимулирован римской организацией хозяйства, техникой и связями между Римом и провинциями [76, с. 643].

Права и влияние граждан неримского происхождения возрастали. В III в. в сенате почти не осталось сенаторов из римских аристократиче-

ских родов, италики составляли 35–40%, жители Испании и Галлии — 8–9%, остальные — жители Африки и стран Востока. Пополнявшие сенат магистраты избирались преимущественно из состоятельной знати. Сам по себе сенат мало что решал. Ещё меньшее влияние на политику оказывали граждане. В народных собраниях они могли лишь принимать или отвергать закон, который им предлагали магистраты, но не могли его обсуждать и вносить свои предложения [76, с. 631, 662].

Хозяйство продолжало натурализоваться и инфляция продолжалась, и Диоклетиан и Константин проводили монетные реформы, пытаясь поднять ценность денег. Константин издал эдикт, запрещающий опекунам продавать земли несовершеннолетних, но он практически не выполнялся. Диоклетиан издал эдикт, устанавливающий максимальные цены на зерно и ряд товаров, а также на зарплату, но он также плохо выполнялся, рост цен и спекуляция продолжались, обогащая оптовиков и крупных землевладельцев, особенно при неурожаях. Инфляция приводила к накоплению богачами золота и драгоценных камней, а не денег. Городской плебс волновался [76, с. 641–642].

Ремесленники, торговцы и прочие городские плебеи в IV в. платили налоги согласно цензу, проводившемуся раз в 5 лет. Ремесленные коллегии, члены которых вместе с потомками были теперь прикреплены к своей коллегии, пользовались некоторыми привилегиями, но должны были обслуживать двор и армию. Консорции куриалов (Землём теперь стали распоряжаться курии, а не городские власти.), солдат и владельцев судов также были связаны круговой порукой и обобществляли вымороченное имущество. Социальная и имущественная дифференциация куриалов усилилась. Председатели курий, «почтенные», живущие в городе сенаторы и крупные землевладельцы обладали престижем, связями в правительственном аппарате и накопили значительные состояния, благодаря чему их выбирали патронами городов, где они могли оказывать «благодейния» бедноте. Произошло деление горожан на облечённых властью «сильных людей», фактически распоряжающихся городской землёй и прочей собственностью, и «маленьких людей» (отчасти напоминающая подобное деление в Древнем Египте). Знатные и богатые фактически осуществляли власть над гражданами города. Такие порядки вели к закреплению всех членов объединений, обязанных налогами или работами. Правительство также было заинтересовано в сохранении постоянного числа налогоплательщиков и исполнителей общественных работ, поэтому стремилось не допускать «маленьких людей» к службе в администрации и в армии, препятствовать переходу их в колонии императорских и частных имений и даже не позволять им перейти в рабскую кабалу к «сильным людям». Вместе с тем, чтобы сохранить рабочую силу и платёжеспособность «маленьких людей», императорам приходилось брать их под свою защиту. Чтобы уберечь крестьян и прочих «маленьких людей» от насилия со стороны богачей и чиновников, назначались специальные «дифенсоры» (защитники). Изменился даже облик городов: парки, форумы, площади, где разрушались общественные здания, застраивались богачами [76, с. 639–643].

Общины свободных крестьян были связаны круговой порукой. Они должны были объединяться в «консорции» (сотоварищества), обязанные поставлять и снаряжать солдат. Правда, консорты оставляли себе вымороченные земли и могли запретить покупать общие земли посторонним. Закон запрещал также отнимать у крестьян за долги пахотных быков и сельхозинвентарь, а также возлагать на них работы во время сева или жатвы. Вместе с тем крестьянам и колонам, спасающимся от злоупотреблений императорских чиновников, запрещалось переходить под власть крупных землевладельцев [76, с. 640].

Колонов теперь вносили в ценз, и при Диоклетиане приписывали к определённом имению или селу, уйти из которого было очень трудно, а Константин окончательно прикрепил их к земле, возвращая беглых в цепях. Колоны должны были нести определённые повинности. Их имущество было приравнено к рабскому пекулю, и они не могли им распоряжаться без разрешения патрона. Господин должен был из своих колонов поставлять определённое число рекрутов или вносить деньги за равное количество новобранцев. Позднее было запрещено продавать без земли колонов и посаженных на землю рабов [76, с. 640].

К рассматриваемому времени среди провинциальной знати, особенно среди входящих в аппараты по управлению провинциями или даже государством, появилось много магнатов, особенно в западных провинциях, где возникло множество богатых вилл, состоящих из больших домов в несколько десятков комнат с погребами-складами сельскохозяйственной продукции, с ремесленными мастерскими, в которых производилось всё необходимое для жизни, с расположенными вокруг домиками колонов, обязанными отрабатывать барщину на господской земле, и т.п. Нередко такое имение превращалось в окружённую стенами крепость, владелец которой имел тюрьму и собственную дружину, которая обороняла его не столько от варваров или восставших рабов и колонов, сколько от соседних магнатов и даже от императорских чиновников, требовавших выплаты налогов или возвращения бежавших к магнату приписанных к императорским владениям рабов или колонов [76, с. 640–641]. Последнее явление уже явно сопоставимо с так называемой «феодальной раздробленностью» последующих «средних веков».

Хотя большая часть зависимого населения Римской империи считалась лично свободной, тем не менее выполняла множество всякого рода повинностей, причём и повинности, и налоги постоянно росли. Например, в письме на имя императора Антонина Пия жители одного из сёл на территории Нижней Мёзии жалуются на невозможность выполнять большое число литургий (повинностей), в частности, гужевую повинность. Помимо этого жители провинций: Паннония, Мёзия и Дакия, — платили налоги деньгами или натурой, вносили плату за пользование пастбищами и т.п. В IV в. аристократия Иллирика, подражающая римским порядкам, стала отбирать у местных крестьян инвентарь и заставлять их работать на себя, уподобляя их кабально зависимым. Даже императорам пришлось вмешаться, чтобы защитить крестьян от притеснений. Наступление на крестьян шло повсеместно,

хотя и имело местные особенности. В середине IV в. в законодательном порядке иллирийских крестьян (как и других) прикрепляют к земле. В то же время во Фракии преобладало свободное сельское население, а рабы в городах были малочислены. Скорее, их было больше на императорских золотых приисках. В 392 г. фракийских крестьян превратили в колонов и прикрепili к своей земле, но объявили их свободными в отличие от колонов в других провинциях, остававшихся бесправными [76, с. 580–584].

Чтобы прекратить военные конфликты внутри страны наместников лишили военной власти. Число легионов удвоили, а их численный состав уменьшили. Армию поделили на состоящие из военных поселенцев пограничные части и мобильные части, которые можно было легко перебрасывать в горячие точки. Сначала военная реформа укрепила боеспособность, но лет через двадцать колоны, которых сдавали в рекруты их патроны, стали избегать наборов. Сыновья ветеранов в условиях упадка мелкого и среднего землевладения не хотели после службы нести повинности декурионов и также избегали набора. Приходилось нанимать на службу варваров, требовавших оплаты службы золотом, которого всё меньше и меньше давали рудники. Стали пользоваться также услугами варваров, которые, заключая договор, становились федератами, но они требовали предоставления земли в провинциях и часто становились ненадёжными в войнах против своих соплеменников [76, с. 641].

С одной стороны, императоры и магистраты стремились централизовать управление государством, с другой, приходилось опираться на провинциальную знать, чтобы избежать конфликтов с местным населением и уберечься с её помощью от набегов «варваров». Культура, традиции, положение местного населения, отношения с соседями и многие другие факторы обусловили неравномерное развитие провинций. Беднейшей провинцией Римской империи из-за разорения в результате набегов варваров оказалась Реция, о которой практически почти ничего не известно [76, с. 579].

В провинциях социальный состав населения в разной степени приближался к римскому, но были и чисто местные различия. Если на юге и юго-востоке Испании, где селились философы, писатели, поэты и другие деятели культуры, происходила романизация, и население почитало римских богов, переходило на латынь, старалась вести римский образ жизни, то в остальной Испании, муниципальные должности занимали преимущественно аристократы. Членами советов, магистратами и жрецами императорского культа были главным образом более или менее крупные землевладельцы. На юге Испании в провинции Бетика преобладали уже средние виллы с рабами. Разбогатевшие торговцы, ремесленники и ветераны чиновничьих должностей обычно не занимали. В центральных и северо-западных регионах Испании романизовались главным образом города в районе императорских рудников и в местности, где стоял римский легион. Большая часть населения продолжала жить родовыми или территориальными общинами во главе со старейшинами. В общину иногда принимались члены других родов и племён.

Такая община владела своей землёй и могла иметь рабов. Отдельные племена, видимо, находились в рабско-феодальной зависимости от племени, главенствовавшего в союзе племён, аристократов которого римляне (сопоставлявшие раннеклассовые отношения со своими) принимали за патронов. Такой аристократ, даже будучи римским гражданином, сохранял ещё и традиционное право на власть над членами племён, покорённых в доримские времена, и нередко становился владельцем крупного имения с зависимым населением. Римляне принимали такое зависимое население за колонов, которое даже в наиболее романизованных районах не было превращено в рабов. Социальная дифференциация в провинциях имела тенденцию приближаться к социальной дифференциации в Риме, так как римская социальная система всюду влияла на местную. Например, в Испании, особенно на севере, было сравнительно мало рабов и много свободнорождённых, составлявших большую часть ремесленников (сапожников, сукновалов, цирюльников, банщиков и прочих специалистов) или арендаторов рудников. Беднота составляла также значительную часть рабочих на рудниках, рабочих в портах и других требовавших тяжёлого неквалифицированного труда сферах хозяйства. Наиболее бедные пользовались раздачами со стороны магистратов и прочих чиновников, которые устраивали также угощения и игры. Однако состоятельные люди обзаводились рабами, например, для работы на вилле, где они выполняли функции не только работников, но и виликов, выступали как доверенные лица при заключении сделок [76, с. 574–575].

В Нарбоннской Галлии, Лугдунской Галлии и Южной Бельгике на территориях, принадлежащих большим городам росло число вилл, обслуживаемых рабским трудом [76, с. 575]. Доримские социальные отношения отчасти консервировались в Бельгике, Западной Аквитании, кое-где на Рейне. Там сохранялись родовые и территориальные общины, принадлежащие патронам из числа городских магистратов, очевидно из местной доримской знати. Общинники вместе владели землёй и делили её между собой. В общинах сохранялась круговая порука за наложенные на общину повинности, но во II в. среди них уже жили ставшие римскими гражданами общинники, римские ветераны и купившие у них землю переселенцы, которые получили землю в собственность. Постепенно число собственников росло, и росли их участки. Особенно в Западной Аквитании, а также в плодородных окрестностях Трира, Арлона, Намюра и кое-где на Рейне возникали большие виллы ветеранов с двухэтажными домами на 30–66 комнат с колоннами и портиками, с башнями, с застеклёнными окнами, с баней, поргёбом и мастерскими. На хозяев этих ферм, обычно производящих вино, работали их клиенты и колоны из окружающих деревень. Здесь одной из форм закабаления стало «благодаяние», предоставление пахотной земли или пастбища в аренду, денег или инвентаря взаймы, превращавшее «облагодетельствованных» в клиентов, а то и колонов [76, с. 576–577].

В Далмации селившиеся в городах, многие из которых получили статус колоний или муниципиев, ветераны не принимали активного уча-

ствия в общественной жизни, но многочисленные переселенцы из Италии приобретали виллы, торговали, давали в рост деньги. Отпущенники часто принимали участие в организации и проведении религиозных культов. Рабы также принимали участие в общественной жизни, особенно в отправлении культов. Представители местной аристократии селились в городах. Многие из них получали римское гражданство. Например, ещё при императоре Веспасиане, правившем в 69–79 гг., в муниципии Доклеи они образовали уже высший социальный слой, который составляли городские магистраты, жрецы императорского культа, всадники и даже сенаторы. Местное население в городах постепенно романизовалось. В северных районах Далмции местная аристократия чаще жила в кастеллах и своих поместьях, а на их землях работали зависимые крестьяне, воспринимавшиеся римлянами как колонны. Местные далматинцы продолжали жить родовыми или территориальными общинами, которые периодически распределяли между своими членами общинные земли. Несколько общин, по-видимому, составляли племя, управлять которым римляне первоначально ставили префектов, но потом к управлению вернулась местная аристократия [76, с. 577–578].

В Норике итальянские дельцы начали селиться около 100 г. до н.э. в районах добычи золота, меди, цинка, железа и свинца, главным образом для того, чтобы вести торговлю, что делалось через рабов и отпущенников. Наибольшую активность по всему Норикку проявляла итальянская семья Барбиев из Аквилеи. Когда в Лауриаке при Марке Аврелии, правившем в 161–180 гг., поставили легион, этот город стал главным транзитным центром ремесла и торговли с задунайскими народами. Местная аристократия Норика, получая римское гражданство, составляла высший слой наряду с итальянской аристократией [76, с. 579].

В Паннонии, Мёзии и Дакии Риму приходилось держать 8–9 легионов, не считая вспомогательных частей. Из местных народов тоже набирались вспомогательные части, служившие в других регионах. Войска, стоявшие в этих провинциях, играли главную роль при борьбе за императорскую власть. Возникновение городов в данных регионах связано преимущественно с поселениями, возникавшими при лагерях легионов. Большую часть декурионов и магистров составляли ветераны. Жителями этих провинций управляли префекты из числа центурионов легионеров, но постепенно местные аристократы получали римское гражданство и принимали участие в управлении соплеменниками. Местное население продолжало сохранять общины. Некоторые бедняки жили наёмным трудом, например, работая на золотых рудниках Дакии, где оплата труда была крайне низкой. Однако в городе Бригении была даже коллегия наёмных работников. Рабов (кроме Западного Причерноморья и примыкающих к нему районов, где преобладало греческое население), среди которых встречались и местные жители, было очень мало. Число рабов и отпущенников у одного владельца обычно не превышало одного-двух человек. Лишь раз упоминается 5, другой — 8 рабов. Очевидно, виллы были небольшими, и точно известно, что рабы тут были дороги, дороже, чем на остальной территории империи. Положение рабов и отпущенни-

ков здесь было, по-видимому, легче, потому что рабы и отпущенники императоров и наместников были нередко заняты в администрации и являлись откупщиками пошлин и налогов. Ветераны здесь стали получать землю в сельской местности. В сёлах, где они жили, постепенно создавалось псевдокоммунальное устройство с выборными магистрами и культовыми коллегиями. Некоторые сельские ветераны становились членами местных советов и всадниками. Состоятельные ветераны строили в сёлах алтари и храмы. Дети ветеранов вспомогательных частей нередко служили уже в регулярных легионах, а их внуки иногда достигали высоких чинов, увеличивали земельные наделы, богатели. Земельная собственность (поссессион) ветеранов была привлекательнее, чем общинное временное владение (прекарий), а невозможность для родственников, не бывших римскими гражданами, наследовать землю ветеранов вызывала желание выделиться из общины, получив землю в собственность [76, с. 579–582, 621].

В Нижней Мёзии римская администрация взимала налог с рыболовства и пользования лесными угодьями. Налоги отдавались на откуп. В I–III вв. в Нижней Мёзии римляне позволили греческим городам Левобережного Понта, ставшими римской опорой в Подунавье и Фракии, объединиться в союз. Во главе союза стоял архонт (затем понтарх), исполнявший также на подведомственной ему территории функции главного жреца императорского культа. В союз со столицей в Томах, вошли города: Одесс, Каллатис, Истрия, Дионисполь. Союз пытался унифицировать монеты, которые было разрешено чеканить греческим городам Левобережного Понта. Во главе городов утвердились местные богачи, получившие римское гражданство и занявшие магистратуры и почётные должности, перехватив часть функций у народного собрания. Они жертвовали средства на постройку городских стен и храмов, обеспечивали горожан продовольствием. Греческие купцы и ремесленники вместе с римлянами объединялись в коллегии и культовые организации. Местной спецификой были союзы певцов, исполнявших гимны в честь Диониса, римских императоров и членов их семей. В середине III в. в результате набегов варваров греческие города западного Причерноморья пришли в упадок. Лишь на рубеже IV — V вв. начался подъём их экономики. Возрождалось строительство. Были построены новые крепостные стены, общественные здания, частные дома. Процветали керамическое и металлообрабатывающее производства. Благодаря близости Константинополя стала процветать торговля. Очевидно, при Веспасиане в провинцию Нижняя Мёзия был включён греческий город Тира, за которым были закреплены определённые сельскохозяйственные угодья. Как приморский торговый город она получила некоторые послабления. Горожан освободили от оплаты пошлин на многие ввозимые товары. Тира также сохранила автономию и самоуправление с народным собранием и коллегией архонтов, которыми руководили в значительной степени романизированные зажиточные торговцы и ремесленники. В конце II — начале III вв. в состав Нижней Мёзии была включена Ольвия, и там был поставлен римский гарнизон.

В течение I–III вв. в Херсонесе также стоял римский гарнизон, и город имел статус союзного города, затем свободного города с правом чеканки золотой монеты (во время правления Антонина Пийя), далее просто свободного города (которому позволялось чеканить только медную монету), потом провинциального римского города. Рим позволял Херсонесу иметь самоуправление, однако власть сосредоточилась у местной земледельческой, торговой и ремесленной аристократии и богачей, получивших римское гражданство. На контролируемой городом сельской территории возник ряд крупных земельных владений. Рабский труд использовался, особенно на крупных виллах. Велось активное строительство оборонительных сооружений, домов. Развивались керамическое производство, металлообработка и другие ремёсла, использующие труд рабов, вольноотпущенников и пришлого населения. Позднее Херсонес вошёл в состав Византийской империи [76, с. 619–627].

В конце III в. в провинции Фракия местные жители славились боеспособностью. Из фракийцев набирали более 30 когорт и конных ал. Фракиец Максимин выслужился из рядовых и стал императором. После службы фракийские ветераны получали римское гражданство и земельные наделы. Во II в. во Фракии значительно увеличилось число римских колоний. Наиболее крупные из них — Филиппополь, Деульт, Августа Траяна и другие. Доримские местные центры, например, Сердика, стали получать права муниципиев. В пользу колоний и муниципий экспроприровалась часть земель местных общин и местной знати, которая беднела. Число римских вилл, наоборот, росло. Образовывалась новая муниципальная знать. Однако основное население Фракии, жившее в отдалении от городов, продолжало сохранять общины — комы, в которых сохранялись прочные связи: отправление культов, взаимопомощь и т.п. Жители нескольких сёл иногда составляли торговый город — эмпорий, но обычно не считались гражданами городов и несли повинности как в пользу городов, так и государства. Случалось, что фракийские крестьяне (например из села Скаптопары) были вынуждены обращаться к императору (например, в середине II в. к Гордиану), указывая, что помимо установленных податей, гужевой повинности и постоев, с них требуют дополнительные повинности и налоги, так, что им ничего не остаётся кроме побега. В это время Фракия вместо деления на стратегии, как было при Адриане, делилась между городами, а территория, принадлежащая городу, делилась на районы. В крупных городах, например, Филиппополе, было теперь по нескольку фил, включавших часть сельских земель. Вокруг городов располагались имения римских граждан из числа колонистов, военачальников и местной знати, а также городских магистратов [76, с. 583].

В Ахайе усиливалась социальная и имущественная дифференциация. Здесь было мало больших латифундий, а крупные землевладельцы предпочитали иметь несколько некрупных латифундий, возделываемых рабами и арендаторами. Рабов для обработки земли не хватало, и эксплуатировали вольноотпущенников, обязанных пожизненными отработками, и заставляли их поставлять на работу бывшему хозяину

своих детей. Число свободных крестьян стало незначительным, не хватало и арендаторов. Разорение населения усиливалось из-за конкуренции и ростовщиков, которым должны были многие люди, имевшие до займов даже средний достаток. В городах скопилось много бедняков, живших главным образом на подачки, и стали звучать предложения сажать их на заброшенные земли. Наряду с ростом числа бедняков богатели аристократия и чиновничество, состоящие из переселившихся римских граждан и греков, получивших римское гражданство. Между олигархами, подолгу занимавшими главные выборные должности, шло перманентное соперничество, в которое втягивалась римская знать и даже императоры. Софист Герод Аттик, консул, владелец многих латифундий и эвергет («благодетель»), «благодетельствовавший» займами множество людей в родных Афинах и других городах, которые были у него в долгу (за что его и ненавидели), был женат на дочери римского сенатора и стал другом императора Адриана. Однако местная знать и богачи, зная отношение народа, всячески стремились его погубить, выдвигая многие, в том числе и демагогические, обвинения [76, с. 484].

Несмотря на различия в развитии разных провинций можно заметить некоторые общие явления: активный рост среди местной администрации в органах местного управления и сохранение местных отношений, мало соответствующих римским отношениям, и именно эти явления проявились после распада Римской империи, когда на её территории возникло множество национальных государств.

Наука, культура и идеология в эпоху империи

Однако какие бы трудности не переживала империя, ничто не могло остановить развития мысли и культуры. Наука продолжала развиваться преимущественно в Александрии. Герон Александрийский (I–II вв.) был величайшим механиком. Он открыл несколько алгебраических и геометрических формул для измерения площадей и объёмов, обнаружил движущую силу пара и изобрёл автомат для открывания дверей, пожарный насос, водяные часы, водяной орган, механический театр марионеток, ряд геодезических приборов. В Александрии же Диофант (III в.) описал решение квадратных и кубических уравнений. Папп Александрийский (III–IV вв.) издал сочинение, содержащее обзор исследований по геометрии, формулы и задачи, уточнил описание теорем и доказательств, дал определение конических сечений, показал как математика применялась в механике, дал сведения по астрономии. Геометр Серен из Антинои (IV–V вв.) написал трактаты о сечении цилиндра и конуса. Накапливались сведения о свойствах камней, растений, особенностях зверей. Орибасий (320–400 гг.) — личный врач императора Юлиана, используя труды предшественников и собственные эксперименты, изучал влияние на здоровье различной пищи и разных климатических условий. Он описал многие болезни и методы их лечения лекарствами, ваннами и физическими упражнениями [76, с. 592, 658–660].

В конце IV-V вв. производительные силы в Римской империи развивались крайне медленно. Учёные пользовались ещё довольно примитивными инструментами. Тем не менее, знания в области физики и химии позволяли создавать сплавы и амальгамы. Используя знания геометрии, римские землемеры измеряли земельные участки, а строители планировали лагеря и города. Велось наблюдения и накапливался опыт обработки земли, по применению удобрений на разных почвах. Отбор наилучших растений в разных условиях привёл к выведению качественных сортов. Отбор скота позволил получать больше мяса, молока и шерсти. Разведение и отбор птиц способствовал большому получению мяса, яиц, пера и пуха. Прививки, скрещивание и другие выработанные приёмы способствовали развитию сельского хозяйства. Уже существовали греческие и римские механизмы для подъёма и переноски тяжестей, водяные мельницы, насосы для перекачки воды. В строительстве широко пользовались кирпичём, из которого теперь строили и церкви, обычно имевшие форму базилики [76, с. 656, 659].

Официальной идеологией Римской империи оставалась пропаганда величия Рима, к которой прибавилось почитание императора как патера нации, обеспечивающего процветание подданных. Однако пропагандируемый Августом «золотой век» не настал. Несмотря на возрастающую вертикальную социальную мобильность, население видело её ограниченность и всё больше и больше ощущало свою зависимость от стоящих на более высоких ступенях социальной иерархии. Даже сенатор мог пострадать от каприза первого сенатора, а «маленький человек» зависел не только от своего патрона, но даже от богатого соседа, которому, согласно общественному мнению, должен был выражать почтение и оказывать услуги. Коллеги ремесленников обязаны были не только жить по составленному патроном уставу, но праздновать дни рождения его и его домочадцев. Лстить разного рода «благодетелям» стало нормой жизни. Ощущение несвободы и обида за унижения сковывала инициативу, тем более, что богатство, удачная карьера, даже заметное проявление способностей вызывали подозрение и опасение за неудачу в возможном соперничестве с поднимающимся навстречу низлежащим, которого нередко стремились придержать или даже уничтожить. Не видя выхода в казавшемся навсегда установленном жизненном порядке философы пытались обрести внутреннюю свободу [76, с. 589–590].

Весьма популярный среди высших и средних слоёв стоицизм преследовался при Юлиях-Клавдиях и Флавиях (I в.), но поддерживался при Антонинах (II в.). Стоики верили в единство природы, общества, мировой души и мирового разума, полагая, что человек как часть природы, также содержит часть мировой души и разума. По представлениям стоиков, в космосе существует необходимый порядок и он управляется единым законом, а каждому человеку предназначена определённая судьба, которую нельзя изменить. Лишь мудрый и добродетельный человек способен познать этот порядок для того, чтобы обрести счастье. Для многих стоиков важнейшей проблемой была проблема отношений между властителем, будь то император или отец фамилии, и подчинёнными.

Хороший император должен подчиняться им самим же установленным законам, как это делает Юпитер, давший космосу закон и соблюдающий его. Он должен трудиться на общее благо, советуясь с «лучшими» людьми, не отнимая собственности у граждан и не требуя чрезмерного прославления, а граждане обязаны быть преданы ему и почтительны, как ближнему к богам и воплощению души государства. Так думали Сенека и Дион Хрисостом. Светоний же в биографиях цезарей показал как «тиранов», так и добродетельных властителей. Плиний Младший нашёл идеал правителя в Траяне, посвятив ему «Панегирик». Стоиком стал даже сам император Марк Аврелий, полагавший, что люди по натуре своей порочны, изменить их натуру в лучшую сторону невозможно, а потому служение человечеству не имеет смысла. Таким образом, добродетелью становится только самоусовершенствование и служение своему Гению [76, с. 590–591].

Бывший раб, отпущенник Эпиктет по взглядам близким скорее к народным, чем аристократическим стоял между стоиками и киниками. Он утверждал, что научные рассуждения и книги вообще, ничего хорошего человеку дать не могут. Вместе с тем, он учил, что внешняя сущность человека: его имущество, тело и даже жизнь, — всегда подчинены какому-то господину, и не следует противиться его праву распоряжаться этими внешними предметами, от которых можно и отказаться. Зато истинная сущность человека — его душа и разум заключена внутри него, и никто не может управлять ими, а поэтому человек свободен, раз никто не может помешать ему быть добродетельным и счастливым. Зевс как верховный бог стоит выше всех земных владык, а поэтому надо чувствовать себя его сыном, и тогда будешь свободнее любых господ, несвободных от своих желаний обладания чем-либо [76, с. 590–591].

Бедность и отказ от благ и ценностей окружающей жизни, включая уважение к патеру фамилии, семье и даже традиционным святыням являются идеалом к которому должно стремиться, уверяли киники. Они поносили богачей и самого императора и предлагали порвать со всем мирским и даже кончать жизнь самоубийством. Большинство философов бедность возводилась в добродетель, и даже зажиточные люди в эпитафиях стремились уверить, что они были бедны. Писатель Апулей в «Апологии» уверял, что просвещённый человек должен ценить и уважать бедность [76, с. 591].

В греческих романах этого времени герои, претерпевающие многочисленные бедствия, даже физически изменяя своей любви и попадая в рабство, уверяли, что они свободны и добродетельны, потому что свободны и добродетельны в душе. Комедиограф Лукиан неоднократно высмеивал стоиков и крайних киников, тратящих жизнь на изучение философии, чтобы войти в мир мудрецов, а потом потерпеть неудачу и испытать разочарование. В пародии «Правдивая история» он потешался над фантастическими рассказами о чудесных путешествиях в неведомые страны, на луну и на солнце [76, с. 591, 594].

Стал возрождаться скептицизм, характерным выразителем которого стал врач Секст Эмпирик. Он не только опровергал все известные ему

философские системы, но науки вообще, уверяя, что они основываются на авторитетах, которые противоречат друг другу, на недостоверных аксиомах или путанице причин и следствий, а не основаны на наблюдении как врачевание, поэтому лучше отказаться от рассуждений и жить просто, по законам государства и заветам предков. Сенека стал последним, кто пытался связать философию с наукой в сочинении «Изыскания о природе» [76, с. 591–592].

Среди интеллигенции всё более распространялись представления о порабощении космической необходимостью и возможности обрести свободу от нее с помощью магических действий. Философ Плотин (204/5–270 гг.) пытался возродить единство человека и космоса. Он предлагал слиться с верховным благом через экстаз, достигнутый очищением души от зла через добросовестность, трудолюбие и борьбу со злом. Его учение — неоплатонизм, предназначалось для избранных. Секст Эмпирик (вторая половина II в. — начало III в.) как философ скептик, утверждая, что ничего не отрицает, фактически отрицал возможность истины. Вместе с тем, он требовал для научного исследования вести наблюдения, проводить опыты и делать логические обобщения [76, с. 637–638, 659].

Уже в конце II — начале III в. появились идеологи разных слоёв римского общества, предлагавшие свои идеи совершенствования общественной системы, государственного устройства. Апулей и Филострат отразили интересы состоятельных городских слоёв. Они поддерживали идею сохранения императорской власти и были не против передачи её по наследству. Управление городов они предлагали отдать в руки «достойных» граждан, но не кучке богачей, которых надо ограничить, и, особенно, не «демагогам», возбуждающим «чернь». Граждане должны вносить налоги лишь на армию, но правители должны стремиться к миру. Граждане, которых не надо обременять налогами, должны пользоваться своим имуществом для общей пользы и честно соревноваться друг с другом, не позволяя вражды [76, с. 631].

Дион Кассий, уроженец Никеи в Вифинии как выразитель идей восточной аристократии предлагал всех жителей сделать римскими гражданами, но был противником свободы «черни», которую надо обуздывать твёрдой императорской властью. Император должен всё решать сам, но ввести в сенат самых знатных и богатых провинциалов. Он предлагал также начать государственное воспитание юношей, чтобы научить их повиноваться императору, а всех осуждающих императора и не поддерживающих римскую религию — карать. Статус города Кассий предлагал оставить только за Римом, а все города превратить в сёла, чтобы не заставлять богатых тратиться на игры и городские нужды вообще [76, с. 631–632].

Несколько авторов написало историю Августов, выразив в ней интересы западной аристократии. Согласно их программе император должен избирать сенат. Задача императора как верховного главнокомандующего — завоёвывать новые земли. Пленных варваров следует сажать на землю, чтобы они приносили пользу вместо разорения. Солдаты опасны

для государства, и лучше, если границу будут оберегать приграничные жители и варвары. Регулярные части должен содержать сам император, не слишком обременяя провинции налогами на армию. На местах должны управлять «лучшие» люди, а император и его наместники и чиновники не должны вмешиваться в местные дела. Император не должен регулировать цены на хлеб, конфисковывать земли богачей, а наоборот распродать собственные земли, которые попав к частным владельцам принесут большой доход. Одной из этих программ фактически следовали императоры, опиравшиеся на армию или сенат [76, с. 632].

Однако все модные философские системы не давали выхода из духовного тупика. Стоицизм и кинизм пришли в упадок и возродился платонизм, приспособляющийся к новой социальной реальности и, отчасти, пифагорейство с элементами магии, астрологии, учений востока: магов, брахманов, египетских жрецов. Новое учение стало дуалистичным. Оно признавало единого высшего бога, прямо не вмешивающегося в мирские дела, и низшего, имеющего дело с миром и с созданной злой душой материей, которая отпала от высшего мира идей. Бог же действует через подчинённых ему посредников: через Логос, божества светил, добрых и злых демонов и души людей. В зависимости от порочной или добродетельной жизни, души людей могут перевоплотиться в животных, демонов, героев и даже богов, поэтому надо стараться познать верховного бога, чтобы приобщиться к нему. Если для стойков бог был частью мира, где не могло происходить ничего неестественного, то платоники помещали бога в другой сверхъестественный мир, поэтому они стремились познать сверхъестественные тайны богов через откровение, участвуя в мистериях Диониса, Осириса, Исида, Митры и т.д. Некоторые авторы сочинений прямо утверждали, что некие тайные истины им открыл бог. Такого рода герметические трактаты приписывались египетскому богу мудрости Тоту, отождествляемому с Гермесом Трисмегистом. Для «посвящённых» в тайны не требовалась наука. Проявился интерес ко всему необычному, к «чудесам». Поэма Лукана «Фарсалия» была полна описаний ужасов, страшных знамений, магических заклинаний, предсказаний судьбы и т.п. Пользовались успехом описания путешествий в далёкие страны (и даже на луну и солнце), где живут необычные люди и странные существа. Чудеса помещались в отдалённую Индию, несмотря на существующие достоверные описания. Интерес вызывали рассказы об удивительных явлениях природы, мудрых животных, выдающихся греческих и восточных мудрецах, о героях. Идеализация и стремление возвеличить героизированных автором императоров, сопровождая описание их деяний чудесными явлениями, свойственно и «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха [76, с. 592].

Характерный для римской интеллигенции философский уход в себя сказался на римском праве рассматриваемой эпохи. Юристы теперь рассматривали не столько поступки, сколько намерения: «в завещаниях старались выяснить волю завещателя, в законах волю законодателя» [76, с. 591]. Если выяснялось, что человек не хотел убить, но убил, его не

считали убийцей. Наоборот раба, имеющего только намерение бежать, могли осудить как беглого [76, с. 590–591].

В то время как интеллигенция выстраивала свои философские и религиозные системы, народ руководствовался традиционными представлениями. Например, в III в. в Галлии и Испании на Новый год опять стали одеваться в шкуры оленей и быков. Над могилами опять стали воздвигать стелы. В центральных и северо-западных регионах Испании частично сохранялись первобытные верования в родовых, фратриальных и племенных тотемов: оленя, кабана и т.п. Римляне (стоявшие на более высокой религиозной стадии многобожия) принимали около 400 галльских тотемов, достигших уровня культурных героев, за местные божества. В Нарбонской и Лугдунской Галлии и в Южной Бельгике среди рабов, клиентов и отпущенников быстро распространялся культ Гения господина или патрона. Сохранялось поклонение местным божествам. Например, в Глануме продолжали почитать бога Гланус и богиню Гланице, которую иногда отождествляли с римскими парками или богиней Опо. Нередко популярные среди местного населения Марс и Меркурий получали эпитеты местных тотемов. В Далмации, например, аристократия союза племён яподов приносила жертвы богу Бинду, отождествлявшемуся с Нептуном до конца I в., а во второй половине II в. даже романизированные аристократы почитали местного бога Медавра. В Норике почитали богиню Норейю «великую мать народа» (впоследствии отождествляемую с Исидой). У союза племён алаунов «матерями» считались богини Алауны. Богини Целейя, Теурния и бог Бедай были божествами одноимённых городов. Вплоть до V в. сохранялся культ Марса Латобия (Этот эпитет соответствует главенствующему в союзе племени латобиков.), святилище которого было расположено около города Вируна, где он изображался воином со щитом и копьём. Ему были посвящены конь и источники воды. В Паннонии долго сохранялся культ Солнца, а мать императора Аврелиана ранее была сельской жрицей Солнца. В северо-восточных провинциях: Паннонии, Мёзии и Дакии, где значительную часть населения городов составляли легионеры с семьями и ветераны, были распространены римские культы: «обеспечивающего победы» Юпитера, «покровительствующего» земельным наделам «домашнего Сильвана» (покровителя лесов, полей и стад), «карающей» нарушающих закон и порядок Немезиды, а также принесённого с Востока культа гаранта справедливости и порядка Митры. В конце II — III вв. в Паннонии и Мёзии распространился культ «дунайского всадника», сочетавший черты местного божества с чертами восточных богов. Во Фракии также сохранялись местные культы, которым продолжала поклоняться даже местная знать, и каждое село имело своего покровителя. Здесь также сохранялся местный культ бога-всадника, обычно называемого «Героем» и снабжаемого эпитетом «господин», «милостивый», или каким-либо другим, отражавшим местную принадлежность. Потом его чаще стали заменять Зевс, Аполлон или Асклепий, сохранявшие функции бога-всадника. Стали почитать также Артемиду и Диониса. Всем им строились храмы

и в городах и в сёлах. В греческих городах Нижней Мёзии наиболее всего почитали Диониса [76, с. 575–583, 621, 643].

Простые граждане и рабы плохо воспринимали официальную идеологию. Они ценили честность, гуманизм, упорный труд, дружбу и взаимопомощь в неформальных рабочих коллективах. Наибольшим почтением пользовались плубог Геракл, совершавший подвиги для людей и наиболее почитаемый беднотой иранского происхождения бог Сильван (по одной из версий, бывший ранее сыном раба), бог лесов, покровитель диких зверей и домашних стад, земельных наделов и усадеб, тружеников и путешественников, которому посвящены многие благодарственные надписи за возвращение из опасного путешествия, излечение, освобождение от рабства. Народная вера ставила Геракла и Сильвана на уровень Зевса [76, с. 593].

Состояние общества и новые философские настроения всё же оказали влияние и на религиозные воззрения. Стала распространяться вера в бессмертие души, которой добродетельная жизнь позволит после смерти приобщиться к блаженному миру среди богов. Надежда на посмертное воздаяние отразилась в эпитафиях на гробницах. С I в. начало распространяться христианство, наиболее соответствующее настроениям низших слоёв горожан, относящее труд к обязанностям и добродетелям человека. Оно обещало милосердным и кротким коллективное царство божие на земле или обретение после смерти заслуженного блаженства в раю. Постепенно христианство охватило интеллигенцию, городское чиновничество и достигло знати. Официальная идеология также попыталась использовать христианство, утверждая, что покорные судьбе христиане — самые лучшие преданные подданные императора и империи (хотя появились и антихристианские сочинения, например, Цельса, характеризующие иудаизм, а затем и христианство как невежественный вздор, достойный только тупых простолюдинов). Стали умножаться и христианские общины, где общность и равенство постепенно уступали место беспрекословной власти епископов, контролирующих имущество и настроения людей, чтобы вовремя осудить и изгнать инакомыслящих [76, с. 591–594].

Чем шире распространялось христианство, тем более и более жестоко преследовалось, особенно при императорах Деции (249–250 гг.) и Валериане (253–260 гг.). При Деции христиан, отказывавшихся приносить жертвы языческим богам, отправляли в тюрьму или на рудники. Епископ Карфагена Киприан, со своей стороны, называл правителей Рима, начиная с Ромула, насильниками и убийцами. Христианские общины крепили и могли оказывать помощь беднякам за счёт богатых общинников, на что почти не были способны муниципальные власти [76, с. 638]. Рабов, колонов и свободную бедноту привлекали идеи равенства всех честных людей, независимо от происхождения, социального положения и богатства, идеи осуждения стремления к несправедливой власти и нечестно нажитому богатству, противопоставляемому праведности труда, в соответствии с библейским утверждением, «не трудящийся, да не ест» [76, с. 664].

Сын императора Констанция Хлора, император Константин принял христианство и сделал его государственной религией. Показывая свой разрыв с язычеством, Константин перенёс столицу в Византий, переименованный в Константинополь. В 325 г. он созвал собор епископов христианских общин в Никее, который выработал общий для всех христиан символ веры. Тем не менее разные общины толковали христианское вероучение по-своему. Удобное своими догматами, предписывающими подчинение духовным и светским властям, христианство стало быстро распространяться среди высших классов, менее среди рядовых горожан, плохо в сёлах, где долго сохранялось язычество. В распространении христианской веры церковь проявила гибкость, включая в культ богородицы культы богинь-матерей, отдавая функции языческих богов христианским святым, приспособлявая христианские праздники к языческим. Благодаря императорским и прочим пожертвованиям церковь быстро богатела. Монастыри богатели за счёт паломников. Епископов стали избирать из местных чиновников, и многие из них приобретали влияние на городские власти, а наиболее известные, как, например, Амвросий Медиоланский, — даже при дворе. Часть сенаторов приняла христианство, но некоторые продолжали оставаться язычниками, даже жрецами, и относились к христианству враждебно. При императоре Грациане (375–383 гг.) из курии сената не без сопротивления части сенаторов вынесли поставленный ещё Августом алтарь Победы [76, с. 644–645].

Вместе с принятием христианства стала распространяться и христианская литература. Епископ Гиппона Августин (354–430 гг.) в знаменитом опусе «О граде божием», написанном под впечатлением разграбления Рима в 410 г., стремился показать, что на земле происходит борьба добра и зла, всё земное, в том числе и величие царств, — преходяще, зато блаженны праведники и вечно царство божие. Его ученик, испанский дьякон Орозий в своей «Истории против язычников в 7 книгах» (около 417 г.) в основу своей исторической концепции также положил христианское учение, доказывая, что бедствия современного ему Рима связаны с язычеством, а избавление от них — в христианстве. Христианский епископ, поэт Коммодиан Газский (первая половина III в.) приветствовал победы «праведных» готов над знатными и богатыми римлянами, и даже призывал бороться с оружием в руках против нечестивого императора, сената, знатных и богатых, надеясь, что все нечестивые «благородные» и «начальники» обратятся в рабов своих рабов и начнётся тысячекратнее царство добра и справедливости [76, с. 645, 664]. Император Юлиан (361–363 гг.), прозванный Отступником, пытался восстановить традиционную языческую религию и античную культуру [76, с. 645], но после него христианство уже постоянно вытесняло язычество.

В 476 г. командир одного из отрядов императорской армии германец скир Одоакр низложил императора Ромула Августа, провозгласил себя правителем Италии и отослал в Константинополь регалии императорской власти. Этот год считается концом Западной Римской империи, потому что с этого момента на территории Западной Римской империи

оказалось множество сменяющих друг друга государств, и империя никогда уже не была восстановлена [76, с. 647].

Спецификой римской социальной системы было деление граждан на патрициев и плебеев, возникшее ещё в эпоху раннего царства. Патриции, по-видимому, происходили из латинян, плебеи из побеждённых сабинян, которых не пришлось обращать в рабов в силу близкого родства и необходимости борьбы с другими союзами латинских племён, с этрусками и италиками. Многовековая борьба плебеев за равноправие с патрициями привела к получению плебеями полных прав римских граждан. Рассмотрение же римского общества в целом показывает, что считать его исключительно рабовладельческим обществом неправомерно. Как во всяком аграрном обществе в нём можно выделить три основных класса.

1. Аристократия — класс, являющийся хозяином или владеющий главными средствами производства — пахотной землёй, пастбищами и людьми, а помимо этого такими средствами производства как ремесленные мастерские или корабли. Спецификой Рима было то, что первоначально аристократами были лишь патриции, но по мере расширения государства и необходимости защиты от нападений врагов и с целью завоевания земель и рабов аристократию сначала пополнили многие плебеи, позднее местная аристократия из числа италиков, потом аристократия из числа других завоёванных народов и, наконец, из окружающих «варваров». Помимо того превратиться в аристократов смогли многие выдвиженцы, проявившие себя на войне или на государственной службе. Как хозяйка средств производства аристократия заставляла работать на них рабов, используя силовое внеэкономическое принуждение, а также колонов и клиентов, сначала пользуясь их тяжёлым экономическим положением, а затем также применяя внеэкономическое принуждение. Использовалась также кабала, временная полурабская зависимость заёмщика от займодавца, вынужденного работать на аристократа пока не выплачен долг. Часть средств производства отдавалась их хозяевами свободным гражданам в аренду за плату, за часть урожая или за отработку. Часть средств производства передавалась аристократами их рабам (положение которых приближалось к положению крепостных) в качестве пекулия («собственности»), фактически в пользование за определённую постоянную выплату деньгами или натурой.

Интересно отметить, что в поздней имперскую эпоху некоторые имения аристократов в прямом смысле слова превращались в крепости, защищаемые от конфликтов с соседями дружинами из людей, зависимых от аристократов. Средневековые бароны (бояре) таким же образом создавали дружины для защиты и нападения на соседей. Часть местной провинциальной аристократии, некогда властвовавшей над союзами племён, также жила в укреплённых замках и городах и составляла собственные дружины. После падения Римской империи многие из этих аристократов составят титулованное дворянство в средневековых государствах.

Помимо типичных для Рима рабовладельческих отношений особенно в отдалённых регионах местная аристократия, ведущая своё проис-

хождение от вождей союзов племён и местных «царьков», стоявших до завоевания Римом во главе ещё бесписьменных протогосударств, продолжала использовать по сути дела феодальные отношения и отношения близкие к патриархальному рабству.

2. Слуги — класс лично зависимых людей, лишённых гражданских прав. Римская история, как и история других стран чётко показывает, что зависимое население составляли не латины и не римляне, а представители завоёванных народов. Класс слуг состоял из двух подклассов: рабов и крепостных. Большая часть римских источников описывает римских граждан, меньше — италиков, ещё меньше — народы провинций. Отсюда складывается ошибочное впечатление, что рабы во много раз превосходили остальные категории зависимых людей. Всё было наоборот, потому что провинциалы во много раз численно превосходили римских граждан.

Первоначальной формой зависимости у этрусков, латинов (включая римлян) и сабиниан в VI-III в. до н.э. была клиентелла (напоминающая усыновление инородцев), согласно которой зависимый человек, первоначально, очевидно, из числа завоёванных италиков, будучи инородцем, становился клиентом, включаемым в большую патриархальную семью патрона на правах самого низшего члена семьи (Состояние — близкое к патриархальному рабству.). Со временем положение клиентов, обязанных выполнять все указания патрона, стало приближаться к положению рабов и крепостных.

Обычно исследователям бросалось в глаза тяжёлое положение рабов. Однако не следует забывать, что в первобытную эпоху человек был полностью зависим от милостей и капризов природы, поэтому даже рабское существование было лучше голодной смерти. К тому же представление о жутком положении всех рабов было преувеличением. Существовало множество категорий рабов. В наиболее тяжёлом положении находились рабы на крупных виллах аристократов и богачей. В одном из римских трактатов по сельскому хозяйству указывалось за сколько дней работы окупится раб, если он умрёт от непосильной работы, недоедания и жестокостей. С другой стороны, некоторые рабы, например, воспитатели хозяйских детей рассматривались хозяевами почти как члены семьи. Если значительная часть рабов использовались на обременительных работах, то некоторые из них становились управителями вилл, императорских имений и муниципальными чиновниками. Некоторые рабы, отпущенные на пекулий (получившие в пользование участок земли или ремесленную мастерскую), оставаясь в рабской зависимости, сами становились рабовладельцами, эксплуатирующими в своём хозяйстве труд других рабов [253, с. 10]. Как и во всех других странах труд рабов в позднем древнем Риме применялся главным образом в домашнем хозяйстве рабовладельца или в принадлежащей ему ремесленной мастерской [285, с. 15]. В позднереспубликанское время рабов нередко отдавали в наём за определённую плату хозяевам ремесленных мастерских. Среди них встречались и мастера-ремесленники, но были и ученики, которых отдавали в мастерскую за плату, чтобы их

научили мастерству, например, ткачеству. Иногда рабы в мастерских работали самостоятельно и лишь выплачивали оговорённую сумму своему хозяину [286, с. 93–94]. Рабынь отдавали в наём в услужение в чужие дома, например, в качестве кормилиц [286, с. 93]. Случалось, что рабы, отдаваемые займы или за долги делились между двумя и тремя хозяевами, например в римском Египте в I в. Случалось, что $\frac{1}{2}$ раба продавали, а $\frac{1}{3}$ оставались у прежнего хозяина. Случалось, что «по частям» их и освобождали [286, с. 94–95]. Использование труда рабов в сельском хозяйстве связано по большей части с крупным рабовладением, когда у рабовладельца оказывалось большое количество земли и излишек рабов. Кроме афинских и римских граждан рабов почти никогда и нигде не использовал в сельском хозяйстве. Рабство не закончилось с окончанием античной эпохи, продолжало существовать в средневековье [286, с. 91], отчасти в новое время и встречается как рудимент и сейчас. Освобождение рабов в Римском государстве с течением времени увеличивалось, поскольку рабы отпущенные на свободу оказывались более работоспособными и могли принести своему бывшему хозяину более значительный выкуп, чем прежний доход от их рабского труда.

Некоторые исследователи попавших в кабалу должников считают рабами, что не соответствует действительности, такой должник обычно сохранял за собой все гражданские права и участвовал в народном собрании [253, с. 11].

В первоначальные века римской истории в среде окружающих Рим народов также существовала социальная, в том числе и классовая, дифференциация. Помимо рабов у италиков всегда были данники, перманентно выплачивающие завоевателям часть урожая, или люди обязанные отработать какое-то время на земле завоевателей. Что же касается провинциальных народов: галлов, германцев, фракийцев, даков, — то многие из них обязаны были отдавать натурой часть урожая и домашних животных или определённую сумму денег своим аристократам. Сами римские аристократы и богачи, сдающие в аренду землю крестьянам — колонам, получали от них часть урожая или определённую плату. Колонат известен уже со II в. до н.э. Тогда колонны были лично независимы и могли даже использовать труд своих рабов. Во II в. н.э. колонаты преимущественно были уже обедневшие крестьяне, обязанные за получение в распоряжение небольшого земельного участка отдавать его хозяину или владельцу от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ урожая и работать на него определённое количество дней во время пахоты, прополки, сбора урожая и т.п. В III в. началось прикрепление колонов к земле, когда они уже не могли уходить с неё без разрешения её хозяина. Таким образом в древнем Риме наряду с рабами существовали по сути (а не по терминологии) крепостные крестьяне. Хотя русское название крепостной происходит от слова крепость, то есть от письменного договора между феодалом (вотчинником или помещиком) и крестьянином, согласно которому феодал и крестьянин берут на себя взаимные обязательства: феодал должен обеспечить своего крепостного землёй (а возможно инвентарём, посевным материалом, скотом), а крепостной обязан отдавать феодалу часть урожая, часть

скотины, птицы (или какое-то количество денег) или работать на феодала определённое число дней в неделю, принимая участие в строительстве господских домов, мостов, дорог и т.п., слово крепостной употребляется и для определения человека прикрепленного к земле. Действительно в поздней империи не только колоны, но и многие зависимые от богатеев арендаторы императорскими указами были прикреплены к хозяевам земли, и даже многие горожане были прикреплены к месту жительства. Выплата части урожая или денег колоном или провинциальным крестьянином, зависимым от местного (например, галльского) аристократа, также вполне соответствует средневековому оброку, а отработки на земле или в хозяйстве патрона — средневековой барщине.

3. Многие свободные, не являлись ни аристократами, ни слугами. Эта категория в Римском государстве была самой многочисленной и неоднородной. Все должны были платить налоги римскому государству. В эпоху империи верховным собственником земли стал император (что по сути повторяет права Инки или царя Верхнего и Нижнего Египта) и ему как верховному собственнику основного средства производства свободные жители Римской империи обязаны были платить налоги (напоминающие оброк) или выполнять общественные работы (как при барщине). Чем меньше прав было у человека, тем большие ему приходилось платить налоги. Полными правами пользовались римские граждане. Они получали в наследственное владение часть общественной (или императорской) римской земли, за что должны были в случае призыва служить в армии и участвовать в народном собрании, а по случаю избрания — в работе магистратуры. Меньшими правами пользовались горожане других городов, не включённые в римские трибы (племена, в прошлом). Ещё меньше прав было у сельских жителей провинций, не входящих в городские собрания. На низшей ступеньке стояли вольноотпущенники. В разное время было разное количество разных категорий свободных, но тенденция указывала на увеличение количества римских граждан и расширение прав неграждан по мере роста Римского государства.

Любопытно, что в Римском государстве высшие бюрократические должности получали только люди обладающие соответствующим высоким цензом, и чем выше была их должность, тем большие средства они были обязаны тратить на общественные нужды. Не отсюда ли идёт узаконенный позднее прогрессивный налог на прибыль? Следует отметить, что имущество римских подданных определялось цензом, и с населения собирали налоги также в зависимости от ценза.

Своеобразием римского жречества была его выборность и возложение обязанности организации отправления культов на магистратов. Ещё одной особенностью римского общества стала незавершённость унификации религии, впитавшей помимо местных культов культы чужеземных богов, сохранившей множество первобытных культов и не успевшей перейти от язычества к христианству. В результате к моменту падения Римской империи одни продолжали поклоняться ещё своим племенным богам, другие почитали нескольких богов во главе с Юпитером, и наметилась устойчивая тенденция перехода к христианству.

Глава 6

ДРЕВНОСТЬ ИЛИ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

Восточная архаика

Сторонники цивилизационного подхода ничтоже сумняшеся уверяют, что разные цивилизации развиваются своим собственным путём, отличным от пути других цивилизаций. При этом каждый из них выделяет то или иное число цивилизаций, сообразуясь со своей фантазией. Иногда цивилизации выделяются по странам, имеющим длительную историю, иногда по регионам, число которых зависит от близости исторических судеб или культур, известных данному автору по знакомому ему материалу. Таким образом, одни различают европейские, азиатские, африканские и американские цивилизации, другие — западные и восточные, третьи — ближне, средне и дальневосточные, четвёртые индийскую, китайскую, японскую и так в зависимости от желания и фантазии. Во всяком случае все они утверждают, что развитие Китая шло совершенно отличным путём от развития Европы. Так ли это? Давайте посмотрим на китайскую социальную историю.

Казалось бы, уже находки нескольких особей древнего подвида питекантропа, названного антропологами «синантропом» («китайским человеком»), жившего на территории Китая более 200 тыс. лет назад и обладавшего некоторыми монголоидными чертами, уже указывает на уникальность китайцев, но, как оказалось, синантропы — тупиковая ветвь антропогенеза [53, с. 6].

Непосредственно к предкам китайцев можно отнести лишь неолитическую «культуру крашеной керамики» Яншао 4–3 тысячелетия до н.э., распространённую на территории провинций Хэнань, Шанси и Шэнси. Яншанцы с помощью мотыг возделывали чумизу (вид проса) и разводили свиней и собак. Последних для охоты и на мясо. Охота и собирательство имели ещё существенное значение. Охотились уже с помощью луков со стрелами с каменными и костяными наконечниками. Поселения яншанцев располагались на речных лёссовых террасах и состояли из полуземлянок, расположенных вокруг большого общественного (возможно культового) здания. Судя по размеру домов площадью в 15–20 кв. м., имеющих опорные столбы, обмазанные глиной стены, соломенные крыши и очажные ямы у входа, в них, скорее всего, жили большие семьи во главе с патриархом. За пределами поселения находились гончарные мастерские. Посуду делали без круга. Преобладали хорошо отмучённые и хорошо обожжённые приплюснутые кувшины, чашки и миски с цветными рисунками животных, людей и непонятных существ [53, с. 7].

В первой половине 2 тыс. до н.э. культуру Яншао сменила культура Луншань с такими же поселениями, распространившаяся по среднему течению реки Хуанхэ. В новой культуре увеличился ассортимент ко-

стяных и каменных орудий, многие из которых — хорошо отшлифованы. Сохранились вещи из раковин. Появились первые металлические изделия. Впервые находятся кости, использовавшиеся для гадания. Луншаньцы уже пользовались гончарным кругом. Их тонкостенная керамика стала одноцветной: и серой или чёрной, иногда лощёной. Впервые появились керамические триподы в форме коровьего вымени с ножками-сосцами. Бронзовый трипод в форме вымени встречается также наряду с другими изделиями из бронзы. В это время у луншаньцев уже были, по-видимому, заимствованные овцы, козы и коровы. Главным занятием стало уже выращивание пшеницы и ячменя [53, с. 8].

Начало государственности

Эпоха Шан-Инь (обнаруживающая прямые связи с культурой Луншань), когда в Китае достоверно возникает ранняя государственность, иногда именуются либо Шан, либо Инь, иногда разделяется на два последовательных периода: Шан (около 1600 — около 1300 гг. до н.э.) и Инь (около 1300–1027 гг. до н.э.). Одновременно с Шан появились и другие небольшие ранние государства, например, в провинции Сычуань [248, с. 817].

Государство Шан делилось на три зоны. Радиус центральной столичной зоны составлял несколько десятков километров. Здесь жил «ван» (правитель, царь) с семейством и гаремом, его родственники, военная и гражданская знать и прочие приближённые, а также слуги и ремесленники, нужные для обеспечения войны и охоты, включая оружейников, конюших, колесничих, псарей и других нужных знати людей. Рабов было немного и их недолго использовали для работы, потому что рабовладельцы охотно приносили их в жертву, обильно поливая их кровью алтарь, чтобы задобрить умерших во время обряда поклонения предкам. В окружности от столицы располагались «большие поля», принадлежащие дворцу и храмам. Урожай с них поступал в казённые закрома. О размерах запасов даёт представление склад, на котором хранилось 3,5 тыс. каменных серпов, выдаваемых сборщикам урожая, который шёл на содержание столичных аристократов, их услуги и совершающих обряды. «Большие поля» обрабатывали крестьяне близлежащих селений, которых по очереди отрывали от своих наделов, входящих в сельские общины. Крестьяне были тесно связаны круговой порукой, проявляя высокую ответственность перед вышестоящими и государством. В первой зоне располагались также сады и охотничьи угодья для развлечения и тренировки аристократов, охотящихся на тигров, волков и лис [53, с. 24–25].

Вторую зону составляли «колодезные поля», каждое из которых было разбито на 9 участков. Восемь из них были семейными участками крестьян, входивших в общину, расположенный в середине девятый участок, принадлежащий аристократу, они обрабатывали сообща. Чем знатнее был аристократ, тем с большего количества участков он получал

доход. Всего таких владений, принадлежащих военачальникам, чиновникам и родственникам вана было 200. Границы их всё время менялись из-за борьбы аристократов за более высокое положение [53, с. 26].

За территорией с радиусом примерно в 150 км находилась третья зона, где обитали разные народы, не принадлежащие к коренному народу государства Шан-Инь, аристократы которого пытались отвоевать в третьей зоне побольше земли и захватить побольше пленных и трофеев, чтобы вручить их вану и получить от него часть захваченного в награду. Вожди «полуварваров» и «варваров» третьей зоны иногда вмешивались в шаньские междоусобицы, а порой совершали вместе с шаньцами походы на соседних «варваров» в качестве шаньских союзников. Соседи шаньцев старались перенимать достижения шаньской культуры. Больше других в этом преуспел союз других китайских племён, населявших правый берег Хуанхэ в её среднем течении, союз чжоуских племён. Стремясь упрочить добрососедские отношения с окружающими союзами племён, шанские ваны стали выдавать девушек из царского рода за наиболее могущественных соседних вождей [53, с. 24–28].

Земледелие оставалось мотыжным (хотя иногда использовались бронзовые лопаты), но уже применяли прополку, окучивание и удобрения. Помимо пшеницы, ячменя, проса и только начинавшего возделываться риса (из которого уже стали делать брагу), крестьяне-общинники выращивали огородные и садовые культуры. Помимо небольших поселений встречались большие, внутри которых выделялись кварталы, занимавшиеся, по-видимому, отдельными родами. Наряду с традиционными полуземлянками на плотно утрамбованных платформах возводились большие глинобитные дома на деревянном каркасе, что явно говорит о существовании знати (состоящей из дружинников и гражданских чиновников), которая присвоила крестьянам название «чжунжень» (толпа, масса). Крестьяне были лично свободны, но должны были выполнять подобные барщине общественные работы [58, с. 165–166].

Ремесло уже выделилось в самостоятельное производство. Известны гончарное, камнерезное и косторезное ремёсла. Особенных успехов достигло бронзовое литьё. Сначала лепился макет вещи из воска. Затем его обмазывали глиной. Форму обжигали в печи, выливали из неё воск и на его место заливали бронзу. Разбив глиняную форму, доставали изделие, которое шлифовали и украшали. Изготавливались и золотые изделия. Китайцы давно научились ткать и изобрели шёлкоткачество. В холодное время они собирали яйца шелкопряда и помещали их в тёплое место. Весной из них вылуплялись червячки, которых помещали на специально выращиваемые вокруг домов тутовые деревья. Когда червячки достигали длины около 8 сантиметров, то их помещали на определённые веточки, где они заматывались выделяемой ими нитью длиной в 200–300 м. в коконы. Кокконы ошпаривали кипятком, убивая куколок, и начинали разматывать на специальных станках. Началось производство дорогих вещей. Торговли практически ещё не было. Вещами менялись, правда иногда в качестве денег использовали раковины каури [58, с. 165].

Большие посёлки уже обносили высокими стенами, в глине которых застряли наконечники стрел. Всё говорит о войнах между государством Шан и окружавшими его «врагами». В окрестностях современного Чжэнчжоу очевидно располагалась столица периода Шан, близ современного Аньяна в провинции Хенань — столица Инь. В этих городах некоторые большие дома уже превратились во дворцы «ванов» и их ближайшей знати [53, с. 9–10, 27].

В шанский период власть ванов (как почти везде) передавалась от дяди по матери к воспитываемому им племяннику. Однако каждый правитель хотел передавать власть любимому сыну (неважно, от одной из законных жён или от какой-либо наложницы), способному управлять государством. Справиться с первобытным обычаем удалось только У-дину в XIII в. до н.э., который провёл закон о престолонаследии от отца к сыну. Считалось что от вана зависит благополучие подданных. Например, он первым делал взмах мотыгой перед обработкой «больших полей» (позднее проводил плугом первую борозду) и жал первый сноп [53, с. 23–24].

Военная знать, как и положено воинам, постоянно тренировалась в боевом искусстве, стреляя из луков или устраивая охоты. У китайцев были на вооружении мощные луки, копья, топоры, кинжалы. При раскопках попадают сваленные в кучу обезглавленные скелеты, что напоминает об обычае подтверждать воинские «подвиги» демонстрацией командирам отрубленных вражеских голов. В рассматриваемую эпоху китайцы уже пользовались заимствованными из Индии (на что указывают содержащиеся в китайском языке индоевропейские слова) лошадьми, которых запрягали в телеги, хотя ещё не ездили верхом. Пару лошадей (а позже и четырёх) запрягали в боевые колесницы, в которых помимо возницы помещались лучник и аристократ копьеносец. Большую часть пехотинцев составляли крестьяне и незнатные горожане. Среди оружия той эпохи попадают по-видимому заимствованные мечи и кинжалы, украшенные в «зверином стиле» (характерным для Карасукской культуры, известной с конца 2 тыс. до н.э., распространённой в Минусинских степях Сибири). Война приносила иньцам добычу: скот, зерно, вещи и пленных, которых обращали в рабов, хотя их никогда не было много [53, с. 10–11, 23–24].

Кое-где с давних пор до нашего времени сохранилось почитание предков. Китайцы как и все народы полагали, что умершие предки, как и все покойники, могут как помогать, так и вредить своим потомкам. Для того чтобы предки помогали, а не вредили, их надо было задобрить. Очевидно, сначала предкам преподносили съестные продукты, но с верой в души стали заменять их запахом, который отправлялся предкам с помощью магического ритуала. Происходивших от вождей ванов хоронили под высокими курганами. С богато одетым покойным правителем отправляли в потусторонний мир множество вещей, которые могут ему потребоваться: оружие (мечи, секиры, копья), боевые колесницы, кольца из мрамора и нефрита и другие украшения, фигурки людей и животных (которые оживут на том свете). В загробном мире вану могли понадобиться также жёны, наложницы и рабы, часть из которых конча-

ла жизнь самоубийством, других убивали. Позднее китайцы стали сжигать вещи, помещаемые в могилы, потом стали заменять их моделями (даже бумажными, включая бумажные «жертвенные деньги»), которые также сжигали. Обряд умилоствления предков совершали шаманы или главы семейств. Шаманы после употребления наркотиков, как полагали китайцы, пребывая вместе с ними, одновременно отправлялись в мир духов, где и общались с почитаемыми предками. Особенно важно было поклониться предкам правителя, которые оказывали влияние на благополучие всего царства. Обряд поклонения должен был совершать сам ван. Специально для этого обряда был построен храм, длиной стен в 30 м, который помогали строить водившиеся тогда в Китае ручные слоны [53, с. 14–15; 58, 165].

От предков можно было получить хороший совет или даже узнать от них что-то о своём будущем. Для этого надо было погадать по костям. Обычно брали лопатку животного с написанным на ней иероглифом и задавали вопрос предку. Кость накаляли на огне, в результате чего на ней появлялись трещины. Трещины складывались в узоры, которые походили на те или иные иероглифы. Сам вопрошающий, а лучше профессиональный гадатель, определял, что означает этот иероглифический ответ. Простые люди задавали по большей части бытовые вопросы, знать — карьерные, правители — государственные [53, с. 15–16].

Ко времени образования царства Шан сложилось довольно целостное мифическое мировоззрение китайцев, включившие представления многих вошедших в него племён. Согласно китайским мифическим представлениям, небо, до которого было 80 тысяч ли (приблизительно 30 тыс. километров), выглядело как вращающаяся полусфера, по которой движутся все светила, совершая разнообразные пути. Квадратная земля стоит на огромной черепахе, которая плавает в океане, который наполняют реки и дожди. Из земли выступают 8 священных гор, на вершинах которых обитают небожители, и на главной горе, Кунлунь, с которой стекает река Хуанхэ, располагается нижний дворец Небесного царя [53, с. 16–17]. Популяризатор истории Китая А.А. Дельнов так описывает шаньские мифические представления: «Изначально вселенная была подобием содержимого взболтанного куриного яйца, взвесью светлых (ян) и мутных (инь) частиц. Потом неведомо каким образом родился первочеловек Паньгу... Процесс развития этого великана, затянувшийся на 18 тысяч лет, способствовал тому, что светлые частицы ян собрались наверху и стали небом, мутные инь, как и следовало ожидать, опустились и образовали землю. Когда Паньгу делает вдох — поднимается ветер, выдох его сопровождается громом и молнией. Но если верить некоторым дошедшим до нас средневековым источникам, окончательно мир принял привычные нам формы уже после смерти первочеловека. Тогда остановившееся дыхание его преобразовалось в ветер и облака, левый глаз стал Солнцем, правый — Луной. Волосы на голове и усы — созвездиями, волосы на теле — земной растительностью. Сама Земля — это его плоть, реки и дороги — его вены и жилы. Особо отметим, что люди произошли от обитавших на теле насекомых» [53, с. 17].

Другой миф, ведущий своё происхождение от народа ся, жившего во времена Шан по берегам Хуанхэ, приписывает творение людей связанному с матерью-Землёй хтоническому существу Нюйва (имя которой состоит из 2 частей: «нью», означающей женщину и «ва», предположительно, — лягушку), которая представлялась как и положено культурной героине в виде змеи с женской головой и грудью [53, с. 18]. Миф о сотворении людей сообщает следующее: «Когда Нюйва надумала сотворить людей, она принялась лепить их из глины, которую черпала со дна морского с помощью ведра на длинной верёвке. Но значительная часть глиняных комочков или срывалась по пути, или выпадала из рук скульпторши и из них сами собой появлялись те, от кого расплодились потом люди низкого звания. От тех же, что прошли полную божественную обработку, произошли люди благородные. Всего же комочков было ровно сто — неспроста западное понятие «человечество» дословно по-китайски обозначается как «сто фамилий» [53, с. 19].

Китайцы эпохи Шан верили в возможность посещения выдающимися людьми небожителей и мест, недоступных простым смертным. Например, некоторые бывали в стране «Матери-Правительницы Запада» — Сиванму. «В её царстве «текут ключи и бьют ключи, погода мягкая и безветренная, птицы и звери живут в довольстве. Обитающие там бессмертные питаются чистой росой и живительным ветром». При всём при том Сиванму, всюду почитаемая как женщина милостивая и образованная, часто изображается с тигриными клыками и хвостом леопарда — явными реликтами первобытных тотемов, времён, когда животные почитались как прародители племён» [53, с. 20]. «Царь Кай (в чжоуские времена включённый в загадочную династию Ся,...) целых три раза побывал на небесах, откуда приносил то знание ритуальных плясок и песнопений, то ещё что-нибудь полезное. А вот Чан-э, жена легендарного стрелка Хоу-и, на небеса-то умчалась, а обратно не вернулась. Её муж получил от Сиванму порошок бессмертия, а она выпила его весь одна и оказалась на Луне. А там, как хорошо видно невооружённым китайским глазом, Лунный Заяц неустанно толчёт в ступе этот самый злосчастный порошок. Некоторые знатоки утверждают, что, если приглядеться ещё пристальнее, то можно разглядеть и Чан-э: превращённая в жабу, она выполняет ту же работу, что и Заяц... Достоин почитания и «прославленный «культурный герой» Юй, привнёсший в бытие людей много полезного (например, научил их выращивать рис), мужественный борец с наводнениями. В Китае он прослыл образцом беззаветного служения человечеству (Юй тоже был впоследствии сопричислен к династии Ся)» [53, с. 20–21].

«Как и повсюду почитались духи природы, светил, гор, рек, рощ... Зачастую духи представлялись в виде существ фантастических, например, общеизвестных драконов, заполнивших всю земную поверхность и пучины вод. Драконий облик любил принимать Хэбо — дух реки Хуанхэ, вообще-то всего лишь существо с белым человеческим лицом и рыбьим туловищем. Но преобразившись он начинал радостно бесноваться в Жёлтой реке и тогда она причиняла людям особенно много бед.

Поэтому ему ежегодно приносили «в жёны» красивейших девушек...» [53, с. 21]. Всё верно, кроме того, что хозяев областей природы, имеющих вполне материальное обличье, Дельнов называет духами.

«Одна из особенностей китайских верований в том, что в могущественных духов после смерти могли превратиться практически любые конкретные люди... Потенциально особенно опасны были души людей неприкаянных, ведущих асоциальный образ жизни, а также тех, кто после смерти не был погребён с должными почестями и кому не приносились жертвы — такие вполне могли превратиться в зловредных демонов. Если более конкретно — в «группу риска» входили (и всё ещё входят) убийцы, просто парни с хулиганскими наклонностями, убитые в драке, зарезанные проститутки, съеденные тигром неудачники..., утонувшие, повесившиеся, убитые молнией. А также мальчики не достигшие совершеннолетия, и незамужние девицы — таблички с их именами не помещаются на семейный алтарь, а соответственно их бесприютные души оставались без попечения родственников» [53, с. 21–22]. «Они слоняются по земле, и с ними лучше не встречаться. Если же такие души превращаются в демонов, то они становятся обладателями сверхъестественных способностей и могут причинять очень большие неприятности целым уездам: вызывать мор, недород, наводнения, пожары. Когда такое начинало происходить — необходимо было приложить все старания, чтобы определить, чья именно душа обрела демоническую силу, и постараться ублажить её заупокойными обрядами и жертвоприношениями» [53, с. 22]. «Но некоторым выпадал более достойный посмертный удел. Признавались благодетелями человечества и широко почитались души учёных, героев, честных сановников, просто людей добродетельных — всех, о ком разнеслась молва, что они могут оказать помощь из своего зазеркалья.» [53, с. 22].

В главном мифология и религия эпохи Шан-Инь мало чем отличаются от других древних мифологий и религий. Мифы, возникшие ещё в первобытную эпоху и совершенствуемые в государственное время, также как и у всех народов объясняют строение видимого мира, которое обычно сводится к описанию плоской земли и опирающегося на неё полусферического неба, земля в свою очередь всегда на чём-то стоит и всегда окружена океаном, хотя объяснения такого строения мира всегда чем-то отличаются одно от другого. Постоянно демиургами являются «культурные герои» (то есть сверхъестественные существа, в силу антропоморфизации носящие черты человека и тотема, от которого они ведут происхождение), которых верующие исследователи по ошибке относили к богам, и многие современные учёные, не задумываясь, по традиции также называют богами. Характерно, что, согласно китайскому мифу, людей слепили из глины. Вряд ли древние евреи заимствовали эту идею у китайцев, сопоставляя хронологию ещё менее вероятно, что китайцы — у евреев. Однако у всех народов демиург творит людей из подручного материала, например, из дерева.

Религия китайцев эпохи Шан отличается от религий других раннего государственного образования, скорее всего, определённой архаичностью.

«Культурные герои» всегда учат людей чему-то полезному, не только возделывать рис. Иногда им приходится даже, как например, греческому Прометею, или еврейскому Иакову, бороться с самими богами. У всех народов есть представление о живых покойниках, способных принести вред и о добрых, оказывающих помощь или дающих полезные советы. Невредно вспомнить английские легенды о привидениях, свойственные многим народам рассказы о вурдалаках. Потусторонний мир благочестивых мёртвых у многих народов располагается на огромном расстоянии на земле, например, у славянских язычников, а на западе не только у китайцев, но, например, у египтян. Туда у всех народов также могут попасть и вернуться герои. По мере ознакомления с дальними странами, царство мёртвых оказывается на непознанном небе (как и у китайцев) для благочестивых умерших и под землёй для грешников. Перед тем как возникает вера в богов, владеющих определёнными частями вселенной и стихиями, у всех народов появляются их хозяева: звери, полулюди-полужвери или фантастические животные (скажем, драконы), например, у славян хозяином леса становится медведь. Не только китайские ваны и китайская аристократия, но и греческая, и римская, и практически любая, стремилась вывести своё происхождение от богов и героев.

Начало не традиционной, а реальной истории

Следующая эпоха истории Китая связана с возникновением царства Чжоу (XI–III вв. до н.э.), которое согласно преданию, восходит к легендарному царству Ся (хотя некоторые археологические данные подтверждают возможность существования небольшого первичного китайского государства). По одной из легенд, история Ся восходит к небожителям полулюдям-полудраконам Нюйва и Су Си, которым наследовал герой Шеньнун, научивший людей обрабатывать землю и торговать. Преемником Шеньнуна стал герой Хуан-ди или «Жёлтый Владыка», который дал людям топор, лук со стрелами, ступку, обувь и одежду правильного покроя, а также создал государство, научив своих подданных воевать храбро, подобно диким хищникам, наказывая тех, кто ему не повиновался, а его жена научила женщин работать на ткацком станке. После Хуан-ди правило пять героических «императоров». Чжуань Сюй научил китайцев пользоваться земными богатствами. Яо отличился необычайной мудростью и благочестием и передал императорскую власть простому крестьянину Шуню как наиболее достойному. Шунь также передал власть не по наследству, а наиболее достойному среди всех героев Юю, который, роя каналы, пробивая сквозь скалы тоннели для слива воды и строя плотины с помощью помогавших ему животных, избавил людей от наводнений. Юй возвёл на трон и первого земного царя. Шестнадцать царей правили лучшим образом, но семнадцатый ван Цзе-гуй был развратником, человеком вздорным и деспотом и потерял Небесный Мандат, который достался основателю династии Шан

Чен Тану. Прошли века и Чжоу Синь также потерял династическое дэ, и Небесный мандат перешел к династии Чжоу [53, с. 37–39].

Другая группа, возможно, более ранних легенд повествует, что женщина по имени Цзян однажды наступила на след великана, от чего у неё родился мальчик. Мальчик вырос и изобрёл земледелие. Родившийся сверхъестественным путём от того, что его мать увидела на небе радугу, правитель Шушъ заприиметил способного земледельца и присвоил ему титул Хоу-цзи — «князь проса». Потомки Хоу-цзи, кочуя по разным местам, облюбовали берега реки Вэй, притока Хуанхэ и поселились в районе современного города Сиань в провинции Шэньси, и, покорив ряд соседних племён, создали союз Чжоу [53, с. 28]. Царство Ся рассматривалось как предшествующее царству Шан, а Чжоу-гун объяснил его гибель утратой его последними правителями Мандата Неба [53, с. 36].

В действительности же XI в. до н.э. союз племён Чжоу обитал по притоку Хуанхэ реке Вэй. Вождь чжоусцев Дань Фу женил своего наследника Цзи Ли на дочери шаньского аристократа, что помогло ему получить от вана титул Си-бо «правитель Запада». В 1122 г. до н.э. один из его потомков У-ван, переправившись через Хуанхэ разбил иньское войско, и потерпевший поражение ван Чжоу Синь покончил жизнь самоубийством. У-ван вступил в столицу Шан и положил начало династии Чжоу. Первым делом в главном столичном храме он почтил предков династии Шан — шан-ди, чтобы заручиться их поддержкой и получить признание населения Шан. Посадив на царство сына погибшего царя, он наградил из иньской сокровищницы победителей и вернулся в Чжоу. За вождями чжоуских племён он закрепил уделы, сделав их своими вассальными князьями чжу-хоу. Князья и высшие сановники получали свои полномочия вместе с символами в результате пышной церемонии в зале храма предков, где они падали перед правителем на колени и отбивали земные поклоны [53, с. 28–32].

После смерти У-вана его брат ван Чжоу-гун, подавив восстание иньцев, отправил часть побеждённых строить новую столицу Лои (теперь Лоян в провинции Хэнань), желая сделать её «двойником сиятельного Неба». Культ предков шан-ди он превратил в культ Неба — Шанди как носителя мирового закона, обязательного для всех. По его утверждению, именно Небо наделяет наиболее достойного властителя и его потомков Мандатом на правление, но, если ван не будет следовать воле неба, он будет свергнут. Вдобавок Чжоу-гун выдвинул понятие о дэ, добродетели, которая заложена в каждом человеке по воле свыше и может накапливаться человеком, если он следует воле Неба, но может теряться и совсем утратиться (Вспомним ману.). Правитель должен следить за своим дэ, сверяя его по настроению своих подданных, довольных или не довольных жизнью и властителем. Ван, наделённый Мандатом Неба получает власть над вселенским поднебесным государством, его держава, Китай становится всемирной Поднебесной державой, а её повелитель — Сыном Неба (Тянь цзы). Действуя в соответствии со своим дэ, Сын Неба и его подданные утверждают всемирную гармонию, а,

если действуют не по высшей воле, то им грозят стихийные бедствия и нашествия врагов [53, с. 34–36, 39].

Для чжоусцев был характерен культ Неба и небесных светил, который они дополнили элементами культа предков (более свойственного шаньцам), которые, как они полагали, обитали на небе. Наибольшим почтением у них пользовался Тянь-ди (Шанди в царстве Шан) — «Небесный император». «Небесному владыке» поклонялись в храме Неба, построенном по шанским канонам. Церемонию вёл сам ван как Сын Неба. На церемонии присутствовали празднично одетые жрецы и сановники. Властителю Неба отправляли сжигаемых на костре животных и драгоценности из металлов и камней — и дым от костра поднимался в Небо. Церемония сопровождалась музыкой, особенно создаваемой ударами металлической палочки по тонким пластинкам из яшмы, обладающей магической силой. Подобные ритуалы, совершаемые как аристократами, так и крестьянскими общинами, происходили и в других храмах. Чуть меньшее значение отдавали поклонению Земле. Объектами поклонения служили и такие небожители как Солнце, Луна и звёзды. Поклонялись также хозяевам рек, гор, лесов. От каждого объекта поклонения зависело благополучие людей, которые могли пострадать от наводнений, засух, пожаров или болезней. Большое значение имела забота о предках. У Сына Неба в Цзунчжоу был «большой» храм, где поминались все предки, известные с самых древнейших времён, а также — «малый» для воздаяния только тем предкам, которые остались в памяти. Через несколько поколений «малый» храм разрушался и строился новый для поминовения тех, кого помнили. Такие же храмы имели аристократы. В сельской местности иногда строились клановые храмы, где почитали прародителя и всех предков рода. В семьях простолюдинов имелись домашние алтари, на которых стояли таблички с именами покойников, и глава семьи перед этим алтарём поклонялся им и совершал жертвоприношения. Принося жертвы, к предкам также обращались с просьбами. Просьбы богачей были выгравированы на дорогих бронзовых сосудах. Простые люди писали их на кусочках тканей (позднее — на бумаге), которые сжигали, чтобы с дымом отправить их к предкам на Небо [53, с. 29, 40–42].

В древности думали, что у человека 2 души. После смерти тяжёлая плотская душа отправлялась с телом в могилу, но потом переходила в подземное царство Жёлтого источника, а лёгкая душа возносилась на небеса. В рассматриваемое время уже полагали, что у человека только одна душа, которая переживает с ним все жизненные радости и невзгоды, а после смерти отправляется в обитель духов далеко на запад, но может навещать родной дом и пользоваться приносимыми ей жертвоприношениями. Каждому умершему нужно было выражать траур. Чем роднее умерший — тем дольше траур, доходящий до 25 месяцев и даже 3 лет. Во время траура нельзя было стричься, надо было спать на циновке и не прикасаться к женщине. Теперь уже с покойным не отправляли в иной мир убиваемых жён, хотя случаи добровольного ухода из жизни женщин ещё случались [53, с. 41, 54–55].

К моменту возникновения царства Чжоу в мировоззрении большинства китайцев утвердилось «философское» представление о двух противоположных силах ян и инь. «Первоначально под ян и инь понимались соответственно светлая и тёмная стороны холма или горы, но со временем ян стало носителем начала светлого, небесного, духовного, активного, а инь — тёмного, земного, материального страдательного. Ян — солнце, огонь, инь — луна, вода. Внешне зачастую противоборствуя, по сути своей они постоянно стремятся друг к другу:...» [53, с. 42]. Когда ян и инь сосуществуют в гармонии, природа и общество также пребывают в гармонии. Нарушение их гармонии может привести к природным катаклизмам, войнам, мятежам, в то время как смятение в душах людей и их злое поведение могут привести к нарушению гармонии ян и инь [53, с. 42–43].

Представление о двух началах легло в основу повсеместно распространённому в Китае гаданию по костям, панцирям черепах или побегам тысячелистника. Ответы искали по рисунку из прямых чёрточек, трактуемых как ян, или прерывистых, трактуемых как инь, образуемых трещинами на панцире или плоских костях (например, лопатках), подвергнутых нагреванию на огне. Сочетания чёрточек трактовались как определённые понятия, которые вошли в книгу «Ицзин» («Книга перемен») с соответствующими «научными» комментариями, но позволяли видеть в сочетании чёрточек те понятия, которые увидит тот или иной гадающий [53, с. 42–43].

Для успешного управления государством Чжоу-гун создал многоступенчатый бюрократический аппарат. Высшими придворными должностями считались «великий управитель», «великий воспитатель» и «великий церемониймейстер». Занять их имели право только обладатели титула гун, самого высокого из пяти (приблизительно соответствовавшего в Европе герцогу). Чуть ниже располагались должности управляющего сельским хозяйством, управляющего ремеслом и строительством, управляющего военными делами, в ведении которого находились прежде всего колесницы с лошадьми. Высшие должности не были наследственными, но часто переходили к сыну, брату или племяннику, и многие из них занимали родственники царя [53, с. 44].

В Чжоу существовали как удельная, так и поместная системы отношений. На территориях прежних союзов племён, фактически превращавшихся в автономные удельные княжества, хозяевами оставались их вожди — чжухоу. Получив права на торжественной церемонии от вана, они передавали их старшим сыновьям, которые тоже проходили церемонии. Чжоуские военачальники, посланные на охрану приграничных территорий, освоившись на новой территории, также рассматривали подвластные регионы как уделы [53, с. 44–45].

На территории же между столицами (старой Цзунчжоу и новой Лои) и вокруг них, где была сильна центральная власть, доверенные лица правителей получали в подчинение территории, где населяющие их крестьяне должны были кормить этих наместников, а правительственные чиновники должны были присматривать за ними. Крестьяне не только

работали на поле аристократа, но также на его дворе, где ремонтировали его дом, вили верёвки. Несколько дней они были заняты на общественных работах: рытье и чистке каналов, ремонте запруд, отпугивании и уничтожении лис, а в течение зимы тратили месяц на военную подготовку, чтобы по мере необходимости быть умелыми пехотинцами. Кроме того, во всех крестьянских хозяйствах выращивались тутовые деревья, собирались коконы шелкопрядов, и крестьянки ткали шелка не только на свою семью, но ещё и вышестоящему аристократу [53, с. 44–46].

Если рождению мальчика радовались, то рождение девочки воспринимали как появление второсортного существа и мало беспокоились о её благополучии, поскольку, выдавая замуж, девушку приходилось отправлять в чужой род. Заключить брак можно было и не интересуясь желанием жениха и невесты. Значительную роль в семье могла играть лишь жена отца семейства, хотя он мог привести в дом наложницу и поставить её выше жены. Однако случалось, что в семье верховодили и женщины. Чаще, чем где бы то ни было, какой-либо женщине доставалась ведущая роль в гареме царя или титулованного аристократа, где интриги (даже оканчивающиеся гибелью соперниц и недоброжелателей) были обычным делом, несмотря на зоркое наблюдение со стороны евнухов, которые тоже нередко втягивались в интриги [53, с. 55–58].

Крестьяне, выполнявшие барщину на колодезных полях и платившие с них оброк, воспринимали сложившиеся отношения как должное и сознательно выполняли свои обязанности, готовые делать общие жертвоприношения прийти на помощь друг другу и, если надо, выступить на защиту страны. Такие взгляды были присущи прежде всего населению на территории среднего течения Хуанхэ и близлежащих районов, которое позже получило наименование Чжунго — Срединное государство, но переселяясь с территории бывшей Шан в новую столицу, из центра на вновь завоёванные земли, разные племена перемешивались, воспринимая единые верования, единую культуру и вырабатывая единый диалект, чтобы позднее стать единым народом [53, с. 44–45].

Главное, чему должен был научиться аристократ — воевать. Для этого учились стрелять из лука, порой устраивая командные состязания. Противоборства считались невозможными, потому что оказавшийся хуже других мог «утратить лицо», хотя можно было смотреть на борцов из числа простолюдинов или на петушинные бои и заключать сделки. Нередки бывали и пирушки, и несмотря на запрет Чжоу-гуном употребления алкоголя, случалось и пьянство, хотя оно было редким. Очень важно для аристократа было участие в дворцовых и религиозных церемониях, что требовало определённого поведения, умения держать себя почтительно и достойно, умения танцевать и играть на музыкальном инструменте (чаще на лютне), хотя пользовались услугами и профессиональных музыкантов. Было известно много песен, значительная часть которых позднее вошла в сборник «Шицзин» [53, с. 47–48].

Путь вверх был не закрыт никому, несмотря на «низкое» происхождение. Выявление дэ умных, талантливых, ловких, умелых и благодетельных людей входило в обязанности чиновников. Храбрый воин

или мелкий административный служащий мог попасть в категорию «ши», т.е. стать «мужем» (в отличие от мужика, как в древней Руси), но чтобы продвигаться далее надо было иметь соответствующую манеру поведения и образ мыслей. Получить титул и должность от самого вана значило для всех китайцев очень много. Ван действительно воспринимался ими как Сын Неба, от которого самого и от совершаемых им религиозных обрядов зависела природная гармония и благополучие подданных [53, с. 48–49].

Характерная черта китайского общества на протяжении большей части его истории — клановость. Ячейкой клана была большая семья во главе с отцом, власть которого была непререкаема и требовала почитательности со стороны детей. Особенно уважаемым считался дядя по матери (как «авункул» у латинов, «стрый» на Руси). Существовала круговая порука и кровная месть. Если уважаемый член рода попадал под смертную казнь, нередко казнили весь род, опасаясь мести. Если род служил вану или князю, то его члены обычно смотрели на своего господина как на отца. Даже сельские кланы и кланы ремесленников и торговцев, служа аристократам, старались упрочить связи с аристократическим родом, включая в свои имена, имя вышестоящего аристократического рода [53, с. 49].

Постепенно от больших аристократических родов стали отделяться боковые ветви, стремившиеся стать ближе к вану или чжухоу. Порой дело стало доходить до междуусобиц [53, с. 49–50].

Кан-ван, правивший в XI в. до н.э. щедро одарял своих родственников уделами. При нём и его преемниках были предприняты завоевательные войны с целью расширения государства, но завоёванные территории попадали под власть периферийных князей, которые проявляли всё более и более самостоятельности. Понимая опасность с их стороны, Ли-ван в середине IX в. до н.э. начал конфисковывать некоторые уделы и включать их в область, управляемую из столицы. При этом он пользовался услугами шаманов, которые выявляли с помощью магии «изменников» чжухоу, которых казнили. Однако опасаящиеся напрасной гибели аристократы сговорились и свергли Ли-вана, отправив его в далёкую ссылку, но сохранили ему жизнь, опасаясь поднять руку на Сына Неба [53, с. 50].

Во второй половине IX в. до н.э. сын Ли-вана Сюань-ван решил отказаться от больших и колодезных полей и ввёл всеобщий налог с крестьянских хозяйств размером в десятую долю урожая. Для составления налоговых списков он провёл всеобщую перепись населения [53, с. 51].

В 771 г. до н.э. Пин-ван перенёс столицу в Лои. Эпоха западной чжоу закончилась. В VII в. на территории Китая стало распространяться железо. К этому времени многие чжоуские князья вышли из подчинения вану и рассматривали свои владения как самостоятельные царства. Чжухоу, приобретая титул, ещё старались получить княжеские регалии от Сына Неба, но теперь посланец царя прибывал в главный храм их владений и вручал княжеский жезл. Вельмож при княжеских дворах,

несмотря на право вана, назначали сами чжухоу. Борьба между княжествами вела к тому, что сильные среди них поглощали слабых, и сильнейшие из них иногда величали царствами, но сами чжухоу обычно не отваживались именовать себя ванами, а свои княжества царствами, опасаясь небесного гнева. Среди такого рода «царств» можно назвать: на западе Цинь; на юге в области плодородных земель, включая уже часть земель к югу от Янцзы, располагалось Чу; в низовьях Хуанхэ и Янцзы — У; к северо-востоку от него — Юэ; на северо-западе — Цзинь; к востоку от которого — Вэй; ещё восточнее — Янь; на территории нынешней Манчжурии — Сун; на Шандунском полуострове — Ци [53, с. 51–61; 247, с. 61].

Установление государственной системы и возникновение государственной идеологии

Наиболее могущественным царством в VII в. до н.э. стало царство Ци, где плавили сталь, используя гончарные мехи, и выпаривали из морской воды соль, торговали этими продуктами с другими странами, и сохранили традиционную китайскую культуру от варваризации. В первой половине VII в. престол захватил Хуань-гун, советником которого стал Гуань Чжун, проводивший ряд важных реформ, направленных на усиление центральной власти. Все жители столицы были распределены по рангам. У ремесленников было 3 ранга, у купцов — 3, у воинов — 15. Более высокие структуры включали представителей всех этих сословий. Сельское население объединялось в общины, включающие по 30 семей. Общины объединялись в волости. Далее следовали более обширные общности. Самыми большими территориальными единицами стали округа во главе с наместниками — дафу, регулярно предоставляющие центральной власти отчёты о делах округа. За территориальными объединениями следили инспекторы, информируя о состоянии дел центр. У каждого руководителя был штат служащих. Так возникла система управления, опирающаяся на чиновников — ши. Столица Ло-и была обнесена новой мощной стеной. В результате реформ Ци настолько усилилось, что поглотило несколько мелких княжеств и стало играть ведущую роль в Восточном Чжоу. В 680 г. на съезде чжухоу Хуань-гуну присвоили титул ба (гегемон) [53, с. 61–64].

В середине VII в. до н.э. самым сильным среди других стало царство Цзинь в правление Вэнь-гуна. Разгромив царство Чу, Вэнь-гун поделился добычей с ваном Чжоу, которому неоднократно помогал справиться с мятежной знатю, и тот наградил Вэнь-гуна в 632 г. до н.э. титулом ба. Высшая аристократия во многих китайских царствах продолжала междуусобицы, стремясь захватить побольше земли и превратить свои поместья в уделы, но не покушалась на власть вана, который был нужен как авторитет, исполняющий религиозные обряды и одаривающий аристократов титулами и символами власти. Понимая, что удельная система ведёт к ссорам и войнам между аристократами, разоряя и осла-

бляя страну, князья старались сократить размеры уделов и их число. Многие аристократические кланы погибли в борьбе друг с другом. Часть уделов была раздроблена на части. В борьбе с владеющей уделами знатью, князья были вынуждены опираться на низший слой служилых аристократов — ши, многие из которых в недавнем прошлом были ещё простолюдными. Получая за свою службу доход от полученных «в кормление» крестьянских дворов (а позже приличное жалование), они служили властителю. Часть аристократов сохранила свои земли, но уже не как уделы, а как поместья, превращаясь в чиновников высоких рангов. Быть высокопоставленным подданным становилось важнее, чем быть членом аристократического клана. Клановая система разлагалась и в деревне, где стали преобладать общины, иногда совпадающие с одним родом, иногда включающие несколько кланов, иногда несколько разнородных дворов. Община совместно владела полями, угодьями и строениями. Сильная власть, ограждающая от насилия, была выгодна и живущим в городе купцам и ремесленникам. Постепенно и сами города превращались из резиденций аристократов, окружённых обслуживающими их людьми, в центры ремесла и торговли. В рыночные отношения начинали втягиваться крестьяне, продававшие продукты своего труда. Среди горожан и крестьян стали появляться нувориши. В крестьянской среде стали возникать «сильные дома», приобретающие дополнительную землю, и разорившиеся крестьяне, вынужденные идти к ним в арендаторы, а то и попадать в кабалу к сельским и городским богачам. Общинники, стремясь противодействовать богатеям, всячески препятствовали продаже земли, и, если уж продавали, то внутри общины, надеясь на меньшую степень эксплуатации со стороны родственников и соседей. Поддерживать установившиеся социальные отношения было выгодно и аристократам, не входящим в царские, княжеские и сановные кланы, ремесленникам, крестьянам и купцам, которым не давали развернуться, поскольку их предприимчивость нарушала установившийся порядок [53, с. 64–68].

В китайских царствах, возглавляемых князьями, в VII — VI вв. благодаря развитой системе плотин и каналов, введению железных мотыг и плугов и освоению новых земель поднялась урожайность и росло население. Материальное расслоение шло быстрее на новых землях, где аристократы и нувориши присваивали новые земли, сажая на них арендаторов [53, с. 66–67].

В середине VI в. до н.э. полуполюгендарный китайский философ Лао Дань («Старый ребёнок») более известный под именем Лао-цзы (учитель Лао) изложил свое учение о Дао в книге Дао дэ цзин («Книга пути и благодати»). Позднее Чжуан-цзы (369–286 гг. до н.э.) отказавшись от поста первого министра в царстве Чу, решил заняться философией и изложил в афористической манере развитое им учение о Дао. Учение, получившее название даосизма, оказало большое влияние на мировоззрение китайцев и впоследствии вылилось в своеобразную религию, а сам учитель Лао был обожествлён. Согласно этому учению, вечно существует Дао («Путь»), в котором сокрыто начало всего, которое сотворило вселенную и постоянно

творит из себя весь мир. Дао это — единство мира, его закон, его путь, исходящий из него и возвращающийся в него. Постичь Дао невозможно, но путём созерцания и размышлений, сидя близко к Небу на высочайшей горе или глядя на драгоценную волшебную яшму, можно проникнуться ощущением Дао, которое совершает Великий Путь, и всё сущее, включая человека, — вместе с ним. Дао правит всей природой, обществом и мыслями людей. В свершение Великого пути Дао (запечатлевшегося в китайской культуре) вовлекается и деятельная и созерцательная воля человека; и созерцание, размышление, воздержание и бездействие более, чем что бы то ни было, способствуют мировой гармонии и обретению человеком благодного дэ. Человек — мельчайшая частица Дао и смерть человека означает лишь растворение его духа в целом Дао. Медитация отшельника с погружением в самого себя позволяет ощутить в себе ритм мироздания, способствует приобщению своей воли к космическому Великому Пути (Дао), самоусовершенствованию человека и слиянию его души с мировым Дао. Проникший с запада буддизм, соединившись с даосизмом принял в Китае форму «чань-буддизма» [53, с. 68–73].

Немного позднее даосизма возникло ещё более популярное учение, которое в течение тысячелетий оказывало ещё большее влияние на мировоззрение китайцев. Создатель нового учения Кун-цзы, известный европейцам под именем Конфуция (551–479 гг. до н.э), был честным чиновником в небольшом царстве Лу, всю жизнь стремившимся служить своему отечеству наилучшим образом. Его ученики составили из его поучений, афоризмов и бесед с ним книгу «Лунькой» («Беседы и суждения»). Конфуций также как и даосисты считал Дао прежде всего законом нравственности, действующим на сердца людей, которые оно направляет к благим целям, и каждый человек должен стремиться к самоусовершенствованию. По его мнению, идеалом человека может быть только цзюнь-цзы («сын правителя»), который с рождения стремится к добродетели ради добродетели, а посему он и должен управлять обычными корыстными людьми. С точки зрения Конфуция, в мире не может быть ничего нового (потому что всё современное когда-то было), поэтому он сторонник обращения к прошлому. Все главные принципы устройства общества, надо брать из установившихся семейных отношений. Отец должен управлять и любить домочадцев, а сын любить и слушаться его. Государство — большая семья, где правитель общий отец, который должен быть справедливым, бескорыстным, великодушным и заботиться о благе людей, которые должны ему отвечать верностью. Правителю нужны верные помощники, не боящиеся говорить ему правду, даже возражать, чувствуя свою правоту. Участники управления должны знать людей и заботиться о них, выслушивать их мнения, показывать личный пример. Необходимо соблюдать все светские церемонии, которые будут способствовать гармонии в обществе, и религиозные ритуалы, чтобы уважить родителей и получить помощь Неба. Надо следовать нормам «ли» (правил поведения благородных по происхождению людей, стремящихся к образованию и самоусовершенствованию), но все люди относительно одинаковы, и простые мудрые и способные люди могут

продвинуться по службе, а правитель должен выбрать достойных. Ли стало отличать китайцев от остальных народов, не соблюдающих ли, и не обладающих культурностью — вэнь, и поэтому рассматриваемых ими как варвары [53, с. 73–78].

Известным конфуцианцем стал Мэн-цзы (372 — 289 гг. до н.э.), считавший всех людей добродетельными по природе, но теряющими добродетель из-за тяжёлых условий жизни, созданных правителем, отходящим от «благого правления». В таком случае народ имеет право на восстание и свержение такого властителя. Мэн-цзы дал множество рекомендаций по совершенствованию управления, сбору налогов, наилучшему порядку владения землёй. Правители награждали его за советы и приглашали ко двору, но Мэн-цзы не занимал высокой должности, по-видимому, не желая сталкиваться с безнравственной придворной средой [53, с. 79–80].

Распространителями конфуцианства стали странствующие учителя. Позднее появились конфуцианские школы, а во II в. до н.э. сложился конфуцианский канон, который по «Тридцатикнижию» должен был знать каждый кандидат на чиновную должность, чтобы сдать экзамен на необходимую учёную степень. С этого времени конфуцианство стало официальной идеологией вплоть до образования Китайской народной республики в 1949 г. [53, с. 80].

Своеобразное учение развивал создавший свою школу Мо Ди или Мо-цзы (479–400 гг. до н.э.). Будучи последователем Конфуция, он однако отрицал традиции, считая, что семейные традиции, дорогостоящие погребальные обряды, изысканные произведения искусства и классическая музыка, деление людей на бедных и богатых, своих и не своих не нужны и приносят только вред. Мо-цзы полагал, что в древности люди жили в дикости, пока не договорились и не избрали правителя, ставшего объектом всеобщей любви, что обусловило создание цивилизации, позволившей всем жить в равном достатке и взаимной любви. К состоянию любви требуется вернуться, довольствуясь простой пищей, одеждой и жилищем. Те же, кому этого мало, — люди, которых надо опасаться и может быть доносить на них властям. Власти же должны выявлять способных людей, чтобы вместе с ними бороться за всеобщее счастье, потому что этого хочет Небо, доставляя всем поровну свет и животворную влагу. Тех же, кто не признаёт мировой гармонии во всеобщей любви, постигнет кара. Сторонники Мо Ди создали замкнутые секты, которые, как и учитель, были против вооружённой борьбы, но учились бою без оружия, и в случае конфликтов, нередко отправлялись отстаивать чьё-то правое дело [53, с. 82].

Последователем Конфуция стал даже министр небольшого царства Хань Шэнь Бухай (400–337 гг. до н.э.), предлагавший совершенствовать социальный строй, исходя из идеальной личности правителя, который должен действовать обдуманно, чётко и беспристрастно излагать мысли, действовать решительно, предоставлять подчинённым свободу действий, но контролировать их [53, с. 83–84].

Однако помимо советов и пожеланий философы постепенно стали

склоняться к мысли о необходимости введения законов. Дело в том, что писанные законы в Китае не приживались. Когда в 536 г. до н.э. один из князей свёл законы в кодекс и повелел выгравировать их на бронзовых табличках, один из вельмож смело высказался против, заявив, что прежние правители полагались не на надписи, а на свою справедливость и честность подданных, но, если люди будут знать законы, то перестанут бояться властей, в них пробудится мятежный дух, и они будут прибегать к всевозможным уловкам. В силу подобных представлений всякие конфликты предпочитали решать «среди своих»: внутри семьи, рода, в своей общине, своём уезде. Судьи также обычно знали тяжущихся, вынося приговор либо по справедливости, либо в зависимости от выгоды. Однако найти управу на сильных аристократов и высоких чиновников было очень трудно, на управителей — невозможно. Наказания реальных и мнимых преступников были жестокими. Смертная казнь через удушение была мягкой. Отрубали головы, разрубали пополам и последовательно разрезали по кусочкам, за меньшие прегрешения увечили, очень часто колотили бамбуковой палкой, нанося предписанное число ударов. Обычными были и каторжные работы. Тюрём практически не было, в заключении только ожидали суда. В таких условиях появились философы, предлагающие издание законов. Исходя из порочности человеческой натуры, они выступали за то, чтобы заставить человека служить властям, не рассуждая, а выполняя приказы, чего можно добиться иногда поощрениями, но чаще наказаниями [53, с. 82–83].

Фундаментальные реформы в царстве Цинь провёл Шан Ян (390–338 гг. до н.э.), где стал всесильным министром. Будучи человеком ненавистником, он полагал, что человек от природы порочен и глуп, и это — хорошо, потому что дураками управлять легче. Странствующие учёные, богатые торговцы, приватизировавшие участки землевладельцы — никчёмные и вредные люди. Если народ опутать мелочными предписаниями, тогда ему будет некогда протестовать, объединяться и бунтовать. Необходима коллективная ответственность за проступки, всеобщий надзор и доносительство, и жестокое наказание за сокрытие провинившегося. Тем не менее, Шан Ян узаконил частную собственность на землю, чтобы способствовать разложению общины и подчинить крестьян целям государства. Главным же его достижением стало введение чиновной лестницы в 18 ступенек, начиная с первого ранга и выше. Чем выше поднимался чиновник, тем больше получал материальных благ и знаков отличия, выражающихся в одежде, что вело к чинопочитанию и стремлению сделать карьеру. Ранги можно было и покупать, но за очень большие деньги. Таким образом пополнялась казна, а купившим высокий ранг чиновникам приходилось нести службу, а не замышлять против власти. Шан Ян отменил также наследование высших чинов, что вызвало недовольство влиятельной знати. Эти реформы вкупе с гуманными конфуцианскими методами правления властителей помогли царству Цинь стать сильнейшим в Китае [53, с. 85–86].

Законники повлияли и на конфуцианцев. Например, Сюнь-цзы (313–238 гг. до н.э.) под впечатлением от реформ Шан Яна пришёл к заклю-

чению, что несмотря на добродетельную природу человека, его надо воспитывать, а это иногда требует и жёстких методов [53, с. 86].

Необычным стало учение Яна Чжу (440–360 гг. до н.э.), который полагал, что и умные и глупые, богатые и бедные несомненно умрут и не достигнут бессмертия, так как после смерти не останется ничего кроме гниющего тела, а потому предлагал не приобретать бесполезных знаний как бестолковый и суетливый Конфуций, и не стремиться к добродетели, а пользоваться всеми доступными благами жизни [53, с. 87].

Во второй половине IV в. до н.э. в царстве Ци возникла «академия Цзи-ся», куда стали приглашать философов из всего Китая, где они получали высокие придворные чины и хорошее содержание. Одним из тамошних мыслителей стал Цзоу Янь (305 –240 гг. до н.э.), сведения о котором сохранились в сочинениях последующих авторов. Цзоу Янь расширил представление об элементах ян и цинь и создал учение о пяти первоэлементах «у-син», включающих воду, огонь, дерево, металл и землю. Согласно его учению, эти элементы образовали весь материальный мир, и все они движутся от жизни к смерти и обратно, влияя и на человеческое общество. В труде «Круговорот моральных качеств пяти движущих начал» он утверждал, что «дерево рождает огонь, огонь рождает землю (пепел), земля рождает металл, металл рождает воду (о чём свидетельствуют капли росы, появляющиеся на металлической поверхности), вода рождает дерево — этим замыкается круг жизни. Что же касается смерти и уничтожения, то дерево побеждает землю, земля побеждает воду, вода побеждает огонь, огонь побеждает (плавит) металл, металл рубит дерево» [247, с. 88]. Круговорот у-син Цзоу Янь сопоставил и с ходом истории, утверждая, что династия Ся (дерево) была свергнута династией Шан (металл), ту же свергла династия Чжоу (огонь). Много путешествуя и многое услышав, Цзоу Янь заявил, что Китай является девятой частью одного из девяти континентов. Такое утверждение пришлось китайцам не по вкусу, потому что они были уверены, что Поднебесная находится в центре земли, солнце и луна освещают её в наиполнейшей мере, а посему здесь плодородные почвы, пышная растительность, мудрые, добрые и уравновешенные люди. Земли же варваров располагаются по краям, почему там все и всё гораздо хуже [53, с. 87–88].

Начало империи

В IV в. до н.э. из-за междоусобиц и войн между кланами и княжествами царство Цзинь развалилось на части. Вокруг Поднебесной кочевали многие народы, но будучи частично завоёванными они и остававшиеся самостоятельными союзы кочевых племён усваивали китайскую культуру и постепенно китаизировались. IV в. до н.э. прошёл преимущественно под знаком борьбы между китайскими царствами и княжествами. Самым крупным из них было царство Чу, где получил распространение даосизм, но ещё был в почёте шаманизм. Там проявил себя один из первых лирических поэтов Китая Цюй Юань (340–278 гг. до н.э.),

создавший «Чуские строфы», в память о котором начали устраивать ежегодные лодочные гонки. Знаменитый циркач Сюн Иляо настолько хорошо жонглировал сразу девятью шарами, что выступив перед битвой на виду у врагов, заронил в них страх перед ловкостью бойцов чуских войск, которые и победили. В Чу впервые зародилась живопись на шёлке. В Чу были проведены прогрессивные реформы. Его войско отличалось мощью и беспощадностью. Полководец У Ци стал знаменит на весь Китай. Появились военные речные и морские суда. Теперь главную ударную силу китайских войск составляла пехота, вооружённая копьями, мечами и арбалетами. Вместо колесниц сражались конные воины, хотя конница была немногочисленна. Убивший в битве врага должен был в подтверждение своей доблести принести его голову. Армии становились устрашающими [53, с. 89–93].

В очередной междоусобной войне среди других сильнейшим оказалось государство Цинь. В 897 г. вождь небольшого полукочевого племени получил от вана Чжоу небольшой удел, для того чтобы он разводил лошадей для войск царя. Однако в 770 г. до н.э. потомок этого вождя оказал важную услугу чжоускому царевичу тем, что помог тому перебраться в новую столицу Ло-и. Вскоро царевич стал ваном и возвёл вождя в княжеское достоинство. В княжестве Цинь была хорошая конница, а его территория со множеством рек и гор была почти неприступна. Медленно, но росла культура циньцев. В 394 г. до н.э. они отменили принесение в жертву людей при похоронах правителя. Особенно усилилось Цинь после того как приглашённый правителем Сяо-гуном Шан Ян провёл множество реформ. Наиважнейшей была реформа, заменившая управляющую страной удельную аристократию на чиновничий аппарат. Аристократия теряла экономическую основу власти из-за отмены колодезных полей. Наоборот, наделённая землёй малая семья могла теперь как собственница покупать и продавать землю и превращалась в ячейку экономической системы. Малые семьи теперь составляли пятки и десятки, связанные круговой порукой и обязанностью доносить друг на друга. Если же большая семья отказывалась делиться на семейные пары с детьми, то должна была платить повышенные налоги или её переселяли на окраинные целинные земли. Стараясь заселить отдалённые районы, Шан Ян дал льготы добровольным переселенцам, и многие крестьяне покинули центр. Воины, отличившиеся в сражениях, восходили по системе рангов в командиры, что усиливало стремление к военной карьере и укрепляло армию. Всю страну разделили на уезды, которыми управляли чиновники. Они собирали налоги, учитывая все собранные ценности, отдавали и получали распоряжения в письменной форме, должны были следить за уездами и доносить на неблагонадёжных граждан и других чиновников, связанных с ними круговой порукой. Всё население было запугано, потому что всех недовольных реформами ждало наказание выселением в неосвоенные районы и даже обращение в рабство. Однако населению стало жить легче, распоряжаясь землёй, избавившись от самоуправства аристократов и получив возможность обрести небольшой чин [53, с. 90–92].

В 324 г. до н.э. князь Цинь провозгласил себя ваном, равным чжоускому Сыну Неба. За 130 лет царство Цинь воевало 50 раз. В этих войнах погибло 1,5 млн. человек, но циньцы захватили плодородную Сычуаньскую котловину, пастбища для лошадей, рудные копи и т.п. В 256 г. до н.э. Цинь захватило центральную территорию Чжоу. Символ Сына Неба: 9 священных бронзовых треножников перешёл к провителью Цинь, и он стал приносить жертвы Небу в Сяньяне, своей столице. В 230 г. до н.э. Цинь захватило царство Хань, в 225 — Вэй, в 223 — Чу, в 222 — Чжао (где, по непроверенным данным, было убито 400 тыс. пленных) и Янь, в 221 — Ци. В результате весь Китай оказался в руках Ин Чжена, который провозгласил себя Шихуанди («Первым священным императором») [53, с. 95–96].

Сначала император объехал всю страну, установив на границах памятные стелы, взойшёл на священную гору Тайшань, где принёс жертвы Небу, затем приступил к реформам. Уделы были полностью ликвидированы, а 120 тыс. аристократических семейств было переселено в Сяньян и окрестности, в специально построенные для них богатые жилища. Теперь все должны были служить императору. Империю разделили на 36 областей во главе с губернаторами с границами, которые не должны были совпадать с границами прежних уделов. Области делились на уезды, уезды — на волости, волости — на тины, объединяющие с десяток деревень. Жители каждой деревни составляли общину. Во главе каждой территориальной единицы стояли чиновники, которые были обязаны учитывать мнения государственных ведомств, управляющих экономикой и другими сторонами жизни. За жизнью на местах наблюдали прокуроры, подчинённые центральным цензорам [53, с. 97–98].

Все служащие получили ранги. Низшим был первый, высшим — двадцатый. Низшие ранги могли получить и не знатные, простые люди, что считалось почётным, но повышало ответственность. Жалование начинали платить с восьмого ранга, а сановники девятнадцатого и двадцатого рангов получали сельские территории, налоги с которых шли на их содержание, хотя власти над их населением им не давали. Везде предписывались слежка и доносительство. Крестьяне получили семейные наделы и возможность получить чины и попасть в администрацию. Ремесленникам стало легче работать на заказ, торговцам — торговать. Они даже приобрели возможность взять на откуп государственные монополии по добыче руды и соли, по производству браги. Появились государственные ремесленные мастерские, где изготавливали всё необходимое для двора, высшей знати, храмов и армии. Туда присылали на определённый срок мастеров со всего Китая для отработки трудовой повинности [53, с. 98–99].

Меры длины, веса и многое другое подвергли стандартизации. Например, ввели стандартное расстояние между колёсами повозок, чтобы они попадали в наезженную колею. Золотые и бронзовые монеты приобрели округлую форму с квадратным отверстием посередине, чтобы можно было их собирать в связки [53, с. 99].

В короткий срок проложили во всех направлениях императорские дороги. Их общая длина составила 4250 миль. На северных границах для защиты от набегов кочевников строили Великую стену, частично используя то, что было возведено прежде. В строительстве стены участвовало в порядке трудовой повинности около 300 тыс. строителей. В Синьяне возводились огромные императорские дворцы и гигантский мавзолей для императора, которые строили также сотни тысяч строителей [53, с. 100].

Уже в начале правления император приказал собрать всё оружие вражеских армий, переплавить его и отлить 12 огромных колоколов и статуй. Однако сами циньцы продолжали войну. Прежде всего они разгромили северных кочевников, присоединив к империи земли на территории нынешней Внутренней Монголии. «Подобное же наступление было предпринято и в направлении к югу от Янцзы. При этом для обеспечения армии продовольствием сквозь скалы был прорублен пятикилометровый канал, связавший бассейн Янцзы с одной из восточных рек...» [53, с. 101]. На завоёванных территориях учредили 4 области. Чтобы привлечь туда добровольных поселенцев их на 10 лет освобождали от налогов и трудовой повинности и награждали почётными рангами. На новые земли устремились также те, кому грозила кабала и каторга, включая дезертиров и проштрафившихся чиновников [53, с. 100–101].

«Император продолжал ритуальные объезды своей разросшейся державы — этому он посвящал несколько месяцев в году, и повсюду ставились памятные стелы в честь знаменательного события» [53, с. 101].

Новые реформы, завоевания и стройки требовали средств. Пришлось повышать налоги и увеличивать трудовые повинности. Психологически тяжело воспринимался переход от конфуцианского патернализма к обязывающему легитизму. Согласно новому указу легитимными признавались теперь книги, только хранящиеся в Академии знаний, хроники царства Цинь и книги, приносящие практическую пользу по земледелию, животноводству, лесному хозяйству, медицине, военному делу и магии. Всё остальное подлежало сдаче губернским властям и сожжению. За непослушание полагались принудительные работы и нанесение позорящей татуировки на лицо. Особенно вредным был признан сборник народных песен «Шицзин», сочинения Конфуция и многих конфуцианцев. За их хранение полагалась смерть хранителю, всей его родне и недонёсшему на него чиновнику. В результате многие ценнейшие книги погибли [53, с. 102].

Цинь Шихуанди учредил в столице «Академию знаний». Туда пригласили 70 учёных, которые пользовались там заботой и почётом. Император проявил интерес к философии и даосизму, но в большей степени к шаманизму и магии. Из учения об у-син он сделал заключение, что его династии покровительствует стихия воды, с которой связан чёрный цвет и цифра 6. По этой причине он стал носить чёрные одежды, и добавлять чёрный в императорскую символику. В его колесницу впрягали шестёрку лошадей, а придворные должны были ходить по

шесть человек в каждом ряду. Полагая, что, если вкусить эликсир бессмертия, то можно обрести вечное блаженство на вершинах высящихся над океаном трёх священных гор, император отправил в океан на кораблях на поиски этих гор несколько сот прекрасных юношей и девушек с музыкой и в прекрасном убранстве. Все они пропали. Четыре мага, посланные за эликсиром бессмертия, его не нашли, но уверили императора, что нашли магический текст, в котором сказано, что для династии представляют смертельную угрозу кочевники хунну. Император тот час же отправил против них лучшего полководца. Затем Цинь Шихуанди сообщили, что найти эликсир будет можно при условии, что он будет как можно меньше общаться с людьми. Тогда император соединил 270 столичных дворцов глухими переходами и проездами, а за разглашение секрета его местопребывания грозила смертная казнь [53, с. 101, 103].

Цинь Шихуанди скончался в 210 г. до н.э. Его похоронили в отделанном бронзой огромном мавзолее в 30 километрах от столицы. В погребальную камеру вёл длинный тоннель прорубленный через гору. На полу погребального зала драгоценными камнями выложили карту поднебесной, которую окружили озёрами ртути. Около покойного разместили все искусно сделанные вещи и драгоценности, которые могут понадобиться в загробном мире. Для заботы о нём умертвили множество слуг и наложниц. Похоронный зал освещали огромные светильники, наполненные моржовым жиром. В переходах установили мощные арбалеты, чтобы уберечь от проникновения врагов, а, чтобы никто не указал дорогу, убили всех строителей. С одной из внешних сторон мавзолея было помещено 7,5 тыс. обязанных охранять императора терракотовых статуй императорских гвардейцев. Каждый из них имел индивидуальные черты в лице, одежде и оружии [53, с. 104–105].

Рождение этноса

При третьем императоре династии Цинь произошло восстание, в результате которого в 202 г. до н.э. к власти пришел один из вождей повстанцев деревенский староста Лю Бан (247–195 гг. до н.э.), провозгласивший основание новой династии Хань [53, с. 107–108].

Лю Бан, став императором, взял тронное имя Гао-цзу (к тому же, настоящее имя надо было держать в секрете, чтобы не пострадать от колдовства). Поскольку Сяньюнь был разрушен, император сделал столицей расположенный в плодородной долине город Чанъань (современная Сиань в провинции Шэньси). В основу управления была положена конфуцианская этика. Сохранялись и законы, но чиновникам предписывалось стараться не использовать их как наказание, а для разъяснения, как правильно жить. Ближайшие семь сподвижников Лю Бана получили наследственные уделы, потом ещё 130 приближённых. Бóльшая часть знати была переселена в столичный регион, правда за некоторыми старыми аристократами и циньскими губернаторами сохранили захваченные ими земли (в том числе и самопровозглашённые

княжества) также в качестве уделов. Уделов, располагавшихся преимущественно на юге и востоке, было немного, и они также управлялись губернаторами. Чтобы владельцы уделов не превращались в самостоятельных князей, после их смерти их земли делили между большим числом наследников, а иногда переводили в государственное управление. Чиновников стало больше, но престиж даже мелких чиновников вырос. Покровительство, семейные связи и богатство значили меньше, чем способности. Местному начальству было дано указание наиболее способных отправлять в столицу к канцлеру. Чиновники должны были быть грамотны и образованы. Все чиновники теперь получали жалование зерном и деньгами. Уцелевшие от пожаров книги пытались восстановить, иногда по памяти. Районным властям вменялось в обязанность содержать в порядке дороги с постоянными дворами, почтовыми станциями и полицейскими постами. Выборные от местных землевладельцев (включая чиновников, аристократов и крестьян) должны были следить за распределением земли, сбором налогов, оформлением сделок, отправкой на общественные работы (Эта повинность занимала обычно месяц в году.), за набор в армию (Все мужчины в возрасте от 23 до 56 лет были обязаны отслужить в мирное время и призвались ещё во время войны.), за соблюдением общественного порядка. Сельскому старосте предписывалось: «Следить за нравственностью и обращать внимание начальства на благочестивых сыновей, добродетельных жён и милосердных граждан» [цит. по: 53, с. 110]. Налоги с крестьян уменьшили, зато большие налоги стали платить богатые торговцы, на деньги которых проводились ирригационные работы. Лошади не использовались в сельском хозяйстве. Их было мало и обычно приходилось покупать у кочевников. Было принято новое уголовное законодательство. Следствие и судебный процесс протоколировали. Вершили правосудие начальники, начиная с уездного уровня, или их назначенцы. Особенно суровые наказания применялись к государственным преступникам. За измену императору или стране могли казнить жену, родителей, детей и внуков преступника или отдать их в рабство. Наказывали также за колдовство и чародейство. Преступников (в том числе и женщин) наказывали смертью, бамбуковой палкой, отправляли на срок до 5 лет на принудительные каторжные работы. Чиновникам высоких рангов могли смягчить наказание [53, с. 108–113].

Сын Лю Бана Хуэй-ди правил в 195–188 гг. до н.э. Он обнёс столицу мощными стенами, установил по всей стране алтари для поминания отца и снял ещё сохранявшиеся запреты на некоторые книги [53, с. 113].

После смерти Хуэй-ди его мать несколько лет через интриги пристраивала своих родственников на высочайшие посты, а родственников мужа старалась уничтожить, но в результате борьбы погиб её клан. Тем не менее народ в эти времена не бедствовал [53, с. 113–114].

Вступивший на престол сын Лю Бана Вэнь-ди повысил ранг всем чиновникам и наградил помогавших ему в борьбе с мачехой. Восстанавливая традицию, император провёл первую борозду на храмовом поле. Он предоставил всем подданным право критиковать любое начальство, 6 раз

проводил амнистию, а по поводу объявления наследником своего сына Цзин-ди, а его матери императрицей, устроил праздник по всей стране, щедро одарив рисом, мясом и шёлком участников войн отца, вдов, сирот, всех старше 80 лет и просто неимущих. В 166 г. до н.э. Вэнь-ди отменил поземельный налог с крестьян, увеличив налоги с ремесленников и торговцев. По поводу неурожая в 159 г. до н.э. он приказал выдать голодающим зерно из казённых амбаров и разрешил имеющим ранги беднякам продавать их богатым соседям. Чтобы умирить набеги кочевников император разрешил им пасти скот к югу Великой стены, что вынуждало кочевников охранять от набегов свои пастбища [53, с. 114–115].

Сын Вэнь-ди Цзин-ди, правивший в 156–141 гг. до н.э. урезал уделы и права знати, но продолжал вести примирительную политику, прощая восстающих против него аристократов, ублажал союзных хунну, а, когда умирал, всем повысил чин на ранг [53, с. 116].

Правнук Лю Бана У-ди (156–87 гг. до н.э.) правил со 140 по 87 гг. до н.э. Китай при нём стал процветающей страной, население которой составило около 60 млн. Чанъань стал самым большим городом в мире. Там были прямые улицы, движение в 3 ряда (средний для государственных нужд), вдоль улиц — желоба для стоков в каналы и далее в реки. Пять величественных комплексов императорских дворцов, каждый из десятков строений, гармонично вписывались в природу. В столице оглашали указы и казнили преступников, выступали акробаты, были кукольные театры. В окрестностях столицы располагались дворцы знати и богачей. Охотничьи угодья императорского парка Шанлинь, который при У-ди был значительно расширен, тянулись на десятки километров. Здесь же было нечто подобное ботаническому саду и зоопарку с диковинными растениями и животными из других стран, в огромном пруду разыгрывались сражения настоящих кораблей, а время от времени выплывал большой механический дракон, который вертел башкой и махал крыльями [53, с. 116–118].

Земледелие прекрасно развивалось. Ирригационная система поддерживалась в порядке. Сеяли пшеницу и просо, с юга проникали урожайные сорта риса. Увеличивалось поголовье тяглового скота, хотя чаще пользовались мотыгами. Налоги составляли около 1/15 части урожая, хотя была ещё подушная подать и сохранялась месячная трудовая повинность и в чрезвычайных случаях — дополнительная. Из практических соображений осуждённых, а нередко и их семьи отправляли на рудники, на строительные работы и на рытьё каналов. У-ди восстановил монополии на соль, железо, чеканку монеты, изготовление алкоголя, но ростовщики и прочие богачи брали на откуп добычу и продажу соли, добычу руды и чеканку монет, изготовление рисовой браги. В городах становилось больше ремесленников и торговцев. Было много государственных мастерских, куда отправляли работать в порядке трудовой повинности и лучших мастеров, порой создававших шедевры. Помимо хозяев мастерских и лавочников здесь уже жили оптовые торговцы зерном, бамбуком, солью, владельцы рудников, крупные скотоводы и т.п.

Правительство налагало на городских богачей значительные налоги. Сохранялись некоторые запреты для торговцев. Например, им нельзя было ездить верхом и носить шёлковые одежды, но из соображений государственной выгоды разрешалось за высокую плату покупать престижные и даже государственные должности. Городские богатеи, пользуясь неурожайными годами, скупали по дешёвке землю, и крестьяне были вынуждены её арендовать, идти в батраки и даже продавать детей и внуков в рабство. Сельские общины старались противодействовать продаже общинной земли, но переход земли в собственность малых семей вёл к разложению общин, выделению «сильных домов», главы которых стремились получить почётный ранг и образование, а потом попасть на государственную службу. Наметился возврат к конфуцианству, но сохранили и легистские методы управления. Учёные и многие чиновники хотели, чтобы Китай был единым во главе с Сыном Неба, а управляли им шэньши («учёные мужи»), наделённые добродетелями — ли, а целью было благоденствие населения. В результате легально обосновывалось «имперское» или ханьское конфуцианство, которое внедрялось в китайское самосознание. Император проявлял благочестие, поддерживая традиционные культы и учредил новый — почитание Высшей Гармонии, а для сопровождения обрядов основал Палату Музыки. При императорском дворе был создан консультативный совет, в который входило около сотни обладателей почётного звания «боши» (напоминающего современное профессорское), к которым обращались с советами. Областями руководили губернаторы, но цензоры-прокуроры продолжали всеобщий контроль. В 121 г. вышел указ, предписывающий раздел удела после смерти его хозяина между всеми его наследниками [53, с. 117–121, 125].

Наиболее почётным советником императора и министров стал конфуцианец Дун Чжуншу, развивший учение о первоосновах бытия. Высшей сущностью Дун Чжуншу считал Небо — источник всех вещей. По установлению Неба совершается и Великий путь Дао. Небо посылает и судьбу, от которой нельзя уклониться. Вместе с небом в рождении вещей участвует и Земля. Между ними находится человек — самое ценное творение Неба. Небо творит всё сущее, земля вскармливает всё живое, а человек всё доводит до совершенства своей культурной деятельностью, поэтому человек призван пользоваться всеми вещами и повелевать всеми тварями. «Главный «материал» для построения всего сущего — дышащая живая энергия ци, открытая даосами. Силы инь и ян — это её проявления» [53, с. 121]. Познать и следовать воле Неба путём Дао способен только ван. Ход истории Дун Чжуншу также расположил по первоэлементам, но он уточнил, что на смену династии Чжоу, которой соответствовал огонь, пришла под знаком воды династия Хань, а династия Цинь была незаконной и выпадает из предписанного Небом порядка. По его инициативе впервые стали устраивать экзамены по знанию конфуцианских сочинений [53, с. 121–122].

Во времена У-ди выполнявший при дворе ответственные поручения историк Сыма Цянь (145–86 гг. до н.э.) продолжил труд своего отца,

написав историю Китая, начиная с мифологических событий, предшествующих династии Ся до правления У-ди. Труд Сыма Цяня сочетает беспристрастное описание событий с их сопоставлением с предначертаниями Неба, от которых разным образом отходят предшествующие династии и возвращается Хань [53, с. 124–125].

Стремясь избавиться от набегов кочевников У-ди отремонтировал Великую стену и продлил её на запад. Он также отправил 4 полководцев против хунну в разных направлениях, игнав их из приграничных районов. Военная теория, таланты полководцев, обеспечение всадников кольчугами и длинными стальными мечами, а пехотинцев арбалетами во многом способствовали китайским победам. После чего началось заселение плодородных земель в северной излучине Хуанхэ. Китайцы стали нападать на Вьетнам, Корею, Маньчжурию и другие страны. Площадь Поднебесной расширилась до 3 млн. квадратных километров [53, с. 123–124].

Во время правления У-ди китайцы впервые проникли в Среднюю Азию, в Ферганскую долину в Бактрийском царстве, откуда в Китай был привезён грецкий орех, виноградная лоза и хорошие лошади. В результате военных побед стало возможным даже отправлять караваны через пустыню Такла-Макан на территорию теперешнего Восточного Туркестана. Вместе с тем, строительство, рытьё каналов, прокладка дорог и военные действия потребовали увеличения расходов. Был введён налог на любые продажи, на транспортные средства и недвижимость. Наконец, подушный налог наложили на детей, начиная с трёхлетнего возраста, но материальное положение оставалось ещё более или менее благополучным [53, с. 122–124].

На старости лет У-ди возжелал бессмертия. Тогда дворец наполнили маги и шарлатаны, предлагавшие найти Острова Блаженных и, конечно, эликсир бессмертия. Часть мошенников была казнена, но император скончался в 87 г. до н.э. [53, с. 125–126].

После смерти У-ди жизнь в Китае стабилизировалась. В деревне постепенно крепили «сильные дома», поглощая участки соседей, которые превращались в арендаторов и батраков. Они входили в деревенское самоуправление, стремились заслужить или купить почётные ранги, обеспечивали детям приличное образование, позволяющее попасть в круг чиновников, участвующих в управлении уезда под руководством государственного чиновника, и стремились утвердить членов своих кланов на государственной службе. Чиновники оставались конфуцианцами, старающимися честно выполнять свои обязанности и заботились о репутации, но постепенно жестокость при руководстве общественными работами и сборе налогов, излишние поборы, взяточничество и казнокрадство стали проникать в их среду. В 86 г. до н.э. в правление малолетнего сына У-ди Чжао-ди по стране проехала правительственная комиссия для осмотра последствий стихийных бедствий и обнаружила большое число нуждающихся в помощи, которая была оказана [53, с. 126–128].

Во время правления Сюань-ди (74–49 гг. до н.э.), когда случились землетрясение, наводнения, резкие перепады температуры и неурожай,

были снижены налоги, цены на соль и расходы двора. В 51 г. до н.э. во дворце прошло совещание учёных, где было принято решение отобрать и выверить конфуцианские тексты, необходимые для сдачи на учёную степень. Однако была узаконена возможность (помимо экзаменов) трактовать тексты (включая и канонические) по своему усмотрению. Это привело к появлению мистической литературы [53, с. 129–130].

В 49 г. до н.э. императором стал Юань-ди, который провёл ряд реформ. Сначала он смягчил наказания и провёл несколько амнистий. Затем сократили дворцовые траты и снизили жалованье чиновникам. Второе уменьшилось число храмов для поклонения предкам императоров, их обслуживающего персонала и размеры жертв [53, с. 130].

В правление Чэн-ди, начавшееся в 33 г. до н.э. были упразднены торжественные шествия к далёким местам поклонения. Большое влияние на дворцовую жизнь оказывала мать императора, госпожа Ван, заправлявшая делами Внутреннего двора, состоящего из наиболее доверенных высших сановников и военачальников, во главе которого стоял сановник, получивший должность дасыма. Внутренний двор уже после смерти У-ди превратился в место интриг. Госпожа Ван постоянно проталкивала на должность дасыма своих ближайших родственников. После смерти очередного императора Ай-ди в 1 г. до н.э. госпожа Ван назначила на должность дасыма племянника Ван Мана, а себе взяла титул «Великой вдовствующей императрицы» с правом подписывать указы, которые провозгласили эру Великих начинаний, опровергнув пророчества о скорой гибели династии и объявили всеобщую амнистию. Ван Ман женил маленького императора Пин-ди на своей младшей дочери, но Пин-ди неожиданно умирает, а его ближайший советник кончает жизнь самоубийством. Престол передаётся дальнему годовалому родственнику императора, а Ван Ман становится регентом. Прошли необоснованные слухи о виновности в смертях Ван Мана и началась смута, которую Ван Ман подавил. Большая часть чиновников была на его стороне и он старался заручиться народной поддержкой. Вскоре прошел слух, что Ван Ман потомок Жёлтого Императора Хуан Ди, основателя легендарной династии Ся, и Ван Ман лишил престола императора и сам занял его в 9 г. н.э., провозгласив начало династии Синь («Новой») [53, с. 131–133].

Ван Ман происходил из знатного рода, был хорошо образован и побывал на многих придворных должностях, получив в результате титул Ай-ди («князь, дарующий спокойствие Хань»). Вникая в государственные дела, он следил, например, за прокладкой дороги через горы к югу от Хуанхэ. Он уделял внимание повышению качества образования и увеличению числа провинциальных школ, интересовался изобретениями в вооружении. Два покровительствуемые им изобретателя создали какой-то летательный аппарат, на котором сумели переместиться на несколько сотен шагов. Одному придворному лекарю он приказал препарировать тело казнённого преступника, чтобы лучше изучить организм для успешного лечения [53, с. 133–134].

К началу правления Ван Мана многие крестьяне уже лишились земли, и некоторые из них вступали в разбойничьи банды. Для защиты от

них крестьяне собирали отряды самообороны, руководство в которых часто получали имевшие многочисленную челядь патриархи «сильных домов», имевшие связи с чиновниками местного начальства. Для того, чтобы прервать эти связи, правительство стало перекрывать границы уездов и областей. Нередко и крестьяне просились под покровительство «сильных домов». Чиновники и городские богачи тоже стали прикупать землю, и все богачи старались уйти от уплаты налогов. Арендаторы, не имея земли, конечно, не платили налоги. Таким образом основное бремя налогов падало на крестьян-собственников. Денег в казне становилось всё меньше, а надо было на что-то поддерживать дороги и, особенно, ирригацию. Пустели и казённые амбары. Доход давали преимущественно государственные монополии. Среди них было, например, 49 металлургических предприятий. Тогда обложили десятиной торговцев, ремесленников, шелководов, рыбаков, охотников и всех других, имеющих доход. Чтобы изыскать дополнительные средства, правительство стало облегчать монету, изъяло всё золото, обменяв его на позолоченные ритуальные бронзовые ножи, превращённые во временное высокоэкономичное платёжное средство, которое потом можно было обменять на золото, но с выгодой для казны. Император лично возглавил цензорско-прокурорскую службу, обращая внимание на моральный облик бюрократии. Для чиновников ввели новые ранги и почётные титулы, но в неурожайные годы им стали снижать жалование, пропорционально недороду. Однако обеспечить основной доход была призвана земельная реформа, согласно которой вся земля была огосударствлена и передавалась в собственность тем, кто может её обрабатывать. Каждая малая крестьянская семья в среднем (исходя из качества земли по кадастру) получила около 100 му (немного более 6 гектаров). В результате исчезли арендаторы и батраки, а крупные собственники земли потеряли излишки. Более того, частное рабство (в котором состояло менее 1% населения) было отменено. Правда бывшие рабы оставались в некоторой зависимости от бывших хозяев, но попали под покровительство государства. Они также получили 100 му и платили налоги. Для учёта во 2 г. н.э была проведена первая перепись населения, насчитавшая 60 млн. человек и 12 млн. домохозяйств. Однако оказалось, что при переписи были нарушения, выгодные некоторым чиновникам. Сами реформы требовали средств, а это вызвало дополнительные налоги и повинности [53, с. 133–137].

В 11 г. н.э Хуанхэ поменяла русло, затопив множество полей и селений. Сотни тысяч людей погибли, миллионы других устремились кто куда, преимущественно на юг. Многие из них лишившись всего имущества объединялись в разбойничьи банды. И население, и сам император стали подозревать, что они уклонились от пути, предначертанного Небом, в чём император публично покаялся и отменил часть указов. Это ещё увеличило беспорядки. На Шаньдунском полуострове, отрезанные от остальной части страны двумя образовавшимися рукавами реки, собрались толпы беженцев, многие из которых стали собираться в банды и поднимали мятеж. Чтобы пугать врагов, они красили брови в красный

цвет, и их мятеж получил название «восстания краснобровых». Вскоре восставшие стали объединяться с мощными аристократическими кланами, которые становились во главе мятежа. Наиболее авторитетным вождем стал Гэн-ши из рода Лю, дальний потомок императора Цзин-ди, правившего в середине II в. до н.э. Объединённое войско начало требовать восстановления прерванной династии и стало именоваться «армией Хань», которая захватила Чанъань и обезглавила императора. Гэн-ши провозгласил себя императором, но мятеж продолжался. Тогда новый император отправил на север наводить порядок Лю Сю, потомка царского рода, а тот, почувствовав силу пошёл на императора. Мятежники опять напали на столицу и свергли императора (который позднее был задушен). Лю Сю объявил себя императором и принял тронное имя Гуан У-ди, сделав столицей Лоян и правил с 25 по 57 гг. Гуану У-ди после упорной борьбы удалось покончить с мятежом. Началась эпоха династии Поздняя Хань. [53, с. 137–139].

При Гуане У-ди продолжили раздачу земель крестьянам. Часть земель отобрали у «сильных домов», особенно у сопротивлявшихся реформе. Большую часть частных рабов освободили и наделили землёй. Отправленные на каторгу государственные рабы также получили свободу. Временно снизили налоги с крестьян до тридцатой части урожая. Для назначения чиновников чаще стал применяться конкурсный отбор. Для обучения желающих стать чиновниками в областных центрах работали школы. В столичной «Академии Тай-сюэ» проживало и обучалось 30 тыс. студентов. Таблички, подвешенные на расстоянии, которые надо было сбить стрелой, представляли собой подобие экзаменационных билетов. Сдавшие экзамены получали степень «шэньши» («учёного мужа») [53, с. 140–141].

В правление Гуана У-ди в китайской культуре появилось множество достижений. Керамику стали покрывать глазурью. Евнух императорского гарема Цай Лунь изобрёл бумагу, за что после смерти почитался как покровитель бумажного производства. Бумага стала основным материалом для письма и рисунка. К этому времени китайцы уже пользовались тачками, а чтобы легче и быстрее возить, иногда приделывали к тачке парус. Была изобретена водяная мельница с эксцентриком. В шахтах, некоторые из которых уходили в глубину на сотни метров, использовали крепления из толстого бамбука. Научились находить направление на север и юг с помощью «волшебной иглы» — стрелки компаса (которая использовалась при гадании) для «правильного» расположения объектов на местности в соответствии с «воздействием» сил инь и ян. Изобрели механизм для глубинного бурения. Изобрели станки для размотки шёлковых коконов. «Где-то в это время появился сейсмограф. Это был цилиндр с установленным внутри шариком. По периметру располагалось восемь драконов, и когда случалось землетрясение, шарик выкатывался из пасти того из них, который смотрел в сторону произошедшего катаклизма» [53, с. 143].

Эпоха империи Хань оказалась благоприятной не только для значительных достижений культуры, но и для роста самосознания китайцев.

Именно в это время произошло рождение китайского этноса и возникло его самоназвание «хань-жень» (китайский человек, китаец) [58, с. 387].

В 148 г. в Лоян прибыл из Парфии монах Ань Шигао, который с помощью китайских учёных (скорее всего даосов), перевёл на китайский язык первое буддийское сочинение. Первыми буддизм в Китае поддерживали даосы [53, с. 144].

В 58–75 гг. правил император Мин-ди. Незадолго до начала его правления вновь был подчинён Вьетнам. Уже в правление Мин-ди было подчинено несколько небольших государств вдоль туркестанского участка Великого шёлкового пути. Китайцы разбили кушанское войско. В противовес хунну был создан враждебный ему союз других кочевников [53, с. 144].

Китай установил связи с Индией, Цейлоном и Японией. Китайская морская экспедиция заходила в Персидский залив. Зная лишь по рассказам о Римской империи, китайцы полагали, что там такое же государственное устройство и не относили римлян к варварам. Есть данные, что во II в. в Китае побывало римское посольство, но как бы то ни было, китайские товары попадали в Рим [53, с. 144–145].

На рубеже I — II вв. в империи Хань стали заметны черты кризиса. Традиционный порядок стал нарушаться в самом дворце. Жёны Гуана У-ди делились на три ранга: избранные госпожи, «прекрасные госпожи» и «достопочтенные госпожи» (Из последних можно было попасть в императрицы.). У других императоров помимо императрицы бывали жёны, делившиеся на 14 рангов, а число наложниц иногда достигало 6 тысяч, которых отбирали местные чиновники и целые комиссии. Наложницу император мог подарить заслуженному вельможе или иноземному двору, но чаще через 5 лет их с почётом возвращали в родные семьи. Случалось, что, если императрица или жена высшего разряда изгонялась из дворца, её родню могли сослать или даже казнить. Жёны, наложницы и евнухи гаремов постоянно устраивали интриги, чтобы посадить своих детей, родственников или просто ставленников на престол или к нему поближе. Евнухи гаремов, которые порой исчислялись тысячами, также делились на разряды. В период со 169 по 184 гг., названный Великой опалой евнухи управляли страной с помощью продажных чиновников [53, с. 145–149].

В результате беспорядков усилились «сильные дома» и городские богачи, связанные с чиновниками, а миллионы крестьян становились арендаторами и батраками и сбивались в банды. В результате хунну вновь стали совершать набеги. С запада нападали тибетцы. Правители государств на шёлковом пути вышли из подчинения. Крестьяне побежали на Юг. Южнее Янцзы собралось 18 млн. человек. Тамоннее некийское население уходило в горы, где освоило террасное рисосеяние, но по большей части ассимилировалось китайцами. Разорённые крестьяне всё чаще и чаще поднимали мятежи. Их вожди проникались идеями даосизма в перемешку со старинными культами, шаманизмом и магией. Кто-то стремился к бессмертию, кто-то предлагал аскетизм, а большинство надеялось на равенство и справедливость. Во главе восстания

оказался Чжан Цзюэ великий врач, исцеливший множество людей во время эпидемии, и идеолог направления в даосизме, создавший секту «Путь небесного благоденствия». Позднее его учение приняло движение «Жёлтое небо», провозгласившие, что на смену осквернённому синему небу династии Хань приходит «жёлтое небо», знаменующее всеобщее равенство. Восставшие ожидая смены первоэлемента и династии одевали желтые платки и повязки. Несмотря на успехи в решительных битвах с правительственными войсками предводители «желтых повязок» погибли. Восстание удалось подавить много позднее [53, с. 149–153].

Очередной распад страны

После смерти в 189 г. императора Лин-ди при тринадцатилетнем наследнике Лю Бяне началась дворцовая борьба за власть, в которую включились военачальники. В результате сложились три основных центра власти. На Севере император Цао Пэй провозгласил основание династии Вэй, на Юго-Западе образовалось царство Шу, в долине Янцзы и к югу от неё возникло царство У [53, с. 153].

В III в. в Китае резче, чем прежде обозначилось деление населения на «добрый народ» — лянминь, имевший собственную землю в деревнях, или собственное «дело» в городах, и «подлый (подчинённый) народ» — цзяньминь. Для укрепления царства Вэй (220–265 гг.) Цао Пэй распространил основанные ещё в 196 г. военные поселения по всему царству главным образом для того, чтобы противопоставить их «сильным домам», которые стали господствовать в сельском хозяйстве. Частенько они имели собственные дружины, которые нередко устраивали междоусобицы. Если «сильные дома» возделывали новь, то она становилась их собственностью. Главы «сильных домов» становились главами большой семьи вместе с домочадцами, состоящими из арендаторов, в которые охотно шли бедные крестьяне. Дело в том, что как отметил современник тех событий бывало, что «сто домов объединялось в один двор, тысяча податных вписывалась в реестр одной семьи» (Цит. по: 53, с. 154). Таким образом и «сильные дома» и бедняки уходили от налогов. Часть мужчин, проживающих в военных поселениях, должна была нести военную службу, а остальные крестьяне отдавать часть урожая на их содержание. Для укрепления власти был усовершенствован государственный аппарат. Все чиновники были разделены на 9 рангов в соответствии с их службой, заслугами, способностями и добродетелями. В областях были учреждены должности чиновников, призванных подбирать честных и «беспристрастных» людей на местную службу, которые в зависимости от выявленных достоинств получали первую или вторую вне ранговую «деревенскую» категорию. «Сильные дома» стремились приобрести вторую категорию для своих выдвиженцев, что обязывало их проводить политику в интересах государства [53, с. 152]. Все эти мероприятия позволили войску Вэй в 237 г. разгромить в Манчжурии союз кочевых племён янь. В 263 г. Вэй захватило западное царство. Вскоре в Вэй

начались придворные вооружённые конфликты, в результате которых в 265 г. к власти пришёл Сыма Янь, провозгласивший основание династии Цзинь. Далее семь лет вэйцы строили громадные многопалубные суда, достигавшие иногда 200 м, на которые можно было посадить до полка воинов. В 280 г. на этих судах они ринулись на царство У, которое без боя признало власть Вэй [53, с. 153–155].

Придя к власти и желая её укрепить, Сыма Янь стал раздавать родственникам и приближённым уделы, позволяя удельным аристократам вершить суд, распоряжаться на местах подбором чиновников, войсками, собираемыми налогами и другими ресурсами. «Сильные дома», особенно на юге, владели порой огромными участками плодородной земли, на которую они привлекали арендаторов, попадавших в зависимость от них. Землю, арендаторов и вооружённые отряды они стали передавать по наследству. В 280 г. Сыма Янь издал «уложение о землепользовании», согласно которому вводилась «надельная система». Любая пожелавшая семья могла получить участок из двух частей пахотной земли. Одна часть отдавалась в собственность и передавалась по наследству. Другая отдавалась во владение и могла попасть под ежегодный передел. Наделы исчислялись по количеству работников: мужчин и женщин в возрасте от 15 до 60 лет. Крестьяне от 13 до 15 и от 61 до 65 лет получали половинные наделы. Каждый крестьянин привлекался на 30 дней в году на государственные работы. С каждого двора причиталось также 3 штуки шёлковой и 3 весовых меры хлопчатой ткани. Собирать налоги полностью удавалось лишь в центральном регионе, недобор на окраинах привлекал туда переселенцев. Чиновники получали теперь «должностные наделы», которые обрабатывали крестьяне, находящиеся от них в личной зависимости, но не платящие налоги в казну. Высшие чиновники получали оброк с 50 дворов [53, с. 155–157].

Император распорядился: подданным сдать оружие, которое хотели переплавить в монеты. Собрали мало. Военачальники однако предпочитали продавать оружие хунну, а воины выменивали его на земли. Хунну нужны были продукты земледелия. Все мероприятия не прекратили ни дворцовых интриг, ни междоусобиц удельной знати и богатых «сильных домов». Опасность нарастала и со стороны китаизировавшихся кочевников. Вождь хунну Лю Юань в 304 г. начал наступление на Китай, захватил большую часть долины Хуанхэ и провозгласил себя императором. Уже после его смерти вождь хунну Лю Яо в 316 г. захватил Лоян и Чанъань. Он сверг и казнил императора и создал царство Раннее Чжао. Тем не менее близкий к хунну союз племён цзе разбил хунну и в 329 г. их вождь Ши Лэ (по происхождению китаец) основал Позднее Чжао. На Юге Китая собралось множество переселенцев и часть уцелевших циньских военачальников и сановников с остатками армий, которые подчинили местных магнатов. В 317 г. на Юге был провозглашён императором отпрыск цзиньского императорского рода Сыма Жуи. Его царство со столицей в Цзянкане (современный Нанкин) получило название Восточное Цзинь. Китай таким образом разделился на северное и южное государства [53, с. 157–158].

На Севере Ши Лэ истребил царский род и включил в число управляющих буддийских монахов. Его правление оказалось недолгим. Северные кочевники, тибетцы и т.п. постоянно боролись за власть. Северный Китай распался на множество мелких полугосударственных образований. На рубеже IV — V вв. вождь тюрков и монголов, поклонник китайской культуры Тоба Гуй основал к северу от Китая царство Тоба. Тоба Гуй установил ранги чиновников по китайскому образцу, но они передавались по наследству. К 430 г. преемники Тоба Гуя сумели захватить всю северную половину Китая и провозгласили основание династии Северная Вэй. Восьми тобейским и пяти китайским фамилиям присвоили высший ранг. Браки разрешалось заключать между равными по статусу. Территориальное управление также устроили по китайским образцам. Религиозные обряды кочевых народов перестали отправлять. При дворе велено было носить китайскую одежду и говорить только на китайском языке. В армии основную силу составляла китайская пехота. Приветствовались межнациональные браки. Столицу перенесли в Лоян. Род тоба Гуя принял китайскую фамилию Юань и стал вести происхождение от легендарного жёлтого императора Хуан Ди. Император Вэй-ди, правивший в 467 — 469 гг., искренне считал себя китайцем. Правители исповедовали и всячески поддерживали буддизм. На севере теперешней провинции Шаньси в пещерах был создан огромный буддийский храмовый комплекс Юньган, включающий монастырь. Из Индии приходили сотни буддийских миссионеров, тысячи паломников отправлялись в Индию. В деревне была принята китайская надельная система, правда на женщину земли давали вдвое меньше. Подняли роль старост общин и усилили круговую поруку. Росли города и развивалась торговля. Лоян стал большим красивым городом. Там построили пагоду Юн-мин высотой более сотни метров со шпилем почти такой же длины. Улица Бронзовых страусов по всей длине была украшена изображениями животных и птиц. Восстановили Шёлковый путь, и особенно оживлённую торговлю повели с Согдианой и Ираном. Оттуда в Китай поступали лошади, оружие, ковры, шерстяные ткани, стеклянная посуда, приходили выступать музыканты, танцовщицы, акробаты, факиры [53, с. 158–162].

На Юге в царстве Восточное Цинь преобладали северные аристократы. В государственной администрации одни кланы получали престижные и доходные «чистые» должности, простые люди — «грязные». Знатные фамилии даже внесли в особые списки, разбив их на категории по значимости. Межклановые войны стали повседневностью, что несколько раз кончалось сменой династий. Отдельные полководцы и аристократы порой даже нападали на Север, но большинство предпочитало торговые и дипломатические отношения. Расцвет Юга связан с именем Сяо Яня, правившего в 502–549 гг. Он всячески поддерживал образование, восстановил экзамены для чиновников, провёл финансовую реформу, поменяв медные деньги на железные [53, с. 164–165].

На Севере начались конфликты между тобейцами и китайцами. В 523 г. тобейцы подняли мятеж в северных областях, начались набеги тобейцев и мятежи. В результате Северная Вэй разделилась на Северное

Ци и Северное Чжоу. Северные полководцы не раз вторгались и разоряли Юг. Однако в 577 г. Северное Чжоу завоевало и присоединило Северное Ци, а в 581 г. власть захватил китайский сановник Ян Цзянь, который объявил себя императором и основал династию Суй. В 589 г. его армия преодолела Янцзы и быстро завоевала Восточное Цинь [53, с. 165–166].

Правивший в 581 — 604 гг. император Ян Цзянь был хорошо образованным человеком, исповедовал буддизм, был сторонником конфуцианства и уважал даосизм. Лао-цзы даже почитался как святой. Вместе с тем при Ян Цзяне был составлен свод законов, где в преамбуле император выражал надежду на наступление времён, когда не потребуется исполнять наказания. Сами наказания смягчили. Китайцам всегда была свойственна патриотическая приверженность к империи, и Ян Цзянь был непримирим к неисполнению указаний из центра. Число цензоров увеличилось. Было создано множество тайных агентов, которым вменялось в обязанность провоцировать должностных лиц взятками и подношениями. Поддавшихся искушению сурово наказывали, даже смертной казнью. Жестоким было наказание и за изготовление и даже хранение оружия. Ян Цзянь привлекал учёных на службу. Восстановили экзамены на учёную степень для кандидатов на госслужбу. Отстраивали города. Горожане объединялись по роду занятий в самоуправляемые (хотя всегда подчинялись чиновникам) туани и ханы, напоминающие цехи и гильдии, селились отдельными кварталами, на рынках имели свои ряды. При Ян Цзяне уменьшили налоги, военных поселенцев переподчинили гражданским губернаторам, отменили налоги на соль и алкоголь, повысили роль сельской общины. Надельная система была распространена на всю страну. Высшая наследственная знать продолжала владеть землёй. Тем, кто имел титул вана полагалось 10 тысяч му (более 600 га). Много земли сохранили «сильные дома». Однако много земли перешло в государственный фонд, из которого некоторые служащие получали кормление с земель, к которым были прикреплены крестьяне, но большинство получало два раза в год жалование зерном [53, с. 167–170].

Наследник Ян Цзяня Ян Гуан правил в 604–618 гг. Он ввёл экзамен на «цзинь-ши» («продвинувшегося мужа»), во время которого надо было показать особый дар в литературе. При Ян Гуане развернулись многочисленные стройки. Прежде всего это — Великий канал, протянувшийся от лежащего к югу от Янцзы Ханьчжоу на север примерно до современного Пекина, значительно севернее Хуанхэ. Во время прокладки канала углублялись и расширялись старые каналы, прорывались новые и сооружались многочисленные шлюзы. С юга стало возможным быстро доставлять на север рис, а, если нужно, и войска. Вдоль канала были проложены обсаженные деревьями дороги с почтовыми станциями. На стройке трудилось не менее полумиллиона. Впервые привлекали и женщин. Плохо работавших ждало наказание, уклоняющихся от работы могли казнить. Рыли и исправляли и другие каналы. Столицу Ян Гуан перенёс в Лоян. Десяти тысячам знатных семей было велено

поселиться вокруг императорского дворца. Для знати были построены прекрасные дворцы с великолепными парками с редкими растениями и животными и множеством развлечений. В отстраивании столицы участвовало ещё более народа, чем при сооружении Великого канала. Более миллиона строителей перестроило и продлило Великую стену, что было необходимо для сдерживания экспансии западного и восточного тюркских каганатов. Попытка захвата корейских государств не увенчалась успехом. Дезертиры, мобилизованные на трудовые повинности и разорённые налогами крестьяне занялись разбоем. В 617 г. наместник Тайюана князь Тан Ли Юань поднял армейский мятеж. К нему пристало несколько тюркских вождей с помощью которых была захвачена Чанъань. Ли Юань стал основателем династии Тан [53, с. 170–173].

Возрождение империи

Новый император Ли Юань (566–635 гг.) поставил на учёт каждого жителя страны. Были выделены следующие возрастные категории: от 1 до 4 лет; от 4 до 16; от 16 до 21; от 21 до 60 (Взрослые трудоспособные люди.) и от 61 и старше. Каждый взрослый получал надел (включающий пахоту и садово-огородно-тутовый участок) в 80 му, который мог попасть в передел. Купцы и ремесленники могли получить половину надела. Женщинам, за исключением вдов, землю не давали. Трудовую повинность сократили до 20 дней. С ткачих незерновой оброк взимался серебром или баранами. Продавать или закладывать разрешалось только садово-огородно-тутовый участок. Пашенную землю продать или заложить разрешалось только в исключительных случаях, но они постепенно учащались. Круговая порука крестьянских дворов сохранялась, что позволяло поддерживать авторитет деревенских старшин, сохраняющих самоуправление и становящихся нижним звеном государственного управления, занятым, в частности, сбором налогов. За ремесленниками и торговцами также был установлен строгий надзор. Каждый рынок получил управляющего, который должен был регистрировать и проверять все лавки, следить за качеством товара и мерами длины и веса [53, с. 173–176].

В 636 г. стал императором Ли Шиминь (599–649 гг.). Он придерживался даосизма, проявлял интерес к буддизму и руководствовался учением конфуцианца Ван Туна (584–617 гг.) о принципе цзин цзи («гармонизации мира ради блага народа») и дал его ученикам хорошие должности при дворе. Ли Шиминь призывал смело высказывать всяческую критику, и самый талантливый из его советников Вэй Чжэн так и поступал. Император не терпел коррупции на местах и дважды устраивал тотальные ревизии, кончавшиеся «страшными судами» над нечестными чиновниками. Иногда доклады чиновников и имена чиновников он вывешивал в спальне, чтобы обдумать положение дел и повысить или понизить чиновников. Ли Шиминь избегал излишних трат, чтобы не перенапрягать народ, но приходилось вести войны с

Западным тюркским каганатом и мелкими государствами в оазисах на Великом шёлковом пути. Длительная война с уйгурами окончилась успехом. Китайские крестьяне даже переселялись на целину на территории бывшего Западного каганата. Только в Корее китайцев ждала неудача. С Японией отношения были хорошими, и в столичных высших школах обучались японские студенты, позаимствовавшие иероглифы. В 647 г. заключили мир с Тибетом, закрепили его династическим браком, и в Лхасе обосновались китайские чиновники, военные и купцы. В это время из Средней Азии прибыли монахи-несториане. Их вера вызвала интерес при дворе, и вскоре в Чанъани появились две церкви. Очевидно, тогда же появились и первые мусульмане. Буддизм уже принял в Китае форму чань-буддизма, включающего даосские и конфуцианские элементы. Чаньские наставники предлагали избегать уединения и медитаций, потому что истинная природа человека может проявиться и в повседневной жизни. Торговые связи Китая распространились теперь дальше Индии и Персии до Византии, откуда тоже стали поступать товары. Сами китайцы совершали паломничество в другие страны, торговали и путешествовали. Сюань Цзань побывал как паломник в Индии, исходил среднеазиатские страны и описал свои путешествия в книге «Записки о западных странах периода великой династии Тан» [53, с. 176–179].

Китайское общество эпохи Тан, согласно конфуцианским канонам, должно было делиться на «верхи» и «низы», и, действительно, разные слои общества строили разные дома, носили разную одежду, придерживались определённого этикета. Наследственная аристократия всегда выделялась в обществе. За особые заслуги любой мог получить почётный титул (сопоставимый с европейской феодальной титулатурой), но обычно титулы доставались аристократам. Титулы и ранги аристократов нередко стояли выше рангов чиновников. Надёлы земли также соответствовали титулам и рангам. Эти надёлы наследовались, но всеми наследниками, что вело к дроблению надёлов. Часто почётный ранг передавался потомку с понижением на ступень. Таким образом с течением поколений немало аристократов теряло и землю и ранги, а за провинности можно было стать даже простолюдином. Тем не менее, благородство всегда учитывалось при продвижении по службе, но постепенно личные заслуги стали цениться выше. При Ли Шимине уже можно было подняться из низов даже до «канцлера правой руки». Чтобы сделать карьеру нужно было сдать государственные экзамены, получить степень шэньши («учёного мужа»), что давало преимущества при назначении на должности [53, с. 181].

Китай, согласно официальному мировоззрению, являлся страной Поднебесной, и духовную связь между Небом, Землёй и царственными предками призван был осуществлять император, Сын Неба, получивший Мандат на правление. Ещё он должен был обеспечивать всеобщую гармонию и заботиться о благе своих подданных. Ниже Сына Неба располагались его «любимые сыновья» — чиновники, а под ними — простолюдины. Структура общества составляла как бы единый организм, в котором от Сына Неба распространялась жизненная сила, доходящая до

каждого низкого подданного. У императора было два цзайсяна (канцлера) из членов императорского дома или высших сановников. Кабинет министров, совет двора и государственная канцелярия были главными государственными учреждениями. При кабинете министров было 6 ведомств. Ведомство ритуала исполняло обряды и церемонии, включая религиозные культы, следило за религиозными организациями, образованием и нравственностью подданных, а также деятельностью других пяти ведомств, принимало и отправляло посольства. Ведомство чинов осуществляло контроль за набором чиновников, их назначением, перемещением (Нельзя было занимать должность более 3 лет.) и продвижением по службе. Финансовое ведомство вело учёт государственных монополий, земельных наделов и налогоплательщиков, следило за правильностью налогообложения и сбором налогов. Военное ведомство отвечало за комплектацию войска, подготовку военных, обеспечение их всем необходимым, за охрану границ и военные поселения. Ведомство общественных работ определяло фронт необходимых работ и обеспечивало их выполнение. Ведомство наказаний курировало суды (следа за правильностью судопроизводства) и тюрьмы. Отдельно стояли палата инспекторов и цензоры, обязанные следить за всеми гражданами. При дворе императора были учреждения по обслуживанию персоны императора, его казны, дворцов. [53, с. 181–183].

Областные органы управления подчинялись столичным, уездные — областным. В уезде начальником был чиновник, руководивший органами деревенского и городского самоуправления. Роль добровольных и бесплатных помощников уездного чиновника охотно брали на себя главы «сильных домов». «Сельские старосты вели списки жителей общины, следили за ходом земледельческих работ, за шелководством и шёлкопрядением, отвечали за полную и своевременную уплату налогов, отправляли людей на выполнение повинностей, следили за порядком в деревне, организовывали религиозные церемонии и празднества. В экстренных случаях поднимали односельчан на борьбу со стихийными бедствиями или на поимку беглых преступников» [53, с. 183]. Самоуправление распространялось даже на пятидворки. Наёмными помощниками были преимущественно писцы. Курьерами, посыльными, носильщиками обычно были крестьяне, отбывающие трудовую повинность. Информационные потоки шли непрерывно снизу вверх.

В 737 г. был издан законодательный кодекс. Его мировоззренческой основой стали конфуцианские положения, включающие представления о первоэлементах, о силах ян и инь, о мировой гармонии и роли человека в её поддержании. Необходимость соблюдения гармонии требовала наказания нарушающего её преступника. Гармония включала также соблюдение патриархального порядка в семье. «Десять мерзостей» составили тяжчайшие преступления. Мерзостью считалось отцеубийство, а также покушение на убийство и избивание родителей, дедов и бабок, осквернение гробниц и часовен предков, которые карались смертью. Столь же тяжкими были преступления против Сына Неба, поджог и осквернение императорских гробниц и дворцов, мятеж, измена и колдовство. За

страшнейшие преступления могли казнить не только самого преступника, но удушить его отца и сыновей, а других ближайших родственников обратить в рабов и у всех конфисковать имущество. Если будет усмотрена недостаточная скорбь по покойным родителям, можно получить наказание вплоть до ссылки навечно. Если жена осмелится ударить мужа, то может поучить год принудительных работ. Наложнице за это полагалось полтора года. Нарушение придворного этикета, как и должностные проступки, считалось серьёзным преступлением. К последним относилось, например, промедление в исполнении указания и даже — в его регистрации. От телесного наказания можно было избавиться, согласившись на понижение в ранге, но понижение в ранге означало «потерю лица» (утрату авторитета), что считалось страшнее избиения палкой. Особенно жестоки были наказания для высшего чиновничества, вплоть до перевода в простолюдины. Учитывалась и разница в социальном положении. Если обидчик занимал значительно более высокое положение или даже был в родстве со знатной особой, его наказание смягчалось. Хозяин, забивший насмерть виновного раба, подлежал ста ударам тяжёлой палкой, раб даже нечаянно причинивший смерть господину подлежал смерти [53, с. 180–184].

В 60-х гг. VII в. китайцам удалось завоевать северокорейское царство Пекчэ. В войне было захвачено 200 тыс. пленных. Северные Пекчэ и Когурё стали китайскими губернаторствами, южнокорейская Силла признала вассальную зависимость. На севере Вьетнама в 679 г. учредили наместничество. В 680 г. был окончательно разгромлен Тюркский каганат [53, с. 185].

При императоре Гао-цзуне (649–683 гг.) была усовершенствована система экзаменов для кандидатов на госслужбу. Теперь они должны были знать не только тридцать конфуцианских трудов, но классические даосские сочинения. По инициативе императора стали издавать за казнённый счёт серию антологий китайской литературы. В частности, была издана книга «Биографии великих женщин». Много буддийской литературы перевели на китайский язык. В 666 г. император совершил старинный обряд поклонения Небу и Земле на священной горе Тайшань [53, с. 185–186].

В правление Гао-цзуна всё больше и больше власти забирала его жена У-хоу, зверски расправлявшаяся с возможными соперниками и соперницами. После его смерти в 683 г. она возвела на престол сначала одного сына, затем другого. Снизив налоги и уменьшив повинности крестьян, У-хоу подняла налоги на горожан. Опасаясь аристократов, она устраивала на них бесконечные репрессии. Повсюду стояли урны для доносов. Оговоры под пытками множили казни. В 688г. У-хоу объявила себя императором. Любовники сменяли друг друга и отправлялись в небытие. Лишь в 705 г. У-хоу была низложена, но и за нового императора с помощью евнухов правили его жена и её дочь. Однако и за его сына правила сестра. Лишь в 712 г. у власти оказался внук У-хоу Ли Лунцзы, назвавшийся императором Сюань-Цзуном, который после устроенных против него сестрой заговоров позволил ей совершить

самоубийство [53, с. 185–190].

Сюань-цзун (685 — 762 гг.) правил с 713 по 755 гг. Ему пришлось наводить порядок после правления предшественниц. Чтобы избавиться от безземельных бродяг, он предложил им селиться на предоставляемой земле в нужных местах. 800 тыс. человек осели и стали платить налоги. Относительное спокойствие на границах позволило сократить милицию, пограничные гарнизоны и посадить часть воинов на землю. Создали новые соляные шахты. Казённые зернохранилища пополнили. Чиновники, получавшие два раза в год зерно и каждый десятый день — выходной, работали чётко, упростив и усовершенствовав документооборот. Податной возраст и возраст привлечения к трудовой повинности увеличили с 21 до 23 лет [53, с. 190–192].

Экономия коснулась даже расходов на дворец и церемонии, но «Академия Ханьлинь» хорошо субсидировалась. В академии создавались труды в разных областях знаний. Там собирали старинные тексты, сами тексты с табличек и свитков переписывали на бумагу, а тем, кто их приносил, отмеряли немного шёлка. В специальном учёном ведомстве на основе летописей, указов и прочих архивных документов писалась прошлая и современная история. Восемь историй охватывали сведения о династиях, правивших с I по VII вв. Сюань-цзун как приверженец даосизма основал даосские школы, увеличив количество даосских трактатов, знание которых требовалось на экзамене на учёную степень. Для сдачи экзамена на «продвинутого мужа», открывавшего дорогу к 4 и 5 рангам (позволяющим присутствовать на дворцовых церемониях) требовалось сочинить стихотворение. Некоторые стихи перекладывали на музыку. Поэты Ли Бо, Ду Фу и Ван Вэй вошли в число мировых классиков. Назвав время своего правления по даосски: «Небесное сокровище», Сюань-цзун предписал в каждом доме поместить на видном месте лист с изложением основных принципов даосизма [53, с. 192].

При дворе находились и буддийские монахи, но не оказывали влияние на официальную идеологию. Тем не менее, строились пагоды, буддийская скульптура и фрески привлекали внимание, буддийские монастыри уже имели множество паломников, ремесленных мастерских, торговых предприятий, владели огромными земельными участками, садами, лесами и копиями. У них было множество арендаторов, батраков и рабов. Монастыри вели ростовщические операции, выдавая векселя, которые можно было оплатить в любом буддийском монастыре, что оберегало торговцев от грабежей в путешествиях. Поскольку крестьяне всё чаще стали уходить в монахи, монастыри поставили под контроль. Сократили численность мирских буддийских общин и деревенских кумирен. Некоторых крестьян вернули на землю. Однако буддизм оставался привлекательным благодаря обещаемой возможности любому через очищение от грехов достичь вечного блаженства. Кроме того буддисты широко занимались благотворительностью. Буддийские монахи лечили больных. В монастырях устраивали впечатляющие празднества. Постепенно в китайской религии сложился синкретизм из конфуцианства, даосизма и буддизма [53, с. 194–195].

Сюань-цзун продолжал рассматривать Поднебесную как империю, стоящую во главе мира. Принимая посольства, император передавал им регалии власти вассалов империи. Многие смотрели на эти церемонии как на формальность, другие вели политику в интересах Китая [53, с. 197].

Несмотря на запрет купли-продажи части надела, являющегося частной собственностью, деревенские богатеи, купцы и чиновники скупали землю, иногда заставляя её продавать, для чего, например, оставляли крестьянский надел без воды, перекрывая каналы. Крестьяне беднели. В середине VIII в. Корея вышла из подчинения у Китая. В 751 г. арабы разбили китайскую армию при Таласе, перекрыв Великий шёлковый путь. Кидани, тибетцы, уйгуры и южнокитайское государство Наньчжао нападали на империю Тан с разных сторон. Оборона требовала расходов, повышения налогов и повинностей. Губернаторы пограничных провинций, командуя гарнизонами стали прибирать к рукам и гражданскую власть. В 755 г. один из командующих Ань Лушань поднял мятеж. Сыну Сюань-цзуна Су-цзуну к 757 г. удалось разбить мятежников. В результате всех несчастий китайцы стали приходить к мысли, что династия Тан «утратила лицо». Военные командиры стали прибирать на местах гражданскую власть, сохраняя за собой высокие должности в столице. После Су-цзуна на престол вступил Дай-цзу, которому пришлось отбиваться от множества врагов, продавать добычу соли и сбор чая предпринимателям, которые обязаны были продавать свою продукцию государству, которое перепродавало её торговцам [53, с. 197–200].

После Дай-цзуна правил его сын Дэ-цзун, при котором его первый министр Ян Янь провёл ряд реформ. Поскольку из-за разорения крестьян число налогоплательщиков резко сократилось, согласно указу 780 г., объектом налогообложения стала единица площади земли с учётом её качества. Теперь запреты на куплю-продажу земли отменили. Налоги натурой или деньгами крестьяне должны были платить уже летом и осенью, потому что могли собирать в год два урожая. Подходящим налогом обложили ремесленников и торговцев. Попытка собирать налоги с территорий, где хозяйничали получившие власть высшие аристократы, не удалась [53, с. 200–201].

С 805 по 820 гг. правил внук Дэ-цзуна Сянь-цзун. Реформы его министра Ян Яня стали приносить плоды и большую часть провинций удалось подчинить центру (53, 201–202). После его смерти наступил длительный период дворцовых интриг, в котором активно участвовали евнухи. Лишь при внуке Дэ Цзуна У-цзуне, правившем в 840–846 гг. его первый министр, член Академии Ханлинь, Ли Дуй наладил работу правительства и обуздал евнухов. Ему удалось разгромить уйгуров на Западе и замирить кыргызов на Северо-Востоке [53, с. 202–204].

В 845 г., согласно его указу, у буддийских монастырей были конфискованы земли, строения и несметные сокровища, включая большую часть утвари (Изделия из драгоценных металлов пошли в переплавку и многие произведения искусства погибли.). Монахам оставлялось только личное

имущество, и, чтобы его не потерять, четверть миллиона монахов ушла из монастырей и стала платить налоги, которые взимались с частных лиц. Несмотря на нападки буддизм достаточно крепко укоренился в идеологии китайцев. Даже эти конфискации не сумели наполнить казну, и правительству пришлось уменьшать вес монеты и усиленно бороться с контрабандистами, подрывавшими госмонополию на соль и чай [53, с. 205].

После смерти У-цзуна его дядя Сюань-цзун, правивший в 846–859 гг., проявил себя как приверженец всех тонкостей придворного этикета. Однако ему удалось подчинить себе большую часть провинций, подавить крестьянские мятежи, но приходилось тяжело бороться с речными пиратами и контрабандистами. В конце правления Сюань-Цзуна и особенно после его смерти поборы приняли невыносимые формы. Стихийные бедствия ухудшили положение. В 859 г. разгорелось восстание в южной провинции Чжэцзян. К крестьянам примкнули местные гарнизоны. Восставшие делили захваченные ценности, «по справедливости» распределяли содержимое казённых и монастырских амбаров. На побережье 30-тысячная армия мятежников занималась грабежами. К северу от столицы действовал увеличившийся гарнизонный отряд. Правительство с трудом подавило восстание [53, с. 205–207].

После смерти Сюань-цзуна, который не назначил преемника, евнухи устроили интриги, в результате на трон был возведён старший сын Ю-цзинь. Самым значительным деянием его правления был перевод на китайский буддийской «Алмазной сутры». Устроив в 868 г. праздник по случаю поклонения мощам Будды, он вскоре скончался. Тогда евнухи возвели на престол его пятого сына Ци-цзиня. Евнух Тянь Линцы и министры конфуцианцы некоторое время поддерживали порядок [53, с. 207–208], но стихийные бедствия (например, нашествие саранчи) заставили обедневших крестьян платить всё те же налоги, некоторым из которых приходилось выламывать из стен балки на продажу и продавать в кабалу детей. Крестьянские бунты разрастались. В 874 г. восстание перекинулось в Чжунго («Срединное Государство»). Грабежи доводили народ до отчаяния. Правительство стало формировать из простого народа отряды самообороны. В 879 г. восставшие под водительством торговца солью и контрабандиста Хуан Чао, объявившего себя «великим полководцем, штурмовавшим Небо» вошли в Чанъань. Убивали знать и чиновников, грабили богачей, дома, в которых не находили ничего ценного поджигали, раздавали беднякам ценности и шелка. Хуан Чао провозгласили императором. Новому императору пришлось прекратить разбой, дать высокие назначения соратникам и вернуть к управлению чиновников. Однако порядка в стране (кроме столицы) навести не удалось. Тем временем обосновавшийся в Сычуани император Ци-цзинь собирал силы. Вскоре император и Тянь Линцы поставили во главе армии вождя ряда тюркских племён Ли Гоюня, который разбил Хуан Чао. Заняв столицу, император нашёл всеобщее разорение. Его власти подчинялись лишь три центральные провинции. Кочевники хозяйничали в приграничных провинциях, в других местах — самочинные губернаторы и атаманы разбойников. После конфликта с Ли Гоюнем и бегства, император вернулся

в Чанъань, изгнал Тянь Линьцзы, но в 888 г. умер [53, с. 212–213]. Его преемником стал младший брат Чао-цзинь, правивший в 888–904 гг. Бесконечные аристократические войны и придворные интриги привели к убийству этого умного и способного императора. В 904–907 гг. правителем стал двенадцатилетний сын покойного императора Ай-ди, но в 907 г. его сверг и убил образованный, но жестокий полководец Чжу Вэнь, объявивший себя императором и основателем династии, получившей позднее название Поздняя Лянь [53, с. 214].

Империя в переменных границах

Эпоха с 907 по 960 гг. характеризовалась распадом Китая на множество государств, среди которых на Севере сменилось пять династий, а на Юге десять царств. Везде верховодили разного рода военачальники. Дольше всех продержался в управлении «никогда не унывающий старик», сановник Фэн Дао (882–954 гг.), ухитрившийся пережить четыре династии и десять императоров. В междоусобной борьбе погибла Чанъань и заросла кустами, немного позже разграбили Лоян, где сгорели дворцы и книгохранилища. Разрушилась мелиоративная система. В 916 г. вождь монгольского союза племён киданей объявил себя императором киданьского царства Ляо. Захваченные в плен китайские чиновники наладили ему систему управления по китайскому образцу. В царстве Ляо появились большие города с торговлей, разрабатывалась соль и металлические руды. Правители районов Северного Китая часто нанимали для помощи в своих разборках киданьских всадников, а потом расплачивались с ними шёлком и территорией. Вскоре в царство Ляо вошло 16 уездов провинций Хэбэй и Шаньси, а столица переместилась на место современного Пекина. На Юге в результате крестьянского восстания сократилось число крупных и появилось много мелких землевладельцев. Переселявшиеся с Севера крестьяне получали здесь сносные условия аренды, осваивали пустоши, восстанавливали ирригацию. В городах стали разворачиваться ремесленники и купцы. Сычуаньский военачальник, объявивший себя князем, привлёк к управлению опытных чиновников и учредил монополию на добычу соли и торговлю чаем. Вскоре в Сычуань потянулись поэты, художники, учёные, которые начали печатать ксилографическим методом признанные священными даосские трактаты. За 30 лет были изданы также конфуцианские сборники в 130 томах. В конце эпохи на Севере возникло государство, где правители последней династии — Поздняя Чжоу решили возродить Поднебесную, защитившись от Ляо [53, с. 214–216].

В 960 г. военачальник Чжао Куаньинь, взявший столицу, был провозглашён императором Тай-цзуном и основал династию Сун. Для избежания ошибок, он распорядился приводить в исполнение смертные приговоры только после его утверждения. Он вернул экзаменационную систему, чтобы окружить себя советниками и министрами с высокими учёными степенями. Помимо знати и «сильных домов» теперь порой

и крестьяне старались дать сыну образование, чтобы получить хорошую должность. Знатные люди иногда к трёхлетнему сыну приглашали учителей. Обладатели степени шэньши и некоторые сотрудники государственных учреждений: книгохранилищ, архивов и т.п., — нередко открывали частные школы. Школы открывали «сильные дома» и даже крестьянские общины. С уездного уровня и выше (вплоть до столичных академий) существовали казённые школы, где многие ученики были детьми шэньши. Особенным престижем пользовались школы, во главе которых стояли известные наставники. Такие школы порой получали статус академии. Академии появились не только в столице. Академия в Иньтяне, которой покровительствовал градоначальник Ян Шу, считалась «питомником талантов». Казённых учебных заведений насчитывалось до 1100, а число учащихся достигало 200 тыс. В кайфынском Императорском университете обучалось 3 800 студентов. Классическое образование государственного служащего начиналось с 7–8 лет и продолжалось лет 12–13. За провинности наказывали поркой. Хуже всего было обличение учениками, науськанными учителем, которое могло привести к «потере лица». Приходилось изучать основы религии и даосской и конфуцианской философии, основы государственной службы, церемонии, некоторые законы и математику. В течение первых 7 лет требовалось изучить тексты, содержащие более 400 тыс. иероглифов. Изучение конкретной области знаний и экономики считалось даже вредным, мешающим принимать верные решения, исходящие из общих принципов. Экзамены на учёную степень проводились раз в 3 года по всей стране. Кандидатами не могли быть торговцы и ремесленники, даосские и буддийские священники и писцы, у которых были свои экзамены и своя служебная лестница. Кандидат должен был представить характеристику от местного начальства, свидетельствующую о его добропорядочности, почтительности к родителям и старшим и чистоте его рода, в котором не было осуждённых за одну из «десяти мерзостей». Экзамены проводились в два этапа. Весной несколько сот тысяч соискателей сдавало предварительные экзамены на степень цзюйжень. Тысячи сдавших отправлялись в столицу, где сдавали экзамены по тем же предметам письменно. Их ответы переписывались, чтобы экзаменаторы не знали имён кандидатов. Те, которые стремились на дворцовые должности, должны были сдавать ещё литературу, чтобы получить степень цзинь-ши. Из семисот соискателей, звание получало лишь несколько десятков. Экзамены можно было пересдавать в последующие годы. Нередко ученики и учителя использовали всевозможные уловки для плохо подготовленного кандидата, чтобы он сдал или не сдал экзамен. Шэньши превращались в особое сословие, которое получало своеобразные знаки различия на одежде и в жилище. Детям высших сановников предоставлялась раз в три года возможность занять высокую должность «по праву рождения» без учёной степени. Когда же сановник получал ещё более высокое назначение, всей его родне поднимали ранги на одну ступеньку. В рассматриваемую эпоху аристократия и чиновничество, особенно их высшие слои, исходя из конфуцианского порядка, пришли

к убеждению о необходимости для нижестоящих беспрекословно слушаться начальство [53, с. 218–222].

Власть в провинциях была отдана губернаторам. Гарнизоны стали подчиняться императору и военному ведомству, военные округа остались лишь в пограничных районах и были поставлены под строгий контроль. Провинциальные, областные, окружные и уездные администрации контролировались присланными из центра уполномоченными, которыми управляли столичные кураторы. На местах создавались дополнительные органы управления с неопределёнными обязанностями, которым при необходимости диктовали задачи из центра. Численность армии к середине XI в. достигла полутора миллионов. Её большую часть составляли наёмники. Ими могли быть даже бывшие бандиты и осуждённые преступники, которым за службу прощались значительные преступления. В армии также была введена система зкзаменов. В Кайфыне была создана гвардия — «войско запретного города» [53, с. 218–219].

В сунскую эпоху продолжала сохраняться свободная купля-продажа земли. Это привело к тому, что «сильные дома», военачальники, чиновники, торговцы и преуспевающие ремесленники скупали землю, а всё больше и больше крестьян оставалось без земли. Крупные землевладельцы к тому же осваивали пустующие земли. Обезземеленные крестьяне составляли уже 35 — 40% населения. Они вынуждены были арендовать землю у богачей за половину и более урожая и выполнять повинности для хозяев земли. Богачи же старались всеми силами не показывать начальству земельные приобретения, чтобы не платить с них налоги. В результате более чем с 60% обрабатываемой земли не поступали налоги, и половина её принадлежала крупным собственникам. Помимо посильного подушного налога, выплачиваемого рисом или деньгами, крестьяне выполняли трудовые повинности, но чиновники могли использовать их дополнительно как охранников, рассыльных, носильщиков и даже как слуг. В случае войны или стихийного бедствия опять брали чрезвычайные налоги. Государственные монополии на чай, соль, дрожжи, уксус, спиртное значительно повышали цены. Вороватые чиновники ухитрялись увеличивать налоги, требуя добавки на утряску и усушку, несколько раз пересчитывали натуру на деньги и обратно. В результате этих ухищрений налоги вырастали в несколько раз. Такое отношение приводило к восстаниям. Иногда они принимали религиозную окраску, например, в связи с ожиданием «Будды грядущего» [53, с. 223–224].

В 1068 г. начались реформы Ван Аньши, советника императора. Прежде всего землемеры выявили площади, укрываемые от налогов. Если крестьянин не мог уплатить какие-то подати, то мог их отработать. Трудовую повинность можно было заменять и денежным налогом. Зная, что разорению крестьян во многом способствовала ростовщическая деятельность крупных землевладельцев, собиравших с крестьян лишних 100, а то и 200% зерна взамен отданного в долг, Ван Аньши значительно расширил сеть казённых амбаров. Теперь крестьяне одалживали там зерно за небольшой процент или под залог «зелёных побегов» и могли купить его значительно дешевле, чем у богачей [53, с. 226–227].

Сельское хозяйство по сравнению с прошлой эпохой почти не изменилось. Пахали плугом с двусторонним лемехом, реже сохой, которые тянули буйволы, реже мулы, ещё реже лошади. Пользовались и мотыгой. Сеялки помогали разбрасывать зерно. Затем поле боронили. Убирали колосья длинными серпами. Молотили катками. Веяли лопатами. На террасы рисовых полей воду поднимали с помощью колеса, которое вращали ногами. Насаждались лесозащитные полосы. Семена отбирали. В Южном Вьетнаме позаимствовали урожайный рис. Из Средней Азии и с островов Индийского океана завезли хлопчатник. Чая выращивать стали больше. Тутовые деревья сажали как в деревне, так и вокруг городов. Богачи заводили шёлкоткацкие предприятия, особенно на Юге. Было уже несколько десятков сортов шёлковых тканей. Из шёлка делали уже декоративные панно. Осваивались новые и неудобные земли, для чего осушали болота и озёра. Участки от затопления окружали дамбами высотой до 6 метров. По ним прокладывали дороги и вдоль них сажали деревья. На сухих землях рыли колодцы. Власть занималась организацией мелиоративных работ. Крестьянский труд считался уважаемым [53, с. 228–229].

Городское население в некоторых областях составляло 20–25% населения. Вокруг городов были крепкие стены. Ранее городские кварталы были разгорожены, в эпоху Сун перегородки убрали. Улицы стали оживлёнными. Расширяющиеся города обрастали слободами. Планировка городов и усадеб была прямоугольной. Императорский дворец с парком или административная управа располагались в центральной части. Крупные административные центры разделили на сектора. В каждом секторе была своя администрация, полиция, суд и пожарная часть с пожарной каланчёр. «Значительную часть жителей города составляли чиновники, а также члены их семей, помощники и слуги. В крупных городах, тем более в столице эта категория составляла до трети городского населения. Здесь же проживала земельная знать титулованная, но больше просто владетельная (верхушка «сильных домов»). К ней примыкало богатое купечество, на которое почти перестали смотреть как на лиц неблаговидного рода деятельности. Прочее городское население состояло из множества торговцев, ремесленников, стражников, пожарных, воинов гарнизона, а также всякого специфически городского люда: подёнщиков и носильщиков — кули, погонщиков, лодочников, мусорщиков, ассенизаторов, актёров, акробатов, фокусников, гадалыщиков, нищих, воров, проституток и прочая — всех тех, кого в Китае называли «людьми рек и озёр» (возможно, потому что разбойники и бродяги часто укрывались на островах и в прибрежных камышах)» [53, с. 234–235]. Дома обычно выходили на улицу глухой стеной и скрывались оградой. Дома богачей и даже большинства аристократов были лишь шире и выше, в 2–3 этажа, и не было деления на бедные и богатые кварталы. Городские власти объединяли горожан в ячейки с самоуправлением, связанные круговой порукой, чтобы они обеспечивали сбор налогов и чёткое выполнение указаний. Ремесленники были объединены в цеха — ханы, купцы — в гильдии. Других простых жителей объединяли в пятёрки

и десятки домов. В ханы заставляли объединяться мусорщиков и даже нищих, среди которых давно существовала наследственная специализация по способам добычи подаваний. Различия в одежде обычно объяснялись различиями в ранговой и титульной символике, хотя высшие чиновники и знать передвигались как было предписано: верхом, в экипаже или паланкине. По ночам можно было перемещаться только высшим чиновникам, простые горожане могли подвергнуться наказанием палкой от дежуривших стражников. Бандитские шайки для воровства и грабежа делили между собой улицы и кварталы. Случались и кровавые переделы. Городское хозяйство работало чётко. Было бесперебойное водоснабжение. Следили за чистотой. Если кто-то выплеснул на улицу помой, получал 60 палок. Обозы золотарей обеспечивали ассенизацию [53, с. 232–234].

Обычно родственники заботились о старых и больных. О тех же, кто остался без помощи, заботились буддийские монастыри. Купцы из гуманных соображений или ради престижа помогали беднякам. Признаком хорошего тона считалось делать это незаметно, например, ночью подсунуть деньги под дверь бедняка [53, с. 234].

Кредиты от государства смогли получать и мелкие торговцы, которым стало легче выдерживать конкуренцию. Для наблюдения за торговлей и уплатой с неё налогов было создано своё управление. Помимо общих рынков, появились специализированные: скотные, мясные, рыбные, овощные, цветочные, шёлковые. В определённые дни работали даже лекарственные и антикварные рынки. Были рынки дневные и ночные. Помимо лавочников на улицах торговали лоточники и разносчики. Применяя европейскую терминологию, можно сказать, что в городах работали чайные, бистро, кафе и рестораны, даже плавучие. В некоторых чайных собирались как в клубы соседи, чтобы узнать новости, посмотреть акробатов, фокусников и петушинные бои. В некоторых ресторанах выступали певички, которые могли удовлетворить и половые запросы желающих посетителей. Были также весёлые «водяные чайные домики», были бордели и множество уличных проституток обоего пола. В Кайфыне главным образом для гвардейцев открыли 23 публичных дома. «На красивых женщин спрос был велик повсеместно. Из записок, дошедших до нас из XII в., следует, что жители Ханчжоу «очень радуются, когда у них рождается дочь, и берегут её, словно драгоценную жемчужину. Когда она подрастает, в зависимости от природных наклонностей, её обучают разным искусствам. Одних готовят к тому, чтобы быть певичками в домах высокопоставленных особ. Меньше ценятся девушки свиты, служанки, девушки на подсобных работах, швеи, актрисы, прачки, девушки, искусные в игре на цитре или в шашки, поварихи и кухарки»» [53, с. 236]. Признаком красоты и аристократизма считались маленькие женские ножки, для чего детские ножки туго бинтовали. В результате девушки подготовленные для выдачи замуж в знатные и богатые семьи или в куртизанки с трудом могли передвигаться лишь в хорошую погоду. Большого мастерства достигли парикмахеры, делавшие сложнейшие дамские причёски, например, причёску

«дракон, резвящийся в облаках». Работали специальные агентства, обслуживающие любые нужды горожан. Они могли организовать свадьбу или похороны. Общие поступления налогов от ремесла и торговли, особенно заморской, значительно возросли. Торговле способствовало увеличение сети сухопутных и особенно речных путей. Вместе с каналами водные пути составляли уже около 20 тыс. километров. Ремесленники сами продавали или через купцов такие предметы быта как посуду, шёлковую одежду, обувь, статуэтки и резные украшения, веера, ширмы и т.п. Стали продавать больше изделий государственных мастерских. Ввели государственную монополию на духи. Возросла выплавка металлов благодаря использованию каменного угля. Это увеличило объём чеканки медных и железных монет. Стали больше добывать металлов: золота, серебра, олова, свинца, ртути. Добыча железной руды по сравнению с эпохой предыдущей династии увеличилась в 12 раз, меди — в 30. Умели делать различные сплавы. Из бронзы делали хорошие зеркала. Появились подвесные мосты на железных цепях и даже железные пагоды. Делали фаянс. Научились изготавливать тонкий белый фарфор, красиво и по разному звучащий фарфор. Посуду покрывали красивой глазурью [53, с. 229, 235–238].

Города становились не только местами ремесла и торговли, но центрами культуры. Усовершенствовали книгопечатание методом ксилографии с деревянной матрицы. В 1041 г. простолюдин Би Шэн изобрёл наборный шрифт, но наборная печать не получила широкого распространения, потому что показалась трудоёмкой и непочтительной по отношению к иероглифам [247, с. 230–231]. Театральное искусство достигло расцвета. Чаще все роли (и мужские и женские) исполняла чисто мужская труппа, реже женская. Восходящий к религиозным церемониям традиционный театр показывал пьесы о подвигах героев, борющихся со злыми демонами. Каждый персонаж представлял определённый тип. В опере таковых обычно насчитывалось 16. Каждый тип носил определённую одежду, специфическим образом был загримирован. Цвет одежды мог означать счастье или траур, честность или варварство и т.п. Некоторые предметы, которые актёры держали в руках или добавляли к одежде, символически означали профессию, характер и типаж. Символизма было больше в придворном театре, реализма — в народном. Помимо опер, драм и трагедий уже представлялись фарсы и буффонады. Их символические герои: тщеславные недоучки, воображающие себя великими учёными, вздорные жёны (хотя обычно женские персонажи были добродетельнее мужских) и мужья-подкаблучники, глупые богачи, сексуально озабоченные монахи, простачки-крестьяне вполне сопоставимы с персонажами итальянской комедии масок. В XIII в. в Южном Китае уже появились авторские пьесы с незамысловатыми сюжетами о любви или служебном долге, в которые вплетались традиционные демоны, весёлые пляски, ужимки мимов и другие развлечения. Зрители на часто длящихся часами, а порой и днями спектаклях не только отдыхали в театре (могли пить и есть, разговаривать, подпевать артистам), но переживали за своих героев, а порой чувствовали приобщение к

мифическим событиям с демонами и духами. Конфуцианское чиновничество, очень беспокоясь о добродетелях граждан, не раз пыталось ожесточить цензуру спектаклей. «Указ от 1368 г. гласил, что следует ставить пьесы только о «повиновении законам, богам и небожителям, честных мужах, целомудренных жёнах, почтительных сыновьях и почтительных внуках, что учило бы людей творить добро и наслаждаться великим покоем»» [53, с. 241]. К счастью, такие указы мало повлияли на театр. Популярными были выступления народных сказителей, которых приглашали даже ко двору. В городах было множество цирковых балаганов, где выступали бродячие труппы. Славились фокусники. Дрессировщики животных выступали с такими номерами, в описание которых трудно поверить. Дрессировали медведей, обезьян, мышей, черепах, жаб, лягушек, рыб, лошадей. Даже при императорском дворе создали цирковую школу, гордостью которой были дрессированные лошади, которые не только танцевали под музыку [53, с. 238–241].

Частью китайской культуры стала фэн-шуй — мистическая «наука ветров и вод» (геомантия). Согласно геомантии для жилья, беседки, сада и огорода, даже для могил отыскивали подходящее место, где бы благоприятно сочетались пять стихий, энергии четырёх стран света, влияния 9 определяющих судьбу звёзд, а также определённые пропорции ян и инь. Для этого приходилось менять рельеф, изменять русла, высаживать деревья, что-то достраивать и т.д. В саду надо было посадить определённые виды деревьев, кустов и цветов и определённым образом их расположить. Особенно почитали пионы и хризантемы. Разводили также гортензии, розы, нарциссы, камелии, гиацинты, гранаты, орхидеи. Любили лотосы как воплощение силы жизни и душевной чистоты [53, с. 243–245].

В философи стало распространяться неоконфуцианство. Его известным представителем стал Чжу Си (1130–1200 гг.), который развил учение о высшем законе «ли», который является истиной, идеалом и объединяет моральные и космические принципы. Ли лежит в основе живой энергии «ци», из которой создаётся мир. Действие ли охватывает вселенную и человеческое общество, соединяя их [53, с. 232].

Наёмные войска сократили, воссоздав местные ополчения, которые содержали общины. По приблизительным прикидкам годовой ВВП на душу населения составлял в Западной Европе 300–350 долларов на душу населения, в Индии — 550–650, в Китае 550–650 долларов. Одно из госуправлений занималось социальным обеспечением одиноких стариков и бездомных, другое нанимало врачей для лечения бедняков и раздавало лекарства [53, с. 229].

Уже во второй половине XII в. эффект реформ Ван Аньши ослабел. Начались восстания и набеги северных соседей, которым поставляли множество подарков, сдерживающих от нападений. В 1021–1022 гг. свыше миллиона человек восстало в провинции Чжэцзян. Только подавили это восстание, как восстали восточные провинции. Китайское правительство обратилось за помощью к тунгусскому народу чжурчжэням. В 1115 г. их вождь Агуда объединил чжурчжэней и создал царство Цзинь («Золотое»). Разгромив киданей, Агуда двинулся на Китай.

Весной 1126 г. чжурчжэни подошли к Кайфыну, и напуганное сунское правительство отдало им все земли к северу от Хуанхэ. Такой уступкой многие сановники и чиновники оказались недовольны и возобновили военные действия. Однако в 1127 г. чжурчжэни захватили Кайфын, дошли до Янчжоу, разграбили его и сожгли. Чжурчжэни ограничили территорию к северу от Хуанхэ. Остатки китайского войска во главе с братом императора создали государство Южная Сун со столицей в Ханчжоу. Тут также в 1130 г. вспыхнуло восстание, начатое даосской сектой, агитировавшей за «новый закон», утверждающий равенство. Чжурчжэни, встретившие сильный отпор в восточных провинциях, пошли на создание в провинциях Шаньдун, Хэнань и Шаньси и территории вокруг них вассального государства Ци. В 1142 г. император Южной Сун признал зависимость от чжурчженского Цзинь и обязался ежегодно выплачивать дань, состоящую из 300 тыс. штук шёлка и 300 тыс. слитков серебра. Северная граница теперь была установлена по реке Хуайшуй в междуречье Хуанхэ и Янцзы [53, с. 246–250].

Под властью монголов

В 1209 г. монголы двинулись на чжурчженско-китайскую империю Цзинь. В 1215 г. они захватили столицу Цзинь [247, с. 254], 1234 г. — Кайфын и окончательно покорили империю Цинь, разорив весь северный Китай, и напали на Южную Сун (53, с. 255). Ханчжоу был взят лишь в 1276 г., а последний оплот сопротивления в Китае был завоёван только в 1280 г. «При осаде Ханчжоу обе стороны использовали порох — как в виде бомб, забрасываемых во вражеский стан катапультами, так и в своеобразных огнёмётах — «огненных копьях», низвергающих горючую смесь из закреплённых на их концах трубок» [53, с. 257–258].

Первым монгольским правителем Китая стал провозглашённый ханом в 1260 г. внук Чингис-хана Хубилай (1215–1294). С течением времени, осознав, что эксплуатация Китая может приносить большие доходы, Хубилай решил провозгласить себя Сыном Неба и основателем династии Юань. В 1268 г. он сделал столицей Китая Пекин (сохранив Каракорум в качестве столицы Монголии, а летней резиденции Шанту в 300 км на север от Пекина). Всё, чем обладало население Китая, Хубилай считал своей собственностью по праву победителя. Всё население страны он разделил на 4 страты. Верхний слой составили монголы, ниже них располагались все иностранцы: персы, выходцы из Средней Азии, европейцы. Третий слой составляли жители прежнего государства чжурчженей: чжурчжэни, кидани, корейцы и жившие на территории Цзинь китайцы. Нижний слой составили южные китайцы. Кроме того многие китайцы, сопротивлявшиеся завоевателям, были обращены в рабов. Такого количества рабов в Китае никогда не было. Китайцы не имели права обучаться иностранным языкам, ночью выходить на улицы, иметь оружие и даже объединяться в сообщества. Китайцев

отстранили от управления страной, хотя в 1291 г. по указу Хубилая они получили возможность занимать любую должность ниже губернской (но указ плохо исполнялся). В Южном Китае на чиновничьи должности монголы предпочитали назначать выходцев с Севера. Да и сами китайцы не очень стремились сотрудничать с монгольскими варварами. Шэньши предпочитали заниматься рисованием, литературой, научными исследованиями, преподаванием. Потребность в бюрократическом аппарате покрывалась главным образом за счёт иностранцев: узбеков, тибетцев. Одним из помощников хана Хубилая в 1275–1292 гг. был, например, итальянец Марко Поло. Китай был разделён на 9 областей, управляемых монгольской знатью, однако монголы сохранили многие элементы китайской системы управления, но за управителями областей следили цензоры и инспекторы. Важнейшими считались министерства военного дела и вооружений. Появилось и новое — по розыску животных и людей. Пропавший скот (особенно лошади) несомненно был важен для скотоводов, а среди разыскиваемых людей на первом месте были рабы. «Управление ремёслами и художествами» управляло уже другими (по сравнению с китайскими) учреждениями. В государственных мастерских теперь работало несколько тысяч искусных мастеров, которые трудились на нужды дворца, местных управителей и гарнизонов. Их положение приближалось к рабскому. Кроме того, их также как и крестьян могли отправить вместе с войском для обслуживания завоевательного похода, послать на любую общественную работу безо всяких ограничений. Остальным ремесленникам сохранили цехи-ханы, поскольку с них легче было взимать подати. Сама монгольско-тюркская знать владела обширными землями, которые обрабатывали рабы или крепостные-издольщики. Были восстановлены «служебные наделы» для чиновников, включая китайских. И на Севере, и на Юге сохранились и прежние формы землевладения. Много земель было отписано буддийским монастырям, к которым благоволил великий хан Хубилай. Покровительство дошло до того, что буддийским монахом сошло с рук ограбление усыпальниц императоров династии Сун для захвата средств на ремонт храмов. Налоги у южан были тяжелее, чем на Севере. Сбор налогов у монголов был поставлен чётко. Управления при провинциях проводили регулярные переписи населения и семейного имущества, постоянно обновляя базу данных. Лошади и повозки требовали хороших дорог, и монголы содержали их вместе с почтовыми станциями и постоялыми дворами в полном порядке. Об ирригации монголы не думали, и она пришла в запустение, хотя при Хубилае была начата даже реконструкция Великого Канала. Эти мероприятия способствовали также и усилению торговли. В торговле монголы отдавали предпочтение иностранцам: персам, таджикам и другим иностранцам. Торговцы объединялись в компании — «уртаки», которые собирали порой многотысячные караваны, вели торговлю по старым караванным путям и осваивали новые. Монголы стали вводить в обращение бумажные деньги, что привело к их обесцениванию и стало подрывать и торговлю, и ремесло [53, с. 258–263, 268].

Постепенно монголы стали осознавать, что управлять многомиллионным государством нельзя, не привлекая китайских чиновников, имеющих огромный опыт и знающих местную специфику. Уже в 30-х — 40-х гг. XIII в. монгольские власти предприняли попытку собрать всех конфуциански образованных людей, включая обращённых в рабов китайцев, чтобы отобрать их на службу через традиционные экзамены, чего не позволили внешние события. Однако в 1291 г. вышел указ о создании школ и академий. Стали обучать и монгольских детей и юношей конфуцианскому учению по упрощённой программе благодаря переводам на родной язык, обеспеченный письменностью, созданной уйгурами. При получившем конфуцианское образование императоре Жэнь-цзуне, правившем в 1312–1320 гг., была введена система экзаменов, хотя монголы и иностранцы сдавали их по упрощённой программе и при добавлении им привилегий при назначении на службу. Были добавлены дополнительные экзамены. Среди них медицина. Академиям удалось сохранить некоторую свободу. Собравшиеся там учёные не только преподавали, но собирали и издавали старинные книги. По заказу императорского двора стали составлять историю династий Ляо, Цзинь и Сун, чтобы вписать туда и монгольскую Юань. Культура почти не развивалась, но и не угасала. Лёгкие, красочные представления с песнями и танцами были отдушиной для народа. В последней трети XIII в. китайцы жили в городах, среди которых крупные города были чисты и благоустроены мощёными улицами и тротуарами. В городах были общественные парки со множеством аттракционов. Горожане заботились о гигиене. Вёлся учёт всех прибывающих. Ночью тушили огни, по водяным часам в гонг отбивали точное время, и стражники останавливали прохожих. Между городами были проложены обсаженные деревьями дороги, на которых располагались «ямы» (почтовые станции с постоянными дворами и трактирами) [53, с. 263–265, 270].

Несмотря на пристрастие многих монгольских императоров к конфуцианской системе управления, монгольская знать требовала подачек, разросшееся чиновничество всё глубже погрязало в коррупции, а тем временем ирригационная система приходила в упадок. В 1334 г. Хуанхэ стала менять русло, что привело к наводнениям и восстаниям. Творческие интеллигенты стали сочинять драмы на героические темы. Был написан роман «Троецарствие», повествующий о подвигах китайских богатырей. На ремонт дамб были собраны толпы крестьян. Тайное буддийское общество стало готовиться к пришествию Майтрейи («Будды грядущего»), который должен принести новую счастливую эру и привести к власти новую династию Мин («Светлую»), и стало формировать «красные войска». Крестьяне, трудящиеся на Хуанхэ надели красные повязки. В 1368 г. крестьянский сын Чжу Юаньчжан (1328–1398 гг.) в Нанкине был провозглашён императором новой династии Мин. Его войска вступили в Пекин, однако сопротивление монголов и их сторонников закончилось только через 20 лет [53, с. 273–274].

Возрождение империи и возникновении промышленности

Чжу Юаньчжан (1328–1398 гг.), правивший в 1368–1398 гг., сделал столицей Нанкин, окружив его пятидесятикилометровой стеной. Он соорудил там храм своим предкам, совершил жертвоприношения на алтарях Неба и Земли и принял титул Сына Неба. Впоследствии в столичном храме он усердно служил своим предкам, часто молился и соблюдал посты. Новый император старательно приобретал знания и в результате написал обширный комментарий к важнейшей книге даосов «Дао-дэ цзин». Учёных император назначал на высокие должности, ввёл во внутренний кабинет и часто с ними советовался. Затем он написал трактат «Великое предостережение», где показал, как должны складываться отношения, чтобы была обеспечена социальная гармония. В каждом доме теперь должен был храниться и изучаться трактат императора. Безграмотным и малограмотным книга читалась сельскими старостами. На видных местах разместили бронзовые таблички с текстами законов, содержащих кару за злоупотребления. Неоднократно император обращался к подданным с «великими речами», разъясняя свои политические решения и наставляя их, как нужно себя вести [53, с. 277, 280].

Чжу Юаньчжан поддержал установленную систему учёта и контроля. В 1370 г. была проведена подушная перепись населения и имущества каждого двора. Видя опору в сильной сельской общине, он сохранил наделную систему землепользования. 10 дворов объединяли в цзя, 10 цзя — в ли, сохранив круговую поруку. Располагая землями, конфискованными у юаньских вельмож и числившимися казёнными при монголах, новое правительство наделило землёй всех желающих, и в центральной части страны почти не осталось арендаторов. Была создана система управления снизу доверху. Из глав семей по очереди избирали сельских старейшин, работавших главами десятидворок, связанными с главами сотен. Старейшины не только обеспечивали самоуправление, но составляли отчёты о состоянии земель и дворов, осведомляли вышестоящие власти о недостойном поведении местных чиновников. Отчёты старост объединялись на волостном уровне, волостные отчёты — на провинциальном. Составленные таким образом реестры периодически уточнялись, и центральная власть всегда имела представление об имущественных процессах. Объединение в десятки и сотни, способствовало сближению семей, которые часто сливались в единый род, носящий общую фамилию. Во многих деревнях жители принадлежали к одному роду. Такие кланы иногда занимали целую волость и даже уезд, полагая, что они происходят от общего предка. Нередко их возглавляли «сильные дома», но выдвигались и новые главы. Клан объединял культ общих предков, для которых строился храм. В храме хранились уставы, которыми должны были руководствоваться члены рода. В уставах проводилась конфуцианская идея повиновения властям, уважения к собственности, необходимость соблюдения моральных принципов. Иногда роды делились и у них возникали свои центры. Все крестьяне должны

были нести трудовую повинность по строительству и поддержанию ирригационной системы и дорог, помогать чиновникам в конторах и при сборах натуральных налогов, охранять общественный порядок, добывать соль, доставлять властям топливо. Горожане обычно выполняли повинности, соответствующие их профессии. Повинности теперь отбывали не по времени, а по мере необходимости [53, с. 275–278].

Император учредил трёхступенчатую систему экзаменов, в 90-х гг. допустив к экзаменам сыновей торговцев. Система была дополнена новыми экзаменами по законоведению, арифметике и каллиграфии. Кроме того чиновники должны были уметь скакать на лошадях и стрелять из лука. Улучшив систему отбора, император всё равно не доверял вороватым чиновникам и безжалостно наказывал всех подозреваемых в мошенничествах, злоупотреблениях и измене. Виновному чиновнику вырывали ноздри, ставили клеймо на лоб, лишали имущества, семью отправляли на каторгу. Если крупный землевладелец присваивал чужую землю и скот, то лишался чинов и за крупный грабёж мог быть казнён [53, с. 278–281].

Вместе с тем, Чжу Юаньчжан продолжил раздавать уделы сыновьям и другим членам своего клана в пограничных и беспокойных районах, надеясь на защиту от внешних и внутренних врагов. Из опасения покушения военачальников на власть, армию разбили на 5 округов. Общий командующий назначался лишь по случаю военных действий. Для подготовки командиров создали школы с экзаменами. Границы охраняли по очереди войска из внутренних гарнизонов. Постоянное войско теперь набиралось из наследственного сословия, живущего в «военных дворах», составляющих военное поселение, где трое из десяти мужчин проходили военную службу, а остальные семеро занимались сельским хозяйством, обеспечивая себя и военнотружущих всем необходимым. В 1333 г. в Китае была отлита первая в мире пушка, но китайская артиллерия не состоялась. Китайцы применяли пороховые бомбы и ракеты, которые были не слишком эффективны. Позднее они стали закупать артиллерию в Европе [53, с. 281].

После умершего в 1398 г. Чжу Юаньчжана правил его внук Чжу Юньвэнь. Он снизил налоги. Имущество буддийских и даосских монастырей было ограничено. Однако дядя императора Чжу Ди, владевший на севере Китая уделом, в который входил Пекин, затеял ссоры с соседними князьями, перешедшие в гражданскую войну, в результате которой он взял в 1402 г. Нанкин. Чжу Ди провозгласил себя императором Юн Лэ и правил до 1424 г. Он отменил уделы, но своим родным и служившим ему военачальникам раздал поместья. Эта аристократия наследовала почётные титулы своих предков. Юн Лэ сохранил тот же бюрократический аппарат (набираемый через экзамены), в который охотно привлекали учёных из академии Ханлинь. Однако не доверяя чиновникам, император установил за ними слежку, в которой активно участвовали евнухи, которые вскоре фактически прибрали к рукам «Восточный склад» — тайную полицию. Юн Лэ, по примеру отца, написал обширный трактат, поучающий каким этическим нормам должны следовать император и его подданные. Он также стал по-

кровительствовать науке. «Выдающимся событием стало составление огромной, содержащей 22 тысячи разделов антологии, получившей название «Великий сборник философии человеческой природы». Над ней трудилось более двух тысяч учёных, а в круг отражённых в ней знаний вошли классическая философия, история, ритуалы и этикет, военное дело, законодательство, медицина, драмы и даже сказки» [53, с. 287]. Появились и новые версии истории, где обосновывалась правомерность власти Юн Лэ. Столицу Юн Лэ перенёс в Пекин (который тогда назывался Бэйцзин), который он обустроил. В центре города был построен комплекс императорских дворцов — «запретный город», состоящий из нескольких дворцов, включающих 999 помещений, с прекрасным парком для отдыха. Не только в Пекине, но в Нанкине, Ханчжоу, Сучжоу было, очевидно, уже более миллиона жителей. С городов методично собирали налоги, а ремесленников ежегодно привлекали на работу на казённых предприятиях. Крупные центры фарфорового производства разрослись в большие поселки, в которых жили ремесленники и торговцы. В провинции Гуанси было уже 300 крупных металлургических заводов, на которых трудилось 50 тысяч рабочих. Появилось множество хлопчатобумажных и шёлковых мануфактур. Мануфактуристы, торговцы и ростовщики стали превращаться во влиятельное сословие. В сельском хозяйстве несмотря на новшества работа становилась более трудоинтенсивной. Чтобы прокормить 150 млн. китайцев, пришлось возвращаться от плужного земледелия к мотыжному, позволявшему получать с небольших площадей большие урожаи. Появились такие новые культуры как батат и арахис, из Вьетнама были заимствованы более совершенные методы ирригации. Чтобы доставлять в столицу и на Север больше риса, реконструировали Великий канал [53, с. 284–289].

Воображая Поднебесную центром мира, а себя повелителями вселенной, императоры принимали подношения от правителей соседних государств, которых считали своими вассалами (что не обязательно считали дарителями). В ответ на «дань» китайцы также присылали подарки, полагая, что надо подарить вассалам более полученного от них, чтобы «не потерять лицо». Многие мошенники присылали караваны, якобы от вассальных правителей, и возвращались домой с огромным богатством. В результате китайские чиновники стали контролировать количество караванов, чтобы дары не попадали к кому не нужно. С 1405 по 1433 гг. китайские флотилии многопалубных многомачтовых кораблей с экипажами, учёными, обслуживающими солдаты для охраны семь раз посещали страны Индокитая, Малайю, Филиппины, Суматру, Яву, Индию, Шри-Ланку, страны Персидского залива и даже Восточную Африку. Экспедиции привозили диких животных: зебр, страусов, жирафа, интересные научные отчёты, посольства 18 стран с дарами и многое другое [53, с. 290].

В 1425 г. на трон взошёл внук Юн Лэ Сюань Цзун, правивший до 1435 г. Новому императору было свойственно стремление к справедливости, и он часто председательствовал в судах. Вникая в рассматриваемые дела, Сюань Цзун пересмотрел множество приговоров и оправдал немало подсудимых. Некоторых академиков Ханлинь он сделал ми-

нистрами. Поскольку и евнухи постоянно вмешивались в проблемы управления, он создал для них управленческую школу. Обнаружив, что многие командиры используют солдат как дармовую рабочую силу и обирают солдат и местное население, он навёл в армии порядок. С соседними странами наладились преимущественно мирные отношения [53, с. 292–293].

После смерти Сюань Цзуна императором стал шестилетний Ин Цзун (1429–1464), регентский совет которого возглавил евнух Ван Чжэнь. В 1448 г. Хуанхэ, прорвав дамбы, изменила русло, но вместо ирригационных работ, народ отправляли на постройку дворцов. Расходы на войну в Бирме ещё больше ухудшили положение народа. Начались восстания. Поражение в войне с монгольским союзом племён ойратов привело к гибели Ван Чжэня и пленению императора. При двухлетнем сыне императора регентом был назначен его дядя, принц Чэн, который провозгласил себя императором, взяв тронное имя Цзин Цзун. Он укрепил армию. Во время болезни нового императора, в 1457 г. придворные вернули престол возвратившемуся из плена Ин Цзуну. Перед смертью в 1464 г. он издал указ, запрещающий убивать наложниц умершего императора [53, с. 293–295].

Сын Ин Цзуна Сянь Цзун правил в 1464–1487 гг., но большое влияние на правление оказывала его старшая жена «госпожа Вэн», которая опиралась на четырёх мошеников евнухов, назначавших своих людей на высокие посты и конфискующих земли у неугодных. Однако бюрократическая машина делала и полезное. Была отремонтирована и достроена Великая стена, протянувшаяся теперь на 6 тыс. километров. На постройке работало 200 тыс. солдат. В горной местности на правом берегу Хуанхэ, недалеко от впадения Вэйхэ было окончательно разгромлено разбойничье гнездо [53, с. 296–297].

После Сянь Цзуна правил его сын Сяо Цзун (1465–1505 гг.). При нём в дела управления вмешивалась императрица, госпожа Чань. При ней опять бразды правления стали прибирать евнухи (которых только во дворце было более 10 тысяч), поставившие под свой контроль казённые предприятия, выпускающие шёлк, парчу и фарфор. Они заняли много командных постов в армии и заправляли тайной полицией. Лишь в 1498 г. цензоры, учёные из «академической палаты» и из Академии Ханлинь сумели преодолеть придворную клику. В правление Сяо Цзуна удалось, наконец, Хуанхэ успокоить в новом русле южнее Шаньдунского полуострова [53, с. 297–299].

Сяо Цзун сменил его сын У Цзун (1492–1521 гг.), при котором фактически правил евнух Лю Цзинь. Лю Цзинь повысил налоги и ужесточил соляную монополию, что приводило к восстаниям. Вскоре чиновники начали движение за реформы, направленное против евнуха, которому в 1508 г. удалось разгромить, наказать или казнить большинство его участников. Однако сам евнух был уличён в заговоре и казнён. В 1521 г. спившийся У Цзун заболел и скончался [53, с. 299–302].

После У Цзуна на престол взошёл его двоюродный брат Ши Цзун (1507–1567). При нём совершались монгольские набеги и случилось

землетрясение, унёсшее жизни полумиллиона человек. Денег в казне становилось всё меньше. Царственный род Чжоу очень разросся, и весь он, включая женщин, имел право на государственное содержание, чего не могла дать казна, но государство обеспечивало царский род землями, освобождёнными от налогов. «Служебные наделы» чиновников также были освобождены от налогов, чтобы не повышать жалование. Крупные землевладения поглощали мелкие, также не платя налоги с последних. Мелкие владельцы нередко шли в зависимость к не платящим налоги соседям, чтобы не платить их самим. Опасаясь, что сепаратисты могут войти в союз с другими государствами, правительство Мин запретило внешнюю торговлю, и торговля (особенно с Японией) приняла контрабандный характер. Число пиратов стало огромным. Правительство не хотело торговых связей даже с европейцами, хотя португальцам разрешили создать факторию в Макао. Стали снижать довольствие военным. В результате в 1560 г. взбунтовался гарнизон в Нанкине. Лишь в правление старшего сына У Цзуна Му Цзуна (1538–1573) было уменьшено пиратство и разрешена заморская торговля [53, с. 302–306].

Шэнь Цзун (1564–1620) сменил отца в возрасте девяти лет. В начале его правления в управлении решающая роль принадлежала жёнам, их родне и евнухам из-за недоверия предшественникам императора к шэньши. Это привело к недовольству интеллигенции, которое было поддержано императором, и в конце 1570-х гг. во главе правительства был поставлен Чжан Цзюйчжэн, который восстановил ирригационную систему, провёл перепись населения, упорядочившую взимание налогов, запретил приобретать землю крупным земельным собственникам. Стали собирать единообразные налоги, исходя из стоимости серебра. Была улучшена подготовка командиров. Государственные амбары наполнили зерном. После смерти Чжан Цзюйчжэна многие академики из Ханлинь вошли в сговор с воспрянувшими евнухами и прочими придворными. Образованные чиновники шэньши в противовес им сначала создали движение Дунлинь, а в 1603 г. в Уси в провинции Цзянсу создали «Академию Дунлинь». Дунлиньцы требовали в конфуцианском духе выдвигать на должности честных людей, уменьшить налоги, уберечь землю от захватов знатью и богачами. В 1578 г. португальцам разрешили создать вторую факторию близ Кантона, находящуюся под строгим контролем правительства. На рубеже XVI–XVII вв. итальянский иезуит Маттео Риччи (1552–1610) близ кантона построил первую католическую церковь, потом в 1602 г. переехал в Пекин, где был благосклонно принят императором и расширил миссионерскую деятельность (В середине XVII в. в Китае было уже 150 тыс. католиков.). Став придворным советником по астрономии и математике, он много способствовал распространению европейских научных и культурных знаний, перевёл на китайский язык ряд европейских учёных трудов [53, с. 306–313].

В конце XVI в. возобновились войны и восстания. В 1609 г. маньчжурский вождь Нурхацы (1559–1626) объявил себя основателем династии Цзинь («Золотая») и потребовал от империи Мин выплаты дани. Китайцы открыли военные действия и стали терпеть поражения. С 1620 по 1627 г.

Китаем правили не столько императоры сколько придворные и евнухи. К моменту правления Чжу Юцзяня (1628–1644 гг.) дела в государстве были расстроены. Призванные императором к управлению дуньлинцы из-за своей малочисленности не могли справиться с деградировавшим бюрократическим аппаратом. На севере страны разразился голод, порой доводивший до людоедства [53, с. 314–317].

Чужеземное владычество приводит к национальной ограниченности

Начиная с 1629 г. маньчжуры всё чаще прорывались за Великую стену, уводили китайцев в рабство и постепенно захватывали северные территории. Восстания в Китае становились всё более массовыми. Вожди восстаний объявляли себя ванами. Один из вождей восставших Ли Цзычен в 1643 г. захватил Сиань (Чанъань) и был провозглашён императором. В апреле 1644 г. он вступил в Пекин, и император повесился. Однако полководец Ли Саньгуй, охранявший северную границу, открыл проход маньчжурам, которые в 1644 г. захватили Пекин и объявили своего малолетнего императора Шуньчжи императором Китая, основателем династии Цин. Окончательно завоевать Китай маньчжурам удалось лишь в 1683 г. [53, с. 317–322].

Маньчжуры старались перенять китайскую культуру и обычаи. Императора положено было считать особой священной. Например, «когда по улицам проезжал императорский кортеж, запрещалось высовываться из окон. Нельзя было даже произносить его настоящее имя — вместо него употреблялся девиз правления» [53, с. 352]. Даже в середине XIX в. португальские и голландские послы должны были отбивать земные поклоны императору и три раза распластаться перед ним. Маньчжуры заставили китайцев носить маньчжурские причёски и одежду. За непослушание грозила смерть. Смешанные браки запретили. Маньчжуры получили хорошие земельные наделы, и, если их теряли, то земля для них выкупалась за государственный счёт. Маньчжурам разрешалось поступать на государственную службу без экзаменов, и при сохранившейся китайской системе управления маньчжурской знати доставались почти все высшие должности. Тем не менее, постепенно в бюрократический аппарат стали привлекать всё больше и больше китайцев, а «сильные дома» поставляли значительный процент шэньши. Уже второй маньчжурский император Канси (1654–1722 гг.), правивший в 1662–1722 гг. считал себя конфуцианцем и к концу своего правления стал притеснять все некитайские религии. Немного позже император Юнчжэн продолжил гонения на чужие религии и даже казнил несколько сановников, принявших католичество. Своим подданным он изложил «Шестнадцать наставлений», где в конфуцианском духе предписывалась почтительность к старшим, уважение к братьям, радушие к родственникам, мирное и хорошее поведение, знание законов и их исполнение. Полагалось также поощрять учение, исправно платить на-

логи и подати, трудиться как предписано, заниматься землепашеством и разведением тутовника, быть бережливыми, объединяться в общины, препятствовать разбою и дезертирству. Канси ввёл небольшие налоги и запретил их повышать. Однако вскоре после него в Пекине была учреждена русская духовная миссия [53, с. 323–326, 342, 351, 358].

Умиротворение страны, распространение батата и арахиса, взимание налога на землю (а не на людей) способствовало демографическому взрыву. Если к началу XVII в. население Китая составляло 150 млн., то к концу XVIII — около 300 млн. а в середине XIX — 400 млн. Количество земли на душу изменилось с 8 му в конце XVI в. до 3 му (около 18 соток) в середине XIX в. Для того, чтобы получить урожай, достаточный для прокорма семьи, приходилось тщательно обрабатывать каждый дециметр с помощью примитивного плужка или мотыги. Маньчжуры стали больше опираться на местное самоуправление, где тон задавали «сильные дома», которые нередко использовали связи с местными чиновниками в своих интересах. В 1713 г. был издан указ, согласно которому, местное руководство должно было обеспечить поступление в казну фиксированных налогов. Собранные сверх того считались собственностью местных чиновников. Развивалось ремесло. Производство шёлковых и хлопчатобумажных тканей особенно росло в приморских городах, из которых они шли на экспорт. Мануфактур было ещё мало, но число ткачей было огромно. Только в районе Шанхая их насчитывалось около 200 тысяч. Фарфор изготавливало уже несколько сот тысяч человек. Расширялась и торговля. С Севера на Юг главным образом по Великому каналу шло сырьё и некоторые виды продовольствия. С Юга на Север — промышленные изделия и рис. Всё шире в торговле использовалось и каботажное плавание. Возникли торговые сёла, где периодически устраивали ярмарки. В Европе (включая Россию) китайский фарфор, шелка и художественные вещи уже в XVIII в. стали предметом собирательства знати и богачей. Однако в самом Китае торговля, дававшая половину дохода в бюджет, продолжала считаться делом неблагородным, занятием для слуг и людей низшего сорта [53, с. 325–327, 348–349].

В 70-х гг. XVII в., опасаясь за свою власть, маньчжурское правительство жгло китайскую литературу, повествующую о подвигах старинных богатырей в борьбе с врагами, чем был нанесён значительный ущерб китайской культуре. Политически нейтральная литература, наоборот, бурно развивалась. Во времена правления Канси вышла огромная энциклопедия, снабжённая 10 тысячами рисунков, а при его сыне Юнчжэне свод всевозможных знаний с момента их возникновения «Сыку цянйшу» в 26 тысячах томов. Многотомный сборник поэзии эпохи Тан включил 50 тысяч произведений 2 тысяч поэтов. Полное собрание произведений по четырём разделам литературы содержало громадное количество сочинений, многие из которых были уже забыты. В литературе появился роман, охватывающий несколько поколений с несвойственными китайской литературе элементами психологизма «История камня, или Сон в Красном тереме». В XVIII в. из разных форм театрального искусства сложилась пекинская опера. Проявился интерес к знакомству

с достижениями западной науки. Император Канси учился у иезуитов математике и астрономии. В XVII в. китайцы ещё считали своего императора государем всего мира, которому все страны обязаны данью. Воюя в Халхе с северными монголами, с монголами-ойратами в Джунгарии, уйгурами в Кашгарии, маньчжуры и китайцы завоевали обширные области на западе и в 1760 г. образовали провинцию Синьцзян («Новая граница») из земель, завоёванных в Джунгарии и Кашгарии. В 1720 г. китайские войска вступили в Тибет, потом в Лхасе разместили полуторатысячный гарнизон и стали вмешиваться в тибетскую политику. К концу XVIII в. они уже полностью контролировали тибетскую политику и финансы, давая или не давая согласие на назначения в тибетском правительстве. В конце 60-х гг. XVIII в. Бирма признала суверенитет Китая. В конце XVIII в. Вьетнам также подчинился Китаю. С Россией Канси воевать не хотел, считая, что, хотя бы в силу климатической разницы, такая война — бессмысленна [53, с. 327–331, 345–348].

В течение XVIII — XIX вв. в китайском обществе мало, что изменилось. Общественная система Китая даже в XIX в. оставалась деспотичной и косной. На вооружении у китайской армии даже в правление Сюань-цзуна (1821–1850 гг.) ещё были кремнёвые и фитильные мушкеты. Торговля с Западом в Китае ограничивалась Макао и Кантоном и несколькими тёплыми месяцами под надзором чиновника. Китайское правительство стремилось к изоляции. Европейцам не разрешалось перемещаться по Китаю. Китайцам под страхом смертной казни запретили обучать европейцев китайскому языку. Засекретили и иероглифы, для чего запретили вывоз книг. В 1793 г. английскому посольству было отказано в образовании представительств в Пекине и Лондоне [53, с. 357–362].

В эпоху Цин в XIX в. опять продолжился захват земель богачами. Многие крестьяне превратились в арендаторов и бедняков. В середине XIX в. в Китае чиновничьи ранги различались по пуговицам на головных уборах, по цветам халатов и изображениям на них. Чиновники должны были подносить подарки своим начальникам, и воровство чиновников достигло невероятных размеров. Однако охрана границ и военные экспедиции требовали расходов. Правительство старалось не увеличивать поземельный налог, но ему пришлось выдумывать новые поборы [53, с. 354, 362].

Ещё в XVII в. с Тайваня начал распространяться в Китае опиум, завезённый туда голландцами. В 1729 г. китайское правительство запретило его использование, но в 1831 г. британская Ост-Индская компания стала завозить из Индии опиум в Кантон. Оттуда его стали развозить по всей стране, и завозить через Индокитай и Тибет. Число курильщиков опиума дошло до 2 миллионов. В 1839 г. генерал-губернатор провинций Хунань и Хубэй Лин Цзэсюй запретил торговлю опиумом в Кантоне, изъял весь опиум из курilen и потребовал письменного отказа от торговли опиумом у иностранцев, что после преодоления сопротивления англичан ему удалось. Когда же китайцы решили взять заложника, чтобы наказать англичан за убийство китайского крестьянина, английские

корабли уничтожили несколько китайских. В 1840 г. англичане отправили в Китай эскадру. В 1842 г. они победили и в сухопутном сражении. 26 августа 1842 г. китайцы в Нанкине подписали мирный договор, по которому должны были выплатить 21 миллион серебром в пересчёте на доллары. Города Гаунчжоу, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай открыли для английских кораблей, торговли и проживания англичан. Гонконг стал английским владением. Вскоре подобные неравноправные соглашения получили США и Франция. Китай становился периферией капиталистической системы, её сырьевым придатком, рынком сбыта и источником дешёвой рабочей силы [53, с. 363–369].

Из-за утечки серебра возросли в полтора раза налоги, выплачиваемые серебром. Китайские транспортники оказались не у дел из-за перемещения торговли на юг. В 1840-х гг. наводнения погубили около миллиона человек, оставили без жилья и имущества ещё несколько миллионов. В 1849 г. неурожай и голод. В 1850 г. крестьяне восстали. Многие из них под влиянием христианства мечтали о создании царства равенства и справедливости. Их вождь Хун Сюцюань вообразил себя младшим братом Иисуса Христа. Он назвал своё царство «Тайпин Тяньго» («Небесное государство всеобщего благоденствия»), а участников восстания стали называть тайпинами. Восставшие на захваченных территориях отказались от денег. Общины должны были стать хозяйственными, военными и религиозными ячейками. Излишки производства должны были поступать в общественный фонд. Пока же деревня жила как прежде. Налоги снижались лишь по случаю стихийных бедствий. В 1853 г. тайпины были разгромлены, их полководцы захвачены и казнены. На стороне правительства в 1860-х гг. уже выступали отряды самообороны и европейцы. В 1864 г. Нанкин был взят правительственными войсками. В 1868 г. восстание было окончательно подавлено. За время восстания погибло от 15 до 20 млн. человек [53, с. 369–379].

После заключения договоров Китая с иностранцами в 1843–1844 гг. западные компании значительно увеличили своё представительство, однако поселения иностранцев ограничивались отведёнными кварталами. Вскоре иностранцы начали вербовать китайских рабочих — кули на работу в западные страны. Обычно они выполняли самые тяжёлые и низкооплачиваемые работы, но некоторым удалось скопить немного денег и открыть торговлю. В 1847 г. ссылаясь на невыполнение китайцами ряда обязательств, англичане двинули корабли по Янцзы. В результате этого похода заклепали 800 китайских пушек. В конце 1850-х гг. после задержания по подозрению в пиратстве китайских моряков, служивших на корабле под британским флагом, англичане опять двинули в Китай флот. После убийства французского миссионера испортились отношения с Францией. Англичане высадились в Дагу на Севере, и китайское правительство в 1858 г. поспешило подписать договоры с Англией, Францией, США и Россией. Англии давали возможность торговать в 11 городах, в том числе и опиумом. В Пекине открывались посольства. Предпринявшие наступление на Дагу англичане были разбиты. Тогда в 1860 г. они начали масштабное наступление на Севере. Под столицей ки-

тайцы потерпели поражение. Во время переговоров 39 членов иностранных делегаций было арестовано и погибло в тюрьме. В ответ победители сожгли и разграбили летний императорский дворец и парк с бесценными произведениями искусства. В октябре 1860 г. в Пекин вступили английские войска. Император бежал и был вынужден подписать договор, согласно которому увеличивалась контрибуция, Тяньцзинь становился открытым городом, англичане присоединили к Гонконгу часть полуострова Цзюлун, была узаконена эмиграция кули, католической церкви возвращалась вся когда-либо конфискованная у неё собственность [53, с. 379–383].

Французам разрешили покупать землю под строительство храмов. Россия получила желаемую границу по Амуру, даже по китайскому берегу. США и Россия получили режим наибольшего благоприятствования. В 1874 г. в провинции Юньнань был убит британский вице-консул на месте намечаемого строительства железной дороги. Китаю пришлось принести официальные извинения, открыть для торговли ещё ряд городов [53, с. 397]. В 1883–1884 гг. китайцы решили помочь вьетнамцам в борьбе против французов, но начали терпеть поражения и в 1884 г. заключили предварительный договор, признавший французский протекторат над Вьетнамом, а сами разрешили французам свободу торговли в провинциях Гуаньси и Юньнань. Правительство тянуло с подписанием договора, и французы потопили 11 современных китайских кораблей. Договор пришлось подписать. В 1892 г. в провинции Шаньдун убили двоих германских миссионеров. Немцы послали туда эскадру, которая захватила город Циндао и область Цзяочжоу. Китайскому правительству пришлось передать эту область в аренду Германии и исключительное право на строительство железной дороги на Шаньдунском полуострове. Россия под предлогом защиты от Германии получила в аренду часть Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним на 25 лет и право на строительство железной дороги через Маньчжурию. Англия получила на 99 лет в аренду Гонконг и часть лежащего против него побережья. Франция на 99 лет арендовала берега залива Гуанчжоу к югу от Макао. В 1894–1895 гг. из-за Кореи между Китаем и Японией произошла война, окончившаяся поражением Китая, выплатой контрибуции и территориальными уступками: передачей Японии Тайваня и Пескадорских островов, контроля над Мукденом. Позднее Япония получила порт Амой [53, с. 383, 397–400, 403]. На значительной части территории Китая фактически образовались иностранные колонии.

В январе 1861 г. по инициативе братьев императора была образована «Канцелярия по управлению делами заморских стран». Она должна была собирать пошлины на ввозимые товары и изучать заморские страны. Позднее она руководила производством современного оружия, строительством железных дорог, пароходов и телеграфных линий. Началась медленная индустриализация страны, которой препятствовала большая часть властей и которую не понимал и не одобрял почти весь народ. При малолетнем императоре Тунчжи его дядя Гун получил титул «князя-советника по государственным делам», а «императрица-мать» Цыси,

жена покойного императора стала играть определяющую роль в политике. Что китайская «культура — поистине дарованная Небом, что это запечатлённый путь Дао, что ничего более совершенного человеку достичь не суждено — для китайцев было аксиомой. Они считали, что совершают великое благодеяние, осчастливливая ею другие народы» [53, с. 385]. Философы нашли выход из положения, утверждая, что Поднебесная поделилась своими знаниями с другими народами, и они сумели открыть нечто, чего не открыли китайцы, занятые более важными делами. Теперь же китайцы просто возвращают себе то, что и должны были получить взамен подаренной другим культуры. Народ также с опаской воспринимал модернизацию, иногда даже доходило до разрушений телеграфных столбов, железных дорог и других промышленных благ, а порой до убийства инженеров и рабочих. Особую ненависть вызывали миссионеры, которым приписывались всевозможные несчастья, например, стихийные бедствия [53, с. 383–385, 391, 395].

Курс на модернизацию Китая, принятый императорским двором, рассматривался там как «политика самоусиления». У князя Гуна появились сподвижники по части модернизации главным образом в среде военачальников. Сначала были созданы новые казённые предприятия, среди которых преобладали оборонные. Первый оружейный завод построили в 1861 г. в Анхое. Затем появились машиностроительные предприятия во многих городах. В 1870 г. Шанхайская судостроительная верфь стала уже одной из крупнейших в мире. К концу столетия в Китае было около 20 предприятий, оснащённых современным оборудованием, на которых работало около 10 тыс. рабочих. Они трудились примерно так же, как ранее в казённых мастерских: по принуждению с мизерной зарплатой, неограниченным рабочим днём и полицейским надзором. На казённых предприятиях работали иностранные специалисты и были школы по подготовке кадров, но производительность труда в несколько раз уступала европейской. Сначала всеми предприятиями управляли чиновники, позднее появились совместный капитал и совместное управление, наконец, и частные предприятия. К концу XIX в. в Китае было около сотни крупных иностранных предприятий, которые были оснащены более современным оборудованием. Иностранцы занимали ведущие позиции в финансовом капитале, на транспорте и в связи. Пошлины на ввоз были ниже, чем на вывоз. Экспортировался чай, шёлковые ткани, фарфор, бамбуковая мебель, целебные травы, фейерверки, безделушки. Капиталистические отношения начали проникать и в сельское хозяйство через возникновение чайных и хлопковых плантаций [53, с. 383–391].

Ограничение местной буржуазии вело к её оппозиции к архаическому государству. Постепенно стала издаваться научно-техническая литература, издание которой увеличивалось. Потребовались знакомые с техникой национальные кадры. В 1854 г. в Китай вернулся первый образованный человек, который окончил Йельский университет. В 1875 г. 120 китайских мальчиков в возрасте от 12 до 16 лет были отправлены на учение за границу. Первым высшим учебным заведением для китайцев

стал университет штата Кентукки. В 1877 г. открылось первое дипломатическое представительство в Лондоне. Вскоре появились китайские студенты в Лондоне, Париже, Гринвиче, Тулоне и многих других университетских центрах Европы. Даже в Пекине открыли институт иностранных языков для подготовки дипломатов. Приобщению к западным культурам способствовали проповеди миссионеров, но в католицизм обратилось 700 тыс. китайцев, в протестантизм 100 тыс, в 32 православных приходах было 5,5 тыс. китайцев. В конце XIX в. в Гонконге работал медицинский институт [53, с. 392–398, 410].

В начале 1898 г. император Гуансуй под влиянием философа Кан Ювэйя (1858–1927) решился на реформы. Были созданы новые центральные ведомства по руководству добычей полезных ископаемых, промышленностью, железными дорогами, сельским хозяйством, торговлей. Однако реформы заняли всего 100 дней из-за переворота, устроенного Цыси [53, с. 404–408].

Во время Японо-китайской войны пострадали северные провинции. На них обрушились и стихийные бедствия. Железные дороги, фабрики и прочая модернизация оставляли людей без работы. Китайцы не хотели изменения традиционной жизни. Бедствия привели к формированию организации «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»). Члены организации были крайними националистами, ненавидящими иностранцев и христиан, приверженцами китайской синкретической религии. Согласно даосско-буддийским обрядам они занимались боевыми искусствами (за что европейцы прозвали их «боксёрами») и мистически верили в свою неуязвимость даже пулями. Их оружием были копья. В их одежде было много устрашающе красного. Императрица Цыси вошла в сговор с ихэтуанями. 20 июня 1900 г. цинское правительство объявило войну всем западным державам. В результате против ихэтуаней выступила сорокатысячная англо-русско-американо-японская армия. На Китай была наложена на 39 лет контрибуция в 450 млн. лянов серебра. Китайской армии было запрещено в течение двух лет закупать современное оружие (53, с. 413–418).

Потерпевшему поражение Китаю пришлось проводить реформы. В 1906 г. вместо конфуцианских экзаменов создали систему начальных, средних и высших учебных заведений. К учёбе впервые допустили девочек. Поощрялось обучение в зарубежных вузах. В 1909–1911 гг. правил император Пу И. При нём было создано министерство торговли. К началу XX в. китайским капиталистам принадлежало 200 механизированных предприятий. Создали министерство иностранных дел. Открыли военные училища. В 1908 г. было объявлено, что в 1917 г. будет провозглашена конституция, а пока допускалась деятельность кружков и обществ по изучению зарубежной политологии и даже пропаганда её достижений. Согласно императорскому указу от 1909 г. в провинциях были учреждены «совещательные комитеты по подготовке конституции». В комитеты избирали, но согласно очень высокому цензу лишь 0,3% населения приняло участие в таких выборах. На имя императора пошли петиции. В ноябре 1910г. в Пекине создали создан-

ную из назначенных императором членов совещательных комитетов Национальную ассамблею. Правительство обещало дать конституцию уже в 1913 г., но в 1911 г. начало развёртываться революционное движение и 1 января 1912 г. была провозглашена Китайская Республика (53, с. 421–423, 429). Перед Китаем открылся путь из аграрного в индустриальное общество.

Как видно из материала, несмотря на несомненные, присущие китайскому аграрному обществу особенности, оно развивалось по пути всех других аграрных обществ. Как и везде основным средством производства этого общества служила возделываемая земля, а основной сферой экономики — сельское хозяйство. Также, как и в других странах, земля принадлежала китайской аристократии в двух формах: вотчины и поместья. Поскольку власть правителя в Китае в силу всеобщего опирающегося на религиозные представления признания была особенно сильна, то он был верховным собственником земли и распоряжался ею по своему усмотрению. По этой причине аристократии земля обычно доставалась во владение за службу в качестве поместья и значительно реже в форме вотчины — в собственность. При этом аристократические вотчины обычно существовали сравнительно недолго, главным образом, в период ослабления государственной власти и раздробленности страны.

Как и в любом другом аграрном обществе социальная система состояла из классов аристократов, слуг и свободных.

Китайская аристократия имела ту особенность, что она в большей степени, чем аристократия других стран состояла из чиновников, находящихся на службе у императора, вана или князя, хотя и потомки царей и аристократических родов, как правило, служили правителям и составляли большую часть аристократии.

Социальный класс слуг также отличался спецификой, которая заключалась в том, что подкласс рабов составлял в населении возможно один процент, возможно больше, во всяком случае незначительную часть населения.

Подкласс крепостных, наоборот, был довольно многочислен, и постоянно пополнялся за счёт прикрепления свободных к земле указами правителей или через насильственное принуждение аристократами или через экономическое принуждение рвущимися к чинам деревенскими богачами.

Свободные китайцы скорее всего превышали по численности все другие классы (хотя точных подсчётов не проводилось, и вряд ли такие подсчёты возможны). Вместе с тем, как и в других аграрных обществах их свобода была относительной, поскольку монархи в силу государственной «необходимости», аристократы и богачи для продвижения по социальной лестнице и увеличения богатства стремились поставить свободных людей от себя в зависимость.

Китайская политическая система также мало отличалась от политических систем других аграрных обществ, довольно рано сформировав все присущие ей институты. Её особенностью была главным образом более регламентированная бюрократическая система.

Однако идеология аграрного Китая в наибольшей степени, чем в других странах проявила свою специфику. Китайское мифологическое мировоззрение продержалось гораздо дольше, чем в других обществах. Религия Китая даже не дошла до развитого многобожия, замкнувшись на первобытных олицетворениях природных объектов, стихий и прочих явлений. При этом даже культурные герои не поднялись до уровня полноценных богов. Отсюда одной из главных составляющих официально насаждаемого мировоззрения в течение веков сохранялась вера в божественную сущность одного лишь властителя, идеальный общественный порядок, учреждаемый Сыном Неба, и идеальное устройство китайского общества, якобы обеспечивающего всеобщую гармонию. Из этих представлений вытекала и официальная мораль, требующая сохранять устаревший традиционный порядок с сохранением многоступенчатой социальной лестницы и беспрекословно подчиняться этому идеальному порядку.

Однако положительным моментом в стремлении сохранить «гармонию» в обществе было стремление как ряда властителей, так и значительной части бюрократии сохранять в обществе справедливость и поднять материальное благосостояние подданных, уменьшив подати и сократив отработки. При этом также, как и в других странах (например, в Тауантинсуйу), размер повинностей определялся возрастом и материальным достатком подданных. Однако стремлению одних часто противостояла корысть других представителей властных структур, для которых собственное благополучие затмевало интересы общества. Такая позиция также тормозила развитие китайского общества.

К сожалению, именно связанное с верой в идеальную сущность своей системы самодовольство обусловило изоляцию Китая, и несмотря на величайшие достижения китайской культуры привело китайское общество к отставанию в развитии и эксплуатации со стороны более развитых индустриальных стран, что удалось преодолеть лишь во второй половине XX века.

Глава 7

В РУСЛЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Дописьменная история восточных славян

История наших предков в древности мало известна. Археологические культуры в регионах расселения славян с трупоположением сменились культурами с трупосожжением [186, с. 14] и археологи, малознакомые с методами этногенетических исследователей, до сих пор нечто вразумительное о происхождении славян с уверенностью сказать не могут. Античные авторы нередко путали восточных славян со скифами и другими народами.

В 1-м тысячелетии н.э. восточные славяне, прийдя из района к северу от Дуная заселили почти всю территорию на правом берегу Днепра. Основой их хозяйства в это время было земледелие. На Юге в лесной и лесостепной полосе использовали перелог: несколько лет пахали поле, потом его забрасывали на несколько лет для восстановления плодородия почвы, а посев переносили в другое место. Здесь пахали плугом. Выращивали пшеницу, рожь, ячмень, просо, капусту, морковь, редьку, чеснок. Севернее использовали подсечно-огневую систему. Сначала секли лес, затем корчевали пни и всё, что оставалось сжигали, после чего пахали освобождённый от растительности участок сохой. Когда плодородие земли истощалось переходили на другой участок. Жали серпами. На огородах использовали и мотыги. В рассматриваемое время применяли двупольную или трёхпольную систему, оставляя соответственно второй или третий участок незасеянным «под пар». Важное место в хозяйстве занимало и животноводство. Известно было и бортничество. Зависимость от погодных условий сохраняла необходимость в охоте и рыболовстве. Подсобное значение сохраняло и собирательство грибов, ягод и других съедобных плодов и всевозможных растений. Основной производственной общиной была вервь (территориальная соседская община), объединяющая семьи одной или нескольких деревень. Участки земли обрабатывали отдельные семьи, но луга и прочие угодья являлись собственностью общины [36, с. 9–10]. Своей письменности даже в начале первых веков н.э. славяне не знали и судить о них можно только по описаниям соседей.

Согласно готскому историку VI в. Иордану, известно например, что в IV в. н.э. союз славянских племён антов вёл с переменным успехом войны с германским союзом племён готов. В 375 г. обманным путём готскому князю Винитару удалось заманить к себе для переговоров 70 славянских вождей во главе с князем Божем и его сыновьями, которые были вероломно убиты [36, с. 8]. Из сказанного следует, что в IV в. хотя бы у части восточных славян уже существовала ранняя государственность.

Если верить «Повести временных лет», во второй половине 1-го тысячелетия н.э. у восточных славян сформировалось 14 союзов племён, получивших имена: поляне, древляне, северяне, уличи, тиверцы, волыняне, дулумы, белые хорваты, дреговичи, радимичи, вятичи, кривичи, полочане, словене. Достоверный русский письменный источник «Повесть временных лет» сообщает, что некогда во главе полян стоял князь Кий, в честь которого построенный при нём городок называли Киевом. Как предполагают историки, Киев был основан в VI или VII веке. В союзах восточнославянских племён: древлян, дреговичей, словен новгородских и полочан, — летописец Нестор, автор «Повести временных лет», упоминает собственных князей, управлявших этими союзами в VIII — IX вв. [186, с. 12–13; 268, 55; 272, с. 56].

Слависты утверждают, что в середине 1 тысячелетия у славян были образованы союзы племён, объединявшие по несколько близких по языку и культуре племён. Нередко в протогосударственное объединение попадали и иноязычные (например, финские) племена. Случалось, что

и соседние восточно-славянские племена подвергались нападению и находились в даннической зависимости от более сильного союза племён. Верховным органом как племени, так и союза племён являлось вече всех свободных членов. Оно избирало князя, руководившего политикой своего племени, но контролировало его, решало вопросы войны и мира, распоряжалось общинной землёй. У славян существовала и племенная знать, которая пользовалась авторитетом, из числа которой избирали племенных старейшин, племенных князей и верховного князя, стоящего во главе союза племён. Знать обладала владениями и имела собственное хозяйство, где возделывали землю и разводили скотину, используя труд чужаков, которых удалось завоевать. Значительную часть населения племенного союза составляли свободные земледельцы. Некоторые из них помимо земледелия обучались военному ремеслу и составляли княжескую дружину, часть которой состояла из знати. В представляющем собой протогосударство союзе племён, племенная знать фактически составляла первоначальную государственно-территориальную администрацию [151, с. 9–14].

Всё население племенного союза несло определённые повинности. Для обороны от врагов особенно вокруг селений, где обитали князья и знать, строились крепости. Подати, часть военной добычи, судебные штрафы, торговые пошлины и т.п. составляли казну союза племён, которой располагало вече. В свою очередь князь также располагал казной, состоявшей из продуктов его хозяйства, части военной добычи, дани с покорённых племён, судебных штрафов, торгового мыта, задабривающих добровольных подношений от соплеменников и от покорённых соседей. Всё свободное взрослое мужское население по мере необходимой обороны составляло ополчение, которое и принимало участие в вечевых собраниях. Таким образом на раннегосударственной стадии сохранялась военная демократия. Что же касается военных набегов на соседей, то их совершали профессиональные воинские дружины, которые первоначально собирались не постоянно, а лишь для конкретного набега [151, с. 11–12].

По мере укрепления власти князя, стоящего во главе племенного союза, которая начинает передаваться по наследству, вся территория протогосударства превращалась в его вотчину. Глава племенного союза превращался в верховного «великого» князя, который опирался на совет, состоящий из представителей поддерживающей его племенной знати и военную силу своей дружины. Власть же вече, которое ограничивалось главным образом собранием лишь горожан княжеской столицы, включающих ремесленников, торговцев и прочих горожан, постепенно сокращалась. Постепенно и суд становится прерогативой князя или знати, на принадлежащей ей земле [151, с. 14–16].

Окружающая князя знать жила данью с захваченных в ходе войны земель, превратившихся в вотчины, передаваемые по наследству. Кроме того она пользуется доходами от военной добычи, должностей, занимаемых при княжеском дворе, получаемых в кормление с населённых крестьянами земель, на которые помещён тот или иной представитель

знати, которому крестьяне несли натуральные (реже и позже деньги) продукты своего труда. Иногда представитель знати получал ещё и подарки от князя. Желая увеличить доходы и владения, знать стремилась получить от князя дополнительные земли, а порой и захватить земли находящихся в конфликте с князем или с ними других знатных людей или дружинников. Составляющие временные дружины воины-земледельцы в результате частых войн, столкновений и конфликтов, постепенно превращались в профессиональных дружинников, отрывающихся от земли и живущих от княжеских пожалований, в том числе и земель, населённых крестьянами, обязанными «кормить» дружинника. Тогда князя окружала аристократия, состоящая из знати и постоянной дружины. Аристократы служили князю на войне и в его хозяйстве и нередко жили при его дворе или поблизости от княжеской резиденции [151, с. 15–16].

Основную массу населения составляли свободные земледельцы, обязанные исполнять повинности в пользу князя, но нередко переходящие в зависимость от образующейся аристократии: знати и дружинников, которых они должны обеспечивать со своей земли, пожалованной князем им в кормление. Свободные славяне по большей части ещё сохраняли самостоятельность, но и они привлекались в ополчение не только для защиты от врагов, но и для дальних походов [151, с. 15–16]. Таким образом часть свободного населения постепенно превращалась в категорию, лично зависимую от аристократов, обязанную поставлять аристократам продукты своего труда или выполнять в пользу них определённые повинности: в определённые дни работать на земле аристократа, строить ему дома, амбары, выполнять самые разнообразные работы. Впоследствии их станут называть феодально зависимыми или крепостными крестьянами. Наконец, захваченные на войне пленники, приведённые во владения аристократа для работы в его хозяйстве, оторванные от своего рода и племени и лишённые защиты с их стороны, а потому не получившие традиционных прав, порой не понимающие русского языка, воспринимались лишь как рабочая сила, как рабы.

В рассматриваемое время у славян было уже немало городов, которые располагались на берегу реки (лучше у слияния рек) или на холмах. Город обносился валом с тыном на нём. По мере разрастания города с внешней стороны его стен появлялся посад, состоящий из домов ремесленников и торговцев, мастерских, лавок. Внутри города обязательно были торговая площадь и площадь для сходов. На главной площади собиралось вече, выбиравшее князя, военачальников и прочих управителей и решавшее жизненно важные вопросы: войны и мира, заключения союзов, разрешения торговли. Посад также обносился стеной, состоящей из земляного вала, бревенчатой изгороди и иногда каменной. Вокруг стен прорывался глубокий ров, который по возможности заполнялся водой. По мере разрастания города он обносился ещё одной стеной, а внутренняя стена города превращалась в кремль (детинец), в котором жил князь, его дружина и прочие приближённые [36, с. 11].

Самая ранняя форма повинности покорённого народа

В середине IX в. у восточных славян, видимо, не было сильных объединений. Поляне, северяне и вятичи платили дань хазарам, а словене новгородские — варягам. По версии, изложенной в начале XII в. летописцем Нестором в «Повести временных лет», в 862 г. словене изгнали варягов из Новгорода, но новгородское вече не смогло договориться о том, кого избрать своим князем. Тогда новгородцы отправили послов в варяжское племя русь и пригласили князя Рюрика (возможно, реально-го датского князя Ророга) княжить в Новгороде, который главенствовал над словенами, кривичами, мерей (финноязычным народом), весью (вепсами) и муромой. Бояре Рюрика Аскольд и Дир с варяжской дружиной захватили Киев и стали властвовать над полянами. В 879 г. умер Рюрик, оставив княжение малолетнему сыну Игорю, сделал регентом своего воеводу Олега. Олег же захватил кривичский Смоленск и, вероломно убив Аскольда и Дира, в 882 г. завладел Киевом, сделав его столицей своего государства, всё население которого стало постепенно называться русью. Затем он покорил древлян, северян и радимичей, возможно, хорватов, тиверцев и вятичей. Со всех завоёванных Олег собирал дань [36, с. 17; 186, с. 17–19].

Сын Рюрика Игорь (княживший с 912 по 945 гг.) покорил уличей, но был убит во время полюдья, вторично собирая дань с древлян. Каждый российский школьник знает историю, приключившуюся с князем Игорем, во время «полюдья». «Повесть временных лет» рисует полюдье Игоря как сбор дани, показывая, что часть дружины Игоря и он сам погибли из-за жадности, решив вторично собрать дань с древлян [36, с. 18; 186, с. 36]. Историки обычно добавляют к объезду покорённых земель ещё и «кормление». Оставим пока в стороне «кормление» как способ содержания государственных чиновников в эпоху развитого средневековья. Во времена же Игоря, когда князь и его дружина объезжали «людей» (то есть зависимое население), то в каждом месте остановки дружинников: в резиденции местного правителя или аристократа, в городе или на селе, — их были обязаны кормить, и не просто кормить, но устраивать им пиры с попойками. Впервые внимание на полюдье как на всемирно-историческое явление обратил выдающийся африканист и учёный Юрий Михайлович Кобищанов, описав его во многих африканских обществах [см. 97]. Позднее вместе с другими известными историками он описал полюдье как всемирно-историческое явление [см. 187]. Однако следует не только описывать полюдье, но и объяснить его как явление, свойственное вообще всем обществам на стадии перехода от эпохи племенных союзов к ранним государствам.

Дело в том, что полюдье имеет связь с культом вождей, обязанных доказывать свою силу во момент прихода к власти, во время юбилеев, которые ранее предписывали убивать ослабевших правителей, но потом заменили ритуальное убийство на демонстрацию сохранившейся силы и законности власти. Довольно подробно описаны полюдья напатско-

мероитских царей Восточного Судана ещё в середине 1 тысячелетия до н.э. — первых веках н.э., где в социальных отношениях сохранилось ещё много архаических черт, которые должны бы были исчезнуть в государстве, существующем уже второе тысячелетие. Есть письменные свидетельства ещё начала VI в. до н.э., что напатских царей выбирали армия, совет высших сановников и народ. Выборы вождей, по мере образования из союзов племён, превращающиеся в выборы царей, отмечались практически у всех народов. Во второй половине 3 тысячелетия до н.э. в городе Кише в Аккаде народное собрание избирало или утверждало царя. В XI в. народное собрание израильских племён избрало царём Саула, потом Давида и Иеровоама, хотя при избрании первого царя его избрал также оракул. В Израиле известны также случаи и отказа в избрании царей. Nabateyские цари также избирались народом. Парфянских вождей избирала армия, а правителей — народ. В древней Абиссинии царя выбирал совет из высшей знати. В раннеклассовом государстве Каффе на юге Эфиопии ещё на рубеже XIX-XX вв. престолонаследник из сыновей умершего царя выбирался семью старейшинами наиболее могущественных родов. У нилотов царей ещё в прошлом веке выбирали в народном собрании, хотя главное слово в выборе принадлежало совету старейшин или вождей [87, с. 333, 339].

Избираемые вожди, правители и цари считались священными особами. Их почитали наряду с богами, считалось, что их божественная сила обеспечивает благоденствие подданных. Например, японский император забирался на гору и смотрел на подвластные ему земли, что обеспечивало их процветание, а султан Брунея объезжал рисовые поля, что способствовало их плодородию. У разных народов считалось, что присутствие священного правителя обеспечивает благополучный год, даст долгожданный дождь, будет способствовать исцелению от болезней и прочему благополучию. Обладая чудодейственной силой священный правитель может оказывать и опасное влияние на окружающих. По этой причине цари абиссинии, шиллуков, каффичо и многих других народов редко выходили из дворцов, а, если им нужно было куда-то проследовать, то их обычно выносили, закрыв не столько от посторонних глаз, сколько для того, чтобы не пострадали увидевшие. Вместе с тем упадок сил священного правителя означал природные катаклизмы, засухи, плохие урожаи, болезни и возможность завоевания. Такого царя необходимо было сменить на более сильного, а старому предоставить возможность самоубийства или просто убить. Случалось, что убийство царя являлось результатом политических интересов совета вождей, вельмож или жрецов [87, с. 351–355; 97, с. 49, 58; 256, с. 8].

Впервые ритуальному убийству царя в Куше воспротивился царь, правивший приблизительно на рубеже VII-VI вв. до н.э., который убил присланных к нему убийц и припугнул жрецов, которые приговорили его к смерти (Обычно к смерти приговаривали вождей колдуны, царей — жрецы.), хотя, возможно, впоследствии ему пришлось подчиниться обычаю. По-видимому ритуальные убийства продолжались ещё несколько веков, и лишь в III в. до н.э царь Аркамон (Эргамен),

царствовавший в 218–200 гг. до н.э., убил жрецов, приговоривших его к ритуальному убийству. С тех пор в Мeroитском царстве (Куше) царей больше не убивали [87, с. 200, 206–207, 355, с. 361–364]. Ранее на Гаваях в верховного вождя кидали копье. Показывая свою ловкость, он должен был ловить его на лету, иначе мог быть убитым. Позднее во время праздника плодородия он совершал обряд, которым имитировал своё ритуальное убийство и начало нового царствования, после чего обходил свои владения, собирая дань [97, с. 72]. Постепенно ритуальное убийство повсеместно исчезло, но многие правители долго ещё доказывали своё физическое совершенство, что в конце-концов сменилось демонстрацией силы власти.

Кандидат в цари в Куше (как практически и во всех других странах) должен был быть самым высоким, сильным, красивым, мужественным или богатым, уметь разводить скот. Чтобы стать царём требовалось получить поддержку со стороны жрецов, которые выносили статую бога, которая «должна была коснуться» «избираемого им» царя, или бог Амон-Ра должен был провозгласить (через оракула), что один из поставленных перед ним является царём. Так был избран претендовавший на царство Верхнего и Нижнего Египта Аспелта (593–668 гг. до н.э.). Аман-нете-иерике избирался войском и также утверждался Амоном-Ра. Есть описание и избрания царём Куша (Нубии) Настасена, правившего в конце IV в. до н.э. Его также выдвинуло войско, а утвердил Амон в храме столицы Куша Напате [87, с. 333–338].

Представление о древнем полюдьё даёт путешествие по стране кушитского царя Настасена. Сначала его избрало войско, затем «призвал» на царство бог Амон Напатский, где его короновали и устроили большое празднество. Потом он поехал в путешествие по стране, посетив храм Амона в Гематоне, затем храм Амона в Пнубсе. Оттуда он ненадолго возвратился в религиозный центр страны Напату, откуда направился в храм богини Баст в Тере. Наконец он опять возвратился в Напату, где устроил пышное празднество и одарил бога Амона (т.е. храм) дорогими подарками, скотом и рабами. Целью такого полюдьё было получить признание в разных регионах страны, где жили представители разных племенных союзов. Полюдьё было также демонстрацией силы самого царя и его войска. Наконец, богатые пиры должны были удовлетворить аристократическую свиту и войско. Пир, устраиваемые в честь священной особы или почитаемого священным тайного мужского союза (который обычно и распространял слухи о чудодейственной силе своего вождя и его ближайших сподвижников) обычно превращались в праздник, где устраивались представления, в которых разыгрывались мифические события, показывались подвиги героев, не говоря уже о песнях и плясках. Во время праздника устраивались игры и состязания, показывающие ловкость дружинников. Иногда результатом становился набор воинов для участия в намечающейся войне [87, с. 195; 97, с. 77].

Кроме того, во время полюдьё подданные правителя обязаны показать его признание и выразить покорность, провозглашая его своим повелителем, устраивая пиры ему и его дружине и, наконец, одаривая его

и дружину подарками, которые вроде бы добровольно «дают». Отсюда и название подношений «данью», которая из ритуального подношения уже превратилась в обязанность покорённых периодически откупаться от последующих нападений победителей. В случае полюдья 945 г., устроенного князем Игорем уже давно под влиянием культурных изменений не раннего, а довольно развитого государства, исчезло восприятие правителя как священной особы. К тому же, Игорь был не своим славянским вождём, а сыном варяга Рюрика, и в его войске был воевода Свенельд и другие варяги, воспринимавшиеся как чужие. По этой причине от Игоря не ждали распространения благодати на Древлянскую землю, а видели лишь силу его дружины, с которой приходилось считаться и от которой лучше откупиться данью. Полюдье совершали не только киевские князья. Например, ещё в XII в. новгородцы совершали полюдье собирая дань с югры (хантов и манси), которая должна была давать серебро, соболей и всякие художественные вещи [97, с. 76].

Раннегосударственное устройство русского общества

Сын Игоря Святослав (княжил с 945 по 972г.) покорил вятичей, а также ясов (предков осетин) и касогов (предков адыгов). Власть киевских князей последовательно распространялась на другие союзы восточнославянских племён. О.М. Рапов предполагает, что завоевания соседних союзов племён и иноязычных народов Рюриком, Олегом, Игорем и Святославом означали присвоение этими князьями завоёванных территорий, и дань, выплачиваемая покорёнными, рассматривалась как выплата завоёванными ренты за пользование княжеской землёй 190, 93–94]. Часть прежних князей, стоявших во главе союзов племён некоторое время продолжала возглавлять своих соплеменников. Например, у древлян княжил Мал во времена Игоря и Ольги. Позднее, во времена Владимира, в Полоцке княжил Рогволод, а в Турове Тур [186, с. 36, 42, 48–49].

Постепенно везде была насажена администрация великих киевских князей: их бояре и некоторые приближённые к князю дворяне. Более того, великие князья, очевидно, раздавали присвоенные земли своим родственникам, приближённым «мужам» (боярам и дворянам), наделяя их иммунитетными управленческими и судебными правами, поскольку самостоятельно управлять отдалёнными территориями было практически невозможно. Уже Рюрик раздал своим мужам Полоцк, Ростов и Белоозеро. Олег также посадил своих мужей в Смоленске и Любиче. По видимому, его же наместники сидели также в Чернигове, Переяславле, Полоцке и Ростове. Даже князь Ярослав сын Владимира в 1014 г., собирая с новгородской земли подати, должен был отдавать своему отцу великому киевскому князю Владимиру 2 тыс. гривен, и тысячу раздавал своим гридням (гвардейцам). Посылать в Киев подати должны были и новгородские посадники. Таким образом, уже при первых киевских князьях существовала система, при которой области, города и волости

имели своих управителей, посаженных туда киевским князем, получивших от него в распоряжение земли, с которых надо было отправлять подати великому князю [186, с. 17, 22, 81; 190, с. 95–96; 251, с. 18].

Сын Святослава Владимир (княжил с 980 по 1015 гг.) был вынужден вновь покорять союзы восточнославянских племён: вятичей и радимичей, а также ятвягов (древнепрусский народ, близкий литовцам), и ему удалось объединить все союзы восточнославянских племён в единое государство. Интересно отметить, что Добрыня как дядя по матери всячески опекал племянника Владимира и помогал ему. В 996 г. «повелел он (Владимир — Н.К.) всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать всё, что надобно, питьё и пищу из казны деньгами», а для немощных и больных «приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мёд в бочках, а в других квас, развозить по городу,» и раздавать больным и нищим. Кроме того «каждое воскресенье решил он на дворе своём в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридням, и сотским, и десятским, и лучшим мужам и при князе и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины — было в изобилии всякое яство» [186, с. 78]. Чтобы удержать славянские союзы племён под своей властью он решил создать общеславянский пантеон богов во главе с богом грозы и войны Перуном. Однако более почитавшие других богов союзы племён плохо подчинялись главенству Перуна. Тогда Владимир решил ввести единобожие и выбрал православие. В 988 г. он крестил киевлян, а затем новгородцев. Крещение других союзов племён затянулось и окончилось лишь в XII в. Сразу же после крещения киевлян Владимир стал «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное» [186, 74]. В 989–996 гг. он построил в Киеве церковь пресвятой Богородицы, в которой поручил служить Анастасу Корсунянину [36, с. 20–21; 186, с. 45, 51–53, 73–76].

После смерти Владимира в 1015 г. началась междоусобица, из которой вышел в 1019 г. победителем его сын Ярослав. В 1027 г. он заложил митрополию церковь Святой Софии в Киеве. В 1051 г. Ярослав поставил русского священника Иллариона митрополитом в Софии Киевской, после его избрания на соборе епископов. В пользу церкви с населения стала собираться десятина — десятая часть урожая. Позднее в 1072 г. при сыне Ярослава Изяславе были признаны первыми русскими святыми братья Ярослава Борис и Глеб. При Ярославе много греческих книг было переведено на славянский язык. Он открыл в Киеве первую школу, в которой обучалось более 300 детей. Любя читать и насаждая грамотность он получил прозвище Мудрого. Ярослав ещё в 1016 г. стал инициатором составления первого на Руси свода законов «Русской правды» или «Правды Ярослава». Ярослав в 1036 г. продолжил завоевательные походы на печенегов, изгнав их из южнорусских степей, на ятвягов, на мазовшан (польскую этническую группу). Его сын Владимир ходил на ямь (союз финноязычных племён) [36, с. 21, 35; 186, с. 82–96, 110–111].

Дети Ярослава воевали с торками (союзом тюркских кочевых племён, впоследствии вошедший в объединение огузов), с голядью (союзом бал-

тийских племён, жившим по реке Протве). Внуки и правнуки Ярослава продолжали воевать с торками, хазарами. Их потомки воевали также с торками, половцами (кипчаками) и печенегами. В 1072 г. сыновья Ярослава дополнили «Русскую правду» новыми статьями, в силу чего новый свод законов получил название «Правда Ярославичей». С 1054 по 1097 г. между сыновьями и внуками Ярослава шли почти непрерывные войны за киевский стол и лучшие уделы. Лишь в 1097 г. на съезде князей в Любиче было принято соглашение, по которому за каждым князем и его потомками закреплялось определённое княжество. Великое киевское княжение осталось за Святополком [36, с. 23–24; 186, с. 99–100, 123, 155–158].

После его смерти в 1113 г. киевляне призвали на великое княжение внука Ярослава Мудрого Владимира Всеволодовича Мономаха. В 1113 г. к «Русской правде» был прибавлен «Устав Владимира Мономаха», ограничивший ростовщический процент и защитивший от произвола купечество и заупов (заёмщиков). Владимир Мономах успешно воевал против половцев и изгнал их в предкавказские степи. Начиная с него, киевские князья стали носить как символ власти украшенную драгоценными камнями «шапку Мономаха». При нём был составлен первый русский летописный свод «Повесть временных лет». При его сыне Мстиславе Владимировиче (1125–1132 гг.) русское государство сохраняло единство, но после его смерти распалось на 12 независимых княжеств. Вскоре не только киевский князь, но и некоторые другие князья стали называть себя великими [36, с. 23, 28–29].

Во главе русского государства этого времени стоял великий князь киевский. Вся земля находилась в его верховной собственности, и киевские князья время от времени раздавали её в бенефициальное (пожизненное) или ленное (наследственное) владение при условии несения службы. В крупнейшие города: Смоленск, Чернигов, Ростов, — киевский князь отправлял посадниками (наместниками) своих сыновей или ближайших родственников, но не позволял там долго задерживаться, чтобы посадник не вздумал усилить свою военную власть и отделиться, хотя случалось, что некоторые князья получали области в пожизненное (бенефициальное) владение и даже наследственное (ленное). Так, например князь Вышеслав, сын великого киевского князя Владимира Святославича в конце X в. получил в пожизненное управление и владение Новгородскую землю. Её же получил в пожизненное владение и князь Владимир, сын Ярослава Мудрого. Князь же Изяслав, сын Владимира Святославича получил от отца для управления и в кормление регион Полоцка, который ранее принадлежал его деду по матери, а после смерти Изяслава этот регион унаследовал его сын Брячислав, который передал его также своему сыну Всеславу. Однако Всеслав киевский князь не позволил отделить эту принадлежность, хотя после смерти Всеслава Брячиславича она была разделена между его потомками, но осталась в собственности сына Владимира Мономаха киевского князя Мстислава Великого [190, с. 97–102, 105].

При великом князе уже в раннекиевское время был совет, состоящий из членов старшей дружины, включающий подчинённых ему князей, бояр (аристократов, имевших собственные дружины) и особо приближённых к князю дворян (хотя такой термин ещё не употреблялся, ибо тогда дворян в отличие от простолюдинов-мужиков называли «мужами»), посадников (наместников городов или подвластных князю земель), воевод (командующих большими самостоятельными отрядами), состоящих их тысяцких (командиров отрядов более чем в тысячу воинов, включавших и дружинников и ополченцев), и дворских (предводителей княжеских дружин), дьяков (высших гражданских и военных чиновников). Старшая дружина состояла также из командующих мечниками (обладавшими мечами тяжеловооружёнными дружинниками, исполнявшими и гражданские должности: судей, посланников и исполнителей важных княжеских поручений), огнищан (дружинников, принадлежащих к княжескому очагу) и, возможно, управляющих княжеским имуществом или собирающих налоги с крестьянских очагов), печатников (доверенных князю лиц, хранителей княжеской печати), старших конюших (ведавших табунами князя), подъездных (сборщиков торговых пошлин), вирников (сборщиков штрафов и судебных пошлин), которые имели помощников «метелников» (собиравших судебные пошлины), тиунов (временно исполняющих разные управленческие должности на местах) и должностей прочих руководящих мужей. Младшую дружину составляли: большая часть мечников, гридни (пребывающие в приходе и гостинной князя [гриднице] его телохранители), детские (делившие за мзду имущество между детьми после смерти их отца), отроки (молодые дружинники, вооружённые преимущественно топорами, составляющие дружину и охрану князя, боярина или посадника во внутренних походах, гарнизоны в пограничных крепостях и выполняющие важные поручения князя), пасынки (из числа дружинников [отроков] бояр), дети боярские (младшие [по положению] дружинники бояр), дружини (дружинники), сельские тиуны и огнищане, вирники (сборщики штрафов и судебных пошлин), мытники (сборщики торговых пошлин), городники (строители стен внутреннего и внешнего города), мостовики (строители мостов) и другие категории рядовых дружинников [160, с. 61; 183, с. 512–516]. Летопись рассказывает, что «Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны,...» [186, с. 78].

Дружинники, совершая завоевательные походы получали от князя часть добычи. Во время полюдья они получали часть дани. Некоторым, особенно из числа старших дружинников, князь давал землю. Большая часть земель отдавалась во владение, за что дружинники были обязаны нести у князя службу. Землю во владение получали посадники, реже тиуны, огнищане. Вирники чаще получали землю в кормление, т.е. на срок исполнения возложенного поручения. Однако с течением времени потомки Рюрика получали в подчинение княжества — уделы, которыми наделял их отец. Число Рюриковичей росло — росло и число уделов. Из-за уделов возникали споры, нередко переходящие в войны.

Захватывая часть чужого удела, князь облагал чужих крестьян данью, обкладывал налогами. Постепенно дань и налоги превращались в ежегодный оброк. Захватывая чужие земли, часть из них князь превращал в свою собственность, заставляя обрабатывать её завоёванных крестьян. Работы на княжеской земле и в его усадьбе превращались в барщину. Землю, населённую барщинными и оброчными крестьянами, князь считал своей собственностью, доставшейся ему от отца — вотчиной, которой он распоряжался по своему усмотрению. Вскоре и часть боярства, захватившая часть земель с оброчными и барщинными крестьянами, также стала превращать их в вотчины. Вотчинники, передававшие собственные земли по наследству, считали себя независимыми от великого князя и не обязанными ему служить, как это должны были делать аристократы получавшие землю за службу во владение.

Наиболее многочисленный социальный класс составляли свободные крестьяне, входившие в общину — вервь. Простые свободные граждане (и крестьяне и горожане) назывались просто — люди.

Городские жители платили небольшие налоги и были относительно свободными.

Своеобразную категорию составляли изгои. Таким образом обозначались люди каким-либо образом потерявшие связь со своей социальной общностью: крестьянской общиной, церковью, объединением купцов, боярством, княжеством. Одни изгои были изгнаны за преступления и неблагоприятные поступки, другим пришлось покинуть свою общность. Часть изгоев считалась свободной и полноправной. Другие, как, например, «пущенники» — освобождённые рабы или зависимые крестьяне, возможно, ещё не получили полных прав. Третьи сами стремились попасть в зависимость, чтобы получить средства к существованию [см. 79].

Покорённых в войнах русские князья облагали данью, например, киевский князь Игорь, а потом и его жена княгиня Ольга — древлян, князь Святослав — вятичей, болгар и греков. Святослав и Владимир брали с вятичей дань с каждого плуга. Помимо дани собирали также оброк, например, Ольга со словен. Одной из форм дани был повоз — доставка дани самими покорёнными. Повоз велела поставлять Ольга, повоз поставляли радимичи Владимиру. Всё население должно было платить налоги. Например, получала с древлян налоги Ольга [186, с. 36, 39, 42, 45–46, 52, 54]. Некогда покорённые крестьяне должны были временно или постоянно содержать княжеских чиновников. Принадлежащие князю или обязанные содержать дружинников крестьяне становились смердами (слугами), что соответствует, например, французскому «сервы». В трактовке термина смерд как слуга убеждает его применение князьями по отношению к своим подчинённым, включая бояр [см. 213]. Смерды могли вести самостоятельное хозяйство или входить в общину. Они владели землёй, но были обязаны платить налоги и выполнять какие-либо натуральные повинности (дани или работы). Кроме того во время войны смерды должны были войти в народное ополчение. В число смердов попадали крестьяне принадлежавшие какому-либо из

покорённых князей или других аристократов. Земли со смердами могли быть пожалованы князем своему дружиннику или монастырю, а также передаваться от одного аристократа к другому. Таким образом, к сидящему на земле смерду подходит определение его как крестьянина, находящегося в феодальной зависимости от аристократа [см. также: 277]. Смердами мог владеть и город как коллективный собственник.

Некоторые категории зависимых крестьян пользовались определёнными привилегиями. Такими были, например, княжеский сельский староста или княжеский ротаин, наблюдавший за полевыми работами на пашне князя.

Рабов обычно захватывали в войнах, например, княгиня Ольга у древлян [186, с. 39]. Наиболее бесправным социальным классом была челядь. Челядинов захватывали в войне и относились к ним как к рабам, которые как чужаки не имели никаких прав. Челядью торговали наряду со скотом и прочими товарами. К челяди относилась, по-видимому, «роба» (рабыня, подневольная работница). Как рабы они использовались в домашних хозяйствах аристократов. Среди челяди могли также выделяться определённые привилегированные категории. Например, роба, выполнявшая роль кормилицы и няньки княжеских детей, стояла выше простой челядинки.

В отличие от челяди другая категория рабов — холопы формировалась из русского населения. Холопы также как и челядины должны были беспрекословно подчиняться своему хозяину, аристократу: князю, боярину, а также монастырю. Самую низкую категорию составляли «обельные» (т.е. полные) холопы. Однако, их положение было выше, чем челядинов. Помимо физического труда, холоп мог выполнять и сложную и руководящую работу, например, заключать от имени хозяина торговые сделки, стать тиуном или ключником и руководить частью домашнего хозяйства или всем хозяйством аристократа. Источником холопства служили нарушения договоров с хозяином, например, из-за побега, преступление или добровольная продажа себя в холопство из-за невозможности найти средства существования. За холопами оставалась возможность выкупиться из холопства [см. 79].

В полурабской зависимости от хозяина находились закупы, люди, взявшие у кого-то займы некоторую сумму денег — «купу» и обязавшиеся её отработать, например, на пашне заимодавца («ральный закуп»). Если закуп, не отработав купы, пытался убежать от заимодавца, то его превращали в холопа. Немногим лучше было положение рядовичей, нанявшихся к кому-то на работу по договору — «ряду». Нередко наниматель пользуясь правовой малограмотностью рядовича стремился давать ему тяжёлую и изматывающую работу, и, если рядович нарушал договор или убегал, то также превращался в холопа. Русская правда чётко определяла, что работающий за хлеб или приданое не холоп [160, с. 11–42, 62; 250, с. 15–17].

Классовый характер русского государства хорошо прослеживается по «Правде русской». За убийство старших княжеских дружинников: огнищанина, подъездного, тиуна, старшего конюшего и княжего мужа,

вообще, была положена вира (штраф) в 80 гривен. Дворяне рангом ниже: мечники, отроки (собиравшие виры), мужи (дворяне, служившие не князю) и их жёны, русины (датчане), варяги, колбяги (скорее всего, члены вольных интернациональных дружин, наподобие будущих казаков), словенины (новгородские дворяне), гридни, отроки, тиуны боярские, княжие конюхи и повары и даже свободные купцы и изгои оценивались в 40 гривен. За убийство свободного человека — «людина» также платили 40 гривен. Жизнь же княжеского сельского старосты, сельского тиуна, княжеского ратаина и даже ремесленника и ремесленницы оценивалась в 12 гривен [160, с. 23, 32]. Столько же надо было платить за княжеского кормилца (воспитателя княжича) и княжескую кормилицу. Смерд, холоп и даже рядович (и княжий и боярский) ценились в 5 гривен. Вместе с тем, закон охранял собственность на слуг. Например, аристократ, отнявший у другого аристократа раба или рабыню должен был запатить уже 12 гривен. Если истязание посторонним человеком княжеского смерда наказывалось вирой в 3 куны, то истязание мечника, огнищанина и тиуна (которыми обычно были дружинники-дворяне и редко слуги) наказывалось штрафом в 12 гривен [160, с. 40, 50]. Хозяевам запрещалось убивать своих слуг (холпов, рабынь), но, если они кого-то из слуг убили нечаянно, то не платили виры [160, с. 21–23, 28–32, 40, 50, 56].

Закон охранял любое имущество. Имущество умершего получали дети (сыновья и дочери). Вдова получала привнесённые ей в семью вещи и только часть имущества семьи, которую ей выделил муж. В случае смерти жены дети получали её собственное имущество и то, что она получила от мужа. Однако мать распределяла собственность покойного мужа между детьми по своему усмотрению. Особенно охранялась княжеская собственность. За перенос или перепашку межи полагался штраф в 12 гривен [160, с. 56–60; 190, с. 97].

Политическое устройство Новгородской земли (и ряда других регионов) значительно отличалось от Русского государства со столицей в Киеве. На северо-востоке территории, занимаемой восточными славянами по крайней мере с IX, а скорее с VIII в., некогда образовавшие племенной союз словене имели племенной центр в Старой Ладоге. Новгородские же предания словен утверждают, что в середине IX в. их старейшина Гостомысл правил уже в Новгороде. Учёные предполагают, что первоначально союз словен новгородских состоял из 5 племён, которые занимали 5 «пятин» (автономных регионов) в Новгородской земле и составили в самом городе Новгороде 5 «концов» (районов). В IX же веке, к моменту завоевания варягами, в Новгородской земле уже жили не только словене, но кривичи, а также западно-финские союзы племён (чудь и весь) и восточно-финский союз племён (меря) [268, с. 56, 64–65].

После народного восстания в 1136 г. Новгородская земля отказалась от управления князьями. Новгород превратился в республику, в которой большая роль принадлежала собранию новгородцев — вечу, которое избирало посадника, тысяцкого и архиепископа (с 1156 г.). Во главе Новгородской республики стоял посадник. Войско возглавлял

тысяцкий, который также вершил суд. Главой церкви был архиепископ, который ведал внешними сношениями и распоряжался городской казной. В случае необходимости вести военные действия новгородцы после решения веча приглашали князя, который не должен был вмешиваться в управление. Новгородское вече собиралось на Софийской (западном берегу Волхова) стороне, где собирались главным образом бояре и богатые купцы. На Торговой стороне (на восточном берегу) по мере необходимости собирались простые новгородцы. Случалось, что по разные стороны реки принимались разные решения. Тогда правота решалась силой в драке. Противники сталкивались на мосту. Могли победить более многочисленные простые горожане, но знать часто нанимала драчунов, и исход столкновения мог решиться в пользу знати. При необходимости на вече могли собираться в пяти концах новгородского посада и даже на отдельных улицах. Обычно руководить Новгородской землёй удавалось боярам, которые владели землями с крестьянами, платившими им натуральный оброк. Аристократы средней руки, владевшие землями с зависимыми от них крестьянами, назывались «житыми людьми». «Своеземцы» составляли мелкое дворянство. В домашнем хозяйстве аристократов применялся также труд холопов, число которых было невелико. Благодаря торговле с восточными русскими княжествами и западными странами в Новгороде сложилось сильное купечество, объединившееся в XII в. в корпорацию. Многочисленное сословие составляли ремесленники. В других городах Новгородской земли и в сельской местности также могло собираться вече. Вече существовало во многих городах: в Белгороде, во Владимире, даже в Киеве [186, с. 104, 105], во Владимире-Волынском, Звенигороде, Ростове, Суздале, Полоцке, Переяславле, Рязани, Смоленске (36, с. 31; 186, с. 80, 148, 151; 206, с. 411).

В эпоху, когда Киев был столицей русского (восточно-славянского) государства, сложилась высокая культура. В устном народном творчестве бытовало множество сказок, в которых отчасти отразились первобытные мифы, обряды инициаций, дохристианские представления о загробном мире и другие верования. Передававшиеся из уст в уста былины вели своё начало от времени первых военных столкновений между родами и племенами, когда с реальными событиями переплетались мифические и сказочные сюжеты, но вскоре отразили и борьбу восточных славян с внешними врагами, особенно с южными кочевниками, что привело к замене мифических персонажей реальными историческими лицами. Переход на общеславянскую письменность способствовал широкому распространению грамотности. Об этом говорят многочисленные граффити на стенах храмов и домов, надписи на керамике и пряслицах, но особенно многочисленные надписи на бересте, которая использовалась как материал для писем и хозяйственных записей. Пергамент (тонкая специальной выделки кожа) использовалась для государственных документов и книг. Первыми книгами стало священное писание. Затем появились книги, переведённые с греческого языка. В середине XI в. появилось первое русское сочинение митрополита

Иллариона «Слово о Законе и Благодати». Чуть позднее появились «Жития» святых, одними из которых были рассказы о жизни и смерти канонизированных князей Бориса и Глеба. В конце X — начале XI появились первые хроники — «летописи». Самой ранней сохранившейся хроникой стал «Начальный свод» конца XI в., написанный монахом Киево-Печерского монастыря Нестором и, по-видимому, дополненный игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, получившим название «Повесть временных лет», рассказывающая об истории восточных славян и русских (славянских) княжеств. Летописи велись во многих столицах княжеств. Сохранилось «Поучение» Владимира Мономаха, наставляющее его детей, каким образом надо править. От XIII в. дошли так называемые Ипатьевская и Радзивилловская летописи. От памятников архитектуры сохранились Софийские соборы в Киеве, Новгороде и Полоцке, Дмитровский и Успенский соборы во Владимире, церковь Покрова на Нерли, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Высокого уровня достигло ювелирное искусство: зернь, финифть, перегородчатая эмаль [36, с. 34–37].

Русское общество в период монгольского ига

В 1237–1240 гг. монгольское войско, включившие многочисленных воинов покорённых тюркских народов, завоевало русские земли за исключением Новгородской земли, согласившейся платить монголам дань. Новгородцам удалось отстоять свою независимость в борьбе со шведской (в 1240) и немецкой (в 1242 г.) агрессией [36, с. 38–45].

Монголы ставили во главе отдельных русских княжеств тех князей, которым они давали ярлык (грамоту, подтверждающую права на правление княжеством). В 1243 г. ярлык на великое княжение получил владимирский князь Ярослав Всеволодович, в 1249 г. его сын Александр Ярославич. Оба они предпочли Киеву столицу во Владимире, ставшим столицей Северо-Восточной части Руси. Русские земли были обязаны платить монголам «выход» (дань), произвольно собираемую натурой, позднее — натурой в пересчёте на серебро. От выхода было избавлено духовенство. В 1257 г. монголы провели перепись населения, чтобы установить точный размер выхода. За сбором дани наблюдали ханские наместники — баскаки и контролирующие сбор дани чиновники — даруги. Баскаки имели при себе других чиновников и вооружённые отряды. Русское население должно было поставлять им провизию и корм лошадям. От князей требовали участия с вооружёнными отрядами в монгольских походах и карательных набегах. В начале XIV в. монголы отметили ненавистное народу баскачество, предоставив князьям право самим собирать дань. Русское население не раз выступало против монголов, но все восстания жестоко подавлялись, восставшие земли разорялись, а часть населения уводилась в рабство. Между отдельными русскими княжествами часто вспыхивали войны, и монголы помогали одному из князей, грабя население воюющего с ним княжества [36, с. 42–51].

После смерти Александра Невского Северо-Восточная Русь распалась на 13 мелких княжеств. В борьбе князей за великое княжение всё чаще побеждали московские князья. По мере ослабления монгольского гнёта, начала возрождаться княжеская власть. Соперничество князей за великокняжескую власть, которую утверждал хан Золотой орды, окончилось в середине XIV в. победой московских князей. Княжеская власть, опирающаяся на дворянство, горожан и крестьян, измученных феодальными междоусобицами, данью и набегами татар на протяжении всего периода господства Орды, постепенно укреплялась и становилась всё более и более самовластной. Сошли на нет вечевые порядки, укрепилось великокняжеское единодержавие. Например, в 1373 г. Дмитрий Донской отменил в Москве должность тысяцкого, формально руководившего городским ополчением, следившим за оборонительными сооружениями и разбиравшим торговые судебные дела (36, с. 54–60; 207, с. 42, 56].

Значительные изменения происходили и в Новгородской республике. Хотя в самом Новгороде ещё в начале 1471 г. политику проводили преимущественно посадники, тысяцкие, бояре, служащие у них дворяне — «дети боярские» и иная знать, богатые купцы и некоторые «житьи люди», назревало недовольство со стороны ремесленников и иных простых горожан, и значительной части житых людей. Крестьяне из новгородских земель постепенно проникали всё далее и далее на Север, занимаясь охотой, рыболовством и морским промыслом, а также продвигая на Север земледелие. Продукты их промыслов способствовали развитию торговли, которую купцы и ремесленники города вели с западными странами. Новгородская знать усиливала эксплуатацию деревенского населения. Имущественная и социальная дифференциация новгородцев увеличивалась. В 10-х гг. XV в. соперничавшее за власть новгородское боярство низвело почти на нет значение кончанского веча. Боярство утвердило свою власть через Судную грамоту, практически превращая в пережиток и городское вече, что привело к конфронтации боярства с рядовыми горожанами. Наконец, в результате походов 1471 и 1478 гг. на Новгород московских войск Иван III окончательно ликвидировал Новгородскую республику. Отделившаяся от Новгорода в 1348 г. Псковская республика была ликвидирована Василием III в 1510 г. [169, с. 378–380, 390–398; 176, с. 406; 207, с. 62–64, 108].

В эпоху татаро-монгольского нашествия большинство городов было разрушено. Восстановление шло медленно. За XIII–XIV вв. возвысились молодые города, возникшие в XII–XIII вв.: Нижний Новгород, Тверь, Москва, Кострома. Постепенно поднимались и города, в которых селились князья или развивались монастыри, хотя с середины XIV в. стали расти города, становящиеся форпостами на пути Татарских набегов: Нижний Новгород, Коломна, Серпухов и другие, которые строили преимущественно крестьяне, отбывая барщинную повинность. Стало возрождаться каменное строительство церквей, городских стен. Строились церкви в Новгороде, Пскове и других городах. Обслуживающее князей, бояр, священников и монастыри ремесло также долго восстанавлива-

лось после угона многих мастеров в орду и почти не развивалось, хотя литейщики, например, возобновили литьё медных колоколов и пушек. Постепенно возрождалось строительство крепостей, церквей и палат. Одни из них, как, например, новгородские были невелики и грубы, московские стремились подражать древним сооружениям, лишь псковские строения были украшены узорами из кирпича. Возрождались иконопись и украшение книг. Лишь во второй половине XIV в. началось постепенное возрождение хозяйства, а подъём духовной жизни начался лишь после Куликовской битвы. Возрождались иконопись. В конце XIV — начале XV вв. творили великие мастера Феофан Грек и Андрей Рублёв, расписавшие ряд церквей в Москве и в Новгороде и оставившие учеников и создавшие свои школы, в которых работали талантливые иконописцы. Начали возрождаться прежние ремёсла. Испытывали подъём оружейное и ювелирное дело и некоторые другие ремёсла. Началось производство бумаги, стало восстанавливаться книгописание и летописание. Возникли многочисленные сказания о гибели и разорении русской земли, о борьбе с врагами героев (для чего, в частности, переделывались многие былины), писались «жития святых», к которым помимо церковных деятелей стали причислять и патриотов-полководцев. Поэма «Задонщина» воспела победу в Куликовской битве. Тогда же была создана и повесть о «Мамаевом побоище». В этих произведениях отразились свойственные большей части русских земель тенденции к объединению. Тем не менее летописи ещё сохраняли местные особенности и интересы (Если московские и тверские летописи отражали не только региональные, но и общерусские события, то новгородская летопись была более занята своими местными проблемами.) [36, с. 31–33, 60–61; 207, с. 195–196].

Ремесленники, по большей части ещё продолжали кормиться от земледелия. Часть из них составляли княжеские и боярские холопы. Слабость ремесла обусловила и слабость торговли. Торговали главным образом крупные землевладельцы: князья и монастыри, преимущественно продуктами сельского хозяйства и охотничьего промысла. Торговали зерном, рыбой, мясом, солью, мехами, которые везли туда, где этих товаров не хватало. Например, хлеб шёл с Юга на Север, из Нижнего Поволжья расходилась соль и т.д. Необходимость выплаты оброка и дани в Орду вела к отсутствию денег у крестьян и накоплению сокровищ у крупных аристократов. Купечество было крайне незначительно и стремилось превратиться в дворян и бояр. Таков, например, В.Д. Ермолин в Москве или Тарас Петров в Нижнем [207, с. 38–42]. Крестьянское хозяйство оставалось натуральным, самодостаточным. Продолжали распахивать леса. Возрождалось двуполье. Вместе с тем продолжалось закрепощение крестьян. Увеличивалась аристократическая земельная собственность за счёт раздачи земли боярам и дворянам, превращавшейся в вотчины. Часть земель отдавалась в кормление аристократам вместе с населением за службу во владение. Большая часть земель оставалась «чёрной» государственной землёй со свободным населением [36, с. 60–62]. Как и в других завоёванных странах татаро-монголы сохранили

неприкосновенность церкви, освободив клир от уплаты дани и даже от содержания своих коней. Это позволило монастырям и церковникам превратиться в XIV-XV вв. в крупнейших собственников земель (получавших земли с крестьянами по духовным завещаниям и, особенно, в подарок от борющихся за власть князей и бояр), не брезгующих захватом крестьянских земель, не успевавших выплатить монастырям долги, будучи привлечёнными в слободы, освобождением от уплаты повинностей на 10–15 лет. Уже в XIV в. крупнейшим землевладельцем стал митрополит московский. Особенно крупные монастыри возникали и разрастались к северу от Москвы. В 1339 г. около города Радонежа возник Троицкий монастырь, превратившийся в XV в. в самый богатый среди всех монастырей, владевший наибольшим количеством земли на правах вотчин в 24 уездах. В районе Белого озера Кириллов монастырь стал вторым по величине. На Большом Соловецком острове Белого моря в 1404 г. возник Соловецкий монастырь, распространившийся на все четыре острова Соловецкого архипелага и также ставший крупнейшим землевладельцем [207, с. 31–33].

Объединение Северо-Восточной Руси завершилось при Иване III (1462–1505), который окончательно освободил страну от татаро-монгольского ига и возвеличил страну до того, что нередко именовался современниками царём, и его сыне Василии III (1505–1533) [36, с. 81; 250, с. 70–75; 269, с. 522, 530].

Возрождение Русского государства

Василий II (1425–1462) начал отбирать уделы у князей, передавая их своим сыновьям. При нём стали создаваться уезды, в которые князь назначал наместников. Возник боярский совет, который при Иване III становится Боярской думой. Состав думы изменился после того, как в неё вошли бывшие удельные князья и не подчинявшиеся ранее великому князю бояре. Однако теперь они стремились уже не обособиться, а получить в управление хорошее местечко, где местное население должно было оплачивать их «кормление». Началась борьба за места вблизи великого князя, вылившаяся в соперничество аристократов, стремящихся доказать знатность своего происхождения и близость своего рода к великому князю. Теперь уже великокняжеские наместники стремились обособиться и извлечь побольше выгод из своего кормления. При Василии III создаётся Государев двор, в котором выделяются военно-командная структура — Двор и Дворец — система гражданского управления страной. Иван III лишил бояр права перехода на службу к другим князьям, заставляя их давать «клятвенные грамоты» ему на верность. При нём утвердилось местничество — ступенчатая система управления на местах, где каждый чиновник-аристократ получал с прикрепленного к нему местного населения продукты в кормление [36, с. 67, 75–76].

Избавленная от иноземного ига, Русь развивалась в конце XV — начале XVI вв. подобно другим европейским государствам. Крупные

земельные собственники (бояре и церковные иерархи), передававшие свои вотчины по наследству (или по должности), как отмечал известный исследователь русского средневековья Н.П. Павлов-Сильванский, были подобны крупным западноевропейским чиновникам: графам и виконтам, и обладали на своей земле правом иммунитета. Бояре и игумены монастырей имели право суда не только при разбирательстве мелких дел, но даже в случае разбоя и душегубства, и право приговаривать виновных даже к смертной казни. При этом они могли учинить расправу не только над своими холопами, но и над живущими на их землях свободными крестьянами [182, с. 288–291].

Русский землевладелец-аристократ (подобно средневековому франку времён действия Салической правды) обладал, как правило, небольшим участком земли, принадлежащим к его двору, обычно близким по размеру к среднему крестьянскому наделу, который обрабатывали принадлежащие ему люди (слуги). Помимо земли, находившейся в хозяйственной собственности господина-аристократа, ему принадлежала ещё пустующая земля, а также земля, обрабатываемая крестьянами как заимка и сдававшаяся в аренду крестьянам. Она находилась под наблюдением господина и как господская земля была свободна от «тягла» (налогов и повинностей). Эта земля могла быть также присоединена к двору аристократа и обрабатываться его людьми. Другие земли, обрабатываемые барщинным крестьянским трудом также не считались принадлежащими двору аристократа [182, с. 293–297].

Хозяйством вотчины управлял назначенный вотчинником приказчик, ключник или посельник (в немецкой марке — мейер.), хотя в крупных боярских хозяйствах у приказчика в помощниках бывали ключники, посельники, биричи, доводчики, заведовавшие отдельными волостками или частями имения. Управитель мог быть как свободным человеком, но чаще феодально зависимым крестьянином или даже холопом своего хозяина-вотчинника. Само принятие ключа от аристократа в домонгольские времена делало человека холопом этого аристократа. Однако заключение ряда с аристократом позволяло оставаться свободным человеком. Впоследствии, согласно Судебнику 1550 г., ключник (приказчик) не становился холопом, и мог стать холопом лишь по договору о самопродаже в холопство. Следует заметить, что положение холопа не соответствовало положению греческого или римского раба, рассматривавшихся подобно вещному имуществу господина, хотя и означало зависимость от него. Кроме того, на Руси существовали формы зависимости условной, временной и добровольной. Во всяком случае «боярский человек добрый» стоял выше и по имущественному и по юридическому положению, чем формально свободный крестьянин или горожанин. Управляющий полностью заведовал собственным хозяйством господина на земле, принадлежащей к господскому двору, наблюдал за трудом на земле, где отрабатывалась барщина, и лишь собирал оброки и подати с земель, находящихся в пользовании крестьян. За работу приказчик не платил налога господину, получал от него в пользование участок земли и часть (чаще натуральных) строго фиксированных сборов с крестьян

в свою пользу. Случалось, что управитель получал от вотчинника во владение деревню с половниками (обязанными за ссуду выплачивать половину урожая или более) и подворниками (платящими подати и налоги со двора) [182, с. 297–302].

Всё взрослые крестьяне в XV в. обычно жили семьями, ведущими собственное хозяйство, если отец позволял им выделиться из руководимой им большой семьи, но иногда даже после смерти отца они сохраняли общее хозяйство, периодически переделывая землю на отдельные полосы, чтобы разные по качеству участки не давали преимущества ни одному из братьев. Кроме того, крестьяне продолжали жить вервями — малыми общинами (очевидно, родового, реже территориального происхождения), составленными из дворов одной деревни (в среднем по 4 двора). В этих общинах участки земли делились по жребию, и чтобы ни у одной семьи не было преимущества или недостатка, обусловленных качеством земли, производились периодические переделы. При общинном выделении участков учитывались трудовые силы работников и их семейное положение. Помимо малых существовали и большие податные общины (очевидно, территориального происхождения), которые, как правило, объединяли крестьян нескольких небольших деревень, составлявших волость. Волостная община возникала либо из разрастания малой общины, но чаще из сложения земель (включая угодья) разных по происхождению малых общин. Пахотная волостная земля могла принадлежать общине или аристократу, который передавал её во владение общине. Помимо этого на территории волости располагались земли принадлежащие аристократу, церкви или самому царю, которые волость могла взять в аренду на оброк. Членами общины были крестьяне-дворохозяева. Остальные считались «захребетниками», жившими за счёт члена общины и освобождались от тягла. Периодически волостная общинная земля измерялась общепризнанной волостной верёвкой нанятым волостью верёвщиком и переделывалась между малыми общинами. Все угодья принадлежали всей общине. Часть из них периодически переделывалась между хозяйствами, часть постоянно находилась в общем пользовании (Также обстояло дело и в средневековой немецкой и хорватской общине.). Во главе волости-общины стоял староста или сотник (сотский), которого выбирала община. Староста согласно решению всего «мира» (т.е. схода всей общины) осуществлял раскладку податей по различным податным единицам площади (сохам, обжам, вытям или верёвкам) и сбор податей. Например, на рубеже XV-XVI вв. монастырские крестьяне, согласно барщине, должны были пахать 5 десятин земли на себя, а шестую — на монастырь. Внутриобщинные дела рассматривал мирской суд. Уголовные дела и дела, выходящие за рамки общины, решал суд во главе с княжеским наместником, но при обязательном участии старосты и «добрых людей», включавших выборных мирских представителей из числа наиболее влиятельных (обычно, пожилых, ведущих своё происхождение от первобытных старейшин) и, часто, богатых крестьян. Иногда в волости имелась съезжая или мирская изба, где собирались все волостные должностные лица. Наместник

и его тиуны не только разбирали уголовные дела, но и контролировали сбор податей. В центральном селе общины обычно строили церковь. Передко в церкви хранились мирские деньги, а на церковную трапезу, например, по случаю престольных праздников собиралась вся община. Иногда в волости был даже монастырь для призрения престарелых [182, с. 54–57, 265–270, 278–286].

Н.И. Павлов-Сильванский, разносторонне изучавший средневековые, постоянно сопоставлял русское, германское и европейское средневековое землевладение, вообще, и пришёл к выводу об идентичности рассматриваемых земельных отношений [182, с. 295]. Он показал, например, что и в русской общине, и в немецкой марке, общинные дела решались на сходке всех членов общины. Общую сумму податей по дворам также распределяла вся община. Судебные дела также рассматривались в общине, а в более высоком суде наряду с представителями государственной власти принимали участие представители крестьян. Марка также строила и содержала церковь, а из её мирской кассы осуществлялась благотворительность. Точно также леса, выгоны и воды находились в нераздельном общем пользовании общины [182, с. 53–54, 295].

В наиболее тяжёлом положении оставались бесправные холопы (если они не получали от хозяина-аристократа какой-либо управленческой должности), трудившиеся в домашнем хозяйстве своего господина, хотя случалось, что иногда хозяин сажал холопа на свою землю, заставляя выполнять крестьянскую работу, или находящийся в безвыходном положении человек сам продавался в холопы [182, с. 296].

Иван III для облегчения положения крестьян поощрял переходы крестьян от одного аристократа к другому и на свободные государственные земли, для создания заимок и запашек. Для того чтобы крестьянин мог обосноваться на новом месте, он освобождал его от налогов на несколько лет, иногда на срок до 20 лет. Однако, когда процесс создания единого государства был в основном завершён, в 1497 г. был издан Судебник Ивана III, где право перехода крестьянина от одного хозяина к другому было ограничено неделями до Юрьева дня (26 ноября по старому стилю) и неделями после Юрьева дня, что позволяло помещику получить после сбора урожая с крестьянина «пожилое» на выход, но затрудняло крестьянину уход в холода, и, в конечном счёте, способствовало закреплению крестьян за одним аристократом (В Псковской земле днём ухода «изорников» [арендаторов земли, отдававших за аренду хозяину земли значительную часть урожая] было «Филиппово заговенье 14/27 ноября»). Судебник 1497 г. издавался явно в интересах аристократии, потому что статьями 46, 47, 55, 63 и другими закреплял поместную форму землевладения и особенно жестоко, вплоть до смертной казни, статьями 8–14 наказывал за покушение на жизнь или собственность аристократов. Другие статьи : 1–8, 15–20, 26–29, — ставили центральные (великокняжеский и боярские) суды выше местных, а статьи 37, 38, 43, 45 и другие, — закрепляли контроль с их стороны над наместничьим судом. Процессуальный прогресс выразился в применении расследования вместо состязания сторон на суде. Присоединяя Новгород, Тверь,

Вятку, Псков, Смоленск и другие города Иван III и Василий III, иногда одаряли своих сторонников землями, отнятыми у сопротивлявшихся присоединению бояр, переселяя их в центральные районы, но очень неохотно раздавали земли со свободными черносошными крестьянами [36, с. 76; 172, с. 936; 207, с. 68–69].

В конце XV — начале XVI вв. происходило не только возрождение, но подъём культуры, связанный с объединением государства. Летописание приобрело государственный характер. Из многих летописей составлялись своды, где исторические сведения подвергались редактуре, чтобы текст исторически обосновывал право власти московских великих князей над всей Россией. В XV в. при монастырях открывались и расширялись школы, что способствовало распространению грамотности, особенно в городах. В ряде городов и монастырей и даже частными лицами создавались летописные своды. Впервые сербом Пахომием Логофетом был создан «Хронограф», описывающий историю многих стран. Возник ряд героических повестей. Появилось первое описание путешествия «Хождение за три моря» купца Афанасия Никитина. В зодчестве возникли различные школы, например, московская и новгородская. Привлекались иностранные инженеры и архитекторы. Рудольфо Аристотеле Фьорованти выстроил в Кремле главный Успенский собор и создал проект Московского Кремля, в постройке которого участвовали многие итальянские и русские архитекторы. Алевиз Новый (Алоизио Ламберти да Монтаньяна) построил собор Архангела Михаила и множество храмов в Москве. В 1489 году псковские мастера выстроили в Кремле Благовещенский собор. Вырабатывался новый московский архитектурный шатровый стиль. В этом стиле в 1532 г. в подмосковном селе Коломенском по случаю рождения сына Василия III Ивана построили каменную церковь Вознесение по образцу деревянных шатровых церквей. Шатровый стиль стал распространяться из Москвы по всей стране. Среди иконописцев работала школа Андрея Рублёва. Успенский собор расписал с помощниками продолжатель традиций Рублёва Дионисий, оставивший ряд прекрасных работ в церквях ряда городов.

Укрепление самодержавия

К середине XVI в. в России в основном сформировался государственный аппарат. Иван IV присвоил себе титул «царя» (Цезаря, императора). К моменту его воцарения при великом князе по мере необходимости собиралась Боярская дума (не более 25 человек), в которую входили московские бояре и наиболее влиятельные местные князья. Великокняжескими землями управлял Дворец. Государственная канцелярия — «Казна» управляла государственными деньгами и связанными с деньгами экономическими вопросами. Появились Приказы, занятые управлением страны подобно будущим министерствам. Поместный приказ распоряжался обеспечением поместьями служилых аристократов,

Разрядный приказ учитывал служилых людей и выплачивал им жалование, Посольский приказ осуществлял дипломатическую миссию, Разбойный приказ боролся с преступлениями. Княжеские вотчины были раздроблены. Взамен изъятых вотчинных земель, князья получали земли в других местах, что мешало им поддерживать возникающие сепаратистские устремления. Создавалась сословная аристократическая лестница. Великому князю служило 282 потомка Рюрика. Ниже них стояли состоящие на государственной службе родовитые бояре. Ещё ниже — бояре из удельных княжеств и вновь присоединённых земель. На предпоследней ступеньке стояли дворяне, состоящие на государственной службе и получающие за это в кормление поместные земли. На последней ступеньке стояли помещики-дворяне, служившие у князей и бояр. Поместья раздавались (главным образом из приобретённых в результате насильственного присоединения земель и отчасти из земель государственных за службу) не только дворянам, но боярам и даже князьям. Возникло новое территориальное деление, сменившее удельное. Вместо уделов учредили уезды во главе с наместниками. Уезды делились на волости во главе с волостелями. Наместники и волостели назначались из преданных великому князю людей и также получали земли с крестьянами в кормление. Ещё во время правления Елены Глинской, матери малолетнего Ивана IV, были созданы органы местного представительства. Интересы феодалов представляли губные (окружные) старосты, горожан — городовые приказчики, черносошных (свободных государственных) крестьян — земские старосты. В деревнях сохранялись общины с круговой порукой. Крестьяне ещё имели право уходить от своего хозяина, оставляя землю, за неделю до и за неделю после Юрьева дня, но всё чаще и чаще в разных местностях устанавливались «заповедные годы», запрещающие выход. При этом, заповедные годы распространялись не только на боярских, помещичьих, монастырских, митрополичьих и дворцовых крестьян, но и на государственных — черносошных. Однако Судебник 1550 года увеличил выплаты за переход к другому помещику в Юрьев день, а в 90-е гг. XVI в. стали издаваться указы, повелевающие разыскивать и возвращать хозяевам всех сбежавших или насильно отобранных у них крестьян. В 1549 г. был созван первый Земский собор. Всего в XVI-XVII вв. состоялось более пятидесяти соборов. В первом соборе участвовали бояре, иерархи церкви, часть провинциального боярства и дворянства. Позднее в Земских соборах стали участвовать купцы, в меньшей степени — ремесленники и прочие горожане, ещё меньше — представители крестьян. Созывать соборы приходилось по случаю войны и при необходимости в деньгах (обычно для ведения военных действий) [36, с. 82–84; 207, с. 116–117].

Правительство Елены Глинской в малолетство Ивана IV, понимая необходимость укрепления царской власти, опирающейся на дворян, в противовес боярскому сепаратизму, запретило покупку земли у служилых людей, чтобы эта земля всегда оставалась для наделения ею служилых людей. В 1535 г. была проведена денежная реформа, умень-

шившая вес монеты, но унифицировавшая существовавшие тогда московские, новгородские и прочие денежные системы [207, с. 89–90].

Иван IV, не доверяя боярам, создал при себе совет из приближённых, названный его соратником А.М. Курбским «Избранной радой», включавший знатных аристократов (например, князей Андрея Курбского и Михаила Воротынского), духовенство (например, духовника царя, протопопа кремлёвского Благовещенского собора публициста Сильвестра) и неродовитых аристократов (например, дворянина Алексея Фёдоровича Адашева, порою руководившего радой). Избранная Рада предложила созвать в 1549 г. Земский собор для примирения царя и различных групп аристократов, изъявший судебные дела в отношении «детей боярских» из боярского ведома, передав их в ведение царской власти, участники которого заверили царя в верности, а он обещал простить им все свои обиды. По решению собора был составлен Судебник 1550 года, где утверждался контроль за наместниками, отменялись податные льготы монастырям, вводилась для населения единая государственная пошлина и сбор торговых пошлин переходил к государству [36, с. 85; 207, с. 96–97].

При Иване IV была принята военная реформа, согласно которой во время войны царём назначались военачальники вне зависимости от происхождения и социального положения. Кроме того создавалась из дворян Московского уезда «избранная тысяча», становящаяся самой привилегированной частью войска, наподобие гвардии. Был объявлен набор людей всех сословий в стрелецкое войско, которое было предназначено главным образом для охраны царя. Стрельцов вооружили пищалями, бердышами и саблями. За службу стрельцы получали жалование и коллективные земельные наделы. Позднее им разрешалось заниматься ремеслом, торговлей и другими промыслами. Сначала было набрано 6 полков по 500 человек, затем численность росла. Налоги на войско собирались с «сохи», определяемой в зависимости от доходности земли. В Замоскворечье располагалась стрелецкая слобода. Часть стрельцов набиралась из дворян и детей боярских «по отечеству» с 15 лет. Они должны были получать по 150–450 десятин земли и жалование в 4–7 рублей в год, но с каждых 150 десятин выставлять в войско одного кавалериста с полным вооружением. «По прибору» набирали в стрельцы, пушкарки, казаки и кузнецы простых людей, а также иностранцев (главным образом поляков и немцев), число которых к концу века достигло двух с половиной тысяч [36, с. 85–86; 207, с. 97].

Разрастался государственный аппарат. Число приказов достигло 30. В 1552 г. составили Дворовую тетрадь, чтобы вписать служащих Государева Двора (около 4 тыс.), из которых потом назначались воеводы, дипломаты и другие важные чиновники. В 1551 г. на Стоглавом соборе с участием царя и Боярской думы духовенство утвердило пантеон русских святых и каноны иконописи. Все земли остались за церковью и монастырями, но впредь все церковные дарения и прочие приобретения должны были утверждаться властью. В 1549 г. к Ивану IV обращался с сочинениями, рисующими идеальную власть, и челобитными Иван

Семёнович Пересветов, советуя царю укреплять самодержавие и, обличая бояр, предлагал опираться на служилых дворян [207, с. 94–95].

В 1565 г., желая укрепить царскую власть и ослабить оппозицию удельных собственников из числа князей и бояр, Иван IV поделил всю территорию страны на земщину и опричнину. В опричные земли, принадлежащие царю, попала часть Москвы, наиболее развитые города, пограничные крепости и многие сельские регионы. Землю из опричнины царь давал во владение дворянам, составившим царское войско, разросшееся до 5 тысяч. Прежние владельцы уделов были переселены в земщину, во главе управления которой стоял думный дьяк и «печатник» (хранитель царской печати) Иван Михайлович Висковатый. Многие князья, бояре и церковные иерархи, подозреваемые в измене, были казнены. Вскоре казни обрушились на людей самых разных сословий, включая и простых людей, которых также обвиняли в измене. Особенно много людей погибло в Новгороде и Москве. В 1571 г., после того, как опричное войско оказалось неспособным противостоять армии крымского хана Девлет-Гирея, захватившего Москву (кроме Кремля) и сжёгшего её вместе с жителями, опричнина была отменена в 1572 г., и новый поход крымского хана разгромила уже земская армия под командованием князя М.И. Воротынского. Попытка возродить опричнину в 1575 г. окончилась неудачей. Тем не менее царская власть настолько укрепилась, что Иван IV прямо рассматривал свою власть как власть «божественного происхождения» и полагал, что всё население России его холопы [36, с. 84–89; 207, с. 104].

Экономика России в XVI в. развивалась неодинаково на разных территориях в зависимости от природных условий и местных хозяйственных традиций. В районе Москвы и к северу и востоку от неё преобладало трёхпольное пашенное зерновое земледелие с животноводством. Немного менее было развито земледелие на западе, где помимо зерна выращивали лён и коноплю. На крайнем севере преобладала охота на пушного и морского зверя, рыболовство, солеварение [207, с. 78].

Русские города XVI в. Ещё оставались преимущественно укреплёнными центрами владений аристократов. Некоторые города, такие как Венёв, Епифань и ряд других просто принадлежали Романовым, Мстиславским, Шереметевым. Часто в городе аристократам принадлежала большая часть дворов, например, в Ростове Великом. Даже в Москве им принадлежало более половины дворов. Лишь в отдельных городах, как, например, в Устюжне Железнопольской, преобладало ремесло. Крайне мало было и торговых центров, в которых скорее относились сёла, чем города, например, село Медна в Тверском уезде. Ремесло уже достигло значительного развития. В Москве, Новгороде, Пскове, Твери и других крупных городах работали плотники и столяры, гончары, кузнецы, кожевники, сапожники, хлебники и т.д. Развилась специализация внутри отдельных занятий. Так, например, в Новгороде из среды кожевников выделилось уже 25 профессий, 22 профессии было уже у кузнецов, 8 у скорняков. Значительная часть ремесленников ещё не порвала с пахотным земледелием и огородничеством. При этом часть

ремесленников составляли слуги аристократов. Большая часть строительных работ, особенно строительство укреплений, велась в порядке выполнения барщины. Однако и свободные горожане должны были исполнять повинность «городового дела» по строительству и ремонту городов [207, с. 80, 84, 90].

Крупные аристократы, монастыри и сам великий князь выносили на внутренний рынок товары, производимые в их имениях. В Тверской и Новгородской областях небольшая часть населения стала переходить к промыслам и торговле. Там стали возникать так называемые «рядки» — торговые сёла. Великий Новгород, Москва, Нижний Новгород и Холмогоры начали превращаться в торговые центры довольно обширных регионов. С севера, например, везли пушнину, рыбу и соль, а из центрального региона на север доставляли хлеб. Через Новгород и Смоленск торговали с Западом, вывозя оттуда металлы, оружие, сукно, а после завоевания Казанского и Астраханского ханств по волжскому пути пошли товары с Востока (даже из Китая): ткани, фарфор, драгоценности. На Восток из России отправляли меха, пеньку, воск. В 50-х гг. XVI в. началась торговля с Англией, куда отправляли лес и продукты охоты. В местах добычи болотной руды начали появляться железоделательные производства, например, Устюжна Железнопольская. В целом же рынок был ещё не развит, поскольку хозяйство оставалось преимущественно натуральным. Техника медленно развивалась, но ещё не выходила за рамки непосредственного использования природных сил: ветра и текущей воды. Простые механизмы применялись преимущественно в наиболее развитых монастырских хозяйствах. Так, например, в середине XVI в. в Соловецком монастыре, где системой каналов были соединены 52 озера, использовалась разница в уровне воды, позволявшая вращать мельничные колёса, а для провеивания зерна применялись механизмы, использовавшие силу ветра [207, с. 78–83].

В центре и к северу от него господствовало княжеское, боярское и церковное землевладение. В XVI в. нуждающаяся в средствах княжеская власть стала распространять налоги и на церковное землевладение. В Новгородской, Псковской, Смоленской и Рязанской областях преобладало дворянское землевладение. Частновладельческие крестьяне в это время облагались оброком четырёх категорий в зависимости от размеров обрабатываемых участков. На севере располагались преимущественно черносошные земли. В южных приграничных районах селились казаки, образуя вольные общины. К югу от Москвы преобладала барщинная эксплуатация, к северу — оброк, хотя зависимые крестьяне в той или иной степени исполняли обе повинности. Черносошные крестьяне исполняли натуральный или денежный оброк. Всё больше и больше крестьян, спасаясь от увеличения повинностей, уходило из центра на окраины. Нередко к бегущим на окраины присоединялись и горожане, включая зависимых и свободных [207, с. 79, 86–87, 92; 182, с. 263–264].

Аристократическому угнетению крестьяне сопротивлялись не только побегами, но разбоем, ересью и т.п. В середине XVI в. холоп Феодосий Косой бежал из Москвы на Белоозеро, где постригся в монахи и стал

проповедовать всеобщее равенство, отказ от власти и богатства, отрицал многие церковные догматы, церковь и церковнослужителей. Бежал от преследований в Литву [207, с. 109].

После смерти Ивана IV, во время царствования его сына Фёдора страной практически правил его шурин Борис Годунов, получив титул «правителя, слуги и конюшего боярина и дворового воеводы». В 1584 г. он отменил льготы для церквей и монастырей при уплате пошлин, а крестьянам запретил переход к другим хозяевам даже в Юрьев день, приняв позднее указ о «Заповедных летах», т.е. годах, в течение которых можно было разыскивать крестьян, самовольно ушедших от своих хозяев. В 1589 г. он добился учреждения на Руси патриаршества, сделав первым патриархом приближённого к нему Иова [36, с. 93].

После смерти Фёдора Ивановича на Земском соборе в 1598 г. на царство был избран Борис Годунов. Уже, вступая на престол, в 1598 г. он простил недоимки по податям и налогам, предоставил некоторые льготы при выполнении государственных повинностей служилым и посадским людям и даже освободил заключённых. На первых порах его политика закрепления крестьян за дворянами (Крестьянину уходить имело смысл только к богатому крупному аристократу.), освоения окраинных земель и т.п. способствовала развитию экономики. Однако голод после неурожая 1601 г., сопровождавшийся боярскими и купеческими спекуляциями хлебом, вызвал недовольство крестьян, дворян и казаков, не получавших хлеба и жалования. Борис пытался установить предельную цену на хлеб, спекулянтов хлебом велел на площади публично бить кнутом, но это не остановило спекуляции. Не помогла даже раздача хлеба из государственных закромов. Борису пришлось также разрешить крестьянам переход, что разоряло дворянство. Более того, царь разрешил уходить от своих господ даже холопам, если господа не могли их прокормить. Он также организовал не являвшиеся необходимыми государственные работы, чтобы обеспечить заработком неимущих. Голод продолжался три года, сопровождаясь болезнями, превращающимися в эпидемии, бегством крестьян и разбоем. В 1603 г. восстали крестьяне и под предводительством Хлопки двинулись на Москву. С трудом они были разбиты [207, с. 120–122].

К концу XVI в. крестьянство делилось на три категории. Немного более половины составляли лично свободные чернососные крестьяне. Немного менее половины составляли владельческие крестьяне, окончательно прикреплённые к определённым аристократам: вотчинникам или помещикам, а также дворцовые крестьяне, принадлежащие государству: царю и его Двору. Многие чернососные крестьяне из боязни попасть в зависимость от аристократов стали покидать центральные районы, выселяясь на север и на вновь приобретённые территории. На крайнем юге в пограничных районах стали селиться некоторые разорившиеся и обедневшие свободные люди, беглые частновладельческие крестьяне, отчасти, уголовные элементы и люди, преследуемые по политическим мотивам. Они образовали сначала Донское, затем Терское и Яицкое казачество. Если ранее крестьяне могли свободно уходить со

своей земли на заработки, то после неурожаяев, эпидемий и войн конца века были объявлены «заповедные годы», во время которых крестьянам запрещалось покидать свои земли. Постепенно сельское хозяйство стало налаживаться, и даже, несмотря на натуральный характер сельского хозяйства в целом, некоторые районы начинали специализироваться на отдельных видах продукции [36, с. 94].

Специализация шла и в ремесле. Например, в металлообработке уже работало порядка 20 ремесленников разных специальностей. Бронзовое литьё колоколов и пушек становится массовым. Возникают такие центры железоделательного производства как Тула, Великий Устюг и другие. Центрами торговли становятся помимо Москвы и Великого Новгорода, Смоленск, Нижний Новгород, Великий Устюг, Холмогоры и ещё ряд городов. С севера в центр везут соль, рыбу, пушнину, на север с юга — хлеб, пеньку, воск. Большую роль в торговле ещё играют крупные землевладельцы и монастыри, но значительно возрастает роль купечества: ведущих заморскую торговлю купцов-гостей и внутреннюю — купцов. В Москве даже возникают гостинная и суконная купеческие сотни. Ведётся торговля с Центральной Европой, начинается торговля с Англией, оживляется торговля с Востоком. Из России вывозятся пенька, меха, воск, из Европы поступают льняные и шерстяные ткани и оружие, с Востока — хлопок, шёлк, фарфор, драгоценности [36, с. 94–95].

В XVI веке в Москве окончательно сложился великорусский язык из северно-русского говора кривичей, составляющих значительную часть аристократии, и южно-русского народного говора вятичей, неселявших регион к югу от Москвы. Единый язык способствовал развитию культуры. Культура XVI в. несмотря на то, что опричнина и ливонская война задержали её развитие, продолжала в значительной степени подчиняться единодержавной власти царей, отражая их устремления. На Стоглавом соборе в 1551 г. приняли решение о создании «книжных» училищ для обучения грамоте во многих городах, а в 1554 г. вышла первая русская грамматика. В 1553–1554 гг. появляются первые печатные книги, а в 1564 г. Иван Фёдоров вместе с Петром Мстиславцем в открытой ими типографии издал впервые датированную, но десятую по счёту печатную книгу «Апостол», а годом позже «Часовник» (содержащий молитвы и обычно использовавшийся как учебник для познания грамоты). Однако, опасаясь нападения религиозных фанатиков, Фёдоров уехал в Литву, где продолжил книгопечатание. Появилось больше светской литературы. Философ Максим Грек перевёл ряд книг с греческого языка. «Сказание о князьях Владимирских» обосновывало официальную точку зрения на русское самодержавие. Публицисты: нестяжатель Вассиан Патрикеев (в миру князь Василий Иванович Патрикеев) и иосифлянин митрополит Даниил высказали свои взгляды в публицистике. Иван Пересветов предложил государственные реформы с позиций разрастающегося дворянства. Летописание всё более приближалось к официальному. Никоновская летопись первой половины XVI в. изложила историю Руси с первых известных летописцам князей до Ивана IV.

Позднее создали лицевой летописный свод в 12 томах, описывающий события не только русской, но и мировой истории, которую проиллюстрировали 16 тысячами миниатюр, представляющих и художественный интерес. Создавались и произведения, посвящённые конкретным событиям истории. Впервые появился Домострой — книга, излагающая этические правила XVI столетия вместе с рекомендациями для семейного быта, включая медицинские рецепты. Создавались и исполнялись исторические песни, посвящённые покорению Казани, походу Ермака, правлению Грозного царя. Стоглавый собор, хотя и приветствовал стиль Андрея Рублёва, но строго регламентировал формы зодчества и живописи и предписал строго придерживаться византийских канонов, что сдерживало творчество живописцев. Однако в иконописи проявилось стремление внести элементы портретной индивидуальности и жанровости в библейских сценах. На иконе «Церковь воинствующая» (предположительно написанной духовником Ивана IV протопопом Благовещенского монастыря Андреем), посвящённой взятию Казани, изображён Иван Грозный и прославленные русские князья, а «Четырёхчастная» икона в Благовещенском соборе живо изобразила троицу, святых, мучеников и людей, порой приближаясь к жанровым сценкам. Очень выразительной становится не только чёрно-белая, но и цветная прикладная живопись книжных миниатюр. Строилось много каменных зданий. Начатую ещё Алевизом Новым церковь Ивана Лествичника достроили Бон Фрязин, Петрок Малый и Фёдор Конь, пристроившие к ней колокольню, достигшую к 1600 г. высоты в 82 метра, получившую название «Иван Великий». Развивались математика, география, медицина. Обычно пользовались услугами иноземных медиков. В 1581 г. в Кремле была открыта первая аптека. По инициативе Ивана Грозного в честь взятия Казани архитектором Бармой Постником на Красной площади в 1555–1561 гг. был возведён Покровский собор, отразив праздничность главной площади страны и её единство через единство девяти образующих его церквей. Архитектор Фёдор Конь в конце XVI в. окружил московский посад белокаменной стеной, в результате чего эта часть Москвы получила название Белого города. Он же дополнил кремлёвские башни шатровыми крышами. В центрах многих городов, включая Ивангород, Смоленск, Тулу и Зарайск, — строились кремли с высокими и толстыми стенами, чтобы можно было прикрыть страну от возможных набегов. Мощные стены возводились вокруг монастырей, превращая их в оборонительные крепости [207, с. 199–200].

Смутное время

После смерти Бориса Годунова в условиях выступлений обедневшего народа началось Смутное время, характеризующееся борьбой за власть, в ходе которой народ сначала поддержал Лжедмитрия I, которому удалось занять русский престол. Лжедмитрий I (20 июня 1605 — 16 мая 1606), стремясь найти социальную опору, освободил на 10 лет от налогов

южные регионы России, отменил там работу на «десятинной пашне» и даже собирался издать закон, позволяющий выход крестьян от хозяев, однако разрешил уход только при угрозе голодной смерти. Вместе с тем он восстановил пятилетний срок сыска беглых крестьян. Он также временно освободил от налогов и повинностей поддержавших его в борьбе горожан, а аристократов наделил землями, конфискованными у монастырей и взятыми там деньгами, а многих бояр казнил и отправил в ссылку [36, с. 105; 207, с. 123–124].

Сменивший на престоле Лжедмитрия князь Василий Иванович Шуйский, царствовавший в 1606–1610 гг. был вынужден подавлять крестьянское восстание под руководством бывшего холопа Ивана Исаевича Болотникова (1606–1607). Чтобы расколоть участников восстания, он приказал пленных инсургентов отдавать в холопы, а перебежавшим на сторону правительства давать освобождение от зависимости, и, чтобы привлечь на свою сторону аристократов из района восстания, издал указ о продлении срока розыска беглых крестьян до 15 лет [207, с. 126]. Продолжая политику укрепления центральной власти, Шуйский отменил элементы местного самоуправления с губными старостами и городовыми приказчиками, отдав власть на местах назначаемым правительством воеводам [138, с. 64]. После смерти Шуйского и непродолжительного правления бояр в Москве обосновались поляки, которых удалось изгнать лишь 27 октября 1612 г. В результате политики, проводимой властями в Смутное время положение народа только ухудшилось.

Переход от самодержавия к абсолютизму

В январе 1613 г. Земский собор, состоявший из бояр, дворян, духовенства, стрельцов, казаков и горожан, избрал на царство Михаила Фёдоровича Романова (1613–1645) [250, с. 111]. Значительную часть времени за Михаила фактически правил его отец, патриарх Филарет (Фёдор Никитич Романов) (1554–1633). В 1613 г. Боярская дума состояла из 40 человек. Чтобы ослабить боярскую оппозицию, Филарет расширил Думу за счёт думских дьяков и дворян. Для решения текущих дел он создал Ближнюю думу из четырёх бояр, царских родственников. Возросло число (доходившее порой до 80) и роль приказов, важнейшими из которых: Разрядным, Поместным, Большой казны, Стрелецким, Иноземным и другими, — управляли члены царской семьи. В начале 30-х гг. были созданы полки нового строя, вооружённые современным оружием: солдатские (пехотные) и рейтарские и драгунские (конные). Было увеличено жалование казакам [36, с. 115, 116; 207, с. 171].

Дальнейшие реформы продолжились в царствование сына Михаила Фёдоровича Алексея Михайловича (1645–1676), при котором продолжало укрепляться самодержавие за счет ослабления власти бояр при опоре на дворян. Реформы, укрепляющие самодержавие, превращающиеся в абсолютизм, в последние десятилетия правления Алексея

Михайловича продолжились. В 1678 г. Боярская дума была расширена до 97 человек. К этому времени в состав думы было введено значительное число дворян, в том числе и из незнатных родов. Уже в 1668 г. из 60 членов боярской думы было только 28 представителей старинных боярских родов. В 1678–1679 гг. в думе было 42 боярина, 27 окольных, 19 думных дворян и 9 думных дьяков. В число дьяков вошли выходцы из «торговых людей» Н.И. Чистой и А.И. Иванов и некоторые другие незнатные люди, а московские «гости» отец и сын Кирилловы получили чины думных дворян. Псковский дворянин А.Л. Ордын-Нащокин и сын дьяка А.С. Матвеев вошли в думу и впоследствии стали боярами [36, с.119; 207, с.171; 138, с.233–240].

При Алексее Михайловиче число приказов доходило до 80. Теперь финансами ведал приказ Счётных дел. Для борьбы с раздробленностью и усиления центральной власти был создан Приказ великого государя тайных дел, который позволял царю проводить угодные ему решения в тайне от бояр, контролировать деятельность послов и чиновников, управлять рядом военных производств и помогать царю в личных делах (хотя после смерти царя приказ был упразднён). Выполняя те или обязанности по управлению или сбору средств приказ получал доход от сбора налогов или «корм» от управляемого региона или группы населения. Тогда уже приказным чиновникам стали свойственны волокита, взяточничество, готовность на подкуп и казнокрадство [36, с. 119; 207, с. 171–174].

На протяжении XVII в. с целью усиления царской власти перестраивалось и местное самоуправление. С 1613 г. были назначены новые воеводы с административной, судебной, военной и фискальной властью в 33 города, что ограничило власть местных аристократов [266, с. 174]. Ряд уездов был объединён в «разряды» (области): Московский, Владимирский, Рязанский, Новгородский, Казанский, Смоленский, Севский, Тамбовский и Украинский (позднее Белгородский), — под властью воеводы. Сохранившиеся губные старосты постепенно теряли самостоятельность, осуществляя исполнительную власть при воеводах. Земские старосты продолжали наблюдать за сбором налогов и должны были обеспечивать воевод всем необходимым. Выборные судьи («излюбленные головы») сохранились только в землях, принадлежащих дворцу, и в чёрных землях Поморья [207, с. 174–175].

Централизация власти способствовала и военным реформам. Дворянское ополчение было трудно и долго собирать. Бедным дворянам было трудно с экипировкой. Многие уклонялись от призыва на войну из-за хозяйственных проблем. Дворянское ополчение было плохо подготовлено к боям. Бояре, стоявшие во главе войска, во время войны часто преследовали не государственные, а свои корыстные цели. В 1630 г., накануне Смоленской войны правительство попыталось создать солдатские полки с казённым жалованием и вооружением из детей боярских, но в них записалось только 60 человек. После этого в солдатские полки стали призывать казаков и свободных людей. Было сформировано 6 полков во главе с офицерами из иностранцев. В 1632 г. был создан

первый рейтарский конный полк с более высоким жалованием, чем у пехоты. Живших по домам рейтар собирали на учение осенью на месяц. Во время смоленской войны сформировали ещё два полка (где преобладали податные люди) и смешанный драгунский полк. В новые полки пришлось отправлять по принудительному набору, а после окончания Смоленской войны распустить их по домам из-за нехватки денег на жалование. В 40-х гг. в некоторых пограничных уездах были созданы «поселенские войска», из которых сформировали новые драгунские полки. Составившие эти «поселенские войска» крестьяне должны были заниматься своим хозяйством, освобождаясь от повинностей и налогов, но проходили обучение и несли пограничную службу, хотя были мало пригодны для военных действий. В 1606–1621 гг. и в 1647 г. были составлены первые военные уставы по примеру западных. Во второй половине XVII в. были образованы первые территориальные «разряды» — прообраз военных округов. Однако до 1682 г. командные должности занимали наместники, но их приходилось заменять иностранными офицерами. За время Русско-польско-шведской войны 1654–1667 гг. пришлось набрать в полки 50 тыс. податных граждан на постоянную службу с разрешением части из них возвращаться домой в мирный период. Позднее по одному из 100 податных дворов брали в солдаты или рейтары, в 1678 г. в солдаты записали всех «скудных» дворян, а в 1680 г. из Севского, Белгородского и Тамбовского разрядов в солдаты брали всяких дворян. Ближе к концу столетия были выделены два лучших «выборных» полка, составленных преимущественно из черносошных крестьян и посадских людей. В 1681 г. армия состояла из 60 тыс. солдат, 30 тыс. рейтар, более 50 тыс. стрельцов, 16 тыс. дворян и детей боярских и 30 тыс. конных «служилых инородцев»: татар, мордовцев и других народов, всего — 180 тыс. На вооружение вместо тяжёлых пищалей поступили мушкеты и карабины. При полках была артиллерия, насчитывавшая к 80-м гг. свыше 40 тыс. орудий, отливаемых из меди и чугуна, вместо железных. Росло производство боеприпасов. Началось строительство военного флота для плавания по Волге и Каспийскому морю, который начали строить в 60-х гг. XVII в. в селе Дединове под Коломной [207, с. 175–177].

В XVII в. Россия значительно расширила свои границы, превратившись в сильную евразийскую державу. Крупнейшими достижениями стали воссоединение с Левобережной Украиной и дальнейшее завоевание Сибири, позволившее русским крестьянам колонизовать Сибирь [138, с. 134–143].

Земские соборы стали собираться реже. Соборы созывали для обсуждения наиболее важных внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем (особенно когда требовалось получить с населения деньги и ратников) и принятия законов, но участники соборов выполняли лишь совещательные функции, передавая царю предложения в форме челобитных. Таким образом, Российское государство во второй половине XVI — первой половине XVII в. приобрело характер сословно-представительной монархии, но отнюдь не ограничивало самодержавие. На соборы от-

правляли представителей Боярской думы, «освящённого собора» и выборных представителей дворянства и горожан. Представители черносошных крестьян были только на соборе 1613 г. Состав соборов не был регулярным. Депутатов избирали отдельно от служилых московских чинов: стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов (не вёрстаных в чины дворян); по уездам от городских дворян; от торговых людей: гостей и гостиной и торговой сотен. В Новгородской земле выбирали по традиции по пятинам, в Рязанской земле по традиции — по «станам». «Служилые люди «по прибору» посылали своих представителей от приказов (полков) и слобод. Посадские люди в Москве выбирали по сотням и слободам, а в провинции по посадам в целом». Случалось, что посадские люди и даже дворяне в городах никого не посылали. На соборе 1634 г. были только дворяне, находившиеся в данный момент в Москве. На соборе 1642 г. (где преобладавшее по численности дворянство отказало казакам в помощи для удержания Азова) присутствовали столичные и провинциальные дворяне, духовенство и купечество. На соборе 1648–1649 гг. было 14 представителей высшего духовенства, 40 человек представляли бояр, московское дворянство и высших приказных чиновников, было 153 провинциальных дворянина, 94 представителя торговых и посадских людей и 15 стрельцов [207, с. 154, 165, 171–172].

Согласно принятому по решению собора в 1649 г. «Соборному уложению», все выступающие против царской власти, церкви и государевых бояр и воевод подлежали смертной казни, были усовершенствованы некоторые законы и судопроизводство, предусматривавшее жестокие телесные наказания, крестьяне как частные так и государственные были потомственно прикреплены к земле. Теперь дворяне могли владеть не только поместьями, но и вотчинами, выменивая их на поместья. Тогда же церкви было запрещено приобретать земли, а контроль за монастырскими землями был возложен на Монастырский приказ. Главным же стало положение главы XI: «Суд о крестьянах», которая окончательно прикрепляла как частных так и черносошных крестьян к земле, закрепляла частных крестьян за их хозяевами и устанавливала наследственность крепостного состояния, давала помещикам право распоряжаться имуществом крепостных и холопов, позволяя отбирать его для выплаты помещичьего долга, отменяла «урочные лета», что делало розыск беглых бессрочным. Согласно уложению, помещики получали право надзора за крестьянами и вотчинного суда, а иски крестьян в суде мог защищать только их хозяин. Только с его же согласия крестьянам теперь стало возможно заключать браки, делить семейное имущество и передавать его по наследству. Уложение давало помещикам и другие права, ущемляя ограниченные права крестьян, которых, разве что, нельзя было превращать в холопов, но нельзя было и отпускать на волю [36, с. 116–118; 207, с. 141, 167–168].

В городах частные «белые слободы» на купленной или захваченной тяглой земле сливались с другими тяглыми посадскими землями (Позднее посадская реформа 1649–1652 гг. фактически превратила всю

посадскую землю в государственную, а всех живших на ней горожан в тяглых людей). Аристократы получали замену за подгородние вотчины и поместья, которые также приписывались к посаду. Право торговли в городах теперь отдавалось только посадским. Московские стрельцы получали право заниматься ремеслом и торговлей, за что должны были платить подати наряду с чёрными людьми. Торгующие городские стрельцы и казаки обязаны были платить оброк с лавок и таможенные пошлины. Все прочие служилые люди в случае торговли переводились в тягло. Даже став стрельцом, выйти из тягла мог только третий сын посадского человека. Даже перейти к помещику в качестве крепостного тяглый горожанин не мог под страхом битья кнутом и высылки в Сибирь на Лену, а по указу от 8 февраля 1658 г. за самовольный переход в другой посад или женитьбу вне посада предусматривалась смертная казнь. Однако бегство продолжалось В Тотьме за 8 лет после переписи 1676 г. число посадских «душ мужского пола» уменьшилось с 1048 до 566 [138, с. 105; 207, с. 169].

В XVII в. в России под влиянием ремесла, мануфактурного производства, торговли, связям с другими регионами и, особенно, из-за жестокой прикрываемой верой эксплуатации со стороны монастырей и церковных иерархов авторитет церкви пошатнулся. В народе нередко стали отпирать религиозные обряды в общинах, часто сочетая христианские обряды с элементами язычества. На церковных соборах 1654–1655 гг. была проведена унификация богослужебных книг и церковных обрядов по греческим образцам, что вызвало недовольство людей, привыкших к своим книгам и своим молитвам. Унификация вызвала раскол на сторонников новой обрядности и старой. Противников реформ стали называть «старообрядцами» или «раскольниками». Старообрядцы строго придерживались местных традиционных ритуалов и признавали только свои церковные книги. Они перестали подчиняться государственному клиру или совсем отрицали священников, заменив их читавшими священное писание и выступающими с речами проповедниками. Людей привлекала проповедь христианского братства и равенства перед богом. Под влиянием неистовых проповедников народ уходил в отдалённые и неизвестные места: в леса, на север, за Волгу, чтобы начать новую жизнь в молитвах, без угнетения, в надежде на братскую поддержку. Значительное число проповедников призывало к уходу из жизни, умерщвлению плоти, к самоуничтожению, обычно через сожжение. Правительство ответило преследованием раскольнических общин [36, с. 118; 207, с. 178–181]. Фактически русский раскол явился русской формой реформации, стремящейся к возврату к первоначальному «священному писанию» и к традиционной этике, отрицая власть церкви и святость её клира.

В открытой борьбе с официальной церковью, а также в результате самосожжений в знак нежелания подчиниться реформам и из-за использования сторонниками реформ казней через сжигание в раскольничьих церквях, часовнях и прочих постройках погибли десятки тысяч раскольников [36, с. 118–119].

Начавшееся в 1648 г. восстание против польской власти на Украине окончилось разгромом значительной части польских войск и обращением к России с просьбой о вхождении в её состав. В 1654 г. произошло воссоединение Украины с Россией [36, с. 119–120].

В начале XVII в. в результате вражеских нашествий и междоусобиц экономика России была подорвана. Польша и Швабия захватили значительные территории. Города и сёла к западу от Москвы значительно опустели. В 40-х гг. возделывалось лишь 42% пахотной земли, и лишь к 70-м гг. запашка достигла 70%. Сельское хозяйство развивалось экстенсивно. Вырубали и распахивали леса, шло освоение южных земель вдоль засечной черты и Сибири. К концу века в Сибири возделывалось около 100 тыс. десятин, которые давали 4 млн. пудов зерна. В Центре давно уже применяли трёхполье, которое стало распространяться и на окраины. Шла постепенная специализация сельхозрайонов. На юге и в Поволжье выращивали зерновые, вокруг Новгорода и Пскова — лён, к северу от Москвы разводили скот. Крупные аристократические хозяйства поставляли хлеб на продажу. Войны и подавление восстаний требовали денег. Была проведена перепись податного населения. Вместо поземельной ввели подворную подать. С черносошных крестьян и с посадских горожан стали собирать пятину. Учредили новые налоги на лавки, на водопой скота и даже на полоскание белья. Аристократам также предложили дать правительству добровольный заём. Беднеющие крестьяне совершали массовые побеги, и Соборное уложение 1649 г. окончательно закрепостило крестьян. Крестьянское хозяйство оставалось преимущественно натуральным. В домашнем хозяйстве ткали и шили одежду, строили дома, хлева, амбары и бани, клали печки, делали сани, телеги, лошадиную сбрую, разнообразные предметы быта: корыта, корзины, туесы и прочую посуду, хотя уже были сельские колёсники, шорники, портные и некоторые другие ремесленники. Окончательно обособленно испокон веков работали кузнецы, были самостоятельные гончары, но ремесло развивалось преимущественно в городах [36, с. 125–126; 207, с. 135–136].

Войны, неурожаи и эпидемии XVII в. способствовали забрасыванию земель и возрождению и развитию промыслов, что в свою очередь помогало усилению торговли. «Из Поморья везли соль, рыбу, с Белого моря — тюленей и моржей, с Печоры, Двины, северных отрогов Уральского хребта, из Сибири — меха; соль добывали в Новгороде и Старой Русе, Соли Камской, Перми и Тотьме, Астрахани и на Соловках; продолжало сохраняться ещё кое-где бортное хозяйство; кроме того, во многих местах делали дёготь, селитру» [207, с. 136].

Крупные аристократы продолжали развивать производство. В их хозяйствах появились кожевенные, винокуренные, поташные заводы. Боярин Борис Иванович Морозов получал от продажи поташа 24 тыс. рублей в год. Однако главным он, как и почти все аристократы, считал рост земледелия и землевладения. Для этого он 80 тыс. рублей раздал кабальникам. В XVII в. «...Б.И. Морозов имел более 300 сёл и деревень (9 тыс. дворов) в 19 уездах — 80 тыс. десятин. 7012 дворов имел

дядя царя Н.И. Романов, 7819 дворов было у князя Я.К. Черкасского, 2791 двор — у Ф.И. Шереметева и т.п.» [207, с. 137]. Во владении церкви находилось 120 тыс. крестьянских дворов. Из них 17 тыс. дворов в 40 уездах принадлежало самому крупному монастырю, Троице-Сергиевой лавре, а в вотчине московского патриарха находилось 9 тыс. дворов. Монастыри также производили товары и торговали. От продажи соли Кириллов Белозёрский монастырь ежегодно выручал 8 тыс. рублей, а Соловецкий 40 тыс. [207, с. 136–137].

Росли города, хотя их формальное число (не считая Украины и Сибири) достигло к середине XVII в. 226. Только в Москве проживало около 200 тыс. жителей. В Новгороде Великом, Пскове, Нижнем Новгороде, Казани, Ярославле, Костроме, Вологде было по несколько десятков тысяч горожан. Довольно крупными городами стали Тотьма и Устюг Великий. Обычно же население городов редко превышало 5–10 тысяч. Были ещё меньшие городки. Города росли преимущественно на севере, где были развиты промыслы и было больше свободных крестьян. Южные и восточные города служили преимущественно крепостями, большую часть населения которых составляли служилые люди. В Воронеже в 1646 г. было 1200 служилых и только 513 посадских людей. В Томске служилые люди составляли 74% населения. Довольно большой процент населения в городах составляли феодалы и их слуги. Значительная часть городских территорий была занята «белыми слободами», принадлежащими монастырям, патриарху и светским аристократам. «Белые слободы» были освобождены от посадского тягла, что привлекало туда бедноту, что приводило к усилению тягловой нагрузки на остальных горожан, которые требовали ликвидации «белых слобод». Посадские люди в зависимости от платёжеспособности официально делились на «лучших», «средних» и «молодых» людей. «В Москве по данным 1634 г. 45% населения чёрных посадских слобод обладало имуществом, оценивавшимся до 5 рублей, 45% — от 5 до 10 рублей, 4% — от 50 до 100 рублей, 2% — свыше 250 рублей» [207, с. 149–150]. Многие небогатые горожане были вынуждены заниматься земледелием. Городская верхушка стремилась закабалить бедняков. Поскольку годовой государственный налог назначался на всё посадское население города, постольку «бóльшие» горожане стремились переложить всю тяжесть налога на «меньших», чтобы их закабалить. Образовались большие недоимки, которые правительство нередко собирало со стрельцами. Тогда недоимщиков могли поставить на правёж, устраивая их ежедневную порку до уплаты недоимок. Обусловленная тяжёлыми повинностями и налогами бедность нередко вынуждала покидать города. В 1631 г. в Шуге осталось всего 40 человек посадских. Видя разорение городов в результате войн и тяжести налогов и повинностей, нуждающееся в пополнении казны правительство иногда было вынуждено временно освобождать некоторые из них от уплаты налогов. Так, например, в конце 10-х годов пришлось освободить от налогов на три года Новгород. Лишь после Уложения 1649 г. население городов стало медленно расти [36, с. 126–127; 207, с. 149–150, 152].

Несмотря на крепостнические порядки, затруднявшие передвижение рабочей силы и «отход» от земледелия для занятия ремеслом, даже в некоторых сёлах ремёсла становились основным занятием. В Поволжье в селе Иванове к 1667 г. только $\frac{1}{8}$ крестьян продолжала пахать землю, остальные занимались промыслами и торговлей. В Павлове, Лыскове, Мурашкине занимались обработкой металлов. В районе Тулы, Олонецком крае и в некоторых других местах сельские жители также переходили к ремеслу и торговле. В городах углублялось разделение труда. В большинстве городов ремесленников было ещё мало. Например в 1628 г. в Суздали было всего 65 ремесленников, в Ростове в 1646 г. — 170. Однако в Москве насчитывалось около 260 ремесленных специальностей, из которых 50 занималось различного рода обработкой металлов. Свыше 200 специальностей насчитывалось в Ярославле, более 50 — во Пскове и Устюге Великом, где в 20-х гг. XVII в. было 432 ремесленника, составлявших более половины взрослого мужского населения, занимавшихся главным образом обработкой железа и изготовлением кожаных изделий. По всей стране ремесленники-металлисты изготавливали сошники, серпы, лопаты, вилы, подковы, удила, ножи, молоты, клещи, ломы, скобы, гвозди, цепи, сковороды, подсвечники, замки, гири и другие вещи. Чрезвычайно разнообразны были, например, деревянные изделия, а также предметы из кожи. Теперь большая часть ремесленников работала не на заказ, а на продажу. Наметилась товарная специализация ряда городов. В Великом Устюге производили металлические изделия, в Ярославле и Казани выделывали кожи и изготавливали кожаные изделия, в Калуге производили деревянную посуду, в Тотьме и Старой Русе варили соль [207, с. 142–143].

В ремесле там, где существовало развитое крестьянское производство: кузнечное, ткацкое, кожевенное, шорное, — возникали мануфактуры: солеваренные, винокуренные, по производству юфти и прочих товаров. Первая мануфактура — медеплавильный Ницинский завод на Урале была организована в 1631 г. Вскоре был открыт железоделательный завод Виниуса и Винкельсона около Тулы. Несколько железоделательных мануфактур основал С. Гаврилов в Олонецком крае. В Ярославле, Казани и Тобольске были открыты кожевенные мануфактуры. Под Ярославлем заработала полотняная мануфактура Тамеса. Государственные потребности в оснащении армии и флота, обеспечении металлом вызвали к жизни возникновение «казённых заводов». Ряд мануфактур открыло, например, дворцовое ведомство в Москве: текстильную Хамовную, Печатный и Монетный дворы. В XVII в. в солеваренном производстве работало 10 мануфактур, всего же можно насчитать около 30 непостоянно работавших из-за нехватки сырья и рабочей силы мануфактур. Заинтересованное в обеспечении армии правительство обычно поддерживало мануфактуры и предоставляло привилегии частным предпринимателям. Тульские металлургические заводы были построены при содействии правительства, также как и некоторые другие предприятия. Стремясь к обеспечению непрерывности производства, правительство принудительно отправляло на мануфактуры государ-

ственных крестьян, что способствовало их уже производственному закреплению и консервации крепостнических отношений даже в новой сфере производства — промышленного производства. Вольнонаёмный труд был крайне незначителен и ограничивался главным образом привлечением квалифицированных мастеров. Часть мануфактур использовала механизмы, которые нередко приводились в движение течением воды или ветром. Первая русская мануфактура, основанная в 1479 г. московский Пушечный двор, отливавший пушки и колокола, был значительно расширен. Голландский купец А.Д. Виниус основал компанию с П. Марселисом (старшим) и Ф. Акемой и построил в 1637 г. под Тулой 3 железоделательных завода, и вскоре ещё 4 возникли в Каширском уезде. На этих заводах выпускались пушки и ядра, а также сковороды, гвозди и другие изделия. Швед Койет построил стекольную мануфактуру под Москвой. В районе Соликамска заработал медеплавильный завод. В Москве появилась текстильная мануфактура — Хамовный двор. В Архангельске возникла мануфактура канатная. Русские также стали строить мануфактуры. Среди них вотчинники И.Д. Милославский и Н.И. Одоевский и другие. Бояре Морозов и Милославский и тульский мастер Никита Демидов создали металлургические заводы. Стали складываться центры металлургии: Тульско-Серпуховской и Устюго-Тихвинский. В Москве, Великом Новгороде и Нижнем Новгороде выпускали изделия из меди, бронзы и прочих металлов, включая драгоценные, в Ярославле, Казани, Вологде обрабатывали кожу [34, с. 51; 36, с. 126–127; 207, с. 145–146].

На мануфактурах работали главным образом крепостные, специально приписанные к тому или иному предприятию. Однако наряду с принудительным производством работали и небольшие мануфактуры, основанные на наёмном труде работников сравнительно немногих специальностей. Дело в том, что в XVII в. в России в силу обезземеливания крестьян и разорения ремесленников начал создаваться рынок свободной рабочей силы, что позволяло вести эксплуатацию рабочей силы и осуществлять первоначальное накопление капитала. Теперь наряду с торговым капиталом стал складываться и промышленный капитал [138, с. 116].

Производственная специализация городов и регионов вела к торговле между ними. Смоленск и Псков торговали льном. Наибольшего размаха достигла хлебная торговля, поскольку в городах всегда требовался хлеб. За счёт хлебной торговли по Волге росли Нижний Новгород, Казань, Астрахань. Из Соли Камской и Соли Вычегодской везли соль на запад и восток. Кроме того в Соли Вычегодской сложился пушной рынок. Из Великого Устюга металлические изделия везли в Сибирь. Ярославль, Вологда, Кострома, Белоозеро, Касимов, Белёв также превратились в центры торговли. В Сибири центром торговли с промысловиками стала Мангазея, шла торговля по Оби, Енисею и Лене. Самый же крупный московский торг насчитывал уже 120 специализированных рядов. Складывается общероссийский рынок с ярмарками: Макарьевской (у Нижнего Новгорода), Соль Вычегодской, Свенской

(у Брянска), Ирбитской, которые по обороту уступали только Москве. В XVII в. Россия вела торговлю хлебом, солью, мехами, кожами, мёдом, воском и т.п. с Польшей, Данией, Швецией, Норвегией, Нидерландами, Францией, Англией, Персией, Индией и Китаем. Заморскую торговлю вели, например, Архангельск, принимавший ежегодно от 50 до 80 иноземных кораблей, и Астрахань, торговавшая с Востоком. Торговля с Китаем велась через Нерчинский острог. Среди купцов выделялись ведущие заморскую торговлю гости, которых освобождали от многих налогов. Они имели право свободного выезда за границу и даже могли иметь вотчины с крепостными. Остальные торговые люди также получали права на внутреннюю торговлю, подтверждённые Торговым уставом 1653 г. и Новым торговым уставом 1667 г. Этот последний составленный А.Л. Ордин-Нащокиным устав ограждал отечественных купцов от начавшейся конкуренции с иностранным купечеством, которому теперь запрещалось вести розничную торговлю в пределах России. Крепостническое государство также мешало развитию производства и торговли, принудительно поручая предпринимателям поставлять определённые материалы и продукты производства и отбирая в казну продукты, которые могли бы быть выгодными для торговли товарами. Для помощи в торговле и лучшего контроля за торговлей правительство объединило купцов в корпорации «гостей», «гостиную сотню» и «суконную сотню». Гости, которых насчитывалось 30 человек, имели самые высокие привилегии: ездить за границу, иметь собственные вотчины и судиться не на местах, а в Казённом приказе. 158 купцов, составлявших «гостиную сотню», и 46 составивших «суконную сотню» не могли везти товары за границу, но имели право приобретать земли, и купеческая верхушка с удовольствием приобретала земли и промысловые угодья. Нередко богатых купцов включали в корпорации насильно для привлечения части их капиталов на удовлетворение казённых потребностей, что исключало их из городской налоговой развёрстки, ещё более усугубляя положение рядовых горожан. Мелкие торговцы, наоборот, постоянно ощущая притеснения со стороны богатых купцов, просили восстановления городского самоуправления [36, с. 127; 138, с. 107–113; 207, с. 143–149, 156–157].

Многие отсталые социальные явления и процессы отрицательно сказывались на экономике России. Хотя уже началось первоначальное накопление капитала, но крепостничество мешало развиваться товарно-денежным отношениям. Возникновение буржуазии тормозилось неравноправным, по сравнению с дворянством, положением купцов и состоятельных ремесленников, которым ничего не оставалось, как пытаться получить дворянство. Социальная мобильность оставалась низкой не только из-за сложности перехода из нижестоящих классов во дворянство, но также из-за прикрепления крестьян к земле, и частично к купечеству, что не позволяло или крайне затрудняло найм на промышленные предприятия. Господствующий натуральный характер экономики не только затруднял отходничество, но крайне тормозил развитие денежных отношений. К тому же и государственная политика, проводимая в интересах аристократии, с от-

сталым законодательством, налогами и пошлинами также тормозила развитие товарно-денежных отношений [138, с. 97–103, 108–109].

Официально население России XVII в. делилось на служилых людей, тяглых людей и холопов. «К служилым людям относились как служилые люди «по отчеству» — городовые (провинциальные) дети боярские, так и служилые люди «по прибору» — стрельцы, казённые мастера, пушкари, городовые казаки. «Приборные» служилые люди жили своим трудом и были близки к массе эксплуатируемого населения страны. Тяглые люди выполняли комплекс натуральных и денежных повинностей в пользу государя. Это были горожане и крестьяне, как зависимые, так и лично свободные. Среди них были и богатые «бóльшие» люди и «беднота — «мёньшие» (Вспомним египетских неджесов — Н.К.). Зажиточные горожане и черносошные крестьяне, хотя и были сами тяглыми, эксплуатировали и притесняли членов посадских и крестьянских общин». Создавшуюся социальную иерархию правительства Романовых стремились сохранить в неизменном виде. «В 1642 г. был издан указ о том, чтобы вернуть записавшихся в службу холопов в прежнее состояние, а в 1675 г. запрещалось записывать черносошных крестьян в дворян» [207, с. 138].

Прежние категории тяглых людей: серебрянники (взавшие в долг серебро), старожильцы, новоприходцы и другие, — в связи с Соборным уложением фактически утратили различия. Черносошные крестьяне жили преимущественно на севере страны. Они составляли общины, которые входили в волости и сохраняли самоуправление, хотя государство нередко вмешивалось в их дела, а налоги и подати постепенно росли. Среди крестьян раскладывали поземельные налоги по «сошному и вытному письму», взыскивали «стрелецкие деньги» или деньги на «солдатские корма», «запасные деньги» (налог на создание запасов продовольствия на случай войны), «ямские отпуска» (подводную повинность), «судовые немерные кортомы» (плата за аренду судов), «немерные протяжи» (недоимки). Кроме того с 1613 г. семь раз со всего населения или отдельных его категорий собирали «пятинные деньги», т.е. налог в размере $\frac{1}{5}$ урожая. Происходило обеднение крестьян.росло количество половников, вынужденных отдавать половину урожая за взятую ссуду. Резко возрастало и количество бобылей — крестьян оставшихся без хозяйства и неспособных выполнять тягло. В конце XVI в. бобыли составляли 11% среди крестьян Троице-Сергиевского монастыря, в 1640 г. — уже свыше 43%. Возникли такие категории как подсосудники, захребетники, т.е. такие крестьяне, которые, не имея своего, вынуждены были работать в чужих хозяйствах. Появились «гулящие люди», ищущие по стране законные и незаконные средства к существованию, но наёмный труд применялся ещё редко. Наряду с бедняками порой появлялись и «капиталисты» крестьяне, скупавшие участки земли или получавшие их по закладным кабалам. Они давали денежные ссуды под залог земли и закабалили обедневших крестьян, вели ростовщические операции, торговали. Из их среды вышли многие крупные купцы: Босые, Глотовы, Ревякины и

другие. Вместе с тем новоиспечённые богатеи стремились войти в класс аристократов [207, с. 138–140, 152, 157].

Происходило расслоение и среди посадских людей. В Тотьме беднота составляла 75% от числа тягловцев в 1648 г., а в 1682 — уже 95%. Обедневшие горожане вынуждены были наниматься на работу к богатым ремесленникам, промысловикам, торговцам и аристократам, что в условиях крепостничества нередко их приводило к личной зависимости от нанимателей [207, с. 143–144].

Сложилась определённая социальная иерархия наверху с классом аристократов, который делился по чинам на бюрократической лестнице. Высшие думные чины составляли бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки. Ниже них располагались московские чины: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы. Ещё ниже — чины городовые: выборные дворяне, дворовые дворяне, городовые (и уездные) дворяне и дети боярские. В 1687 г. аристократы владели 57% крестьян (или 507 тысячами крестьянских дворов), а в 1678 г. 88 членов Боярской думы владело 45 тыс. крестьянских дворов. Опасаясь боярских смут, цари предпочитали опираться на дворянство. Выход из дворян в низшие сословия и обратно постепенно ограничивался, а переход в боярство был вполне возможен. Дворянин Борис Иванович Морозов стал боярином и крупнейшим крепостником, владеющим 10 тысячами крестьянских дворов. Прекрасную карьеру сделали дворяне Долгорукие, Толстые, Чаадаевы, Урусовы, Боборыкины, Языковы. Постепенно стала стираться грань между вотчинами и поместьями. Росло и дворянское землевладение за счёт раздачи им крестьянских общин и конфискаций вотчин тех бояр, что служили Лжедмитриям и интервентам. При этом дворяне стремились превратить свои поместья в вотчины. В начале XVII в., правительство нуждаясь в деньгах, продало дворянам ряд поместий в отчинную собственность. Другие получили земли на правах вотчинников за борьбу с интервентами и за доносы на самовольных захватчиков правительственных земель. «В 1678 г. в Замосковском крае уже 59% дворян владело землёй на вотчинном праве» [297, с. 137]. На юге Тульского уезда и в Шелонской пятине Новгородской земли дворяне владели более чем 90% земли, но случалось, что были малоземельные и даже безземельные дворяне. В Елецком уезде, например, по одной из переписей из 878 дворян 296 обладали лишь одним крестьянским двором, а 133 дворянина были безземельны. Дворяне, а нередко и монастыри и даже небогатые и невлиятельные бояре нередко жаловались царю на притеснения, захваты земли и насильный вывод крестьян со стороны всеильных бояр, например, двоюродного дяди царя Алексея Михайловича Ивана Никитича Романова. В связи с беззакониями, творимыми «бóльшими людьми», дворяне просили отмены «урочных лет», позволяющих им через правительственных чиновников возвращать беглых и уведённых крестьян в течение 5 лет. В ответ правительство Михаила Романова в 1637 г. увеличило указом срок розыска и возвращения крестьян до 9 лет, а в 1641 г. — до 10 лет при розыске беглых и 15 лет — вывезенных крестьян. Случалось, что крупные аристократы

захватывали земли своих слабых соседей силой и даже заставляли мелкопоместных дворян стать своими кабальными холопами [36, с. 128; 138, с. 117; 207, с. 137, 151–155, 171].

13% всех тягловых дворов принадлежало церкви (хотя после Уложения 1649 г. церковное землевладение уменьшилось), 9% дворов принадлежало дворцу, 10% — боярам и 57% — дворянам. Лишь только 10% дворов и в сёлах и в городах составляли чёрные дворы, не принадлежащие хозяевам [207, с. 137]. Около 5% населения составляли посадские люди: стрельцы, купцы, ремесленники.

Крестьяне были самым бесправным сословием. В XVII в. цари продолжали раздавать дворцовых и черносошных крестьян вотчинникам и помещикам. В 1649 г. крестьяне были окончательно прикреплены. В 1679 г. они были обложены подворными налогами. Чтобы избежать тяжёлых налогов, в один дом нередко съезжалось по несколько крестьянских семей. Приблизительно к северу от Москвы преобладала оброчная, к югу — барщинная крестьянская повинность. Постепенно часть барщины и натурального оброка и государственных повинностей и налогов стали заменять денежным оброком и денежными налогами в силу желания аристократии приобретать рыночные товары, расширять хозяйство, вести торговлю и заводить производство, а также в результате государственных потребностей в деньгах. Правда, некоторым крестьянам удавалось разбогатеть и стать купцами или промышленниками. Чаще это удавалось черносошным крестьянам, хотя были и разбогатевшие крепостные, оставшиеся в зависимости от аристократов [138, с. 119–120, 125, 128].

В наихудшем положении были холопы и прочие категории рабов, хотя некоторые из них получали от своих хозяев высокие должности в хозяйстве и войске. Холопы, например, не могли владеть вотчинами, если приобретали землю [138, с. 167].

В середине XVII в. нуждающееся в деньгах правительство стало сокращать расходы на управление, снизив жалование казённым мастерам и чиновникам [138, с. 157–158].

Увеличение повинностей, рост налогов (Например, в 1662 г. был удвоен «стрелецкий хлеб».) вёл к разорению (Уже в 70-х гг. XVII в. десятая часть крестьян лишилась хозяйства.), что вело к разрастанию побегов крестьян, холопов и посадских людей. Не только черносошные, но и помещичьи крестьяне устремлялись из центральной России на окраины, где они в течение некоторого времени могли жить, не подчиняясь каким-либо аристократам и не платя налогов государству. Нередко аристократы переселяли крестьян на другие, более плодородные земли, в результате чего некоторые земли и поместья пустели. Случалось, что крупные землевладельцы уводили крестьян с земель небогатых соседей, которые вынуждены были отъезжать на службу. Оставленные поля обычно отходили к помещику и становились местом отработки барщины. Часть крестьян превращалась в вышедших из общины бобылей. Некоторые вынуждены были стать холопами. Определённое число крестьян превращалось в «служилых людей по прибору». В результате остающиеся на прежних местах крестьяне вынуждены были восполнять

подати и повинности, не отработанные переселившимися или беглыми крестьянами. В Галицком и Костромском уездах помещикам усиленно раздавались в поместья и вотчины чёрные земли с крестьянами. Среди задержанных беглых 50% составляли крестьяне мелких и средних помещиков, 14% — крупных аристократов, 6% — монастырей. За четыре года, в 1663–1667 гг. только в Рязанский уезд было возвращено 8 тыс. беглых крестьян и холопов. Увеличение налогов и повинностей, протест против раздачи помещикам государственных крестьян приводили на протяжении всего XVII века также к крестьянским волнениям и восстаниям (обостряющимся в районах ведения войны), к которым присоединялись мучимые растущими ценами и налогами (например, на соль) и инфляцией из-за попытки введения медных денег горожане, и обделённые жалованием, плохо снабжаемые казаки, среди которых пытались искать беглых. В 1603 г. произошло восстание холопов и крестьян под водительством Хлопки, во время которого восставшие были разбиты только недалеко от Москвы. В 1606–1607 гг. произошло величайшее восстание крестьян, городских низов и холопов под руководством бывшего холопа боярина Телятевского Ивана Исаевича Болотникова. Восставшие осадили Москву и правительство с трудом подавило сопротивление крестьян. Особенно упорным было восстание 1667 г. под руководством донского казачьего атамана Степана Тимофеевича Разина. Неудачи народных восстаний, где основную массу составляли зависимые крестьяне, объясняются прежде всего тем, что восставшие боролись против угнетения со стороны (по большей части своих хозяев) аристократов, против закрепощения, не позволяющего перехода к другим хозяевам, против «богатых» (имея в виду торговцев) и против злоупотреблений администрации, почти всегда надеясь на царскую справедливость, а не против всей социально-политической системы [36, с. 122–123; 136, с. 87–89, 166, 244; 138, с. 128–130; 207, с. 182–186].

В культуре XVII в. началось постоянное развитие. Усилились связи с зарубежными странами откуда проникали некоторые научные знания и достижения западноевропейских культур. Русская культура постепенно вставала на путь общего культурного развития. Авторитет официальной церкви постепенно расшатывался и культура приобретала по сравнению с предыдущей всё больше светских черт. Общественная мысль стала уходить за рамки монастырей и государственных канцелярий. Письменные произведения появились в городской среде. Распространялась грамотность не только среди аристократов, но и в городах, достигая среди посадских людей (почти исключительно среди мужчин) до 40%. Обучались преимущественно у священников и дьячков. Однако стало открываться больше школ. В 40-х гг. дворецкий стряпчий Фёдор Михайлович Ртищев устроил школу для молодых дворян, где приглашённые им три десятка киевских монахов преподавали им греческий и латинский языки, риторику и богословскую философию. Потом было создано ещё несколько частных школ. Наконец, в 1687 г. в Москве была открыта Славяно-греко-латинская академия во главе с греческими учёными: Иоанникием и Стефаном Ликудами для подго-

товки духовенства и государственных чиновников, в которую принимали людей «всякого чина, сана и возраста». Образованнейший монах, наставник царевичей Алексея, Фёдора и царевны Софьи, писатель и поэт Симеон Полоцкий основал «Школу грамматического учения». При обучении пользовались таблицей умножения и азбукой Василия Бурцева (отпечатанной в 1651 г. в количестве 2400 экземпляров и проданной в Москве за день) и Кариона Истомина. Печатный двор выпустил около 500 книг различных наименований. В 1672 г. в Москве открылась первая книжная лавка. В 1621 г. при дворе стали издавать первую русскую рукописную газету «Куранты». Любители чтения, такие как царь Алексей Михайлович, патриарх Никон, князь Василий Васильевич Голицин, боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащёкин, стали собирать библиотеки. Продолжалось летописание. «Новый летописец», созданный по заказу патриарха Филарета, обосновывал права на престол династии Романовых. Записной приказ, созданный при Алексее Михайловиче, собирал исторические материалы для написания угодной царской власти истории. Появились и исторические сочинения. «Синописис» киевского монаха Иннокентия Гизеля — попытка описания русской истории в единстве судеб России и Украины, ставший на долгое время единственным учебником русской истории. Андрей Иванович Лызлов создал «Скифскую историю», Семён Ульянович Ремезов — «Историю Сибирскую». Развивалась публицистика, постепенно освобождавшаяся от описания бытия святых. Таково, например, «Житие» протопопа Аввакума. Появилось разделение на сторонников сближения с Западом и защитников самобытности, а живший в то время в России хорватский богослов и философ Юрий Крижанич выступал за культурное единение славян. Росло число произведений, повествующих о современных событиях, например, «Казачье написание» соратников Ермака о завоевании Сибири. В псковских повестях даже прослеживается сочувствие к участникам псковского восстания 1650 года. В художественной литературе помимо «великих людей» героями становятся и простые люди и возникают вымышленные герои. Симеон Полоцкий (белорусский учёный и поэт С.Е. Ситнианович) сочиняет драму «О Навуходоносоре царе...», а также «Комедию притчу о блудном сыне». Народ также создаёт сатирические рассказы, обличающие несправедливость знатных и богатых, например, «Повесть о Шемякином суде», разоблачающие неправедность и взяточничество судей, «Сказание о попе Савве» и «Калязинскую челобитную», осмеивающие духовенство и чиновничество. Делаются народные попытки создания подобию рыцарских романов о Еруслане Лазаревиче и Бове королевиче, ещё не избавленных от сказочной канвы. Наконец, возникает поэзия. Симеон Полоцкий пишет целые сборники стихов.

Постепенно развиваются науки, носящие преимущественно прикладной характер. В XVII в. в России уже накапливались математические знания: умели извлекать квадратные и кубические корни, решать уравнения, измерять площади. В связи с изготовлением лекарств и пороха стали известны свойства многих химических веществ. Труд Андрея Везалия о строении человеческого тела перевели на русский

язык. Стала известна гелиоцентрическая система Николая Коперника. Переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Спафарий возглавил в 1675–1678 гг. посольство в Пекин и оставил описание Китая. Освоение Сибири способствовало расширению географических знаний. Владимир Васильевич Атласов исследовал и описал Камчатку, Семён Иванович Дежнёв открыл пролив между Азией и Америкой и т.д. В результате географических открытий был создан Большой чертёж — первая карта России, хотя более точная карта Сибири была создана уже в начале XVIII в. Появляются описания процессов добычи соли, изготовления краски, различных изделий из металла и многие другие, способствующие возникновению первичных знаний в геологии, физике, химии. Росли медицинские знания, и Аптекарский приказ помогал их сохранять и развивать [36, с. 130–131; 207, с. 208–209].

Теперь помимо монументальных соборов чаще строили небольшие посадские церкви, впитывающие народные мотивы, живость, красочность, узоры. Даже в религиозных постройках наблюдается, по выражению современника, «обмирщение». Архитектура продолжала традиции белокаменного зодчества, но шире использовался кирпич, изразцы, резьба. В новом стиле был построен Новоиерусалимский монастырь с Воскресенским собором. Во второй половине века строится великолепный по красоте с белокаменными стенами, разнообразными церквями, жилыми и хозяйственными постройками митрополичий двор в Ростове (обычно называемый Ростовским кремлём). Тогда же перестраиваются многочисленные монастыри в Суздале, Владимире, Костроме и других местах. В конце века возникает стиль — русское барокко, в котором построена церковь Покрова в Филях и Сухарева башня в Москве. В селе Коломенском в 1667–1668 гг. строится шедевр деревянного зодчества царский дворец.

Развивается иконопись и возникает портретная живопись. На фресках и иконах теперь с любовью в библейских сюжетах изображается нередко родная русская природа и живая жизнь: пахота, жатва. Среди фресковых художников пользовались успехом ярославский художник Гурий Никитин (Гурий Никитич Кинешемцев) и Дмитрий Григорьев (Дмитрий Григорьевич Плеханов). На Северо-Востоке Европейской части страны славится строгановская иконописная школа. Ещё большую известность получает школа Симона Фёдоровича Ушакова. Наиболее известны его работы «Спас Нерукотворный» и «Насаждение древа Государства Российского», а также портреты Алексея Михайловича и его семьи. Известен портрет Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

В 1672 г. по распоряжению Алексея Михайловича в комедийной «храмине» (театре) труппа из 60 иностранцев впервые разыграла несколько пьес на библейские сюжеты.

Реформы революционные и консервативные

Вступивший на престол в 1689 г. Пётр I, достигнув зрелого возраста, предпринял с 1695г. ряд реформ. Желая пробиться к морям (В 1696 г. русские войска взяли Азов.) он уже в 1695–1698 гг. стал строить флот.

Аристократы и монастыри должны были субсидировать строительство 60 кораблей (из расчёта 10 тыс. крестьянских дворов субсидируют строительство и строят 1 корабль), посадские люди — 14 кораблей, 46 кораблей — казна. По указам 1699 г. стрелецкие полки были распущены и из добровольцев из числа свободных было сформировано 29 пехотных и 2 драгунских полка. В 1700–1701 гг. было создано ещё 10 драгунских полков. В 1707 г. в России была уже стотысячная армия. Для пополнения казны вводились прямые налоги: рекрутские, драгунские, корабельные и т.п. Изобретались всевозможные косвенные налоги: конская, банная, рыбная, медовая подати, налог на дубовые гробы. Даже для составления документов была выпущена гербовая бумага по 10 коп. за лист. К 1724 г. набралось уже 40 видов косвенных налогов. Для роста казны уменьшили вес монеты, что вело к инфляции. В 1718 г. для упорядочения налогообложения начали перепись населения. С мужского населения стали брать налоги. Крепостной должен был платить 74 коп. в год, государственный крестьянин — 1 руб. 14 коп., посадский — 1 руб. 20 коп. В результате за четверть века казна выросла в 4 раза [36, с. 135–143, 155; 250, с. 137–138].

«Городская реформа» вывела города из подчинения у воевод, подчинив их «Бурмистерской палате» (ратуше) во главе с выборным бурмистром. С 1692 по 1702 гг. Боярская дума сократилась со 182 до 86 человек и почти утратила значение важного совещательного органа. Вышли распоряжения об отправке за границу «студентов» для обучения военному делу, кораблестроению и другим полезным знаниям. После смерти патриарха Адриана его место занял «местоблюститель патриаршего престола», митрополит рязанский Стефан Яворский и делами церкви стал управлять Монастырский приказ. Количество монахов было сокращено, а переход в другие монастыри запрещён. Доходы с монастырских вотчин перешли к государству, а в 1721 г. церковью стал управлять Синод. 1 января 1700 г. (вместо 1 сентября) был объявлен началом года и праздником. В 1721 г. Сенатом и Синодом Петру был присвоен титул императора [36, с. 138–139, 144].

Полноценные административные реформы начались в 1699 г., когда Боярская дума была заменена Ближней канцелярией, которую в 1708 г. переименовали в Консилию министров. Наконец в 1711 г. был учреждён Правительствующий Сенат, который получил административные, судебные и отчасти законодательные права. Сенат состоял из 9 членов: трёх высших аристократов, трёх бывших членов Боярской думы и трёх избранных от дворян. С 1715 г. деятельность Сената контролировал генерал-ревизор, в 1722 г. переименованный в генерал-прокурора. Сенат заменил Разрядный и поместный приказы, обеспечивал явку на службу аристократов, ведал государственными доходами и расходами, следил за всеми государственными учреждениями через фискалов, которые должны были выявлять нарушения законов, прежде всего казнокрадами и взяточниками. Фискалы доносили о преступлениях в Расправную палату, за что получали половину имущества преступника. Помимо Сената в 1715–1720 гг. вместо приказов было создано 10 «коллегий»: Военная,

ведавшая армией, Адмиралтейская — флотом, Юстиц-коллегия — судом, Камер-коллегия — доходами, Штатс-контор-коллегия — расходами, Ревизион-коллегия — контролем за сбором и расходованием средств, Коммерц-коллегия — торговлей, Берг-коллегия — горнорудной промышленностью, Мануфактур-коллегия — лёгкой промышленностью. Позднее были основаны ещё 2 коллегии: Вотчинная и Малороссийская. Городами управлял на правах коллегии «Главный магистрат». В его подчинении находились «земские избы», наделённые административными и судебными полномочиями, призванные защищать от притеснений купцов и ремесленников. Кроме коллегий в управлении участвовало несколько приказов, палат и контор. Преображенский приказ и особенно Тайная канцелярия ведали политическим сыском. «Генеральный регламент» определял штаты всех бюрократических учреждений. Во главе каждой коллегии стояли президент и вице-президент. При них был совет из 4–5 советников, 4 асессора и штат подчинённых им чиновников. В 1722 г. была издана «Табель о рангах», распределившая чиновников по 14 классам. Армейская чиновная лестница начиналась с прапорщика и кончалась генерал-фельдмаршалом, морская начиналась мичманом и кончалась генерал-адмиралом, гражданская начиналась с коллежского регистратора и заканчивалась канцлером. Стать чиновником и достичь высших чинов мог представитель любого сословия. В 1708 г. страна была разделена на 8 губерний: Петербургскую (Ингерманландскую), Московскую, Архангельскую, Смоленскую, Киевскую, Азовскую, Казанскую и Сибирскую. Позднее были выделены также Воронежская, Рижская, Нижегородская и Астраханская губернии. Во главе Петербургской и Азовской губерний стояли генерал-губернаторы, во главе остальных — губернаторы. Губернаторы имели в своём распоряжении значительный штат чиновников. Губернаторам подчинялись коменданты, поставленные во главе уездов вместо прежних воевод. В 1717 г. в стране было создано 50 провинций. Губернаторы сохранили судебное и военное управление губерниями, а административное управление только в своей провинции. Остальные функции по управлению провинциями перешли к поставленным во главе них воеводам. Провинции разделили на дистрикты во главе с земскими комиссарами. Была проведена, но не удалась попытка создать нижний и верхний суд [36, с. 152–153].

В 1705 г. была введена рекрутская повинность. 20 крестьянских дворов должны были поставлять одного рекрута. Стрелецкие полки были упразднены, и в 1708 г. русская армия состояла из 52 пехотных полков и 33 кавалерийских, общей численностью в 130 тыс. Кроме того существовали гарнизонные войска, насчитывавшие 70 тыс. Помимо этого в иррегулярных войсках состояло 100 тысяч казаков, калмыков и прочих. Была создана мощная артиллерия. К 1720 г. российский флот состоял из 28 линейных кораблей, оснащённых пушками (от 50 до 96), около сотни фрегатов, галер и мелких судов. Армия действовала по уставам и инструкциям. Среди них — «Устав воинский», «Воинские статьи», «Упреждение к бою», «Устав морской», «Артикул кора-

бельный», «Регламент адмиралтейский». Для подготовки офицеров были созданы бомбардирская, навигатская и математическая школы. Позднее открыли артиллерийские, инженерные и хирургические школы, а унтер-офицеров обучали в гарнизонных школах. В 1715 г. в Петербурге учредили Морскую академию [36, с. 153–154].

Во главе церкви в 1721 г. был поставлен Святейший правительствующий синод, состоящий из 12 назначаемых царём церковнослужителей, которых контролировал обер-прокурор. Имуществом церкви управлял Монастырский приказ (с 1724 г. — Синодальная контора) [36, с. 154].

Активная внешняя политика Петра I требовала вооружения, что в свою очередь зависело от развития промышленности. Поощряя предпринимательство в нужных государству областях, правительство предоставляло предпринимателям денежные субсидии, приписывало к частным мануфактурам крестьян, обеспечивая их таким образом рабочей силой, покупала их продукцию или часть её, иногда даже передавало в частную собственность казённые мануфактуры. При содействии правительства Петра возникло уже 178 мануфактур (Их половина была государственной, другая — частной.) для обеспечения армии, флота или государственного аппарата, подчинённых Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии или отдельно созданных согласно правительственным указам. Среди них — 55 металлургических и оружейных заводов, 9 парусно-полотнянных мануфактур, 15 суконных, 13 кожевенных и некоторые другие. В России увеличивалось производство металла и металлических изделий. Расширялось железоделательное производство в Тульском районе, но уральская металлургия благодаря богатым железом рудам вышла на первое место. Невьянский, Тобольский и другие заводы Никиты Демидова (Никиты Демидовича Антуфьева) производили там чугуны и медь. В Нерчинске построили первый сереброплавильный завод. В первой четверти XVIII в. производство чугуна возросло со 150 до 800 тыс. пудов. Чугуны стали даже экспортировать. Оружие производили, например, под Петербургом на Сестрорецком заводе. Пётр поощрял также создание пороховых, парусинных, канатных, суконных, кожевенных, цементных, бумажных, сахарных и других мануфактур. В 20-х гг. только юфть на экспорт производило более 30 мануфактур. Ещё больше мануфактур насчитывалось в винокуренном производстве. Появилась даже фабрика по производству обоев. Президент Военной коллегии, светлейший князь Александр Данилович Меншиков основал крупную полотняную мануфактуру, кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров — суконную. Шелковые мануфактуры создали генерал-адмирал Фёдор Матвеевич Апраксин, генерал-лейтенант, граф Пётр Андреевич Толстой и вице-президент коллегии иностранных дел, барон Пётр Павлович Шафиров. Однако все сподвижники Петра не сумели вести производство и передали свои предприятия купцам. К концу правления Петра в стране было уже около 100 мануфактур, на которых работало 15 и более человек. При мануфактурах стали создавать ремесленные школы для обучения ремеслу рабочих. Основную массу на них составляли крестьяне: государственные и крепостные, которых

приписывали к производству, а с 1721 г. промышленникам разрешили приобретать крестьян, покупая их целыми деревнями. В 1722 г. в городах были созданы цехи для ремесленников [26, с. 750; 34, с. 51; 36, с. 155–156].

В сельском хозяйстве мало что изменилось, но петровское государство стремилось давать помещикам и крестьянам прогрессивные рекомендации, например, применять для жатвы косы вместо серпов. Появились новые и восстанавливались забытые культуры: фрукты, виноград, табак и т.п. Стали разводить овец-мериносов и новые породы молочных коров [36, с. 156].

Развивая внешнюю торговлю ввели купеческие «кумпанства» и предоставляли им определённые привилегии. Для облегчения торговых поездок построили Ладожский, Вышневолоцкий и Волго-Донской каналы, стали строить канал Москва-Волга. Вместе с тем для сохранения приемлемых для населения цен и обеспечения казны постоянными доходами государство ввело монополию на торговлю хлебом, солью, пенькой, щетиной, мехами, воском, икрой и рядом других жизненно необходимых и прибыльных товаров. Благодаря политике меркантилизма и протекционизма вывоз товаров в 2 раза превосходил ввоз [36, с. 156–157].

В силу политики укрепления самодержавия и подъёма мощи и культуры страны, когда было необходимо получить грамотную и прочную опору среди населения, боярство окончательно было оттеснено на задний план, а дворянство привлекалось на службу. Указ о единонаследии от 23 марта 1714 г. стёр грани между боярами и дворянами, приравняв поместья к вотчинам. Упрочилось положение купцов и состоятельных цеховиков, но городская беднота стала ещё беднее. Ещё более ухудшилось положение крестьян. Часть государственных крестьян была отдана помещикам, другие были приписаны к промышленному производству, всем (и свободным, и крепостным) пришлось платить увеличенные прямые налоги и многочисленные косвенные [36, с. 157].

Походы и реформы Петра требовали грамотных и образованных людей. Сам он и его сподвижники освоили ряд необходимых специальностей за границей. Детей дворян стали посылать учиться за границу. Царь начал открывать специальные школы и в России. Уже в 1699 г. в Москве была создана Пушкарская школа, в 1701 г. — Навигатская школа. Позже в столицах образовали Морскую академию, Медицинскую школу, кораблестроительные, штурманские, инженерные, ремесленные учебные учреждения. Цифирные школы в провинции готовили чиновников, епархиальные — священников, гарнизонные учили грамоте и военному делу детей солдат. Стали печатать учебники: «Арифметику» Леонтия Филипповича Магницкого, «Таблицы логарифмов и синусов». В петровскую эпоху было издано свыше 600 наименований книг, нередко большими тиражами. Число типографий достигло шести. Церковнославянский шрифт заменили на более простой светский. Сам Пётр, А.Д. Меншиков и Борис Петрович Шереметев собрали значительные библиотеки. В 1714 г. была открыта первая государственная би-

блиотека, посетителям которой в качестве поощрения наливали чашку кофе или рюмку вина. Стали периодически издавать газету «Ведомости» тиражом в 2500 экземпляров.

Отправка экспедиций в Сибирь, на Дальний Восток и в Среднюю Азию способствовала расширению географических знаний и освоению новых земель. В 1725 г. Пётр послал экспедицию Витуса Беринга и Алексея Чирикова на Камчатку. Экспедиция подтвердила наличие пролива между Азией и Америкой. Исследования позволили создать достоверные карты Белого, Балтийского, Азовского и Чёрного морей. Развитие промышленности требовало поисков металлических руд, каменного угля и развитию геологии, которой занимались президент Берг-коллегии Яков Вилимович Брюс, управляющий казёнными уральскими заводами Василий Никитич Татищев и начальник уральских заводов Вилим Иванович де Геннин. В новой столице был открыт первый музей — Кунсткамера, где была помещена коллекция редких вещей, привезённых Петром I из-за границы и собирались удивительные и старинные вещи из России и зарубежья. Пётр 28 января 1724 г. издал даже указ об открытии в Петербурге Академии наук, которую удалось открыть лишь много позже после смерти императора.

Пётр уделял много внимания истории и описанию собственных деяний. На основе записи его дел была составлена «Гистория Свейской войны». Иван Тихонович Посошков написал «Книгу о скудости и богатстве», где размышлял об экономических реформах. Иеромонах Феофан Прокопович в трактатах «Духовный регламент» и «Правда воли монаршей» обосновал необходимость самодержавия. Было создано первое сочинение по этике «Юности честное зерцало» главным образом для нравственного воспитания дворян.

Пётр старался утвердить театральные представления, во время которых разыгрывались исторические пьесы и комедии. Для театра Прокопович написал трагикомедию «Владимир». Появились и другие русские пьесы. Пётр же ввёл собрания дворянства — ассамблеи, где преобладающие развлечения сочетались с деловыми беседами. С 1718 г. на ассамблеи велено было приходить с женщинами.

Возникла чисто светская живопись. Особенно поощрялась портретная живопись, изображающая Петра и его сподвижников. Известны портретисты Иван Никитич Никитин и Андрей Матвеевич Матвеев. Впервые появилась гравюра. Гравёр Алексей Фёдорович Зубов изображал виды Петербурга, битвы при Гангуте и Гренгаме. Изменялась архитектура, заимствовавшая черты европейской. В Петербурге строились Петропавловская крепость, Адмиралтейство, здание Двенадцати коллегий, дворец Петра в Летнем саду. В Москве по инициативе Петра в 1692–1695 гг. для гарнизона, охраняющего сретенские ворота Москвы, строят Сухареву башню и по заказу А.Д. Меншикова в 1707 г. в стиле петровского барокко Церковь Архангела Гавриила со знаменитой колокольной.

Реформы Петра I были двойственны по натуре. С одной стороны, они подняли общий уровень культуры (в широком смысле этого слова), подтянув Россию до уровня передовых европейских стран, с другой,

в интересах класса аристократии законсервировали рабовладельческо-феодалные отношения (несмотря на формальную отмену холопства 19 января 1723 г.), прикрепив крестьян не только к земле, но и к заводам, опутав их многочисленными прямыми и косвенными налогами и в целом ухудшив их материальное положение. Сложность ухода крестьян на заработки в развивающуюся промышленность и работа из-под палки приписных крестьян на заводах уже тогда тормозили развитие промышленного производства, что особенно сказалось на развитии всей экономики в XVIII — первой половины XIX вв.

Расширение прав дворянства

В недолгое правление Петра II после отстранения А.Д. Меншикова от власти Верховный тайный совет передал исполнительную власть и судебные полномочия на местах губернаторам и воеводам, что ослабило центральную власть и привело к опустению казны [36, с. 163].

При восшествии на престол в 1730 г. Анна Иоанновна (1730–1740 гг.) распустила Верховный тайный совет и отдала правление Сенату из 21 вельможи, но постепенно власть всё больше и больше переходила к окружению императрицы, состоящему сплошь из иностранцев во главе с курляндским дворянином Эрнстом Бироном. Анна Иоанновна учредила Канцелярию тайных дел, чтобы уберечься от политических противников. В 1731 г. был создан Кабинет министров, состоящий из канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина, вице-канцлера графа Андрея Ивановича (Генриха Иоганна Фридриха) Остермана и действительного тайного советника Алексея Михайловича Черкасского. Подписи всех трёх министров приравнивались к подписи императрицы. Кабинет министров, решая наиважнейшие дела, отодвинул Сенат на задний план. Чтобы противопоставить силу дворянской гвардии Анна сформировала 2 гвардейских полка из иностранцев и крестьян. В 1730 г. она отменила указ о единонаследии, что позволило всем сыновьям распоряжаться землёй и крепостными. Срок государственной службы дворян был ограничен 25 годами, а один из сыновей теперь не был обязан служить, что позволяло ему заниматься хозяйством имения. В 1731 г. был создан Сухопутный шляхетский корпус, в котором дворяне получили возможность начинать службу сразу офицерами. В 1736 г. срок военной службы дворян также был ограничен 25 годами. Были учреждены Измайловский и Конногвардейский полки, Кадетский корпус и увеличена артиллерия. Казна тем не менее скудела. Количество недоимок с крестьян росло. 7 января 1736 г. был издан указ «навечно» приписывающий к предприятиям, на которых работали на момент приписки, посессионных работников, т.е. обученных работать на мануфактуре (или фабрике) и принадлежащих её владельцу крестьян и казённых мастеровых, переданных «содержателям фабрик» [34, с. 51; 36, с. 165–167].

В 1741 г. благодаря перевороту с помощью гвардейцев к власти пришла Елизавета Петровна (1741–1762 гг.). Указом императрицы кре-

стьянам прощались все недоимки за 17 последних лет. В это время при раскладе податей учитывались трудовые силы работников, состояние их хозяйства и семейное положение. Размер подушной подати немного снизился. Впоследствии доходы государства увеличивались через косвенные налоги, преимущественно на соль и вино. Были уничтожены внутренние таможи, что оживило торговлю. Был восстановлен Сенат, но иногда созывалось Собрание министров и генералитета. В 1756 г. для выработки политики противодействия Пруссии была учреждена Конференция при высочайшем дворе, которая порой решала и другие государственные вопросы. Братья Иван Иванович, графы Александр Иванович и Пётр Иванович Шуваловы и граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин определяли политику. Благодаря Петру Ивановичу Шувалову были открыты дворянские банки, дававшие дешёвые кредиты. Дворяне получили монопольное право на винокурение. Было произведено размежевание земель, в результате которого дворянские имения были увеличены. Дворянство, составлявшее примерно 1% населения России, продолжало оставаться самым привилегированным сословием. Продолжалась политика раздачи земли с крестьянами и не только за заслуги, но и за дворцовые перевороты. Елизавета Петровна возвела в дворянство 364 преображенцев, пожаловав их именьями. Чаще стали получать дворянство купцы и чиновники. Вместе с тем, рассматривая всю землю как государственную собственность, правительство порой и конфисковывало землю у неугодных лиц. Крестьянство, составлявшее около 90% населения, оставалось наиболее бесправным сословием. Более 2/3 крестьян было крепостными. Городское население росло медленно и в середине XVIII в. составляло лишь 4% населения. Тем не менее развивалось производство, в том числе и мануфактурное. Значительная доля мануфактур принадлежала ещё вотчинникам и помещикам. Если в середине 40-х гг. им принадлежало 3 полотняных мануфактуры из 28 и 1 суконная мануфактура из 12, то в 50-х годах благодаря указу винокуренные заводы аристократов производили 1,7 млн. вёдер водки в год, что составляло более 40% винокуренного производства [26, с. 750; 36, с. 169, 175; 182, с. 263].

В 1761–1762 гг. Россией правил Пётр III. «Всего за полгода его царствования были осуществлены мероприятия, отвечающие насущным потребностям общества: закрыта Тайная канцелярия, прекращено преследование раскольников, упразднены государственные монополии и провозглашена свобода торговли, началась секуляризация церковных земель, был издан закон об учреждении Государственного банка и выпуске бумажных ассигнаций». «Манифестом от 18 февраля 1762 года дворяне освобождались от обязательной государственной службы» [36, с. 171].

После смерти Петра I продолжался промышленный рост, хотя и менее медленными темпами. В 1750 г. работало 74 металлургических завода, часть продукции которых вывозилась за рубеж. По выплавке чугуна Россия занимала второе место в мире после Швеции. Крупнейшим центром металлургии стал Урал. За четверть века были построены 62 тек-

стильные мануфактуры, обеспечившие страну суконными, льняными и шёлковыми тканями. Росло производство кожи и бумаги. Дворянство охотно вкладывало деньги в дающие хороший доход мануфактуры. Среди дворян владельцами мануфактур были Бирон, братья Шуваловы, Роман Илларионович, Иван Илларионович и граф Михаил Илларионович Воронцовы и другие, но более половины новых мануфактур основывали теперь купцы. Среди них успешно хозяйствовали бароны Александр Григорьевич и Николай Григорьевич Строгановы, Акинфий Никитич и Никита Никитич Демидовы и многие другие. Государство продолжало проводить политику меркантилизма и охотно ссужало средства промышленникам и даже передавало им в собственность казённые заводы, но строго следило за состоянием заводов, от которых зависело состояние хозяйства и, особенно, национальная безопасность. Однако работать на заводах крестьяне обычно не хотели из-за тяжести труда и неимения необходимых трудовых навыков. Для обеспечения работы мануфактур крестьян к ним приписывали и позволили владельцам приобретать крестьян специально для работы на них. В 1754 г. были отменены внутренние таможенные пошлины, что способствовало развитию внутреннего рынка. Отмена госмонополии на основные товары способствовала росту внешней торговли. Россия вывозила зерно на 114 тысяч рублей в год, лес, смолу, дёготь, кожи, меха, пеньку, воск, сало, превратившись к середине XVIII в. в крупнейшего экспортёра сырья. Баланс торговли был положительным [36, с. 176–177].

Вскоре после смерти Петра I открылась Петербургская Академия наук, финансируемая государством. При ней была организована библиотека, обсерватория, ботанический сад, анатомический театр и кунтскамера, что позволяло вести подготовку учёных. Первоначально в академии работали исключительно иностранцы. Часть из них: математики Леонард Эйлер и Даниил Бернулли, физики Георг Вильгельм Рихман и Франц Ульрих Мария Теодор Эпинус, астроном Жозеф-Никола Де Лиль, медик Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост были настоящими учёными. Историки Готлиб Зигфрид Байер, Август Людвиг Шлецер, Герард Фридрих Миллер вели исторические исследования, в которых научные положения (например в «Истории Сибири» Герарда Миллера) сочетались с предвзятым ошибочным мнением. По мере развития Академии стали расти отечественные кадры. Гениальным разносторонним учёным стал Михайло Васильевич Ломоносов, сделавший открытия в химии, физике, астрономии, геологии. Он занимался также прикладными исследованиями, создав выдающиеся мозаичные картины. Ему принадлежит ряд поэтических произведений и разработка классицизма как нового литературного направления. Ломоносову пришлось бороться с историческими взглядами Миллера, Байера, Шлецера, доказывая самостоятельность развития русского государства и самобытность русской культуры, в результате чего им была написана «Древняя российская история» в двух томах. Заслугой Ломоносова является и то, что ему удалось добиться в 1755 г. открытия Московского университета. Академия наук проводила как лабораторную так и экспедиционную

работу. Экспедиция Витуса Ионассена Беринга подтвердила существование пролива между Азией и Америкой, описала Курильские острова, северную Японию, северные берега Дальнего Востока. В результате появился труд ученика Ломоносова Степана Петровича Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Ботаники экспедиции собрали большой материал, который был описан Иоганном Георгом Гмелином в труде «Флора Сибири». Взятый при Петре I курс на просвещение способствовал развитию социально-политических воззрений. Феофан Прокопович создал «учёную дружину», кружок сторонников просвещённого абсолютизма, образцом которого была петровская эпоха. В кружок входили князь Антиох Дмитриевич Кантемир, Артемий Петрович Вольтер, Василий Никитич Татищев. Будучи разносторонним человеком Татищев занимался геологическими исследованиями, разработал программу задач, стоящих перед археологами, написал фундаментальный труд «История Российская с самых древнейших времён», в которой использовал ряд исторических источников, утерянных впоследствии, в силу чего его работа представляет для историков непреходящий интерес. В литературе принципам классицизма следовал поэт Василий Кириллович Тредиаковский, Антиох Дмитриевич Кантемир прославился сатирами, обличавшими антисоциальное поведение современников. Драматург Александр Петрович Сумароков сочинил 21 трагедию и комедию. В конце 40-х гг. Фёдор Григорьевич Волков создал первый в России театр в Ярославле. В 1752 г. он переехал в Петербург и стал ядром труппы императорского театра, во главе которого поставили Александра Петровича Сумарокова. В архитектуре господствовал стиль русского барокко. В этом стиле Франческо Бартоломео Растрелли построил Зимний дворец, собор Смольного монастыря в Петербурге, дворцы в Петергофе и Царском селе. Дмитрий Васильевич Ухтомский построил ряд зданий в Москве, создав свою архитектурную школу. Бартоломео Растрелли создал скульптуру Анны Иоанновны с арапчёнком, бюсты Петра I и Александра Меншикова. Прекрасным портретистом был Алексей Петрович Антропов, выдающимся живописцем стал также Иван Петрович Аргунов. В 1757 г. была открыта Академия художеств.

Дворянская монархия в России

В царствование Екатерины II (1762 — 1796 гг.) продолжалось развитие экономики. Развивались мануфактуры, но медленно из-за широкого применения принудительного труда крепостных. На крупных централизованных мануфактурах со значительным разделением труда, принадлежащих аристократам, иногда работало по 2–3 тыс. человек. Многие из них отбывали на мануфактурах барщину. Другие крестьяне, лишившись земельного надела, работали на предприятии круглый год, получая месячину (ежемесячное содержание продуктами и деньгами). У владельцев некоторых мануфактур половина их крестьян от-

рабатывала барщину на пашне, другая на производстве. Аристократам принадлежала большая часть металлургических заводов. Предприятия аристократов продолжали производить большую часть водки. Только в казну они поставляли 2 млн. вёдер в год. Феодалам принадлежало также 34 суконных мануфактуры из 34, 14 полотняных предприятий из 84, 6 стекольных и хрустальных заводов из 25. Хотя доля наёмного труда на мануфактурах была небольшой, она постепенно увеличивалась. Даже аристократы были вынуждены принимать на свои предприятия вольнонаёмных мастеровых, хотя им и приходилось платить больше, чем крепостным. По приблизительным косвенным подсчётам в 60-х гг. в не мелких централизованных и рассеянных (преимущественно прядильных) мануфактурах было занято 45 тыс. наёмных работников, а в конце XVIII в. — уже 110 тыс. Мелкая рассеянная мануфактура, особенно в текстильной промышленности преобладала. В 1789 г. в селе Иванове из 226 рассеянных заведений с 633 занятыми на них трудом, было только 7 концентрированных мануфактур с 245 работниками. Росло и число мануфактур, подведомственных Мануфактур коллегии (позднее Департаменту мануфактур), с 496 в 1767 г. до 2096 в 1799 г. [34, с. 51–52; 26, с. 750–751]. В 1763 г. постепенно на мануфактуры проникала техника. Например, И.И. Ползунов изобрёл двухцилиндровую вакуумную паровую машину, а в 1764 г. его машина применялась для раздувания мехов на Колывано-Воскресенских заводах на Алтае.

Екатерина делала вид, что стремится ограничить самодержавие. Например, в 1767 г. был издан «Наказ» «Уложенной комиссии», которая должна была заменить Уложение 1649 года. В наказе говорилось о необходимости умножать благосостояние народа, распространять просвещение и искоренять деспотизм и жестокость. Созданная в 1767 г. Уложенная комиссия, состоявшая из чиновников, дворян, горожан, казаков и государственных крестьян не сумела договориться за 204 заседания и в декабре 1768 г. была распущена под предлогом войны с Турцией. На деле права органов управления ограничивались. Сенат был разделён на 6 департаментов, 2 из которых перевели в Москву. В 1764 г. было отменено гетманство на Украине, которой стала управлять Малороссийская коллегия во главе с Петром Румянцевым. Позднее на Украине также было введено крепостничество. Там была проведена перепись населения, всё мужское население было обложено налогом, и переход зависимых крестьян от одного хозяина к другому был запрещён. Указом от 26 февраля 1764 г. все церковные земли переходили в собственность государства, а монастырские крестьяне (около миллиона человек) становились государственными. Была проведена областная реформа. Указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» поменял деление территории с трёх ступеней: губерния — провинция — уезд, — на 2 ступени: губерния — уезд. Число губерний возросло с 23 до 50. Некоторые из губерний составляли наместничество во главе с генерал-губернатором. Для руководства городами назначались городничие. Во главе уездных судов и полиции были поставлены исправники. Суды стали отдельными: для дворян, для горожан и для

свободных крестьян (С крепостными крестьянами помещики поступали по своему усмотрению.). Был создан также третейский суд, состоящий из дворян, горожан и крестьян. В 1985 г. была издана «Грамота на права, вольности и преимущества благородного дворянства», получившая бытовое название «Жалованная грамота дворянству». Согласно этой грамоте дворяне освобождались от обязательной государственной службы, податей и телесных наказаний. За дворянами закреплялось монопольное право на владение землёй с крестьянами. Они получали также права: создавать дворянские общества, на торговлю и предпринимательство, — и были подсудны лишь дворянскому суду. В то же время была издана «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (или «Жалованная грамота городам»), которая устанавливала городскую систему управления. Горожан разделили на 6 разрядов: владельцев недвижимости в черте города; объединённых в 3 гильдии купцов; цеховых ремесленников; приписанных к городу специалистов; именитых граждан, включающих интеллигенцию и выборных; посадских людей. Горожане выбирали городскую думу из гласных (депутатов), а гласные — городского голову. Прав у городских властей было меньше, чем у дворян [36, с. 182–184].

Во второй половине XVIII в. под влиянием прошедшего по Европе Просвещения в России стали возникать различные идеологические направления. Екатерина вела переписку с Вольтером и Дидро, выдавая себя за просвещённую либеральную императрицу, служительницу руководимой ею страны, претендуя на официальное признание Европой утверждения в России просвещённого абсолютизма как наилучшей формы правления для всех слоёв российского общества. Другое направление социальной мысли, виднейшим представителем которого был князь Михаил Михайлович Щербатов, выступало за привилегированное положение дворянства (и прежде всего родовитого дворянства), которое рассматривалось как хранитель высоких нравственных устоев. Небольшая часть видных политических деятелей прониклась ещё несмелыми либеральными взглядами. Светлейший князь Александр Андреевич Безбородко, граф Александр Романович Воронцов и граф Никита Иванович Панин предлагали лишь некоторое конституционное ограничение монархии и смягчение крепостного права. Выдающийся писатель Денис Иванович Фонвизин вместе с Никитой Ивановичем Паниным разработал даже проект конституции, обеспечивающий политические свободы для дворянства, а князь Дмитрий Алексеевич Голицын даже предлагал отменить крепостное право, правда оставив землю у помещиков. На радикальных позициях стоял издатель высмеивающих и обличающих крепостников книг, журналов и газет Николай Иванович Новиков. Ещё дальше пошёл Александр Николаевич Радищев, не только обличивший бесчеловечность крепостников, но выразивший право крестьян на уничтожение крепостничества. Новиков был арестован в 1792 г., Радищев был арестован в 1790 г. по личному распоряжению Екатерины. Оба они находились в тюрьме до тех пор пока не были выпущены Павлом I [36, с. 184–187, 196].

Во второй половине XVIII в. продолжалась инфляция, вызванная военными расходами, расходами на государственный аппарат и на содержание роскоши двора. В конце правления Екатерины дефицит государственного бюджета составил 200 млн. рублей. Дефицит частично покрывался косвенными налогами, особенно на соль и водку. Из 37,4 млн. человек населявших Россию 32,6 млн. составляли крестьяне. В правление Екатерины оброк вырос с 2 до 7 рублей. Барщина местами достигала 5 дней в неделю. Задавленное поборами крестьянство восставало, но и тут правительство собирало с него дополнительные деньги на подавление крестьянских выступлений. Тем не менее, правительство было вынуждено ограждать крестьян от чрезмерных нагрузок и издевательств. Так, например, сумасшедшая помещица Дарья Салтыкова, обременённая садистическими наклонностями, которая забила до смерти более сотни крепостных, была пожизненно заключена в монастырскую тюрьму. Росло число городов. В 1785 г. только новых городов, многие из которых выросли из торгово-промысловых сёл, выкупленных правительством у помещиков, было 216. Города возникали также вокруг пограничных крепостей или портов. Правительство предоставляло льготы купцам, желающим заняться производством, и к концу века число рабочих, трудившихся на 167 горных заводах и 1094 обрабатывающих предприятиях составило 162 тыс. человек. Шире стал применяться вольнонаёмный труд, особенно в производстве тканей, кожаных изделий и стекла. Объём внешней торговли при Екатерине II возрос в 10 раз. Среднегодовой экспорт доходил до 28 млн. рублей. Хлеб экспортировали в 12 стран. Главным торговым партнёром оставалась Англия, но росла торговля и с азиатскими странами из которых импортировали фрукты, шёлк, фарфор и т.д. Некоторые крестьяне, включая и крепостных, стали заводить свои торговые и промышленные предприятия [36, с. 201–203].

Претендуя на славу просвещённой императрицы, Екатерина II утвердила «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» (которое разработал педагог Иван Иванович Бецкой), предлагающее воспитывать детей вне семьи, оберегая от возможной безнравственности. По инициативе Бецкого, при Академии художеств и московском Коммерческом училище были открыты училища для мальчиков из различных сословий, исключая крепостных, при Смольном монастыре открыли Институт благородных девиц, усовершенствовали преподавание в гимназиях. В 1782–1786 гг. была проведена реформа, согласно которой, были созданы четырёхгодичные народные училища в центрах губерний и двухгодичные в центрах уездов. В первых двух классах учили читать и писать, считать и основам религии. В двух старших классах учили закону божьему, русскому языку, арифметике, геометрии, физике, географии, истории и архитектуре и иностранному языку. К концу века 288 училищ посещало уже 22 тыс. человек. В 1779 г. при Московском университете для обучения учителей открыли учительскую семинарию. Врачей теперь готовили в Медико-хирургической академии, на Медицинском факультете Московского университета и в 3 ме-

дицинских училищах. Петербургская Академия наук продолжала успешную работу под руководством высокообразованной подруги императрицы Екатерины Романовны Дашковой (1744–1810 гг.). В 1783 г. она возглавила Петербургскую Академию наук, позже — основанную по её инициативе Академию Российскую — научный центр по изучению русского языка, словесности и истории. По инициативе Дашковой издали собрание сочинений М.В. Ломоносова, стали выпускать периодические научные журналы, шеститомный толковый словарь русского языка. В екатерининское время из Академии наук было отправлено 5 экспедиций для изучения природы, населения и его быта как в центральных районах, так и на окраинах страны, способствовавших расширению географических и этнографических знаний. Было сделано множество изобретений. Иван Иванович Ползунов создал паровую машину, Иван Петрович Кулибин создал семафорный телеграф, лифт, прототип прожектора, сложный часовой механизм. Князь Михаил Михайлович Щербатов написал семитомную «Российскую историю от древнейших времён», доведённую до 1610 года. Драматург Александр Петрович Сумароков стал представителем русского классицизма. Денис Иванович Фонвизин прославился обличающими невежество и самодовольство дворян комедиями. Государственный деятель, историк и писатель Николай Михайлович Карамзин стал зачинателем сентиментального направления в литературе. Поэт Гавриил Романович Державин прославился поэзией, посвящённой торжественным случаям. Правительство для развития театрального искусства создало «Театральную дирекцию». В Петербурге открыли Большой театр, в Москве Большой Петровский театр. Театры стали получать содержание от государства. Бурно развивалась светская живопись. Прекрасные портреты оставили Фёдор Степанович Рокотов, Дмитрий Григорьевич Левицкий, Владимир Лукич Боровиковский. Антон Павлович Лосенко и Григорий Иванович Угрюмов писали картины преимущественно на исторические темы, разрабатывая русский классицизм, хотя Угрюмов известен и как портретист. Происходивший из крепостных Михаил Шибанов был не только портретистом, но одним из первых писал в бытовом жанре. Этьен Морис Фалконе и Михаил Иванович Козловский создали прекрасные образцы монументальной скульптуры. Федот Иванович Шубин достиг совершенства в портретной скульптуре. В архитектуре работали как приглашённые иностранцы, так и выдающиеся русские архитекторы. Итальянец Джакомо Антонио Доменико Кваренги построил в Петербурге в стиле русского классицизма здание Академии наук, англичанин Чарльз Камерон создал дворцовые ансамбли в Царском селе и в Павловске. Василий Иванович Баженов стал теоретиком русского классицизма. Предположительно он построил в Москве дом Пашкова. Ему принадлежит также проект и построенная в стиле псевдоготики часть дворцового комплекса в Царицыне, который достраивал Матвей Фёдорович Казаков. Казаков соорудил также здание Сената в московском Кремле, здание Московского университета, Благородное собрание в Москве и многое другое.

Взбалмошный Павел I (1796–1801 гг.) провёл ряд реформ в противовес матери, Екатерине II, но был непоследователен, часто принимая альтернативные решения. Он посчитал, что дворянство, получив слишком много свобод, плохо подчиняется императорской власти, решил часть свобод у дворян отобрать. Он запретил приписывать к армии малолетних дворян, требуя реальной военной службы. Были уволены офицеры, числящиеся в армии лишь формально и даже вовремя не вернувшиеся из отпусков. Павел также упразднил губернские дворянские собрания, перевёл судебную власть в палаты уголовного и гражданского права. С крепостных крестьян стали принимать присягу на верность царю, чем как бы признавали за ними гражданские права. Павел отменил продажу крепостных с аукциона и ограничил барщину тремя днями в неделю. Вместе с тем, он раздал направо и налево 600 тысяч государственных крестьян, запретил производить в офицеры унтер-офицеров, если они не были дворянами. За малейшие провинности солдат беспощадно избивали шпицрутенами, офицеров отправляли в отставку или ссылку [36, с. 196–197].

Положение народа и лицемерие власти

Придя к власти, Александр I (1801–1825) упразднил Тайную экспедицию Сената (как называлась политическая полиция), разрешил работу частных типографий и ввоз книг из-за рубежа. Он создал также Непременный совет — совещательный орган при императоре, который должен был обсуждать законы, но воспротивился введению конституции и какому-либо ограничению самодержавия. Был создан ещё и неофициальный Негласный комитет, в который вошли молодые сторонники императора: граф Виктор Павлович Кочубей, Николай Николаевич Новосильцев, граф Павел Александрович Строганов, князь Адам Чарторыйский, с которыми Александр совещался по любым вопросам, и где должна была проводиться систематическая работа по подготовке реформы административной системы. Результатом работы комитета стала реформа государственных учреждений 8 сентября 1802 г., которая вместо коллегий учредила министерства, главы которых составили Кабинет министров (орган исполнительной власти, подчинённый императору). Негласный комитет неоднократно рассматривал и крестьянский вопрос, однако не только не отменил крепостное право, но даже не пошёл на его ограничение. Лишь 20 февраля 1803 г. был издан указ «О вольных хлебопашцах», позволяющий помещикам освобождать своих крестьян от крепостной зависимости с землёй за выкуп. Однако лишь полпроцента крепостных было освобождено по этому указу. Другие постановления дали право покупать незаселённые земли купцам и даже мещанам, что, конечно, способствовало капитализации, но ничего не меняло в положении крепостных. Реформы в сфере образования создали единую образовательную систему, позволяющую учиться представителям всех свободных сословий. Развивалась печать.

По инициативе Александра издали даже ряд произведений выдающихся философов и обществоведов: Адама Смита, Иеремии Бентама, Шарля Луи Монтескьё. Постепенно интерес Александра к Негласному комитету упал. На смену ему пришли новые советники: Михаил Михайлович Сперанский с идеями либерализации государственного аппарата и Алексей Андреевич Аракчеев с консервативными идеями укрепления власти императора. Часть предложенных Сперанским реформ стала реализовываться с 1 января 1810 года. Вместо Непременного совета был образован Государственный совет из 35 важнейших сановников. В 1811 г. было создано 8 министерств: финансов, внутренних дел, иностранных дел, военное, морское, просвещения, юстиции и полиции. Наряду с ними были образованы ведомства: Государственное казначейство, Главное управление почт и т.п. Министерствами управляли министры и «товарищи министров» (их заместители). Министерства и ведомства состояли из департаментов. Департаменты делились на отделения во главе с начальниками, которым подчинялись столоначальники. Предложения Сперанского по дарованию гражданских прав крепостным и расширению прав недворянства вызвали неприятие в среде аристократов, и 17 марта 1812 г. он был отправлен в отставку и в ссылку [36, с. 208–211].

Знакомство с более передовыми социальными отношениями в Европе во время и после войны с Наполеоном, а также патриотический подъём народа, включая и крепостных, проявивших свои благородные качества, привели Александра к мысли о необходимости социальных изменений. В ноябре 1815 г. он даровал конституцию Царству Польскому, которая гарантировала его населению личную неприкосновенность, равенство всех сословий и свободу печати. В Польше был создан двухпалатный парламент — Сейм. Примерно такие же права получило население Финляндии. В 1818 г. автономию и конституцию получила Бессарабия. В 1818 г. Александр поручил Новосильцеву подготовить проект конституции для России. Одновременно императору предложили более десятка проектов освобождения крестьян. Однако освобождение и право на выкуп земли получили только крепостные в Прибалтике. Тем не менее постепенно Александр всё больше и больше правил и во внутренней политике стал опираться преимущественно на графа Алексея Андреевича Аракчеева (1768–1834), занимавшего высокие государственные должности, вплоть до руководителя канцелярии Комитета министров. Аракчеевщина привела к преследованию инакомыслия с контролем над образованием, усилением цензуры, к запрету масонских лож и прочих тайных обществ. По инициативе Аракчеева в 1816 г. в ряде губерний начали целые уезды превращать в «военные поселения», где вместо изб строились дома на несколько семей, и где большая часть их населения, состоявшая из государственных крестьян, половину времени занималась сельским хозяйством, а другую половину тратила на военную подготовку. Никаких иных заработков не позволялось. За малейшие провинности жестоко пороли. Военные поселения могли составить обученный резерв на случай войны и уменьшали расходы на армию [36, с. 218–220].

Поощрение либеральных идей в начале царствования Александра I вело к созданию различных объединений людей, увлекающихся философией, науками, искусством. Свободолюбивые настроения проникли во все слои российского общества особенно после патриотического подъёма во время защиты страны от Наполеоновского завоевания и после знакомства с Европой, в частности с Французской буржуазной революцией. Надежды крестьян на освобождение не оправдались. Бессмысленная армейская муштра только усилилась при Аракчееве. Волнения и восстания жестоко подавлялись. Ещё в начале века было создано Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, пропагандирующее труды Франсуа-Мари Аруэ Вольтера, Дени Дидро, Шарля-Луи де Секонда де Монтескьё. После войны значительная часть молодых офицеров прониклась либеральными идеями повышения гражданских прав и личного освобождения крестьян. В 1814–1815 гг. возникают первые тайные офицерские организации: Священная артель, Семёновская артель, Союз русских рыцарей. В феврале 1816 г. создаётся Союз спасения из 30 офицеров, стремящихся либерализовать государство и освободить крестьян. Среди них князь Сергей Петрович Трубецкой, Павел Иванович Пестель, Никита Михайлович и Александр Николаевич Муравьёвы, Сергей Иванович и Матвей Иванович Муравьёвы-Апостолы, Михаил Сергеевич Лунин, Иван Дмитриевич Якушкин. В 1818 г. Союз спасения был ликвидирован и на его месте создан Союз благоденствия, насчитывавший к 1820 г. 200 членов. Во главе союза стояла петербургская Коренная управа. В Москве и Тульчине на Украине были созданы главные управы, отделения союза были в Тамбове, Полтаве, Киеве и Нижнем Новгороде. Споры между сторонниками постепенных реформ и решительных действий привели в январе 1821 г. к роспуску союза. Очень быстро на смену ему пришли Северное и Южное общества, выступающие за изменение государственного строя насильственным путём. В петербургское Северное общество входили Сергей Петрович Трубецкой, Никита Михайлович Муравьёв, Александр Александрович Бестужев-Марлинский, Николай Александрович Бестужев, Михаил Александрович Бестужев, Евгений Петрович Оболенский, Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский, Михаил Сергеевич Лунин, Пётр Григорьевич Каховский, Александр Иванович Якубович и другие. По конституции, написанной Никитой Михайловичем Муравьёвым, предусматривалось учреждение конституционной монархии. Державное вече получало высшую законодательную власть. У императора оставалась власть исполнительная. Верховное судилище стояло во главе судебной системы. Россия должна была стать федерацией 15 держав, где уничтожалось крепостное право, отменялся сословный строй и всё население получало равные гражданские права и политические свободы. Радикальное крыло, взгляды которого выражал поэт Кондратий Фёдорович Рылеев, выступало за республику. В Тульчине действовало законспирированное Южное общество во главе с Павлом Ивановичем Пестелем. Написанная им «Русская правда» предусматривала провозглашение республики, отмену крепостного права, равные гражданские права и политические свободы для всех. Во время

борьбы за власть предполагалось создание революционной диктатуры. В 1825 г. к Южному обществу присоединилось ещё более радикальное Общество свободных славян. В 1824 г. Северное и Южное общества приняли решение о выработке единой программы и подготовке восстания, которое должно было осуществить государственный переворот во время летних манёвров на Украине. Вскоре после смерти Александра I 14 декабря 1825 члены Северного общества вывели на Сенатскую площадь верные им войска, отказываясь принять присягу брату покойного императора Николаю и требуя его отречения от престола, но были разгромлены правительственными войсками. 29 декабря Сергей Иванович Муравьев-Апостол и Михаил Павлович Бестужев-Рюмин выступили с Черниговским полком, но 3 января 1826 г. полк был разгромлен. 5 руководителей восстаний было повешено, 275 офицеров отправлено на каторгу, рядовыми на Кавказ и в ссылку, 2,5 тысячи солдат и матросов было приговорено к жестокой порке, отправке на Кавказ и в Сибирь. Вместе с тем, объединялись и сторонники консервативных взглядов, например, вокруг издававшегося Николаем Михайловичем Карамзиным (1766–1826 гг.) журнала «Вестник Европы». Консервативным настроениям соответствовала государственная политика христианизации. Закон божий стал важнейшим предметом в учебных заведениях. Сам император покровительствовал Библейскому обществу, пропагандировавшему религию. Иноверцев насильно пытались обращать в православие [36, с. 221–226].

К концу первой четверти XIX в. население России достигло 53 млн. человек. 0,5 % населения составляли дворяне, 8,4% — горожане, остальные — крестьяне. Среди господствующего дворянского сословия 70% было мелкопоместным. По социальному положению к дворянам приближалось духовенство. Ниже стояли купцы. Ещё ниже — казаки. На предпоследней ступеньке свободных людей располагались мещане. Возникали и росли новые города. Крупнейшим городом был Петербург, насчитывавший около 250 тыс. жителей. В Москве было около 200 тысяч. Около 30 тысяч насчитывали Рига, Астрахань и Казань. От 15 до 25 тысяч проживало в Ярославле, Туле, Калуге и Киеве. Государственные крестьяне составляли 51% всех крестьян. Остальные находились в крепостной зависимости. Это — 2% удельных крестьян, принадлежащих царской семье, 7% — дворцовых крестьян, подати с которых шли на нужды дворца, 4% — посессионных крестьян, приписанных к заводам и 36% — крестьян, принадлежащих помещикам. В южных чернозёмных областях преобладала барщина, в средней полосе и на Севере — оброк. Все крестьяне платили налоги. Россия продолжала оставаться аграрной страной с экстенсивным сельским хозяйством. Лишь немногие богатые помещики могли вводить передовые агротехнические приёмы и закупать новую сельскохозяйственную технику. На продажу производился преимущественно хлеб, отчасти картофель, технические культуры и продукты животноводства. Металлургическая промышленность почти не работала на экспорт, уступив место в мировой торговле металлом Англии. Тем не менее росло производство в лёгкой промышленности,

особенно хлопчатобумажной, где первое место принадлежало владимирскому региону. Число вольнонаёмных рабочих в промышленности стремительно росло. Если к 1767 г. их число составляло 39,2% всех занятых, то к 1804 г. — уже 47,9%, а к 1825 г. даже перевалило за половину, составив 54,4%. Если в 1799 г. в хлопчато-бумажной промышленности работало 1,9 тыс. человек, то в 1835 г. — уже 90,5 тыс. 90% из них были вольнонаёмными. Вольнонаёмные работники преобладали также в шёлкоткацкой и парусино-полотнянной промышленности. Наоборот, среди суконных мануфактур, производящих материю главным образом для армии, преобладали преимущественно крестьяне посессионные и вотчинные. Доля трудящихся на них посессионных крестьян сокращалась, а вотчинных увеличивалась. В 1799 г. на них работало 11,1 тыс. человек (30,6% занятых в них) вотчинных крепостных, а в 1825 г. — 38,5 тыс. За то же время доля посессионных работников снизилась с 53,6% (19,4 тыс. человек) до 20,9% (13,3 тыс.).

Рос и внутренний рынок. Расширялась оптовая Нижегородская (ранее Макарьевская) ярмарка, Ирбитская (в Пермской губернии) и другие. Увеличивалось число и мелких розничных торговцев: корабейников и лоточников. Годовой оборот внутренней торговли достиг 900 млн. рублей. Во внешней торговле 2/3 экспорта приходилось на Англию, но росла торговля с Германией, Францией, Китаем и другими азиатскими странами. Большую часть экспорта продолжала составлять продукция сельского хозяйства, импорта — предметы роскоши, качественные ткани, пряности, инструмент. Реки продолжали оставаться важными торговыми путями, но росло значение прибалтийских и черноморских портов. Война с Наполеоном привела к инфляции. Бумажный рубль опустился до 20 копеек. Плохо поступали налоги с имений. Правительство было вынуждено занимать деньги у Англии, Голландии, Франции [26, с. 751; 36, с. 226–228; 294, с. 52].

В 1803 г. было издано Положение о б устройстве учебных заведений, согласно которому в России было образовано 6 учебных округов. Учебные заведения приобрели 4 типа: церковно-приходские училища и уездные училища предназначались для мещан, а гимназии и университеты для дворян. В 1811 г. для дворян открыли Царскосельский лицей, первыми выпускниками которого стали Александр Сергеевич Пушкин, Антон Антонович Дельвиг, Вильгельм Карлович Кюхельбекер, Александр Михайлович Горчаков. Позднее подобные закрытые лицеи открыли в Ярославле, Одессе, Нежине. Сначала высшие учебные заведения получили автономию. Университеты открыли в Казани, Харькове и Вильно. Восстановили Дерптский университет. В Петербурге открыли Педагогический институт. С момента прихода в политику Аракчеева в образовании всё более и более проявлялись реакционные тенденции. Министерство народного просвещения в 1817 г. преобразовали в Министерство духовных дел и народного просвещения, и с тех пор религиозное воспитание стало важнейшим элементом образования. Ставший обер-прокурором Синода князь Александр Николаевич Голицын, а затем Михаил Леонтьевич Магницкий взялись за наведение дисциплины

в университетах, для которых в 1820 г. была составлена драконовская инструкция и где начали вводить казарменные порядки. Прогрессивных преподавателей стали увольнять, «неблагонадёжные» книги изымать. Тем не менее издание книг увеличивалось. В 1813 г. было 55 казённых типографий и ещё больше частных. Тем не менее, развивались нуки, литература, искусство. Николай Михайлович Карамзин создал двенадцатитомную «Историю государства российского», хотя и стоял на позициях самодержавия, преувеличивая роль личности в истории. Возникло литературное общество «Арзамас» во главе с Карамзиным, в которое входили Василий Андреевич Жуковский, Константин Николаевич Батюшков, Сергей Семёнович Уваров, стремившиеся создать единый литературный язык, близкий к разговорной речи. Участники общества «Беседа любителей русского языка» во главе с Александром Семёновичем Шишковым, наоборот, стремились сохранить архаические литературные формы. В литературе стал модным сентиментализм, в стиле которого писал романы Карамзин, но вскоре более популярным стал романтизм, виднейшим представителем которого стал Василий Жуковский. Видным поэтом стал также Батюшков. Пьеса Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума» стала ярчайшим драматургическим произведением. Большой интерес вызывали басни Ивана Андреевича Крылова. Развивалось театральное искусство. В 1824 г. в Москве открылся драматический Малый театр, в котором играли такие выдающиеся актёры как Михаил Семёнович Щепкин и Павел Степанович Мочалов, а в 1825 г. открыли Большой театр оперы и балета. Продолжал писать портреты Владимир Лукич Боровиковский. Прославились и портретисты Василий Андреевич Тропинин и Орест Адамович Кипренский. Крестьянская тема преобладала в творчестве Алексея Гавриловича Венецианова. В архитектуре барокко сменил ампир. В Петербурге Андрей Никифорович Воронихин построил Казанский собор, Андреян Дмитриевич Захаров — Адмиралтейство, Осип Иванович (Иосиф Джузеппе) Бове восстановил там здание Большого театра и построил ряд зданий в Москве. Географы и путешественники продолжали исследовать дальние страны. Юрий Фёдорович Лисянский и Иван Фёдорович Крузенштерн (Адам Иоган фон Крузенштерн) в 1803–1806 гг. совершили первое русское кругосветное путешествие. Михаил Петрович Лазарев и Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (Фабиан Готтлиб Таддеус фон Беллинсгаузен) открыли в 1821 г. Антарктиду. Геннадий Иванович Невельской впервые побывал на юге Дальнего Востока. Василий Михайлович Головин совершил два кругосветных плавания, составил карту Курильских островов и описал Японию.

Став императором, готовившийся к военной карьере Николай I (1825–1855 гг.) предпринял милитаризацию государственного аппарата. Министрами нередко назначали генералов, во главе многих губерний поставили военных губернаторов. Управление страной в значительной степени было передано «Собственной его императорского величества канцелярии», состоящей из 6 отделений: I отделение действительно было канцелярией, готовившей письменные доклады императору; II от-

деление систематизировало законы; III отделение осуществляло политический сыск; IV отделение руководило женскими учебными заведениями и благотворительными учреждениями; V отделение разрабатывало реформы для государственных крестьян; VI отделение разрабатывало административную реформу для Кавказа. Для разработки особо важных реформ создавались особые комитеты. Например, в декабре 1826 г. был создан «Особый секретный комитет», который должен был гармонизировать отношения между крестьянами и помещиками, но из всех его разработок была принята лишь одна, согласно которой, была учреждена новая сословная группа «почётных граждан», стоящая на социальной лестнице немного ниже дворян, к которой причисляли заслуженных чиновников и купцов. Крестьянским вопросом занимались и другие комитеты, образованные в 1835 и 1839 гг. В результате их деятельности несколько упорядочилось положение государственных крестьян в Молдавии, Прибалтике, Белоруссии и на Правобережной Украине. Позднее государственные крестьяне получили возможность создавать свои органы общественного самоуправления. Лишь в апреле 1842 г. появился указ «об обязанных крестьянах» позволявший помещикам освобождать крестьян, оставляя за ними определённые повинности. Однако этим указом воспользовались очень немногие помещики. Крестьянские волнения, число которых доходило до 100 в 50-х гг., порой переходящие в местные восстания, стали характерным явлением в николаевскую эпоху. Первым начальником III отделения и шефом жандармов был назначен Александр Христофорович Бенкендорф, который подавлял движение декабристов и состоял в следственной комиссии по их делу. Его влияние на политику было значительным. Тайные комиссии не раз обращались к крестьянскому вопросу и рассматривали даже возможные принципы освобождения, но народные выступления, упорное сопротивление покорению народов Кавказа под руководством имама Гази-Магомеда в 1828–1832 г., а потом имама Шамиля в 1834–1859 гг., польское национально-освободительное восстание 1830 — 1831 г. (которое было жестоко подавлено, а Польша лишилась автономии и конституции) и особенно европейские революции 1848 г. напугали правительство и императора — идея освобождения крестьян была отложена [36, с. 232–233, 240–242].

В николаевскую эпоху некоторые представители дворянства и многочисленной ещё интеллигенции продолжали размышлять о судьбе России и предлагать своё видение её будущего. Несмотря на некоторые пессимистические настроения, например, выраженные в «Философических письмах» Петра Яковлевича Чаадаева, обличавшего крепостничество, самодержавие и православие, в 1830-х годах возникли весьма влиятельные общественные течения западников и славянофилов. Западники, которых возглавили Сергей Михайлович Соловьёв, Иван Сергеевич Тургенев, Павел Васильевич Анненков и другие рекомендовали провести в стране демократические реформы, взяв в качестве примера Западную Европу и преобразования Петра I. Славянофилы, включавшие Алексея Степановича Хомякова, Юрия Фёдоровича Самарина,

братьев Ивана Сергеевича и Константина Сергеевича Аксаковых, братьев Ивана и Петра Киреевских и многих других осуждали реформы Петра, предлагали беречь самобытность России, уверяя, что у неё высшее предназначение благодаря православию и крестьянской общине, которые и должны стать основой для будущего. Более радикальные мыслители: Николай Алексеевич Некрасов, Виссарион Григорьевич Белинский, Александр Иванович Герцен и другие, — объединились вокруг журналов «Современник» и «Отечественные записки». Они обличали крепостное право, самодержавие и надеялись на революционное преобразование России. Скорее просветительский, чем революционный кружок Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского, собиравшийся в 1845–1849 гг., где изучалась передовая литература, обличалось крепостничество и самодержавие и предлагалось способствовать воплощению идей утопического социализма в жизнь, не исключая революционного пути, вызвал гнев правительства и императора. Кружок включал Фёдора Михайловича Достоевского, Михаила Евграфовича Салтыкова, Алексея Николаевича Плещеева, Валерьяна Николаевича Майкова и многих других выдающихся деятелей культуры. Многие из них были приговорены к смертной казни, которую затем заменили каторгой. Революционные настроения были свойственны и другим кружкам. В конце 20-х — начале 30-х гг. Студенты братья Пётр, Михаил и Василий Критские организовали кружок в Московском университете, мечтая ввести конституцию и пытались вести революционную пропаганду, но были разгромлены и заключены в тюрьму. В 1831 — 1832 гг. там же организовал литературно-философский кружок поэт Николай Владимирович Станкевич, ставивший целью просвещение и ликвидацию крепостничества. Выдающийся литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский также принимал участие в кружковой деятельности. В 1830 г. он входил в кружок «Литературное общество 11 нумера», затем в кружок Станкевича и также выступал против самодержавия и крепостничества. В 30-х гг. в Московском университете создал революционный кружок Александр Иванович Герцен вместе с Николаем Платоновичем Огарёвым. Кружок был разогнан, многие участники арестованы или сосланы, но Герцен и Огарёв продолжили революционную пропаганду и для её усиления выехали за границу, где издавали журнал «Колокол», проповедуя идеи русского социализма с опорой на крестьянскую общину.

В середине XIX в. население России приближалось к 70 млн. человек, расселившихся на территории в 18 млн. кв. км. Высшим сословием продолжало оставаться дворянство. Чтобы сохранить крупные имения был издан закон о майорате, не позволяющий их раздел по наследству и распродажу. Тем не менее, дворянство в массе беднело. С 1833 по 1850 гг. разорилось около 20% дворянских семейств, которые остались должны казне 400 миллионов рублей. Многие помещики, пытаясь повысить свои доходы, налагали на крестьян всё большие и большие повинности. Желая успокоить другие свободные сословия, государство стремилось удовлетворить амбиции их представителей через введение звания почётных граждан,

которыми становились дети личных дворян (всех офицеров и чиновников с 9 класса и выше) и имеющие заслуги перед обществом купцы и представители интеллигенции. Крестьяне, неспособные платить оброк или нести барщину, разорялись, бросали земли, просились к помещикам в дворовые, превращаясь фактически в рабов [36, с. 243].

Многодневная барщина и увеличивающиеся оброки не давали крестьянам и даже беднеющим помещикам вводить новые агротехнические приёмы. Интенсивное земледелие с использованием более производительного вольнонаёмного труда и сельскохозяйственной техники могло развиваться лишь в отдельных районах: на части Прибалтики, в некоторых чернозёмных районах Поволжья и юга Украины. Товарным производством в сельском хозяйстве продолжали заниматься главным образом крупные помещики, продавая преимущественно сахар и спиртное [36, с. 243].

В некоторых отраслях промышленности, особенно в металлургии, где большую часть рабочих составляли приписные и посессионные крестьяне, преобладал застой, хотя применение наёмного труда в других отраслях способствовало прогрессу. Труд крепостных традиционно преобладал главным образом в горнорудном производстве, в чёрной и цветной металлургии. На рубеже XVIII-XIX вв. в России было около 190 горнорудных (преимущественно уральских) заводов, на которых работало 44,6 тыс. крепостных мастеровых и только 27–28 тыс. вольнонаёмных. Все вспомогательные работы там выполняли исключительно крепостные — 319 тыс. человек. Быстро, особенно с середины 30-х гг., развивалась лёгкая промышленность, преимущественно текстильная и особенно хлопчатобумажная. В этих сферах производства (также как в писчебумажной и свёклосохарной промышленности) уже появились фабрики, на которых использовалась машинная техника, работающая от паровых двигателей, что превращало мануфактуры в придатки фабрик и означало начало промышленного переворота. Помимо ткацких возникли фабрики в свёклосохарном производстве и некоторых других отраслях промышленности, вытесняющие мануфактуры. Большая часть техники ввозилась из Европы, хотя в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, в Риге и других городах стали появляться машиностроительные заводы. Их число к 1851 г. достигло 19. Всё больше и больше стал использоваться труд вольнонаёмных работников. Если в 1804 г. на суконных фабриках 90% рабочих составляли крепостные, то к 1850 г. — только 4%. К 1860 г. в обрабатывающей промышленности вольнонаёмные уже составляли 80% от всех там занятых. В середине века капиталистические отношения стали вытеснять феодальные даже в сахарной промышленности. Мануфактуры ещё оставались в производстве шерсти, где изготавливались тонкие и полутонкие преимущественно суконные ткани на продажу на внутреннем рынке и в азиатских странах. Доля вольнонаёмных здесь достигла 58%, в то время, как доля вотчинных крестьян снизилась до 34%, а посессионных до 8% [36, с. 243–244; 34, с. 52; 26, с. 751].

Постепенно развивалась специализация хозяйственных регионов. В центрально-чернозёмном районе (Тамбовской, Воронежской,

Курской, Орловской и юга Тульской губерний, а также в Среднем Поволжье) продолжали производить преимущественно зерно. На Западе: в Прибалтике, Белоруссии и на Украине развивающееся интенсивное земледелие сочеталось с животноводством. В северо-западных губерниях (Петербургской, Псковской и Новгородской) выращивали значительное количество технических культур. Урал продолжал оставаться центром горной и металлургической индустрии. В Центре, в Москве и окрестности (Московской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Нижегородской, Калужской и Костромской губерниях) складывался промышленный район с преобладанием лёгких отраслей [36, с. 244].

«Наблюдался рост внешней и внутренней торговли. Внутренняя ориентировалась на ярмарки, число которых превысило 1700; крупнейшей оставалась Нижегородская ярмарка. Существенные изменения произошли во внешней торговле: в структуре экспорта и импорта. Россия прекратила экспорт металлов, значительно возрос вывоз зерна и продуктов животноводства. Немалое место в импорте товаров занимало оборудование, в котором остро нуждалась развивающаяся российская промышленность. Основным торговым партнёром оставалась Англия» [36, с. 244].

В 1834 году изобретатель двух паровозов Михаил Ефимович Черепанов вместе с отцом построил небольшую железную дорогу длиной около версты на нижнетагильских заводах Демидовых. Однако правительство предпочло закупить паровозы в Англии и построило в 1837 г. первую железную дорогу, связавшую Петербург и Царское Село. В 1842 г. правительством было уже принято решение о развитии сети железных дорог, и в 1851 г. была построена линия, протянувшаяся из Петербурга в Москву, а к концу царствования Николая I железнодорожная сеть достигла уже 980 вёрст [36, с. 244].

В результате реформы 1839–1843 гг. твёрдой денежной единицей стал серебряный рубль, к которому приравняли 3,5 рубля ассигнациями, но из-за неурожаев и Крымской войны (1853–1856 гг.) он обесценился. В связи с этим возник дефицит государственного бюджета [36, с. 244].

Несмотря на охранительную консервативную политику в образовании, олицетворённую министром народного просвещения Сергеем Сергеевичем Уваровым, выдвинувшим в качестве государственной идеологической концепции соблюдение принципов «православия, самодержавия, народности», что должно было уберечь Россию от «революционной заразы», образование продолжало развиваться. Даже новый устав для университетов, также составленный при участии Уварова, лишивший их автономии и отдавший их во власть попечителей учебных округов, повышение платы за обучение и ограничение числа студентов не могли остановить потребности в образовании. Экономическое развитие в эпоху применения техники требовало технических знаний, и были открыты Практический технологический институт в Петербурге, Московское ремесленное училище, Архитектурное училище и Строительный институт в Москве. В гимназиях и отчасти в уездных училищах стали преподавать технические предметы и давать коммерческие знания [36, с. 245].

Бурно развивалась печать. В 1850 г. издавалось 230 разных периодических изданий. Среди них журналы: «Современник», «Отечественные записки», «Московский телеграф», «Москвитянин», газета «Северная пчела» и многое другое. Книгоиздатель Александр Филиппович Смирдин выпустил более семи десятков сочинений русских поэтов и писателей. Среди них Василий Андреевич Жуковский, Александр Сергеевич Пушкин, Михаил Юрьевич Лермонтов, Николай Васильевич Гоголь. Большой популярностью пользовались сочинения Александра Александровича Бестужева-Марлинского, Михаила Николаевича Загоскина, Ивана Ивановича Лажечникова, Николая Алексеевича Полевого, поэзия Дениса Васильевича Давыдова, Петра Андреевича Вяземского, Евгения Абрамовича Баратынского, Николая Михайловича Языкова. Помимо уже популярного романтизма Бестужева и Полевого, всё больший интерес приобретал реализм Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

Театр вошёл в жизнь дворянства, чиновничества и интеллигенции. На сцене столичного Александринского театра и московского Малого шли уже пьесы русских драматургов: «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова, «Ревизор» и «Женитьба» Николая Васильевича Гоголя, «Бедность не порок» Александра Николаевича Островского. Среди композиторов прославился автор романсов, симфоний и таких популярных опер как «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» Михаил Иванович Глинка, а также Александр Сергеевич Даргомыжский как автор множества романсов и опер «Русалка» и «Эсмеральда».

В живописи ещё пользовался интересом традиционный классицизм, например, историческая картина «Медный змей» Фёдора Антоновича Бруни, но намечался уже определённый сдвиг в сторону психологизма и реализма, например у Карла Павловича Брюллова, автора «Последнего дня Помпеи» или у Александра Андреевича Иванова в «Явлении Христа народу». Появилась прогрессивная жанровая живопись, высмеивающая пороки современного общества, ярко выраженная в творчестве Павла Федотова. В монументальной скульптуре прославились Анри Луи Огюст Рикар де Монферран, поставивший у Зимнего дворца Александровскую колонну (а также огромный Исакиевский собор, ставший главным собором страны) и Пётр Карлович Клодт с группой памятников, изображающих укротителей коней. В стиле ампира продолжали работать Карл Иванович (Карло ди Джованни) Росси, построивший Александринский театр и Главный штаб в Петербурге и Константин Андреевич Тон, построивший Большой Кремлёвский дворец в Москве и начавший строить храм Христа Спасителя.

Значительные достижения были отмечены в науке. Николай Иванович Лобачевский создал более совершенную «неевклидову» геометрию, изучавший электричество Борис Семёнович (Мориц Германи) Якоби изобрёл электродвигатель и гальванопластику. Николаю Николаевичу Зинину в химии удалось осуществить синтез анилина. Хирург Николай Иванович Пирогов достиг больших высот в военно-полевой хирургии и создал свою школу в хирургии. Историк Сергей Михайлович Соловьёв написал многотомную «Историю России с древнейших времён».

Последние годы аграрного общества

Александр II (время правления 1855–1881 гг.) прекрасно понял, что проводить реакционную политику, значит иметь дело с волнениями, бунтами (число которых ежегодно доходило до 300) и приблизить революцию, и для того, чтобы её избежать необходимы радикальные реформы. Уже в 1856 г., выступая перед московскими дворянами, он сказал: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнёт отменяться снизу» [36, с. 248]. Император начал подготовку к отмене крепостного права уже в январе 1857 г. с создания Секретного комитета (который 21 февраля 1858 г. был преобразован в «Главный комитет по крестьянскому делу»). В ноябре комитет уже направил предписание о создании в губерниях дворянских комитетов для внесения поправок и предложений в проект реформы по отмене крепостничества. Началось обсуждение реформы. Большинство дворянских комитетов, особенно в южных губерниях настаивало на освобождении крестьян без земли, но и император и его сторонники: товарищ министра внутренних дел Дмитрий Алексеевич Милютин, юрист Константин Дмитриевич Кавелин и журналист Михаил Никифорович Катков настаивали на необходимости освободить крестьян, но за выкуп. Для рассмотрения проектов по реформе создали редакционные комитеты, которые курировал Милютин. Стремясь согласовать интересы дворян и устремление правительства, нашли компромисс: освободить с землёй, но уменьшить крестьянские наделы и увеличить повинности до внесения полного выкупа [36, с. 248–250, 261].

19 февраля 1861 г. Александр II подписал «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», которым объявлялось, что «крепостные люди получают в своё время полные права свободных сельских обывателей». Крестьяне получали личную свободу, но для них наступало временнообязанное состояние (отменённое в 1863 г.), согласно которому они получали возможность пользоваться земельным наделом и обговорёнными угодьями, но обязаны были выполнять повинности в пользу своего помещика, до внесения ему полного выкупа (хотя в 1863 г. оброчные платежи в Литве, Белоруссии и Западной Украине снизили на 20%). Не имевшие земли дворовые рабы освобождались без выкупа, но были обязаны служить ещё два года помещику или платить ему оброк. Сумма выкупа определялась размером оброка. Государство (в качестве гарантии) выплачивало помещикам 75–80% этой суммы, а крестьяне должны были за 49 лет расплатиться с государством. Для разбирательства споров и конфликтов между помещиками и крестьянами и внутри общин были учреждены мировые посредники [36, с. 260]. Крестьяне были недовольны недостатком земли и повинностями. Уже с марта по июль пореформенного года было 1176 случаев неповиновений крестьян, обвинявших помещиков в обманах при исполнении условий реформы, отказов крестьян подписывать «уставные грамоты», выполнять повинности. Правительство даже нередко применяло войска для подавления крестьянских волнений [36, с. 261].

Следующей реформой стала «земская». 1 января 1864 г. было обнародовано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», согласно которому, в губерниях и уездах создавались выбираемые всеми сословиями органы общественного самоуправления — «земства», наделяемые распорядительной и исполнительной властью. Дворяне, промышленники, купцы и крестьяне избирали «собрание гласных» (депутатов), наделяемых распорядительной властью. Исполнительную власть получали «земские управы». Земства руководили местным хозяйством, образованием, медициной. Однако председателями земских собраний становились местные предводители дворянства, почти все члены управ были дворянами, и около половины гласных также составляли дворяне [36, с. 250].

20 ноября 1864 г. был издан указ о судебной реформе. Указ вводил единую судебную систему. Преобладали общие суды и мировые. Мировые занимались гражданскими делами и незначительными уголовными. Общий суд начинался с окружного суда, который рассматривал уголовные дела и серьёзные гражданские иски. Уголовные дела рассматривались при участии присяжных заседателей. Апелляции рассматривались уже в судебных палатах, где судили также по политическим и государственным делам. Высшей судебной инстанцией был Сенат, который мог отменить решения судебной палаты. В чрезвычайных случаях император мог назначить Верховный уголовный суд. Существовали также волостные суды для крестьян и другие специальные суды для военных, высших чиновников и консистории для священников. Предварительное расследование осуществляли судебные следователи. Прокуратура осуществляла судебный надзор. Для защиты обвиняемых появились адвокаты. В суды разрешили приходить публике и даже прессе. Судебные уставы значительно изменили. Закон 1863 г. запретил применять телесные наказания по приговору суда, хотя наказывать розгами позволялось каторжников, штрафных солдат и крестьян [36, с. 250–251].

16 июня 1870 г. было издано «городское положение», учредившие «городские думы» и «городские управы». В городские думы, получившие распорядительную власть, выбирали по имущественному цензу, ограничившему городских избирателей до 5–6 %. Городская управа во главе с «городским головой» получила исполнительную власть по обеспечению благоустройства города, включая больницы, школы, почитательные заведения [36, с. 251].

В 1857 г. были ликвидированы военные поселения, затем сокращён срок службы с 25 до 10 лет. В 1862 г. были реформированы военное министерство и Генеральный штаб, страна была разделена на 15 военных округов. С 1864 г. началось перевооружение армии: вводился паровой флот, нарезное стрелковое оружие и т.п. Для подготовки офицеров были созданы военные гимназии и юнкерские училища, в которые принимали детей из всех сословий. Улучшилась и подготовка солдат. Это позволило сократить армию. Согласно «Уставу о воинской повинности», изданном 1 января 1874 г. вместо рекрутского набора была введена

всеобщая воинская повинность. Срок службы зависел от образования и составлял от полугода до семи лет. После окончания действительной службы военнообязанных держали 9 лет в запасе. Численность армии в мирное время составляла около 750 тысяч, но в войну могла быть пополнена обученным запасом [36, с. 251–252].

Реформы Александра II открыли дорогу развитию капиталистических отношений, но половинчато решили крестьянский вопрос, оставив крестьян с недостаточными наделами и повинностями в пользу помещиков. Русско-турецкая война и голод 1879–1880 гг. усилили социальное недовольство. Интеллигенция мечтала о конституции. Некоторые радикалы обратились к террору. Для борьбы с революционерами создали сыскную полицию, учредили полицейских урядников в деревнях. С апреля 1879 г. вошло в практику назначение временных генерал-губернаторов с чрезвычайными полномочиями, позволяющими проводить цензуру, закрывать издания, арестовывать, проводить военный суд и высылать неугодных. После того, как Степан Халтурин устроил взрыв во дворце, была создана «Верховная распорядительная комиссия» во главе с Михаилом Таризеловичем Лорис-Меликовым для охраны общественного спокойствия и государственного порядка, действовавшая то путём либерализации общественной жизни, то путём репрессий [36, с. 252–253].

3 декабря 1855 г. был закрыт «Высший цензурный комитет», были разрешены издания любой идеологической направленности, хотя «Колокол» и «Полярная звезда» Герцена и Огарёва ввозились нелегально. Издавалось множество либеральных журналов. Журнал «Современник» печатал Николая Гавриловича Чернышевского и Николая Александровича Добролюбова, распространявших революционно-демократические взгляды и идеи русского социализма [36, с. 258–259].

К моменту реформы 1861 г. крестьяне составляли около 90% населения. Возникли биржевые комитеты. В пореформенном году протяжённость железных дорог достигла 1 600 километров [36, с. 265–266].

В 1858 г. начали создавать женские гимназии [36, с. 267].

Благодаря отмене цензуры издавались прогрессивные журналы «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово». В литературе накануне реформы создавали свои сочинения Лев Николаевич Толстой, Иван Сергеевич Тургенев, Фёдор Михайлович Достоевский, Иван Александрович Гончаров, поэты Николай Алексеевич Некрасов и Фёдор Иванович Тютчев, драматург Алексей Николаевич Островский. В музыке творили Александр Порфирьевич Бородин, Модест Петрович Мусоргский, Александр Сергеевич Даргомыжский, Цезарь Антонович Кюи. В науке начинался расцвет. Пафнутий Львович Чебышев разработал математический анализ и сконструировал ряд приборов. Историк Сергей Михайлович Соловьёв работал над «Историей России с древнейших времён», составившей впоследствии 29 томов.

По основным составляющим русское аграрное общество мало чем отличалось от остальных аграрных обществ. Постоянно проводя русско-

германские параллели, Н.П. Павлов-Сильванский продемонстрировал большое сходство рассмотренных им аграрных обществ. Здесь же недвусмысленно видно, что общества инков, египтян, китайцев и русских очень близки друг другу по классовому составу, включающему аристократию, рабов и крепостных, по организации монархической власти, опирающейся на чиновную аристократию, по отношениям, сложившимся между этими классами. Главным же остаётся единое средство производства — земля, принадлежность которой монарху или аристократии и диктует все основные общественные отношения.

Следует заметить, что и деление социальной истории на рабовладельческий и феодальный периоды или выделение чисто рабовладельческих и чисто феодальных обществ не выдерживает никакой критики. В угоду ошибочной псевдомарксистской точки зрения о феодальном характере русского аграрного общества, старательно доказывалось, что рабовладения на Руси почти не было, хотя и в летописях, и в Русской Правде рабы упоминаются многократно. Даже отмена холопства в 1721 г. Ещё не означала ликвидации рабовладения. Дворовые русских помещиков официально не назывались рабами, но будучи судимы и наказываемы своими барами, отправляемы на работы по прихоти хозяев, не имея возможности без их разрешения заключать браки и иногда погибая от чрезмерных истязаний, они по всем признакам были рабами вплоть до 1863 г., а вера в царскую справедливость, рабская покорность и лакейское стремление выслужиться очень долго сохраняются и после отмены «крепостного права».

ЧАСТЬ III

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

ВВЕДЕНИЕ: ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА ИЛИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ?

Со времён Адама Смита в исторической науке утвердилось мнение, что буржуазному обществу предшествовала эпоха первоначального накопления капитала (*previous accumulation*), целиком разделяемое вслед за К. Марксом марксистскими авторами. Маркс рассматривал первоначальное накопление капитала не просто как накопление денег, обращающихся как капитал, но, прежде всего как процесс высвобождения рабочей силы крестьян в результате лишения их главного средства производства — земли с последующей пауперизацией, вынуждающей продавать свою рабочую силу в городах буржуазии. Одновременно невозможность иметь в собственности промышленное средство производства, неминуемо принуждает прибывшего в город обезземеленного крестьянина наниматься в качестве рабочего на промышленное предприятие, находящееся в собственности капиталиста, продавая ему свою рабочую силу. Маркс представляет себе этот процесс как обусловленный прежде всего разорением крестьянства, уделяя, например, значительное влияние «огораживанию» феодальных и общинных земель для превращения их в пастбища для овец, разводимых для продажи шерсти, что привело к обезземеливанию не одного миллиона английских крестьян [157, с. 718–767]. Это ли — главное? Посмотрим, что говорит исторический материал.

Уже в XII в. на Севере Италии быстро росло сельское хозяйство, и стало успешно развиваться сукноделие. К концу XIII в. крестьяне были освобождены от феодальной зависимости и обрели личную свободу. В то же время сопротивлявшиеся становлению развивающихся капиталистических отношений аристократы лишались своих замков и насильно переселялись в города. В XIV в. Северная Италия превратилась в экономически наиболее развитый регион мира. Мешавшие развитию промышленности цехи со строгой регламентацией уступали место мануфактурам. Несмотря на применение лишь примитивной ручной ремесленной техники специализация на отдельных операциях внутри мануфактуры, а также сбор в одном месте работников разных специальностей (позволяющий сокращать время на оборот продуктов их труда), способствовали значительному росту производительности труда. Владельцы мануфактур превращались в городскую буржуазию, работники мануфактур в промышленных рабочих [37, с. 453].

Уже с 1115 г. крупнейший город Тосканы, Флоренция стала суверенной коммуной. Между горожанами и аристократами шла долгая борьба, окончившаяся победой горожан и насильственным переселением живших в округе аристократов в город. В 1250 г. во Флоренции была принята народная конституция, позволившая установить в городе власть Совету из 12 старейшин, которые решали городские дела вместе с капитаном народного

ополчения, позволившая буржуазии получить политическую власть, однако через десять лет победили аристократы, хотя борьба продолжалась. В 1289 г. был принят закон об отмене во Флорентийской республике крепостного права. В 1293 г. вновь победили горожане и власть досталась богачам. Согласно принятому закону «Установления справедливости» знать была отстранена от участия в политической жизни, во главе республики была поставлена Синьория из девяти приоров. 7 из них были из среды буржуазии и 2 из простых горожан. Верховная власть была предоставлена «гонфалоньеру (знаменосцу — Н.К.) справедливости», командующему городским ополчением, хотя временами не меньшую власть приобретали командиры отрядов наёмников — кондотьеры. В течение XIV в. Флорентийская республика в результате войн значительно расширила свою территорию. В 1342 г. опять победили аристократы, но через несколько лет горожане восстановили свою власть, хотя в 1382 г. снова захватили власть аристократы. Тем не менее в XIV в. стали усиленно развиваться как рассеянные и смешанные, так и централизованные мануфактуры. В XIV-XVI вв. во Флоренции даже возникли компании (объединявшие не только промышленных, но торговых и ссудно-ростовщических капиталистов, владевших мастерскими), число которых доходило до 300. Наёмные рабочие мануфактур подвергались жестокой эксплуатации, бастовали и даже поднимали восстание, но местная буржуазия продолжала богатеть и влиять на городскую власть, которая фактически перешла к богатым купцам, банкирам и предпринимателям — «патрициям». Одним из богатейших буржуазных семейств в начале XV в. стал род, занимавшийся изготовлением медной посуды и по профессии получивший прозвище Медичи. В 1417 г. его представитель Джованни Медичи был избран гонфалоньером. После его смерти Флоренцией правили аристократы, но 6 октября 1434 г. сын Джованни Козимо Медичи захватил власть, объявив себя герцогом, и с этих пор Медичи правили во Флоренции с перерывами почти триста лет [37, с. 453–454; 196, с. 211–212].

Из истории средневековой Тосканы хорошо видно, что несмотря на освобождение крестьян от феодальной зависимости и возможности найма их на работу на мануфактурах, где господствовали уже чисто капиталистические отношения, промышленное производство в Тоскане ещё не вышло на первое место перед сельским хозяйством. Буржуазия, время от времени захватывавшая власть во Флоренции, в итоге оказалась слишком слабой, чтобы окончательно отнять власть у аристократии, устанавливавшей власть в городе и в Тоскане. В отсталой по сравнению с Тосканой России крепостное право сохранялось до 1861 г., тем не менее, там (хотя только с XVII в.) также развивались мануфактуры, а в конце XVIII в. появились первые фабрики. Несмотря на крепостное право гонимые нуждой чернососные крестьяне успешно заполняли рабочие места, но и крепостные на аристократических мануфактурах и посессионные крестьяне менее успешно, чем тосканцы, но обеспечивали мануфактурное и даже фабричное производство, которое продолжало тормозиться и более настоятельно требовало освобождения. Несомненно, что основными причинами невозможности перехода от аграрного общества к индустриальному являются, с одной стороны, недостаточность развития сельско-

хозяйственной техники и агрономии для того, чтобы сделать количество занятых сельским хозяйством крестьян избыточным для перехода их в сферу промышленного производства, во-вторых, и это — главное, производство вещей ещё остаётся ремесленным, не применяющим помимо интеллектуальных и физических сил человека сил природы, используемых в машинной технике, позволяющих многократно повысить производительность труда и обеспечить население дешёвыми и доступными предметами быта. Таким образом, не наличие рынка рабочей силы (который существовал ещё в древнем Вавилоне XVIII в. до н.э., если судить по законам Хаммурапи), а именно недостаточность развития производительных сил, т.е. отсутствие техники как в промышленности, так и в сельском хозяйстве обусловило невозможность перехода от индустриального общества с его рабовладельческо-феодальными отношениями к обществу индустриальному, с господством капиталистических отношений.

Люди, учившие историю для того, чтобы кое-как сдать и отвязаться, и никогда не бывавшие на Востоке, обычно полагают, что восточные цивилизации (о которых они не имеют реального представления) совершенно отличаются от европейских и североамериканских. Сравнение протогосударств Океании, Тауантинсуйу, Египта, Греции и Рима показывает достаточно сходства между ними. Россия и Китай также оказываются общественными системами, обладающими сходной структурой и институтами, обнаруживающими сходство с европейскими и другими рассмотренными странами в эпоху аграрного общества. Индустриальные системы естественно обнаруживают ещё большее сходство, чему отчасти способствовало и распространение культуры, особенно благодаря средствам массовой информации. Однако главная производительная сила индустриального общества в любом конце земного шара и у любого народа требует и схожих производственных отношений. В этом можно убедиться на примере хотя бы Японии.

С конца XVIII в. в Японии происходил процесс обезземеливания крестьянства. Необходимость выплачивать денежный налог заставляла крестьян закладывать землю. К середине XIX в. множество крестьянских земель оказалось в руках купцов и части разбогатевших крестьян [37, с. 742]. Начался переход к капиталистическим отношениям, но только не в промышленности, которой не было, а в сельском хозяйстве.

Глава 1

БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Нидерландская революция

В сельском хозяйстве Нидерландов в XIV-XVI вв. происходила специализация на производстве отдельных видов продукции. Особенно высокопродуктивными оказались животноводство и производство молока

и молочной продукции. В экономически развитых районах малопродуктивная барщина была отменена. Её заменила денежная рента. Аренда земли постепенно вытесняла феодальные отношения. Возникла пока ещё небольшая, но значительная в экономике прослойка состоятельных фермеров, нанимавших рабочую силу. Ещё в XIV в. в деревнях Фландрии появились первые рассеянные мануфактуры: шерстоткацкая в Хондсхоте, ковровые вокруг Ауденарде. Вскоре и в тех нидерландских городах, где не было цеховых корпораций, возникли льноткацкие и другие мануфактуры. В первой половине XVI в. развивались текстильные мануфактуры в Антверпене, Хондсхоте, Валансьенне, Монсе, в районе Льежа и других городах и регионах Нидерландов. В Антверпене было немало и таких мануфактур, как мыловаренные, сахарорафинадные, мастерские по отделке английских сукон, крупнейшая в мире типография Плантенов. В районах Намюра и Льежа процветали горнодобывающая промышленность и металлургия. Развивались мануфактуры также в маслоделии, пивоварении и других областях производства. В Голландии успешно развивалось рыболовство, кораблестроение, канатное и парусное производство. Амстердам стал крупным центром промышленности и важнейшим портом Нидерландов. Благодаря производству и мореплаванию нидерландские купцы заняли ведущее место в международной торговле. В Антверпене действовали фондовая и товарная биржи и множество банков. В результате развития товарно-денежных отношений увеличивалась в числе мануфактурная, торговая и сельская буржуазия, формировался рабочий класс. Население Нидерландов было наиболее образованным в Европе. Даже большинство крестьян было грамотно [37, с. 515; 277, с. 160; 163, с. 49].

«В Нидерландах с XIV в. существовали Генеральные и провинциальные штаты, которые обладали исключительным правом вводить налоги. В каждом городе существовал орган самоуправления — магистрат» [37, с. 515].

Однако испанское управление, эксплуатирующее население Нидерландов в интересах Габсбургского дома и испанских аристократов, тормозило развитие промышленности и капиталистических отношений. Дело в том, что 17 нидерландских областей: герцогства Брабант, Лимбург, Люксембург, Гельдерн, графства Фландрия, Артуа, Геннегау (Эно), Голландия, Зеландия, Намюр, сеньории Фрисландия, Мехельн, Утрехт, Оверэйсел, Дренте, Гронинген, Лилль (с Дуэ и Орши) после присоединения герцогства Бургундского к империи Габсбургов в конце XV в. постепенно переходили в конце XV — начале XVI вв. во владения Священной Римской империи Габсбургов, что было закреплено согласно объявлению имперского сейма 1548 г. в Аугсбурге и в соответствии с Прагматической санкцией от 4 ноября 1549 г. После распада Священной Римской империи в 1555 г. Нидерланды отошли к Испании. Война Испании с Англией не позволила нидерландским купцам не только покупать английскую шерсть, но и вести торговлю с Англией вообще. Испанцы начали вводить в Нидерландах свои порядки. Они ввели высокую пошлину на ввозимую из Испании шерсть,

закрыли доступ нидерландским купцам в испанские колонии, расквартировали там свои войска. Доходы от эксплуатации Нидерландов в 4 раза превосходили доходы от испанских колоний в Новом свете. Всё вместе резко понизило благосостояние народов Нидерландов. Испанское господство идеологически опиралось на испанскую католическую церковь. Жители Нидерландов всё более и более переходили в кальвинизм, противопоставляя эту более демократичную веру непримиримой к другим верам и иным направлениям христианства испанскую католическую церковь, пользующуюся услугами инквизиции. Проповедников кальвинизма на многочисленных собраниях арестовывали и жгли на кострах по приговору инквизиции. Все слои населения Нидерландов выступили против Испании [37, с. 515–516; 265, с. 160–161; 266, с. 170; 279, с. 196].

В августе 1566г. началось мощное восстание во Фландрии, направленное главным образом против католической церкви и монастырей, которое было подавлено, но после налога на имущество и торговые сделки, введённого испанским губернатором Нидерландов герцогом Альбой в 1571 г., вызвавшего безработицу и нищету, в 1572 г. восстание вспыхнуло с новой силой [37, с. 526; 265, с. 162].

Летом 1572 г. собравшиеся в Дордрехте Штаты Голландии и Зеландии приняли решение об организации независимых властей в восставших провинциях. В 1574 г. собрался синод, принявший решение об организации кальвинистской церкви [265, с. 163].

После победы Брюссельского восстания над испанцами на юге было обнародовано «Гентское умиротворение», установившее единство всех Нидерландов и мир во всей стране. В 1576 г. собрались Генеральные штаты, ставшие органом верховной власти. Однако власть в Генеральных штатах перешла к буржуазии и дворянству, признавшим 24 июня 1577 г. власть испанцев при условии принятия ими Гентского умиротворения, прекращения преследования протестантов и вывода испанских войск. Летом и осенью 1577 г. народ ответил свержением власти испанских магистратов, заменяя их на местах «Комитетами восемнадцати» (276, с. 517; 277, с. 163). В 1578–1579 гг. во Фландрии, Брабанте, Гронингене, Дренте, Фрисландии развернулось мощное крестьянское восстание. Крестьяне отказывались платить оброк феодалам, признававшим власть испанцев и даже захватывали земли этих аристократов и католических монастырей, а также платить налоги Генеральным штатам [265, с. 164].

Напуганные народным восстанием дворяне-католики провинции Геннегау осенью 1578 г. подняли мятеж. Вскоре к ним присоединились аристократы Артуа, Дуэ и Орши. 6 января 1579 г. эти реакционеры заключили между собой Арраскую унию, отложившись от революционных провинций, а затем 17 мая заключили договор с испанским королём Филиппом II. Революционные провинции Голландия, Зеландия, Фрисландия и Утрехт в противоположность им 23 января 1579 г. подписали Утрехтскую унию, к которой позднее присоединились Фландрия и Брабант [37, с. 517; 265, с. 164].

Тем не менее, Генеральные штаты во главе со статхаудером принцем Вильгельмом Оранским пытались объединить страну путём компромисса с реакционным Югом, подыскивали в качестве короля для Нидерландов беспринципного брата французского короля принца Анжуйского и, боясь вооружённого народа, опирались в войне с Испанией на наёмников, а в «Комитеты восемнадцати» вводили своих сторонников. В результате в южных провинциях власть окончательно захватили феодально-католические антипатриоты, а на Севере аристократия и купечество, руководящее Генеральными штатами, эдиктом 1581 г. запретили революционным стрелковым гильдиям и кальвинистским консисториям участвовать в решении городских и муниципальных проблем. Указ Филиппа II от 15 июня 1580 г., объявивший Вильгельма Оранского вне закона и призывающий к его уничтожению за награду, вызвал издание акта Генеральных штатов от 26 июля 1581 г. о низложении короля и объявлении независимости Нидерландов [265, с. 164].

Народ не хотел признавать власть принца Анжуйского, авторитет Оранского упал, и испанскому наместнику Александру Фарнезе удалось в 1587 г. завершить завоевание южных провинций Лимбурга, Фландрии и Брабанта и городов Гента, Брюсселя и Антверпена [265, с.165]. Несмотря на это войска северных провинций под руководством Морица Оранского нанесли ряд поражений испанцам, отвоевав часть территорий, и вынудили Испанию заключить в 1609 г. Двенадцатилетнее перемирие, признавшее образование в Нидерландах Республики Соединённых провинций [265, с. 165].

В результате Нидерландской революции впервые в истории была образована республика, в которой власть осуществлял парламент, фактически руководимый крупной торговой буржуазией [265, с. 165].

Английская буржуазная революция

К середине XVI в. в английской экономике произошли значительные изменения, понять которые лучше позволяет обращение к более ранней социальной истории, которая находит параллели в русской истории и истории всех аграрных обществ, в недрах которых постепенно развивались товарно-денежные отношения, и ремесло перерастало в мануфактурную промышленность.

Возникшие ещё в IX в. вилланы в XI-XIV вв. повсеместно сменили сервов (слуг). Сервы вели происхождение от античных рабов, которые уже в раннем средневековье работали не столько в домашнем хозяйстве господина, сколько на земле, подобно феодальнозависимым крестьянам других стран. Вместе с потомками сервы англов и ранних норманов, подобно рабам, принадлежали своим господам и должны были платить им подушную подать за пользование землёй вотчинника лорда (господина), и подобно барщинникам по мере необходимости помогать господину. Они не имели права вступать в брак с сервами других лендлордов или передавать всё имущество наследникам без согласия господина, потому что господин имел право отобрать любую приглянувшуюся ему часть

движимого имущества серва. Сервы подлежали суду только своего господина. Однако сервы (подобно нашим крестьянам до отмены Юрьева дня) имели право перебираться на земли другого лендлорда [20, с. 796; 212].

С норманского завоевания в 1066 г. сервов в течение XI — середины XII вв. постепенно сменили образовавшиеся ещё в англо-саксонский период вилланы (сельчане), уже чисто феодально зависимые крестьяне. Согласно актам, принятым в правление Генриха II (1154–1189), вилланы юридически были признаны сервами, т.е. лично зависимыми от лордов людьми. Вилланы были обязаны проживать на земле лорда (за побег их разыскивали и насильно возвращали). За пользование землёй лендлорда вилланы были обязаны выполнять барщину и «по воле лорда» оброчные повинности. Лорд мог продать, обменять или заложить виллана, перемещать вилланов с одного надела на другой или из одной вотчины в другую, распорядиться имуществом виллана, которое юридически принадлежало лорду. Виллан был также подсуден маноориальной курии (администрации хозяина манора [вотчины]). Фактически виллан передавал свой земельный надел по наследству одному из сыновей, владел движимым имуществом (хотя часть его отдавал в виде ренты, размеры которой были установлены обычаем) и распоряжался им по своему усмотрению. В связи с развитием товарно-денежных отношений в конце XII — начале XIII вв. эксплуатация вилланов усилилась. В это время у меньшей часть вилланов расширились наделы, у большей сократились. Ещё в XII в. развитие товарно-денежных отношений привело к частичной коммутации (замене барщины и натурального оброка денежным оброком). В результате коммутации на крестьян теперь возлагались расходы на доставку продуктов крестьянского труда на рынок и продаже их на рынке. Лорды превращались таким образом в получателей земельной ренты. Несмотря на временное сокращение коммутации и даже частичного отказа от неё в XIII в. на рубеже XIII-XIV вв. коммутация продолжилась [10; 285; 283, с. 475].

С рубежа XIV-XV вв. вилланы постепенно сменялись копигольдерами (держателями земли по копии). Подобно нашим крепостным копигольдеры получали копию договора с лордом о праве на владение полученным от него земельным участком, выписанную из протокола договора, заверенного в маноориальной курии. Копигольдеры должны были выплачивать лорду пошлину за разрешение пользоваться наделом, выплачивать оброк, платить лендлорду за пользование угодьями, которые все находились в его собственности, платить фэйн (налог за передачу надела от отца к сыну), который мог произвольно назначать лорд, выполнять и некоторые другие повинности. Копигольдеры не могли распоряжаться наделом без ведома лорда, подлежали суду только маноориальной курии и не могли жаловаться на лорда [12, с. 896–897].

В результате разложения маноориальной (феодально-вотчинной) системы отношений, сменяемых товарно-денежными отношениями, в XIV-XV вв. возникает лендлордизм, характеризующийся сдачей земли в аренду. Арендные отношения были по своему характеру уже капиталистическими отношениями. Хозяева земли, лендлорды превращались

в крупную сельскую буржуазию, арендаторы преимущественно в батраков (сельскохозрабочих), вынужденных из средств, полученных от продажи продуктов своего сельскохозяйственного труда, отдавать часть денег в форме земельной ренты, составлявшей доход землевладельца [9, с. 496]. В крестьянской среде происходила дифференциация. Если большинство арендаторов составляла беднота и люди небольшого достатка, то отдельные крестьяне, арендуя большие участки земли, дробили их на мелкие куски и сдавали в субаренду. Такие богатеющие крестьяне стремились приобрести землю в собственность, наряду с городскими купцами и ростовщиками. Все они старались получить дворянство и составить новый слой нетитулованных дворян — джентри (благородных). Новые джентри стремились вести хозяйство преимущественно на капиталистических принципах [10, с. 544; 114, с. 160].

В начале XVII в. население Англии составляло около 5 миллионов. Из них около миллиона уже проживало в городах. Капиталистические отношения развивались также в промышленности и торговле. Росло разделение труда, торговля, начал складываться национальный рынок. В XVI в. в английском сукноделии стали развиваться мануфактуры, преимущественно рассеянные, а в первой половине XVII в. Англия стала уже главным поставщиком некрашеного сукна в Европу. Ещё в XI-XII вв. английские купцы стали вывозить шерсть во Фландрию, Прирейнскую Германию, Италию, а в XIV в. в самой Англии начало развиваться сукноделие. Тогда вместо шерсти Англия стала вывозить сукно [9, с. 496].

Ряд крупных землевладельцев-вотчинников в связи со спросом суконщиков на шерсть уже XIII в. стал увеличивать пастбища для овец, используя в своих интересах земли, на которых традиционно разрешалось пасти скот копигольдерам, но чаще сдавал эти пастбища богатым фермерам, разводящим овец. Тогда же королевские статуты 1235 и 1285 гг. позволили баронам делать огораживания. В конце XV — начале XVI вв. в связи с ростом цен на шерсть уже не только отдельные бароны, но преимущественно джентри (и некоторые разбогатевшие крестьяне, арендовавшие у вотчинников крупные участки земли), чтобы помешать пасти крестьянам, стали огораживать свои пастбища, стремясь увеличить их площадь за счёт как своих земель так и земель свободных крестьян. Крестьян нередко даже сгоняли с пахотной земли, порой разрушая и их жилища. Сотни тысяч крестьян в поисках работы превращались в бродяг. Правительство использовало против них жестокие наказания, вплоть до смертной казни [114, с. 160; 210, с. 464–466].

Мануфактуры стали возникать не только в сукноделии, но в хлопчатобумажной, шёлковой, горнодобывающей и металлургической и металлообрабатывающей промышленности, при производстве стекла и бумаги. К середине XVII в. англичане добывали около 3 млн. т. каменного угля, что составляло 80% всей европейской угледобычи. За 100 лет (с 1540 по 1640 гг.) добыча железной руды выросла в 3 раза, а добыча свинца, олова, меди, соли увеличилась в 6–8 раз. В ряде небольших городков и деревень, где не существовало ремесленных цехов и цеховых стеснений,

росли и ширились мануфактуры. В деревнях преобладали ещё рассеянные мануфактуры, объединявшие порой сотни рабочих. Таковы, например, текстильные мануфактуры Бреверов в Сомерсетшире, включавшие до 400 надомников или Рейнолдза врайоне Колчестера — до 500. Однако из деревень выросли такие промышленные центры как Бирмингем, Шеффилд, Галифакс, Лидз, Манчестер. Увеличивалось число смешанных и централизованных мануфактур. Например, смешанная суконная мануфактура Бедфорда объединила 500 работников, а на Стампа из Малмсбери работало до 2 тыс. людей на дому и в мастерской. За первые 40 лет XVII в. заморская торговля выросла в 2 раза. В 1568 г. в Лондоне была открыта биржа. В 1554 г. была открыта торговая Московская компания, в 1575 — Марокканская, в 1579 — Остзейская, в 1581 — Левантийская, в 1600 г. — Ост-Индская и ряд других (Восточная, Гвинейская и т.д.) [9, с. 496; 114, с. 160; 163, с. 49].

Предшественник Карла I Яков I (1603–1625) взыскивал устаревшие феодальные повинности, вводил новые налоги, торговал должностями, титулами и монополиями, требовал «добровольных пожертвований». Политика Карла I также сводилась к огромным тратам на двор и его фаворитов. Одним из главных средств добывания денег для Карла I стала продажа монополий на торговлю определёнными видами товаров: чаем, кофе, табаком и т.д. К 1621 г. было продано более 700 монополий. Торговые монополии и ограничения на производство вместе со средневековыми регламентациями деятельности корпораций ремесленников и купцов крайне тормозили деятельность предпринимателей, мечтавших о беспрепятственном развитии мануфактур и свободной конкуренции. Другой причиной недовольства не только предпринимателей, но и народа была англиканская церковь (сохранившая многие элементы ритуала и организационные формы католицизма), всецело подчинённая абсолютизму. Народ предпочитал англиканству пуританизм (одну из форм кальвинизма, выступающую за очищение церковного ритуала от богатства и упрощения церковной иерархии) в форме пресвитерианства и индепенденства. Конечно, главным желанием крестьян было освобождение от феодального ига [37, с. 498; 9, с. 496–497].

Ещё Яков I требовал у парламента единоличного права сбора налогов. Палата общин ему отказала, но Яков в надежде добиться своего распустил три парламента. Карл I также распустил парламент, который не собирался с 1629 по 1640 гг. В 1637 г. была предпринята попытка ввести англиканство в Шотландии, где официальной религией стал пуританизм, что привело там к восстанию, а в 1638 г. к войне Шотландии с королевскими войсками, которые потерпели поражение. Созванный в 1640 г. парламент также оказался несговорчивым и был распущен [9, с. 497].

Созыв нового парламента, собравшегося также в 1640 г., фактически означал начало Английской буржуазной революции. В мае 1641 г. парламент принял билль «О нераспускаемости» парламента без его согласия, с чем королю также пришлось согласиться. В августе 1641 г.

после принятия парламентом «Великой ремонстрации» (обличения) с осуждением злоупотреблений короны в 204 статьях, власть фактически перешла к парламенту [9, с. 498–499].

22 августа 1642 г. король объявил парламенту войну, и гражданская война началась. Большинство в парламентской армии составили йомены (свободные крестьяне) и небогатые горожане, воодушевлённые надеждами на демократические изменения. К концу 1646 г. война закончилась победой парламента. Карл I, сдавшийся в апреле 1646 г. в плен к шотландцам, 1 февраля 1647 г. был передан ими английскому парламенту. Захваченный в плен революционно настроенной армией 2–4 июня 1647 г. король бежал, вступил в тайный союз с шотландцами и начал весной 1648 г. новую гражданскую войну. 17–19 августа 1648 г. шотландцы и роялисты потерпели поражение. 30 января 1649 г. по решению Верховного суда Карл Стюарт как «изменник и тиран» был обезглавлен перед королевским дворцом [9, с. 498–503].

Ордонансы парламента от 27 марта 1643 г., 18 августа 1643 г. и 25 мая 1644 г. секвестировали земли церкви и лиц, поддерживавших короля. 24 февраля 1646 г. дворянское владение землёй парламент превратил в собственность и отменил обязанность дворян служить королю. Уничтожение монополий в промышленности и торговле позволило развиваться свободной конкуренции. Отменили регуляцию зарплаты наёмных работников. Приостановили действие закона, запретившего огораживания. 19 мая 1649 г. Англия была объявлена республикой, верховная власть в которой перешла к однопалатному парламенту из 100 членов. Однако во главе страны встал Государственный совет, в котором, как и в парламенте, большинство принадлежало командованию армии и банкирам Сити. Более всех от революции выиграли пришедшие к власти новое дворянство и буржуазия, которым досталась земля, конфискованная у старого дворянства, поддерживавшего королевскую власть. Новые властители, опасаясь демократизации и углубления революции, разогнали и подавили в 1649–1650 гг. сопротивление демократического большинства в армии и вооружённого народа. В результате 20 апреля 1653 г. парламент был разогнан и установлен протекторат главнокомандующего Оливера Кромвеля. Кромвель разогнал два парламента, а в 1657 г. восстановил палату лордов, но 3 сентября 1658 г. скончался. В 1659 г. в стране была восстановлена республика, но напуганные революцией новое дворянство и буржуазия 29 мая 1660 г. пригласили на трон сына Карла I Карла II [9, с. 501–505; 114, с. 163].

Главным достижением Английской буржуазной революции стала замена феодального владения землёй частной собственностью на землю. Вместе с тем, за крестьянами не было признано прав на принадлежащую им и обрабатываемую ими землю. Более того, повинности копигольдеров по отношению к лендлордам сохранились. Однако система лендлордизма, сменившая феодальное владение, шла по пути превращения крестьян из феодально зависимых в арендаторов. В деревне возникли фермы капиталистического типа с наёмными сельскохозяйственными рабочими. Огораживания земель (для разведения овец с целью продажи

их шерсти сукноделам), которые ранее использовались крестьянами под пастбища, резко усилили разорение английского крестьянства. Все эти процессы способствовали первоначальному накоплению капитала. В 60-х — 80-х гг. XVII в. протекционистская торговая политика, торговая и колониальная экспансия за морем, нередко переходящая в торговые войны, при опоре на организованный Английский банк и с помощью привлечения средств в счёт растущего государственного долга, способствовали развитию мануфактур, судоходства и различных видов промышленности. Быстро рос банковский капитал. Менее чем за тридцать лет тоннаж английского флота увеличился вдвое. Создавались акционерные общества. Многие из них наживались на эксплуатации колоний. Была создана Компания Гудзонова залива и Королевская компания для торговли чёрными рабами. Простор для развития капиталистических отношений вывел Великобританию более чем на две сотни лет на первое место в мире по развитию экономики [9, с. 505–506; 114, с. 163–164].

Великая Французская буржуазная революция

В XVI-XVII вв. во Франции развивалась деревенская рассеянная мануфактура в суконной, кожевенной и других видах производства, главным образом вокруг городов. Городские централизованные мануфактуры, занятые металлообработкой, книгопечатанием, имели небольшие размеры. Возникали и смешанные мануфактуры, например, шёлкоткацкая в Лионе. Создавались и значительные «королевские мануфактуры», опекаемые королевской властью. Монархия и двор были заинтересованы в дорогих вещах и поддерживали развитие мануфактур, производящих предметы роскоши: кружева, атлас, бархат [163, с. 49].

В XVIII в. капиталистический уклад прочно утвердился во французской промышленности. В производстве преобладали как городские, так и сельские мануфактуры, особенно, производящие шерстяные и хлопковые ткани. В Северной Франции работали добывающие и металлургические мануфактуры, на которых трудились многочисленные рабочие. Возникли предприятия с сотнями и даже тысячами рабочих, например, каменноугольные копи в Анзене, металлургические заводы в Ле-Крёзо, королевские мануфактуры в Бове, Абвиле, Бресте и ряде других городов. В текстильной промышленности стали применять машины. Капиталистические отношения проникали и в сельское хозяйство. Развивалась аренда земли, особенно в северных областях, где появились крупные арендаторы. До 70-х гг. экономика росла, росло население городов и развивалась внутренняя торговля. Ширилась и внешняя торговля, особенно с Востоком. Вместе с тем, приток дешёвых колониальных товаров и драгоценных металлов из колоний способствовал росту цен. Выпуск необеспеченных банкнот, расходы на неудачные внешние войны, потеря части колоний и прочие политические просчёты ложились бременем на рядовых французов. Дворянские привилегии, регламентация ремесла и торговли и, главное, сеньори-

альная рента в сельском хозяйстве значительно тормозили развитие капиталистических отношений. Когда философ-просветитель и экономист Жан Робер Жак Тюрго пытался в провинции Лимузен снизить налоги на крестьян, а, став в 1774–1776 гг. контролёром финансов, провёл ряд реформ в интересах буржуазии: сделал свободной торговлю зерном и мукой, снизил пошлины на продовольствие при ввозе их в города не только для привилегированных сословий, заменил натуральный дорожный налог, который выплачивали преимущественно крестьяне, поземельным денежным налогом, который наложил на все сословия, упразднил гильдии ремесленников и купеческие корпорации, одновременно лишив и всех объединений мастеров, подмастерьев, учеников и рабочих, — дворянство добилось его увольнения и отмены его преобразований. Более того, дворяне попытались восстановить давно утраченные повинности крестьян: подымное обложение, плату за пользование дорогами и реками, — а также восстановить право помещиков на выделение им части общинных земель. В результате этих мероприятий и плохих урожаев зерна не хватало, и цены на хлеб росли. Во многих районах вспыхивали крестьянские восстания. В городах начались забастовки рабочих. Особенно значительными были выступления лионских ткачей [57, с. 304–305; 163, с. 49].

Во второй половине XVIII в. французская феодальная политическая система, продолжающая обеспечивать привилегированное положение дворянству и духовенству, пришла в непримиримое противоречие с интересами «третьего сословия», включавшего все остальные слои населения. Выдающиеся умы Просвещения выступили с беспощадной критикой феодального строя и его институтов во главе с абсолютной монархией, обличая их примитивную идеологию и антигуманную мораль [155, с. 371].

Во второй половине 80-х гг. XVIII в. во Франции начался промышленно-торговый кризис, выдался неурожайным 1788 г., сложилось катастрофическое положение с финансами. Только на помощь английским колониям в Америке, боровшимся с ненавистной Франции Англией, правительство потратило 200 млн. ливров. За последние 10 лет государственный долг возрос в 3 раза. Англо-французский торговый договор 1786 г. усилил поток дешёвых английских товаров на французский рынок. В городах росла безработица, крестьяне беднели. Усилились крестьянские восстания и выступления городской бедноты [37, с. 659–660; 155, с. 371; 57 с. 305].

Чтобы выбраться из тяжёлого финансового кризиса, Людовику XVI пришлось созвать Генеральные штаты, состоявшие в то время из трёх палат. В первой заседало дворянское сословие, во второй — духовенство, в третьей — «третье сословие». Собрание открылось 5 мая 1789 г. в Версале в сложной для французского общества обстановке. Дело в том, что накануне в Сент-Антуанском предместье Парижа (где закончились запасы муки и не хватало хлеба) взбунтовались, доведённые до нищеты и голода городские низы, на что солдаты ответили ружьями, расстреляв 27 апреля несколько сотен человек, преимущественно рабо-

чих. В ответ на эту жестокость депутаты третьего сословия выразили недовольство королю, отказавшись подчиняться его требованиям увеличения налогов и 17 июня провозгласили себя Национальным собранием [37, с. 659–660]. «20 июня 1789 года члены Национального собрания, к которым теперь присоединилось 150 депутатов-священников, в ответ на попытку короля разогнать их собрались в версальском Зале для игры в мяч (крытом теннисным корте) и поклялись не расходиться до тех пор, пока не будет выработана конституция Франции. 9 июля депутаты провозгласили себя Учредительным собранием. В течение нескольких дней Людовик XVI стянул к Парижу около 20 тыс. солдат, большинство из которых было либо швейцарскими наёмниками, либо немцами, так как не доверял французским войскам» [37, с. 660; 155, с. 371].

11 июля 1789 г. Людовик уволил министра финансов Жака Неккера, способствовавшего созыву Генеральных штатов и обеспечению в них двойного представительства третьему сословию. Отставка популярного в народе министра послужила одним из поводов восстания. Адвокат Камилль Демулен призвал парижан к оружию. Горожане из Сент-Антуанского предместья, разгромив оружейные магазины и арсенал в Доме инвалидов, захватили оружие и 14 июля взяли штурмом служившую тюрьмой парижскую крепость Бастилию. Захват Бастилии продемонстрировал революционность народа. Даже король официально признал революцию и нацепил кокарду с тремя цветами революции. Парижский муниципалитет, заседавший в штабе Коммуны Отель-де-Виль объявил о самоуправлении, создав для защиты от армии Национальную гвардию. Её командующим провозгласили маркиза Мари Жозефа Поля Ива Рока Жильбера Мотье де Лафайета, прославившегося в борьбе за независимость США [37, с. 661; 155, с. 371].

В течение недели горожане захватили муниципальную власть ещё в 26 больших городах. Восстание перекинулось и в сельскую местность, где крестьяне захватывали жилища аристократов и уничтожали документы, в которых были зафиксированы феодальные повинности. С 4 по 11 августа депутаты Учредительного собрания ликвидировали сословия, частично отменили, частично значительно сократили феодальные повинности частновладельческих и церковных крестьян, отменив церковную десятину, право помещиков на охоту и кое-какие другие феодальные повинности и привилегии, предоставив также крестьянам возможность стать собственниками обрабатываемой ими земли, уплатив аристократу сумму в 25 раз превышающую сумму годовых повинностей, а 26 августа 1789 г. они приняли «Декларацию прав человека и гражданина», которая провозгласила равенство в правах всех граждан независимо от их сословной принадлежности. Вместо провинций в 1789–1790 гг. Учредительное собрание учредило 83 департамента, дистрикты, кантоны и коммуны с одинаковой системой управления, а также единообразные местные суды с выборными членами судов. Вместе с тем, декрет конца 1789 г. разделил граждан на «активных» и «пассивных», введя цензовую избирательную систему [37, с. 661–662; 155, с. 372].

Нерешённость проблем, особенно продовольственной проблемы, и сопротивление реформам со стороны контрреволюционеров: состоятельного дворянства, крупной буржуазии и, особенно, королевского двора, — вызвали недовольство крестьян и небогатых горожан, которые 5–6 октября 1789 г. двинулись на Версаль и вынудили Учредительное собрание и короля перебраться в Париж. Согласно декрету от 2 ноября 1789 г. все церковные земли (составлявшие около 10% всех пахотных земель) были национализированы. Многие из них пришлось пустить в распродажу, чтобы погасить государственный долг. Однако денег не хватало, и их пришлось печатать. В результате началась сильная инфляция. Разочарованные французы стали собираться в партии. Многие аристократы эмигрировали. Аристократы и церковь составили правый фланг недовольных революцией. Радикалы (от крайних до умеренных) составили «Общество друзей конституции», собиравшееся недалеко от церкви святого Якоба, и вскоре стали более известны под именем якобинцев. Не менее радикальным стало «Общество друзей прав человека и гражданина», члены которого именовались также кордельерами по заседаниям в здании бывшего монастыря францисканцев кордельеров. Оба радикальных общества вместе с отделениями насчитывали около 5 тыс. человек. 17 марта 1790 г. были отменены «личные» феодальные повинности крестьян, но окончательно не были отменены все феодальные повинности. В 1791 г. были упразднены ремесленные цехи и уничтожена регламентация и другие ограничения развития промышленности и торговли [37, с. 662; 155, с. 372–373].

В 1791 г., взяв за основу «Декларацию прав человека и гражданина», Учредительное собрание приняло Конституцию. Во Франции оставалась монархия, ограниченная конституцией и решениями однопалатного парламента. Более двух третей граждан смогло участвовать в выборах и избираться в парламент. Однако были лишены права женщины и бедные граждане, не достигшие имущественного ценза, так как депутаты рассудили, что материально зависимый человек не сможет принимать самостоятельные решения. 14 июня 1791 г. был принят «закон Ле Шапелье», запрещающий рабочие союзы и стачки. В результате первых выборов в парламенте большинство составили богатые горожане [37, с. 662]. 17 июля 1791 г. Национальная гвардия, во главе которой стоял Лафайет по распоряжению Учредительного собрания расстреляла демонстрацию парижан на Марсовом поле, требовавших суда над пытавшимся сбежать королём. Ещё 16 июля умеренные якобинцы, представленные преимущественно крупными буржуа с конституционно-монархическими взглядами и либеральными дворянами, откололись, создав клуб фельянов, заседавших в помещении бывшего монастыря фельянов. Остальные якобинцы и кордельеры подверглись репрессиям. 5 октября 1791 г. Учредительное собрание уступило место вновь избранным депутатам Законодательного собрания, которое разделилось на правое и левое крыло. Справа были фельяны, слева — якобинцы, вскоре разделившиеся на умеренных жирондистов (получивших название от большинства депутатов, избранных от департамента Жиронды) и ради-

кальных монтаньяров (горцев), получивших название от занимаемых ими в зале поднимающихся вверх последних мест [37, с. 661–663; 155, с. 373].

В Европе интересы бежавших от революции французских дворян и большинства монархий совпали в желании уничтожить революционную республику. 29 апреля 1792 г. Франция была вынуждена объявить войну Австрии, собиравшей против неё коалицию европейских держав. Вскоре прусская армия вторглась во Францию. 11 июля 1792 г. Законодательное собрание было вынуждено объявить: «Отечество в опасности». После того, как король наложил вето на решение Законодательного собрания призвать в армию 100 тыс. новобранцев, парижане и «федераты» (добровольцы из провинции, прибывшие на защиту Парижа от внешних врагов) 10 августа 1792 г. взяли штурмом дворец Тюильри и арестовали короля и королеву. Парижская беднота — санкюлоты (не носящие короткие штаны-кюлоты подобно аристократам) и федераты по призыву учёного и публициста, вождя кордельеров Жана Поля Марата громили тюрьмы, убив около 3 тыс. реальных и мнимых противников революции. Реальная власть в столице оказалась в руках Коммуны Парижа, заставившей Законодательное собрание судить короля и издать декрет о выборах нового парламента — Национального конвента, всеми мужчинами, достигшими 21 года. 28 августа 1792 г. Законодательное собрание отменило право помещичьего триажа (отделения в пользу помещика части общинных угодий по его требованию), но с феодальными повинностями опять не было покончено [37, с. 663–664; 155, с. 372–374].

21 сентября 1792 г. приступил к работе Национальный конвент, около 175 мест принадлежало жирондистам, выражавшим интересы торговой, промышленной и земледельческой буржуазии, получившей достаточно выгод от революции, чтобы опасаться её дальнейшего развития, и около 100 — монтаньярам (отражавшим интересы простого народа [городской бедноты и «мелкой буржуазии», крестьянства и небогатой средней буржуазии], требования которого ещё не были удовлетворены) и сторонникам парижской Коммуны. Остальные 475 депутатов составили «болото», поддерживающее инициативы то одной, то другой партии. 22 сентября монархия была упразднена и Франция провозглашена республикой. Король был после суда осуждён на казнь, за что проголосовало 387 депутатов при 334 против. 21 января 1793 г. Людовик XVI был публично обезглавлен [39, с. 664; 155, с. 374, 376].

10 июня 1793 г. Конвент подтвердил отмену триажа, но опять не ликвидировал все феодальные повинности. К тому же экономическое положение Франции в результате революции и войны осталось тяжёлым. Выступления народа не прекращались. Крестьяне в департаментах Эр, Гар и ряде других стали самовольно делить общественные земли. Городская беднота под руководством ставших левыми союзниками якобинцев «бешеных» требовала установления максимума цен на предметы потребления и наказания спекулянтов. 4 мая 1793 г. Конвент установил твёрдые цены на зерно [155, с. 377].

Политика жирондистов, связанная с контрреволюционными элементами, готовыми остановить революцию и даже добившихся назначения суда над Маратом, вызвала возмущение народа. 31 мая 1793 г. 10 тыс. вооружённых санкюлотов окружило здание Конвента, навело на него 163 пушки и потребовало выдачи 29 жирондистов, которых толпа уничтожила. К власти пришли якобинцы во главе с адвокатом Максимилианом Робеспьером. В это время войска иностранных монархий вторглись на территорию Франции с Севера, Востока и Юга, контрреволюционные мятежники захватили почти две трети территории страны. Лишь революционный подъём народа, возглавленного решимостью якобинцев позволил сохранить республику. В июне — июле 1793 г. якобинский Конвент уничтожил все феодальные привилегии, декретировал распродажу крестьянам мелкими участками с рассрочкой земли, конфискованной у эмигрантов, и возврат захваченных помещиками общинных угодий, что привело к переходу основной массы крестьян на сторону республики и революции. После всенародного референдума летом 1793 г. Конвент 24 июня 1793 г. принял новую более демократическую конституцию, отменив цензы для выборов, но в октябре временно её отменил до «полной победы над врагами революции». Власть фактически перешла к созданному 6 апреля 1793 г. Комитету общественного спасения (где с 10 июля 1793 г. власть перешла к якобинцам), которому помогал в борьбе с контрреволюцией Комитет общественной безопасности (учреждённый ещё 2 октября 1792 г.). 23 августа 1793 г. Конвент издал декрет о мобилизации всей нации для изгнания врагов. 17 сентября 1793 г. Конвент принял — «Закон о подозрительных», позволяющий по любому обвинению арестовать любого гражданина и содержать его в тюрьме бессрочно. 29 сентября 1793 г. Конвент издал декрет о введении всеобщего максимума цен на продукты питания. Вместе с тем был установлен максимум и на заработную плату рабочих. Осенью 1793 г. народ начал громить католические храмы, а священников нередко убивали. Воскресенье было отменено и введён новый календарь, где месяц состоял из трёх декад. Все эти мероприятия позволили вытеснить внешнего врага и ослабить внутреннюю контрреволюцию. Конвент конфисковал земли бежавших из страны дворян и буржуа и пустил их в продажу, чтобы немного повысить уровень жизни, резко упавший в результате разрушений в ходе внешней и гражданской войны [37, с. 665; 155, с. 377–378, 665; 57, с. 306].

Однако разногласия в среде революционеров продолжались. Сначала начались нападки на левых. В сентябре 1793 г. якобинцы разгромили движение крайне левых революционеров, получивших прозвище «бешеных». В марте 1794 г. «бешеные» во главе с Жаком Рене Эбером были арестованы и казнены. Аресту и казни подверглась и часть руководства Парижской коммуны. Затем были казнены нажившие капитал Жорж Жак Дантон и его сторонники, составившие новую буржуазию, и слишком либеральный для якобинцев Камиль Демулен. Разгромив левых и правых, якобинцы остались в меньшинстве и изоляции. Принятые в конце февраля — начале марта 1794 г. декреты, предусматривавшие

конфискацию собственности врагов революции и раздачу её неимущим патриотам не удалось осуществить из-за сопротивления крупных собственников на местах и в самом Конгрессе. Беднота, чьи чаяния остались неудовлетворёнными, стала отходить от якобинцев. Городская и сельская буржуазия наоборот солидаризировалась, увлекая за собой среднее крестьянство. Наконец, после попытки ближайшего сподвижника Робеспьера Антуана Леона Сен-Жюста разоблачить контрреволюционный заговор, поправевший Конвент 27 июля (9 термидора по революционному календарю) 1794 г. изгнал больного Робеспьера и его сторонников из зала заседаний Конвента, а вечером его арестовали национальные гвардейцы [37, с. 665–666].

Вслед за термидорианским контрреволюционным переворотом началась термидорианская реакция. На следующий день Робеспьер и 20 его сторонников были казнены, а 29 июля казнили ещё 71 человека, преимущественно, членов парижской Коммуны. Аресты и казни левых и роялистов продолжились. В октябре 1795 г. была принята очередная Конституция III-го года республики, согласно которой парламент становился двухпалатным, состоящим из Законодательного корпуса и избираемой им Директории из 5 человек. Законодательный корпус в результате ежегодных выборов должен был обновляться на одну треть, также как и Директория [37, с. 666].

Директория занялась восстановлением экономики и перенесла войну на территории других стран, где французские войска под командованием генерала Наполеона Бонапарта, разгромили в 90-х гг. Австрию и Пруссию. В Голландии была создана Батавская, в Швейцарии Гельветская и в Италии Римская дружественные Франции республики. Французские войска вытеснили англичан с Мальты и вторглись в Египет и на Ближний Восток. Однако Директория не спешила соблюдать конституцию и лишилась поддержки со стороны народа, что позволило военным 10 ноября 1799 г. произвести переворот, который поставил во главе государства трёх консулов, среди которых главная роль досталась Наполеону Бонапарту [37, с. 666–667]. В 1801 г. была восстановлена католическая церковь. В марте 1804 г. после референдума, где 3,5 млн. французов высказалось за восстановление империи, Наполеон надел императорскую корону. В 1804 г. было создано новое дворянство, составившее Легион Почёта из 32 тыс. человек, где большинство составили военные, а с 1808 г. началась раздача титулов гражданам с большими доходами. Старое дворянство составляло теперь только 23%. В 1804 г. был принят Гражданский кодекс, регулировавший установившиеся в обществе отношения [37, с. 666–671].

Великая Французская буржуазная революция, несмотря на поражение левых и захват власти новоиспечёнными дворянами во главе с человеком, провозгласившим себя императором, явилась самой последовательной из буржуазных революций. Она полностью освободила людей от законодательно и насильственно поддерживаемой зависимости, признала частную собственность на средства производства и провозгласила равенство граждан, что позволило беспрепятственно развиваться капиталистическим отношениям как в деревне, так и в городе.

Глава 2

ЭПОХА СВОБОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Типичное развитие капитализма в недрах аграрного общества

Свершение буржуазной революции в Англии ещё не означало, что у власти оказалась буржуазия и английское аграрное общество автоматически превратилось в индустриальное, хотя шаги в сторону развития индустриализма делались почти постоянно. Например, в 1651 г. британский парламент принял Навигационный акт, согласно которому в Англию можно было ввозить товары только на английских судах с английскими экипажами [37, с. 562].

Георг I передал парламенту всю власть в стране. Значительно возросла роль палаты общин. Согласно подписанному Георгом в 1716 г. Семилетнему биллю, работа парламента продлевалась с 3 до 7 лет, и выборы в парламент осуществлялись раз в 7 лет. 70 семей, стоящих во главе партии вигов, фактически правили и всей страной [37, с. 565]. «В середине XVIII в. в Англии окончательно утвердилась система власти, при которой управляет кабинет министров, возглавляемый премьер-министром, представляющим большинство в Палате общин британского парламента. Причём, как глава правительства, так и все его члены в свою очередь являются депутатами парламента» [37, с. 686]. Премьер-министр Питт Младший в 1798 г. ввёл вместо множества косвенных налогов единый подоходный налог. В 1801 г. он расширил права католиков и провёл через парламента создание унии Великобритании с Ирландией, позволившей ирландцам избирать своих депутатов в Палату общин [37, с. 687].

Начавшаяся в конце XVIII в. промышленная революция, в итоге заменившая мануфактуры, использующие вместо ручного труда промышленную технику, завершилась фактически около 1850 года, когда промышленное производство превзошло по объёму сельскохозяйственное производство [37, с. 687].

Хотя в 1765 г. Дж. Харгривз изобрёл механическую самопрялку «Дженни», в текстильной промышленности мало что изменилось. Кардинальных изменений не произошло и с изобретением Т. Хайсом ватерной машины для прядения, хотя использование природной силы текущей воды в дополнение к силам рабочих несколько увеличило объёмы производства пряжи и позволило Аркрайту в 1769 г. запустить первую прядильную фабрику. В 1779 г. С. Кромптон в своей прядильной машине использовал принципы своих предшественников. Вскоре машины оснастили и текстильную промышленность. Развитие промышленности вызвало спрос на техническую интеллигенцию. Химики стали открывать новые способы отбелики и окраски тканей. Усовершенствовали производство стекла. Начавшееся машиностроение потребовало разви-

тия металлургии. В 70-х гг. стали плавить чугун на каменном угле. В 1783–1784 гг. разработали способ пудлингования (переплавки чугуна в ковкую сталь [62, с. 611–612].

Однако настоящая промышленная революция фактически развернулась после изобретения и применения паровой машины. В 1769г. Дж. Уатт усовершенствовал паровую машину, изобретённую ещё в XVII в., которая после доработки в 80-х гг. стала применяться на фабриках [62, с. 612]. Применение паровых машин означало применение в производстве сил природы, причём одних видов энергии, преобразованных в другие. Первоначально тепловая энергия от сжигаемого топлива превращала подогреваемую воду в пар, а энергия давления пара преобразовывалась в механическую энергию штока, эксцентрика и т.д. К середине XIX в. настолько развилось машиностроение, что началось уже производство машинной техники с помощью других машин. Началось развитие и сельскохозяйственной техники. Применение паровых машин на транспорте привело к строительству пароходов и железных дорог. Ускорение сообщения между отдалёнными районами и другими странами способствовало развитию торговли и специализации сельскохозяйственных и промышленных регионов [62, с. 612].

Великобритания уже в XVIII в. была экономически самым развитым государством мира. Процент населения занятого в промышленном производстве в Англии стал самым высоким в мире. Национальный доход в пересчёте на душу населения также превосходил подушные доходы в других странах. Английский экспорт постоянно рос, включив вывоз техники. Небольшой кризис, вызванный отпадением части колоний на американском континенте, был преодолён уже в начале XIX века, и Великобритания осталась самым сильным государством в Европе [37, с. 687; 62, с. 612].

Промышленная революция оказала огромное влияние на социально-классовую структуру английского общества. Рабочий класс в течение первых десятилетий XIX в. по численности постепенно выходил на первое место, а 1850 г. уже составлял 60% всего населения, занятого в экономике страны. Появились потомственные рабочие, многие из которых составляли основу штата крупных предприятий. Рос и класс капиталистов, большую часть которого составила промышленная буржуазия. Избирательная реформа 1832 г. позволила буржуазии получить большинство в парламенте. С этих пор началось беспрепятственное развитие промышленности, банков и торговли и буржуазных отношений в экономике. Англия вступала во второй этап развития индустриального общества в эпоху *laissez faire* (свободной конкуренции, свободного рынка).

Во французской промышленности машины появились в самом конце XVIII в. Промышленная революция также закончилась позже, чем в Англии, только к 60-м гг. XIX в. [62, с. 614].

Первые капиталистические предприятия в Германии возникают лишь в конце XVIII в., но раздробленность страны и многочисленные войны позволяют применить английские машины в хлопчато-бумажных фа-

бриках лишь после 1815 г. Развитие шёлковой и шерстяной промышленности начинается лишь с 1834 г. после образования Германского таможенного союза. Развернувшееся в 30-х — 60-х гг. железнодорожное строительство, субсидируемое правительством Пруссии способствовало ускорению механизации производства, а капитализация выкупных платежей успешно финансировала крупную промышленность. В 50-х — 60-х гг. быстро развивалась тяжёлая промышленность, но промышленная революция закончилась лишь после образования в 1871 г. Германской империи [62, с. 614].

Промышленная революция в Италии началась лишь в 40-х гг. XIX в., но протекала крайне медленно. Ей мешала раздробленность страны, но более всего иностранные агрессии и чужеземные завоевания. Только после объединения страны в 1870–1871 гг. промышленная революция пошла скорее и завершилась в конце XIX в. [62, с. 614].

В США промышленная революция началась в 10-х гг. XIX в. с применения машин в хлопчатобумажной промышленности. Фермеры, вытесняющие и истребляющие индейцев, почти не разорялись и не переходили на работу в промышленность. Основную массу наёмных рабочих давали эмигранты, постоянно переселяющиеся на мало населённые североамериканские просторы. Успехи западных фермеров, спекуляция землёй, начавшееся железнодорожное строительство, разработка полезных ископаемых способствовали завершению промышленной революции в северных штатах к середине XIX в., накоплению капиталов и ускоренному развитию сельского хозяйства по капиталистическому пути [62, с. 614].

Несмотря на отдельные попытки применения машин ещё в конце XVIII в. промышленная революция в России началась фактически в середине 30-х гг. XIX в. в хлопчатобумажной промышленности. В прядении, ситцепечатании, писчебумажной и свёклосохарной промышленности постепенно начали применять машины, приводимые в движение паровыми двигателями. Развитие железнодорожного транспорта, начатое в 40-х гг. (которое привело к постройке 20 тыс. километров железных дорог уже на рубеже 60-х — 70-х гг.), стимулировало развитие экономики, особенно металлургической промышленности, но применение на заводах и фабриках крепостного труда задерживало развитие техники. Лишь после освобождения крестьян в 1861 г. принудительный труд в промышленности сменился вольнонаёмным, быстрее стали развиваться промышленность и рынок. Часть принадлежавших аристократии предприятий была закрыта, другая перестроилась на работу на наёмном труде, многие предприятия были проданы промышленной и торговой буржуазии. Большая часть мануфактур переросла в фабрики, где развивалась промышленная техника, использующая уже не только паровые двигатели. Промышленная революция в основном закончилась в начале 80-х гг. XIX в. В 1879 г. в суконной и шерстяной промышленности 54,8% продукции производилось с помощью машин, а в бумагопрядильной — 96,3%. С помощью машинной техники производилось также 86,4% продукции

в машиностроении (хотя станкостроение было ещё слабо развито) и 85,1% — в свёклосохарной. В 1882 г. в горнозаводской промышленности 90% стали давали пудлинговые печи, в чёрной металлургии 63% энергетических мощностей приходилось на паровые установки. 45,2% мебели производилось уже на фабриках. Только в кожевенной промышленности преобладал ручной труд, производящий 71,8% кожаных изделий. На транспорте техника стала преобладать уже в пореформенный период. Однако ещё в начале XX века, особенно на окраинах, продолжали сохраняться мануфактуры. Не только централизованные, но смешанные и даже рассеянные мануфактуры сохранялись в таких отраслях, где не была изобретена машинная техника: в производстве гармоний, самоваров, замков, в скорняжном и валяльном производстве. Другая сохранившаяся часть мануфактур переориентировалась на фабрики, изготавливая, например, картонные коробки для упаковки или продолжая плетение рогож. В 1879 г. в обрабатывающей промышленности было всего 4,4% предприятий с числом рабочих свыше 100 человек, но эти предприятия давали 54,8% всего обрабатывающего производства. К моменту завершения промышленной революции в России сформировался рабочий класс, полностью порвавший с натуральным хозяйством. Значительный слой внутри него составляли уже потомственные рабочие. В 1886–1893 г. в 9 фабричных округах европейской части России постоянные рабочие составляли 71,8% всех рабочих, в Петербургском округе — 89,2%, во Владимирском — 80,5%, в Московском — 80,2%. К этому времени подкласс промышленной буржуазии стал преобладать над торговой буржуазией. Правительство поощряло развитие частного производства, проводя покровительственную таможенную политику, осуществляя казённые заказы, гарантируя прибыли [34, с. 52; 26, с. 760; 62, с. 615; 100, с. 616–617].

Действовавший с 30-х гг. XVII в. запрет на выезд из Японии и посещение её иностранцами был вынужденно снят в 50-х — 60-х гг. XIX в. из-за вооружённого проникновения в японские порты американцев и европейцев. Император Муцухито, правивший с 1867 по 1912 гг., видя отсталость Японии от Запада, взял курс на модернизацию. Было упразднено деление страны на княжества, которые заменили префектуры во главе с государственными чиновниками. Сословия отменялись и все граждане объявлялись равными перед законом. Были разрешены любые передвижения по стране и свобода торговли. Все натуральные налоги были заменены денежными. На землю вводилась частная собственность и её можно было продавать и сдавать в аренду. Уже в середине 70-х гг. капиталистические отношения стали свободно развиваться. В 90-х гг. появились железные дороги, телеграф, развитая промышленность. Государство всячески поддерживало предпринимательство, особенно в добывающей и тяжёлой промышленности. Техника для лёгкой промышленности ввозилась преимущественно из-за границы. Вновь построенные фабрики и заводы по низким ценам были проданы частным лицам. Японская армия и флот были вооружены современным

оружием. Таким образом, можно считать, что промышленная революция в Японии началась в ходе революции Мэйдзи («просвещённого правления» императора Муцухито), начатой сразу после гражданской войны 1867–1869 гг. Тем не менее промышленная революция в Японии завершилась лишь после Второй мировой войны. Конституция 1889 г. предусматривала существование парламента, избираемого мужчинами, согласно высокому имущественному цензу, кабинета министров, провозглашала свободу слова, переписки, печати и собраний, но верховная власть принадлежала императору, при котором собирался Тайный совет для решения важнейших государственных проблем [37, с. 653, 743–745; 181, с. 615].

«В результате промышленного переворота капиталистический способ производства получил соответствующий его характеру технический базис и утвердился как общественно-экономическая формация» [62, с. 611].

Свободное развитие капитализма

Получив большинство в Палате общин в 1832 г., английская буржуазия фактически оказалась у власти. Ничто не мешало найму рабочей силы. Промышленная революция расширяла производство. Большинство в парламенте позволяло принимать законы, нужные для развития производства и обогащения буржуазии. В следующем году виги (некогда отражавшие интересы обуржуазившейся части аристократии и крупной торговой и финансовой буржуазии, а теперь отражавшие интересы и крупной индустриальной буржуазии, движимые не столько гуманными соображениями, сколько желанием увеличить производительность рабочей силы, приняли закон об отмене рабства в британских колониях. В 1835 г. парламент принял закон о реформе местных органов самоуправления, вдвое увеличивший число избирателей и повысивший представительство буржуазии и в местных органах власти. Ничто не мешало промышленному производству. Мануфактуры почти повсеместно были вытеснены фабриками. За 1834–1850 гг. мощность паровых двигателей в наиболее оснащённой техникой текстильной промышленности возросла в 3,5 раза. Быстро росла металлургия: с 1830 г. по 1847 г. производство металла возросло более чем в 3 раза. Если в 1830 г. в Англии выплавляли 678 тыс. тонн чугуна, то в 1853 г. — 2 701 тыс. тонн. Развивалась железнодорожная сеть и к 1850 г. было построено свыше 10 тыс. километров железных дорог. Росли крупные города. В 1851 г. 34% населения проживало в городах с числом жителей более 20 тысяч. В 1851 г. из 21 млн. населения Англии (без Ирландии) 4 800 тысяч составляли рабочие. Росла тяжёлая промышленность, Англия превращалась в индустриальную «мастерскую мира». Росла также внутренняя и международная торговля. В 30-х гг. правительство тории, отражавших интересы аристократии, приняло закон о свободной торговле. С 1815 г. действовал также Хлебный закон, предписывающий держать высокие цены на зерно, принятый прежним торийским пра-

вительством в интересах землевладельцев. В 1845–1846 гг. в Англии разразился голод, обусловленный не только неурожаем, но и высокими ценами на хлеб, недоступными для бедняков. От голода погибло более полумиллиона человек. Под давлением народа составлявшие теперь большинство в парламент виги в 1846 г. отменили хлебный закон, который привёл к снижению цен не только на продовольствие, но и на сельскохозяйственное сырьё. В 1849 г. правительство вигов отменило действовавшие с XIV–XVII вв. навигационные акты, требовавшие ввоза в Англию и её колонии товаров только на английских судах — свобода торговли поддерживалась и этим законом. В сельском хозяйстве большая земельная собственность по-прежнему сохранялась у аристократов, но арендующие землю фермеры также укрупняли свои хозяйства. В середине XIX века число занятых у них батраков достигло 1,5 миллиона. Громадные английские колонии с территорией более 2 млн. квадратных километров и населением около 100 млн. человек были обширным рынком сбыта английских товаров и источниками промышленного сырья. В 1851 г. в Лондоне открылась первая всемирная выставка промышленных товаров, продемонстрировавшая первенство английских товаров [37, с. 689–691; 64, с. 180–183].

Однако проявились и негативные стороны свободного рынка. Рабочий день продолжался 15–16 часов, достигая порой 18. Многие рабочие семьи ютились в тесных подвальных помещениях. В 1834 г. был издан «Закон о бедных», отменивший выдачу беднякам денежных пособий, и беднякам пришлось отправляться в «работные дома», где режим труда и отдыха приближался к тюремному. По мере вытеснения фабричными машинами ремесленных и мануфактурных ручных изделий росло и число безработных. В 1836 г. разразился очередной кризис перепроизводства (Ранее кризисы потрясали Великобританию в 1793, 1797, 1810, 1815–1816, 1818–1819, 1825 гг.), оказавший влияние на промышленность Франции и США. Сотни тысяч рабочих были уволены, а их семьи обречены на голодание [114, с. 181; 276, с. 154].

В начале второй половины XIX в. Великобритания продолжала оставаться самой экономически развитой державой в мире. Более половины добываемого в мире каменного угля получали в Англии. С 1850 по 1870 гг. выплавка чугуна, например, возросла с 2250 тыс. тонн до 5960 тыс. тонн, что составило половину всего его мирового производства. С середины 50-х гг. высококачественную сталь начали плавить в конвертерах Г. Бессемера. С 1850 по 1870 гг. объём внешней торговли увеличился в 3 раза и превысил объём торговли Франции, Германии и Италии вместе взятых. [114, с. 183].

Впервые в мире в Великобритании были созданы акционерные компании. В период с 1863 по 1867 гг. было основано 3,4 тыс. компаний, общий капитал которых составил 600 млн. фунтов стерлингов [114, с. 183].

В 1867 г. парламент принял очередной билль о реформе избирательной системы, позволившей вдвое увеличить число избирателей и принять участие в выборах ещё миллиону человек, главным образом из

числа «мелкой буржуазии». Следующий билль 1884 г. также увеличил число избирателей, включившее мелких арендаторов и высокооплачиваемых рабочих, но, всё равно, больше половины мужского населения Англии всё ещё было лишено избирательных прав. Английские трудящиеся активно выступали за свои права. Уже в десятых годах XIX в. в Англии были созданы первые тред-юнионы (профессиональные союзы). В 1868 г. был созван Британский конгресс тред-юнионов. Тред-юнионы, объединившие около 10% рабочих, были составлены по узко профессиональному принципу и объединяли только наиболее высокооплачиваемых рабочих, на которых буржуазия стремилась оказать влияние через профсоюзы. Наконец, в 1871 г. тред-юнионы были официально разрешены. В 1871г. был также образован Британский федеральный совет (созданного в 1864 г.) Интернационала. В 1874 г. тред-юнионам разрешили проводить забастовки. Рабочую неделю сократили до 56 часов. Была введена всеобщая система здравоохранения [37, с. 691; 114, с. 183–185].

Тем не менее в Великобритании у власти утверждаются две партии: либеральная, преобразованная из партии вигов и отражающая интересы торгово-промышленной буржуазии, и консервативная, созданная на основе партии тори, представляющая интересы крупных землевладельцев и части крупнейших финансистов [64, с. 183].

Фактически на пике расцвета эпохи свободной конкуренции в 1857 г. в Англии разражается очередной кризис перепроизводства, начавшийся с текстильной промышленности, охвативший металлургию и другие отрасли, а затем и другие страны, ставший первым мировым кризисом. В начале 70-х — начале 90-х гг. начался очередной экономический кризис перепроизводства, вылившийся в «великую депрессию». Роль государственного аппарата в обществе в эпоху свободной конкуренции сводилась главным образом к функции охраны интересов господствующего класса [64, с. 187; 267, с. 184; 300, с. 154; 317, с. 11].

Глава 3

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

Становление монополистического капитализма в Великобритании

Продолжалось ограбление британских колоний, которые в 1880 г. составляли общую площадь в 20 млн. квадратных километров с населением в 268 млн. человек и позволяли вывозить неограниченное количество сырья и огромные капиталы. В конце 80-х гг. в колонии инвестировалось 103 млн. фунтов стерлингов. Прибыль от зарубежных вложений стала значительно превышать инвестиции и доходы от

внешней торговли. В конце XIX в. Англия продолжала экспансионистскую политику в слаборазвитых странах и захватила Бирму, Родезию и ряд других территорий. Население колоний нередко восставало и порой наносило войскам колонизаторов поражения. В связи с захватом азиатских и африканских стран начались столкновения с Францией и Германией [64, с. 190–192].

Происходило сращивание банковского капитала с промышленным, в результате которого возникла финансовая олигархия, и Великобритания стала превращаться в государство рантье. С середины 80-х гг. начали расти монополии в сталелитейной, кораблестроительной, химической и некоторых других областях промышленности. В тяжёлой промышленности возникли такие крупнейшие фирмы как Армстронг-Уитуорт, Дормен–Лонг, Виккерс. В химической промышленности щелочной трест объединил 45 предприятий. Около 1900 г. десятки железно-дорожных компаний были слиты в 12 крупных компаний. Монополизация финансов привела к тому, что небольшая группа банков стала контролировать всю жизнь страны. Вывоз капитала приносил большие доходы, чем вложения в собственное производство, что не способствовало обновлению техники. Старые отрасли, особенно текстильная и угледобывающая, где сохранялись мелкие производства и устаревшее оборудование, стали отставать в развитии от соответствующих отраслей США и Германии, где позднее прошла промышленная революция и на предприятия поступало новое оборудование. Только в судостроении Великобритания долго удерживала первое место. К концу XX века она стала отставать от США и Германии сначала по темпам роста, а затем по общему объёму производства и объёму торговли, и в конце-концов начала терять своё первенствующее положение в мире [64, с. 186–187].

За полвека городское население Англии стало значительно преобладать над сельским. Если в середине XIX в. в городах проживало 50,2% всего населения, то в 1871 — 61,8%, а в 1901 — 77%. В рабочем классе выделилась верхушка высокооплачиваемых рабочих (около 15%), захвативших руководство тред-юнионов и готовых идти на соглашение с буржуазией. Тем не менее остальная часть рабочих постепенно усиливала борьбу за свои права. Стачки 1889 г. привели к введению 8-часового рабочего дня в газовой промышленности, установлению докерам фиксированной зарплаты и созданию новых тред-юнионов. К 1900 г. в профсоюзах состояло уже 1 972 тыс. человек. В 1884 г. была создана Социал-демократическая федерация, занявшаяся пропагандой социалистических идей, а в конце года из неё вышли левые, образовавшие Социалистическую лигу. В 1893 г. была основана Независимая рабочая партия, которая вскоре стала отрицать классовую борьбу и необходимость социальных революций [64, с. 188–190].

Пришедшие к власти опирающиеся на крупный капитал консерваторы стали проводить политику усиления власти правительства в ущерб парламенту, создав новые министерства и расширив бюрократический аппарат. К началу XX в. Великобритания ещё оставалась наиболее экономически развитой державой. Лондон оставался центром мировой

торговли и финансов. Фунт стерлингов стал валютой международных расчётов. К 1914 г. площадь Великобритании составляла 1% площади всей Британской империи, а её население — менее 12% населения империи. Однако колонии Великобритании занимали 57% территории всех колоний мира, а их население — 71% населения всех колониальных стран. В 1900 г. в Англии было добыто 228 млн. тонн угля, выплавлено 9,1 млн. тонн чугуна и 5 млн. тонн стали, но доля Великобритании в мировом производстве чугуна к 1913 г. упала до 13,2%, а США и Германия превзошли Великобританию по выплавке стали. Среднегодовые темпы промышленного производства в 1891–1913 гг. вдвое отставали от роста индустрии США и Германии. Тем не менее, аппетиты английской буржуазии возрастали. Возникла идея создать в Африке непрерывную территорию колоний от Каира до Кейптауна. Для этого 1899–1902 гг. вёлся захват бурских колоний, продолжалось покорение зулусов [37, с. 692; 64, с. 187; 250, с. 192–193].

Начавшийся с 1900 г. рост цен и ухудшение материального положения трудящихся вызвали усиление классовой борьбы, а буржуазия предприняла попытку запретить забастовки. Однако ничего не вышло, и в 1913 г. в тред-юнионах состояло уже 4 135 тыс. человек. Митинги и демонстрации рабочих, на которых повлияла Русская революция 1905–1907 гг., особенно частыми были в 1907–1912 гг. Против бастовавших в 1911 г. железнодорожников правительство направило войска, стрелявшие по рабочим Ливерпуля. Результатом явился заключённый в 1914 г. «тройственный союз» тред-юнионов железнодорожников транспортников и горняков, договорившихся о взаимной поддержке забастовок. В 1900 г. на Лондонской конференции представителей профсоюзных и социалистических организаций, включая Независимую рабочую партию, был создан Комитет рабочего представительства, ставший с 1906 г. Лейбористской партией, которая в этом же году провела в парламент 29 депутатов. У руководства партии сразу же оказались реформисты, которые встали на путь сотрудничества с буржуазией [250, с. 194–195].

Правительству либералов пришлось считаться с интересами рабочих. В 1906 г. закон о денежной компенсации рабочим при несчастных случаях был расширен. В 1908 г. были приняты законы о 8-часовом рабочем дне для шахтёров и о пенсии для рабочих с 70 лет. В 1911 г. был издан закон о страховании рабочих на случай болезни и по безработице. Попытка введения в 1909 г. увеличения ставки подоходного налога на богачей и налога на землю вызвала парламентский кризис, в результате которого палата лордов в 1911 г. была отстранена от решения финансовых вопросов, и все законы несмотря на непринятие их палатой лордов считались принятыми, если палата общин принимала их в течение трёх сессий [114, с. 692; 250, с. 195].

В 1916 г. ирландские кельты, католики по вероисповеданию подняли восстание против власти англичан. Несмотря на подавление восстания, в 1918 г. ирландский парламент принял декларацию о независимости Ирландии. Возобновившаяся война окончилась поражением англичан, и в 1961 г. Ирландия (без северной части, где большинство составляли

протестанты английского и шотландского происхождения) была признана доминионом Британской империи [266, с. 692–693, 756–757].

С начала XX в. стали обостряться англо-германские противоречия из-за соперничества на рынке и из-за колониальной экспансии Германии в Африке. Противоречия с Францией и Россией удалось уладить и заключить с ними договоры. Английское правительство стремилось дружить с другими странами, столкнувшись с Германией и, истощив соперников, воспользоваться плодами победы. Лидеры Лейбористской партии и тред-юнионов решили поддержать в войне своё правительство. К ним присоединилось и руководство созданной в 1911 г. Британской социалистической партии, но большинство рабочих и рядовых членов левых партий и профсоюзов стояло на пацифистских позициях. Во время Первой мировой войны правительство Великобритании в интересах предпринимателей ввело военное положение на предприятиях и запретило стачки, но левые политики поддерживали создание комитетов фабрично-заводских старост, боровшихся против правых профсоюзных лидеров. Во время войны правительству Великобритании пришлось усилить централизацию и значительно расширить военную промышленность. Вырос государственный сектор экономики и бюрократический аппарат. Через рост монополий увеличилась и централизация капитала. В 1916 г. была создана Федерация британской промышленности с общим капиталом в 5 млрд. фунтов стерлингов. Усилилось и влияние представителей монополий в госаппарате. Созданное коалиционное правительство повысило эксплуатацию английских трудящихся и своих колоний, откуда также набирались солдаты. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции усилилась и борьба английских трудящихся. Правительство и правящий класс пошли на уступки: по новому избирательному закону избирательное право получили все мужчины с возраста в 21 год и женщины с 30 лет. Расширилась система социального страхования. Система народного образования также была усовершенствована [250, с. 196–198].

Из Первой мировой войны Великобритания вышла с большими людскими потерями, сокращением производства, уменьшением капитала, потому что была вынуждена платить США за военные поставки. Значительно уменьшилась добыча угля за счёт открытия новых источников энергии. Текстильная промышленность была в упадке из-за проигрыша в конкуренции с японской продукцией, себестоимость которой была ниже. Однако она расширила свои владения в Африке и Азии, получив значительную часть бывших германских колоний и часть территорий, отторгнутых у Турции. Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции усилилось национальное движение в колониальных странах. В связи с этим правительство Великобритании посчитало нужным в 1918 г. направить войска в Советскую Россию. Агрессия, как известно окончилась поражением [37, с. 758; 250, с. 198].

После Первой мировой войны происходила перестройка английской промышленности. В 1920 г. по сравнению с довоенным уровнем почти вдвое выросла производительность машиностроения. Успешно развива-

лась химическая промышленность. В 1924 г. рабочие составляли 76 % занятых. В середине 1920 г., когда Великобритании удалось чуть превзойти довоенный уровень, разразился глубокий экономический кризис, во время которого уровень производства в 1921 г. достигал лишь 67,6% от уровня 1913 г. Безработица достигла 25%. Горнорудная, сталелитейная, судостроительная промышленности находились в упадке. Лучшее дело обстояло в автомобильной, электротехнической и других сравнительно новых отраслях промышленности. В 1922–1923 гг. в экономике происходила депрессия. Уровень 1913 г. был достигнут лишь в 1929 г. Кризис вызвал значительную безработицу. Первое место по мировой торговле, которое Великобритания имела до Первой мировой войны, она вновь восстановила в 30-х гг., хотя по экспорту и по общему объему производства была уже на втором месте, уступив первенство США, но продолжала держать первое место по сумме иностранных инвестиций и по доходу от них. Однако в конце 1929 г. Великобританию захватил очередной мировой кризис. Тогда (по данным 1930 г.) английские рабочие составляли 84% от числа занятых и лишь 16% — служащие. В 1931 г. объем промышленного производства составил лишь 76% от уровня 1929 г. После кризиса наступила депрессия, сменившаяся очередным кризисом перепроизводства в 1927 г., безработица в период между мировыми войнами (в 1921–1938 гг.) достигла небывалых размеров, составив в наиболее благоприятный 1921 год 9,2%, а в наиболее кризисный — 22,8%. Судя по официальным заниженным данным число безработных приближалось к 3 млн. человек [37, с. 758; 250, 199–200]. В 1935 г. в мире насчитывалось около 40 млн. безработных. Только в США их было 12–14 миллионов, из которых 3 млн. составляли служащие и специалисты [293, с. 154, 159, с. 215].

От кризиса пострадали преимущественно трудящиеся, лишившиеся работы и прежних заработков. Больше других пострадали низкооплачиваемые служащие, особенно клерки. Крупная буржуазия, наоборот, оказалась в выигрыше в результате перераспределения средств, доставшихся ей от городской и сельской буржуазии. В 1929 г. 1,6% богатей владели 66% богатств [293, с. 30–31, 139, с. 233].

Политика правительства Великобритании, перекладывающего экономические кризисы на плечи трудящихся, вызывала сопротивление рабочих. Английские трудящиеся не раз выступали также против английской агрессии по отношению к Советской России, и даже сорвали попытку правительства вступить в войну против России на стороне Польши в 1920 г. Особенно часто в экономической борьбе применялись забастовки. Например, в 1920 г. произошло более 1 600 забастовок, а в забастовках 1919 г. участвовало более 2,5 млн. человек. Экономические требования забастовщиков нередко переходили в политические. Одним из таких требований стала национализация экономики, которую особенно настоятельно требовали горняки и железнодорожники. 31 июля — 1 августа 1920 г. была создана Коммунистическая партия Великобритании. В 1926 г. произошла Всеобщая стачка, в которой приняло участие более 4 млн. рабочих. Бастовавшие 8 месяцев горняки добились сокращения

рабочего дня и увеличения заработной платы. В 1929–1933 гг. помимо стачек развернулось движение безработных, устраивавших демонстрации и «голодные походы». В 1931 г. в Инвергордоне произошло восстание военных моряков против снижения жалования. В условиях возникновения фашизма, разрастания его агрессивных устремлений и проникновения его в Великобританию, подавляющее большинство английских трудящихся выступило за мир, развернулось антивоенное движение. 1 500 англичан защищало Испанскую республику от фашизма [37, с. 759; 64, с. 200; 114, с. 200–203].

В период между мировыми войнами произошло размежевание сил в Лейбористской партии. В 30-х гг. буржуазная часть либералов ушла в Консервативную партию, а представители мелкой буржуазии вошли в Лейбористскую партию, и Либеральная партия перестала существовать. В период между войнами правительство, которым руководили консерваторы (несмотря на то, что оно было коалиционным), отражая интересы буржуазии, в 1920 г. приняло закон о чрезвычайных полномочиях правительства, в 1927 г. — закон, запрещающий всеобщие стачки и стачки солидарности, урезающий также права профсоюзов, в 1934 г. закон «о подстрекательстве к мятежу», позволяющий преследовать любую протестную деятельность. Как ни странно, но и Лейбористская (рабочническая) партия, дорвавшаяся до власти в 1924 и 1929–1931 гг., несмотря на левые фразы, проводила политику не в интересах трудящихся. Что же касается политики лейбористов в колониях, то они продолжали чинить вооружённые расправы над борющимися против колониализма народами. Вместе с тем, правительству Великобритании пришлось пойти на уступки зависимым от метрополии народам, расширив в 1931 г. права доминионов. Колонии и слаборазвитые страны оставались источниками сырья и сельхозпродукции. Не только английский, но западноевропейский и североамериканский империализм нёс с собой национализм, милитаризм и агрессию, эксплуатацию и подавление сопротивления местного населения [250, с. 204; 293, с. 145].

Становление и развитие монополистического капитализма в разных странах

Вышедшие на первое место в мире по общему объёму производства ещё на рубеже XIX–XX вв. Соединённые штаты Америки в 20-х гг. XX в. превратились в мощную индустриальную державу. Уже в начале 1900 годов в промышленности стали преобладать монополии. В 1927 г. там трудилось уже 27 298 тыс. рабочих, фермеры (включающие как буржуазию, так и мелкую буржуазию) ещё насчитывали 6 274 тыс. человек, но число служащих (включающих как разного рода управленцев, так и трудовую интеллигенцию) уже превзошло фермеров и составило 8 274 тысячи, городская «мелкая буржуазия» насчитывала ещё 3 677 тысяч, а в 1930 г. уже менее 3 300 тыс. В 1930 г. рабочих было уже 28,5 млн. или 58,5% занятых. Тогда же число людей, за-

нятых в сфере воспроизводства человека: врачей (включая дантистов), учителей, библиотекарей, нянек, социальных работников и т.п. достигло 2,5 миллиона. 1 млн. из них уже работал по найму. Всё бо́льшая и бо́льшая часть интеллигенции составила людей, работающих по найму. Количество средних и низших бюрократов, включающих менеджеров и контролёров в промышленности и торговле: мелких чиновников, руководителей, менеджеров, мастеров, инспекторов, надзирателей и занятых этими функциями тех же инженеров и техников составило 1,5 миллиона. Число занятых преимущественно умственным трудом служащих в сфере управления и распределения: бухгалтеров и кассиров, конторских служащих (включая клерков), стенографистов, машинисток и т.п. составило 4 миллиона. Мелких государственных служащих, включая тех же учителей, некоторых инженеров, техников и конторских стало 2,5 миллиона. Вместе с тем всё больше и больше специалистов интеллектуального труда не могло найти работу в индустриальном обществе. Вся «мелкая буржуазия» города и села, занятая в промышленности, торговле и сельском хозяйстве в 1930 г. достигала 6,8 миллиона или 14% от числа занятых в хозяйстве Соединённых штатов. В целом по найму работало 37 750 тыс. человек, 75% из них составляли рабочие и 25% — служащие. В 1870 г. по найму работало 600 тыс. служащих, что составляло 5% от общего числа занятых, в 1910 г. уже 4,5 млн., т.е 13% от занятых в экономике. При этом число учителей и технических специалистов за то же время возросло с 414 708 в 1870 г. (3,3% от занятых) до 2 074 792 в 1910 г. (5,4%). В 1930 г. в США работало 2,5 млн. государственных служащих. Из них примерно 100 тыс. выполняло в государственном аппарате репрессивные функции. Среди остальных был 1 млн. преподавателей, 500 тыс. научных исследователей, медиков, инженеров, специалистов по сельскому хозяйству и т. п. Вместе с тем значительно ускорился процесс расслоения «мелкой буржуазии». Незначительное меньшинство вошло в состав буржуазии, основная масса влилась в пролетариат. В 1930 г. было только 300 тыс. богатых фермеров и 1 600 тыс. средних, на которых работало 2 600 тыс. сельскохозяйственных рабочих. В 1929 г. 58% рабочих работало на крупных заводах, составлявших лишь 6% от их общего числа, но производивших 65% всей выпускаемой продукции [293, с. 43, 136–142, 153–156, 184–185, 251].

Подобные процессы происходили в Германии и Великобритании. В Германии 77% трудящихся в 1930 г. составляли рабочие и 23% — служащие. В 1929 г. только 1% американских граждан владел 83% ликвидного имущества, включающего наличность, страховки, акции и прочие ценные бумаги. Например, 325 тыс. акционеров обладали 80% акций. В 1930 г. лишь 0,7% капиталистов можно было отнести к крупной буржуазии. Вместе с тем 38 750 тыс. рабочих и низкооплачиваемых служащих составили 75% населения [293, с. 139, 159, 233, 274–275, 337].

Стремление к мировому господству или хотя бы к первенству в Европе постоянно сталкивало Великобританию с США, Францией, реже с дру-

гими странами. Чтобы принизить роль Франции, стремящейся к господству в Европе, Великобритания вместе с США взяла курс на возрождение экономики потерпевшей поражение в войне Германии, финансируя экономику Германии и способствуя возрождению её потенциала. На Дальнем Востоке интересы Великобритании столкнулись с интересами Японии, создававшей свою колониальную систему. Отношение Великобритании к СССР из-за подъёма революционного и национально-освободительного движения в мире было резко негативным. Однако, соблюдая марку, лейбористское правительство в 1924 г. признало СССР де-юре, а в 1929 г. установило с СССР дипломатические отношения. С другой стороны, консервативные правительства Великобритании, делая вид, что проводят политику невмешательства, направляли политику на столкновение других стран, развязывая руки агрессорам Германии, Японии и Италии. В марте 1939 г. в Дюссельдорфе между федерацией британской промышленности и германской имперской промышленной группой было заключено соглашение о сотрудничестве и разграничении между ними рынков и сфер влияния. Однако такого договора не удалось заключить на уровне правительств из-за стремления Германии к неумеренному расширению сфер влияния и захвату колоний. На словах выступавшие против подобной политики лейбористские лидеры, фактически ничем не препятствовали сговору с фашистами [250, с. 204–206].

Стремящиеся к мировому господству германские национал-социалисты 1 сентября 1939 г. напали на Польшу. Верная военному договору с Польшей Великобритания 3 сентября объявила Германии войну. Коалиционное правительство во главе с консерваторами надеялось на то, что она будет вестись вдали от Англии и обернётся против России, после чего из войны можно будет выйти. Но Германия быстро разгромила Францию и английскую армию в районе Дюнкерка. Готовилось нападение немецких войск на Англию, но нападение Германии на СССР его отсрочило. 12 июля 1941 г. Великобритания подписала с СССР договор о совместных действиях в войне, но всё ещё мечтала об истощении в борьбе своего германского противника и Советского Союза как рассадника революционных идей. После вступления в войну Японии и США, она окончательно стала мировой, и все противники определились. Несмотря на договор между СССР и Великобританией, подписанный 26 мая 1942 г., западные союзники Великобритании и США, давшие обязательство открыть в Европе западный второй фронт, переносили военные действия в Африку и Италию (где были разбиты) и ждали истощения СССР. Однако разгром немецких войск на территории СССР и передвижение восточного фронта в Восточную Европу, вынудили союзников из опасения декапитализации Европы 6 июня 1944 г. открыть западный фронт. В конце войны и по её завершению руководители СССР, США и Великобритании договорились о демократических принципах мирного урегулирования германского вопроса [250, с. 206–207].

Во внутренней политике во время войны консерваторы стремились переложить все её тяготы на плечи трудящихся. Циркуляр министерства труда и национальной повинности №1305 фактически запретил

стачки, но и трудящиеся стремились своим трудом помочь поскорее покончить с фашизмом. Не сильно разрушенная войной экономика Великобритании немного ослабела. Уменьшились золотые и валютные запасы, увеличился государственный долг, почти вдвое уменьшился экспорт, возросла политическая и экономическая зависимость от США, хотя Германия и Япония оказались устранимыми из мирового рынка [250, с. 208].

Вступив на путь ускоренного промышленного развития только в конце 60-х гг. XIX в., Япония, ещё не успев создать значительной экономики и сильной армии, повела империалистическую политику. В 1874 г. она предприняла неудачную попытку захватить Тайвань, уже в следующем году захватила российские Курильские острова и вскоре начала вывозить свои капиталы в Корею. В 1894 г. она напала на Китай и аннексировала у него Тайвань и Ляодунский полуостров, который под нажимом европейских стран ей пришлось отдать России. Однако в 1905 г. началась борьба между Россией и Японией за Маньчжурию, окончившаяся в 1907 г. поражением России и захватом японцами Ляодунского полуострова и Южного Сахалина, а над Кореей был установлен японский протекторат, который в 1910 г. был заменён японским генерал-губернаторством. Воспользовавшись тем, что европейские страны были заняты на фронтах Первой мировой войны, укрепляя экономически Япония захватила все немецкие торговые территории в Китае. В 1919 г. она жестоко подавила восстание в Корее. За предвоенные годы и в годы Первой мировой войны экономика Японии значительно окрепла, власть буржуазии в парламенте и правительстве также усилилась, и в 1919 г. японское правительство провело новую избирательную реформу, увеличив число избирателей до 2,8 млн. человек (при населении в 56 млн.). Воспользовавшись гражданской войной в России, Япония в 1918 г. напала на неё и оккупировала значительные территории на Дальнем Востоке и в Забайкалье. В 1920 г. японцы увеличили армию в России и захватили северную часть Сахалина. На Парижской мирной конференции 1919 г. Япония добилась официальной передачи ей германских владений на территории Китая в Шаньдуне и, кроме того Маршалловых, Марианских и Каролинских островов. Там в Океании её аппетиты столкнулись с интересами США. Однако на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. были признаны суверенитет и территориальная целостность Китая, и Японии пришлось вернуть Китаю Шаньдун. 20 января 1925 г. в Пекине была подписана советско-японская конвенция, восстановившая дипломатические отношения, и Япония вывела свои войска из Северного Сахалина, но получила в соответствии с договором ещё 1905 г. концессии на советском Дальнем Востоке. В 1928 г. было подписано советско-японское рыболовное соглашение, но торгового не подписали ни тогда, ни в дальнейшем. 25 июля 1927 г. в секретном меморандуме для императора глава японского правительства генерал Танака изложил идею японского мирового господства с последовательным захватом Маньчжурии, Монголии, Китая, разгромом СССР и США, захватом Индии, территорий Тихого океана, Малой Азии, Центральной

Азии и Европы. В соответствии с этими замыслами в 1928 г. японцы ввели войска в Шаньдун, но Китай при поддержке СССР добился вывода японских войск из Шаньдуна [37, с. 745–748].

В 20-х годах позиции японской буржуазии усилились и она стала оттеснять императорские военно-бюрократические силы. Политические партии Японии опирались уже на концерны Мицуи и Мицубиси. Правительство в 1925 г. провело закон о всеобщем избирательном праве для мужчин с 25 лет (оставив только ценз осёдлости), что увеличило число избирателей до 12,5 миллионов. В 1927 г. на правительство наибольшее влияние оказывал новый концерн Кухара, глава которого вошёл в кабинет министров [37, с. 746–747]. В 1927 г. в Японии произошёл финансовый кризис, а в 1929–1933 гг. её охватил мировой кризис, вызвавший спад промышленного производства, когда безработица достигла 3 миллионов. Сокращение производства в сельском хозяйстве составило 40%. Тогда правительство запретило вывоз золота и отказавшись от золотого стандарта, выпустило бумажные деньги и сделало государственные займы. Были повышены налоги и цены. За счёт этого были переброшены средства в военное производство. Благодаря этим мероприятиям уже в 1931 г. началось оживление японской экономики. В 1936 г. производство в тяжёлой промышленности возросло по сравнению с 1929 г. в 2,6 раза. В середине 30-х гг. две главных политических группировки Японии во главе с генералами в союзе с финансистами и крупнейшими промышленными концернами стали добиваться ликвидации парламентского строя и установления военной диктатуры. Во внешней политике они, исходя из шовинистических идей, мечтали о лидерстве «высшей расы Ямато» в Азии, сокрушении Запада и создании «семьи государств» во главе с японским императором [37, с. 747–749].

18 сентября 1931 г. Япония начала агрессию против Китая и к началу 1932 г. захватила Маньчжурию, создав там марионеточное правительство Маньчжоу-го, поставив во главе его бывшего китайского императора Пу И, которому командование Квантунской армии указывало какую политику проводить. Затем Япония развернула наступление на Шанхай, но после политического вмешательства США и Англии японцы отвели войска. Тогда Япония в 1933 г. вышла из Лиги наций и отвергла ряд прежних международных соглашений. 7 июля 1937 г. она начала новое наступление на Китай и к концу 1938 г. захватила большие территории в Северо-Восточном и Центральном Китае. Японцы пошли на сближение с фашизмом и 27 сентября 1940 г. подписали Тройственный договор между Японией, Германией и Италией о военном союзе. В 1936–1938 гг. на границе СССР произошло 230 конфликтов с японцами, 35 крупных. Например, 25 ноября 1936 г. японские войска вошли на территорию СССР в районе озера Ханка, но были разбиты и изгнаны. В июле 1938 г. они вторглись на территорию СССР у озера Хасан, но в августе также были разгромлены. В мае — августе 1939 г. японские войска вторглись на территорию Монгольской народной республики в районе реки Халхин-Гол, но совместными усилиями монголо-советские войска разгромили японскую группировку в 38 тыс. В конце 30-х гг. высшие

японские военные взяли курс на установление своей диктатуры. Они подавили рабочее движение, в 1940 г. распустили буржуазные партии, установили националистический военный режим, приступили к созданию новых видов оружия, включая оружие массового уничтожения [37, с. 749].

13 апреля 1941 г. СССР и Япония подписали пакт о нейтралитете. После нападения Германии на СССР Япония продолжала сохранять нейтралитет, опасаясь войны на два фронта, и вела действия против США на Тихом океане. Война кончилась поражением японского флота на море от США, и разгромом сухопутной квантунской армии в Китае войсками СССР. Бесчеловечная и бессмысленная бомбардировка атомными бомбами городов Хиросимы и Нагасаки напугала японцев и весь мир. Исчерпав силы к сопротивлению Япония капитулировала 2 сентября 1945 г. Японская экономика была разрушена и составляла лишь 14% от уровня 1937 г. Число безработных достигло 10 млн. человек. Американские войска оккупировали Японию и до 1949 г. США не оказывали Японии никакой помощи [37, с. 749–750, 909].

Однако для ликвидации милитаризированной японской общественной системы американская оккупационная администрация провела ряд демократических реформ. Крупные промышленные концерны были распущены. На предприятиях было введено социальное законодательство, по которому был установлен восьмичасовой рабочий день, и семидневный оплачиваемый отпуск, разрешалось создавать профсоюзы и бастовать. Тем не менее сохранилась допотопная система пожизненного найма на работу, зарплата оставалась в 5 — 8 раз меньше, чем на Западе. Помещичье землевладение ликвидировалось, крестьяне получили землю в частную собственность. 3 мая 1947 г. начала действовать новая Конституция, которая провозгласила отказ Японии от ведения войн, применения силы и от содержания армии и флота. Император оставался лишь символом нации, а не предметом поклонения и терял власть. Религия отделялась от государства. Вводилось всеобщее избирательное право, согласно которому избирали в двухпалатный парламент. Граждане получали личные права и свободы. В 1945 г. возникли Прогрессивная и Либеральная, позднее Демократическая буржуазные партии. В 1955 г. Либеральная и Демократическая партии объединились в Либерально-демократическую партию, которая до настоящего времени находится во главе Японского государства [37, с. 910–912].

Усиление «холодной войны» и образование Китайской народной республики привели США к желанию превратить Японию в своего союзника на Дальнем Востоке. С 1949 г. американцы начали оказывать Японии помощь в восстановлении экономики, и в 1951 г. японская промышленность превысила довоенный уровень производства [37, с. 911]. В войну между Северной и Южной Кореей (1950–1953 гг.) вмешались Соединённые Штаты. Они не только использовали японскую территорию для переброски своих войск в Корею, но разместили в Японии свои военные заказы на 2,5 млрд. долларов. Американцы начали ремилитаризацию Японии. В августе 1950 г. в Японии был создан 75 тысячный

резервный полицейский корпус, затем на его основе были созданы силы «самообороны» Японии. Согласно Сан-Францисскому договору 1951 г. восстанавливался суверенитет Японии, которая отказывалась от Южного Сахалина, Курильских островов, Тайваня и островов Пунхуледао и признавала независимость Кореи [37, с. 911–912].

В эпоху монополистического капитализма государство централизовало и монополизировало индустриальный капитал и проникло на мировой рынок, стало развивать банковский сектор экономики и постепенно стало овладевать регуляцией экономики [317, с. 11–12].

Глава 4

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Возрастание роли государственного сектора индустриального общества

Государственный сектор экономики существовал во всяком государстве. Более того, ещё в первобытном обществе могли существовать какие-то запасы продовольствия, например, диких съедобных клубней или кокосовых орехов в качестве еды на случай недостатка пищи, а также вещей (например, прочных камней, для изготовления орудий, раковин каури), сохраняемых на обмен. Этими запасами распоряжался старейшина. Он же распоряжался и общественно необходимой деятельностью общины: постройкой временных или постоянных жилищ, переселением на новое место с изобилием съедобной растительности. В любом, даже раннем государстве запасами продовольствия и общественными работами всегда распоряжался правитель. Владимир Святославич развозил по Киеву еду и питьё, Пётр I сгонял людей на строительство и т.д. С возникновением капиталистических предприятий часть из них, особенно необходимая для обеспечения армии, также всегда принадлежала государству.

В начале XX в. русскому государству принадлежали такие крупные казённые заводы как оружейные заводы (Тульский, Ижевский и Сестрорецкий), арсеналы (Петербургский патронный и Охтенский пороховой), судостроительные верфи, заводы морского ведомства (Обуховский и Ижорский), заводы горного ведомства (Златоустовский, Пермский, Воткинский и другие). На этих работах работало значительное число высококвалифицированных рабочих, хорошо понимавших своё социальное положение и классовые интересы [78, с. 825].

Стремясь сохранить свою власть и классовый мир, нарушение которого также угрожало власти, государственный аппарат всегда стремился к укреплению, а порой и к расширению государственного сектора, позволяющего влиять на экономику и политику. Уже в начале 1900-х

гг. президент США стал проводить политику укрепления государственного сектора экономики и регуляции деятельности монополий [293, с. 148].

Возникновение мощного государственного сектора в развитых индустриальных обществах потребовало от стоящей у власти бюрократии создания собственной идеологии в форме единой государственной идеологии, обычно утверждающей превосходство существующего образа жизни перед образом жизни в других странах и нередко объединяющей граждан вокруг цели государственного строительства. В Советском Союзе такой идеологией стал марксизм, в США — американизм, в Израиле — сионизм. В ряде стран, где народ охотно объединялся вокруг общегосударственной идеи, идеология принимала тоталитарную форму. В некоторых из них, особенно испытывающих в проведении политики зависимость от других стран, тоталитарная идеология приняла фашистскую форму. Как отметил Л. Корей: «Государственный капитализм не фашизм, но фашизм необходимо включает госкапитализм» [293, с. 289], а сами фашисты представляют собой высоко бюрократизированную чиновничью касту [293, с. 313]. Борясь с другими идеологиями, выступающими против тоталитаризма, тоталитарная (особенно фашистская) власть ведёт борьбу против интеллектуализма, насаждая невежество, используя предрассудки и суеверие [293, с. 306, 309], фантастические выдумки, первобытные религиозные культы, поднимая авторитет астрологов, «экстрасенсов» и прочих мошенников, объявляющих у себя наличие сверхчеловеческих способностей.

В период между мировыми войнами Великобритания вынуждена была увеличить государственный сектор экономики. Была национализирована военная промышленность и энергетика. В это время сначала в Великобритании, а потом и в других капиталистических странах (особенно в середине 30-х гг. после тяжелейшего экономического кризиса 1929–1933 гг. в США) широкое распространение получили идеи английского экономиста Джона Мейнарда Кейнза, предлагавшего государственное регулирование экономики, включающее поощрение спроса, размещение правительственных заказов, регулирование реализации произведённой продукции, планирование, стимулирование частных инвестиций и другие регулятивные мероприятия [250, с. 200].

26 июля 1945 г. в результате выборов к власти пришло лейбористское правительство. Оно взялось за регулирование внешней торговли, национализировало Банк Англии, значительное число отраслей экономики: угольную промышленность, часть чёрной металлургии, часть энергетики, газовую промышленность, — а также важнейшую инфраструктуру: внутренний транспорт, включая железные дороги, речной флот, каналы, портовое хозяйство, часть грузового транспорта, гражданскую авиацию, кабели и радиосвязь с заграницей. Владельцам национализированных предприятий стали выплачивать денежную компенсацию из доходов национализированной промышленности, что опять легло на плечи занятых там трудящихся, которые составили 20% от числа всех занятых трудом рабочих и служащих. Капиталовложения в государ-

ственный сектор экономики составили 45% от всех капиталовложений в стране. Национализированные секторы экономики были реконструированы и модернизированы. «Доля государственных закупок и капиталовложений в валовом национальном доходе увеличилась с 18,7% в 1938 до 27,5% в 1955» [250, с. 208]. Государство начало финансировать программы научных исследований. Лейбористы отменили закон 1927 г., запрещавший всеобщую стачку и стачки солидарности. В области здравоохранения, народного образования и социального страхования также были проведены реформы в интересах рядового населения [37, с. 887; 250, с. 208]. Эти реформы стали возможными благодаря созданию фондов общественного потребления главным образом за счёт государственного сектора. В результате этих реформ людям с невысокими доходами стала доступна самая необходимая бесплатная медицинская помощь, получение бесплатного среднего и даже высшего образования, выплата социальных пособий всем нуждающимся на уровне прожиточного минимума. Теоретики такого курса реформ присвоили английскому обществу наименование *welfare state* «государство благосостояния» (имея ввиду под «благосостоянием» социальное обеспечение, дающее достаток средств к существованию), что на русский язык было неточно переведено как «государство всеобщего благоденствия» и под этим наименованием вошло в отечественную социологическую литературу. Теперь более приняты термины «социальное государство» [127, с. 95]. Согласно определению, которого придерживается большинство авторов, в послевоенной Великобритании утвердился государственно-монополистический капитализм [см., например: 250, с. 209].

Пришедшие к власти в 1951 г. консерваторы во главе с У. Черчиллем повернули социальную политику вспять. Они денационализировали сталелитейную промышленность и автомобильный транспорт, сократили расходы на социальные нужды [37, с. 887].

Экономика Великобритании в послевоенное время развивалась медленными темпами. Хотя довоенный уровень был достигнут уже в 1947 г., но по сравнению с 1937 г. в середине 50-х гг. экономика выросла лишь на 50%. Медленный рост отчасти объясняется кризисными состояниями экономики в 1952, 1956, 1958 гг. В результате в 1960 г. доля Великобритании в мировом капиталистическом производстве упала до 9,4%, хотя вслед за США она сохраняла второе место в мировой капиталистической экономике по доле в экспорте до 1959 г., когда уступила его Западной Германии. Большие расходы на вооружение (2 149 млн. фунтов стерлингов за 1946–1958 гг. или 4 634 млн. долларов в 1961 г.), участие в НАТО привели Великобританию в 1957 г. к дефициту платёжного баланса в 400 млн. фунтов стерлингов. Более того, за это же время в химической, фармацевтической, автомобильной и других отраслях промышленности стал расти удельный вес американского капитала [250, с. 209–210].

Экономическая борьба английских рабочих в послевоенный период не затихала. Забастовки нередко проводились вопреки воли профсоюзных лидеров. Лишь в 1954–1955 гг. удалось добиться восстановления довоенного уровня зарплаты [250, с. 210].

После войны начался распад колониальной системы, в том числе и английской. В 1947 г. Великобритания предоставила независимость Индии, выделив из её состава по религиозному признаку мусульманское государство Пакистан, состоящее из западной и восточной частей, отделённых друг от друга индийской территорией. В 1948 г. независимости добились Бирма. В 1849 г. Цейлон получил статус доминиона. Получил независимость ряд других азиатских колоний. Многие африканские колонии также были провозглашены независимыми государствами. Иран отказал Великобритании в монополии на добычу нефти, Ирак, Египет и ряд других ближневосточных стран стали вести независимую политику. Не желая предоставлять независимость Малайзии, Великобритания пыталась удержать её военным путём. Несмотря на сопротивление метрополии в колониальных владениях Великобритании в 1961 г. осталось только около 37 млн. человек, вместо 432 млн. в 1945. Потеряв над колониями политическую власть, Великобритания старалась сохранить власть экономическую, вкладывая в бывшие колонии капиталы, и, действительно, доходы от зарубежных капиталовложений непрерывно росли. Если в 1938–1939 гг. доход составил 253 млн. фунтов стерлингов, то в 1958–1959 гг. — 758 млн. [250, с. 210–211].

Лейбористское правительство во внешних отношениях продолжало политику мало отличающуюся от политики консерваторов (которые трижды приходили к власти в 50-х гг.), скорее отражая интересы буржуазии, чем трудящихся. Вскоре после войны оно свернуло торговлю с СССР и фактически отстранилось от союзнических отношений с Советским Союзом, всё более и более сближаясь с США и присоединившись к «холодной войне». В 1949 г. Великобритания стала одним из организаторов Северо-атлантического союза, фактически направленного против СССР. Официально признав Китайскую Народную Республику, консервативное правительство Великобритании не хотело допускать КНР в ООН, приняло участие в американской интервенции в Корею в 1953 г., в 1954–1955 гг. вошло в договор СЕАТО, направленный на противодействие Китаю, Северной Корее и (позднее) Вьетнаму. Пришедшее к власти в 1951 г. консервативное правительство во главе с У. Черчиллем продолжало гонку вооружений, запасаясь ядерным оружием. Чтобы сдерживать стремление к независимости народов и правительств стран Ближнего Востока, оно в 1955 г. организовало Багдадский пакт. В 1954 г. Великобритания вместе с США и Францией вступила в союз с Западной Германией, а в 1955 г. она объявила утратившим силу Англо-советский союзный договор 1942 г. После посещения советской правительственной делегацией Великобритании англо-советские отношения стали налаживаться, но ненадолго. В 1956 г. Великобритания вместе с Францией ввязалась в Египетско-израильскую войну на стороне Израиля, будучи недовольной национализацией Египтом Суэцкого канала, но английскую агрессию пришлось успокоить из-за возмущения общественного мнения в мире. В 1958 г. Великобритания вооруженным путём вмешалась во внутренние дела в Иордании, но была вы-

нуждена уйти оттуда также из-за возмущения мировой общественности. Во внешней политике Великобритании опиралась преимущественно на США, предоставив им несколько военных баз, ей пришлось идти США и на экономические уступки. Интересы Великобритании сталкивались и с интересами Европейских стран. Английский народ, наоборот, всё чаще выступал за мир, требуя отказа от натовских баз, ядерного разоружения Великобритании, сокращения военных расходов. В 1970 г. доля промышленности Великобритании в капиталистической экономике мира снизилась до 6%. По общему объёму производства её обошли Япония, ФРГ и Франция [37, с. 887; 250, с. 211–213].

В 1973 г. Великобритания вступила в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) [37, с.888]. Однако несмотря на это в середине 70-х гг. её поразил сырьевой и энергетический кризис, в результате которого промышленное производство упало на 10%. В 1976 г. число безработных достигло 1,5 миллионов. На рубеже 70-х — 80-х гг. экономический кризис повторился. Недовольное таким состоянием дел население выбрало в парламент консерваторов во главе с М. Тэтчер. Тэтчер, придя к власти, решила отказаться от государственной регуляции экономики и вернуться к свободному рынку и монетаризму. Якобы для сокращения расходов и пополнения бюджета были распроданы авиакосмическая, судостроительная, нефтяная и некоторые другие отрасли промышленности. Будто бы с этой же целью наряду с сокращением числа государственных служащих были уменьшены расходы на здравоохранение, образование, жилищное строительство и на другие социальные нужды. Для поощрения развития производства были сокращены прямые налоги на производство, но увеличены косвенные. Правительство начало поощрять открытие новых предприятий, модернизацию и закрытие старых. Инфляцию удалось снизить. Однако в 1981 г. безработица достигла небывалых размеров — 3 млн. человек, и правительство увеличило ассигнования на пособия по безработице. Чтобы забастовки не останавливали производство, началось наступление на права профсоюзов. В результате консервативных реформ производство сначала стало расти, но в конце 80-х гг. опять начался его спад. На рубеже XX-XXI вв. большую часть занятых в экономике Великобритании, составляли уже люди занятые не физическим, а умственным трудом [37, с. 888–890].

В 1953–1954 гг. в результате проведённых демократических социальных реформ позволивших восстановить и расширить внутренний рынок, с финансовой помощью США и благодаря размещению американских военных заказов в период Корейской войны 1950 — 1953 гг. в Японии была проведена модернизация экономики на базе современной техники. Были восстановлены довоенные концерны и созданы новые. Среди них — Мицуи, Мицубиши, Ясуда, Сумитомо, Ниссан, Окура, Фурукава и другие. Возникли крупнейшие банки: Фудзи, Дайити, Санва. Японское правительство начало по всему миру скупать патенты и лицензии на самые передовые технологии. На развитие научных исследований и разработку новых технологий отпускались

большие средства [37, с. 913–914]. Японские студенты за государственный счёт были отправлены на учёбу в лучшие вузы Европы и Северной Америки.

Эти мероприятия позволили экономике Японии развиваться высокими темпами. В 1951 — 1970 гг. среднегодовой прирост промышленного производства составил 15,2% (доходя в некоторые годы до 20%), что в 2–4 раза было выше, чем в Европе и США. Японский валовой национальный продукт (ВНП) в это время рос на 11% в год (в западной Европе и США на 4–5%). В 1969–1970 гг., обогнав СССР, Япония вышла на второе место в мире по объёму ВВП и промышленного производства. Тем не менее в 1973 г. из-за увеличения цен на нефть в японской экономике произошёл спад, а в 1974–1975 гг. она оказалась в энергетическом, экономическом и экологическом кризисе. Тогда безработица достигла 4% (2 млн. человек). Однако ВВП снизился только на 1,8% [37, с. 914].

С 1975 г. Япония вновь приступила к перестройке экономики, опираясь на научно-технический прогресс. За 70-е — 80-е гг. в Японии развилось производство сверхбольших интегральных схем, микроэлектронной техники, новых видов счётно-измерительной техники, автоматов (в том числе производимых с помощью автоматов), промышленных роботов (которых она произвела более, чем во всём остальном мире). Были выбраны безотходные технологии, не только не нагружающие природу, но не требующие большого количества сырья, затрат рабочей силы и энергии, но главное, что на первое место вышли наукоёмкие производства. Затраты на научно-производственные исследования отставали только от США. К концу 80-х гг. Япония снизила материалоёмкость на 52%, а энергоёмкость на 31%. За 80-е гг. её экономика выросла на 70–90%. По уровню дохода на душу населения в 1984 г. (8,3 тыс. долларов) Япония вышла на второе место в мире. В 1988 г. по доле ВВП на человека (23,4 тыс. долларов) она вышла на первое место. В 1986 г. Япония была самым крупным экспортёром капитала в мире (132 млрд. долларов) и самым крупным держателем зарубежных активов (более 1 трлн. долларов). Токийская биржа — самая большая в мире, а 9 её банков недавно входили в десятку самых крупных банков мира. В Японии усиленно разрабатываются самые передовые биотехнологии, создаются новые сорта растений и породы скота. В результате производительность сельского хозяйства за двадцать лет возросла в 4 раза. Вместе с тем Япония создала армию в полмиллиона человек, оснащённую самым современным оружием, исключая атомное [37, с. 914–915].

Бурный рост японской экономики вызвал интерес во всём мире. Многие общественеды пытались разобраться в успехах Японии. Известный американский политолог и политик Збигнев Бжезинский полгода провёл в Японии, изучая её внутреннюю и международную политику, но «обнаружил» скорее неудачи, хотя и отнес Японию наряду с США и Западной Европой к странам вступающим в новую «технотронную эру» [290, с. 43–49, 141].

Социальное бессилие госаппарата современного индустриального общества

В конце XX в. индустриальное общество выполнило свою функцию перед человечеством, создав промышленность, способную удовлетворить реальные потребности людей в продуктах материального производства. Дальнейшее промышленное производство в увеличивающихся и даже тех же объёмах развивалось лишь благодаря навязыванию товаров через рекламу и пропаганду дутого престижа, всё более и более опустошая земные недра и отягощая природу.

Некоторым обществоведам необходимость замены индустриальной общества на более прогрессивную стала понятна ещё в 30-х гг. Американский экономист Льюис Корей тогда отмечал, что капитализм избавил от рабства, гнёта традиций и угнетения интеллекта, способствовал развитию науки, культуры и рациональному познанию и освоению мира, осознанию единства человечества и стремлению к миру (особенно на ранних стадиях капитализма) и международному единству, создал мощный технико-экономический базис производства, приобщил массы к достижениям цивилизации, выдвинул идеи свободы, равенства и демократии, дал возможность человеку участвовать в экономическом и культурном прогрессе, благодаря образованию позволил овладевать обществом и решать социальные проблемы, способствовал созданию интеллектуальных концепций создания нового социального порядка и новой более совершенной цивилизации [293, с. 318–319].

Вместе с тем капитализм, как утверждал Л. Корей, стал ограничивать технический прогресс. Равенство в правах стало сопровождаться неравенством собственности, а свобода означать овладение собственностью. Демократия превратилась в форму правления класса буржуазии, а трудящиеся за свою долю демократических прав вынуждены бороться. Право стало означать классовые ограничения на овладение наукой и технологиями и их использование, на овладение миром и человеческими отношениями. Трудящимся капитализм ограничивает благополучие, просвещение, даже мир, выступая за военное решение своих проблем, утверждая, что автоматически обеспечивает прогресс, а капитализм вечен [293, с.320–321]. Прибыль и накопления ограничивают развитие производительных сил, и капитализм планомерно ограничивает производство и прогресс, подавляя технологию и науку, производя оружие вместо благ. Взамен освобождения человечества предлагается разрушение. Происходит загнивание культуры и регресс. Образование ограничивается. Свобода, равенство и демократия деградируют. Капитализм оказывается неспособным решать социальные проблемы, мешающие прогрессу, неся с собой безработицу, бедность и маргинализм, угрожает самой цивилизации. Возникает оппозиция, радикализируется рабочий класс и интеллигенция [293, с. 322, 244; 304, с. 322–325].

Начиная приблизительно с последней трети XX в. государственный аппарат современного индустриального общества вынужден руководить государственным сектором экономики, вмешиваться в экономическую

жизнь частного сектора, рационально использовать финансы, регулировать социальные отношения, вести политику в интересах разных классов и слоёв общества, что непрерывно расширяет его задачи, увеличивает численность государственных чиновников. Вмешиваясь во все аспекты общественной жизни он порождает зависимость общества от себя, но оказывается неспособным справиться с задачей согласования интересов различных промышленных и политических групп и оказывается неспособным на радикальные реформы, не может вводить необходимые инновации и обеспечивать развитие общества [317, с. 12–13].

Развитие государственного сектора экономики, увеличивающее государственные финансы, позволяет более активно вмешиваться в экономические процессы. Такого рода вмешательство всегда приветствует «мелкая буржуазия», неспособная самостоятельно выдержать конкуренцию со стороны крупной и средней буржуазии. Несмотря на необходимость соблюдения национальных интересов государственная бюрократия в первую очередь отстаивает собственные интересы и интересы монополий, перекладывая все экономические неудачи: государственные долги, кризисы, инфляцию, — на плечи трудящихся [293, с. 23, 307].

Известный немецкий политолог Мартин Йенике, исходя из теории Х.Ц. Ректенвальда о бесхозяйственности госсектора экономики, чьи получаемые через налоги финансы, бесконтрольно используются госаппаратом, главным образом на сам увеличивающийся госаппарат, не принося пользы обществу, поскольку госаппарат хозяйствует нерационально, не обеспечивая необходимых цен и качества общественных благ и требуемых инноваций, предлагающих разгосударствление [см. 333], исследовал политику индустриального (и в частности немецкого) общества 70-х — 80-х гг. XX в. и пришёл к убеждению в неспособности государства обеспечивать развитие находящейся в многостороннем кризисе индустриальной системы путём совершенствования её экономики и политики в интересах большинства людей.

Йенике отметил, что государственный аппарат в ФРГ (как и государственные аппараты других индустриальных стран) конца XX в. не способен успешно управлять общественными процессами и стоит перед кризисами: занятости, финансов, государственных долгов, экологии, управления. Он пришёл к выводу, что из неспособности решить множество проблем возник «синдром танка» государственного аппарата индустриального общества, не позволяющий ему видеть ситуацию, верно реагировать на неё и выполнять свои задачи (До некоторой степени исключение составляют Швеция, Норвегия и Япония, где есть сильные сообщества, долгосрочные планы и используется чужой опыт.). Партии и профсоюзы, выражая интересы граждан, требуют демократического волеизъявления и удовлетворения потребностей граждан, чем ослабляют государственную власть, пытающуюся решать возникшие в обществе постиндустриальные проблемы через рынок, защищая интересы рыночников. Проблемы среды, здоровья, образования, внутренней безопасности орыночиваются. В результате, госаппарат, проводя социальную политику, лишь увеличивает государственный долг и оказывается неспособным

решать постиндустриальные проблемы, особенно вводить инновации. Удовлетворять вновь возникший спрос, возникающий из-за потребностей в здоровом воздухе, чистой воде, новых путях передвижения, здоровой и красивой местной природной среде, рынок уже не способен. Госаппарат оказывается несостоятельным при решении хозяйственных задач и при решении нужд общества, так как предоставляемые людям общественные блага оказываются недолгосрочными и низкого качества. Рыночная основа деятельности государства — основа его экономической бесхозяйственности. Оно отказывается от многих общественных проблем, но их количество растёт и государство всё более и более институализируется. Чем менее проблем оно решает превентивно, тем дороже исправления, тем больше на исправления требуется денег, и растёт зависимость государства от руководителей хозяйственного роста. Расширяется поле деятельности государства, растёт и аппарат, увеличивается госбюджет, а качество его деятельности падает [317, с. 13–15, 50, 55–56].

В капиталистических странах, по справедливому утверждению Йенике, существуют два механизма управления обществом через рынок и через государство. На рынке можно приобрести «частные блага» для индивидуального потребления, государство же обеспечивает «общественные блага» для коллективного спроса. Индустриальную систему Йенике считает продуктом капитализма, где все инвестиции обусловлены прибылью, а государство целиком зависит от индустриальной системы. Однако и в «социалистической системе», желая догнать капиталистическую экономику, также ориентировали экономику на мировой рынок. Индустриальная власть автономно принимает решения об инвестициях, государство же вмешивается, когда они уже сделаны, если они противоречат интересам госаппарата или потребителей. Однако капитализм использует лозунги демократии, рекламу и т.п., чтобы заставить потреблять произведённые товары. Рынку чужды интересы групп, регионов и общественные интересы, требующие вмешательства государства, которое также как и рынок оказывается неспособным решать общественные проблемы. Рынку для конкурентоспособности требуются спрос, цены, рентабельность и план, и эти рыночные условия создаёт государство. Конкуренция требует рационализации производства, учёта, ценообразования. У госаппарата и парламента возникают всё новые функции, связанные с организацией производства, его инфраструктуры, рабочей силы, разгрузкой среды, неравномерностью развития регионов, урбанизацией, демографией, криминализацией, перегрузками, фрустрацией, отчуждением, переучиванием, которые порождает индустриальная система. Само же государство слабо вмешивается в рыночную экономику, потому что, по мнению Йенике, происходит симбиоз промышленников и бюрократов в «социально-индустриальном комплексе». Государство и индустрия создают «бюрократическо-индустриальный комплекс», включающий «военно-индустриальный комплекс», «стороительно-хозяйственный комплекс», «агро-индустриальный», «медицинско-индустриальный», «фискально-кредиторный комплекс», «научный комплекс», «эко-индустриальный комплекс» (экологический), «ком-

плекс безопасности», выпускающий товары для внутренней безопасности, «энергокомплекс» и «комплекс городского транспорта». Олигархи и высшая бюрократия близки по стандартам жизни, взглядам и интересам. Они вместе стремятся к росту производства и рынка, предпочитают при решении социальных проблем проводить дешёвые одноразовые и запаздывающие мероприятия, потому что общественные блага производит «социально-индустриальный комплекс», который решает общественные проблемы через рынок, где создается медицинская и экологическая промышленность, общественные блага и новые проблемы. Государство может заказать производство общественного продукта и частнику и оплатить его. Таким образом общественные деньги попадают к частникам, а недолговечная общественная продукция становится всё дороже. Государственное же производство услуг, как и частное имеет тенденцию к количественному росту. Некачественное производство общественных благ ведёт к росту числа преступлений и росту расходов на борьбу с ними. Образование зависит от «социально-индустриального комплекса», строящего школы и вузы, не исходя из качества образования. Даже в высшей школе проявляется институциональный склероз в отказе от инноваций. В университетах учатся на базе имеющейся материальной, социальной и интеллектуальной техники, что создаёт неразрешимую проблему. Специализирующаяся наука пренебрегает объединением в сети знаний, что ведёт к спекулятивной мистификации разрозненных идей. В результате при капитализме возникает как избыток, так и недостаток информации. Тормозятся такие области науки как исследование будущего, окружающей среды, эпидемиология, исследование проблемных социальных нововведений, исследование повышения эффективности демократии, исследование механизмов децентрализации и участия. Научная политика нацелена на технические изобретения, лишь увеличивающие объёмы производства, но требуются качественные социальные изобретения и институальные инновации [317, с. 17–21, 28–32, 47, 50–59, 167–168].

По мнению Йенике, государство не должно увеличивать производство общественных благ, но создавать условия для уменьшения спроса на общественные блага, ликвидируя неравенство, разрушение среды, нездоровые условия труда, уменьшая возможности возникновения несчастных случаев, например на дорогах и т.п. Государство не производит чистого воздуха, но может переложить контроль за его чистотой на группы трудящихся, хотя всё контролирует через бюрократов. Политика здоровья также создаёт ценнейший общественный продукт. Проблемы, не поднимаемые общественностью, рассматриваются в последнюю очередь. Ликвидируются лишь отдельные симптомы неблагополучия в обществе вместо полного анализа симптомов и их методической ликвидации. Например, ликвидируются отдельные вредоносные газы, содержащиеся в воздухе, вместо полного устранения неблагополучия природной среды. Решение отдельных проблем вызывает новые проблемы и в конечном счёте увеличивает расходы. Борьба же с симптомами обычно отодвигает введение инноваций [317, с. 53–54, 59–61].

Когда налоги исчисляются в деньгах, теряющих свою покупательную способность, а не в сопоставимых ценах, то даже наука оказывается бессильной разобраться в истинном положении дел, что удобно хозяйственному лобби госаппарата в парламенте, контролирующему расчёты. Государственная помощь предприятиям, по мнению Йенике, объясняется положением на мировом рынке. Однако миф мирового рынка — составная часть индустриальной системы, где действуют мультинациональные сверхиндустрии, а государства платят деньги за объём и характер своей интеграции в международную хозяйственную структуру. Однако с увеличением внешней торговли и государственные расходы приобретают тенденцию увеличиваться. Особенно много задолжали Бельгия и Ирландия. У государств, ориентированных на внутренний рынок, расходы меньше. Государственные расходы в 80-х гг. увеличивались и в восточноевропейских странах, где не делались государственные долги, но образовались долги на внешнюю торговлю [317, с. 129].

Значительная часть государственных долгов, как полагает Йенике, образуется из-за ошибок среднесрочного планирования, когда переоцениваются ожидаемые доходы и недооцениваются расходы. В ФРГ за шесть финансовых планов, рассчитывавшихся с 1976 г., недостача составила более 100%. Одним из последствий стало увеличение безработицы. В США с 1979 по 1983 гг. ежегодный прирост доходов оказался не 3,8%, а 2%. В 1985 г. вместо ожидаемых 4% получили прирост в 2,2%. Безработица же вместо ожидаемых 4% составила 9,6%. В Швеции в первой половине 70-х гг. ожидали прирост в 3,5%, а во второй — 4,3% оказалось 2%. Расходы на борьбу с безработицей с небольшим ростом производства как в ФРГ, Швейцарии, Люксембурге, Новой Зеландии, Швеции, Исландии, которые приблизились к полной занятости, неоправданно высокие. Это — результат отказа от активной политики в сфере управления структурой и рынком рабочей силы. Если бы деньги направлялись не на консервацию экономической структуры, считает Йенике, а на её переориентировку и на переобучение трудящихся, была бы лучшая ситуация с занятостью. Вместо дорогих рабочих мест можно было бы создавать больше дешёвых. Ошибочна политика и распределения труда. Не использовали возможность передавать коллективам трудящихся в самоуправление остановленные предприятия. Если бы мелкие предприятия поощряли как крупные, это дало бы дополнительные рабочие места. Альтернативным предприятиям с 24 тысячами рабочих мест регулярно мешали с кредитами [317, с. 122–126].

Вместе с тем, структура занятости более всего изменилась в Японии, которая раньше других стран стала беречь окружающую среду и энергию, используя интенсивный способ производства. Японцы ориентировались на «план информационного общества», используя многолетнее перспективное планирование. Капитал и труд они переместили в отрасли будущего. Например, активно использовали солнечную энергию. Организация производства в сталелитейной и автопромышленности позволила сократить расход материалов при росте производительности

сти. В результате уменьшилось использование энергии, и перевозки при значительном росте хозяйства увеличились лишь на 2,2%. В Швеции защита среды дала значительный эффект. Резко уменьшилось потребление стали и цемента. Транспортные перевозки по весу сократились на 29,1%. В свободное время стали специализироваться на научно-интенсивных технологиях, «услугах» и культуре. Стали развивать коммунальные услуги. Использовалась также политика согласования решений, особенно на производстве. В Дании достигнуты успехи в экономии энергии. Там развивается новая энерготехника и коммунальная техника, велика доля «терциарных» (третичных, т.е. использующих интеллектуальный труд) форм хозяйства, высокая занятость. В Норвегии за счёт новшеств — также прирост занятости. Швеция и Дания — страны, богатейшие в Европе. С 80-х гг. государство в США также сыграло значительную роль в политике энергии и среды [317, с. 100–104].

Ошибка государства в оптимистических прогнозах при планировании свойственна, как думает Йенике, большим технократическим организациям. С небольшим хозяйственным ростом предполагаются и небольшие мероприятия по управлению, но возникает безработица, требующая денег на пособия, больше денег на жильё, на ликвидацию неприятностей от преступлений. Брешь между доходами и расходами заполняется кредитом. Ошибка бюрократических структур в том, что они привыкли решать проблемы через рост, а не через реформы. Неспособность государства — многогранна. Политическая неспособность заключается в отказе от руководства привилегированными получателями доходов и капиталами, не находящими применения. В результате деньги текут в непродуктивные сферы. Особенно плохо управляются проблемные отрасли, зато хорошо кредитуются. Государство выполняет преимущественно роль ремонтного предприятия в разных сферах. Экономия осуществляется за счёт маргинальных доходных групп: пенсионеров, учеников, безработных, больных. Плохая организованность и недостаток представительства интересов незанятых и бедных вызывает дополнительные конфликты, альтернативные и т.п. движения. Расходы делаются в интересах привилегированных получателей доходов: госаппарата или медицинско-индустриального комплекса, и государство не вмешивается в некоторые табуированные зоны. Вместо покрытия государственного долга за счёт прибыли, государство поощряет покупку товаров в кредит, получая за них проценты. От такого простого решения выигрывают только банки. Неспособность государства овладеть кризисом долгов показывает его экономическую неспособность. Процент взятых государством кредитов — высокий. С начала 80-х гг. проявилась тенденция делать государственные инвестиции в предприятия, не создающие рабочих мест. Такая бесхозяйственность кормит банки. Функциональная неспособность государства проявляется прежде всего в финансовом планировании. Дорогое социальное государство алиментирует все сферы хозяйства: строительство, агробизнес, энергетику, автотранспорт и банки. Государство значительно финансирует фактор труда, но освобождает от налогов предприятия, имущества, и высокие доходы,

превращающиеся в зону табу для государственного вмешательства [317, с. 36, 62, 126–129].

Участие в международном рынке, как отмечает Йенике, требует заграничных займов, на которые приходится платить проценты, что уменьшает финансовые возможности государственного вмешательства. Наоборот, суверенитет государства по отношению к народному хозяйству выше, когда часть производящего капитала находится в других странах, как например, у Японии. Вовлечение в международный рынок ослабляет автономию индустриальных стран, поскольку увеличивает дотации на конкуренцию, приводит к перепроизводству, ухудшает положение внутренних конкурентов и препятствует удовлетворению потенциальных нужд народного хозяйства. Теперь уже все государства платят дань в целую треть опутавшему мир сверхиндустриализму. Дело в том, что существуют самостоятельные интернациональные супериндустриальные и банковские системы, направляющие рыночные и финансовые потоки; хозяйственные и военные блоки, которые мешают государствам творчески решать стоящие перед ними проблемы. Например, европарламент, решения которого менее демократичны, чем решения, принимаемые согласно конституциям, входящих в ЕС стран, в большей степени отражает интересы концернов, чем стран. НАТО ежегодно увеличивает расходы на 3%. Военные блоки отражают прежде всего интересы военно-индустриальных комплексов сверхдержав, также ограничивая возможности государств [317, с. 37–38, 131].

Средства массовой информации только наполовину — частные, но все они, получая деньги от частных промышленников, действуют в их интересах. Интересы индустриалистов вступают в противоречие с интересами потребителей, особенно всех имеющих социальную помощь или получающих стипендии студентов. Даже профсоюзы, отстаивая интересы отдельных предприятий, действуют в интересах получателей заработка, а поэтому выступают за доходы и рост производства, включая вооружение, и против налогов в защиту среды [317, с. 29–35].

Парламент и правительство, отражая чужую волю (партий и избирателей), по мнению Йенике, дегенерируют до процесса выработки законов и, за всё отвечая, мало что решают. Бюрократический государственный аппарат проявляет себя как совокупный бюрократ и как совокупный капиталист, выступая за рост производства и действуя в своих бюрократических интересах и интересах промышленников, а не в интересах всего общества. Центральная бюрократия несамостоятельна и оказывается неспособной к инновациям в технике и социальным инновациям, так как неспособна к руководству обществом, которое может быть достигнуто только через децентрализацию [317, с. 21–26].

Государство определяет цели производства, но индустриальная власть действует в интересах отдельных предприятий и интересах групп финансистов, акционеров и промышленников. Управляющие в экономике и госчиновники принимают решения и выполняют задачи планирования, координации и контроля. Однако за деятельность чиновников ответственность несут политики. Фактически экономикой

управляют менеджеры, но за государственные долги, инфляцию, массовую безработицу, ошибки энергопланирования, ошибки жилищной политики, политики в области вооружений, за кризис среды и прочие ошибки в управлении обществом спрашивают с государственной парламентской власти, которая отвечает и за состояние общества, и за деятельность госаппарата. Экономикой движет заинтересованность в доходах, и политика государства весьма далека от решений политиков и компетентных представлений о необходимой политике. Деятельность госаппарата становится бесконтрольной. Она отрывается от законодательной деятельности парламента. Госаппарат оплетает организации сетями, по своему перерабатывает информацию и передаёт контроль отдельным чиновникам. Над руководящими государственными структурами надстраиваются контролёры, которые имеют собственные интересы. Однако централизацию пора менять на децентрализацию по разделению труда. Сверхнадзор мешает и информации, а информация помогает контролю над отношениями. В свою очередь, для улучшения информации требуются свои технологии [317, с. 29–30, 41–42, 167].

Недовольство народа политикой обращается на парламент. Власти и министров меняют, но аппарат чиновников не меняется. Бюрократы хорошо умеют преследовать свои интересы. Профессиональные управляющие госаппарата противостоят парламентским политикам, фактически любителям. Депутаты парламентов главным образом ратифицируют решения госбюрократии, которая скрывает информацию под видом «государственной тайны», которую приходится расследовать депутатам и журналистам. Между тем влияние на политику зависит от информированности. Узкая специализация людей отдаляет от информации, а власть стремится её монополизировать. Владеющие информацией часто искажают её в своих интересах. Потеря реальности властью, ведёт к внутренней переработке информации и выдачу искажённой информации наружу. Парламентарии неспособны и контролировать чиновников. В 1984 г. на каждого парламентария в ФРГ, например, приходилось по 1578 чиновников. Парламентарная система стара, и институциональное развитие исчерпало себя. Скорее госаппарат использует парламент (который пропагандирует госполитику), чем парламент — госаппарат. Бюрократы и при смене партий у власти ухищряются отстаивать прежде всего свои интересы, «уравнивая» политику партий, в каждой из которых представлены интересы прибыли, поэтому и при смене власти не происходит значительных социальных изменений [317, с. 38–45, 49, 206].

М. Йенике приводит множество фактов, показывающих как государственная политика в разных областях экономики обогащает предпринимателей и бюрократов, но отнюдь не ведётся в интересах рядовых граждан. Интересы промышленников приобретают для госполитики первенствующее значение. Например, в автопромышленности ФРГ занят каждый седьмой производственный, поэтому автопромышленность имеет привилегии в управлении и финансировании, а государство в её дела не вмешивалось и не настаивало на инновациях. В Японии же вмешательство государства в обеспечение общественных интересов сти-

мулировало технические инновации, например издание самых строгих предписаний против выхлопных газов, вызвало инновации, а снижение скорости привело к снижению несчастных случаев, расхода энергии, вредных выбросов, шума и т.д. Закон о пристёгивании также снизил несчастья [317, с. 81–85].

Энергетические отрасли тоже пользуются привилегиями в самостоятельном руководстве и при получении дотаций. Опираясь на ошибочные прогнозы и пропаганду потребности в электроэнергии, в ФРГ в 80-х гг были построены электростанции, необходимости в которых не было. На построенный с риском для среды атомный реактор было потрачено 7 млрд. марок. В 1985 г. с холодной зимой использовали только 70% вырабатываемой электроэнергии, но цены на неё излишне высоки. Контроль за электростанциями осуществляет составляющее планы и регулирующее цены государство, рабочие советы и общественность. Представители государства и профсоюзов в правлениях энергетических предприятий часто важнее, чем представители предпринимателей, но контролёры стали их лоббистами, потому что менее компетентны. Интересы производителей лучше организованы. Энергетики обладают полной информацией. Они имеют своих представителей в правительственных учреждениях. Энергетики заключают международные сделки, которые скрывают подобно государственной тайне, также как и сделки с государством, часто не выгодные для государства, особенно когда город обязуется вкладывать средства в производство и использование электричества и тепла. В случае изменения договора государство обязуют возместить издержки. Договором 70-х гг. Западного Берлина с энергетической компанией в 70-х гг. не запрещалось загрязнять воздух дымом. С 1960/1961 г. по 1984/1985 г. доход компании увеличился с 339 млн. марок до 3 млрд. марок, а налоги остались примерно на том же уровне. Электроэнергия в Западной Берлине очень дорога. В парламенте Западного Берлина, где сильна фракция зелёных и альтернативных вышел скандал и случилось разбирательство в сенате. Та же компания в ФРГ добилась строительства атомной электростанции, мощность которой была увеличена по сравнению с предполагавшейся. Лоббисты в бундестаге протасили также строительство грязной электростанции на буром угле. Сделки энергетиков с госаппаратом нередки, а сопротивляющиеся им члены фракции СДПГ даже теряют парламентские места. Монополия энергокомпаний позволяет им увеличивать цены на энергию. Акционеры в 80-х гг. держали 75% акций, поэтому огосударствление было бы выгоднее. Защита среды в области энергетики отстала [317, с. 86–93].

Не лучшее дело и в коммунальном хозяйстве. Общины в ФРГ по обязательствам накопили долги, которые составляют седьмую часть общегосударственных долгов, хотя к 1984 г. коммуны достигли почти уравнительного бюджета [317, с. 123–124].

При решении проблем здоровья и окружающей среды не принимаются превентивных мер. Лечение превращается в особую и дорогую отрасль хозяйства. Тем не менее, защита среды могла бы избавить от многих болезней, вызванных неблагополучной средой. Защита среды

и профилактика здоровья требуется на транспорте, в строительстве, сельском хозяйстве и т.д., но больше всего беспокоятся о состоянии промышленности. В экономике здоровья используется дорогостоящий способ производства и создаются некачественные продукты из-за недолгосрочной профилактики, хотя расходы на здоровье из года в год растут. В 1965 г. в ФРГ из социального бюджета на здравоохранение был потрачен 31 млрд. немецких марок, а в 1983 г. 171 млрд. (10,2% ВВП). Вместе с государственными расходами это составляет 214,3 миллиарда (12,85% ВВП). Расходы в 1985 и 1986 гг. Ещё увеличились, но больных не стало меньше, и расходы на душу населения уменьшились. Помимо лечения больным нужен и уход. От такой политики выигрывает лишь «медико-индустриальный комплекс». Здравоохранение плохого качества требует постоянного повышения затрат. Улучшение же медицинской профилактики и экологическая модернизация могут способствовать техническим новшествам и изменению структуры производства, т.е. инвестиции в экологическую и социальную сферу должны привести к положительному эффекту: к уменьшению расходов в других сферах, к сохранению ресурсов и энергии, к увеличению занятости и инновациям без государственных затрат на них. Неспособность же государства проявляется в том, что оно оставляет всё ведение хозяйственной политики рынку. Здоровье стало бы лучше, если бы применялись гигиенические меры с раннего возраста, у молодых было бы больше свободного времени и отдыха, медики вели бы разъяснительную работу, люди умели бы оказывать себе помощь, снижалось бы время труда в промышленности (что увеличивает продолжительность жизни), расселяли бы из мест большого скопления людей, лучше бы охраняли здоровье через охрану окружающей среды, вторгаясь в промышленность. В 1981 г. в ФРГ на охрану среды израсходовано лишь 1,6% ВВП. На профилактику в 1983 г. было потрачено 6% всех расходов на здоровье. Необходимо активизировать эти недорогие мероприятия. От состояния окружающей среды зависит продолжительность жизни, а интенсивность усилий по охране среды — важный индикатор инновативной потенции государства. В ФРГ заметно противостояние инновациям, поскольку защита среды не приносит дохода. Поскольку существуют сферы (частные или военные), в которые государство не может вмешиваться, постольку борьба за восстановление среды нередко порождает новые нескончаемые проблемы. С 1975 по 1980 гг. доля очищенных отходов увеличилась на 50%, составив 2,1 млн. тонн, но сжигание отходов портит воздух, землю, воду. Йенике ставит в пример Японию, которая защищает среду, экономя горючее [317, с. 73]. Расходы на восстановление природы и здоровья людей обходятся дороже, чем расходы на технологии, берегущие природу. Например, снижение выбросов в атмосферу двуокиси серы и пыли в 1978 г. в США на 20% снизило расходы на здоровье на 17 млрд. долларов. В ФРГ санация земли и воды обходится всё дороже и дороже. Расходы на защиту природной среды составляют 1–2% от годового бюджета, а на исправление ущерба природной среде составляют 3 — 5% [317, с. 61–77, 104–106].

Йенике поддерживает положение, что политика защиты среды включает 4 ступени. Проще всего исправлять повреждения. Сложнее наладить контроль за производством, отягощающим среду и устройствами уменьшающими вредное воздействие на среду. Создание техники, не отягощающей среды ещё более совершенная ступень, поскольку основывается на инновациях при изготовлении такой техники. Четвёртая ступень предполагает изменение структуры производства, включающего «постиндустриальный» способ производства в секторах «услуг» (под которыми М. Йенике вслед за Д. Беллом подразумевает сферу интеллектуального производства, ошибочно понимаемого как «услугу» материальному производству) и информации [317, с. 77–80].

Общественные блага обходятся государству современного индустриального общества всё дороже из-за некачественной политики (например, из-за мероприятий, недостаточных для защиты природы), а бесхозяйственность государства приводит его к займам у банков, которым оно выплачивает проценты. Во многих западных странах тенденция к росту государственного долга. Долги заставляют повышать производство. Процентный рост производства чуть-чуть превышающий проценты выплачиваемых долгов фактически превращается в стагнацию экономики. Везде, даже в Швеции — ежегодный дефицит бюджета. Дефицит планируется, а банки получают прибыль. Общий долг союза земель и общин ФРГ в 1985 г. составил 755 миллиардов марок. В США в 1990 г. государственный долг — более 3 триллионов долларов. Дефицит бюджета 9 ведущих европейских стран складывается в результате увеличения затрат, которые из года в год растут. Это — расходы на пенсии, которые растут с увеличением продолжительности жизни, расходы на выплату процентов по государственным долгам, всевозможные государственные дотации, расходы на здравоохранение и пособия по болезни, расходы на безработицу, расходы на образование, расходы на жилище и коммунальные услуги. Всё вместе составляло в 80-х гг. дополнительные затраты на общественный продукт внутри ФРГ в 10% [317, с. 107–113].

Доходы государства там составляют налоги с имущества, с оборота на импортные товары, на табак, на выдержанные крепкие напитки, на автомобили, на минеральное горючее и на доходы, но они в целом снижаются. Например, налоги на электрохозяйство уменьшились, а доходы электробизнеса выросли. Электрики создают новые мощности, но цены на потребление электроэнергии растут. Государство возмещает потребителям электроэнергии разницу в ценах, что вызывает бесхозяйственность и новое повышение цен на электроэнергию. Государство увеличивает вклады в энергетику, но не увеличивает налогов. В результате такой политики теряют трудящиеся. Даже политика налогов повышает расходы, потому что увеличиваются налоговые службы и расходы на них. Увеличение цен на автомобили и налоги на них всё равно увеличивают автодвижение, которое становится менее рентабельным и требует вкладов. Обложение налогами окладов и заработков удорожает труд и расходы на безработицу. Слабое обложение табака, алкоголя, электроточка и авто ведёт к уменьшению безопасности, несчастным случаям, порче

здоровья и среды. Такая налоговая политика ведёт к растратам. Только политика доходов создаёт альтернативные структуры для политики расходов. В ФРГ и других западных странах идёт сверхпропорциональное обложение налогами зарплат и окладов при освобождении от налогов предприятий. В США доля налогов с 1960 по 1985 гг. значительно уменьшилась. Между тем, в начале правления Рейгана 50 концернов из 275 крупнейших несмотря на высокую прибыль не платили налогов совсем, а «Боинг», «Доу кемикл», «Международная телефонная и телеграфная корпорация» и некоторые другие даже получали кредиты [317, с. 114–118].

Единственная польза от такой политики налогов в ФРГ это — санация некоторых домохозяйств. Субвенции в ФРГ в 1985 г. составили 121,5 млрд. марок, а 30% из них обладают льготами на налог. Очень значительна государственная помощь жилищному строительству, которая приносит доход строителям, но уже наполовину уменьшила дешёвое жильё. Много денег тратится на принадлежащие государству дороги и почту, что требует дополнительных расходов на регулировку движения, столкновения на дорогах и т.п. Помощь крестьянским хозяйствам на сельхозмашины, на агрохимию увеличивает сельскохозяйственное производство. Однако на мировом рынке это вызывает конкуренцию некредитуемым сельхозпредприятиям стран третьего мира [317, с. 118–120].

Несмотря на общественные проблемы на производящие отрасли в ФРГ в 80-х гг. уходило четвёртое по величине количество государственных расходов. Однако на модернизацию в 1982 г. ушло лишь 1,5% федеральных субсидий. Только около 6,3% пошло на исследования, развитие и защиту среды. Вместе с тем 36% ушло на содержание госаппарата. Государственные расходы идут на поддержку крупных предприятий, банков, на страхование в химическую промышленность, в электротехнику и другие отрасли, не требующие дополнительных расходов, на экологию и структурную политику. С 1970 по 1982 гг. непропорционально большую помощь в ФРГ получили строительный и энергетический секторы, автотранспорт, машиностроение и кораблестроение, химия, производство табака и алкоголя. За счёт налогоплательщиков застраиваются ландшафты, которые сокращают ещё и дороги. Расходуется много энергии и металла, больше курят и пьют и копят химические продукты. Всё это увеличивает расходы на среду и здоровье. Однако расходы на атомную и угольную энергетику значительно больше, чем на экономию энергии [317, с. 120–122].

Экономическая неспособность государства выражается в несоответствии стоимости и качества общественных благ. Политическая неспособность — в неспособности осуществлять решения, выполнение которых давно просрочено. Корни неспособности — в «индустриальной системе». Чиновники, принимающие решения, и контролёры подчинены госаппарату и его клиентуре, а политики оказываются козлами отпущения выбранного аппаратом пути развития, на который едва влияют. Через неверное руководство автопромом, например, государство помогает отраслям, отягощающим экологию. Покровительство производству с ды-

мовыми трубами ведёт к безработице. Институциональные изменения не могут опираться просто на технические инновации, нужна мобильность институциональной системы. Однако инновации власти упираются в ряд препятствий. Если власть оказывается неинтеллектуальной, то получает дополнительные ресурсы и неблагодарную работу. Постепенно давление реальности на власть уменьшается, как и её признание. Однако её доля от распределения увеличивается, и её материальный успех мало связан с воплощением хороших идей и успехом в деятельности [317, с. 132, 158].

Проблемы инноваций связаны с «синдромом танка», водитель которого туп и слеп по отношению к окружающей среде. От его действий страдает не он, а среда. При синдроме танка не требуется интеллектуального поведения. Сами социальные структуры формируют непросвещённых монархов, нелиберальных генсеков и плохих высших менеджеров. В разных обществах — модификации иерархических организаций. Из-за их ригидности — все беды, в том числе и Чернобыль. С 70-х гг. у Великобритании синдром танка [317, с. 158–160].

Централизм затрудняет инновации. «Иерархический централизм» должен иметь противовесом децентрализацию и преодолеваться и сверху, и снизу. Чем длительнее процесс приспособления государства к новому, тем дороже обходятся дотации, а хозяин старой техники получает прибыль. При «институциональном склерозе» руководства Европейского сообщества проводится политика свободной конкуренции в агро-бизнесе, угледобыче, производстве стали, в атомной промышленности, в автопроме и химической промышленности, которые пользуются государственными деньгами. Евросклероз проявляется и при опоздании введения инноваций, которые уже проведены в других странах [317, с. 132, 161].

Кризис удаётся отсрочить лишь большими социальными затратами, но, когда кризис произойдёт, то, по мнению Йенике, он должен привести к развитию. При успешном использовании кризиса государством сдвиг в развитии всегда институализируется на более высокой ступени и, как правило, с более или менее радикальным изменением элиты. В конце-концов в результате кризиса возникает концепция социальных и институциональных инноваций. Хотя может случиться, что на поздних стадиях социально-экономического развития этот процесс может быть значительно нарушен. Судьба больших империй говорит о том, что их развал связан с неспособностью государства реагировать на изменения и проводить реформы склеротических структур власти и хозяйства. Инновации благоприятны для строительства власти, но строительство власти неблагоприятно для инноваций. Власть забирает в руки ресурсы, объявляя это присвоением необходимостью. Впоследствии её деятельность дегенерирует до простого их распределения. В результате всё сводится к получению дохода госаппаратом [317, с. 162–163].

Проблемы государственного капитализма

По мнению Мартина Йенике в 80-х гг. в странах Восточной Европы, где почти всю экономику представлял государственный сектор, наиболее наглядно были видны все проблемы индустриальных стран. Там господствовали «сверхиндустриальная гигантомания, культ количественного роста», измерение продукции в тоннах, расточительность ресурсов и проблемы окружающей среды, централизация разделения труда, бюрократизм с синдромом танка. Смесь супериндустриализма и авторитарного господства там создавали дополнительные проблемы [317, с. 170].

Планирование в восточноевропейских странах было долгосрочным при формальном широком участии. У организаций была возможность иметь верные представления о всеобщих интересах. Не было массовой безработицы, потому что изготавливалась и ненужная продукция. Капитал находится в национальной собственности, и не было расточительного потребления. В ГДР и Советском Союзе был удовлетворительный госбюджет, и иногда даже имелись излишки. Социальные проблемы и преступность ниже, чем при капитализме. Во многих областях было равенство граждан. Система образования была нацелена на общественную практику. В разных восточноевропейских странах проводилась разная политика в области здоровья, защиты среды. Была разная и конструктивная политика. Со времён В.И. Ленина осуществлялась защита природы и исторического облика городов. Защита воздуха состояла в отказе от массовых автомобилей, выводе предприятий за город и переходе с угля на нефть. В ГДР была хорошая медицина, а с 1968 г. защита среды была записана в конституции. Однако двуокиси серы в ГДР и ЧССР было больше, чем в других индустриальных странах. С загрязнением окружающей среды связана средняя продолжительность жизни. В СССР в 1983 г. она составляла 69 лет, в ГДР — 71 год, в ФРГ — 75 лет, в Швейцарии — 79 лет. Потери от загрязнения воды в СССР в 1980 г. составили от 4 до 6 млрд. рублей, что в 2–3 раза превысило все затраты на мероприятия защиты среды в том году [317, с. 171–173].

Неспособность государства восточноевропейских стран в политике здоровья и среды была связана с развитием индустрии. Из-за централизации была большая загрузка транспорта. Со времён И.В. Сталина компоненты тяжёлой промышленности были чрезмерны. Промышленность сконцентрирована в плотнонаселённых местах. Расточительность на предприятиях господствовала. Рынок первоначально не был использован и недооценил материалы и энергию. Много осуществлялось перевозок по шоссе и железным дорогам. В ГДР и ЧССР более всего на душу населения потреблялось энергии, тратилось железной руды и цемента. Только с 1979 г. в ГДР стали употреблять меньше стального литья и цемента, уменьшили перевозки, но энергии стали употреблять чуть больше. В сельском хозяйстве восточноевропейских стран господствовала централизация, применялись крайние формы разделения труда и использовалось множество машин, но зависели от импорта. Отбросы животноводства портили реки и грунтовые воды [317, с. 174–176].

Дешёвая рабочая сила не располагала к использованию в промышленности машин. Особенно велика была доля старых отраслей. В промышленности восточно-европейских стран использовалась модель планирования. Однако плановая система исходила не из главных согласованных целей, а из детализации продукции. Система цен была негибкой, так как не было информации о их соответствии. Рентабельность усугублялась мировым рынком. Центральная ориентация мотивации производства не основывалась на нуждах граждан, потребителей и новых требованиях развития, например, потому, что защита среды ухудшала экономические показатели. В иерархии плана высоко стояли старые отрасли, которые поддерживали начальники старых отраслей и их сторонники. «Индустриальный миф» вызывал пренебрежение к потенциалу инноваций в хозяйстве со стороны информации и «услуг». Разного рода бюрократы имели сильные позиции и чувствовали себя в безопасности, делегируя ответственность наверх. В результате была слаба позиция коммун и регионов. Недостаток компетенции бюрократов подменялся ссылкой на некомпетентность новаторов. Рынок — неспособен на техническое творчество. К рынку не приспособлена защита среды, поэтому не было и эко-промышленности. Для иерархической структуры — типична тайна и нежелание улучшений. В результате был недостаток информации в обществе, и информации получаемой наверху со стороны пострадавших от негативного развития, из-за недостатка организационной свободы, средств осуществления прав и поддержки в публицистике интересов, направленных против господствующей тенденции сверхиндустриализма. Бóльшая часть «услуг», по мнению Йенике, вслед за К. Марксом и В.И. Лениным, считалась непродуктивной в народном хозяйстве. Основные структурные изменения в направлении постиндустриализма, по его мнению, блокировались также из идеологических соображений. Первоочередной задачей стран Восточной Европы он считал отказ от планирования товаров в тоннах [317, с. 174–177].

Революция 1917 г. не изменила «способа производства»: материальной и социальной техники индустриально-капиталистической системы производства. К. Маркс был не против капиталистической техники. В.И. Ленин считал её образцом, хвалил материальную и социальную технику «прогрессивных капиталистических стран» с конвейерами и большие централизованные организации, наделяющие работой, подал идею догнать в развитии передовые капиталистические страны. Однако подражание это — замена инноваций иерархическим централизмом, а авторитарные тенденции требовали подражательного поведения и ленинского понимания техники. В результате для «соцстран» «образцом для способа производства была и осталась гротиндустриальная машина капитализма» [317, с. 179]. В 60-х гг. восточно-европейские страны вступили в мировой рынок из-за недостатка сельхозпродуктов и технологической отсталости. Вступлением хотели устранить инновационные проблемы, барьеры мотивации и неэффективность труда, что снизило бы и проблемы мотивации авторитарных структур. Надеялись на западные инновации вместо того, чтобы создать структуры, способ-

ствующие инновациям. Вместо внутреннего рынка с привлекательными товарами понадеялись на побуждение к стремлению превзойти западные продукты. Вместо легитимации новшеств через открытые и партиципарные структуры начали легитимацию через форсированный рост промышленности. Мотивация к производству и развитию новых идей, продуктов и опыта — главная проблема всех иерархических структур. В СССР мотивация проходила три фазы: идеологические мотивации, затем тоталитарное принуждение и в послесталинское время — экономические интересы к премиям, доходам, товарам [317, с. 178–180].

Втягивание в мировой рынок вело ко всё большей ориентировке на него. В Польше, стремящейся перенять западные технологии, возникли проблемы с дотациями для экспорта, с поддержанием цен, оплатой защиты среды. Результат — долги. Таким образом капитализм фактически признавался высшей стадией социализма. Тем не менее, в «соцстранах» проводились определённые изменения в политическом руководстве и инновации. В начале 70-х гг. в ГДР и СССР началась дискуссия по поводу экономии материалов, но победила идеология тонн. В Венгрии прошла дискуссия о величине предприятий, и в 1982 г. началась децентрализация. В ГДР развернулась полемика по поводу инноваций с возражениями против структурных барьеров технического творчества, которое до неё рассматривалось как привилегия избранных. Однако в этих дискуссиях и переменах проявилась тенденция к исчерпанию возможности старых суперструктур к инновациям [317, с. 181–183].

Экономист Х.Д. Хауштайн из ГДР исследовал причины существующих в индустриальном обществе препятствий для использования творческих возможностей. Для формирования творческой личности он видел препятствие в незаинтересованности экономической системы в деятельности творческой личности, в недостаточной образованности и непригодности теорий и идеологий. В творческий период для разработки инновационных идей сформировавшаяся творческая личность может испытывать недостаток в материальных условиях и в свободном времени, а экономические условия могут сделать человека безработным, довести до фрустрации или вынудить к эмиграции, при этом перед социальными институтами могут стоять антисоцидательные цели и задачи, а организации находиться в фазе нейтрализации, и, более того, творец может попасть в нетворческую атмосферу, где есть установка против творчества, что способствует страху перед будущим и отчуждению. Даже в период реализации признанных творческих способностей творец может встречать материальные препятствия, получать лишь недостаточные стимулы к инновациям из-за слишком узкого разделения труда и даже оказаться безработным, встречаться с институциональными препятствиями, а его новшество может не получить развития и не быть воспринято производством [317, с. 184].

Йенике считал, что в «соцстранах» всеобщие интересы заинтересованных в будущем были не так хорошо организованы как в рыночной системе, так как там была невозможна независимость предприятий от государства. Предприятия там подчинялись бюрократии, и между ними

и бюрократами нередко происходили конфликты по поводу уровня производства. Государство выступало за развитие научно-технической революции, но она наталкивалась на неповоротливость больших предприятий. Государственная модернизация обычно касалась имеющих отрасли, чтобы сделать их эффективнее в международной конкуренции, хотя требовалось передавать ресурсы в новые отрасли, для которых ещё не было соответствующих министерств [317, с. 185–186].

Таким образом, по мнению Йенике, у западных стран было больше шансов стать постиндустриальными, в то время как страны Восточной Европы остались бы индустриальными с техникой и роботами, с меньшим расходом сырья и энергии, но не смогли бы выйти за рамки супериндустриализма. Им необходимо было создать свою культуру во всех трёх сферах экономики, уменьшить размеры и переплетения бюрократии, организовать децентрализованную систему с сильными коммунами, с сильными мотивировками производителей и всех граждан через эффективное участие с политическим центром, который уравнивал бы децентрализованные единицы [317, с. 186–187].

Условия преодоления пороков индустриализма

В 80-х гг. М. Йенике было не ясно: встанут ли индустриальные страны на путь развития наукоинтенсивного и информационноинтенсивного развития, берегущего ресурсы. Когда информативная функция используется в краткосрочных и ограниченных рыночных интересах, то у общества, как он отмечал, не остаётся перспектив на продолжительное будущее. Такая система может превратиться в «дезинформационное общество». Дело в том, что бесперспективность рынка обуславливает бесперспективность политики. Ещё Д. Белл заметил, что в обществе, где коммерциализирована информация, может случиться отказ от государства. Требуется информационная революция, которая может быть использована и супериндустриалистами. Например, населению внушат необходимость принятия программы вооружения, которая приведёт к застою. Протест масс может быть обращён также и на внешнего врага, как, например, при войне за Фолклендские острова [317, с. 148].

После стагнации 70-х — 80-х гг., считает Йенике, в капиталистических странах возможен подъём, если будут сделаны инвестиции в инновации и проведены реформы, но возможна и депрессия. Всё зависит от объёма и качества инноваций. Тем не менее рынок рабочих мест в высокотехнологических отраслях не может занять всех безработных, да и в новых отраслях намечается тенденция к перепроизводству. К тому же, подъём может приостановиться из-за того, что финансовые возможности властей — тоже в кризисе. Возможна стагнация также из-за ограниченности вместимости мирового рынка, конкуренции США с развивающимися странами, нестабильности доллара, потому что увеличение денежной массы ведёт к финансовому кризису, и по другим причинам, которые не всегда можно предвидеть [317, с. 190–191].

Вместе с тем европейское сообщество вывозит из США «культурные продукты» и сильно зависит от американских банков данных и разного рода исследовательских институтов. Важнее чем вещи, разъясняет Йенике, импортировать интеллектуальную технику и информационные структуры, которые действуют в направлении противоположном «синдрому танка». Для успешного введения инноваций надо лучше изучать опыт альтернативных и эксперименты Volvo и General Motors, которые испробовали участие трудящихся. Нередко исследуется и даже оплачивается мнение граждан по поводу условий работы, её смысла, качества потребляемых товаров. Следовало бы знать и восприятие гражданами деятельности государства, поскольку власть вполне может потерять поддержку [317, с. 168–169].

Для развития общества необходимо развитие экономики, а для производства нужны сырьё и техника, но техника это — не только железки, но планомерное развитие средств производства на базе изобретённых образцов. Нужна ещё и «социальная техника», т.е. благоприятные социальные отношения с самоорганизацией людей и демократическим планированием. Над исследователем и техником не должен стоять надзирающий чиновник. Требуется также и «интеллектуальная техника», которая «организует» информацию и создаёт науку. К социальной технике относится как разделение труда, так и организация рабочих групп, а также альтернативных предприятий, изобретения ограничений централизации и бюрократизации, направлений развития, совершенствования института парламента, а ещё и техника оппозиции с «гоу-ином» и «сит-ином», голодные забастовки и гражданские инициативы, регулировка уличного движения и изобретение пешеходных зон. Интеллектуальная техника включает проблемы, парадигмы и научные методы, а также блестящие идеи и компьютерные программы, системы концепций и предварительную информацию о социо-экономических и психологических условиях науки, в том числе и об оптимистическом или пессимистическом самообмане, обеспечение саморазвития, скорости и роста объёма информации для науки [317, с. 154–155, 166].

Чтобы достичь успеха, необходимо любую технику рассматривать в её социальной структуре. Человеческие интересы обуславливают технические средства и типы техники. Оценить последствия от использования новой техники более способны техники и производители, чем государство. Риски от использования техники надо предвидеть уже на стадии разработки. Большой или длительный риск должен быть запрещён или подвергнутым санкциям через негативные стимулы или большие штрафы. Необходимы центральные нормы и децентральный контроль со стороны лиц, заинтересованных в использовании или неприменении рискованной техники. Централизованная иерархическая система имеет иную «технологическую культуру», нежели децентрализованная, например, партиципаторная. Реальная, социальная и интеллектуальная техника циклична, включая фазу установления и фазу устарения. Это — новые изделия и средства производства, социальные изобретения и политические институты, научные методы и парадигмы. Хотя люди предлагают

новые технологии и институты, их новации пока разбиваются о ригидность иерархических властей и государства, поэтому инновации не могут осуществляться без вмешательства властей, а процесс строительства власти обычно начинается с базисных технических и институальных инноваций. С предложениями структурных перемен возникают и новые политические движения [317, с. 157, 166].

Инновации требуются в сфере организации и управления, образования и информации, мотивации и поощрения. Инновационные процессы сейчас охватывают все общественные структуры, но надеяться на то, что большие иерархические организации будут усваивать новые ценности и сами предлагать нечто новое — безосновательно [317, с. 164–165].

Несмотря на необходимость инноваций во всех сферах общества, они пока носят случайный характер. Попытки использования инноваций в экономике ФРГ, которые могли бы привести к обновлению всей её структуры, уже давно предпринимались, но оказались слишком робкими и не привели к значительным изменениям. Например, госсекретарь Министерства исследований и техники ФРГ Фолькер Хауфф и директор научного центра в Берлине Фриц Шарф ещё в 1975 г. высказали мнение, что интеллигенция в ФРГ — её главный ресурс, а «услуги» должны занять большее место в концепциях изменения структуры экономики в будущем, защита среды и организация пространства должны получить важнейшее место в концепциях развития промышленности, поскольку улучшающие среду технологии вводят новый рынок, а мелким и средним предприятиям надо отдать значительную роль в этих концепциях. Они предложили изменить структурную политику, снизить расходы энергии и сырья, используя его (особенно редкое сырьё) по возможности вторично. В 1976 г. комиссия Министерства труда и социального порядка ФРГ также предложила структурные изменения в секторах экономики, для развития технологий будущего и стимулирования инноваций в технике и социальной сфере. Тогда канцлер и его сотрудники посчитали эти предложения иллюзией, и только в 80-х гг. частично реализовали [317, с. 98, 103].

Центральным вопросом в политике народного хозяйства, как думает Йенике, стал вопрос об изменении структуры экономики, где политика свободного предпринимательства стала непригодной. Инновации тормозит рынок из-за монополизации и сговоров, минимизирующих его гибкость, и поэтому неспособен удовлетворять внешнехозяйственную необходимость, общественные интересы и требования будущего. У рынка как объекта управления есть недостаток, который заключается в том, что государство почти не может воздействовать на монополии в старых отраслях. Рынок — непредсказуем в будущем. Он управляется государством запоздало, жёстко с высокими социальными издержками. К тому же государство также зависит от интересов групп и недействительно. Производимые им коллективные блага становятся всё дороже. Эту социальную ригидность, как считает Йенике, должны преодолеть социальные инновации в системе образования и в структуре предприятий, в условиях образования тарифов партнёрами, проводящими совместные

мероприятия на капиталистическом рынке, меняя условия внешней торговли и сами основы общества. Критики государства и «социальные новаторы» требуют освободить рынок от господства монополий, предлагают ограничить свободу рынка и экономики, а традиционные отрасли промышленности (особенно загружающие экологию) от вмешательства и ограничений со стороны государства, и использовать там творчество трудящихся. Государство же должно приспосабливаться к новым явлениям, изменив всю надстройку старого способа производства со структурой норм и механизмом информации, и здесь нужно взаимодействие не только инноваторов техники, но социальной техники, и власти [317, с. 96, 156, 164–165].

Нужна политика не создания идеальных условий производства, а политика «качественного роста» и «инновационных исследований» с программами сбережения энергии и среды, что уже делается в Швеции, особенно, в Японии. Гораздо выгоднее было бы вкладывать в научные исследования, образование, инфраструктуру, помогать в экспорте и отказаться от налогов. Например, при проведении политики защиты среды и здоровья, использующей сектор «услуг», возможно сокращать расходы материалов, что уменьшает отходы и затраты и не требует восстановления среды [317, с. 95–96, 129–130].

Политика может улучшиться, если государство станет противовесом индустриальной сверхвласти, а также в случае отказа от самовластных решений, если будет открытой, воспринимать критику и, расширив политический базис, вырабатывать согласие. На мировом рынке, по мнению Йенике, будет нужен отказ от конкуренции и регуляция субвенций, а государство и граждане должны вместе выступать против концернов, борясь за здоровье личностей. Противовес настоящей политике государства может осуществляться снаружи со стороны традиционного рынка, предлагая потенциальные инновации через публицистику и науку как критические инстанции, но возможен и изнутри через разного рода участие, увеличивающее мотивации и шансы благоприятствующие инновациям. Западные государства зависят от среднесрочных циклов избрания в парламент и ориентируются на «простого человека» [317, с. 165–166]. Здесь нужно, по мнению Йенике, развивать новые формы участия. Эффекты — важнее формальных структур. Политика сверху будет более успешной, если создать противовес снизу, который в отличие от интересов государства и рынка обеспечит вмешательство заинтересованных лиц. Пусть чиновники контролируют соблюдение норм, а заинтересованные граждане выражают жизненные интересы профессий и обладают контрольными функциями. Их защита должна повыситься материально благодаря соответствующим законам и через публицистику. Необходимо увеличить действенность жалоб граждан через средства массовой информации и в соответствии с ними защищать, например, среду или интересы арендаторов. Необходимо и согласованное (включающее интересы меньшинств) планирование основ, а не деталей, создавая в коммуне лучшую защиту граждан и условия для инноваций, потому что государство не может заменить инноваций со стороны децентрализованных акторов, но лишь задать

направление для творчества. Наиболее успешный способ организации власти — децентрализация с единым центром, обладающим функциями координации и улаживания, чтобы уменьшать разницу в доходах регионов и коммун и конкуренцию, а рабочие места создавать не только в местах выгодного приложения капитала. Экономике на мировом уровне надо создавать условия, которые соответствуют местным интересам. Тогда бессилие политики индустриальной системы будет сужено, так как материально укрепится местный базис и глобальная координация улучшится [317, с. 166, 188–191].

В 70-х гг. технические и социальные инновации уже дали длинную волну развития. Теперь, по мнению М. Йенике, надо разобраться какие социальные структуры мешают техническим инновациям, и какие социальные инновации требуются. Подъём после структурного кризиса 70-х — начала 80-х гг. зависел от значительных инвестиций в технические нововведения в микроэлектронике, биотехнике, технике материалов, компьютерных технологий. Йенике считает, что современный процесс изменения структур и введения инноваций должен иметь такую мощь, чтобы преодолеть кризис [305, с. 135, 149].

Определённый опыт уже есть. Страны Скандинавии и Юго-Восточной Азии стали применять, например, перспективное планирование. В Швеции и Дании активная роль государства, сильные позиции у коммун, традиции участия и кооперации. Там высокая помощь государства в развитии и показатели лучше, чем у других стран: уравновешенная информация, вооружённость небольшая, хорошее финансовое положение. Япония, например, встретила кризис 70-х гг. с высокой ролью государства и культурой политики, с небольшой вооружённостью, со склонностью к кооперации и к согласованию, с довольно активными коммунами. В Японии или Швеции вмешательство государства стало эффективным [317, с. 158–160, 165].

Проблемы окружающей среды в индустриальных странах всё ещё нарастают, хотя, как отмечает Йенике, есть и положительные решения. Только в Японии из энергоотходов удаляют серу и азот, и Япония экспортирует эту технологию. Альтернативных электростанций в ФРГ мало, хотя в Дании делают ветровые станции, в США проектируют солнечные, ветровые и электростанции на биомассе. В Швеции, Дании и Австрии запрещена атомная энергетика, используются альтернативные источники энергии, и хозяйство успешно развивается. В Швеции конфликты по поводу энергетики решают кооперативно и даже используют плебисцит [317, с. 93–94].

Необходимо использовать передовой опыт для развития современного общества. Под развитием Йенике понимает институализацию новой модели овладения современным кризисом индустриальной системы. Разрешение кризиса это — не перемещение проблем системы в слабokonфликтные зоны общества, но создание инноваций в развитии. В этом — продуктивность механизма кризиса. Кризисное состояние общества, полагает Йенике, важно не как негативное явление, а как важная противоречивая стадия развития, требующая изменения и инновативного раз-

вития системы, ибо неразрешение кризиса может привести к тяжёлым потерям или возврату на ранние ступени развития. Кризис потенциально ведёт к развитию. 200 лет назад кризисная волна привела к ступени индустриального общества. Проблемы окружающей среды, милитаристского риска, массовой безработицы и неэффективности государства могут быть решены, как полагает Йенике, через кризис между способностью к инновациям и политикой власти во время стагнации, вызванной препятствиями со стороны власти переобучению и инновациям. Кризисы — моторы развития, но исторический опыт показывает, что механизмы кризиса могут потерять производительную силу в структурах власти и привилегиях [317, с. 149–152, 155, 188, 207–209].

Чтобы социальные инновации были действенными, необходимо иметь дееспособный госаппарат. Возвращение дееспособности государственному аппарату, по мнению Йенике, должно идти по нескольким линиям: изменения структуры госаппарата, экологической модернизации, регуляции цен, ослабления рисков, изменения системы управления для уменьшения использования ресурсов и улучшения условий труда, вплоть до устранения привилегий в доходах чиновников, через реформы, освобождающие государство от вновь возникающих функций. Болезнь государства — в бюрократии и централизме в управлении промышленностью. Ликвидировать или уменьшить это состояние нужно, используя кризис и интересы людей, используя потенциал граждан, чтобы проводились изменения в их интересах. Для решения внутриполитических проблем Йенике считает совершенно необходимым согласовывать хозяйственно-политические решения в диалоге между государственными, частнохозяйственными структурами и всеми заинтересованными в правильном решении представителями общественности [317, с. 96–97; 191–192].

Супериндустриализм

Индустриальное общество пока ещё находится в кризисе способа производства из-за ригидности структуры власти и «синдрома танка». По мнению М. Йенике, уже послевоенный экономический бум привёл индустриальное общество к «супериндустриализму». За ним по прогнозам постиндустриалистов должно последовать «постиндустриальное общество», но постиндустриальное общество может сменить индустриальное, а может произойти и их объединение [317, с. 132].

Ещё в 70-х гг. Герман Кан заметил, что после войны индустриальные системы достигли верхнего пункта развития общественных структур, которые стали супериндустриальными. Супериндустриализм характеризуется большим размером предприятий, огромным влиянием международного рынка на политику государств, чрезвычайным ростом индустрии с растущим специализированным производством товаров на базе конечных ресурсов, большими планами и проектами, централизацией капиталов и решений, экстернализацией цен и проблем, в связи с воз-

никновением многонациональных концернов (в добыче нефти, в энергетике, атомной промышленности, в химии, в электронике), крупных сталелитейных предприятий, производителей и экспортёров оружия, строительных картелей, расширением социальной индустрии, инструментализацией государств финансовым кризисом, неуправляемостью, чрезмерной эксплуатацией природы с увеличением рисков химических и атомных отходов, отрицательным влиянием на климат и созданием неблагоприятной среды для будущих поколений. Тем не менее в настоящее время на государство наваливается большая нагрузка через централизованный капитал, и государство пытается управлять кризисом, вмешивается в экономику, особенно на мировом рынке, где возможности частной экспансии уже исчерпаны. Всё больше отраслей экономики включается в сферу, обслуживаемую государством и кормится от него, и количество проблем, связанных с управлением индустрией у государства растёт [317, с. 136–139, 164].

Супериндустриализм это — способ производства индустриального капитализма. Дальнейшая экспансия производства товаров ставится под сомнение из-за ограниченности ресурсов и отягощения среды, а вмешательство государства в производство ограничивается из-за невозможности продолжать политику роста и необходимости выполнения им социальных функций. Индустриализм пользуется углём, нефтью, рудой, водой, землёй, и их чрезмерное использование при массовом производстве не только их истощает, но и удорожает. Создаются рынки отраслей с экстернализованными ценами, за которыми в интересах общественности наблюдают технократы. Появились бюрократы прогнозисты и контролёры, а также контрольная индустрия в производстве электричества, моторов, химической продукции и т.п. Однако охват рынком и огосударствление имеют границы в деньгах. Есть границы насыщения в строительстве, в оплате бюрократов и их привилегий. Огромные властные структуры мешают нововведениям. При супериндустриализме проблемы разрослись до функционального кризиса структуры общества. С 70-х гг. происходят кризисы: сырья, среды, занятости, законности, финансов из-за необходимости оплаты долгов [317, с. 137–140].

Сверхиндустриализм создаёт мифы, мешающие изменять структуру и отношения в сторону постиндустриализма. Один из них утверждает, что благополучие создаётся только материальным производством, а сектор «услуг» живёт только от распределения материальных благ. Такие представления были характерны для стран «реального социализма», а теперь — для стран с экономическим застоем и для ФРГ. Однако статистика показывает, что валовой продукт растёт и в секторе «услуг». Особенно большие успехи в странах, стоящих на пороге постиндустриализма. На мировом рынке «услуги» и информация оцениваются в 600 млрд. долларов. С 1970 по 1984 г. в США было создано 22,4 млн. рабочих мест в секторе «услуг» при том же уровне занятости в промышленности. «Третичный сектор» (или сектор «услуг») требует образования и знаний, в том числе средств производства, и он является важнейшим фактором роста произ-

водства в общественном хозяйстве. Другой миф говорит о том, что высокий уровень роста производства решит все финансовые проблемы. С этой целью в ФРГ и США планируется высокий рост. Тем не менее, синдром танка, то есть нереагирования государства на проблемы и неспособность на реформы, например, сохраняют массовую безработицу и долги, но пока государственные долги только растут и платятся высокие проценты. Рост производства остаётся незначительным, но всё более и более тратится денег на благосостояние. Третий миф, распространяемый желающими остаться в покое властными структурами (часть синдрома танка), предоставляет свободу производства: делай, что хочешь. В действительности же частные собственники отвечают за инвестиции, а государство за решение общественных проблем, поэтому частный сектор не только живёт за счёт своего бюджета, но использует и помощь со стороны государства. Четвёртый миф установления цен на мировом рынке не учитывает социальных расходов. Пятый миф — в необходимости больших размеров производства, предприятий. И все эти мифы нацелены на консервацию индустриальных отношений.

В супериндустриальном обществе помимо индустриального производства продукции развиваются сектора «услуг» и информации, а также «третичный сектор» предварительной оценки и контроля промышленного производства, что оказывает влияние на темпы роста производства, которые трудно рассчитать на долгий срок. На первое место выходят внешние проблемы: интересы мирового рынка и сверхдержав. Капиталы ещё более централизуются из-за необходимости осуществлять большие проекты. Финансовые проблемы и проблемы занятости остаются. Высокий уровень цен и риска. Возрастает использование невозобновляемых природных ресурсов из-за падения цен на мировом рынке, увеличиваются отходы производства, возрастает риск для окружающей среды и роста несчастных случаев. Увеличивается число контрольных органов и стоящих перед ними проблем индустриализма, промышленности и городов. Борьба с общественными проблемами сводится к борьбе с симптомами. Растёт ригидность государственной власти, проявляющаяся в «синдроме танка». В худшем случае данный сценарий, который ведёт к милитаризму и империализму, кончится упадком промышленности [317, с. 135–136].

ЧАСТЬ IV

ПРОГЛЯДЫВАЮТ ЧЕРТЫ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА

Глава 1

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ, ВЫХОДЯЩИЕ ЗА РАМКИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Рост нового сектора экономики

В современном индустриальном обществе возникли новые явления, несомненно выходящие за рамки индустриальной структуры. Прежде всего это — отмечаемое многими исследователями возрастание роли интеллектуального труда, который в наиболее социально развитых странах либо вышел, либо выходит на первое место по сравнению с физическим трудом в промышленности и сельском хозяйстве. Сфера применения интеллектуального труда в западных исследованиях обычно называется «третичным сектором» в отличие от промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики. Вслед за Д. Беллом эту сферу неправомерно называют ещё сферой «услуг», подразумевая якобы не-самостоятельный характер интеллектуального труда, который будто бы лишь оказывает дополнительные «услуги» промышленности и сельскому хозяйству, производящим товары для потребления.

Ошибка заключается в том, что продукты только части интеллектуального труда предназначены для их использования в промышленности и сельском хозяйстве, в то время как важнейшая часть продуктов интеллектуального труда — новые идеи предназначаются не для материального производства, а для использования их при решении общественных проблем (развитии общества, совершенствовании его структуры, общественных отношений) и при расширенном воспроизводстве члена общества — человека. Действительно, научные открытия, изобретения и прочие передовые идеи поступают непосредственно в культурный фонд общества для того, чтобы каждый член общества мог воспользоваться ими, приобретая новые знания, позволяющие совершенствоваться самому и совершенствовать общество. Достижения педагогики и медицины, используемые в воспитании, образовании и медицине также позволяют каждому члену общества развиваться интеллектуально и физически и в конечном счёте также совершенствовать общество.

Данные процессы привели к тому, что в социальной структуре общества на первое место по численности выходит социальный класс интеллигенции, имеющий свои собственные интересы, во многих отношениях отличные от интересов других классов и прямо противоположные интересам господствующих в индустриальном обществе классов: частной

буржуазии и бюрократам, выполняющим роль совокупного капиталиста. Интересы интеллигенции всё более и более входят в конфликт с интересами капитала, недвусмысленно проявившись в новых социальных движениях.

Уже во время между двумя мировыми войнами намечался конфликт между потребностями интеллигенции и потребностями индустриального общества. Если в 1920 г. число студентов университетов, колледжей и профшкол в США составляло 460 тыс. человек, то в 1930 г. оно достигло 925 тысяч, что тогда уже не позволяло образованным людям находить работу по специальности. Такое положение вело к безработице и кризису занятости. Во время кризиса 1929–1934 гг. без работы осталось 50% фармацевтов, 65% инженеров, 90% архитекторов и многие другие люди интеллектуальных профессий. Размеры их заработков также упали, у некоторых профессий вдвое [293, с. 256–257; 304, с. 161–162].

Во второй половине XX в. в ряде таких стран как Япония, Швеция, США альтернативные настроения в сторону постиндустриализма развивались уже внутри партийной системы. В ФРГ, Голландии, Дании, Италии возникли собственные партии, отражающие постиндустриальные интересы. В Венгрии, Польше и ГДР такие партии находились в оппозиции. М. Йенике отмечал, что альтернативная оппозиция типична для критической стадии супериндустриализма, отражая такие его проблемы как гигантомания, стремление к бесконечному росту производства, кризис производства, его деструктивность и опасность для будущих поколений. Они — оппозиция несостоятельному государству, которое непредусмотрительно вмешивается в хозяйство и исправляет неудачи задним числом. Альтернативизм — понимание, что государство неспособно к реформам и инновациям индустриального общества. Это — фундаментальная оппозиция выступающая за развитие постиндустриальных тенденций [317, с. 145].

По мнению Йенике, постиндустриализм — продукт кризиса индустриализма, выражающийся в быстром росте «третичного сектора» по ту сторону сельского хозяйства и промышленности. Этот «сектор услуг» выполняет решающие функции для большой промышленности, для банков, страхования, образования, исследований, торговли и транспорта, особенно для контроля. Не до конца понимая роли интеллектуального труда, Йенике верно отмечает путь возрастания его роли в потребностях индустриального общества. Промышленность, как он отмечает, всё больше предъявляет требований к услугам, нуждаясь в наукоёмких секторах народного хозяйства, в информации, в инновациях, вырабатываемых квалифицированными людьми. Требуется создание ресурсосберегающих технологий, уменьшения числа производств, требующих материалов и энергии. При постиндустриализме сектор услуг приобретает всё большее значение в народном хозяйстве. Сельское хозяйство становится соответствующим требованиям экологии, а качество продукции становится важнее его количества. Промышленность, соответствующая экологии и социальным требованиям, зависит уже от научноинтенсивных товаров. Сам сектор «услуг» требует организации и консультаций.

Постматериальная тенденция, замечает Йенике, выражается и в изменении ценностей в связи с повышением качества жизни. Материальные нормы: потребление, производительность, иерархия и т.п. становятся относительными. Растёт альтернативная оппозиция сверхиндустриализму. «Услуг» требует и население для удовлетворения потребностей в связи с изменением бюджета времени и увеличением свободного времени, потребностей в самопознании, психотерапии и другими новыми реалиями жизни [317, с. 143–144].

Если не считать восточноевропейских стран, далее других от индустриализма ушла Япония, где из-за нехватки сырья произошли изменения в структуре экономики, возросло производство услуг и широко используются знания, но продолжается рост производства. Некоторый постиндустриальный опыт добавили скандинавские страны [317, с. 143].

Рост промышленности без использования сектора «услуг», как справедливо отмечает Йенике, бессмыслен экономически, экологически и социально, постиндустриализм же даёт идеальное развитие общества, предоставляя гуманные возможности. Тем не менее путая постиндустриальное общество с супериндустриальным, приспособляющим к индустриальной системе отдельные постиндустриальные явления, Йенике приписывает пороки супериндустриализма постиндустриализму, утверждая, что и постиндустриализм сталкивается с рядом проблем. Оказывается, думает он, что высококвалифицированная экспертократия получает привилегии и противопоставляется малоквалифицированной массе, которая становится в хозяйстве излишней. К тому же происходит коммерциализация информации, что в крайнем случае ведёт к тоталитаризации идеологии. Отказ от частных рынков управляется не только государством. При парламентской системе у относительно независимой общественности появляется всё больше функций управления, хотя бы в форме знаний об откатах в продвижении к будущему [317, с. 147–148].

Изменения социальной структуры

Изменение социальной структуры позднего индустриального общества стало заметно уже в последней трети XX в. Немецкий политолог Иохим Рашке приводил следующее соотношение сфер экономики ФРГ на 1980 г.: 6% экономики приходилось на сельское хозяйство, 44% на промышленность и ремесло и 50% на труд служащих. Приводимая им социальная структура также не характерна для традиционного индустриального общества. Подсчитывая количество занятых в экономике по социально-профессиональным группам (вместе с семьями), он приходит к выводу, что в хозяйстве ФРГ занято 13% самостоятельных (т.е. «мелкой буржуазии», включая людей интеллигентных профессий: адвокатов, консультантов), 42% рабочих и 45% служащих и чиновников. По приводимому иному методу подсчёта по характеру производимой продукции, он отмечает, что в том же 1980 г. 5% занятых производило

сельскохозяйственную продукцию, 32,5% производило материальные блага и 61,8% — «услуги». Из них в «гуманитарных услугах» было занято 9,3%, на административной службе — 9,6%, в службе у производителей — 18,4%, на транспорте, в торговле, страховании и т.п. — 20,1%, в «службе домашнего хозяйства» — 4,4% [332, с. 93, 102–103]. Такого рода подсчёты настолько расходятся с традиционными для нашей страны статистическими данными по социально-классовой структуре, что сопоставление их может быть чрезвычайно приблизительным. Например, среди выделяемых Рашке 42% рабочих, очевидно, около 30% занято в промышленности (и, вряд ли, и в сельском хозяйстве), а среди тех, кто выходит за рамки этих 30%, около 2,5% может оказаться, например, мастерами, техниками или инженерами-технологами. Среди 45% «служащих и чиновников» самое значительное место, очевидно принадлежит демократической интеллигенции. Из этих 45% надо исключить менее 9,6% занятых «на административной службе», поскольку помимо бюрократов, обладающих реальной распорядительной властью, сюда, несомненно, включены и мелкие служащие, работающие на бюрократов по найму, и их, по-видимому, большинство. Таким образом, среди этой группы, очевидно, более 40% занято преимущественно интеллектуальным трудом. Среди 61,8% занятых в сфере услуг, интеллектуальным трудом несомненно заняты 9,3% производителей «гуманитарных услуг». Сюда же надо причислить процентов 5–6 из 9,6% занятых на «административной службе», процентов 10 из числа 18,4% занятых на «службе» у производителей, поскольку, скорее всего администрация вряд ли превосходит по численности технологов, конструкторов, контролёров, экспертов и т.п. Вот среди 20,1% занятых, например, на транспорте, в торговле, страховании большинство должно принадлежать рабочим, занятым в сфере распределения, и лишь меньшая часть занята интеллектуальным трудом в «страховании и т.п.», которая может составить от 2% до 9%. Столь же неясно, что подразумевается под «службой домашнего хозяйства» (с 4,4% занятых), то ли коммунальные услуги, то ли домашнее хозяйство, в котором заняты домохозяйки, поэтому здесь число служащих вряд ли составит более процента, хотя воспитание детей в семье несомненно — интеллектуальный труд. Таким образом, можно заключить, что, судя по подсчётам Рашке по характеру производимой продукции, интеллектуальным трудом в ФРГ в 1980 г. было занято более 30% всех работавших в экономике. Сопоставив с расчётами по социально-профессиональным группам эту цифру надо увеличить, что позволяет сказать, что число занятых интеллектуальным трудом в 1980 г. в ФРГ проявило тенденцию приближаться к числу занятых физическим трудом.

По приводимым Рашке сведениям, в 1960 г. в вузах ФРГ училось 269 тыс. студентов (8% из числа молодёжи), а в 1980 г. — 986 тыс. студентов (20% молодых) [332, с. 103–104].

Рашке отмечал, что НТП изменил всё общество. Интеллигенция «увеличилась в исторически неизвестной массе», а социо-экономические проблемы и проблемы социального неравенства остались, но, по его

мнению, они «потеряли динамику в сравнении с вопросами нематериального характера, которые указывают на увеличение значения социокультурной сферы» [332, с. 68].

Немецкий социолог Томас Хагельштанге, исследовавший статистику 10 европейских стран: ФРГ, Франции, Италии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Великобритании, Ирландии, Дании и Греции, — а также США и Канады, приводил ещё более впечатляющие цифры. По его подсчётам, в 1960 г. в 9 европейских странах (без Греции) вместе с США около 50% людей было занято в первичном и вторичном (производящих материальные продукты) секторах экономики, а в 1982 г. — только 35%. Если в 1960 г. в европейских странах в двух первых секторах работало в 1960 г. 84 миллионов человек, то в 1982 осталось лишь 72 миллиона, в то время как в «третичном секторе» (услуг и иной деятельности) произошёл рост с 85 до 133 млн. занятых. Таким образом в «третичном секторе» (услуг и иной деятельности) процент занятых с 1960 по 1982 гг. вырос с 50 до 65%. При этом в 9 странах Европы наблюдался рост с 43 до 58%, а в США, где в третичном секторе был занят в 1960 г. 61% работающих, к 1982г. рост составил 10,5% [311, с. 154–155].

Ещё более впечатляющие данные приводят современные учёные. По оценкам ряда исследователей доля интеллектуального труда в экономике на рубеже XX-XXI вв. составляла более 60%. Дело в том, что интеллектуальный труд приносит значительно большую прибыль, чем физический. Уже в 1988 г. в процветающих американских компаниях, использующих «высокие технологии» доля интеллектуального капитала составляла 69%, а на начало 2001 г. она превысила уже 80%. В конце XX в. в США в «экономике знаний» было занято около 70% всей рабочей силы. В 2011 г. в сельском хозяйстве Германии было занято от 0,5 до 3% от числа работающих, удельный вес промышленности в ВВП Германии составлял 23,8%, а в 2012 г. сфера «услуг» составила 78,1% ВВП [73, с. 33; 92, с. 33; см. также: 6; с. 39].

Рост численности людей занятых в сфере интеллектуального труда также можно косвенно представить из тенденции уменьшения числа занятых в традиционных видах труда. Менее всего рабочей силы занято в унаследованном от аграрного общества сельском хозяйстве, которое показывает продолжение тенденции к сокращению. Если в 2000 г. в сельском хозяйстве Китая работало 50% от общего числа занятых, то в 2005 г. — 44,8%, а в 2010 — 39,6%. В России соответственно — 14,5%, 10,2% и 9,7%. В Италии число аграриев в 2000 г. составляло 5,2%, в 2005 — 4,2%, а в 2010 г. — 3,8%. Близкая последовательность в Японии: 5,1%, 4,4% и 3,7%. Во Франции в 2000, 2005 и 2010 г. в сельском хозяйстве было занято соответственно 4,1%, 3,6% и 2,95% работающих, в Нидерландах — 3,0%, 3,25% и 2,85%, в Дании — 3,3%, 2,8%, 2,4%, в Канаде — 3,3%, 2,7%, 2,45%, в Швеции — 2,4%, 2,0%, 2,1%, в Израиле — 2,2%, 2,0% и 1,7%, в Германии — 2,6%, 2,3% и 1,6%, в США — 2,6%, 1,6% и 1,6%, в Бельгии — 1,9%, 2,0% и 1,4%, в Великобритании — 1,5%, 1,3% и 1,2% [351, с. 21, 37, 43, 58, 72, 78, 98–99, 101, 138, 165, 189, 206, 208].

Всё меньше и меньше требуется трудящихся и в индустриальном производстве. Только в Китае аграрное производство уступает место индустриальному, которое постепенно растёт. Если в 2000 г. в промышленности Китая работало 22,5% занятых, то в 2005 г. — 23,8%, а в 2010 г. — 27,2%. Остальные развитые страны показывают противоположную тенденцию. Если в промышленности Италии в 2000 г. было занято 31,8% работающих, то в 2005 г. — 30,8%, а в 2010 г. — 28,8%. В Германии соответственно — 33,5%, 29,7%, 28,4%, в России — 28,4%, 29,8% и 27,9%, в Японии — 31,25%, 27,95% и 25,3%, в Бельгии — 25,8%, 24,7% и 23,4%, во Франции — 26,3%, 23,7% и 22,2%, в Канаде — 22,5%, 22,0% и 21,5%, в Израиле — 23,7%, 21,4% и 20,4%, в Швеции — 24,5%, 22,0% и 19,9%, в Дании — 25,2%, 23,4% и 19,6%, в Великобритании — 25,1%, 22,2% и 19,1%, в США — 32,2%, 20,6% и 16,7% [351, с. 21, 37, 43, 58, 72, 78, 98–99, 101, 165, 189, 206, 208].

Интеллектуализация труда потребовала повышения уровня образования. Доля лиц с высшим образованием в численности населения в возрасте от 25 до 64 лет с 2002 по 2005 гг. в наиболее экономически развитых странах увеличилась в США с 29 до 30%, в Норвегии с 28,4 до 30%, в Израиле с 25,9 до 30%, в Нидерландах с 21,9 до 28%, в Исландии с 19,9 до 26%, в Дании с 19,8 до 26%, в Канаде с 21 до 23%, в Австралии с 20 до 23%, в Республике Корея с 18,5 до 23%, в Японии с 20,1 до 22% в России с 20,6 до 21%, в Великобритании с 18,6 до 21%, в Германии с 13,4 до 15%, во Франции с 12,4 до 15% [83, с. 8]. Количество студентов по отношению к населению в ряде этих стран составило в 2005 г. в Японии 4,8%, в России 4,8%, в США 4,4%, в Республике Корея 4,1%, в Великобритании 2,8%, во Франции 2,8%, в Германии 2,3% [83, с. 16]. Всё это способствует росту образованных людей. В 2005 г. число лиц с «третичным образованием», включающем лиц, окончивших средние специальные заведения, вузы, аспирантуру и докторантуру по отношению к населению составляло в России 55%, в Канаде 46%, в Израиле 46%, в Японии 40%, в США 39%, в Республике Корея 32%, в Норвегии 32%, в Великобритании 30%, в Швеции 30%, в Германии 25%, во Франции 25% [83, с. 22]. Позднее, на 1 декабря 2008 г. в Германии было 334 тыс. студентов-первокурсников. В зимнем семестре 2010 г. общее число студентов 726 университетов Германии составило 2,2 миллиона. Годом позднее число студентов достигло 2,28 миллиона, а ещё позднее в семестре 2012/2013 гг. число немецких студентовросло до 2,5 миллионов, где первокурсники составляли 490 тысяч, а в зимнем семестре 2014/2015 гг. Германия установила рекорд по числу студентов — 2,2 миллиона, и первокурсников — 334 тысячи. Примерно такое же количество студентов во Франции, где в 2009/2010 учебном году оно достигло 2,3 миллиона.

В результате многие образованные люди всё более и более обращаются к научным исследованиям. Наибольшее число научных сотрудников (включая небольшой процент вспомогательного состава) занялось научными исследованиями в Китае и составило в 2003 г. 1094679 человек,

а в 2008 г. уже 1965357 человек. Несмотря на значительно меньшее население в США в 2003 г. исследованиями занималось 1430551 человек, хотя в 2007 г. их численность слегка снизилась до 1412639 человек. В Японии научными исследованиями в 2003 г. было занято 1081099 человек, а в 2008 г. — 1159722 человека. В России, наоборот с 2003 по 2009 гг. число людей занятых в науке резко снизилось с 973382 человек до 845942. Причём в отличие от всех других стран число занятых непосредственно исследованиями (исключая вспомогательный состав) в 2003 г. составляло лишь 487 477 человек, а в 2009 г. всего 442263 человека. В Германии, напротив, с 2003 по 2009 гг. число исследователей возросло с 472533 до 529100 человек, также как и во Франции с 2003 по 2008 гг. — с 342307 человек до 384513. Рост исследователей был менее значителен в Великобритании, где в 2004 г. их было 318886 человек, а в 2010 г. стало 319487 человек. Довольно высока численность людей занятых наукой в Италии, составив в 2003 г. 161828 человек и в 2009 г. 239246 человек. В Канаде в 2003 г. было 196505 исследователей, в 2007 г. стало 228679. Несильно отстала от неё бо́льшая по численности населения Испания, где в 2003 г. исследованиями занималось 151487 человек, а в 2009 — 220777 человек. Немало людей занимается исследованиями и в небольших странах. Например, в Нидерландах в 2003 г. было 90147 исследователей, но немного упало в 2009 г. до 87901 человека, а в Швеции поднялось с 72978 человек в 2003 г. до 75674 человек в 2009 г. Рост числа исследователей можно отметить в Австрии, Дании, Бельгии и других развитых странах [343, с. 441–445, 447, 450, 451, 492).

Глава 2

КОНЦЕПЦИИ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА

Теоретические концепции будущего

В 1914 г. в Великобритании Ананда К. Кумарасуами и Артур Дж. Пенти впервые ввели выражение «постиндустриальное общество», ещё не выразив его основных характеристик [320, с. 6]. Новозеландский экономист Эллан Джордж Барнард Фишер в 1939 г. одним из первых отметил возрастающую в экономике роль сектора «услуг». В 1940 г. английский экономист Колин Кларк также подтвердил важность интеллектуального труда в экономическом прогрессе. Французский социолог и экономист Жан Фурастье в 1949 г. уже утверждал, что развитие науки и техники ведёт к созданию в будущем «научного общества», в котором установится социальное согласие [317, с. 132].

В 1961 г. в разговоре между японским социологом Кишо Курокавой и историком Тудео Умесао прозвучало новое определение современного

им общества как «информационного общества», а в 1964 г. эта новая категория попала уже в заголовок работы Джиро Камишими, данный ей редактором Мичико Игараши. В 1968 г. Йонеджи Масуда и Кониичи Кохима вместе, а затем и Йуджиро Хайаши написали книги об информационном обществе. В 1971 г. в Японии уже был издан «Словарь информационного общества». В 1970 г. Масуда использовал это выражение в лекции на конференции. Позднее он отмечал в информационном обществе преобладающее значение интеллектуального труда, приоритет целеполагания в труде, создание местных сообществ и демократию участия, глобализацию и симбиоз человечества и природы [320, с. 5, 11–12]. К концу тысячелетия возникло множество концепций информационного общества, а это выражение вошло в социальную практику. В 90-х гг. под информационным обществом обычно подразумевали общество, в котором возрастают возможности передачи информации, отмечая первенствующую роль компьютеризации, теряя роль информации в образовании, науке, инновациях, новых отраслях экономики, в культуре и в удовлетворении духовной потребности в ней [320, с. 7].

В 1962 г., рассматривая информационное общество, австрийско-американский экономист Фриц Махлуп одним из первых отметил «производство знаний» в более, чем тридцати отраслях производства, детально описав сектор производства знаний и отметив, что наиболее важным сектором производства знаний является образование [см. 325]. В 1966 г. американский политолог Роберт И. Лэйн выдвинул уже концепцию «общества знания», отметив первенствующую роль образования и знаний в современном обществе, но не заметил роли образованных людей в экономике современного ему общества [см. 314]. Позднее начались споры по поводу того, какое определение формирующегося общества точнее «информационное общество» или «общество знаний» [320, с. 7].

Венгерский социолог Ласло Карваликс объединил многие концепции индустриального общества и общества знания. С его точки зрения, информационное общество это — то, в котором производство информации и знаний составляет более 50% экономики, превосходя оба предыдущих сектора, и число занятых этим трудом также составляет более 50%, растут информация и знания, растёт доход каждого, культурные блага, а средства и услуги в потребительской корзине составляют более трети, число людей с высшим образованием составляет более 50%, делаются значительные научные открытия, демократия возрастает, взаимосвязи по сравнению с телефонными превосходят 50%, создана централизованная система информации, ориентированная в будущее [320, с. 13]. По мнению Карваликса, судя по информатике, США превратились в информационное общество в начале 60-х, Япония — на 10–15 лет позже, передовые страны — в конце 70-х, 4 «маленьких азиатских тигра» — к началу 90-х гг., страны поздно присоединившиеся к ЕС (включая Венгрию) — на рубеже тысячелетий, остальные страны — ещё индустриальные и преиндустриальные, но постепенно будет мировое информационное общество. Глобальное информационное общество возможно в 2018 — 2020 гг., а «развитое передовое информационное общество

будет возможно, если информация составит 66 — 75%» [320, с. 15]. В заключении Карваликс определяет информационное общество как «новая форма социального бытия, в которой хранение, производство, перемещение и т.п. образом распространяемая информация играет центральную роль» [320, с. 23].

Однако лишь в результате проходившей в 60-х гг. дискуссии по поводу сохранения сырья и окружающей среды возникла выдвинутая американским социологом Дэниелом Беллом в 1966 г. серьёзная концепция «постиндустриального общества», которая вскоре была развёрнута автором. В своей теории Белл показывал тенденцию общественного развития, которая должна привести к общественной системе, в которой экономика производства вещей отойдёт на второй план по сравнению с производством «услуг», под которым он понимал создание «информации». Главными производителями станут представители высококвалифицированных профессий. Теоретические знания станут источником инноваций в экономике и общественно-политической жизни. В будущем можно будет оценивать технологические нововведения и управлять теоретическим прогрессом. Таким образом будет создана новая «интеллектуальная технология» [283, с. 301; 284, с. 32].

Почти одновременно с Беллом концепцию постиндустриального общества предложили также Герман Кан и Энтони Виннер. В их концепции на первое место по сравнению с промышленным производством, которое должно сократиться, также должно было выйти производство «услуг», главное место среди которых принадлежит инновациям. По их мнению, в изменённом обществе, которое должно стать «государством благосостояния» и «обществом обучения», должна была возрасти роль государственного управления, ориентированного на процветание [см. 318].

В 1969 г. характеристику постиндустриального общества дал также известный французский социолог Алан Турен, отметив однако сохранение в нём значительных социальных противоречий [см. 347].

С крайне правых позиций, исходя из идеологии «американизма», рассматривающей Соединённые Штаты Америки как самое передовое государство, миссией которого является руководство всем миром, в 1970 г. подошёл к созданию концепции постиндустриального общества видный американский политолог и политик Збигнев Бжезинский. С его точки зрения, в конце 60-х гг. США вступили в эпоху постиндустриального «технотронного общества», в котором под влиянием новых технологий и революции в электронике (отсюда «технотроника»), особенно компьютеризации, изменилась вся общественная структура и система ценностей. Индустриальное производство не является более детерминантой общественного развития, возрастает роль интеллекта и образования. Развитие науки и техники благодаря плюралистическому участию граждан может быть подчинено социальным целям. К 70-м гг. США, с точки зрения Бжезинского, превратились в «меритократическое» общество и образец для подражания. Изменился образ мышления и система ценностей, и теперь новому мировоззрению «рациональному гуманизму» свойственно

глобальное сознание. Вслед за США к «технотронной эре» приблизились Западная Европа и Япония. В результате возникла международная элита из бизнесменов, обладающих знаниями интеллектуалов (учёных и чиновников), а «международные корпорации» стали «генераторами и распространителями» научно-технических знаний и новых методов руководства. Бжезинский видит глобализацию как систему международных хозяйственных институтов во главе с транснациональными корпорациями, которые должны контролировать всю мировую экономику, а США как «главный всеобщий распространитель технотронной революции» — контролировать транснациональные корпорации [289, XIV, с. 9–12, 24–25, 59, 197, 200, 262].

По мнению немецкого политолога Мартина Йенике, исследователи верно обнаружили тенденцию к производству «услуг» и наукоёмкой продукции, но переоценили «ориентировку на будущее» для многих стран и роль интеллигенции в настоящее время из-за недооценки проблем, остающихся в современном индустриальном обществе. Ещё Г. Кан увидел тенденцию к образованию «супериндустриального общества», для которого характерно создание громадных предприятий и большого влияния внешних факторов на конкретные страны. При этом из-за гигантизма предприятий увеличивается и влияние технологий риска, которые могут оказывать столь разрушительное влияние на физическую и социальную среду, что оно не поддаётся ни предвидению, ни контролю. Со всеми проблемами присущими супериндустриализму, как полагает Йенике, может столкнуться и постиндустриализм, при котором будет больше производиться информации и услуг, а количество материальных продуктов уменьшится, и будет использоваться меньше сырья, но цена его возрастёт [317, с. 133, 139].

Согласно постиндустриальному сценарию в понимании М. Йенике, сокращается прежнее доминирование производства материальных благ через существенное производство нематериальной продукции: услуг и информации, как в своё время индустрия стала преобладать над сельским хозяйством. При постиндустриализме благодаря предварительной экспертизе сокращаются опасные формы производства. Проявляется стремление использовать преимущественно мелкие и средние предприятия. Возрастает интенсивное применение сложных технологий, требующих научных знаний. Производство становится гибким и поощряется введение инноваций. При постиндустриализме развёртывается сценарий «качественного роста» с производством больших ценностей, использование опробованных форм хозяйства, структур производства и технологий дружественных среде с минимальными отходами, используется экономика невозобновимых ресурсов с целью защиты здоровья, облегчения нагрузки на природу и сохранения государственных финансов, создаются новые возможности занятости. В экономике и политике большая децентрализация. Большое значение региональных структур. Однако качество услуг и информации становится, с точки зрения Йенике, неясным, возможна дезинформация, а часть этих услуг может оказаться непригодной. Постиндустриализм требует изменения

общественных отношений, которые сейчас не гарантируют гуманных форм «услуг» и чётких форм информации. При постиндустриализме Йенике неясен и размер сверхиндустриальных структур, которые, по его мнению, могут оставаться стабильными и не блокировать полезные инновации [317, с. 134–136].

С начала 70-х гг. во многих странах, как заметил Йенике, обозначились постиндустриальные тенденции, прежде всего в США. Они выразились: 1. В переориентировке на постматериальные ценности качества жизни. 2. В тенденции к производству «услуг», включая информацию (за последние 29 лет в западных индустриальных странах было создано 72 млн. рабочих мест в секторе «услуг», почти 70% американцев занято в этой сфере, в США с 1970 по 1984 гг. в «секторе услуг» было создано 22,4 млн. рабочих мест и почти 70% американцев стало трудиться в этой сфере). 3. В большинстве западных стран создаются небольшие и средние предприятия, часть из них — альтернативные с претензией на экологичность (многие созданные в 1980–1982 гг. предприятия США насчитывают персонал менее 100 человек, составляя от 53 до 70% всех предприятий США, и эти мелкие предприятия показывают наибольший рост производства благодаря инновациям). В промышленности видна тенденция к лучшему использованию ресурсов, а также наукоёмкой продукции, требующей «услуг». Распространяются эксперименты с децентрализацией управления и структурами участия в управлении трудящихся. Эти тенденции проявились более всего в Скандинавии и Северной Америке, меньше в Европейском сообществе, менее всего в Восточной Европе [317, с. 145–146].

В связи с обнаруженными тенденциями по крайней мере в 1986 г. Йенике предлагал требовать большей ответственности от государственного аппарата и поставить его под контроль лиц, заинтересованных в принятии тех или иных государственных решений. По его мнению, бессилию власти могут противостоять альтернативные движения, самоорганизация и взаимопомощь людей, не имеющих власти. Йенике отмечал также, что у него возникает представление, что ««третичный сектор» разовьёт собственную динамику по ту сторону индустриального сектора» [317, с. 19]. Дело в том, что на периферии политической системы у людей, не связанных с интересами прибыли, но затронутых проблемами потребителей, у адвокатов и публицистов, у участников акций протеста и бойкота формируются противовласть с новыми политическими представлениями. Эти люди пытаются создавать новые партии (например, зелёную) и влияют на существующую власть. Они вносят новую проблематику и влияют на политику жилища, отпусков, увеличивают влияние социальных протестов. Под влиянием новых социальных движений вышестоящие и привилегированные также получают готовность к изменениям через конкуренцию партий, правовое государство, плюрализм, но эти либеральные механизмы сильно искажены и нарушены. Чтобы этого не произошло, новые политические силы должны быть институционализированы и вовлечены во власть, тогда будут возможны всеохватывающие социальные новации [317, с. 46–49].

Концепции, вырастающие из социальной практики

Принимающая участие в политике левая интеллигенция также пыталась осмыслить современные общественные процессы и движения. Журналисты Барбара и Джон Эренрайхи решили исследовать роль интеллигенции. Смешав низшие и средние слои бюрократов и интеллигенцию в одном «новом» «профессионально-менеджерном классе» (ПМК), в который включили учёных, инженеров, учителей, социальных работников, писателей, бухгалтеров, низших и среднего уровня менеджеров и администраторов и другие группы интеллигенции и мелкой бюрократии, они пришли к парадоксальному выводу, что они не обладают средствами производства и живут на зарплату, но воспроизводят капиталистические классовые отношения и культуру, включающую соответствующие капитализму поведение и решения. В силу двойственности составляющие ПМК менеджеры и инженеры, с одной стороны, — либеральные «соглашатели», с другой, — «антагонисты капитала», и их сознание двойственно, потому что им свойственны элитизм и антикапитализм. ПМК и рабочие — союзники, но интересы их различны [298, с. 13, 27–28; 299, с. 7, 10; 324, с. 75]. Если бы Эренрайхам удалось применить классовый анализ, то стало бы ясно, что этатизм и приверженность к капиталистическим отношениям свойственны классу бюрократов, а антикапитализм — демократической интеллигенции, не занимающей бюрократических позиций.

Любопытно, что для Социалистической партии США социализм это — «государственная собственность на средства производства» и «расширение государственных социальных услуг» [298, с. 24], т. е. фактически государственный капитализм и социальное государство.

Своеобразные концепции будущего общества принесли новые демократические движения. Особенно много нового привнесли участники зелёного движения. Рисуя картину будущего общества известный немецкий социолог и футуролог Осип Флехтхайм в значительной степени основывался на новых социальных явлениях, привнесённых новыми социальными движениями. Вместе с тем, к чести Флехтхайма нужно отметить его внимательное отношение к опыту человечества, стремившегося проводить революционные изменения общественных структур и отношений. Он основывался на преобразованиях 1936–1939 гг. в Испании, 1945–1948 гг. в Чехословакии, 1970–1973 гг. в Чили, в современной ему Исландии и т.д. [303, с. 217–221].

По его мнению, в современном обществе необходимо Министерство будущего, которое проверяло бы влияние политических решений на будущее, и Палату или Совет будущего, который ставил бы на обсуждение наиболее долгосрочные актуальные проблемы. Исходя из необходимости консервации ресурсов и санации среды, он считал необходимым планировать удовлетворение основных потребностей человечества в мировом масштабе, предлагая планировать производство пищи, одежды и жилища. При этом планирование должно обеспечивать экономическое равенство и индивидуальную свободу, особенно в частной жизни, ис-

кусстве и науке, которые для своего функционирования требуют определённых материальных предпосылок. Обеспечение запланированных потребностей должно контролироваться местными, региональными, национальными организациями во взаимодействии и в масштабах мировой федерации, чтобы достичь ликвидации насилия и господства, расширения самоопределения и солидарности в функционировании руководства. Что касается витальных потребностей, то все необходимые для жизни блага и услуги: хлеб, молоко и другие продукты первой необходимости, а также жизненно важные потребности должны быть бесплатными [303, с. 84–85, 212, 253–254].

Однако Флехтхайм не считал необходимым менять в корне существующие отношения, которые должны включать как частное, так и общественное хозяйство, как планирование, так и конкуренцию, как глобальное «целеполагание», так и местную «функциональную децентрализацию». Вместе с тем, он полагал, что нужно в будущем создавать такое хозяйство и общество, где власть и богатство будут распределены наиболее равномерно, а предлагаемый им новый хозяйственный и общественный порядок можно было бы обозначить как «эко-социалистический и эко-гуманистический». Флехтхайм не видел необходимости в обобществлении крупных предприятий. Обобществление, с его точки зрения, означает переход собственности к государству, т.е. к товариществам производителей, гильдиям, профсоюзам и учреждениям, и главным там становится самоуправление. Однако его важнейшим требованием было введение «социальных инноваций», которые не должны отставать от технологических нововведений, для чего нужна радикальная реформа мировой политики [303, с. 83, 89, 156, 167, 225].

Предложения Флехтхайма относительно изменений в экономике включали такие требования зелёных как переоценка природных ресурсов, исследование новых технологий и новых продуктов на выносливость среды, санация природы, уменьшение втрое производственного забора воды, создание рециклической экономики или хозяйства экологического кругооборота, уменьшение экономического роста, децентрализация (включающая децентрализацию энергетического хозяйства), отказ от атомного производства, более безопасное химическое производство, отказ от использования химикатов в почве (включая азотные удобрения), запрет на производство вредных продуктов, выпуск продукции, исходя из потребительной ценности, систематическое сокращение рабочего времени при сохранении тех же доходов, меньшие затраты времени на работу за заработок, больше — на товарищескую работу в альтернативном секторе [303, с. 141–142, 156–157].

С точки зрения Флехтхайма, альтернативные предприятия являются передовыми формами социалистического покрытия потребностей хозяйства. Он отмечает, что, если в 60-х гг. в Европе насчитывалось около сотни альтернативных предприятий, то в середине 80-х гг. только в ФРГ в разных группах взаимопомощи, включая промышленность, ремесло, сельское хозяйство и «услуги» занято 500 тысяч человек. Среди них товарищества производителей и потребителей, альтернативные произ-

водственные, строительные и транспортные предприятия, страховые компании, книжные товарищества, издательства, банки и даже велосипедные фабрики. Создавая демократические формы хозяйствования, они, по мнению Флехтхайма, могут выйти из рыночной и денежной капиталистической экономики [303, с. 227–228].

Некоторые из его предложений явно вызывают большие сомнения. Таково, например, гуманное предложение запрета на убийство и употребление в пищу животных, потому что разведение животных отнимает массу необходимых людям растительных калорий. Вместе с тем, в духе требований зелёных он предлагает обобществить гигантские концерны, выведя их из-под власти суперкапиталистов и менеджеров, и передать их в собственность людям, а их управление отдать квалифицированным производителям и потребителям и уполномоченным супернациональных организаций и органов власти [303, с. 84, 221].

Совершенно необходимым он считает обеспечение участия трудящихся, потребителей и представителей социальных общностей на всех уровнях в управлении производством и инвестициями и в планировании основных показателей, а также обеспечить самоуправление. Таким образом Флехтхайм выступает за самоуправление на производстве и на местах и поступенчатое объединение самоуправляющихся сообществ в «мировую федерацию», обеспечивающую их хозяйственное равенство и равенство региональных культур и полную автономию граждан в сообществах. Единство человечества в мировой федерации потребует, по его мнению, использования мировой валюты, знания мирового языка, облегчающее необходимые коммуникации для совершенствования мировой культуры. Выступая за самоуправление, Флехтхайм фактически выступает за ликвидацию власти и замену её администрацией, поясняя, что разница между властью и рационально-функциональным руководством примерно такова, как разница между предписанием чиновника и регулировкой движения полицейским. Отрицая государственную власть, он отрицает и атрибуты государства, поясняя, что в обществе будущего не нужно ни войск, ни вооружённой полиции, ни смертной казни, ни заключения, но нужно стабильное общество с мероприятиями по ресоциализации [303, с. 156, 209–211].

В будущем, по его мнению, должны измениться не только общественные отношения, но и мировоззрение людей, которые будут жить не ради заслуг и сокровищ, а ради продуктивного труда и свободного времени. Рассматривая носителей прогрессивных изменений в обществе, Флехтхайм считает иллюзией надежду на рабочий класс, который с его точки зрения, давно интегрирован в потребительское общество, держится за рабочие места и стал консервативен. Наоборот, представители интеллектуальных слоёв: учителя, врачи, социальные служащие, учёные и деятели искусства, а также молодёжь и женщины, — политически активны [303, с. 212, 221–222].

Довольно прост и универсален по отношению к трём основным течениям среди зелёных подход экологического социалиста Ивана Д. Иллича. Он также, как и другие сторонники постиндустриального

общества, стоял за трансформацию находящегося в глубоком кризисе индустриального общества, представляющего собой «товарный мир» с «монополией промышленности», с «технократическим бедствием», с «вездесущим» вмешательством многонациональных корпораций, чрезмерной властью, бюрократическим «менеджеральным фашизмом», с «институализацией знания» и «индустриальных ценностей». Он был против такого общества, которое сохраняет привилегии и ограничивает доступ к ресурсам, классифицируя людей по уровню потребления, лишая способности удовлетворять личные нужды личным образом, и делает их «зависимыми» [314, с. 12, 43, 54, 73, 85, 101, 107, 122; 315, с. 113].

Однако Иллич считал «иллюзией» и создание социалистического общества, в «котором промышленные рабочие составляют большинство» [314, с.56]. По его мнению, свои права у корпораций может отвоевать только активное большинство, осознающее и отстаивающее свои интересы и способное на совместную жизнь, признавая конфликтные интересы. Антигуманному индустриальному обществу он противопоставлял «постиндустриальное общество», понимаемое как «партиципарный (т.е. обеспечивающий участие граждан в решении любых политических проблем — Н.К.) социализм», обеспеченный дружественными человеку и wybranными самими людьми «конвивиальными орудиями»: экономическими, социальными, политическими институтами и институтами образования, техникой, средствами, обеспечивающими не только товары и услуги, но новые формы энергии (без атомных электростанций), создание новых организаций, свободное общение людей, альтернативные формы жизни и взаимопомощь [314, с. 13, 21–24, 99, 101, 106–107, 118].

Согласно представлениям Иллича, в основе нового общества будет лежать «конвивалитет» (совместная жизнь людей в традиционных и добровольных сообществах, обеспечивающих личную свободу каждому члену сообщества), где жизнь будет нацелена на будущее, где все будут стремиться к абстрактному идеалу. Они сами будут определять образы их собственного будущего и принимать свой собственный способ использования среды. Сложность, с точки зрения Иллича, заключается лишь в нахождении через научный подход рационального размера конвивиального сообщества, который позволит конкретным общинам использовать имеющиеся у них средства для осуществления интересов одних членов общины не в ущерб интересам других. Люди должны будут получить публичную собственность над ресурсами и средствами производства, а также публичный контроль над рынком, механизмами передачи власти и над структурой современных базисных «орудий». Члены конвивиальных сообществ получают более хорошее, чем теперь, образование, здоровье, питание, транспорт и даже развлечения. «Социализм» бывшего священника Иллича не лишён некоторых лучших черт, присущих религиозным, а также традиционным крестьянским общинам, которые сохраняют такие положительные общественные черты как стремление беречь окружающую среду, где

всем независимо от достатка обеспечен доступ к рекам, лугам и лесам, вспомоществование вдовам, ночлег странникам и помощь слабым [314, с. 12–13, 43, 78, 88; 315, с. 37, 120, 122].

Согласно представлениям Карла Амери (псевдоним известного немецкого писателя и одного из идеологов зелёных Христиана Антона Майера), современная индустриальная система должна быть разрушена и создано «постиндустриальное общество, соответствующее экологии», которому необходимо «расторжение союза с пустыней и примирение с материей, материнской материей, нашей материей — Землёй» [279, с. 220]. С Землей, полагает Амери, необходимо установить соглашение, взяв на себя ответственность за сохранение всех видов живой и неживой материи, наложив на себя ограничения. Единственным прогрессом Амери считает прогресс сознания, который требует, опираясь на традиции, постоянно контролировать процесс взаимодействия человека с природой. Лучшим выходом, по его мнению, был бы полный отказ от производства, переход к образу, напоминающему образ жизни доисторических охотников и собирателей с вегетарианским питанием и охотой на животных, напоминающей охоту хищных зверей, осуществляющих в природе функции «здоровья и селекции» [279, с. 79, 167, 180, 184, 210].

Однако в условиях современного общества, по мнению Амери, требуется опираться на последовательный экологический материализм. «Последовательный материализм означает на практике введение сверхорганического потенциала человека для определения своих возможностей внутри познаваемого экологического кругооборота, для стабилизации своего способа существования внутри познаваемого экологического кругооборота, а это значит, — для новой ориентации своей политико-общественно-хозяйственной деятельности» [279, с. 184]. Жизнь людей должна строиться по принципу жизни в биоценозе. В сообществах люди, согласно, малому хозяйственному проекту, должны осуществлять и контролировать малый кругооборот веществ, а производящие государства и федерации государств, достигающие масштаба европейского континента, и народов, желающих жить сепаратно, должны контролировать этот процесс. Производство жизненно необходимых товаров должно осуществляться на месте на мелком производстве, где не требуется возить товары на большое расстояние от производителя к потребителю и где непосредственные производители и их соседи смогут контролировать качество товаров, предназначенных для долгосрочного их же собственного потребления. Нужно восстанавливать также старые, не обременяющие экологическую среду технологии, например, ремесленные, трудоемкие земледелие, использующее только органические удобрения и тому подобные производства. Гуманизация рабочих мест, конечно, нужна, но человечество должно понимать, что сохранение безмолвной неживой природы и забота о беззащитных растениях и животных, неприспособленных, слабых, уязвимых и ранимых людях, пограничных группах и «отбросах» общества свидетельствует о здоровье остального человечества, и оно обязано их защищать. Для этого не центральные

власти, а малые производственные единицы должны принимать возможно большое число жизненноважных решений, а отчуждение людей от принятия решений возможно преодолеть через создание ассоциаций свободных производителей, и их сотрудничество и объединение в европейскую федерацию поможет создать единую экологическую программу для всей Европы [279, с. 126–127, 134–135, 143, 174–175, 181–185, 194, 199–202, 208–211, 219].

«Либертарный» философ М. Букчин осуждал марксизм с его «пролетарским социализмом» как буржуазную идеологию и отрицал революционную роль рабочего класса (путая его со всем пролетариатом — Н.К.), утверждая, что современный рабочий класс живет безбедно и является партнером буржуазии, постепенно вовлекаясь в удобную ей политику, а его прошлая революционность, например, в 1848, 1917 годах или в анархистском восстании в Барселоне в 1936 — 1937 годах, связана с прежней приверженностью «пролетарита» к ремесленным или даже крестьянским ценностям. Настоящая борьба за революционные изменения началась, по мнению Букчина, лишь с движением за гражданские права в Соединенных Штатах Америки в конце 40-х — начале 50-х годов, сопровождавшимся требованием свободы, равенства и новым видением братства, но по-настоящему новые идеи и новые формы борьбы принесли новые левые (и отчасти контркультурные) движения в 60-х — начале 70-х годов в США и Европе. Их видение свободы включало возвращение подлинного гражданства, требование прямого перехода к социальному равенству, введение демократии участия и усиление децентрализации, ослабляющей роль государственного аппарата, монополизировавшего политику, через создание советов, соседских ассамблей (особенно во Франции в мае-июне 1968 года) и контркультурных коммун (иногда объединявшихся в ассоциации) с обобществлением собственности, разделением и ротацией трудовых задач и коллективным воспитанием детей. Усилившееся в 70-х годах феминистское движение, по мнению Букчина, привнесло радикальный протест против иерархии в пользу равенства и солидарности, отказавшись от классового анализа в пользу универсальных интересов. Затрагивая проблемы состояния природной и социальной среды, феминизм соединялся с экологическим движением, и уже на рубеже 60-х — 70-х годов идеал свободы приобрел черты универсальных человеческих интересов. С распространением экологических движений возникла социальная экология, связавшая социальные и экологические проблемы. Она выступила за общество, свободное от иерархии и определила место человека в природе как агента по сознательному рациональному продвижению эволюции согласно потребностям человека и остальной природы [288, с. 131–134, 144–146, 155–157, 182, 187–188, 199–200, 204].

В современном обществе, полагал Букчин, когда научные и технические достижения доставили материальное обеспечение и свободное время, необходимое для демократии участия, на повестку дня поставлена радикально новая революционная программа. Её главной

целью является создание общего человеческого интереса, который бы объединил человечество как целое, для чего прежде всего надо сконцентрироваться на гармоническом балансе с природой, ведь экологический взгляд объединяет людей, принадлежащих к разному полу, к разным классам, разным этносам и отражающих национальные интересы своих стран. Букчин считал, что сейчас напрасно оживлять миф о пролетарском восстании против государства, вооруженного ядерным оружием, а надо искать контринституты, которые будут оппозиционными власти национального государства, ведь сознательные движения стремятся к децентрализации центральной власти, которая должна быть освобождена из под контроля элит и распределена в форме, которая позволит использовать ее партиципарно через создание коммунальной конфедерации [288, с. 168–172, 183].

Прежде всего необходимо усвоить «либертарное правило: каждое нормальное человеческое существо компетентно управлять делами общества и более специфическими делами общины, членом которой он или она являются» [288, с. 174]. Политику общества народ должен свободно обсуждать в ассамблеях (собраниях), договариваться там и прямо решать проблемы, а не через представителей. Ведь «всеобщая воля», отраженная в общих решениях, это и есть выражение свободы. Органами самоуправления станут муниципальные (общинные, квартальные, соседские или городские) народные ассамблеи небольшого размера, чтобы голос каждого гражданина был услышан. Каждое сообщество будет состоять из нескольких «коммун». Сообщества могут объединяться в конфедерацию. Ассамблеи будут умами свободного общества, большинством принимающими все жизненно важные экономические, политические и бытовые решения, проекты которых подготовлены высококвалифицированными экспертами. Политика ассамблей будет только координироваться на региональном уровне. Исполнять наказ народных собраний, полностью отчитываясь перед ними, может в рамках переданной ей сферы компетенции администрация (составленная из делегатов ассамблей) в форме советов, комиссий или коллективов квалифицированных специалистов, и ассамблеи сохраняют право прекращения работы администрации [288, с. 174–177, 181, 184, 194].

Собственность на средства производства станет муниципальной или конфедеральной и будет контролироваться общественными ассамблеями. В этом случае каждый член общины будет стремиться вносить трудовой вклад сообразно своим способностям и брать из общего производственного фонда то, что требуется. Муниципальные сообщества будут состоять из меньших общин и частных домохозяйств (Жизнь покажет, что лучше: жить коммунально или индивидуально.) и станут экологическими системами, где будет налажен баланс при обмене веществ между людьми и остальной природой. Обобществленный транспорт разгрузит дороги. В зависимости от конкретных ежедневных экономических задач характер работ будет ротироваться между городом и деревней и между работами разных профессий [288, с. 194–195].

Букчин считал, что добиться истинной свободы нельзя, исходя из партикулярных интересов, поэтому он предлагал исходить из транс-классовых проблем, как это делают зелёные, феминистки и участники гражданских инициатив, то есть надо исходить из всеобщего интереса и объединиться всем перед лицом экологического кризиса. Хотя коммуны, кооперативы, профессиональные коллективы или народные банки и самоуправляемые предприятия являются школами управления, но они являются маргиналами в буржуазном обществе и поэтому недолговечны и не смогут через конкуренцию вытеснить супермаркеты и капиталистические финансовые институты. Понимая это, Букчин предлагал не только участвовать в гражданских инициативах, но создавать альтернативы центральной власти в форме соседских и муниципальных собраний, коммунальных центров, кооперативов, центров занятий и тому подобных организаций (особенно соседских ассамблей и муниципальных конфедераций), опирающихся на общественные движения. Особые надежды он возлагал на экологические инициативы, которые в конечном результате должны привести к созданию экологического общества, структурируемого вокруг конфедеральной Коммуны Коммун [288, с. 171–174, 183, 190, 193].

Однако наиболее левую концепцию выдвинули экологические социалисты Томас Эберманн и Райнер Трамперт. Рассматривая современное им индустриальное общество, они обнаружили в нём такое явление, как «Вторая индустриальная революция», которая «состоит в вооружении машин и производственных систем информацией и компьютеризированным интеллектом». Вторая индустриальная революция охватывает не только рабочее время, но сферу потребления и свободное время людей. Производящая эту революцию микроэлектроника чиста, продуктивна и умна. Она позволяет, не выходя из офиса или дома, не только играть в игры, но вести переговоры и производить банковские операции, передавать тексты, узнавать потребности граждан, давать указания, советы и получать сведения и знания, но централизованные телепередачи и передаваемые через микроэлектронику сведения программируются и не позволяют что-либо изменить в них. В результате магазины, банки, школы становятся ненужными. Процесс контроля за работой трудящихся и функции менеджеров теперь отдаются машине. Работа на микроэлектронике, осуществляемая не в коллективе, а в одиночку, но под контролем, ведёт к неуверенности, неудовлетворённости, усталости, фрустрациям. Загоняя трудящегося в свободное время в квартиру, телевидение отрывает его от общения, профсоюза, возможности социального протеста. Капиталисты, наоборот, получают дополнительную прибыль, получаемую за счёт потребления такой избыточной продукции как символы массовых коммуникаций, которые не требуют таких расходов, которые затрачиваются на производство материальной продукции. Под влиянием этих процессов рабочее движение постепенно исчезает, и его место занимают новые социальные движения как новые формы пролетарской борьбы [297, с. 149–159, 165–171].

Одна из новых форм организации трудящихся — альтернативные предприятия. Эберманн и Трамперт отмечают, что альтернативные предприятия производят нужную и не разрушающую природную среду удовлетворяющую человеческие потребности продукцию и оказывают услуги. На этих предприятиях нет эксплуатации и иерархии, все равны и расценивают свой труд как необходимость [297, с. 191–192].

Исходя из стоящих перед участниками новых демократических движений (и прежде всего перед зелёными) проблем защиты среды, они полагают, что индустриальные отношения применительно к здоровью людей, к природным (особенно к биологическим) ресурсам, приводят к невосполнимым разрушениям, и необходимость сохранения природных ресурсов и избавления от экологического кризиса требует изменения существующего способа производства и потребления и создания «некапиталистического» способа производства. Частная собственность, капиталистическая конкуренция на мировом рынке, индустриальные отношения вместе с партиями, связанными с НАТО, эксплуатируют и человека и природу, поэтому «земля и почва, природные богатства, продукты потребления и банки должны быть приведены в новые общественные формы собственности» [297, с. 274]. К капиталистическому производству Эберманн и Трамперт отнесли равно промышленное производство с рынком и конкуренцией как в западных странах с частным капиталом, так и в странах «реального социализма», где, по их мнению, используются те же принципы производства и потребления [297, с. 64–65, 116, 194, 274–275, 280].

Зелёные соратники Эбермана и Трамперта выступают против атомных реакторов, химических отравлений, генных манипуляций, аграрной промышленности и распространения бетона. Они считают, что в обществе нужны не отдельные реформы, но надо перестроить производственные отношения так, чтобы они соответствовали новым формам общественных процессов. Участвующая в новых демократических движениях молодёжь устремлена в будущее, где не должно быть коммерциализации и рынка, социальной иерархии, власти и бюрократии, капиталистических норм жизни. Зелёные выступают за терпимость, солидарность, равенство, справедливость, дружбу и свободу личности. Хотя человеческие потребности обусловлены природой, но каждая социальная система нуждается в собственной специфической системе потребностей. Теперь уже возникают новые радикальные потребности, отличные от привычных материальных потребностей. Молодёжь уже вырывается из чисто материального мышления и неудовлетворяется только материальными потребностями [297, с. 226]. Это — необходимость в общественной деятельности, доставляющей удовольствие, в творчестве, наслаждении природой и т.д. Зелёные развивают «собственную культуру» [297, с. 228]. Они за то, чтобы потребности людей развивались гуманно и творчески [297, с. 33, 216–217, 226–227, 257–258, 275, 280].

По мнению Эберманна и Трамперта, продукты производства должны обеспечивать людям здоровье и творческое существование. Конечно, для творческого труда нужны «свободно ассоциированные производи-

тели». Работать нужно «интеллектуально и ремесленно», отвлекаясь на переговоры создавая «разумную» продукцию. В труде должны быть здоровые отношения без конкуренции, а его структура — не иерархической. Работа должна быть приятной, полной смысла, творческой, давать удовлетворение, как и свободное время. Люди должны пользоваться всеми радостями жизни. Участники новых демократических движений хотят жить в «региональных жилых и хозяйственных структурах» [297, с. 275]. Существующей власти зелёные противопоставляют общественную самоорганизацию, берущую начало в гражданских инициативах и группах самопомощи. Они выступают за «базисную демократию», т.е. за прямую демократию снизу, основой которой являются гражданские инициативы, экогруппы, инициативы мира, женские группы, оппозиционные профсоюзы, молодёжный протест [297, с. 206, 215, 227–228, 233, 270–275].

Эберманн и Трамперт считают, что в современных условиях зелёным необходимо представительство в парламенте, которое ни в коем случае не должно брать ответственность за государственную политику, но вести разъяснительную работу для достижения лучшего социального обеспечения, заботы о здоровье, отказа от военных расходов, решения женских проблем, прекращения дискриминации меньшинств, осуществления проектов образования, т.е. требуется всячески наступать на материальное производство и настоящее развитие производительных сил. Представительство в парламенте нужно также для того, чтобы иметь центр для объединения различных политических сил и мобилизации людей, используя принцип ротации представителей и «императивного мандата», требующего от депутатов отражать в парламенте интересы избирателей, даже если личный интерес депутата не соответствует интересам голосовавших. Именно единство парламентской деятельности и гражданских инициатив позволяет зелёным проводить радикальную политику [297, с. 271, 273, 278–280].

В 1983 г. Зелёная партия ФРГ приняла в Зиндельфингене наиболее левую программу отказа от частной собственности на средства производства и существующих отношений, являющихся причиной враждебных отношений между людьми и эксплуатации человека и природы. Программа предлагала землю и почву, природные богатства, средства производства и банки перевести в новые формы общественной собственности. На предприятиях должен быть обеспечен новый экономический порядок с самоуправлением без иерархии, чтобы производственные решения отражали общественные интересы, которые были бы верны с социальной и экологической точки зрения. Зелёные считают, что базисно-демократический хозяйственный порядок может быть развит только снизу [297, с. 274].

Глава 3

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Левые теоретики будущего в США

Поскольку правые теоретические социальные концепции или предлагают сохранять существующие социальные отношения или искать идеалы в прошлом, то сторонники социальных перемен обычно обращаются к левым.

Уже в конце XIX в. в США возникли популярные среди интеллигенции социально-философские концепции, требовавшие социальных перемен, воспринимаемых порой как социалистические. Среди теоретиков такого рода были, начавший выступать ещё в XIX в. левый социалист Дэниел Де Леон, правый социалист Виктор Бергер, а также Роберт Ривз, Виллиам Инглиш Уоллинг, Уолтер Липпманн, и Макс Истман. Популярностью пользовались также философские концепции Джона Дьюи и Уиллиама Джеймса. «Лирические левые» начала XX в. Уоллинг, Липпманн и Истман выступали даже за классовую борьбу и вооружённое преобразование мира. Социалист Миррис Хилквист наоборот выступал за экономическую борьбу. Вскоре возникли и контркультурные тенденции, отрицавшие экономическую действительность в пользу улучшения моральной стороны жизни. Уиллиам Дин Хауэлл и Эдвард Беллами выступили даже за организацию коммун, но отрицали социализм [296, с. 38, 46, 50–56].

Марксизм ещё в XIX в. впервые принесли эмигранты Джозеф Ведемейер и Фридрих Сордж. Большее влияние оказал Фердинанд Лассаль [296, с. 54]. В конце XIX в. появились и анархисты. Среди итальянцев был популярен Энрико Малатеста, среди немцев — Йоханн Мост [296, с. 58].

В 1876 г. появилась первая социалистическая партия Социалистическая трудовая партия Америки, затем в 1898 г. возникла Социал-демократическая партия США, которые вместе с Американским союзом железнодорожников в 1901 г. объединились в Социалистическую партию во главе с Ойгеном Дебзом. Во главе её левого крыла встал Луис Фрайна. Левых взглядов придерживался и Джеймс Дж. О'Нил. В 1919 г. была образована уже Коммунистическая партия во главе с Луисом Фрайной и Чарлзом Рутенбергом и Коммунистическая рабочая партия во главе с Джоном Сайласом Ридом и Бенджамином Джитлоу, которые объединились в 1920 г. [296, с. 60, 89–94].

В 1905 — 1930 гг. действовала анархо-синдикалистская организация Индустриальные рабочие мира (в просторечии Уобблиз — революционные рабочие) во главе с Дэниелом Де Леоном, Ойгеном Дебзом Уэсли Эверстом, Карло Треской и Джоу Хиллом. Один из лидеров организации Уиллиам Дадли Хейвуд, выступал за всемирную борьбу, пытаясь объединить рабочих с интеллигенцией [296, с. 58–60, 67–69].

В 30-х гг. появились молодёжные организации Лига юных коммунистов и Лига национальных студентов [296, с. 127].

В 30-х гг. в США стал развиваться троцкизм и ревизионизм в разных формах, а в 40-х гг. Макс Истман, Сидни Хук и Эдмунд Уилсон выступили против марксизма, обвиняя его в ненаучности [296, с. 149].

Постепенно влияние компартии в США стало ослабевать, а во времена маккартизма коммунистов почти не осталось. Троцкизм и прочий ревизионизм, как и анархизм, также не получили развития. В середине XX в. левые теории были мало известны американцам.

В результате плюрализма левых взглядов и политической слабости левых теоретиков сторонники социальных изменений в США, стремившиеся к совершенствованию общественных отношений, в середине XX века остались фактически без теории будущего.

Новые левые

К 60-м гг. слабо знакомая с теорией общества американская интеллигенция стала замечать, что окружающий её мир является миром несправедливости. Об этом стали писать социолог Майкл Харрингтон и член СДС журналист Джек Ньюфилд [294, с. 157].

Стали организовываться левые, главным образом студенческие партии, требующие равенства, социальной справедливости и обеспечения гражданских прав. Одной из таких партий была насчитывавшая в 1962 г. 8 тыс. членов партия Студенты за демократическое общество (СДС) во главе с увлечённым Фиделем Кастро Томом Хэйденом [296, с. 40, 159–160].

В 1962 г. от Компартии откололась Прогрессивная рабочая партия, взявшая сторону Китая в полемике с СССР и выступившая за вооружённую борьбу, но приветствовавшая контркультуру [296, с. 172].

В 60-х гг. в США развернулись вскоре перекинувшиеся в Европу не рабочие «новые социальные движения», первый этап которых получил название движения «новых левых». В начале 60-х гг., как, например, в студенческом Портгунронском заявлении 1962 г., составленном под влиянием СДС левыми студентами, были сформулированы ещё нечёткие требования: ликвидации отчуждения, окончания «холодной войны» и прекращения гонки вооружений, обеспечения равенства для чёрных, белых и бедных, которые пополнились заимствованной у европейских «новых левых» идеей «демократии участия», т.е. участия людей в принятии коллективных решений в трудовых и учебных коллективах и местных сообществах. В 1963 г. последовал новый манифест «Америка и новая эра», критикующий администрацию президента Кеннеди и политическую элиту как «корпоративных либералов». Студенты попытались объединить студенческое и рабочее движение, но их «хождение в народ» из-за незнания проблем рабочих оказалось безуспешным [294, с. 41–42; 296, с. 169–171].

В 1964 г. произошло массовое выступление студентов Калифорнийского университета в Беркли: «Движение за свободное волеизъявление».

ние», требовавшее самоуправления студентов. В 1968 г. они применили в качестве нового метода борьбы sit-in (мирный захват административных зданий университета и нахождения там до удовлетворения требований). Затем часть студентов перешла к требованию ниспровержения государства, но не была поддержана большинством. Выступление было разогнано полицией [294, с. 42; 326, 215, с. 224–229].

Некоторые теоретики революционно настроенных студентов, как, например, руководивший в 1965 г. СДС Карл Оуглзби (полагавший, что СССР и Китай создали ужасную утопию), считали, что революционная роль пролетариата закончилась на Западе с окончанием индустриализации, и новым субъектом революции становятся студенты, взявшие упавшее знамя из рук пролетариата. Способные благодаря образованию разбираться в общественных процессах теперь студенты берут на себя руководящую роль в борьбе пролетариата и студентов [326, с. 178–180; 328, с. 6].

Наряду со студенческим движением началось выступление чёрных во главе со Стокли Кармайклом за равные права с белыми. Студенты поддерживали чёрных, но не сумели объединиться. В 1966 г. в Оукленде (Калифорния) возникла леваческая организация «Чёрные пантеры» во главе с Хью Ньютоном и Бобби Силом. Чёрные пантеры объединили социалистические и националистические взгляды, руководствуясь идеями Мао Цзе-дуна, Хо Ши Мина, Че Гевары и Франца Фанона [296, с. 173–174].

Наиболее экстремистски настроенные студенты призывали к партизанской борьбе с властью и террору. Одной из таких организаций стали Уэдермены, надеявшиеся развернуть в городах партизанскую борьбу и создать ядро «Красной Армии», и начали террористические акции в 1969 г., но вскоре почти все были арестованы. В период с 1 января 1969 г. по 15 апреля 1970 г. в США была совершена сорок одна тысяча взрывов, попыток взрывов и угроз взрывов. В результате погибло 43 человека, а материальный ущерб составил 21,8 млн. долларов. В 1970 г. левые экстремисты убили 20 полицейских. К началу 1972 г. было убито также 40 террористов и сотня отправлена в тюрьму, но эти выступления вынудили правительство США в значительной степени изменить политику [296, с. 184; 326, с. 230–237, 241].

Американские новые левые, как правило были плохо знакомы с мало популярным в Америке марксизмом. К тому же традиционный марксизм остановился на рабочем классе как субъекте революции. Новые левые считали таковым интеллигенцию [296, с. 28–29]. Большинство американских новых левых был свойствен атеоретизм, но порой они опирались на американскую академическую науку. Например, среди части их были популярны взгляды социолога Чарлза Райта Миллза, который полагал, что радеющие о народе «академические интеллектуалы», т.е. высокообразованная гуманитарная интеллигенция, поможет народу разобраться в социальных процессах и повести за собой маргинальные слои, способные ниспровергнуть несправедливую власть [326, с. 186, 188]. Другой социальный теоретик Элвин Гоулднер также отнёс

техническую интеллигенцию и «интеллектуалов» (т.е. интеллигенцию гуманитарную) к прогрессивному «новому классу», который обладает «культурным капиталом» (иначе «человеческим капиталом»), т.е. «передовым образованием» как средством производства, что позволило Гоулднеру называть его даже «культурной буржуазией». Однако, перепутав техническую интеллигенцию с управляющей промышленными предприятиями бюрократией, Гоулднер пришёл к неправомерному выводу о постепенном переходе власти в индустриальном обществе от буржуазии к высшему звену менеджеров, де факто контролирующих способ производства, которых он ошибочно называл технической интеллигенцией [309, с. 5, 8, 11–13, 19, 21].

В психологической войне против революционно настроенных студентов, которых американские СМИ изображали в карикатурном виде, победили власти. Широкое движение пошло на убыль, но часть его участников обратилась к созданию многочисленных подпольных (нередко выпускающих подпольные издания) и террористических организаций [294, с. 43–47]. Другие продолжили создавать контркультуру, противостоящую ненавистной им буржуазной культуре, где принципы коллективизма и взаимопомощи обычно сочетались с бездельем, пьянством, наркоманией, антикультурными хулиганскими выступлениями и бравированием матерщиной [294, с. 215–217; 296, с. 161]. В 60-х гг. появились идеологи контркультуры Теодор Роззак и другие, предлагавшие революционное освобождение духа [296, с. 161–162].

Уже в 60-х гг. в высокоразвитых странах (например, в 1966–1969 гг. в ФРГ) начались продолжающиеся до наших дней выступления трудящихся нового типа, новые социальные движения. Им была свойственна антибюрократическая направленность, формы организации на принципах прямой демократии и прямые политические действия. Уже само участие в движении рассматривалось как средство самореализации. И. Рашке справедливо считает, что они приобрели постиндустриальную форму как движения «средних слоёв и интеллигенции» (в которых рабочие составляют лишь 10%). Они создают антибюрократические структуры, стоящие в оппозиции к правящим партиям и профсоюзному аппарату, проявляя многообразие форм демонстрации (например, сидячие забастовки перед военными базами атомного оружия) [332, с. 68–72].

Участники развернувшегося в 60-х гг. студенческого движения новых левых, считали себя социалистами, но не ортодоксами, осознавали себя как новое радикально-освободительное и революционное (но не террористическое) рабочее движение, марксистское, но без ошибок коммунистического рабочего и социал-демократического движений. В этом движении интеллигенция сначала поставила себя на место «революционного пролетариата». Студенты хотели оживить рабочее движение, но на опыте поняли, что их движение качественно нового типа, выступающее с собственной тематикой. Интеллигенция была уже и руководящим классом и базисом социального движения. Выступающие требовали участия в политических решениях, для того чтобы компетентно выразить свои интересы. Они требовали осуществления «революции участия»

в различных областях социокультурной сферы: в проблемах высшей и средней школы, детских садов, семьи, церкви, проблем редактирования и т.д. Они выступали против моделей роста производства, карьеристского и потребительского общества, меняли формы жизни, создавая коммуны, общежития, большие семьи, развивали общественное воспитание детей, основывали детские лавки, выступали за «критическое потребление», изменение роли женщины. Студенты явились авангардом изменения ценностей и поведения. Критикуя технократию они выступали за «альтернативное» единство сознания. При этом «революционизация сознания была исходным и конечным пунктом общественного изменения» [332, с. 72]. Такие действия новых движений не только соответствовали одномоментным стремлениям их участников и их структурам, но и дальнейшим потребностям постиндустриального общества. По мнению Рашке, ни одна из существующих теорий не является ключём к объяснению сущности новых социальных движений, но более других подходит теория постиндустриального общества [332, с. 70–71, 74, 411].

Пиком движения «новых левых» стала Майская революция 1968 г. во Франции. Начало Майской революции дали студенческие движения, начавшиеся в начале 1968 г. Первоначально студенты Нантера и Сорбонны требовали демократизации образования, но постепенно движение охватило большую часть студентов, а их требования нарастали, распространяясь на демократическое преобразование общественных отношений и политической системы во главе с правым правительством Шарля де Голля. Влияние Французской коммунистической партии к этому моменту значительно ослабело, зато усилилось влияние троцкистов, маоистов и ряда других ревизионистов. Популярными стали идеи сочувствующих движению философа и социолога Мишеля Поля Фуко и, особенно, писателя и философа-экзистенциалиста Жана-Поля Шарля Эмара Сартра. Студентам импонировали также анархистские идеи студента Даниэля Кон-Бендита и троцкиста Алена Кривина. К студентам присоединились некоторые преподаватели и значительная часть интеллигенции, а затем и рабочие, недовольные высоким уровнем безработицы и низким уровнем оплаты труда рабочих невысокой квалификации. Некоторые участники движения стали выступать за создание рабочих и местных советов и даже выдвигали лозунг: «Вся власть советам!». Однако больше надеялись на самоорганизацию, непосредственно отражающую интересы молодёжи. В начавшейся 13 мая и охватившей всю страну забастовке приняло участие около 10 млн. человек. Начались многотысячные демонстрации, столкновения с полицией и возникли баррикады. Испуганные предприниматели и правительство пошли на уступки, повысив зарплату (особенно гарантированный минимум), приступили к постепенному сокращению рабочей недели до 40 часов, расширили права профсоюзов и т.п., провели внеочередные выборы 23 и 30 июня, что успокоило волнения. Однако выборы опять привели к власти правую коалицию, хотя де Голлю пришлось уйти в отставку [3, с. 340; 350, с. 2].

Во время коронации голландской королевы молодёжь кидала в участников церемонии камни и мусор. В 1971 г. В Копенгагене развернулось движение за «свободное христианское государство». Тогда буржуазия и политики сделали его участникам «фрикам» (чужакам, добровольным маргиналам близким к нашим бомжам) подарок — квартал из бараков. Живущие там воспринимают насилие как фрустрацию [294, с. 25].

В начале 70-х гг. движение новых левых почти закончилось, но в 1980 г. по Европе опять прокатилась волна студенческих движений. Молодёжь по-прежнему отказывалась признавать буржуазные ценности и буржуазный порядок, карьеризм, общепринятый образ жизни, выражала недовольство по поводу безработицы, накопления атомного оружия, полицейского насилия. Некоторые молодые превращались в «дроп-аутов» (добровольно маргинализирующихся людей). Студенты 1980 г. стремились к автономному образу жизни, полному отказу от общественных норм и альтернативному поведению. Исследования социологов Копенгагенского университета показали, что в средних городах Западной Европы от 5 до 8% тинэйнджеров готово к протесту, а в больших городах до 15%. В 1980 г. молодёжь более охотно выходила на улицы, чем в 60-х гг., однако от прежних протестантов не знала и не собиралась ничего знать о теории общества и была движима преимущественно эмоциями, не веря в реформы и революцию, проявляя самодовольство, выступая против какой бы то ни было власти и получая эмоциональное удовлетворение от самого участия в акции протеста. Однако были и реальные результаты. Например, гражданская инициатива S036 вынудила Сенат Западного Берлина заставить хозяев сдавать некоторые пустующие дома, в которых они хотели устроить «сацию» для увеличения квартплаты. Выступления нередко выливались в столкновения на улицах и были либо спровоцированы леваческими ревизионистскими воображающими себя «коммунистическими» группами, либо, по большей части, носили спонтанный анархистский характер, когда затрагивались интересы молодёжи. Некоторые выступления являлись, например, ответом на увеличение нарядов полицейских при проведении демонстраций и особенно при насильственном выселении устраивающих общества взаимопомощи и общежития сквоттеров из пустующих домов [294, с. 25–30].

В июне 1980 г. во Фрайбурге на выселение 400 сквоттеров было отправлено 1200 полицейских. 13 декабря в Западном Берлине, в районе Кройцберг произошла 12-часовая стычка студентов с полицией. Всё началось с того, что полиция начала изгонять студентов из занятых ими пустующих домов, которые молодёжь ремонтировала для себя. Сначала студенты устроили демонстрацию против выселения, но затем, закрыв лица, стали бить витрины, кидать в полицейских бутылки, обстреливать полицию камнями из катапульт. В результате столкновения было ранено 79 полицейских и 150 студентов. В 1980 г. столкновения с разгромом витрин происходили и в других районах Западного Берлина, в рабочем квартале Гамбурга Альтоне. В Гёттингене была совершена неудавшаяся попытка поджога двух универмагов. В цен-

тре Ганновера сломали полицейскую машину и разграбили магазины (294, с. 24). В Гёттингене собралось 300 молодых людей из Бремена, Цюриха, Амстердама и Ганновера, чтобы обсудить молодёжное движение. В Амстердаме перешли от спокойных захватов пустующих домов к насильственным, а в Цюрихе возник самоуправляющийся молодёжный центр для уличных боёв. В Западном Берлине, Гамбурге и других городах беспорядки стали устраивать любители рока, «панки» (гнилушки, пустышки, эгоистически настроенные юнцы) и фрики, отвечающие насилием на «насилие» со стороны бюрократии, буржуазных институтов и государства. Во Фрайбурге и Кёльне молодёжь захватила ряд земельных участков. В Бонне и Бремене молодёжь устроила побоища из-за призыва в армию. Вечером в один из декабрьских дней 1980 г. владельцы домов, надевши шлемы и вооружившись дубинками решили изгнать сквоттеров из дома № 18a/18b на Адмиральштрассе в Западном Берлине. Сотня недовольных граждан стала кидать в хозяев камни, а затем и в появившиеся полицейские машины, затем построили баррикады, начали строить баррикаду и на Мариненштрассе. Полиция применила против граждан слезоточивый газ, затем начала стрелять. Против собравшихся в двух пивных у Коттбусерских ворот применили слезоточивый газ. Возбуждённая молодёжь начала буйствовать, разграбила супермаркет «Альди». В полночь полиция уже набила 2 полицейских автобуса арестованными. Были раненые. Одному 26-летнему парню сломали обе ноги, раздробив бедро. В декабре же произошло столкновение 500 демонстрантов с 350 полицейскими. Через пару дней сквоттеры с Адмиральштрассе и сочувствующие им двойным кольцом штурмовали Курфюрстендам. Вечером на следующий день 1500 человек скандировали полицейским: «Быков в стойло, не будет бойни!». Было сломано 50 полицейских машин, 17 — побито камнями, разбито множество витрин [294, с. 23–25, 31–32].

Такого рода спонтанно анархистские выступления в русле движения новых левых происходят порой и в наше время. Несмотря на то, что многие левые (и особенно их лидеры) отчасти руководствовались идеями кого-либо из левых социо-философов (подробнее см. 115), нередко превратно понимая его идеи, в целом для них весьма характерны спонтанеизм и атеоретизм.

Новые демократические движения

Однако всё чаще и чаще участники социально-политических выступлений действуют сообща, выдвигая свои требования, которые нередко превращаются в программы, и даже создавая свои партии, лидеры которых прекрасно знакомы с социальной теорией и сами пополняют её. Среди их идеологов обозначились и консерваторы и либералы и социалисты.

Одним из последних можно назвать левого социалиста Андре Горца (псевдоним экзистенциального философа Герхарда Хирша). Осуждая

капитализм за неравенство и несправедливость, Горц предупреждал и об опасности экономического роста, вызывающего сверхпотребление и ведущего к истощению природных ресурсов и порче природной среды. «Общественная собственность» (которой он по ошибке называет государственную собственность) на средства производства, по его мнению, через центральные органы планирования и распределения не изменяет их антигуманного характера. Осуждая и бюрократию, которая глушит инициативу людей, стремящихся изменить жизнь к лучшему, Горц выступал за самоуправление, за своеобразие жизни в каждом квартале и каждой коммуне, что возможно в социалистическом обществе, к которому призывают левые социалисты. Только тогда граждане смогут иметь всё необходимое и делать то, что хочется, и компетенция «служащих» (интеллигенции) будет полностью использована. Тогда будет можно отказаться и от сверхпотребления, коллективно пользуясь внутри коммун транспортом, общими залами, детскими комнатами, прачечными и некоторыми вещами. Бороться же за новое общество должны интеллигенция и рабочие [296, с. 15; 308, с. 13–16, 27, 49–50, 68, 162–163, 229–230].

Рассмотрение состава, активности и идеологии социально-политических выступлений граждан позволяет констатировать, что в целом новые социальные движения вступили на новый этап. На втором этапе новых социальных движений, получивших название «новых демократических движений», унаследовавших движение новых левых, выступления приняли более мирные формы. Среди организационных форм новых демократических движений есть политические партии, фракции внутри партий, редакции, союзы, объединения, гражданские инициативы, организации взаимопомощи. Их действия стали носить как опосредованный характер, так демонстративный и даже прямой. Среди прямых действий есть ненасильственные и насильственные действия. Среди них — экологические акции, организация альтернативных форм жизни, женские движения и занятия пустующих домов и другие акции. База новых демократических движений гетерогенна, но специфична и состоит преимущественно из трудящихся, не участвующих в индустриальном производстве, в то время как их противники ориентированы на рост производства. Рашке выделяет среди них носителей новых идей и требований и резонансные группы. Носители задают основную ориентировку движению, конституируясь в партии и союзы, например, в Зелёную партию. Состоящие из симпатизантов резонансные группы поддерживают новые демократические движения периодическим участием, например, на выборах или в конкретных акциях. Их состав близок к составу носителей новых демократических движений. Среди активистов новых демократических движений много студентов и особенно высок процент интеллигенции, имеющей высшее образование и даже людей окончивших ряд вузов или имеющих учёные степени, особенно среди лидеров. Среди лидеров здесь высок процент интеллигенции гуманитарной, занятой в гуманитарных и духовных науках, образовании, медицине, социальных услугах, коммуникациях. Среди

активистов высок процент молодых. Пожилые люди чаще участвуют в Зелёной партии, альтернативной экономике и группах взаимопомощи. Среди симпатизантов значителен процент безработных, маргинализирующихся или могущих подвергнуться маргинализации небогатых крестьян и рабочих невысокой квалификации [294, с. 196; 332, с. 266, 278, 412–421].

Удовлетворение материальных интересов членов современного индустриального общества переместило интересы людей с материальных на нематериальные. Современная экономика с её типом модернизации оказывает отрицательное влияние на процесс труда, на здоровье, на личность. В обществе создаётся нестабильность, увеличивается сегментация, происходит кризис и эрозия личности, разрушится её идентитет. Автономизацию в семье, индивидуализацию интересов в малой группе можно преодолеть через коллективность. Отсюда идея переструктурировать экономику и общество. Трудящиеся за пределами индустриального производства участники новых демократических движений выступают за новые формы жизни, культурную практику, чувства, новые потребности и ценности (особенно братство), самоопределение, сохранение природной среды с богатством всех форм жизни, что вкуче неизбежно ставит вопросы обеспечения равенства и социальной справедливости, требуют изменения экономической системы, устранения системы господства, создания собственных новых общественных структур, которые носят антиэтатистский и антикапиталистический характер. Одним из требований новых демократических движений, выступающих с антикапиталистических и антиэтатистских позиций является создание второго, неформального сектора в экономике, ограничивающего отчуждающий сектор и позволяющего демонтировать существующую систему изнутри. Из разности интересов социально разнородных участников новых демократических движений возникает потребность в создании общей теории, выражающей идею «социального освобождения». Выступая против индустриализма и этатизма, интеллигенция отстаивает и свои собственные интересы, требуя автономии труда и самореализации в труде. При этом новые демократические движения и новые неформальные социальные общности стараются строиться на принципах базисной демократии [332, с. 418–431].

Одним из значительных компонентов новых демократических движений стало альтернативное движение, включающее альтернативные идеи, альтернативные партии и прочие объединения, альтернативный образ жизни, альтернативные издания и т.п., однако наибольший вес приобрели «альтернативные проекты», то есть предприятия построенные на новых принципах функционирования. Среди альтернативных проектов преобладают небольшие предприятия в сфере интеллектуального труда или обслуживания населения. Здесь и ремесленные мастерские и выкупленные у капиталистов небольшие промышленные предприятия, и зоофермы, и земельные коммуны, и общежития, и сети самопомощи, и различные агентства, преимущественно для обслуживания культурных запросов населения, и книжные лавки, и издатель-

ства, и эко-банки, и научные и юридические консультации и т.п. В 1980 г. в ФРГ альтернативные предприятия в сфере услуг составляли 70% от их общего числа, 18% были заняты пропагандой альтернативных идей и лишь 12% составляли производственные предприятия. Например, в 1980 г. в ФРГ издавалось около 400 альтернативных листовок общим тиражом в 200 тыс. экземпляров. Некоторые альтернативные предприятия — экологические, то есть заняты выпуском необходимой людям продукции, не отягощающей природу, например, велосипедов, приспособлений для инвалидов, медицинских приборов и т.п. [295, с. 26, 50; 322, с. 9–10; 337, 223]. К альтернативным обычно относят и предприятия, предназначавшиеся хозяевами для закрытия, но занятые трудящимися и продолжающие работу на альтернативных принципах демократического хозяйствования.

Только в Западном Берлине в 1980 г. было около 600 самоуправляющихся ремесленных мастерских, комбинатов бытового обслуживания и прочих производственных коллективов. В июне там был создан зарегистрированный союз «Фабрика культуры, спорта и ремесла», объединивший 350 врачей, ремесленников, художников, учителей и рабочих, которые хотят противопоставить капиталистическому рынку «Народный дом». Специалисты предполагали, что тогда число альтернативных в Западном Берлине достигало 100 тыс. В США в конце 70-х гг. было около 2 тыс. альтернативных предприятий. В 1983 г. в ФРГ существовало 10–12 тыс. альтернативных проектов, где было занято около 100 тыс. человек. В середине 80-х гг. в ФРГ насчитывалось уже более 40 тыс. альтернативных предприятий, где работало уже чуть менее 1% всех занятых, в США — 300–400 тыс. альтернативных проектов. По некоторым подсчётам на альтернативных предприятиях ФРГ в 1985 г. на труд тратилось 3,6 млрд. рабочих часов, в то время как в формальном секторе экономики производство занимало 43,3 млрд. рабочих часов [65, с. 98; 159, с. 79; 295, с. 26–27; 317, с. 9; 344, с. 240].

Действуя в условиях капиталистических отношений альтернативные проекты обычно испытывают трудности с кредитованием, в котором часто отказывают банки из-за ненадёжности возвращения банковского процента и неопределённости юридической принадлежности коллективного предприятия. Во Франции самоуправляемые предприятия с коллективным руководством были признаны законом только 29 ноября 2010 г. По этой причине альтернативные стали создавать эко-банки, «народные банки», сети самопомощи, ссудные товарищества, которые кооперируются для финансирования друг друга и ссужения средств производства, находящихся в общей собственности предприятий. Иногда альтернативным предприятиям удаётся объединиться и создать общие органы управления. Например, гамбургская сеть альтернативных мастерских уже в середине 80-х гг. имела бюро и совет, обладавшие определёнными средствами, группу бухгалтеров и советников по проектам, группу финансирования новшеств, фонд кредитования первоначальных коллективов, формирование из учёных на случай «аварии» и группу строителей с акционерным капиталом, контролируруемую аль-

тернативными держателями. Число таких предприятий растёт. Однако правительства капиталистических стран всячески препятствуют работе предприятий, отвергающих товарные отношения, и многим из них всё-таки приходится вписываться в рынок, изменять доли совладельцев, дифференцировать социальный статус внутри предприятий [17, с. 55; 162, с. 78; 321, с. 3; 352, 249, 259–261; см. также: 319].

Отношения между работающими на альтернативных предприятиях молодыми интеллигентами или бывшими безработными, строящиеся на принципах коллективизма и взаимопомощи, воспринимаются ими как «революционизация будней». Там нет хозяев, директоров и администраторов, управление — коллективное: все важнейшие проблемы решаются на общих собраниях. Временно избранные руководители (роль которых как правило выполняют по принуждению) выполняют лишь текущие задачи. Все сотрудники являются сособственниками в равных долях. Распределение либо уравнилельное, либо по труду. Вместе с тем, труд на промышленных альтернативных предприятиях — нелёгкий, продолжительный, заработки низкие, но их может и не быть, если у работников есть иные источники доходов. Продукция только 7% альтернативных промышленных предприятий находит сбыт на рынке, 60–65% распределяют её среди своих кредиторов, помощников и прежде всего среди нуждающихся в этой продукции. Обычно альтернативные не могут обойтись без субсидий со стороны сочувствующих [65, с. 99–100; 322, с. 10]. Процветают лишь отдельные предприятия, главным образом в непроизводственной сфере.

Самым массовым среди новых демократических движений стало движение защитников окружающей среды (или как они сами называют себя движение «зелёных»). Зелёные возникли в результате краха новых левых. Их поддерживают не только люди, выступающие за защиту окружающей среды, но защитники мира, создатели соседских общин, сторонники альтернативных культур, люди с левыми (в том числе и марксистскими) взглядами, молодые квази-анархисты, спонтанно принимающие участие в экстремистских акциях, консервативно настроенные старики, феминистки и многие другие. Социальная база зелёных — студенты, молодые рабочие, интеллигенция, безработные. Разнообразие тематики позволяет зелёным представлять себе необходимые действия, нацеленные на будущее. Они осуществляют двоякую политику: через выборы в парламент они проводят реформы, а через акции протеста прямо выражают свои интересы. В движении зелёных отразились 3 тенденции современного капиталистического общества: глобальный кризис капитализма, движение за мир, противостоящее стремлению США сохранить свою гегемонию в Западной Европе, и склероз костной бюрократической партийной системы, которая уже не представляет интересы граждан и неспособна ими управлять. Оппозицию милитаризму зелёные поняли глубже как оппозицию самому буржуазному государству и сосредоточились главным образом на антиядерном движении. Они выступают также за ненасилие, против бюрократии. Идеология зелёных это — нелёгкий сплав марксизма, экологического

радикализма, феминизма, нового лефтизма и выражения альтернативной культуры, но, главное, что они руководствуются совершенно новым набором ценностей, отличных от либеральных или традиционно «социалистических» [287, с. 8–9, 11, 16; 331, с. 19].

Зелёное движение практически началось в конце 50-х гг., а в 1960 г. уже оформилось в ФРГ на съезде в Хагене в Зелёную партию. Впервые швейцарец Даниель Брелаз был выбран в парламент в 1979 г., в 1983 г. в западногерманский бундестаг было избрано уже 28 зелёных, а к концу 80-х гг. зелёные были депутатами парламентов уже 11 стран [331, с. 11]. Ежегодные съезды Зелёной партии постоянно принимали новые программы, включавшие поправки и дополнения. Одной из наиболее радикальных программ была зиндельфингенская программа.

Зиндельфингенская 1983 г. программа Зелёной партии ФРГ нацеливала на борьбу за экономику без корпораций, банков и частной собственности, предлагала децентрализацию, расширение рабочего контроля, увеличение инвестиций на защиту природы, сокращение рабочей недели до 35 часов для борьбы с безработицей. Программа требовала фундаментальных социальных изменений: полного разрыва с индустриальной системой и реорганизации общества на «новых формах производства», на новых социальных приоритетах, на соблюдении экологического равновесия, на самоуправлении, начиная со всех первичных организаций, ликвидации военного комплекса и переброски военных расходов (составляющих 3% ВВП) в экономику, прекращения эксплуатации стран 3-го мира. Экологическая часть программы нацеливала на борьбу с загрязнениями воды, обуздания радиации, восстановления разрушенных сельскохозяйственных районов, расширения жизненного пространства, обеспечения здоровья, безопасности занятий и демократизации службы здоровья [287, с. 14].

Для демократической интеллигенции, составляющей главную базу зелёной партии характерно рассмотрение окружающей человечество среды как среды природной и среды социальной, требующих как гармонизации общества с природной средой, так и отношений каждого конкретного индивида со средой общественной, которая со своей стороны также требует мелиоративных социальных изменений. При этом зелёные прекрасно осознают, что решение экологических проблем возможно лишь в том обществе, которое и заинтересовано в решении природных проблем, и имеет возможность их решать, поэтому современное общество требует глубоких изменений.

По отношению к природе консервативно и отчасти либерально настроенные зелёные руководствуются «экологическим гуманизмом», приравнивающим людей ко всем другим видам живых существ, но в силу наличия у людей разума налагающим на них ответственность за экологический кризис и для предотвращения экологической катастрофы требующим обрести «экологическое сознание», основанное на научных знаниях об окружающей среде, «установить мир с природой» и восстановить экологическое равновесие,строив экономику в круорооборот веществ в природе, и гуманизировать отношения между людьми

и со всеми видами живущих, почти не касаясь изменений социальной среды.

Социально-экономическим концепциям всех зеленых (но более других эко-консервативным и эко-либералам) в той или иной степени свойствен «романтический консерватизм». Их романтизм заключается в стремлении гармонизировать отношения между людьми и людей с природой, сделав жизнь более приятной и красивой за счет восстановления первозданных пейзажей, обеспечения людей красивыми и долговечными вещами, за счет сокращения интереса в материальных ценностях в пользу развития и удовлетворения потребностей духовных. Опасаясь перерастания экономического, демографического и особенно экологического кризиса во всесторонний кризис и в катастрофу, эко-консерваторы полагают, что индустриальная система с неограниченным ростом производства и потребления — главная угроза существованию человечества. Они считают, что экологический императив требует натурализации хозяйства, для чего нужно вернуться назад к природе. Для этого предлагается оценка состояния природной среды и контроль за ней. Согласно консервативной экономической программе предполагается сокращение объема производства и материального потребления, вплоть до отказа от введения новой техники и частичного возврата к ручному производству, создающему более красивые и долговечные вещи. Другое предложение эко-консервативных — демократический контроль за новой техникой со стороны не только производителей, но и потребителей, отвергающий технику, технологии и продукты (особенно сельскохозяйственного) производства, нагружающие природу и опасные для людей. Ещё одно предложение — превращение местных сообществ в подобие общин, обеспечивающих себя продуктами промышленного и сельскохозяйственного производства, иногда прямо апеллируя к «более духовным» первобытностям.

Эко-либеральная концепция также как и эко-консервативная предусматривает контроль за состоянием природной среды и даже предлагает вывести его на международный уровень. Она также предполагает улучшение качества жизни за счёт сокращения потребления и сырья, и энергии в производстве и продукции в личном потреблении. Однако ограничение потребления не тождественно ограничению потребностей, поскольку концепция предполагает различать реальные нужды и обоснованные желания, выдаваемые за потребности. Более того, предлагается переориентация всего производства с меновых стоимостей на потребительные ценности. Именно крупный капитал, всеми путями стремящийся к увеличению прибыли и постоянно увеличивающий производство, эко-либералы считают главным виновником ухудшения экологии. Эко-либералы также предлагают возвращаться к доиндустриальным способам производства и доиндустриальным формам жизни, но более надеяться на снижение уровня производства за счёт разукрупнения предприятий, поскольку производство на мелких предприятиях станет легче контролировать. Для контроля производства они предлагают ещё и его децентрализацию и демократизацию его управления, к которо-

му должны подключиться и потребители. Кроме того, демократизация нужна и для обязательного применения научных знаний в экологической и экономической политике.

Идея «базисной демократии», определяющая сущность социально-политической деятельности была выдвинута зелёными ФРГ, но свойственна большинству европейских защитников окружающей среды и многим зелёным по всему миру. Базисная демократия, как идущая снизу, противопоставляется ими современной представительной демократии, как «мнимой демократии», насильно навязываемой сверху бюрократическими и тоталитарными структурами. Новая демократическая политика, по мнению участников зелёного движения, прежде всего должна опираться на базис. Под базисом понимаются «гражданские инициативы» по защите окружающей среды, местные сообщества или первичные организации зелёных партий. «Опора на базис» предполагает необходимость исходить из требований базиса и руководствоваться одобрением базиса. Кроме того, базис должен сохранять контроль за деятельностью созданных им институтов, избранного им руководства и всех, выбранных им в местные органы власти, в парламент, правительство и т.п., включая контроль за назначением на должности, за уровнем оплаты их деятельности, вплоть до сменяемости избранных лиц. Со своей стороны держатели должностей обязаны быть доступными для избирателей, предоставлять им право на выступления и высказывание предложений и критики. Более того, принцип «императивного мандата» требует от депутата, руководителя или чиновника руководствоваться в своей деятельности не собственными желаниями, а прежде всего — наказом базиса, отражающего его нужды и пожелания. Отрыву от базиса не позволяет и (переставший теперь быть обязательным) принцип «частичной ротации», требующий периодического обновления части руководства, депутатов и держателей каких-либо иных должностей. К демократическим принципам относится также принцип «квотирования», предписывающий избирать в руководство и на должности 50% женщин.

К принятию решений идеологи зеленых требуют подходить наиболее демократическим путем. Когда сталкиваются интересы и развёртывается дискуссия, в ней должны принять участие не только руководители, активисты гражданских инициатив или специалисты в рассматриваемой проблеме, но все «заинтересованные лица», и, даже когда большинство готово голосовать за конкретное решение, зелёные, руководствуются принципом «согласия меньшинства», стремясь либо убедить меньшинство в правоте большинства, либо учесть его интересы в принимаемом решении. Наконец, в политике предлагается придерживаться принципа «свободы от насилия», т.е. бороться за улучшение среды мирным путём, что не исключает использования социального сопротивления, права на самооборону и ответа насилием на насилие в случае сознательного отстаивания обоснованной позиции.

Принципы базисной демократии зеленые стараются проводить не только внутри партий, но считают необходимым положить ее в осно-

ву политического устройства общества. Вместо общества с централизованной властью они предлагают создавать небольшие автономные самообеспечивающиеся местные сообщества с небольшими контролируемые гражданами предприятиями. В этих сообществах политическое руководство должны осуществлять местные советы — периодически обновляемые собрания представителей, которые обязаны осуществлять главным образом контроль и регуляцию внутренней жизни. Местные сообщества могут избирать своих представителей, делегирующих интересы избирателей в советах провинциальных объединений, основанных на федеративных началах. Далее можно выбирать национальные (на уровне государств) представительства, региональные, континентальные и мировую администрацию, которая сможет и лучше защитить природу, осуществляя мониторинг находящихся в международной собственности природных объектов, консервацию ресурсов, санацию среды и даже планирование потребностей. И хотя конфедеративное объединение сохранит самостоятельность государств, экологический императив требует объединения всего мира (Приблизительно за такое же политическое устройство выступают и «левые коммунисты» ряда западных стран.).

Немного далее в футурологических прогнозах и предложениях продвинулись эко-социологи из числа эко-социалистов, которые считают, что современное общество (и в капиталистическом и в «социалистическом» варианте), эксплуатируя природу и человека, очутилось в кризисе, что требует в ближайшее время перехода к новой модели культуры и новой формации общества. В то время как индустриальная идеология людей, обладающих экономической властью, нацеливает людей на погоню за прибылью и богатством, добываемым ради потребительства, неумеренного у богатых и ограниченного у бедных, а бюрократия поддерживает социальную несправедливость, и ради этих целей растрачиваются производительные силы людей и природы, эко-социалисты предлагают новое экологическое сознание, направленное на самореализацию каждой конкретной независимой от прежней иерархической системы личности в неограниченном образовании, в удовлетворяющем интересы творческом труде, создающем разумную продукцию, удовлетворяющую духовные и материальные потребности. Для этого вместо товаров, выпускаемых ради меновой стоимости, будут выпускаться «разумные» продукты, обладающие потребительной ценностью, исходя из потребностей конкретных людей. Отчасти опираясь на классический марксизм, экологический социализм предлагает его развитие или выход за рамки марксизма. Он выступает за ненасильственное изменение общества, через реформы или мирную революцию, хотя и не исключает и возможность народного взрыва в случае продолжения политики, разрушающей среду. Однако субъектами кардинальных изменений он считает не рабочих, а новые социальные движения (большую часть участников которых составляет молодая демократическая интеллигенция), а рабочих, женские движения, и всех желающих разрешить «общечеловеческие проблемы», невзирая на классовую принадлежность, считает их союзниками.

В отличие от более правых эко-социалисты не стремятся повернуть общественное развитие назад и выступают за «высший» прогресс, опирающийся на науку и развивающуюся технику, но технику, дружественную природе и человеку, причем в новом эко-социалистическом обществе не должно быть государства и рынка, в том числе и рынка рабочей силы. Производительные силы должны стать гуманными по отношению к природе и человеку, труд — не изнурительным, непродолжительным (чтобы не было безработицы и было время на самоусовершенствование) и интересным. Тогда целью экономики будет уже не увеличение богатства, а создание потребительных ценностей для удовлетворения потребностей (прежде всего духовных, а также материальных, ставших более качественными) всех членов общества. При этом значительная часть потребностей будет удовлетворяться непосредственно на предприятии и внутри территориальных сообществ. Вообще же, по мнению части эко-социалистов, экономика должна состоять из двух секторов. Один из них — «формальный» будет удовлетворять общественные потребности, другой, «неформальный» (внутри местного сообщества) — личные. Некоторые считают, что к неформальному сектору можно отнести современные альтернативные предприятия, производящие потребительные ценности, минуя рынок, но большинство указывает, что несмотря на новые отношения внутри альтернативных предприятий, внешнее капиталистическое окружение не позволяет им обходиться без покрытия издержек, заработков, кредитов и т.п., что делает их лишь промежуточным сектором между формальным и неформальным, и лишь позднее неформальный сектор вырастет из альтернативного и станет в новом обществе главным, потому что именно в местном секторе будут производиться предметы потребления, предназначенные для конкретных людей. В обоих секторах необходима кооперация производителей и потребителей (и такие кооперативы уже существуют.), что будет способствовать более полному удовлетворению потребностей, улучшению качества товаров, личной заинтересованности в труде и раскрытию творческих способностей. Тогда самоцелью станет труд, а не его оплата.

Форма собственности на предприятиях, по мнению многих эко-социалистов, большого значения не имеет, хотя на крупных предприятиях нужна общественная собственность, в то время как на мелких предприятиях, работающих на удовлетворение потребностей людей, возможна муниципальная, профсоюзная, кооперативная, частная или какая-либо иная собственность. Главное это — удовлетворение потребностей товарами и услугами из общественных фондов (обеспечивающее всем по крайней мере прожиточный минимум) и кроме того на местах, а для этого требуется контроль за использованием собственности в интересах населения и народный контроль за самим производством. Необходимо также и планирование материального производства, исходя из потребностей людей, восстановления природных объектов и т.д. также под контролем трудящихся. Кроме того необходимо, чтобы предприятия были автономны, и управление ими было демократическим, а лучше управлять, планировать и контролировать производство

на децентрализованных мелких предприятиях. Это позволит постепенно избавиться от вредной для здоровья изнуряющей и разрушающей природу техники, сделать труд более гуманным и разнообразным, потому что и в промышленности, и в сельском хозяйстве при этих условиях станет возможной ротация видов труда. Ещё лучше, если эти предприятия образуют свободные ассоциации трудящихся. Тогда трудиться на них будут коллективно, осмысленно, по способностям, с интересом и творчески, получая удовлетворение от труда и принося пользу другим.

Кроме того жить люди будут в обозримых традиционных (например, составляющих административные единицы) территориальных сообществах, соответствующих относительно обособленным и замкнутым эко-системам, где легче соблюдать берегающие труд экологические технологии. Внутри подобного сообщества благодаря частичной коллективизации собственности возможно будет сохранять естественные ландшафты, леса, сады, устраивать заповедники. В сельской местности будут развиваться городские удобства, а сообщества внутри города по экологическим условиям приблизятся к деревне. Такое соразмерное экологическое сообщество само сумеет обеспечить себя необходимой провизией, предоставить здоровый досуг каждому члену для разностороннего саморазвития, тем более, что внутри сообщества существует самоуправление, и все жизненноважные вопросы решаются на ассамблее всех граждан сообщества, хотя подготовить решение для голосования могут эксперты. Вместе с тем, повседневная регуляция жизни сообщества (например, планирование, исходящее из потребностей производства) может осуществляться советом, коллегией, комиссией, группой специалистов, экспертов, специально уполномоченных членами сообщества для рассмотрения их предложений и даже частичного принятия решений, но каждый сможет принимать участие в контроле за планированием, финансированием, производительностью, производством и распределением продуктов и в смене любого временного администратора. Поскольку помимо местных проблем существуют и общие, и, прежде всего, это экологические проблемы, требующие восстановления природы, отказа от вредных технологий, вопросы использования невозможных источников энергии, а также её распределения, местные сообщества должны координировать свою жизнедеятельность на региональном, национальном и прочих уровнях, вплоть до мирового. При этом даже на национальном уровне должно сохраняться самоуправление без государственных и властных структур, но через представителей сообществ и регионов, которым делегированы определённые полномочия. В соответствии с ними подотчётные гражданам делегаты действуют в рамках полученной компетенции: администрируют и координируют действия регионов и сообществ, не обладая по отношению к ним законодательной властью. Участие каждого в принятии жизненноважных решений сохраняется. Решения, принятые на мировом уровне, являются лишь рекомендательными для государств, сохраняющих полный суверенитет [134, с. 110–117].

В конкретных выступлениях, программах и идеологии новых социальных движений выразились интересы интеллигенции как самого большого и передового класса [см. 128], а, следовательно, и интересы подавляющего большинства членов индустриального общества. Эти интересы направлены на коренные изменения общественных отношений структур, из которых вырисовываются контуры нового общества.

Глава 4

НАШЕ БУДУЩЕЕ — ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ

Как видно из рассмотрения состояния передовых современных индустриальных обществ, новых демократических движений, требующих коренной перестройки общественных систем, и нацеленных в будущее социальных концепций, мы стоим на пороге новой общественной структуры. Действительно, индустриальный способ производства выполнил свою историческую роль, обеспечив материальные потребности человечества в жилище, одежде, предметах быта и других вещах. Лишь с помощью рекламы и разжигания неуёмных appetitов, производителям удаётся привлекать интерес к новым вещам, отнюдь не являющимся предметами необходимости для человека. Вместе с тем, природа постоянно пытается показать, что дальнейшее уничтожение ресурсов, растительности и животного мира ведёт к невосполнимым потерям, превращая землю в полупустыню и помойку, непригодную не только для флоры и фауны, но и для самих уродующих её людей.

Если современное сельское хозяйство способно накормить человечество, а промышленность обеспечить его быт, следовательно перед человечеством стоит новая задача, а, именно, обеспечения достойной человека и всего живого населения земли жизни. По этой причине всё большее и большее количество людей мечтает уже не о материальном благополучии (которое уже обеспечено), а об интересной и полезной для человечества и всего живого жизни. Ещё исследования, проведённые в 70-х гг. американским социологом Рональдом Инглхартом, показали, что тогдашнее молодое поколение в отличие от поколения отцов, которые считали главными такие материальные ценности как постоянный заработок и материальный достаток, уже больше стремилось к духовным ценностям, желая выполнять интересную работу и приносить пользу обществу [316, с. 505–533]. К сожалению, Инглхарту не удалось заметить простой закономерности, что исследованное им старшее поколение было представлено главным образом рабочими, а молодое — интеллигенцией. Теперь, исходя из новых ценностей, передовая часть интеллигенции понимает, что требуется не только изменение основополагающих общественных отношений и коренная перестройка всей общественной системы и требуется не только производство мате-

риальных благ, но и производство общественных благ, способствующих развитию здоровых, интеллектуально развитых гуманных по отношению к живой и неживой природе людей и гуманных товарищеских общественных отношений.

Исходя из рассмотренного материала становится понятным, что в новом обществе, которое сменит отживающее последние годы индустриальное общество, на первое место должно выйти не материальное, а интеллектуальное производство, нацеленное на расширенное воспроизводство передовой личности. Это требует совершенствования системы воспитания, которая помимо семейного воспитания должна носить и общественный характер, благодаря использованию труда высокообразованных педагогов и психологов. Столь же необходимо и усовершенствование системы образования, доступной каждому на всех уровнях, вплоть до докторантуры, и обеспечивающей самыми передовыми знаниями, благодаря доступу обучающегося к любой информации. Вспомнив древнюю латинскую поговорку, что «в здоровом теле — здоровый дух», совершенно необходимо всячески развивать и совершенствовать медицину и систему физического воспитания, создавая также здоровую и благоприятную окружающую природную и социальную среду. Производство высоко духовной личности требует также развития и доступности для каждого члена общества всех сфер культуры, в том числе и понимаемой в узком значении слова как литература, искусство, музыка.

Удовлетворение материальных и, особенно, духовных потребностей личности будет постоянно требовать пополнения культурного фонда общества и рождать новые потребности. Постоянно возрастающие потребности будут всё более и более требовать познания мира и его изменения для удовлетворения новых потребностей. Само познание вселенной уже превратилось в потребность и привело огромное количество передовых людей к осознанию ответственности перед животным и растительным миром за сохранение уникальности живой и неживой природы, необходимых для продолжения жизни, и требования комплексного решения экологических проблем всеми заинтересованными в их разрешении лицами разных специальностей.

Важнейшей потребностью современного человека становится данная от природы и развиваемая образованием потребность в творческом труде, поэтому в новом обществе основными производительными силами будут люди с их способностями, знаниями и навыками, а их главной производительной силой станут знания. Основной сферой экономики несомненно станет производство идей, важными из которых будут творческие новации или новые знания, которые в свою очередь станут для их потребителей их новыми производительными силами. По этой причине будущее общество вернее всего было бы назвать «интеллектуальным обществом» [см. 132], а производственные отношения нового общества потребуют сочетания личной заинтересованности в труде (и самореализации человека в творческом труде) с общественной полезностью результатов труда, что в свою очередь потребует коллективизма, сотрудничества и взаимопомощи.

Предприятия интеллектуального (особенно творческого) труда требуют добровольной самоорганизации людей в ассоциации, обеспечивающие свободный творческий труд, превращающийся из жизненной необходимости в потребность и носящий всеобщий характер. Всеобщий характер творческого интеллектуального труда заключается в том, что его результаты, то есть продукты труда носят инновативный характер и предназначены не для конкретных людей, но для всего общества или даже для всего человечества. Администрирование и планирование во времени препятствуют творчеству в труде, поскольку творческая личность прямо заинтересована в достижении результата и скорейшем использовании научного открытия, изобретения, разработки и т.п., а также в доставляющем удовлетворение самом процессе творческого труда, который уже является мотивацией и стимулом работы. Выбор темы труда должен принадлежать самому трудящемуся, который, как правило, лучше других знает свои возможности. К тому же, работа из-под палки лишает её творческой заинтересованности и тормозит её, поскольку остаётся неудовлетворение от препятствия в использовании творческих способностей высококвалифицированного трудящегося. Вместе с тем общество, исходя из общественных потребностей, может и должно предлагать тематику творческим коллективам, которые оставляют за своими сотрудниками право выбора из предложенных тем, а также право самим трудящимся предлагать темы исследований и разработок. Это не означает, что результаты интеллектуального труда могут оставаться отрицательными. Творческий коллектив, ассоциация (учёных, изобретателей, экспериментаторов и т.п.) и общество несомненно должны оценить результаты и поощрить или наказать трудящегося в зависимости от успеха или неуспеха. Наказание может вылиться в направление неудачника в помощники разработчику другой темы или даже во временном переводе на примитивную (возможно и на физическую) работу.

Такого рода подход к творческому труду не является плодом фантазии или безосновательным предположением, но уже осуществляется в творческих научных коллективах, например, в американской компании «Рэнд-корпорешн». Сотрудники этой организации сами выбирают тематику своих личных исследований из тем, предлагаемых государственными или частными организациями, конкретными лицами или из задуманного самим учёным. Единственным условием их работы является требование, чтобы результат любого исследования отвечал интересам Соединённых Штатов [219, с. 174].

Всеобщий характер интеллектуального труда проявляется не только в том, что его результаты: новые идеи, созданные в сфере воспроизводства человека, познания окружающей природной и социальной среды или производства духовных благ, — предназначаются для потребления их всеми членами общества, и их автор обязан предоставлять их в форме информации любому нуждающемуся в них. Для того, чтобы эти идеи можно было потреблять, они должны быть материализованы в форме письма, устного сообщения, зрительных образов, в мимике, жестах или

иной символике, понятной потребителям [см. 131, с. 413–414], и стать известными не ограниченному кругу людей, но войти в форме информации в культурный фонд общества, что позволяет удовлетворять как непосредственный, так и отложенный спрос на них со стороны любого члена общества. Действительно, без инноваций невозможно ни развитие науки, ни изобретательства, ни образования, ни медицины, ни педагогики, ни культуры, ни искусства. Особенностью продуктов интеллектуального труда в отличие от материальных предметов является то (как одним из первых заметил экономист А.В. Селивёрстов), что информацию о них можно извлекать из культурного фонда бесконечное число раз, пока они не будут заменены более совершенными идеями. Несомненно, что необходимость в инновациях (и в знаниях, вообще) требует обеспечения доступа к ним всех нуждающихся, и, следовательно, требует установления на них только общественной собственности, потому что все иные формы собственности так или иначе будут тормозить доступ к информации и развитие общества.

Таким образом из процесса производства идей исчезает их обмен. Для получения их не требуется рынок, а, следовательно, их продажа, купля и деньги. Ещё одна особенность продуктов интеллектуального труда — невозможность их стоимостной оценки (Никто не способен сказать сколько стоит «Капитанская дочка» А.С. Пушкина или Первый концерт для фортепьяно с оркестром П.И. Чайковского.). Отношения, формирующиеся в основной сфере производства, производстве идей, постепенно станут вытеснять товарно-денежные отношения и в других сферах производства: в промышленном и сельскохозяйственном производстве, что постепенно приведёт к переходу и всех остальных средств производства в общественную собственность. Неподдаётся оценке окружающая человека природная среда с её невосполнимыми ресурсами, благоприятная социальная среда и т.п. К тому же невозможна эквивалентная денежная оценка и таких продуктов общественного потребления как известия о событиях, знакомство с предметами искусства, как красивый ландшафт, чистый воздух.

В последние годы существования Советского Союза были созданы научно-производственные ассоциации, где наука совмещалась с промышленным производством. Однако главенствующим учреждением в таком объединении было промышленное предприятие. Такая трудовая деятельность реально не выходила за рамки индустриального производства, а наука фактически превращалась в служанку промышленности, которая лишь выполняла задание менее квалифицированных, чем учёные и конструкторы, индустриальных бюрократов. Раскрыть потенциал научных сотрудников таким образом было возможно лишь иногда и лишь отчасти. В лучшем положении были лишь сельскохозяйственные НИИ, обладающие опытными полями и животноводческими фермами. Всё производство, конечной целью которого являются новые материальные продукты, должно строиться по рациональной схеме: фундаментальное научное открытие → утилизация фундаментального открытия прикладной наукой → конструирование материального блага

→ изготовление и испытание опытного образца → внедрение испытанного материального изделия в производство. Таким образом, разработка новых продуктов материального производства должна осуществляться внутри научно-производственного объединения во главе с научной организацией, которой подчинено опытное производство.

Производство традиционных материальных продуктов как в промышленности, так и в сельском хозяйстве в интеллектуальном обществе возможно и необходимо вести согласно плану, исходя из потребностей каждого члена общества и возможностей производства. Рассчитав сколько и каких продуктов приходится на каждого человека, полученные результаты можно сопоставить с результатами общенародного социологического опроса (не исключая возможности квотных, стратифицированных и прочих выборок), исходящего из желаний граждан. В зависимости от запросов, возможно увеличить или сократить производство тех или иных продуктов, для чего может потребоваться увеличение или сокращение объёмов производства, введение новой техники или строительство новых предприятий. При этом плановые органы также должны строиться на добровольной основе и работать по общественному заказу, а вырабатываемые ими планы должны первоначально носить индикативный характер и лишь в случае общественной необходимости превращаться в обязательные к исполнению.

Необходимым условием материального производства должно стать сохранение и даже улучшение благоприятных для жизни природных условий. Основными предметами труда должны быть восполнимые природные материалы. Любое производство должно быть максимально приближено к безотходному. Особенно это касается невозполнимых источников производства, которые должны расходоваться предельно экономно и постепенно заменяться восполнимыми источниками энергии и материалами.

После установления единой собственности на средства производства предприятия, созданные ассоциациями производителей, смогут получить средства производства от общества во владение с условием производить только запланированную обществом продукцию. Всё материальное производство может быть размещено по территории так, чтобы оно полностью удовлетворяло местные потребности в продуктах первой необходимости.

Все традиционно изготавливаемые продукты, производство которых обусловлено возможностями производства, можно будет распределять среди населения в соответствии с его потребностями и лимитом, обусловленным делением количества произведённых продуктов на душу населения. Потребности производства в средствах труда и предметах труда также должны распределяться между предприятиями согласно их потребностям. Единственным источником удовлетворения потребностей как личности, так и производства станут фонды общественного потребления строго распределяемые на местный уровень. Новые продукты, количество которых недостаточно для удовлетворения потребностей всех желающих могут распределяться по очереди в зависимости

от общей оценки степени потребности внутри трудовых коллективов или местных сообществ.

Уже экономическое равенство и экономическая свобода способствуют обеспечению принципа социального равенства. Кроме того, равенство возможности получения образования любого уровня и доступ к любой информации позволяют каждому гражданину понимать стоящие перед обществом проблемы и ликвидировать разделение труда на управленческий и исполнительный, что означает социальное равенство всех граждан вне зависимости от пола и возраста, стирающее все прежние классовые, кастовые и сословные различия и исключающие вертикальную социальную дифференциацию и вертикальную социальную мобильность. Напротив, горизонтальная социальная мобильность, позволяющая вхождение в любую социальную общность, становится неограниченной. Каждый член общества получает возможность пространственного перемещения, проживания в городской или сельской местности, получения образования любого уровня и выбора работы по своему усмотрению в соответствии со способностями, создания формальных и неформальных групп во всех сферах общества и участия в них, выражения своего мнения в опросах любого уровня и средствах массовой информации, обладает всеми демократическими правами.

Аппарат государственной власти и всё связанные с ним политические организации и институты становятся в интеллектуальном обществе ненужными. Исчезают и атрибуты государства. Армия нужна до тех пор пока наряду с интеллектуальными обществами будут существовать индустриальные, нуждающиеся в сырье, рынках сбыта, дешёвой рабочей силе и т.п. Полиция уступит своё место милиции, то есть обеспечивающему социальный порядок народу, который по мере необходимости будет выделять временно вооружаемых добровольцев для борьбы с конкретными преступлениями. Ассоциации профессиональных юристов будут по запросам общественных организаций проводить следствия, предъявлять обвинения, защищать обвиняемых и руководить процедурой суда. Суды должны осуществлять временно выбираемые граждане, консультируемые юристами. Уголовное законодательство должно быть отменено. Судить будут «по совести», исходя из степени тяжести преступления и прецедентов. В основу приговора суда будет положен выявленный в ходе следствия состав преступления и потенциальная опасность для членов общества со стороны преступника. Целью наказания за преступление является исправление преступника, поэтому его временная изоляция от общества нужна лишь в том случае, когда он представляет опасность для окружающих. Наказанием за преступление должно быть перевоспитание в общественнополезной работе в трудовом коллективе, по возможности без изоляции совершившего преступление, но под контролем коллег по работе, которые должны иметь право как продлевать и ужесточать наказание, так и отменять его.

Представительная демократия в интеллектуальном обществе сменится прямой демократией. Государственный аппарат будет заменён самоуправлением трудящихся, поскольку образованные граждане смогут

разбираться в социальных процессах и будут обладать опытом самоорганизации. Носителем администрации и лишь временно требуемой власти является только народ. Высшим политическим институтом становится общенародный референдум. Власть в трудовых коллективах принадлежит собранию всех трудящихся. Власть в местных сообществах принадлежит собранию всех граждан местного сообщества. На более высоком уровне производственного объединения или региона высшая власть также должна принадлежать местному референдуму. Второстепенные вопросы могут решаться временными административными комитетами избранных представителей трудовых коллективов или местных сообществ. Принципиальные решения должны обсуждаться на собраниях всеми заинтересованными в конкретном решении лицами и выноситься на региональный (или производственного объединения) референдум. Выносимые на референдумы альтернативы могут готовиться избранными на собраниях группами *ad hoc* (на данный случай). На ещё более высоком уровне (отрасли производства или области) высшая власть также должна принадлежать референдуму. По мере необходимости можно создавать временные группы представителей трудящихся или населения для подготовки вопросов, анализа и обобщения предложений граждан или для подготовки вопросов референдума. Референдум, проводимый в масштабе всей страны, устанавливает основные законы, обязательные для исполнения на её территории. В чрезвычайных обстоятельствах возможны выборы администрации, регулирующей отношения между автономными производственными и территориальными единицами. Временная администрация избирается гражданами административной единицы или всей страны и ответственна перед выдвигающим её коллективом и всеми её избирателями.

На начальных этапах развития интеллектуального общества в условиях сохранения наций будут ещё сохраняться национальные государства со своей традиционной спецификой формирования сознания и общественного развития, но постепенно произойдёт процесс их объединения в форме конфедерации в единое интеллектуальное общество на основе международной кооперации.

Заинтересованное во всестороннем развитии каждой конкретной личности, способной внести свой специфический вклад в общечеловеческую культуру, интеллектуальное общество предлагает гражданам вырабатывать собственное мировоззрение на основе новейших достижений науки. Огосударствление идеологии как части мировоззрения должно быть запрещено. Должна быть предоставлена полная свобода проведения мировоззренческих дискуссий, включающих идеологию. Распространение антинаучных представлений через принуждение или в процессе образования должно быть запрещено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развернувшаяся в «перестройку» борьба за «очищение» отечественной социальной теории, вылилась в период политики «реформ» в уничтожение отечественной теории как таковой. Плюрализм, столь необходимый в быту, превратился в плюрализм мнений в гуманитарных науках, вообще, и в социологии, в частности. Один «специалист», исходя из собственного предпочтения, ухватился за общесоциологическую методологию Парсонза, другой — Леви-Стросса, третий силился создать доморощенную методологию и теорию. В результате в отечественной социологии вместо теории утвердился плюрализм мнений. Социология как учебный предмет превратилась в выливание на головы студентов ушата мнений, которые все были признаны нужными и полезными. Однако, что все теории и методологии не могут быть верными, ясно любому естествоиспытателю и любому мыслящему человеку. Теория двойственности истины, предложенная в XV веке Николаем Кузанским, лишь развела религию и науку. Теперешняя идея плюрализма в отечественной социологии просто лишила социологию социальной теории и верной методологии, а вместе с ними и статуса науки. Вернуть ей общесоциологическую теорию совершенно необходимо. Такую возможность предоставляет обращение к социальной истории.

История человечества это — стремление людей сохранить жизнь и улучшить её. Все сделанные людьми полезные инновации сохраняются в общественной культуре, и сама культура в этом отношении превращается в кладовую производительных сил. Именно производительные силы заставляют изменять общественные отношения так, чтобы они способствовали, а не препятствовали развитию производительных сил людей. При этом изобретение некоторых производительных сил оказывало столь решительное влияние на отношения людей, что возникали новые сферы производства как благ, необходимых человеку, так и самого человека как личности. Эти виды производительных сил легли в основу господствующих в обществе социальных систем, которые были и остаются свойственны всем странам и народам мира.

Обращение к социальной истории показало, что все общества, несмотря на значительную специфику, развиваются в одном направлении. Люди первобытного общества старательно осваивали то, что давали им производительные силы природы. С изобретением земледелия и скотоводства люди получили землю и скот как новые полуприродные производительные силы, создавшие новую сферу деятельности как новую сферу экономики — сельское хозяйство. В начавшейся борьбе за это дававшее средства существования средство производства потерпевшие поражение оказались под властью победителей и вынуждены были работать на них или отдавать часть созданных на «чужой» земле продуктов своего труда. Появились противоположные классы аристократов и слуг. Обладающие богатством и влиянием аристократы оказались у власти созданных ими государств. Для укрепления своей власти они создали идеологию, утверждающую их право на власть, подкрепив её религиозными доктринами, убеждающими в извечном и неземном происхождении их права на господство.

Совершенствуя свой быт и производство, люди стали создавать всё больше и больше вещей, отделив их производство в самостоятельную

отрасль хозяйства — ремесло, которое сначала было лишь придатком основного сельскохозяйственного производства. Однако по мере развития производства вещей в него были включены силы природы после изобретения использующей их техники. Благодаря этой технике ремесло переросло в промышленность, ставшую не только самостоятельной, но и ведущей отраслью хозяйства. Аграрное общество уступило место обществу индустриальному. В новом индустриальном обществе экономическая власть перешла к собственникам промышленных предприятий, а вслед за ней — и политическая власть. Наоборот, люди, не владеющие средствами производства, были вынуждены работать на их собственников, получая меньшую долю созданного ими богатства, в то время как собственник средств производства распоряжался оставленной у себя большей частью созданного богатства в соответствии со своими желаниями и возможностями.

Вместе с тем возникшая ещё в аграрном обществе необходимость обмена продуктами труда с изобретением денег превратилась в выделившуюся в зависимую от хозяйственной деятельности торговлю, которой стали заниматься перофессионалы-купцы, сосредоточившие в своих руках значительную долю богатства в форме денег, которые можно было обменять на самые разнообразные формы благ. Благодаря деньгам влияние богатых торговцев позволило им (особенно в индустриальную эпоху) войти во власть или оказывать на неё значительное влияние. По мере расширения сферы использования денег появилась социальная группа, занимающаяся ссужением их нуждающимся под проценты, — ростовщики. В индустриальную эпоху ростовщики, превратившиеся в банкиров, сосредоточили в собственности огромные богатства, принявшие форму финансового капитала, который наряду с промышленным и торговым капиталом позволил их владельцам держать и политическую власть.

Однако по мере развития производства и общества и необходимости регуляции не только производственных, но и всех общественных отношений требовалось всё более и более людей, занятых регуляцией отношений между людьми, которые сначала набирались преимущественно из класса аристократов, но позднее стали вербоваться из разных социальных слоёв, и в индустриальную эпоху составили самостоятельный класс бюрократов. По мере развития государственного сектора роль бюрократов постоянно росла и в эпоху государственного капитализма они превратились в неофициальных, но реальных собственников средств производства, сосредоточив в своих руках экономическую и политическую власть.

Поскольку аграрное общество, обеспечив человечество продуктами питания, уступило место обществу индустриальному, то в наше время и индустриальное общество также выполнило свою роль, обеспечив людей необходимыми предметами быта, возникла необходимость в замене индустриального общества обществом интеллектуальным, главной функцией которого станет не только удовлетворение человечества в расширенном производстве физически здоровых и развитых людей, но и обеспеченных духовным развитием до такой степени, что они становятся способны не только развивать свои знания и изменять в своих интересах окружающую среду, но осознавать свою ответственность за сохранение и развитие всей природной и социальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиева Ю.П. Индейские племена Североамериканских степей и плато // Народы Америки / Общ. ред. С.П. Толстов. Т. 1. М., 1959.
2. Аверкиева Ю.П. Индейцы северо-западного побережья Северной Америки // Народы Америки. Т. 1.
3. Аверкиева Ю.П., Бломквист Е.Э. Охотничьи племена Американского Севера // Народы Америки. Т. 1.
4. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 2004.
5. Алаев Л.Б. Община // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
6. Алимова Н.К. Современные проблемы рынка интеллектуального (научного) труда // Наукоедение. Интернет журнал. 2011, №3(8).
7. Историческая социология — зачем и как? // Социологические исследования. 2005, №5.
8. Антинаучная сенсация (О «гипотезах» А.Т. Фоменко и его сподвижников). М., 2001.
9. Барг М.А. Английская буржуазная революция // Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961.
10. Барг М.А. Вилланство // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
11. Барг М.А. Коммутация // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965.
12. Барг М.А. Копигольд // Советская историческая энциклопедия. Т. 7.
13. Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1900.
14. Бахта В.М. К вопросу о структуре первобытного производства // Вопросы истории. 1960, №7.
15. Бахта В.М. Общественное производство у аборигенов Австралии и папуасов Восточной Новой Гвинеи (опыт сравнительного анализа). Авториферат диссертации, представленной на соискание степени кандидата исторических наук. М., 1963.
16. Башилов В.А. Чавин // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974.
17. Белоцерковский В.И. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002.
18. Бемон Ш. и Моно Г. История Европы в средние века (395 — 1270). Петроград, 1915.
19. Берёзкин Ю.Е. Послесловие // Стингл М. Слава и смерть «сыновей Солнца». Государство инков. М., 1986.
20. Бессмертный Ю.Л. Серваж // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969.
21. Бломквист Е.Э., Аверкиева Ю.П. Индейцы северо-восточного и приозёрного районов США (ирокезы и алгонкины) // Народы Америки. Т. 1.
22. Бобров М.Я. Законы исторической социологии и методы их исследования. Барнаул, 1999.
23. Борисов Ю.В. Франция // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974.
24. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.
25. Бруно Дж. Диалоги. М., 1949.
26. Булыгин И.А. Вотчинная промышленность // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
27. Бурдые П. Начала. Choses dites. М., 1994.
28. Бутинов Н.А. Папуасы Новой Гвинеи // Народы Австралии и Океании / Под ред. С.А. Токарева, С.П. Толстова. М., 1956.
29. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.-Л., 1929.

30. Валлон А. От действия к мысли. Очерки сравнительной психологии. М., 1956.
31. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Киев, 1994.
32. Вишняцкий А.Б. Человек в лабиринте эволюции. М., 2004.
33. Волков А. Загадки святилища пуповинной горы // anomalia.kulichki.ru>news13/678.htm
34. Волков М.Я. Мануфактура в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966.
35. Вольтер Ф.М. Философия истории. СПб., 1868.
36. Вронский О.Г., Колосов Д.В., Родин А.И. История отечества с древнейших времён до наших дней. Пособие для старшекласников и абитуриентов. Экзамен на отлично. М., 2003.
37. Всемирная история от Древнего Вавилона до наших дней. Минск, 2008.
38. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
39. Германия // Википедия ru.wikipedia.org>
40. Геродот. История. В девяти книгах. Л., 1972.
41. Гесиод. Работы и дни. Настольная книга древнегреческого фермера. Иркутск, 1992.
42. Гидденс Э. Социология. М., 2005.
43. Голубцова Н.И. Илоты // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964.
44. Гольман Л.И. Лендлордизм // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965.
45. Грановский Т.И. Сочинения. М., 1900.
46. Гринин Л.Е. Периодизация истории: теоретико-математический анализ. История и математика. Проблемы периодизации исторических макропроцессов / Ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М., 2006.
47. Гринин Л.Я. Философия, социология и теория истории (опыт философско-социологического анализа некоторых общественных законов и построения теории всемирно-исторического процесса. Волгоград, 2007.
48. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М., 1961.
49. Грязнова О.С., Подвойский Д.Г. О понятии и дисциплинарном статусе исторической социологии // Социологические исследования. 2006, № 7.
50. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
51. Гуревич П.С. Культурология. М., 2001.
52. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
53. Дельнов А.А. Китайская империя от сына неба до Мао Цзедуна. М., 2013.
54. Джерф-эль-Ахмар // Википедия ru.wikipedia.org>
55. Дробижева Л.М. История и социология. М., 1971.
56. Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? М., Чита, 2002.
57. Дунаевский В.А. Франция // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
58. Думан Л.И. Инь // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965.
59. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991.
60. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.
61. Егорова Е.А., Кучмаева О.В. Труд // Социологическая энциклопедия / Отв. ред В.Н. Иванов. Т.2. М., 2003.
62. Ерофеев Н.А. Промышленный переворот // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968.

63. Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи (Систематика, география, цитогенетика, экология, происхождение, использование). Л., 1964.
64. Зак Л.А. Великобритания // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
65. «Зелёные»: идеология и политика (Гранов В.Д., Васин В.Г., Орлов Б.С., Фогелер Я.Т.). М., 1985.
66. Зильберман М.И. Земля Хаананейская. Кн. II // berkovich-zametki.com>2011/Zametki/Nomer10?
67. Зубов А.А. О расово-диагностическом значении некоторых онтологических признаков // Советская этнография. 1968, №3.
68. Иванов-Петров А. Гёбекли-Тепе: 12 тысяч лет назад // ivanov_petrov.livejournal.com>1478072.html
69. Илюшечкин В.П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986.
70. Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в социально-классовых обществах. Опыт системно-структурного исследования. М. 1990.
71. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества. М., 1996.
72. Ильичёв Л.Ф. Исторический материализм. Проблемы методологии. М., 1983.
73. Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М., 1999.
74. Историческая социология: опыт и перспективы // Социологические исследования. 2005, №1.
75. Историческая социология. Хрестоматия / Сост. С.В. Зубов. Саратов, 2008.
76. История Европы / Пред. ред. коллегии З.В. Удальцова. Т. 1. (Древняя Европа) / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1988.
77. Кабо В.Р. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы. Этнографические очерки / Отв. ред. Н.А. Бутинов, А.М. Решетов. Л., 1980.
78. Казённые заводы // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965.
79. Калачов Н.О. О значении изгоев и состояния изгойства в древней Руси // Архив историко-юридических сведений относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1850.
80. Каменные круги Гёбекли-Тепе // amazingmeridian.ru>2011/j2/blog-post_06.html
81. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1–12. СПб., 1962–1968.
82. Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса). Пг., 1915.
83. Карпенко О.М., Бершадская М.Д., Вознесенская Ю.А. Показатели уровня образования населения в странах мира: анализ данных международной статистики // Социология образования. 2008, №6.
84. Кацнельсон И.С. Сказки папируса Весткар // Краткие сообщения Института народов Азии. №46. Древний Восток. М., 1962.
85. Кацнельсон И.С. Египет. Страна и её история // Советская историческая энциклопедия. Т.5. М., 1964.
86. Кацнельсон И.С. Керма // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965.
87. Кацнельсон И.С. Напата и Мероэ — древние царства Судана. М., 1970.
88. Кацнельсон И.С. Египет. Страна и её история // Культура древнего Египта / Отв. ред. И.С. Кацнельсон. М., 1975.
89. Кацнельсон И.С. Художественная литература // Культура древнего Египта.
90. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981.
91. Кинк Х.А. Производственная роль дерева в эпоху перехода от камня к меди // Краткие сообщения Института народов Азии. №46. Древний Восток.

92. Кирсанов К.А., Буянов В.П., Михайлов Л.М. Теория труда. Учебное пособие. М., 2003.
93. Клароты // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965.
94. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1–4, М., 1987.
95. Кобищанов Ю.М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии Востока (азиатский способ производства) / Ред. Г.Ф. Ким и др. М., 1966.
96. Кобищанов Ю.М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982.
97. Кобищанов Ю.М. Полудье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.
98. Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации // Вопросы истории. 1998, № 4–5.
99. Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1997.
100. Ковальченко И.Д. Промышленный переворот в России // Советская историческая энциклопедия. Т. 11, М., 1968.
101. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
102. Козлов В.И. Рабство // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968.
103. Кондорсэ Ж.А. Прогресс человеческого разума. СПб., 1909.
104. Константинов И. Самые древние города на земле // [orgdosung.ru>pub.php?pid=2381](http://orgdosung.ru/pub.php?pid=2381)
105. Конт О. Курс положительной философии. Т. 1. СПб., 1899; Т.2. СПб., 1900.
106. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.
107. Коростовцев М.А. Религия // Культура древнего Египта.
108. Коростовцев М.А. Язык и письмо древних египтян // Культура древнего Египта.
109. Коростовцев М.А. Писцы, школы, библиотеки // Культура древнего Египта.
110. Коростовцев М.А. Театр // Культура древнего Египта.
111. Коростовцев М.А. Музыка в древнем Египте // Культура древнего Египта.
112. Коростовцев М.А. Спорт в древнем Египте // Культура древнего Египта.
113. Коростовцев М.А. Наследие древнего Египта // Культура древнего Египта.
114. Косминский Е.А., Левицкий Я.А. Великобритания // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
115. Кремлёв Н.Т. Новые левые // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов, Г.В. Осипов. М., 1986.
116. Кремлёв Н.Т. Община // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии.
117. Кремлёв Н.Т. Тотемизм // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии.
118. Кремлёв Н.Т. Табу // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии.
119. Кремлёв Н.Т. Природная среда как социологическая проблема. Борьба радикалистских и консервативных устремлений в «экосоциологических» исканиях зелёных // Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций. М., 1986.
120. Кремлёв Н.Т. Эко-социология зелёных. (Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук). М., 1955.
121. Кремлёв Н.Т. Табу // Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995.
122. Кремлёв Н.Т. Табу // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

123. Кремлёв Н.Т. Роль культуры в развитии общества // Социально-гуманитарные знания. 2001, №5.
124. Кремлёв Н.Т. Производительные силы // Социологическая энциклопедия / Отв. ред. В.Н. Иванов. Т.2. М., 2003.
125. Кремлёв Н.Т. Рабство // Социологическая энциклопедия. Т. 2.
126. Кремлёв Н.Т. Феодализм // Социологическая энциклопедия. Т. 2.
127. Кремлёв Н.Т. Государство всеобщего благоденствия // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичёв. М., 2008.
128. Кремлёв Н.Т. Интеллигенция // Социологический словарь.
129. Кремлёв Н.Т. Каста // Социологический словарь.
130. Кремлёв Н.Т. Обряд // Социологический словарь.
131. Кремлёв Н.Т. Символика социальная // Социологический словарь.
132. Кремлёв Н.Т. Интеллектуальное общество // Культура. Народ. Экосфера. Труды социокультурного семинара имени В.В. Бугровского / Науч. ред. А.М. Степанов, Б.В. Дроздов, В.М. Капустян, В.Н. Юрашко. Вып. 3–4. М., 2009.
133. Кремлёв Н.Т. Этапы развития общества // Культура. Народ. Экосфера. Вып. 3–4.
134. Кремлёв Н.Т. Эко-социальная программа зелёного движения // Культура. Народ. Экосфера. Вып. 5–6. М., 2011.
135. Кремлёв Н.Т. Основы теории общества // Культура. Народ. Экосфера. Вып. 8. М., 2015.
136. Кремлёв Н.Т. Объяснение характера мегалитического сооружения в Гёбекли-Тепе // Культура. Народ. Экосфера. Вып.8.
137. Кремлёв Н.Т., Чупрынин А.И. Развитие общества, западная социология и перестройка. М., 1990.
138. Кристенсен С.О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989.
139. Крол А.А. Хеб-седный бег вокруг знаков dnbw и проблема локализации «белых стен» Мемфиса // Вестник древней истории. 2008, №3(266).
140. Кудинов В.В. Историческая социология // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии.
141. Кудинов В.В. Историческая социология // Современная западная социология. Словарь / Сост. Ю.Н. Давыдов, М.С. Ковалёва, А.Ф. Филиппов. М., 1990.
142. Кузищин В.И. Колонат // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1962.
143. Кунов Г. Социология, этнология и материалистическое понимание истории. Киев, 1905.
144. Лампрехт К. История германского народа. Т. I–III. М., 1894–1896.
145. Ланглуа Ш.В. и Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899.
146. Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. Вып. 1. Историография и методология исторической социологии. М., 1977.
147. Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. М., 1977.
148. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.
149. Ленцман Я.А. Крито-микенская культура // Советская историческая энциклопедия. Т.8. М., 1965.
150. Липперт Ю. История культуры. Л., 1923.
151. Ловмянский Г. Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян // Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков / Ред. Б.А. Рыбаков и др. Киев, 1972.
152. Лукреций Кар Т. О природе вещей. М., 1983.

153. Лушань // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965.
154. Максимов Е.Н. Папирус 1115 из собрания Государственного Эрмитажа и надпись царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри (изучение лексики папируса) // Краткие сообщения Института народов Азии. №46. Древний Восток.
155. Манфред А.З. Французская буржуазная революция конца 18 века // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974.
156. Маретин Ю.В. Народы Суматры // Народы Юго-Восточной Азии / Под ред. А.А. Губера и др. М., 1966.
157. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
158. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
159. Массовые демократические движения: Истоки и политическая роль / Г.И. Вайнштейн, В.Н. Дахин, А.Г. Ивахник и др. М., 1988.
160. Материалы к изданию истории государства и права России. «Русская правда». М., 2002.
161. Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1996.
162. Медведев М.Ю. Альтернативная экономика. Критический взгляд на современную науку и практику. Практическое пособие. М., 2013.
163. Мещерякова М.Н. Мануфактура // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966.
164. Милитарёв А.Ю. Всесоюзная конференция «Лингвистическая реконструкция и древняя история Востока»(проблемы междисциплинарных исследований) // Народы Азии и Африки. 1985, №5.
165. Миронов Б.Н. Историк и социология. Л., 1984.
166. Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004, №10.
167. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955.
168. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934.
169. Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XV века. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачёва. М., 1982.
170. Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внеисторической прародины человечества. Новосибирск. 1992.
171. Мочика // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М., 1966.
172. Назаров В.Д. Судебники // Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971.
173. Натуйфийская культура // Википедия ru.wikipedia.org/wiki
174. Немировский А.И. Апеннинская культура // Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961.
175. Немировский А.И. Террамары // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973.
176. Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XV века.
177. Новгородская феодальная оеспублика // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
178. О Гёбекли-Тепе: 12 тысяч лет назад // hapiru.ru>article1-8.html
179. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока (азиатский способ производства) / Ред. Г.Ф. Ким и др. М., 1966.

180. Общественно-экономические формации: Проблемы теории / Отв. ред. Х.Н. Момджян. М., 1978.
181. Павлов В.И. Промышленный переворот // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968.
182. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.
183. Павлов-Сильванский Н.П. Огнищанин (Приложение II) // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России.
184. Педан С.А., Павенков В.Г. Историческая социология. Учебник. СПб., 2001.
185. Пенесты // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
186. Повесть временных лет // Сердца из крепкого булата / Пред. ред. колл. М.Н. Алексеев. М., 1990.
187. Полюдь: всемирно-историческое явление / Под общ. ред. Ю.М. Кобищанова. М., 2009.
188. Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XV века.
189. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
190. Рапов О.М. О некоторых аспектах княжеского землевладения в Киевской Руси // Становление раннефеодальных славянских государств.
191. Редер Д.Г. Мифологическое мышление и зачатки научного мировоззрения в древнем Египте // Культура древнего Египта.
192. Редер. Д.Г. Законодательство в древнем Египте // Культура древнего Египта.
193. Рейналь (Г.) Философическая и политическая история о Заведениях и коммерции Европейцев в обеих Индиях. Ч. 1. СПб., 1805.
194. Рожков Н.И. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. 1–12. Л.-М., 1918–1926.
195. Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск, 2009.
196. Ролова А.Д. Флоренция // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. М., 1974.
197. Романовский Н.В. Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социологические исследования. 1998, №5.
198. Романовский Н.В. Социология историческая // Социологическая энциклопедия. Т. 2.
199. Романовский Н.В. К итогам «круглого стола» по исторической социологии // Социологические исследования. 2006, №7.
200. Романовский Н.В. Историческая социология. М., 2009.
201. Рубинштейн Р.И., Шуринова Р.Д. Изобразительное искусство и архитектура // Культура древнего Египта.
202. Румянцев А.М. Первобытный способ производства. Политико-экономический очерк. М., 1987.
203. Савельева Т.Н. О значении термина «люди» (rmtj.w) в надписях Древнего царства // Краткие сообщения Института народов Азии. №46. Древний Восток.
204. Савельева Т.Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.
205. Савельева Т.Н. Материальная культура древнего Египта // Культура древнего Египта.
206. Сахаров А.М. Вече // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
207. Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV-XVII вв. М., 1969.
208. Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1998.
209. Свистунов С. Древние предки американцев // Правда. 4 июня 1986.

210. Семёнов В.Ф. Огораживания // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
211. Сен-Симон К.А. Избранные сочинения. Т. 1–2. М.-Л., 1948.
212. Сервы // Советская историческая энциклопедия. Т.12. М., 1969.
213. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 1. Территория и население. М., 2007.
214. Сказки и мифы Океании / Под ред. Д.А. Ольдерогге и др. М., 1970.
215. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. Т. 1. СПб., 1866.
216. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас / Пер. и ред. А.В. Леденёвой. Новосибирск, 1995.
217. Созина С.А. Паракас // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
218. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. I-XV. М., 1988–1995.
219. Социология и власть. Сборник 2. Документы 1969–1972 / под ред. Л.Н. Москвичёва. М., 2001.
220. Спенсер Г. Основания социологии. Т.1–2. СПб., 1998.
221. Стингл М. Государство инков. Слава и смерть «сыновей Солнца». М., 1986.
222. Стратонович Г.Г. Народы Бирманского Союза // Народы Юго-Восточной Азии.
223. Струве В.В. Действенность культуры древнего Египта // Культура древнего Египта.
224. Стучевский И.А. О некоторых особенностях структуры хозяйства номов в Египте эпохи Среднего царства // Краткие сообщения Института народов Азии. №46. Древний Восток.
225. Стучевский И.А. Зависимое население древнего Египта. М., 1966.
226. Стучевский И.А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // Вопросы истории. 1966, №6.
227. Стучевский И.А. Научная мысль в древнем Египте // Культура древнего Египта.
228. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
229. Татищев В.Н. История российская в 7 томах. М.-Л., 1962–1968.
230. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1994.
231. Тахтарев К.М. Наука об общественной жизни, её явлениях, их соотношениях и закономерностях: опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг., 1919.
232. Тахтарев К.М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. I-II. Л., 1924.
233. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991.
234. Токарев С.А. Хозяйство и материальная культура австралийцев до начала европейской колонизации // Народы Австралии и Океании / Под ред. С.А. Токарева, С.П. Толстова, М., 1956.
235. Токарев С.А. Общественный строй австралийцев // Народы Австралии и Океании.
236. Токарев С.А. Религия австралийцев // Народы Австралии и Океании.
237. Токарев С.А. Хозяйство и материальная культура меланезийцев // Народы Австралии и Океании.
238. Токарев С.А. Общественный строй меланезийцев // Народы Австралии и Океании.
239. Токарев С.А. Религия меланезийцев // Народы Австралии и Океании.
240. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1965.
241. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
242. Токарев С.А., Блинов А.И. Общественный строй полинезийцев в прошлом // Народы Австралии и Океании.

243. Токарев С.А., Блинов А.И. Религия полинезийцев в прошлом // Народы Австралии и Океании.
244. Токарев С.А., Блинов А.И. Население острова Пасхи // Народы Австралии и Океании.
245. Токарев С.А., Блинов А.И., Бутинов Н.А. Народы Новой Зеландии // Народы Австралии и Океании.
246. Токарев С.А., Бломквист Е.Э. Языки и письменность коренного населения Америки // Народы Америки. Т. 1.
247. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1997.
248. Тощенко Ж.Т. Социология: общий курс. М., 1999.
249. Трайнин Г.А., Степанова М.В., Ляпунова Р.Г. Алеуты // Народы Америки. Т. 1.
250. Трухановский В.Г. Великобритания // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963.
251. Тюрго А.Р. Рассуждение о всеобщей истории. // Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М., 1937.
252. Утченко С.Л., Штаерман Е.М. Рим (Древний) // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969.
253. Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества (XIII международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г.). М., 1970.
254. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000.
255. Флоря Б.Н. Смерды // Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971.
256. Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь. Вып.2. Табу — запреты. М., 1928.
257. Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь. Ч. I-II. М., 2001.
258. Фридман Э.П. Этюды о природе обезьян. Занимательная приматология. М., 1991.
259. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С.Л. Утченко. М., 1962.
260. Чайлд Г.В. Прогресс и археология. М., 1949.
261. Чатал-Хююк // Википедия ru.wikipedia.org
262. Чебоксаров Н.Н. Китайцы // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965.
263. Черных А.И. Историческая социология: Становление социальных институтов Советской России (20-е годы). Автореферат на соискание степени доктора социологических наук. М., 1997.
264. Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социологические исследования. 2002, №2.
265. Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция 16 века // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967.
266. Чистозвонов А.Н. Нидерланды // Советская историческая энциклопедия. Т. 10.
267. Чистозвонов А.Н. Нидерланды исторические // Советская историческая энциклопедия. Т. 10.
268. Шаскольский И.П. О начальных этапах формирования древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств.
269. Шмидт К. Они строили первые храмы: Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли-Тепе. СПб., 2011.
270. Шнирельман В.А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства // Советская этнография. 1974, №3.
271. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1–2. М., 1998.

272. Штернберг (Ратнер) С.А., Токарев С.А., Шаревская Б.И. Племена Калифорнии и Большого бассейна // Народы Америки. Т. 1.
273. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
274. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
275. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
276. Энтов Р.М. Кризисы экономические // Советская историческая энциклопедия. Т.8. М., 1965.
277. Юшков Е.В. Курс истории государства и права СССР. Т. 1. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
278. Яновский О.Н. Историческая социология: поиск истины // Социологические исследования. 2009, №6.
279. Amery C. Natur als Politik: Die ökologische Chance des Menschen. Reinbec bei Hamburg, 1978.
280. Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. L., 1974.
281. Barnes H.E. Historical sociology: Its Origins and Development. Theories of Social Evolution from Cave Life to Atomic Bombing. N.Y., 1948.
282. Becker H., and Barnes H.E. Social Thought from lore to science. V. 1–2. Wash., 1952, V.3. N.Y., 1961.
283. Bell D. The Reforming of General Education. N.Y., 1966.
284. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
285. Benselers Griechisch-Deutsches Vörterbuch / Bearbeitet von Adolf Kaegi. Leipzig, 1981.
286. Biezuńska-Małowist. Quelles formes non typiques de l'esclavage dans le monde ansiene // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.
287. Boggs C. The greens anti-militarism and the global crisis // Radical America. V. 17. 1983, №1.
288. Bookchin M. Remaking Society. Montreal-N.Y., 1989.
289. Brzezinsky Z. Between two ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y., 1970.
290. Brzezinsky Z. The Fragile Blossom. Crisis and Change in Japan. N.Y.-Evanston-San Fransisco-L., 1972.
291. Clark C. The Conditions of Economic Progress. L.-N.Y., 1940.
292. Comte Au. Système de politique positive. T. 1–4. P., 1851–1854.
293. Corey L. The Crisis of the Middle Class. N.Y., 1935.
294. Cutler R.L. The Liberal Middle Class: Maker of Radicals. New Rochelle-N.Y., 1973.
295. "Da packt dich irgendwann'ne Wut" // Der Spiegel. 34Jg. 1980, №52.
296. Diggins J.P. The American Left in the Twentieth Century. N.Y.-Chicago-San Francisco-Atlanta, 1973.
297. Ebermann Th., Trampert R. Die Zukunft der Grünen: Ein realistisches Konzept für eine radikale Partei. Hamburg, 1985.
298. Ehrenreich B. and J. The Professional-Managerial Class // Radical America. V. 11. March-April 1977, №2.
299. Ehrenreich B. and J. The New Left: A Case Study in Professional-Managerial Class Radicalism // Radical America. V. 11. May-June 1977, №3.
300. Eichhorn K.T. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. T. 1–4. Göttingen, 1819–1844.
301. Eisenstadt S.N. European Civilisation. Comparative Perspective. A Study in the Relations between Culture and Social Structure. Oslo, 1987.

302. Fisher A.G. Production — Primary, Secondary, and Tertiary // *The Economic Record*. (1939), №15.
303. Flechtheim O.K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg, 1987.
304. Fourastié J. Le Grand Espoir du XXe siècle. Progrès technique, progrès économique, progrès social. P., 1949.
305. Gardiner A.H. Egyptian Grammar. L., 1950.
306. Geschichte und Soziologie / Hrsg. v. H.-U. Wehler. Köln, 1972.
307. Giddings F.H. Studies in the Theory of Human Society. N.Y., 1926.
308. Gorz A. Écologie et politique. P., 1978.
309. Gouldner A.W. The Future of Intellectuals and the Rise of a New Class. A Frame of Reference, Theses, Conjectures, Arguments, and an Historical Perspective on the Role of Intelligentsia in the International Class Contest of the Modern Era. N.Y.-Toronto, 1982.
310. Die Grünen: Personen — Projekte — Programme / Hrsg. v. H.-W. Lüdke u.O. Ginné. Stuttgart- Degerloch, 1980.
311. Hagelstange Th. Die Entwicklung von Klassenstrukturen in der EG und in Nordamerika. Frankfurt a. M.-N.Y., 1987.
312. Hornung E. Altägyptische Höllenvorstellungen. B., 1979.
313. Iggers G.G. Neue Geschichtswissenschaft vom Historismus zur historischen Sozialwissenschaft. Ein Internationaler Vergleich. München, 1978.
314. Illich I.D. Tools for conviviality. L., 1973.
315. Illich I. Vom Recht auf Gemeinschaft. Reinbeck bei Hamburg, 1982.
316. Inglehart R. Wertwandel und politischer Verhalten // Sozialer Wandel in Westeuropa / Hrsg. v. J. Mattes. Frankfurt a. M.-N.Y., 1979.
317. Jänike M. Staatsversagen. Die Ohnmacht der Politik in der Industriegesellschaft. München-Zürich, 1986.
318. Kahn H., Wiener A.J. The year 2000. N.Y.-L., 1967.
319. Karnath J., Reifenhäuser I., Karnath D. Wirtschaftswandel alternativ. Frankfurt a. M., 1987.
320. Karvalics L.Z. Information Society — What is it exactly? (The meaning, history and conceptual Framework of an expression.). Budapest, 2007.
321. Kelley K.J. Readers! Break free of the chains // *The Guardian*. Book review supplement. Summer 1985.
322. Landefeld B. Klassenkampf und Persönlichkeitsentwicklung // *Marxistische Blätter*. 17Jg. 1979, №1.
323. Lane R.E. The Decline of Politics and Ideology in a Knowledgeable Society // *American Sociological Review*. V. 1. No.5. October 1966.
324. Letter from the Ehrenreichs // *Radical America*. V. 13. N.3, March-April 1978.
325. Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton (N.Y.), 1962.
326. Martic M. Isurrection. Five Schools of Revolutionary Thought. N.Y., 1975.
327. Moore B. Jr. Political Power and Social Theory. Six Studies. Cambridge (Mass.), 1958.
328. The New Left Reader / Ed. By Oglesby. N.Y., 1969.
329. Niebur B.J. Römische Geschichte. Bd.1–3. B., 1873–1874.
330. Nisdet R.A. Social Change and History. Aspectsof the Western Theory of Development. N.Y., 1969.
331. Parkin S. Green Parties: An International Guide. L., 1989.
332. Raschke J. Soziale Bewegungen. Ein historisch-systematischer Grundriß. Frankfurt/M., 1985.
333. Recktenwald H.C. Unwirtschaftlichkeit in Staatssektor. Elemente einer Theorie des ökonomischen Staats “versagen“ // *Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts und Gesellschaftspolitik*. Tübingen, 1978.

- 334. Reisner G.A. Excavations at Kerma. Cambridge (Mass.), 1923.
- 335. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A non-communist manifesto. Cambridge, 1960.
- 336. Savigny F.K. Geschichte des Römischen Rechts in Mittelalters. Bd.1–7. Heidelberg, 1826–1851.
- 337. Schmidt E. Was läßt sich aus Betriebsbesetzungen lernen // Perspektiven ökologischer Wirtschaftspolitik: Ausätze zur Kultivierung von ökonomischer Neuland / Hrsg. v. Projektgruppe Grüner Morgentau. Frankfurt a. M.-N.Y., 1986.
- 338. Seddon D. The Origins and Development of Agriculture in East and Southern Africa // Current Anthropology. V. 9. 1968, N.5, P. II.
- 339. Skocpol Th. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge-L.-N.Y.-New Rochelle-Melbourne.-Sidney, 1984.
- 340. Smith D. The Rise of Historical Sociology. Cambridge, 1991.
- 341. Sociology and History: Methods / Ed. by S.M. Lipset and R. Hofstadter. N.Y.-L., 1968.
- 342. Spenser H. Descriptive sociology. V.1–15. L., 1873–1934.
- 343. Statistical Yearbook 2010. Fifty-fifth issue. Data available as of December 2011. // Department of Economic and Social Affairs. Statistical Division. N.Y., 2012.
- 344. Teichert F. Strukturwandel der Arbeitgesellschaft // Perspektiven ökologischer Wirtschaftspolitik.
- 345. Theodorsen G., Theodorsen A. A modern dictionary of Sociology. N.Y., 1962.
- 346. Tilly Ch. Sociology meets History. N.Y.-L.-Toronto-Sydney-San Francisco, 1981.
- 347. Touraine A. La societe postindustrielle. P., 1969.
- 348. Toynbee A.J. The challenge of our era changes and habits. L., 1966.
- 349. Toynbee A., Ikeda. Choose Life. L., 1976.
- 350. Trinkl J. The Greening of 'Danny the Red' // The Guardian. May 29 1985.
- 351. World Statistics Pocketbook 2011 // Department of Economic and Social Affairs. Statistical Division. N.Y., 2012.
- 352. Wörle M. Finanzierungstrategien von Alternativbetrieben // Perspektiven ökologischer Wirtschaftspolitik.
- 353. Wright E.O. Class counts. Comparative studies in class analysis. Cambridge, 1997.

Кремлёв Николай Тихонович

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Вопросы теории общественного развития

Издатель: Центр социологических исследований
127106, г. Москва, ул. Гостиничная, дом 9
Тел. (495) 482-18-38
Email: info@ru-research.ru

Редактор
Щадилова К.А.

Корректор
Никифоров Б.А.

Компьютерная верстка и дизайн обложки
Е.В. Чичилов

Подписано в печать 15.12.2015. Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 53,3. Тираж 250.
Заказ

Отпечатано в «Академиздатцентр» «Наука» РАН ОП «Производственно-
издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская область, г. Люберцы,
Октябрьский проспект, дом 403.
Тел./факс (495) 554-21-86, 5544-25-97, 974-69-76

Для заметок
